Е. Ф. КАРСКИЙ

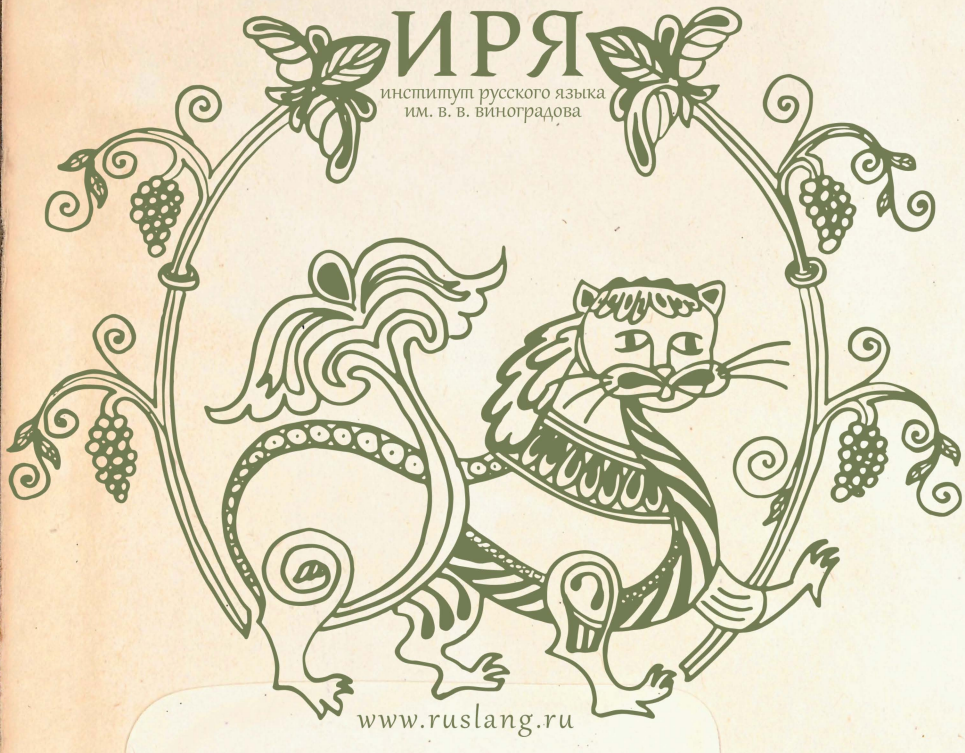
БЕЛОРУСЫ

ЯЗЫК БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

ВЫПУСК

2-3

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

51503

4
K-26

АКАДЕМИЯ НАУК БССР
Институт языкознания

Е. Ф. КАРСКИЙ

БЕЛОРУСЫ

ЯЗЫК БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Выпуск второй

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
И СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ
В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Выпуск третий

ОЧЕРКИ СИНТАКСИСА
БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Издательство
Академии наук СССР
Москва 1956

4
К-26
БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А.Н. СССР
51503

Редактор доктор филологических наук
проф. В. И. БОРКОВСКИЙ

ОТ РЕДАКТОРА

Издавая (в одной книге) второй выпуск II тома «Белорусов», посвященный историческому очерку словообразования и словоизменения в белорусском языке, и третий выпуск того же тома, содержащий очерки синтаксиса белорусского языка, Академия наук БССР тем самым заканчивает публикацию капитального труда академика Евфимия Федоровича Карского «Белорусы», уже давно ставшего библиографической редкостью.

При подготовке к печати второго и третьего выпусков редактор руководствовался теми же принципами, которые были положены им в основу работы над первым выпуском: учесть все дополнения и поправки, сделанные самим автором (на полях авторского экземпляра, в третьем выпуске II тома «Белорусов» и т. д.).

Принадлежащих лично редактору поправок и дополнений нет, так как редактор считал необходимым полностью сохранить авторский текст.

Читателю второго и третьего выпусков II тома «Белорусов» следует иметь в виду, что список источников помещен в первом выпуске (стр. 11—31).

В. И. Борковский

Выпуск

ВТОРОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ ВТОРОГО ВЫПУСКА

Настоящий 2-й выпуск II тома «Белорусов», посвященный морфологии белорусского языка, основывается на тех же источниках, что и первый выпуск, служа непосредственным его продолжением. И здесь целью автора было прежде всего по возможности полно собрать факты старого западнорусского языка и современных белорусских говоров, расположить их по соответствующим отделам и статьям и дать посильное их объяснение применительно к установившимся в науке русского языковедения взглядам. Широкие обобщения, окончательное выяснение исторических процессов в жизни русского языка, равным образом точное и решительное установление отношения белорусского языка к русскому и украинскому, по мнению автора, в настоящее время еще невозможны, так как необходимо закончить детальную разработку белорусского языка и, кроме того, выждать появление трудов, всесторонне рассматривающих языковой материал русского и особенно украинского языка. Гипотезы, построенные теоретически, опирающиеся на незначительное количество фактов, часто случайных, со временем могут оказаться не имеющими под собой именно исторической почвы и, следовательно, лишенными цены, тогда как факты языка никогда не потеряют значения.

Выпуская в свет настоящую работу, автор не может не выразить глубокой благодарности Совету Варшавского университета за доставленные средства на ее издание и Академии наук за присуждение автору полной премии П. Н. Батюшкова за вышедшие I том и первый выпуск II тома «Белорусов», что поддержит энергию в продолжении предпринятого нелегкого труда по изучению языка и народной поэзии белорусского народа.

Варшава
1911 г., февраль

БЕЛОРУСЫ

Оудобѣе есть послѣжде потворити·
неже правое сътворити·

Черноризец Храбр

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Слова в белорусском языке, как и в русском, украинском и других славянских и индоевропейских языках, с чисто грамматической точки зрения могут быть расчленяемы на корни и разные аффиксы; к последним принадлежат префиксы и суффиксы; одни из суффиксов, обозначая лишь грамматические категории, к которым принадлежат слова, различные между собою по реальному значению, служат для образования основ, а другие, выражая соотношение между словами, имеющими одну и ту же основу и сходное значение, составляют отличительный признак тех или других склоняемых и спрягаемых форм (флексии). Конечно, не всякое слово имеет все перечисленные части, особенно в современном состоянии белорусского языка: а) есть слова, которые вследствие позднейших упрощений, вызванных причинами фонетическими или психическими, состоят из одного корня (нос, ӣи); б) другие состоят только из корня и суффикса, меняющегося по падежам или лицам (нудá, пóл'å, л'ǎзу); в) третьи — из корня и суффикса, служащего обыкновенно для образования основ (ўаўчáр, к'и́н'); г) четвертые представляют и корень, и суффикс для образования основ, и суффикс падежный или личный (бáц'кå, сту́кн'єц'ь); д) все эти четыре рода слов могут еще иметь перед собою разные префиксы (пóгл'ад, вы́л'и, пару́ка, ўзл'ǎзу, заслу́га, н'ǎхрыс'ц', ådамкну́ц'и).

От общерусского языка, а при посредстве его и от общеславянского, белорусский язык унаследовал вместе со старинными образованиями, часто восходящими еще к индоевропейской эпохе, и другие способы словопроизводства — посредством удвоения корня слова (тарато́рыц', п'ӓрап'о́лка), а также — сложения или слития разных самостоятельных корней и слов (в'ӓрбало́с, в'ад'з'м'єц', л'ǎтас'). Понятно, что и слова последней категории могут иметь в свою очередь также разные аффиксы (в'ад'з'м'ǎжы, л'ǎташ'ни, н'ичагу́с'анк'и).

В настоящем отделе мы не будем заниматься рассмотрением всех частей белорусского слова: мы коснемся лишь особенностей в образовании основ склоняемых и спрягаемых слов, а также разберем отличия неизменяемых частей речи; суффиксы падежные и личные (склоне-

ния и спряжения) рассмотрим в системе в следующем отделе — об изменении слов. Не будем мы касаться и корней белорусских, не представляющих по своей структуре никаких особенностей (кроме подчас чисто фонетических) сравнительно с корнями общерусскими и общеславянскими[1].

Во избежание каких бы то ни было недоразумений в последующем, приступая к рассмотрению образования основ, или тем слов (Stammbildung) в белорусском языке, необходимо сделать несколько общих замечаний относительно того, как мы вообще понимаем словообразование. Если ниже везде мы будем говорить, что с присоединением производственных наставок-суффиксов образуются основы, или темы слов, от которых с прибавлением личных и падежных наставок-суффиксов происходят слова, то это мы делаем по причинам чисто формальным, с грамматическими целями. На самом же деле словопроизводство представляется иначе: в современном языке одни слова образуются по аналогии к уже существующим, так как в живом языке ни основы, ни суффиксы, ни даже корни не выступают самостоятельно, отдельно от слов и соединенных с последними реальных значений и формальных отношений, выраженных в наставках. Даже известные новые суффиксы, каких, как увидим со временем, в белорусском языке имеется немало, образуются не путем соединения одних наставок с другими, а тоже по аналогии уже существующих слов, имеющих сходные по форме или значению образования. Часто происходит опрощение между корнем и суффиксом, так что представляется необходимым для более ясного выражения известного отношения присоединить новый суффикс. Так уменьшительные и ласкательные слова со временем перестают быть таковыми и для обозначения своих прежних свойств нуждаются по аналогии слов, сохраняющих указанный характер, в новой прибавке суффиксов указанного рода (-ечäк, -ус'ен'ка и под.).

Ввиду вышеизложенного, имея дело с живыми образованиями, а не с теоретически построенными основами, мы будем везде приводить в качестве примеров цельные слова, обыкновенно поставленные в форме не соотносительных с другими — именительных падежах в склоняемых частях речи и неопределенном в спрягаемых. Часть соотносительных

---

[1] Пособиями при изложении словообразования нам служили:

1) Соответствующие отделы в наших: «Обзоре звуков и форм белорусской речи». М., 1886, и «К истории звуков и форм белорусской речи». Варшава, 1893, а также в других работах;

2) W. Vondrák. Vergleichende Slavische Grammatik, I B. Lautlehre und Stammbildungslehre. Göttingen, 1906. Здесь же указана и остальная литература предмета;

3) K. Brugmann. Grundriss der vergl. Grammatik der indogerm. Sprachen. II B. I Teil. Strassburg, 1906, 2 Teil. Strassburg, 1909.

4) Словари: Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen von Franz Miklosich. Wien, 1886, и Slavisches Etymologisches Wörterbuch von Erich Berneker. Heidelberg, 1908, издание продолжается. Украинские параллели приводятся на основании «Словаря украинского языка, собранного редакцией журнала «Киевская старина». Редактировал, с добавлением собственных материалов, Г. Д. Гринченко». I—IV. Киев, 1907—1909.

форм (косвенные падежи и личные образования глагола) в некоторых случаях совершенно закостенела, утратив всякую память о своем происхождении, обратившись в наречия, союзы и т. д. Такие образования также найдут здесь место, так как от них даже стали возможны новые производные слова, а связь с их родоначальниками забыта, по крайней мере не сознается непосредственно.

Так как словообразование занимается по преимуществу указанием образования целых категорий слов, что достигается при посредстве тех или других суффиксов, то в данном отделе и займемся главным образом изучением суффиксов.

А. ОБРАЗОВАНИЕ СЛОВ ПРИ ПОСРЕДСТВЕ СУФФИКСОВ

Белорусская речь при посредстве общерусского языка унаследовала от общеславянской эпохи множество суффиксов, часть из которых восходит еще к индоевропейской эпохе [напр., *-мен-* в *им'а́ — и-м'ян'-и*, *-о-/-е-* в *стал-о́-м* (дат. пад. мн. ч.) — *стал'-е́* (зват. пад.) и под.]; в нее вошли и суффиксы, развившиеся путем разных влияний одних образований на другие на общерусской почве; наконец, и белорусском языке на своей почве появились также некоторые суффиксы отчасти по уже действовавшим, отчасти по своим собственным законам. Применительно к своим же законам (главным образом фонетическим) белорусская речь видоизменила и многие из суффиксов основных; некоторые она совсем потеряла, сохранив о них память часто только в том или другом изменении согласного корня или вообще предшествовавшего им согласного.

Но и из дошедших до нашего времени суффиксов мы не всех будем касаться: судьба большинства их на белорусской почве та же, что и в русском и украинском языках, да и других славянских языках; мы отметим лишь те из них, которые в белорусском языке придают словам особое значение, образуют редкие слова или представляют какое-либо фонетическое или акцентное отличие; главное же наше внимание будет сосредоточено на суффиксах, образованных или вообще возникших, например, путем заимствования у соседей, на белорусской почве.

I. СУФФИКСЫ, УПОТРЕБЛЯЮЩИЕСЯ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ОСНОВ ЧАСТЕЙ РЕЧИ, ИЗМЕНЯЕМЫХ ПО СКЛОНЕНИЯМ И СПРЯЖЕНИЯМ

Тут строго различаются суффиксы именных основ от суффиксов основ глагольных. Более разнообразны первые, но и вторые не свободны от некоторых новообразований, отчасти возникших даже под влиянием суффиксов именных основ.

1. ИМЕННЫЕ И МЕСТОИМЕННЫЕ ОСНОВЫ

Здесь будет речь о суффиксах имен существительных, прилагательных и местоимений производных, а также имен числительных, примыкающих по своему образованию к перечисленным видам. Все

относящиеся сюда суффиксы в древнейшую эпоху языка, до которой можно дойти только на основании сравнения с родственными языками, оканчивали основу слова на гласные звуки *-ŏ-*, *-ā-*, *-ē-*, *-ŭ-*, *-ĭ-*, *-ū* или на известные согласные *-n-*, *-t-*, *-s-*, *-r-*. Однако в том состоянии, в каком дошли эти суффиксы до белорусского языка, дело представляется далеко иначе. Гласные в окончаниях некоторых основ, например, слов мужского рода на *-ŏ-*, *-ŭ-* или женского с основами на *-ĭ-*, в именительном падеже исчезли, и восстановить их возможно лишь на основании показаний некоторых других падежей или даже при посредстве только чисто теоретических соображений, основанных на сравнении с родственными языками. В живом белорусском языке гласные основы, вследствие слития их исхода с следующим затем падежным суффиксом, уже не сознаются таковыми, а являются основами на согласный. Это можно сказать теперь относительно всех именных и местоименных основ.

Лишь для большего удобства читателя мы будем отдельно говорить о суффиксах существительных, прилагательных, местоимений и числительных, так как по происхождению и строению своему эти суффиксы одинаковы и когда-то принадлежали к отмеченным выше гласным или согласным основам.

а) Суффиксы имен существительных

Древнейшие суффиксы из гласных *(-ŏ-, -ŭ-, -ā-, -ĭ-, -ŭ-)*

Самым обычным и неотъемлемым суффиксом у большинства слов мужского и среднего родов в основном индоевропейском языке был *-o-*. В таком же виде он был и в общеславянском праязыке в его древнейшую пору. Но перед распадением праславянского языка этот суффикс в некоторых случаях, например, в конечных закрытых слогах перед длительными согласными (*s* им., *m* вин. пад.) изменялся, не без влияния основ на *-ŭ-*, в *-ŭ*, на месте чего в древнерусском языке был *-ъ*. Белорусский язык уже не унаследовал и этого *-ъ*, так как он в известных случаях исчез еще в древнерусском языке. В старинных памятниках и в современной исторической орфографии *-ъ* только внешним образом свидетельствует о своей былой роли служить окончанием основ в именительном падеже у слов мужского рода корневых, а также распространенных разными суффиксами. В живом языке память об этом суффиксе сохраняется в возможности появления в именительном падеже слов мужского рода согласных, оканчивающих корень, или принадлежащих суффиксу, чего в основном русском не могло быть, а также в сохранении, например, корня существительных с гласным *o*, *ǫ* на месте *e*, *ę* (вос, трус из **возъ**, **трясъ**), с заместителем дифтонга *oi̯* на месте *ei̯* (ц'в'а́т, лой), что́ происходило в словах первообразных только перед суффиксом *-o-*. По аналогии образований *лити — лой* появилось при *крыти — кров*. Удержание в подобных словах на конце *-ов* = в белорусском *оў* (*пакро́ў*) также обязано па-

мяти о суффиксе *-о-*. Память об этом суффиксе сохраняется также и появлении перед некоторыми падежными окончаниями *-о-* под ударением, напр., в дат. пад. мн. ч. (вазо́м, дваро́м) и в творит. ед. ч. (стало́м), где *-о-* из *-ъ-*, зашедшего сюда не без влияния основ на *-й-*.

Ничего общего не имеют с сохранением основного суффикса *-о-* именительные падежи имен собственных на *-о*, известные и древнерусскому и старому западнорусскому и другим славянским языкам, в которых *-о* на месте *-ъ* появилось сначала в словах ласкательных под влиянием аналогии слов среднего рода (ср. *свято́я Пятро́* Мат. Б. № 14 Новоалекс.), имеющих *-о* уже с эпохи общеславянского языка; не без влияния были и звательные падежи на *-о* от названий лиц на *-а*; таковы, напр., случаи: Мисайло [гр. 1398 г. (А. XI, 3)], Олехно [1492 г. (Арх. Сб. III, 1)], Александро зовемыи (49 Увар.), Спытко (46 ib. *а*), Франциско Скорина (Ц 3б Библ. Скор. XVI в.); в Актах В. А. К. XXXIII: Petro Tryzna (124 Бобр. XVI в.), Hauryło (123 Минск. XVI в.), Daniło (329 Ошм. XVIII в.); ср. Чечот 1846 г. 65, Зми́тро́ (Мат. Б. №№ 9 Бых., 10 Мозыр., 17 Речицк., 23 Минск., 26 Себеж.), Дзьми́тра (ib. 31 Вилейск.) и т. д.; особенно распространено это окончание, как увидим после, у слов на *-ко*, что́ и естественно, так как этот суффикс употребляется для производства ласкательных имен. Не совсем ясны для меня случаи окончания нарицательных имен мужского рода на *-о*, как: его глазо́ причиняет суроцы (Мат. Б. № 18 Витебск.), źbiu̯ mocno ùdo (Федер. III, 68 Суховоля), V'el'ikadńo (Клих 56 Новогр.), сядзиць *рышко*[у] пры дарози (Малев. 34 Слуцк.), ры́шко (рыжик) (ib. 186). Повидимому, подобные образования в народном сознании являются словами среднего рода [ср.: наша вяли́кадня сухо́я (Ляцк. Посл. 17 Борис.)].

Так как от одних и тех же корней часто бывают образования и слов мужского рода с основами на *-о-* и слов женского рода с основами на *-а-* (кум — кума́, л'ис — л'иса́), особенно у имен прилагательных, то это обстоятельство послужило основанием к смешению в белорусском языке основ на *-о-* и на *-а-*, чему немало содействовали еще следующие обстоятельства: 1) существование целого класса слов мужского рода с основами на *-а-* (суд'д'з'а́, старшына́, ста́раста Ил'л'а́), куда легко примыкают и слова общие, когда они относятся к лицам мужского рода [слуга́, тому слузѣ (95 Статут 1588 г.), пjа́н'ица]; 2) уже давнишняя перемена рода у названия *собака*, обозначающего в белорусском языке, как и в украинском, только существо мужского пола, так как для названия женского пола повсеместно употребляется *су́ка*; собаку моего (227 Гродн. Акт. кн. XVI в.), бег собака (Ром. V, 40 Могил.), мой соба́ка (Мат. Б. №№ 12 Слуцк., 27 Лепп., 28 Себеж., Малев., 13 Слуцк.), sabaka zabrächa̯ (Федер. I, 102 Шидловцы), havóryć sabáka małady̆ da staróho (Клих 202 Новогр.); 3) фонетическая возможность изменения в именительном падеже конечного *-о* в некоторых собственных и нарицательных именах на *-а* и склонения таких слов по образцу основ на *-а-*, напр.: za Hawryłoju, muz'a Haw-

гуłу (Акты В. А. К. XXXIII, 125 Бобр. XVI в.) и т. д., татка, -тки, вин. *татку* (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 14 Новоалекс., 18 Витебск.), дзя́цька, -ки (ib. №№ 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 12 Слуцк.), вин. *дзядзьку* (14 Новоалекс. и т. д.) при *татко, тато,* дат. *татку* повсеместно [даже при им. пад. *татка*, род. *татки*, напр.: мойму татку, моёго татку (Мат. Б. № 18 Витебск.)], твор. *моим таткым* (Мат. Б. № 18 Витебск. и т. д.), и особенно 4) возобладание в склонении имен (а вследствие этого и в образовании основ) категории рода. Вследствие всех указанных обстоятельств слова мужского рода, чаще обозначающие предметы мужского пола, хотя бы они первоначально принадлежали к основам на *-а-*, стали изменяться, как слова с основами на *-о-*, причем некоторые из них в именительном даже утратили свое *-а*. Примеры: млад ю́наш (Ром. III, 256 Черик.) (слово, впрочем, мало распространенное в белорусском), сiе̯łу wiorst (Федер. I, 74 Суховоля), истыи платъ (гр. 1432 г.) (СВ, 5), въ чіего слуга (379 Статут 1529 г., если это не описка или не опечатка), ишёв ты сы *слугóм* и з сыба́кым (Мат. Б. № 18 Витебск.), к судьдзю (Ром. IV, 186 Мстисл.), к су́ддю (Мат. Б. № 9 Бых.), к су́дздзю (ib. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 17 Речицк., 18 Витебск., 28 Себеж.), судздзём (ib. 28 Себеж., 31 Вилейск.), хотя есть и обратные случаи — чисто грамматического согласования [судьдя праведная (Ром. III, 396 Рогач.), судьдзю такую, што ён... (ib. IV, 186 Мстисл.), с старшино́м (М. Б. № 7 Минск.), его зрабили старшино́м (ib. 31 Вилейск.), выбрали ста́растам (ib.)]; «по образцу слов на *-ъ* склоняются также ста́рыста, старшына и др.» (ib. 4 Могил. губ.), за пъяницом жить (Ром. I—II, 8), (к) пья́ницу, (с) пья́ницом (о мужчинах) (Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 4 ib., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 14 Новоалекс.), (с пъя́ницым) (18 Витебск., 28 Себеж. и др.) при *пъяницы, с пъяницай* (о женщинах) (Мат. Б. № 7 Минск. и др.); впрочем род этого слова даже в одном и том же месте неустойчив: аддала мя͡не маци за гу͡бркую пъяницу (Малев. 121—122 Слуцк.), но прапиў мя͡не пъяница (ib.), пъе мо͡уой пъяница (ib.); любопытен там же (89) случай грамматического согласования: да яки́ мні͡е да му́жык будзя͡ — ци *вяликая нядба́йлица*; святым Иллем (Шейн Мат. I, 78 Речицк., Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 17 Речицк., 18 Витебск., 28 Себеж., 29 Новогр.), но возможио и чисто грамматическое согласование: свято́й Ильлёй (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), как и святую Миколу (Шейн Мат. I, 145 Борис.) будзя͡ця вы мі͡еци *награда* ладного (Малев. 55 Слуцк.) (изменению основы подверглось заимствованное из литературной русской речи ненародное слово), музы́ку (дат. пад.) (Шейн Мат. I 144 Борис.) (музыканту). Ставши словом мужского рода по значению, *соба́ка* обыкновенно (но не всегда) изменяется по образцу основ на *-о*: к соба́ку, с собаком (Ром. III, 36 Сенн., ib. 16), ён пашо́ў с сабакам (Мат. Б. № 8 Игум.), идзе́ць с саба́кым (ib. № 14 Новоалекс.); ср. еще ib. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 Минск.,

17 Речицк., 13 Свенц., 31 Вилейск.; сабака *сабаку* брат (Ляцк. Посл. 39 Борис.); даже сохраняя старинное склонение, *собáка* остается словом мужского рода: бúтому *собáце* кия не покáзывай (Зап. I, 261). В слове *б'арлóг* (укр. *берлíг, барлíг*) при русск. *берлога* — сохранение старинной основы (осн. слав bьrlogъ), насколько можно судить об этом по свидетельству других славянских языков (ср. Berneker, Sl. Et. Wrb. 120).

В основы на *-o-* и *-jo-* в белорусском языке перешли вследствие возобладания категории рода при распределении слов по склонениям и все слова мужского рода с основами на *-ĭ-*, начало чему было положено уже в древнерусском языке (з'áц', лос'). Здесь явились только дальнейшие преобразования таких основ вследствие фонетических причин. Благодаря отвердению конечных губных стали возможны: голубъ — голуба (Скор. Л 28б, ср. Тайна Тайных XVI в. 11, Ев. Тяпин. 1580 г. 43б, Псалт. XVI в. 54б), голубы (Шейн Б. П. д. № 17 Городок.), *чéрвы* рядом с *чéрв'и* («Обзор» 103). Непонятен переход в основы на *-o-* слова *гвоздь*: повырвав гвозды (Ром. VI, 237 Сенн.); на один сажан (ib. 228 Орш.) — твердость зашла из тех падежей множественного числа, которые принадлежат к основам на согласные. Даже изредка слова женского рода с основами на *-ĭ-* принимают мужской род и становятся основами на *-o-* и *-jo-*: купелемъ (А 108б Скор. XVI в.), цѣлемъ (19 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) — оба примера творит. пад.; по҃тѣне҃ мои҃ (126 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158, ср. Псалт. XVII в. 21б, 46б), оу пе҃ѡг'невый (piec ogniowy) (78 Сб. XV в. Публ. б. № 391), в посре҃ печа (258б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) (полонизм), при: печъ была роспалена (258б ib.), мочь свои (Скор. XVI в. Ц 225) (mocz swoy), помочь ч'ханїа великъ е҃ (55б Тайна Тайных XVI в.), помочь забыть (-ъ) (60 ib.), ѹ҃творе҃ дверъ (176б Катихиз. 1562 г.), постель нашь (83 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), нѹ҃трь мои 27 (Псалт. XVI в.), оу҃ нѹ҃три мое҃ (52 ib.) при: ноутръ моа (30б ib.), нѹ҃трь моа премениласа (74 ib.), лягла доля горкая ў *чорным цені* (тени) (Календарь Нашей Нівы на 1910 г., 59), съледъ *вялікаго болю* (ib. 67), мінулы *вялікі боль* (ib.), бу҃оль (Малев. 13 Слуцк.), жаль (как в укр. и польск.); у жáлю́ (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 23 Минск., 31 Вилейск.), pryszu̯o̯u̯ *pahìbiäl* (Федер. II, 141 Шидловцы), padsadzić na prawu̯om *dałoni* (ib. 1, 333 Лысков), z cie̯łym *dałoniam* (ib. 337 Свислочь, ср. Клих 273 Новогр.), мазоль (редко употребляется) (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), плеш (ib.), пле҃ш (Малев. 13 Слуцк.); зашедшее из русской речи *лошадь* тоже мужского рода: лóшадзь (Мат. Б. №№ 7 Минск., 9 Бых., 17 Речицк.), свой лóшидь (ib. 18 Витебск., Малев. 13 Слуцк.), ўсякíй болéзь (Мат. Б. № 9 Бых.) (тоже из русск.), с усякаго болезя (Ром. V, 99), як с *цепу* сорвався (ib. I—II, 316); сюда принадлежит *пыл* (= пыль), как в укр. яз. (пил) и польск. яз (руł): пыл (Малев. 13 Слуцк.). Любопытно *пелыно҃* (112 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) при *пелыне҃* (33 Тайна Тайных XVI в.) к им. пад. *пелынъ*, как и

БИБЛИОТЕКА Института Языкознания АН СССР
www.rustang.ru

в современном белорусском языке, где имеем *полы́н* и *пелы́н* (Изв. 184), палын (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 9 Бых., 18 Витебск. и др.), пялын (ib. 6 Диснен., 7 Минск. и др., Малев. 13 Слуцк.) на месте русск. *полынь*. В др.-русск. известны *п-нъ* и *п-нь* (ср. Мат. Срезн. II, 894—895). В основы на *-ŏ-* перешло также *линь*: литвин як лин (Зап. I, 338, ср. Мат. Б., повсеместно).

По указанным причинам в основах на *-о-*, точнее *-i̯о-*, в белорусском языке, как и в русском литературном языке, оказались и слова мужского рода с основами на согласный, имеющие суффикс *-мен-*: ка́м'ɛн', ја́чм'ɛн' и т. д.

Нечего и говорить, что с основами на *-о-* мужского рода совпали и старинные основы на *-ă-*, начало чему, вероятно, было положено еще в последнюю эпоху жизни общеславянского языка: по крайней мере это смешение отражается в древнейших памятниках всех славянских языков, в том числе и старославянского. В отношении основ это смешение сказалось, с одной стороны, в проникновении образований основ на *-о-* в систему склонений основ на *-ŭ-* (о чем речь после) и наоборот, с другой — в возможности распространения основ на *-о-* (древних или новообразований) прибавкой слога *-ов-* из основн. *-ец-* [ср., напр., стал*о́ў* Potap*ow*icz (Акты В. А. К. XXXIII, 122 Минск. XVI в.), Сад*ов*ский (ib. 133), a jēj, ludk*ó̯w*ia, ratùjcie (Федер. II, 234 Шидловцы), жид*ов*а немилостивыѣ (1, 2, 16, 45 и др. Сб. XV в. Публ. б. № 391), жидовою (293 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), кнут*ов*ьё (Мат. Б. № 3 Могил. и т. д.)]; это последнее обстоятельство в дальнейшем изложении всегда следует иметь в виду.

Слова среднего рода с основами на *-о-/-i̯о-* заметным изменениям в отношении своей основы не подвергаются; отметим замствование из польского, а не перемену окончания в *олов*ъ (24 Статут 1588 г.) (польск. ołów); со временем увидим, что вследствие чисто фонетических причин они смешиваются с основами на *-а-*. В основы на *-о-/-i̯о-* среднего рода могут переходить некоторые слова среднего рода с основами на согласные: сем*е* (семѧ) (31 Ев Тяпин. 1580 г.), знам*е* (33б. ib.), рам*е* сто́е (101 Псалт. XVII в.), отбираем жито што на *еме*, а што на *семе* (Сл. Нос. 723), по́лым*е* (Зап. V, 120), плѐм*е* (ib. 267), им*е* [по разному *имю* дав (Ром. VI, 386 Орш.)] и под., где, однако, чаще употребляются формы с суффиксом *-мен-*, напр., в род. пад. при *полымя, племя, стремя нима* (Мат. Б. № 16 Бых.) чаще *по́лым'ɛн'и*, *пл'ɛм'ан'и* (ср. «Обзор» 125). То же следует сказать и относительно основ с суффиксом *-ент-*: щанё (Мат. Б. № 13 Свенц.), парасё (Ляцк. Посл. 30 Борис.) и т. д., где рядом с *щан'а́ц'и*, *парас'а́ц'и* возможны образования род. пад. *щан'а́, парас'а́, д'з'ец'а́* к *д'з'ец'о́* («Обзор» 126). Иногда слова с основами на согласные принимают суффикс *-о-/-i̯о-* и без отбрасывания своего согласного суффикса под влиянием именительного падежа: ягняцё (Мат. Б. № 13 Свенц.), страмяно́ (ib. 16 Бых.), załató̯jo streḿéńo (Клих 11 Новогр.), kòleso (Федер. I, 217 Свислочь). И здесь, как можно видеть из приведенных

примеров, сближению всех основ слов среднего рода содействовало главным образом преобладание категории рода и совпадение вследствие фонетических причин форм именительного падежа. Непонятны для меня случаи перехода в основы на *-о-*, повидимому среднего рода, слов женского рода с конечным ударяемым *-а́*: pałó, *-á* (Клих 193 Новогр.), za pało (за полу) (Федер. II, 30 Волков.), trymàj pałò (ib. 275 Рось), ꙋplešcì ꙋ hrywò (ib. 1, 351 Волков.), za hrywò (ib. II, 94). Есть даже случай появления *-ꙋо́-* на месте *-о́ꙋ-*, заменившего под влиянием основ на *-ĭ-* основное *-ŭ-*: brywó (мн. ч. brówa, Клих 176 Новогр.). Подобные образования из других местностей мне неизвестны, за исключением малоупотребительного в народной речи *В'и́л'но*, известного и старинным произведениям рядом с *В'и́л'н'а — В'и́л'на*, напр.: Кестутеи скоро пригнал к Вилнѣ город *Вилно* засѣлъ (472б Евреин.), пригнавши *Вилна* (ib.).

Ближе всего к суффиксу *-о-* подходит суффикс *-а-*, свойственный словам женского рода, но в небольшом количестве случаев уже искони не чуждый и словам мужского рода, обыкновенно названиям предметов одушевленных. В белорусском языке основы этого рода правильно соответствуют древнерусским и праславянским, напр., потреб*а* (33б Ев. Тяпин. 1580 г.), лех*а* (ср. ib. 51б), господ*а* (92б, 393б, 418 Лет. Авр. XV в.), допроводи^{л} его до господ*ы* (18 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) и т. д. Иногда находим как будто очень древние образования: польг*а* (23, 54б Ев. Тяпин. 1580 г.), где, однако, в *г* с большой вероятностью можно видеть позднейшее восстановление основного звука; несомненно древнее образование *В'и́л'н'а*, до сих пор сохранившееся в устах народа; ср.: оу вилни (гр. 1386 г.), к Вилни (96 Супр.), з Вилни (247 Позн. XVI в.), хотя известно и В'и́л'на: є͡вн$\overline{\text{ѹ}}$тъ же всели^{с} иде^{к} нн$\overline{\text{ѣ}}$ Вилна (471б Дубр. XVI в.), нарѣче имя тѣ^{м} городо^{м} Вилна... ис Трок на Вилну (470 Евреин.); вторичное *-ĭа-* в окончании основы слова *сли́ня* (Мат. Б. № 4 Могил.), куда мягкость согласного зашла под влиянием предшествующего слога с мягким *л*, а также не без влияния глагола *сли́ниць* (Мат. Б. № 18 Витебск.), при более употребительном *слина — слюна* (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 13 Свенц., 15 Игум., 31 Вилейск.).

И среди основ на *-а-/-ĭа-* явилось несколько новообразований, зашедших сюда по разным причинам, среди которых первое место занимают фонетические. Слова среднего рода с конечным *-о* безударным в некоторых сильно акающих говорах, а иногда даже и в умеренно акающих получили в именительном и винительном падежах на конце *-а*, вследствие чего по форме ничем не отличались от слов женского рода; к ним стало присоединяться и имя прилагательное в женском роде, а далее стали возможны и косвенные падежи по образцу основ на *-а-/-ĭа-*, напр.: мол'ви^{ш} є͡ва͡гелїа никодемова (25 Сб. XV в. Публ. б. № 391) (ср. укр. є-лія), силною войскою (46 ib.), з сво'ею войскою (49 ib.), войск*и* (род. пад.) (Ром. III, 188 Бых.), ўсю войськ*у* (ib. 357 Рогач.); бедрѣ тво'е́и (48 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262),

по^{х}неси *копию* которо^{х}а в р$\breve{\text{у}}$цѣ твоей є$\overset{\frown}{\text{ѣ}}$ (112 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) (но рядом: а коли по^{х}несъ копие), как в укр., где *копия́*; повидимому, сюда принадлежат и следующие примеры (где внешним образом обозначение среднего рода сохранено): *слн҃це* слоужи$\overset{\frown}{\text{а}}$к'то выи́дѣ$\overset{\frown}{\text{ѣ}}$ в' *нее́* (73б Тайна Тайных XVI в.), на *тоща ср^{х}це* (66б ib.), дак моѐ чады нема́ (Ром. VI, 14 Гомельск.), усю стад*у* (ib. I—II, 305), от стады (ib. III, 35 Бых.), одна стад*а* (ib. 19 Сенн.), стад*у* (вин. пад.) (Шейн Мат. I, 112 Борис.), stad*a*, *-y* (Клих 205 Новогр.), pryszɥoɥszy da stad*y* (Федер. I, 342 Лысков), ў̆сю ста́д*у* (Мат. Б. № 5 Слуцк.), пагнаў стад*у* (ib. 31 Вилейск.), от стады отбилася (ib. 27 Лепп.), ў̆сей стадзе (ib. 11 Новоалекс.) и т. д.; ву́х*а* скале́ченная (ib. 31 Вилейск.), не дорог*а* пив*а* пьян*ая* (Шейн Мат. I, 64 Диснен., ср. Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 18 Витебск.) свят*ая* Благовещ*ения* (ib. 159 Новогр.), чарств*и* нябесн*эй* (ib. II, 511, ср. Мат. Б. № 18 Витебск.). К основам на *-а-* в старину принадлежало немало слов, оканчивающихся на *-ка* (владыка), которые в звательном оканчивались на *-ко*. Так как эти слова чаще всего употреблялись в форме звательного, живущего в белорусском до сих пор, то основы их легко могли смешаться с основами на *-о-* среднего рода [Гридько (1406 г. Арх. С. I, 1), Petraszko, Hłoszko (Акты В. А. К. XXXIII, 122 Минея XVI в.), Ostapko, Jurko (ib. XVIII в. Ошм. 329), Рэ́бко (кличка собаки) (Малев. 186 Слуцк. и т. д.)]; с другой стороны, и слова, вроде *Дан'и́ло*, *Гаўры́ло*, не принадлежавшие к основам на *-а-*, вследствие совпадения в окончании с именами на *-ко* из *-ка* стали в некоторых белорусских говорах изменяться по образцу основ на *-а-*; собственным именам следовали и некоторые нарицательные: та́тки (Шейн Б. П. № 1 Лепп., Зап. V, 185), ми́лой дзиця́тки (ib. 173), дзя́цька, -ки (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 12 Слуцк.), вин. пад. *дзядзьку* (ib. 14 Новоалекс.), твайго бацку (Малев. 22 Слуцк. и т. д.), как об этом мы уже имели случай говорить раньше (стр. 15).

В некоторых говорах, соседних с русскими, конечное *-а* основы исчезает в форме звательного: мам, баць, цёт (Отч. 22 Брянск.), тат, Софей (ib. 23 Трубч.), Сцёп (ib. 26 Орш.).

Есть несколько спорадических случаев перехода в основы на *-а-* слов мужского рода с основами на *-о-*: па́р*а* (= пар) общебелорусск. (ср. Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 13 Свенц., 14 Новоалекс., Малев. 13 Слуцк.), pàraju (паром) (Федер. III, 252 Лысков) (как и в укр. яз., да и вообще в др.-русск., что можно наблюдать по памятникам, начиная с XI в., Мат. Срезн. II, 879); пар*у* огнивую (Скор. Пр 17); проступк*а* моѧ (ib. С 29), с тоѥ Содом*ы* (3б предисл. к Катихиз. 1562 г.), мьск*а* [32б Псалт. XVI в. при *м'скъ* Псалт. 1517 г. Скор.) *и́м'скъ* (МПК Скор.)], ў̆уставы своеѧ (полонизм: ustawy, 215 Катихиз. 1562 г,), муравы: иди к *мў̆равьи* ленивче видь пути ѥѥ (95б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), приняць труд*у* (Ром. III. 255 Черик.); даже с основой на *-ĭ-*: черв*а* поточила (Шейн Мат. I, 36 Виленск.)

(в собирательном смысле), мы́ша: подкинула карали́се мы́шу (Мат. Б. № 13 Свенц.), namowią myszu (Федер. I, 188 Свислочь).

Совершенно естественно, что в белорусском языке сюда перешли и некоторые из слов, имевших основу на *-ū-*, смешав свое *-йц-* (=**ъв**) косвенных падежей с *-ц-* суффикса *-ца-*, для чего было и морфологическое основание: ца́рква, бу́ква (ср. ст.-слав. **црькы, боукы**) и др.

Слова женского рода, принадлежавшие к основам на *-ĭ-*, в настоящее время имеют достаточное количество представителей в белорусском языке. Древнее **ь** конечно только обозначает в известных случаях мягкость, а как звук не существует, и основы эти оканчиваются на согласный, причем по образцу старых образований явилось несколько и новых: ни́бо́жь (выправь вон со двора нибожь гэту) (Сл. Нос. 339), плоць (собир. *плотва*) (419 ib.), про́падзь (погибель) (526 ib.). Тут же отметим взятое из польского *твар* (twarz), употребляющееся и как слово женского рода: тварь збита (154 Гродн. Акт. кн. XVI в.), всты[х] твари моеи (21 Псалт. XVI в.), то же в Сл. Нос. 634, и как слово муж. рода.: твару́ моего, съ твару́ (с лица) (Новогр.).

В рассматриваемые основы перешли и некоторые образования из других основ, причем все они конечно стали словами женского рода. Так мы видим здесь слова мужского рода с основами на *-jo-*: выняў гастру́сенку *мечь* (Кар. 69 Трок.), во́стру меч (Розенф. 11 Вилейск.), меччу махаить (Добров. IV, 680), своёй ме́ччу (Мат. Б. № 9 Бых.), вастру́сенька мечь (ib. 14 Новоалекс.), е́той мечи, свою мечь (Ром. VI, 18 Гомельск.), *лучь* полуденная (Скор. 1 16б); среднего рода: čéreu rasparóušy (Клих 177 Новогр.); с основами на *-a-*: усю *шкур* (Ром. IV, 88 Велиж.), пищь (пищу) (ib. III, 120 Клим., 185 Рогач.), hółou (голову) (Клих 26, 181 Новогр., Федер. I, 4 Слоним.), змачы́ў го̀лаў (Сержп. Прымхі 12), tśśač рядом с *тыс'ача* (Клих 273 Новогр.) не без польского влияния (tysiąc). Замечательно, что формы на *-оц*, *-ец* вм. ожидаемых *-ца*, *-цо* встречаются только в винительном падеже; есть ли подобные именительные падежи от указанных слов, поручиться нельзя; равным образом неизвестно, образуются ли от подобной основы и другие падежи. Очень может быть, что встречается только винительный падеж на *-оц*, *-ец* как след влияния форм винительного от основ на *-ū-*. В этом же отделе основ на *-ĭ-* имеем слово *гус'*, которое в белорусском языке, как и в украинском и других славянских языках, всегда женского рода: ср. Мат. Б., повсеместно, hìtu huś (Федер. III, 149 Суховоля). В женском роде употребляется в старинных памятниках *червь*, ныне вышедшее из употребления: а ни сѫ в не[м] ч[р]евъ *нашла* (54 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158).

Нечего и говорить, что в основы на *-ĭ-* перешли все слова женского рода с основами на *-ū-*, если они принимали в именительном падеже окончание *-оц* [церковъ (Скор. ПП), любовъ (ib. Владим. 278), свякроў (Шейн Б. П. № 258 Велиж.), кроў], а также с основами на *-er-*: матерь (Скор. И. 6б, Ц 162б), матар (Ром. V, 100 Гомельск.),

дочар (ib. I—II, 19 Рогач.; III, 304 Бых.), хотя подобные образования чаще заменяются другими производными.

Слова мужского рода с основами на *-ĭ-* вследствие влияния категории рода перешли в основы на *-i̯o-* (госць, в'ӑхъц', ты́д'з'ь'н' и т. д.).

В предыдущем мы неоднократно касались основ на *-ū-*. Уже в основном славянском языке они подверглись сильному влиянию основ на *-a-* (*i̯a-*) и *-ĭ-*, а также на согласные; в древнерусском языке это влияние еще усилилось, так что в белорусском языке все слова, принадлежавшие к этой категории, перешли либо в основы на *-a-*, либо в основы на *-ĭ-*; память о старине сохранилась лишь в появлении перед падежными суффиксами *-o̯u̯-* и *-u̯-* [ца́ркаў, ца́рк*в*ам, ятрóвь (Сл. Нос. 728)], а также в производных словах суффикса *-o̯u̯-* [ятр*о́в*ка (Сл. Нос. 728), зал*у́в*ица (Мат. Б. № 29 Новогр.)].

Древнейшие суффиксы на согласные *(-men-, -er-, -ent-, -es-)*

Что касается основ на согласные, то они в белорусском языке чувствуются до сих пор более живо, нежели в литературной русской речи. Только слова мужского рода с основами на *-men-* перешли в основы на *-i̯o-* (ка́м'ьн'), да основы на *-er-* женского рода могут переходить в основы на *-ĭ-*, причем, однако, и старинные соотношения не утратились (ма́'ци — ма́ц'*ӓры*). Слова среднего рода с основами на *-men-* (при им. пад. на *-а́* = -ѧ), *-ent-* (белорусск. *-ац'-*, при им. пад. на *-а́* = -ѧ), *-es-* (при им. пад. на *-о*), хотя могут развивать и новообразования, сохраняют в основах отражение старинных соотношений: 1) имѧ (56 Псалт. XVI в.), и'мѧ̀ (52б Псалт. XVII в.), беремѧ (9б ib.), -ан'и, племя́ (Мат. Б. №№ 7 Минск., 18 Витебск., 31 Вилейск. — пл'е́м'*ан'*и); 2) звѣрѧ (43б Сб. XV в. Публ. б. № 391), телѧ (15 Катихиз. 1562 г.), зернѧ (163б Сб. XVII в. Син., № 790), быдлѧ̀ (55 Псалт. XVII в.), о'сл ' (Ев. 1616 г. ч̄ б), -а́ц'и, нёбо́жа́, мн. ч. — нёбо́жа́ты (Сл. Нос. 327), парася́ (Ляцк. Посл. 30 Борис.), оўча́ (Мат. Б. № 10 Мозыр.); даже с распространением этого суффикса также суффиксом согласных основ *-en-*: лисен*ѧта* (83б Библ. кн. XVI в. № 262), вò̀ўча — ваўча*нѧ̀*ты (Мат. Б. № 31 Вилейск.), kureńá,-éi (Клих 187 Новогр.); подобные образования возможны и от производных слов: свинча́, дзеўча́ (Мат. Б. № 10 Мозыр.) от *свинꙗ, дзеўка*; под влиянием категории рода слова этого образования, не теряя своего склонения, в том случае, когда они обозначают лиц женского пола, могут рассматриваться как принадлежащие к женскому роду, напр.: да ты дзя°ўча́ — дурноё, ня°разумнаё; да ты, маладзенка, нас дваих любила... (Малев. 80 Слуцк.); наси, дзяўча́, здарова (ib. 42), вышла дзяўча́ жыто жаци (ib. 64); 3) ко́ло — кал'*о́с*а, хотя возможно и *ко́ла*, равно и наоборот: ка̊л'асо́. Другие существительные на *-es-* или утратили этот суффикс (чу́да, н'ӑба), или же встречаются с ним во множественном числе, да и то очень редко; конечно сохраняется *-es-* в производных словах.

Суффиксы с *j* (основн. слав. *-jъ, -je, -ja, -ъje, -ъja, -ьjъ;* белорусск. *-ейа, -ай-, -уй-, -'ай* или *-ей*)

До сих пор мы рассматривали самые простые суффиксы, служащие для образования основ, прибавляемые непосредственно к корню слова; эти же суффиксы предполагаются и в окончании основ имен существительных и других склоняемых частей речи, распространенных разными производственными суффиксами или, говоря другими словами, эти суффиксы, преимущественно из гласных, оканчивают и другие суффиксы, в состав которых входят согласные звуки. Таким образом происходит как бы осложнение перечисленных основных суффиксов.

Суффиксы *-o-* и *-a-* прежде всего подвергаются распространению, как это мы уже отчасти видели, посредством прибавки перед ними *j*, какого бы происхождения последний ни был: из *j* и *i̯* основных (ср. Белорусы, II, 1, стр. 301 sq.)[1]. Звук *o* под влиянием предшествующего *j* уже в основном славянском изменился в *e*, а в тех случаях, где на месте его был *ъ*, последний естественно перешел в *ь*. Перед такими *-je-* и *-jь-* согласные подвергались смягчению, что сохраняется по преданию и до сих пор, даже после исчезновения звука *ъ*: но*ш* из **ножь**, *нозjь, *ногjь; в женском роде перед окончанием *-ja*: дарагóўля (Мат. Б. № 31 Вилейск.); если же такому *-jь-* приходилось стоять после гласного, то *-jь-* обращалось в *-i̯-*: злóд'з'ɛй.

Более интересны изменения в словах, происшедшие на белорусской (или точнее — украинско-белорусской) почве при соединении корней, оканчивающихся на согласные, с праславянскими суффиксами *-ъje, -ъja* (ст.-слав. **-ьѥ, -ьꙗ; -нѥ, -нꙗ**) из *-i̯o-*, *-i̯a-*. После исчезновения *ъ* еще в общерусском согласные при соединении с *j* обыкновенно подвергались удвоению или усиленному произношению, а иногда этого и не было, как мы видели в своем месте (Белорусы, II, 1, 289 sq.), напр., пóкуцьця (Мат. Б. № 31 Вилейск.), брáтання (ib. №№ 18 Витебск., 31 Вилейск.), молоньня́ (ib. №№ 3 Могил., 9 Бых., 14 Новоалекс., 18 Витебск.); пи́це [ib. №№ 23 Минск., 31 Вилейск. (и пицьцё), 4 Могил. губ. (пи́ця)], susièdzio (Федер. II, 196 Волков.), kaḿeńo (Клих 13 Новогр.), aharóźo (огородные растения) (ib. 173), *роубиё* альбо хоусты (99 Сб. XV в. Публ. б. № 391), ветьѐ (28б Ев. Тяпин. 1580 г.), *дерѣ̀'е* дꙋбровно'е (97б Псалт. XVI в.), лозье (83б ib.), корѣ̀ɛ (ib.), *оꙋголье* жа^{р}ко стане^{т} (19 ib.), черепьё (100б ib.), зелье (6 Псалт. XVII в.), *голье* было (73б ib.), *ꙋгольe* пꙋстошачое (145б ib.); баярьѐ (№ 31 Мат. Б. Вилейск.) и т. д. — В мужском роде основн. слав. *-ьjь-* обратилось в *-ий* и *-ей*: Jу́рый и Jurèj (ср. Белорусы, II, 1, 219), салав'ɛ́й, жа́раб'ьй. Старинные памятники представляют то же колебание (ib., стр. 220—222).

Другие суффиксы с *j* представляют мало замечательного, напр., белорусск. *-ейа* [указэ́я — приказ (Сл. Нос. 655)]; *-ай-* в производных

[1] Здесь и ниже, при ссылках на первый выпуск II тома «Белорусов», указываем страницы по изданию 1955 г. — *Ред.*

словах [чубáйка (Сл. Нос. 700), селепáйла — проворно черпающий (ib. 577) от глагольной основы *селепа*, клупáйла (ib. 237), зевáйла (ib. 222), бусáйло (ib. 39) (буян), Iwan Spodziewayło (Акты В. А. К. XXXIII, 332 Ошм., копия XVIII в.) — все от глагольных основ]; *-уй-* [хатúła (Клих 182 Новогр.) из хамýйло]; *-'ай* или *-ей* [рȣ̆чаи воⁿна (87 Библ. кн. XVI в. № 262 Вил.), ручáй и ручéй (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск.)]; сюда не принадлежит *-яй* в *скупирдзяй* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), о каковых образованиях речь в другом месте.

Суффиксы с *в* (*-ва, -во, -иво, -ов, -ев, -оўйó*)

Со звуком *в* белорусский язык знает немало суффиксов простых и сложных, но они не одинакового происхождения. Одни из них древни, напр., *-ва* (сц'áрва), *-во, -иво* [пóиво (Сл. Нос. 456), kāliwo (Чечот 79)]; другие же, больше входящие в состав сложных суффиксов, развились отчасти на почве общерусского языка, отчасти даже по аналогии с более древними образованиями и на белорусской почве. *В* в таких суффиксах обыкновенно с предшествующим ему *о* или *е* восходит к основному *-еу̯-*, зашедшему из основ на *-й-* в основы на *-о-*, а по аналогии с последними даже в основы на *-а-* [с моужи свои'ми с литовникы (93 Лет. Авр.), вилневци (гр. 1443 г. СВ), лескóвник (Сл. Нос. 268) (от *леска*, laska), елóвéц (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск.), дзякóвичь (Сл. Нос. 134), Котовичом (Акты В. А. К. XXXIII, 127 Лаша XVI в.), Lenewicz (ib. 122 Минск. XVI в.)]; этот суффикс (*-ов-*, *-ев-*) стал обычным, как увидим после, у имен прилагательных притяжательных, от которых с прибавлением других суффиксов могут образовываться и имена существительные [Bondaroúna (Чечот 64), пóрхавка (Сл. Нос. 476 и т. п.)]. Отметим более редкие случаи: жидова (Сб. XV в. Публ. б. № 391, стр. 1, 12, 16, 45; Лет. Авр. XV в. 5б, 46; Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 лист. 90б и др.), пуговъё (Мат. Б. №№ 3 Могил., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), вудовъё (ib., а также 31 Себеж.), кнутовъё (ib. 3 Могил. губ.). В последних словах суффикс *-оўйó* = *-ов-ье*. В некоторых образованиях *-ов-* восходит к основн. *-йу̯-* (ст.-слав. *-ъв-*) основ на *-ū-*, о чем у нас уже была речь (стр. 22).

Суффиксы с *л* (*-ло, -ла, -ал', -ал, -ул'а, -ул'ка, -ул'ен'ка* и др.)

Суффиксы со звуком *л* очень распространены в белорусском языке, как и вообще в славянских языках, причем часто они бывают в соединении с другими суффиксами; присоединяются они к именным основам и даже к глагольным, где важную связующую роль играет причастие на *-лъ*. Звук *л* может начинать суффикс, а может быть и в середине его, так как суффиксу *-lo-*, *-la-* могут предшествовать разные гласные. Отметим несколько примеров: *-ло* для обозначения орудия действия: *махало* пер павихъ (Акты В. А. К. XXXIII, 165 Вил. 1604 г.), зáткало (Сл. Нос. 188), вѣтрила (паруса) (Тайна Тайных XVI в. 53), бóўдзúла (Мат. Б. №№ 8 Игум., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск.,

29 Новогр., 31 Вилейск.), памяло́ (ib. № 8 Игум.), цярло (ib. № 15 Игум.); имен лиц с некоторым презрительным оттенком, по крайней мере первоначально; Iwan Spodziewajło (Акты В. А. К. XXXIII, 332 Ошм., копия XVIII в.), бусайло (Сл. Нос. 39), зева́йла, зева́йло (ib. 222), селепайла (ib. 577), дурни́ло (Мат. Б. № 7 Минск.), рагави́ло (рогатый) (ib. № 8 Игум.); иногда указанных оттенков *-ло* не придает: жу́жло (грязь) (Мат. Б. № 7 Минск.), кубло́ (ib. № 10 Мозыр.), даў *дра́ла*. Суффиксы *-ал'* и *-ал*, повидимому, заимствованные, особенно второй: кыва́ль (укр. *кова́л*), мыска́ль (Мат. Б. № 4 Могил. губ. и др. места) (ср. kawàlu — зват. пад., Федер. II, 174 Свислочь), ка́вал (большой кусок, укр. *кова́л*), kòwały smały (Федер. I, 15 Лысков). Очень распространено *л* в суффиксах имен ласкательных женского рода: *-ул'а, -'ул'а, -ул'ка, -ул'ен'ка:* дзеву́ля (Сл. Нос. 132), zazula (Чечот 95), зезюлѧ (11 Тайна Тайных XVI в.), зязю́лька (Сл. Нос. 223), зазу́лька (Мат. Б. № 10 Мозыр.), хаму́лька (мужичок) (Сл. Нос. 675), бабу́лька бабу́личка (ib. 10), babúleńka (Клих 175 Новогр.), мату́ля, мату́ленька (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 82 Новогр.), мату́лька (Шейн Б. П. № 328 Лепп.), тату́лько (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 169 Новогр.) и т. д.

Из других слов более или менее замечательных с суффиксами, имеющими в своей огласовке *л*, отметим: все могыльѣ (106 Лет. Авр. XV в.), мо́гилки и моги́лки (Мат. Б. №№ 7 Минск., 18 Витебск., 31 Вилейск.); мотыль (ib. №№ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.); сцули́ (моча) (Сл. Нос. 628); метѣлица (вьюга) (90б Сб. XVI в. Крас.), замяце́лица (Отч. 14 Великолуцк.); бусел (215 Сб. XVI в. Позн.), busieł (Чечот 73); курве́ль (Сл. Нос. 260); све́рдзѣл (ib. 574); rubiēl (Чечот 89); кужєл': кѫжеле^{м} лнѫ ѥгипетьского (96б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); круце́ль (перевязка из соломы) (Сл. Нос. 255); производное от него — круце́льство (мотовство) (ib.); збавицель, прасицель; заимствованные из польского: па́дла, па́длина (ib. 389).

Суффиксы с *р (-ар, -ыр, -ур, -еро, -ер, -тра)*

Из суффиксов со звуком *р* обращают на себя внимание: 1) Замена общеславянского *-arjo-* посредством *-ар*, где отвердение *р* произошло в известных говорах под влиянием чисто фонетических причин; *р* мягкое по традиционной орфографии встречается лишь в старинных памятниках и известных говорах: гподарѧ (18 Ев. Тяпин. 1580 г.), но: комина́р (Сл. Нос. 243), дру́ка́р (Мат. Б. №№ 9 Бых., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 23 Минск., 31 Вилейск.). Этот суффикс может быть распространен другими прибавками, о чем речь после. 2) Такие же изменения произошли и с суффиксом *-yrjo-*, тоже иноземного происхождения, как и предыдущий: он обратился в *-ыр*: богатыр (Скор. XVI в. Б 4б и др.), багаты́р (багач) (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск.). 3) Суффикс *-ур*, *-'ур*, подвергающийся также распространению посредством других суффиксов, особенно ласкательных: шамшу́р (косноязычный) (Сл. Нос. 705), кап-

цю́р (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), моку́ра (мокрица), свинну́рка (Мат. Б. № 9 Бых.), канурка (ib. 11 Новоалекс.), дощу́рка, бачу́рка (ib.), дзяўчу́рка (ib. № 8 Игум.), печу́рка (Сл. Нос. 414) (по аналогии вышеприведенных образований, хотя и от основы на *-ĭ-*). 4) Двойник суффикса *-oro-*, *-ero-*, осложненный суффиксом *-ка*, употребляется для образования некоторых числительных: шесце́рка (Шейн Б. П. № 31 Велиж.), шѐсцирка (Мат. Б. № 31 Вилейск.), сѐмирка (ib.), вòсьмирка (ib.); иного происхождения *-er-* в словах: па́дчырка, вы́щырка, я́щырка (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), где в основе лежит *-er-* основ на согласные (**па-дъшт-ер-ькa**). Не ясно для меня *-ор-*, *-ер-* в словах: му́тор (труд) (Сл. Нос. 295), шалбе́р (плут), шалбе́рный, шалбе́рство (ib. 704), если это не сложное слово; мандзэ́риць (выманивать), мандзэрник и т. д. (ib. 280). 5) Основной суффикс *-tra-* сохранился лишь в словах заимствованных: ка́йстра (сумка, то же в укр.) (Мат. Б. №№ 8 Игум., 10 Мозыр.), которое зашло из греческого (ср. τάγιστρον и κάνιστρον) (М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, III, СПб., 1909, 198—199), шу́стра (ib. № 9 Бых.), мако́тра (общебелорусск.); впрочем в последнем слове, взятом из новогреч. μάκτρα, вследствие осмысления народ усмотрел сложное слово, составные части которого *мак* и *теребить*. *Мако́тра* является таким образом как бы производным от слова *макаць'о́р,* каковое слово действительно и существует: макацёр (Черн. Губ. Вед. 1851 г. № 21), есць *макоцёр*, да сам маку не цёр (Зап. I, 301) (подробнее о *макотра* см. у Фасмера, «Греко-слав. этюды», III, 119).

Суффиксы с *н (-но/-на, -н'а, -ан, -анка, -ен', -ена, -ен'ка, -онка, 'но, -н'ик, -ина, -ын'а, -ин'а, -изна, -он, -ун, -ун'а, -тн'а)*

Суффиксов со звуком *н* имеется много как в простом виде, так и в соединении с другими суффиксами; причем часто одни и те же суффиксы служат и для образования имен существительных и прилагательных; суффиксы специально имен прилагательных иногда входят в состав сложных суффиксов имен существительных. Отметим более или менее замечательные образования: 1) *-но/-на*: бо́розны (Ев. 1616 г. 2 ке, 2 рлз), жо́рны (Мат. Б. №№ 4 Могил., 23 Минск., 28 Себеж., 31 Вилейск.); в соединении с *-оц-*: Bondaroúna (Чечот 64), бондарóвна (Сл. Нос. 30), д'з'ако́ўна, папо́ўна. 2) *-н'а* с распространением другими суффиксами: мозговня (Сл. Нос. 287), косцерня́ (ib. 249); суффикс этот обозначает название складочного места для чего-либо. 3) *-ан* (из *-ano-, -jano-, -ēno-*), причем *а, ja, ē* чаще принадлежат глагольной основе: лапаны́ (взятки) (Сл. Нос. 265), Боянъ (гр. 1266 г. Л. 15), топча́н (Сл. Нос. 636, Мат. Б. № 11 Новоалекс.), на толочанѣхъ (374 Лет. Авр. XV в.); паркану (Бел. Арх. I 1577); в соединении с другими суффиксами: братанича (74 Сб. XVI в. Крас.), братанец, kačaṅio (Клих 183 Новогр.), насмеха́нец (Мат. Б. № 23 Минск.), абырва́ниц, выхыва́ниц (ib. № 4 Могил. губ.). Тот же суффикс в соединении с *-ка* служит для образования слов женского рода, придавая

им разное значение; обозначает происхождение: писара́нка, проскура́нка, дзеча́нка (Мат. Б. № 10 Мозыр.), Сап'ежа́нка — происходящая от *Сапеги*; просто слова женского рода: ку°ха́нка, выху°ва́нка (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), лежа́нка (ib. № 8 Игум.), мала́нка (ib.), канапля́нка (платок из пеньки) (ib.); из них некоторые произведены от глаголов. 4) *-ен'* (из основн. *-єnjo-*): ѡболокса *волосѣнь* (129 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), лабзе́нь (с большим лбом) (Сл. Нос. 273), огу́рень (грубиан) (ib. 358); осце́нь (якіе великіе осцени в хлебе) (ib. 370), cichień (слабый гром) (Чечот 73), цихе́нь (тихоня) (Сл. Нос. 689); сюда же подходят и образования с *-ен'* из основн. слав. *-ьnjo-*, как: п'ри-ходна (пришел'ца) (Ев. Тяпин. 32б), хвасце́нь (хвастун) (Сл. Нос. 677), пере́вороцень (ib. 40), по́дъёздзень бабский (льстец) (ib. 450). 5) *-ена*: купе́на (название травы для умывания лица) (Сл. Нос. 260). Этот суффикс может распространяться новой прибавкой *-ĭка-* (*-ен'ка*) и тогда он обозначает уменьшительные и ласкательные слова; в случае безударности *е* изменяется в *а*: кладове́нька (Сл. Нос. 236); севе́нька (лукошко) (ib. 630), салавеенко (Отч. 5 Новоалекс.), Мары́лянка (Мат. Б. № 23 Минск.), недзелянька (Шейн Б. П. № 399 Лепп.), доро́жанька (ib. 16), тату́ленька, сватуленька (Мат. Б. № 8 Игум.), бу͡бженька ну͡бженька (ib. № 10 Мозыр.), кудзе́лянька (ib. 11 Новоалекс.); от слов с твердым согласным перед окончанием имеем образования на *-он'ка*: батоньку (Ром. Мат. Гр. I, 200 Слоним.) — полесская форма; карчо́-мунька (Шейн Б. П. № 93 Лепп.), карчо́манька (Бесс. Б. П. № 37), ры́бынька (Мат. Б. № 13 Свенц.). Под польским влиянием *-он-*, входящий в состав сложных суффиксов, переходит в *-эн-* (*-ен'ка*): подво́дэнька (Сл. Нос. 439), дзе́тэнька (Зап. V, 237), бра́тэнка (ib. 199). На основное *о* в этом суффиксе указывает возможность появления в безударном слоге *-ы-*: коля́дынька (Шейн Б. П. № 93 Лепп.), дзе́-вынька (ib. № 196). Тот же *-ен-* с прибавкой *-к-*, при ударениях на *е*, служит для образования слов уничижительных: штанёнки, лапцёнки, боцёнки, кожушчо́нка, спыдпичо́нка, хусцёнка, носовёнка, сирмяжо́нка, шапчо́нка (Мат. Б. № 18 Витебск.). Суффикс *-ен-* употребляется и в других соединениях: проположѐ͡а (гаданья) (59 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), шибеница (-цю) (24 Сб. XV в. Публ. Б. № 391), маленство (Сл. Нос. 278), молоденьцом (парням — полонизм) (31б Библ. кн. XVI в. Вил. 262), скупе́ндзе́й (Сл. Нос. 588) (из польского), свояченёц (родственник) (ib. 575), сьвиренъ (ст'олъпъ — слово заимствованное) (Ев. Тяпин. 1580 г. 29б). 6) Ближе всего к рассмотренному суффиксу подходит основной *-ĭno-*, употребляемый для образования прилагательных, но также (как мы видели, п. 4) входящий и в состав суффиксов имен существительных, а под ударением даже обращающийся в *-ен*: коси́льно (Сл. Нос. 248), грабельно̀ (ib. 121), набо̀жность (Мат. Б. № 22 Минск.). 7) Если к образованиям с *н* (= *-no-*, *-ĭno-*) прибавить *-ик-*, обозначающий одушевленный предмет мужского рода, то получится *-н'ик-* — очень распространенный в белорусском, русском

и украинском языках суффикс '[ба́лаўнік, балоўник (Мат. Б. №№ 9 Бых., 10 Мозыр., 13 Свенц., 18 Витебск., 31 Вилейск. и т. д.)]; при дальнейшем распространении этого суффикса посредством прибавки *-ек-* получается *-н'ичек* [се́рни́чо́к (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 11 Новоалекс., 15 Игум., 17 Речицк., 18 Витебск. и т. д.)], о чем после. От *-н'ик* женский *-н'ица* [звани́ца (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 10 Мозыр. и т. д.)], о чем при *ц*. 8) Очень распространены образования на *-ина*: dziādzina (Чечот 65) (может быть, здесь правильно видеть именную форму прилагательного), детина (парень) (31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), паучина (64 ib.), живина̀ (Мат. Б. № 31 Вилейск.), вярбина́ и ве́рбина (ib. №№ 11 и 14 Новоалекс., 28 Себеж., 31 Вилейск.), але́шына, лази́на (ib. № 4 Могил. губ.), дуби́на (ib. № 8 Игум.), оре́шина (ib. № 9 Бых.), ольшына́ (ib. № 10 Мозыр.), лящы́на (ib. № 11 Новоалекс.), голи́на (ветка) (ib. № 10 Мозыр.), канаплина́ (ib. № 11 Новоалекс.) журави́на (ib. № 7 Минск.), мохобро́дзина (сметана) (Черн. Губ. Вед. 1851 г. № 21), озими́на (Сл. Нос. 361), посу́дзи́на́ (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 10 Мозыр., 13 Свенц., 23 Минск. и др.), ры́бина (ib. №№ 4 Могил. губ., 31 Вилейск. и др.), тростины̀ (Ев. 1616 г. 2 т б), часцина́ (Сл. Нос. 696), зошли з вызины (с высоты) (147б, 148 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), година (час) (131б Лет. Авр., 27 Ев. Тяпин. 1580 г., ср. 80 Тайна Тайных XVI в.), ранина (утро) (131 Сб. XVI в. Позн.), домови́на (гроб) (Отч. 30 Пинск.), коля́вина (колеина) (Сл. Нос. 243), пожат *паренины* на пять бочок (Акты В. А. К. XXXIII, 137 Мин. XVI в.), прывбдзи́ны (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 31 Вилейск.), родина (сродство) (50 Ев. Тяпин. 1580 г.), сморкави́ны (Сл. Нос. 596), шугаве́ина (расточитель) (ib. 718), падли́на (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), калупани́на (ib. № 8 Игум.), осьми́на (ib. 11 Новоалекс.), логчы́на (ложбина), ста̄ днӣна (20б Сб. XV в. Публ. б. № 391), каждоую днинѫ (73 ib.), дружина (socii, amici) (Скор. XVI в. д 13, ПП 2), животина (ib. 1 23б), скотина (ib. E 7) (скотины принесенное, ѫдавленое). Из приведенных разнообразных примеров можно видеть, что с суффиксом *-ина*, который мог быть разного происхождения, образуются слова самого различного значения, что наблюдается и в других славянских языках (ср. W. Vondrák. Vergl. Sl. Gram. 1, 419—421). Любопытно *-инъ* в *воробии* (79 Псалт. XVII в.) (воробей). 9) Вероятно, под влиянием старинного суффикса *-ын'и*, перешедшего в современном белорусском языке да уже, вероятно, и в старом западнорусском в *-ын'а*[1]: господы́н'а, тегїню (тѧготѫ) (27 Ев. Тяпин. 1580 г.), 'ѡсподариню (109 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), скоя́киня (Сл. Нос. 575); мягкий *н* заходит и в суффикс *-ина*: даўжын'а́, должыня́ (Отч. 18 Ржев.), товщиня́ (Сл. Нос. 636), ширина́ (ib. 710), быстрыня́ (ib. 40). Вследствие распространения новым суффиксом *-ĭje-* имеем мягкое *н* в baćvíńo (из **ботьвиньје*) (Клих 175 Новогр.). 10) Под влиянием суффикса *-zn̆-* (жизнь) звук *з* заходит и в *-ина*, вследствие

[1] Случаи на *-и* следует рассматривать или как орфографические архаизмы [кнѧгини (1545 г. М. А. 11)], или как заимствование (*пáни*, польск. pani).

чего получается *-изна*, что известно и другим славянским языкам: во власной прадедизне и дедизне и ѡтчызне [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], величи́зна (Мат. Б. № 28 Себеж.), голи́зна (ib. № 13 Свенц.), жаўци́зна (укр. *жовти́зна*) (ib. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 15 Игум., 23 Минск.), исци́зна (настоящая истина) (Сл. Нос. 225), нови́зна (Мат. Б. №№ 15 Игум., 26 Себеж.), сиви́зна́ (укр. *сиви́зна*) (ib. №№ 11 Новоалекс., 13 Свенц., 31 Вилейск.), стари́зна (ib. 26 Себеж.), трупи́зна (ib. № 8 Игум.), ба́бизна (ib. № 31 Вилейск.) (укр. *баби́зна*). Сюда же примыкает и образование: фамилия Tryzna (Акты В. А. К. XXXIII, 124 Бобр. XVI в.). 11) Очень редок в белорусском языке суффикс *-он* (*-оно-*): го́мон (укр. *го́мін*) (Мат. Б. № 28 Себеж.), го́мын (ib. № 4 Могил. губ.), го́ман (ib. №№ 8 Игум., 11 Новоалекс.) и даже *га́ман* (Новогр.). Повидимому, сюда примыкают: рябзо́н (рябой), рябзо́нка (Сл. Нос. 571). 12) Довольно распространен суффикс *-ун*: dżygūn (род танца, укр. *джигу́н*) (Чечот 76), коршу́н (Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 22 Минск. и др.), пару́н (молния) (ib. № 22 Минск.), перху́н (часто кашляющий) (Сл. Нос. 412); возможно и осложнение этого суффикса другими, о чем после. 13) В женском роде этот суффикс известен только с мягкими *н*: *-ун'а* (бабу́н'а), но лишь в речи лиц, знающих по-польски, вследствие чего в нем следует видеть заимствование. 14) Еще отметим суффикс, сообщающий словам собирательно-отвлеченное значение, это *-тн'а́*; он придается только словам, имеющим глагольные корни: звягатня́, пискатня́ (Мат. Б. № 8 Игум.), беготня́, тоўкотня́, стукотня́ (ib. №№ 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 26 Себеж.), калатня́ (ib. 11 Новоалекс.).

Звук *н* входит еще и в некоторые другие сложные суффиксы, о чем речь в своем месте.

Суффиксы с *м* (*-ма, -ман, -мен', -им*)

Со звуком *м* вообще мало суффиксов, а чем-либо более или менее замечательных еще менее. Отметим следующие: 1) *-ма* в *повесма* (связка чесаного льна) (Сл. Нос. 434), слове, известном и в других славянских языках (Mikl. Et. Wrb. 392); 2) *-ман* — должно быть, прошлый суффикс, хотя и известный другим славянским языкам (напр., укр.), для которых Вондрак предполагает основную форму *-тапо-*: дурма́н, л'ихома́нка (лихорадка), калашма́н (с длинными штанами) (Малев. 176, Слуцк.); 3) видоизменение предыдущего суффикса под влиянием *-тен-*, служащего для образования основ на согласные (камене), представляет *-мен'*: дурме́нь (Мат. Б. № 9 Бых.), сухме́нь (ib. №№ 15 Игум., 23 Минск.), кругме́нь (ib.); 4) *-им*: побраци́м (укр. *побрати́м*) (Сл. Нос. 423), айчы́м.

Суффикс с *б* (*-у-ба*)

Со звуком *б* особенно распространен суффикс *-ба*: раху́ба, раху́бка (Сл. Нос. 561), где *у* из глагольной основы зашло еще в польское слово (rachuba) до заимствования его в белорусский и украинский языки.

Суффиксы с *д (-да, -уда, -ында, -инда, -ендзе'й, -ирдз'ай)*

Со звуком *д* отметим суффиксы: 1) *-да*: *знайда* ўсё знаходзиць и топор за лавкою (Сл. Нос. 214), мехéда (неповоротливый), говяда (рогатый скот). 2) Этот же суффикс со звуком *у* в начале: марýда (медлительный, медлящий, замедление). 3) Несомненно, новообразование в *-ында́, -инда́*: глухында́, крывинда́, слипинда́ (Мат. Б. № 4 Могил. губ.). 4) Со звуком *д*, восходящим быть может к корню *dē-*, известен суффикс *-енд'з'ей* и его видоизменение *ирд'з'ай* в новообразованиях: скупêндзéй (скряга) (Сл. Нос. 588), скупирдзя́й (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); дальнейшие же видоизменения указанных суффиксов в *скупиндзя́* (ib. 11 Новоалекс.) *скупирдзя́ка* (ib. № 4 Могил. губ., 14 Новоалекс.).

Суффиксы с *т (-ат, -ет, -от, -ота, -ут, -ута, -ут', -ит, -тух, -т'ай, -ство, -ст, -енц'ийа)*

Из суффиксов со звуком *т* отметим следующие: 1) *-ат* из основного *-ato-*, собственно суффикса имен прилагательных: скурáт (кусок выделанной кожи) (Сл. Нос. 589). 2) *-ет*: скверёт, скверетá (Сл. Нос. 581), где можно видеть и одно *-т*, а *е* относить на долю полногласной формы; сюда же принадлежат слова женского рода на *-ёта*: кормлёта (пища) (Сл. Нос. 246), свербёта (ib. 574); с этим же суффиксом, но распространенным новой прибавкой, отметим: дзявярóтка (Шейн Б. П. № 298 Велиж.), горéтник (горемыка) (ib. 118). 3) *-от, -ота*, оба могут быть распространены новыми прибавками: *животы* короткии дѣло долъго (vita brevis, ars longa est) (52б Тайна Тайных XVI в.), лóпоцень (болтун) (Сл. Нос. 271); блазнóта (малолетние) (Сл. Нос. 27), благатá [застаецца забаўница самай благаці͡е́ (Малев. 63 Слуцк.)], голóтá (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 9 Бых., 10 Мозыр., 14 Новоалекс., 15 Игум., 23 Минск., 31 Вилейск.), грызóта (ib.), духóта (ib. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых.), клопотá (ib. № 17 Речицк., 9б Тайна Тайных XVI в.), *-ты* (95б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), лихóта (Мат. Б. № 8 Игум.), мелкóта (ib. № 28 Себеж.), пякóта (ib. № 4 Могил. губ.), раўнóта (ib. № 23 Минск.), свербóта (ib. 28 Себеж.), стогнóта (ib. № 10 Мозыр.), сухóта (ib. и 28 Себеж.), склизóта (Сл. Нос. 583); икóтка (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), мякóтка (ib. № 4 Могил. губ.), пякóтка (ib. № 28 Себеж.); *животáнки* твое расцисну (утробу) (Сл. Нос. 115), лихотня́ (глупость) (ib. 269); *-оть*: доброть (28 Привил. Каз. 1457 г.). 4) *-ут, -ута* с предыдущим твердым или мягким согласным: жгут (удáрыц' жгутóм), Васю́та (Сл. Нос. 710), Ясю́та (Ванюша) (Сл. Нос. 728), малю́та (ib. 279) и др. уменьшительно-ласкательные слова. 5) *-ут'*: пархýць, пархýцик (Сл. Нос. 393). 6) *-ит-* — суффикс, который может распространяться и новыми прибавками: нáйм'ит, нáймитка (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), яли́ты (testiculi) (Сл. Нос. 727); может быть сюда принадлежит и *лецúтва* (дикая утка) (ib. 268). 7) *-тух*, который можно рассматривать и как *-t-ucho-*:

свинту́х (Сл. Нос. 575), свинтуха́йло (ib. 574). 8) *-тур*: нямтур (немой) (Вит. К. С. 211). 9) *-т'ай*: ты сорома для л҃юско҃ што *гольтяй* єси (58б Четья 1489 г.), суффикс, известный и укр. яз. (гольтя́й); в совр. белорусск. обыкновенно *гул'та́й*, не без влияния глагола *гул'аць'*. 10) Известный суффикс *-ьство* очень распространен; отметим несколько более редких слов: гл҃ъповъс'тво (36б Тайна Тайных XVI в.), нетьство (плен) (30 Увар.), послѫшествѫ (1 Тайна Тайных XVI в.), пох'лебьс'тва (14 ib.). 11) *-ст*(?): лица албо виденїѣ на *зрастъ* песїи' (65б Сб. XV в. Публ. б. № 391). 12) Под влиянием латино-польских школ явился суффикс *-е́нц'ийа,* не известный простому народу: усю́дых такая заведэнция, што кто больший, тэй не меньший (Сл. Нос. 161).

Суффиксы с *з* (*-зно, -'аз* и др.)

Со звуком *з* отметим сложный суффикс *-зно*: бабзно́ (уничижительно — *баба*) (Сл. Нос. 10). В *бабзды́р* (женский угодник) (Сл. Нос. 10), повидимому, следует усматривать сложное слово. При *мень* имеем *менту́з* (Сл. Нос. 284), быть может, заимствованное из польского (miętus). Еще с *з*: дробя́зок (Сл. Нос. 146), подробя́зок (Мат. Б. № 15 Игум.), где *-'аз-* предполагает - ʒ-; в польск. drobiazg, повидимому, заимствование; на руках малёнезя (ребенка) несу (Ром. Мат. Гр. 1, 157 Слоним.).

Суффиксы с *с* (*-ас, -аса, -ос, -ес, -иско, -с' -с'а, -ск, -ска)*

Со звуком *с* суффиксов вообще немного, так как основное *s* в известных случаях еще в общеславянском перешло в *x*, каковой звук на общеславянской почве перед *е* и *і*, не говоря уже об *j*, переходит в *š*. Вследствие этого в белорусском языке старинное *с* перешло лишь в суффиксе *-ес-*, заимствованном у основ на согласные. Здесь мы отметим только новообразования и заимствования. К числу их принадлежит: 1) *-ас/-аса*: вы́рвас (сорванец) (Сл. Нос. 93), дуба́с (большой нож, как и в укр.) (ib. 147), ды́рдас (шалун-мальчик) (ib. 149), кута́с (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс.); ср. тур. kutas; выкранта́с (ib.), выглянта́с (ib. 23 Минск.), kūdasa (Чечот 80), ку́даса (метель) (Сл. Нос. 257), морда́сы (ib. 289) (укр. *морда́с*). 2) *-ос*, несомненно, из *-es-*: дзивбсы (удивительные вещи) (Сл. Нос. 131). 3) *-ес* (с неумягчит. *е*) лишь видоизменение раньше указанного суффикса *-ас*: выкрунтэ́сы (Сл. Нос. 84) рядом с *выкрунтасы*. 4) *-иско* под влиянием польского языка вм. обычного *-ище*: на́звиска (Ев. 1616 г. 2 сме б), в'насмѣ-ви́скахъ (ib. к҃г), прбзвиско (Сл. Нос. 522). 5) *-с'/-с'а*. Эти суффиксы у имен существительных употребляются для обозначения ласкательных названий лиц и вообще предметов одушевленных. В этом отношении белорусский язык сходен с украинским и польским языками; из последнего, быть может, этот суффикс и позаимствован; распространение его зависело также от употребления в белорусском местоимения *сь* в сложении с местоимениями и наречиями, о чем у нас речь после; другая

форма *-с'а* поддерживалась известной формой возвратного местоимения *с'а* (*-с*), ставшей глагольным суффиксом, а также категорией рода: *-с'а* свойственно словам женского рода. Суффиксы *-с'/-с'а* могут подвергаться и дальнейшим распространениям посредством новых наставок в начале *-а-* и *-у-*, а в конце *-ка, -ен'ка, -ечка*: Ясь (Сл. Нос. 727), Адаська (Адам) (ib. 3), ку́му́ся (Шейн Б. П. 18 Лепп.), Каста́ся, Петру́ся, баба́ся (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 26 Себеж.), Ану́ся (ib.), Ганну́ся (ib. № 4 Могил. губ.), Мату́ся (ib. №№ 9 Бых., 10 Мозыр.), баба́сенька (Сл. Нос. 10; ср. Шейн Б. П. № 3 Лепп.), матусечка (Сл. Нос. 282), мамусенька (Мат. Б. № 23 Минск.), дяду́синька (ib. № 26 Себеж.). 6) О суффиксе *-ск/-ска* из древнего *-ьскъ*, служащем для образования имен прилагательных, речь в другом месте. Здесь отметим для примера два слова с этими суффиксами, ставшие именами существительными, причем одно перешло в основы на *-а*: вои'скою (49б Сб. XV в. Публ. б. № 391), Витебск (1 Вил.), Витебск (27 Увар.).

Суффиксы с *ц (-ц, -це, -ца, -ица)*

Суффиксы со звуками *ц* развились в конце праславянской жизни из суффиксов, имевших *к*; они перешли из общерусского языка и в белорусский язык, но здесь в некоторых случаях произошло дальнейшее вытеснение суффиксов с *к* суффиксами с *с*. 1) Суффикс *-ьць* (из *iко-*) обыкновенно имеет вид *-ц-*: бегѫнци (скороходы) (132 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), вилневци (гр. 1443 г. СВ), голубецъ (Отч. 8 Иллюкст.), еловец (Мат. Б., повсеместно), жоронцы (ib. 28 Себеж.), Иванец (уменьшит.) (Сл. Нос. 223; 101 Документы Моск. Арх. Мин. Юст. I т. М., 1897), Андреецъ (101 ib.), Петрецъ, Василецъ (109 ib.), каганъцы (светил'ники) (35 Ев. Тяпин. 1580 г.) (ср. укр. *каганéць*), маладзе́ц (Мат. Б., повсеместно), мязи́нец (ib.), рыбало́вцы (Отч. 4 Новоалекс.), свояченёц (родственник) (Сл. Нос. 575), гости́нец [аже погубѧть слѣдъ на гостинници на велице (396 Лет. Авр. XV в.)]; этот же суффикс распространен другими в *старцо́вка* (нищая) (ib. 613). У слов среднего рода: kabárcб (коврик) (Клих 183 Новогр.), мѣстьце (5 Четья 1489 г.), местцо (65б Сб. XVI в. Крас.), месцо (ib. 64б) из ***мѣстьцѣ**; солодокъ *небцѫ* моемѫ (83 Библ. кн. XVI в., Вил. № 262), око́нце (Мат. Б., повсеместно), вудове́йцо (ib. № 18 Витебск.). 2) Под польским влиянием в мужском роде явился суффикс *-ця*, предполагающий *-ьця*: выдавца (предаѧй) (38б Ев. Тяпин. 1580 г.), здзе́рца (попадзись гэтому здзерцу в руки) (Сл. Нос. 204), з рѫки *ѡбидець* и^{x} сила (88 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), прода́вца (предатель) (Сл. Нос. 521), *райца* из ***радьца**. В женском роде этот суффикс обычное явление: trasca (Чечот 92). 3) Очень распространен в женском роде суффикс *-ица* (из *-ĭka*) а) в таких случаях, где в литературной русской речи *-ика*: брусница (укр. *брусни́ця*) (Мат. Б. №№ 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 26 Себеж.), брушни́ца (ib. № 29 Новогр.), суни́ца (земляника) [ib. №№ 4 Могил., 7 Минск. (укр. *суни́ця*)], земляни́ца

(ib. 26 Себеж.); чарн'и́ца (черника); б) для производства от мужского рода на *-икъ* женского рода: *блѧдницы* пріймова̂л' (Ев. 1616 г. ѳ.ı), паску́дница (Мат. Б. № 28 Себеж.), чароўни́ца (ib. № 10 Мозыр.); в подражание подобным образованиям — вообще для производства одушевленных женского рода: блазни́ца (Мат. Б. №№ 14 Новоалекс., 23 Минск.), дурни́ца (ib. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 11 Новоалекс.) (и о муж. роде), залуви́ца (ib. № 29 Новогр.), она *бѣдница* (Четья 1489 г. 115), матица (Сб. XV в. Публ. б. № 391 ср. л. 59б), комоници (кобылицѣ) (83 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), королица (королева) (48 Увар.), королевица (королева) (Бел. Арх. I 1624), мылад-зи́ца (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); в) еще отметим ряд слов с этими суффиксами более редких: asielica (о-сел-и-ца) (Чечот 70), блискавица (69 Тайна Тайных XVI в.), блы́скавица (Ев. 1616 г. ξ ѳ̄ б); те же варианты обычны и в живой речи; драни́ца (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), замяце́лица (Отч. 14 Великолуцк.), звóнни́ца (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 13 Свенц., 15 Игум. и др.), курица (кокошь) (33 Ев. Тяпин. 1580 г. и в совр. речи), крыница (Мат. № 11 Новоалекс.), nahawicy (Чечот 83), ногавицы (3 Лет. Пер. Сузд.), hanawicy (Федер. I, 175 Зельва) (с перестановкой слогов), неўда́лица (негодяй) (Сл. Нос. 338), оке́ни́ца (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 10 Мозыр.. 11 и 14 Новоалекс., 31 Вилейск.), прави́ца (как в укр.) (ib. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), по прави́цы по лѣви́цы (Ев. 1616 г. к̄), skamlica (скамейка (Чечот 67), сыпраці́ўница (Отч. 12 Великолуцк.), sугу́са (эпитет земли, пшеницы) (Клих 206 Новогр.). Вероятно, украинизм в *мамицю* (Бесс. Б. П. № 173).

Суффиксы с *г* (*-га, -ог, -уга, -уг, -ыга, -ага* и др.)

Суффиксов с *г* вообще немного. Из них отметим 1) *-га* для обозначения названий собирательных: митульга́ (мотылки) (Сл. Нос. 285); иногда этот суффикс распространяется другими прибавками: мальгва [*мальгвы* наловив (малые рыбки) (Сл. Нос. 279)]; несколько иной оттенок придает суффикс в слове *колю́гвина* (выбоина колесом) (ib. 243). 2) Суффикс *-ог*: мурóг (трава, растущая не на болотистом месте); *-ога*: родачи ба̂ *ноудоги* и немоци не имѣла (111б Четья 1489 г.). 3) Суффикс *-уга* с предыдущим твердым и мягким согласным: дзеру́га (Сл. Нос. 130), dzieruha (Чечот 76), или с перестановкой слогов: radziuha, radziuszka (ib. 88), дреннюга (Сл. Нос. 145), шавлю́га (еле шевелящая ногами лошаденка) (ib. 704), сварю́га (ib. 574), халу́га (изба) — слово заимствованное, причем в суффиксе аналогичное образование (ib. 675), конюга, бычу́га (Мат. Б. № 26 Себеж.), болванюга (Сл. Нос. 30), синьцю́га (верхняя одежда из крашеного сукна) (ib. 579). В одном слове имеем *-уг* с предыдущей мягкостью согласного: метлюг (метлица) (ib. 285) — окончание мужского рода (как и в укр.). Те же суффиксы, распространенные новой прибавкой, в *жидзюга́н* (плутоватый еврей) (Сл. Нос. 156), *овчуга́н* (собака, стерегущая овец) (ib. 357). Другой

гласный предшествует *г*, но те же образования в *шалога́н, шалога́нчик* (плутишка) (Сл. Нос. 704). 4) Суффикс *-ыга*: колты́га (сутяга) (Сл. Нос. 242), мотолы́га (бродяга) (ib. 291), шалы́га (плут) (ib. 705). 5) Суффикс *-ага* с предыдущим мягким согласным из *ęga*: серма́га (Сл. Нос. 630). Сюда, повидимому, относится: роботага (Скор. XVI в. Ср. 56). 6) В слове *мудрогель* (хитрец) (Сл. Нос. 293; ср. укр. *мудрагéль*) в окончании какое-то новообразование со звуком *г*, во всяком случае не народное.

Суффиксы с *к (-ко/-ка, -ул'ка, -ул'ен'ка, -очка, -ечка, -ынка, -инка, -ака, -ека, -ыка, -ак, -ик, -ек, -ок, -унок, -ынок, -енок, -к, -очек, -ук, -ука)*

Суффиксы со звуком *к* у имен существительных вообще служат большею частью для обозначения названий предметов уменьшительных; со временем у многих слов забыт такой их характер, так как часто исчезают слова не уменьшенные. От уменьшительных слов прямой переход был к словам ласкательным. Эти последние особенно развиты в белорусском языке, что в суффиксах достигается соединением из них, иногда даже двух со звуком *к*. Есть, конечно, случаи, когда суффиксы с *к* и не имеют указанного характера. Отметим по нескольку примеров на разные из относящихся сюда суффиксов: 1) *-ко/-ка:* балому́тка (Сл. Нос. 14), братка (им. под.) (Мат. Б. № 23 Минск.), вы́мбўка (Мат. Б. №№ 11 и 14 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), hūtarka (Чечот 78), двадца́тка (Сл. Нос. 127), дзѐвитка, дзѐситка (Мат. Б. № 31 Вилейск.), дочка́ (Ев. 1616 г. н҃д б, Мат. Б., повсеместно), возьмѐмся у *душки* (ib. № 31 Вилейск.), на ю́шку (к слову *ю́ха*) (Малев. 86 Слуцк.), толока (Акты В. А. К. XVII т., XVI в., ib. XX т. 1554 г.), девъка (девїца) (50 б Ев. Тяпин. XVI в.), ѡто *девка* по҃не҃ и породи҃ сна҃ (41 Сб. XV в. Публ. б. № 391), дзе́тки (повсеместно), z'ujka (Чечот 96), sв'ѣздарька (1716 Сб. XVI в. Крас.), *и́долка* гэта жиць не даець (Сл. Нос. 224), кишо́нка (ib. 235); матка (Сб. XV в. Публ. б. № 391) (матко — девк'о 146), въ *лытка*х̑ мѫ҃скы̑ (Псалт. 146, 10 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), не́прїателькою (Ев. 1616 г. к҃s б), ону́чка (Сл. Нос. 364), передо́йка (Мат. Б. № 17 Речицк.), портки (Акты В. А. К. XXXIII, 137 Мин. XVI в.), ruczajka (веретено с пряжей) (Чечот 89), сороко́вка (Сл. Нос. 600), сарако́ўка (Розенф. 37 Мин.), трицца́тка (Сл. Нос. 640), тычк'и (21 Тайна Тайных XVI в.), чуба́йка (Сл. Нос. 700), ширинка (17 Сб. XV в. Публ. б. № 391), ятро́вка (Сл. Нос. 728). Вследствие осложнения *-ка* другими суффиксами у слов ласкательных получаются окончания: *-у́л'ка* [тату́лька (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ. 11 Новоалекс., 23 Минск.), дзядулька (ib. № 4 Могил. губ.), рыбу́лька (ib. № 15 Игум.), мату́лька (ib. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск., 28 Себеж.), свисту́лька (ib.)]; *-у́л'ен'ка* [мату́ленька (Дмитр. П и Ск. Вильн. 82 Новогр.), кму́ленька (Мат. Б. № 23 Минск.),

бабу́ленька (ib.), сестру́ленька (ib. № 15 Игум.), тату́линько (ib. № 4 Могил. губ.)]; *-очка/-ечка*, где в начале суффикса то же *к*, только оно подверглось смягчению перед *ь*, о чем речь после [перепелочко, ложечку (1656 Сб. XVII в. Син. б. № 790)]; *-ынка* [Bohatynka (фамилия) (Акты В. А. К. XXXIII, 122 Мин. XVI в.), ба́цинка (Шейн Б. П. № 95 Лепп.)]. Имена лиц больше оканчиваются на *-ко*, куда *о* могло зайти из звательного основ на *-а*, не без влияния окончания именительного слов среднего рода, так как это окончание во многих языках употребляется в ласкательном смысле. Вот несколько примеров: Глебъку, Карнилко, Сеньку (1 Документы Моск. Арх. Мин. юст., т. I, М., 1897) (из «Литов. Метрики» XVI в.), Андрейко (25 ib.), Михалко (99 ib.), Остапко, Мишко (105 ib.), Юрко (116 ib.), Wнъдрушку (2 ib.), Petraszko, Hłosko (Акты В. А. К. XXXIII, 122 Мин. XVI в.), Miszko, z Zelenkom, z Tymoszkom, Hruszko (ib. 123, ср. ib. 327 копия XVIII в. Ошм.), Iwaszko (ib.), Ostapko, Cimoszko, Jurko (ib. 329), Michałko (ib. 330), Iwan Soczywko (ib. 333), Jankò (Федер. I, 118 Рось), хвалько́ (хвастун) (Сл. Нос. 676), хвасько́ (ib.), ба́цько (Мат. Б., повсеместно); тот же суффикс с распространением в начале прибавкой *-ей* (из осн. *ïjь*): ба́цейко, бра́цейко (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 17 Речицк.), брати́йка (Бесс. Б. П. № 56), веребе́йка (Сл. Нос. 48), вярабейка (М. Б. № 8 Игум.), сваце́йка (ib. №№ 8 Игум., 23 Минск.), сва́ційка (сват) (ib. № 23 Минск.); *-ко* в ласкательном смысле конечно и у слов среднего рода: ле́тонько (Сл. Нос. 274), коло́дзико (ib. 242), перъяйка маё (Отч. 3 Новоалекс.), b'eréźeiko (Клих 176 Новогр.), надвбрейка (Шейн Б. И. № 5 Лепп.), копыцейком (ib. № 177 Витебск.), сбняйко (Малев. 96 Слуцк.). 2) Суффикс *-ака* (с предыдущим твердым или мягким согласным), распространенный и в укр.: верещáка (Сл. Нос. 49), зевáка (ib. 222), вужáка (Отч. 10 Иллукст.), čerćáka (Клих 177 Новогр.), черця́ка (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), нибыра́ка, раскира́ка (ib. № 4 Могил. губ.), раскиря́ка (ib. № 28 Себеж.), разява́ка, мурза́ка (ib. № 8 Игум.), ходя́ка (ib. № 9 Бых.). 3) *-ека* — видоизменение предыдущего: раскире́ка (Сл. Нос. 555) (обыкн. раздирака). 4) *-ыка*: muzýka (музыкант) (Чечот 66), мȣзы́ка (Ев. 1616 г. 2 саі б). В мужском роде суффикс *-к* обычное явление, как и в русском литературном языке, причем часто имеет перед собой разные гласные. 5) *-ак* (с предыдущим твердым или мягким согласным): вовкола́к (Сл. Нос. 62), жебрак, -ка̀ (Ев. 1616 г. 2 ркѳ б.), мя(е)ртвяки́ (Отч. 23 Трубч.), небора́к (бедняк) (Сл. Нос. 327), першáк (первенец) (Сл. Нос. 413), своякъ (99 Лет. Пер. Сузд. XV в.), смоля́к (смоляной обрубок дерева) (Сл. Нос. 595), трецця́к, трецця́чок (ib. 639), шеста́к (ib. 709). 6) *-ик* или распространенный впереди прибавкой *н*, больше из *-ьн* суффикс *-ник*: водзя́ни́к (Мат. Б., разн. места), ве́сьники (ворота) (Малев. 168 Слуцк.), за́конникъ (Ев. 1616 г. 2 рми), коза́цики (Шейн Б. П. № 103 Бых.), ко́ршик (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), с моужи с литовникы (93 Лет. Авр. XV в.), мени́нник (Сл. Нос. 283), maładzik (влюбленный) (Федер. I, 23 Свислочь), нижник

(валет) (Сл. Нос. 339), нисчи́мник (бедняк) (ib. 340), поручикы (поручители) (гр. 1265 г.), ревн'икъ (ревнив) (22 Тайна Тайных XVI в.), ву́чельник (Мат. Б. № 7 Минск.), челадникъ (раб) (35 Ев. Тяпин. 1580 г.), черевикї (сандалиіа) (50 ib.); интересно *дубчикъ* (розга) (Сб. XV в. Публ. б. № 391) (*доубчики* 59 б), где посредствующей ступенью было *дуб'а́ц;* 7) *-ек* из польск.: кели́шек (Мат. Б. №№ 14 Новоалекс., 8 Игум. и др.) (кили́шак), 18 Витебск. (ке́лишик); 8) *-ок* (из основн. *-око-* и *-ико-*, вследствие чего *о* или остается, или в известных случаях выпадает): борбо́к (Мат. Б. № 18 Витебск.), Змитро́к (ib. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), камино́к (стекло для лампы) (ib. № 7 Минск.), пярехре́стак (ib. 31 Вилейск.), понеделок (ib. 34 Рогач.) (ср.: *в понедълокъ* 72 Супр.), домокъ (Сб. XV в. Публ. б. № 391) (с того дом'коу 58), опорокы бити (9 Вил.), порокы бити (35 Увар.), пожит'ка (пользы) (55 б Тайна Тайных XVI в.), после҃кꙋ (остатка, конца) (60б ib.), прискринок (Сл. Нос. 510); впереди суффикса возможны прибавки: *-унок* (стасу́нок), *-ынок* (будынок) — оба под польским влиянием; *-енок* [kowalenok (Акты В. А. К. XXXIII, 122 Мин. XVI в.), kowalèńku (зват. пад.) (Федер. II, 174 Свислочь)]. 9) Суффикс *-к* = др.-русск. *-ькъ* (из *-iко-*), чаще в соединении с предыдущим *-ок-*, перешедшим в *-оч-* (о чем речь после): своячо́к (Сл. Нос. 575), господарбчик (Шейн Б. П. № 140 Витебск.). 10) Суффикс *-ук* (с предыдущей мягкостью или твердостью согласного): в собственных именах — Петюкъ, Грынюкъ (101 Документы Моск. Арх. Мин. юст. I т. М., 1897), Федюкъ, Павлюкъ (ib.), Костюкъ (105 ib.), Ясюк (Сл. Нос. 727), Jasiuk (Акты В. А. К. XXXIII, 122 Мин. XVI в.), Pauluk (ib. 123); в нарицательных словах — вепру́к, вепручо́к (Сл. Нос. 48), гвоздзю́ки́ (Мат. Б. №№ 13 Свенц., 31 Вилейск.), осцю́к (Сл. Нос. 370), порсю́к (ib. 475), байстру́к (Мат. Б. № 8 Игум.), близню́к (ib. №№ 10 Мозыр., 15 Игум.), весню́к (ib. 23 Минск.), дзецю́к (парень) (ib. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 14 Новоалекс., 28 Себеж.), жеребю́к (ib. 10 Мозыр.), каю́к (ib. № 9 Бых.) (укр. *каю́к* — род лодки), кулю́к (соломы) (ib. № 23 Минск.), коцю́к (ib. № 10 Мозыр.), парсю́к (ib. №№ 8 Игум., 10 Мозыр.) (поросюк), пацу́к, пападзю́к (ib. № 8 Игум.), саплю́к (ib. № 4 Могил. губ.), свиню́к (ib. №№ 11 Новоалекс., 29 Новогр.), сталю́к (ib. № 26 Себеж.), сяврю́к (ib.), целю́к (ib. № 10 Мозыр.), щеню́к (ib.). Иногда тот же суффикс и у слов женского рода в виде *-ука*: бад'з'у́ка (бодливый), Krebiuka Sidor (Акты В. А. К. XXXIII, 123 Мин. XVI в.).

Суффиксы с *х* (*-ах, -ха, -иха, -ох, -оха, -ух, -уха, -ухна, -х'ен'*)

Из примеров на суффиксы со звуком *х* отметим: 1) *-ах*: птахъ (91б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262, ср. 47 Ев. Тяпин. 1580 г.). 2) *-ха* (?): стреха [Мат. Б. №№ 6 Диснен. (страха́) 8 Игум., 9 Бых., 28 Себеж. и др.]. 3) *-иха*, употребляемый (как и в укр. языке) для образования имен женского пола от имен мужского, как собственных,

так и нарицательных: Антóниха (Мат. Б. № 10 Мозыр.), Иваниха (ib. 9 Бых.), Левóниха (Сл. Нос. 266), Симóниха (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), Шумакóв'ичыха (от *Шумакóв'ич*)[1] и т. д., бóндары(и)ха (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 28 Себеж., 31 Вилейск.), дзячиха (ib. № 4 Могил. губ. и Сл. Нос. 134), ковалиха (Мат. Б. № 10 Мозыр.), краўчыха (ib. № 11 Новоалекс.), пи́сарыха (ib.), пыпадзиха (ib. № 4 Могил. губ.), панамарыха, радзиха (ib. № 14 Новоалекс.), ста́росциха (ib. № 9 Бых.), старшиниха (ib.), шаўчыха (ib. № 7 Минск.). 4) *-ох*, *оха* (с предыдущим твердым или мягким согласным) для обозначения названий предметов, к которым относятся с некоторым пренебрежением, отчасти увеличительных: л'с'ц'óх, л'с'ц'оха, дырдóха (увеличит. к *дырда*) (Сл. Нос. 149), раскидóха (ib. 555), пройдóха (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск.), побирóха (ib. № 28 Себеж.), дурёха (ib.). 5) *-ух* (с предыдущим твердым или мягким согласным): кажýх, котýх (Сл. Нос. 249, Мат. Б. №№ 9 Бых., 14 Новоалекс., 23 Минск.), конюх (ib. 22 Минск.), свинýх (ib. №№ 7 Минск., 8 Игум.); *-уха* (с предыдущим твердым и мягким согласным): saładucha (Чечот 90), цяцюха (лихорадка) (Черн. Губ. Вед. 1851 г. № 21), зелéпуха (незрелая ягода) (Сл. Нос. 207), свекрýха (ib. 574), сёмуха (ib. № 577), сердзюха (ib.), вывяртýха (Мат. Б. № 23 Минск.), квакýха (ib. № 9 Бых.) ласкатýха (ib. № 14 Новоалекс.), надсóпуха (верхняя часть печки) (ib. № 13 Свенц.), палятýха (ib. № 7 Минск.), спявýха (ib. № 8 Игум.), сакатýха (кто кричит, как курица), тялýха, тялýшка (Мат. Б. № 32 Орш.), харашýха (ib. № 23 Минск.), чацвертуха (четверть) (Отч. 30 Пружан.). 6) Суффикс *-ух* в соединении с *-на*, т. е. *-ухна*, служит для образования нежных названий, когда обращаются к кому-либо с почтением: Бóжухно (Шейн Б. П. № 15 Лепп.), бáцюхна (Мат. Б. №№ 7 Минск., 11 Новоалекс., ср. Бесс. № 42), бáбухна (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 10 Мозыр., 23 Минск., 26 Себеж., 31 Вилейск.), брáтухна (ib. №№ 9 Бых., 15 Игум.), дóчýхна (ib. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), дзéвухна (ib. № 23 Минск.), мáтухна (ib. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск.), тáтухна (ib. № 15 Игум.), цётухна (ib. № 7 Минск.), вóлюхна (Сл. Нос. 65), вóчухна (ib. 67), лебéдзюхна (ib. 266), мáмухна (ib. 279), корóвухны, свинухны (Шейн Б. П. № 75 Лепп.), жóнухны (Гильтебр. CCXVI Диснен.), сьмертухна-матухна (Малев. 118 Слуцк.). Характер нежноласкательный особенно виден из следующего места (Сб. XVII в. Син. б. № 790, л. 165, 165 б), где большое накопление разных ласкательных слов: Матухна, зезулюхно, утухно, панюшко, сподариня, солнце, месецъ, звездухно, дай крошку хлеба... Сподарыня, перепелочко, зорухно, зернетко, солнушко, дай ложечку дитятку варивца сырого... Ср. еще *матоухно милост'ивата* (1б, 14б Сб. XV в.

[1] Возможно и образование на польский лад — на *-овна*: Котк'éв'ич — Котк'ев'ичóўна; простой народ, впрочем, таких образований не любит. Если фамилии имеют форму прилагательных, то образований на *-иха* и *-овна* не бывает.

Публ. б. № 391). Для выражения еще большей нежности тот же суффикс подвергается дальнейшим распространениям посредством новых наращений: нявехначка (Мат. Б. № 24 Новогр.). Сейчас рассмотренный суффикс (*-ухна, -хначка*) — особенность чисто белорусская. Иногда наблюдаются и обратные случаи, что тот же суффикс *-ухна*, особенно с ударением на *у*, обозначает и пренебрежительное отношение к предмету: *женýхне* моей так захоцелося (Сл. Нос. 154), дзядзю́хна (ib. 134), дзевýхна (ib. 132, Ровин. Енеида, 56 ст.). 7) *-х'ен'*: товхень (толчок) (Сл. Нос. 635) — какое-то перетолкование корня *тъ̄лк-*.

Суффиксы с шипящими *ж (-ажка -ужка), ш (-ша, -ыш/-иш, -уша, -ушка, -ушечка), ч (-ач, -еча, -ич[-ов'ич],-ыч, чык, -ичáк, ичко, -ечáк, -очáк* и др., *-чуга, -чына, -чен'ко), щ (-щыч, -щык, -щанка, -оўщына, -ище, -ощы)*

Суффиксы с шипящими *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, представляющими смягчение *г, х, к (ц), dj, tj, скj, стj*, происшедшее на почве общеславянского или общерусского языка, представляют лишь варианты уже рассмотренных суффиксов, стоящих перед умягчительными гласными, где, по преданию от старины, и происходит смягчение. Суффиксы с шипящими большей частью сложные. Приведем примеры.

На *ж*: kałamāz'yczka (Чечот 65), злодзю́жка (воришка) (Сл. Нос. 209); сюда относится *дрaннюшечка* (Мат. Б. № 9 Бых.), где *ш* из *д-юшка* вм. *д-южька*. Таким образом в приведенных случаях собственно суффиксы: *-аг-*, *-уг-*, распространенные лишь новыми прибавками.

На *ш*: 1) *-ша*: си́кша (Сл. Нос. 579). 2) *-ыш*: збро́дыш, спары́ш (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), на́йдыш (Сл. Нос. 308), пога́ныш (гриб поганка) (ib. 435); *-иш*: купа́лиш (предводитель купальских игр) (ib. 269). 3) *-уша* (с предыдущим твердым или мягким согласным), *-ушка, -ушечка* (с предыдущим твердым или мягким согласным); последние суффиксы придают характер ласкательный: Maciusza (Матвей) (Акты В. А. К. XXXIII, 327 Ошм. XVIII в.), Rabuszka Jacuk (ib. 123 Мин. XVI в.), дочу́шкам (Шейн Б. П. № 90. Лепп.), помпу́шка (Сл. Нос. 465), пелю́шечки (Бесс. Б. П. № 3). Тот же суффикс, но только с другими прибавками в кавцюшо́к (крупы с мышиными кавцюшками) (Сл. Нос. 227). Во всех приведенных случаях *ш* из *х*; но звук *ш* заходит и в другие ласкательные суффиксы, где ожидали бы встретить *ч* из *к*: kupčýšečka (Клих 186 Новогр.).

На *ч*: 1) *-ач*: сѣва́чъ (Ев. 1616 г. 2рк) (укр. *сівáч*), dzierkācz (Чечот 76). 2) *-еча*: галадн'э́ча (голодный, голод), галада́ча (Мат. Б. № 8 Игум.), халадзе́ча (Малев. 191 Слуцк.), халадне́ча (Мат. Б. № 7 Минск.), пусте́ча (ib. № 8 Игум.), мале́ча (Сл. Нос. 278) (как в укр.), камаре́ча (Сержп. 59 Мозыр.). 3) Особенно замечателен здесь суффикс *-ич* (ст.-слав. **ишть**), означающий происхождение от кого-либо, потомков; он распространяется часто в начале суффиксами *-ов-*, *-ев-*, также обозначающими принадлежность, происхождение от кого-

либо: ѿчичи и дѣдичи (82б Сб. XVI в. Крас.), братанича (ib. 74), серънича (серненку) (86 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), дзякóвичь (Сл. Нос. 134), подпáсыч (Мат. Б. № 15 Игум.), Сираховича (Катихиз. 1562 г. 120), Тишкевичъ (Акты В. А. К. XXXIII, 133 Мин. XVI в.), bojara pancernyie: Seleznewicz, Janalewicz, Kozarynowicz, Matkiewicz, Wiaz'ewicz..., mieszanie: Oleszkowicz, Kotelewinowicz, Sudnikowicz, Potapowicz, Korotkowicz, Korolewicz (ib. 122), Oltuchowicz, Opanasowicz, Chwełkowicz (ib. 123), Котовичом (ib. 127 Гродн. г. Лаша XVI в.), Хома Слинчычъ (117 Документы Моск. Арх. Мин. юст. 1. М., 1997). 4) Иногда происхождения *-ич-* в *правúчка* (Сл. Нос. 492), *-ыч-* в *слóдыч* (сладость). 5) Суффикс *-чыкъ*, собственно распадающийся на *ч* из *-ъц-* или *-ък-* и *-ик*: доубчики (59б Сб. XV в. Публ. б. № 391), крáйчик (краюшка) (Сл. Нос. 251), редчик (ib. 570), хлóпчик (ib. 679), лю́бчык — народное осмысление levisticum. В остальных суффиксах связь *ч* с *к* еще яснее. 6) *-ичáк*, *-ичко*: сéрничóк (Мат. Б., разные места), велúчко (придзець святое величко с красным яичком) (Сл. Нос. 48). 7) *-ечáк*, *-очáк*: дзевярóчек (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), сябрóчек (ib.), *гвалточки* мое, живот порвéцца от смеху (Сл. Нос. 111); *-ечка*, *-очка*: нóжечка (Шейн Б. П. № 17 Лепп.), хáтычка (ib. № 7), квéточк'и (Ев. 1616 г. 2 ла), dziādzieczko (Чечот 65); *-иночка*: дзяўчы́ночка (Мат. Б. № 24 Новогр.); *-онёчек*: перстёнёчек (Бесс. Б. П. № 15). 8) *-чуга*: старчýга (Сл. Нос. 614); *-чуган*: старчугáн (ib.). 9) *-чына*: логчины (63 Псалт. XVI в.), дзяравя́чына (-в-яка,-ина) (Мат. Б. № 8 Игум.). 10) *-чен'ко*: бúченька (Сл. Нос. 361); ой, мужу, мужу, *няверничéньку* (Розенф. 44 Мин.).

Суффиксы со звуком *щ* имеем в следующих случаях: 1) *-щыч* в фамилиях на *-ич*, если ему предшествует *-ик*: Lotuszczycz (от L-ka), Lepeszczycz (от L-ka) (Акты В. А. К. XXXIII, 123 Мин. XVI в.). 2) Если от фамилии на *-ский* приходится образовать название сына, то употребляется окончание *-щык*: Жукóўщык (Малев. 173 Слуцк.); для названия дочери берется окончание *-щанка*: Раинкою Садовщанкою (Акты В. А. К. XXXIII, 133 Мин. XVI в.) (от *Садоўс'кий*), Б'ал'и́нщанкä (от *Б'ал'и́нск'ий*), Арлóўщанка (Малев. 168 Слуцк.). 3) Часто местные названия или вообще обозначения владений производятся от прилагательных на *-овьск*, тогда получается сложный суффикс *-оўщына*: Шва́бовщина, Жебрóвщина (Мат. Б. № 1 Мин.) (название деревень), ба́цькóўщына (ib., разные места, Сл. Нос. 17), ба́цькинщина (ib.) и даже — ба́цькоўщизна (Мат. Б. № 31 Вилейск.). 4) На месте основного *-iskjo-* в славянских языках имеется суффикс *-ище*, придающий словам разное значение: места действия: жыглúще (70б Сб. XVI в. Крас.), жыглúщо (71 ib.), грéцкóўище (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), грыжóвница (ib. 14 Новоалекс.), йржы́ще, гл'и́н'ище, гарад'з'и́ще; увеличительного названия предмета: оужища (120б Лет. Авр. XV в.), оужишча (48, ср. 72 Сб. XV в. Публ. б. № 391), оўжища (Псалт. 139. 5 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ўжы́ще (Мат. Б. № 10 Мозыр.); собрания с определенной целью: игри́ще

(Сл. Нос. 735), игрыще (Мат. Б., разные места). 5) Заимствование из украинского следует видеть в *-ощы*: што е братъ каинъ *оу завидощаѫ* оубилъ (131б Четья 1489 г.) (ср. Ogonowski, Stud., 99).

Суффиксы основ на *-ĭ-* (мягкий согласный, *-ад'з'*, *-ц'*, *-сц'*, *-ец'*, *-оц'*, *-оў*, *-ен'*, *-ин'*)

Из суффиксов, первоначально оканчивавшихся на *-ĭ*, чередующееся с *-еi̯*, т. е. в общеславянском на *-ь* и *-i*, в белорусском языке немногие обращают на себя внимание. Их постигла та же судьба, что и суффиксы на *-i̯o*, т. е. конечное *-ь* перестало произноситься; и эти суффиксы также могли подвергаться дальнейшим осложнениям посредством прибавки новых суффиксов, особенно придающих названиям предметов характер ласкательный. Новообразования здесь нам не известны. Отметим лишь несколько более или менее редких примеров.

1) Окончание на мягкий согласный, после которого исчез суффикс *-ь*: гололедь (141б Псалт. XVI в.), студень: з вѣликое *ст8дени* (90б Сб. XVI в. Крас.), по́скудзь (дурное общество) (Сл. Нос. 479), самохо́ць (самохоццю охотно) (ib. 573), гру́дзи pl. tantum (грудь) (ib. 122).

2) Перед *-ь* было *ад* с предыдущим мягким согласным, вследствие чего теперь на конце таких слов *-ад'з'*: че́л'ад'з' (*-ц'*), ровня́дзь (равнина) (Сл. Нос. 564); челя́дки (Мат. Б. № 17 Речицк.), челя́дуньки (Шейн Б. П. № 383 Лепп.)— с прибавкой новых суффиксов.

3) Перед *-ь* первоначально было *т, ст, ет, от, ът*, чему в современном белорусском соответствуют окончания: *-ц'*, *-сц'*, *ец'*, *-оц'*; все они могут осложняться вследствие прибавки в начале других суффиксов; примеры: болесть (86б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), болестьтѧмъ (33б Ев. Тяпин. 1580 г.), baleść (Клих 175 Новогр.), пазногти (69 Псалт. XVI в.); *нелюботь* вчинилъ (29 Увар.) (= нелюбовь 3 Вил.), до́броти (Ев. 1616 г. рл҃в б); вѣхъть (вехтемъ 47 Лет. Пер. Сузд. XV в.), не ѡ҃б'ретишл'и по҃ти и҃быти *тош'нищи* с е'ѧ (47б. Тайна Тайных XVI в.); въ *глубокосьти* моръской (24 Ев. Тяпин. 1580 г.), ла́скавость (Ев. 1616 г., кѕ), набо҃жность (Мат. Б. № 22 Минск.); сла҃че ѡлѣю *глаголець* єє (95 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), прий'деть как *ходець* ходоба твоѧ (95б ib.).

4) Суффикс *-оў* из *-овь*: дорого́вь и дорого́то́вь (Сл. Нос. 142), дырого́в (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 18 Витебск.), бы дороговь велика (71б Лет. Авр. XV в.); сюда же принадлежат: *мо́ркаў* при *мо́ркова*, *мо́рко́ўка* (моргáў, мóргаўка), встречающееся в разных белорусских говорах (ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц. и т. д.). В этом давно заимствованном слове окончание осмыслено по аналогии *це́ркоў* — *це́рква*, *голова́* — *го́лоў*.

5) Суфф. *-ен'* из *-ень*, *-ин'*: въ тимѣни (в болоте) (55б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), цихи́нь (тихая погода) (Сл. Нос. 689).

Суффиксы основ на согласные *(-ат-ка/-ат-ко, -ат-ун'ка)*

Слова с основами на согласные, как об этом мы уже говорили в свое время, в большинстве случаев смешались с основами на гласные. Это обстоятельство тем более содействовало осложнению их суффиксов новыми прибавками, обыкновенно теми же самыми, какие приставляются и к основам на гласные. Так, *-ат-* суффикс основ на *-ент-* осложняется прибавками, придающими словам ласкательный характер, *-ка* и *-ун'ка*: свякратка (Шейн Б. П. № 298 Велиж.), дзеверя́тка (Мат. Б. № 23 Минск.), парася́тка, курана́тка (ib. № 8 Игум.), дитятку, зернетко (165б Сб. XVII в. Син. б. № 790), ягня́туньки (ib. № 14 Новоалекс.), паня́туньки (Шейн Б. П. № 383 Лепп.).

б) Суффиксы имен прилагательных

Древнейшие суффиксы из гласных *(-ŏ-, -ā-)*

Имена прилагательные по своим суффиксам, как уже было отмечено раньше, не составляют особого морфологического вида: в большинстве случаев они представляют такие же образования, как и существительные имена, особенно с основами на *-о-* и *-а-*. Старинные образования с основами на *-й-* у прилагательных исчезли еще на общеславянской почве, распространив свои основы больше прибавкой суффикса *-къ-* (сладъкъ); основы на *-ĭ-* также рано вышли из употребления, будучи уже в старославянском несклоняемыми; замечательный архаизм в этом роде сохранился в белорусском языке: *не́плодзь* (кобыла неплодзь) (Сл. Нос. 334). Вообще же в белорусском языке основы имен прилагательных представляют те же образования, что и в русском литературном языке, причем отступлений от старины в этом языке иногда даже больше, чем в русской литературной речи. Особенно в белорусском языке и здесь распространено дальнейшее развитие суффиксов увеличительных и главным образом ласкательно-уменьшительных. Есть особенности и чисто словарного характера, не говоря уже о фонетических.

Из прилагательных, имевших лишь суффикс *-о-/-а-*, а в настоящее время в именительном падеже мужского рода представляющих только корень, отметим *доб* (хорош) (Ром. I—II, 352 Сенн.), известное в литературной русской речи только в форме *добр*. В сравнении с русской литературной речью представляется и то отличие, что некоторые прилагательные перешли из мягкого различия в твердое: посторо́ньнымъ (71 Статут 1588 г.), стародавного (94 ib.), давного (80 ib.); однако эти твердые окончания не новейшего происхождения: в ст.-слав. **давьнъ, странънъ**, польск. postronny.

Суффиксы с *j* (древний суффикс *-ijъ, -ija, -ije*)

В белорусском языке, как увидим после, прилагательные за редкими случаями употребляются в полной форме: вследствие этого старинные

образования на *-ïjъ*, *-ïja*, *-ïje* (ст.-слав. **божнн**, **божнѫ**, **божнє** или **б-ьн**, **б-ьѫ**, **б-ьѥ**), которые по именительному мужского рода совпадали с такими прилагательными, как *с'úн'и(й)*, приняли обычное окончание на *-ий*, *-ая*, *-ое:* бóжы(й), бóжайа, бóжа°йе, вбўчы(й), вбўчайа, вбўча°йе, куняя (84 Гродн. Акт. кн. XVI в.), третюю (156 Статут 1529 г. и т. д.). При этом предшествующий окончанию согласный может быть усилен и даже удвоен (барáн'н'и).

Суффиксы с *в (-ов-/-ев-, -ав-, -ив-)*

Суффиксы со звуком *в* довольно распространены у имен прилагательных; они разного происхождения. В одних из них (др.-русск. *-овъ/-евъ*) слоги *-ов-*, а после смягченных согласных *-ев-* восходят к основам на *-й-*, причем по аналогии старинных форм возникли новообразования даже в таких случаях, где им совершенно не следовало бы быть; в других суффиксах (др.-русск. *-авъ*, *-ивъ*) звук *в* более древнего происхождения, свойственный этим суффиксам искони. Примеры: 1) *-ов-/-ев-*: беспосúлковый (Сл. Нос. 23), звонкóвый (от *звóнжа*) (ib. 199), рéдчиковый (к *редчик* — особый сорт материи) (ib. 570), горешевым (= ореховым) листом (Новоалекс. у. «Ков. Губ. Вед.» 1890 № 39), Дмитреявая (Дмитровна) (Арх. С. VI, 1 гр. 1486 г.), брáтóвáя (Мат. Б. №№ 3 и 4 Могил. губ., 9 Бых., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., 31 Вилейск.), пяткóвы(й) (ib., № 4 Могил.); кýндылёв (Сл. Нос. 269), пона° за себѣ *королевую* (78 Сб. XVI в. Крас.). 2) *-ав* (с предыдущим твердым или мягким согласным): та рѣ͡ *рўгава* (172б Сб. XVI в. Крас.), лáскавый (Ев. 1616 г. 2рна), редкáвый (жидковатый) (Сл. Нос. 570), билáвы(й) (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), синя́вы(й), чырня́вы(й), линьця́вы(й) (ib.), кисля́вы(й) (Смол. Добров.). 3) *-ив-*: коры́сливый (Сл. Нос. 248), вѐтриво (в-ено) (ib. 105).

Суффиксы с *л (-л-, -ил-, -ăл-, -ол-)*

С суффиксами, имеющими *л*, замечательны прилагательные, произведенные от причастия прошедшего времени на 1) *-л-*: падлый (Сл. Нос 389, полонизм), вы́стыглы(й) (Мат. Б. № 10 Мозыр., 11 Новоалекс.), пришло[м] (будущем) (164б Катихиз. 1562 г.); 2) *-ил-*: *з' загнилóй* мокроты (Ев. 1616 г. од͡); 3) *-ăл-* (др.-русск. *-ълъ*): зболелый (Акты В. А. К. XXXIII, 137 Мин. XVI в.). Иного происхождения *-ол-* в **свѣтолъ* (ст.-слав. **свѣтьлъ**), откуда *светолка* (Сл. Нос. 576) (при обычном *св'ац'óлка*).

Суффиксы с *р (-арашн'ий, -арный, -оршый)*

Со звуком *р* отметим следующие три суффикса, неясного для меня происхождения: 1) *-арашн'ий:* lètaraszniu chwainu (Федер. I, 423 Шидловцы), при *л'ăташн'и* (от *л'ăтас'*); *р* приводит на память слово

лѣторасль укр. *літорослий*. 2) *-арный*: слимаза́рный (Сл. Нос. 590), слимазу́рный (ib. 591) (малый) — слово вообще неясного происхождения. 3) *-оршый*: селядбо́рши (средний) (Кар. 83 Трок.), где *ш*, повидимому, в связи с суффиксом сравнительной степени, а коренное *л* и *р* суффикса вследствие диссимиляции одно на месте другого (середодольший?).

Суффиксы с *н* (*-ӓн-, -ц'ӓн-, -д'з'ӓн-, -ан-, -ин-, -нн-* и др.)

В состав суффиксов с *н* входят или старинный суффикс *-нъ*, или *-ьнъ*, или *-енъ*, собственно принадлежащий причастиям; эти суффиксы могут соединяться с другими, уже принадлежащими основе. Слова, образованные с указанными суффиксами, замечаний не вызывают, так как они те же, что и в русской литературной речи, кроме немногих, напр.: 1) на *-ӓн-* из др.-русск. *-ьнъ-*: мясёный (мясистый) (Сл. Нос. 298), кн'игу *распѫстнѫю* (57 Ев. Тяпин. 1580 г.), блазенъ (72б Катихиз. 1562 г.) (хорош, неискусная переделка **благъ**), *дурѣные* девъки (глупые) (ib. 35), *потомные* часы (будущие времена) (Арх. Сб.), недолу́жный (слабосильный) (Сл. Нос. 330), шалберный (плутоватый) (ib. 704), sałódny (солон) (Клих 23 Новогр.), за́ци́шный (Мат. Б., разные места), абыдзённый (Сл. Нос. 1), бесприця́мный (не наблюдательный) (ib. 23). Этому суффиксу могут предшествовать другие распространения основы: *-ев-*: воєвномѫ (в который будут воевать) (104 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); *-ор-*: маторный (большой) (Сл. Нос. 281) (укр. *мото́рний*); *-єд-*: кривеѫ̈ное (98б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); *-точ-*: ѿстаточнїй (241 Лет. Авр.); *-от-*: беспри́хомотный (не суеверный) (Сл. Нос. 23). 2) На *-ц'ӓн-*: чу́цен, -тна, -тно (Сл. Нос. 703). 3) На *-д'з'ӓн-*: недобра́дзеный (недонятый) (ib. 330). 4) *-ан-* (ст.-слав. *-ѧнъ*): мѣ́данога (Ев. 1616 г. 2сдг. б), ме́дзя́ны́й (Мат. Б., разные места). 5) Суффикс *-ин-*: тесьлинъ (19 Ев. Тяпин. 1580 г.), ме́зиный (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), жо́ринный (Мат. Б. № 18 Витебск.). 6) Особенно замечательны случаи удвоения *н* в суффиксе для обозначения усиленного качества, равного превосходной степени: велизма́нный (огромный) (Сл. Нос. 48), больше́нный (ib. 30, Мат. Б. № 18. Витебск.), добре́нный, огроме́нный, богаце́нный, страше́нный, кысмаце́нный (ib., а также ib. 32 Орш.).

Суффикс с *м* (*-м'ан-*)

Со звуком *м* отметим *-м'ан*: ruc'm'any (из руты) (Клих 202 Новогр.), слухмя́ный (послушный) (Сл. Нос. 592) (укр. *слухмя́ний*).

Суффикс с *п* (*-упас'ен'к-*)

Звук *п* имеется в редком сложном суффиксе, показывающем высшую степень качества: *-упа́с'ен'к* малюпа́сенький (Сл. Нос. 279).

Суффикс с *д (-д-)*

С суффиксом *-д-* отметим характерное белорусское слово *борздо* (быстро) — *борздый* [ср. 130 Библ. кн. XV в. Вил. № 262, 5б Тайна Тайных XVI в., Скор. XVI в. Ср. 51, Б 49 и др. (Владим. 276—277), Катихиз. 1562 г. 30, 6б Ев. Тяпин. 1580 г.]; то же и в живой речи — bórzdo (Клих 175 Новогр.). В остальных восточнославянских языках (русск. и укр.) только *бо́рзо*. Этимологию этого слова подробно рассматривает проф. Ильинский («Славянские этимологии», XXI, РФВ, LXIII, 322 sq.).

Суффиксы с *т* (*-ат-, -ит-, -ут-, -аст-, -ист-, -от-н-* и др.)

На суффиксы со звуком *т* отметим следующие примеры: 1) *-ат-*: мо̑наты (37 Тайна Тайных XVI в.), сипа́тый (Сл. Нос. 579), жу͡онка ве́льми языка́тая (Сержп. 127). Этот суффикс может быть в соединении с другим, например, *-ов-*, для обозначения незначительности качества: лисоваты (рʏды) (19 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); *-н-*: портки *бурнатные* (Акты В. А. К. XXXIII, 137 Мин. XVI в.); *-ат-ч-* (из *-атьчатъ*): *с привѣщатьчатою* печатью (гр. 1440 г. СВ. 7). 2) *-ит-*, где *и* больше принадлежит глагольной основе: печатью *завеситою* (гр. 1387, 21 и 22), знакомитъ (славенъ) (58б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262). 3) *-ут-*: слову́тый (знаменитый) (Сл. Нос. 591). Тот же суффикс, с предыдущей мягкостью согласного, входит в состав ласкательных суффиксов, причем к нему прибавляется *-к-* или *-ен'к*; таким образом получаются *-утк-*, *-утен'к-*: низю́ткий, низю́тэнький (Сл. Нос. 339), слабю́тко, слабю́тэнько (ib. 589), подобню́тэнький (ib. 445), мяку́тэнький (ib. 297), чисто́тэнько (Зап. V, 229); новю́ткий, малю́ткий, дробню́ткий, крошу́ткий, синю́ткий (Мат. Б. № 18 Витебск.). В *э* на месте ожидаемого *о,* несомненно, польское влияние; да и самый суффикс *-утк-* тоже как будто польское заимствование. В суффиксы *-ат-* и *-ит-* может входить еще *с* и таким образом получаются: 4) *-аст-* или с прибавкой ласкательных суффиксов *-асц'ен'к* для обозначения изобилия качества: рыла́стый (ты дужо рыласт, оглушив нас своим криком) (Сл. Нос. 570), угластый (многоугольный) (ib. 649), двойча́сты, серебря́стый (Бесс. Б. П. № 4), гриба́стый (Мат. Б. № 28 Себеж.), залупа́стый (ib.), зуба́стый (ib. № 11 Новоалекс.), кудла́стый (ib. № 7 Минск.), пигасты (пестрый), перепелясты, блищасты (ib. № 8, Игум.), пальча́стый (ib. № 13 Свенц.), полоса́сты (ib. № 15 Игум.), рука́стый (ib. № 9 Бых.), уса́стый (ib.), цыбастый (ib. № 11 Новоалекс.), коренасте̄нько (Бесс. Б. П. № 4). 5) *-ист-*: плéмéни́стый (Мат. Б. №№ 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц.), колосисте̄нько (Бесс. Б. П. № 4). 6) *-от-* с прибавкой *-н-*: марко́тный (Мат. Б. № 4 Могил. губ.). 7) *-эт-н-*: быў вельми старэ́тны (Сержп. 21 Слуцк.).

Суффикс с *з (-изн-)*

Со звуком *з* отметим только суффикс *-изн-*: вяли́зный (Мат. Б. №№ 7 Минск., 8 и 15 Игум., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.).

Суффиксы с *с (-ас-, -асн-, -осн-, -ос'ен'к-, -ус'ен'к-)*

Что касается суффиксов со звуком *с*, то мы уже встречали этот звук в качестве распространительного в *-ат-*, *-ит-*; тут отметим суффиксы, или имеющие из согласных только одно *с*, или же распространенные прибавкой *н*; таковы: 1) *-ас-* с предыдущей мягкостью согласного для обозначения незначительной степени качества: беля́сый (беловатый) (Сл. Нос. 41), попеля́сый (ib. 470). 2) *-асн-: доубасны*ˣ трꙋ́ба*ˣ (66 Сб. XVI в. Крас.), попеля́сный (Мат. Б. № 23 Минск.); в украинском языке оба рассмотренные суффикса распространены прибавкой *т*: попеля́стий. 3) *-осн-*: нудо́сно, нудо́сный (Гродн. и Минск. губ.) (Сл. Нос. 342). 4) *-о́с'ен'к-*: махо́сенький (маленький) (ib. 282). 5) *-ус'ен'к-* с предыдущей мягкостью согласного для обозначения полноты качества: белю́сенький (Сл. Нос. 41, Мат. Б. №№ 6 Диснен., 9 Бых., 10 Мозыр., 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск.), войстрю́сенький (Сл. Нос. 63), веселю́сенький (Мат. Б. № 15 Игум.), вороню́сенький (Сл. Нос. 66), голю́сенький (ib. 118), здоровю́сенький (ib. 206), зиляню́синька (Мат. Б. №№ 4 Могил., 8 Игум.), зяляню́сенький (ib. № 23 Минск.), красню́синька (ib. № 4 Могил. губ.), малю́сеньки (ib. № 8 Игум.), малю́синький (ib. № 26), мякꙋ́сенький (Сл. Нос. 297), низю́сенький (ib. 339), новю́сенький (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), подобню́сенький (Сл. Нос. 445). паўню́синька (Мат. Б. № 31 Вилейск.), родню́сенький брат (Сл. Нос. 564), слабю́сенький (ib. 589), старꙋ́сенький (Мат. Б. № 13 Свенц.), солодꙋ́сенький (ib. № 28 Себеж.), святлю́синька (ib. № 31 Вилейск.), тоню́синька (ib.), худзю́синька (ib.), чарню́синька (ib. № 4 Могил. губ., № 8 Игум.), чисцю́сенько (ib. № 17 Речицк.), малю́сеньким (Шейн Б. П. № 165 Лепп.), новю́сеньки (ib. № 142 Диснен.), ясню́сеньки (ib.), поранню́сенько, веселю́сенько (Бесс. Б. П. № 4). *С* входит также в состав суффикса *-ск-*, о чем речь после.

Суффиксы с *ц*

Звук *ц* встречается в суффиксах только вторичного происхождения: на месте *с* или *т'* [чисцю́цинько (Мат. Б. № 14 Новоалекс.)] или *тс* [смехуцкий (Сл. Нос. 597), Заболоцкого (Акты В. А. К. XXXIII, 134 Мин. XVI в.)].

Суффиксы с *к (-к-, -ск-, -ен'к-)*

Из суффиксов со звуком *к* обращают на себя внимание суффиксы ласкательные, другие же ничего замечательного не представляют; иногда более или менее выдаются те или другие образования в словарном отношении. Напр.: 1) с *-к-*: живо᷄т маг'кїй и̑ *сла᷄кїй* (24б

Тайна Тайных XVI в.). 2) *-ск-* из основн. *-скъ, -ьскъ*: небе́ский (Сл. Нос. 327); этот суффикс часто присоединяется к основе, уже имеющей какой-либо суффикс: ба́цькинский (Сл. Нос. 17), ба́цьковский (ib.), старцо́вский (ib. 614), смеху́нский (ib. 597), Дьбраньскии (42 Увар.), на лядской земли (8 Вил.), у пна Новицкого, Каменского (Акты В. А. К. XXXIII, 134 Мин. XVI в.), Садовский (ib. 133), Сеножацкого (ib. 136), лю́цки(й) (Мат. Б. №№ 8 Игум., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 23 Минск., 31 Вилейск.), ло́нский (от наречия *ло́ни* — прошлогодний). 3) *-ен'к-* — ласкательного характера: bǫ́lšeńki (Клих 175 Новогр.), radóńka (рада) (ib. 200), дре́нненький (Сл. Нос. 145), золоце́нький (ib. 218), невели́кенький (ib. 328), негенький (нежный) (ib. 343), ле́генький (ле́гонький, ляге́ньки) (Мат. Б., повсеместно), маленький (ib. № 22 Минск.), моло́дзенький (Мат. Б., повсеместно), бо́рздзенько (ib. 7 Минск.), бо́рздзинька (ib. № 31 Вилейск.), bǫorździèńko (Федер. II, 19 Дворец), хуце́нько (Отч. 28 Речицк.), ране̊́ко (67 Псалт. XVII в.).

Суффиксы с *х (-х-, -ахн-, -ухн-)*

Суффиксов со звуком *х* мало; древний из них только 1) *-х-* из *-ъхъ*: вято́х (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 14 Новоалекс., 18 Витебск.), вита́х (ib. № 31 Вилейск.), вётох (№ 28 Себеж.); остальные, в состав которых входит *н*, позднейшего происхождения, напр.: 2) *-ахн-*: бал'а́хны (болеющий); 3) *-ухн-*: малю́хный (Сл. Нос. 279), низю́хно (ib. 339), слабю́хный (ib. 590).

Суффиксы с щипящими *ш (-ш-, -айш-), ч (-ач-, -ен'ачк-, -учк-), щ (-ащ-, -ущ-)*

Из суффиксов с шипящими звуками отметим: 1) *-ш-*, иногда прибавляемый к окончаниям фамилий мужского рода на *-ин-* (Баталин) и вообще к названиям лиц мужского рода для образования названия жен: Баталиншая (Малев. 167 Слуцк.); чаще впрочем подобные образования изменяются, как имена существительные: п'и́сарша. 2) Заимствованный у сравнительной степени *-айш-*: вчора́йший (Сл. Нос. 77). 3) *-ач-* (из *entjь*): голѫбачими (83 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262). 4) *-ен'ачк-* тот же суффикс, осложненный прибавками *-ен-* и *-ко-*: бо́рдзинячка (Мат. Б. № 31 Вилейск.). 5) *-учк-*: малючко (едва) (73, 121б Псалт. XVI в.). 6) Можно отметить целый ряд слов с суффиксами со звуком *щ*, напоминающими суффиксы причастий, напр.: леда́щий (Сл. Нос. 267), добре́ющий, добрю́щий, злю́щий, красну́щий, жирну́щий, сляпу́щий, страшу́щий и др. (Мат. Б. № 18 Витебск.). Очень хотелось бы не ставить этого суффикса в связь с причастиями настоящего времени, которые по-белорусски оканчиваются на *-чи-*, а возводить *щ* к *skj* или *stj*, против чего, однако, уже давно высказано возражение И. В. Ягичем[1].

[1] «Критические заметки по истории русского языка». СПб., 1889, стр. 20.

Суффиксы сравнительной степени

Говоря о суффиксах имен прилагательных, следует особо остановиться на образовании степеней сравнения.

В сравнении с русской литературной речью белорусское образование сравнительной степени представляет то существенное отличие, что в нем преобладают полные формы этой степени, а не наречные образования, хотя и последние также возможны, особенно при глаголах. Так, старославянскому образованию на *-ѣн, -ѣкъ* соответствует в качестве наречий обыкновенно *ей*; *ейй* изредка только в старинных памятниках: частеи, ꙗснее, простее (Скор. XVI в.) (Владим. 291), первѣи (5 Вил.), чорные *чорней* ѳгольа (164 Сб. XVI в. Позн.), пани *крашей* нашое пание (72 ib.), ближей (119 ib.), первее' (27 Сб. XVI в. Крас.), радее' (224 ib.), далеи (2 предисл. Катихиз. 1562 г.), снаꙗней (удобнее) (179б ib.), первѣй (Ев. 1616 г. кѣ б), далеи (67б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), часцéй (Зап. V, 11 Ошм.), дали (читай: *далий*) (Ром. IV, 12, Гор.), pamaléi̯ (осторожнее) (Клих 194 Новогр.), глыбéй (Мат. Б. №№ 14 Новоалекс., 26 Себеж., 31 Вилейск.), потанéй [(ib. №№ 9 Бых., 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск.) (танéй)], скорéй (ib. 11 Новоалекс.), густéй, таўсцей, кыраńéй (ib. № 4 Могил. губ.), тонéй (ib. № 18 Витебск.), лацвéй (ib.), бороздеи (2 Вил.) борзʼдеи (180 Катихиз. 1562 г.), борздéй (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 7 Минск., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 28 Себеж., 31 Вилейск.), barzdz'ēj (Чечот 72) и т. д. То же окончание встречается и в образованиях, произведенных со старинным суффиксом *-ьш-*, а также после шипящих из задненебных: более, болѣи, нижеи, должее, крепчее (Скор. XVI в.) (Владим., 291), легчеи (89 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), нижей (11 Катихиз. 1562 г.), барджей (Демб. 5. 524 Бых.), барджей (Ром. III, 3 Сенн., ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5, 12 и 21 Слуцк., 8 Игум., 9 Бых., 17 Речицк., 23 Минск., 31 Вилейск.), барджей (Зап. V, 84), хужéй (Сл. Нос. 750), горчéй (ib. 732), должеи (дольше) (7 Вил.), лишеи (10 Сб. XV в. Публ. б. № 391), сычей (Ром. III, 391 Рогач.), ближéй (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск.), вы́шеʼ (30 Статут 1588 г.), вышей (36 Ев. Тяпин. 1580 г.), легчеи (89 Библ. кн. XVI в. Вил. 262), лягчéй (Зап. V, 23 Ошм., Дыб. 29 Посл.).

Чаще сравнительная степень употребляется в полной форме на *-ейшый* или *-шый*, восходящей по своей основе к окончанию женского рода *-ъиши, -ьши*, или косвенных падежей. Со звуком *ш* встречается и неизменяемая форма сравнительной степени, больше оканчивающаяся на *-ше*, предполагающее старинный именительный множественного числа. Примеры: скʼѳпеʼишїʼи (166 Сб. XVI в. Крас.), богатъшему (96 Катихиз. 1562 г.), готовъпыѝ (32 ib.), старъшихъ (1 Катихиз. 1585 г.), силнейши (19 Псалт. XVI в.), глава менʼши ѝ лицо тонѣши (38 Тайна Тайных XVI в.), потребнѣйшїй (Ев. 1616 г. оѣ б), горчиишоую смр̄ть (13б Лет. Авр. XV в.), худзейший (и *хужший*) (Сл. Нос. 750); богатше

(65 Сб. XV в. Публ. б. № 391), гора҃тше (45б ib.), долъжша (63 ib.), молодшии (115б Лет. Авр. XV в.), о'у́ж'ша҃ (81б Тайна Тайных XVI в.), ширш'а'а҃ (81 ib.), дол'жеишы̀й (195б Катихиз. 1562 г.), лишшое (32 Ев. Тяпин. 1580 г.), близшые (33 Статут 1588 г.), болшая (234 ib.); *сла҃че* ѡлѣю глаголець є҃є (95 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), где *-че* вместо ожидаемого *-ше* (ср.: *соло҃ше* 139б Псалт. XVII в.) под влиянием *сладъкъ*; гла҃шие (39 Псалт. XVII в.), зубы бѣлше (42б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), бле́дший, бога́тший (Сл. Нос. 729), ва́дший (более влажный) (ib. 730), ведо́мший (ib. 731), горкший (ib. 732), кро́гший, кру́хший, кре́пший (ib. 737), шы́ршы, да́льшы (Мат. Б. № 4 Могил. губ.).

Отметим сравнительную степень со звуком *щ* на юге Белоруссии, как в укр. языке[1]: tym tamu charṷoszcz (лучше) (Федер. I, 222 Зельва). Несколько иначе объясняется *ця́щэ* (тяжелее) (Малев. 70 Слуцк.) из **тяжьче*.

В некоторых местах северной Белоруссии встречаем сравнительную степень на *-оше*, *-ошій*: мякоше, ляго́ше (Мат. Б. №№ 3 Витебск., 28 Себеж.), ны пяри́ни усёж *мяко́ший* (ib. 18 Витебск.), *ляго́ший* несци (ib.), гладо́ши, сладо́ши, мяко́ши (ib. 26 Себеж.), сладо́ше (ib. 28 Себеж.), лово́ше (более ловко) (ib.); в Смол. губ. (РФВ LXII, 214 sq.): побуйно́ший (покрупнее), полово́ший (половчее), потоно́ший.

Почти то же качество, что в сравнительной степени, выражается положительной с приставкой *по-* (по́малый), о чем речь в словах сложных, а также и сравнительной с приставкой *по-* (трохи *побо́лей* Мат. Б. № 18 Витебск.).

Некоторые прилагательные для выражения сравнительной степени пользуются другими основами, таковы:

1) *добры(й)*: а) лѣпей (гр. 1394 г.), лѣпеи (88б Библ. кн. XVI в. № 262), лепеи́ (83б Катихиз. 1562 г.), лепеѝ (26 Ев. Тяпин. 1580 г.), лепеи́ (86 Псалт. XVI в.), лѣпей (23 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ле́пей (Зап. V, 123), лепий (Розенф. 23 Вилейск., ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск.), лепи (Зап. I, 332, Ром. I—II, 462 Сенн.; Шейн Мат. I, 246 Ошм.), лепей, лепше (Вит. К. С.), лѣпшеи 89б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), подрꙋзѣ е҃ѣ што *лѣпше* е҃ѣ (127б ib.), лепъшеи́ (2б посвящ. Катихиз. 1562 г.), леп'шеѝ ли бъ҃ любить порожкованье за роботу (37б ib.), лепше́иша (179б ib.), лепшеишы̀й (115б ib.), 'ѡдинъ за другого леп'шеѝшы̀й (42 ib.), лѣпши' (29 Сб. XVII в. № 107 Вил.), ле́пши(й) (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 9 Бых., 10 Мозыр. и т. д.), лепш (ib. № 8 Игум.), лепш (Шейн Мат. I, 47), лѣпшъ (81 Сб. XVI в. Позн.); любопытно — лѣ̆пе̂шӗ́йший, лѣ̆пе̂шӗ́и[2] (Сл. Нос. 274); б) лоут'ши (83б Тайна Тайных XVI в.), луччи (Шейн Б. П. № 410; Мат. I, 28 Витебск.), лучь (Ром. I—II, 2 Перер.),

---

[1] Ср. Ogonowski, Studien, 103.

[2] Об образовании с суффиксом *-ēsjь* см. ниже ссылку на ст. А. Л. Погодина.

получьче (ib. III, 121 Клим.), луччы(й) (Мат. Б. №№ 4 Могил., 9 Бых.), полу́чче (ib. №№ 9 Бых., 17 Речицк.); в) волей (Дмитр. П и Ск. Гродн. 29 Новогр.), вялéй (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), валéй (ib. №№ 5 Слуцк., 18 Витебск.), валешей[1] (Шейн Мат. II, 496).

2) *злы(й)*: а) ты^{м} гор'шїй' (165 Сб. XVI в. Крас.), гор'шый (27б Катихиз. 1562 г.), гор'ши [42 (45) Ев. Тяпин. 1580 г.], гóрши (Зап. V, 187), гóрши страха немá (Зап. I, 286), гóршы(й) (Мат. Б. № 4 Могил. губ. и др.), гарéй (ib. № 18 Витебск.); б) поущихъ (88б Сб. XV в., Публ. б. № 391), пущей всихъ (47 Сб. XVI в. Позн.), пу́щей (Ром. I—II, 19 Рогач.; Мат. Б. №№ 9 Бых., 11 Новоалекс. и др.), пущéйшый (ib.).

3) *велики(й)*: а) боле (гр. 1264 г.), бóлеи (42 Псалт. XVI в.), бóлеи' (52б ib.), бóлей (Зап. I, 263; Зап. V, 97), бóли (Ром. III, 132 Клим.), пóболи (ib. 93 Бых.), болше (12 Вил.), болши (3 ib., 38 Увар.), большей (гр. 1497 г. Арх. С. I, 3), болшей нижли иные вѣдьмы (60 Сб. XVI в. Позн.), большей за другого (33б Катихиз. 1562 г.), большъ (53б Ев. Тяпин. 1580 г.), больші (53б ib.), болшей (49 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), больш (Дмитр. П и Ск. Вильн. 147 Новогр.; Мат. Б. № 13 Свенц.), бóли [ib. №№ 4 Могил. губ., 10 Мозыр. (болей), 18 Витебск., 26 Себеж. и др.], побóли (ib. № 13 Свенц.), больши (Шейн Мат. I, 26 Борис.), бóльшый (Мат. Б. № 9 Бых., 10 Мозыр. и др.); б) совитей васъ (36 Ев. Тяпин. 1580 г. — в выноске читаем: «сѳгѳбейша; йные' выкладают': совїтеї больші»), вâще (67, 126 Сб. XVI в. Крас.).

4) *многи(й)* — малоупотребительно, но наречие *много* очень распространено. Сравнительная степень к нему тоже *бóл'ей*, *трóха болú* (Мат. Б. № 31 Вилейск.) и реже — *вéлей* (Зап. V, 261), *велий* (Добров. I, 70 Бельск.).

5) *мáлы(й)* — кроме *малейши*, *малéй* (Мат. Б. № 31 Вилейск.) — мéней [бóлей слухай, а мéней говорй (Зап. I, 263)], мéни [Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 14 ib. (мéний), 18 Витебск., 23 Минск.], мéньшы(й) (ib. 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 13 Свенц., 17 Речицк., 31 Вилейск.).

6) *благий* (дурной) — *балазéй* (хорошо что) и *балазе* (если это только не закостеневший местн. пад. ед. числа): балазé тамý жиць, чия бабка умéець ворожйць (Зап. I, 258).

7) При малоупотребительном *хуткий*, вместо чего обыкновенно *скорый* (ср. Мат. Б. № 13 Свенц.), — *хучей* (Шейн Мат. II, 684 № 71; Мат. Б. №№ 7 Минск., 9 Бых., 10 Мозыр., 17 Речицк., 31 Вилейск.), *хутчéй* (ib. 8 Игум., 32 Орш.).

8) Еще отметим редкую форму *лац'ней* (удобнее) (12 Сб. XV в. Публ. б. № 391) — слово, известное украинскому языку и польскому языку (łacny).

---

[1] Об образовании с суффиксом *-ēsjъ* см. ниже ссылку на ст. А. Л. Погодина.

Образование превосходной степени

Превосходная степень в белорусском языке пользуется теми же суффиксами, что и сравнительная, а иногда даже просто берется форма положительной степени, только к ней прибавляется какая-либо приставка, служащая для обозначения усиления качества, вследствие этого говорить о превосходной степени лучше в синтаксисе; нельзя ее обойти также и в словах сложных. Отчасти мы уже касались способов выражения высшего качества, когда говорили о суффиксах *-изн-*, *-ущ*, *-ăнн-*, *-утк-*, *ус'ен'к'-* и под. Для того, однако, чтобы сгруппировать весь материал, коснемся здесь вкратце способов образования превосходной степени.

1) При помощи приставок.

Наичаще язык пользуется приставкой *най-*, прибавляемой обыкновенно к форме сравнительной степени: наймилешїи 2, наимилеша[1] (14б Сб. XV в. Публ. б. № 391), найбольшей (40 Сб. XVI в. Позн.), наимилейшиі (111 Псалт. XVI в.), наибо̀лей (51б ib.), найвы̏шїй (19 ib.), наивышнего (Скор. XVI в. Пл. 8б), найбордзей (Бел. Арх. I 1606), найле́пи, найбо̀ли (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), найсаладзе́йшы, найбрытче́йшы, найпаскуднейшы (ib. 8 Игум.), найле́пшый (ib. 9 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 17 Речицк., 23 Минск.), найго́ршый (ib. 9 Бых., 10 Мозыр., 13 Свенц., 17 Речицк., 23 Минск.), наибо́льшый (ib. 11 Новоалекс.), найба́рдзей (ib.), найпышне́йшый (ib. 13 Свенц.).

В подобной же роли, но реже употребляется приставка *на-*, причем некоторые случаи в старинных памятниках могут быть истолковываемы и как описки, состоящие в пропуске какого-либо надстрочного знака после *а*: налѣпѣй (гр. 1492 г. Арх. С. III, 2), напер'вїй (73 Сб. XVI в. Крас.), напер'вей (67б ib.), наборздей (75б ib.), наборздей (40 Сб. XVI в. Позн.), наболей (103 ib.), навышъше (2 Катихиз. 1585 г.), налеп'ший цр̃ъ (3б Тайна Тайных XVI в.), набо̀л'ши (11б ib.), намен'шїй (13 ib.), намении' (81б ib.), навы̏шего̀ (11б Псалт. XVI в.), наболшии (Скор. XVI в. Ср. 73 б), насилнеиших (ib. ПП 5б), наѵбо̀шого (90 Статут. 1588 г.), на́скры̏шїй (Ев. 1616 г. к̃в), наго̀ршое (29б Псалт. XVII в.). Современному языку рассматриваемое образование вообще мало известно; нам встретились только: намиле́йший (Мат. Б. № 3 Витебск. губ.), налуччий (ib. № 26 Себеж.). Допускать возможность подобных образований заставляет нас и то обстоятельство, что такие формы известны и русским говорам (на́больший).

Из других приставок старинные памятники употребляют еще *пре-*, как и в современной литературной русской речи, неизвестное, однако,

---

[1] Если в пропуске *й* после *е* (наимиле _ шїи 2 раза) не описка, то мы имеем случай интересного образования формы сравн. степени с суфф. *-ēsjъ* (ср. А. Л. Погодин. Образование сравнительной степени в славянских языках. — «Известия ОРЯС», 1903, № 1).

живым белорусским говорам: преневѣ́рный (1б Сб. XV в. Публ. б. № 391), прѡкроутномоу (ib. 2), прегоркіѣ̀ (3 ib.), п'ре'из'лишна'и (21б Тайна Тайных XVI в.), превышнего (Скор. XVI в.) (Владим., 292). Живая белорусская речь, может быть, фонетически или по аналогии видоизменила эту приставку в *пра-* и *при-*, но, может быть, и допустила образование с этими последними предлогами: праны́шный (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), привкрасный (ib. № 26 Себеж.).

Изредка встречается для образования превосходной степени приставка *за-*: заси́льно (Отч. 9 Иллукст.), за́тимна (Отч. 22 Брянск.), замало (Пс. 93. 17 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262).

2) Превосходная степень выражается описательно: а) посредством прибавки перед прилагательным в положительной степени наречий от того же корня: *гольма*-голую ўзяв (Сл. Нос. 117); б) посредством прибавки наречий от других корней, показывающих высшую степень качества: у вялѝзну *на́тта* дарогу (Малев. 20 Слуцк.), *на́тта* многа, *ду́жа* многа (Мат. Б. № 31 Вилейск.), *дужа* крепкая водка (ib. № 32 Орш.), *назбы̑т* мл҃рдъ (102 Псалт. XVI в.) (**прѣмнлостивъ**); в) посредством прибавки, как и в литературной русской речи, *самый*: самый лепшый, самый чо́рный, самый бе́лый (Мат. Б. № 11 Новоалекс.).

3) Превосходная степень выражается «часто повторением к ряду прилагательного раза три: большѐнный — большѐнный — большѐнный», страшенный — страшенный — страшенный, вялизный — вялизный — вялизный (ср. Мат. Б. № 18 Витебск. § 140).

4) Наконец, превосходная степень может быть выражена, как уже неоднократно отмечалось, и особыми суффиксами, показывающими изобилие качества или большой его недостаток (суффиксы увеличительные и уменьшительные). В этом случае белорусский язык и в отношении суффиксов, и в отношении семасиологии очень сходен с украинским языком (ср. Ogonowski, Stud., 106 — 108).

в) Суффиксы местоимений

Местоименные основы замечательны во многих отношениях. Не говоря уже о тех чертах этих основ, которые белорусским языком унаследованы еще от общерусского языка, и на своей диалектологической почве местоименные основы развили немало разных особенностей. Так, здесь образовался ряд местоимений посредством сложения двух и более корней, о чем речь после; некоторые местоимения или их корни вошли в сложение с необычными для них суффиксами, больше свойственными именам прилагательным; по аналогии имен существительных и прилагательных суффиксы ласкательные с большой легкостью начали присоединяться и к местоимениям; наконец, возник целый ряд новообразований, развившихся на почве живых народных говоров.

Основы *тоб'а́, соб'а́*

Переходя к подробностям, прежде всего отметим, что у личного местоимения 2-го лица и возвратного, как и в русских народных говорах и украинском языке, возобладала основа с *о* по преемству от древнерусского языка: собѣ [гр. 1406 г. (Арх. С I,1)], собе [гр. 1480 г. (ib. VII, 6)], тобе (14б Сб. XV в. Публ. б. № 391), собе (1 ib.), о̑ тобѣ (138 Катихиз. 1562 г.), собѣ (10б ib.), то̀бѣ (1 Тайна Тайных XVI в.), тобѣ (22 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 и т. д.), о чем подробнее при склонении, когда будут приводиться соответствующие формы.

Новые суффиксы

Следующие местоимения приняли новые суффиксы, особенно в именительном падеже, или же подверглись сложению с другими местоименными корнями и частицами:

1) Древнерусское **кьсь**, кроме обычного *ўв'е́с'* [ввéсь ѡ̑воцъ (112 Псалт. XVII в.)], *ўс'ѣй*, еще под польским влиянием иногда имеет вид *ўс'е́н'к'и*: оусеньки[м] (11б Сб. XV в. Публ. б. № 391).

2) Русскому литературному *этот* в белорусском обыкновенно соответствует *гэ́тый* [ср. héty, -aja, -ajo (Клих 181 Новогр.)], *ге́тый*, *етый*; но, кроме того, встречаем и другие образования: гэйный (Шейн Мат. II, 61 № 97); в *-ный* можно видеть известный суффикс прилагательных, хотя ввиду существования *гэ́ный* это местоимение можно разлагать на *г-э-н*, где *н* местоименный корень, как в польском ten.

3) Старое **инъ** перешло в *и́ны* (7), *ин'ный* (42 Сб. XV в. Публ. б. № 391), и́нны(й) (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 22 и 23 Минск.); под польским влиянием может принимать суффикс сравн. ст. *ш*: и̑шого (12 псалт. XVI в.), иншими (8б Катихиз. 1562 г)., иншій (иншое) (17 Ев. Тяпин. 1580 г.), и̑шїй бра́тъ е̑го (Ев. 1616 г. е̑і); дальнейшее распространение этого местоимения в *инакший* (иной по качеству).

4) Старое **къжьдо** уже в общерусском языке придало своему окончанию изменяемый суффикс имен прилагательных и стало склоняться, как последние. То же и в белорусском языке; причем здесь произошли еще дальнейшие изменения: ко̑дыи дн̑ь (86б Сб. XVI в. Крас.), кожъ̑ыи (61 Псалт. XVI в.), кожды' (21 Статут 1588 г., 4, 12 Псалт. XVII в.), кож'дый (6, 25б, 37б Ев. Тяпин. 1580 г.), кожот'номъ̀ (44б Тайна Тайных XVI в.); со звуком *а*: каждый (гр. 1432 г.) (СВ. 5), каждоую (73 Сб. XV в. Публ. б. № 391), каждыи (Скор. XVI в. Э 6 и др.) (но *каждыи* ib. Б 62), каждый (27 Ев. Тяпин. 1580 г., ср. Тайна Тайных XVI в. 64), кажда (217б Катихиз. 1562 г.); звук *д* казался народу несвойственным этому местоимению, почему он заменен на *н*, суффикс прилагательного: кажное суботы [гр. 1486 г. (Арх. VI, 2)], кажнаꙗ кость (3б Сб. XV в.

Публ. б. № 391), кажныи (97 Библ. кн. XVI в. № 262 Вилейск.), кажное (1 ib.), кажную (55б Катихиз. 1562 г.).

5) Старое **окъ**, не находящее соответствия и употребления в современной речи, в Псалт. XVI в. встретилось в виде *овный*: ѡ̑вно покѡ̑ю (126).

6) Старославянское **сь** (ср. *нашь сь листъ* гр. 1478 г. Л. 233) вследствие своей односложности в старинных западнорусских памятниках подверглось распространению или посредством удвоения его — сесь [гр. 1497 г. (Арх. С. I, 4), 37 Сб. XVI в. Позн., 119 Статут 1588 г.], о чем речь в другом месте, или даже посредством прибавки местоимения *и* — сій [гр. 1486 г. (Арх. С. VI,2)], сѧ'ѧ (20б Тайна Тайных XVI в., 119 Катихиз. 1562 г.), сеѐ (50 ib.). В живой речи известно: той — *с'ой*, тайа — *с'а́йа*, то́йе — *с'о́йе*. Все сказанное, однако, касается только основы именительного падежа.

7) Не находит отражения в современной речи старинное **сиць**: сицова моць (63б Тайна Тайных XVI в.).

8) Местоимение **тъ** может распространяться не только посредством удвоения корня (о чем подробная речь в другом месте, когда будем говорить о сложных словах), но и посредством принятия окончания имен прилагательных: тый товаръ, тъи конь (гр. 1300 г.) (Ягич, Критич. зам., 122), оу тыи же дн̄ь (гр. 1389 г.), тый ня будзя (Розенф. 21 Вилейск.), а также посредством подражания местоимениям притяжательным: тои (Скор. XVI в. Э 18б), таѧ (ib. Пл. 26б), таѫ з'вез'да (45б Сб. XV в. Публ. б. № 391), тое [гр. 1440 г. (СВ. 7)], тоє (Брюкн. 38 Archiv f. sl. Ph. IX, 368), той Воидило (3 Вил.), то' (5 Статут 1588 г.), тое (15 ib.), тои (102), таѧ (10, 20), таа̑ (31б), тоє (7б Псалт. XVI в.), то' (27, 74, 93б Псалт. XVII в.), тъ ча̑ (Тайна Тайных XVI в. 73б, ср. 141б Псалт. XVI в.); есть и образования *тотъ* (65б Сб. XVI в. Крас.; 43, 155 Сб. XVI в. Позн.; 144 Псалт. XVII в. и др.; 46 Статут 1588 г.); интересно *тымъти* о̑бычаѥ̑мъ (3б посвящ. Катихиз. 1562 г.); отметим полонизм в значении: не вѣрь томꙋ (не верь этому) (74б Крас.).

9) Одной из главных особенностей белорусского языка является распространение в нем слова **ѫкъ** [ср. ѫки' (42б Псалт. XVII в.), ѫкого (162 Катихиз. 1562 г.)] вм. **какъ**; первое слово может быть распространяемо новыми суффиксами: яко́вский (Сл. Нос. 726).

10) В старинных произведениях еще встречается *онже*: того о̑н'же ѐ приводитъ (137 Катихиз. 1562 г.), ѡ̑же (7, 11 Псалт. XVI в.); *же* прибавляется к формам разных падежей, не производя никаких изменений основы: кара'еть ты̑ *ѡнижебы* тую заповѣдь проступили (15 Катихиз. 1562 г.).

Ласкательные суффиксы *(-ен'к-, -утен'к-, ус'ен'к-, -ки, ка, -ичко, -тко, -чк'и)*

С суффиксами ласкательными употребляются, например, следующие местоимения:

а) с суфф. *-ен'к*: чёгéнька (чего-то) (Сл. Нос. 696), никогéнька, ничегéнька (ib. 340, Мат. Б. № 32 Орш.), никогéнько (Шейн Мат. I, 427 Лидск.), *саменькую* лепшую повыбрала одежду (Сл. Нос. 572), самéнькі (Пареч.);

б) с суфф. *-утен'к*: niczähùteńko nima (Федер. I, 25 Изабелин), никогýтэнька, ничегýтэнька (Сл. Нос. 340), самю́тенький (ib. 573);

в) с суфф. *-ус'ен'к*: самю́сенький (Сл. Нос. 573), усю́сенький (весь) (ib. 668), ўсю́сеньку нўочку (Сержп. 93 Слуцк.), никогýсенька (ib. 340, Мат. Б. № 32 Орш.). ничегýсенька (Сл. Нос. 340), ничагýсинька (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), ничегýсенько (ib. 28 Себеж.);

г) с суфф. *-к'и*: хтóськи, штóськи (Мат. Б. № 3 Могил. губ.); *-ка*: u niėjakahościka karala (Федер. II, Свислочь), хотя здесь в *-ка* можно видеть и известную частицу, особенно обычную при глагольных формах; *-ичко*; нéстичко (что-то) (Мат. Б. № 34 Рогач.); *-тко*: nikamùtku (Федер. II, 247 Шидловцы), где суффикс склоняется; *-чк'и*: нéхточки, нéшточки (Мат. Б. № 3 Могил. губ.).

Местоименные новообразования

Как новообразования на народной почве отметим:

1) и́хни(й), и́хны(й) (Сл. Нос. 226; ср. Ром. III, 345 Бых.) (ихнаа), как в русских и украинских говорах (укр. *їхній*);

2) наськи(й): Сл. Нос. 321, ср. Ром. V, 93 (наському), (укр. *на́ський*);

3) ягóны(й): супруга ягоная (Ром. VI, 152 Городок); явóны(й) (его) (Отч. 9 Иллукст.), как в русской народной речи;

4) такóўски(й): такóвский (Сл. Нос. 632), как и в русской народной речи; таковс'киє (78б Катихиз. 1562 г.);

5) ниодин, всякий — выражаются прилагательным от корня *жѧд-* (сходно с укр., польск. и чешск: żaden, žáden), уже начиная со старинных памятников: жа^{ѧ}ного (66 Сб. XVI в. Крас.), жадного (3б предисл. Катихиз. 1562 г.), жадного (Скор. XVI в. II 46б), жадному (ib. Пр. 20), жадиного (ib. Ср. 65 и т. д.), жад'ного дѣла (6 Тайна Тайных XVI в.), за^{ѧ}ногò (58 ib.) с диалектным переходом *ж* в *з*: северно-белорусская область?), жáдзен, жáдненький, жаднюсенький (всякий) (Сл. Нос. 152). Впрочем и *один* в указанной роли тоже употребляется: ni mieła *ni hòdnaho* brata (Федер. I, 118 Рось), в других местах: *н'и вóднаго*.

г) Суффиксы числительных

Числительные по своим суффиксам не составляют особого класса, так как количественные пользуются суффиксами именными (больше основ на *-ĭ-* и согласные) и отчасти местоименные, порядковые — суффиксами имен прилагательных. Тут укажем лишь некоторые более замечательные образования, а также основы, развившиеся на белорусской почве.

Один может принимать известный суффикс слов ласкательных для обозначения полноты качества: однюсенький (Сл. Нос. 360), ў мяне ані *адзюсенькаго* зуба нема (Н. Ніва, 1910, 76).

Некоторые белорусские области, а также старинные памятники знают формы *двой*, *обой* и т. д. по единственному числу: ź ich abajhà (обоих) (Федер. II, 192 Шидловцы), ѡпрочъ нас двойга (двоих) (196 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), двоѧ тела (75 Сб. XV в. Публ. б. № 391).

Собирательные числительные в большом ходу; отметим: всеѧ — моро (82б Псалт. XVI в.) рядом с *седмера* чюдо (29 ib.), сѣмера рѣ (25 Сб. XV в. Публ. б. № 391).

Эти же числительные в северо-восточных областях могут распространяться прибавкой суффикса *-ко*: аднэйко (однажды) (Сержп. 1926, 205 Слуцк.), двойко, тройко, четверко, пятерко, шестерко, семерко (овец) (Ром. III, 18 Гомельск.), шéсцерко (Сл. Нос. 709), селько (столько) (112б Катихиз. 1562 г.).

О других особенностях числительных, зависящих от их образования, речь в другом месте.

2. ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Глагольные основы существенно отличаются от основ именных. Тогда как последние в основном славянском непременно оканчивались на какой-либо суффикс, глагольные основы в некоторых образованиях могли представлять чистый корень (*пѣс-ть* из *ēd-ti*). Сюда, конечно, не относятся основы неопределенного, вроде *нес-ти*, так как неопределенное — падеж имени, имевшего основу на *-ti*; только по отношению к основному славянскому языку и его потомкам можно говорить об основе на согласный неопределенных типа *нес-ти*, как в современном русском языке об основе на согласный имен, вроде *воз-*, *дом-* и под.

Глагольных основ столько, сколько разных глагольных образований, имеющих свои особые суффиксы, не принимая, конечно, в расчет личных суффиксов и некоторых падежных. В основном славянском языке можно говорить об основах — настоящего времени, имперфекта, неопределенного, разных аористов и т. п. Однако все перечисленные образования, по выделении их собственных суффиксов, легко группируются возле двух основ: настоящего времени и неопределенного, которые и следует признать главными.

Подравнение основы настоящего времени основе неопределенного и наоборот

Вследствие влияния одних глагольных форм на другие, начавшегося в отдельных случаях еще в основном славянском языке, указанные две глагольные основы, естественно, приближаются одна к другой, подравниваются, так что в современном языке часто приходится

говорить лишь об одной глагольной основе как для настоящего, так и для неопределенного. Все сказанное в полной мере применимо и к белорусскому языку; в нем дело с основами, в сравнении с литературным русским языком, пошло еще дальше: явилось единство основы в таких глаголах, где литературная русская речь строго различает две основы. Так мы имеем:

1) Подравнение основы настоящего времени основе неопределенного:

(въздѣ́ти) — въздею (Пс. 27. 2 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262): дава́ць — дава́ю (как: бывать — бываю) (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 31 Вилейск.), дыва́ць — дыва́ю (ib. № 4 Могил. губ.); нехай намъ даваю (255 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158). В приведенных случаях нарушения старинного чередования (**дѧти** — **дѧ**) нет;

(осмотрѣ́тисѧ) — осмотреѣтца (85 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262);

плива́ць — плива́ю (плюю) (Мат. Б. № 31 Вилейск.);

паласка́ць — паласка́ю (Мат. Б. № 31 Вилейск.);

пра́таць — пра́таю (произвожу уборку) (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.);

пець — пею́ (пяю́) (Шейн Б. П. № 394 Лепп.; Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 4 ib., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 11 Новоалекс., 18 Витебск., 31 Вилейск.), напее́м (Шейн Б. П. № 562 Лепп.), пяю́ць (ib. 186). Нечего и говорить, что подобное же чередование в глаголе производном: пия́ць — пия́ю (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), *пей* или *пияй*, пия́йця (ib. № 18 Витебск.), запеяў (Отч. 4 Новоалекс.);

ска(ы)ка́ць — ска(ы)ка́ю (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 31 Вилейск.);

е́здзиць — е́здзию, е́здзиюць (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 7 Минск., 32 Орш.).

Глаголы с суффиксом *-ова-* в неопределенном имеют в настоящем *-уйе-* (беседовать — беседуешь). В белорусском языке наблюдается то же соотношение, притом не только в старинных образованиях, но и в новых, где часто бывает *-ава-* из *-ова-* на месте ожидаемого *-ыва-*, *-ива-*, напр.: заслу́гова́ць — заслу́гу́ю (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых., 31 Вилейск.), выгава́рую, абма́ную (ib № 7 Минск.), раскла́дую (ib.), абраба́тую (ib. 32 Орш.); из сборников Романова: покуруя (IV, 50 Могил.), подно́шуя (ib. 49), разговарюйця (ib. 165 Черик.), затаплюй (ib. 19 Горецк.), выговарую (V, 27 Могил.), оса́джую (ib. 157 Любов. в.); то же в старинных памятниках: заглаⷣѣть, перескаⷦѣть (83б Библ. кн. XVI в. № 262 Вил.), ѿкидⷭите (32 ib.), ѿвергⷭитес (97 ib.), вазоуⷭють (30б Тайна Тайных XVI в.), завѣⷭю (ib 7б), ѡсподароуе͡ (51б ib.), ѡперезⷭесѧ (112 Псалт. XVI в.); сказⷭе (16 ib.), стоупоую͡ (89 ib.), выславⷭе́ (89б ib.), ѿплачоуе͡ (138 ib.), найдуе́ть (28 Катихиз. 1562 г.), заслугу'ють (68 ib.), явнесѧ — ⷭказуеть (3 предисл. ib.), пережⷭвае (пережевывает) (72 Библ.

кн. XVII в. Толст. № 158), перехвалюю (4 Псалт. XVII в.), заховуе (47 ib. и др.), покопуютъ (Ев. 1616 г. ки б). Несмотря, однако, на довольно упрочившееся чередование основ глаголов типа **коупокатн — коупоукть**, и здесь есть случаи явного влияния основ неопределенного на настоящее время, напр.: целовають (93 Сб. XV в. Публ. б. № 391), оузнаваe (134 Псалт. XVI в.), соделовають (64 Тайна Тайных XVI в.), играваючого (133б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), выдамо (132 ib.), выйгравая (Ром. III, 262 Гомельск.), прика́заваець (ib. 120 Клим.), выгова́раваю (ib. V, 34 Ветка), споровающь (ib. IV, 219 Черик.), обма́наваю, пирапра́шаваю, расхваля́ваю (Мат. Б. № 11 Новоалекс.).

Редкие формы с суффиксами *-ыва-*, *-ива-* для обозначения многократного действия в прошедшем: бивали, ловливали, робливалъ, хотивалъ, хоживали [Бел. Арх. II 1531 (XVII в.)], служывали (ib. 1530), давывали (ib. 1531), даивали (ib., а также ib. 1532), пахивали (ib.).

2) Подравнение основы неопределенного основе настоящего времени.

При форме настоящего *стану* имеем и образования от основы неопределенного с тем же слогом: станоути (84б, Псалт. XVI в.), танoли (таяли) (97б ib.), престаноула (108 ib.), царица станoла (23 Псалт. XVII в.), бгъ стану (76б ib.); при настоящем *дзьму́* (рядом с *дму* = ст.-слав. **дъмж**) имеем неопределенное *дьзму́ць* (Малев. 172 Слуцк.) (при *дуц'* = ст.-слав. **джти**).

Уже давно обращено внимание на основы неопределенного на *-ува-*: танцува́ци, скува́ли, годува́лась, плюва́ць днюва́ць (РФВ, Ш. К. Аппель, «О белорусском наречии»), бу́лува́ць, ту́нцува́ць, гудува́ць, рятуваць, псуваць (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 34 Рогач.; Шейн Мат. I, 2 Горецк. и т. д.), где в некоторых говорах хотя *у* на месте *о* перед губным и могло развиться фонетическим путем, но естественнее оно проникло сюда под влиянием огласовки основы настоящего времени; это явление наблюдается и в украинском языке (см. Белорусы, II, 1, 118, где приведены в достаточном количестве и соответствующие примеры).

Быть может, влиянием основы настоящего времени на основу неопределенного следует объяснять — *не видило* (3 Сб. XV в. Публ. № 391), *видила* (13б ib.), хотя здесь можно бы видеть и фонетическое явление, так как звук *е* (= *ѣ*) здесь безударный и стоит после ударяемого слога. Конечно, старина в таких случаях, как: процвитаe (38 ib.), процвитала (52 ib.).

Согласный звук из настоящего проник в неопределенное, например, в pieгäpłyцśсì (под влиянием *переплыву*) (Федер. II, 72 Свислочь); особенно это следует сказать относительно глаголов в неопределенном на *-чи*, в которых задненебный под влияниям основы настоящего обыкновенно восстанавливается: напе́кти (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), посе́кчы (ib. 11 Новоалекс.), посе́кци (ib. №№ 23 Минск., 31 Вилейск.), прыле́гци — прылягци́, прилегчы́ (ib. №№ 4 Могил. губ., 23 Минск.,

25 Новогр., 31 Вилейск.), слéгчы — слéгци (ib. №№ 11 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск.), уцéкци (ib. 4 Могил. губ. и т. д.). Сюда же принадлежат: сопцй (вм. *сапéць*) (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 10 Мозыр., 13 Свенц. и др.), скубсци (с восстановлением *б*) (ib. 18 Витебск.), храпци (ib. 31 Вилейск.) и под. При старославянском **рютн** уже в общерусском, вероятно, была основа *рев-* (ср. укр. *ревти́*); то же и в белорусском языке: равсцй (при *рюсь*) (Мат. Б. № 18 Витебск.), раўцй (ib. № 31 Вилейск.) и др.

Особенности отдельных основ по классам

Переходя к рассмотрению, в частности, образования основ настоящего времени и неопределенного, отметим, что если они не непосредственно произведены от корня, а от имен, то кроме глагольных суффиксов они содержат и именные [напр., заскигита́ць (Сл. Нос. 185), застукота́ць (ib. 186), нагалу́зоваць (ib. 301), поздоро́вкацьца (ib. 307), полѣпшійвати (гр. 1450 г. Арх. С. VII, 3), затанянёхаць (Сл. Нос. 188), стананёхаць (ib. 613), змудрогелиць (ib. 212), надзиво́сничиць (ib. 304), отчуба́сиць (ib. 384), лобу́ницьца (ib. 270), нагу́торицьца (ib. 303), нацопы́рицьца (ib. 324), сконды́чицьца (ib. 584), зжалкова́цьца (ib. 208), здзиркова́циць (ib. 205), kalosa tarachaciàc (Федер. I, 152), змарня́виць (Сл. Нос. 211)], о которых говорить здесь не место, так как о главнейших речь уже была раньше. Те основы, которые произведены по аналогии старинных образований прямо от корней, представляют в общем те же особенности, что и в общерусском и даже общеславянском языке. Их мы тоже не будем касаться. Мы отметим только те отличия в образовании глагольных основ, какие произошли на белорусской почве, равным образом из сходных с общерусскими образованиями укажем более редкие случаи. Так как основы настоящего времени и неопределенного совпали, то о них речь будет вместе.

Основа *клад-/кладе-* в некоторых юго-западных говорах встречается в распространенном виде, причем осложнение основы произведено при посредстве глагольных суффиксов: kładawi᷄sie jᵹon uż᷄è spać (Федер. I, 169 Лысков), kładawì (клади) (ib. II, 22 Волков.).

Подобное же распространение имеет основа *сѣд-/сяде-* и притом в тех же местностях: ni siedawićsie (Федер. I, 113 Порозов.), siedawiųsie (ib. 114), siedawièciesie (ib. 126 Шидловцы). Даже глагол производный встречается с подобным же суффиксом: птица — *садови́*ⷭ по^{л} дахо^{м} (100б Псалт. XVI в.).

При русск. литер. *вынул* имеем: вына^{л} (83 Крас.), выналъ (38б Ев. Тяпин. 1580 г.), выняе̄ть (= вынимает) (Ром. VI, 350 Черик.).

При русск. литер. *цв'ол* имеем: цв'и́ў — цвила (208б Катихиз. 1562 г.).

Основа *чу-/чуйе-* в белорусском языке до сих пор в полном употреблении: *чула — чула!* покажи, што продаеш (Сл. Нос. 702).

Основа *плы-* (из **плоу-**)/*плыве-* (из **плоκе-**) иногда встречается в другом виде: плуеть (Ром. I—II, 436 Рогач.).

Старинное **рю-**/**реκе-** в белорусском, как мы уже говорили, имеет вид *рев-*/*реве-* (раўци́ — раве́), но иногда бывает и *рю-*: зарюла (Ром. III, 245 Сенн.), рюсь (и *рявсци́*) (Мат. Б. № 18 Витебск.).

Основы на *-ну-* (**-нж-**)/*-не-* имеют много представителей: поихѧеть (389 Лет. Авр. XV в.), схáпнуць (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск., 25 Новогр.), хапнуць (ib № 14 Новоалекс.), убрыкну́ць, цапихнуць (ib. № 11 Новоалекс. и т. д.), даже *владнути* (владеть) (278 Статут 1588 г.), повѣнеть день (начнется день) (83б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), минутисѧ (159 Сб. XVI в. Позн.), станоути (84б Псалт. XVI в.), танȣли (таяли) (97б ib.), престаноула (108 ib.), слынетъ (42 Псалт. XVII в.). Отчасти из приведенных примеров можно видеть, что суффикс *-ну/-не-* обозначает, между прочим, и мгновенно совершившееся действие. На почве белорусского языка развился целый ряд случаев, когда этот суффикс присоединяется к основам глаголов, больше уже распространенным суффиксом *-а-*, означающим длительность действия, причем *-ну-/-не-* и в таком случае показывает мгновенно совершившееся действие, притом однократное, напр.: жа̏рёну́ць (так жарену, што и своих не познаешь) (Сл. Нос. 153), ломзану́ць (ударить) (ib. 271), свистану́ць (ib. 575), дергану́ть, сербануть (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), кылану́ць, мыкану́ць, хыпану́ць (ib. 4), варсану́ць (ib. 7 Минск.), дзярпану́ць, клыпану́ць, шмаргану́ць, тузяну́ць (ib. 8 Игум.), колону́ць, хопану́ць (ib. 10 Мозыр.), сцябану́ць, маханýць (ib. 11 и 14 Новоалекс.), мызгону́ць (ib. 18 Витебск.), сапану́ць, хлибану́ць, разану́ць (ib. 31 Вилейск.).

Из основ на *-ѣ-* отметим: изьсилеѥть (1б Тайна Тайных XVI в.), зн'амеѥть немоць (если это не описка вм. *знамѣѥть*) (ib. 32б).

Особый суффикс (*-е-* вм. *-и-*) представляют следующие глагольные формы: творели (56 Сб. XV в. Публ. б. № 391), изоумелисе (34б, 37 ib.), мучели (7 ib.). Суффикс *-е-* на месте ожидаемого *-а-* имеем в следующих словах (быть может, здесь и фонетическое явление): побежѥти (81б Сб. XV в. Публ. б. № 391), слышели (56 ib.), оуслышети (72 ib.), посщѥють (79 ib.), не ворочеѥть (38 Псалт. XVI в.).

Основа *гони-*, известная старому западнорусскому языку [гонили (гнаша) 44б Ев. Тяпин. 1580 г.], живет до сих пор, хотя и не повсеместно: пара́ скот ган'и́ц' ў по́л'а.

Основы на *-а-*/*-айе-* вообще находят правильное отражение в белорусском языке: ховати (32 Ев. Тяпин. 1580 г.), слухати (36 ib.), выслоухай (3 Сб. XV в. Публ. б. № 391), с'лȣхати (106 Сб. XVI в. Крас.), заприсѧгаю (заклинаю) (83 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), 'ωжестаѥть (108 ib.), рас'мотрѧе́ (13 Тайна Тайных XVI в.), бороухаю́чисѧ (55б Псалт. XVI в.) (**борѣ** πο῾εμῶν), и́каю — и́каў (Мат. Б. № 13 Свенц. и др.). Этот суффикс, между прочим, употребляется для обозначения длительного действия, причем в известных случаях меняется и гласный корня (**ѣ** в **и**) часто под польским влиянием в *е*

(= осн. ѣ): оуберали (77б Сб. XV в. Публ. б. № 391), зажегали (55 ib.). Но есть примеры в старинных произведениях, когда суффикс *-а-* прибавляется как бы для обозначения вида несовершенного многократного, чего по значению часто не бывает; особенно это следует сказать относительно глагола *ѣдать* (примеры после).

Как и в украинском языке (Ogonowski, Stud., 111), попадаются образования, произведенные от прилагательных, в которых перед *-а-* еще бывает *-к*: здорóвкацьца (Сл. Нос. 206) (укр. *здоров'кáтися*). Вероятно, под влиянием основ на *-ова-/-уйе-* явились такие формы, как: ня ведую (Ром. III, 16 Сенн., I—II, 4 Рогач.), хотя здесь *у* на месте ожидаемого *а* можно бы объяснить и фонетическим путем (Белорусы, II, 1, 106).

Основы на *-ова-/-уйе, -ева-/-'уйе-* очень распространены в белорусском языке и употребляются в большем количестве случаев, нежели в литературной русской речи. Так, если мы имеем: гатовáць — гатýю (Шейн Б. П. № 559 Лепп.), куповаць — купуемъ (Зап. I, 302), подзяковаць — подзя́куймо (Дмитр. П и Ск. Вильн. 192 Белост.) или старинные: крижа^{вв}ли (14б Сб. XV в. Публ. б. № 391), оукрижавати (ib. 9б), вымоураваны (ib. 44б) и т. п., то эти образования отчасти равны старинным, отчасти же возникли по образу их; старине подражает *мевали* в выражении: войну з рымляны мевали (145 Сб. XVII в. Син. б. № 790). Но в белорусском языке — старом и новом — эти же суффиксы служат для образования основ, когда хотят обозначить действие длительное многократное, т. е. тогда, когда в современной литературной русской речи обыкновенно *-ыва-/-ива*. Так мы имеем, напр.: ѡбрезоваю'тс̀е (88б Сб. XV в. Публ. б. № 391), видована (92б ib), оуздержаваеть (92 ib.), 'ѡ свѣчавала (48б ib,), повѣшавали (72б ib.), оуказаватисе (30б ib.), ѻ̑казава^{ть} (49 ib.), не заказава^{ть} (39 ib.), приказава^{ть} (31, 65 ib.), пописывали (83 ib.), неслыхаваны (33б ib.), 'ѡплакевала (15б ib.), ѡ̑казова^{ть} (97б Псалт. XVI в.), выслоухова^{ть} (99 ib.), присмотровати (118б ib.), прем̑ековаѥ^{ть} (60 ib.) выслоуховалъ (102б Псалт. XVII в.), пописова^{ть} людъ (84 ib.), выръбавали (56b ib.), 'ѡфери и^{м}чиневали (6 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), пбйсковати (Ев. 1616 г. м̑е); или из современной речи, обыкновенно с аканьем, как это отчасти можно было наблюдать и в примерах из старинных произведений: выи́граваць (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 9 Бых.), выгова́раваць (ib. 9 Бых., 15 Игум.), обду́маваць, обма́новаць (ib. 11 Новоалекс.), приду́маваць (ib. 28 Себеж.), пирапра́шаваць (ib. 11 Новоалекс.), пасту́каваць (ib. 31 Вилейск.), раскидаваць (ib. 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), распи́саваць, разбарбнаваць, расцярóбляваць, расхва́ляваць и т. д. (ib. 31 Вилейск.), спброваць (ib. 9 Бых., 15 Игум., 28 Себеж. и др.). Все эти слова, как мы видели, в основе настоящего могут иметь *-уйе-*, но также возможно под влиянием основы неопределенного *-авайе-*.

Нельзя, однако, думать, что суффиксы *-ыва-/-ива-* уже совершенно неизвестны белорусскому языку. В старинных памятниках

изредка, а в современном языке и довольно часто, не без влияния русской литературной речи, можно встречаться с ними. Приведем примеры: Сб. XV в. Публ. б. № 391: єдывали (80), выгонивали (81); Лет. Авр. XV в.: не присылывалъ (206); Лит. лет.: пріеждивалъ (2 Вил.); Сб. XVI в. Крас.: немо᷍ впадываѣ (64б), оупадываѣ (71), игрывали на трꙋба᷎ (66), бира᷍ (82б), пере᷍ ты᷍ жигали тѣла (71), хоживало (69), почали ро᷍множиватиса (65); Сб. XVI в. Позн. (ср. Arch. f. sl. Phil. IX, 371): хоживалъ (154), игрывали (228), кладывалъ (235), ездчывалъ (ib.), позабивалъ (147) (где суффикс только *-ва-*); Тайна Тайных XVI в.: хаживала (31б); Статут 1588 г.: посылывано (73); Псалт. XVI в.: приро᷍нываѣть (52б), хожива (65б), говорива᷍ (99); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: стоюва᷍ (154б); Псалт. XVII в.: выслухиваѣ (82), вы́слухива᷍ (116); из живой речи: взмиловывацьца (Сл. Нос. 54), выбрукóвываць (ib. 79), размеркóвываць (ib. 550) (в приведенных примерах суффиксу *-ыва* -еще предшествует *-ов-*), выпе́иваць, выли́зываць (Мат. Б. № 6 Диснен.), загнóиваць (ib.), нака́шываць, накла́дываць (ib.), апщы́пываць (ib. 8 Игум.), апшмóргиваць (ib.), паха᷍джываць (ib. 7 Минск.), подки́дываць (ib. 8 Игум.), падгля́дываць (ib.), погля́дываць (ib. 15 Игум.), раски́дываць, расхва́ливаць (ib. 5 Слуцк.), 8 Игум., 9 Бых., 18 Витебск.), распрастываць (ib. 15 Игум.), хо᷍дживаць (ib. 5 Слуцк.), развóрываць, раскóшиваць (ib. 31 Вилейск.); «в настоящем времени у глаголов, имеющих *-ываю*, *-иваю*, окончания *-ую* не бывает» (ib.). Что касается значения, то не всегда формы с основами на *-ыва-/-ива-*, особенно в старинных произведениях, обозначают многократность действия.

Как неуспешно суффикс *-ыва-/-ива-* прививается белорусскому языку, видно из того, что 1) в настоящем времени он иногда вытесняется образованием с *-ый-/-ий-*: осаджиищь (Ром. V, 157), спрашиець (ib. IV, 44 Чаусск.), приговариець (ib. III, 427), обманыеш (ib. 215 Бых.), спра́шииць, обма́ною (Мат. Б. № 3 Могил. губ., ср. ib. № 16 Бых., № 32 Орш.); нечто подобное даже, может быть, видим в Ев. 1916 г. — оу̑смóтриючи (2смв б.); 2) нередко *ы* совершенно исчезает или заменяется глухим звуком *ъ*, в чем можно видеть и фонетическое явление (Белорусы, II, 1, 242): разска́зъваць, отка́зъвае (Новогр.), pakazŭwaj (Федер. I, 4 Слоним.), razkàzŭwać (ib. II. 56 Волков.), papazaká̆vać (Клих 194 Новогр.), нагавуб᷍р'ваць (Малев. 21 Слуцк.), пазавид'вали (ib.), пакалых'вая (ib. 83), прыслухбу̑ваюся (ib. 112), спраш'вая° (ib. 121). Во всех отведенных глаголах оттенок многократного вида чувствуется слабо.

Суффикс *-ота-*: бразгатаць, грукатаць (П. А. Расторгуев. Северско-белорусский говор. Л., 1927, стр. 76).

Выражение видов и залогов

При рассмотрении более или менее замечательных суффиксов, мы отчасти касались и вопроса о выражении вида белорусского глагола.

Способы выражения видов в общем те же, что и в русском языке (ср. Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, 5, 1, § 53). Только соответствующие образования для вида многократного находятся в зачаточном состоянии; чаще он описывается несколькими словами.

В старинных памятниках есть немало случаев употребления образований с суффиксом *-а-* как бы для обозначения вида многократного, напр.: едаеть (естъ) (269б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), на едаю мѧса (26б ib.), не ѣдала (140б ib.), ѣдали (3б ib.), николи ѡ проче не едали (29 ib.), не ѣдаючи ани пиючи (60 ib.); едалъ хлѣбъ (17 Псалт. XVII в.), ѧда^{л} еси (38 ib.), не ѣдал (104 ib.); пирала (= стирала) (59 Сб. XV в. Публ. б. № 391), сыплѧла з царе^{мъ} (19 Об Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), слыша^{л} или — ѧко сыплѧли (= спали) з женами (141б ib.), ѡпечалѧла (= печалила) (140б), мовѧ^{л} (= говорил) (154 ib.), пасалъ есмъ (= несколько раз пас) (155 ib.), ѕдѕша^{л} есмъ (ib.), а ни сѧ ихъ страхат'е (102 ib.). Как можно видеть из приведенных примеров, не всегда здесь обозначается многократное действие; в живой белорусской речи подобные выражения мало употребительны.

Для выражения мгновенного однократного действия белорусский язык пользуется также отглагольными междометиями, представляющими большей частью обнаженный глагольный корень; правда, совпадений с литературной русской речью в отдельных случаях мало. В белорусском языке употребляются: хап, стук, бах, тыя *тыц* устáли (Мат. Б. № 6 Диснен.), шеў, да и *брык* в роў (ib. № 34 Рогач.), я *зір* у вакно, ана пажар (Вит. К. С.), razbŭjnik *bēnc* na zemlu (Федер. III, 40 Шидловцы), baba *bryk* da harỳ nahami (ib. 70), jùn *bōch* tùju babu (ib. 101 Лысков), jenỳ... *babùch* u̯ wódu (ib. 106 Рось), miedźwièdź zarŭu̯ i *babčuch* (ib. 56 Шидловцы), jenà *babŏuch* (ib. 101 Лысков), jůn *burzde'k* da-j pakacìu̯sie (ib. 51 Шидловцы), sabàka *hap* za miaso i ucièki (ib. 108 Мстибов), baba *hop* na zièmlu (ib. 103 Шидловцы), hrāk (ib. 10), jena *żach* (ударила) (ib. 45 Молчадь), krůu̯ *kap* jemù na twar (ib. 49 Рось), drong *łōp!* złamàu̯sie (ib. 55 Шидловцы), pa ścieniè *łop*! *łop*! (ib. 58 Рось), tak hìto *tràch!* dzwièry zaczynìu̯ (ib. 58 Шидловцы), *czach! czach!* — i hòłau̯ żniałà (ib. 47 Рось), *szach* kasòju (ib. 51 Шидловцы); иногда эти глагольные корни принимают еще окончание *-u'*, чем приближаются к 3-му лицу глагола: tak ju̯on *bachièć* i zubìu̯ (Федер. II, 189 Рось), czort za kark da *hrymièć* ab zièmlu (ib. 226 Шидловцы), da dzygiēć z pleczèj (ib. I, 24 Свислочь), wŭu̯k *dzygièć*, da *cap* zubami (ib. III, 57 Лысков), toj *dzygièć* ź dzièrawa (ib. 143 Шидловцы), jenà jehò *łapèć* za nohi... i zaczynìła (ib. 50 Мстибов), dy-j *mie'kièć* cyhanà za płuòt (перебросил) (ib. I, 232 Свислочь), jenà jehò *pichièć* (ib. III, 26 Шидловцы), pluśkieć (плеснула и уплыла) (ib. II, 79 Свислочь), haspadàr heto *sau̯gièć* jemù raźnò u̯ horło (ib. I, 18), *sou̯gièć* naròham (ib. III, 47 Молчадь), báćko *sierbièć* łoźku (ib. 72 Свислочь), tak jijè *smykieć!* i paniesło (ib. II, 160 Лысков), sèrco furkièć da-j palecièło (ib. 214 Шидловцы),

pryletàje mucha: *chapièć* toje zièrniałko (ib. III, 69), muźỳk chuczèj z stràchi *da hapièć* (чит. *хапець*) za czeräsło (ib. 196 Свислочь), wiedźma jehò *capièć* za kark de-j paniesła (ib. II, 171 Гнезно), dzieu̯ka *capièć* tùju szablu (ib. III, 45 Молчадь), ździorszy *ciskièć* na ziemlu (ib. I, 21 Порозов.), wjniesła *i ciskièć* jemù u̯ oczy (ib. 71 Шидловцы), *ciskièć* taho pirahà (сунул) (ib. 234 Изабелин), szpurhièć (ib. 21 Порозов.), czort szpurlèć jeje z hrùszy (ib. II, 226 Шидловцы), sztyrchièć jemù palcam u̯ pup (ib. III, 64 Свислочь), tak ju̯òn i *hrytòć* u̯ trunù (ib. II, 199 Рось); иногда стремление приблизиться в окончании к 3-му лицу выражается только в умягчении конечного коренного согласного: круць, верць (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), trēś ра kaleniach (Федер. III, 103 Шидловцы), лянь (я глянул) (Мат. Б. № 13 Свенц.). Наконец, есть еще один род осмысления обнаженного глагольного корня: к нему прибавляется суффикс *-ел'*, находящийся, по всей вероятности, в связи своим *-л-* с суффиксом причастия прошедшего, а мягкостью этого *-л-* с мягкостью в окончании 3-го лица единственного числа: сморге́ль (дёрг) (Сл. Нос. 595), іон мне сноп *киде́ль* (Добров. Смол.), то же — кидень (ср. Акад. словарь).

Но вообще вопрос о способах выражения видов глагола можно в подробностях рассматривать лишь в синтаксисе.

Для образования з а л о г о в белорусские глаголы пользуются теми же приемами, что́ и русские (Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика, 5, 1, § 52). Отличия не в суффиксах будут рассмотрены в синтаксисе.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы (*-к'и, -ен'к'и, -он'к'и, -ичк'и, -очк'и, -ухны*)

В заключение рассмотрения особенностей глагольных основ в белорусском языке отметим тот факт, что суффиксы уменьшительно-ласкательные, которые так характеризуют именные основы и местоименные, зашли и в глаголы и здесь составляют принадлежность в известных глаголах формы неопределенного, выродившейся из имени. Эти суффиксы, как и в украинском языке (Ogonowski, Stud., 112 — 113), прибавляются, впрочем, не ко всем глаголам, а к тем, которые имеют особое отношение к детскому обиходу, каковы *е́сци, пи́ци, спа́ци, гуляци* и под., и употребляются главным образом в детской речи. По аналогии с окончанием неопределенного эти суффиксы обыкновенно имеют в исходе *-и*, лишь в одном суффиксе *-ы*. Примеры:

1) *-к'и*: е́сцьки (Сл. Нос. 723; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 10 Мозыр., 26 Себеж., 31 Вилейск.), е́стки (ib. № 4 Могил. губ. и др.), е́стьки (ib. № 32 Орш.); пи́цьки (Шейн Б. П. № 42 Витебск., Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 10 Мозыр., 26 Себеж., 31 Вилейск.), пи́тьки (ib. 32 Орш.), пи́тки (ib. № 4 Могил. губ. и др.); спа́цьки (Зап. V, 168; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 10 Мозыр., 26 Себеж., 31 Вилейск.), спа́тьки (ib. 32 Орш.), спа́тки (ib. № 4 Могил. губ. и др.); гуля́тки (Мат. Б. № 11 Ново-

алекс.), гуля́цьки (ib. № 28 Себеж., 31 Вилейск.); глядзе́цьки (Мат. Б. № 31 Вилейск.); хадзи́цьки (ib.); га́мки (даже без признака неопределенного) (Мат. Б. № 8 Игум.).

2) *-ен'к'и- (-ин'к'и, -ан'к'и)*: е́сциньки (Сл. Нос. 723; Зап. V, 166; Мат. Б № 4 Могил. губ., 6 Диснен., 26 Себеж., 31 Вилейск.), е́стиньки (ib. № 32 Орш.); пи́циньки (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен.), пи́тиньки (ib. № 32 Орш.), пи́цяньки (ib. 31 Вилейск.), пи́ценки, спа́ценки (Шейн Б. П. № 27 Велиж.) (Сураж.), спа́циньки (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 31 Вилейск.), гуля́циньки (Сл. Нос. 125), лю́линьки — лю́ленькі (без признака неопределенного) (Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 11 и 14 Новоалекс., 28 Себеж., 32 Орш.), лю́ляньки (ib. 31 Вилейск.); гулиньки (ib. 18 Витебск.). Суффикс *-ен'к-*, зайдя в неопределенное, мог попасть и в причастие страдательное: засла́ненькие (Зап. V, 234).

3) *-он'к'и (-ын'к'и, -ен'к'и)*: е́стоньки, пи́тоньки, спа́тоньки, ба́хоньки (Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 11 и 14 Новоалекс., 28 Себеж.); естыньки, питыньки (Отч. 10 Иллукст.; Мат. Б. № 14 Новоалекс.); спа́тыньки, ба́хыньки (ib.); хо́дыньки, то́пыньки, ку́пыньки, ко́тыньки (катиться), дыбыньки, шле́пыньки, сту́пыньки (Мат. Б. № 18 Витебск.); е́стэньки (Сл. Нос. 723).

4) *-е(и)чк'и (-ачк'и)*: е́сцички (Сл. Нос. 723; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 17 Речицк., 31 Вилейск.), пи́цячки, спа́цячки, лю́лячки (ib.): лю́лички (ib. № 32 Орш.).

5) *-очк'и (-ычк'и)*: спа́точки, е́сточки, спатычки, е́стычки, пи́тычки (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 14 Новоалекс.).

6) *-ухны* (с предыдущей твердостью или мягкостью согласного): е́стухны — е́сцюхны (Сл. Нос. 723; Мат. Б. № 14 Новоалекс.), гуля́цюхны (Сл. Нос., 125), спацюхны (ib. 603).

Как уже неоднократно отмечалось, суффикс неопределенного *-ц'и/-ц'* часто отсутствует.

II. СУФФИКСЫ, УПОТРЕБЛЯЮЩИЕСЯ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Неизменяемые части речи (наречия, предлоги, союзы, междометия) в белорусском языке бывают или первообразные, часто состоящие из одного гласного звука (*а, и, у*) или гласного с согласным (*на, ци*), не говоря уже о тех образованиях, которые вследствие фонетических причин сократились, потеряв часто даже характер слога (*об, з, ў*), или производные при посредстве разных суффиксов. Последние, часто восходя к глубокой древности, представляют большей частью суффиксы именных форм, которые могут быть поставлены в связь с окончаниями тех или других падежей склоняемых частей речи; но есть между ними и такие суффиксы, связь которых с окончаниями падежей не очевидна или может быть обнаружена только путем сравнительно-историческим. С русской и даже общеславянской точки зрения такие суффиксы уже

специальная принадлежность неизменяемых частей речи. Да и многие суффиксы, явно представляющие из себя окончания падежей, стали чувствоваться как наречные суффиксы и по аналогии старинных образований начали служить для производства наречий от таких корней, от которых имена неизвестны. Происхождение некоторых именных наставок в наречиях кроме того затемнено и по чисто фонетическим причинам, а также из стремления языка к сокращенным образованиям и по аналогии некоторых сходных форм. Все эти факторы придется иметь в виду при рассмотрении тех или других образований.

Переходя к детальному рассмотрению неизменяемых частей речи, скажем два слова о порядке изложения. По возможности мы будем держаться обычного грамматического деления неизменяемых частей речи на наречия, предлоги, союзы и междометия; но иногда этот порядок, естественно, будет нарушаться, так как нередко одно и то же слово может исполнять роль и наречия, и предлога, и даже союза. Далее, хотя мы собственно говорим о суффиксах для образования неизменяемых частей речи, но мы не можем обойтись и без того, чтобы не упомянуть и тех из непроизводных наречий, предлогов, союзов и междометий, которые в белорусском языке представляют некоторые отличия от литературной русской речи. Суффиксы в каждом отделе расположим так, что сначала будем говорить о тех из них, которые не стоят в явной связи с окончаниями падежей и глагольных форм, а затем о тех, которые представляют окончания склоняемых и спрягаемых форм. В последнем случае мы как бы забегаем вперед, в отдел словоизменения; оправданием для нас служит то, что окончания, например, наречий, хотя они в большинстве случаев и падежные, но уже совершенно закостенели, и только с исторической точки зрения могут рассматриваться как те или другие формы изменяемых частей речи.

а) Наречие

Непроизводные наречия

Наречий непроизводных, образованных непосредственно от корней, белорусский язык знает, мало, притом большей частью в форме частиц, входящих в состав сложных союзов и наречий, о чем речь после. Таковы, напр.:

а- (абы́дзе, абы́дзень, абы́як, аво́сьцека, ажно́, ану́, ане́, асе́, асёж, аўжо́ж, але́, да и под.): што б любила *абы* ко́го (Н. Я. Никифоровский. Белорусские песни «Частушки». Вильна, 1911. Част. 2121 Мин.);

-ка (цяпе́рака, ту́тачка, та́мока — и даже при глаголе *ёсцека*);

о-/во-/у- [во́н -ди-тка, у́ньдзя, вось — осе (вот); ты мнѣ невѣри[и] ꙗсе тыи листы што записа[и]сА (74б Крас.); усь, во́здзя, бто], отчасти известные и украинскому языку.

Из других наречий, более простых по составу, отметим на месте литер. русск. *еле*, *л'ä*: ле[л]во (68б Крас.), ледво (194 Сб. XVI в.

Позн.), ледвá (Мат. Б. № 28 Себеж.) liedź (едва) (Федер. I, 240 Свислочь), в котором хотелось бы видеть основное русское *мъ*, чему, однако, противоречит украинское *ле-* в *лéдве, лéдво, ледь*; *ту*: tovto (79 Тайна Тайных XVI в.); по известным фонетическим причинам *еще* иногда имеет вид *ащé* (Мат. Б. № 19 Гродн. и др.) (ср. Белорусы, II, 1, 185); отметим также *есчель* (21 Ев. Тяпин. 1580 г.).

Наречные суффиксы (*-ва, -да, -ды, -удóйу, -ых, -ах, -ма, -м'и, -л', -л'и, л'е, -л'а, -ка, -к'и, -ку-, оў, -ч, -че, -чы, -с', -с'а, -ужны, -ус'ин'ки* и др.)

Из наречных суффиксов, представляющих по своей форме некоторые отличия в белорусском языке, отметим:

1) *-ва*: кудова (ꙗможе) [42 (45), 52 Ев. Тяпин. 1580 г.], tùdakawa (Федер. I, 64 Мстибов).

2) Рядом с довольно редким *-да* [чаще в *-уда* из *-жда*, kudà (Федер. I, 161 Свислочь, ib. II, 16 Порозов.), tuda (ib. I, 102 Изабелин), siudàj (сюда) (ib. II, 259 Суховоля)] обыкновенно *-ды*, как в русских и украинских (куди, туди, сюди) народных говорах: куды (гр. 1440 г. СВ, 7; 195 Статут 1529 г.), кудѣ (украинизм) (гр. конца XV в. Л. 242), докýды (Сл. Нос. 139) сюды и тѫды (17б Псалт. XVI в.), hètudy (здесь) (Федер. I, 226 Мстибов), догéтуды (Сл. Нос. 137), uśúdy (Клих 212 Новогр.), ѫсюды (160 Сб. XVI г. Позн.), всегды [гр. 1405 г. Л. 119; 154 Сб. XVI в. Позн.; Катихиз. 1562 г. 181 б; Пс. 70.6 (всегѫ ы) Библ. кн. XVI в. № 262 Вил.], в'сегды (24 Тайна Тайных XVI в.), завсегды (14б, 15 Псалт. XVII в.; 60 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), тогды (гр. 1264 г., 1432 г. СВ. 5, 1440 г.; 34 Увар.; 84б Крас.; 31б Тайна Тайных XVI в.; 5, 96 Статут 1588 г.), тогды (269б Лет. Авр.), иногды (54б Тайна Тайных XVI в.), и́ногды (96б Библ. кн. XVI в. № 262 Вил.), ѝногды (Ев. 1616 г. лѫ), сюды (126 Библ. кн. XVI в. № 262 Вил.; 30б Ев. Тяпин. 1580 г.). Это окончание на *-ды* обычно и в современной разговорной речи: куды́, тудо́, сюды́, ўсю́ды (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск. и др.), куды-ш (ib. № 31 Вилейск.), куды́ (Мат. Б. № 20 Август.), кагды́, тагды́ (ib. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., и др.), тоды́ (Шейн Б. П. № 1 Лепп.), тады́ (Мат. Б. №№ 8 Игум., 9 Бых., 11 Новоалекс.), ўсю́ды (ib. №№ 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс.), заўсягды́ (Шейн Б. П. стр. 176 Лепп.), оттóгды (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), усёды, завсёды (ib. № 18 Витебск.), тады-сяды (Вит. К. С. 306); в подражание им — *ми́жды* (ib. № 4 Могил. губ.). В замене суффикса *-да* на *-ды* нельзя усматривать фонетического явления: здесь скорее образования с окончаниями разных падежей; в *-ы* суффикса *-ды* можно видеть закостеневший творительный множественного числа.

3) *-ойу-/-ой/-ейу* (обыкновенно в *-удойу* из *-ждоіж*): кудóю, тудóю, сюдóю (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 9 и 16

Бых.; Отч. 18 Ржев.); кудо́й, тудо́й, сюдо́й [Мат. Б. №№ 4 Могил. губ. («редко употребляются»), 31 Вилейск.]; гэту-дай-жа (ib.); кудэ́ю, сюдэ́ю, тудэ́ю (ib. № 7 Минск.; Отч. 32 Слуцк.); kudeju (Федер. I, 56 Изабелин), тудэю (Малев. 113 Слуцк.), tudéju (Клих 209 Новогр.). В этом окончании *-ойу/-ой/-ейу*, несомненно, следует видеть форму творительного падежа от основ на *-а-*, такую же, как в русск. литер. *домой*, *шел дорогой*; подобное употребление этих образований на *-ою* известно и украинскому языку. Рассмотренное окончание иногда осложняется новым суффиксом *-ма* [кудэ́ю и кудэймá (Малев. 178 Слуцк.), тудэю (ib. 29, 190) и тудэймá (ib.), сюдэйма (ib. 189)], о чем речь ниже.

4) *-дых* или просто *-ых* (*-ах*): всю́дых (Сл. Нос. 75), усю́дых (ib. 668), отусю́дых (ib. 381), ўсю́дых (Зап. I, 268; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 7 и 23 Минск., 9 и 16 Бых., 14 Новоалекс., 26 Себеж.), усю́дах (ib. №№ 6 Диснен., 9 Бых., 23 Минск.), usiudax (Цецер. 1787)[1]; так же образовано *ўчо́рых — ўчорах* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.). В приведенном окончании *-ых* — форма родительного множественного числа, а *-ах* — фонетическое его изменение, хотя возможно видеть и окончание другого падежа [ср. укр. *по́ всіх усюдах* (Гринченко, Слов. IV, 361)]; форма местного в *-ах* в выражении: которыии *вонкахъ* седить (98 Сб. XV в. Публ. б. № 391); у-вóнкых (вне дома) (Мат. Б. № 18 Витебск.), у-прóчкых (ушел прочь) (ib.).

5) *-ма*, встречающееся у тех же наречий, образованных от местоименных корней *ko-*, *to-*, *śo-*, а в подражание им и у других наречий; часто *-ма*, представляющее, несомненно, окончание творительного двойственного числа, сокращается в *м*; примеры: кудымá, kudémá (Клих 186 Новогр.), тудымá [Бесс. Б. П. № 158; Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 23 Минск., 29 Новогр. (туды́ма, тудóма)], тудым (Бесс. Б. П. № 3; Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 17 Речицк.), siudemo (здесь) (Федер. I, 5 Дворец). Сюда принадлежат по образованию и следующие наречия, из коих некоторые отыменные: *гольма-* голую ўзяв (Сл. Нос. 117), бе́гма бягúць, гу́льма гуля́иць (Мат. Б. № 18 Витебск.), да́рма (94б, 93 Библ. кн. XVI в. № 262 Вил.) (ср. укр. *дарма́*); вследствие влияния слов среднего рода на *-о* появляются наречия и на *-мо:* в'єлмо, даръмо (63 Статут. 1588 г.), дармо [Бел. Арх. II 1538 (XVII в.)], надармо (25 Псалт. XVI в.), надармо (36 Катихиз. 1562 г.), дырмá (и *дармó*) (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк.), дармá (и *дармó*) (ib. №№ 7 Минск., 8 Игум.), дармá (ib. №№ 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс.), dármo (Клих 178 Новогр.), задáрмá (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 23 Минск., 31 Вилейск.), к'ишмá, лéжмá (ib. №№ 8 Игум., 16 Бых., 18 Витебск.), ляжмá (ib. № 6 Диснен.); *ложмá* вм. *лёжма* (ib. № 14 Новоалекс.) (укр. *лéжма*), párma (парой лошадей) (Клих 195 Новогр.), сúдма сядить (Мат. Б. № 18 Витебск.),

---

[1] «Doktór przymuszony» в польско-белорусской обработке кс. Цецерского, 1787. Ср. РФВ, LXII, 75 sq.

стóрчма (ib. №№ 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 23 Минск.), старчмá (и *тóрчма*) (ib. № 31 Вилейск.), тóршма (ib. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк.), тóйма (тайно) (Сл. Нос. 636), czasòma (иногда) (Федер. II, XXVII).

6) *-м'и*, ближе всего подходящее к предыдущему окончанию, как форма творительного падежа множественного числа, имеющее соответствие в древнем языке и в украинском языке: велми (20, 66 Крас., 3 Вил.), велми́ (зѣло) (27 Ев. Тяпин. 1580 г.), вѣ̂ми (22 Псалт. XVI в.), вéлми (107 Псалт. XVII в.), велмѝ (Ев. 1616 г. е̄і̄ б), вéльми (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр.), вéльмы (Шейн Б. П. № 444 Лепп.), вѣлмы [РФВ, VI, 218, где *ы* в подражание твор. пад. мн. ч. (как селы)], тóрчми (ib. № 18 Витебск.); вéльмо болячо — своим *о* подражает окончанию наречий, развившихся из им.-вин. пад.

7) *-л'/-л'и/-л'е/-л'а* — один и тот же суффикс с изменениями в окончании по падежам от основ на *-i̯-* и *-ĭo-*: докꙋ́ль (31б Библ. кн. XVI в. № 262 Вил.), доколе (133 Сб. XVI в. Позн.), ѡткуль (170 ib.), ѡткуле (149 ib.), ѡткулѧ (57 ib.), докуле — дотуле (3 посвящ. Катихиз. 1562 г.), ѿкꙋ́ль (12 ib.), ѿкуль (50 Ев. Тяпин. 1580 г.), покуль (50 Лет. Авр. XV в.), покуль (116 Сб. XVI в. Позн.), покоˣ (11б Псалт. XVII в.), поколь (27 ib.), покуˣ (73, 109б ib.), ѡтꙋ́сюль (179 Сб. XVI в. Позн.), ѿвсюль (ѿвсюду) (44б Ев. Тяпин. 1580 г.), досюль (14б ib., 31б Библ. кн. XVI в. № 262 Вил.), потоуль (50 Лет. Авр. XV в.), отътꙋ́ль (5 Ев. Тяпин. 1580 г.), ѿтуˣ (72 Крас.), пакꙋ́ль (Шейн Б. П. № 102 Лепп.), докꙋ́ль (ib. 103 Себеж.); дакꙋ́ль, пакꙋ́ль, аткꙋ́ль, аттꙋ́ль (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс.); одтэтуль — одгэтуль (ib. № 18 Витебск.), skul (Чечот 91); тот же суффикс *-ль*, но с другим предшествующим гласным известен и украинскому языку: докіль, покіль; коли [гр. 1264 г., 1432 г. СВ. 5, 1440 г. СВ. 7; 36б Ев. Тяпин. 1580 г.; 27 Гродн. Акт. кн. XVI в.; 26 Статут 1588 г. (колибы); 66б Тайна Тайных XVI в. (а коли); 137 Псалт. XVII в.], нѣколи (гр. 1440 г. СВ. 7), колѝ-ни-коли (изредка) (Сл. Нос. 241) (как и в укр.), колѝ, никóли (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 18 Витебск., 26 Себеж., 31 Вилейск.), нéколи (ib. 3 Могил. губ.); докуле (Четья 1489 г. 177б), ѿтꙋ́ле [15б, 26б, 50, 42 (45) Ев. Тяпин. 1580 г.], ѡдноле (51 Псалт. XVI в.); покелѧ, ѿтулѧ [гр. 1387 (21)], ѡкоулѧ (43б Сб. XV в. Публ. б. № 391), ѿтоулѧ (50б ib.), ѿтола (97 ib.), оттолѣ (1 Вил., 8 ib.), оттоле (11 ib.), ѿтолѧ (81 Крас.), ѿтолѫ (21б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), одкéля — одтóли (Мат. Б. № 18 Витебск.).

8) *-ка* — известная наречная частица — обыкновенно прибавляется уже к готовым наречиям, образованным с теми или другими суффиксами, не придавая им никакого особого оттенка, например, характера ласкательно-уменьшительного; перед ним обыкновенно бывает какой-

либо гласный — основное *о*, *є* — заменитель *ъ*, и их фонетические заместители, напр.: у́сяка (и *во́сяка*) (вот) (Мат. Б. № 8 Игум.), тамока (5 Сб. XV в. Публ. б. № 391; Сл. Нос. 632), ту́тыка (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 23 Минск.), ту́тока (ib. № 11 Новоалекс., 26 Себеж.), адсюліка (Вит. К. С.), теперека [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], се́реreka (Клих 177 Новогр.), цяпе́рака [ib. №№ 5 Слуцк., 26 Себеж. (тяперека)], цяпе́река (ib. № 8 Игум.), цяпе́рыка (ib. №№ 4 Могил. губ., 23 Минск.), ципе́рика (ib. № 14 Новоалекс.), нацяпе́рака (ib. № 31 Вилейск.), сягбняка (ib. 13 Свенц.), наза́ўтрака (ib. 14 Новоалекс.); в подражание таким глагольным образованиям, как *н'ämа́ш*, *н'ämа́шäка* (о чем речь после), образованы: але́шака (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), дарма́шака (ib. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 и 23 Минск.), дарма́шўка (ib. № 29 Новогр.); когда наречию хотят придать ласкательный характер, то перед *-ка* бывает еще *т*: та́мотка (Мат. Б. № 34 Рогач.), особенно *ц* мягкое: та́моцька (Сл. Нос. 632), тама и та́мыцька (Мат. Б. № 18 Витебск.), ту́та и ту́тыцька (ib.), tutacka (Цецер. 1787). Так как *ц'* известно в подобных образованиях только в северной Белоруссии, то в нем можно усматривать замену *ч'*, а не *т'*; иногда мягкости *т* не бывает: тутытка (Мат. Б. № 14 Новоалекс.); изноватька (снова) (Ром. VI, 379 Клим.).

9) *-к'и*. Суффикс этот, повидимому, сродни с предыдущим, так как употребляется отчасти в тех же самых образованиях [ср. та́моцьки (Сл. Нос. 632), ату́тоцьки (ib. 9), та́мыцьки (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 15 Игум., 26 Себеж.) (тамытьки)], но со временем он подвергся влиянию окончания *-ки* (из **-кы**), представляющего форму творительного множественного числа основ на *-ŏ-*, а быть может, и винительного тех же основ и основ на *-а-*, вследствие чего с окончанием *-ки* стали образовываться и отыменные наречия, причем *-ки* часто присоединялось непосредственно к корню; таких наречий не помещаем в отделе произведенных от тех или других падежей, так как нельзя предположить именительных на *-къ*, *-ка*. Приведем примеры: ни *ско́лички* не похож (Сл. Нос. 340), вглу́бки (ib. 77), наўце́ки побег (ib, 323), нена́цки (неожиданно) (ib. 333), коли́сички (Мат. № 3 Могил. губ.), не впрыця́мки (невдомек) (ib. № 4 Могил. губ.), ў-сярёдки (внутри) (ib. № 18 Витебск.), у-при́цимки (ib.), у-до́вжики, у-довыжки (ib.), ада́былки (ib.), удбўжки (ib. 28 Себеж.), устаячки, ўширки (укр. *ушúрки*), ўвышки (ib. № 31 Вилейск.) (укр. *увúшки*), ni u̯bau̯ki (скоро) (Федер. I, 194 Свислочь); неспадзеўки, нибынамки, ниўпа́мки (Парич.); с предшествующим *-т-*: niauzotki (чит. *н'аўжо́тк'и*) (Цецер. 1787).

10) *-ку* принадлежит к той же категории, что и предыдущие два суффикса: формально — это вторичное окончание родительного или местного падежей, но именительного на *-къ* у подобных образований нет. Примеры: посре[a]ку (посреде) (79 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), зво́нку (извне) (Сл. Нос. 199), зненацку (ib. 216), зра́нку (ib. 218) (как в укр.), уширку (ib. 672), ў летку (укр. *улiтку*); ўзи́мку (Мат.

Б. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 9 и 16 Бых., 13 Свенц.), пора́нку (утром) (ib. № 10 Мозыр.), ў лёшку (ib. №№ 6 Диснен., 31 Вилейск.), у-ле́жичку (ib. № 18 Витебск.), з (с) нетцийку (невзначай) (ib.), спре́дку (ib.), спызыра́нку (ib.), у-при́цимку (ib.), у-присидку, у-ле́жичку, у-стоичку (ib.); ўсто́ечку (ib. № 28 Себеж.), знина́цку, на пая́ўку (на видном месте) (ib. № 31 Вилейск.); ў лёжку (ib. № 32 Орш.), змалку (ib. 34 Рогач.), у летку (Ляцк. Посл. 56 Борис.), było u̯ lietku (Федер. I, 39 Шидловцы), u̯ dwajhaczkù (вдвоем) (ib. II, 118 Дворец), рараśо́mku (и *папо́ц'амку*) (Клих 194 Новогр.), поосо́бку (отдельно) (Сл. Нос. 469). Тот же суффикс следует видеть и в странном выражении, известном в северо-восточной Белоруссии *меж собку* (ср. Сл. Нос. 738; Ром. III, 322 Рогач. и др.) вм. *меж собою*.

11) *-оў* из основн. русск. *-овъ*: доловъ (59 Четья 1489 г.; 211 Лет. Авр. XV в.; 176, 238 Сб. XVI в. Крас.; 92 Сб. XVI в. Позн.), долѡ (88 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), долов (Сл. Нос. 139), доло́ў (Шейн Б. П. № 599 Лепп.), доло́вь (Гильтебр. CCLXXXV Вилейск.); аже немьчиць коупить въ Ризѣ... товаръ, понесеть его домовь (Смол.-полоцк. гр. 1230 г.), домовъ (75б Лет. Авр. XV в.), домовъ поехалъ (240 Гродн. Акт. кн. XVI в.; Сл. Нос. 140), домо́ў (Шейн Б. П. № 2 Лепп., 58 ib., 599 ib.), домо́въ (Гильтебр. CCLIV Вилейск.), дамо́ў (Розенф. 81 Минск.), дамо́ў, дало́ў (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 11 Новоалекс., 18 и 33 Витебск., 26 Себеж., 29 Вилейск.; Чечот 1846 г., 65); тот же суффикс с прибавкой *-к'и* или *-ку*: дамо́ўки (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 8 Игум. 9 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 18 и 33 Витебск., 26 Себеж.), далоў, далоўкі, далоўках, дамоў, дамоўкі (Вит. К. С.); поедзем домовку (Сл. Нос. 140). Происхождение белорусско-украинского *-овъ* (укр. *долів*, *домів*) рассмотрено мною в статье: «Русские наречия *домой*, *долой*» (Нежин, 1895. — «Известия Ист.-фил. института», XV). Наречия приведенного типа очень древнего происхождения: они известны древнейшим памятникам русского языка [ити гостю *домовь* бес пакости (Новг. гр. 1199 г.), ѧросла... ѿпѫсти ѥдомовь вса (Новг. 1 л. 6524 г.), доловь (Прол. XIII в.), снидохомъ с горы Θаворьскыя *доловъ* на поле (Хожд. игум. Дан. по изд. Норова), сослати *доловь*... (Дог. гр. Дм. Ив. 1372) и т. д.] и не чужды другим славянским языкам [ср. др.-чешск. domóv, dolóv (Gebauer, Slovník Staroč., 289, 294); словин. domov и др. (Miklos. Vergl. Synt., 1883, 580—581)]; отсюда возможно заключить, что они были известны и основному славянскому языку, в котором существовали рядом с формами дательного падежа на *-ови*, игравшими ту же роль [ср. поидоу(ть) же Русь *домови* (Дог. Олега 907 г.), шьдъши *домови* (Марк, 7, Зогр. Ев.), прииде *домови* (Miklos. Vergl. Synt., 580)], из которых они однако никоим образом не могли быть выведены, а представляют отражение основного индоевропейского образования местного падежа единственного числа на *-ęi* (ср. ведаич. sūnávi, греч. πήχει из πήχει). К такому пониманию указанных наречий я пришел еще в 1894 г.

(июнь) и одновременно со мной, совершенно независимо, проф. С. К. Булич (ср. «Slavische Miszellen» — Altrussisch domovъ, dolovъ. Indogerm. Forschung, V). Но и после этих работ были попытки вернуться к прежнему толкованию указанных форм из окончания дательного падежа единственного числа основ на *-й* (*-ови*), что вызвало появление статьи O. Hujer'a «Slav. *domovъ*, *dolovъ*» (Ind. Forsch., XXIII, 1908, стр. 152—158), проводящей те же взгляды на эти формы, какие были высказаны 14 лет перед тем мною[1].

12) *-че/-ч/-чы* — довольно редкий в белорусском суффикс: ѡпроче (31 Тайна Тайных XVI в.), ѡпрочѣ (33 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); сюда, повидимому, принадлежит: *упóприч* живуць (по-опроче? порознь) (Сл. Нос. 472), нинѣ [гр. 1387 г. (22)], нинечи (67 Сб. XVI в. Крас.), кóлечы (што к.) (Н. Ніва 1910 г., 206), hétačy (здесь) (Клих 181 Новогр.), теперечы [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], сéрéчéу (ib. 177), сегóнячы (сегодня) (Сержп. 103 Слуцк., Сержп. Прымхі 9), надóячи (Мат. Б. № 8 Игум.); обычно, впрочем, последнее наречие встречается в другой форме: аныгдáй (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), анадóў (ib. № 8 Игум.), где *-оў* не без влияния образований, вроде *домóў*; иного происхождения *-ч* (из коренного *к*) в *аберуч* (укр. *обíруч*) (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), обаруч, обе рыч (ib. № 18 Витебск.); опять иное *-ч* (из *tj*) в *сýстреч* (Мат. Б. № 28 Себеж.).

13) *-с'/с'а* из известной местоименной формы **сѧ**, а в некоторых случаях и **сь**, развившееся под польским влиянием, хотя подобные образования известны и украинскому языку (десь, дéся): ти(ци)цяпéрься (Мат. Б, № 18 Витебск.) (в других местах — *цицéперся*); тамацькі *інóся*, ня так будзя (иначе) (Вит. К. С.), нáгдысь (ib.); ўсяля́кся (Малев. 21 Слуцк.); или с прибавкой новой частицы *-ц'и* (из *ти* — тебе): нéколисьци, гдзесьци (Мат. Б. № 13 Свенц.). Другие образования с *-с'* — *-с'а*, где в русской литературной речи *-то*, рассмотрим в отделе сложных слов, так как местоименное происхождение этих окончаний еще довольно ясно чувствуется.

14) Менее типичны наречия, образованные с суффиксом *-ѣ-*, совершенно исчезнувшим в белорусском языке, при посредстве конечного *-ъ*: ѡкрѣсть (окрест) (77 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), отлéць (с давних пор) (Сл. Нос. 385), адзáбль (правда) (Мат. Б. № 18 Витебск.), урэдзь а урэдзь (очень редко); сеў *ожэ́рдзь* на сук (сел верхом на ветку).

15) Известные уменьшительно-ласкательные суффиксы, встречающиеся во всех изменяемых частях речи, не чужды и наречиям: всю́духны (Сл. Нос. 75), никалю́синьки (Мат. Б. № 4 Могил. губ.).

16) Некоторые наречия, как в польском языке, в явной связи с сравнительной степенью имен прилагательных, таковы, напр.: первѣй (раньше) (гр. 1432 г. СВ. 5), перш-наперш (Мат. Б. № 31 Вилейск.), неиначей (гр. 1432 г. СВ. 5, 1497 г. Арх. С. 1,4), йначей (Ев. 1616 г.,

---

[1] O. Hujer с моей статьей, повидимому, не был знаком.

мв б), пачей вси (4б Тайна Тайных XVI в.), воды которыё *назвы* нбсь (141б Псалт. XVI в.), спре́жда (Мат. Б. №№ 9 Бых., 17 Речицк.).

17) Очень любопытно образование наречий, произведенных от имен числительных; тут прежде всего отметим образование с суффиксом *-чы*: аднбўчы (однажды); поодноβчи (по одному разу) (Сл. Нос. 468), двойчи (второй раз) (27 Сб. XV в. Публ. б. № 391), двойчи (55б Четья 1489 г.; 7б Катихиз. 1562 г.; Сл. Нос. 128) (укр. *двійчи*), двбйчы (дважды) (Вит. К. С.), тройчи (Сл. Нос. 640; Ром. V, 22 Гомельск.), трейчы (153 Брюкн., Archiv, IX, 369), trèjczy (Федер. II, 180 Шидловцы) (как в укр.), трíйчи (троекратно) (Сл. Нос. 640), трычи (Мат. Б. № 32 Орш.); *-жда/-жды*: двойжда (70б Сб. XV в. Публ. б. № 391), тройжда (73 ib.); *двожды* приходзив ко мне (Сл. Нос. 127, ср. у Скор. XVI в., Ю 20б и др.), трейжды (248 Четья 1489 г.), трежды (140 Брюкн., Archiv, IX, 369), тремижды (218б Катихиз. 1562 г.), трбжджи, трожды (Сл. Нос. 640); *-ки*: двўбйки, трéйки (Мат. Б. № 10 Мозыр.).

Наречные выражения в форме падежей

Если среди рассмотренных суффиксов можно было открывать окончания тех или других падежей только на основании некоторых соображений, то в нижеследующих примерах связь наречных окончаний с теми или другими падежами очевидна для каждого более или менее внимательного читателя. Если в состав наречия входит предлог, тогда эта связь еще очевиднее.

Так, форму именительно-винительного падежа представляют, например, следующие наречия: а) местоимения в среднем роде или в др.: ото (се) [26б, 42 (45) Ев. Тяпин. 1580 г.; 15 Лет. Пер.], ѿто (42, 54, 131 и др. Псалт. XVI в.), ото сынъ твои идеть (Скор. XVI в. Б 88б), бот'се (5 предисл. Катихиз. 1562 г.) (бо-ото-се), ѿ (вот) (234 ib.), ѿже (89 ib.), ото молодзец! (Сл. Нос. 376) (ср. укр. *от, ото*), От *гэ* прышлà й калядà (Сержп. Прымхі 33), усь (= ось вот) (Мат. Б. № 8 Игум.), вось — вось (вот как) (ib. № 18 Витебск.), асе (вот) (83б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), asioź (Федер. II, 20 Дворец) (ср. укр. *ось, осе*), вбздзя дзе (= о-сь-де) (Мат. Б. № 8 Игум.), вбндзя (Вит. К. С.), коє станъ Трыщановъ (103 Сб. XVI в. Позн.); јак — ак (как): каб билися, *ак* гаршкíé, а дрáлися, ак кашкíé (Малев. 163 Слуцк.); особенно в зависимости от предлогов: засе (паки) (25, 53б Ев. Тяпин. 1580 г.), азáсь (вон) (Сл. Нос. 3); и *низачь* сталъ єсмь (Пс. 72. 22 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), невбшто (кое-как) (Сл. Нос. 329), навўошно (Сержп. Прымхі 29), надто (кроме того) (20 Гродн. Акт. кн. XVI в.), надъто (7б Катихиз. 1562 г.), а наѧто (еще) (12 Псалт. XVII в.), нáтто — нáтта — нáдто (очень) (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 18 Витебск., 28 Себеж., Малев. 20 Слуцк.) (ср. укр. *нáдто*); я тобе *тольки* дав, *скольки* ты хоцев (Сл. Нос. 748), где можно усматривать форму вин. пад. мн. ч. муж. или жен. р.; об-

разование это, находящее соответствие и в украинском языке (ср. *тíлки*), повидимому, распространено в разных местах Белоруссии: кроме Могил. губ., откуда примеры у Носовича, отметим Слуцкое: *скуóльки* ў рыэ̀шаци вады іе́сьць, *стуóльки* ў малайца праўды іе́сьць (Малев. 29 и др.); б) средний род имен прилагательных и числительных порядковых: борздо (48б Сб. XV в. Публ. б. № 391), борзо (4 ib.), бор'зд'о (73 Сб. XVI в. Крас.), борзьдо (28 Увар.), бóрзенько (Сл. Нос. 31), задарéмно (ib. 166), змáлно (чуть-чуть) (ib. 210), пóцёсно (тесновато) (ib. 488), жи(а)лобóсно, -снинько (Мат. Б. № 18 Витебск.), нàрочно (ib. 22 Минск.), зáвóчно (ib. 29 Новогр.), *зачы* ён зусім інакш кажэць (Вит. К. С.), малавеля (немного) (ib. 31 Вилейск.), гóматно (тяжело) (д. Обухово возле Мигова Гродн. у.), нáща (из **на тъште**, натощак) (Мат. Б. № 34 Рогач.), зáтимна (Отч. 22 Брянск.), ўдрýг°ыя — удругòя (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 31 Вилейск.), нáлѣво й нáправо (Ев. 1616 г. з̄ѕ), на завтрее [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], otó nál'ixo (чит. *нáл'ихо* — на беду) (Клих 40 Новогр. и т. д.), пръвое (сначала) (2 Вил.), первое (29 Увар.), третіе (в третий раз) (3 Вил.), ни'дѣ ин'де ѡд'но та^{м} (71 Крас.), гэты мост (пол) можна адмыць *адно* лугам (Вит. К. С.), удрýгае (второй раз), ўтрыэ̀ки (в третий раз) (Сержп. 45 Мозыр.), трэйко (ib. 105 Слуцк.), перво насъ (96 Сб. XVI в. Позн.). Во многих из приведенных случаев только с точки зрения синтаксиса можно говорить о наречиях; с последней точки зрения и предлоги пишутся слитно с зависящими от них словами: строго этимологически в приведенных примерах — местоимения и прилагательные; сказанное mutatis mutandis следует иметь в виду и ниже; в) имена существительные в именительном или винительном падежах, особенно в зависимости от предлогов: нелга (им. пад. к дат. *нельзя* = **нелꙗ**) (гр. 1478 г. Л. 236; Мат. Б. №№ 5 и 21 Слуцк., 7 Минск., 8 и 15 Игум., 10 Мозыр., 17 Речицк.), нельгá (ib. №№ 23 Минск., 28 Себеж.), нéльга былó ўтрымаць (Малев. 20 Слуцк.), но *нéлыо* (ib. 117) уже как средний род прилагательного; адзáбыл (правда) (Мат. Б. № 18 Витебск.), бклип (без седла верхом) (Сл. Нос. 362), абы́дзень (ежедневно) (ib. 2), обыдзень (в течение одного дня) (ib. 356), лéтось (прошедшего года) (ib. 274), пазалетась (Мат. Б. № 31 Вилейск.); нáлета (будущим летом), вечёр (вчера вечером) (Шейн Б. П. № 653 Лепп.); зарá (вместе) (7б Псалт. XVI в.), зáразъ (сейчас, как в укр.) (Ев. 1616 г. г̄і), зáрыз° (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), наўдагóн (вслед) (ib.), навдóгон (ib. № 16 Бых.), у-догóнь (ib. 18 Витебск.), уздогóн (в погоню) (ib. № 32 Орш.), наўздагóн (ib. №№ 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), ўпярóд — упéред (ib. 6 Диснен., 13 Свенц.), нáпирыд — напéрыд — напярóд (ib. №№ 14 Новоалекс., 4 Могил. губ., 18 Витебск., 13 Свенц. и др.), назбы̀ (слишком) (47 Псалт. XVI в.), возьми *наповéр* (Сл. Нос. 314), напрóлёт (насквозь) (ib. 315), напри́клад (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 18 Витебск., 31 Вилейск.); *na odlech* (чит. *наóдл'ӓх*, ср. укр. *навíдліі*), pa zubàch (Федер. I, 23 Свислочь);

ѡкръ^{r} (66 Библ. кн. XVI в. № 262 Вил.), потре͡ (= потреба, нужно) (Сб. Пал. Сн. № 3 XV в.), *немалъ* (вероятно) пан приехав (Сл. Нос. 333), вдол′жь (5 Тайна Тайных XVI в.), выдлыж (вдоль) (Вит. К. С.), ўдоўж (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 17 Речицк., 23 Минск., 32 Орш.), ўдоўш — ўздоўш (ib. № 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 10 Мозыр., 17 Речицк.), в′ пбдовжъ (Ев. 1616 г. з͡), удлы́ж (цугом) (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); вцямъ (примерно), подлъгъ мора (Ист. Сб. XV в.) (Белорусы, I, 376), знаруо͡к (Сержп. Прымхі 9), намнéсь (= на дньсь вчера) (Мат. Б. № 4 Могил.), ня пóплыш (например?) (ib. № 18 Витебск.), вдругоре́дзь (в другорядь? вторично) (Сл. Нос. 47), трубхи (Малев. 22 Слуцк.), трóху, трохи (Мат. Б. № 18 Витебск.); трóшку, трбшки (ib. № 34 Рогач.), кры́шку (немного) (ib.), крóху, крóшку (немного), оудол′жиноу (86 Сб. XV в. Публ. б. № 391), насустре́чу (Мат. Б. № 16 Бых.), на́вѣки (Ев. 1616 г. к҃и), савóсы (свояси) (Сл. Нос. 571), наўза́вады (вперегонку, укр. *навзаводи*) (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); ны-цямки́ (на глазомер), ны-умизги (на любовное свидание), ны-хапки (нарасхват), на-сме́хи (в шутку) (ib. № 18 Витебск.), навы́перетки (ib. № 31 Вилейск.), годы́-ў-ряды́ (ib. № 18 Витебск.) (ср. укр. *врядигоди́* — редко), вазьмèмся *у душки* (чит. *ўдýшки* или *ўдушки́* от *дýжацца* — бороться) (ib. № 31 Вилейск.), за ім лецìць страла́ *ўмíтуськi* (волнообразно) (Сержп. Прымхі 8), наполы (наполовину) (55б Псалт. XVI в.; 82 Катихиз. 1562 г.), наполъ (на две части) (35 Ев. Тяпин. 1580 г.), оба́полъ (из *оба полы* — вин. пад. дв. ч., причем вторая часть применилась к им. пад. ед. ч. — по обе стороны) (гр. 1480 г.; Арх. С. VII, 6; Сл. Нос. 344), оба́пыл (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), зоба́пол (с обеих сторон) (Сл. Нос. 217), паба́пал (Вит. К. С. 212).

Форму родительного падежа представляют следующие наречия: а) употребляющиеся без предлога для обозначения времени: сёлета (из *сего лета* — *се͡бóлета*) (Сл. Нос. 577; Шейн Б. П. № 314 Лепп.; Мат. Б. № 11 Новоалекс.), сёлита (ib. 14, 18 Витебск., 34 Рогач.), сегéдни (Сл. Нос. 577), ся́нни и ся́ння (ib. 631), ся́нни [Шейн Б. П. № 274 Велиж. (Сураж.), 759 Витебск., 71 Городок.], сягодни (ib. № 618 Лепп.; Ром. III, 192 Сенн.; Розенф. 37 Минск.), сягонни (Ром. I—II, 215 Сенн., 136 Гомельск.), ся́дни (ib. 124 Перер.), неся́дни (ib. IV, 183 Мстисл.), сягóни (ib. IV, 74 Горецк.; *сегéночи* злóдзей подходзив к нам (Сл. Нос. 577), где *сеге-*, вероятно, вместо *сее-*; ѡ́днова (43 Сб. XV в. Публ. б. № 391), ѡ́динова (однажды) (91 Псалт. XVI в.), є́динова (61 ib.), однóва (Сл. Нос. 360), дрýгова (в другой раз) (ib. 47); сюда же принадлежит *вчера*, имеющее в белорусском языке следующий вид: вчорà (Ев. 1616 г. ч҃ѳ), ўчóра (Мат. Б., повсеместно); рядом с ним: учóрах (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), ўчóрых (ib. 4 Могил. губ.), пазаўчòра, пазаўчарых (ib. № 31 Вилейск.), где *-ых* такой же суффикс, как в *ўсю́дых,* о чем речь была раньше; б) с предлогами: *завтра*, белорусск. *за́ўтра*, часто рассматривается уже как именительный и может стоять после разных предлогов, в зависимости от чего меняется

www.ruslang.ru

и конечное *а*: na zaut̯rà (Федер. III, 116 Рожанка), u̯ zaut̯ry (ib. I, 142 Дворец), da zàut̯ry (ib. II, 155 Дятлово); *заўтра* в указанном положении может даже принимать окончание прилагательного: нызáўтрыга (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), назáўтрага (ib. № 28 Себеж.), назáўтраго (ib. № 31 Вилейск.), здáлека (Ев. 1616 г. 2 рои б), зрáння (Сл. Нос. 218) (как в укр.), jakaja и *czorta* patreba (Цецер. 1787), у-трий напали на мене (Сл. Нос. 669), бéзвач (слепо); *бяз кóнца* (бесконечно) в рифму с *бяз сóнца* (стих. «Вецер»); родительный со вторичным окончанием *-у*: изнову (гр. 1432 г. СВ. 4), здáлику (Мат. Б. № 18 Витебск.), сьцихý (Малев. 128 Слуцк.); дальнейшим изменением этого наречия была утрата конечного гласного и перемена *-ов* на *-оў*: зноў (как в укр.), aznбu̯ (Клих 175 Новогр.) (ср. аналогичную перемену: *голову* в *голоў*); спередδ и зз'аду (26 Тайна Тайных XVI в.), бяспроспý (Мат. Б. № 13 Свенц.), zpadỳspadu (Федер. I, 15 Лысков); дыгары́ (вверх дном) (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), дагары́ (ib. № 7 Минск.), догоры́ (ib. №№ 9 Бых., 10 Мозыр., 23 Минск., 28 Себеж., 31 Вилейск.) (укр. *догорí*), дóдушки (истинно) (ib. 34 Рогач.), daprawdy (Цецер. 1787), допрáвды нехочу (Сл. Нос. 141), сопрáвды (действительно) (ib. 600); послаˣ покаᵖмъ *доволи* (66 Псалт. XVI в.) (укр. *довóлі*), *знечúвили* кинувся в огонь (опрометью) (Сл. Нос. 216); тут же отметим заимствованное из польского dosyć наречие *досыть* (4б Тайна Тайных XVI в., 53б ib.), досыть (15 Статут 1588 г.), досыть [Бел. Арх. 1533 (XVII в.)], дóсыць (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 18 Витебск.) из **до-сытн** с утратой конечного *-и* (то же в укр. *дóсить*).

Дательный падеж можно видеть в следующих образованиях: полатине (70 Сб. XV в. Публ. б. № 391); повéчеру (вечером), пбдню (днем), пбночы (ночью) (Мат. Б. № 10 Мозыр.); пы-братэрску (ib. 18 Витебск.), помáлу (Сл. Нос. 463), поособбну (порознь) (ib. 469), по-птушшу (по-птичьему) (ib. 472), посвéцку (ib. 477), помалю́сеньку, помалю́тэньку (ib. 464), поцихýсеньку (ib. 488) — все с предлогом *по*.

Форму творительного падежа представляют наречия, больше обозначающие время и способ действия; некоторые из них, действительно, творительные падежи существительных или местоимений, другие же просто аналогичные образования; примеры: часоᵐ — часоᵐ (иногда — иногда) (11 Тайна Тайных XVI в.), тымчáсам (Мат. Б. №№ 8 Игум., 31 Вилейск.) (ср. укр. *тим часом*), обыкновенно упрощающееся в *тымчас* (ib. №№ 6 Диснен., 13 Свенц., 16 Бых., 31 Вилейск.), набгóм (= *нагбóм* — нагибая сосуд) (Сл. Нос. 298, 302; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 18 Витебск.), пить из чашки *набгом* (ib. 34 Орш., Рогач.); укр. *нáбгом* (битком), повидимому, случайное совпадение; *силомъ* се 'ѡбеси (7б Сб. XV в. Публ. б. № 391), прыв'ас'ц'и́ jaró *с'илóм* (как и в укр., хотя им. над. от основ на *-ŏ* и нет), конь *станыóм* становицца (на дыбы, в тупик) (Сл. Нос. 613), мòжэ *суздрóм* зачахнуць (Сержп. Прымхі 160 Слуцк.), знарбком (шутя, нарочно) (ib. 214), стоякóм (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), торчкóм (ib.), тóрчом (ib. № 28 Себеж.), порожнякóм (ib. 34 Рогач.), ни́цам (лицом книзу) (ib. № 31 Вилейск.),

довжо́м (вдоль) (ib. № 18 Витебск.), ду́хам збе́гаў (скоро), саўси́м (ib. №№ 7 Минск., 8 Игум.); затымь (103б Супр.), ра́зам (вместе), razam z im (Федер. I, 6 Мстибов), ку́милим, или *ку́миллю* (кувырком) (Мат. Б. № 18 Витебск.), *охо́цюю* пошов (Сл. Нос. 386) (из **оχотыѫ), *неохо́цюю* вышла замуж (ib. 334); но именительный падеж встречается только в виде *охо́це, неохоце,* а не **охоць*; *самохо́цюю* при *самохоць* (ib. 573); не с ахоты, а *нуддзю* поехав (ib. 342) (им. пад. *нуддзє*), ныхра́ццю (насильно) (Мат. Б. № 18 Витебск.), пе́шшу (ib.), ба́лмыччу (шутя) (ib.) — все формы твор. пад. основ на *-ĭ-* женского рода с удвоенным согласным перед *j* (*-ьѫ*); сюда же принадлежит *но́ччи* из nо́ссїй — nо́ссĭи [ноччи приснився ксяндзу ангел (Ром. IV, 162 Сенн.)]; формы твор. пад. мн. ч. представляют и наречия на *-ки* (из *-къı*), как *твойски* (по-твоему) (Сл. Нос. 634), *не человечьскы* (9 Вил.), к которым впоследствии стали прибавлять еще предлог *по*: полатынски (78 Сб. XV в. Публ. б. № 391); последние наречия, однако, были маложизненны, вследствие чего их начали осмыслять в ту или другую сторону и нашли возможным даже прибавлять в окончании лишнее *и*: нечеловчьскыи, нехристиянскии (35 Увар.), порꙋ́ски (68б Крас.), поруский (239 Позн. Сб. XVI в.). Брюкнер (Archiv, IX, 372) сравнивает такие формы с изредка попадающимися украинскими образованиями, вроде: по-християнський (ср. Ogonowski, Stud., 191).

Из формы м е с т н о г о падежа возникли следующие наречные образования: надобѣ (гр. 1406 г. Арх. С. I, 1, 1432 г. СВ. 5) (надобе), ненадобѣ (51 Суд. Каз. 1492 г.; 32 Катихиз. 1562 г.), надобеть (81б Тайна Тайных XVI в.) — даже с прибавкой глагольного суффикса: на́ѧвѣ (явно) (Ев. 1616 г. 2 нѕ), в'ко́ротце (ib. лѝ б), болозѣ (94 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), боло́зе (101б ib.), былозе́ (хорошо еще, что) (Мат. Б. № 18 Витебск.), если это не сравнительная степень (ср. стр. 49); hodzie, hodzia (Чечот 77), го́дзя (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), го́дзи (ib. № 5 Слуцк.) (укр. *годі*), гу͡бдьзи (Малев. 30 Слуцк.), оӳстне мови̋ (22 Псалт. XVI в.); *вцяжце́* (будучи беременной) не треба ничого подымаць цяжкого (Сл. Нос. 77), наборзде (31 Увар.), 'ѡкромѣ (120 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), акрымя (Мат. Б. № 4 Могил. губ.) (**окромѣ**); под польским, а может быть и украинским влиянием появились наречия на *-е* (= *-ѣ*) в тех случаях, где в русском языке обычно *-о*: слушнѣ (185 Статут 1588 г.), добре (гр. 1433 г. Арх. Сб. VII; 1, 29 Псалт. XVII в.), до́брэ (Мат. Б. № 10 Мозыр.) (укр. *до́бре* и *добрі*), пэ́ўня (наверно) (ib. № 8 Игум.); ў-зыпра́вди (ib. 18 Витебск.), няузаба́вѣ (ib. № 8 Игум., ср. ib. № 11 Новоалекс.), ниўзаба́ви (ib. № 4 Могил. губ., ср. ib. № 6 Диснен., № 28 Себеж.), ўдру́гы᷒ви (в другой раз) (ib. № 4 Могил. губ.), у ра́нцы (Раст. 77), ныодино́цы (наедине) (ib. № 18 Витебск.), у-мысни (нарочно) (ib.) (укр. *уми́сне*), побо᷒зи᷑ (вскоре же) (107б Псалт. XVI в.), пынасирдю (Мат. Б. № 18 Витебск.), jenў ǫtrajhù (втроем) (Федер. II, 281 Молчадь); напоты᷑ (140 Псалт. XVI в.), напо́тым (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ.,

11 Новоалекс., 31 Вилейск.), пóтóм — пóтым (затем) (ib. №№ 9 Бых., 13 Свенц., 11 Новоалекс., 23 Минск., 26 Себеж., 31 Вилейск.); 7 сынов было: старший Монтвид, *потом* Нарамонт, *потом* Олькирд, *потом* Евнутий, *потом*... семый Люборт (1 Вил.); местный двойственного числа в наречии *увочíу́* (Мат. Б. №№ 9 Бых., 15 Игум.), из оу оуью; такого же происхождения *взачíу́* (ib. № 15) (къ̀з оуью), но только здесь форма род. пад.; под влиянием *очи* и это наречие может менять свое окончание: *увóччи* (Мат. Б. № 13 Свенц.); не знаю, следует ли рассматривать как наречия выражения, вроде: *у-пяцёх, у-шасцёх* и т. д. (Мат. Б. № 18 Витебск.), *всемёх* пришли (Сл. Нос. 71), так как здесь можно видеть особый способ выражения подлежащего именем с предлогом; несомненно наречия: ухватóщах (второпях) (Сл. Нос. 669), вонкахъ (98 Сб. XV в. Публ. б. № 391) (который вонкахъ седить), левъ естъ вонкахъ (Скор. XVI в. II 34) (в оригинале: lew gest wne), вода вонках (Сл. Нос.), вóнках (Вит. К. С.), умясьцёх, унячывілях (ib. 321).

Наречные выражения глагольного происхождения

Глагольные окончания можно видеть в следующих наречиях:

1) *н'ä* в смысле *нѣт*, рассматривая его как *нъ* (укр. *ні*) (= не + е = не есть): ты есте сы мой иса, чили нѣ (21 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ѡповѣдала а на: нѣ, мови, гд'не мой (141 ib.), не (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 28 Себеж., 31 Вилейск., 32 Орш.), а *не!* бронь Боже, не чепай! (Сл. Нос. 6).

2) *н'äту, н'ät* = нѣту, нѣтъ (= не + е + ту) только в северной Белоруссии: нету (Б 59, Б 68б, 1 47б и др.), мужа моего *нетъ* дома (II 14 и др.) — все из Библ. Скор. XVI в.; нетъ [Бел. Арх. II 1495 (XVII в.) Витебск.], nietuci (= не + е + ту + ти) (Цецер. 1787 г.); сюда, вероятно, относится и *нещь* (не известно) (Мат. Б. № 7 Минск.).

3) *н'ämáш — н'имаш* (из *не маешь*): немаш (29 Сб. XVII в. Вил. № 107), немашъ (26 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), нимашъ (29б ib.; ср. Сл. Нос. 333, Мат. Б. № 32 Орш.), нямáш (ib. № 7 Минск.), нимáш (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 13 Свенц., 28 Себеж., 31 Вилейск.).

4) *н'ämá — н'имá* (из *не мае*; ср. укр. *немá*, *немáє*): в *нима* скончáлиса (Пс. 72.19 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), нема (126 Псалт. XVI в.; Сл. Нос. 333), нимá (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 28 Себеж.); нямá, нямáш, нямáшака, нямáшацька (Вит. К. С. 211).

5) Два последние наречия могут быть еще распространены посредством прибавки известных наречных суффиксов *-ка, -т-к'и*: нимáшака (Мат. Б. №№ 8 Игум., 9 и 16 Бых., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.; Чечот 84); нимáшытки (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), нимáшац(т)ьки

(ib. №№ 9 и 16 Бых., 15 Игум.); *нима* входит и в сложное слово с глагольным корнем: нимавéд куды (Отч. 28 Речицк.).

6) В наречия обратились и некоторые причастия неизменяемые (деепричастия), которые по своему синтаксическому значению в настоящее время вообще несут роль наречий: зáгодзя (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.) (то же в укр.), умы́сля (ib. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс.), наўмысля (ib.); по аналогии с прилагательными, в эти наречия проник *н*: умы́сня (Мат. Б. №№ 13 Свенц., 18 Витебск.) (умы́сни), зáхыця́ (ib. №№ 4 Могил. губ., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск., 23 Минск., 31 Вилейск.), *споквóля* часóк приду (обождавши) (Сл. Нос. 606) (то же в укр.); лéжма, сéдма, стойма (Парич.).

7) К отглагольным наречиям можно отнести и вводные слова, происходящие от глаголов; некоторые из таких слов могут быть и союзами. Примеры: мýсиць (вероятно) (Мат. Б. № 28 Себеж.), *мов-ся* ён и прав (будто бы) (Сл. Нос. 286) (ср. укр. *мов*), амóже (быть может) (ib. 6), мо (может быть, как в укр.) (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 и 21 Слуцк., 10 Мозыр., 23 Минск.), сам ... *баццэ* дым дай саўсім зьнік (Сержп. Прымхі 37 Слуцк.), *ведьже* мовлю вамъ (ѣбаче глаголю вамъ) (39б Ев. Тяпин. 1580 г.), ижъ *дей* (= **дѣкть** — что вот) (гр. 1497 г. Арх. С. I, 3; ср. 2 Гродн. Акт. кн. XVI в.), коли *дей* имете е҃ ласти будете *дей* ка҃ бози (23 Четья 1489 г.), да небудутъ *дей* бесплодны (61б Катихиз. 1562 г.), не твóе *дей* господарю дѣло (64б ib.) (ср. укр. *дей*, *дій*), ста (и что ста реку) (49 Увар.).

8) Припомним здесь, что глагольного происхождения и частица *бы* (3-е лицо аориста), входящая в состав сложных наречий, как *абы́гдзе, абы́дзень* и т. д.

9) Форму наречия приняло и выражение, равносильное русскому литературному *благодарю* — *д'з'áку* и *д'з'áкуй* из *д'з'áкуйу*.

10) *нехай* (см. ниже при пов. накл.): нехай (пусть) [Бел. Арх. II 1532 (XVII в.)].

б) Предлог

Предлоги в белорусском языке те же, что и в общерусском языке. Некоторые отступления наблюдаются в предлогах, произведенных от изменяемых частей речи; другими словами, иногда не те наречия являются в роли предлогов, что в русской литературной речи.

Среди первообразных предлогов обращают на себя внимание следующие:

без в юго-западных говорах, под украинским влиянием (о чем между прочим свидетельствует и твердость согласного перед *е*), употребляется иногда в смысле *через*: parniè bez pletniak (Федер. I, 34 Суховоля), bez tujy wodu (ib.), bez wièlki lës (ib. III, 40), hlènuų *bez* aknò (ib. 147), pierächòdzili bez moro (ib. I, 109, Корицин), bez pału (ib. 352 Сокольск.);

оўз до сих пор употребляется в белорусском, как и в украинском языке, особенно в соединении с *по*, в качестве предлога, управляющего падежом: оуз гороу (вверх) (14 Сб. XV в. Публ. б. № 391), пъыўз, поуз, па-ўз, па-уз (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 17 Речицк., 29 Новогр.) (причем замечено: «*уз* без *по* не употребляется»), по-уз хаты (рядом с хатой), поуз траве́, ре́тце; нечего и говорить, что этот предлог входит в состав сложных наречий-предлогов, как: возводь (против течения) (Лет. Авр. XV в. 286б), уздо́вж (Сл. Нос. 653), ўздоўж (вдлину), (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), усця́ж (в продолжение) (Сл. Нос. 668);

до заменил в большинстве случаев *къ*, о чем речь в синтаксисе;

ку нередко в старинных произведениях: ку воли (129 Сб. XVI в. Позн.), ку собѣ (182 ib.), к҃ тому (1 Статут 1588 г.) (ср. Белорусы, II, 1, 122);

о почти не встречается, обыкновенно *об*: об мяне́ молоду́ (Шейн Б. П. № 134 Лепп.), об чужоя ща́сца (ib. № 324) (ср. еще Мат. Б. №№ 6 Диснен., 14 Новоалекс.); то же и в сложных словах: *обо*оскоминеють зубы (Скор. XVI в. Ср. 49);

с в старинных памятниках иногда бывает в удвоенном виде: със крыницями (гр. 1433 г.), а със Москвичи (гр. 1405 г.), а сс Еикша пародилсѧ Довоинъ (67б Крас.); любопытно соединение этого предлога с *па*: с -па зяленага дуба (Розенф. 42 Минск.); с *под*: сподсподу. О том, что предлог *с* смешан в белорусском языке с *из*, речь была в фонетике.

Из предлогов производных обращают на себя внимание:

для и *подле*, которые отчасти смешиваются, причем первый может быть употребляем и в старинной форме *дъля — дълъ*; с другой стороны, *для — длъ* может встречаться в более сокращенной форме *ля*, *лъ*, *ли*, как это будет видно из примеров: тебе дѣлѧ (51 Сб. XVI в. Позн.), чого делѧ (88 ib.), того делѧ (59б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), неприатеⷭ делѧ моиⷯ (9б Псалт. XVI в.), чого делѧ (14 ib.), делѧ (82б ib.), сего дѣлѧ (3 Катихиз. 1562 г.), крове дѣлѧ (82 ib.), королевъства дѣле нѣбѣснаго (26 Ев. Тяпин. 1580 г.), дзеле́ дружбы цыган повесився (Сл. Нос. 129), dziele taho (Чечот 75); любопытно *для — дзъля*: для цепла́ дзеля, для сорома дзеля (Зап. V, 188, ср. еще Дмитр. П. и Ск. Вил. 29 Новогр.), длѧ того (143 Сб. XVI в. Позн.), бг̄а длѧ (ради бога) (2б посвящ. Катихиз. 1562 г.), чогожь длѧ (почему) (2б посвящ. ib.), того длѧ (для того) (4 ib.), соудо длѧ твоиⷯ (49 Псалт. XVI в.); ле, ли (Шейн Б. П. № 409 Витебск.), ля (подле) (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); вследствие народного перетолкования вместо *дле* бывает в некоторых местах *з'л'ä*: bùdzie źle cibiè (для) (Федер. II, 101 Свислочь; другие примеры: Белорусы, II, 1, 351); подлѣ рѣку (111 Лет. Пер. Суздѧ. XV в.);

пръз обыкновенно заменяющее *через*: презъ мѣщаны (гр. 1440 г. СВ. 7), пре҃ дн̄и (25 Псалт. XVI в.), презъ всю нощь (79б ib.), праз (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), праз (Парич.), präz połu (Федер. I, 351

Свислочь), проз (Мат. Б. №№ 7 Минск., 11 Новоалекс.); с полногласием: пи́раꙑз (ib. № 4 Могил. губ.). Это образование поддерживалось, вероятно, влиянием польского языка (przez);

скроз' также отчасти заменяет *через*, а главным образом *сквозь*: ск'розь (26б Ев. Тяпин. 1580 г.); Миклошич (Et. Wört., 115, kersŭ) ставит это слово в связь с *чрез*;

кроме, известное в немногих случаях в таком виде старинным произведениям [ср. кромѣ, кромя (33 Статут 1588 г.), о́кроме того (53б Катихиз. 1562 г.)], представляющее форму местного падежа, обыкновенно встречается в другом виде: *кромъ* ѡдинъ Трыщанъ (115 Сб. XVI в. Позн.), кромъ ѡдного (95 ib.), ѡкромъ воли божъе (188 ib.), кромъ (раз'ве) (26 Ев. Тяпин. 1580 г.; 26 Статут 1588 г.), кро^{м} (15б Псалт. XVI в.), в каковой форме нельзя не видеть дальнейшего упрощения именной формы, ставшей предлогом;

коло, винительный падеж существительного, исполняет, как и в украинском, роль предлога *около* уже в старинных западнорусских памятниках: коло (85б Псалт. XVI в.); в современных памятниках в такой же роли еще употребляется местный падеж *колѣ*: kala, kale (Клих 184 Новогр.), каля (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), кыли́ я́ми ўсё з киями (ib. 18 Витебск.);

конец иногда играет такую же роль предлога, как и *коло*: софѣю заложи *конец* пискупли оулици (48б Лет. Авр.), сядзиць канец стала (Мат. Б. № 6 Диснен., 26 Себеж.) (ср. укр.: *кіне́ць* стола́); в некоторых говорах в подобной роли употребляется вин. пад. мн. ч.: сядзиць канцы́ стала (или сталу) (Мат. Б. №№ 11 и 14 Новоалекс.), жыве́ць канцы́ сила́ (ib.) (ср. укр.: *кінці* сила); часто рассматриваемое употребление осложняется еще прибавкой *по*: зроблена паканёц рук (Мат. Б. №№ 14 Новоалекс., 17 Речицк., 23 Минск.);

край совершенно тождественно по употреблению с отмеченным *конец*: живе край села (Мат. Б. № 17 Речицк.), живе скрай села (ib. № 16 Бых.), вкрай (ib. № 28 Себеж.);

межу (ст.-слав. **междоу**), форму род.-местн. пад. дв. ч. знают только некоторые старинные памятники [межю́ (гр. 1405 г., Л. 119), межоу (66 Псалт. XVI в.)], обыкновенно же *межи* (как и в укр. *межи*): межи местеря и князя (гр. 1405 г. Л. 119), межы мужыковъ и невѣстъ (43 Сб. XVI в. Позн.), межи зверѧми (Скор. XVI в. Пр. 18б), межи которими (44б Ев. Тяпин. 1580 г.), межи вол'ки́ (Ев. 1616 г. 2а б), межи всѣми́ (ib. чз̄), межи (31б Псалт. XVI в.), межи себе (20б Псалт. XVII в.), межы (101, 205 Статут 1588 г.), ми́жы (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); те же предлоги встречаются и в соединении с другими: змежи́ нас (Сл. Нос. 211), проме^{жи} бг̄вь (87б Псалт. XVI в.), про́межи, проме́жку, про́мѣж (Сл. Нос. 525), промежку себе (272 Сб. XVI в. Позн.), пры́миж — приме́ж (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск.), пами́ж (ib. № 11 Новоалекс.), замиж (ib. №№ 8 Игум., 23 Минск.); в последних образова-

ниях в основе лежит *м'иж*; изредка еще встречается *мижда* (Мат. Б. №№ 9 Бых., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 26 Себеж.).

Литер. русск. *вместо* отвечают: за́мес (Мат. Б. №№ 7 Минск., 10 Мозыр., 32 Орш.), замест (ib. 14 Новоалекс.) (укр. *замі́сь*, *за́мі́сть*), или просто *место* (как в укр.): слезы мои были мнѣ *мѣсто* хлѣба (17б Псалт. XVII в.), *у -мѣ-сто*: оу хлѣба мѣсто (53б Псалт. XVI в.), оу лю͡ви место (111б ib.); выработалось и нечто вроде самостоятельного наречия: заўме́ста (Мат. Б. № 28 Себеж.), заместа (ib. 31 Вилейск.).

Литер. русск. *против* соответствует: напроци (Мат. Б. №№ 6 Дисн., 31 Вилейск.), наўпрбци (ib. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 28 Себеж.) (укр. *напро́ти*); не без польского влияния явилось *напротивкѫ* (68б Сб. XVI в. Крас.), напраци́ўку (Мат. Б. № 11 Новоалекс.).

Отметим еще несколько полонизмов, довольно обычных в старинных памятниках: вод'ле делъ (32 Ев. Тяпин. 1580 г.), водлугъ сего права (101 Статут 1588 г., 35 Гродн. Акт. кн. XVI в.), под'луг (12 Тайна Тайных XVI в.), вос'полокъ зр'аньѣм' (купно ѕтро) (27 Ев. Тяпин. 1580 г.).

в) Союз

Союзы в белорусском языке представляют следующие особенности в сравнении с литературной русской речью:

а в старинных произведениях иногда встречается, как в древнерусском и польском языках, и в роли *и*: Прокша а Бѣликъ а Кучукъ а Лисица (7 Вил.), Корачо͡в а Слони͡м (73 Крас.); это же *а*, которое, как мы видели, служило в немногих случаях для образования сложных наречий, входит и в состав некоторых сложных союзов, что наблюдается также в древнерусском языке (примеры в «Материалах» И. Срезн.), в украинском и польском языках: або [51 Статут 1588 г.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 31 Вилейск. (а́бо), 7 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 29 Новогр. (абб)]; абы (*чтобы*, где *бы* — известная форма аориста) [гр. 1440 г. СВ. 7; 31 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262; 3 Гродн. Акт. кн., 52 ib.; Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс. 18 Витебск,. 28 Себеж., 29 Новогр., 31 Вилейск. (абы́), 4 Могил. губ. (а́бы)]; это же *абы* входит и в состав сложных наречий и местоимений, о чем речь после; ажь (а + же, как польск. aż — даже, что) (5б Сб. XV в. Публ. б. № 391; 57 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262; 129б Псалт. XVI в.), а͡ж до конца (12б ib.), а͡жь (64б Сб. Крас. XVI в., 176 ib.), ажъ до (гр. 1454 г. Арх. С. II, 3; 1 Гродн. Акт. кн. XVI в.), а͡жъ [42 (45) Ев. Тяпин. 1580 г.], не бѫдѫ ѣлъ ажъ а͡мовлю речъ свою (= прежде нежели) (18 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ажно (= вот) (143б ib.), а́жно́ (а вот) (Сл. Нос. 3), áno (Чечот 71); аж, ажна, ажну, ажнуль, ажнулька, ажны (Вит. К. С.); але (но[1]), известное украинскому и

[1] Наречие *але* значит *да*; происхождения одинакового с союзом *але*.

польскому языкам [гр. Казим., послѣ 1340 г. («Матер.» Срезн. 1, 15); 64 Крас.; Тайна Тайных XVI в.; 62 Статут 1588 г.; 6б Псалт. XVII в.; Мат. Б. в разных местах]; алижь (даже): оунизъ по Немну... алижь и до Немець (гр. 1387 г. Влад.), али҃ [55б, 76б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262; 77 Тайна Тайных XVI в. (если)], али ѡнъ иде҃ (29 Псалт. XVII в.), алѝ (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); *ал'бо* или польск. albo из *а-либо* или *а-любо*: ал'бо (50, 64, 70 Сб. XV в. Публ. б. № 391), а́льбо (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 8 Игум., 11 Новоалекс., 29 Новогр.); алéбо (ib. 3 Могил. губ.), алюбо [гр. 1432 г. СВ. 5; 2б Сб. XV в. Публ. б. № 391, 35б (є҆довитого алюбо смерт'ного), 83б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262]; ан'и (а-ни ниже́): ани (гр. 1440 г. СВ. 7), ани которыхъ (чтобы никаких) (гр. 1432 г. СВ. 2); аня́-ж (а какже) (Мат. Б. № 18 Витебск.); ано (а-но, однако), известное древнерусскому, польскому, чешскому и другим славянским языкам (16 Псалт. XVI в.); ано́ нехай (впрочем пусть) так сабе будзе (Сл. Нос. 6), думал адно, анож вышло другое (ib.); an [n] о́ (а вот), an [n] oš (Клих 173 Новогр.); а҆ноу҃ (а-ну) (86 Псалт. XVI в.); ану́тыки (а-ну-таки, все-таки) (Сл. Нос. 6), ать (*а-ти*, где *ти* — союз из дат. пад. местоимения 2-го лица, *и вот*)[1] (44 Увар. по изд. Попова); а те є҆го светници (л. 41 Увар. ПСРЛ XVII, 99); атъ (а-ту) (104б Псалт. XVI в.) (но, же), (ib. 112б) (чтобы); а҃ (пусть) (ib.); ато (*а-то* — в противном случае): глядзи, ато достанецца тобе (Сл. Нос. 9); аче (ст.-слав. аще): аче и бы ми явил (вероятно и мне открыл бы) (3 Вил.) ачеи (может быть) (20 Увар.), ачь (так как) (ib.), ачи ни та (17б Тайна Тайных XVI в.);

бо в белорусском языке встречается не только в сложных союзах, но, как в древнерусском, и самостоятельно, в смысле *ибо*: бо (30б Псалт. XVI в.), бо в него (8 Вил.), мовчит, *бо* пра́вда (Сл. Нос. 28);

да в соединении с *тки* из *таки*: da tki heta prawda (Цецер. 1787 г.);

дак и *дык* (как в укр.) — оба из *так*, несомненно, под влиянием *да*: дак (Мат. Б. №№ 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр.), дык (ib. №№ 4 Могил. губ., 11 и 14 Новоалекс., 15 Бых., 23 Минск., 28 Себеж., 31 Вилейск., 32 Орш.);

жєть (*же-ти* — что вот): жеть ꙗ҆ йдоу (12 Сб. XV в Публ. б. № 391); современный язык его не знает;

ино (и-но, а также *ино* к *инъ*, как можно судить на основании разных значений этого союза, наблюдаемых уже в древнерусском языке): ино што коли (что ведь когда) (Арх. С. III, 1, 1442 г.), ино (но) (30 Увар.), (однако) (4 Вил.), (потому что) (5 Вил.) (то) (65б Крас.); союз этот известен только старинным памятникам;

на́ват — *на́вєт* (даже; укр. *навіт*, польск. nawet) (Мат. Б. № 8 Игум., Сл. Нос. 301);

---

[1] W. Vondrák (Vergl. Sl. Gram., II, 427), *ти* объясняет из tei locat. к *тъ*.

н'аўгó (того же образования, что и *неужели*): неўгò гето правда (Сл. Нос. 337), няго́ не (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), ня не (ужели нет) (ib.), анягóж (да) (ib. № 28 Себеж., 34 Рогач.);

н'аўкóм: невкóм (разве) ты помог мне! (Сл. Нос. 328);

нежели в современном языке почти не употребляется: отметим старинное *нїжли* (52б Псалт. XVI в., 57б ib.). нижли (= но) [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], изредка в современной речи (Сл. Нос. 339); совр. *нижь* (Бесс. Б. П. № 92); *ужны* ён камандуець (Вит. К. С. 318), нýжви (нежели) (Ром. Мат. Гр. II Слоним.);

в старинных памятниках еще встретились редкие союзы, известные и древнерусскому языку: *ноли* (но только) (15 Тайна Тайных XVI в.), *нол'ны* (пока) (46 ib.), *олиж* (167 Статут 1529 г.), ѡлижъ (226 Позн., 233 ib.), олижъ (еле) (71 Гродн. Акт. кн. XVI в.), *пак* (снова) (2 Вил.), (без перевода) (3 ib.); наȣку *пакъ* и҃ таковую ȣглашенїемъ (звано) (1б посвящ. Катихиз. 1562 г.);

хиба (разве, как и в укр.) (116 Статут 1588 г.; Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), хадзіэ͡м *хибо* еще к пану (Сержп. 72 Мозыр.).

Характерной особенностью белорусского языка является вопросительная частица *т'и — ц'и — цьси* (Малев. 72 Слуцк.) (из *ти*, о чем уже была речь; ср.: ци ня дýдка моя веселушка была), которая под польским влиянием иногда заменяется посредством *чы* (частица эта известна и укр. языку). Частицу *ци* имеем, напр., в следующих местностях: Могил. губ., Минск. у., Игум., Слуцк., Мозыр., Новоалекс., Вилейск. и т. д. (ср. Мат. Б. №№ 4, 5, 7, 8, 10, 11, 23, 28, 31); примеры на *чы*: чи (80 Псалт. XVI в.), чидзы бы (32 Увар.), чили (егда) (45б Ев. Тяпин. 1580 г.), ты — исав͡, *чили* нѣ (21 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), чи мудрость невопиеть (Скор. XVI в. П 14б), чы (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 11 Новоалекс., 23 Минск.).

В старинных произведениях нередко можно встретить и *польские* союзы, напр.: кгдыбы (gdyby) (3 Статут 1588 г., 46 ib.), жебы (żeby) (78 Гродн. Акт. кн. XVI в.), просилъ жебы (4 ib.), поневáжъ (poniewaź) (Ев. 1616 г. s͡б).

Целый ряд особых союзов, встречающихся в старинных западнорусских произведениях и живых говорах, явно ставится в связь с местоимениями, напр.: 1) *ижеижъ*: и҆же не оу҆бечи жадномȣ цр҃ю (ѡ҆στε) (1б Тайна Тайных XVI в.), ижъ дей (= что вот) (Арх. С. I, 3, 1497 г.), повѣдати, ижъ человѣка твоего забито при злодѣйствѣ (389 Статут 1529 г.), правда, ижъ купилъ (1 Гродн. Акт. кн. XVI в., ср. 58 Статут 1588 г.), ижъ (ако) (26, 48 Ев. Тяпин. 1580 г.), ижбы (чтобы) [гр. 1432 г. СВ. 4, 72 Статут 1588 г. (будто бы) 7 Гродн. Акт. кн. XVI в., 167 ib.], так и҃ (так что) (73б Псалт. XVII в.), ѡ҆же (= ѥже если) (82б Тайна Тайных

XVI в.); сюда примыкает и относительный союз *иď'з'ä,* т. е. *иде* (ст.-слав. ндє, др.-русск. ндѣ), соответствующий греч. ὅπου, известный и русскому просторечию (ср. Словарь русского яз., сост. II отд. А. Н. *идъ*), напр.: идзе грех, там и пока́я́нне (Сл. Нос. 224), узнайтя, иде лихая злыдня живеть (Смол.) (Добров., Этн. сб. т. IV, 1), нюхаить тыи миста, иде Марьюшка лижала (там же, 3); к н — ꙗ — к примыкает *н'им* (прежде чем; польск. nim): *nim* heto stàłasio, car bieh da domu (Федер. I, 120 Рось), bìlisa, bìlisa, aź *nim* durä́ń u̯sie szie̯ść hóławy adsiu̯ók (ib. 131); 2) *оно*: коли ѡно сътвори҃ сны̄ (91б Псалт. XVI в.); 3) *одно*: ѡдноль (чтобы не) [82б, 115 (пусть) Псалт. XVI в.], ѡдно все (только) (12 Псалт. XVII в.), adnoš (Клих 172 Новогр.); 4) роль вопросительных союзов исполняют разные формы местоимения *что*: чаго (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); или с пропуском *г*: ча́а (ib. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 13 Свенц., 31 Вилейск.), ча', чаго́ (Вит. К. С. 341); *чому* еси такъ смутна дш̄о моꙗ (18 Псалт. XVII в.), чаму́ (почему) (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); з грецкой муки лемешка лепей, *чим-си* с аржаной (Сл. Нос. 267); 5) известная частица *таки* (твор. пад. мн. ч. от *так*) употребляется и без *все*: таки (= все же) не отняли есмо (гр. 1442 г. Арх. С. III. 1), jон так'и́ прышо́ў; 6) выдающаяся особенность белорусского языка, как и украинского, употребление союза *jак* (= ꙗкъ) в смысле *как, так как*: ꙗк упїшаса (324 Лет. Авр. XV в.), ꙗкоⷡ (128 Псалт. XVI в.), ꙗкобы (как бы) (112 ib.), акось ѕверилъ (10 Ев. Тяпин. 1580 г.), и́ щиры 'ак' голуби (и́ цели ꙗко голѕбие) (13 ib.), ꙗкъ ѡдно бы скоро послизнѕли ноги (10б Псалт. XVII в.), як (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 28 Себеж., 31 Вилейск., 32 Орш.).

Еще чаще роль союзов исполняют те или другие местоимения в соединении с предлогами: 1) *засе* (поэтому) (Гродн. Акт. кн. XVI в.), занюж (гр. 1443 г. СВ. 10), занюже божьею милостью есмо одины люди (гр. конца XV в. Л. 243), заню҃ оужо [77 (8) б Крас.]; 2) *занже* (ибо) (3 Вил.); 3) *затым* (вследствие этого) (52 Увар.); 4) *нашто* (зачем) (6б Сб. XV в. Публ. б. № 391), нашто таб'а́ гäта?; 5) *завóшто* (почему) (Мат. Б. № 3 Могил. губ.). Здесь такие же образования, как и в раньше рассмотренных наречиях; 6) *што прото* (еже ѕбо) (26 Ев. Тяпин. 1580 г.), протожь (поэтому) (83, 88б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262).

Наконец, многие из белорусских союзов могут быть поставлены в связь и с теми или другими глагольными формами, таковы союзы: 1) *ба́цця* (будто; из *бачиться*) (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 9 Бых., 15 Игум., 17 Речицк.); 2) *багда́й* (о если бы, о чтобы; из *бог-дай,* укр. *богдай*) (Сл. Нос. 11; Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 28 Себеж.), быгда́й (ib. №№ 4 Могил. губ.), 16 Бых., 31 Вилейск.); то же с пропуском *г*: бада́й (Мат. Б. № 5 Слуцк.), бада́йга (чтоб его) (ib. № 31 Вилейск.), быда́й (ib. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен. и т. д.); 3) *бы́тто* (будто) (Мат. Б. №№ 8 Игум., 11 Ново-

алекс.); 4) *бы́ттым* (быть тем, будто) (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); 5) *бы́ццом* (будто: такого же происхождения, как и предыдущее) имеет вид: бы́тцом, бы́тцам, бы́ццам, бы́тцым (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 8 и 15 Игум., 9 и 16 Бых., 14 Новоалекс., 28 Себеж., 31 Вилейск., 32 Орш., 34 Рогач.), ма́быць, ужэ́ его́ была́ така́я до́ля (Сержп. 38 Мозыр.); 6) по значению и по участию глагола *быть* подходит сюда *н'ибытто,* а также *н'и́быто* и даже *н'и́бы* (нибы-то) (Сл. Нос. 339; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 26 Себеж., 31 Вилейск.); 7) здесь же следует вспомнить о многочисленных образованиях с *бы,* о чем мы уже имели случай говорить в своем месте; 8) *jе́с'л'и* (из *есть-ли*), обыкновенно заменяемое в народной речи, как и в украинском, словом *коли́*: е́стьли е́си (7 Сб. XV Публ. б. № 391), есьли (33 Ев. Тяпин. 1580 г.), если бы (8 Статут 1588 г.), естли-бы (5 ib.), если жъ бы не учинилъ, ино (197 ib.), естъли (Скор. XVI в. I 20, Пр 18б и др.), естълибы (10 Катихиз. 1562 г.), е̂слѝ (Ев. 1616 г. ко͡), если (21б Псалт. XVII в.); 9) *каб* (кабы чтобы) [Мат. Б. №№ 5 и 21 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 28 Себеж., 31 Вилейск. (кап.)]; 10) *хай — н'ха́й* (форма пов. накл. от *хаять?*); известное укр. и польск. яз.: хай (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 8 Игум., 16 Бых., 28 Себеж., 31 Вилейск., 32 Орш.), нехаи (пусть) (гр. 1465 г. Л. 204, 32 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), нехаї выїмъ́ (8б Тайна Тайных XVI в.), нехай (12б Псалт. XVI в.), нехä (70б Псалт. XVI в.), нихаѝ (пусть) (35б Катихиз. 1562 г., 15 Сб. XVII в. Вил. № 107), нехай (Мат. Б. № 28 Себеж.), няха́й (ib. № 11 Новоалекс.), ниха́й (ib. № 4 Могил. губ.); 11) *хотя* по-белорусски может распространяться прибавкой *-мс'а:* prydzì da minie *chaciàmsa* raz (Федер. II, 296 Шидловцы); 12) в том же смысле употребляется *хоц'* (2-е лицо пов. накл.) (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), а также *хоч* (2-е лицо изъяв. накл. особого образования, о чем речь в спряжении): хочъ страту приняти маемъ, слубуемъ (234 Гродн. Акт. кн. XVI в.), што — хочъ ходи͡ (72б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158, 78б ib., Мат. Б. № 7 Речицк.); 13) редкий способ выражения неопределенности: дзельляль (= где-нибудь), якляль (= как-нибудь) (Шейн Мат. II 208 Игум.).

г) Междометие

Междометия в белорусском языке в общем те же, что и в русской литературной речи; отступления незначительны. Вот несколько примеров:

1) Для выражения чувства радости, удивления, боли и т. п.: а̯іе̯іе́і̯ (Клих 173 Новогр.), о̯іе̯іо́і̯ (ib. 192), ó̯hoh̯ó (ib.), аёй, айё (Вит. К. С.), aha, aha, wiedaiu (Цецер. 1787 г.), och, och, och (ib.), ehe tu (ib.), o! tie, tie, tie (ib.), авóхциньки мое (Сл. Нос. 2), áхци-мнéнюшки (Мат. Б. № 18 Витебск.), ахти (увы) (24 Сб. XV в. Публ. б. № 391);

ѿва папа ессе рара (98б Сб. XV в. Публ. б. № 391), га (ответ при обращении) (Вит. К. С.); *і*, якей жа ты дурнэй!

2) Звукоподражательные: шѐту́ — шету (шу — шу) (Сл. Нос. 709), zyb, zyb (Цецер. 1787 г.), atátata (быстрая речь) (Клих 174 Новогр.), ʒ́ą̣-ʒ́ą̣ (лай собаки) (ib. 179), ашки́р (крик на овец) (Сл. Нос. 9).

3) Клятва: дальбо́х [Мат. Б. № 21 Слуцк. (из *дал-бог?*)], дал'иббх, ны(й) прами́лы(й) Бог (ib. № 4 Могил. губ.).

4) Об отглагольных междометиях речь была раньше (стр. 62—63).

5) Крик на животных или обращение к ним: ага-ту-га (ату!) (Вит. К. С.), кыци (зов кота) (ib.).

Б. ОБРАЗОВАНИЕ СЛОВ ПРИ ПОСРЕДСТВЕ УДВОЕНИЯ КОРНЯ

Уже из предыдущего отчасти можно было видеть, что слова образуются не только при посредстве суффиксов, но и другими способами. Междометия, которые в сущности не составляют слов, а выражают непосредственно чувства, состоят большей частью из удвоенных или даже утроенных известных звуковых комплексов; да и имена существительные, которые обозначают звукоподражания, часто состоят из удвоенных корней; для обозначения усиленного качества в прилагательных язык нередко прибегает к повторению их; удвоение корня для известных целей в старину практиковалось и в глаголе, следы чего в очень ничтожных остатках живут до сих пор; особенно обычно было удвоение корня в ласкательных названиях родителей и ближних родственников.

Понятно, что слова и с удвоенными корнями, если они относятся к отделу изменяемых частей речи, не обходятся без суффиксов, которые прибавляются ко второй части слова; да и первая часть не всегда остается без перемены: часто последний ее согласный, особенно плавный, подвергается диссимиляции или совершенно исчезает; гласный корня в одном из слогов подвергается изменению по аналогии других сходных образований.

Но вообще следует заметить, что в белорусском языке образований с удвоенным корнем немного, и они в большинстве случаев те же, что и в общерусском языке. Удвоение корня наблюдается:

1) В междометиях; айайа́й, ойойо́й, ɛйɛйɛ́й, огого́, охохо́х; ц'ɛц'ɛцɛ́, зыбзы́б, д'з'аўд'з'аў, шатушату́ и т. д. (ср. настоящую страницу выше); в существительных, произведенных от них: гиги́ (смех pl. t.); ты тут гиги́ справляеш, ги́гами забавляешься (Сл. Нос. 112).

2) Сюда бы следовало отнести и некоторые местоимения, союзы, наречия и предлоги с удвоенным корнем, напр.: сесь [гр. 1497 г., 119 Статут 1588 г., 67 ib., Тайна Тайных XVI в. 21, 58б, Ев. Тяпин. 1580 г. 16 (всесь век)], сес лист (Бел. Арх. I 1624), вос'-во́с', то́то и под.; сюда, быть может, следует отнести и *тот,* если оно из **тътъ**: то͡ ча͡ (13 Псалт. XVI в.), то͡ча͡ (10б Псалт. XVII в.), то͡ — з котори[м] (16б ib.), на то͡ де͡ (67б ib.), тотъ (144 ib.) и т. д., но

обыкновенно только в старинных произведениях, да и то не во всех; возможно впрочем разлагать это слово на *то+тъ*, выводя *то* из косвенных падежей; предлог *за-за:* kìnuų zaza mnòju (Федер. III, 96 Порозов.), pasiėųszy zazà stoł (ib. 114 Рось), iszłà zaza mnòju (ib. 280 Гнезна), а сс Еикша народилсѧ Довоинъ (67б Крас.).

3) В именах существительных: α) без явного изменения первой части: бу́в'ан (ст.-слав. **бжѣвиъ**), п'арɛп'о́рка и п'арɛп'о́лка (ср. Белорусы, II, 1, 322), дзят (дед), з'аз'ул'а (кукушка; вторая часть распространена прибавкой известного ласкательного суффикса); в словах детского языка, обозначающих названия родства: та́та, ма́ма, ц'о́ц'а, д'з'а́д'з'а; β) с пропуском согласного в первой части: в'ав'о́рка (белка), ɓав'о́р, ц'ец'ару́к' (с суффиксом *-ук*), па́паратн'ик, по́п'ал [ср. попелъ (Псалт. 1296 г., Библ. кн. XVI в. № 262), попе́лъ (82), попелъ (Бел. Арх. II 1533) (XVII в.)] из *пепелъ — пелпелъ* под влиянием предлога *по*; γ) иногда как будто пропущен согласный во втором слоге: *бо́лбот, мо́рмат* и глаголы *болбота́ц', марматá ц'*.

4) В глаголах: кроме праславянской глагольной основы с удвоением *де-* (ср. ст.-слав. **дєждж**), сохранившейся лишь в существительном *а'д'з'ɛ́жа,* отметим глагол *тарато́рыц'*; о *баобата́ц'*, *марматá ц'* речь была выше.

В. ОБРАЗОВАНИЕ СЛОВ ПРИ ПОСРЕДСТВЕ СЛОЖЕНИЯ С ДРУГИМИ СЛОВАМИ

Словесные выражения для обозначения тех или других понятий получаются также путем сложения одних слов с другими[1]. Сложное слово получается тогда, когда два (или более) слова, стоящие в предложении в известном синтаксическом соотношении друг к другу, так тесно сливаются между собой, что получают новое общее значение; при этом первая часть слова обыкновенно ослабляет и свое формальное значение, в именах часто принимая форму основы. Да и вторая часть после сложения в некоторых случаях, как увидим ниже, изменяет свою форму.

В состав сложных слов могут входить все части речи; по характеру второй части, определяющей этимологический строй слова, сложные слова бывают имена (существительные, прилагательные, местоимения, числительные), глаголы и неизменяемые части речи; те же части речи могут быть и в первой части каждого из указанных типов сложных слов.

При слитии двух слов в одно сложное, первое может не менять своего грамматического окончания, но только теряет способность склонения, если оно имя [напр., *пазно́гац'*; ср. *пазно́ко̆ц'ь* (Сл. Нос. 390),

---

[1] Пособия: V. J a g i ć. Die slavischen Komposita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten Archiv f. sl. Ph., т. XX, стр. 519—556; т. XXI, стр. 28—43); И. Л. Л о с ь. Сложные слова в польском языке. СПб., 1901. Обе работы содержат богатый материал и по истории сложных слов.

в'ал'и́гд'з'ɛн']; но возможно и изменение окончания первого слова, обыкновенно имени, в том отношении, что оно принимает вид основы, чаще всего оканчивающейся на *-о-* или *-е-* (в'ӓрбало́с, кожӓм'а́ка). Первого рода сложение слов обыкновенно называют слитием, а второго рода собственно сложением. Однако нельзя сказать, чтобы отмеченное различие строго проводилось во всех случаях: часто от сложного слова, образованного путем слития частей, производное уже образуется путем сложения с основой (от *в'ал'и́гд'з'ɛн'* прилагательное *в'ал'игддн'ий*); особенно это нарушение последовательности может быть наблюдаемо в именах числительных (*п'а́д'з'д'з'ɛс'ат,* но *п'ац'ид'з'ɛс'а́тый*).

Если обе части сложного слова, образованного путем слития или собственного сложения, представляют знаменательные, а не служебные части речи, то они могут стоять одна к другой в разном синтаксическом отношении: или в отношении непосредственной связи (сочинения) [м'од-в'ино́ п'иў, бі͡е́л-кудравы (Малев. 116 Слуцк.), гужо́реréśćeńk'i (Клих 202 Новогр.)], или в отношении подчинения, которое может быть определительным (добры́д'з'ɛн'), дополнительным (м'ад'з'в'е́ц', л'ихад'з'е́й), обладательным (сухаду́шный). Собственное сложение обыкновенно бывает подчинительным; случаи сочинения в собственном сложении в белорусском языке очень редки.

Образование сложных слов в белорусском языке происходит по традиционным образцам, унаследованным от общерусского и общеславянского языков, вследствие чего отличается стройностью построения: неуклюжих образований, какие часто бывают в литературной речи, особенно при переводе иностранных сложных слов, народная речь не знает. Стройность собственно сложных слов сказывается, между прочим, в том, что конечная часть (вторая) после сложения иногда меняет свою форму и принимает такой вид, в каком до сложения обыкновенно не употребляется или, если и употребляется, то в другом смысле (в'ӓрбало́з, сыро́вотка).

I. СЛИТИЕ СЛОВ

Белорусский язык довольно богат сложными словами разного рода. Так, посредством слития в нем образованы, например, следующие слова:

1. ВТОРАЯ ЧАСТЬ — СКЛОНЯЕМОЕ СЛОВО

а) Соединение имени с именем имеем в следующих случаях:

α) имени существительного с существительным: тынь-(трынь)-трава [ўсё гето тынь-трава (Сл. Нос. 646)], Дуна́й-река (Кар. № 2 Новогр.), кнорез (вепрь), по́ўд'з'ɛн', по́ўночь, по́ўгода, све́домо *князь Ивану* (Арх. С. VI, 2, 1486 г.) (первое слово не склоняется, так как оно составная часть сложного слова), съ *кнзь Мухаиломъ*

(76 Лет. Авр. XV в.), кнзмь *Михайло Черторискым* (255б ib.), в братдетных доводится Пщолко (Очерки 21); β) прилагательного с существительным: в'ал'и́гд'з'ɛн' [великъ-день (37 Ев. Тяпин. 1580 г.), великьдн̄ь (70 Лет. Авр. XV в.), по святе тепер прошлом Велицедни в тый день (Акты В. А. К. XXXVI, 10), великдзень (Мат. Б. № 10 Мозыр.)], дабры́д'з'ɛн' [ты и мне и добрыдзеню мойму не рад (Сл. Нос. 135), добрыдень (Мат. Б. № 34 Рогач.)], злы́дзень, злы́дни (Мат. Б. № 34 Рогач., Сл. Нос. 210), добра́ночь (ib. 135), добра́на͡ч мн͡е́ да́я (Малев. 67 Слуцк.), свинта́тка (Мат. Б. № 8 Игум.); γ) местоимения и существительного: ты́д'з'ɛн' недѣля (тыйдень[1]) (281 Сб. XVI в. Позн.), tak tydzień (неделю тому назад) (Федер. I, 4 Дворец), тыждень (со вставкой *ж* = же) (168б. Сб. в XVII в. Син. б. № 790), ты͡ждень (23 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), тыйдень [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)]; тийдень (ib.), тыждень (Бел. Арх. I 1588), па дзи́сьдзень (по дньсьдньнь — из польск.) (Мат. Б. № 31 Вилейск.), свавбл'а, как в укр. и польск. [за гету свавбл́ю цви́чиць треба (Сл. Нос. 573; Зап. V, 132)]; сюда же относятся и такие наречные выражения, как: тымчасам и тымчас, сягодни, сегедни, сёдни, сегеночи, сёлита (ср. стр. 74), сёлѣток (РФВ LXII, 214); δ) числительного с существительным или прилагательным: старинное двойственное **оба полъı** перешло в *обаполъ* (по обе стороны) (гр. № 1480 г. Арх. С. VII, 6; Сл. Нос. 344); ѡбаполъ єє стоıть (49 Четья 1489 г.), абапал (Малев. 165 Слуцк.), зоба́пол (Сл. Нос. 217), аба́пыл (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); **обѣ рѫцѣ** послужило основанием для наречия *аб'а́руч*: аберуч (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), оба́руч, обе́руч (ib. № 18 Витебск.), двуле́тний, васьминогий; ε) существительного с прилагательным: *кадаўба́* (*кадзь даўба* — выдолбленная кадь) (Вит. К. С.), существительного в косвенном падеже с прилагательным: богумерзко (9 Вил.); может быть сюда относится темное для меня очень распространенное в белорусском слово *с'ɛл'ада́ршый* — средний [ся͡лядубршую (Малев. 91 Слуцк.)], которое можно бы разлагать на **середьдольший*; ς) существительного с местоимением: ле́тось (прошедшего года) (Сл. Нос. 274), ле́тась, ле́тысь, зале́тысь (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 16 Бых., 26 и 28 Себеж., 29 Новогр., 31 Вилейск.); η) прилагательного с прилагательным: бі͡е́л-кудравы (Малев. 116 Слуцк.), мала-веля (ни много ни мало) (Мат. Б. № 31 Вилейск.); ϑ) местоимения с местоимением: тот (из *тъ+тъ*, а может быть основа *то+тъ*), но только в старинных памятниках, да и то не во всех, так как обыкновенно

[1] Приведенная форма указывает на настоящую этимологию этого слова: *ты* из *тый* (как у имен прилагательных) и *дьнь*, устраняющую соображения проф. Лося (Сложн. Сл. 35). Слово это уже давно заимствовано белорусами (и украинцами) у поляков: в косвенных падежах изменяется только вторая часть; возможны от него и производные, напр., уменьшительное *ты́дник* (Малев. 97 Слуц.), образованные не от *день* (от которого было бы *д'з'ен'о́к*).

господствует образование *той*: у тотъ час (5 Вил.), в то҃ ча (84б Крас.), тотъ горо҃ (65 ib., ср. 44 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), гэнен (из *г+э+нъ+нъ*) (Отч. 10 Иллукст.); видоизменения его: гэйный (Шейн М. П., 61 № 97), есть и *гэный* (ср. Мат. Б. № 1 Минск., Сл. Нос. 111), гэ́ны (Отч. 25 Гомельск.). Особенно обычно соединение местоимений с *-сь*, которое в белорусском языке, как и в украинском, играет такую же роль, как в русском *-то*, причем, вероятно, под влиянием глагольных образований на *-с'а* — *с'* (из сѧ), где преобладает *с'а*, последнее зашло и в сложные местоимения: тось г҃ь (11 Псалт. XVI в.), якийсь (169 Сб. XVII в. Син. б. № 790), мало штось [Бел. Арх. II 1538 (XVII в.)], здеся [ib. 1533 (XVII в.)], яки́йся, яка́ясь, яко́весь (Сл. Нос. 726), неякийся, -каясь (ib. 343, ср. Мат. Б. № 3 Могил. губ.), хтось, штось (ib.); которыйся (ib.), чийся (ib.), цяля́ чиесь (Отч. 32 Сокольск.); после *с'* могут быть еще другие прибавки, о чем после; само местоимение *сь*, как мы уже видели (стр. 86), в старинных памятниках часто встречается в удвоенном виде: сесь; частица *то* (ср. род. местоимения) тоже изредка встречается: оу том҃то (38 Сб. XV в. Публ. б. № 391); нечего и говорить про *кто* — *хто* — *што*, известные повсеместно. Известное выражение **свояси** народом переделано в *савóсы* (Сл. Нос. 571). Интересно: *тымъти* ѹбычаѣмъ (3б посвящ. Катихиз. 1562 г.); ι) местоимения с прилагательным или существительным: *кождорочный*, *самохва́льца*; числительного и числительного: *оба́два* и т. п., о чем речь после.

б) Соединение глагола с именем представляют следующие слу́чаи:

α) повелительного наклонения с именем: взвей-ве́цёр (ветрогон), (Сл. Нос. 51) зламигалава [уйми ты гету сломиголову (Сл. Нос. 591], prajdziświét (Федер. II, 47 Дворец), абздзиме́х (мешковатый человек) (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), сорви́голова (ib. № 14 Игум.), покац'игарбшак, покац'и́горка, сарв'и́дуп, прайд'з'и́с'в'ät, Малибо́жка (фамилия); β) прошедшего причастия с именем или местоимением: дальбо́х (Мат. Б. № 21 Слуцк. и др.) (рядом с *дал'ибо́х*, где *и* из *е* безударного; ср. укр. *да́лебíї*), быляхто́; γ) причастия настоящего времени с именем: паласказу́б (Мат. Б. № 10 Мозыр.) (укр. *полоскозу́б* — первый день великого поста), стыярбс, -сина (ib. № 18 Витебск.), стоярбсовый (Сл. Нос. 616). Приведенные в случаях β и γ причастия, однако, народом не чувствуются таковыми, вследствие чего их формы подверглись некоторым изменениям; причастия настоящего времени даже могут быть рассматриваемы как основы на *-о* и *-е*.

в) Соединение наречия, предлога, приставки, частицы с именем представляют следующие случаи:

α) наречие, отрицание и имя: недѣлю (воскресение) (43 Катихиз. 1562 г.), не́прїазнь (Ев. 1616 г., л҃а б), нена́вист' (ib. 2 ẓu), не́годзь (непогода) (Мат. Б. № 10 Мозыр.), недо̀имка (ib. 22 Минск.), н'ä́прыйац'ɛл', н'ä́пав'и́нносц' (непокорность), разне́слух (величайший ослушник) (Сл. Нос. 550); сюда относится и известное местоименное отрицание

нѣ-: нѣхто (3 Вил.), нечто (38 Увар.), нéхто, нéшто (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., ср. еще Ев. 1616 г. 2р҃е, ѕ, м҃д), некакúй (23б Сб. XV в. Публ. б. № 391); нéчий, нéйкий, некотóрый (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), некоторому (27 Увар.); примерно те же местоимения встречаются и с отрицанием *ни*: н'ихтó, н'иштó, н'итóй (ср. Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск.), ниякого (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); сюда принадлежат и слова (существительные и местоимения), образованные с наречной группой *абы-* (ср. стр. 81): абы́дзень (Сл. Нос. 2, 356), абыдзённый (ib. 1), абудзён (в тот же день) (Вит. К. С.), абыдзéнны, абыночны (ежедневный, еженочный) (Вит. К. С.), абы́хто, абы́што (ib. 2); частицы *а-*, *о-*, хотя и местоименного происхождения, должны быть рассматриваемы тут же: атó (наречие, хотя вторая часть, несомненно, средний род местоимения) (Сл. Нос. 9), асе (вот) (83б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ото [26б, 42 (45) Ев. Тяпин. 1580 г.]; под польским влиянием, как и в украинском языке, первой составной частью при местоимении *тъ* имеем *там — тамтый* (tamten): в та^{м}то^{м} ѱалмѣ (31б Псалт. XVII в.), тамтот, тамтого (Бел. Арх. I 1599); отсюда сложное наречие *та^{м}то* (31б Псалт. XVII в.); в подобном сложном наречии встречается *ту*: тоутo (79 Тайна Тайных XVI в.) (ср. чешск. tuto); мы тут *тубальцы* (старожилы) с даўных час (Сержп. 88 Слуцк.); β) приставка, предлог и имя; неотделяемые предлоги-приставки: *въз-* в белорусском языке, как мы видели, еще употребляющееся изредка и в качестве предлога: ýзголавок (находящееся *уз головы* — около головы, рядом с головой), возводь (против течения) (286б Лет. Авр. XV в.), ѕгорки, оузъгорковъ (Скор. XVI в. В 64б, 1 20б), взрбсто^{м} (Ев. 1616 г. 2рчв), ѿ в'схбдѕ (ib. 2зі҃), усказали (Бел. Арх. II 1530), уздóвж (въз длъжь) (Сл. Нос. 653), усцяж (въс тѧжь) (ib. 668); *вы-*: навы́перетки (Мат. Б. № 31 Вилейск.), вы́рок (отказ) (ib. №№ 4 Могил. губ. 11 Новоалекс., 31 Вилейск.); *най-*, употребляющееся для образования превосходной степени, о чем у нас речь была раньше (стр. 50); *па-*: пагóрак [ib. ср. №№ 3 Могил. губ., 11 Новоалекс. (пагýрак)], парубок (29 Увар.) (обыкновенное: *парóбок*), пáдчäрка, пáсынок, панадвóрак (двор); *пере-*: п'арéйт (проход) [солдаты перейду не даюць (Сл. Нос. 402)], перезбýў (Мат. Б. № 10 Мозыр.); перéрва его возьми (пусть надорвется он) (Сл. Нос. 408), предзúво нейкое бýдзець (ib. 493); *пра-*: прáбабы (Ев. 1616 г. рі҃), прáд'з'ät; *раз-*: расхрúста (с расстегнутой рубашкой) (Сл. Нос. 560) (укр. *росхрúстя*), рòсписка (Мат. Б. № 22 Минск.), развóд'з'д'з'ä (разлив рек, вод); *су-* (= **сж**): сус'ät, насустрéчу (Мат. Б. № 16 Бых.). Предлоги отделяемые все могут входить в состав сложных слов, напр., *без*: б'äзбарóнны (невозбранный), б'äспакóйны, б'äзрук'и, б'äздол'ны, бäзмóзглы, б'äссарóмны (бесстыжий); *в*: ўдóуж (Мат. Б. № 32 Орш.), uzautry (Федер. I, 142 Дворец), годы-ў-ряды́ (Мат. Б. № 18 Витебск.), восвояси (35 Увар.), въсвояси (8 Вил.); *до*: досыть (4б, 53б Тайна Тайных XVI в.), ѿ дакѕкы (54б Псалт. XVI в.), наўдогóн (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), уздогон (ib.

№ 32 Орш.), н'ädал'у́док, н'ädап'о́ка [кольки не учили его, а ён усё недопёка (Сл. Нос. 330)], н'ädаты́ка (noli me tangere); *за*: завóзно (Мат. Б. № 7 Минск.), зáгвóздка (ib. повсеместно), задарéмно (Сл. Нос. 166), зажог (обжог) (гр. 1432 г. СВ. 5), зáклад (Мат. Б. № 22 Минск.), зáкла́дка (ib. повсеместно), позалетась (ib. № 31 Вилейск.), зáпусты (ib. повсеместно), зáпуски (заговины) (ib № 8 Игум.), запоуску (3 Лет. Пер. Сузд. XV в.), зараз^{a} (вместе) (7б Псалт. XVI в., ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ.), засе (пока) (25, 53б Ев. Тяпин. 1580 г.), зáслонка (Мат. Б. № 22 Минск.), зáсеўка-засéўки (ib. №№ 8 Игум., 31 Вилейск.), зáтимна (Отч. 22 Брянск.), зáходъ (Ев. 1616 г. 2 зі) от слова *зáхóд* (ср. Белорусы, II, 1, ударение), зáщёлка (Мат. Б. №№ 13 Свенц., 26 Себеж.), загóрйа, зáц'иш; *из*, как совпавшее с *с*, а в сложных словах вытесненное приставкой *вы-*, в сложении встречается лишь в словах заимствованных на месте *с*: изынáчäнны (измененный), изновy (снова) (гр. 1432 г. СВ. 4), здáлека (Ев. 1616 г. (2рои͡ б), зрáння (Сл. Нос. 218): *из-под*: zpadỳspadu (Федер. I, 15 Лысков); *на*: со всими *навсими* (гр.1395 г. А. XIII, 3), наўздагон (Мат. Б. № 31 Вилейск.), наўзáвады (ib. 11 Новоалекс.), назáутраго (ib. 31 Вилейск.), наполъ (на две части) (35 Ев. Тяпин. 1580 г.), наполы (55б Псалт. XVI в.), на^{ѫ}то (еще) (12 Псалт. XVII в., ср. Мат. Б. № 18 Витебск.), нáймитѡмъ (Ев. 1616 г. ѳ͡), напрóлётъ (насквозь) (Сл. Нос. 315), возьми наповéр (в долг) (ib. 314), нàходка (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), нáл'ɛц'ä, надвóрɛйко; над: наддáток; *о, об*: о̀пóдаль (Ев. 1616 г. s͡), asielica (о-селица) (Чечот 70), абм'ắр, аз'и́мн'и; *по*: пóвĕсĕль (навеселе) (Сл. Нос. 426), пóвисо̆кий (ib. 427), пóдавко (ib. 438), пóцесно (ib. 488), пóмалый (ib. 464), поперекъ (5 Тайна Тайных XVI в.), посѵ́ло͡ (27 Псалт. XVI в.), поплечникъ (= союзник, сотоварищ) [Бел. Арх. II 1539 (XVII в.)], паскуда [po-skend- (Микл. Et. Wrt.), хотя по-укр. тоже *паскýда*)] Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 15 Игум., 28 Себеж.), порожéя (ib. № 10 Мозыр.), пóбоч (рядом), пакýта (мучение), пав'и́нный; *под*: потпайáска, падкл'ɛ́ц'ц'а, подбóл'шый (почти большой), падмáн (чем завлекают кого-нибудь); *пре*: Прычы́стая (Мат. Б. № 10 Мозыр.); *при*: prybłuda (бродяга, босяк) (Федер. I, 115 Порозов.), прыбы́ток [от прыбы́тку голавá н'ä бал'и́ц' (послов.)], при́висо̆кий (высоковатый) (Сл. Нос. 497), при́зба (= присъпа) (ib. 511), прылучáй (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск.), при́повĕсть (Ев. 1616 г. ѳ͡), пры́святок (Мат. Б. № 10 Мозыр.); *про*: прóвóдзи́ны (Мат. Б., разные места), провóра (проворный мальчик или девочка) (Сл. Нос. 520), праку́дный (забавный, чудесный), прал'áсак; *с* (*з-с*): збор, здава́н'н'ä, тому и *стому* (следующему затем) [гр. 1388 (23)]; *скроз'*: uszkruzdonnaja (ад, земля: правал'ɨс'а ў скроз'дóннуйу — провались сквозь землю) (Цецер. 1787 г.); *у*: знамѧ ал'бо оуди^{в} (32 Сб. XV в. Публ. Б. № 391), убóг'ий; *черѣз*: цирассядзéльник (Мат. Б. № 31 Вилейск.).

К рассматриваемому отделу принадлежат имена прилагательные, соединенные с известными приставками, служащие для выражения превосходной степени (ср. стр. 50—51).

г) В отделе сложных слов, образованных посредством слития, рассмотрим и сложные имена числительные, представляющие в белорусском языке некоторые своеобразные особенности.

Числительные от одного до десяти простые слова, как и в русском языке. Но в белорусском есть одно образование, употребляющееся рядом с *два* — д'з'в'ä, представляющее сложное слово, это: *аба́два — аб'е́д'з'в'ä*: ѡбадва (77б Сб. XV в. Публ. б. № 391), ѡба́ʸва [77 (8) Крас.], ѡба́два (64б Сб. XVII в. Вил. № 107), ѡбадва (35б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ѡбѣдвѣ (31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), оба́два (Сл. Нос. 344), обедзве (Ром. I—II, 378 Сенн.), обедзви (Шейн Мат. I, 571 Гродн.; ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.); срощение частей стало до того тесно, что в некоторых местностях первая часть приняла характер основы (*обо́два* Сл. Нос. 350); иногда она принимает окончания других падежей, кроме им.-вин. дв. числа, в котором она обыкновенно бывает [обы́два (Сл. Нос. 356, Мат. Б. № 32 Орш.), абу́двы (ib. № 31 Вилейск.), абудва (Малев. 165 Слуцк.), abúdva, ab'éę́ve (Клих 172 Новогр.)].

В числительных с *одиннадцати* до *девятнадцати*, как в русском языке, старинное *на десѧте*, *надесѧть*, переделали в *наццаць* (из *надсять*) и к нему прибавляют показателей единиц, причем допускаются в отдельных говорах незначительные особенности в образовании тех или других числительных рассматриваемого разряда:

адз'инаццаць [ср. *о̀динадцать* 42 Ев. 1580 г. Тяпин.) отражает общерусскую форму; в нем лишь слилось два *н*; адзинанцаць (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск. и др.), aźinánca̯ć (Клих 172 Новогр.); здесь обращает на себя внимание *н* перед *ц*, которое зашло сюда под влиянием усиленного произношения *н* в *-на-* из *н̄на-*; *i̯* перед конечным *ć* могло возникнуть под влиянием слишком мягкого произношения конечного звука; еще отметим *ѡдиннадцеть* (93б Сб. XV в. Публ. б. № 391), где *е*, как и в других подобных случаях, объясняется фонетическим путем (Белорусы, II, 1, 96);

двана́ццаць со словом *два* — в мужском роде: дванадца̄ (49 Сб. XV в. Публ. б. № 391), дваʸ'нацать (чит. *двадцать*) (73б Крас.), двана^{ъ}цати (3 предисл. Катихиз. 1562 г.), дванад'цать (27 Ев. Тяпин. 1580 г.), дванадцать (34 Статут. 1588 г.), двана́дцать (Ев. 1616 г. 2м̄г б), двана^{ъ}ца̄ (8 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), дванадцать человеков (Бел. Арх. I 1606); реже встречаются образования с *ѣ*: двѣнадцать∧ дн̄ъ (78б Тайна Тайных XVI в.), двена^{ъ}ца^{ъ} (Дубр. 487); под влиянием *ад'з'ина́нцаць н* после *на* может быть и в этом числительном, а равно и в следую-

щих, так же образованных: дванáнцаць (Ром. I—II, 212 Горецк., Орш., Сенн.; Шейн Мат. I, 27 Слуцк.); другие отступления, больше орфографического характера, встречаются иногда в старинных рукописях, напр.: двонадцѣ (20б, 86 Сб. XV в. Публ. б. № 391); интересный счет: троя дванадцать недель (157 Статут 1529 г.), другую дванадцать рублевъ (ib. 152);

трына́цаць, трынáнцац'; интересно: ве тренадцете (56 Сб. XV в. Публ. б. № 391), где в *е* следует видеть гласный основы, зашедший сюда под влиянием собственно сложных слов; троенадцатеро коней [Бел. Арх. II 1535 (XVII в.)];

четырна́цаць (Мат. Б. №№ 22 Минск., 31 Вилейск.), чатырнанцац'; в *по четырънадесѧти* (91 Сб. XVI в. Крас.) следует видеть ц.-слав. влияние; чотыринадцать [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)];

патна́цаць, пятнáнцаць (Ром. III, 89 Рогач.);

шасна́цаць шаснáнцац', шишна́ццыць (Мат. Б. № 18 на границе со Смол. губ.);

с'ямна́цаць, с'ямнáнцац';

вас'ямна́цаць, вас'ямнáнцац', вас'и́мнаццац';

д'з'ев'атна́цаць, д'з'ев'атнáнцац'.

От *двадцати* до *девяноста девяти* числительные обыкновенно образуются правильно, с некоторыми лишь фонетическими отступлениями, напр.: двадцеть (89 Сб. XV в. Публ. б. № 391), тридцеть (2 ib.); двадъцетъ (170 Статут 1588 г.) при обычном *двадѣцать* (ib. 187); двадцетми (Э 3 Скор. XVI в. и т. д.); обращает на себя внимание строение лишь следующих числительных:

Старославянскому **четъıредесѧте**, как в русском языке, соответствует *со́рак*, которое может быть прослежено уже с древнейших времен [сорокъ (19б, 85б, ср. 90 Сб. XV в. Публ. б. № 391; ср. 91 Статут 1588 г., 2 Гродн. Акт. кн. XVI в.), виненъ былъ два сороки соболей (Бел. Арх. II 1532 XVII в.)], хотя и форма церковнославянская изредка также встречается [четы̀рьдеса (220 Сб. XVI в. Крас.), четыридесѣ (98б Псалт. XVII в.)]; как известно, в русский народный язык *сорок* зашло из новогреческого. [Этимология этого слова, данная Г. Педерсеном со слов Ст. Рожнецкого (Kuhn's Zeitshrift f. verg. Sprachf. XXXIX, 369—370), для меня не кажется достаточно убедительной]. Другое своеобразное русское числительное *девяносто* белорусскому языку, как и украинскому, неизвестно: в нем только *д'з'е́в'ад'з'д'з'ес'ат* [девѣдесѣ (12б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), девятдесят (Бел. Арх. I, 1592), дзе́вяцьдзесят — дзевицьдзися̀т (Мат. Б. повсеместно Сержп. 138), довольно странно: девеносто лѣт (281 Сб. XVI в. Позн.), девеносто без чотырехъ [Бел. Арх. II 1532 XVII в.) Витебск.], девеносто копъ [ib. 1533 (XVII в.) Полоцк.], дьвяносто (Мат. Б. № 27 Лепп.).

Из остальных числительных отметим: двѣстѣ (39б Сб. XV в. Публ. б. № 391), двѣсте (68 ib., Сб. Пал. Сн. № 3 XV в., 86 Библ.

кн. XVI в. № 262, с конечным звуком *ä*, а не *и*); старое *тисяча* рядом с *тысеча* (гр. 1398 г. А. XI, 4) и даже развившееся под польским или чешским влиянием *тисаць* (15 Сб. XV в. Публ. б. № 391) (ср. польск. tysiąc, чешск. tisic).

Любопытны сложные дробные числительные в старинных памятниках и в живой речи. В состав их обыкновенно входит *полпоў*, изредка в форме основы *полу-*, в зависимости от чего ставился родительный падеж порядкового числительного: полоутретьꙗ мц'а (188 Лет. Авр. XV в.), полътретьꙗ лѣта (61б Тайна Тайных XVI в.), полчвортá (Сл. Нос. 463), поўп'атá, полъшесты верьсты (4 Лет. Авр. XV в.), поўс'амá, поўва'смá и т. д.; подобные же образования имеются и от числительных, начиная с *одиннадцати*: полъдроугынатца не^{ѧ}ли (208б Лет. Авр. XV в.), вполътретьꙗтчать годъ (269б ib.), полътретьꙗтцать (418 ib.), полтретядцати (9, 55 Гродн. Акт. кн. XVI в.), полъпетадесятъ копъ [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], и даже со ста: полчвортáста (Сл. Нос. 463).

Числительные порядковые сложные образуются так же, как в литературной русской речи, с некоторыми только фонетическими отступлениями [ср.: чотырнáдцатоꙋю (Ев. 1616 г. 2 о͡и), шеснадцатое (187 Статут 1588 г.), шедесѧтный (33б Катихиз. 1562 г.) (с прибавкой нового суффикса *н* из ьн-) и т. д.]; кое-где отражаются церковнославянские образования [двонадесѧты^{ѧ} (76 Тайна Тайных XVI в.), тридесѧтный (33б Катихиз. 1562 г.)]. Однако старинные памятники иногда представляют и нечто особенное, не знаю только, насколько это отступление живое явление; имею в виду такие образования, в которых порядковое числительное, показывающее единицы, прибавляется к слову *надцать* (из *надесять*): первый надцать (352 Статут 1529 г.), третѣє надъцать (187 Статут 1588 г.), четвертына^{ѧ}цать (132б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), четверътое надъцать (187 Статут 1588 г.), пѧтоє надъцать (187 ib.), восмо^{м} надьцать лете (16 Сб. XV в. Публ. б. № 391 и т. д.), но рядом и такие образования, как: ѡдинадъцатоє (187 Статут 1588 г.), в ро^{в}деле ѡдинънадъцатомъ (ib.), дванадъцатоє (ib.), шеснадъцатоє (ib.), семнадъцатоє (ib.), ѡсмънадъцатое (ib.), деветнадъцатоє (ib.), пѧтьдесѧтого (ib.). Рядом с подобными образованиями встречаются и другие, в основе которых отчасти лежат древние формы, напр.: чет͡вер'того надесѧть (79 Тайна Тайных XVI в.), первый надесѧ͡ (250 Сб. XVI в. Крас.), вторый на десѧтый (253 ib.), третїй на десѧтый (252 ib.), четверты на десѧтый (253 ib.), пѧтый на десѧтый (238 ib.). Любопытно выражение сложных порядковых числительных в старинных произведениях: лѣта пѧ͡тыся͡чного пѧ^{ѧ}сотного два^{ѧ}цать шестого (64 Крас.), ше͡сотного первого року (3б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), хотя в более древних памятниках наблюдается употребление, свойственное и русским говорам: лѣтъ тысячаꙗй триста·десѧть ѡ͡смь. шестаго·:· (гр. 1386 г.).

От раньше рассмотренных дробных числительных возможны и порядковые в следующем роде: полъдругынатца не^{л}ли (208б Лет. Авр. XV в.).

2. ВТОРАЯ ЧАСТЬ — СПРЯГАЕМОЕ СЛОВО

Сложных слов, в состав которых входит глагол, кроме, конечно, предложных глаголов, в белорусском языке мало.

а) Особенно немногочисленны образования, в состав которых входит глагол+глагол. Тут можем отметить только *мадзе́ць* [мадзею потроху (Сл. Нос. 277)], повидимому, из *маць* и *дзець*, где в первой части глагольная основа (ср.: як се маешь?, што дзеешь?), искусственное *мандзэ́рыць* [выманивать (Сл. Нос. 280) из *маня́ць* и *дзе́рци?*], да утратившие спрягаемую форму *нимаве́д* куды́ (Отч. 28 Речицк.), *махнидра́ло* (Мат. Б. № 21 Слуцк.).

б) Не больше и таких образований, которые состоят из имени+глагол, каковы: богда́й (о чтобы) (Сл. Нос. 11) из *бог дай*; бада́й, бадайга (чтобы его) (Мат. Б. № 31 Вилейск.); дзеньдзи́вириць (Сл. Нос. 129), продзеньгу́биць (потерять напрасно время) (ib. 521), мордапы́шицьца (делаться спесивым) (ib. 289); сюда отнесем и *бажаво́лиць*; samašétšy (Клих 227 Новогр.).

в) Образований, состоящих из наречия, предлога, приставки, союза, частицы+глагол, в белорусском языке не менее, чем соответственных образований с именем, о чем у нас речь была выше. Так мы имеем, например, α) отрицание, частица+глагольная форма, правда, в настоящее время не изменяемая: нехáй (ср. стр. 85), ни́бы, ни́быто (Сл. Нос. 339); таково же *абы* (гр. 1440 г. СВ. 7, Мат. Б., повсеместно); β) приставка+глагольная форма: вы́браны (Мат. Б. №№ 8 и 15 Игум.), выгóнит' (Ев. 1616 г. 2 м̄з б), вы́няць (Мат. Б. №№ 8 Игум., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 31 Вилейск.), найвыборный (ib. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск.), перемогꙋ (49б Псалт. XVI в.), sutónvacsa (Клих 206 Новогр.), вóз'м'ä, ускласти (34 Увар., 7 Вил.); γ) предлог+глагольная форма: с глаголом *исци*: войд'з'ä, зàйдешь, нàйдешь, пòйдешь, прѝдется (Мат. Б. № 22 Минск. губ.); налягци́: налéгци (Мат. Б., разные места), обраными (гр. 1499 г. Арх. С. VI. 2), обесити (повесить) (5 Вил.), непотоурай (37 Псалт. XVI в.), прида́рылось (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск.), ско̄чи́лъ (Ев. 1616 г. 2 спг б), ухапи́ць (Мат. Б. № 8 Игум.). Предложные глаголы столь любимы языком, что нередкость встретить соединения с двумя и более предлогами: вызꙋва́тисѧ (разуваться, ср. *об-ува́тися*) (Ев. 1616 г. 2в б), зн'ахо^{дити}ти (166, 174б Сб. XVI в. Крас.), знаити (64б ib.), бповѣсѝ (Ев. 1616 г. м̄д б), понарѧють (посоветуют) (85б Сб. XV в. Публ. б. № 391), придобудут (2 Вил., 28 Увар.), porawièszać (Федер. III, 159 Шидловцы), позадовольняць (Сл. Нос. 453), позапобегаць (ib. и под.); δ) союз+глагольное образование: ижбы (чтобы) (гр. 1432 г. СВ. 4, 72 Статут 1588 г. и др. места), чидзыбы (32 Увар.), ѣкобы (112 Псалт. XVI в.), ѣко^{б} 128 (ib.).

3. ВТОРАЯ ЧАСТЬ — НЕИЗМЕНЯЕМОЕ СЛОВО

а) Что касается склоняемых слов, соединяющихся с неизменяемыми частями речи, то это больше местоимения, к которым тесно примыкают: α) союз *же* — *жь*: *и́же* не оу̑бечи жад'номꙋ цр̑ю (1б Тайна Тайных XVI в.), ѿже (7, 11 Псалт. XVI в.), ижъ (ꙗко) (26, 48 Ев. Тяпин. 1580 г.), ѥнжь (старопольское и старочешское jenż) (17, 38б Сб. XV в. Публ. б. № 391) — все случаи из старинных западнорусских произведений, но *же* — *жь* употребляется и в современной речи: ásioż (а-се-же) (Федер. II, 20 Дворец); β) только в двух словах употребляется местоимение *то*, обратившееся в неизменяемое слово: хто (**кѣто**), што (**чѣто**); *то* может распространяться еще прибавкой разных суффиксов: не́хточки, не́шточки (Мат. Б. № 3 Могил. губ.); γ) в роли, рассмотренной в п. β, в белорусском обычно употребление другого местоимения, также утратившего свою изменяемость, именно *с'* (= **сь**); с ним может чередоваться и *с'а* (**см**), зашедшее в местоимения из глагольных образований (ср. стр. 90); под влиянием польского языка, где się звучит, как *с'ä*, последнее иногда встречается и в белорусском языке в виде *с'ä* — *с'и*; ставши неизменяемым, *с'* может осложняться прибавкой разных суффиксов и других наречных образований: хтоськи, штоськи (Мат. Б. № 3 Могил. губ.) — с двумя прибавками (*то* и *сь*), показывающими неопределенность; ad nièjakohosci czasu (Федер. I, 46 Лысков), где еще имеется *ц'и* = **тн**, и nièjakahoscika karala (ib. II, 92 Свислочь); nièjakiscić łomat (ib. I, 193), где — cić = **тн** + **тн**; чимси (Сл. Нос. 267), анагды́сь (на днях); δ) старинные памятники в качестве прибавки к местоимениям еще знают *-нь-*, которое в некоторых случаях можно ставить в связь с местоимением н (ср. вин. **нѣ**), а в других можно видеть сокращение *не* — *ни*: што*нь* єсть дохода [гр. 1387 (21)], какі́й*нь*коли (какие когда) (гр. 1432 г. СВ. 5), и́же кто-*нь*-коли — хоте[и] (39б Сб. XV в. Публ. б. № 391), кого *нь* коли оуєсть (4б ib.), которого *нь* коли (1 ib.), которое *нь* коли любо (43б ib.).

б) Глагольные образования, только принявшие форму наречий, могут соединяться в одно слово с неизменяемыми частями речи, таковы: абы́гдзе (Сл. Нос. 1), абы́-де — абы́йде (Мат. Б. № 18 Витебск.), абы́-як (ib., Сл. Нос. 2), абы́коли, абы́куды (ib.); prydzì da miniè *chacìàmsa* ràz (Федер. II, 296 Шидловцы). Может быть, сюда следует поместить *ёсцска, немашака*, если в *ка* не видеть суффикса.

в) И сами неизменяемые части речи могут быть словами сложными, образованными обыкновенно посредством слития: α) наречия или наречной частицы с неизменяемой частью речи, например, с *не-, ни-, нь-*: *неӱго* гето праӱда (Сл. Нос. 337), аняго́ж (да) (Мат. Б. № 28 Себеж.), аня́-ж (а как же) (ib. № 18 Витебск.), ни̋ли (52б, 57б Псалт. XVI в.); николи (4 Вил.); не́куды, не́гди (Мат. Б. № 3 Могил. губ.); с *а-*: авбсьцека (= а + о + сь + цека) (Сл. Нос. 2); с *о-*: вбздзя (= о + сь + дѣ) (Мат. Б. № 8 Игум.), вбн-ди-тка (о + нъ + дѣ) (Мат. Б. № 18 Витебск.), у́ньдзя (ib. № 8 Игум.); с *аж-*: ажно (= а + же + но) (31б Библ. кн. XVI в. № 262); с *аӱже-*: авжож (Сл. Нос. 2); с *али-*: алб'о (польск. albo)

(50, 64, 70 Сб. XV в. Публ. б. № 391), а́льбо (Мат. Б., разные места); с *але-*: але́бо (Мат. Б. № 3); с *оли-*: олиже (167 Статут 1529 г.), олижъ (71 Гродн. Акт. кн.); сюда же относятся неопределенные наречия с утратившим изменение местоимением *съ — ся*: а колѝ 66б (Тайна Тайных XVI в.), ко́ли́сь, куды́сь, гдесь (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 13 Свенц., 16 Бых.); отку́лься (ib. № 17 Речицк.), *акось* ѳверилъ (10 Ев. Тяпин. 1580 г.); β) наичаще сложные неизменяемые части речи имеют в первой части предлог или приставку: воспакъ (65б Крас.), докѳль (31б Библ. кн. XVI в. № 262 Вил.), докогда̀ (ib. Пс. 118. 8), донекогда̀ (ib. 51), доку́ды (Сл. Нос. 139), дого́туды (ib. 137), досю́ль (14б Ев. Тяпин. 1580 г.), завсегды (60б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158, Псалт. XVII в. 14б, 15), завсёгды (Мат. Б. № 18), за́мес (Мат. Б. № 32 Орш.), меж-собку (Сл. Нос. 738 и др.), наза́ѳтрака (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), наѳпро́циѳ (ib. № 5 Слуцк.), навотмыш (ib. № 4 Могил. губ.), напоты^{м} (140 Псалт. XVI в.), напо́то́м (Мат. Б., разные места), нацяпе́рака (ib. № 31 Вилейск.), ѿ*дале* ѿ мене стали (39б Псалт. XVI в.), ѡкромѣ (120 Библ. кн. XVI в. № 262 Вил.), акрымя́ (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), ѡ̃проче (31 Тайна Тайных XVI в.), ѿвсюль (44б Ев. Тяпин 1580 г.), отъѳ́ль (5 ib.), оттогды́ (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), пры́миж и приме́ж (ib. в разных местах), проме^{ж} (87б Псалт. XVI в.), про́мёж, про́межи, проме́жку (Сл. Нос. 525), папо́цямку — папацёмку (ср. Клих 194 Новогр.), потоуль (50 Лет. Авр. XV в.), змежи́ нас (Сл. Нос. 211), aznóǫ̑ (Клих 175 Новогр.), *с-па* зяленага дуба (Розенф. 42 Минск.), су́стреч (Мат. Б. № 28 Себеж.); γ) сложных слов и среди союзов, или по крайней мере имеющих в первой части союз, есть немало, хотя вообще часто бывает трудно установить различие между союзом и наречием; примеры названных образований мы указывали неоднократно раньше, здесь повторим лишь некоторые из них: або (51 Статут 1588 г.), а́бо́ (Мат. Б., разные места), ажь (57 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), а̀жъ [42 (45) Ев. Тяпин. 1580 г.], a̋no (71 Чечот), а́жно́ (Сл. Нос. 3), аза́сь (ib.), але (но) (64 Крас., Тайна Тайных XVI в., 62 Статут 1588 г., 6б Псалт. XVII в., Мат. Б. и т. д.), али (если) (77 Тайна Тайных XVI в.), али^{ж} (даже) (55б, 76б Библ. кн. XVI в. № 262 Вил.), али́ (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), алю́бо (или) (83б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), *ани* которыхъ (гр. 1432 г., 1440 г.), ано (однако) (16 Псалт. XVI в.), а̀ноу^{к} (86 Псалт. XVI в.), ану́ (прочь) (Сл. Нос. 6), ану́тыки (все-таки) (ib.), ать (и вот) (44 Увар.), атъ (но, пусть, чтобы) (Псалт. XVI в. 104б, 112б), жеть (12б Сб. XV в. Публ. б. № 391), ино (в разных значениях, ср. стр. 82), ти(ци)цяпе́рься (Мат. Б. № 18 Витебск.), чили (егда) (45б Ев. Тяпин. 1580 г.); δ) есть даже сложные слова среди междометий: ахти (увы) (24 Сб. XV в. Публ. б. № 391, ср. Мат. Б. № 18 Витебск.), авбхциньки мое (Сл. Нос. 2).

II. СОБСТВЕННО СЛОЖНЫЕ СЛОВА

Собственно сложные слова, как мы уже видели, отличаются тою особенностью, что первая часть в них представляет из себя тему, или основу слова, тесно слившуюся со второй частью. Причем слова первой части с основой на *-о-* и *-а-* обыкновенно оканчиваются на *-о-*, а после смягченных согласных и *j* на *-е-*, хотя возможно в последнем случае по аналогии твердого различия и *-о-* (кона́во́д); *-о-* и *-е-* проникли и в другие основы, так что они явились как бы «соединительными гласными» при образовании сложных слов; старинные окончания основ на *й* или на *і* в сложных словах попадаются лишь как редкие архаизмы, напр.: полу́д'з'ɛн' [полдень, ср.: ку пол҃дневи (7б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158)], Полу́петра (2-й день Петра и Павла) (Мат. Б. № 10 Мозыр.), м'ад'з'в'а́ц' (где *в* из *й*; ср. miedź — wièdź Федер. 1, 195), в народном сознании переразложившееся в м'ад'з' — в'а́ц', откуда wiedź-mièdź и даже niedźur'èdź (ср. Федер. I, 195); следы основы на *-ĭ-* хотелось бы видеть в tryhubica (известного рода рыболовная сеть) (Чечот 92), хотя последнее строго фонетически можно вывести и из *трегу́б'ица*.

В собственно сложных словах, за немногими исключениями, о которых мы говорили раньше (см. стр. 88), одна часть сложения обыкновенно находится в зависимости от другой, так что в синтаксическом отношении этого рода сложение будет подчинительным, причем части сложного слова находятся между собою в отношении:

а) Определительном, когда первая часть означает качество второй: курбдым (курящийся дымом) (Сержп. 40 Мозыр.), в'ал'и́кадн'а (ср. род) рядом с *в'ал'и́гд'з'ɛн'* [ср.: наша вали́кадня сухбя (Ляцк. Посл. 17 Борис.), vélíkadńo (Клих 56 Новогр.), *вели́коднем* зовемо̀ (Ев. 1616 г. p̄s) может быть и от слова муж. рода] и прилагательное *вяли́ко́дный, вилико́дний* (ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 10 Мозыр., 14 Новоалекс., 18 Витебск., 23 Минск., 29 Новогр., 31 Вилейск.); в'ɛл'икал'у́т великан (wielikaludy Федер. I, 201 Лысков), в'ärбало́с ивняк (верболоз) (Мат. Б. № 13 Свенц., ср. Малев. 169 Слуцк.), гололедь (141б Псалт. XVI в.), гололедицоу (141 ib.), гололёдзица (Мат. Б. № 10 Мозыр.), hałalо́t (Клих 180 Новогр.), hałamouza (Чечот 76), галамо́ўза (куцеголовый) (Малев. 169 Слуцк.), голану́пец (Мат. Б. № 10 Мозыр., ср. ib. 31 Вилейск.), гала́руч (голыми руками), басано́ж (босиком) (Вит. К. С.), гетарочный (этого года), дзивасил (Мат. Б. № 31 Вилейск.), дывгивя́з, -зина (Мат. Б. № 18 Витебск.), вдругоре́дзь (ib. 47); здесь же отметим ненародное *добров'и́дный* [добровидны҃ дѣвокъ (127 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262)]; дурнопъян (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), жаўтабру́шка (ib. № 8 Игум.), кирпоносы (ib. № 10 Мозыр.), колумеса (ib. № 18 Витебск.), каламя́зница (ib. № 31 Вилейск.), косову́ра (имеющий сердитый взгляд) (Сл. Нос. 248), краснагало́вик (Мат. Б. № 8 Игум.), *лихоле́ще* пришло на усих (Сл. Нос. 269), маливо́чко (Мат. Б. № 18 Витебск.), новодзень (всякий хлеб целый) (Черн. Губ. Вед. 1851 г. № 21), облоух (шапка с ушами) (Сл. Нос. 348),

аблаýх (Малев. 165 Слуцк.), оплявýха, псяюха (негодяй), пустогрóм (болтун) (Мат. Б. № 13 Свенц.), пустодомник (ib. № 18 Витебск.), пустодóм (ветренник), сырóводка (Изв. 188, Мат. Б., разные места) (сырóводка) сырам'ац', сырайáшка [suraváška (Клих 205 Новогр.)], сухалóз [ой, у лузи, сухалози (Малев. 43 Слуцк.)], самодругъ присегну [Бел. Арх. II 1532 (XVII в.)], самотретя (ib. 1533), саматýгам (Малев. 186 Слуцк.), самахвоць (Вит. К. С. 275); сухумя́тка, суходолúна, сухобздéй, сухолúпа, сымосéйный, -ка (Мат. Б. № 18 Витебск.); старорéчча (ib. 31 Вилейск.), сц'ихам'úр [сцихамúру нет (Мат. Б. № 18 Витебск.)], чäрназ'óм, чäрнабы́л' (artemisia vulgaris), чернокнúника (43 Псалт. XVII в.) — слово, известное в народной речи; чожоложъство (из польск. cudzołóstwo для передачи *прелюбодеяние*) (6б Ев. Тяпин. 1580 г.).

б) Дополнительном, когда первая часть дополняет вторую, причем такое слово может быть обращено в целое предложение, в котором первая часть окажется дополнением: Бобоедовъ [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)], бабадýр (Сл. Нос. 10); Богум'úл, баламýт, -тка (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 28 Себеж.); бардохлы́ст (пьяница) (Сл. Нос. 15), благовi͡óсник (26 марта) (Мат. Б. № 10 Мозыр.); богомóлы, бураló́м (ib. 11 Новоалекс.); вїнопїтъца (14б Ев. Тяпин. 1580 г.) (слово ненародное), вашапрýд (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), ветрогóн (ib. № 15 Игум.), вѣстоноша (Четья 1489 г.) (идоу̀ к ней два вѣстоноши повѣдаючо ей 15б), Головосi͡óк (усекновение главы Іоанна Предтечи) (ib. № 10 Мозыр.), греховóд (ib. № 17 Речицк.), гырлодёр (ib. № 18 Витебск.), гаршкалёп (Малев. 170 Слуцк.), drywotnia (Чечот 75) (место рубки дров), добродзi͡óй (Мат. Б. № 10 Мозыр.), дрывасéк (ib. № 26 Себеж.); тут же отметим ненародное *долготерпелив* [долготерпéливъ (Ев. 1616 г. л̀г б), долготерпéливымъ (ib. θ б), долготерпéливомъ (ib. 2 с̀г б)], злóдзей вор (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), злодеѐ алʼбо лотро̀ (43б Сб. XV в. Публ. б. № 391), зʻлодей (113 Сб. XVI в. Крас.), злодеи (35 Ев. Тяпин. 1580 г.), злóдѣй (Ев. 1616 г. 2 с̀лг б), коламáс, кожäмʼáка, кáдовба (кадь-долба?) (Сл. Нос. 227), круподзёр, -дзёрна (ib. 255), курóсадзь (насест) (ib. 261), кынывáл (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), кашаплёт (ib. № 11 Новоалекс.), курощýп (ib. № 18 Витебск.), лиходзéй (ib. № 11 Новоалекс.), ludaiédou, -ava, -avo (Клих 187 Новогр.), марнатрáўство (Сл. Нос. 281), мутосвéт (Мат. Б. № 34 Рогач.), пупорéзница (Мат. Б. № 18 Витебск.); скалозýп, старцавýбд (ib. № 10 Мозыр.); скуралýп, свинапáс (ib. № 11 Новоалекс.), свинопрóл (трава) (ib. № 28 Себеж.), саматрат (самоубийца) (Вит. К. С. 275), slimazarnik (Чечот 91), сеножатеи (Скор. XVI в. В 26); совр. *с'äнажáц'* (сенокос), или с местным позднейшим отвердением *с*: па санажáци (Малев. 160 Слуцк.), торбатруóс (Мат. Б. 10 Мозыр.), табаканю́х (ib. № 11 Новоалекс.); чертопхáйка, черватóчына, чертополóх (ib.); шыпувáл (ib. № 4 Могил. губ.), Czernobay, Szapował (фамилии) (Акты В. А. К. XXXIII, 122 Мин. суда XVI в.), шугавéя (вьюга) (Сл. Нос. 718), шугавеина (расточитель) (ib.).

в) Обладательном, или атрибутивном. Качество, обозначаемое сложным словом, первоначально было приложением имени существительного: *сорока — белые бока*, а затем эти слова тесно соединились друг с другом, так что явилась необходимость придать приложению даже окончание, соответствующее имени существительному: *сорока белобóка*. Сюда принадлежат, например, следующие сложные слова: белоголóва (название женщин, носящих в качестве головного украшения белые полотенца), белапáясы (Мат. Б. № 8 Игум.); болобры́сый (ib. № 13 Свенц.), верловокий (косоглазый) (Сл. Нос. 49), вирлавóкі(й), вислáвýхі(й) (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), галабóки, галапя́ты, гарбанóсы (ib. № 8 Игум.); гырлыпан (ib. № 18 Витебск.), damawierka, domowierka (экономка) (Чечот 65); доўгопя́ты, доўгомы́зы (Мат. Б. № 10 Мозыр.); доўгонóсый, доўгоцы́бый, доўгогры́вый (ib. № 11 Новоалекс.); доўганóс'ик, колыглаз (у гетого колыглаза по колю вочи ходзюць) (Сл. Нос. 242); кособýцкий (прозвище косоглазого) (ib. 248), кирпанóсый (ib.); крыснапёрка, крывыла́пы(й), кыцыла́пы(й), курнавухи(й) (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); крыворýчка, клышанóгі́ (ib. № 10 Мозыр.); курнóсый, куртохвóстый (ib. № 11 Новоалекс.), крывола́пый (ib. № 17 Речицк.), колыглаз (ib. № 18 Витебск.), криванóсый (ib. № 26 Себеж.), мордалы́сый (имеющий очень жидкую бороду) (Сл. Нос. 289), мылимóньчик (неженка) (Мат. Б. № 18 Витебск.); одномáсны (одинакового цвета), одностáйны (ib. № 10 Мозыр.) (укр. *одностайний*, польск. jednostajny); роўнал'áтак, сердоболь (Четья 1489 г.) [дроугоую трапезоу соусѣдомъ и сердобалиамъ (95б)], сивалóбы(й) (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), свовóльник (ib. № 18 Витебск.); сухадýшны (тщедушный), тоўстомóрды (Мат. Б. № 10 Мозыр.), таўстапýзик (ib. № 31 Вилейск.), чирнабры́вы(й) (ib. № 4 Могил. губ.), чáрнабрóўка, шугалея (большая лодка) (Черн. Губ. Вед. 1851 г. № 21).

Г. СОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА

В противоположность словам, образованным при посредстве суффиксов, а также путем сложения с другими словами, в белорусском языке наблюдаются случаи обратного явления: сокращения часто употребляющихся слов. Здесь не только отсутствуют суффиксы, но часто даже не хватает некоторых согласных звуков, принадлежащих корню; так мы имеем *а бо!* (а боже мой!) (Вит. К. С.); Прыдзи *бок* (браток) до мяне (Бобр. у., Слуцк.); вумà, *бра*, не набрàўса (Сержп. 1926, 168 Слуцк.); *брā* (браце) (Парич.); *тре* вм. *треба* opus est (ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 10 Мозыр. и др.); *мо* (может быть): мо гэ лі͡епш, мо гэ суджано (Сержп. 1926, 187 Слуцк.); дак мо ат таі͡е бýдзе сын (ib. 183), мō (Парич.); *до-до* (довольно, дóсыть) (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 34 Рогач.): мужчына есь пакуль до, а баба пакуль усё (Вит. К. С.), *гэ* = гэто: пагаманіў ён гэ у ваднýом мі͡ейсцы (Сержп. 1926, 72 Слуцк., ср. 158); мо гэ лі͡епш, мо гэ сýджано (ib. 187); = гэтак: нарòбиш гэ як сягòнячы напрала (ib. 76), ці ж гэ малаці̀ц (ib. 76, ср. 135, 180),

от гэ набралòсо ў дўрня малайцòў шмат (ib. 117); = да = так: хібо ў цебѐ ест грòшы? — Гэ ... у менѐ туолькі грòшэй (ib. 81); = так: ты хòчэш усѐ знаць, зачы̀м яно гэ, а не йнак (ib. 95); = вот: гэ спаў ён мо паўжы̀тки (ib. 106); *ля-ля* (глядзи, смотри) (ib. № 19 Гродн.); *паля́* (из *паглядзи́*) (ib. № 21 Слоним.), *ча ж* (чего ж) (ib. 32 Орш.); *ма* (*мець* в известном бранном выражении) (ср. Клих 188 Новогр.); *ску* (скажу) (РФВ LXII, 214 Смол. губ.), пра̀ўду я *ку*, ці ніе (Сержп. 1926, 109 Слуцк.); чагò ты *ка* (*каже*) сябра балуеш (ib. 110), от ён-каапашоў раз на Купа̀ло ў ліес (ib. 235 и т. д.) (ср. Белорусы, II, 1, 392).

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассмотрев в предыдущей главе способы образования слов в белорусском языке, здесь дадим исторический очерк изменения их в склонении и спряжении, смотря по тем основам, какие имеют эти слова, и по значению, соединяемому с ними в речи. Главное содержание дальнейшего изложения составит рассмотрение тех или других суффиксов, служащих для образования форм склонения и спряжения.

Мы увидим, что главнейшие явления современных белорусских говоров в формах, по сравнению с древнерусскими, представляют вообще немало отступлений, которые произошли по преимуществу вследствие фонетических причин, о которых была речь в своем месте, а также вследствие влияния одних форм на другие; кое-что, быть может, заимствовано у соседей, особенно, когда мы имеем форму старого западнорусского языка или запись из местности со смешанным населением; иногда придется видеть действие и других факторов. В сравнении с литературным русским языком и даже с живыми русскими народными говорами в белорусском языке, даже в современном его состоянии, масса таких форм, которые стоят в непосредственной связи с древнерусскими; если же мы обратимся к старинным памятникам, то, несмотря на их сравнительно позднее происхождение, найдем в них почти все те явления, которые характеризуют древнерусский язык.

Из явлений флексии в старинных западнорусских памятниках отметить такие, которые составляли бы исключительную принадлежность их, вследствие указанных причин, довольно трудно, в той или другой степени они свойственны и другим древнерусским памятникам. Даже такие, например, особенности, как местный на *-охъ*, форма *есми*, нерасположенность к двойственному числу мужского рода, при сохранении его в женском и среднем, и под., в отдельности не могут считаться особенно типичными: физиономия языка в данном случае обрисовывается целой совокупностью всех черт, вместе взятых.

В дальнейшем будем придерживаться общепринятых рубрик изложения морфологии[1]. Иногда только придется делать небольшие экскурсы в область синтаксиса, так как систематическое изложение последнего, ввиду сложности его материала и недостаточности имеющихся в нашем распоряжении в настоящее время данных, несколько замедлится.

---

[1] Главнейшие пособия по изложению словоизменения те же, какими мы пользовались и в фонетике (см. Белорусы, т. II, изд. 2-е, вып. 1, стр. 90); к ним прибавим: В. Вондрак. Vergleichende slavische Grammatik, II, Göttingen, 1908; А. Лескин. Grammatik dera ltbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg. 1909 = Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, herausgegeben von A. Leskien und E. Berneker. I. Reihe Grammatiken; иногда придется обращаться за сравнениями с соответствующими явлениями польского и чешского языков к книгам: А. Калин. Historya języka polskiego. Lwów, 1883; Я. Гебауер. Historická mluvnice jazyka českého, III, 1, v Praze, 1896; III, 2, 1898; украинские параллели, кроме известных работ Миклошича (Vergl. Gr.; Wortbildungslehre[2] в русском переводе Шлякова) и Огоновского (Studien...), будем брать и из книги: А. Крымский. Украинская грамматика. М., 1907—1908.

СКЛОНЕНИЯ

Заложенное еще в основном славянском языке и перешедшее в прарусский язык различие по суффиксам именного и местоименного склонений проходит через всю историю белорусского языка; сложное склонение имен прилагательных очень рано утрачивает свои особенности, постепенно совпадая с местоименным склонением. Имена числительные, из которых одни первоначально изменялись как имена существительные, другие — как местоимения, постепенно, так сказать, сорганизовались в свое особое склонение. Вследствие сказанного в дальнейшем изложении, проводя везде строгое различие между именными и местоименными формами, мы весь имеющийся у нас материал расположим по следующим отделам: склонение существительных, местоимений, прилагательных и числительных.

Именное и местоименное склонения в основном славянском и прарусском языках подразделялись на классы, смотря по тому, какой звук, гласный или согласный, был в исходе основы; в современных славянских языках, начало чему уже положено было в отдельных случаях еще в древнейшую эпоху их существования, в этом отношении большое значение получила категория рода: слова мужского рода с разными основами стали сближаться между собою и по окончаниям своих падежей; то же отчасти произошло и со словами женского и среднего родов; этому сближению много содействовали разные фонетические явления и психические факторы, часто ложная аналогия, представление физического пола у названий предметов одушевленных, так что число разрядов склонений у имен, постепенно уменьшаясь, дошло почти до трех. Все сказанное подтверждено нами фактами из истории белорусского языка в предыдущей главе (стр. 13—22). Ввиду принятой нами исторической точки зрения при освещении морфологического материала, представляемого старинными западнорусскими памятниками и современными народными говорами, все формы склонений будут расположены по старинным их основам; уклонения, вызванные категорией рода и другими причинами, будут приниматься в расчет лишь при объяснении форм. Таким образом в склонении имен существительных

мы отметим следующие разряды: 1) слова с основами на *-o-/-jo-*; 2) слова с основами на *-ŭ-*; 3) слова с основами на *-a-/-ja-*; 4) слова с основами на *-ĭ-*; 5) слова с основами на *-ū-*; 6) слова с основами на согласные в суффиксах: *-men-*, *-ent-*, *-es-*, *-er-*. Именные формы прилагательных, некоторых числительных и даже причастий следуют склонению соответствующих основ имен существительных; различие в основах сказывается отчасти и на склонении местоимений.

Основным русским языком унаследованы были от праславянского языка в склонении три числа: единственное, двойственное и множественное. Они перешли и во все восточнославянские языки, но на почве последних претерпели некоторые перемены в своем употреблении. Отлагая рассмотрение причин этих перемен в область синтаксиса, здесь коснемся лишь тех утрат, какие понес белорусский язык в области числа, и тех средств, которыми оно восполняло недостающие функции. Прежде всего относительно двойственного числа.

Расстройство в старинном употреблении двойственного числа в древнерусском языке началось рано, хотя заметно сказалось лишь с XIII в. (Собол., Лекции, 4, 205 sq.), т. е. как раз с того времени, к какому мы можем отнести первые памятники старого западнорусского языка. Естественно вследствие этого, что мы, повсюду встречая в них форму двойственного, также находим и отступления от старины. Прежде чем сделать выводы, приведем примеры из старинных произведений. Двойственное при числительных *два — двѣ, оба — обѣ* — формы именительно-винительного падежа: Грамоты: двѣ ведрѣ медꙋ (1487 г.) двѣ копѣ грошей (1499 г.), но — два кони (1479 г.) (взято из Недешева), два поѣсы (149 ib.); Суд. Каз. 1468 г.: на обѣ сторонѣ (44); Сб. XV в. Публ. б. № 391: два старая моужа, молчала еста оба (из Жития Алексея, Владим. 262), двѣ стене (52), за две лете (56), ѡбе плече (71) (вм. *плечи* — образование вторичное), но — два лотри (32); Лет. Пер. Сузд. XV в.: два сыны (7) (форма для нового языка не типичная); Лит. Лет. XV—XVI вв.: 2 чл҃вка (31 Увар.) [но — два человѣкы (4 Вил.)], два̀ дни (81 Крас., 13 Вил.), жонцѣ двѣ ходили покладывать князя (7 Вил.) = жонце двѣ ходили (33 Увар.), по двѣ копѣ грошеи (Акад. 166), двѣ мили (5 Вил.), двѣ лѣтѣ (3 ib.) = две лете (29 Увар.); Лет. Авр. XV в.: по двѣ нагатѣ (55б), по ѿбѣ сторонѣ (302); Сб. XVI в. Позн.: ѡ ѡбе руцэ (117), на ѡбе колени (ib.) (из колѣнѣ?), два скока (120) (Archiv, IX, 368—369), но там же: ѡба *свое* сыны (168), два чоловеки (167), ѡбѣ девки (109), ѡбѣдве войска (193); Статут 1588 г.: по две особе (73), на обедве стороне (78), но рядом — два грошы (129); Гродн. Акт. кн. XVI в.: двѣ копе (23), двѣ лѣте (75), две седле (243), но — два годы (42); Бел. Арх. I: на обедве стороне (1599, 1603), но — на обедве стороны (1603); Бел. Арх. II: две копе [1530 (XVII в.)], две лавце (ib.), две косе [1533 (XVII в.)], но — два кони [1533 (XVII в.)], две поля [1530 (XVII в.)],

две решета (ib.); Тайна Тайных XVI в.: двѣ є́стеве (56), двѣ лице (59) (вм. *лици*), но — два золо͡ники (40б), по͡ва золот'ники (45), два͡ тыи к'рогуи (7б); Библ. Скор. XVI в.: две жене (Ц 5), два волы (Ч 19), два кона (Ц 199), но — два сосуды (Ц 96), две трубы (Ч 25); Катихиз. 1562 г.: двѣ ѹ̆цѣ имащу въвер'жену быти (из текстов св. Писания) (164б), но — два пожитки вѣликіє (163б); Ев. Тяпин. 1580 г.: две очи (24б), два сыны мои (28), но — две руки, две ноги (24б), ѹ̆бедьве рибы (хотя в ц.-слав. тексте, приведенном параллельно: ѹ̆бе рыбе) (51б), два слепъцы (28); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: два сыны (31), но — два млады͡х ланата (84); Псалт. XVI в.: спои͡ две стене (117), но — *тыѣ* двѣ͡ речи (61); из Сб. XVII в. Вил. № 107 можем отметить только множественное: два браты (66б), два локтѣ (26б); то же можем указать и в Сб. XVII в. Син. № 790: сами есмо собе *два браты* (РФВ XXIII, 279, 282); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ѡбѣдвѣ рѹ̆цѣ (74), двѣ ныр̆цѣ (63б), двѣ коровѣ (144б), двѣ дочцѣ котори͡х маешъ (14), мѣлъ двѣ дочцѣ (23), имѣлъ двѣ женѣ (140б), двѣ лѣте (40), ѡ͡в лѣте (227б), но — межи обѣ вос'ка (154); Ев. 1616 г.: ѹ̆бѣдвѣ ло͡и (2рд), мѣлъ два сыны̀ (о͡). Без числительных *два — двѣ, оба — обѣ* формы именительно-винительного двойственного очень редки: в рѹ̆це твои (2 Сб. XV в. Публ. б. № 391), клакла на колене (15 ib. (рядом с *приклекаючи на колѣна* 7), ѹ̆ вочы (89 Статут 1588 г.), во ѡчи т'вои͡х (9б Тайна Тайных XVI в.) (описка вм. ѡчи͡х?), рѹ̆це и́ нози є́го (33б ib.) (*и* под влиянием мн. ч.), руце (Скор. XVI в. Пл 3б), нозе (ib. и 58б), в'руце божіе и́дет (170 Катихиз. 1562 г.) (прил. во мн. ч.), бологие очи (17б Ев. Тяпин. 1580 г.) (прил. во мн. ч.), тут же интересно *руки* (28) при стоящем рядом ц.-слав. *роуцѣ*; по͡крылѣ є́го (32 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), стыгнѣ мѣдне (их было только два) (115б ib.), мышцѣ сребрѣнѣ (тоже) (ib.), ѡ̆чи (146 Псалт. XVI в.), наполы (наполовину) (55б ib.), рѹ̆цѣ его проти͡ко всѣмъ (12 Библ. кн. XVI в. Толст. № 158), ѡ̆чи (147б Псалт. XVII в.), колѣни мои (122б ib.) (вм. *колѣнѣ*).

Из рассмотрения приведенных примеров можно видеть, что именительно-винительный двойственного числа в мужском роде, за исключением двух-трех примеров, которые с успехом могут быть отнесены на влияние древнейших памятников русского или церковнославянского языков, встречается только от слов *сынъ, полъ,* принадлежащих к сонавам на *-ĭ-*, представляющих формы *сыны, полы*, каковые совершенно не типичны, так как подобное же окончание, как увидим после, принимают для именительно-винительного падежа множественного числа все слова мужского рода с основами на *-о-*; не характерен также и случай *очи*, напоминающий формы именительно-винительного падежа множественного числа основ на *-i̯o-* и *-ĭ-*. Несомненно, формы двойственного представляют числительные *два — двѣ, оба — обѣ, обадва — обѣдвѣ, двѣстѣ* (примеры в достаточном количестве будут приведены после, при склонении числительных), а также имена существительные женского рода с основами на *-а-/-i̯а-* и среднего рода

с основами на *-о-/-jо-*, хотя и здесь иногда замечаются случаи употребления множественного числа. Замечательно, что при числительных *три — четыре*, при которых в русской литературной речи обыкновенно тоже возможны формы двойственного, в старых западнорусских памятниках встречаем только множественное число: г браты (44 Увар.), ты трꙑ браты (82б Крас.), оу него были д сыны (44 Увар.) (*сыны* как *рабы*), три браты (42б Лет. Авр. XV в.), на три годѣ (302б ib.) (вторичное образование им. мн. ч.), по трꙑ єйцы (166 Сб. XVI в. Позн.), три разы (146 Статут 1588 г.), три рубли (109 ib.), трꙑ годы (35 ib.), чотыри коръцы (106 Гродн. Акт. кн. XVI в.), трꙑ патер'ницы (79 Тайна Тайных XVI в.), д. часы (62 ib.), три цр҃и (124 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), три лица (64б Псалт. XVI в.), три мужеве (12б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), два талáнты (Ев. 1616 г. 2 чв б).

Если от показаний старинных западнорусских памятников перейдем к современной белорусской речи, то тут найдем дальнейшее развитие тех особенностей, которые ясно обозначились в старину. Формы именительно-винительного падежа двойственного у слов мужского рода окончательно утратились, будучи вытеснены формами множественного числа. Если иногда в сборниках белорусских народных произведений встречаем написания, вроде: три цéрема (Шейн Б. П. стр. 55 Себеж.), три колóдися (ib. № 138 Витебск.), два персцёнка (Зап. V, 74), три солдацика (ib. 242), два брáцика (ib. 252 и под.), три сынá (Ром. III, 93 Бых.), три лі͡éта ляжало (Малев. 108 Слуцк.) (ударение указывает на род. ед.), то мы имеем дело или с ошибками записывателей, или же в северных и восточных областях с русским влиянием. Иногда подобные окончания вызываются требованиями рифмы: для мешконóша/ дóсиць три грóша (Зап. V, 84), да пришлú к ним три разбóйника/и забúли яны таго купчика (ib. 121). Вообще же от слов мужского рода и отчасти среднего при числительном *два*, не говоря уже о *три* и *четыре*, обыкновенно бывает именительно-винительный множественного числа (сюда же отнесем и формы на *-ы* от основ на *-й-*, хотя они и равны старинному двойственному): два Литвúны (Зап. V, 70), два брáцики (ib. 267), два волы́ (Шейн Б. П. №№ 22 Лепп.), два браты́ (Дмитр. П и Ск. Вильн., 174 Новогр.), ja и ты два браты́ (Дыб. 250 Посл.), два Іýрju да абáдва дýрни (ib. 183 Посл.), 2 зяти (Ром. I—II, 38 Гомельск.) (форма, совпавшая со старинным двойственным), 2 браты (ib. IV, 46 Горецк.), 2 субáки (ib. III, 27 Рогач.), тритцаць три *годы* (ib. VI, 234 Сенн.), 2 мужúки (Шейн Мат. I, 594 Витебск.), пили два галубы́ воду (Розенф. 26 Вилейск.), два харошы малайцы (Малев. 133 Слуцк.), два хлýбпцы, ваўкі͡é, разбýйники (ib. 13), abodwarohi (Федер. I, 348 Свислочь), dva bráłě (Клих 18 Новогр.), два сталы́ (Мат. Б., повсеместно), два столá (только № 26 Себеж., на севере Белоруссии); от слов среднего рода подобные образования реже: два сялы́ (Мат. Б. №№ 8 Игум., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц.,

16 Бых., 28 Себеж.), два акны̀ (ib. № 31 Вилейск.); три гро́ши (Дмитр. П. и Ск. Вильн., 94 Новогр.; Шейн Б. П. № 72 Лепп.; Зап. V, 89, 104), бы́ло у ба́цьки три сыны́ (Дмитр. П. и Ск. Вильн., 166 Новогр., Зап. V, 107), три рубли́ (Шейн Б. П. № 40 Витебск.), три ра́ды (ib. № 141), три ле́ты (ib. № 324 Лепп.), три дзе́лы (Зап. V, 75), три коза́ченьки (ib. 181), три сады́ (ib. 196), три дни (ib. 270 и Зап. I, 258) (форма, совпадающая с двойственным), три годы́ (Ром. I—II, 51 Перер.), 3 го́роды, 3 царствы (ib. 369 Гомельск.), 3 сялы (Демб. 51. 552 Клим.), тры маскали́ (Малев. 48 Слуцк.), тры, четыры хлу͡бпцы, ваўки͡е (ib. 13), тры нни (дни) (ib. 150), try synè (Федер. II, 144 Суховоля), чатыры сталы́ (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 18 Витебск., 30 Речицк.), чатыры палена (ib. № 31 Вилейск.), тры сталы (ib. №№ 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 30 Речицк.), тры хамуты̀ (ib. № 31 Вилейск.), и здесь формы на *-а* можно встречать лишь на севере Белоруссии [четыре стола́ (ib. № 26 Себеж.)]. Некоторую память о двойственном числе сохранили, может быть, такие случаи, как *два роги́* (Шейн Б. П. № 754 Витебск.), *два кони́* (Бесс. Б. П. 146), в которых окончание хотя и сходно с окончанием именительного множественного числа, но акцентовка иная: мн. ч. ро́ги, ко́ни. Значит, в белорусском языке действие аналогии, сравнительно с русским, было направлено как раз в противоположную сторону: между тем как в русском у слов мужского рода по образцу таких выражений, как *два стола́*, стали говорить *три-четыре стола*, в белорусском наоборот, по образцу более многочисленных случаев сочетания *три*, *четыре* со множественным числом стали соединять со множественным и *два*.

Иное дело слова женского рода и отчасти среднего: тут случаи двойственного довольно распространены, как об этом можно судить на основании показаний записей народных произведений и живой речи; правда и формы именительно-винительного падежа двойственного числа женского и отчасти среднего рода больше держатся на юге и юго-западе Белоруссии, уступая место на северо-востоке и востоке образованиям в русском духе: формам множественного с ударением родительного единственного или, может быть, старинного двойственного. Примеры форм двойственного после числительного *два*, а в подражание ему и после *три — четыре*: dźwie szkodzie, dźwie rucē, dźwie nazīē, czetyry pryhodzie (Чечот XIV), три копе́ Дмитр. П. и Ск. Вильн., 104 Новогр.), тры бедзе́ (Гильтебр. CCXXXV Гродн.), абедзве (Ром. I—II, 378 Сенн.), try rabóće (Клих 9 Новогр.), źve aśmíńe haroxu (ib.), źaučúńe, kabýle, bábé, kúṛe, kaṕé, ńeźél'i, kúrycy и т. д. (ib. 272—273), źve léće waróće, ćeláći (ib. 270), čatýry staźe (ib. 273), było dźwie chaci (Федер. I, 4 Дворец) (из *хать*), ab'edve voču (Верига Pod. 24 Лидск.); дьзві͡е́ (тры) саси͡е, руццы́͡, килбаси͡е́, паласи͡е́ (Малев. 13 Слуцк.); дзьве бядзе (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 30 Речицк.), дзьве хаце (Мат. Б. №№ 8 Игум., 10 мозыр., 12 Слуцк.,

17 и 30 Речицк.), дзьве рутце [Мат. Б. №№ 8 Игум. (но и руки́), 10 Мозыр., 12 Слуцк., 17 и 30 Речицк.], дзьве назе́ [Мат. Б. №№ 8 Игум. (но и наги́), 10 Мозыр., 17 и 30 Речицк.], тры бядзе́ (Мат. Б. №№ 17 Речицк., 25 Новогр.), чатыры бядзе́ (Мат. Б. №№ 17 Речицк., 23 Минск., 25 Новогр.), дзьве сяле́ (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 12 Слуцк., 17 и 30 Речицк., 23 Минск., 25 Новогр.), тры-чатыры сяле́ (Мат. Б. №№ 12 Слуцк., 17 Речицк., 23 Минск.). В перечисленных местах юга Белоруссии изредка, а чем севернее, тем чаще и от слов женского и среднего родов при числительных *два*, *три*, *четыре* встречаем и другие образования: чаты́ри ноги́ (Шейн Б. П. № 754 Витебск.), обедзви ру́ки (Шейн Мат. I, 571 Гродн.), чаты́ры мили (Малев. 157 Слуцк.), цатыры карове (Отч. 18 Холмец Ржев. у.), где на *е(ѣ)* род. пад. ед. ч. ж. р., как и в нижеследующем примере: четыре бядзе́ (Мат. Б. № 26 Себеж.)[1]; не будет форм двойственного и в следующих примерах: dźwei biedy̆ hu̯orszych je (Федер. I, 39 Шидловцы), dźwie baby załaży̆łosie (ib. 60 Яловка), дзьве ха́ты (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 16 Игум., 23 Минск., 26 и 28 Себеж.), дзьве руки́ (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 23 Минск., 26 и 28 Себеж.), дзьве наги́ (ib.), дзьве бяды́ (Мат. Б. № 11 Новоалекс.). Даже такие странные образования попадаются, как dźwie dòczäk (Федер. II 102 Рось), dźwie nu̯oh (ib. 339 Гнезна). Значит, и формы именительно-винительного падежа двойственного числа женского и отчасти среднего рода в современных белорусских говорах находятся по пути к вымиранию, но в некоторых местностях они еще все же чувствуются, как живое явление.

Такие несомненные формы двойственного, как *во́чы*, *ву́шы*, *пл'е́чы*, *кал'е́н'и* из *колѣнѣ* (ср. vóčy, vúšy, pleču, kal'éni Клих 270 Новогр.), как и в литературной русской речи, в народном сознании уже не чувствуются формами двойственного, а представляются множественным числом, хотя косвенные падежи к ним, как увидим ниже, не всегда образуются по множественному числу.

Что касается форм родительно-местного двойственного числа, то их сохранилось еще меньше. В старинных произведениях встречаем, например., следующие: по прест҃ы҃ ѡч҃ью (7 Сб. XV в. Публ. б. № 391), во ѡ҃чью наши҃ (32б ib., ср. 49 ib.), свѣчю ѡчью мои҃ (99 ib.), изъ ѡбѣю ѡчью (86б Лет. Авр. XV в.), изо ѡ҃чью (222б ib.), въ цр҃кви ст҃го ѡбою братоу. бориса и҃ глѣба (301 ib.), во ѡ҃чїю т҃вои҃ (5 Тайна Тайных XVI в.), навертѧтсѧ ѣмѫ ѡ҃чию слезы (21 ib.), очью, очию (Скор. XVI в. 1 22б, П 35), ѫ҃шью вашихъ (ib. И 60б), ѡ҃ руку твоихъ (ib. Д 11), ногу своих҃ (ib. Пл. 5б), на обудву (ib. Д 37б), тыхъ двусту (ib. Ч 12), ѡ серц҃ и҃ ѻ҃чью нш҃ыхъ (3б предисл. Катихиз. 1562 г.), доткнулсѧ ѻ҃чью их҃ (12 Ев. Тяпин.

[1] «В нашей местности родительный падеж ед. числа женского рода всегда оканчивается на *-е, -и*: *принёс ваде́, астался без капусти*» (ib., в отделе «Ударение»).

1580 г.), дотк҃нулъсе ѻ҃чъю и҃мъ (п'рикосн'уса ѻ҃чию и҃ма) (28б ib.), въ очъю вашихъ (во ѻ҃чию вашею) (30 ib.), ѡчью (88б, 31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); въ Псалт. XVI в.: ѿ ѻ҃бли҃а ѡчью твои҃ (31б), свѣлосьти ѡ҃ю мои҃ (39б), на *крылоу* ветрьни҃ (103), в которы҃ же *рѫкоу* (27), въ *рѫкоу* твбю жеребїи мой (31), з *рѫкоу* непрїателй҃ мои҃ (31), и҃з рѫкѫ (35б); в Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ѫ҃ъ ѫшъю (=из ушей) (65), на заслунѫ ѡ҃ю (15), была лика текуча҃ ѡчью (23), не смѣлъ по҃носи҃ ѫчью (35), в рѫку твои҃ (11б); в Псалт. XVII в.: ѩ҃сности ѡчью мои҃ (10), з' ѡчью мои҃ (142), прим'и до ѫшъю про҃бы мои (12б) вы҃рвете его з *рѫку* непобожны҃ (77), в рѫку его сутъ вси границы (98); в Ев. 1616 г.: в' ѫшѫ мойхъ (2см б). Таким образом здесь мы имеем преимущественно формы от слов *очи* [ср.: выимали ему очи (58 Увар.)] и *уши*, изредка и от *два*, *обадва*, *двѣстѣ*, *рука*, *нога*. В современной речи все эти слова обыкновенно употребляются в родительно-местном множественного числа, но есть образования, основывающиеся и на двойственном числе: z aczù (из очей) (Федер. I, 7 Шидловцы, 21 Порозов.), lichich aczù (ib. 294 Свислочь), Идзи *зачу* маих, пацямнело ў *ачу*; *ачу́* не можэ атарваць ат я҃е҃ (Сержп. 1926, 95 Слуцк., ср. 118, 151), пѐрад *ачу* (вм. творит. пад.) (ib. 161), в *ушу* пищыць (Мат. Б. № 23 Минск.), miź wuszù (Федер. II, 157 Шидловцы), сьвішчэ́ кал'а *вушшу́* (род. дв. ч.) (Сержп. Прымхі 164 Слуцк.); в сложном слове *двоюродный* имеем род.-местн. от *два*.

Форма дательно-творительного двойственного в отдельных словах довольно распространена в современной речи; старинные произведения не особенно изобилуют этими формами. Нам встретились: Сб. XV в. Публ. б. № 391: се двема ал'бо сыногорличома (58б), двѣма конома (62), пре҃трома оучнема свои́ми (73б), трима слоугама (62), с п'ресмоутныма ѡчима (13), за ѡ҃чима (24б); Лет. Авр. XV в.: слѣпа бѣ ѡ҃чима (5), братома своима (3); Сб. XVI в. Позн.: моима ѡчыма (37), плечыма и щытами (100), ѡбема панамъ (103); Сб. XVI в. Крас.: св'оима ѡчима видѣти (14); Гродн. Акт. кн. XVI в.: плечима (3), грошма пятидесятма (43); Библ. Скор. XVI в.: рукама своима (Пр 6), обема очима (Б 12), ѫшима (1 34), босыма ногама (Ц 95б), коленома (Ц 171б), со двѣма ослы (Ц 95) (Библия 1506 г. — so dwiema wosly), четырема (Ср 30б), трима рады (Ц 136); Псалт. XVI в.: плечима свои́ми (93), пре҃ѡ҃чима твоима (9б), пре҃ѡ҃чима моими (27), пре҃ѻ҃чима мой (100); Сб. XVI в. Кунц.: трома рѣчома (76б), тыми рѣчома (77); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: межи двома херѫвими (82), зъ ѡбѣма невѣсткома (137б); Псалт. XVII в.: ѡчима (4б, 31б, 52), ѫшима н҃ши҃ми слышали есмо (20). В числе приведенных форм некоторые являются новообразованиями, возникшими по аналогии старинных форм (двома, трима, четырема), иногда им присвоено окончание не тех основ, к которым они относятся (невѣсткома). В большинстве случаев в двойственном дательно-творительного, как и раньше родительно-местного, ставятся названия предметов, обозна-

чающих естественную пару, но иногда в двойственном стоят и названия предметов непарных; особенно это следует сказать относительно творительного падежа в живой речи. Так мы имеем здесь, с одной стороны: дьвярыма (Бесс. Б. П. 176) (так как дело идет о створчатой двери), очима, плячима (ib. 140, Дыб. 405 Посл.), плечима, очима (Шейн Мат. I, 449 Минск.), вочыма (ib. II, 248), ачума, ушума, plačума (Клих 270 Новогр.), ш чубрными ачыма (Малев. 84 Слуцк.), лупая ачыма (ib. 174), з голыма руками (Ляцк. Посл. 18 Борис.) (где лишь прил. в дв. ч.), (в)ачыма (Мат. Б., повсеместно), плячыма (ib. повсеместно), нагама (ib. №№ 4 Могил. губ., 13 Свенц., 25 Новогр.), рукама (ib. № 4 Могил. губ.); с другой: слязыма (Бесс. Б. П. 176), дравима (дровами) (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 185 Новогр.), грошыма (Шейн Мат. Б, 246), hraszyma (Федер. I, 46 Лысков), з грашыма (Ляцк. Посл. 55 Борис.), прэ за ягадай и *грыбама* (ib. 14), грашыма (Мат. Б. № 5 Слуцк.), дзьвярыма (ib. №№ 4 Могил. губ., 5 и 12 Слуцк., 7 и 23 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 17 Речицк., 25 Новогр.), слугама (ib. № 13 Свенц.), слязыма (ib. №№ 23 Минск., 25 Новогр.). Конечно, все указанные формы могут быть заменяемы и обычными творительными множественного числа.

Делая общие замечания о выражении числа у имен в белорусском языке, нельзя не коснуться в общих чертах выражения множественного числа при помощи имен собирательных, стоящих в единственном числе. Славянские языки выступили на историческое поприще с богатым запасом собирательных слов, а затем и каждый самостоятельно развил их немало. Древнерусский язык знал таких образований также много (ср. Собол., Лекции, 4, 218—222), причем в нем множественность обозначаемых ими предметов живо чувствовалась, как об этом можно судить на основании того, что глагол-сказуемое, а иногда и прилагательное-определение при таких словах ставилось во множественном числе. Со временем в русской литературной речи многие из собирательных слов, несколько изменив свое окончание, а иногда и без этого условия стали на месте именительно-винительного множественного числа, причем к ним иногда несколько приспособлялись по звуковой форме и остальные падежи множественного числа. В белорусском языке старинное употребление в синтаксическом отношении (о чем речь после) и по форме имен собирательных еще до сих пор в полном ходу, и вытеснение их множественным числом или преобразование во множественное только началось. В роли собирательных выступают разные образования:

а) Слова среднего рода, имеющие старинный суффикс *-ије* = др.-русск. и ст.-слав. -ьѥ, напр.: *роубиѥ* альбо хоусты (99 Сб. XV в. Публ. б. № 391), на *колье* тыкаху (9 Вил.), все *могыльѣ* вскопано бѣше (106 Лет. Авр. XV в.), и поганыѫ и множество бесчислено *троупїа* падоша (133 ib.), положиша *троупыѧ* (151 ib.), влачиша *троупыѧ* изъ гребльѣ (340б ib.), ветьѣ (28б Ев. Тяпин. 1580 г.), колосьѣ (15 ib.) (для передачи напечатанного параллельно ц.-слав.

ѯ҃ласы) (45б ib.), судьѐ (ц.-слав. *сосуды*) (16 ib.), *гольѐ* ѐѐ будуть моложавы (ц.-слав. вейѫ ея будутъ млада) (34б ib.), листьѐ (29 ib.), в дꙋброве *дерѣ҃є* съкырами высекли (74б Псалт. XVI в.), боудꙋ҃тсѧ радовати все *деревь҃ѐ* дꙋбровноѐ (97б ib.), *дерѣ҃ѐ* котороѐ чините пло҃х (141б ib.), выби҃ виногради и *дерѣ҃е* ѳиговое (106 ib.), коре҃є (83 ib.), *лозье* ѣ҃ кедры бжі҃а (83б ib.), *оу҃голье* жа҃ко стане (19 ib.), кости мои ѩко *черть҃е* сосхли҃ (100б ib.), *голье* его было ѩко кедри высо́ки (73б Псалт. XVII в.), ѩкъ *зелье* красы своеи ѿпадꙋ҃ (6 ib.), выбавѝ ꙋ҃бозтво (51 ib.), насычꙋ҃ ꙋбо҃тво (153 ib.), спадѣ҃ ꙗголье (162б ib.), ѩко ꙗголье пꙋстошачое (145б ib.), ѡбе҃таетъ *камене* в҆ ѡзера (126б ib.); из современной речи: бабьё (Мат. Б. №№ 28 Себеж.), баярьё (ib. 31 Вилейск., Кар. 80 Трок.), бру́сся (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 13 Свенц., 18 Витебск., 28 Себеж., 31 Вилейск.), бру́ссю (ib. № 9 Бых.), выраннё (воронье) (ib. № 4 Могил. губ.), вя́ззя (ib. №№ 6 Диснен., 9 Бых., 13 Свенц., 18 Витебск., 31 Вилейск.), гадзьдзё (ib. № 4 Могил. губ.), гниллё (ib. 28 Себеж.), на галлю́ висяць (Малев. 33 Слуцк.), дураччо́ (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), жыдзьдзё (ib.), же́рдзя и жардзё (ib. 31 Вилейск.), зе́льля, бру́ссься, маё ко́льля (Малев. 13 Слуцк.), звярре́ (Мат. Б. № 28 Себеж.), зладзьдзё (ib. № 4 Могил. губ.), яны не кобылицы, да *зьмяйё* (Ром. VI, 397 Сенн.), kačańi̯o (обыкн. *качаны́*) (Клих 183 Новогр.), źélo (ib. 269), karéńo (ib.), kaḿeńo (ib. 13), kaḿéńi̯o (ib. 269), каме́нням (творит. пад. ед. ч.) (Шейн Б. П. № 318 Лепп.), коло́сьям (творит. пад. ед. ч.) (ib. № 211), ко́лля (ib. № 320 Лепп.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 13 Свенц., 18 Витебск., 28 Себеж., 31 Вилейск.), сыбраў ўсе сваé *шы́лля-капы́лля* (ib. № 4 Могил. губ.), ли́сьця и лисьцё (ib. № 31 Вилейск.), мужыччо́ (ib. № 4 Могил. губ.), aharóźo (огородные растения) (Клих 173 Новогр.), baćvíńo (ib. 175), орехоўя (Шейн Б. П. № 291 Лепп.), породзе́ння (ib. № 3 Лепп.), пе́рря (Мат. Б. № 28 Себеж.), палазьзё (ib. 31 Вилейск.) и — поло́зьзя (ib. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 9 и 16 Бых., 13 Свенц., 18 Витебск., 28 Себеж., 31 Вилейск.), пыляччо́ (ib. № 4 Могил. губ.), струччо́ — стру́чча (ib. № 31 Вилейск.) и т. д.; приведенные слова обыкновенно склоняются в единственном числе: ср. дат. *бру́ссю* (Мат. Б. № 9 Бых.), род. *ко́лля* (ib. № 8 Игум.), *поло́ззем* (ib. № 6 Диснен., 9 и 16 Бых.); однако в родительном и дательном падежах иногда уже можно замечать и наклонность ко множественному числу: ко́льляў, бру́сьсяў, поло́зьзяў, ли́сьцяў, струччаў, жардзёў, -ям (Мат. Б. № 31 Вилейск.); согласование с такими собирательными обыкновенно бывает в среднем роде единственного числа (ср. замечания в Мат. Б. при №№ 18, 26 и 31); иногда и здесь уже находим, повидимому, множественно число: на҃х злато ѝ на҃х каме҃ѧ *дорогыѥ* (21 Псалт. XVI в.), где можно бы усматривать согласование с двумя словами; то же иногда в живой речи: susiėdzio źali (Федер. II, 196 Шидловцы), дурныя мужиччо (Ром. V,

13 Могил.), сыновъё узяли (ib. 182 Рогач.), сыновъё моѐ любыя (ib. VI, 26 Черик.), булò у яго тры сыновъё (ib. VI, 470 Сенн.); самые формы собирательные со своим *-а* [*сно́пъя* носиць (Ром. V, 126 Клим.)] как бы указывают на множественное число, хотя здесь можно видеть и фонетическое явление (аканье).

б) Слова женского рода на согласный, после которого в древнерусском былъ *-ъ* = *-ĭ*, напр., *плоць* (плотва) (сл. Нос. 419), подобное же слово от корня *плет-*: по-за *плоцю* крапиушка пякливая (около забора) (Мат. Б. № 24 Новогр.), ризь (старьё) = риззё; такое же значение имеет и название народа *жомойть*: жомойть ѡтъ немцевъ ѡтступили (241 Сб. XVI в. Позн.).

в) Целый ряд слов женского рода с основой на *-а-/-ја* обыкновенно производных с разными суффиксами перед *-а*: α) *братьꙗ*: съ своею братьею (гр. 1264 г. Герд.), на братью (братьевъ) (148 Статут 1529 г.), тамося крестилъ и *братья* его (8 Вил.), со братіею (30 Увар.), прии̓де ѡлгердъ съ своѐю братьѐю (97 Лет. Авр. XV в.), братьею своею рицерствомъ (66 Статут 1588 г.), братьи недельное (неработающих братьев) (46 ib.), зъ братьею своею Богумиломъ а зъ Мицутою (19 Гродн. Акт. кн. XVI в.); в приведенных примерах, несомненно, имеем дело со словом собирательным, употребляющимся в единственном числе; но иногда уже можно заметить, как это слово становится и на место именительного множественного числа: *вси братия* Святославичь и вси кн҃зя смоленскии (41 Увар.), три братья (66 Гродн. Акт. кн. XVI в.); в современной белорусской речи *братья* в единственном числе, да и во множественном не употребляется: приводимое Носовичем (Сл. 33) *брацьця* (мы с тобою брацця), если это не произношение с аканьем слова *бра́цце* (там же 1 столбец: свойго брацця, с своим браццем), то заимствование из русской литературной речи; нельзя с ним также смешивать очень распространенного в Белоруссии *бра́ця*, равного звательному *брате*; β) *господа*: прислаша псковїцї к новгородцамъ. вамъ г҃дѣ своѐи кланѧѐмсѧ (92б Лет. Авр. XV в.), ѿ г҃дѣ (393б ib.), с жалобою г҃до бра҃є (418 ib.), г҃до воѐвоѫ (172б ib.), въ господѣ (13 Статут 1588 г.), допровадиѫ его до *господы* (18 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); из современной речи нам известны: господа́ (Мат. Б. № 9 Бых.), да гаспбды (ib. № 8 Игум.); вообще же это образование с успехом заменяется словом *паны́*; γ) *дѣтьва*: дѣтьвѹ (129 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); известно и живое белорусское *д'з'атва́*; δ) *жидова*: немилостивыѐ жидова (1, 2, 16, 45, 52, 88 Сб. XV в. Публ. б. № 391), ѿ сиѫ расплодїшаѧ жидова (5б Лет. Авр. XV в.), бохьмицѣ и варѧзи и *жидова* (46 ib.), жидова (33 Гр. Акт. кн. XVI в., 215б Катихиз. 1562 г.), мели жидова (56б Пс. XVI в.), жидова (90б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), а наѫ жидовою (293 ib.), дозволиѫ жидовѣ (293б ib.); это слово в полной мере известно и живому употреблению; ε) в переводе Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 под влиянием польского męszczyzna образовано собирательное (чисто книжное конечно) *муж-*

чизна: жаде̑ з му̑чизны (никто из мужчин) (14б); по аналогии с ним возникло там же *женчизна*: за же̑чизнѫ (79); ζ) *сторожа*: положи̑ сторожѫ (46 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262, ib. 80); слово это употребляется и в настоящее время в смысле стражи: сторожу поставиць к некрутам (Сл. Нос. 616, ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 23 Минск.); η) *холопьꙗ*: холопью (87 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); ϑ) *шурьꙗ*: своеи̑ шоурьи (47 Лет. Авр. XV в., ср. 5 Вил.) шюрьи (31 Увар.), на шу̑рю его Ловейковичовъ [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], шуря (-ья) не мають (ib.) (ед. ч); *холопья* и *шурья* в современных белорусских говорах не встречаются; ι) живая белорусская речь знает и много других слов, употребляемых в смысле собирательных, таковы, напр.: *блазно́та* (малолетние) (Сл. Нос. 27), *благота́* (ничего не стоющие люди); застаецца забаўница самай благаці̑ (Малев. 63 Слуцк.); *малыва* (маленькие рыбки): мальгвы наловив (Сл. Нос. 279); *митулыга́* (мотыльки) (ib. 285); *малеча́*: малечу гету водзиць усюдых с сабою (Сл. Нос. 278); *черва* поточыла (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 15 Игум., 17 Речицк., 18 Витебск., 29 Новогр. и т. д.).

Основной русский язык имел формы семи падежей: именительного, родительного, дательного, винительного, звательного, творительного и местного; все эти падежи перешли в старый западнорусский язык, имеются они и в современной живой белорусской речи: в ней даже звательная форма, совершенно утраченная русской литературной речью, живое явление, притом в древнем виде, со смягчением, например, задненебных в шипящие перед *е* основ на *-о-* мужского рода (бо́же! во́ўче! ду́ше!). Впрочем, стремление провести по всем падежам один и тот же согласный побуждает иногда употреблять окончание основ на *-й-*, перед которым смягчения не бывает [сы́нку (Шейн Б. П. № 438 Лепп.), с'ваты Ду́ху!]. Подробнее о звательном скажем в соответствующих местах склонений.

Под влиянием разных синтаксических условий (о которых подробная речь в следующем выпуске) еще, вероятно, в основном славянском языке положено было начало замене одних падежных форм другими (например, именительного мн. ч. у основ на *-а-* и *-ĭ-* ж. рода винительным мн. ч., винительного ед. ч. в некоторых случаях родительным); эта замена продолжала развиваться и в древнерусском языке, пока не пришла к тому состоянию, в каком находится в отношении смешения падежей современная русская литературная речь. В старинных западнорусских произведениях также наблюдаются случаи замены одних падежных форм другими; то же видим и в живой белорусской речи; но здесь, как и в украинском языке, развитие рассматриваемого явления пошло несколько по иному пути. Например, в русской литературной речи у названий предметов одушевленных мужского рода в единственном числе, а во множественном числе у слов мужского, женского и даже среднего рода формой родительного падежа выражается и винительный. В белорусском языке в единственном

числе такая замена повсеместна [полецаю дх҃а своего́ (13 Сб. XV в. Публ. б. № 391), ѳчинили те́лца (114 Псалт. XVII в.), ви́дзеў во́ўка (Мат. Б. №№ 9 Бых., 13 Свенц., 25 Новогр., 31 Вилейск.), зарезаў петуха́ (ib.), каня́ сядлаю (ib. 24 Новогр. и т. д.)]. Старинное употребление находим лишь в таких редких случаях, как: на боръздый *конь* (130 Сб. XVI в. Позн.), или в известной загадке про горшок на ухвате: сев на *конь* — и́ поехыв ў вогонь (Мат. Б. № 18 Витебск.), то па҃живи҃ зверъ (103 Псалт. XVI в.) (но то же и в польском оригинале у Врубля: ten pan żywi zwierz), или в совр. *йц'и́, брац'*, аддава́ц' [дава́ць (Зап. V, 21 Ошм.)] за́муж (= *за мжжь*).

Стремление заменять винительный падеж родительным перешло даже область названий одушевленных предметов, и мы нередко имеем родительный на месте винительного не только у неодушевленных, особенно у названий деревьев, грибов, но и у других слов. Приведем примеры: славяще ... кре́ста честнаго (81 Лет. Пер. Сузд. XV в.), плѣни *гр҃ѣ҃лма* (20б Лет. Авр. XV в.), снесе *велѣ́кого мостоу* (86 ib.), порази҃шемоу *египта* (132 Псалт. XVI в.), порубайте *дуба* (260 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), секуть дуба (Ром. I—II, 333,364, загадка), под зяленаго дуба (ib. III, 182 Рогач.), поехав ён под дуба (ib. VI, 301 Черик.), ўбачыў ду́ба (Малев. 13 Слуцк.), сцяў дуба (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 10 Мозыр., 17 Речицк., 31 Видейск.), на *вялѝкоднѧ* (Ром. IV, 191 Клим.), вазьми *рубля* залатога (Демб. 29. 529 Черик.), ма́е (ма́иць) рубля́ (Мат. Б., повсеместно, Малев. 13 Слуцк.), сци́брыў рубля́ (Мат. Б. № 8 Игум.), злама́ў рубля́ (жердку) (ib. № 21 Слуцк.), jena heło jemù uwałknuła *rublà* (Федер. I, 5 Дворец), знайшо́ў *гры́ба́* (Мат. Б., повсеместно, Малев. 13 Слуцк.), атбира́я чарво́нца (Мат. Б. № 8 Игум.), ви́дзеў *баравика́* (11 Новоалекс.), алеж вот даў *тумака́* (ib. 8 Игум.), даў *дра́ла*, даў *драпака* (дал драло, пошел плясать) (Дыб. 164 Посл. Новогр.), ўзяў *кія* (Малев. 13 Слуцк.), зьеў *пра́ника* (Мат. Б. № 7 Минск.), вазьми *замка́* (ib. 2 Сокол.), разби́ў *стакана́* (ib. 7 Минск.), padniała *andaraka* (Федер. I, 152 Шидловцы), pałażỳ *chwasta* (Федер. II, 20 Дворец), *pòjasa* niesła (ib. 82 Свислочь), забівае *духа* (Н. Ніва 1910 г. 67), вы́н'ɛ̀ га́таго *стала́* и т. п.[1].

Во множественном числе заметна тенденция в другую сторону: здесь только у названий лиц винительный заменяется (и то не всегда) родительным, у других же, хотя и названий одушевленных предметов, он сходен с именительным, или — что то же — соответствует древнему винительному; в женском роде названия лиц в винительном падеже одинаково употребляются и с окончанием родительного и винительного падежей. Впрочем, можно указать случаи, где и у названий животных на месте винительного множественного бывает родительный, и другие отступления. Подтвердим сказанное несколькими примерами — из старинных и современных произведений. Винительный у назва-

[1] Ср. подобное явление в польском языке: Małecki. Gramatyka języka polskiego. 1878, стр. 48 (§ 54) и украинском: Крымский. Украинская грамматика, т. II вып. 1, стр. 51.

ний лиц мужского и женского пола: тогда руси на *львовьцѣ* не помагати (24 строка гр. 1349 г.), чере҃ ѡ҃ц҃е (1 Сб. XV в. Публ. б. № 391), псы *люди* еда҃ш҃ (89 Крас.), и люди люди едали (89 ib.), зве҃р люди едали (ib.), личыть — *пророки*, *а҃пл҃ы*, *пастыры* (53 Катихиз. 1562 г.), попали҃ *грѣшникы* (107б Псалт. XVI в.), выбивши ѡ҃бы҃ватели (125 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 и т. д.); иныи *жены* и *дѣти* тыкаху на колье (12 Вил.), дѣ҃тн҃ в на҃ство взя҃л҃ (80б Крас.), призови *двиџе* (17 Четья 1489 г.), приведѫ҃ з нею до тебе *панѣ҃ки товариишки* ея (23б Псалт. XVII в.), *блѫ́дницы* прїймова҃л҃ (Ев. 1616 г. ѳ҃ї҃ и т. д.); прыбирай *сватоўя́* — *пановя*° (Малев. 90 Слуцк.), хвалю на́ши *жанџе́* (Мат. Б. № 18 Витебск.), хвалю́ *жанке́* (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 82 Новогр.), наши *жанке́* (Мат. Б. № 25 Новогр.), на́шы *жне́йки* (ib. № 29 Новогр.), хвали *жне́и* (ib. №№ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), напужа́йця дьзяўкіе́ (Малев. 13 Слуцк.), буду *дзяўке́* закидаць (ib. № 21 Слуцк.), ўлюбився король у любимыя *дочи* своѐ (Ром. III, 304 Бых.); названия лиц всегда имеют для винительного форму сходную с именительным, когда обозначается перемена состояния, в таких выражениях, как: браць ў *солда́ты*, ходзи́ць ў *го́сьци* (Шейн Б. П. № 43 Витебск.), u svàty, na patsúśeźi (Клих 268 Новогр.), вы́в'асц'и ў л'ў́д'з'и и т. д. У названий животных старинный винительный и образованный в подражание ему: по҃нesoу тобѣ҃ *волы козлы* (64 Псалт. XVI в.), поддалъ *п'тахи* (12 ib.), по҃ собою мае҃м *кони* бо҃здыя (Сб. XVII в. Син. № 790, РФВ XXIII, 282), *свиньи́* бити (84б Тайна Тайных XVI в.), по҃да҃ ѡ҃вѣци и҃ *волы* (12 Псалт. XVI в.), посла҃ песьи́ *моухи* (80б ib.), выпо҃стила земл҃а *жабы* (111б Псалт. XVII в.), помори҃ *ри́бы* (ib.), ѡ҃лѳ҃ча́ет' ѡ *вцы* (Ев. 1616 г. к҃) и т. д.; ко́ни (Бесс. Б. П. 9), ко́ни закла́даци (Зап. V, 262), *бобры*, черные *соболи* повесить (Шейн Мат. I, 1 Горецк.), пыра́ зыпрыга́ць (пара закладаци) *ко́ни* (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 8 Игум., 10 Мозыр., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., 29 Новогр., Малев. 13 Слуцк.), запрага́й *кони* (ib. № 11 Новоалекс.), па́сциць (пасци́) и па́свиць *ко́ни*, *валы́* (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 8 Игум., 10 Мозыр., 13 Свенц., 17 Речицк., 18 Витебск., 25 и 29 Новогр.) (волыэ), запрага́ць *валы́* (ib. № 7 Минск.), гани́ *волы́* дамо́ў (ib. 11 Новоалекс.), *wały* takije błahiēnkўe māje (Федер. I, 10 Шидловцы), даи́ць *каро́вы* (Мат. Б., повсеместно), даи́ *каро́вы* (11 Новоалекс.), пасіе́ця *каро́вы* (Малев. 13 Слуцк.), majè *karawy* padu̯òj (Федер. I, 87 Дворец), wyhaniaci *karawy* u̯ pole (ib. 346 Свислочь), *karawy* pryhnàu̯ (ib. II, 294), миня́я *быки́* на *индыки́* (Ляцк. Посл. 21 Борис.), карми́ць *саба́ки* (Мат. Б. № 5 Слуцк.), патруи́ць *саба́ки* (ib. №№ 8 Игум., 10 Мозыр., 17 Речицк., 18 Витебск.), zapuścili *sabaki* u̯ lies (Федер. I, 194 Свислочь), kii idziesiä *sabaki* bić (ib. II, 12 Рось), карми́ць *сви́ни* (Мат. Б. № 7 Минск.), сцяраже́ *сви́ння* (ib. № 8 Игум.), пагна́ў *сьвіньня*, *циля́ты*, *аве́чки*, *ко́зы* (ib. № 31 Вилейск.), ганіе́ця *аве́чки* (Малев. 13 Слуцк.), stau̯

kráśći *avéčki* (Клих 12 Новогр.), pazahaniàju *dǫce* (Федер. III, 124 Мстибов), miź hǫǫcä (ib. II, 17 Порозов.), z'änie *hǫǫca* ib. 1, 91), pa biełyja hǫǫca (ib. 107), pàświli *hǫdǫca* (ib. II, 106—107, Рось), na *waǫkì* brächàć (ib. 12), ja *kùry* naszlù (ib. 13), пастраля́ць *пту́шки* (Мат. Б. № 7 Минск.), заганя́я ў хлеў *парася́та* (ib. № 8 Игум.), асадзи́ць *пчо́лы* (ib.), надби разагна́ў двои *пчо́лы* (ib. 21 Слуцк.), ганя́я *бло́хи* (ib. 8 Игум.), ludzi *paǫki* bjúc za toje (Федер. I, 174 Свислочь). Изредка и у названий животных можно встретить родительный вместо винительного: справ8ючїй ѡленїи (29б Псалт. XVI в.), наклад8 на ѡлта^{р}тво' *телцо*^{ѳ} (34 Псалт. XVII в.), *ко́ний* (Шейн Б. П. № 165 Лепп.), на ко́ни вороны́х (ib. № 201), где, судя по *вороных*, следует думать, что и *кони* есть родительный — *ко́ний* (ко́ни: ко́ний = си́ни: си́ний). Винительный у названий неодушевленных выражен родительным: городовъ (13 Ев. Тяпин. 1580 г.), хлебовъ (хлебы) (51б ib.).

Местный единственного числа всегда употребляется с предлогом; своем образовании, как увидим со временем, он обыкновенно отражает старину, даже с удержанием перехода задненебных в свистящие: ў лу́зе (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 49 Диснен.), на по́куце (Шейн Б. П. № 20 Лепп.), ў кажу́се (ib. № 648 Лепп.), на дарóзе, ў одры́нце (Шейн Б. П. № 88), малоду́се и т. д. У основ на *-а-* местный падеж на славянской почве совпал с дательным. Эта склонность к совпадению указанных падежей отчасти замечается и у основ на *-о-*, причем она вызывалась несколькими обстоятельствами: у основ с задненебным перед окончанием стремление провести по всем падежам один и тот же согласный вызывало, как и в некоторых других славянских языках (Gebauer. Hist. Ml. III, 1, 24), употребление окончания на *-у-*, зашедшего сюда от основ на *-й-*: на ко́нику (Шейн Б. П. № 88), ў кажуху́, при б'а́рагу. Это окончание таким образом случайно совпало с формой дательного, но иногда оно может быть объясняемо и тем, что подобные формы зависят от предлогов, управляющих как дательным, так и местным падежами: на сивым ко́нику, по ко́нику, по воронéньким (Шейн Б. П. № 90 Лепп.); здесь лишь прилагательное, несомненно, указывает на форму местного; в нижеследующем случае предлог указывает только на местный: ab šwinùm kaz'ùszku (Федер. II, 100 Свислочь). Подробнее о подобных окончаниях после.

В заключение общих замечаний относительно склонений отметим, что во множественном числе у имен существительных в дательном, творительном и местном падежах всех основ возможны окончания: *-ам*, *-ам'и*, *-ах* (сталáм, рубл'áм'и, сватáх, гас'ц'áм, начáм'и, л'уд'з'áх и т. п.), заимствованные у основ на *-а-*; однако память о древних окончаниях, как увидим из дальнейшего, в белорусском довольно сильна. У имен прилагательных в сложном склонении, как и в местоимениях, изменяемых по родам, во множественном числе обыкновенно одна

общая форма для всех родов в каждом падеже, что за исключением именительно-винительного падежа наблюдалось уже в старославянском языке.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1. Основы на *-o-/-io-*

Сюда принадлежат: а) слова мужского рода, оканчивавшиеся в основном славянском языке в именительном на *-ъ* и после смягченных под влиянием йота согласных на *-ь* (из *jь*—*jъ*), а также на *-и*, бывшее, вероятно, неслоговым, как происшедшее из *jь*, стоявшего после гласных (= ст.-слав. и др.-русск. н); б) слова среднего рода на *-о* и *-е*.

В белорусском языке, как и в русском, твердое различие оказало свое влияние на мягкое в смысле сближения окончаний того и другого, чему немало содействовали и другие факторы, преимущественно фонетические.

Большое влияние на расстройство старинного склонения основ на *-o-/-io-* оказала аналогия соответствующих падежей слов мужского рода со старинными основами на *-ŭ-*, о чем у нас речь после.

Не без некоторой доли влияния остались и слова мужского рода с основами на *-ĭ-*, также перешедшие, как мы видели в современном белорусском языке, в мягкое различие основ на *-о-* (з'ац', з'а́ц'а, з'ац'и́, з'ац'о́ў и т. д.); при этом слова с губными звуками перед *ь* перешли даже в твердое различие, как: го́луп, го́луба, голубы́ (Шейн Б. II. № 17 Городок.); к *черв* (**чрьвь**), вместо которого обыкновенно употребляется производное *чарв'а́к*, мн. ч. *че́рвы* рядом с *че́рв'и*. Здесь же очутились и слова мужского рода с основами на *-тен-* (ка́м'ен', -а и т. д.).

Рассмотрим окончания отдельных падежей.

Единственное число

Именительный падеж в мужском роде уже в древнейших памятниках представлял в окончаниях лишь орфографические *ъ* и *ь*, которые в западнорусских произведениях, несомненно, никакого звука не обозначали (ср. Белорусы, II, 1, 161, 199), служа лишь для обозначения (и то не всегда) твердости и мягкости предшествующих им согласных, как это бывает и в современной русской орфографии; встречающееся в некоторых словах конечное *и* следует рассматривать как современное *й*. Примеры: кум (Шейн Б. П. № 6 Лепп.), Бог (ib. № 15), перший кур (Шейн Мат. I, 230 Минск.), сако́л (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), тво́раг (ib. № 6 Диснен.), аблó́к (облако) (ib. № 11 Новоалекс.), во́блак (ib. № 13 Свенц.), чобо̀ (59б Псалт. XVI в.), ботъ (46 Псалт. XVII в.), смо́къ (змей) (Ев. 1616 г. 2 ѕе), мени́нник (Сл. Нос. 283), zamò̀k (Федер. I, 129 Рось)

и т. д., прíатель (Ев. 1616 г. к҃в б), вýгаль (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 23 Минск.) (со вставочным неорганическим *о*: ст.-слав. **жглѣ**) и т. д.; на белорусской почве возникли такие образования, как: половец (половой) (Ром. III, 17 Гомельск.), баринь (ib. 344 Бых.), чац'в'áр (Дыб. 324 Посл.) (но в косвенных падежах с *г*: *чац'в'ärá* и т. д.); чисто орфографическую особенность усмотрим в таких написаниях, как: посадникь (181 Лет. Авр. XV в.) при *посадникъ* (ib. 184), сьéмь (ст.-слав. **сѣмь**) (88 Псалт. XVI в.), а̀ и҃редань вернꙋ̀лсѧ (126 ib.); примеры на *-й-*: Юрьи [гр. 1455 г. (Арх. С. VII, 3), 66 Гродн. Акт. кн. XVI в.], жибентяй [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)], Оксентеи (Бел. Арх. I 1606); жребеи (Скор. XVI в. Пр 4б), инеи (ib. I II), змеи (ib. Д 39), жеребей (23б Псалт. XVI в.), оўрóжай (Ев. 1616 г. 2 рнз б), абы́чáй (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс.).

К основам на *-о-* мужского рода принадлежит целый ряд ласкательных слов, больше собственных имен, с именительным на *-о-*: Мисайло [гр. 1398 г. (А. XI, 3)], Олехно [гр. 1492 г. (Арх. С. III, 1)], Олександро [гр. 1432 г. (СВ. 6)], Гридько [гр. 1406 г. (Арх. С. I, 1)], Першко (ib.), Михайло [гр. 1454 г. (Арх. С. II., 3)], Александро Ходкевичъ [гр. 1499 г. (ib. VI, 3)], дядко (12 Лет. Пер. Сузд. XV в.), *маршалко* пруский поиде (5 Вил.), *Алєксандро* зовемыи (49 Увар.), Спытко (46 ib.), Войдило (2 Вил., 74 Крас.), Ягайло (2 Вил.) и т. д.; марко (20б Лет. Авр. XV в.), престави ц҃рь михаило (43 ib.), сотко сытинѝ (54 ib.), двдко кн҃зь (77б ib.), посадникъ *кꙋ̀рило* ѧндрѣевѝ (181 ib.), степанко (221б ib.), личко рыболовъ (222 ib.), дядко (7 Статут 1588 г.), ꙗ *Францыско* Скорина меновал' есми (Ц 3б Скор. XVI в.), Васко и Сидор (Бел. Арх. I 1624), Юрко (ib.), Автушко (ib.), Дарашенко (ib.); Алекъсандро [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)], Грыдко [ib. (bis)], Гуръко (ib.), Гаврыло (ib.), Каръниło [ib. 1534 (XVII в.)], Ленько [ib. 1530 (XVII в.)], Мишко (ib.); Михайло (Бел. Арх. I 1562), Михалъко [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)], Мисайло [ib. 1533 (XVII в.)], Ѡлехно [ib. 1530 (XVII в.)], Ѡсташко (ib.), Пашко (ib.), Юръко [ib., 1533 (XVII в.)], Ѳедко [ib. 1530 (XVII в.)], дядко (= дядя) (ib.) и т. д. Название городов, причем подразумевается *мѣсто*: Клецко (Бел. Арх. I 1548), Городно (ib.) и т. д.; Daniło (Чечот 65), Петрó (Зап. V, 83), Пѐтро (Шейн Мат. 1, 56; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 10 Мозыр., 17 Речицк., 18 Витебск.), дружкó (Изв. 189), Iankò (Федер. I, 118 Рось), Рэ́бко (кличка собаки) (Малев. 186 Слуцк.), q̇wajszoq̇szy *bratkò* (Федер. II, 47 Дворец), его *глазó* причиняет суроцы (Мат. Б. № 18 Витебск.), ры́шко (Малев. 186 Слуцк.), сядьзиць *рышкó* пры дарози (ib. 34), цихи *салавейкó* ўля̊тая (ib. 96), хвалькó (хвастун) (Сл. Нос. 676), хваськó (ib.), Дани́ло (Мат. Б. №№ 9 Бых., 10 Мозыр., 15 Речицк., 18 Витебск.), ба́цюшко (ib. №№ 9 Бых., 10 Мозыр.), та́тко (ib. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум.), Ivánko, báćko, bratkó, zaiko, vóičeńko и т. д. (Клих 265 Новогр.). Приведенные образования на *-о*, возникшие под влиянием слов среднего рода, несомненно,

древнего происхождения, так как они известны не только древнейшим русским памятникам (Собол., Лекции, 4, 184—185), но и другим славянским языкам (ср., напр., Kalina. Hist. jęz. p., 29, Gebauer. Hist. M. III, 1, 24). Лишь в тех белорусских говорах, где развито сильное аканье, подобные слова меняют свое окончание на *-а* и склоняются по образцу основ на *-а*: Михаи́ла (Ром. V, 101 Чаусск.), Пётра (ib. IV, 40 Чаусск.; Мат. Б. № 14 Новоалекс.), Дани́ла (ib.), ба́цюшка (ib.), бра́тка (ib. № 23 Минск.). Очень может быть, что некоторые из приведенных образований, не представляющие названия лиц, народным сознанием чувствовались, как слова среднего рода, напр.: *волхово* шьло возводь (286б Лет. Авр. XV в.).

Несколько подходят к рассмотренным образованиям те случаи, когда в роли именительного выступают формы на *-е*: наре и́ма е̂моу — васили̋ѐ (31 Лет. Авр. XV в.), а̏ще *муже* ѡ̃ жены бладеть (374 ib.), *Сафрѡнїє* пишеть (14 Катихиз. 1562 г.), ре̂лъ *иѳе* (228 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), не боялся *Георгіе* предъ царемъ стояти (18б Богогл. XIX в. Вил. б. № 235), святый *Николае* на всякій часъ помогаетъ (19б ib.). Приведенные примеры из старинных произведений обыкновенно рассматриваются как формы звательного (ср. Собол., Лекции, 4, 192); но можно бы взглянуть на них и иначе: видеть в них мягкое различие к именительному на *-о* (Петро: Василиѐ = село: копиє), тем более, что приведенные формы и не совсем совпадают со старинным звательным мягкого различия, обыкновенно оканчивавшимся на *у* — *ю*. Очень может быть, что с некоторыми формами дело так и обстоит; однако есть и несомненные звательные в роли именительного, как: посадникъ *александре* фоминѝ (184 Лет. Авр. XV в.).

Современная живая белорусская речь звательных в роли именительных не знает; но зато в песенной речи, как в украинском и сербском языках, подобное употребление довольно обычно, напр.: сидзи́ць *Бо́же* (Шейн Б. П. № 147 Бобр.), ходзи́ў *Ра́ю* (ib. № 362 Лепп.), коли́ я ў це *негодзя́ю* (когда я у тебя негодяй) (ib. № 534 Борис.), *ула́ле* запла́каў (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 32 Новогр.), ишо́ў *пани́чу* (Бесс. Б. П. 11), *корабе́нчику* на стя́не прико́ваны (ib. 154) си́вый *ко́сю* (Гильтебр. CLXX), е́дзе *Ясю*, е́дзе (ib. CCXLVI Гродн.), Ой ты корова́ю, корова́ю! |Який же ты *воропа́ю* (слепец)! (Зап., V, 162); *Иваньку* попо́ў| По вадзи́цу пашо́ў (Шейн Б. П. № 102 Лепп.); А коли ты молодый *гусару* (т. е. еси), |Вывядзь мене з зеленаго гаю (Ром. I—II, 163 Сенн.); А мой *мужу блазне* |Хочець мяне бици (ib. 269), Ци ёсь *ходзяю* (ib. 454 Сенн.); Ци ёсь дома пан *господару* (ib. 453), Нехай *косю* мой нагарту́етца (ib. 397), *швакру* стоить (ib. 23 Рогач.), *Што Господзи* сошле (ib. 181 Гомельск.); купи, мужу, бялила-румяна, продав *мужу* кобылку, купив *мужу*... (ib. 388 Сенн.), На камяни ляжиць *вужу* (ib. V, 122 Гомельск.), Ходзиў *Раю* по вулицы (Шейн Мат. I, 302 Борис.), поехаў *сынку* (ib. 548 Горецк.), Скуль ўзяўся сивы *силизене* (ib. I, ч. II, 291 № 6); учини́ў *сынку* (Кар. 68 Трок.); идзе́ *каза́ча*, паіе́хаў му́ой *сы́нку*

(Малев. 14 Слуцк.), отлетае мой *сокóля* (Ром. I—II, 115), *кóця* пошов (ib. 170 Сенн.), ты хароша, як ружовы *цьвіéце* (Малев. 80 Слуцк.).

Слова среднего рода своими окончаниями в именительном единственного числа замечаний не вызывают; кое-где только безударные *-о/-е* подвергаются фонетическим изменениям. Таким образом мы имеем, например, в твердом различии: дзицятко (Шейн Б. П. № 16 Лепп.), рашатó (ib. № 755), рѐшато (Мат. Б. № 22 Минск.), багно (ib. № 11 Новоалекс.), вядрó (ib. № 31 Вилейск.), вопчаства (ib.) и т. д.; в мягком различии: стáрa͡ѣе (Ев. 1616 г. м̄д б), породзéння (Шейн Б. П. № 3 Лепп.), орéхоўя (ib. № 291), ржы́ща (Новогр.), ветьé (28б Ев. Тяпин. 1580 г.), голье (73б Псалт. XVII в.), дерe͡ѣ́ѐ дꙋбровноѐ (97б Псалт. XVI в.), зелье (6 Псалт. XVII в.), корe͡ѣ́є (83 Псалт. XVI в.), лозье (83б ib.), роубиё (99 Сб. XV в. Публ. б. № 391), оўголье жа͡ѣко (19 Псалт. XVI в.), черепьё (100б ib.), баярьё (Мат. Б. № 31 Вилейск.), baćʹvíńo (Клих 175 Новогр.), kaḿeńo (ib. 13), kačańi̯o (ib. 183), aharóźo (ib. 173). Об употреблении слов последнего рода, как собирательных, в значении множественного числа речь уже была.

Родительный падеж в мужском и среднем родах представляет унаследованное от старины окончание *-а* с предыдущим твердым или мягким согласным, например (привожу случаи более или менее замечательные по ударению или в других отношениях): жи́да (Ев. 1616 г. 2 па б), помочникà (ib. к̄в), *сꙋ́да* чáсъ (ib. н̄и), старшéнства (ib. п̄в б), баранà (Мат. Б. № 22 Минск.), ваўкá (ib., ср. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 13 Свенц., 26 Себеж., 31 Вилейск.), вóўка (ib. № 23 Минск.), грѝба (ib. № 22 Минск.), панá (ib. №№ 4 Могил. губ., 23 Минск.), пáна (ib. №№ 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 26 Себеж.), прýта (ib. №№ 8 Игум., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), прутá (ib. №№ 23 Минск., 31 Вилейск.), рáка (ib. №№ 9 Бых., 13 Свенц.), ракá (ib. №№ 11 Новоалекс. 23 Минск., 31 Вилейск.), сакалá (ib. 31), сóкола (ib. № 10 Мозыр.), хлевà (ib. № 22 Минск.); много *деревꙗ* (47б Сб. XV в. Публ. б. № 391); много *судьѧ* (102 Сб. XVI в. Позн.) к им. пад. *судьё*, а не к *судъно*, как полагает А. Брюкнер (Archiv, IX, 367); нагороженья (123 Статут 1588 г.), зыменя (30 ib.), корабля (II 46 Скор. XVI в.), ѡ̃ семея (семейства) (11 Псалт. XVII в.), збавúтела (Ев. 1616 г. н̄а б), лóвца (ib. 2 рз), до ѻ̃лтарѧ (ib. 2 рче), выпря́ (вепря), (Мат. Б. № 18 Витебск.), угля́ (ib. №№ 4 Могил. губ., 13 Свенц., 18 Витебск.), угаля́ (ib. №№ 3 Могил. губ., 14 Новоалекс.), у́гля (ib. № 15 Игум.); *бяз кóнца* в рифму *сóнца*; подпеччя (Шейн Б. П. № 36 Лепп.). Такое же окончание имеют и слова мужского рода с основами на *-ĭ-* и согласный *-n-*, перешедшие в это склонение, напр.: тьстѧ (74 Лет. Пер. Сузд., Лет. Крас. 78 и др.), тестя́ (Мат. Б. № 26 Себеж.), цисьця́ (ib. № 4 Могил. губ.), цéсця (ib. № 11 Новоалекс., ср. 9 Бых.), дꙋнѧ (Скор. XVI в.; ср. 69, 75 ib.; 25 Сб. XV в. Публ. б. № 391), камена (59 ib.,

139 Четья 1489 г., Б 52б Скор. XVI в.), поутѧ (119б Четья 1489 г., Скор. XVI в. II 46).

Кроме этого обычного окончания родительного падежа в старых западнорусских памятниках и в современной живой белорусской речи очень распространено и окончание на *-у* (с предыдущей твердостью или мягкостью согласного), зашедшее сюда под влиянием родительного основ на *-й-*. Это окончание принимают только слова мужского рода, притом обыкновенно названия неодушевленных предметов, хотя попадаются изредка и родительные на *-у* от названий животных. Слова на *й* предпочитают в родительном падеже *-у*; от других образований возможно *-а* и *-у*, причем последнее не обусловливается обозначением части предмета, как в литературной русской речи. Приведем примеры из старинных произведений: гр. 1349 г.: *миру* держати (22 строка), гр. 1432 (В. А. 4): часу; Четья 1489 г.: дарꙋ (14), до ее *часоу* оуспѣнія (40), вѣтрꙋ (64), ч҃тного *запаху* (111б), ѿ голоду (207б); Сб. XV в. Публ. б. № 391: *мироу* дла и *покою* (48б), с того *гробоу* (99б), без оусакого *грехоу* (3), смачнего *запахꙋ* (75б), плачоу (2б), дла того *дивоу* (22); Лит. Лет.: с того *пироу* (40 Увар.), не роушилъ — *скарбу* (30 ib.), Ягайло оурадовался великого князя *Витовтоу* пріездоу (30 ib.) (где, вероятно, описка под влиянием следующего слова, так как имена лиц обыкновенно не принимают этого окончания), ма҃ка дета свое зъела *з голодꙋ* (89б Крас.), ѿ поча҃кꙋ (64 ib.); Лет. Авр. XV в.: *родоу* своѣго (19), *мироу* не делъ (чит. *далъ*) (85), не торжькѡ (87б), полтора *годоу* (104б), того же *годоу* (169б), с мостоу (229), до четвергоу (286б); Сб. XVI в. Позн.: бою (138), ѡбычаю (104), товару (108), ѡмыслу (116), Статут 1588 г.: з двору (11), до столꙋ (8), *розделу* первого (94), давного *обычаю* (80); Гродн. Акт. кн. XVI в.: ячменю (28) (от слова, зашедшего сюда из основ на согласные); Бел. Арх. I: водле даты привилю гдрского (1577); Тайна Тайных XVI в.: зв'ерх'ꙋ (82б), послеѫкꙋ (остатка, конца) (60б), нѣ҃ *п'рокѫ* (16), великого дарꙋ (16б); Библ. Скор. XVI в.: окно *ковчегу* (Б 19), сошлого *веку* (ib. 31б), смерть *скоту* (И 1б) (но Ч 10б: до скота), о слове *суду* (И 2б), звукъ *грому* (Ср. 69б), ѿ великого плачю и воплю (Ю 12б), из' зубу (С 33), *страху* великого (Э 18б); Катихиз. 1562 г.: зъ гнѣву (20), з' Египту (3 предисл.), *гнѣву* не держати (76б), третѣго ѡрдꙋ (2б), *мирю* (чит. *миру*) а҆бо покоѧ не чинилъ (58); Катихиз. 1585 г.: не даѣ ѡвощꙋ (6б); Ев. Тяпин. 1580 г.: покою (16б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: землю *родꙋ* своѥго (32), ѿ початкꙋ (59), ѡвощꙋ (87), всего *трꙋдꙋ* (ib.), кор'мꙋ (Пс. 77. 18), до ѡбилу (ib. 25), дож'жꙋ (92), доч҃ꙋ (106), ѡгню (117), ѧчменю (32); Псалт. XVI в.: ѿ *сходꙋ* сл҃нца а҃ до захода (50), ѿ западоу (109), *народоу* люѧско (100б), *скотоу* не вме҃шивало (110), гнѣвꙋ (7б), гневꙋ (13б), старо҃ *законꙋ* (41), в'спинꙋ (42), не поѧносите *рогꙋ* а҆ни вздвигайте — рога вашего҆ (76), воды *потокꙋ* (32), ѿ крыкꙋ (54б), лоукꙋ (59), который никакого҆ *грехꙋ* не люби҃ (9), нетъ *страѧу* (36б), голо҃ *плачꙋ* моѥго (10б), с срѧцоу (38б), ѡвощꙋ (53), ѡлеѭ (9), взыщи *покоѭ* (34б); Сб. XVII в. Вил. № 107,

часъ (88), поленъ *гнѣвъ* и шдъ (64б); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: и᷑ бѣлого *шо᷑ку* (68), ъ *столу* моего (176), до лвиного *рову* (264б); Псалт. XVII в.: з гнѣву (16), гнѣву (21б, 39), з рову (13), ѡ᷑юръ (10б), приносу (14), гръ᷑ту (158б), з сиѡну (29б, 36), ѡ᷑коло *сто́лу* твоего (150), зъ снъ (149), ѡ᷑ *всходъ* сл᷑ца ажъ до *заходъ* (29б), ѡ᷑ за́ходъ (107), з'е всходъ (66), з голодъ (44), подле *адъ* (164), следъ (63б), вѣкъ своего (39), ъ *потоку* кис᷑ова (78), зве᷑хъ (30), не было *страхъ* (36), дла грѣхъ (44б), хлѣбо᷑ *плачу* (73), в падоле *плачу* (79б), зычи᷑ *покою* (4), до *поко́ю* твоего (128), ърожаю (30б), з пол᷑уною (66б); Ев. 1616 г.: долгъ᷑ (2ξ г.), з' сто́лъ᷑ (кѕ б), съ᷑дъ (рк᷑з б). Примеры из современной речи: то́ргу (Шейн Б. П. № 25 Лепп.), ку́ту (ib. 12), пяску́ (ib. 47 Орш.), оўсу́ (ib. 545), солдаты *перейду* не даюць (Сл. Нос. 402), го́лоду (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), жвы́ру (ib. № 7 Минск.), лёку (ib. № 4 Могил. губ.), аўсу́ (ib. №№ 5 Слуцк., 9 Бых., 13 Свенц., 15 Игум., 17 Речицк., 18 Витебск., 25 Новогр.), пяску́ (ib. повсеместно), про́тыру (ib. № 4 Могил. губ.), прыму́су (ib.), для пры́клику (ib.), сма́ку (ib), са сну (ib. № 6 Диснен.), зо́ сну (ib. № 13 Свенц.), храпту́ (ib.) (к *хрыбёт*), шро́ту (ib. № 4 Могил.), е́льнику (Малев. 14 Слуцк.), с пу́ду (с испугу) (ib.), с пя᷑рапало́ху (ib.), дубу (ib. 117), z padỳspadu (из-под-исподу) (Федер. I, 15 Лысков), płóta и płótu (Клих 266 Новогр.); кисялю́ (Шейн Б. П. № 5 Лепп.), Дуна́ю (ib. № 203), га́ю (Зап. V, 72), ра́йу (Дыб. 67 Посл.), дзёгцю (Мат. Б., повсеместно), огню́ (ib. № 11 Новоалекс.), дьзёхцю, карава́ю (Малев. 14 Слуцк.), гаю, краю (ib. 117); такое же окончание и от перешедшего сюда от согласных основ *ячмяню́* (Мат. Б. № 7 Минск.), *я᷑чмяню́* (Малев. 14 Слуцк.); один раз встретилось подобное окончание и в названии одушевленного предмета: што ж у его *кдню* за музы́ка (музыкант) быў (Изв. 122).

Конечно, полонизм в следующих случаях: сынове *Ноéго* (68 Катихиз. 1562 г.), *Ноéго* сын (ib.) (Noe — Noego).

Дательный падеж у слов мужского и среднего родов обыкновенно имеет старинное окончание *-у* (с предыдущей твердостью или мягкостью согласного): ко рову (Б 69б Скор. XVI в.), сѣръничъ (86 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), солодокъ *небцъ* моємъ (83 ib.), по по᷑бен'ствъ (52 ib.), к людъ (31 ib.), полъднъ (86б ib.) (чит. *полудню?* — новообразование), людъ (16 Псалт. XVI в.), в'до́вствъ (Ев. 1616 г. мг᷑), по́ морю (ib. 2 на), соу́дъ (ib. 2 ог б), грѝбу (Мат. Б. № 22 Минск.), малатў (ib. № 31 Вилейск.), выпрю́ (ib. № 18 Витебск.), г ба́цюшку (Малев. 35 Слуцк.), Бог суддзя мойму *ба́цюшку* (Шейн Б. П. № 199 Лепп.); отметим редкий случай — *соко́лю* (Шейн Б. П. д. № 58 Городок.) (вм. *сакалу́*); такое же окончание имеют и слова, перешедшие сюда из основ на *-ĭ-*: ко цьст'ю (82 Крас.), ко сцю (Шейн Мат. I, 63, 73 Горецк.), съ᷑тю (Ром. VI, 86 Бых.), це́сцю (Шейн Б. П. № 43 Витебск.); путю, дню (Скор. XVI в.) (Владим. 279); то же у основ на *-n-*: каменю (ib.).

Кроме этих правильных окончаний основы на *-о-/-ĭо-*, уже в древнейшую эпоху русского языка нередко заходили сюда окончания *-ови/-еви*, свойственные первоначально основам на *-ŭ-*. Древнейшие памятники западнорусского языка, не без поддержки, вероятно, соседних украинских говоров и польского языка, также знают это окончание, напр.: Грамоты: ок. 1330 г.: купцѣви, вѣсцви (тому, кто весит); 1388 г. (23): володиславу королеви; 1432 г. (СВ. 5): войтови; 1480 г. (С. VII, 6): непрыятелеви; Четья 1489 г.: моужеви (18, 23), змиеви (82), огневи (280); Сб. XV в. Публ. б. № 391: волкови (2); Лит. Лет. *шва*ꙗ*нове* к҃нжачи на новегоро^ц^це — мьстисла^в^ почнѣ вои'ну (68б Крас.) (конечное *е*, вероятно, на месте *ѣ*, зашедшего сюда из основ на *-ā-*, откуда украинская умягчительность конечного *і*?); Лет. Авр. XV в.: по доунаєвѣ (40б), коневѣ (67) (ѣ = и?); Сб. XVI в. Позн.: королеви (194), бичови (200), цэсарови (222); Сб. XVI в. Крас.: карлови (142); Гродн. Акт. кн. XVI в.: Петру *Доброгостови* (9); Бел. Арх. II: небожъчику петрашкеви [1538 (XVII в.)]; Скор. XVI в.: Данилови (Д 29), Олоферновi (Ю 3), цареви (П 26), лекареви (Ср. 49б), петухови (146б), подобна ко *инееви* (И 24б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: ѡленеви (83б); Псалт. XVI в.: гóлосови (9), а̑нтихр̑тви (52б), ба̀ванови (107б), помо̑никови (83б), добродеиство̀ и' цвичѣ^а^ и *розѹмови* навчи ма (120б) (рядом формы род. и дат. пад. в зависимости от одного и того же глагола); в ином роде следующий пример: роуки свои̑ бу̑мыєть бу̑ крови *грѣшникови* (57б ib.), где дательный принадлежности, хотя на *грѣшникови* также удобно смотреть и как на описку под влиянием предыдущего *крови*; Сб. XVII в. Вил. № 107: млоденцови (65); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: кѵ̀ вечорови (50б), седекѣеви (251) [от им. пад. *сѣдекий*, вин. *седекиꙗ* (ib.)]; Псалт. XVII в.: сиѡнови (34), к вечерови (44б), ку вечерови (92), лю́дови (57б, 65б), *народови* израильско^мѕ^ (69), дв̑дови (89б), болванови (114), і́аковови (20), і́акови (110б), моли^ц^ѧ *бг̑ови* (11, 103), *служебникови* своему (4), служ^б^никови (135), злосникови (31), мечови (90б) и т. д.; Ев. 1616 г.: *грѣхо́ви* слѵ̀жите (кз̑ б), за́конникови (2рм҃θ), на́родѡви (мг̑). Что касается живой белорусской речи, то, вообще говоря, она не знает *-ови/-еви*; однако на юго-западе, по соседству с польскими и украинскими говорами, это окончание небезызвестно. Нам лично удалось наблюдать подобные формы в Сокольском уезде [жабракéви, жарабцеви (Мат. Б. № 2)], Гродненском [Я'севи, конéви (Мат. Б. № 19)], Речицком [бáцькови (Отч. 27)]; то же находим у Малевича [бáцькави, казакóви, ковалеви (14 Слуцк.)]; подобные случаи попадаются и в сборниках Федеровского [skazàu̯ *haspadarewi* (I, 199 Суховоля), addàu̯ *dziàdźkawi* (II, 73 Свислочь), mieczam *kòkciawi* haławù adciàu̯ (ib. 89 Суховоля), bùsławi (к bùsiał) (ib. 214 Шидловцы), chłòpcawi (ib. 287 Свислочь), kałòm pa *żydawi* (III, 227 ib.)] и еще кое-где [кавалеви, столови (Мат. Б. № 13 Свенц.), хлопцэ́ви свавольнику (Ром. Мат. Гр. II, 99 Белост.)].

Довольно странные формы удалось нам наблюдать возле Гродна, это: дзякéй. мужыкéй, бáцькей (Мат. Б. №№ 12, 19), которые находят для себя параллели в говорах витовском и рогозенском чешкого языка, где на месте *-ovi* встречается *-oj*: dej žebrákoj chleba (ср. I. Hošek. O poměru jazyka písní národních k místnímu nářečí. Rozpravy Č. A. Ročnik VI, tř. III č.4, стр. 13). Подобное явление наблюдается в македонских говорах, где *-ovi* может переходить в *-oi* (ср. A. Mazon. Contes slaves de la Macédoine sud-occidental. Paris, 1923, стр. 31, 36). Ввиду того, что подобное окончание встречается лишь у названий лиц, которым в указанной местности свойственно и окончание *-еви*, притом даже в твердом различии (ср. *жабракеви*), мне кажется, что *-ей* и следует выводить из него: *-ęi* естественно изменилось в *-ęi*; на сохранение в изглашении дательного *i*, быть может, не без влияния были формы дательного литовского языка, как vilkui, raũkai и под., которые поблизости к рассматриваемой местности еще недавно можно было слышать.

Конечно, чешское заимствование будет в *цесари* (24 Сб. XVI в. Публ. б. № 391) (císaři).

Винительный падеж мужского и среднего родов обыкновенно совпадает с именительным, но есть и отступления от этого общего закона, вызванные разными обстоятельствами, основания которых восходят к глубокой старине. Так, с одной стороны, названия предметов одушевленных мужского рода для обозначения винительного падежа пользуются формой родительного, как мы об этом уже имели случай говорить раньше: полецаю *дха* своего (13 Сб. XV в. Публ. б. № 391), Воидила (3 Вил.), *князя* Кестоутию оковавши (33 Увар.), изымаша михаилоу *фефилатова* (180 Лет. Авр. XV в.), посла — *ивана* и протопопу и *протодьякона* (118 ib.), на кона (156 Сб. XVI в. Позн.), ѡто'мешъ *духа* (109б Псалт. XVI в.), ѕчинили *тѣлца* (114 Псалт. XVII в.) и т. д.; формой родительного заменяется винительный падеж и тогда, когда имеется в виду часть предмета или временное пользование им (genet. partitivus): славяще.... *креста* частнаго (81 Лет. Пер. Сузд. XV в.), плѣни їе̑рл *ма* (20б Лет. Авр.), положїша їе̑рлма ꙗко ѡвощноѣ хранилище (151 ib.); может быть, сюда подходит: снесе *велїкого мостоу* (86 ib.); *пива* варити (239 Гродн. Акт. кн. XVI в.), поразїшемоу *египта* (132 Псалт. XVI в.), ѡбраль собѣ гдѣ с иѡна (153 ib.); иногда родительный объясняется прежней зависимостью от достигательного: прїиде бъ видѣ *гра* (чит. *града*) и *столпа* (3б Лет. Авр. XV в.). Но есть и такие случаи употребления формы родительного вместо винительного, которые и не подходят под указанные положения, напр.: порубайте *дуба* (260 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158). Особенно это следует сказать про современную живую речь: секуть *дуба* (Ром. I—II, 333), вазьми *рубля залатога* (Демб. 29. 529 Черик.), padniała *andaraka* (Федер. I, 152 Шидловцы), na tabie *zuba* (ib. 307 Свислочь), pałaźý *chwasta* (ib. II, 20 Дворец), pòjasa niesłà (ib. 72),

výk'iń von hetaho źerkačá (Клих 266 Новогр.) и т. д., как мы имели уже случай говорить раньше (стр. 116). Но, с другой стороны, и названия предметов одушевленных по памяти о старине, а иногда и по другим причинам, например по влиянию синтаксических конструкций у соседей-поляков, употребляются и в старинной форме винительного: на Богъ (9 Вил.) на *Богъ* святого (гр. 1406 г. Л. 120), на боръздый конь (130 Позн.), сотрѣ и̑ ѩко *теле*ч̑ ливаскїй (29 Псалт. XVI в.), запродаѧ есть ѡсифъ *за невольникъ* (111 Псалт. XVII в.); на светый *Михаилъ* (285 Сб. XVI в. Позн., 80 Гродн. Акт. кн. XVI в.), как в польском (na święty Michał); ср. современное: гэ́та бу̑лó ны святбя *Пятро́* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.).

В роли винительного в современной песенной речи изредка находим формы звательного падежа (что иногда встречается и в старинных произведениях. Собол., Лекции, 4, 193), которые зашли сюда после того, как стало возможно употребление звательного в роли именительного, напр.: Господару, слаўный мужу надъ мужами! | Возьми жь ваше нову сошку, | Дай *конику* вороного молодо̀га (Зап. V, 372 Диснен.); Ходем, швакру, сястры полядим! Привязать *швакру* к коньскому хвосту; разорве *швакру* на чатыры куски; Конь домов бежить, швакру неживый лежить (Ром. I—II, 23 Рогач.); повидимому, звательный на месте винительного и в следующих случаях: нашлю я на вас *огню*, вода иде *огню* лить, огонь иде вяровки палить (ib. III, 14 Гомельск.), Jàszczaru panoczku | Addaj mo̯oj *wianoczku* (Федер. I, 107 Лидск.), прывизаў *шва́кру* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.). Иначе следует рассматривать такие случаи, как: видив того *соловейку*; ўзяли, понесли, засадили того *соловейку* (Ром. I—II, 109 Рогач.), твайго бацьку (Малев. 22 Слуцк.), ви́дзиў *сылавэ́йку* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.) и под., где, носомненно, форма винительного от основ на *-ā*, так как вследствие безударности конечного *-о* такие слова могли изменяться как *жена*, хотя и непоследовательно: в тех же произведениях, например, встречаем: соловейко гняздо вьет, к тому соловейку, дали тому соловейку... (Ром. I—II, 109 Рогач.) и под.

Коснемся еще некоторых отдельных случаев винительного. Названия городов, представляющие по образованию форму прилагательных, как и в именительном, в древних памятниках иногда оканчиваются на *-о*, напр.: у Полотеско (гр. ок. 1300 г.), ѿѣха в *полоцко* (Дубр. 493), смоленьско (43—43б Лет. Авр. XV в.), изгони *пьсково* и под. Во всех таких случаях можно подразумевать место (город) (ср. Белорусы II, 1, 163—164); несколько иначе объясняется *въ волхово* (48 Лет. Авр. XV в.), źbi̯ų mocno *u̇do* (Федер. III, 68 Суховоля) (ср. стр. 15). Быть может переменой основы следует объяснять *череў* вм. *черево*: čéreu̯ rasparó̯ų̆y (Клих 177 Новогр.).

Звательный падеж до сих пор живет в белорусском языке и имеет значительное распространение, хотя и именительный уже может употребляться в его роли; да и старинная форма звательного под влиянием тех или других причин (о чем речь ниже) иногда под-

вергается некоторым изменениям. В основном русском, как и в общеславянском, форма звательного у основ на *-о-* была известна только словам мужского рода и оканчивалась обыкновенно на *-е-*, представляя из себя обнаженную основу; в мягком различии этих основ (на *-ǫ̇о-*) старинный звательный рано был вытеснен окончанием *-ý* (с предыдущей мягкостью согласного), зашедшим сюда от основ на *-й-*. То же видим в старинных западнорусских произведениях и в современной живой белорусской речи, напр.: Четья 1489 г.: рабѣ (186б), виноградѣ красный (157); Сб. XV в. Публ. б. № 391: ѡ гавриле а҃рхангеле (3б) и т. д.; Лит. Лет.: *брате*, пошли (6 Вил.), рек чи, *брате* милы҃и (76б Крас., 83б ib.), рекꙋчи емꙋ *братъ* милы҃и (80б ib.), р҃ели та҃ *б'же* вышни҃и (78 ib.), не вѣрь томꙋ ѡ҃че (74б ib.); Статут 1588 г.: Боже (40, 122 и др.); Скор. XVI в.: и что сѧ возносиши человече (Ср. 9), Боже (Д 36б), Амане (Э 2б); Катихиз. 1562 г.: юродъ (75); Ев. Тяпин. 1580 г.: ерꙋсолиме (33), пане (28, 28б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: молод'че (92); Псалт. XVI в.: ҃Ги *помо҃чниче* мои҃ (21); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ѡ҃чс мой (16б), слухай на҃ *пане* (17), вы мойсею и҃ *аароне* (46б), самойле (142б); Псалт. XVII в.: ѡ҃ бж҃е (5, 14), и҃ ·р҃дане (126); Бел. Арх. II: рекли: пане [1533 (XVII в.) и др.]; жи́дзе (Шейн Б. П. № 80 Лепп.), *Ива́не* слаўный *па́не* (ib. № 21 Диснен.), по́пе (ib. № 561 Витебск.), человече (Дмитр. П. и Ск. Вильн. (161 Новогр., ср. Н. Ніва 1910 г. 375), чаго ты прышоў, *воўче* (Дм. П. и Ск. Гродн. 183 Новогр.), воўче (Дыб. 201 Посл.), хадзи, *Иваня* (Демб. I, 538 Чаусск.), гадзя (Ром. V, 176), пане (Шейн Мат. I, 137 Витебск.), ой Паўле (ib. 56 Слуцк.), во́рле (ib. 349 Игум.), хула табе, *Божа* (Мат. Б. № 27 Лепп.), воўче (ib. № 6 Диснен.), го́рбе (ib. № 10 Мозыр.) гры́бе (ib.), гороше (ib. №№ 5 Слуцк., 9 Бых., 30 Речицк.), ду́бе (ib. № 10 Мозыр.), лі҃эсе (ib.), обедзе (ib. № 23 Минск.), хлопче (ib. №№ 10 Мозыр., 29 Новогр.) и (хло́пча), хлубо҃пча (Малев. 14 Слуцк.); чалавіе҃ча, по́пя ня҃°бара́ча, каза́ча, бра́ця, дзя́ча (ib.); зьбирайся, *родзя*° ўвесь, как мні҃е (ib. 30); прыняси намъ, *паня*° (ib. 37); ой *шлюбя*° му҃ой, *шлюбя*° (ib. 62); ты, *Сямёня*° (ib. 73); ци ня° бачыў *паня*° — *браця* (ib. 75), kúḿe, suśeź́e (Клих 265 Новогр. и др.); у слов мягкого различия: ѡ҃ преневѣрный *злодею* (1б Сб. XV в. Публ. б. № 391), ѡ҃ милый *приѧтелоу* (ib. 2), где в твердости окончания, вероятно, лишь орфографическая неточность (ср. Белорусы, II, 1, 317); мужу (Скор. XVI в.) (Владим. 279), мои любимыи *приѧтелю* (ib. A), господарю (64б Катихиз. 1562 г.), *ꙋчителю* добр'ий (26б Ев. Тяпин. 1580 г.), аданаю (110б Библ. кн. XVI в. Вил №. 262), бж҃е *збавителю* н҃шъ (82б Псалт. XVI в. ср. еще 28, 62б ib.), *и҃рю* бж҃е (9 ib.), *и҃рꙋ* мои (138б), псат҃(р)ырꙋ (57 ib.), ты' са҃ худы' бе҃ны *ц'рю момю* (Сб. XVII в. Син. № 790, РФВ XXIII, 288), прошу *царꙋ* пане мой (165б Библ. кн. XVII в. Толст, № 158), ѡлтарꙋ (203б ib.), б'же *спасителю* н҃шъ (72 Псалт. XVII в.), ты чл҃овече *вожꙋ* мо' (38 ib.),

ѡ҃ *пастыр҃* израйски (72б ib.), ѡ҃ бога́ч҃ (Ев. 1616 г. 2рнз б), господару [Бел. Арх. II 1538 (XVII в.)] и т. д., ко́ню (Зап. V, 125), зба́вицелю (Шейн Б. П. № 15 Лепп.), мужу (ib. № 534 Борис.), господару (ib. № 428 Лепп.), господарю (Бесс. Б. П. № 1), ра́ю (Шейн Б. П. № 362 Лепп.), негодзя́ю (ib. № 534 Борис.), Юрью (Бесс. Б. П. 32), хмелю (ib. 131), поко́йу (Дыб. 631 Посл.), ня би, *мужу* (Кар. 68 Трок.), га́ю (Ром. I—II, 51 Гомельск.), господару (Шейн Мат. I, 137 Витебск.), ой коню (ib. 58 Слуцк.), ко́ню (Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 10 Мозыр., 15 Игум., 31 Вилейск., Малев. 14 Слуцк.), ко́ню ж му͡ой, ко́ню (ib. 41), краю (Мат. Б. № 10 Мозыр.), корова́ю (15 Игум.), га́ю (ib. №№ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), се́лезню (ib. №№ 3 Могил. губ., 5 Слуцк., 17 и 30 Речицк.), гаспада́ру, дабрадзі͡е́ю (Малев. 14 Слуцк.), ты, казачаᵃ, казачаᵃ — *гульта́ю* (ib. 49), сьвяты Микалаю (ib. 90), ой, мужу, мужу, няверниче́ньку (Розенф. 44 Минск.), kawàlu, kawalèńku (Федер. II, 174 Свислочь), kryžu, dúrńu Júriu (Клих 265 Новогр.); то же окончание имеют и новообразования на мягкий согласный, а также зашедшие в это склонение слова с основами на *-ĭ-*: пакажы, *Ця᷈трусю* (Малев. 55 Слуцк.), раńíču (Клих 265 Новогр.), пани́чу (Малев. 14 Слуцк.), вядзьме́дзю (Мат. Б. № 31 Вилейск.); есть даже случай, если он не представляет из себя опечатки, где вторично явилось *-у* на месте *-е*: *чалаві͡е́чу*, купи мне... (Малев. 151 Слуцк.). Это окончание *-у* мягкого различия пришлось очень по вкусу народной речи: оно зашло и в твердое различие, чему немало содействовала аналогия тех случаев, когда в мягком различии появились окончания звательного на *-ру* вследствие вторичного отвердения *р*, а также стремление языка провести не смягченный задненебный согласный по всем падежам слова, в том числе и в звательном падеже. Вследствие сказанного мы имеем: слуха᷈ же *люд҃* мо᷈ (30, 63б Псалт. XVI в.), бо́ру (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 9 Бых., 11 Новоалекс., 15 Игум., 17 и 30 Речицк., Малев. 14 Слуцк.), сва́ту (ib.), ду́бу (Мат. Б. № 15 Игум.), яво̀ру (ib. № 31 Вилейск.), ах ты, *деду*, ты мой, *деду* (ib. 33 Витебск.), źedu (Клих 265 Новогр.), *челѧдн҃ѥкъ* добры̀й (36 Ев. Тяпин. 1580 г.), вы́йди *духу* нечисты̀й (в параллельном ц.-слав. тексте: и́зыди душе нечисты̀й) (48б ib.), милостьник҃ мой (83б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ꙗзыку здра᷈ливы᷈ (34б Псалт. XVI в., *помочнику* мо᷈ (45 ib.); сы́нку (Шейн Б. П. № 438 Лепп.; Зап. V, 271; Кар. 64 Трок.; Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 9 Бых., 11 Новоалекс., 15 Игум., 17 и 30 Речицк., 23 Минск., 25 Новогр., Малев. 14 Слуцк.; Розенф. 63 Минск.), галубу͡о́чку (ib.), му͡ой *рамя᷈сыни́чку* | Выли надо́бак (ib. 23), а му͡бо́й жа ш ты *паничыцу* (ib. 34), А му͡бо́и чы̀рва̀н *рышку*, | Вазьми мя᷈не — сурави͡е́шку (ib)., бычо̀чку (Мат. Б. № 31 Вилейск.), дубо̀чку (ib.), дро́цику (ib.) горщо́чку (ib. № 10 Мозыр.), ко́нику (ib. № 31 Вилейск.), писа̀рку (ib.), прияцѐльку (ib.), хло̀пчику (ib.), щанюку (ib. № 10 Мозыр.), пано́чку (ib. № 15 Игум.), мядо́чку (ib. № 23 Минск.), садо́чку (ib.),

rakù (Федер. I, 175 Свислочь), čeła'éčku (Клих 265 Новогр.). Такое же окончание на *-у* в звательном могут принимать и слова на *-ко* и даже вообще на *-о*; кирилку (Шейн Мат. I, 205 Диснен.), стойце, па́не *дзя́цьку* (Мат. Б. № 21 Слуцк.), tátočku, źętku, śvekrátku (Клих 265 Новогр.), та́ту (Мат. Б. № 19 Волков.), хотя, как и у слов среднего рода, у них звательный может совпадать с именительным: *Ванько*, ходьзиш (Малев. 47 Слуцк.), ой ты ру́бдны му́ой *брацяйко* (ib. 93), братко (ib. 21), mọj bratkò (Федер. I, 118 Рось), что́ следует сказать и вообще относительно слов на *о*: ой Петро (Шейн Мат. I, 56 Слуцк.). Есть даже немало случаев, когда окончание *-ко* служит формой звательного и у слов на *-къ*: сынко (Шейн Б. П. № 99); бычо́чка, дубо́чка, пи́сарка (Мат. Б. № 31 Вилейск.); окончание *-о* иногда принимают в звательном и другие слова: ай *боро* мой, што ты *боро* не шумён (Шейн Мат. I, 231 Лепп.).

Еще отметим редкий случай звательного со смягчением *х* в *с* вместо *ш*: Ой *горосе*, *горосе*, | Сеяли цебе хорошо (Зап. V, 184), горосе (Мат. Б. №№ 15 Игум., 17 Речицк.).

В заключение припомним, что в живой речи и именительный может употребляться в роли звательного: iźí unúček, od brat (= вот брат!) и под. (Клих 266 Новогр.), багда́й (Сл. Нос. 11), богдай (Мат. Б. № 34 Рогач.), памагаи *Бог*; впрочем на последние случаи, как и на следующий пример: *Богъ* даи вамъ милости (гр. 1476 г. Л. 232), можно смотреть и иначе: в глаголе можно видеть 3-е лицо повелительного наклонения, а в таком случае *Богъ* будет подлежащее и, следовательно, именительный падеж. Вероятно, обнаруживает лишь непонимание вопроса ответ в двух местах белорусской программы: «зват. п. как именительный» (9 Бых.), «звательн. п. не употребляется» (13 Свенц.).

Творительный падеж в мужском и среднем родах правильно отражает основное русское **-ъмь** в своем окончании *-ом*, где *м* уже давно отвердело; в мягком различии *-ем* бывает лишь в слогах безударных, да и то не всегда: аналогия твердого различия поддерживает *о* после смягченных согласных и в мягком различии, обыкновенно под ударением, но иногда и без него. Конечно, в тех говорах, где вообще *о* безударное меняется, и в окончании творительного встречаем разных заместителей последнего (*а, ы*, звук неопределенный). В приводимых ниже примерах отмечаются формы — в старинных памятниках, в том или другом отношении отступающие от прарусских, а из современных произведений формы, вообще в каком-либо отношении замечательные. Примеры твердого различия: ꙗкгаиломъ (73б Крас.), з' малы^{м} *людо*^{м} (75б ib.), *з городо*^{м} смоле^{п}ски^{м} (82 ib.), реместомъ (89 Статут 1588 г.), паномь (ib. 59), дядкомъ (28 Гродн. Акт. кн. XVI в.), йс'подо^{м} (31б Тайна Тайных XVI в.), на^{л} данило^{м} (255 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), моли́тва з' *по́стомъ* (Ев. 1616 г. 2 сое);

ку́мом (Шейн Б. П. № 5 Лепп.), ку́стом (ib. № 39 Витебск.), сва́том (Кар. 26 Новогр.), гри́бом (Мат. Б. № 22 Минск.), молото́м (ib. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), абу́хо́м (ib. №№ 6 Диснен., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), пру́там и пруто́м (ib.), ро́вом (ib. № 32 Орш.), рѐшетом (ib. 22 Минск.), хлево́м (ib.) и т. д.; примеры мягкого различия: пере ѡ҃бличьи^{м} (35б Сб. XV в. Публ. б. № 391), но *с петьём* (68 ib.); пекаром (29 Увар.), пекарцом (2 Вил.), Скиргаилем (29 Увар.) (полонизм), зникне̑емъ (30 Статут 1588 г.), государемъ на немъ быти (3 ib.), бесто^{и} *лицо*^{м} (10 Тайна Тайных XVI в.), ср^{ц}цомъ (64 ib.) рядом со *вси*^{м} *ср^{ц}цемъ* (16б); ѿцѣмъ (52б Катихиз. 1562 г.), побо́женнемъ (4б Катихиз. 1585 г.), росказаннемь (ib.), отцомъ (13б Ев. Тяпин. 1580 г.), лицомъ (14б ib.), со тщаниѡ^{м} (115 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) (ц.-слав. особенность), анание^{м} (от им. *ананий?*), азарие^{м} (255 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), жи́тїемъ (Ев. 1616 г. 20); так же оканчиваются и слова, перешедшие сюда из основ на -ı-: ветхемъ (47 Лет. Пер. Сузд. XV в.); из современных говоров: виробём (Шейн Б. П. № 60 Витебск.), дождём (ib. 128 Лепп.), каме́нням (ib. № 318), соўнцем (ib. 128), коло́сьям (ib. 211), сча́сцим (ib. № 619); Юрьим (Ром. IV, 20 Орш.), но *з Юрью* (ib. 11 Горецк.), очевидно, к именительному *Юрья*; ку́милим и ку́миллю (кувырком) (Мат. Б. № 18 Витебск.), кан'бм, ща́сц'а́м и т. д. В Лет. Авр. XV в. встретилось несколько случаев, когда при именах и фамилиях, или именах и отчествах, или обозначении звания и именах предыдущее слово остается в именительном, а последующее ставится в творительном: кн̑змь *михаи́ло* черторискымъ (255б), съ кн̑зь михаи́ломъ (76), кн̑змь *дмитрiє* романовїцо^{м} (73). Во всех таких случаях неизменяемое слово следует рассматривать как первую часть сложного слова, которая вследствие тесного слития с последующей частью, утратив свою грамматическую самостоятельность, перестала склоняться. Несколько напоминает в синтаксическом отношении приведенные примеры следующий: перед святым *Пятро* (Шейн Мат. I, 78 Речицк.) (если только здесь не описка), об святым *Пятро́* (Мат. Б. № 18 Витебск.).

Местный падеж рядом с отражением старинных образований на -ѣ в твердом различии и -н в мягком, которые на белорусской почве в зависимости от акцентных причин, а также от влияния согласных, предшествующих им, могут подвергаться разным изменениям,— представляет и некоторые новообразования. К последним относится -*у* (с предыдущей твердостью или мягкостью согласного), зашедшее сюда от основ на -*й*-, чему немало содействовали разные причины, как: стремление уклониться от обычного смягчения задненебных перед -*е* из -ѣ, влияние падежа дательного, который в белорусских говорах иногда заменяет местный, особенно после предлогов, сочиняющихся в белорусском с местным вместо обычного дательного; сюда же принадлежит и влияние польского языка. Итак, прежде всего в местном бывает -*е* из -ѣ; последнее в случае безударности его заменяется

посредством *и*, на чтó, несомненно, оказало влияние также *и* мягкого различия, вследствие чего иногда *и* имеем и под ударением: в реце *їо́рдане* (30б Сб. XV в. Публ. б. № 391), в *оце* мъгненіи (49 ib.), у Полотьсце (Дог. 1405 г.), въ киеве (гр. 1432 г. СВ. 2); статутѣ, панстве, князстве (1 Статут 1588 г.), на со'мѣ (8 ib.), при записѣ (95 ib.), о҃в҃козорозе (70б Тайна Тайных XVI в.), во мраце (Скор. XVI в. И 36б), в'берлозе (1 26б ib.), о пососе (и 39б ib.), в лесе (Пр 19б ib.), в' бозе (8 Псалт. XVI в.), во свит҃це (41б ib.) (к *свитокъ*), в го҃у б҃зе (54б ib.), во колесе (78 ib.), в коше (84 ib.), во ла́кове (64 Псалт. XVII в.), в'постѣ (Ев. 1616. лг҃), на́ свѣтѣ (ib. рм҃в) и т. д.; (пры, на, ў...); ку́ме, дваре́, сталé (Шейн Б. П. № 11 Лепп.), на по́куце (ib. № 20), вересе (вереск, erica vulgaris) (Зап. V, 114), ў лу́зе (Дмитр. П. и Ск. Диснен.), ў Боз'ä (Дыб. 663 Посл.), jазы́ца (ib. 652 Посл.), на кажу́се (Зап. I, 352), в горо́се (ib. и 276), до Духа не здзева́й кожу́ха, а *по Ду́се* в том же *кожу́се* (Зап. I, 296), на не́бе (Шейн Б. П. № 15 Лепп.), ў гнездзо́ (ib. 21), ў рашаце́ (№ 132 ib.), ў ре́шаце (ib. № 256 Витебск., Зап. V, 90), ў бало́ц'ä (Дыб. 134 Посл.), ў ле́се (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 15 Игум., 25 Новогр.), у са́дзе (ib. № 8 Игум.), на сто́зе, при бе́разе (ib.), на ду́бе, пако́се (ib.), в хлевѐ (ib. № 22 Минск.), ў сталié, ярмié, гумнié, хвартусié (Малев. 14 Слуцк.), на сваём дварыэ (ib. 49), na kućé, ml'iné, ра łbé, na śvéće, u łúże, vérśe, na padóle (Клих 266 Новогр.); переходу *с* в *і* в местном могло предшествовать сужение *е*, что отмечает Клих (266 — *е* zwężone): na snápé, dvaré; такой же звук, вероятно, в следующих случаях: ў хлеви́ (Шейн Б. П. № 158 Диснен.), на двори́ (ib. № 578 Лепп.); обычно *и* в словах безударных твердого различия: въ городи (122б Лет. Авр. XV в.), тѣли (279 СБ XVI в. Кунц.), свѣти (64б Сб. XVII в. Вил. № 107); ў го́ро́дзи (Шейн Б. П. № 82 Лепп.; Ром. I — II, 17 Белиц.; Мат. Б. № 7 Минск.; Малев. 14 Слуцк.), ў ле́си [Шейн Б. П. № 257 Велиж. Сураж); Ром. I—II, 3; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 14 Новоалекс., 23 Минск.; Малев. 14 Слуцк.], ў во́зи (Шейн Б. П. № 333 Лепп.), ў лу́зи (Зап. V, 267), на З'ми́тры (Дыб. 167 Посл.), на по́куци (Кар. 21 Новогр.), на тому свеци (Ром. IV, 44 Чаусск.), на сьвié́ци (Малев. 21 Слуцк.) ў са́дзи (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), у вишнёвум са́дьзи (Малев. 41 Слуцк.), наро́дьзи, гаро́си (ib. 14), у кажу́си (ib. 58), ой, у лузи, сухалози (ib. 43), ў цве́ци, ў во́зири (Мат. Б. № 18 Витебск.), ў хле́ви (ib. № 32 Орш.), na paráry, и subóry (Клих 266 Новогр.). Так как в мягком различии в белорусском всегда *и*, а твердое с *р* перед окончанием ничем не отличается от мягкого с отвердевшим *р*, то нередки случаи появления *ы* из *и* и в твердом различии после *р* даже под ударением: ра barý, na žagý (Клих 266 Новогр.). В мягком различии обыкновенно удерживается старинное *и*: на господари [гр. 1499 г. (Арх. С. VI, 2], на князи [ib., а также гр. 1445 г. (ib. VII, 2)], розмирьи (гр. 1264 г.),

оу берестьи (гр. 1432 г. Св. 2.), во ѡдноѫ месци (к *местьце*) (65 Крас.), ѠѠ кнѧзѣ *юрьй* (76 Лет. Авр. XV в.), на моры (135 Сб. XVI в. Позн.), ѡ короли Артиѳшы (91 ib.), на столцы (124 ib.), о гдри (5, 162 Статут 1588 г.) при отцы (4 Гродн. Акт. кн. XVI в.), на котороѫ слнци (79 Тайна Тайных XVI в.), ѳ съшестви (132б Катихиз. 1562 г.), на серѫци своѥ (83б), на месцы (на месте) (34 Ев. Тяпин. 1580 г.), въ тимѣни (55 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) (в ц.-слав. переводе *оуглѣ — бо́хъ вътимѣнїи* — в болоте, пс. 68,3), ѡ̃ ѻкоупители (35 Псалт. XVI в.), серцы (43 Сб. XVI в. Кунц.), плачи (36б Сб. XVII в. Вил. № 107), ѡ цари (22 Псалт. XVII в.), на мори (63б), на поли (68), в серци (2б) и т. д.; кони́ (Шейн Б. П. № 29 Городок., Дыб. 462 Посл.), Дуна́и (Бесс. Б. П. № 178), ў поли (Шейн Б. П. № 66 Витебск., 156 Лепп.; Бесс. Б. П. № 13; Дыб. 451 Посл.; Мат. Б. № 16 Бых.), у кало́дзежы (ib. № 7 Минск.), на мори (Шейн Б. П. № 260 Лепп.), на синюм моры (Малев. 36 Слуцк.), на ко́лли (Шейн Б. П. № 320 Лепп.), ў чепцы́ (ib. № 256 Витебск.), na kańí, pńi, и vúlji, na žegarcý, и kažý, na pálcy (Клих 266 Новогр.); то же и у слов с основами на *-ĭ-*, перешедших в это склонение: u łárci, ra pó-łudńi (Клих 266 Новогр.). Вероятно, в местностях, соседних с южнорусскими областями, иногда находим в местном *а* (с предыдущей мягкостью согласного), как замену *е* из *ѣ*, притом даже иногда в мягком различии: на по́водя (Бесс. Б. П. № 92), у пру́дя (ib. № 181), на бе́разя (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), ў чи́стым *по́ля* дре́во стои́ць (Шейн Б. П. № 154 Невел.) [ср. ѳ ѻнатѣ (178б Катихиз. 1562 г.) с *ѣ* в мягком различии].

На окончание *-у/-ю* можно указать массу примеров из старинных произведений и современной речи; приведем несколько. Грамоты — 1383 г. (17): оу полотскоу; 1395 г. (А. XIII, 4): во мстиславлю; 1399 г.: у Полоцьку; 1404 г: у Полочьку; 1465 г.: у Полоцку; 1432 г. (СВ. 2): въ новѣгородку оу мѣнскоу, оу смоленскоу, в луцку; Четья 1489 г.: оу родѳ жидо скомъ (18), о голоду (207б); Сб. XV в. Публ. б. № 391: по заходѳ (85); Лит. Лет.: в Полоцькоу (Супр. 4б), на смоленьскоу (54 Увар.), въ смоленскѫ (10 Вил.), у витебску (8 ib.), оу витебскъ [77(8)б Крас.], в торжкѳ (85 ib.), по выехаю (71б ib.); Лет. Авр. XV в.: в торжькоу (122б), в полѳчкѳ (47б), положиша его въ *храмоу* (56), въ смоленьскоу (61б), ѡ мірѣ (156); Сб. XVI в. Позн.: ѡ пану Трыщану (102) (рядом с *Трыщане*), на берегу (173), въ войску (137) (рядом с ѳ *войще* Archiv, IX, 366), ѡ познанью (98), въ краю (Archiv, IX, 366); Статут 1588 г.: ѳ суду (183), въ местцѫ (7), о внуку (201); Гродн. Акт. кн. XVI в.: о коню (28); Тайна Тайных XVI в.: в рыбе або в *ракѳ* (70б); Библ. Скор. XVI в.: на рогу (Д 23б), о богу (Пр 2б), в песку (И 7), на боку (Н 26б), въ мешкѳ (1 20), о духу стом (Пр 2б), о *приѧтелю* льстивомъ (П 39б), о плачу (В 65), в суду (Пр 12б); Катихиз. 1562 г.: ѳ дху (153б), въ дху стомъ ѳтешителю (2 предисл., 5б ib.), на Несвижу (2 ib.), въ стомъ житью (1б предисл. 14) (ѳ житию), ѳ Кирю (56б),

ѡ призываньѭ (36), въ Авелу (221); Ев. Тяпин. 1580 г.: при морѣ (5), на пескѣ (9б), на торгу (14б), в меху (ib.); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: въ тимпанѣ (82б), во всем трѣдѣ (87б); Бел. Арх. I: на старом дорожыщу; Псалт. XVI в.: в родѣ (16), оу храмѣ (131), в грехѣ (32), оув оболокоу (97б), на крыжѣ (21б), на ложѣ (42б), в ср҃цѣ своем (13б), в сл҃нцѣ (21), на местцѣ сто҃м (25), во впокоѭ (9), оув олею (94), оу҃ морю (78), ѡ̑ найгрева҆ѭ (35), оу҃в оавле҆ю (41), в҆ прии҆тїю (12), оу зобра҆ю (84б); Сб. XVII в. Вил. № 107: на коню (104); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: были в кораблю (3); Псалт. XVII в.: во израилю (64); в те҃рну (130), на само҃м *бг҃у* (47б), в҆ ѡболоку (65), ѣ выроку твое҃м (144), в скѣрдно҃м *мѣхѣ* (65), на *ложѣ* свое҃м (4б), в се҃рцѣ мое҃м (14б), на каждо҃м *мѣстцѣ* (107б), ѣроскошаса҃ в велико҃м *покою* (7), в҆ ѵ҆асно҃м ѡгню (65), на полю (52б), в *милосе҃рдию* бж҃емъ и т. д. Такое же окончание часто имеют и слова с другими основами, зашедшие в это склонение: ѡ҃и҃меню мое҃м (90б Псалт. XVI в.), ѡ̑ именю (22 ib.), ѡ̑ сѣ҃но҃м дн҃ю (12 ib.), в҆ г҃дѣ (13б Псалт. XVII в.) и др. Примеры из живой речи: на ко́нику (Шейн Б. II. № 88), ў че́рным шо́ўку (ib. № 285 Лепп.), ў борку́ (ib. № 350), на коню́ (Бесс. Б. П. № 103), на Дуна́ю (ib. № 178); ў по́лю (ib. № 114) (Пинщизна), хотя тут же: *ў поли* (№ 114, 20; ср. Шейн Б. II. № 307); ў чи́стом *по́лю* (Зап. V, 166) — в рифму с *долю*; ў агню згарела (Кар. 66 Трок.), на берегу́ (и *в берези*) (Мат. Б. № 32 Орш.), у бару́ (ib. №№ 8 Игум., 18 Витебск., 31 Вилейск.), у бярэ̀зьнику (ib.), у даху̀ (ib.), у дубу̀ (ib.), ў дыму̀ (ib. № 32 Орш.), виси́ць на калку́ (ib. № 8 Игум.), ў кутý, ў кутку́ (ib. № 14 Новоалекс.), на лайаку́ (ib. № 8 Игум.), ў лясу́ (ib. № 18 Витебск.), ў мяшку́ (ib. № 14 Новоалекс.), у млыну̀ (и *у млынѐ*) (ib. № 31 Вилейск.), ў маху́ (ib. № 32 Орш.), ў аряху́ (ib.), у алѐшнику (ib. № 31 Вилейск.), у праслу (ib.), у па̀льцу (ib.), у вучи́лищу (ib.), у хляву̀ (ib.), ў хляву и ў хле́ви (ib. № 32 Орш.), ў баку́, нацёмку, пуху́, пяску́, вишняку́, садубчку (Малев. 14 Слуцк.), помыйся в *руччю* (Сл. Нос. 569), на зя҃лёнум *са́ду* (Малев. 51 Слуцк., ср. 66 ib.), на дьзятлику, вубрлику (ib. 48), ў кустубчку, ў дамубчку (ib. 91), на *галлю́* висяць (ib. 33) ab świnùm *kaźùsku* (Федер. II, 100 Свислочь), ра śvétu, и hódu, ргу čełavéku, и vérxu (Клих 267 Новогр.); то же окончание бывает и у слов, зашедших сюда из других основ: на лебядьзю (Малев. 48 Слуцк.), у дьзёхцю (ib. 14).

Когда формы дательного и местного на *-у* совпали, явилась возможность в редких случаях в роли местного употреблять и форму на *-ови*: na bùsławi (Федер. I, 33 Суховоля).

Множественное число

Именительный падеж, оканчивавшийся у слов мужского рода в твердом и мягком различиях в основном славянском на *-и* (из *ọ̀i* и *ję̀i*), в таком виде перешел и в основной русский язык; однако

очень рано в древнерусском языке замечается смешение форм именительного и винительного с преобладанием последних, почти вытеснивших формы именительного к началу выделения особенностей старого западнорусского языка (ср. Собол., Лекции[4], 193—196). Естественно, вследствие этого, что старинные именительные на *-и* в западнорусских произведениях в твердом различии встречаются очень редко и должны быть объясняемы как след влияния церковнославянского языка; подобные формы в мягком различии можно рассматривать и как остаток старины и — с большим основанием — как новообразование на месте древнерусского *-ѣ*, зашедшего в именительный из винительного: *и* в таких случаях можно рассматривать как явившееся вторично по аналогии *ы* твердого различия. Приведем несколько примеров на *и* твердого различия: прелати (97 Статут 1588 г.), дари (46б Катихиз. 1562) (если здесь *и* не на месте *ы* после *р*), *чародéйници* и *чародейницѣ* (19 ib.), пси (44 Псалт. XVII в.), *кедри* лива̋ские (3 ib.), *злосͨници* погинȣ; мягкого различия: ѡдщепенци (85 Сб. XV в. Публ. б. № 391), короли (185 Сб. XVI в. Позн.), торъговцы (147 ib.), князи (26 Статут 1588 г.), чѫжоземьцы (1 ib.), ѡ̄ц̄ы (65 Псалт. XVI в.), ѡ̃ци мои (12б Псалт. XVII в.), прелати, каноницы (Бел. Арх. I 1593), их суседи (ib. 1577) и т. д.; сюда не подходят именительные твердого различия на *-и* у слов на *-инъ* вм. *-е*, так как *-и* могло явиться здесь фонетическим путем, напр.: несторыни (89б Сб. XV в. Публ. б. № 391), боꙗри (87б Лет. Авр. XV в.), римляни (12б Тайна Тайных XVI в.) и т. д. Остаток глубокой старины представляют, как и в русском языке, окончания причастия прошедшего на *-ли* (*пришли* и под.), одинаково сохранившиеся в старинных произведениях и живой речи, а также некоторые отдельные слова, именно: *чéрци* (Зап. I, 301; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 и 12 Слуцк., 6 Диснен., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 17 Речицк., 18 Витебск., 25 Новогр., Малев. 14 Слуцк.), čérći (Клих 267 Новогр.) рядом, однако, с *чарты́* (Мат. Б. №№ 11 и 14 Новоалекс., 18 Витебск.), czartý (Федер. II, 247 Рось); служаць чарты̀ (Сержп. Прымхі 13); *сусéдзи* (Мат. Б. №№ 5 и 12 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск., 25 Новогр.), сусі͡éдьзи (Малев. 14 Слуцк.), suśézi, patsúśezi (Клих 267 Новогр.) рядом, однако, с *суседы* (Мат. Б. №№ 14 Новоалекс., 18 Витебск.); *гóни* (известная полевая мера длины: укр. *гони*, польск. gon и gono, чешск. hon. мн. ч. hony и hona) (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 17 Речицк., 25 Новогр., Малев. 14 Слуцк.) рядом, однако, с *гоны* (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 12 Слуцк.); несомненно на старинное *и*, перед которым даже происходило смягчение задненебного, указывает редкий случай *уроды — сурощы* (сглаз): етыя сурёцы (наговоры) (Ром. V, 21 Черик.), каб его уроцы ни брали (Шейн Мат. I, 35 № 48; ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ.,

9 и 16 Бых., 14 Новоалекс.), сбро́цы (ib. № 34 Рогач.). Однако происхождение окончания *-цы* в народном сознании совершенно забыто, и оно уже не ставится в связь с *-к* именительного единственного [урёк, сурок (Даль)], вследствие чего может заходить и в другие падежи, где для него не должно бы быть места [его глазо причиняет сурбцы (Мат. Б. № 18 Витебск.), суроцым (ib. 9 Бых.)] и даже другие образования [захвареў с урбцыи (Мат. Б. № 14 Новоалекс.)]; в этом случае мы имеем совершенно аналогический пример уже в XVI в. в библии Скорины, где (И. 23) в роли винительного множественного выступает *сапози*. А быть может все перечисленные слова, изменяющиеся в белорусском языке совершенно сходно с *люди* (л'у́д'з'и), как и русское *черти* и *соседи*, и перешли во множественном числе в основы на *-ĭ-*? Параллели их на *-ы* изменяются во множественном правильно по образцу основ на *-о-* (чартбў, сусе́даў, uniuscuiusque vicini и т. д.).

Самым обычным окончанием именительного множественного у слов мужского рода в твердом различии является форма винительного на *-ы*, после задненебных рано заменившегося посредством *-и*: соуседы (88б Сб. XV в. Публ. б. № 391), коморникы (7 Вил.), тыи браты (44 Увар.), бстровы (3 Лет. Авр. XV в.) и др.; словаки (180 Сб. XVI в. Позн.), потопы (96 Сб. XVI в. Крас.), боришникій (387 Статут 1529 г.), островы (Скор. XVI в. Э 17б), пруты (и 70б ib.), ровы (15б ib.), четыре возы (Ч 18б ib.), облаки (1 28б ib.) (к им. над. *облак*), боки (Ср 49 ib.), духи (дуси) (49 Ев. Тяпин. 1580 г.), сѣсѣды (33б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ѡболоки каплють (94 ib.). ѡстровы многиѣ (97б Псалт. XVI в.), грехы (32 ib.), голо́дали и *болоки* (78 ib.), ро́ги (чит. *роги*) (69 ib.), волосы (10 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ѡболоки (100 Псалт. XVII в.), на́рсды (Ев. 1616 г. 2н), пбстъпки (ib. 2ркд), два тала́нты (ib. 2чв б) и т. д.; в современной речи окончание *-ы* самое обычное: лапаны́ (Сл. Нос. 265), гвалточки мое (ib. 111), го́роды (Зап. I, 393), кумы́ (Шейн Б. П. № 13 Лепп.), поясы́ (ib. 14), сваты́ (ib. № 414 Борис.), бацькі́ (Том. IV, 187 Черик.), роги́ (ib. III, 191 Бых.), ў лу́ги (Розенф. 12 Вилейск.); в ответах на белорусские программы: бараны́ (№ 22 Минск.), браты́ (повсеместно), волосы́ (№ 22 Минск.), грыбы́ (№ 28 Себеж.), гылосы́ (№ 18 Витебск.), гарады́ (повсеместно), дзяды́ (тоже), кумы́ (№№ 8 Игум., 11 Новоалекс.), лясы́ (№№ 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц. 31 Вилейск.), малаты́ (№ 31 ib.), абразы́ (№№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), паны́ (повсеместно), сваты́ (тоже), соколы́ (№ 10 Мозыр.), сыры́ (№ 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 23 Минск.), суды́ (№№ 8 Игум., 11 Новоалекс.), у́сы (№ 22 Минск.), цветы (№ 5 Слуцк.), бераги́ (повсеместно), боги (№№ 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 22 Минск., 31 Вилейск., 32 Орш.), стоги́ (№ 3 Минск.), бацькі́ (№№ 4 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), боки́ (№ 3 Могил. губ.), ваўкі́ (повсеместно), дзяцюкі́ (№ 11 Новоалекс.), аблакі́ (№№ 8

Игум., 14 Новоалекс.), о́болоки (№№ 3 Могил. губ., 31 Вилейск.), ра́ки́ (повсеместно), языки́ (тоже), духи́ (№№ 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 26 Себеж.), гаре́хи (№№ 6 Диснен., 31 Вилейск.), аре́хи (№ 8 Игум.), арахи́ (№№ 4 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс. и т. д.), лясы́ шумі́ели (Малев. 28 Слуцк.), браты (ib. 14), пили два галубы́ воду (Розенф. 26 Вилейск.), rohi (Федер. I, 348 Свислочь), waɳkì (ib. II, XXVII), prá‿ady, marózy, zahóny (Клих 267 Новогр.). Совершенно аналогично образуется, вообще говоря, и форма именительного в мягком различии: гужи́ (Шейн Б. П. № 8 Лепп.), жаравí (ib. № 477), кня́зи (ib. № 577), три маскали́ (Малев. 48 Слуцк.), ко́ни, гро́ши (деньги) (Мат. Б. №№ 3 и 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), богатыры́ (ib. №№ 10 Мозыр. 13 Свенц.), писары́ (ib. № 7 Минск.), зайцы́ (ib. № 22) и т. д.

Мягкое различие основ на *-o-* в древнерусском представляло в именительном падеже форму винительного на *-ъ* (при ст.-слав. ѧ); это же окончание, рядом с *-и*, знают и памятники старого западнорусского языка, причем рядом с *-ъ* пишется и *-е*, напр.: тыѣ́ ѡ́бычаѣ́ (84 Сб. XV в. Публ. б. № 391), помыѣ́ (98 ib.), сорожѣ (64 Лет. Пер. Суздл. XV в.), половцѣ (ib.), псковицѣ (81б Лет. Авр. XV в.), кнꙁѣ (113б ib.), *четци* и *пѣвць* (151б ib.), летописце (Скор. XVI в. Э 2), палце (ib. И 56), мече (ib. II 45), обычае (ib. Э 4), коне (ib. Ц 186б), є́рее (122 Катихиз. 1562 г.), прелогатає (152 ib.), богоглаголивые отцѣ (278 Сб. XVI в. Кунц.), ковалѣ куютъ (29 Сб. XVII в. Вил. № 107), Нецѣ (название деревни) (33б) и т. д.; по аналогии мягкого различия этот *ъ*, или точнее — его заместитель в белорусском языке зашел и в твердое различие, начало чему же, быть может, было положено и в старом западнорусском языке [ср. в Лет. Авр. XV в.: трусѣ быша (25б), дворъ (88б), влъчни хоромъ (212), вси градѣ ваши (324б), бозѣ (348), расплодишасѧ чл̃цѣ (3), ѡ́чищают'сѧ грѣсѣ (105б)], если только здесь *ъ* не следует читать, как *и*; *сньне* из'бываютсѧ (85б Тайна Тайных XVI в.), причем, находясь под ударением, этот *ъ* в известных местностях может обращаться в дифтонг: *ы͡е, і͡е́* (после задненебных и мягких согласных у основ на *-i̯o-*); к приведенным нами раньше примерам (Белорусы, II, 1, 209—210) прибавим следующие: братыэ́ (Мат. Б. № 29 Новогр.), браццыэ́ (Малев. 44 Слуцк.), браткі́е́ (ib. 52) баки́е́ (ib. 14), дубыэ́ (ib.), аўсыэ́ (ib.), мяхі́е́ (ib.), жанцыэ́, сярпыэ́ (ib. 37), стралцыэ́ засі́е́ли (ib. 24), лугі́е́ (ib. 76), гаршкі́е́ (ib. 14 и 163), сынкі́е́ мае (ib. 53); жанцы̆ыэ, грабцы̆ые, хлопцы̆ые, малойцы̆ыэ́ (Мат. Б. № 10 Мозыр.); косцы̆ыэ́ (ib. № 29 Новогр.), тятярукі́е́ (ib.); чаще, однако, в таких случаях слышится простой гласный *э́ — е́* иногда рядом с *ы́ — и́*: жанцѐ (Шейн Б. П. № 307), касце́ (ib.), мужике́ (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 82 Новогр.), все дружке з войны едуць (Шейн Мат. I, № 590 Слоним.), ўсе святке́ (ib. 159 Новогр.),

волэ (ib. 274 Игум.), хлопцэ, стрельцэ (ib. 95 Мозыр.), сивы голубэ (Кар. 82 Трок.), касцэ́, мужике́, облаке́ (Отч. 27 Речицк.); в Мат. Б.: ваўке́ (№ 23 Минск.), бацьке́ (ib.), жанцэ (№№ 18 Витебск., 23 Минск., 25 Новогр.), касцэ́ (№№ 4 Могил. губ., 23 Минск., 25 Новогр.), Ковале́ (№ 19 Гродн.) (название деревни), Колясники́ (ib.), чанцэ́ (№ 2 Сокол.), мужыке́ (№№ 23 Минск., 25 Новогр.) панэ́ (№ 23 Минск.), облаке́ (№ 25 Новогр.) и т. д.; званэ́ зазванили (Малев. 55 Слуцк.), złyje duchiè (Федер. I, Янов), zwanè czuć (ib. 213), zydè (ib. 231 Суховоля, ib. 109 Корицин), źwierè (ib. 187 Янов), lesè (ib. II, 83 Суховоля), dva bratĕ (Клих 18 Новогр.), łaśé и łaśĕ, dażżē, rublé, hrybĕ, hadĕ, marazĕ, baćké и т. д. (ib. 267); формы им. пад. мн. ч. на *-е* (*-э*) во всеобщем употреблении в с. Биорде Бобр. у. (Мат. Б. № 15); в *zladzieja* ꙋsiò pakrali (Федер. III, 90 Молчадь) *'а* на месте *ъ* безударного. Как можно видеть из приведенных примеров, *-э́* — *-е́* распространено главным образом на юго-западе Белоруссии.

Ничего общего по происхождению не имеет с рассмотренным окончанием то *-е*, которое встречается в именительном падеже множественного числа у слов на *-инъ*, *-арь*, *-ель*; это *-е* — принадлежность основ на согласные, к которым такие слова по множественному числу и принадлежали. Будучи безударным, это *-е* в известных говорах может переходить в *-и*, в чем могло сказаться и влияние мягкого различия основ на *-о*; вместо ожидаемого *-е* под влиянием окончания основы единственного числа иногда имеем здесь и *-ы*. Примеры: бояре (6 Вил.), боꙗрѣ (76 Крас.), поморанѣ (40б Лет. Авр. XV в.), сѣлѣ соу̑словенѣ (40б ib.), єгу̑птѣ (7б ib.), боꙗре (110 Сб. XVI в. Крас.), стрыхаре (195 Гродн. Акт. кн. XVI в.), панъ Ян Корсак а пан Ян Чыж — секретаре (Бел. Арх. I 1603), комисаре (ib. 1570, 1596), г'ражане (55 Тайна Тайных XVI в.), учителе (Скор. XVI в. В 34б), родители (ib. В 2), боꙗре (ib. Е 15б), кртїа̑не (47 Псалт. XVI в.), пришли погане (71 Псалт. XVII в.), дворáне (Ев. 1616 г. ч̑ѳ). Несомненно, полонизм в *жолнерэ* (190 Позн. Сб. XVI в.) рядом с *жолнеры* (Archiv, IX, 366). Трудно решить, какого происхождения *-и*, например, в следующих примерах: приꙗтели (1 25 Скор. XVI в.), господари (А 109б ib.). Окончания на *-е* в современных говорах редки: боя́ре (Шейн Б. П. № 58 Городок.; Зап. V, 179), мещáне, *хозя́е* к *хозяин* (Мат. Б. №№ 17 Речицк., 23 Минск.), рядом с *хозяи́* (ib. №№ 6 Диснен., 8 и 15 Игум. 9 Бых.), хадзяи́ (ib. № 6 Слуцк.), хадзя́ины (ib. № 7 Минск.), да еще в одном слове, где собственно и *-инъ* нет: *цыга́нне* и *цыганы* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); обыкновенно же *-и* и *-ы*: цыга́ни (Шейн Б. П. № 401 Лепп.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 9 и 16 Бых., 13 Свенц., 14 Новоалекс., 18 Витебск.), цыга́ны (ib. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 18 Витебск., 25 Новогр.).

Основы на *-й-* оказали свое влияние и на именительный множественного числа основ на *-о-*, привив ему свое характерное оконча-

ние *-ове*, а в подражание последнему и *-еве* для мягкого различия. Распространенность этого окончания поддерживалась, несомненно, и влиянием польского языка, где у названий предметов одушевленных оно является господствующим. В старинных западнорусских произведениях это окончание довольно обычно; живым белорусским говорам оно чуждо, хотя иногда заходит и сюда. Приведем примеры. Грамоты: потомкове [1395 г. (А. XIII, 5)]. продкове [1480 г. (С. VII, 5)]; Четья 1489 г.: жидове (111), орѣховѣ (209), змиеве (4); Сб. XV в. Публ. б. № 391: перькгримове (47), оучнове (5б, 35), оуч'неве (36), три королеве (46); Лит. Лет.: ляхове (8 Вил. 34 Увар.), по ковѣ (76 Крас.) пановѣ (69б ib.); Лет. Авр. XV в.: послове (74б), тотарове (134), тотаровѣ (79), лѧховѣ (40б), ѡ'вощевѣ различнии (333б); Сб. XVI вб Позн.: потомкове (224), панове (135); Сб. XVI в. Крас.: д'ивове (95), грѣхове (167); Статут 1588 г.: бискупове (97), потомкове (12); Гродн. Акт. кн. XVI в.: тыи панове (204), татарове (ib.); Тайна Тайных XVI в.: пер'сове (1), тѹрк'ове (19), сновѣ добры (89б), оӱк'репителеве (16); Библ. Скор. XVI в., волотовѣ (1 31б), пословѣ (П 26), внуковѣ (Ц 222б), народове (Э 17), духове (Д 14), ѿцеве (Ю 14), коневе (ib. 24б), лвове, воловѣ (Ц 139б) и т. д.; Катих.; 1562 г.: панове (4б предисл.); Ев. Тяпин. 1580 г.: мѹжове (16б) Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: сторожове (84б), лвове (120б); Псалт. XVI в.: *быковъ* тѹчны (23б), вси *бг҃ие* ѩзыческиѥ *бесове* (97), анг҃лове (20б), свѣткове (28), скопове (63), моуринове (72), паганове (82), *послове* ѿ ѥгиптоу (67), жидове (8, 56б), кролеве (47, 71б), богачеве (24б), змеѥве (141б); Сб. XVII в. Вил. № 107: родичове (67); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: цареве (12); Псалт. XVII в.: нáродове (22б, 24), мѹринове (51б), ѡслóвс (108б), ангелове с҃тые (30), лѣкарове (85), богове есте (77), пото^{м}кове (64) асири'чикове (78), ѿцове (64б), ѹжове (162), цареве (26б, 51б, 105б), кралéве за^{м}ныи (105); Ев. 1616 г.: злóдѣеве (к҃и б), нáродѡве зéмныи (к҃д б), рúболовѡве (2 ѕб), оӱжéве (2в), панове (Бел. Арх. I 1570) и т. д. В живой речи *-ове/-еве* является лишь полонизм, объясняемый желанием говорящих сказать «по-панску». Очень важно в этом отношении следующее место из народного стихотворения (Шейн Б. П. № 546 Лепп.):

Што за *панове*, што за *сватове*...

По-русску ходзюць, *по-польску* мóвюць...

То же в другом месте (Шейн Б. П. № 578 Лепп.):

Што за *пановя*, што за *сватовя* на двори?

По-польску мовюць ...

Можно указать следующие примеры на отмеченное окончание: панове, мужове (Шейн Б. П. № 209 Лепп.), ах вы сваты, сватóве (ib. № 547; Зап. V, 180, 181; Мат. Б. № 4), братóве (ib.), жидóуе, гадóуе (Дм. П. и Ск. Вильн. 67 Новогр.), збудовали сталярове (Мат. Б. № 24 Новогр.), a jēj, *ludkòwia* ratùjcie (Федер. II, 234 Шидловцы); панóвя, сватóвя,

швагро́вя, брато́вя (Малев. 14 Слуцк.), ўжэ твае свато́вя на дварыэ стаяць (ib. 27), прыбирай сватаўъя — пановя (ib. 90), ну, господа сватовъя (Ром. VI, 284 Чаусск.), tróji žydóu'i (Клих 267 Новогр.). В последних примерах перед конечным *я* из *е* развился даже *j*, вследствие чего конечная группа совпала с основной слав. на *-ьје*, служащей, между прочим, для образования имен собирательных, изменяемых по единственному числу; еще более подходят к собирательным слова на *-оци̯о*, развившиеся от основ на *-ӥ-*: сыновъё моѐ любыя (Ром. VI, 26 Черик.), було ў яго тры сыновъё (ib. 470 Сенн.). Вообще относительно приведенных примеров следует сказать, что они редки, и каждое из приведенных слов обычнее в живой речи на *-ы* (паны́, сваты́, жиды́, сталяры́, швагры́, браты́ и т. д.).

В русской литературной речи в мужском роде очень распространено окончание именительного множественного числа на *-а* (с предыдущей твердостью или мягкостью согласного); это окончание является русским новообразованием, вообще не известным белорусскому и украинскому языкам (Собол., Лекции[4], 217 sq.). Впрочем в произведениях на белорусском языке можно указать несколько подобных примеров, находящих для себя то или другое объяснение. Отсюда прежде всего нужно исключить мнимые случаи множественного числа, как: тамося крестилъ и *братья* его и мнози бояра Литовское земли (8 Вил.), вси *кнѧзя* смоленскии (41 Увар.), *гос'пода* оуроженый паѫдуть (160—161 Сб. XVI в. Крас.), тыи *деверя* ей отпоръ чинячи повѣдили (12 Гродн. Акт. кн. XVI в.) (но тут же: жаловала тая жонка на *деверью свою* на Добка Г. а на Матѣя Г.); во всех подобных случаях в роли именительного множественного является первоначально имя собирательное с основой на *-а-/-i̯а-*, стоящее в именительном единственного, как об этом мы уже имели случай говорить раньше (стр. 114—115). Такие же собирательные, лишь иначе образованные (на *-ьје*), представляют: угóлья (Мат. Б. № 22 Минск.), вугáльля (ib. № 3 Минск.), угáлья и угáлля (ib. № 32 Орш.), кóлля (ib.) и т. д. (ср. стр. 112—113), так как все эти слова обыкновенно изменяются по единственному числу; очень может быть, что некоторые из подобных образований по своему происхождению воспроизводят именительные множественного числа мужского рода основ на *-ĭ-* (угóлья = ст.-слав. **жглиѥ**), но они вполне совпали со словами среднего рода на *-ьје* и стали изменяться так же, как они. Не западнорусская особенность и в следующем случае: тон'кий *кѫдра* выростѫть (85 Тайна Тайных XVI в.), где ц.-слав. окончание винительного. В словах: рукавá, падъзя́ру свае нашиваны *рукаўцá* (Малев. 88 Слуцк.) (в рифму *па драўца*) следует видеть старинное окончание именительного двойственного числа. Наконец, безусловно заимствование из русских говоров следует усматривать в таких примерах, как: мужья́ (Шейн Б. П. № 715 Витебск.), цветá (Ром. I—II, 441 Гомельск., Мат. Б. № 26 Себеж.), городá (ib.), ў новы *гарадá* (ib. № 24 Новогр.) (в этой песне вообще много руссизмов), труда (ib. № 31 Вилейск.) (*за трудá* ib.).

Слова среднего рода с основами на *-о-/-jо-* имеют в именительном множественного числа: а) старинные окончания на *-а* (с предыдущей твердостью и мягкостью согласного): местца (15б Сб. XV в. Публ. б. № 391), оужища (120б Лет. Авр. XV в.), *дерева* польныѣ (103б Псалт. XVI в.), колена (126б ib.), вси *вн҃ра҃* мои (106 ib.), ворóта (130б ib.), воротà (Ев. 1616 г. л҃θб) и т. д.; болотà (Мат. Б. № 22 Минск.), вóйска (ib. №№ 26 и 28 Себеж.), ворóта (Шейн Б. П. № 143; Мат. Б. №№ 8 Игум., 10 Мозыр., 12 Слуцк., 23 Минск.), вю́бдра (ib. № 10 Мозыр.), вóкна (ib. № 8 Игум.), дрòва (ib. № 22 Минск.), тры лié́та ляжало (Малев. 108 Слуцк.), мóра (Шейн Б. П. № 91 Диснен.), абалакá (Мат. Б. № 12 Слуцк.), ósiera (Федер. I, 164), вóгнища (Шейн Б. П. № 144 Витебск.), крылля (ib. № 295 Велиж.) (Сураж), на лайдакý тольки *лахмóщця* висяць (Мат. Б. № 8 Игум.) и т. д. Два последние слова могут изменяться и по единственному числу, будучи рассматриваемы, как слова собирательные; б) новообразование на *-ы/-и*: *дѣлы* малыи (1534 г. Недеш.), мѣсты (1568 г. ib.), воиски [33 Лет. Пер. Суздл. XV в.; Мат. Б. №№ 13 Свенц., 15 Игум., 11 Новоалекс. (войскú)], ворóты (Шейн Б. П. № 97, д. № 75 Городок.; Ром. I—II, 111 Перер.; III, 1 Гомельск.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 9 и 16 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц. 15 Игум., 18 Витебск. 26 и 28 Себеж., 31 Вилейск., 32 Орш.), трои варуóты (Малев., 86 Слуцк.), вёдры (Ром. III, 1 Гомельск.; Мат. Б. №№ 18 Витебск., 31 Вилейск., 32 Орш.), вóкны (Мат. Б. №№ 7 Минск., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск., 31 Вилейск.), vókny (Клих 269 Новогр.), вóгнищы (Мат. Б. № 8 Игум.), болóты (ib. № 18 Витебск.), гнёзды (ib. № 32 Орш.), гýмны (ib. № 7 Минск.), долóты (ib. №№ 15 Игум., 26 Себеж.), дрóвы (Зап. V, 238), зерны (Мат. Б. № 26 Себеж.), карыты (ib. № 8 Игум.), кóльцы (ib. № 14 Новоалекс.), krósny (Клих 269 Новогр.), лéты (Зап. V, 256; Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 11 Новоалекс.), молóки (Зап. V, 91; Шейн Б. П. № 231; Ром. I—II, 277 Сенн.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 15 Игум.), пúсьмы (Шейн Б. П. № 703 Лепп.; Изв. 177; Мат. Б. № 28 Себеж.), пёры (ib. № 11 Новоалекс.), палóтны (ib. №№ 7 Минск., 11 Новоалекс.), помёлы (Шейн Б. П. № 319 Лепп.), стаялі *дрэвы* (Календ. Н. Нівы 1910 г. 67), сёдлы (Мат. Б. № 31 Вилейск.), сёлы (Зап. V, 133; Мат. Б., повсеместно), яйцы (ib. № 28 Себеж.), яблыкú (ib. № 14 Новоалекс.), jabłyki (Клих 269 Новогр.), аблакú (Мат. Б. № 14 Новоалекс.); в двух последних примерах можно усматривать и окончание именительного падежа мужского рода (от слов *jáблык*, *óблак*). Как смотреть на приведенное окончание? Уже давно оно обращало на себя внимание исследователей. К. Аппель («О белорусском наречии». РФВ, т. III, 1880, стр. 209) желал объяснять это *-ы/-и* вм. *-а* так же, как *гыварý*, где *а* безударное перешло в *ы*, — принадлежность только некоторых говоров, именно северо-восточных (ср. Белоруссы, II, 1, 103—104); рассмотренные же формы — общебелорусские. Вследствие этого в данной особенности будем видеть чисто

морфологическое явление, возникшее под влиянием аналогии соответствующих окончаний мужского и женского родов. Окончание *-а* чаще бывает в мягком различии.

Отметим еще несколько более редких форм именительного множественного среднего рода: криле (Д 23 Скор. XVI в.), калéни (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), *плéчи*, а в подражание ему — *плéчки* (Шейн Б. П. № 4 Лепп.), tróji *waróće* u ǵeršyje varóta (Клих 148 Басин) — формы двойственного числа; отметим *вороци* вм. *воротъı* по аналогии с органическим *воро́цех* («Обзор» 111); *хожѐє* мой (17б Псалт. XVI в.), где *є* вм. *ѣ* явилось фонетически в безударном слоге.

Родительный падеж, который оканчивался в старину на *-ъ* и *-ь*, а также *-и* после гласных, подвергся в белорусском языке значительным переменам. Влияние одних основ на другие, сказавшееся вообще в сильной степени в белорусских склонениях, с особенной силой проявляется в этом падеже: здесь, с одной стороны, заметно распространились формы основ на *-й-*, а с другой — основ на *-ǐ-*; мягкое различие подверглось сильному влиянию твердого. Вследствие сказанного архаизмов в рассматриваемом падеже очень мало, а больше новообразований. Рассмотрим существующие формы.

а) Старинное окончание, сходное в мужском роде с именительным единственного, даже в древних западнорусских произведениях встречается редко, напр.: ни *хоромъ* рубить [гр. 1486 г. (Арх. С. VI, 1)], проступокъ (гр. 1432 г. СВ. 5), из немець 29 (Увар.) (название страны), ѡтъ сорока *годъ* (129 Сб. XVI в. Позн.), ѡтъ сусѣдъ (53 ib.), много *дивъ* (234 Сб. XVI в. Крас.) [рядом с *превели(киѫ)* дивовъ (163 ib.)], до дву разъ (391 Статут 1529 г.), мѫць 80 (Тайна Тайных XVI в.), ѡ̃ зверь (Пр 20 Скор. XVI в.), ѥ̃ныхъ *пророкъ* (48б Катихиз. 1562 г.), робъ твоихъ (32 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ꙗ̃зы (33 Псалт. XVI в.) и т. д.; от принадлежащих сюда слов, множественное число которых первоначально принадлежало к основам на согласные: тата (82б Крас.), противъ непрыѧтелъ (186 Сб. XVI в. Позн.), бусоур'манъ (2б Катихиз. 1562 г.), неприѧте дела (9б Псалт. XVI в.) и др. В живой белорусской речи старинное окончание встречается тоже очень редко, именно: иногда при названиях меры и веса: семь *пудъ* (Шейн Б. П. 292), пяць *аршын* (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 11 Новоалекс., 12 Слуцк., 15 Игум.) (хотя чаще: 7 пудоў, 5 аршы́ноў); у слов во множественном числе с основами на согласные: мещáн (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 13 Свенц., 15 Игум.), татáр (ib. №№ 6 Диснен., 15 Игум.) (рядом с *мещаноў, татароў*); под влиянием именительного множественного со смягченным согласным *и* мягкость последнего возможна у приведенных слов и в родительном падеже: мещань (Мат. Б. №№ 9 Бых., 17 Речицк., 26 Себеж., 32 Орш.), крестьянь (ib.), дворя́нь, цыга́нь (Раст. 84); старинное окончание бывает у отдельных слов: видзев Бог, што не дав свини *рог* (Зап. I, 270); в этом слове старинное окончание иногда и помимо рифмы: бяз рог (Ром. III, 2 Сенн.), рог (Мат. Б. №№ 15 Игум.,

25 Новогр.), da rŏx, hod, čalavék, čeravík (Клих 268 Новогр.), с трох *кубо́к* (Ром. V, 91 Гомельск.).

б) Обычным окончанием родительного у слов мужского рода является *-оў*, заимствованное у основ на *-й-*, и возникшее в подражание ему *-еў*; в старинных памятниках оно конечно изображается посредством *-овъ/-евъ*. Грамоты: 1480 г. (С. VII, 5): тыхъ *часовъ — вѣковъ* людемъ; 1409 г. (ib. I, 7): непріятелевъ; Четья 1489 г.: мужо (89, 97), ѿ ѡвощовъ (14); Сб. XV в. Публ. б. № 391: ѿ братовъ (1), тоурковъ, татаро (84), лотро (21б), оучьновъ (2б), прїатело (36б), ѿ оужовъ (4), моужовъ (20б), ѡвошщо (94б), злодее (43), колодезе (59), ѡдъ ѿцевъ (88б) Лит. Лет.: часовъ (253, 262 Позн.), татаровъ (82б Крас.), тоуровъ (65 ib.), немало оучинилоса дивовъ (79 ib.), приехаша из Ляховъ (из Польши) (9 Вил.), с Троков (5 ib.), ис Троков (31 Увар.), моужо (67б Крас.), по стѹ зоубре (86 ib.), зубре (Рум. 14б), рублевъ (263 Позн.); Лет. Авр. XV в.: .ѵ. роублевъ (96); Сб. XVI в. Позн.: римлѧновъ (17б), лѣкаровъ (41), мещановъ (208), чоловѣковъ (162), ѡтъ тыхъ часовъ (253), трехъ братовъ (124), королевъ (208), рублевъ (206); Статут 1529 г.: барышниковъ (388); Статут 1588 г.: тивоновъ (244), прывильевъ (105), мужо своихъ (4) (рядом с муже); Гродн. Акт. кн. XVI в.: куровъ (241), на сторожовъ (16); Тайна Тайных XVI в.: бѣзъ волосовъ (34), ѿ ѡвощовъ (47), ѳранцоусовъ (29б); Библ. Скор. XVI в.: мужовъ (Ц 11, 186б, П 27), друговъ (1 38), братовъ (В 78б), человѣковъ (Пр 6), прутовъ (Б 55б), кусовъ (С 40), греховъ (Ср 74), суседовъ (А 128), молодцевъ (Ю 23б), купцевъ (Ср 67б), ратаевъ (1 38), царевъ (Д 24б) и т. д.; Катихиз. 1562 г.: господаровъ (59б, ѣе), мужов (85б), вожов (5 предисл.); Ев. Тяпин. 1580 г.: двух братов (5), з овощов (9), мдрецов (3, 3б), концовъ (34б), зубовъ (35), сторожовъ [42 (45)], лекаровъ (49б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: мѹжовъ (33), кѹпце (109б), женцовъ (32); Псалт. XVI в.: хр тїꙗно (44б), волосо (42), ѡболоко (57), ѿ погано (82), западо (102), млꙗнцо (116), млоденеце ссѹщꙑ, с краѣ (131б); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: до пастыре (22б), муже (26б), з муже намоцнѣиши (122), мужо (123б), в ровь до львовъ (264), коцевъ (23б); Псалт. XVII в.: до роговъ (131), в сусѣдо наши (71б), ѡцовъ (23б), з дожчо (112), вязневъ (105б); Ев. 1616 г.: голосѡвъ (лг б), дарѡвъ (2 рнд б), кошѡвъ (2 мѕ б), постѹпковъ (2 ѯѕ б, 2 сн), товарищѡвъ (2 ѯа б), трѹдѡ (оа), цвѣтѡвъ (2 ѕі); Бел. Арх. I: братовъ (1694), обывателев (1548); Бел. Арх. II: пятеро куровъ [1530 (XVII в.)]. Что касается современной белорусской речи, то в твердом различии, можно сказать, исключительно употребляется *-оў*; в мягком различии рядом с *-оў* больше в ударяемых слогах и *-еў*, в обоих случаях с предшествующей мягкостью согласных, кроме шипящих, *ц* и *р*, бывают еще и другие окончания, больше заимствованные от основ на *-і-*, о чем речь после. Примеры твердого различия: кумбў (Шейн Б. П. № 12 Лепп.), прыговороў (ib.), аршыноў (Мат. Б., повсеместно, Малев. 14 Слуцк.), бара-

нóў (Мат. Б. № 22 Минск.), бацькóў (ib. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), бацькўóў (ib. № 10 Мозыр.), берагўóў (ib.), бирагóў (ib. №№ 11 Новоалекс., 18 Витебск, 23 Минск.), братóў (ib. №№ 4 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс.), гадóў (ib. № 11 Новоалекс.), гваздóў (ib. № 7 Минск.), глáзаў (и *глазóў*) (ib. №№ 6 Диснен., 7 Минск., 13 Свенц., 23 Минск., 28 Себеж., Малев. 14 Слуцк.) (заимствовано из русского: обыкновенно *-ачéй*), дзядóў (Мат. Б., повсеместно), жыдóў (ib. 11 Новоалекс.), комарóў (ib. №№ 6 Диснен., 8 Игум., 11 Новоалекс., 28 Себеж., 31 Вилейск.); в некоторых местностях это слово переходит в мягкое различие и вследствие этого имеет другое окончание; махлярóў (Мат. Б. № 8 Игум.), молотóу (ib. №№ 23 Минск., 31 Вилейск.), мещáноў [ib. №№ 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс. (и *мещан*), 14 ib. (мищáныў), 23 Минск., 31 Вилейск.], мящанаў (Малев. 14 Слуцк.) и *мящáняў* (ib.) со смягченным *н* (там же *красицяняў*), обухўóў (Мат. Б. № 10 Мозыр.), орахўóў (ib.), панóў (ib. №№ 8 Игум., 10 Мозыр., 13 Свенц., 26 Себеж.), рагóў (ib. повсеместно), дзéсяць разóў (ib. № 8 Игум.), вóсим разóв (ib. № 18 Витебск.), ракóў (ib. повсеместно), салдáтаў (ib. повсеместно), соколўóў (ib. № 10 Мозыр.), судóў (ib. № 23 Минск.), сватóў (ib. № 11 Новоалекс.), татáроў [ib. №№ 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 14 ib. (татарыў), 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск.], цыганóў (ib. №№ 8 Игум., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), биз рагóў (Розенф. 29 Вилейск.), ў нас казачáнькаў (Малев. 65 Слуцк.), dąu̯ im *lekąu̯* (Федер. I, 135 Свислочь). Примеры слов, принадлежавших к мягкому различию: конёў [Шейн Б. П. № 11 Лепп., Мат. Б. № 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых. (и *ко-ней*), 13 Свенц., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск. (и *коний*), 23 Минск., 31 Вилейск.], рублёў (Шейн Б. П. № 39 Витебск., Мат. Б., повсеместно), окунёў (ib. № 91 Диснен., Мат. Б., повсеместно, Малев. 14 Слуцк.), богатырўóў (ib. № 10 Мозыр.), грóшóў (название монет) (ib. №№ 18 Витебск., 23 Минск., 31 Вилейск.), зайцóў (ib. № 22 Минск.), знахарўóў (ib. № 10 Мозыр.), писарóў (ib. №№ 8 Игум., 31 Вилейск.), пынымарóв (и *пынымарéй*) (ib. № 18 Витебск.), парўóў (ib. № 10 Мозыр.), złazʹéi̯eu̯ (Клих 268 Новогр.) и даже susezʹeu̯ (ib.), куда мягкий согласный зашел из именительного падежа.

В мягком различии хотя и не преобладает, но все же встречается довольно часто и окончание *-ей,* зашедшее сюда от основ на *-ĭ-*; без ударения в живой речи оно может переходить в *-ий*, которое в произношении иногда сливается в одно *и*; в старинных произведениях *-ий* выводится из *-ьи*. Примеры из древних памятников, в которых в мягком различии это окончание преобладало: Гр. 1349 г.: ѡ кнаꙁий (12 строка); Четья 1489 г.: мцей (16, 102); Сб. XV в. Публ. б. № 391: пѣнаꙁий (1б); Лит. Лет.: сказание ѡ вѣрныхъ кнꙁеи (1 Супр.), зоубреи (65 Крас.), месяцеи (50 Увар.), грошей (262 Позн.), ѡленей (226 ib.); Лет. Авр. XV в.: много *моужїй* побѣша (76); Сб. XVI в. Позн.: кораблей (207), грошей (262), месецэй (26); Статут 1588 г.:

шесть месецеи (281); Гродн. Акт. кн.: коний (27), гроший (25); Тайна Тайных XVI в.: ты^{х} м҃цеи (72); Скор. XVI в.: конеи (Ц 198 б), цареи (Пр 24), господареи (А 109б), мужеи (Ц 185), месецеи (Ц 74б); Катихиз. 1562 г.: пенезеи ѝли *грошеи* (199); Пятикнижие Моис. (Добрян. опис. № 51): пяти цр҃еи (1); Сб. XVII в. Син. № 790: месяцей шесть (171); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ко҃цый (236), кораблей (42б), пѧсотъ талѧри҃ (15б), з҃ мѣсѧцы҃ (144), шесть мц҃ы҃ (235); Псалт. XVII в. впоср^{х}еку непріатели҃ твои^{х} (123); Бел. Арх. II: колькось месяцей [1533 (XVII в.)]. Из современной речи: коняй (Бесс. Б. II. № 8), ко́ней (Мат. Б. №№ 8 Игум., 11 Новоалекс., 18 Витебск., 23 Минск.), ко́ний (ib. №№ 6 Диснен., 13 Свенц., 15 Игум., 28 Себеж., 32 Орш.), ко́ни: павёў мой Лаўрэн ко́ни прыдыва́ць — и цяпе́р нима ни яго́, ни *ко́ни*, ни грошы (ib. № 4 Могил. губ.), камарэ́й [ib. №№ 7 Минск., 14 Новоалекс., 18 Витебск. (и камаров), 25 Новогр.], камарэ́й (Малев. 14 Слуцк.) («только у деревенской интеллигенции»), гро́шей (денег) (Зап. V, 106, Мат. Б. № 22 Минск.), гроший (Ром. I—II, 244 Горецк.; Добров. I, 13. 48; ср. Мат. Б. №№ 6 Диснен., 9 Бых., 18 Витебск., 32 Орш.), гро́ши (Ром. III, 196 Бых.; Мат. Б. №№ 14 Новоалекс., 17 Речицк., 25 Новогр., 31 Вилейск.), грошай (ib. № 10 Мозыр.), друкаре́й (ib. № 25 Новогр.), рубле́й (ib. № 16 Бых.), окуне́й (ib.), kónei̯, rubléi̯, hrošei̯ и hróšy (Клих 268 Новогр.).

Слова среднего рода представляют в родительном падеже, говоря вообще, те же окончания, что и слова мужского рода; но в живой речи как будто чаще удерживается старина: слова на шипящие и на *ц* довольно редко принимают *-оў/-еў*. Примеры: старинные окончания: имѣнья *добръ* шляхецкихъ [гр. 1480 г. (С. VII, 6)], поль (84 Гродн. Акт. кн. XVI в., В 3 Скор. XVI в.), пагнетокъ (III 6 ib.), сер'цъ (серъдецъ) (46 Ев. Тяпин. 1580 г.), тѣнъ кры҃ (56б Псалт. XVI в.), махало *пер* павихъ (Акты В. А. К. XXXIII, 165 Вил. 1604 г.), вядзѐр (Мат. Б. № 31 Вилейск.), воро́т (ib. № 10 Мозыр.), дроў (ib. № 11 Новоалекс.), с'ол, яе́ц (Шейн Б. II. № 611 Лепп.), іе́ц (ib. № 138 Витебск.), яе́ць (ib. 140, Зап. V, 82), пл'еч, гарад'з'и́ц, поль (Шейн Б. II. № 612 Лепп.), l'ét, dróu̯, žarón, kraśón, akón (Клих 269 Новогр.). Окончание *-оў* имеем, например, в следующих случаях: бирвянòў (Мат. Б. № 31 Вилейск.), войско́ў (Мат. Б. №№ 15 Игум., 28 Себеж.), во́кнаў (ib. №№ 7 Минск., 8 Игум.), варо́таў [ib. №№ 7 Минск., 13 Свенц., 11 Новоалекс., 14 ib. (варотыў), Малев. 14 Слуцк.], долото́ў (Мат. Б. № 15 Игум.), пяць лѐтаў (ib. № 31 Вилейск.), своих *ле́таў* маладых (Розенф. 48 Минск.), даже — *ле́цеу* (Мат. Б. № 23 Минск.), куда мягкий согласный зашел, например, из формы *лецех*; òsieraų (Федер. I, 155 Лысков), krósnou̯ (Клих 270 Новогр.), пи́сьмаў [Мат. Б. №№ 7 Минск., 10 Мозыр., 13 Свенц., 14 Новоалекс. (письмыў), Малев. 14 Слуцк.], пало́тнаў (Мат. Б. № 7 Минск.), оболоко́ў (ib. 13 Свенц., 31 Вилейск.) и *я́блыкаў* (ib. № 7 Минск.) могут принадлежать и словам мужского рода; ад рэк і *вазёраў* (Н. Ніва 1910 г., 64); в мягком различии: бярве́ннеў (Мат. Б. № 8) (к *бярве́ння* — собственно слову

собирательному, изменяющемуся по ед. ч.), полёў (ib. № 13 Свенц.), mбгоц, karýссац, žarónсоц (Клих 270 Новогр.). Окончание *-ей* из древнего *-ьи* у основ на *-jo-* после гласного у слов среднего рода имеем, например, в следующих случаях: зымене' (46 Статут 1588 г.), копьеи (Ц 26б Скор. XVI в.), поколени израи'льскиx (Катихиз. 1562 г. 3 предисл.), възxанеи (67 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), жалованеи (123б ib.), ѡ'справе xливенiй твоиx (122 Псалт. XVI в.); современное: полéй (Мат. Б. №№ 11 и 14 Новоалекс.). Рядом с подобными случаями находим у Скорины целый ряд довольно старинных написаний, как: поколѣниéй (Ч 5б), ѻправданиéй (Л 4б), длa безакониéй нашихъ (Ц 237), ѻбмываниéй (Л 4б) (ср. Владим. 254). Как смотреть на это окончание? Для правильного суждения о нем следует иметь в виду, что то же окончание встречается и в других случаях, как: братиéй вашихъ (Н 41б ib.), змиéй ꙗдовитыхъ (Пр 24б ib.), сиротиéю и вдовичиéю (Ср 57) и др. Из последних случаев можно видеть, что это *-иеи*, или точнее его первая часть *-ие-*, не имеет исключительного отношения к форме родительного множественного числа, а имеет значение исключительно орфографическое. В свое время проф. П. В. Владимиров сделал предположение, что это передача подобных начертаний, какие можно видеть, например, в польском bráćiey; это вероятнее всего: если бы здесь была живая особенность, она была бы засвидетельствована другими памятниками, чего на самом деле нет.

В ѡ *своиx злыx сѫрѣшенныхъ* (300б Лет. Авр. XV в.), вероятно, описка под влиянием предшествующего имени прилагательного. Описку или сербизм следует усматривать в *оуста*: боудѫ стереc҃ сведец҃ствь твоиx *оуста* (122 Псалт. XVI в.).

Дательный падеж у слов мужского и среднего родов у основ на *-о-* оканчивался в основном славянском и древнерусском на *-омъ* в твердом различии и *-емъ* в мягком. Это окончание из древнерусского перешло и в памятники старого западнорусского языка и сохранилось даже до нашего времени в живом белорусском языке. Однако в старину изредка, а по мере приближения к современным говорам все чаще и чаще дают знать о себе и формы на *-амъ* (с предыдущей твердостью или мягкостью согласного), зашедшие сюда от основ на *-а-*; можно сказать, что в настоящее время они господствуют, а *-омъ* возможно только под ударением; в старину *-омъ* допускалось и вне ударения, хотя нельзя с уверенностью сказать, что это окончание везде обозначало живое произношение, а не было в некоторых случаях лишь результатом традиционной орфографии. Примеры из старинных произведений окончания *-омъ/-емъ*: Грамоты: немцѣмъ) Торг. дог. ок. 1330 г.), полоцаномъ (гр. 1399 г.), по мостом и по ставом (1432 г. СВ. 2), по мытомъ (ib.) [какъ *тымъ селомъ* 1433 г. (Арх. С. VII, 1)], мытьникомъ, сторожомъ (1440 г. СВ. 7), бояромъ (1443 г. СВ. 10), родителемъ своимъ (1454 г. Л. II, 3), сусѣдомъ и приятелемъ нашимъ (1465 г. Л. 203), осподаремъ королѣмъ (1475 г. Л. 231), счадкомъ (потомкам) 1492 (Арх. С. III, 2), двораномъ (1538 г. В. А. 28), князіомъ (ib.),

сельчаном [XVI в. (М. А. 1)], бояром и всим попом могилевским (Бел. Арх. I 1577), княземъ, паномъ (ib.); Привил. Каз. 1457 г.: паномъ (30); Четья 1489 г.: врагомъ, старцомъ и т. д. (РФВ, XXI, 73), Сб. XV в. Публ. б. № 391: продаⷯ жидомъ (2, ср. 8б), по берегоⷯ (32б); ритереⷯ (31), по дворомъ, паномъ, мужомъ [Житие Алекс. (Владим. 262)]; Лет. Пер. Суздл. XV в.: лахомъ (3); Лит. Лет.: полкомъ (6 Вил.), паномъ тымъ (67 Крас.), градомъ (8 ib.), татаромъ (82б Крас.), къ Троюмъ (5 Вил., 6 ib., 31 Увар.), боскакомъ (ib. 43), слоганомъ и кривичемъ и мераромъ дани наложи (5б Супр.), ко Черъкасомъ (ib. 100б); Лет. Авр. XV в.: предаша *аѳлмъ* (105); Сб. XVI в. Позн.: по селомъ (и *по селѣмъ* 138, 271); Сб. XVI в. Крас.: дѣломъ (221), по дѣломъ (260); Статут 1588 г.: паномъ (2); Гродн. Акт. кн. XVI в.: дрганомъ (27); Тайна Тайных XVI в.: к тымъ дѣломъ (9б); Библ. Скор. XVI в.: градникомъ (Э 8б), наимитомъ (Ср 59б), столомъ (А 21б), львомъ (Д 22), богомъ (Ю 9), учителомъ (Б 2б) (чит. *учителʼом*), по деломъ (Ср 26б) и т. д.; господаремъ (А 49); Катихиз. 1562 г.: грехомъ (201), царомъ (59), царомъ (65), родителемъ (2б предисл.), пѫмъ Миколаевичомъ Радивиломъ (2 предисл.), стеньемъ и ѡбразомъ конець принесъ и ачинилъ (Хс̄ 40б); Катихиз. 1585 г.: работникомъ (4); Ев. Тяпин. 1580 г.: городомъ (14б), двумъ братомъ (28), торговцомъ (59б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: женцомъ (31б), молоденьцомъ (ib.), и' часткы *лисомъ* бѫдѫть (пс. 62. 11); Псалт. XVI в.: ꙗзыкомъ (12), о ўстомъ (40б), соуседомъ (45—45б), сѫседомъ нш̄имъ (82), ″оболокомъ (79б), єгиптеномъ (105б), заицемъ (103б), ″оспраⷯедливеⷯемъ твоимъ (119), к приказаⷯѣмъ (120); Сб. XVII в. Син. № 790: по лугомъ (144), шкоду великую низкимъ *местомъ* и *дворомъ*, *прудомъ* починила (155); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: пѫгачомъ (= попугаям, филинам?) 6; Псалт. XVII в.: сусѣдомъ (21), росказаⷧ ѡболокомъ (66), птахомъ (72), на вѣкъ вѣкомъ (124б); Ев. 1616 г.: наймитомъ (θ), тѳржникомъ (2 чвб). В живой речи *-ом* только под ударением, да и то не во всех местностях и притом не обязательно: господарём (Зап. V, 84), панóм (Бесс. Б. П. № 120, Шейн Б. П. № 365), копачóм (ib. № 190 Лепп.), дѣтюкóм (Бесс. Б. П. № 91), *зубом* не болець (Ром. V, 83 Любин. в.), братом (ib. III, 89 Рогач.), спраўляўъ *сынком* по конику (Шейн Мат. I, 161 Слуцк.), ковалём (Ром. III, 121 Клим.), ужóм (ib. V, 117 Могил.), гаспадарóм (Мат. Б. повсеместно), даць дзинюкóм (тоже), зубóм [Мат. Б. №№ 7 Минск., 10 Мозыр., 13 Свенц., 17 Речицк., 23 Минск., 29 Новогр. (зубўом)]; *палóм* известно почти повсюду, кроме северо-восточных областей, где *палам* (ср. №№ 9 Бых., 18 Витебск.); парсюкóм, фурманóм (ib. № 8 Игум.), пастухóм (ib. № 28 Себеж.); папóм, братóм, дьзя°цюком, шаўцóм, сталярóм, жанцóм, маскалём (Малев. 14 Слуцк.), bratǫ́m kʲerzǫ́m (Клих 268 Новогр.).

Что касается окончания *-амъ*, то оно в настоящее время является преобладающим, да и в старину встречалось изредка, как и вообще в памятниках древнерусского языка (Собол., Лекции[4], 177 sq.). Вот

несколько примеров: моужамь псковица^{м} (95б Лет. Авр. XV в.), богарамь (211 ib.), къ воротамъ (157 Сб. XVI в. Позн.), по селамъ (271 ib.), словамъ (Скор. XVI в. Ср 37б), уста^{м} мои^{м} (11б Псалт. XVII в.) и т. д. В ответах на белорусские программы при *-ом* везде находим приписки, что и *-ам* возможно, а в некоторых местностях — что оно преобладает [ср. *хлопцам* и *хлопцо́м*, *дзяцька́м* и *дзяцько́м* (№ 31 Вилейск.); «дательный множ. на *-ам*: пана́м» (№ 18 Витебск.); старым людцам (Ром. Мат. Гр. 1, 127 Слон.)]. Будучи безударным, *а* может изменяться в другие гласные: к моим *коним* (Ром. III, 4 Сенн.), сурёцым (ib. V, 21 Черик.) (*ц* из им. пад. мн. ч.).

Отметим непонятное для меня вследствие мягкости согласного *глаз'ом*: стибану́л по глазём (Мат. Б. № 26 Себеж.).

Винительный падеж. Здесь может быть речь лишь о словах мужского рода, так как в среднем роде именительный и винительный совпали. Винительного падежа мы уже отчасти касались раньше, когда говорили о заменах его в известных случаях родительным; сказанное там дополним здесь новыми примерами. Так как начавшееся еще в старину совпадение форм именительного и винительного множественного в позднейших памятниках стало обязательным вследствие того, что во многих случаях форма винительного стала общей и для именительного, то все те окончания, которые в своем месте нами были указаны для именительного падежа, встречаются и в винительном. Так мы имеем:

а) Старинные формы на *-ы* — *-и* (после задненебных) в твердом различии: Сб. XV в. Публ. б. № 391: на береги (23б), в облоки (30б), по с҃щеють кап'ланы (79); Лет. Пер. Сузд. XV в.: браты (5); Лит. Лет.: осадивъ городы (5 Вил., 83 Крас., 31 Увар.) [но: город*и* осадиль (45 Увар.), где *-и* под влиянием окончания древнего именительного], *христіаны* мучиша (9 Вил.), *баскаки* его хова^{л} по ты^{м} городо^{м} (69 Крас.), пошле҃ поло^{д}ка два'' *паны* литоские (75 ib.), Скиргайло поидеть у Нѣмци у *Лифлянты* (4 Вил.); Лет. Авр. XV в.: идолы (4б); Тайна Тайных XVI в.: городы держ'атѝ (12б); Катихиз. 1562 г.: людей славныхъ по см҃рти за *боги* мѣли (6), личыть — *пророки*, а҃пл*ы* (53), *хр*^{л}*аники* постановилъ (Богъ 57), вра^{л}д'ники (56), пророкы (99); Ев. Тяпин. 1850 г.: городы (30б); Псалт. XVI в.: вси дивы (12), престѹпни҃и (123), хвали҃ ѥ҃в҃листы (20б), зготова҃ а҃п҃лы (99), по^{л}несоу тобѣ *волы козлы* (64), за сво''и *милосникы* (87), попали҃ *грешникы* (107б), *хр*^{с}*тіаны* выкорени҃ (135), впомина хр҃тианы (65б), побоужа *а҃нглы* свои (101б), потрати҃ *грешники* (135), поддалъ *п'тахи* (12); Псалт. XVII в.: выгна^{л} *поганы* (69), выкинувши *поганы* всади^{л} есь (73б), чинишъ *а*^{н}*гелы* твои *дѹхи* (108), порази^{л} *египтіаны* (156б), спусти^{л} — *птахи* (66б), суди҃ *боги* (76б), на дивы (110); чибо́ты (Шейн Б. П. № 4 Лепп.), рука́вы (ib. № 324), под бока́ (ib. 82), валасы́ рве (Розенф. 63 Минск.), меня́я *быка́* на индыка́ (Ляцк. Посл. 21 Борис.), ludzi *ręki* bjuć (Федер. I, 174 Свислочь), na wąki brächàć (ib. II,

12 Рось), na twajè bratkì (ib. 47 Дворец), raspraų̯láje rabótńiki (Клих 267 Новогр.), паслы чиле (Парич.) и т. д.

б) В мягком различии в старинных произведениях рядом с *-ѣ* имеем *-и* (занедшее сюда по аналогии *-ы* твердого различия); в современной речи обыкновенно *-и*; *-ы* лишь после отвердевших согласных: гр. 1486 г. (Арх. С. VI, 2): наши родители; гр. 1349 г.: тогда руси на *львовыцѣ* не помагати (24 строка); Сб. XV в. Публ. б. № 391: чере̊ ѡ̈цѣ (1), моуже (18б); Лит. Лет.: збирати *вои* свои (12 Вил.), наговорилъ *местичи* (31 Увар.), у Немци (в немецкую землю) (11 Вил., 31 Увар.), въ *Нѣмци* и у Прусы (8 Вил.); Лет. Авр. XV в.: на иконоборци (35б), созва тѳ̑рици (80), *моужѣ* поби (100б), но *посяди моужи* (43б), въ гонце (132); Сб. XVI в. Крас.: мор'дери 'а з'лодей ховати (133), лѵ̆пежи (154); Катихиз. 1562 г.: пастыры (53), но да'м пастырѣ (68б); Ев. Тяпин. 1580 г.: жеребъй (жребиа) (44); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: краи (84б); Псалт. XVI в.: положи̊ *грешници* твои во впокою (141), на вси *непріа̀тели* (26б), на *непрїа̀тели* мой возглаⷭнеть ѡ̆ко моѐ (54); Сб. XVII в. Син. № 790: *огнь* клали (164), маеⷨ *кони* (РФВ, XXIII, 282); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ѡбыватели (125); Псалт. XVII в.: *мледе̊ци* ѡ̆гнь пожеⷬлъ (70), на *непріа̀тели* мои (36б, ср. 46б, 70, 87), покаралъ ѡ̆ные *цари* (111), вседали на *кони* (60б), вꙗ̑ни (149); Бел. Арх. II: кони пограбилъ [1530 (XVII в.)]; ко́ни (Бесс. Б. II. № 8), гужи́ (Шейн Б. II. № 8 Лепп.), прыгнаў ко́ни (Парич.) и т. д.

в) Окончание *-е* из основного русского *-ѣ* больше в живой речи в твердом различии: дваре́ (Шейн Б. II. № 139), шнуре́ (ib. № 236), зване́(э́) (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 26 Новогр.), венке́ (ib. 52), следе́(э́) (ib. 73), мешке́ (Мат. Б. № 23 Минск.); дубы́э̀, кляны́э̀, маскалі́э̀, дзя̊цюкі́ѐ (Малев. 15 Слуцк.), валэ́ пасе (Парич.) ргуvо́ẓ́ас̀ *daktaré* da ja̯anó, uhlé̯ẓ́eu̯ sva̯jé *braté kapačé* na̯imáᵓi (Клих 267 Новогр.) и т. д.

г) Окончание *-е* из основного *-е* у слов, принадлежавших во множественном числе к основам на согласные: *христіане* подъ стѣну главами кладаху (9 Вил.), на словенѣ (40б Лет. Авр. XV в.), на юдѣꙗнѣ (131б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), *непріа̀теле* и̑ покрыло море (81 Псалт. XVI в.).

д) Даже *-ове,* которое у основ на *-й-* не бывает окончанием винительного, здесь в двух случаях встретилось: послаша *послове* (170б Лет. Авр. XV в.), присла кн̄зь — *пословъ* (свои 112 ib.).

е) Окончание *-'а* из *-ѧ*, как церковнославянская особенность, в мягком различии встретилось несколько раз: дат'и .с̄. *рубля* [гр. 1387 (22)], *воя* своя (10 Вил.), на вса *зодеа* (79 Тайна Тайных XVI в.): но имеем один случай появления *-а* и в твердом различии, как в современном русском языке, правда в памятнике не чисто белорусском: *города* поимаша нѣмѣчкія (208 Лет. Авр. XV в.). В современной белорусской речи в роли винительного множественного числа иногда выступают слова собирательные, употребляемые в единственном числе: коре́ньня

(Шейн Б. II. № 96 Лепп.), снопо́вья (ib. № 352); на следующие образования взглянем, как на заимствование из русского: сно́пья (Бесс Б. П. № 4), снопъя носиць (Ром. V, 126 Клим.), пнёвья (Бесс. Б. П. № 72).

О том, что винительный у названий лиц бывает равен родительному [ср. лицемерей (99 Катихиз. 1562 г.), ѳчителей (2 посвящ. ib.), работни҃ковъ (27 Ев. Тяпин. 1580 г.), учениковъ (ѳченицы) 42 (45) (ib.), розѳме҃ если всѣ҃ грешнико҃ земски҃ (123 Псалт. XVI в.), выгна҃ погано҃ (81 ib.), порѳшьсѧ наведити всѣ҃ ѩзыко҃ (58 ib.), збѳри҃ непрїателе҆ (20 Псалт. XVII в.)], у нас уже была речь (ср. стр. 116).

Приведем несколько примеров винительного среднего рода: пре҃ которого *ѳсты* (22 Псалт. XVII в.), ѡ҃вори *ѳсты* мои, а *ѳста* мои бѳдѳтъ (40б ib.), сва́е *лѣта* сцира́ю (Розенф. 51 Минск.).

Творительный падеж в основном русском имел окончание *-ы/-и*, каковое перешло и в старый западнорусский язык, где рядом с другими окончаниями было довольно распространено. Оно особенно употребляется тогда, когда рядом приходится ставить другой творительный с окончанием *-ми*, например, от имени прилагательного; это окончание господствует также в закостеневших юридических терминах; насколько оно соответствовало живому употреблению, трудно сказать: во многих случаях оно могло быть лишь передачей старинного написания тех или других оригиналов; современная живая белорусская речь этого окончания, вообще говоря, не знает. Примеры из старинных произведений: Грамоты: полочаны (1264 г.), поити йс татары (1349 г. 55 строка), реку *з гоны* з (бо)бровыми (до 1399 г. Андр. Ольг.), а със москвичи (1405 г. Л. 120), съ ихъ пожитки и приходы (1432 г. СВ. 5), съ потоки [1433 г. (Арх. С. VII, 1)], со млины (ib.), со звѣри (ib.), зъ бояры [1442 г. (Арх. С. III, 1)], тыми словы [1499 г. (Арх. С. VI, 3)] съ това́ры [1538 г. В. А. 29), з немци (1503 г. В. А. 13); Бел. Арх. I: з мещаны, з бояры путными (1348), з дворы (ib.); Сб. XV в. Публ. б. № 391: коулаки бьють (10), оучны сво҃ми (36), с пѣнязи (54), межи *хре҃тїѧны да жиды* на ѳстоце (45б), бо҃ на боги (5); в двух последних примерах может быть форма винительного, а не творительного падежа, так как предлоги *над* и *меж* могут сочетаться и с винительным падежом; Лит. Лет.: забралъсѧ з *скурбы* своими (64б Крас.), въеха҃ в горо҃ *з бо҃рсѧки* своими (85б ib.), *лѧ҃цѣхи* вѣлики҃ по҃нимаючи хоромы (78 ib.), волохи (83 ib.), впадаеть двана҃ца҃ми *оустьи* (65 Крас.), очапы (9 Вил.), великиа храмы *очепы* поднимахоу (35 Увар.), *порокы* бити (ib.), *окорокы* бити (9 Вил.), боары (11 ib.), бился с татары (57 Увар.), гиньшты (41 ib.), лечити многы *лѣкарствы* (10 Вил.), *з воискы* поидуть (7 ib.), съ всими *князи и бояры* (8 ib.) = со всими кнзми и *бояры* (34 Увар.), хотя и в Вил. рукописи также есть *князми* (8, 10); под *троки* стоялъ (51 Увар.), всими *вои* своими (4 Вил.), с Нѣмци (3 ib.); Лет. Авр. XV в.: с *моужи* свои҃ми с *литовникы*

(93), всѣми *князи* (84б), съ тферици (75), новоторци (123); Сб. XVI в. Позн.: всими *витези* (94), ножы (159), великими *вороты* (134), вкрашоно *пэрлы* (102). (Брюкнер — Archiv, IX, 367 — видит здесь твор. над. ж. р.); Сб. XVI в. Крас.: межи — *ѣрей* (200), розличными ѡбычаи (168), нечистыми *грѣхи* (ib.), моучити *слoвы* своими (145—146); Статут 1588 г.: правными *записы* (9, з), *паны* радами (10), бити *дубцы* (87); Гродн. Акт. кн. XVI в.: передъ *сусѣды* своими (13); Тайна Тайных XVI в.: измывался преже ѡлей гарлачими (57), полами и *болоты* (5), со весы (73); Библ. Скор. XVI в.: со докторы (А 2б), скрѣгталъ *зубы* (1 22), с возы, с великими *кораблi* (Д 33), со хлебы (И 2б), со делы (Пр 19б), *гужи* новыми (С 35б) (и тут же — *гужами*), з мулы (Житие Алекс. Влад. 262) и др.; Катихиз. 1562 г.: вѣчными *вороты* (143б), норовы (20б), съ насмѣвачи (с издевателями) (71), злыми *товари* (90), сердцы (4б предисл.); Ев. Тяпин. 1580 г.: ѕзкими *вороты* (9); Псалт. XVI в.: нал дѣлы (12), *оусты* моими (17), ѡладаѣ языки (24б), нал языки (48), *глсы* воспевалъ (27б), межи дхы (28), скрежетахоу *зоубы* своими (35б), з дары (46б), нал бгы (50), проме бгы (84б), *оусты* моими (89б), зо ѡцы нпими (107); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: зо всими *достаки* (7б), великими *подрки* (ib.), перед *вороты* (29), нал жиды (43б), межи всими цраствы тыми (114б); Псалт. XVII в.: межи поганы (21), *болваны* своими (69б), нал паны (156), пол крилы (93б), з *дари* своими (23б), царствуе бгъ нал *народы* (25б, 102), межи народы (115, 119б), *ѕсты* своими (47б, 115), *ѕсты* моими (86, 123, 132), бгъ нал *бiи* (29б), нал всими *богi* (98, 156), ходил з *сноски* нашими (46), с *противники* моими (138), нал неприятели моими (27б, 37), межи *иереи* (102б), згрѣшили есмо з ѡци нпими (113) и т. д. Редкий случай из живой речи: однiми *вороты* (Шейн Б. II. № 570 Лепп.).

Основы на *-й-*, которые оказали немалое влияние вообще на основы на *-о-*, оставили свой след и на форме творительного, привив ему окончание *-ми* из основн. слав. *-ъмн*. Народ стремился придать типическое окончание каждому из падежей и поэтому естественно остановился на окончании *-ѣми*, так как форма творительного падежа на *-ы/-и* ничем не отличалась от винительного на *-ы* и *-и*, развившегося в подражание ему, ставшего со временем и окончанием именительного. В мягкое различие (*-jo-*) окончание *-ми* зашло от основ на *-ĭ-*, так как принадлежавшие к последним слова мужского рода рано перешли в основы на *-jo-* и стали склоняться, как какое-нибудь *конь*. Рассматриваемое окончание известно и старинным произведениям и современным народным говорам. Примеры: нашими *дарми* (гр. 1432 г. СВ. 4), с польми [гр. 1433 г. (Арх. С. VII, 1)], боярьми [гр. 1395 г. (А. XIII, 4)], пѣнезми гр. 1536 г. В. А. 26), жидми (18б Сб. XV в. Публ. б. № 391), *ретез'ми* железными затворили (26б ib.), *оумi* ѣдовитыми (46б ib.) моуж'ми (97 ib.), *следми* конскими (48б ib.), жонер'ми (89б ib.), плами (15б ib.), князми (8 Вил.), бразды*ми* *комi* (69 Крас.), бучени (28б Лет. Авр. XV в.), витезми (79 Сб. XVI в.

Позн.), прокураторъми (214 Статут 1588 г.), лесми (83 Гродн. Акт. кн. XVI в.), перед ревизорми (Бел. Арх. I 1592), секретарми (ib. 1605), польми (84 ib.), сосѹдзми (18б Тайна Тайных XVI в.), писарзми (12 ib.), витезьми (9 ib.), кнѧзми (Д 21 Скор. XVI в.), приятельми (Д 37б ib.), мужми (Э 4б ib.), грехми (А 154б ib.), деаньми (ib. 125б), обычаими (ib. Э 24б) (если читать *обычайми*), хрт҃іанъми (1б посвящ. Катихиз. 1562 г.), хрт҃іанми (114 ib.), царзми, кнѧзьми (62 ib.), обычаи́ми (82б ib.), ходатаи́ми (172б), ѹчительми (32б Ев. Тяпин. 1580 г.), цр҃ьми (104б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), рїцѣрзми (ib.), кролеⷨ наⷭ *кро̑ми* (22 Псалт. XVI в.), мѹⷨми (27 ib.), кн҃ѧзьми (47 ib.), проме̑ⷨ *непрїателⷭми* моими (10б), благотворенми (3 Сб. XVII в. Вил. № 107), з товаришми (258б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), непрїателⷭми (43б Псалт. XVII в.), переⷭ кро́льми (134б ib.), обру́смѝ (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 16 Бых., 23 Минск.; Шейн Б. II. № 368 Лепп.), гро́шмѝ (ib., № 702; Зап. I, 313; Роман. I—II, 131 Могил.; Мат. Б. повсеместно; Малев. 15 Слуцк.), ключми (Шейн Б. П. № 367 Лепп., № 589), ко́ньми (ib. № 141 Бобр., Гильтебр. CCXLVI Гродн., Дыб. 100 Посл., Мат. Б., повсеместно), коньми (Бесс. Б. II. № 169), ку́͡ньми (Мат. Б. № 10 Мозыр.), ку́͡ньми (Малев. 15 Слуцк.), за дровми (Ро́м. IV, 212 Клим., Мат. Б. № 15 Игум.), дрыѹмѝ (ib. № 7 Минск.), гвоздьми (Ром. I—II, 193 Перер.) (к им. пад. *гвозд*), клю́чми (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 7 и 23 Минск., 13 Свенц. 16 Бых., 18 Витебск., 25 Новогр., 31 Вилейск.), курмѝ (ib. №№ 4 Могил. губ., 15 Игум., 23 Минск.), сырмѝ (ib. № 15 Игум.), но́жми (ib. № 23 Минск.), вугальмѝ, гужмѝ, дзиркачмѝ, кише́ньми (ib. № 31 Вилейск.) (и *кишаньмі*), сусіэ́дзьми (ib. № 10 Мозыр., Малев. 15 Слуцк.), hró šmi, gvóźźmi (Клих 268 Новогр.), kaléńmi (ib. 270).

В живой белорусской речи очень распространено окончание *-ами*, зашедшее сюда от основ на *-а-*; в старинных памятниках оно тоже возможно: конниками (162 Сб. XVI в. Позн.), со львами (Ср 75 Скор. XVI в.), лучами (Пр 4 ib.), крылами (ib. 8), местами (Н 2 ib.), горщками (И 31), зверами (Ср 27б), зубами (Житие Алекс. Влад.), хлебами (4б Ев. Тяпин. 1580 г.), ѿцамї (32 ib.), зѹбами (1, 7 Псалт. XVII в.), по́стѹпками (Ев. 1616 г. 2 спаб), мѹⷭжами (ib. 2 пд) и т. д.; сватами (Шейн Б. П. № 335), во́кнами (ib. № 164), солоѹ́ями (ib. № 564 Лепп.), ко́нями (Бесс. Б. П. № 3), рака́ми (Мат. Б. № 31 Вилейск.), варо́тами (ib., ве́драми (ib. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск.), видра́ми (ib. №№ 18 Витебск., 26 Себеж.), läsáḿi, raháḿi, starcáḿi, małó̯i̯saḿi (Клих 268 Новогр.), i̯ái̯saḿi (ib. 270) и т. д. Будучи без ударения, предшествующий *-ми* звук *а* (с предыдущей твердостью или мягкостью согласного) может переходить в известных белорусских говорах в *ы* — *и*, а иногда даже в *е*: сы́рыми (caseis) (Шейн Б. П. № 616 Лепп.; Мат. Б. №№ 16 Бых., 18 Витебск.), суседзими (Ром. I—II, 456 Сенн.; Мат. Б. №№ 13 Свенц., 18 Витебск., 28 Себеж.),

кбними (ib. №№ 9 Бых., 18 Витебск.), мéсяцемы (Шейн Б. П. № 315 Лепп.), с вядéркыми (ib. № 38 Витебск.). Отмеченное окончание с переменой гласного *а* изредка встречается и в старинных произведениях, где, однако, может быть объясняемо и другими причинами: с *пал'ц̑ими* дол'гими (22б Тайна Тайных XVI в.) (описка под влиянием окончания следующего прилагательного?), неприятел*ими* были мнѣ (135 Псалт. XVI в.) (описка под влиянием стоящих в следующих слогах несколько раз подряд *и*?).

В окончании *-ми* конечное *и* иногда заменяется посредством *ы*, в чем можно бы видеть и морфологическое явление, как и в некоторых русских говорах: влияние старинного окончания на *-ы* (Собол., Лекции[4], 178); но в южных говорах, при общей тенденции к отвердению *м*, можно бы усматривать даже и фонетическое явление: мéсяцемы (Шейн Б. П. № 315 Лепп.), зубамы (Ром. V, 99), сватамы (ib. IV, 174 Могил.), салаўя́мы (Мат. Б. № 5 Слуцк.), мéсяцамы (ib.), вядзéркамы, солоўя́мы (ib № 25 Новогр.).

Припомним, что в творительном множественного нередко употребляется и старинное окончание двойственного, без всякого представления о двойственности: за грыбама (Ляцк. Посл. 14 Борис.), з грашы́ма (ib. 55), hraszyma (Федер. I, 46 Лысков) (ср. стр. 189—191).

Наконец, в северных областях Белоруссии, под влиянием соседних русских говоров, знающих смешение дательного и творительного множественного числа, на месте творительного возможна форма сокращенная, с отпадением конечного *-и*, сходная с дательным множественного: крутым бирежка́м (Шейн Б. П. д. № 43 Городок.), за дрова́м, за блина́м (Шейн Мат. I, 120 Бельск.), *суседзими* и *суседзим* (Мат. Б. № 28 Себеж.), ем *зубам*, гляжу *глызя́м* (ib. № 26 Себеж.) (но дат. пад. *глазём* — формы, впрочем, повидимому, не белорусские), *грошми́* и *гро́шам*, *ключми́* и *ключа́м* (ib. № 28 Себеж. и замечание: «больше творительный употребляется в форме дательного» (ib.), усыпав трем *пальцям* мучицки (Ром. VI, 312 Городок.).

Местный падеж в основном русском имел окончание *-ѣхъ* в твердом различии и *-ихъ* в мягком. Отражения его перешли в старые западнорусские памятники и даже в нескольких случаях в современную живую речь; в последней поддержанию *-ах* содействовало сохранение такого же окончания у основ на *-ĭ-* (из старинного *-ьхъ*) и у основ на согласные, каковым следуют во множественном числе некоторые образования и от основ на *-о-*/*-jо-* (на *-инъ*, *-рь*, *-ль*); наконец, не следует забывать, что в некоторых белорусских говорах старинное *-ахъ* с предыдущим мягким согласным, будучи безударным, фонетически может менять свой гласный в *-е* (ср. Белорусы, II, 1, 104 sq.). Примеры из древних памятников: Грамоты: въ розумех [1432 г. СВ. 5), оу троцех (1432 г. СВ. 2), роздѣлехъ (1432 г. А. В. 4), въ селѣхъ [1492 г. (Арх. С, III)], артикулех (1536 г. В. А. 27), о тыхъ чесехъ (1478 г.); Сб. XV в. Публ. б. № 391: на свои҃ жо҃де҃ (41б, 42), на моле҃ на ве҃блоуде҃ (46б), ѡны на гинь-

ште на дромедаре̂ такъ борздо прѣхали (48б), гоуфехъ и воина̂ (40б), ѡ члонце̂ (45б), по царе̂ (-а-) (55), ѡ рытере̂ (61б), на *чале̂* свои̂ (33б), ѡ теле̂ (74б), по ты̂ *слове̂* (4б), бы оу тро̂ дете̂ (22б) и т. д.; Лит. Лет.: ѡ даре̂ (86 Крас.), нарекли при своихъ *животехъ* (2 Вил.), у трупехъ (10 ib.), у портехъ (7 ib.), у Троцехъ (8 ib.), оу *Троцех* былъ (31 Увар.); Сб. XVI в. Позн.: по городехъ (160); Сб. XVI в. Крас.: по лете^{х} (91), по и^{х} прикладе^{х} (111); Статут 1529 г.; у дворехъ (168); Статут 1588 г.: мостѣхъ (163), врядѣхъ (1), доводехъ (6), артыкулехъ (15), в летехъ (44), на зезде^{х} (74), наѣздехъ (200), на перевозехъ (37); Гродн. Акт. кн XVI в.: въ закупехъ (13); Бел. Арх. I: в молодых летех (1548), в иншых крузех (ib. 1592); Бел. Арх. II: ув оступехъ [1530 (XVII в.)]; Библ. Скор. XVI в.: въ народехъ (Э 14б), въ поганехъ (А 43), о дарехъ (Б 3), въ делехъ (Ср 20б); Катихиз. 1562 г.: ꙗзыцѣхъ (4б предисл.), проступ'ницѣх (48б), ѡ и'ноцехъ и'ли ѡ̀ дев теницѣхъ (26б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: в канторе^{х} (117), на мо̀ре^{х} (Пс. 54. 11); Псалт. XVI в.: во *дворе*^{х} твои^{х} (62б), оу гробе^{х} (89), в балване^{х} (81б), оу погане^{х} (108), *апле*^{х} и о̀чтле^{х} (128), и вв органе^{х} (142б), на *бо̀бне*^{х} ѝ в лико̀ (142б), въ ꙗзыце^{х} (45б), оўв о̀сте^{х} (9б), во встехъ (32), в деле^{х} (13), оў вороте^{х} (68); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: в выбо̆ны^{х} *гробѣхъ* (17); Псалт. XVII в.: по мо̀ре^{х} (38), на хероувиме^{х} (73), кежа̀ во гробе^{х} (84б), в суде^{х} (89), в куте^{х} (150), в о̀сте^{х} (10б), в селехъ (146) и т. д. То же окончание обыкновенно встречаем и в мягком различии вместо ожидаемого *-ихъ* не без влияния *-ьхъ* — *-ехъ* основ на *-ĭ-* и на согласные; рядом со старинными *кораблихъ* (8 Лет. Пер. Сузд. XV в.), по сродницихъ (106б Лет. Авр. XV в.), на ложы^{х} (34б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), на верьбьихъ (79 ib.) имеем: по родителехъ [гр. 1486 г. (Арх. С. VI, 1)], в корабле^{х} (64б Крас.), при отцехъ (2 Вил.), на князехъ (95 Статут 1588 г.), в рублехъ [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)], боехъ (200 ib.), зака̀це^{х} (7б Тайна Тайных XVI в.), о боехъ (Б 3б Скор. XVI в.), по жребиехъ (ib.), по полехъ (Ю 23б ib.), въ допо̀щенїехъ (Пс. 98.8 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), на крае^{х} (63 Псалт. XVI в.), о̀ мѣлцехъ (33 Сб. XVII в. Вил. № 107), в корабле^{х} (118 Псалт. XVII в.). Примеры из живой белорусской речи: куры сели на *ворощех*, ў чирвоных *бощех* (Зап. V, 301 Невельск.), но там же: сели на *ворощях* ў чирвоных *бощях*, где *е* (из осн. русск. *ѣ*) безударное перешло в *а*; ў *ворощех* стоиць з падарками (Зап. V, 508 Леп.), в *ле́щех* молодых (ib. 259, Зап. I, 380), вороцех (Ром. I—II, 141), воротих (с появлением на месте безударного *ѣ* звука *и*) (ib. 23), коленех (ib. 437), ў лецях (ib. IV, 212 Клим.) (на *ѣ* указывает смягчение согласного), у вороцях (ib. V, 43 Могил.); в Мат. Б. отмечены следующие случаи на *-ьхъ* или его фонетическое видоизменение: у боцех (№ 13 Свенц.), ў бо̀цих (№ 4 Могил. губ.), вароцях (№ 5 Слуцк.), вароцих (№ 4 Могил. губ.), на коле́нех (№ 17 Рогач.), ны коле́них (№№ 4 Могил. губ., 9 Бых.), ў ле́цех (№ 17 Рогач.), ў ле́цях (№ 5 Слуцк.),

летих (№ 9 Бых.), на ўло́них (№ 4 Могил. губ.), tuch *leciech* (Федер. I, 43 Свислочь); сюда же относятся: пашли *умѣстих* (вместе) (Добров. I, 665 Бельск.), во снях (Мат. Б. № 18 Витебск.) (где мягкость *н* могла развиться только перед старинным *ѣ*). Вообще же в современной живой речи окончание *-ăх* в твердом различии основ на *-о-* редкость.

Не менее распространенным в старинных произведениях и довольно обычным в современных белорусских говорах, является *-ох*: Грамоты и акты: дан оу *троцох* (1432 г. СВ. 6), где *ц* из *троцѣхъ*; члонкох, роздѣлох (1432 г. СВ. 4), на виленскихъ *мѣстичох* (1432 г. В. А. 2), на селищохъ [1492 г. (Арх. С, III, 2)], где *о* из *ѣ* после шипящих; Четья 1489 г.: о вченикохъ (174б); Сб. XV в. Публ. б. № 391; в' ꙗзыкоˣ (72), по ты͡ *плачо͡* и͡ жалостѧ͡ (15); вообще же в этом памятнике *-охъ* довольно редко; Лит. Лет.: в нѣмцоˣ (Археогр. 70); Лет. Авр. XV в.: въ сно͡хъ (5б), в черньцохъ (87); Статут 1529 г.: торгохъ (163); Статут 1588 г.: со'микохъ (74), знакохъ (6), долгохъ (9), торгохъ (37); Гродн. Акт. кн. XVI в.: пальцохъ (12); Библ. Скор. XVI в.: в мехохъ (Б 81б), по ꙗзыкохъ (Б 22б), в псалмохъ (Псалт. 1517 г.); Ев. Тяпин. 1580 г.: ѻ х'лебохъ (22, 52), светъкохъ (25), на торгохъ (32), на *ѻ́болокохъ* небесныхъ (34б, 39б), въ гробохъ (во гробехъ) (48б), ѻ лицѣмер'никох' (о лицемерѣхъ (52б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262; херувимоˣ (60б), ꙗзыкоˣ (68), человѣцоˣ (55) (*ц* из *ч*—*цѣхъ*), въ палацохъ (Пс. 104.30); Псалт. XVI в. роздра͡нили ѐго (оу) *оумыслоˣ* своиˣ (108), и добрыˣ *оу́чихоˣ* (8б), оув *ꙋчи͡коˣ* (108б), *оучи͡хоˣ* своиˣ (139б), о͡увь *збытокоˣ* (22б), и͡ в грехоˣ (51б), в ꙗзыкоˣ (12б, 45, 47б), в початкоˣ (15б), на ѡ͡ко͡локоˣ (67), в *россоу͡хоˣ* моиˣ (91), на *ло͡хоˣ* своиˣ (142), оу архиереѡˣ ти ѐ͡ кн͡геˣ (139б); Сб. XVI в. Кунц.: помыслохъ (42); Сб. XVII в. Син. № 790: при великихъ *местохъ* (165); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ѡ жидоˣ (175б); Псалт. XVII в.: в грѣхоˣ (40), концоˣ (44б). В последнем примере, как и в неоднократно отмеченных раньше, *-охъ* запло и в мягкое различие на место ожидаемого *-ихъ*. Примеры из живых белорусских говоров: по лядох (после зимы) (Ром. IV, 91 Рогач.; Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 8 Игум.), по мохох, по лясох, по болотох (Ром. III, 255 Черик.), на *вусо́х* дяржа́ть (ib. VI, 119 Черик.), на тых *дубо́х* (ib. VI, 280 Чаусск.), я по *грибох* ходила ды заблудила (ib. VI, 393 Сенн.), гаспадаро́х [Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 13 Свенц., 29 Новогр. (гаспадару͡о́х), 31 Вилейск.], дубу͡ӯ́х (ib. № 10 Мозыр.), лядо́х (ib. № 32 Орш.), ў лясох (ib. №№ 7 Минск., 28 Себеж.), садох (ib. № 7 Минск.), у вяли́ких *мхох*, у стаго́х (ib. № 8 Игум.), касцу͡ӯ́х, жанцу͡ӯ́х (ib. № 10 Мозыр.), ў штано́х (ib. №№ 12 Слуцк., 17 Речицк., 27 Лепп., 28 Себеж., 31 Вилейск.), копачох (ib. №№ 13 Свенц., 29 Новогр.) (копачо͡ух), курганох (ib. № 13 Свенц.), ап паясо́х, цьвико́х, питухо́х (ib. № 31 Вилейск.), на моих глазёх (ib. № 26 Себеж.), ба̮цько́х, стралцо́х, клино́х, пано́х, цыгано́х,

братóх, баранóх, равóх (Малев. 15 Слуцк.), на тых дубóх (ib. 115) — это окончание отмечено как обыкновенное, хотя — прибавлено — возможно и *ахъ*; na łańcuhòch (Федер. I, 48 Суховоля), u swatòch (ib. II. 4 Мстибов), pa hadóx, pa časóx (Клих 110 Новогр.), w swatóx, sudóx, dvaróx, ´paskóx, maskalóx, karčóx и т. д. (ib. 268); *-ох* иногда является и в живой речи на месте старинного *-ѣхъ*, о чем свидетельствует смягчение предшествующего согласного: умясцёх (Мат. Б № 13 Свенц.), ў штанёх (при штанах) (ib. № 4 Могил. губ.), кабыла ны *часёх* (ходит последнее время) (ib.). Из приведенных примеров можно было заметить, что *-охъ* в живых говорах является только под ударением, в памятниках же старинных и вне ударения. Появление этого окончания в белорусском языке, несомненно, следует приписать влиянию основ на *-й-*, имевших в местном падеже еще в русском языке *-ѣхъ*. Очень может быть, как отметил в свое время А. И. Соболевский (Очерки, 115) в основном славянском рядом с *-ѣхъ* было и *-охъ*: по крайней мере в старосербском мы встречаем формы, как *трьгохъ*, *одрохъ* (Даничић. Историја облика..., стр. 130), и в древнепольском — w bogoch, w daroch, w stanoch (Kalina. Historya języka polskiego, I, стр. 95), то же и в чешском (Gebauer. Historiká mluvnice, III, 1, стр. 61); все подобные образования не могут быть выведены из *-ѣхъ*, так как в сербском было бы *-ахъ*, а в польском и чешском *-ech*; возможно, что *о* в *-охъ* зашло и под влиянием *-омъ* дательного множественного числа, где *о* на месте ожидаемого *-ъ-* уже было давно (напр., в старослав. **съіномъ**) и у основ на *-й-*. Окончание *-охъ* одна из характернейших примет старого западнорусского языка: в других русских произведениях ее нет, кроме позднейших, в которых следует видеть иноземное влияние (ср. И. В. Ягич, Критич. зам., 118). Распространению этого окончания также содействовало *-ехъ* (*-ѣхъ*), которое под ударением тоже обращается в *-охъ* с предыдущею мягкостью согласного, а иногда и без нее, если перед окончанием были *р*, *ц* и шипящие согласные. Склонность к этому окончанию была до того велика, что иногда ставили его на месте *-ѣхъ* даже после смягчения согласного перед *ѣ*. Из приведенных примеров, кроме того, можно было усмотреть, что окончание *-охъ* особенно любимо словами, у которых перед окончанием приходится стоять задненебным: перед *-ѣхъ* они смягчились бы, тогда как *-охъ* совершенно избавляет от этой необходимости.

Влияние основ на *-а-* сказалось на местном множественного основ на *-о-*, как и других, в распространении в живой речи *-ах*, что́ отчасти замечается и в старинных произведениях, напр.: на кривицахъ (42б Лет. Авр. XV в.), в радоковїца^{x} (158 ib.), въ воротахъ, на коленахъ (83 Сб. XVI в. Позн.), именахъ (37 Статут 1588 г.) (именьях), въ селахъ (Э 15 Скор. XVI в.), въ жилищахъ (Пр 29б ib.), пытаніахъ и ѡказѣхъ (1 предисл. Катихиз. 1562 г.), о месцахъ (25б, 33б Ев. Тяпин 1580 г.), оу полаца^{x} (131 Псалт. XVI в.), оў в ѯста^{x} (46, 57б ib.), оў̈ вста^{x} (58б ib.), требе ца^{x} (царедворцах) (35б

Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ѡберите — по трех мужахъ (116 ib.), в' гро́бах (Ев. 1616 г. 2 рлѕ), в' по́кармахъ (ib. ꙁи́ б) и т. д.; у варѳтах (Мат. Б. № 31 Вилейск.), на конях (ib. №№ 11 Новоалекс., 18 Витебск., 23 Минск., 31 Вилейск.), на ко́них (ib. № 4 Могил. губ.) (с переходом безударного *а* в *и*), u bótax, 'peraxódax, pakoi̯ax (Клих 268 — 269 Новогр.), na krósnax, žórnax, na plečáx (ib. 270), кума́х, сватах, пал'а́х и т. д.

2. Основы на -й-

Слова с основами на *-й-*, имевшие немногих представителей уже в старославянском языке (**колъ, крьхъ, долъ, домъ, кратъ, мєдъ, полъ, съпъ, унъ**) и в древнерусском, в старых западнорусских памятниках и затем в живой белорусской речи вполне совпали с основами на *-о-*, причем привили им, как мы видели в предыдущем, многие свои особенности; в свою очередь и основы на *-й-* приняли те же особенности, которые характеризуют в белорусском языке слова, принадлежащие к основам на *-о-*. Для подтверждения сказанного приведем встретившиеся нам формы от слов с основами на *-й-*.

Единственное число

Именительный падеж: сын, дом, м'от, дол и т. д.

Родительный падеж: ѡд дому (1б Сб. XV в. Публ. б. № 391), изь домо́ (6б Лет. Авр. XV в.), верхъ *домоу* и стѣны (10б ib.), не пїаше — медо́ (230 ib.), медꙋ (84 Псалт. XVI в.), дом^{s} твое́го (37 ib.), ѡ го'ности *дому* твоего (5 Псалт. XVII в.), до^{мs} (18 ib.), но и сп̑а бж̑ьего (15 Псалт. XVI в.), мёду (Шейн Б. П. № 20 Лепп., Бесс. Б. П. № 2, Мат. Б., повсеместно), бяз *мёду*, бяз вина (Малев. 45 Слуцк.), dо́mu u dо́ma (Клих 266 Новогр.) и др.

Дательный падеж: сп̑ови (31, 50б Псалт. XVII в.), сы́нови (Мат. Б. № 2 Сокольск., Отч. 27 Речицк., Малев. 14 Слуцк.), sýnawi (Федер. II, 287 Свислочь), воло́ви (Мат. Б. № 19 Гродн.); обыкновенно же встречаются формы на *-у* сн̑ꙋ цр̑вꙋ (71б Псалт. XVI в.), гн̑о^{м} *дому* своем̑у (105б ib.); то же и в живой речи: м'бду, дблу и т. д.

Винительный падеж сходен с именительным, а в известных случаях с родительным.

Звательный падеж: сыну (Скор. XVI в.) (Влад. 279), *сынꙋ* давыдовъ (27 Ев. Тяпин. 1580 г.), сынꙋ (сыне) (ib. 28), сн̑ꙋ (93 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), злый *сынꙋ* (9 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158, ср. 16б, 143б), сы́нꙋ (Ев. 1616 г. нв), но и формы на *-е: доме* и̑л̑ѣвъ (132 Псалт. XVI в.), сы́не (Мат. Б. № 10 Мозыр.), ня̑бушуй, *воля̑* — наарэсься (Малев. 25 Слуцк.).

Творительный падеж имеет обычное *-омъ*: домомъ (315 Статут 1588 г.), *сыномъ* перъворожонымъ (2 предисл. Катихиз. 1562 г.), м'бдам, мёдым (Шейн Б. П. № 354 Велиж.) (Сураж) и т. д.

Местный падеж: ѡ моѣмъ *сыноу* (2 Сб. XV в. Публ. б. № 391), домѫ (7 Статут 1588 г.), о хитромъ *сынѹ* (II 22 Скор. XVI в.), в сынѫ (11 Катихиз. 1562 г.), в *домѫ* гн҃емъ (25 Псалт. XVI в.) и т. д.; ѣздзя на *валу́* (Мат. Б. № 8 Игум.), ў даму́ (ib. №№ 3 Могил. губ., 14 Новоалекс.); но рядом с *-у* встречаются случаи того или другого отражения *-ъ*: ў до́ми (Шейн Б. П. № 415 Сенн., Ром. I—II, 3 Белиц., Мат. Б. № 18 Витебск.), у мёди (ib. № 18 Витебск.), и bо́žum *до́ме* (Клих 567 Новогр.).

Множественное число

Именительный падеж: домовѣ (1 27 Скор. XVI в.), сыновѣ (Ср. 8 ib.), сынове (5 предисл. Катихиз. 1562 г., 68, 124б ib.), *сн҃ове* члвчи (8б, 29 Псалт. XVI в.), волове (50б ib.), домове (75б ib.), *сн҃ове* члвч҃ие (42б Псалт. XVII в.). Рядом с подобными окончаниями, встречающимися вообще редко, имеем и другие: *-ы* из винительного и отчасти именительного двойственного: сыны (5 Сб. XV в. Публ. б. № 391), сы҃ны (119 Сб. XVI в. Крас.) (чит. *сыны*), четыре *волы* (Ч 18б Скор. XVI в.), волы́ (Шейн Б. П. № 22 Лепп.), дамы́ (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 9 Быхов.); *-э*: волэ́ [Шейн Мат. I, 274 Игум.; Мат. Б. №№ 2 Сокольск., 19 Гродн., 29 Новогр. (в. -ы́э), Малев. 39 Слуцк.], try synè (Федер. II, 144 Суховоля), synė́, vałė́ (и vałу́) (Клих 267 Новогр.). В областях, прилегающих к русским, можно встретить даже *домá* (Мат. Б. № 26 Себеж.).

Родительный падеж: сыновъ (8 Вил., 1 и 2 ib.), ·s· сновъ (5 Лет. Авр. XV в., 3 предисл. Катихиз. 1562 г.), домовъ (В 78б Скор. XVI в.), сыновъ (ib. Ц 11, 186б, II 27; 29б Ев. Тяпин. 1580 г.), сыно (47 Псалт. XVI в., 139б ib.), кровъ *сыно* и̑ дочо҃ свои҃х (115б Псалт. XVII в.), сынóў (Шейн Б. П. № 1 Лепп.), волóў (ib. № 2).

Дательный падеж: *сн҃ю҃м* люѧски҃м (109 Псалт. XVI в.), ѡцѫ и̑ *домо҃м* ваши҃м (37б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), далъ *сн҃омъ* члвчи҃м (127б), сукиным сынóм (Шейн Мат. I, 97 Рогач.).

Винительный падеж: питаѣть свои̑ *сыны* (62 Катихиз. 1562 г.), на *сн҃ы* люѧскиѣ (53б Псалт. XVI в., ср. ib. 92б, 101, 108, 133), видѣл *сыны* сыно своихъ (43 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), мѣла *сыны* (140 ib.), поѧнесоу тобѣ *волы* (64 Псалт. XVI в.), ѡгледáлъ *сыны* сыновъ (150б Псалт. XVII в., ср. 115б, 127), мѣлъ два сыны́ (Ев. 1616 г. ѳ), наполы (наполовину) (55б Псалт. XVI в.), wałý māje (Федер. I, 10 Шидловцы); кроме того, встречаются и другие окончания: волы͡э́ (Малев. 15 Слуцк.), волэ́ (Мат. Б. № 23 Минск.), dva *synė́* (Клих 267 Новогр.), идоша кождо в *домъ* свои̑ (360 Лет. Авр. XV в.), *мядэ́* пье (Шейн Мат. II, № 37, 251); возможны у одушевленных и формы родительного: пыю҃сѧ *сн҃овъ* (испытывают) (14б Псалт. XVI в.).

Творительный падеж: сынми (13 Гродн. Акт. кн. XVI в., 83 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), сын'ми (Р 2 Скор. XVI в., 124 Катихиз. 1562 г.) рядом с *вдачьными сны* (4б предисл.), з сынъми (178 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), межи сы̑ми (86б Псалт. XVII в.), на^{х} сн̑ъми (107 ib.), вол'ми (Скор. XVI в. Ч 18); но рядом с этим старинным *-ъми* встречаются и другие окончания: *-ы*: с'ыны (Д 36 Скор. XVII в.), с волы (ib. И 20б), пере^{х} сны (64 Псалт. XVII в.); *-ами*: *сынами* божими (5б Ев. Тяпин. 1580 г.).

Местный падеж: домо^{х} (63б Тайна Тайных XVI в.), домохъ (А 59б Скор. XVI в., 48 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), мядо́х (Малев. 15 Слуцк.); рядом с этим окончанием встречаются *-ѣхъ* и *ахъ*: по домехъ (Ч 5б Скор. XVI в.), въ сынехъ (Ср 20б), в сыне^{х} (90 Псалт. XVI в.), на *сне*^{х} сно̑ (102б ib.), ў дама́х, на сына́х и т. д.

3. Основы на *-а-* / *-ја-*

В основном славянском и древнерусском языках сюда принадлежали больше слова женского рода, оканчивавшиеся на *-а* с предшествовавшим твердым или мягким согласным, а также *-ја-*; кроме того, в этом склонении были и слова с именительным на *-и* (ст.-слав. **н** и **ы̑н**). Среди основ на *-а-* уже искони было и несколько слов мужского рода.

В белорусском языке, как и в русском, твердое различие своими окончаниями оказало влияние на мягкое, что зависело в некоторых случаях и от фонетических причин.

По своим окончаниям основы на *-а-* оказались устойчивее других; они подверглись лишь некоторому влиянию слов женского рода с основами на *-ĭ-*; да слова мужского рода могут склоняться в некоторых падежах по образцу основ на *-о-*, как об этом мы уже имели случай говорить раньше (стр. 15—17).

Перешедшие в некоторых белорусских говорах в это склонение немногочисленные слова, оканчивавшиеся на безударное *-о*, вполне следуют словам на *-а*.

Рассмотрим окончания отдельных падежей.

Единственное число

Именительный падеж представляет обычное *-а*: у слов женского рода: бярёза (Шейн Б. II. № 12 Лепп.), кали́на (ib. № 1), душа́ (ib.), дочка Ядвига (8 Вил.), дочка́ к маццы (Демб. 42, 532 Могил.), дума́ (Мат. Б., повсеместно), серёдина (ib. № 22 Минск. губ.), яблыня́ (Розенф. 63 Минск.); собирательные: жидова (Сб. XV в. Публ. б. № 391, 1, 2, 16, 45 и др.; Лет. Авр. XV в., 5б, 46; Библ. кн. XVII в. Толст. № 158, 90б), господа (Лет. Авр. XV в. 92б, 393б, 418), блазно́та (Сл. Нос. 27), митульга́ (ib. 285) и т. д.; у слов мужского рода: му̑ой пъяница (Малев. 122 Слуцк.), старшына́, по́пюхна, ба-

цюхна (Шейн Мат. I, 34 Диснен.); несколько слов мужского рода на *-а* явилось под влиянием польского языка: розделца (1б Сб. XV в. Публ. б. № 391), водца (ib. 51), вїнопїтъца (14б Ев. Тяпин. 1580 г.), мужобо'ца (549 Статут 1588 г.), здзе́рца (Сл. Нос. 204); в мужской род перешло *соба́ка* (ср. стр. 15); тут же оказались вследствие безударности конечного гласного и такие слова, как: бра́тка (Мат. Б. № 23 Минск.), та́тка (ib. №№ 6 Диснен., 14 Новоалекс., 18 Витебск.), Михайла (Ром. V, 101 Чаусск.) и т. д., stada (Клих 205 Новогр.). Из слов на *-и* в старинных произведениях встречаем: великая *княгини* (7 Вил.), *кнегини* великаа (36, 37 Увар.), кнг'ни (гр. 1487 г.) кнгини (гр. 1545 г. М. А. 11). В современных говорах повсеместно употребляется *па́ни* (Бесс. Б. П. № 4, Мат. Б., Малев. 54 Слуцк. и т. д.), хотя известно и *паня* (Зап. V, 85); в нескольких местах встретились: княгини (Мат. Б. №№ 14 Новоалекс., 16 Бых., 17 Речицк., 23 Минск.), гаспадыни (ib.). Из других особенностей отметим 1) употребление формы звательного вм. именительного: ѡ сала ѝ тлоустоꙋ наполниласа *дше* моа (Псалт. XVI в. 61); 2) употребление прилагательного в роли существительного: кролеваа (46 ib.).

Родительный падеж в твердом различии представляет отражение старинного *-ы*; после задненебных в современной речи на месте его бывает *-и*: маткы (7 Вил.), дороги (13б Псалт. XVI в.), того *парнархи* (2), роботы' (56 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) (паерок, конечно, не имеет звукового значения), допровади[х] его до *господы* (18 ib.), да гаспо́ды (Мат. Б. № 8 Игум.), *малъгвы* наловив (Сл. Нос. 279), воды́ (Шейн Б. П. № 7 Лепп.), ба́бки (ib. № 2), жонки (ib. № 9), вѣхи́ (Мат. Б. № 10 Мозыр.), krapiwý (Федер. I, 178 Шидловцы), da stady (ib. 342 Лысков) и т. д. Основное русское *-ъ* мягкого различия в старинных западнорусских произведениях встречается нередко, напр.: гр. 1349 г.: не заимати *землъ* (7 строка); Четья 1489 г.: сто́е *бце* (51, 53), ѡ темнице (36), ѡ болъгарине (237 ib.); Сб. XV в. Публ. б. № 391: *дше* моѐе́ (11б), ѡколо шїѐ (29б), калдеѐ (45), до ѐхиѡпиѐ (89б), до границь *ин'диё* (45); Лет. Пер. Сузд. XV в.: отъ грѣкинѣ (17); Лет. Авр. XV в.: до греблѣ (95), не посрамимъ *земле* роускы (336); Сб. XVI в. Крас.: з ноўже (43); Библ. Скор. XVI в.: *пище* потребное (Б 47), с' колѣснице (С 11), на конци *павечерънице* великое (МПК 5), царице (Б 3б); Катихиз. 1562 г.: ѡ лица Іезавелѣ *царицъ* (136), стыа *троицъ* (226); Псалт. XVI в.: оу глъбокостѣ[х] *земле* (134б), з' земле (141б), закона ѐ*ꙋ*лїе сто́и (138б) (к им. пад. *е-лиа*, как и в живой белорусск. речи); Сб. XVII в. Вил. № 107: *землъ* волынское (33); Псалт. XVII в.: до кончи *землъ* (25); Ев. 1616 г.: з' до́брои во́лѣ (кд), не оꙋкоситъ *вечеръ* моѐй (2 рдз б). В современном белорусском языке это *-е* из *-ъ* известно лишь кое-где в западных областях, ср.: од зямле́ (Мат. Б. № 2 Сокольск.), от земле (Ром. Мат. Гр. П 186), чвэ́ртка *зямле́* (ib. № 20 Август.). Из мягкого различия в тех же местностях это *-е*

может зайти и в твердое, вследствие чего конечно умягчительность согласного отсутствует: хустка *сястрэ́*, бочка *вадэ́*, воз *травэ́*, из руке́ (Мат. Б. № 2 Сокольск.), *вадэ* дастае (Ром. Мат. Гр. П 186 Сокольск.), з лебедэ (из лебеды) (ib. 191), гавора да мае душе (Сокольск. у. Гродн. губ.). Не знаю, как смотреть на следующие случаи в Лет. Авр. XV в.: добоудемъ *славъ* себѣ (56б), приде изъ ѡ*рдъ* (71), приспѣ ѝз *литвъ* (78б), ѿ москвѣ (74б), домъ сто *николъ* (93б), *грамотъ* не подраша (164), до великои *рѣкъ* (117б), ѿ кошкѣ (206б); в них можно бы видеть родительные на *-е*, если бы этому не мешали случаи, подобные нижеследующим: перевезесѧ на сю сторону *волзъ* (ib. 142), не дожда *вл*ꙗ*цъ* с того вѣча (92), до рѣцѣ (135), где, несомненно, формы дательного на месте родительного (на это указывает смягчение задненебных), как и в нижеследующих примерах из живых говоров: земле́, вадзе́, траве́ и траве́ (Мат. Б. № 28) со ссылкой на Невельский и Городокский уезды Витебской губ.; принёс ваде́, остался без капусти (ib. № 26 Себеж.), у́ди (ib.).

Обыкновенно же в мягком различии в белорусском языке господствует окончание *-и*, образованное по аналогии *-ы* твердого различия; это окончание встречается и в старинных произведениях: ѿ земли (Четья 1489 г. РФВ, XXI, 73), вилъни (гр. 1432 г. СВ. 4) (к им. *вилъна*), *шурьи* своей (5 Вил.), шюрьи (31 Увар.), земли (177 Сб. XVI в. Позн.), воли (203 ib.), зъ земли (8 Статут 1588 г.), до Вильни (31 Гродн. Акт. кн. XVI в.), жажи (28 Тайна Тайных XVI в.), вдовици (Пр 4б Скор. XVI в.), суди (чит. *судэдзи*) (128б (Катихиз. 1562 г.), ѿ земли (7 Псалт. XVI в.), праци (57 Псалт. XVII в.), роль́и (164 ib.), Ма́рїи (Ев. 1616 г. и҃s), до шы́и (ib. 2 снв б) и т. д.; до́ли (Шейн Б. II. № 15 Лепп.), душ́и (Дм. П. и Ск. Вильн. 27 Новогр.), Богоро́дицы (Шейн Б. II. № 15) и т. д.; dól'i, haspadýńi (Клих 271 Новогр.). В старинных памятниках возможно встретить в мягком различии и *-а*=-ѧ: ѿ землѧ (Четья 1489 г. Карп. 73), кнѧзи и богꙗре землѧ (87 Крас.) и под. По образцу прилагательных образовано: панее (260 Гродн. Акт. кн. XVI в.), з ревизией (-зей) (Бел. Арх. I 1592), сари *панеи* моеи (11б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158). Укажем еще один интересный пример из сборника Романова (III, 63 Рогач.): «ня надо мне твойго *половина* царьствия», где *половина*, вероятно, не изменяется.

Дательный падеж представляет правильное отражение основных славянских окончаний *-ъ* и *-и* с теми фонетическими изменениями, каким они подверглись на почве белорусского языка главным образом в зависимости от ударяемости или безударности окончания и тех согласных, которые им предшествуют. Таким образом в твердом различии имеем: доч'це (70б Сб. XV в. Публ. б. № 391), к рецѣ (5 Вил.), роvце (76б Тайна Тайных XVI в.), к' сосѣ (1 74 Скор. XVI в.), дочьцѣ царевѣ (Пс. 44.14 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), *слоузъ* своему исаакови (18 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), мнѣ *слузъ* твоему (26 ib.), конецъ *книзъ* (43 ib.), *мѫцъ* ли (23б ib.), дозволи

жидовъ (293б ib.) и т. д.; кумé (Шейн Б. П. № 6 Лепп.), лю́бце (ib. № 2), дзéўце (ib. № 127), жбнцä (Дыб. 451 Посл.), по заслу́зе (Зап. I, 403), крапивѐ (Мат. Б. № 22 Минск. губ.), галавé (ib. № 11 Новоалекс.), дарбзе (ib. № 14), благаці́é (Малев. 63 Слуцк.), той дьзяўпы́э (ib. 44), руцѣ, рацѣ (Мат. Б. № 32 Орш.), ха́се, prauze, mahïle (Клих 271 Новогр.); в слогах безударных возможно *-и* и *-а*: дéўца (Бесс. Б·П. № 146), ма́чиси (Шейн Б. П. № 217 Лепп.), Лявóниси (ib. № 486), дзéўцы (ib. № 165), дòшца (Мат. Б. № 31 Вилейск.), дубрóви (ib. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 9 Бых., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск.), дзéўце — дзéўцы (ib.), дарбзи (ib.), к сбсьни (Малев. 66 Слуцк.), ruccý, sabaccy, łáцcy, žцбncy (Клих 271 Новогр.) — с удвоением *ц* из *к* в положении между гласными и с переходом даже ударяемого *-е* из *ѣ* в *-ы* по аналогии случаев, когда *-цы* бывает под ударением в мягком различии (аўцы́). В мягком различии всегда *-и*: по земли (гр. 1432 г. ВС. 2). Глушицы [гр. 1492 г. (Арх. С. III, 2)], дяди (4 Вил.), комоници (83 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), да^{и} *ржи* бвощи и^{х} (81 Псалт. XVI в.), пб земли (Ев. 1616 г. 2лд) и т. д.; źaml'í, zažý, stájíi, pšanicy и т. д. (Клих 271 Новогр.). В областях, соседних с русскими, возможны уклонения от выставленных положений: отсутствие смягчения: малютке (Шейн Б. П. № 32 Велиж.) (Сураж.), дзéвонке (ib. № 342), к моéй родной мáтушки (ib. № 295 Велиж.) (Сураж.). Вероятно, вследствие неясного представления формы именительного стал возможен дательный падеж на *-ови* в следующем случае: служачи ваалу и *аста^{р}тови* (120 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158). Окончание это зашло сюда от основ на *-й-*. Окончание основ на *-о-* принимают некоторые слова на *-а*, имеющие значение мужского рода: иопадзись гэтому *здзерцу* в руки (Сл. Нос. 204), сабака *сабаку* брат (Ляцк. Посл. 39 Борис.), к пъяницу (Мат. Б. № 32 Орш.). Повидимому, по образцу прилагательных образованы дательные: паней (67 Сб. XVI в. Позн.), бкориласа *паней* своей (12 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), паней его виненъ [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)].

Винительный падеж представляет *-у* с предыдущей твердостью или мягкостью согласного, правильно отражающее основное славянское *-ѫ*, напр.: Ульяну (7 Вил.), дочку (3 ib.), Тетѫ (11 ib.), Вильню (4 ib., 10 ib., 31 Увар.), постелю (2 Вил., 29 Увар.), жалдю (27б Тайна Тайных XVI в.), ꙋсподариню (109 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), надѣю (59 ib.), на гороу́ (Ев. 1616 г. 2θ), в' горъ (ib. 2 сꙁ в б), на свободъ (ib., 3s) в' ровнинъ (ib. 2рн) и т. д.; то же и в живой белорусской речи: здесь более замечательно ударение слов в винительном (ср. Белорусы, II, 1, 431—433), нежели окончание; приведем несколько примеров: бáбку (Шейн Б. П. № 2 Лепп.), ры́бу (ib. № 8), на раку́ (ib. 47 Орш.), дочку́ (ib. № 230 Велиж.) (Сураж.), быраду́ (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), вярбу́ (ib. № 31 Вилейск.), на воду́ (ib. №№ 3 Могил. губ., 9 Бых., 11 Новоалекс.), гылаву́ (ib. № 4 Могил. губ., гóлову (ib. № 10 Мозыр.), у гару́ (ib. № 31 Ви-

лейск.), гу́бу (ib. № 13 Свенц.), зиму́ (ib. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), косу́ (ib.), ногу́ (ib.), расу́ (ib.), руку́ (ib.), раку́ (ib. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 31 Вилейск.), смолу́ (ib. № 31 Вилейск.), саху́ (ib. №№ 4 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 23 Минск.), стырану́ (ib. № 4 Могил. губ.), сцяну́ (ib.), цану́ (ib. №№ 4 Могил., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск.), душу́ (ib. повсеместно), на землю́ (ib. №№ 3 Могил. губ., 9 Бых., 11 Новоалекс., 18 Витебск.) и т. д.; отметим: у вучи́лищу записать (Мат. б. № 28 Себеж.) к именительному *вучилища*.

Изредка в старинных западнорусских памятниках в качестве приложения к неопределенному глагола встречается именительный падеж вместо ожидаемого винительного, что иногда наблюдается и в древнерусских произведениях вообще (Собол., Лекции[4], 197—198). Напр.: володиславу королеви... слюбѣмъ· и ѡбѣчюємъı · *наша присага* и *наша вѣра* и чт҃ью · и҃же ѿ ты҃ мѣстъ с нашими дѣтми · чистаѧ вѣрность · и полна · будемъ держа҃... (гр. 1388 г.) (23), не мощно комоу испытати *высота небесная* и *глоубина морьская* (47 Увар.), не мощно исповедати *сила* и храбрость государя (ib.), гл҃ше. чтобы *грамота* подрати (164 Лет. Авр. XV в.), взати дару *полтина* (419 ib.), кѡпла не сотворити (85 Тайна Тайных XVI в.) (хотя на эту форму можно смотреть и как на родительный с ц.-слав. окончанием на -а), *пашна* пахати (75б ib.), *дрꙋ҃ба* чинити (74 ib.), дабы не бы҃ оу҃праᵐ и любa и прю *срамота* людемъ (12 ib.) — простое приложение. В живой речи подобное употребление можем указать в следующих случаях, если они не опечатки[1]: Слава ни слава, паночик, твоя | Ни пьяна, ни пьяна толока твоя. | Да ўчини, да ўчини, паночик, *слава* (Шейн Б. II. № 185 Диснен.), через *речка* (но на следующей стр. — *через речку*) (Шейн Мат. I, 18 Горецк.), лисица ўцякла у *нóра*, субаки устались куля *нора* [Ром. III, 27 Рогач.; ср. ib. 28, но там же читаем: яна у норы и гувора, высудзила (высадила) з нора]; рифмой вызван именительный падеж в следующем примере: сястрыца Аршулька, падай мне *кашулька* (Розенф. 10 Вилейск.).

Заслуживают внимания еще некоторые отдельные случаи: по образцу прилагательных склоняется: *панюю* Дороту (261 Гродн. Акт. кн. XVI в.); на панюю Сеньковую [Бел. Арх. II 1532 (XVII в.)]; болгаризм (смешение ѫ и а) въ *ваштиа* цр҃цю (127 Библ. кн. XVI в. Вил. 262) [при им. пад.: и не въсхотѣла цр҃ца *ваштн* (ib.)].

Относительно hołaц см. стр. 21, относительно hrywo, pałò см. стр. 19, относительно *мі҃ци награда* см. стр. 16.

Звательный падеж от старины и до сих пор употребляется и у основ на *-а-*, причем обыкновенно оканчивается в твердом различии на *-о*, а в мягком на *-е*, хотя возможно *-о* после вторично отвердев-

---

[1] Отмеченные мною в «Обзоре» (стр. 114) — каменну стрела (Шейн Б. II. № 153 Витебск.) и в «К истории» (стр. 267) — зємѣлька мяцѣць (Шейн Мат. II. № 85) — при проверке оказались опечатками.

ших мягких (шипящих, *ч*, *р*). В живой речи вследствие аканья конечное *-о* в некоторых говорах совпало с *-а* именительного единственного числа, вследствие чего кажется, что в них формы звательного не существует (ср. замечания в ответах на программы №№ 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых., 14 Новоалекс., 31 Вилейск.); в областях, соседних с русскими, она и на самом деле изчезает, тем более, что замена ее именительным становится возможной и в других местностях; вообще же в форме звательного обыкновенно встречаются слова, чаще всего употребляющиеся в разговоре. Приведем примеры. Из старинных произведений: Сб. XV в. Публ. б. № 391: маріа *матоухно* милос'тиваѧ (9б), *панно* маріа (2), премилаѧ *матко* (3б), матко — дев'ко (14б), свѣчо (99); иногда для обозначения звательного достаточно только поставить междометие: ѡ̆ пани аньѣльскаѧ (16); Сб. XVI в. Крас.: сивил'ло (37); Бел. Арх. II: воеводо [1533 (XVII в.)]; Библ. Скор. XVI в.: царицо (Э 10б), господо моѧ (Б 33), добраѧ младицѣ (Ю 19б); Ев. Тяпин. 1580 г.: о жоно (21б), доч'ко (дщи) (49); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: дбчко (31б, 32), подрбго (83), сестро моѧ невѣсто (84), дбхно (душа моя, в ласкательном смысле) (85), пою и въспою слáво (моѧ): въстани слава (70б) (смешение им. пад. и зват.); Псалт. XVI в.: до҃ко (46б, 133б) надѣѐ (62б), ѡ҃боро҃це нш҃ь (86), добреславъ *дше* моѧ҃ г҃а (102б), вста҃ псá҃тырю и *лютне* моѧ (110б); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: агаръ *слуго* сарино (11б), разбо'ничко (28б); Псалт. XVII в.: слуха' *дочко* (23), повста҃ *славо* моѧ (42), повста҃ *хвало* моѧ (119б), ѡ҃ *дше* моѧ (19б), всѣкаѧ зе҃мле (101б), ѡборо҃це мо' (44б), ѡ҃ дш҃о (47б); Сб. XVII в. Син. б. № 790 — см. стр. 37; Ев. 1616 г.: Θѡ́мо (рг҃і). Из современной белорусской речи: ба́бко (Мат. Б. № 10 Мозыр.), ба́цюшко (ib.), Бо́жухно (Шейн Б. П. № 15 Лепп., Мат. Б. №№ 12 Слуцк., 17 Речицк.), вну́чко (ib. № 10 Мозыр.), голу́бко (ib.), дзя́дзюхно (ib. №№ 10 Мозыр., 21 Слуцк.), дзі҆зду́хно (ib. № 10 Мозыр.); *до́чка* из *до́чко* при им. пад. *дочка́* (ib. № 11 Новоалекс.), дзеўко (Кар. 61 Трок.), на што ты, *суко,* Грица чарнила? — *Мая мятулю*, жаль уваги ни ма́я (Ром. Мат. Гр. П., 107 Белост.), де́тко (Мат. Б. № 17 Речицк.) (произносится на распев для собирания свиней), жо́нко (ib.), ой зарó (Шейн Мат. I, 59 Слуцк.), земле́ (ib. 46), ой Петро (ib. 56), ай *боро* мой, што ты, *боро*, не шумён (ib. 231 Лепп.), ку́мко (Мат. Б. № 10 Мозыр.), лю́бко (ib.), лы́ско (ib. № 17 Речицк.), ма́мо, ма́тко (ib. №№ 17 Речицк., 25 Новогр.; Шейн Мат. I, 456 Слоним.), молодзи́цо (Мат. Б. № 17 Речицк.) Ми́но (ib. № 10 Мозыр.), па́нюхно, пане́ночко (ib.), се́стро (ib.), Са́ўво (ib.), соба́ко (ib. № 17 Речицк.), старшыно́, старосто́ (ib. 10 Мозыр.), хомó (ib.), ма́тко, па́нюхно, ба́цюхно, Бо́жухно (Малев. 15 Слуцк.), a ty chaḷero (Федер. I, 10 Шидловцы), bábⁿo, ź́éu̯ko, žóɯko, śastrýco (Клих 270 Новогр.); в роли звательного формы именительного: ляцим, мая зязюлька, да ляцим да бору ... едзьмо, мая сястрыца, едзьмо са мною (Мат. Б. № 24 Новогр.); идзи, мая нявехначка, ад мяне

ўпроч (ib.); ой, *вясна*, ты вясна (Малев. 26 Слуцк.); ah zeu̯ćўna, ty maj̯á śestrўca hétaho haćéła (Клих 270 Новогр.).

В некоторых говорах, соседних с русскими, как мы уже имели случай отметить (стр. 20), иногда встречаются в роли звательного формы имени с утраченным конечным гласным: мам, баць, цёт (Отч. 22 Акуличи Брянск. у.); мам, тат, софей (Отч. 23 Семец Трубч. у.); тат, мам, Сцёп (Отч. 26 Микулино Орш. у.); тат, мам, баб, цёт, Оцёп, Дунь, Сахвей Надзь, татўль, матўль, Авдўль (Мат. Б. № 18 Витебск.); вообще же белорусскому языку подобные образования несвойственны.

Творительный падеж представляет правильное отражение основных славянских и ст.-слав. -ѡмъ, -ѣмъ в -*ойу*, -*ѣйу*; в живой речи это окончание является преобладающим, впрочем больше в юго-западных областях; окончание творительного на -*ой*, -*ѣй*, с отпадением конечного гласного также встречается и даже преобладает на северо-востоке белорусской области; зарождение его в старых западнорусских памятниках можно отметить уже с XV в. И в том и другом окончании гласные безударные могут подвергаться соответствующим изменениям. Примеры: Сб. XV в. Публ. б. № 391: старостаю (31); Лит. Лет.: со братіею (30 Увар.); Лет. Авр. XV в.: прийде ѡлгердъ съ своѣю *братьѣю* (97), *влъкою* йѡнй (303б), с малою *дроужино* (339б), оў-дарить за *лопатко* (216б); Статут 1588 г.: прозбою (44), апеляцеею (244); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: дирею (84); Псалт. XVI в.: рамнаю (62); Акты В. А. К. XXXIII, 125: za Hawryłoju (Бобр. XVI в.); Ев. 1616 г.: новинóю (рй̄ б) и т. д.; горбóю (Изв. 176), водбóю (Шейн Б. П. № 549 Лепп.), сыцúцею (ib. № 5), дудóю (Зап. I, 272), ракóйу (Дыб. 11 Посл.), жóнкаю (Кар. 32 Новогр.; Мат. Б. № 6 Диснен.), щыраю *праўдаю* (Малев. 20 Слуцк.), жубнкаю, бядóю, слáваю, дарбгаю, крапивóю (ib. 15), pàraju (пáром) (Федер. III, 262 Лысков), źimóju, daćkъóju, bábaju, páńeju, svaćéjeju, anúčeju (Клих 271 Новогр.) и т. д.; примеры на сокращенное окончание: нóчкой (Шейн Б. II. № 1 Лепп.), подружечкый (ib. № 174 Бых.), свáцяй (из *свáццяй* — сватьей) (ib. № 563), Кáс'кай (Дыб. 117 Посл.), савóй (ib. 146 Посл.). за ягадай (Ляцк. Посл. 14 Борис.), жóнкой, дорóгой (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 9 Бых., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 25 Новогр.), рыбай (ib. № 6 Диснен.), травóй, гаспадыней (ib. № 8 Игум.), дугóй, рукóй, головóй (ib. № 11 Новоалекс.), жóнкый, дорбгый, бáбый, Тодбрый, оборый (ib. № 18 Витебск.), стáрый бáбый (ib. № 32 Орш.), и т. д.; śestrбj̯, śemj̯éj̯ (Клих 271 Новогр.). Шейн (Сб. белорусск. песен, 531; Зап. V, 815) утверждает, что творительный падеж женского рода единственного числа всегда почти употребляется в сокращенной форме; существительные же на *ба*, *ма*, *на*, *та*, *ра* принимают окончание -*эй*, которое подчас слышится как -*ый* (напр.: з бабой, брамэй, Рипинэй, с Хоўрэй и проч.). Но это утверждение относится только к северным областям Витебской губ.

О том, что слова мужского рода оканчивающиеся на *-а*, могут иметь творительный на *-ом* [с собаком (Мат. Б. № 32 Орш.), святы́м Иллём (ib.) и т. п.], речь у нас уже была (стр. 15—17).

Местный падеж вообще сходен с дательным и представляет те же особенности: *-е* из *-ъ* в твердом различии и *-и* в мягком; оба гласных могут подвергаться разным фонетическим изменениям. Примеры: у Ризе (гр. 1399 г., 1465 г.), хорон'це (43 Сб. XV в. Публ. б. № 391), в ласце (1 Вил.), вдове (201 Статут 1588 г.), прися́зе (34, 342 ib.), ѳ дорозе (ib. 62), дочце (ib. 201), опеце (ib. 82), вомылце́ (ib. 183), при мачосе (ib. 92), руцѣ (3 Гродн. Акт. кн. XVI в.), оў ѳор'тѳни (66 Тайна Тайных XVI в.), ѳ реце (И 6б Скор. XVI в.), во книзе (ПП 2 ib.), ѡ наѳцѣ (21б Катихиз. 1562 г.), ѳ науцѣ (ѳ ѳчѣний) (44 Ев. Тяпин. 1580 г.), на дорозе (на пути) (47 ib.), воаскине (13б Псалт. XVI в.), на дарозе (7 ib.), в рѳцѣ (59б Псалт. XVII в.), в дорозѣ (132 ib.), в' серѐдинѣ (Ев. 1616 г. 2ро) и т. д.; ў ми́сце (Шейн Б. П. № 54 Витебск.), ў одры́нце (ib. № 88), на руце́ (ib. д. № 69 Городок.), дорбзи (ib. №№ 91 Диснен., 318 Лепп.), ў ла́сце (Бесс. Б. II. № 2), дубро́ви (Гильтебр. CCXLI Гродн.), у правой ру́цы (Ром. V, 161), на пе́ццэ^{ы}, ны ла́ўцэ^{ы}, ны руцэ́, ны назе́ (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), ў дубро́вя, об кабы́ля, на дарбзя, дзе́ўца, на рутце (ib. № 11 Новоалекс.), ў хати (ib. № 16 Бых.), на градзѐ (ib. № 31 Вилейск.), дьзіе́ўцы, ма́тусцы, ры́би, слави, смалі́е, барадьзі́е (Малев. 15 Слуцк.), на дали́ни (ib. 24), пры дарбзи (ib. 34, 58), kuḿé, prа́uźe, myźe, naźé, ruccé, daccý, sabáccy, haryý śastryý (Клих 271 Новогр.) (даже с *и* — *ы* на месте *-ъ* ударяемого по аналогии мягкого различия). В мягком различии обыкновенно *-и*: оу вилни (гр. 1386 г.), у литовской *земли* (8 Вил., 34 Увар.), у воли быти (4 Вил.), бы^{х} воидило оу великои *моци* (74 Крас.), на зем'ли (115—116 Сб. XVI в. Крас.), в земли (106 Статут 1588 г.), ѳ вилни (ib. 29), ѳ вежи (ib. 13), на улицы (ib. 14, 132), в' тор'гов'ли (63 Тайна Тайных XVI в.), на *душы* и на тѣле (49 Катихиз. 1562 г.), ѳ притч'ы (72б ib.), в' *вин'ницы* моей (29б Ев. Тяпин. 1580 г.), на столи́цы (на престоле) (36б ib.), в ливици (91б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ѿ^{и} дш̃и (8 Псалт. XVI в.), оў̃в обетници (56 ib.), на правицы (111б ib.), при сте^{и}цы (135б ib.), дѳши (31б Сб. XVI в. Кунц.), в покори (68 ib.), в праци (53 Псалт. XVII в.) и т. д.; душы́, зьмяи́ (Малев. 15 Слуцк.), šeśćarńí, źaży (Клих 271 Новогр.). Как и в дательном, в областях, соседних с русскими, имеются случаи употребления родительного: на *ватжы* немного пребывъ (186б Лет. Авр. XV в.), ѿ^{и} вл^{а}кѣ *ионы* (308б ib.), на головы́, на спины́, ў вышины (Мат. Б. № 28 Себеж.).

Множественное число

Именительный падеж в основном русском языке представлял окончание, заимствованное из винительного падежа, т. е. *-ы* для твердого различия и *-ъ* для мягкого. Старинные западнорусские памятники

представляют те же окончания, хотя в мягком различии уже встречается и *-и*, появившееся по аналогии с *-ы* твердого различия, как и в родительном единственного числа. В современной живой белорусской речи *-ы* и *-и* исключительно господствуют. Лишь в юго-западных говорах под ударением возможно *-э* (*-е*), которое проникло в твердое различие из мягкого, где оно было на месте основного русского *-ѣ*. Подтвердим все сказанное примерами: окончание *-ы* (*-и* после заднеязычных): сироты (109б Четья 1489 г.), хоусты (99 Сб. XV в. Публ. б. № 391), жонкы (33 Увар.) и т. д.; кра́ски (цветы) (Шейн Б. П. № 13 Лепп.), дзе́вачки (ib. № 88), боро́бды (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 15 Игум., 23 Минск., 26 Себеж., 31 Вилейск.), ве́рбы (ib. №№ 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск., 26 Себеж.), во́ды (ib. № 26 Себеж.), го́ловы (ib. №№ 10 Мозыр., 13 Свенц., 24 Минск.), гало́вы (ib. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 26 Себеж., 31 Вилейск.), гу́бы (ib. № 26 Себеж.), ове́чки, дзе́ўки, ба́бы (ib. № 11 Новоалекс.), сѝроты (ib. № 22 Минск. губ.), слабо́бды (ib. № 13 Свенц.), булавкѝ (ib. № 18 Витебск.), мо́гилки (ib. № 7 Минск.), цы́цкѝ (ib. повсеместно), со́хи (ib.), ꙗиру (губы) (Федер. I, 162) и т. д.; *-е* из *-ѣ* в мягком различии: вдовице (109б Четья 1489 г.), оулице (29 Сб. XV в. Публ. б. № 391), їаскїне (43 ib.), *саблѣ* ихъ не имоу͡ (149б Лет. Авр. XV в.) (если только здесь *-ѣ* не графическое обозначение *-и*), своиские птице (Б 17б Скор. XVI в.), вельможе (1 17б ib.), горлице (Л 2б ib.), улице (Б 22 ib.), вдовице, лисице (Пл 11 ib.), овце (Ч 58б ib.), телицѣ (214 Катихиз. 1562 г.), кнагыне (маю́ть быти) кръмителе (3 ib.), рожка́ми кото́рыхъ *свинѣ* е́ли (Ев. 1616 г. θ), *дв҃шѣ* на́ши (ib. к҃д) (если только в двух последних примерах *-ѣ* не обозначает *-и*) и т. д.; в живых белорусских говорах в мягком различии это окончание оставило ничтожные следы: сюда относятся такие образования, как юго-западные mojè hoȩsa (Федер. I, 88 Дворец), zhìnuli *śwìniꙗ* (ib. II, 235 Шидловцы), конечное *-а* которых равно безударному *-ă* из *-ѣ*. Зато окончание *-е* довольно распространено в тех же говорах в твердом различии; зарождение его быть может следует видеть в таких примерах, как: *потѣ* падахоу на землю (157б Лет. Авр. XV в.), *игрѣ* чинѧть хлѣбъ а вино веселить живы҃х (91б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); примеры современные: *Дзеўке́* вино выпили. | Ишли *дзеўке́* венке́ виць, | Я молода́ чапце́ шиць (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 137 Новогр.), жоночке́, дзявочке́ (Шейн Мат. II, 247 № 29), жанке́ (Мат. Б. №№ 2 Сокольск., 17 Речицк., 23 Минск., 25 Новогр.), дзяўке́ (ib. №№ 23 Минск., 25 Новогр.), жанкіе́, дьзяўкіе́ (Малев. 15 Слуцк.), кашкіе́ (ib. 163); как формы именительно-винительного на *-ѥ* отмечены у Клиха: krupě (10 Новогр.), žaꙋkě, vilkě, zastaȩkě и др. (272 ib.). Обыкновенно же в мягком различии *-и* (после отвердевших согласных *-ы*): быша *оусобици* (42б Лет. Авр. XV в.), ꙗщерыцы (145 Сб. XVI в. Позн.), све́чи (Шейн Б. П. № 14 Лепп.), ду́ли (ib. № 26 Велиж.) (Сураж.), ду́шы (Мат. Б., повсе-

местно), жнеи (ib. № 11 Новоалекс.) и т. д. Отметим еще из старинных произведений: паниє (20 Сб. XVI в. Позн.), тыє *панее* ѡбе (171 ib.).

Слова мужского рода имеют и другие окончания, свойственные основам на *-й-*: судъеве (164 Псалт. XVII в.).

Родительный падеж прежде всего представляет правильное отражение основных русских окончаний на *-ъ*, *-ь* и *-й* (из *jь*, *jъ*). Так мы имеем, напр.: сестръ (87 Статут 1588 г.), княженъ (110 ib.), клатов (МПК 11 Скор. XVI в.), жертовъ (II. 43б ib.), ѿ̄ битовъ (ib. 30), служебъ (Ч 23 ib.), свадебъ (Пр 22), молитов' (166б Катихиз. 1562 г.), дѣвокъ (55 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), дочо᷍ (115б Псалт. XVII в.) и т. д.; борӯбо᷍д (Мат. Б. № 10 Мозыр.), голӯбӯ (ib.), рукъ (ib. № 11 Новоалекс.), dźwie nuoh (Федер. II, 339 Гнезна), мер (Шейн Б. П. № 3 Лепп.), ножо́к (ib. № 155), женó́к (ib. стр. 310), паненó́к (Зап. V, 99), дзевó́к, цэвó́к (метафор. — *оленей*) (ib. 77), дашбо́к — дащбо́к (Мат. Б., повсеместно), сарачбо́к, дачо́к, дьзявбо́к (Малев. 15 Слуцк.); как можно видеть из последних примеров, слова, имеющие перед окончанием суффикс *-ж-*, в родительном множественного представляют *-ок* с выдвижкой ударения, но не повсеместно [дзе́вык (Мат. Б. № 26 Себеж.), dźwie dóczäk (Федер. II, 102 Рось)]; продолжим примеры — из мягкого различия: земль (2 Статут 1588 г.), гребель (37 ib.), без'лепицъ (88б Катихиз. 1562 г.), землъ (65 ib.) (с позднейшим отвердением согласного) з рѣки *ѡбидець* и^{x} сила (88 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) (к им. пад. *обидца*), нядзе́ль (Шейн Б. П. № 17 Лепп.), конопе́ль (ib. № 3), а́ве́с (Клих 272 Новогр.), судзе́й (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), жн'єй и т. д.

Кроме этих окончаний, в родительном падеже встречаем и несколько новообразований: 1) *-оӯ* с предыдущей твердостью или мягкостью согласного. Это окончание при посредстве основ на *-о-* сначала зашло к словам мужского рода, а затем, в подражание им, сильно распространилось и у слов женского рода; зарождение его можно отметить спорадически уже в старинных памятниках: ъубїицовъ (81б Катихиз. 1562 г.), оубїицевъ (ib.), подачковъ (89б ib.), ѡвцо᷍ воло᷍ ѝ ското᷍ ве^{x}ми много (51б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), пере^{x} *судъевъ* (58) (в значении вин. пад.), з высповъ (51б Псалт. XVII в.), старостов (Бел. Арх. I 1694); в живой речи: старшы́ноӯ, старасто́ӯ, су́дзьдзяӯ — судзьдзёӯ (Мат. Б., повсеместно), бабухна́ӯ (ib. № 8 Игум.), ве́хаӯ (ib. №№ 8 Игум., 23 Минск.), жидо́ӯкаӯ (ib. № 31 Вилейск.), за́пустоӯ (ib. № 15 Игум.), карбӯкаӯ (ib. № 29 Новогр.), кòсаӯ (ib. № 31 Вилейск.), кни́гаӯ (ib. № 11 Новоалекс.), курòӯ (ib. № 31 Вилейск.) (если только это не от им. пад. *кур*), ли́паӯ (ib. № 11 Новоалекс.), ма́тушкаӯ (ib. № 31 Вилейск.), му́хаӯ (ib. № 7 Минск.), ни́сарыхаӯ (ib. № 31 Вилейск.), сируо᷍ткаӯ (ib. № 29 Новогр.), сарóкаӯ, варóнаӯ, сёстраӯ, маладзи́цаӯ, лиси́цаӯ (Малев. 15 Слуцк.), у малуо᷍ткаӯ (ib. 29), сяло з *музы́каӯ* дрыжало (ib. 28), нявыплаканых *слёзаӯ* (Н. Ніва 1910 г., 63), mnuoho mùchau (Федер. I, 287 Лысков), z ziekòu (ib. 155), krupóu babóu,

słuhǒu̯ (Клих 272 Новогр.). Таким образом окончанием родительного на *-овъ* основы на *-й-* оказали свое влияние не только на основы на *-ŏ-*, но даже и на *-а*; повидимому, однако в северо-восточные области это окончание не проникло. 2) Окончание *-ей* из основного русского *-ьи*, принадлежащего собственно основам на *-ĭ-*, но не чуждого и основам на *-i̯а-* после гласного (ст.-слав. **сждьн**); в белорусском языке оно зашло и в слова, имеющие перед окончанием согласный: грушеи (Ц 75б Скор. XVI в.), с' *кожеи* козиихъ (ib. И 68б), межеи (П 35б ib.), ѩблонеи (ПП 6б ib.), жменеи (32 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), *прест8пцеи'* закон8 ненавиделъ е́смн (112б Псалт. XVI в.) (в значении винительного), оны[x] брате' (84 Статут 1588 г.) (от *братиѧ*), тисѧче' (94 Псалт. XVII в.), панеи' (110 Статут 1588 г.). Из живой речи тут обыкновенно отмечают: курей (Гильтебр. CCL III Гродн.; Зап. I, 433), мѣхъ *курей* (Дмитр. П. и Ск. Гродн. 174 Новогр.), ку́ры — куре́й (Мат. Б. № 26 Себеж.); но эта форма может принадлежать и слову *кур* (петух): другий сон заснула, *ку́ры* запели (Изв. 181), перший *кур* (Шейн Мат. I, 230 Минск.). В таком случае *курей*: *кур — кури*[1] = *суседзей: сусед — суседзи*. 3) Слова на *-н'а* имеют в родительном множественного *-н* твердый: песин (Шейн Б. П. № 440 Лепп.), но и *-н* мягкий нередкость [ба́сень, ви́шань, я́блань (Расторг. 94)]. Обратное видим в *главизень* (2 Тайна Тайных XVI в.).

Дательный падеж представляет правильное отражение основного русского *-амъ* с предыдущей твердостью или мягкостью согласного: улица[м] (95б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), старостам, державцам (Бел. Арх. I 1577), karawàm (Федер. II, 298 Лысков), з'амл'а́м и т. д.

Винительный падеж представляет те же образования, что и именительный множественного числа. Мы уже имели случай говорить, что в белорусском языке замена формы винительного у названий одушевленных формой родительного не обязательна (ср. стр. 116). Приведем примеры: *-ы*, *-и* (после задненебных): имахоу *рыбы* (109б Лет. Авр. XV в.), за ноги (за нозе) [42 (45) Ев. Тяпин. 1580 г.), жоны (26 ib.), поддалъ *рыбы* (12 Псалт. XVI в.), на ѡ'вѣчкы (74б ib.), посла песьи *моухи* (80б ib.), *вдовы* е̑ бл҃ваючи бл҃влю (130 Псалт. XVII в.), пане ки товаришки (ib. 23б), жабы (ib. 111б), помори҃ ри́бы (ib.), войны̀ (Ев. 1616 г. 2 ꙁ и б), за́ рѫ́ки и за́ ноги (ib. п҃сб и т. д., му́ки (Шейн Б. П. № 3 Лепп.), я́годки (ib. № 9), разагна́ў дво́и *пчо́лы* (Мат. Б. № 21 Слуцк.), majè karamy̆ padn̥òj (Федер. I, 87 Дворец), wyhaniaci karawy̆ (ib. 346 Свислочь, ср. ib. II, 294), ja kùry naszlù (ib. II, 13 Рось), zapuścili *sabaki* u̯ lies (ib. I, 194 Свислочь), kii idzieciä *sabaki* bić (ib. II, 12 Рось), stau̯ kráści *aўéčki* (Клих 12 Новогр.) и т. д.; в мягком различии *-е* из *-ѣ*: на птицѣ (282б Четья 1489 г.), призови *двице* (17 ib.), *соуѣне* и҃волочи велѣлъ (24 Сб. XV в. Публ. б.

[1] Предполагаю форму *ку́ри* по аналогии с *суседзи, че́рци*, хотя по-белорусски в произношении она не отличается от *ку́ры*.

№ 391), постинае *шиѣ* (129 Псалт. XVI в.); в живой речи: pazaha-niàju *дцсе* (Федер. III, 124 Мстибов), miz *hцдцсä* (ib. II, 17 Порозов.); дальнейшим изменением указанных форм были образования с *-а* (на месте *-ä* безударного): z'änie hцоцса (Федер. I, 91 Порозов.), ра biełyja hцоцса (ib. 107; ср. ib. 317 Рожанка), pàświli hцòцса (ib. II, 106—107 Рось); *-е* в твердом различии: об жанкé (Дм. П. и Ск. Вильн. 82 Новогр.), жанкé (Мат. Б. № 17 Речицк.), буду *дзяўкé* закидаць (ib. № 21 Слуцк.); обыкновенно в мягком различии имеем *-и* (*-ы* после отвердевших согласных): красти *конопли* (376 Лет. Авр. XV в.), в' *патер'ницы* (79 Тайна Тайных XVI в.), *свиньц* бити (84б ib.), скаржечиса не (чит. *на*) преслдо̑цы свой (61 Псалт. XVI в.), за свой злочи̑ци (17б ib.), пода̑ *ѡвъци* (12 ib.), вывелъ ... *ѡвци* (68б Псалт. XVII в., ср. 20б ib., 56 ib., 70б), ѡлъча́ет' *ѡвцы* (Ев. 1616 г. к̄), *блдднцы* прїймова̑л' (ib. ѳ̄і), з'е́мл'и, ста́йн'и и т. д.

Творительный падеж, правильного окончания на *-ам'и* из основн. русск. *-ами* [напр., трава́ми, ґарина́ми (Ев. 1616 г. оӣ б), ѡвца́ми (ib. кг̄ б), нога́ми, рука́ми (Мат. Б. № 9 Бых.), барбдами (ib. № 31 Вилейск.), з нага́м'и, п'е́с'н'ам'и, шиями (Мат. Б. № 29 Новогр.)], в котором гласный *-а*, будучи безударным, может подвергаться разным изменениям [*пъснеми* славити (42 Псалт. XVII в.) при *пъснѣми* (ib. 135), песнѣми (Мат. Б. № 31 Орш.)], представляет следующие особенности: 1) окончание *-амы*, где *ы* подражает подобному же образованию и у основ на *-о-* (ср. стр. 153): рука́мы (Ром. III, 305 Бых., Мат. Б. № 16 Бых.), нога́мы (ib.), потпругамы (Ром. VI, 363 Орш.); 2) *-м'и*, зашедшее сюда от слов с основами на *-ĭ-*: тисѣчьми (9 Катихиз. 1562 г.), слезьми́ (Шейн Б. П. № 707 Борис.; Ром. I—II, 61 Белица; Шейн Мат. II, 664, Мат. Б., повсеместно), сьлязьми́ (Малев. 15 Слуцк.; ср. Н. Ніва 1910 г., 63), косьми́ (Шейн Мат. I, 94 Гомельск., ib. 94 Мозыр.), сви́ньми́ (Мат. Б., повсеместно), шы́йми [ib. №№ 7 Минск., 8 Игум. (и шыями), 9 Бых., 10 Мозыр., 17 Речицк., 23 Минск.], курмѝ (ib. 31 Вилейск.), рукмѝ (ib.), свячми́ (ib. № 8 Игум.) (и *свячами*), ану́чми, шку́рми (ib. № 23 Минск.), śleźmì (Федер. II, 72 Свислочь), ślaźmí (Клих 272 Новогр.); 3) *-ы* как полонизм в *з па̑ны своими* (44 Библ. к. XVII в. Толст. № 158); 4) в северных областях под влиянием соседних русских говоров встречаются формы на *-ам*, совпадающие с дательным падежом, в которых следует усматривать отпадение конечного *-и* (ср. стр. 153): до́шкам (Шейн Б. П. 309 Лепп.), с нам *пта́шкам куропа́ткам* раста́цися (ib. № 569), с нам *дзе́ўкам боя́ркам* (ib.), горючим слеза́м (ib. д. № 20 Городок.), ла́ўкам, поду́шкам (ib. № 28), сце́жкам, доро́жкам (ib. № 43), горя́цым *слеза́м* (ib. № 95 Себеж., ib. 96), за дрова́м, за блина́м (Шейн Мат. I, 120 Бельск.), краскам (ib. 34 Гомельск.), *ро́згам* накажим (ib. II, 36 № 51), горючым *слёзкым* помочиць (ib. 37), абарати́лись сы́зым ву́ткам (Ром. VI, 150 Город.), залились яны буйным, горючим *слезам* (164 ib.), ўзяў *рукам* (Отч. 9 Иллукст.), за браными *ска́церцям* (ib. 14 Великолуцк. у. с. Колюбаки), работаю *рука́м* (Мат. Б. № 26 Себеж.).

Местный падеж имеет *-ах* из основного русского и славянского *-ахъ*; *а* в случае его безударности, а также в зависимости от предшествующего мягкого согласного может подвергаться некоторым фонетическим изменениям. Таким образом здесь имеем, кроме *-ах* [по горахъ (165б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), по́твара^{x} (Ев. 1616 г. п̄), мо́лбахъ (ib. 2тка б), ў ножечках (Шейн Б. П. № 17 Лепп.), на нива́х (Мат. Б. № 26 Себеж.), ба́бах, до́лях (Малев. 15 Слуцк.)], *-ех*: на кн̄зе^{x}, *панехъ* (95 Статут 1588 г.), греблехъ (163 Статут 1529 г.), въ ловлехъ рыбныхъ [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], в шате^{x} (46б Псалт. XVI в.), *-их*: пы *оглоблих* пытиняить (Мат. Б. № 33 Витебск.); по аналогии окончаний слов мужского рода иногда встречаем *-ох:* у границох (Бел. Арх. 1548), na wiłòch (Федер. I, 149 Свислочь) (при обычном *на вилах*; ср. 26 Себеж.).

Слова, принадлежащие к основам на *-а*, представляют еще ясно выраженные формы двойственного числа, о чем у нас уже была речь (стр. 106 sq.).

4. Основы на *-ĭ-*

В основном русском языке к этому склонению принадлежало несколько слов мужского рода и значительное количество слов женского рода с окончанием на *-ь*. Но уже очень рано, как свидетельствуют памятники древнерусского языка, большинство слов мужского рода, вследствие возобладания при склонении категории рода и сходства по окончанию формы именительного единственного с словами мужского рода основ на *-jo-*, перешло в склонение основ на *-o-/-jo-* (Собол., Лекции^{4}, 174—176). Старые западнорусские памятники в этом отношении не отличаются от других древнерусских произведений. В современном белорусском языке здесь имеются только слова женского рода на мягкий согласный; принадлежавшие же когда-то к этому склонению слова мужского рода перешли в мягкое различие основ на *-о-*, привив к нему некоторые из своих особенностей, примеры чего неоднократно приводились нами раньше.

Рассуждая теоретически, можно говорить и об остатках этого склонения у слов мужского рода.

В единственном числе именительный совпал с мягким различием основ на *-о-*: пуць (Шейн Б. П. № 396 Невельск., Мат. Б. № 15 Игум.) (хотя обыкновенно это слово не употребляется, а вместо него — *дорога*) так же, как *конь*; таково же *дзень* (Мат. Б., повсеместно), *тыдзень* (ср. *тыдень* 176 Статут 1588 г.). Вполне совпадают с ними и те слова основ на *-ĭ-*, которые в мужской род перешли со временем, как паг'и́б'ɛл' (pryszụ̀ǫ̣ *pahìbiäl* Федер. II, 141 Шидловцы), ц'ɛн' (jakì *cień* Федер. III, 98 Лысков), дало́н' и др. (ср. стр. 17—18). О словах, перешедших даже в твердое различие основ на *-о-*, как: гд̄ъ (100б Псалт XVII в.), *гаспубдъ* Бубхъ (Малев. 81 Слуцк.), головбъ (11 Тайна Тайных XVI в.), голубъ (43б Ев. Тяпин.

1580 г.), голѹбъ (54б Псалт. XVI в.), *тѣнъ* кры҃ (56б ib.) и др., у нас уже была речь (стр. 17). Сложные слова с *день* иногда заходят в средний род основ на *-о-*: полудне (6б Псалт. XVII в.). наша *вялі́жадня сухо́я* (Ляцк. Посл. 17 Борис.), V'el'ikadńo (Клих 56 Новогр.).

В роли именительного в одном случае, повидимому, употреблен звательный: въ т҃ча҃ дн҃и *призрѣ* гн҃ мл҃твныма ѡчима (133б Лет. Авр. XV в.).

О старинной форме родительного падежа напоминают некоторые образования от *день*: которого *дни* (28 Увар.) (при *дня* 1 Вил.), того же *дни* (96, 274 Лет. Авр. XV в.), по҃ *дни* (63б Тайна Тайных XVI в.), для паўдни (Мат. Б. № 23 Минск., сего́дни (Сл. Нос. 577), сяго́дни (Розенф. 37 Минск.; Мат. Б. №№ 7 Минск., 9 Бых., 23 Минск.) и др. (ср. стр. 74); сюда же принадлежит *пущи*[1] (ib. № 15 Игум.) (заимствование из литературного языка). Вообще же, как мы уже говорили при основах на *-ĭо-*, в род. пад. муж. р. обыкновенно *-'а*: дна (дне) [42 (45) Ев. Тяпин. 1580 г.), ѡ пѹта (93б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262] и т. д. То же и в живой речи.

Дательный падеж на *-и* можно встретить лишь в самых древних западнорусских памятниках: роуськомоу *гъстьи* (гр. ок. 1230 г.); вообще же окончания те же, что и у основ на *-о-/-ĭо-*: пѧтю (15б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262, Скор. XVI в. Л 47), к Берестю (62 Археол.) (тут же им. пад. *Бересть*), пуцю (Мат. Б. № 15 Игум.), даже — ко дневи злому (II 25б Скор. XVI в.), ку полѹдневи (Библ. кн. XVII в. Толст. № 158).

Винительный падеж сходен с именительным; отметим лишь книжное *господа* [добреславъ — г҃а (102б Псалт. XVI в.)]; заимствованное из русского: купили *лошадзя* (Ром. III, 128 Клим.).

Звательный падеж. *Го́спод'з'и* сохранилось как слово книжное.

Творительный падеж вполне следует мягкому различию основ на *-о-*: гд҃ем (180 Катихиз. 1562 г.), пере҃ гд҃е҃м (6б Псалт. XVII в.), вели́кодне'м (Ев. 1616 г. p҃s), пуцём (Мат. Б. № 15 Игум.) (при *пуцёй* ib. № 28 Себеж.), z cіełym dałoniam (Федер. I, 377 Свислочь), дн'ом и т. д.

Местный падеж типичных окончаний не представляет, хотя формы на *-и* и могут быть отнесены к основам на *-ĭ-*: на ѡдно҃ *лок'ти* (44б Сб. XV в. Публ. б. № 391), а́ще хто роз'болитсѧ то҃ *дни* (86б Тайна Тайных XVI в.), ѡ҃ *і҃и* нше҃м (8 Псалт. XVI в.) (рядом с ѡ҃ *і҃де* ib. 8б), на дни (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 7 и 23 Минск., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс.), при пуцй́ (Шейн Б. П. № 179 Бых.), padsadzić na prawụom dałoni (Федер. I, 333 Лысков). Другие окончания объясняются влиянием основ на *-о-* и *-й-*: о поутѣ (41 Лет. Авр. XV в.), зятю (201 Статут 1588 г.), у жа́лю (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 31 Вилейск.), у жалю́ (ib. № 23 Минск.).

---

[1] Отмеченное у Шейна (Мат. I, 296 и 347) и зашедшее в мое «К истории...» *нелюбова зяци* — опечатка; у Дмитриева: «Нелюбава *зяця* маю» (19).

Множественное число

Старинное окончание именительного *-ьје, -ије* можно встретить разве в текстах священного писания, напр.: *молиє* поѣдоша (63 Катихиз. 1562 г.); окончание же *-ьје,* вероятно, следует усматривать и в очень распространенном в старинных памятниках *люде* (ср. Скор. XVI в. Б 2б, Катихиз. 1562 г. 49б; Псалт. XVI в. 84б, 96б, Сб. XVII в. Син. № 790 172б; Сб. XVII в. Вил. № 107 26 и т. п.), хотя в нем можно видеть и *-е* на месте *-ъ* мягкого различия основ на *-о-*; такое же образование в *ногте* (Д 17б Скор. XVI в.); живая белорусская речь таких окончаний не знает: в ней обыкновенно *лю́дзи* (Зап. V, 188, Мат. Б. № 11 Новоалекс.), szto lùdzi jedùć (Федер. II, 178 Свислочь); так же: гбсьци (Шейн Б. П. № 19 Лепп.), тры нни (дни) (Малев. 150 Слуцк.), пуцй (Мат. Б. № 15 Игум.). Не идет в счет *сивы голубэ* (Кар. 82 Трок.), так как это слово перешло в основы на *-о.* Другие окончания объясняются из основ на *-о-* и *-й-*: гвозды (14, 69 Сб. XV в. Публ. б. № 391), ногты (10 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) (если это не украинизм), днѣве (1 36 Скор. XVI в.), гдевѣ (53б Катихиз. 1562 г.).

Старинное окончание родительного падежа усмотрим в окончании *-ей,* выводимом из *-ьй, -ий*, напр.: людеи (гр. И. 1265 г.), болѣвъ 7 *дни* (40 Увар.) (вм. *днiй*), лосей, рысей (226 Позн.), *люди* (чит. *людiй*) много посекоша (51 Увар.), дней (Сб. XVI в. Позн.) (Archiv, IX, 367), дн҃ий (80, 84 Тайна Тайных XVI в.) (рядом с другими образованиями), м҃ дни' (2б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), их млтий (милостей) (Бел. Арх. I 1588), их млтей (ib.), днеи (Д 26б Скор. XVI в.), дн҃еи (93б Псалт. XVI в.), *людеи* покорны^{x} (19б ib.), локте', локти' (2б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), госцéй (Шейн Б. П. № 91 Диснен.), людзéй (ib. № 762 Лепп., Мат. Б. № 11 Новоалекс.) и т. д. Рядом с этим окончанием, нередким — заметим кстати — и у основ на *-ĭо-*, употребляются и другие образования, зашедшие сюда при посредстве мягкого различия основ на *-о-* из основ на *-й-*: дн҃овъ (102, 202б Четья 1489 г.), дневъ (108 Сб. XVI в. Позн., ср. еще 25 Псалт. XVI в., 110 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), пѫтевъ (94 ib.), ме^{x}ведевъ (95 Сб. XVII в. Вил. № 107), лябядзёў (Шейн Б. II. № 565), пуцёв (Мат. Б № 15 Игум.), стоупене (78 Псалт. XVI в.), łǫkćǫ̣, leb'eźǫ̣ (Клих 268 Новогр.). От слова *день*, которое по образованию некоторых падежей принадлежало к основам на согласные, род. пад. мн. ч. употребляется и в форме: день (117, 252 Позн. Сб. XVI в.), дн҃ъ (78б Тайна Тайных XVI в.), дзён (Мат. Б. № 13 Свенц., Н. Ніва 1910 г. 271 и др.); есть также *дн'оў* и *дн'ɛ́й* (dńeį Клих 268).

Дательный падеж с окончанием под ударением отражает основное славянское *-ьмъ* в *-емъ* старинных произведений, обыкновенно изменяющемся в живой речи в *-'о́м,* напр.: людем (гр. 1432 г. СВ 4), людзём (Шейн Б. П. № 217 Лепп., № 338; Мат. I, 126 Горецк.; Этн. Сб. 257 Ржев.), Што блюдзём, то людзём (Зап. I, 471), людзём

[Ром. V, 29 Чаусск.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых. (и лю́дзим), 28 Себеж.]. Как можно видеть из приведенных примеров, иногда *-ем* бывает и без ударения; таковы же: лю́дзем (Зап. V, 471, Мат. Б. № 23 Минск.), лю́дзѣм (Зап. I, 383) (хитрое написание, но несомненно показывающее, что произносится *л'у́д'з'ӓм*, а не *л'уд'з'ам*), *людзем* дару́ю (Малев. 115 Слуцк.); также *госцём* (Шейн Б. П. № 550 Лепп.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 10 Мозыр., 13 Свенц., 17 Речицк., 18 Витебск.), рядом с *госцем* (Зап. V, 219; Зап. I, 409). Кроме окончания *-'ом*, *-ем*, очень распространено и *-'ам*: лю́дзям (Дм. П. и Ск. Вильн. 38 Новогр., 186 Минск.), людзя́м (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 22 Минск. губ., го́сцям (ib. № 11 Новоалекс.), lúźam и luźám (Клих 268 Новогр.). Ввиду распространенности окончания *-'ам* возможно предположение, что формы на *-ем* безударное в некоторых говорах явились фонетически из *-'ам* (ср. Белорусы, II, 1, 104 sq.). Отметим дат. пад. *гвоздо*^{м} (141 Псалт. XVII в.) от слова, перешедшего в основы на *-о-*.

Винительный падеж с своим окончанием на *-и*, равным основному славянскому, не типичен, так как совпадает с мягким различием основ на *-о-*; у одушевленных винительный может выражаться формой родительного. Примеры: на *люди* твои̑ ст҃ы̑й (8б Псалт. XVI в.), *люди* буде сѹ́ди^{т} (12б ib.), за свои̑ лю^{дн} (28б ib.), покари^{т} на^{м} *людї* (48 ib.), боуде^{т} оучити лю^{дн} (57, 207—208 Сб. XVI в. Крас.), прода^{л} еси *люди* (21 Псалт. XVII в.), по^{л}билъ *люди* (26б ib.); častúje lúzi (Клих 267 Новогр.); слово *голубы* (29 Ев. Тяпин. 1580 г.) имеет свою форму по твердому различию основ на *-о-*; въ д'нѣ̀ некоторы̑й (7б Катихиз. 1585 г.), хотя и могло бы быть сопоставлено с основным славянским и ст.-слав. **дьнє**, образованным по образцу основ на согласные, но лучше объяснять как полонизм (dnie: ср. Kalina, 222), или видеть такое же *-е*, как и у основ на *-о-*. Современное u̯u hóśće (Клих 162 Новогр.), при обычном *ў го́сци* (ср. ib. 267 и hóśći), объясним как полонизм.

Творительный падеж представляет правильное отражение старинного окончания на *-ьми*: людми (5 Вил.), з сеножатми (Бел. Арх. I, 1548), лю^{л}ми (33 Сб. XVII в. Вил. № 107), межи лю^{л}ми́ (21 Псалт. XVII в.), пѹ́тми (107б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) и т. д.; людзьми́ (Зап. V, 201; I, 313; Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 17 Речицк., 28 Себеж.) (и людзя́м) и под. Рядом с подобными формами встречаем и другие образования, напр.: на^{л} гд҃ы (132 Псалт. XVI в.), д'нами (44 Ев. Тяпин. 1580 г.), причем параллельно напечатана ц.-слав. форма *деньми*. В живой речи обыкновенно *дн'а́м'и*, *гасц'а́ми*, *лапц'а́м'и*.

Местный падеж, имевший в основном славянском и старославянском *-ьхъ*, представляет *-ех*, которое под ударением в живой речи переходит в *-'о́х*: в люде^{х} (45б Псалт. XVI в.), въ дн҃ехъ (234 Сб. XVI в. Крас.), въ днехъ (127 Статут 1588 г., Ср. 20б Скор. XVI в.) и под.; то же и в современных говорах: ў госцёх (Шейн Б. П. №№ 415 Сенн.,

428 Лепп.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых., 10 Мозыр., 13 Свенц., 17 Речицк., 18 Витебск., 27 Лепп., 28 Себеж., 32 Орш.), ў людзёх (Мат. Б. ib.; Ром. IV, 17, ў лапцёх (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); окончание это, будучи безударным, а иногда и под ударением по аналогии местных от других основ, в которых возобладало окончание на *-а-*, обыкновенно имеет *-'ах*: в *госця́х* хорошо́, а в дворе́ ле́пи (Зап. I, 276), ў го́сцях (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 12 Слуцк.), u hóśćax (Клих 269 Новогр.), лю́дзях (Зап. V, 230; Мат. Б. № 11 Новоалекс.).

Слова женского рода с основами на *-і-* представляют более типичное склонение, хотя и здесь категория рода вызвала много сходства с основами на *-а-*. Некоторые слова перешли и в другие основы.

Единственное число

Именительный падеж представляет на конце согласный звук, обыкновенно мягкий по памяти об *-ь*, иногда же твердый вследствие вторичного отвердения; так мы имеем: ꙗрꙋ̈сть (37б Псалт. XVI в.), хо́ть (39б ib.), гололедь (141б ib.), но но᷄ (7 ib.), ночъ (63 Статут 1588 г.), слаᵃче ѡлѣю *глаголець* єє (95 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), бблезнь (Ев. 1616 г. р̄д б), по́стель (ib. 2 ли); таковы же примеры из современной речи: роскошь (Шейн Б. П. № 1 Лепп.), ночь (ib.), колыбель (ib. № 4), площь (Сл. Нос. 419), не́годзь (Мат. Б. № 10 Мозырь.) и т. д. Некоторые из относящихся сюда слов перешли в средний род: brywó (Клих 176 Новогр.), пшеница и *роже* и́ жїто (266 Лет. Авр. XV в.) (если только здесь не простой орфографический прием — написание *е* вм. *ь*).

Родительный падеж представляет старинное *-и*: волности (111 Статут 1588 г.), чети (12 ib.), речы (2 ib.), з' не́прїаᵃни (Ев. 1616 г. ч̄и), крыви́ (Мат. Б. № 32 Орш.), жало́сци, моло́досци (Шейн Б. П. № 288 Лепп.), по́ўночи (ib. № 12), но́чи (ib. № 212 Гродн.) и т. д. Отметим: ис тваее *пячé* (Мат. Б. № 2 Сокольск.), образованное как *земле*, которое встречается там же.

Дательный падеж представляет старинное *-и*: ко́с'ц'и, но́чы. Интересно: Іудиѳови (Скор. XVI в. Ю 24б), как у слов муж. р.

Винительный падеж равен именительному: кос'ц', ноч, выправь *нибожъ* гету (Сл. Нос. 339), hètu hus (Федер. III, 149 Суховоля), hètu kùźäl (ib. II. 51 Рось); отметим вторично перешедшие сюда: во́стру *меч* (Розенф. 11 Вилейск.), *пищь* готовила (Ром. III, 185 Рогач.); орфографическая особенность в *събрав всю свою жомоит* (5 Вил.). В некоторых случаях винительный падеж оканчивается на *-у* с предыдущей мягкостью согласного, как у основ на *-ія*: єстерю (128 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ро́жу (Шейн Б. II. № 67 Витебск.) (*Муку́*, рожь поедаў, | *Муку́* се́яную, | *Рожу* ве́яную), подкинула *мы́шу* (Мат. Б. № 13 Свенц.), namowiu *myszu* (Федер. I, 188 Свислочь), для

чего можно предположить и именительный *мыша*; иногда встречаем *посцелю* (Дм. П. и Ск. Вильн. 36 Новогр.; Мат. Б. №№ 6 Диснен., 9 Бых.), вероятно к им. пад. *пос'це́л'а,* хотя не знаю, существует ли такое слово в белорусском языке. Повидимому, именительный вм. винительного в следующем месте грамоты: к тому листу *наша печать* завѣсили ѥсмо (гр. 1388 г. 23).

Звательный падеж в форме на *-и* не встречается, а в случае надобности заменяется формой именительного. Отметим из Псалт. XVII в.: повста҃те жъ ѱа҃тыро и' гусли (42), повста҃ *пса҃тыро* (119б) — формы, образованные по образцу основ на *-а-*.

Творительный падеж в основном славянском оканчивался на *-ьją* (ст.-слав. -ьмь), чему в древнерусском соответствует *-ью, -ию*. Эти окончания знают и старинные западнорусские произведения, напр.: ни҃ю шол'ковою (59 Тайна Тайных XVI в.), з' мыслїю (42б ib.), во властью (89б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) и под.: это *-ью*, т. е. мягкий согласный + *j* + *y* в живом белорусском языке, начало чему уже было положено давно, могло изменяться в группу: удвоенный согласный + гласный; удвоенный согласный мог сливаться в простой: нена́вист'ю (Ев. 1616 г. л҃ б) (хотя в надстрочном ' можно видеть и ь); охо́ццю пошов (Сл. Нос. 386), неохо́ццю (ib. 334) (ср. стр. 76), самохо́ццю (ib. 573), сы́ццью (Зап. V, 97), со́ллю (Шейн Б. П. № 142 Диснен.), но́ччу (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 9 Бых., 10 Мозыр., 14 Новоалекс., 15 Игум., 18 Витебск., 28 Себеж., 32 Орш.), наччу́ [ib. №№ 4 Могил. губ., 23 Минск., 31 Вилейск. (у наччу̀), Добров. Этн. Сб. I. 116 Ельнин.], ко́сьццю, ко́сьсю, ко́сцю (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 9 Бых., 10 Мозыр., 15 Игум., 25 Новогр., 28 Себеж.), сме́рцьцю (ib. № 28 Себеж.), под пе́ччу (ib.), за пе́ччу (Малев. 92 Слуцк.); pat p'eču, sḿérću, solu, žýźńu (Клих 271 Новогр.); то же в слове, перешедшем в это склонение от основ на *-jo-*: своёй *меччу* (Ром. V, 114 Рогач.), *меччу* махаить (Добров. IV, 680). Но группа *-ьj-*, как и вообще в русском языке, может быть изменена и в *-ej-*, откуда в твор. пад. *-ейу*, не без аналогии окончания основ на *-ја*: моцею (8 Сб. XV в. Публ. б. № 391), помочою (гр. 1432 г. СВ. 4), нощею (9 Сб. XVI в. Кунц.), агарою (11б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) и т. д.; в живой речи: ночо́ю (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), но́чею (ib. №№ 17 Речицк., 25 Новогр.), ко́сцею (ib.), крывёю (Н. Ніва 1910 г., 261); z hraźéju (Клих 271 Новогр.), za p'ečaju (16 Верига Pod.), z radascieju (Федер. II, 58 Свислочь); дальнейшим изменением этого окончания было *-ей*: но́чей (Мат. Б. № 13 Свенц.), ночо́й (ib. № 11 Новоалекс.), ко́сцей (ib. № 13 Свенц.), касцёй (ib. № 11 Новоалекс.), но́ччу косцёй пыпярьхнувся (ib. № 18 Витебск.), йржой (ib. № 28 Себеж.) (к *рожь*).

Местный падеж правильно соответствует старинному *-и*; иногда наблюдаются только отступления в акцентовке: в' ночи (56б Сб. XV в. Публ. б. № 391), в' нена́висти (Ев. 1616 г. 2д б), в' но́чи (ib. 2н), в' ночѝ (ib. 2н б, 2счг), по грязи́ (Шейн Б. П. № 495 Лепп.), ў пе́чи

(ib. д. № 73 Городок.), клеци (ib. № 46 Могил.; Мат. Б. № 7 Минск.), ў крыві́ (ib. №№ 4 Могил. губ., 8 и 15 Игум., 11 и 14 Новоалекс., 15 Свенц., 31 Вилейск.), ў кро́ви (ib. № 23 Минск.), ў ночи (ib. №№ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), ў (на) пе́чи (ib. №№ 3 и 4 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 12 Слуцк., 23 Минск., 31 Вилейск.), пячы́ (ib. № 8 Игум.), *пры́ смерци* ляжыць (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 31 Вилейск.), пры сме́рци (ib. №№ 6 Диснен., 8 Игум., 11 Новоалекс., 13 Свенц.), пойду ш я маладая *у начы́* (Мат. Б. № 24 Новогр.) (в рифму *идучы́*), ц naczy (Федер. I, 23 Свислочь). По аналогии основ на *-а-* в юго-западных белорусских говорах возможно в местном *-е*: ц pieczè (Федер. I, 18 Свислочь, ср. ib. 50, 91 Шидловцы), ц naczè (ib. 57 Суховоля), ц naczyjè (ib. I, 271 Шидловцы) (с дифтонгом на месте вторичного *-ъ*). Сюда же конечно относится *на шолонъ* (97 Лет. Авр. XV в.).

Множественное число

Именительный падеж представляет окончание, сходное с основным русским *-и*: кости мои сосхлѝ (100б Псалт. XVI в.), гру́дзи (грудь pl. t.) (Сл. Нос. 122), дзе́ци (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 31 Билейск.) и т. п.; по образцу основ на *-ја-* имеем: гуслѣ (Ц 20б Скор. XVI в., 1б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), велемо́жные рече (128 Псалт. XVI в.). Очень может быть, что в обоих случаях полонизмы (ср. Kalina, 216, gęsle). Некоторые слова переменили основы и склонение: скорб'ы (32б Катихиз. 1562 г.), свае *бровы* (Малев. 71 Слуцк.), brówa (Клих 176 Новогр.).

Родительный падеж на месте основн. слав. и ст.-слав. *-ьй* из *-ьјь* представляет *-ей*, как и в русском языке: рече' (31 Статут 1588 г.), мьстеи (65 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), мастеи (ПП 3б Скор. XVI в.), голенеи (МПК ib.), костеи (Ц 224б ib.), баснеи (А 142б ib.) и т. д.; сене́й (Зап. V, 272), дзецéй (ib. 259) при *дзе́цей* (ib. 252) (в рифму: *разбогаце́ци*), (ср. Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), но́чей (ib. № 8 Игум.), вачéй (ib. № 31 Вилейск.), гус'е́й, кас'це́й и т. д.; из безударного *-ьй* может появляться и *-ий*: духовны[x] *речи* (166 Катихиз. 1562 г.), *ма́тности* наши (88б ib.), темностий (75б Псалт. XVI в.), м ночи' (2б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), крови' (192б ib.), *ре́чїй* наꙋчи́лъ (2тѕ Ев. 1616 г.); иногда являются формы, объясняемые влиянием основ на *-ја*: Ко́лько у ви́шенце ви́шен, | Только у дзе́вочки *мысель* (Изв. 180), сем *нуоч* (Малев. 52 Слуцк.); есть даже случай подражания основам на *-јо-* [жардзёў (Мат. Б. № 31 Вилейск.)], позаимствовавшим свое *-оў* у основ на *-й-*.

Дательный падеж отражение основн. слав. *-ьмъ* в виде *-ем* знает обыкновенно под ударением (*'о́м*), но иногда и без ударения: дѣтемъ моимъ [гр. 1406 г. (Арх. С. I, 1)], сеножатемъ (13 Гродн. Акт. кн. XVI в.), рѣчо (18б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), по ночо[м] (131 Псалт. XVI в.) и др.; по сенём (Шейн Б. П. № 201 Лепп.), сянём

(ib. № 591; Мат. Б. № 32 Орш.), дзяцём (Ром. III, 98 Бых.; Мат. Б. № 28 Себеж.), дзе́цем [ib. №№ 6 Диснен., 9 Бых., 10 Мозыр., 18 Витебск. (дзе́цим), 23 Минск.]. В рассматриваемом падеже также сильно распространено (а в некоторых местах преобладает) и окончание основ на *-ja-*: болесьтѧмъ (33б Ев. Тяпин. 1580 г.), гусльмъ (18б Библ. кн. XVI в. № 262), дзе́цям (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск.), вочам (ib. № 31 Вилейск.), zeća*m* (Клих 268 Новогр.) и т. д.

Винительный падеж равен старинному на *-и*: оу *Жомоти* поидѣ (31 Увар.), но: поиде у Жомотьи (5 Вил. (где другая основа?); запыни *гуси* (Малев. 49 Слуцк.), за́чи (за очи) (Ром. V, 25 Могил.).

Творительный падеж представляет рядом со старинным окончанием *-м'и* из *-ьми*, также *-'ам'и*, зашедшее сюда от основ на *-ja-*. Примеры: дѣ̄ми [гр. XV в. (Вил. Сб. Пал. Сн.)], со всѣми податки *сънюжатми* [гр. 1486 г. (Арх. С. VI, 1)], жалостьми (15б Сб. XV в. Публ. б. № 391), великыми частми (12 Вил.), печатьми (40, 311 Статут 1588 г.), речъми (39 ib.), б'ров'ми (89б Тайна Тайных XVI в.), лестьми (А 23б Скор. XVI в.), речьми (Д 33 ib.) (рядом с *речами*), реч'ми (87 Катихиз. 1562 г.), брывьми (96 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), передˣ две́рми (Ев. 1616 г. на̄ б), при́повѣстьми (ib. т̄) и т. д.; сяньми́ (Шейн Б. II. № 584 Лепп.; Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 8 и 15 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 23 Минск.), дзверьми́ (Зап. V, 12 Ошм., ib. 117; Мат. Б. №№ 8 Игум., 31 Вилейск.), дзяцьми́ (ib. повсеместно), саньми́ (ib. №№ 7 Минск., 10 Мозыр., 31 Вилейск.), пе́чми, ачми́ (ib. № 8 Игум.), вачми́ (и *вача́ми*) (ib. № 31 Вилейск.), абрыцьми́ (ib.), гусьми́ (ib. №№ 10 Мозыр., 15 Игум., 17 Речицк.), вушми́ (ib. № 4 Могил. губ.); примеры на *-'ам'и*: речами (219 Сб. XVI в. Позн.), ланьыми (83б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) (может быть от им. пад. **ланьы*?), наˣ асльми (53б Сб. XV в. Публ. б. № 391), казнеми (31 Лет. Пер. Сузд. XV в.) — в двух последних случаях с переходом *а* безударного в *е*; в *дзецими* (Ром. I—II, 382 Орш.) *и* на месте безударного *а*. Отметим еще *косьцямы* (Ром. IV, 49 Могил.), где *ы* объясняется так же, как у основ на *-о-* (см. стр. 153).

Местный падеж представляет *-ех* или под ударением *-'ох* на месте основного славянского *-ьхъ*: о тыхъ *речяхъ* (гр. 1470 г.), въ рѣчоˣ (157 Четья 1489 г.), о треˣ рѣчѣхъ (9б Лет. Авр. XV в.), въ сенехъ (233 Гродн. Акт. кн. XVI в.), въ печатехъ (241 ib.), во вс'иˣ п'ремдрос'теˣ (10 Тайна Тайных XVI в.), по *заповѣдѣхъ* ходачого (250б Катихиз. 1562 г.), въ приповѣстеˣ (притчах) (59 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), оў приповестеˣ (49 Псалт. XVI в.), о̆ заповедеˣ (79б ib.), при гусleˣ (50 Псалт. XVII в.), в повестеˣ (32б ib.) и т. д.; ў санiо́х (Дм. П. и Ск. Вильн. 224 Новогр.), сянёх (Ром. I—II, 352), ў санёх (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 11 Новоалекс., 28 Себеж., 32 Орш.), у санёх (ib. № 13 Свенц.), жардзёк (ib. № 31 Вилейск.), ўв ачох (Малев. 45 Слуцк.), дзе́цех (Зап. I, 380), хотя в слоге безударном *-е-* могло бы явиться и из *-а-*. Под влиянием

основ на *-a-* может быть здесь и *-'ax*: во многи^{x} *болѣсти*^{x} (97б Псалт. XVII в.), ў сéнях (Зап. V, 264), по сéнях (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), аб вачах (ib. № 31 Вилейск.), na hruzáx, u séńax (Клих 272 Новогр.). Два случая нам встретилось на *-ux* [в злости^{x} свои^{x} (108б Псалт. XVI в.), во скорби^{x} (54б ib.)], в чем можно видеть фонетическую змену *-ex*.

В формах двойственного числа от *очы* и *ушы* мы говорили раньше (ср. стр. 110); вообще же от этих слов возможны образования и по множественному числу, как это можно было видеть из приведенных примеров.

5. Основы на *-ū-*

Уже в старославянском и древнерусском языках слова, принадлежавшие к этим основам, не представляли ничего типичного, кроме именительного единственного числа на *-ы*: большинство падежей их в старославянском образовывалось сходно со словами, принадлежащими к основам на согласные или на *-i-*; кое-где заметно было влияние и тем на *-a-*, основание чему было положено уже в индоевропейском праязыке, где смешивались образования на *ū* и *ūā*.

В белорусском языке, как мы уже имели случай говорить (стр. 21, 22), принадлежавшие сюда слова либо перешли в основы на *-a-* (церква, золвá), либо в основы на *-i-* (свякрóў, цéркоў); последние приняли окончание на *-оў* из *-ъвь*, формы винительного падежа единственного числа. Так как часто одни и те же слова принимают окончание *-ва* и *-оу*, то перед окончаниями падежей возможен и твердый и мягкий согласный. Такое же колебание наблюдается в старинных западнорусских произведениях. Древние формы встречаются очень редко: больше в текстах Священного Писания. Приведем образец склонения.

Единственное число

Именительный падеж. Только некоторое отражение старинного окончания находим изредка в древних произведениях: свершена бы҃ *цр҃кви* (86 Лет. Авр. XV в.), где *в* и мягкость его из косвенных падежей; бы҃ *браны* велика (62 ib.); обыкновенно же встречаем *-овъ*: церковъ (III Скор. XVI в.) (Владим. 278), *цéркоў* и *цéрква* (Шейн Б. П. № 150 Витебск.; Ром. III, 3 Сенн.), царквá (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 29 Новогр.), *цэ́ркуў* и *цэ́рква* (ib. № 4 Могил. губ.; ср. еще №№ 7 Минск., 8 Игум., 13 Свенц., 11 и 14 Новоалекс., 29 Новогр.), цэ́ркаў (Малев. 15 Слуцк.), любовъ (Скор. XVI в.) (Владим. 278), золвá (Изв. 179), свякрóў (Шейн Б. П. № 258 Велиж.) (Сураж.), свякрóва (ib. № 263). Сюда принадлежит конечно и *кроў*, в современном белорусском вполне совпавшее с основами на *-i-*, вследствие чего мы и приводили изредка примеры на это слово раньше. Наконец, на основании греч. ὀφρύς, др.-инд. bhrū-ṣ сюда может быть отнесено: броў (Мат. Б.

№№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 13 Свенц., 17 Речицк.), бро́ва (ib. № 14 Новоалекс.).

Родительный падеж: з' церквї (33б Ев. Тяпин. 1580 г.), цр҃квы (78б Сб. XV в. Публ. б. № 391), *цэ́ркзы* и *цэ́ркы̆вы* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), це́ркви (ib. № 8 Игум.), це́рквы (ib. № 11 и 14 Новоалекс.), царкви́ (ib. № 13 Свенц.), церкавы (ib. № 31 Вилейск.) и *царквы́* (ib.; ср. 6 Диснен.), cе́rkv́i и cе́rk'ĭv́i, śv́ekryv́í, kryv́í (Клих 271 Новогр.); въ *кровѣ* дѣла (82 Катихиз. 1562 г.) — старина, обыкновенно — *крыв'и́* (ср. Зап. I, 256).

Дательный падеж: це́ркви (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), св'акро́в'и; *цѐркзе* и *цярквѐ* (ib. № 31 Вилейск., ср. ib. №№ 6 Диснен., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 8 Игум.), крыв'и́.

Винительный падеж: за оуговь (396б Лет. Авр. XV в.), хороуго своѭ (74 Псалт. XVI в.), церкву (Ром. III, 3 Сенн., 193 ib.), *цэ́рквy* и *цэ́ркуў* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.) «или просто цэ́рку» (ib.), *цэ́ркаў* и *цэ́рквy* (Малев. 15 Слуцк.), *цѐркавy* и *церквѝ* (Мат. Б. № 31 Вилейск., ср. ib. № 6 Диснен., 11 Новоалекс.), cе́rkaą, kroą, śv́ekróą (Клих 271 Новогр.).

Творительный падеж: лю́бовъю́ (3б Тайна Тайных XVI в.), cе́rkaąiu (Клих 271 Новогр.), це́ркваю, це́ркаўю (Мат. Б. № 8 Игум.), цэ́рквый (ib. №№ 4 Могил. губ., 14 Новоалекс.), царкво́й (ib. №№ 6 Диснен., 11 Новоалекс.), *цѐркавай* и *царкъвдй* (ib. № 31 Вилейск.), кро́ўйу (ср. Шейн Б. II. № 103 Бых.), krywioju (Федер. I, 61 Волков.), кровéй (Дм. П. и Ск. Вильн. 173 Новогр.).

Местный падеж: цэ́ркви (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 14 Новоалекс.), ў це́ркыви (ib. № 5 Слуцк.), у царкве́ (ib. №№ 6 Диснен., 11 Новоалекс.), *цѐркве* и *цяркзѐ* (ib. № 31 Вилейск.), у криве (в крови) (Ром. Мат. Гр. II, 181 Сокольск.).

Множественное число

Именительный падеж. Старинное *-и* встретилось только в *тыкви* (57 Тайна Тайных XVI в.), где отражение древнего не западнорусского оригинала. Обыкновенно: цер'квы (159 Катихиз. 1562 г.), це́рквы, бро́вы, (Ром. I—II, 15 Белица, Малев. 71 Слуцк.), царкви́ (Мат. Б. № 7 Минск.), це́рквы (ib. № 14 Новоалекс.), бро́вы, брова (или даже *бры́ва*) (ib. № 4 Могил. губ.; ср. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 9 Бых., 10 Мозыр., 14 Новоалекс., 15 Игум., 17 Речицк.), брыви́ (ib. № 13 Свенц.).

Родительный падеж: мнѡго цер'ков' (159б Катихиз. 1562 г.), цэ́ркваў (Малев. 15 Слуцк.), царко́ў (и даже *цяркве́й*) (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), це́ркавей (ib. № 7 Минск.).

Дательный падеж: цэркваѝм (Малев. 15 Слуцк.), *це́ркваам* и *царквáм* (Мат. Б. № 14 Новоалекс.).

Винительный падеж = им. пад. *це́рквы* (Мат. Б. № 14 Новоалекс.).

Творительный падеж: цэркв*я́*ми (Малев. 15 Слуцк.), церкв*а́*ми (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), св'акр*о́*ва'ми, бр*о́*вями (Дм. П. и Ск. Вильн. 34 Новогр.).

Местный падеж: цэркв*я́*х (Малев. 15 Слуцк.) и *це́ркват*, церкв*а́*х (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), св'акровах. Интересно: в цр̄кво^{х} (Пс. 25. 12 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262).

Старинный именительный на *-ы* хотелось бы видеть в *жо́рны* = ст.-слав. **жрѣнъı**, но в народном сознании оно является именительным множественного числа, и к нему образованы род. пад. *жорно́н*, дат. пад. *жо́рнам* и т. д.

Слово *кроў — крывí* иногда заменяется производным *крыўл'а́ — крыўл'и́* и т. д.

6. Основы на согласные

α) Слова с основами на *-мен-*

В основном славянском и древнерусском языках сюда принадлежали слова мужского рода, оканчивавшиеся в именительном на *-ы*, и среднего рода на *-а*. Так как у слов мужского рода в именительный падеж рано проникло окончание винительного на *-ень*, то слова этого склонения приблизились к мягкому различию основ на *-о-*; следствием этого в отношении к памятникам старым западнорусским и современному белорусскому языку было то, что слова мужского рода основ на *-мен-* перешли в основы на *-ĭо-*. Память о старинном склонении сохраняется в ничтожных остатках. Слова среднего рода больше представляют старинных особенностей.

Таким образом у слов мужского рода встречаем, например, следующие формы:

Единственное число

Именительный падеж: камень (П 27 Скор. XVI в.), пламень (ib. С 31), к*а́*мень [Мат. Б. №№ 7 Минск., 8 Игум. (камянь), 17 Речицк.], кр*е́*мень [ib. №№ 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск., 18 Витебск. и 31 Вилейск. (кремiнь), 13 Свенц. (крам*е́*нь)], р*е́*мень (ib. № 22 Минск.), ячм*е́*нь (ib. № 11 Новоалекс.), вячм*е́*нь, мячмень (ib. № 4 Могил. губ.), к*а́*мянь (Малев. 16 Слуцк.). Обратим внимание на непонятное для нас *дны*: гето̄ то *дн̄ы* которого вчини҃ г҃ъ (117б Псалт. XVI в.) (ср. Зап.-русск. пер. псалт., 204).

Родительный падеж: каменя (139 Четья 1489 г.), камена (Б 52б Скор. XVI в.), корена (корене) (47 Ев. Тяпин. 1580 г.), ѿ камена (88б Псалт. XVI в.), з камены (65б Псалт. XVII в.). Раз встретилась и старинная форма: с камени (59 Библ. кн. XVI в. № 262). Здесь можно бы упомянуть и о старинных формах *дни* в наречных выражениях, о которых мы говорили при основах на *-i-*. Примеры из живой речи: каменя (с удержанием старинного *е* перед окончанием)

[Мат. Б. №№ 7 Минск., 8 Игум., 17 Речицк., Малев. 16 Слуцк. (-яня)], ячме́ня (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), кре́мня (ib. №№ 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск.) и *крѣ́миня* (ib. № 31 Вилейск.).

Дательный падеж: ка́меню [Скор. XVI в. Л. 47, Мат. Б. №№ 7 Минск., 8 Игум. (-яню), 17 Речицк., Малев. 16 Слуцк.].

Винительный падеж = именительному; отметим: ремена (ремень) (43б Ев. Тяпин. 1580 г.); в пословице: на *великодне* помянуто (Зап. I, 349) — в *дне* можно усматривать глубокий архаизм = ст.-слав. **дьнє**.

Творительный падеж: ко́ренемъ (Ев. 1616 г. к҃s б), каменомъ (240 Гродн. Акт. кн. XVI в.) (по твердому различию), камяням (Малев. 16 Слуцк.).

Местный падеж: ка́м'ɛн'и; ка́мяни (Малев. 16 Слуцк.).

Множественное число

Именительный падеж: каме́ньня (Мат. Б. №№ 7 Минск., 11 Новоалекс., 15 Игум.), камі͡э́нья (ib. № 10 Мозыр., ср. Малев. 16 Слуцк.) — формы ед. ч., названия собирательных. Есть и другие новообразования: каменеве (Э 9б Скор. XVI в.).

Родительный падеж: ячменевъ (32б Библ. кн. XVI в. № 262), каменеи (Скор. XVI в. Ч 4), каме́ньмяў (Мат. Б. №№ 7 Минск., 15 Игум.), каме́ннёў (ib. № 21 Слуцк.), камі͡э́ньеў (ib. № 10 Мозыр.), камянёў (Малев. 16 Слуцк.); сюда же принадлежат в родительном: сажанёў (Мат. № 31 Вилейск.), соро дновъ (85б Сб. XV в. Публ. б. № 391). Отметим: ź҃on, saž҃on (Клих 268 Новогр.).

Дательный падеж: каме́ньням (Мат. Б. № 7 Минск.), камі͡э́ньямъ (ib. № 10 Мозыр.) — новообразования к собир. *каменьня*.

Винительный падеж: *каме́ння* и *камяня́* (Мат. Б. № 15 Игум.).

Творительный падеж: камі͡э́ньями (Мат. Б. № 10 Мозыр.).

Местный падеж: на кам'ɛ́н'ах.

Слова среднего рода представляют больше остатков старинного склонения: кроме именительного единственного числа на *-а* из *-ѧ*, в косвенных падежах о старине свидетельствует появление лишнего слога *-ен-*, а также необычное в некоторых говорах окончание родительного и дательного падежей на *-и*. О том, что слова этого склонения могут принимать в именительном *-е* и переходить в основы на *-ję-*, речь у нас уже была раньше (ср. стр. 16).

Приведем примеры относящихся сюда слов.

Единственное число

Именительный падеж: *и мѧ* тобе на҃ (85б Псалт. XVI в.), рамѧ (ib. 14,90), имѧ (52б Псалт. XVII в.), беремѧ (9б ib.), поломѧ (78б ib.), по́лымя (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых.),

имя́ [ib. №№ 6 Диснен., 7 Минск. (ймя), 13 Свенц, 14 Новоалекс., 18 Витебск., 29 Новогр., 31 Вилейск.], ймя́ (ib. №№ 4 Могил. губ., 10 Мозыр.), и́мя (ib. №№ 11 и 14 Новоалекс., 28 Себеж.), плимя́ [ib. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых. (племя́)], плямя́ (ib. № 7 Минск.), розуму *бярэмя* маеш, чэлавечэ (Н. Ніва 1910 г. 375); йме (XV в. Недеш.), име (1524 г. ib.), семе (сема) (31 Ев. Тяпин. 1580 г.), знаме (33б ib.), *ра́ме* сѣ́ое (101 Псалт. XVII в.), по́лыме (Зап. V, 120; Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 8 Игум.), пле́ме (Зап. V, 267; Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 29 Новогр.), плеймё (ib. № 12 Слуцк.), и́ме (ib. № 29 Новогр.); и́мя́ (Малев. 15 Слуцк.), пле́мя (ib. 16); иногда допускаются дальнейшие распространения: имі͡е́нё (Мат. Б. № 29 Новогр.), имення (ib. № 13 Свенц.), i̯и́ńo, śéńo, plémi̯o, vúńěńo, załatói̯o streńéńo (Клих 11 Новогр.).

Родительный падеж: племени (118 Сб. XVI в. Позн.), беремени (5 ib.), и̂мени дела (26 Псалт. XVI в), з и́ме́ни (110 Псалт. XVII в.), и́ме́ни (147 ib.), дла и̂мени́ е̂го (Ев. 1616 г. рм̄в); и́мяни (Мат. Б. №№ 8 Игум., 13 Свенц; Малев. 15 Слуцк.), и́ме́ни (Мат. Б. № 23 Минск.), пле́мени (ib. № 11 Новоалекс.), пле́мяни (Малев. 16 Слуцк.); рядом с этим окончанием, собственно принадлежащим основам на *-ĭ-*, имеем и *-а* (с предыдущей мягкостью согласного), заимствованное у основ на *-о*: ис племена (77б XV в. Публ. б. № 391), имена (183, 210 Сб. XVI в. Позн.), племена (Ч 8 Скор. XVI в.), времена (Д 24б ib.); и́меня (Бесс. Б. П. № 152), имѐня (Мат. Б. № 31 Вилейск.), ńi̯i̯akaho *streńéńa* (Клих 12 Новогр.) и даже ńa bú́ze streńéńe (ib.) (где конечное *е* на месте *а* безударного с предыдущей мягкостью согласного; об основном *-е* конечно не может быть речи); иногда в родительном не бывает и «наращения» *-ен-*: «слова и́мя́, племя́, у́ре́мя употребляются без перемены во всех падежах» (Мат. Б. № 10 Мозыр.), по́лымя (ib. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 Игум.), и́мя́ (ib. №№ 6 Диснен., 14 Новоалекс.), *стре́мя* нима (ib. № 16 Игум.), по́лымя (Малев. 15 Слуцк.), б'аре́м'а (ср. Обзор, 125), поломя (Ром. I—II, 421), у́ремя (ib. IV, 41 Городок.). Любопытна форма на *-ю*: *и̂меню* дела (24б Псалт. XVI в.).

Дательный падеж: и̂мени (65б Псалт. XVI в.), именю (20б, 63б ib. Скор. XVI в. Л 47). То же в современной речи: пле́мени (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), и́мяни (Малев. 15 Слуцк.), пле́мяни (ib. 16), полымю (ib. 15, Мат. Б. № 6 Диснен.), именю (ib. № 13 Свенц.); формы без *-ен-* тоже возможны: и́мю́ (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 14 Новоалекс.; Малев. 15 Слуцк.), пл'е́м'у, ц'е́м'у.

Винительный падеж = именительному: в' и̂ма (Ев. 1616 г. чв̄), имя́ (Мат. Б. № 6 Диснен.), по́лымя (ib. № 6 Диснен.) (при ст.-слав. **пламы**), пле́мя (ib. № 11 Новоалекс.); отбираем жито што на *еме*, а што на *семе* (Сл. Нос. 723) и т. д.

Творительный падеж: пле́менем (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), и̂мено^{м} (20 Сб. XV в. Публ. б. № 391), где может быть отсутствие обозначения мягкости или заимствование из твердого различия основ

на *-о-*; обыкновенно здесь преобладают формы без *-ен-*: назоветь *има*ѫ (128 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), полома*ѫ* (107б Псалт. XVI в.), *ймям* своим (Ром. V, 95), у́ре́мем (ib. I—II, 125 Перер.), уремям (ib. IV, 212 Клим.), полымям (Мат. Б. № 6 Диснен.), имём (ib.), имем (ib. №№ 13 Свенц., 31 Вилейск., 14 Новоалекс.), и́мям, по́лымям (Малев. 15 Слуцк.), пле́мям (ib. 16).

Местный падеж больше сходен с дательным: пле́мяня (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), по́лыми (Малев. 15 Слуцк.), во и́меню (148 Псалт. XVII в.), по́лыми (-ю) (Мат. Б. № 6 Диснен.), и́ми́ (ib. №№ 6 Диснен., 14 Новоалекс.) па ѝмю (ib. № 31 Вилейск.), у плѐми (ib.).

Множественное число

Именительный и винительный падежи: рамена (75б Псалт. XVII в.) има*на* (Ц 170 Скор. XVI в.), времена (ib. Э 17), вымана (П 46б ib.) (куда -а [-ѧ] зашло из им. пад. ед. ч.), йм'о́на, им'а́.

Родительный падеж: и́меў (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), и́м'аў, йм'е́н'аў, с стрым'о́н.

Дательный падеж: йм'е́н'ам, и́м'ам.

Творительный падеж: *имены* звано ихъ (260 Гродн. Акт. кн. XVI в.), знаме̑ми (97б), йм'о́нам'и, йм'е́н'ам'и.

Местный падеж: по временихъ (24б Лет. Авр. XV в.), по именехъ — рядом с *по именохъ* (Ч 6б Скор. XVI в.), по именахъ (ib. 7), по племенохъ (Б 22б Скор. XVI в.) рядом *во племенехъ*, йм'е́н'ах. Таким образом рядом с древним на *-ех* видим и другие образования.

β) Слова с основами на *-ent-*

Принадлежащие сюда названия молодых животных и вообще детей в белорусском языке изменяются по согласному склонению, тогда как в русском, кроме слова *дитя*, подобные слова заменяются образованиями на *-'онок*, которых в белорусском совершенно нет. Среди рассматриваемых основ в белорусском есть и новообразования, но все они строго следуют старине. Приведем образцы.

Единственное число

Именительный и винительный падежи: Сб. XV в. Публ. б. № 391: звѣра (43б), дата (51); Гр. 14. (Бел. Арх. I, копия XVII в.): княжа; Катихиз. 1562 г.: тела (15); Псалт. XVI в.: *щена* львово (18), ѡ̑*ча* згиноулое (125б); Сб. XVII в. Син. № 790: *зерня* велми мякко (163); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: *тѣля* молоде̑кое (12б); Псалт. XVII в.: быдля̀ (55). Из живой белорусской речи: во́ўча (Мат. Б. № 31 Вилейск.), вовча́ (ib. №№ 9 и 16 Бых., 17 Речицк., 25 Новогр.), дзиця́ (ib. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 29 Новогр.;

Шейн Б. П. № 37 Витебск.)[1], жарабя́ (Бесс. Б. П. № 102; Мат. Б. №№ 8 Игум., 9 и 16 Бых., 17 Речицк., 25 Новогр.), зерня́ [ib. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 8 и 15 Игум. (зе́рня), 9 Бых., 17 Речицк., 25 Новогр.], парася́ (ib. №№ 5 Слуцк., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 17 Речицк., 25 Новогр.), купи́ла парася́ (Ляцк. Посл. 30 Борис.), порося́ (Бесс. Б. П. № 102), тяля́ (ib.), цяля́ [Мат. Б. №№ 4 Могил. губ. (циля́) 5 и 12 Слуцк., 9 Бых., 15 Игум.], мой *це́ля* хвостом ме́ля (ib. № 18 Витебск.), ягня́ (Бесс. Б. П. № 102; Мат. Б. № 17 Речицк.), дьзяўча́ [Малев. 42 Слуцк., 64 ib., 80 ib. (дьзя^{е}ўча́)], нёбожа́ (Сл. Нос. 327), паня́ (барченок) (Бесс. Б. П. № 117; Мат. Б. №№ 16 Бых., 17 Речицк., 25 Новогр.), живе́ць, як *пыня́* — ни коровы ни коня (ib. № 18 Витебск.), щеня́ (ib. №№ 9 и 16 Бых., 17 Речицк., 25 Новогр.), свинча́ (ib. № 17 Речицк.), ź́ićá, ćelá, žerebjá, ʒ̨eʒ̨cá (Клих 269 Новогр.). Рядом с указанными образованиями существуют еще более распространенные — с прибавкой перед окончанием суффикса *-ен-*: гарбузеня́ (Мат. Б. № 23 Минск., Малев. 169 Слуцк.), казляня́ (ib. 175), кураня́ (ib. 179, Мат. Б. № 17 Речицк.), kureńá (Клих 187 Новогр.), lẃeńá (ib. 269), котеня́ (Мат. Б. №№ 9 и 16 Бых., 17 Речицк., 25 Новогр.). Возможен именительный падеж на *-е* и на *-о* (с предыдущей мягкостью), как у основ на *-ĭо-*: великое княже (Бел. Арх. I 1615), це́ле (Зап. V, 105), парас'о́ (Дыб. 445 Посл.) дзице́ (Шейн Мат. I, 596 Пореч.), щане́ (Мат. Б. № 13 Свенц.), ягняце́ (ib.), ваўчане́, жарабе́, щане́, ваўчо́, кацяне́ (ib. № 31 Вилейск.), парасе́ (Ляцк. Посл. 30 Борис.).

Родительный падеж: кнежати [гр. 1497 г. (Арх. С. 1. 4)], дитати (7 Сб. XVI в. Позн.). ѡ хлопчати (13б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), дѣтчати (ib. 222), даже — своего дѣтчате (16, 222 ib.) (со старинным окончанием согласных основ); дзицяци (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 7 Минск., 11 Новоалекс.), зерняци, парясяци (ib. № 5 Слуцк.), цяляци (ib. № 7 Минск.), kureńáći (Клих 187 Новогр.), дьзицяци, цяляци (Малев. 16 Слуцк.). Рядом с подобными окончаниями встречаются и свойственные основам на *-о-*: того^{ж} детата (64б Сб. XV в. Публ. б. № 391), ѡ дитата твоего (II 35б Скор. XVI в.) (но Б. 37б: не увижу дитати). Стремление уравнять по числу слогов косвенные падежи с именительным произвело и здесь возможность склонения и без «наращения», так что *д'з'иц'а́* или *д'з'иц'о́* может иметь род. пад. *д'з'иц'а́*: з е́тыго *диця́* ня будиць пупя́ (Мат. Б. № 18 Витебск.), гетакаго дзиця (Ром. IV, 41 Горецк.).

Дательный падеж: дзицяци (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 11 Новоалекс.), каб нашиму *цицяци* да вовка пыймаци (ib. № 18 Витебск.). По образцу основ на *-о-* имеем: дзицяцю (Шейн Б. П. №№ 28, 31 Витебск., Мат. Б. № 13 Свенц.); довольно странное образование: *цяляце* (ib. № 24 Новогр.).

---

[1] По образцу косвенных падежей *д'з'иц'а́ц'и* и т. д. образовался и редкий именительный *дзицяця* (Шейн Б. П. № 576 Лепп.).

Творительный падеж: кн҃жете^{м} (64б Крас.). дзиця́цем (Шейн Б. П. № 129 Лепп., Мат., Б. № 13 Свенц.). Вообще же в творит. п. преобладают формы без «наращения»: съ телемъ (243 Гродн. Акт. кн. XVI в.), з дита^{м} (88б), дзи́ця́м (Мат. Б. №№ 6 Дисн., 11 Новоал.), дзицём (ib. № 14 Новоал.), дзицю́бом (ib. № 10 Моз.), цялём (ib. № 7 Мин.), дьзи́цям, це́лям (Малев. 16 Слуцк.) Вероятно, заимствование из литературной речи: дзицяцей (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), дзяцёй (Словарь Даля^{2}, LXIX).

Местный падеж = дательному: дзиця́ци (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 11 Новоалекс.). Интересно: аб дзяце́ (ib. № 14 Новоалекс.).

Множественное число

Именительный и винительный падежи: кн'жата (1, 26 Сб. XV в. Публ. б. № 391). овчата (9б Лет. Авр. XV в.). княжата, панята (46 Статут 1588 г.), *пис'клѧта* корм'ный (57 Тайна Тайных XVI в.), кн҃жата (Ил. 3б Скор. XVI в.), звѣрата (Л 21б ib.), внучета (1 32б ib.), лисенѧта (83б Библ. кн. XVI в. № 262). вн҃чата (101б ib.), звѣрата (50б Псалт. XVI в.), напоива^{т} все зверѧта по҃ные́ (103б ib.), внучата есмо (Сб. XVII в. Син. б. № 790 РФВ, XXIII, 282), кн҃жата (25б Псалт. XVII в.), такъ люди ꙗко и *звѣрата* заховываѣ҃ гд҃и (5 ib.); волченя́та (Бесс. Б. II. № 124), козленя́та (ib.), ваўчанята за казьлянята (Малев. 23 Слуцк.), ц'ел'а́та, парас'а́та, пан'а́та (Дыб. 118 Посл.). Как и у слов среднего рода вообще, и здесь нередко *-ы*: нёбо҃жа́ты (Сл. Нос. 327); ваўчаня́ты, парася́ты, циляты (Мат. Б. № 31 Вилейск.); дзяўча́ты (ib. № 11 Новоалекс.), kurčata, ćeláta, kureńáta (Клих 269 Новогр.).

Родительный падеж: медведѧтъ (Ц 98 Скор. XVI в.), львенѧтъ (18б ib.), ослѧтъ (С 40б ib.), зернѧтъ (Л 5б ib.), роб҃ѧ (115б Псалт. XVI в.), ведзмя́т (Шейн Б. II. № 212 Гродн.), паня́т (Зап. I, 375) и т. д.; kurčа́t (Клих 269 Новогр.).

Дательный падеж: представляет обыкновенно *-омъ*, но бывает и *-амъ*: кн҃жатомъ (гр. 1440 г. СВ. 7), *кн҃жата^{м}* и *пан҃ѧто^{м}* ри^{м}ски^{м} и шлѧ^{х}тамъ и все^{мS} поспо҃ствѹ (64б Крас.); бы҃ѧто^{м} (49 Псалт. XVI в.), зверѧто^{м} (82 ib.), кн҃жато^{м} (88 ib.); лвѧто^{м} (43 Псалт. XVII в.), звѣрѧто^{м} (58 ib.); д'з'ая́ўча́там, ц'ал'а́там, kurčа́tam (Клих 270 Новогр.) и т. д.

Творительный падеж: в старинных произведениях иногда представляет древнее окончание на *-ы (-и)*: з моими хлопѧти (136 Сб. XVI в. Позн.), поставишъ *кн҃жаты* на^{д} всею землею (23б Псалт. XVII в.); в современной речи обыкновенно *-ами*: з ваўчанятами, с казьлянятами (Малев. 24 Слуцк.).

Местный падеж: обыкновенно имеет *-ах*: парас'а́тах.

В ź́ve ćeláći (Клих 142 Новогр.) — форма двойственного (ср. стр. 109—110).

γ) Слова с основами на *-es-*

Принадлежавшие сюда слова уже в старославянском нередко образовывали свои формы без *-es-* по образцу слов среднего рода с основами на *-o-*. В старинных западнорусских памятниках сильно заметно стремление идти в указанном направлении; а в живой белорусской речи все слова этого склонения перешли в твердое различие основ на *-o-*. Суффикс *-es-* наблюдается в немногих случаях, сохраняя чисто словопроизводственный характер.

В старинных произведениях, отчасти под церковнославянским влиянием, встретились, между прочим, следующие формы с *-ес-*: на небеси (287 Сб. XVI в. Позн.), в словесѣ (4б Лет. Авр. XV в.), телеса (71 Крас.), небеса (30 Псалт. XVII в.), чюдеса (109б Псалт. XVI в.), превышей нб҃съ (11б ib.), с'корь с'ловесы (89б Тайна Тайных XVI в.), въ колесєхъ (119 Сб. XVI в. Позн.), на небесе^{х} (4б Псалт. XVII в.), на́ нб҃сехъ (Ев. 1616 г. 2а). Но в тех же памятниках довольно распространены и формы без *-ес-*, напр.: въ оце (8б Ев. Тяпин. 1580 г.), на небе (25 ib.), въ ѻ҃кѹ҃ (8б ib.), двоа тела (75 Сб. XV в. Публ. б. № 391), вси слова (53 Псалт. XVI в.), чюда (79 ib.), оуха твои (129б ib.), небо небо҃ (199 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), с'лово^{м} (6 Тайна Тайных XVI в.), словамъ (ср. 37б Скор. XVI в.), оувери^{и} *слово*^{м} (107б Псалт. XVI в.), чудо^{м} его (67 Псалт. XVII в.), ѡчомъ мои^{м} (152б ib.), ку слова^{м} (63б ib.), оуха маю^{т} (115б Псалт. XVI в.), словы неучътивыми (60 Статут 1588 г.), мовячы тыми словы (35 Гродн. Акт. кн. XVI в.), ласкавыми словы (Э 22б Скор. XVI в.), сими словы (118б Катихиз. 1562 г.), по словахъ (II 40б Скор. XVI в.), словехъ тыхъ (21б Катихиз. 1562 г.), ѡ҃ чюдо^{х} (107 Псалт. XVI в.), оу҃ слова^{х} свои (51б ib.), в' ѡча^{х} (130б Псалт. XVII в.), на́ нбѣ҃ (Ев. 1616 г. ч҃д б), оу҃хамъ (ib р҃0 б), ѡ҃чамъ (ib. 2 мв), уша обрѣзати (391 Статут 1529 г.) и т. д.

Из современной белорусской речи отметим: *кал'о́сы* (*калёсы* Мат. Б. № 31 Вилейск.) при ед. ч. *ко́ло, ко́ла* и т. д.; иногда встречается в ед. ч. *ко́л'ясо* (kòleso Федер. I, 217 Свислочь). Впрочем, *кал'о́сы* обособилось в отдельное слово и значит — *телега*: баба з *ка'ло́с, кал'о́сам* л'ахчэ́й (Дыб. 29 Посл.), го́ниць туру́сы (треск) на *коле́сах* (= говорит вздор) (Зап. I, 285), як застучэ́ли ку́ты *колёсы* на дворы́, як заплакала млада Гапулька ў камори (Шейн Б. П. № 577 Диснен.) (здесь *кал'о́сы ку́ты* значит: телега с кованными колёсами); колесьмы́ (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 31 Вилейск.). Слово же *коло* (колесо) имеет мн. ч. *ко́ла(ы), кол* и т. д. Еще иногда встречаются с *с*: *нябёсы* Христовы (Ром. V, 82), небёсы [Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 28 Себеж. (небесы́)], ў нибясо́х (ib.), дзиво́сы (ib. № 4 Могил. губ.). У Романова еще читаем: Ик приехав мой миленький до дому | Ды сказав мне *словеса*, ды узяв за волоса (I—II, 230 Сенн.). В другом месте: Ну, благодарим, старуха, табе за хорошия *словаса́* (III, 255

Черик.). Вообще же говорят: на нéби (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), на нéбя (ib. 6 Диснен.), нá небе (ib. № 9 Бых.), нéба (ib. № 14 Новоалекс.), нéбо, нéба, нéби (Малев. 16 Слуцк.). *Вóко, вýхо* во множественном числе, как мы уже имели случай указывать, представляют древние формы двойственного: *вóчы, вýшы*, изменяемые обыкновенно по множественному числу [ср. вóчий (Зап. I, 310), воч (Шейн Б. П. № 435 Лепп.), вачьмú (Зап. I, 274) и т. д.].

δ) Слова с основами на *-er-*

Это склонение в современном белорусском языке представлено всего одним словом *мáц'и*, рядом с которым однако едва ли не чаще употребляется и *мáтка*; другое слово **дчú* (ст.-слав. **дъштн**) всегда заменяется производным *дóчкá*.

В старинных произведениях и в современной речи это склонение представляется в следующем виде:

Единственное число

Именительный падеж: дчи (275 Лет. Авр. XV в.), мати (202 Катихиз. 1562 г.); в роли именительного иногда является и форма винительного: матерь (И 6б Скор. XVI в.), мáци (Шейн Б. П. № 377 Лепп., № 246; Зап. V, 113; Мат. Б. №№ 5 и 12 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 29 Новогр.; Малев. 42, 105 Слуцк.), macі (Федер. I, 159 Суховоля); рядом с этими образованиями встречаем: маць (Зап. V, 112) (в рифму с *ўзяць*), Юрьева маць (Шейн Мат. I № 161 Чаусск.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 13 Свенц.), мáцяра (ib. № 8 Игум.); в одном ответе на белорусскую программу (№ 11 Новоалекс.) замечено: «слово маци употребляется только в песнях». Вероятно, не чисто белорусское *дочи* (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), как и *дочар* (ib. №№ 8 Игум., 13 Свенц.: Ром. I—II, 19 Рогач.; III, 304 Бых.); у Романова же встречаем и *матар* (V, 100 Гомельск.).

Родительный падеж: глубокая старина в *матере* (31 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), купец ня дае Бужия *Моцери* (Ром. III, 322 Рогач.), мáцяры (Малев. 16 Слуцк.), máćery (Клих 271 Новогр.).

Дательный падеж: лихо твоей *матяри* (Бесс. Б. П. № 80), лихо тваёй мáтары (Малев. 16 Слуцк., ср. Мат. Б. № 31 Вилейск.).

Винительный падеж: *мáцяр* и *мáцару* (Малев. 16 Слуцк.), мáцяру (Мат. Б. № 8 Игум.; Клих 271 Новогр.) (máćeru). В разных говорах имеется *маць* и даже *ма* в известном ругательном выражении, зашедшем сюда извне.

Звательный падеж: мáци (Сл. Нос. 283, Малев. 77 Слуцк.), пи, маци, вóду (Мат. Б. № 24 Новогр.).

Творительный падеж: с матерью (30 Увар.), мáцяраю (Мат. Б. № 8 Игум., Малев. 16 Слуцк.), máćereju (Клих 271 Новогр.). Любопытно: мацером (Ром. III, 217 Бых.).

Местный падеж = дательному: máćery (Клих 271 Новогр.).

Во множественном числе *маци* обыкновенно заменяется словами производны́ми. В старинных произведениях нам встретилось: дъщере (им. вм. вин. в текстах Св. Писания) (55 Катихиз. 1562 г.). Из записей современных отметим: ма́цяры, ма́цяроў (Малев. 16 Слуцк.). У Романова (V, 101 Чаусск.) встречаем еще им. пад. *дочи*. У него же (III, 304 Бых.) вин. пад.: ўлюбився король у любимыя *дочи* своѐ.

Таким образом *маци* является единичным представителем склонения с основами на *-ьr-*; по своему окончанию оно напоминает формы родительного, дательного и местного основ на *-i-* женского рода (кбсци). Это обстоятельство было причиной того, что народ стал употреблять *ма́ци* как общую форму для всех падежей, задатки чего уже находим и в старинных памятниках [к дъщи (140б Катихиз. 1562 г.)].

Родительный падеж: уже табе тваей *ма́ци* век не вида́ци (Зап. V, 258), просилася, моли́лася доченька у *ма́ци* (ib. 257), у зна́ци (знакомых) як у родной *ма́ци* (Зап. I, 447).

Дательный падеж: выйдзи на сустре́чу прачи́стой *ма́ци* Богородзицы (Шейн Б. П. № 141 Витебск.) пусци́це мене к моей родной ма́ци (Зап. V, 258), поклонимся прячистой *маци* (Ром. V, 97 с. Радомль), своей родной *маци* (Шейн Мат. I, 356 Игум.), ку своёй *дочи* (Ром. III, 304 Бых.).

Винительный падеж: бери́, блазню́к, бери́, да уме́й шанова́ци, як родную *ма́ци* (Сл. Нос. 27), тваю *маци* (Кар. 68 Трок., ср. Малев. 157 Слуцк.) (последняя строка).

Творительный падеж: маций (Шейн Б. П. № 718 Лепп.), з маци (Шейн Мат. I, 342 ib.; Кар. 66 Трок.), ня буду вашей *маци* (Ром. I—II, 388 Сенн.).

Также и в одном ответе на белорусскую программу (№ 17 Речицк.) читаем замечание, что *маци* в разных падежах употребляется без перемены.

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

На рубеже между склонениями имен существительных и прилагательных в живых русских, белорусских и украинских говорах, да и в древнерусских, стоит склонение местоимений, которые по своим окончаниям, с одной стороны, приближаются к именам существительным (личные местоимения и возвратное), а с другой — как основная часть вошли в склонение имен прилагательных полных.

А. СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ И ВОЗВРАТНОГО

Склонение личных местоимений и возвратного в белорусском языке удержало больше старинных образований, нежели в русской литера-

турной речи. Об особенностях в образовании основ мы уже имели случай говорить (стр. 52); здесь рассмотрим падежные формы.

Единственное число

Именительный падеж. Старинное *азъ — язъ* (рядом с *я*) встречается обыкновенно лишь в древнейших памятниках, и, как плод влияния церковнославянского языка, держится довольно долго, например: язъ [гр. 1398 г. (А. XI, 3), 1406 г. (Арх. С. 1,1)], азъ [гр. 1454 г. (Арх. С. II. 3), Библ. Скор. XVI в. (Владим. 287)] и др.; обыкновенно же, как и вообще в русских памятниках, господствует *я* (ꙗ, ѧ), напр., Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 л. 87б, 124; Псалт. XVI в. 7б; Библ. Скор. XVI в. (Владим. 287) и т. д. Живые говоры, как и большинство других славянских языков, знают только *ja*. Для 2-го лица *ты*.

Родительный падеж старинных памятников и современной белорусской речи возводится к основн. слав. *мене*, *тебе*, *себе*, напр.: у мене (4 Вил.), в мене (75 Крас.), мене (Ев. Тяпин. 1580 г. 36б), до мене [Псалт. XVI в. 7б; Библ. Скор. XVI в. (Владим. 287)], ѿ мéне (Ев. 1616 г. м̄д б) и т. д.; от тебѣ (33 Увар.), їс тебе (41 Сб. XVI в. Крас.), ѿ тѣбе (19б Тайна Тайных XVI в.), тебѣ (19б Псалт. XVI в.), ѵ тебе (12 Псалт. XVII в.), не будѐ въ *тебе* бг̄а чужого (75б ib.); ѿ сéбе (Ев. 1616 г. ꙁв̄) и т. д., у себе (63 Статут 1588 г.), ѿ себе (7б Псалт. XVI в.), *себе* самбго (111 Псалт. XVII в.) и т. д.; в современных говорах: мяне́ (Шейн Б. П. № 410 Лепп.; Изв. 177; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 12 Слуцк., 31 Вилейск.; Малев. 16 Слуцк.) мине́ (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 17 Новогр.; Мат. Б. №№ 14 Новоалекс., 32 Орш.), цябе (Шейн Б. П. № 8 Лепп.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 21 Слуцк., 31 Вилейск.; Малев. 16 Слуцк.), цибе́ (Мат. Б. №№ 14 Новоалекс., 32 Орш.), сябе́ (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 31 Вилейск.) и др., сибе́ (Дм. П. и Ск. Вильн. 38 Новогр., 14 Новоалекс.) и т. д. Не вижу основания возводить рассматриваемые формы к *мень*, *тебь*, *себь* (ср. Собол., Лекции[4], 65), которые могли возникнуть под влиянием родительного падежа основ на *-ja-* (как *земль*). Смущаться тем, что под ударением это *е* не перешло в *о* (*ё*), нечего, так как от подобного перехода удерживала аналогия таких форм, как *твае́*, *сваé*, где действительно в окончании следует предполагать др.-русск. *-ѣ*. Еще отметим две довольно редкие формы родительного: *мени* и *мены*, обе из Витебск. у.; первая в следующем сочетании: Ни отдавала *мени* матка, | Ни отдаваў *мени* бацька... (Зап. V, 517), где местоимение, повидимому, безударно и поэтому изменило свое *е* в *и*; второе в выражении: хто это ў *мины* ў норы сядзиць (Зап. V, 704), где, может быть, и простая описка или опечатка под влиянием следующего *норы*. Не решаюсь утверждать, чтобы в указанных формах было морфоло-

гическое явление. Интересно: да тѣ, выдя старая женà (Ром. Мат. гр. II 186 Сокольск.), но там же *ў тибѣ*.

Дательный падеж. Обычные формы дательного — *мнѣ*, *тобѣ*, *собѣ* — правильно отражают древнерусские образования; в современной речи на месте коренного *о* обыкновенно бывает *а*. Примеры: мне (17 Псалт. XVI в., Библ. Скор. XVI в.) (Владим. 287); тобѣ [2, 6 Вил.; 77 (78) Крас.; 47 Сб. XVI в.; Крас., 32, 34б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262; 7б Псалт. XVI в.; 9, 28б ib.; Сб. XVII в. Вил. № 107], нехай *тобѣ* бл҃гвви (22 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), *тобѣ* ѯрѯгали (72б Псалт. XVII в.), котóрое *тобѣ* є́сть и҃мà (Ев. 1616 г. 2рлѕ б), тóбѣ (1 Тайна Тайных XVI в.) и т. д., тобе [14б Сб. XV в. Публ. б. № 391; 28 Увар.; 28б, 36, 45 Ев. Тяпин. 1580 г.; Библ. Скор. XVI в. (Владим. 287)], тобѐ (13 Тайна Тайных XVI в.); собѣ [гр. 1406 г. (Арх. С. I, 1); 1454 г. (ib. II, 3); 2 Лет. Пер. Суздл. XV в.; 2,3 Вил.; 10 ib.; 18 Статут 1588 г.; 55 Гродн. Акт. кн. XVI в., 2б Тайна Тайных XVI в.; 1, 31 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 л.; 33 Библ. Скор. XVI в. (Владим. 287); 65б Сб. XVII в. Вил. № 107], събѣ (45 Псалт. XVI в.), собе [1 Сб. XV в. Публ. б. № 391; гр. 1480 г. (Арх. С. VII, 6); 64б Крас.; 69б ib.; 29 Статут 1588 г.; 32 Ев. Тяпин. 1580 г.; 85б Псалт. XVI в. и т. д.]; из живых говоров: мне (Шейн Б. П. № 1 Лепп., Мат. Б. № 4 Могил. и т. д.); тобе (Бесс. Б. П. № 3), табé (Шейн Б. П. № 3 Лепп., Мат. Б., повсеместно), табі́é (Малев. 16 Слуцк.); собе (Шейн Б. П. № 6 Лепп.), сабé (ib. № 14, Мат. Б., повсеместно), сабі́é (Малев. 20 Слуцк.). — Рядом с перечисленными господствующими образованиями встречаются и другие, объясняемые влиянием русской литературной речи с ее формами *тебе*, *себе*, таковы: цибé (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 38 Новогр.)[1]; цибé, сибé (Мат. Б. №№ 18 Витебск., 26 Себеж.), тябé, сябé (ib. № 9 Бых.); в подражание этим формам образовано иногда встречающееся *мене*: мянé (Шейн Б. П. № 393 Лепп.), минé (ib. № 425 Велиж.) (Сураж.), мене (Ром. I—II, 12 Белица; Мат. Б. № 25 Новогр.), як гóра *мене* було (Ром. VI, 24 Гомельск.), мини (Шейн Б. П. № 408 Витебск.) (ни жаль *мини* ни хустыньки), где *и* на месте звука безударного. Отметим, повидимому, форму дательного в *мижда соби* (Ром. VI, 44 Горецк.). — В дательном падеже еще изредка встречаются формы энклитические, напр.: ми (40 Статут 1588 г.; 13, 26, 116 Псалт. XVI в.; 13, 40 Псалт. XVII в. и т. д.). В живой речи энклитических образований дательного падежа, повидимому, нет; впрочем: да тѣ, матѝ, сени новыя, а мне... (Ром. Мат. Гр. II, 4 Слоним.), ой як жа мне тѣ не датѝ (ib. 8 Гродн.); изредка

---

[1] Ср. в Гродн. издании (39):

Не плачь, любушка мая,
Падару, радасць цибе...

встречающиеся в песнях *-се*, *-си*, как: женюсе [Собол. (РФВ, VI, 223)], ци вы гуси не наплавалиси (Ром. I—II, 39 Сенн.), жаницисѝ (ib. 271, 258), сыляталисѝ (ib. 273), попирацисѝ (ib. 272) и т. д., лучше объяснять как формы винительного (о чем ниже), где конечное *-е* из *-а* (ѧ) фонетически перешло в *-и*. В заключение отметим следующие редкие случаи дательного: áхци — *мнéнюшки*, áхци — *мнéшиньки*, áхци — *мнéниньки* (Мат. Б. № 18 Витебск.), хулá *та*, Бóжа (ib. № 4 Могил. губ.).

Винительный падеж обыкновенно пользуется формой родительного, чтó наблюдается не только в старинных произведениях, но и в современной речи: мене [гр. 1406 г. (Арх. С. I, 1)], на мене (4 Вил.), *мене* кусили [1 Псалт. XVII в., Библ. Скор. XVI в. (Владим. 287)] и т. д.; тебе (ib.), за тебѣ (9б Тайна Тайных XVI в.), выславлѧти тебе (58б Псалт. XVII в.); себе (Библ. Скор. XVI в.) (Владим. 287), за себе (24 Статут 1588 г.), сѣбе (5б Тайна Тайных XVI в.), с'тережи себѣ (63б ib.) и т. д. Но и древний винительный нельзя сказать, чтобы совершенно утратился в белорусском: основные мѧ, тѧ, сѧ находят в нем то или другое отражение, напр.: мя (122 Статут 1588 г.), ш'то *ме* мовишъ добримъ (что мѧ глаголеши бл'ага) (26б Ев. Тяпин. 1580 г.), пане з'бавъ *ме* (28б ib.), ме (мѧ) [42 (45) ib.], мѧ (Псалт. XVI в. 8, 10, 19б, 67б), мꙗ (17, 40 Псалт. XVII в.) и т. д.; тя (295 Статут 1529 г.), тѧ (36 Ев. Тяпин. 1580 г., Псалт. XVI в. 9б, 51, 78), блгодарилъ тѧ дхтꙋ рад'ны (одарил тебя духом совета) (1б Тайна Тайных XVI в.), тꙗ (Псалт. XVII в. 59б, 106б и т. д.); хто *сѧ* ей помолить (52б Четья 1489 г.), тамо *ся* крестилъ (8 Вил.), нежели сѧ словами пишуть (II 4 Скор. XVI в.), тошнить ми сѧ (ib. Б 51), на сѧкова надейсѧ (15 Тайна Тайных XVI в.), богу сѧ молити (38б Катихиз. 1562 г.), (ламали *сѧ* (44 Псалт. XVI в.) и т. д.; в современной речи: ме (Кар. 19 Новогр.), це (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 15 Диснен.; Шейн. Б. П. № 354 Борис.), Богу ся молѝтꙗ (Бесс. Б. П. № 33), у цѣ [Собол. (РФВ, VI, 225)], ця (с растяжением») (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); *ся* при глаголе обыкновенно без сокращения [мы́юся, баю́ся, бяри́цеся (Ром. I—II № 16, 17 Сенн. 284 и т. д.)]; ulubiusie (Федер. I, 6 Мстибов), kaźä da *sie* (ib.) juon *cie* zabjè (ib. 111 Лысков), na *cie* (ib. II, Свислочь) и под., saẑúśe, stanaŭlúśe (Клих 264 Новогр.). Из приведенных примеров можно видеть, что энклитические формы чаще встречаются от возвратного местоимения, которое обратилось в показателя страдательного и возвратного залогов. Появление *-е* на месте ожидаемого *-а* объясняется фонетическим путем (ср. Белорусы, II, 1, 104—110) и отчасти влиянием знакомства с употреблением польского się. Отметим еще формы: *мне* (Бесс. Б. П. № 71, Ром. I—II, 427 Гомельск., Кар. 66 Трок.) — повидимому полонизм; мянё (Шейн Мат. I, 333 Диснен.), минё (Шейн Б. П. № 759 Витебск., Мат. Б. № 18 Витебск.), где *-о(ё)* по аналогии таких образований, как *jaró*, в *тобе* потеᵖпе (129б Псалт. XVI в.), лаєтъ *тобѣ* (90 Библ. кн. XVI в.

Вил. № 262), вероятно, явления синтаксиса, а не морфологии: употребление формы дательного вместо родительного.

Творительный падеж представляет правильное соответствие древнерусским формам: мно́ю, тобо́ю, собо́ю (Шейн Б. П. № 16 Лепп.); но встречаются и *мно́й*, *тобо́й*, *собо́й* — с пропуском конечного гласного (ср. Шейн Б. П. №№ 4 и 23 Лепп.; Мат. Б. №№ 6 Диснен., 11 Новоалекс.), мижда *субо́й* (Ром. VI, 15 Горецк.); о странном образовании творительного *меж-со́бку* (ср. Сл. Нос. 738; Ром. III, 322 Рогач.; Мат. Б. № 31 Вилейск.) мы уже имели случай говорить (стр. 70).

Местный падеж = дательному, напр.: на собѣ (59б Тайна Тайных XVI в.), о̆ тобѣ (138 Катихиз. 1562 г.), собѣ (ib. 10б, 73б, 96), сы̆бе (8б Катихиз. 1585 г.), въ собѣ (10 Псалт. XVI в.), въ тобѣ (12 Псалт. XVII в.), в собѣ (4б ib.) и т. д., або мнѣ, апъ табѣ, апъ сабѣ (Мат. Б. № 31 Вилейск.). В Псалт. XVI в. встретился редкий случай употребления местного энклитического *тъ*: нехай же сѧ оўвесела̄ все въ *тъ* надею покладаю̆чиѣ (9б) [в польском первоисточнике: niechay sie weselą wssytcy ktorzy w tobie nádzieię pokłádáią (Вруб. 5.12)].

Множественное число, в сравнении с русской литературной речью, заметных отличий обыкновенно не представляет: так же форма винительного вытеснена формой родительного [за *васъ* (гр. 1, о 1300 г.)]. В старинных произведениях иногда встречается и двойственное число: того *нама* не порушити (гр. 1387 г. 21). В севернобелорусской области иногда творительный заменяется дательным: А тут табе, наша шерая зязюлька, остацися, | *С нам* пташкам куропаткам растацися (Шейн Б. П. № 569 Лепп.).

Б. СОБСТВЕННО МЕСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

Собственно местоименное склонение в белорусском оказало сильное влияние на сложное склонение прилагательных, но в то же время и само поддалось влиянию последнего. Следствием такого взаимодействия было то, что даже такое различие, какое существует между этими двумя склонениями в русском — именно присутствие в местоименном склонении форм с *-е-* (из др.-русск. *-ѣ-*; *тем* в твор. ед. и дат. мн., *тех*, *теми*), тогда как у прилагательных *-ы-* (*злым*, *злых*, *злыми*), в белорусском утратилось: местоименные формы заменились соответствующими формами сложного склонения, т. е. приняли вид *тым*, *тых*, *тым'и*.

Как общее замечание относительно склонения всех местоимений следует выставить, что они во множественном числе во всех родах имеют одно и то же окончание; если же в сборниках народных произведений иногда попадаются некоторые отличия родов, то это только грамматическое написание.

В дальнейшем склонения расположим по основам и отдельным группам.

1. Местоимения типа тъ — та — то

Единственное число

Именительный падеж. Старинный именительный мужского рода *тъ* в старинных западнорусских произведениях и в современной речи, вследствие утраты в произношении конечного *-ъ*, естественно не сохранился; можно бы его видеть в таком сложном образовании, как *тось* т҃ь (11 Псалт. XVI в.), но с таким же основанием в форме *то* можно видеть и средний род. Довольно редко также употребляется *тотъ*, напр.: тотъ горо҃ (65б Крас.). *то҃* то и пожне҃ (78б ib.), тотъ (43, 155 Сб. XVI в. Позн.; 46 Статут 1588 г.; 31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262; 44 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158; 144 Псалт. XVII в. и т. д.), тот же (125 Катихиз. 1562 г.), то҃ ча҃ (13 Псалт. XVI в.), то҃ ч҃а (10б Псалт. XVII в. и др.). Отметим редкое: тыт (Шейн Б. П. № 754 Витебск.). Обычной формой именительного мужского рода является *той*, где в *-й* такое же окончание, как и в сложных именах прилагательных, как это можно видеть из женского и среднего родов (*та́+я*, *то́+е*, как *злая*, *злое*): той (Воидило) (3 Вил., 86б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), тои (день) (Э 18б Скор. XVI в., 102 Псалт. XVI в.), той (77б Катихиз. 1562 г.), то҃ (5 Статут 1588 г.; 27, 74 Псалт. XVII в.), тъ҃ (ча҃) (73б Тайна Тайных XVI в.), конечно, то же, что *тъи* (89 Катихиз. 1562 г., ср. еще 141б Псалт. XVI в.); тъи конь [гр. 1300 г. (Ягич. Критич. зам., 122)], там же *тыи товар*; форма *той* свойственна и живой белорусской речи (ср. Шейн Б. П. 292; Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 15 Игум., 16 Бых., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., 26 и 28 Себеж., 31 Вилейск.); bieźyć *toj* samy sabaka (Федер. I, 92 Шидловцы), tój (Клих 61 Новогр. и др.); на месте *о* отчасти по аналогии именительного падежа имен прилагательных бывают и другие гласные: тэй (Зап. I, 357; Шейн Б. П. № 168 Лепп.; Зап. V, 93; Ром. IV, 11 Горецк.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 32 Орш.), тый (ib. №№ 4 Могил. губ., 32 Орш.); в южных областях можно встретить и дифтонг: туой (Мат. Б. № 10 Мозыр.), туой сьвіе́т (Малев. 22 Слуцк.).

В женском роде соответственное образование: таѧ (68б Сб. XVI в. Кунц.), таѧ (146 Сб. XVI в. Позн. Пл. 2б Скор. XVI в.; 40 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262; 10, 20 Псалт. XVI в.; 88б Сб. XVII в. Вил. № 107), таѧ (38б Ев. Тяпин. 1580 г. и т. д.), та́я [Шейн Б. П. № 53 Велиж. (Сураж.), Мат. Б., повсеместно], taja (Клих 61 Новогр. и т. д.); *та* может встретиться лишь там, где сильно русское или польское влияние, напр.: та (Шейн Б. П. № 53 Велиж.) (Сураж.); отметим: *таа* (Ром. IV, 345 Бых.) с пропуском *j*.

Средний род представляет *тое*: тое [гр. 1432 г. (ВА. 4); 1440 г. (СВ. 7); 55 Лет. Пер. Сузд. XV в.; 15 Статут. 1588 г.; Пр 29б Скор. XVI в.; 34б Ев. Тяпин. 1580 г.; 68б, 88б Сб. XVII в. Вил. № 107); тоє (38 Сб. XVI в. Позн., 128б Катихиз. 1562 г., 86 Библ.

кн. XVI в. Вил. № 262); тоѣ (7б Псалт. XVI в. и т. п.), тоѣ [гр. 1505 г. (ВА. 14)]; в живой речи: тóе [Шейн Б. П. № 53 Велиж. (Сураж.), Мат. Б., повсеместно]; в некоторых местностях конечное безударное *-е* переходит в *-а*: тóя [Шейн Б. П. № 53 Велиж. (Сураж.), Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен.]; по аналогии слов среднего рода на *-о* (а также местоимений вроде *гэто*) конечное *-е* также может переходить в *-о*: тóо (Клих 61 Новогр.), тоё (Малев. 16 Слуцк.).

Родительный падеж в мужском и среднем родах замечаний не вызывает: в основе его лежит др.-русск. *того*: таго́ (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), tahó (Клих 61 Новогр.); зъс того именья (87 Статут 1588 г.), дла тóго (Ев. 1616 г. нв б, рке б), нитòга (Мат. Б. № 31 Вилейск.). В родительном падеже женского рода встречаем несколько разновидностей, которые большею частью выводятся из основного русского *того*, таковы: *тое* земли [гр. 1264 г., 1454 г. (Арх. С. II, 3)], оу цркви *тое* (гр. 1487 г.), тоё ночи (18 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *тое* же зимы (8 Вил., 41 Увар.), *тоежъ* ѡсени [Сб. XVI в. Позн. (Archiv, IX, 368)], *тое* земли ѡсмотреть [Бел. Арх. II 1495 (XVII в.)], *тое* всее шкоды [ib. 1533 (XVII в.)], *тое* ночи (8б Тайна Тайных XVI в.), погибели *тое* (Э 21б Скор. XVI в.), дла *тое* льсти (Э 25 ib.), *тоє* причины (7б Катихиз. 1562 г.), *тоé* виницы бороны (83 Псалт. XVI в.) и т. д.; эта же форма, иногда лишь с переходом *о* безударного в *а* или *ы*, господствует и в живой белорусской речи: таé (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 57 Новогр., Малев. 16 Слуцк.), из *таé* хаты (Мат. Б. № 20 Август.), *tajè* samajè nuoczy (Федер. I, 332 Лысков), tajé (Клих 61 Новогр.), тыè (Бесс. Б. П. № 30), у *тыè* ўдовы (Ром. IV, 11 Горецк.), тыé (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 25 Новогр. и др.). В некоторых местах Белоруссии можно слышать родительный падеж с ударением на корне: тóе (Мат. Б. № 5 Слуцк.); из этой формы легко вывести *тóйа* [тоа пл'анеты (62 Тайна Тайных XVI в.)], где *а* может быть на месте *е* безударного, хотя в старинных памятниках конечное а можно отнести и на церковнославянское влияние. Под влиянием окончания родительного падежа имен прилагательных в родительный падеж женского рода рассматриваемого склонения заходит *-ы-*: ты́и (Шейн Б. П. № 164 Лепп.; Мат. Б. № 25 Новогр.), ат *тыя* змяи (Демб. 1, 538 Чаусск.), ў тыя (Ром. III, 216 Бых.), ты́я (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 9 Бых., 15 Игум., 23 Минск., 25 Новогр., 32 Орш.); конечный гласный, напоминающий собою старославянское *-ѣ*, так же, как и *-и*, выводится из *-е* безударного; с *-и* еще отметим: тóи (Мат. Б. 10 Мозыр., Шейн Мат. I, 359 Слуцк.), где *-и* под украинским влиянием; его следует выводить из др.-русск. *-ъ*. Под влиянием аналогии таких форм, как *моее*, явилось *тоее*: ꙗко пер'воє, тако й *тоéè* заповѣди (15 Катихиз. 1562 г.). Конечное безударное *-е* может даже утрачиваться, и форма оканчивается на *-й*: *тоеи* ночи (26б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), тоéй (Мат. Б. № 23 Минск.), таéй (Зап. V, 183), тоёй (ib. № 32 Орш.),

таéй аўцы́ (ib. № 7 Минск.). В тех местностях, где употребляется именительный *тэй*, известен и родительный женского рода *тэй* (напр., Шейн Б. П. № 340 Лепп.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 28 Себеж., 31 Вилейск.), который можно выводить и из *тоей* и из *той* по аналогии именительного мужского рода (ср. Белорусы, II, 1, 155). Форма, сходная с современной русской литературной «той», также иногда попадается в живом белорусском языке: той (Мат. Б. № 6 Дисн.); ей подражает тый (ib. № 18 Витеб.).

Дательный падеж в мужском и среднем родах представляет правильное соответствие древнерусским формам: тому и стому (= следующему за́тем) [гр. 1388 г. (23)], таму́ (Шейн Б. П. № 7 Лепп.; Мат. Б. № 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), tamú (Клих 61 Новогр.), нитòму (Мат. Б. № 31 Вилейск.). Также и в женском роде преобладает правильное отражение основной русской и общеславянской формы *тои*: *тои* земли (327 Гродн. Акт. кн. XVI в.), тую́й (Мат. Б. № 10 Мозыр.), tó̂i (Клих 61 Новогр.); в *тый ба́бе* (Мат. Б. № 32 Орш.) *ы*, вероятно, на месте *о* безударного. В подражание *моей* встречается: сяéй — *моéй* по вяно́чку (Бесс. Б. II. № 67), *таéй* аўцѣ (Мат. Б. № 7 Минск.). Наконец, нередки формы *тэ́й*: ср. Шейн Б. П. № 94 Лепп.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 11 Новоалекс., 18 Витебск., 26 Себеж., 31 Вилейск.; *тэй* святэй ха́цѣ (Зап. V, 143); эта форма такого же происхождения, как в родительном падеже.

Винительный падеж в мужском и среднем родах сходен с именительным: въ *тъ* часъ [гр. 1404 г. (Л. 119)], у *тотъ* часъ (5 Вил.), на *тотъ* часъ (5б предисл. Катихиз. 1562 г.), пре^{з} *тотъ* и҃ѡ^{р}дань (106б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), въ то͡ ча͡ (84б Крас., 32 ib.), на *то͡то* свѣ͡ (41 ib.), на *то'* часъ (89 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), в де͡ *то'* (56 ib), в' *той* коне͡ (Ев. 1616 г. 2е б), на *тыи* листъ [гр. 1349 г. 1 строка), *тое́* повѣдати (22 Сб. XVI в. Крас.), в' *тое* вр'ѣма͡ (163 ib.), за́ *то* грози́лъ (Ев. 1616 г. 2нг б), за *тое* погабе͡е (72б Псалт. XVII в.), za tóje (Федер. I, 174 Свислочь) и т. д. В женском роде новообразование, развившееся в подражание окончанию имен прилагательных: тую [гр. 1445 (Арх. С. VII, 2), Статут 1588 г. 90], на *тую* послугѫ (29б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), на *тую* горѫ (56 Псалт. XVII в.), *тѫю* (1б Сб. XV в. Публ. б. № 391), *тѫю* ре (75б Крас.); ту́ю (Шейн Б. П. № 15 Лепп., Мат. Б. № 24 Новогр.), bez *tuju* wodu (Федер. I, 34 Суховоля), tú̂ju (Клих 61 Новогр.).

Творительный падеж в мужском и среднем родах уже в древнейших западнорусских памятниках представляет форму, образованную в подражание именам прилагательным: *тъімъ* лѣпе́й (гр. 1394 г.), *тым* оурядомъ [гр. 1432 г. (СВ. 4), 1497 г. (Арх. С. I, 4)], паномъ тымъ (67 Крас.), заты^{м} (ib. 69б), тымъ [Сб. XVI в. Позн. (Archiv, IX, 368)], с тымъ (145, 1 Статут 1588 г.), ты^{м} (3 Тайна Тайных XVI в.), и҃с'пол'ненъ вси^{м} *ты*^{м}, чи^{м} печатн'икъ (12 ib.), *тымъти*

обычаѣмъ (3б посвящ. Катихиз. 1562 г.), за тымъ (31б, 66б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), переⷯ тымъ (43 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158, 136 Псалт. XVII в.); тым (Шейн Б. П. № 753 Бых.; Бесс. Б. II. № 1; Зап. V, 76, 101; Ром. I—II, 314. 694, 697 послов.; Мат. Б., повсеместно; Малев. 16 Слуцк.), tym (Клих 61 Новогр.). Быть может, некоторая память о старинной местоименной форме *темь* сохранилась в мягкости *т* в случае, указанном И. И. Срезневским (Слав.-русск. палеогр., 230) из Витебск. гр. ок. 1300 г.: *тимь* словомь; в Катихиз. 1562 г. творительный падеж часто заменяется формой местного не без влияния, вероятно, соответствующей формы имен существительных: преⷯ *томъ* (134). В женском роде рядом с формой, правильно отражающей древнерусское образование [ср. тбю (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 15 Игум., 16 Бых., 23 Минск.), tбi̯u (Клих 61 Новогр.)], встречаются и новообразования, объясняемые отчасти фонетически [той (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 9 и 16 Бых.)], отчасти влиянием действия аналогии сходных образований [тэй (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 13 Свенц., 26 Себеж., 31 Вилейск.), таéю (ib. №№ 5 Слуцк., 7 Минск.), тайбйу].

Местный падеж. В мужском и среднем родах: а) прежде всего удерживается старинная форма, лишь допустившая отвердение конечного *м*: ѡ̑ тоᵐ (41 Сб. XVII в. публ. б. № 391), оу тоᵐ (ib. 53), оу том' то (ib. 38), в томъ (1 Статут 1588 г.), ѵ̀ томъ (ib. 104), ѵ̀ том' словѣ (102б Катихиз. 1562 г.), в тоᵐ псаᷓме (15 Псалт. XVI в.), в тоᵐ (= этом) ѱалмѣ (13 Псалт. XVII в.), въ таᵐтоᵐ ѱалмѣ (31б ib.); то же иногда в живой речи: том (Зап. V, 81; Шейн Б. П. № 668 Борис.), ў том (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 9 Бых., 17 Речицк.), u tо̑m (Клих 61 Новогр.); б) обыкновенно же в современных белорусских говорах форма местного заменяется творительным и имеет вид *тым*, как *добрым* (о чем речь после): тым [Бесс. Б. II. № 25; Зап. V, 82; Шейн Б. П. №№ 142 Диснен., 234 Велиж. (Сураж.), 413 Витебск., 752 ib., 154 Невельск. (ты́им — форма с растяжением, не белорусская?)], об тым (Ром. IV, 216 Клим.; еще ib. III, 356 Рогач.; I—II, 15 Белица; III, 8 Сенн.; Кар. 62 Трок.; Шейн Мат. I, 475 Минск.), аб *тым* каню́ (Мат. Б. №№ 7 Минск., 11 Новоалекс., 28 Себеж.), ап тым (ib. № 31 Вилейск.), у *тым* трону́ зыюши́вся, обо ўсим забывся (ib. № 18 Витебск); то же изредка и в старинных произведениях: потым (= затем) (214 Катихиз. 1562 г.). В женском роде местный падеж сходен с дательным: u tо̑i̯ (Клих 61 Новогр.), на *туй* гары (Малев. 20 Слуцк.), ў туй цэркаўцы (ib. 62), на туо̑й (Мат. Б. № 10 Мозыр.), ў тый хати (ib. № 32 Орш.), тоéй (Бесс. Б. II. № 25), тэй Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 26 Себеж., 31 Вилейск.).

Множественное число

Основная древнерусская форма (*ти — ты — та*) утратилась; лишь кое-где встречаем *ты* [ты грамоты (30 Увар.), ты которие су (5—5б Псалт. XVII в.)], да во вторичных сложных образованиях имеем

в первой части старинные формы, но и те очень редко [*тие* лю (гр. 1264 г.), *тая* дѣла (4 Вил., 5 ib.), *тъи* городы (чит. *тии*) (157 Лет. Авр. XV в.), *та҃а* и҃сла҃ є҆с҆тва (56 Тайна Тайных XVI в.), *таꙑ* евангелиꙗ (35 Ев. Тяпин. 1580 г.)]. Во всех, однако, приведенных примерах можно видеть церковнославянское влияние. Обыкновенно же в именительном падеже множественного числа находим одну общую форму для всех родов, образованную как у имен прилагательных сложных на *-ыѣ* (винительный на месте именительного), причем конечное *-е* по фонетическим причинам может переходить в *-а* и в *-и*; последнее поддерживается и аналогией окончания именительного в мягком различии существительных. Таким образом имеем:

а) тые села [гр. 1433 г. (Арх. С. VII, 1)], тые рѣчи (гр. 1432 г., СВ. 5), тые двѣ копѣ (дв. ч.) [гр. 1499 г. (Арх. С. VI, 3)], тыѣ (8, 84 Сб. XV в. Публ. б. № 391), тыѣ городы (67 Крас.), тые присаги [77 (8) ib.], тые рыбы (65 ib.), тые рѣчи (130 Сб. XVI в. Позн.), тыѣ слова Давыдовы (206 ib.), тыѣ (41, 35 Статут 1588 г., 62б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262, 26 Сб. XVII в. Вил. № 107), тые слова (Пр 9б Скор. XVI в.), тые листы (Э 25 ib.), тыѣ добриѣ дѣла (17б Катихиз. 1562 г.), тые сыны (28 Ев. Тяпин. 1580 г.), вси девъки тые (вса҃ дѣвы ты) (35б ib.), слова тыѣ (27 ib.), тыѣ которыѣ (12б, 58 Псалт. XVI в.), тыѣ двѣ рѣчи (61 ib.), тые которые (76б Псалт. XVII в.);

б) тыи тысячи (гр. 1388 г. Недеш.), тыи мѣстчане (гр. 1432 г., СВ. 5), тыи сельца [гр. 1492 г. (Арх. С. III, 2)], тый люди (25 Сб. XV в. Публ. б. № 391), ты҃и присяги [77 (8) Крас.], тыи грамоты (4 Вил.), жилы тыи что вазоуѭть сѳставы (30б Тайна Тайных XVI в.), два҃ тыи кр҆оуги (7б ib.), тыи I деи (Э 16 Скор. XVI в.), тыи которие (55б Псалт. XVII в.), неха҆ймъ подобни будѯ ты҆и (127 ib.). В живых белорусских говорах те же формы, а также *ты́йя*: тые (Шейн Б. П. №№ 537 Борис., 142 Диснен., 191 Лепп., 314 ib.; Мат. Б. № 13 Свенц.), зарбблены ты́е грошы (ib. № 10 Мозыр.), ty̯e̯ (Клих 61 Новогр.); *тыя* и *тыи* [Шейн №№ 53 Велиж. (Сураж.), 325 Лепп., 527 Витебск.], тыя҃ (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), тыя (ib. №№ 11 и 14 Новоалекс., 16 Бых., 31 Вилейск.), тыи (ib. №№ 16 Бых., 28 Себеж.), тыя҉ (Малев. 16 Слуцк.). Еще отметим изредка встречающуюся современную форму *ты* [(Дмитр. П. и Ск. Вильн. 168 Новогр.), *ты* загатки (Кар. 70 Трок.)], образованную, как *до́бры*.

Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж также подражает склонению прилагательных, имея *тых*: ѿ ты҃х (100 Сб. XVI в. Крас.), с тыхъ (49 Статут 1588 г.), до ты҃х странъ (65б Тайна Тайных XVI в.), тыхъ (Скор. XVI в.) (Владим. 288), редко: *техъ* (Пр 19), ты҃х людей (20б Псалт. XVI в.), з҆ тыхъ трѡ҃х (Ев. 1616 г. 2рмз б), тых (Шейн Б. П. №№ 149 Бобр., 147 ib.; Бесс. Б. П. № 50 Мат. Б., повсеместно), tyx Клих (61 Новогр.).

Д а т е л ь н ы й п а д е ж кое-где представляет и древнерусские формы с *ъ*: всѣ҈м темь, тѣмь вѣдомо (гр. 1264 г.); но вряд ли можно видеть

здесь старинные западнорусские особенности. Обыкновенно и здесь встречаем формы, образованные в подражание прилагательным: тымъ (ср. гр. 1432 г., СВ. 4; 27 Ев. Тяпин. 1580 г,. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 31 Вилейск., Малев. 16 Слуцк.), tym (Клих 61 Слуцк.).

Винительный падеж обыкновенно представляет те же окончания, что и именительный: въ ты̀ часы (108 Сб. XVI в. Крас.), грамоты̀ ты̀ найдеть (30 Увар.), на тыѣ слова (6б Сб. XV в. Публ б. № 391), в тые лѣта (69б Крас.), на тыи правды (7 Вил.), осадивъ тыи городы (5 ib.), въ тыѝ часы̀ (79, 187 Сб. XVI в. Крас.); ты́я дары (Бесс. Б. П. № 174), пропи́ў ты́е грошы (Мат. Б. № 10 Мозыр.), tyje (братьев) tak samo pobiǫ (Федер. I, 110 Лысков); вообще же при одушевленных употребляется форма родительного: тых дэвочак разогнаў (Бесс. Б. П. № 24), забачыў тых людзей (Мат. Б. № 10 Мозыр.).

Творительный падеж представляет форму *тыми*: тыми словы [гр. 1449 г. (Арх. С. VI, 3)], тыми ѡдными правы (1 Статут 1588 г.), тыми, редко: *теми* (Скор. XVI в.) (Владим. 288), с тыми (86б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262, 6б Псалт. XVII в. и т. д.), за тымѝ (Ев. 1616 г. рн̄и б), с тымы̀ (описка?), которыѣ (125б Псалт. XVI в.); ты́ми (Шейн Б. П. № 703 Лепп.; Мат. Б. №№ 24 Новогр., 31 Вилейск.), tу́mi kо́ńmi (Клих 61 Новогр.).

Местный падеж. И на окончании этого падежа сказывается влияние имен прилагательных: въ тыхъ [гр. 1492 г. (Арх. С. III, 2)], на ты̀ местъ (1, 20 Сб. XV в. Публ. б. № 361), по ты̀ словѣ (4б ib.), въ тыхъ (16 Катихиз. 1562 г.), на тыхъ (26 Сб. XVII в. Вил. № 107), ап тых (Мат. Б. № 31 Вилейск.), u tу́x kо́ńах (Клих 61 Новогр.).

По образцу рассмотренного местоимения склоняются:

а) *гэ́тый* (Шейн Б. П. № 682 Борис.; Мат. Б. №№ 5 и 12 Слуцк., 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), гэты лист (Малев. 20 Слуцк.), hétу syn (Клих 61 Новогр.), гаты рóк (Мат. Б. № 2 Сокольск.), *э́тый* (ib. №№ 9 Бых., 18 Витебск., 32 Орш.); кое-где встречаем *гэ́тот* (Мат. Б. № 28 Себеж.), гэ́тот (Бесс. Б. П. № 4); ж. р. *гэ́тая* (Малев. 16 Слуцк.), hétaⁱa (Клих 61 Новогр.) и *гэ́та* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), Малев. 16 Слуцк.; ср. р. *гэ́таё* (ib. и *гэ́то* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), гэ́та (Шейн Б. П. № 376 Лепп.); род. пад. м. и ср. р. *гэ́таго* (Шейн Б. П. № 755 Минск.; Мат. Б. № 11 Новоалекс.), з гэстаго пекла (Сержп. 59 Мозыр.); ж. р. *земли гетоє* (35 Сб. XVI в. Позн.), hétaje kab'éty (Клих 11 Новогр.), da hetajї chatki (Федер. I, 10 Шидловцы), гэ́тай (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); дат. пад. *гэ́тому* (Шейн Б. П. № 15), hetuį (Клих 61 Новогр.), гэ́той, гэ́тэй (Шейн Б. П. № 196 Лепп.); вин. пад. ж. р. *гэ́тую* (ib. № 691 Диснен.) и *гэ́ту* (ib. № 2 Лепп.), hétuju (Клих 61 Новогр.); твор. пад. м. и ср. р. *гэ́тым*, hétym (Клих 61 Новогр.), з гэ́стым (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); ж. р. hétaju (Клих 61); местн. пад. u hétum, u hétuį (ib.). Мн. ч. им. пад. *гэтые удвох* (Ром. III, 94 Бых.), гэты гроши (ib. 193 Сенн.), гэ́тыя (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), гэ́ты (ib. №№ 13 Свенц., 17 Речицк., 28 Себеж.),

hétyi̯e (Клих 61 Новогр.); род. пад. *гэ́тых* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); дат. пад. hétym (Клих 61); вин. пад. как им.; твор. пад. hétymi kŏ́ńmi (ib.); местн. пад. u hétyx (ib.).

б) *гéный*, гéно (Сл. Нос. 111), гэ́ны (Отч. 25 Гомельск.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 8 Игум., 11 Новоалекс., 13 Свенц.), буця́н гэ́на (Отч. 10 Иллукст.); *гэ́нэн* (ib.); *гэйный* (Шейн Мат. II, 61 № 97); гэ́на, гэ́но (Мат. Б. № 8 Игум.).

в) *ад'з'и́н*. Числительные *один* и *два* в старину тоже изменялись по местоименному склонению. В старом западнорусском и современном белорусском языках в склонении *одинъ* замечаются те же отличия, что и в *той*: адзи́н (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 31 Вилейск.), адьзи́н (Малев. 17 Слуцк.); *нивóдзин* (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 9 Бых.); *нигóдзин* (ib. 12 Слуцк.); одно (29 Ев. 1580 г. Тяпин.); род. пад. м. и ср. р. *одиного* (гр. 1399 г., Л. 95), аднаго (Мат. Б. № 31 Вилейск.), нивóднаго (ib. 6 Диснен., 7 и 23 Минск., 8 и 15 Игум., 11 и 14 Новоалекс.), нигóднаго (ib. № 5 Слуцк.), однóго брáта, у вóдного брата, нивóдного (ib. 18 Витебск.), ѡ̆днова (15 Тайна Тайных XVI в. и др.) (ср. стр. 74 в роли наречия); род. пад. ж. р. *ни ѡ'дноє* годины (5б Сб. XV в. Публ. № 391), ня 'дныè матки (Ром. I—II, 324), у *одныè* мужа (ib. VI, 322 Рогач.), *адныé* и *анныé* (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 Минск., 15 Игум.), одны́е (ib. № 16 Бых., 23 Минск.), аднаé (ib. №№ 8 Игум., 12 Слуцк.; Малев. 21 Слуцк.), adnajè niedzieli (Федер. I, 44 Шидловцы), ниводныя мамки (Демб. 207, 569 Сенн.), курочки ни вóднои (Шейн Мат. I, № 112 Борис.), однóи (Мат. Б. № 10 Мозыр.), у вóдный сястры (ib. № 18 Витебск.), одной (Зап. I, 324), однэ́й (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск., 28 Себеж., 31 Вилейск.); дат. пад. м. и ср. р. *нивóдному* (Мат. Б. № 9 Бых.), нивóдному (ib. № 18 Витебск.); ж. р. *аднóй*, аднэ́й казе (Мат. Б. № 7 Минск.; ср. 11 Новоалекс., 31 Вилейск.); вин. пад. м. и ср. р. = им.; еще отметим: въ ѡ̆дино лѣто (85 Лет. Авр. XV в.), ж. р. *ѡ дйну* стороноу (234 ib.), ѳдинѫ̆ лодью (Ев. 1616 г. 2рд), обыкновенно — *аднý* твор. пад. м. и ср. р. *ѡдны*̄ (Сб. XV в. Публ. б. № 391, ср. еще 81 ib.), ѳ̆д'нымъ ѳ̆комъ (со ѣдинемъ ѳ̆комъ) (56б Ев. Тяпин. 1580 г.), адны́м (Мат. Б., повсеместно); в Катихиз. 1562 г. встречаем формы: ни ѡ'дно словомъ (14), не можетсѧ ѳ̆дном' словом' преложити (114), о каковых образованиях мы уже говорили при *том* (стр. 355); ж. р., кроме обычного *аднóю*, представляет еще *ѡ'дноею* (мерою) (61 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), adnajèju (ѡadoju) (Федер. I, 126 Шидловцы), аднэ́й (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.); местн. муж. и ср. р. о *ѡ'дно*м кимъ (199 Катихиз. 1562 г.), въ ѡ'дномъ какимъ ѡ'бразѣ (10б ib.), ў однуóм (Мат. Б. 10 Мозыр.), в одным (Ром. I—II, 288; ib. III, 11 Сенн.), об одны́м (Мат. Б. №№ 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 26 Себеж., 27 Лепп.), об адны́м канé (ib. № 7 Минск.), о нивóдным (ib. № 9 Бых.); ж. р. = дат. na adn^{u}ói̯ na druh^{u}ói̯ naźé (Клих 10 Новогр.),

об одно́й (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 27 Лепп.). Мн. ч. им. пад. ѡ д'ны ѣасли (44б Сб. XV в. Публ. б. № 391), о́д'ны (едіні) (50б Ев. Тяпин. 1580 г.); в живых белорусских говорах обыкновенно *адны́* (ср. Мат. Б., Демб. 10 546 Могил.), но есть и *адны́я* (рядом с *адны́*) (Мат. Б. № 31 Вилейск.), нево́дныи (ib. № 18 Витебск.; Зап. I, 415); род. пад. *одныхъ* [гр. 1486 г. (Арх. С. VI, 1)], о́д'ныхъ (27 Ев. Тяпин. 1580 г.), адны́х (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 14 Новоалекс., 28 Себеж.), творит. пад. *одны́ми* (ib. № 25 Новогр.); местн. пад. *одны́х* (ib.).

Местоимение-числительное *ниодинъ* с успехом заменяется словом *жадинъ* (ср. стр. 54), встречающимся уже в старинных памятниках: жа̀дны, нижадзин (Мат. Б. №№ 8 Игум., 31 Вилейск.), жа^{ѧ}ного цр҃а (66 Сб. XVI в. Крас.), жад'ного дѣла (6 Тайна Тайных XVI в.), жадного (П 46б Скор. XVI в.), жадиного (ib. Ср. 65), жа́дныга сма́ку нимаш (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), нижа́днага гро́ша (ib. 8 Игум.), нигбдзин — нижа́днаго (ib. 12 Слуцк.), жадному (Скор. XVI в. Пр 20) и т. д.

Склонявшееся по двойственному числу местоименного склонения *дъва* в белорусском языке развило особые формы, отчасти оказавшие влияние и на склонение других числительных; поэтому о нем скажем вместе с другими числительными.

г) *самъ — са́мый*: бѣ *самъ* създалъ (82 Лет. Пер. Сузд. XV в.), само́е сѫмне҃е (Ев. 1616 г. к҃д б), са́мо то (ib. ξ҃а б), sam, samá (Клих 62 Новогр.), до вечара само҃ (70б Крас.), само́га (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 22 и 23 Минск., 31 Вилейск.), самого́ (ib. № 9 Бых.), sáma(h)ɔ, samaje (Клих 62 Новогр.), sámamu, sámuį (ib.), само̀му (Мат. Б. № 22 Минск.), на^{ѧ} сами́й (Ев. 1616 г. 2ξ б), у самаё пе́кло (Малев. 22 Слуцк.) sámuįu (Клих 62 Новогр.); сами (стада) (4 Вил.), самы (Ром. III, 215 Бых.), сами́ тѣ́ла (Ев. 1616 г. ıθ), sámyje, sámyx, sámum, sámymi (Клих 62 Новогр.), samý (ib. 274). Таким образом в этом местоимении то же колебание в формах местоименных и сложных, что и в русской литературной речи.

д) *онъ — онъже — оный*, встречающееся лишь в старинных произведениях: ѡ (16б Псалт. XVI в.), ѡ҃же (=нжє) (7, 11 ib.), ѡ'на рѣчь (5 Катихиз. 1562 г.), оного (2б предисл. ib.), йс оноѥ [24б Сб. XV в. Публ. б. № 391 (род. пад. ж. р.)], о́ноѧ (290б Лет. Авр. XV в.) (то же, ц.-слав.?), оное стороны (12б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ѡ'ноѥ земли (132 ib.), пошли *оноѧ* жъ ночи (167 Библ. кн. XVI в. Толст. № 158), аны (92 Сб. XV в. Публ. б. № 391), ѡ'ны (35б ib.), *оная* вся отчизная спадывають (83—84 Статут 1588 г.) (ц.-слав.?), ꙗко Богъ караѣть ты^{х} *ѡниже* бы тую заповѣдь проступили (15 Катихиз. 1562 г.), ѡны а҃повѣдали (131б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), 'ѡни^{м} (88б Псалт. XVI в.), (дат. пад. мн. ч.), ѡне^{х} домо^{х} (63 Тайна Тайных XVI в.). Несомненно, заимствование из старопольского или чешского в *ѥнжъ* (jenż) (17, 38б Сб. XV в. Публ. б. № 391).

е) *хто — н'ихто́ — н'а́хто*: хто (гр. 1407 г., Л. 139; 54б Псалт. XVII в.), ах'то (1б Тайна Тайных XVI в., Мат. Б., повсеместно), нихт'о (63б Крас.), нѣхто (2, 3 Вил.), нихто (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум.), хтось (ib. №№ 9 и 16 Бых., 13 Свенц., 17 Речицк.), хтóськи (ib. №№ 3 Могил. губ., 17 Речицк.), нéхточки (ib. № 3 Могил.; да *кага* же вы ви́дзими (Этн. сб. 261 Ржев.); обыкновенно: *каго* (Малев. 16 Слуцк.), нѣ на кóго (Ев. 1616 г. 2 рѳ), никóго [Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 31 Вилейск. (и *никóга*), ср. ib. № 8 Игум.], никогéнько (ib. № 2 Бых.), никóгенька (ib. 32 Орш.), никагéнько (ib. №№ 5 Слуцк., 15 Игум.; Шейн Мат. I, 427, Лидск.), никогýтки (Мат. Б. № 18 Витебск.), никогýсенко (ib. № 3 Могил. губ.), никогýсенька (ib. № 32 Орш.), никагýсеньки (ib. №№ 6 Диснен., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 31 Вилейск.), никóму (ib. №№ 11 Новоалекс., 13 Свенц., 31 Вилейск.), nikamùtku (Федер. II, 247 Шидловцы); с кимь (3 Вил.), и с кимсѧ бити (2 Тайна Тайных XVI в.), ким [Шейн Б. П. № 454 Лепп., Гильтебр. CCXXV Новогр. (с кім), Дыб. 117 Посл., Мат. Б., повсеместно, Малев. 39 Слуцк.], никúм (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), не с ким (Демб. 8. 546 Орш.); об кýом (Мат. Б. № 10 Мозыр.), ком (ib. №№ 13 Свенц., 17 Речицк.), аб ким (ib. №№ 6 Диснен., 13 Свенц., 14 Новоалекс., 18 Витебск., 28 Себеж., 31 Вилейск.), ни воб ким (ib. № 28 Себеж.).

ж) *ка́жный — ка́ждый, кóжный — кóждый,* ставшие на месте **къжьдо** (ср. стр. 52), изменяются, как прилагательные: каждыи рок (гр. 1432 г., СВ. 5), ко҃дыи дн҃ь (86б Крас.), кожды' (21 Статут 1588 г.), кож'дыи (6, 25б, 37б Ев. Тяпин. 1580 г.) (рядом с *каждыи* ib. 27), кожⷭыи ча҃ (13б Псалт. XVI в.), кожды' (4, 12 Псалт. XVII в.), кожныи (Скор. XVI в. Э 6), кажда таина (217б Катихиз. 1562 г.), кажныи (97 Библ. кн. XVI в. Вил. 262); ка́жен (Зап. I, 267), кажный (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 8 и 15 Игум., 9 Бых., 18 Витебск.), кужный (ib. № 13 Свенц.), кажы́ный (ib. № 14 Новоалекс.), кажи́нный (ib. № 32 Орш.), кóжный (ib. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр. и др.), ка́жды (ib. №№ 8 Игум., 11 Новоалекс.), кóждый (ib. № 26 Себеж.), куждый (ib. № 31 Свенц.); каждого товару (гр. 1440 г., СВ. 7), кождого (25 Лет. Пер. Сузд. XV в., 55б Псалт. XVII в.); кажное суботы [гр. 1486 г. (Арх. С. VI, 2)], каждое нечистоты (33 Ев. Тяпин. 1580 г.), кожот'номѵ (44б Тайна Тайных XVI в.), оⷮ каж'до в'ремѧ (4б ib.), на кажⷭѵ ночь (10 Псалт. XVI в.), кождые права (Бел. Арх. I 1548) и т. д.

з) На месте **ыкъ, тыкъ, какъ, вьскакъ** обыкновенно полные формы: таки ба҃саⷭ (59б Сб. XV в. Публ. б. № 391), всѧки (96 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ыки' (42б Псалт. XVII в.), некакий (23б Сб. XV в. Публ. б. № 391), якей-то (Ром. IV, 255 Черик.), якийсь (169 Сб. XVII в. Син. б. № 790), не така есть (14 Псалт. XVI в.), всѧко дыха҃е҆ (142б ib.), яки́йся, -аясь, -оесь (Сл. Нос. 726), неякий-ся, -кая-сь (ib. 343), яки(й) (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), яки́, яка́я, яко́е

(ib. №№ 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 31 Вилейск.), якей (ib. №№ 28 Невельск., 34 Рогач.), яки́йсь (ib. № 10 Мозыр.), нейкий (ib. №№ 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 17 Речицк., 28 Себеж.), ѣкого (162 Катихиз. 1562 г.), всѧко (87 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), токо (52б Псалт. XVI в.), нѣѣкого (93 Сб. XVII в. Вил. № 107), яко́га (Мат. Б. №№ 14 Новоалекс., 31 Вилейск.), ниякого (ib. № 11 Новоалекс.), безо *всѧкоѣ* хитрости (гр. 1349 г.), *всѧкоѣ* праци вашеѣ (1 Сб. XV в. Публ. б. № 391), смеле безь всѧкоѣ боѣзни (ib.), безъ *оуѧскоѣ* ч'ти (91б ib.), безъ вс'ѣкоѣ и́змѣны (55 Сб. XVI в. Крас.; ср. 1б, 15б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ч"то *всѧкоѣ* печали (54 Псалт. XVI в.), не возлюби *всѧкое* дороги (122б), якую (12 Статут 1588 г.), всякоимъ (гр. 1405 г., Л. 119) (странная форма творит. пад.), яким (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 14 Новоалекс.), какійньколи (= какіе когда) (гр. 1432 г., СВ. 5), такїи добра да (15б Псалт. XVI в.).

и) Из других местоимений, изменяющихся по образцу *той*, но еще с бо́льшим наклонением в сторону имен прилагательных, отметим: *и́хний — и́хный* [Сл. Нос. 226; Ром. III, 345 Бых. (ихнаа): ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск., 23 Минск., 32 Орш.]; *и"ны'* (121 Псалт. XVII в.), инаго (16 Тайна Тайных XVI в.), и́коны што *и́ного* суть (11б Катихиз. 1562 г.), из *ыноѥ* земль (гр. 1229 г.), подлу *иноѣ* (58б Тайна Тайных), *иныи* рѣчи (гр. 1432 г., СВ. 5), инѣи (41, 133б Лет. Авр. XV в.) (им. пад. мн. ч.), *инъı* в рѣцѣ и́стопоша (135 ib.), с ыными (40 Сб. XV в. Публ. б. № 391); *который*: которы немьчинъ (гр. 1405 г., Л. 119), которы' (5, 31, 46 Статут 1588 г.), до"чъ котори' пре^{з} м дни' и м ночи' ишовъ (3 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), *которо* єнь коли любо (43б Сб. XV в. Публ. б. № 391), масло *которые* сплынуло (131 Псалт. XVI в.), кото́рыйсь [Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 17 Речицк. (которыйся)]; которого нь коли (1 Сб. XV в. Публ. № 391); грани́цѫ, *которое* не переступи (108 Псалт. XVII в.); к которей (4 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *которои* стороне (236 Статут 1588 г.), нев'которѫю (8 Тайна Тайных XVI в.), вїдь фигу *которѫюсь* ѫтро проклалъ (59б Ев. Тяпин. 1580 г.), katóru и katóruju (Клих 274 Новогр.), в которои волости (гр. 1264 г.), которомь (21 Статут 1588 г.), по котори^{м} (129б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), которыи (гр. 1432 г. СВ. 4), рѣша *нѣкоторъı^{и}* (38б Лет. Авр. XV в.), которыи [93б Библ. кн. XVI в., Вил. № 262 (м. р.), ср. 9 Псалт. XVI в.], *которыи* дерева (102 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), вси которие (5б, 16б Псалт. XVII в.); *jѣйный*: ето пе́вно *е́йныя* рабо́та (Мат. Б. №№ 18 Витебск., 26 и 28 Себеж.); *евó́нный* (ib. № 26 Себеж.), *яво́ный* (ib. №№ 27 Лепп., 28 Себеж.); *таковый* (в старинных произведениях): *таковыи* вои (110 Сб. XVI Крас.), *таковые* речи (4 Статут 1588 г.); *таковский*: таков'ские (78б Катихиз. 1562 г.).

2. Местоимения типа н — ꙗ — ѥ

Сюда принадлежит склонение местоимений с основами мужского и среднего родов на *-ĵo-*, а женского на *-ĵa-*, причем у одних этот суффикс стоит после гласного, а у других после согласного, который вследствие этого подвергается смягчению. Все относящиеся сюда местоимения расположим по следующим группам:

а) *јон—јана́—јано́*. По всей вероятности, уже в основном славянском языке им. пад. н — ꙗ — ѥ был вытеснен местоимением онъ — она — оно; то же замечается в древнерусском языке и в старых западнорусских памятниках. В живых белорусских говорах наблюдается то же явление; только в них *j* из косвенных падежей зашел и в именительные падежи единственного и множественного чисел. Вследствие этого склонение данного местоимения в нем представляется в следующем виде.

Единственное число

Именительный падеж: што *ѡно* за чл҃вкъ (18б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); абы ѐ (насѐня) ѡферовано (75 ib.), где может быть и форма винительного падежа; кое-где в старых памятниках под церковнославянским влиянием встречаем *иже* [помочь ѐго́ *и̑же* не может бы̑ти забыть (60 Та̑йна Тайных XVI в.)]. В живой речи обыкновенно *јон—јана́—јно́*, причем в разных местностях безударное *а* и ударяемое *о* в слоге закрытом могут подвергаться различным фонетическим изменениям: іон (Ьесс. Б. П. № 1), ён (Шейн Б. П. № 60 Витебск.; Мат. Б., почти повсеместно; Малев. 16 Слуцк.), i̯on, i̯aná (Клих 61 Новогр.), jo̯on jeść (Федер. I, 169 Шидловцы), яна́ (Шейн Б. П. № 10 Лепп.; Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 16 Бых., 26 Себеж., 31 Вилейск.), яно́ (ib., а также № 4 Могил. губ.); в мужском роде кое-где еще находим *ен* (т. е. *јӓн*) (Шейн Б. П. № 424 Витебск., Мат. Б. № 4 Могил. губ.); в этой форме Колосов (Заметки о языке и поэзии северного края, 12) видел вторичное перегласование из *йон*, как и *еныі* из *йоныі*: *он* — *йон* — *ен*. По-моему, если такая форма существует, то следует видеть в ней приравнение к косвенным падежам или к форме женского рода, в которой *ја* может переходить в *јӓ* по чисто фонетическим причинам (ср. Белорусы, II, 1, стр. 104—110): ена́ (Шейн Б. П. № 395 Лепп.; Зап. V, 28 Ошм.; I, 291). Звук *е* безударный в некоторых говорах переходит в *и*: ина́ [Бесс. Б. П. № 37; Шейн Б. П. № 445 Лепп., д. № 132; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ. (я̆на́), 9 Бых., 11 Новоалекс.]. Влияние мужского рода *јон* сказывается на *ёна́* (Зап. V, 135, 205).

Родительный падеж мужского и среднего родов: смѣ́лися з҃ *него̀* (Ев. 1616 г. 2рмв б), до не́го (i҃b. 5̃s), яго́ (Шейн Б. П. №№ 16 и 20 Лепп., Мат. Б. № 31 Вилейск., Малев. 16 Слуцк.), ja̯hó (Клих

61 Новогр.); еще отметим *іого́* (Дмитр. П. и Ск. Вильн. № 121 Белост.), где *о* по аналогии *того́*, а также им. пад. *јом*. Родительный падеж женского рода предполагает основную форму на *-ѣ*: и҃зъ є҃є҃... плаканїа҃ (2б Сб. XV в. Публ. б. № 391), ее (32 Привил. Каз. 1457 г.), у нее (7 Вил.), в нее (34 Увар.), ее (111, 198 Статут 1588 г., 1 Гродн. Акт. кн. XVI в.), ее милость (Бел. Арх. I 1548), кому *є҃є҃* надобѣ (84б Катихиз. 1562 г.), исповѣдати є҃є҃ не смею҃ть (59б ib.), є҃є҃ (2б, 34б Ев. Тяпин. 1580 г.), свекровь *ѥ҃ѣ* (32б Библ. кн. XVI в. Вил. 262) оу неѣ (90 ib.), сыны єє (93 ib., ср. 15б ib.), з нее (207 Сб. XVII в. Вил. № 107); такая же форма господствует и в живой речи, лишь кое-где по фонетическим причинам изменяется гласный корня: яе́ (Бесс. Б. П. № 56; Шейн Б. П. №№ 18 Лепп., 141 Витебск.; Малев. 16 Слуцк.; Мат. Б., повсеместно), еі҃е́ (ib. № 10 Мозыр.), іе (ib. №№ 14 Новоалекс., 18 Витебск., 26 Себеж.), іе (Дм. П. и Ск. Вильн. 151 Новогр.), da і҃аі҃е́ (Клих 61 ib.). Кроме указанного окончания в старых памятниках иногда встречаем *еи* (т. е. *јєй*): зь е҃и҃ же (40б Сб. XV в. Публ. б. № 391), оу *є҃и҃* бы҆л (58 ib.), ей (1 Гродн. Акт. кн.), е҃и (50б Псалт. XVI в.), богатства *еи* (6 Псалт. XVII в.); отсюда, вероятно, *јой*: dusza *joj* (Федер. I, 222), как церковнославянизм отметим *ѥѧ* (170 Позн. Сб. XVI в.) (Archiv, IX, 368).

Дательный падеж мужского и среднего родов: яму́ (Шейн Б. П. № 91 Диснен., Мат. Б. № 11 Новоалекс.), і҃ему́ (Клих 61 Новогр.); с утратой безударного гласного: йму (Ром. I—II, 30 Гомельск.); женский род: ёй (Ром. I—II, 10 Гомельск., Мат. Б. № 7 Минск., Малев. 16 Слуцк.), і҃бі҃ (Клих 61) и т. д.; отсюда *юй* (Ром. III, 322 Рогач., 27 Малев. Слуцк.); *о* в приведенных формах развился по аналогии твердого различия (как *той*); но и форма *ей* также известна из белорусских записей, хотя она часто и может объясняться влиянием общепринятой орфографии: ей (Шейн Б. II. № 245 Лепп.; Мат. Б. №№ 6 Диснен., 31 Вилейск.). В Гродн. Акт. кн. XVI в. (стр. 242) встретилась сомнительная форма *ее*: сукню есми *ее* далъ..., шубку кроликовую купил *ее* у Вильни...; но там же: далъ есми *ей* заховати...

Винительный падеж вообще сходен с родительным. Впрочем, старинные памятники знают и формы, отражающие древнейшие русские образования: кто ю (вм. *сю*) грамоту (гр. 1404 г. Л. 118), завѣсти ю (10 Вил., ср. 37 Увар.), и отпусті ю (11 Вил.), а҃бы ю чинили (65 Катихиз. 1562 г.), взявши тежъ муки замесила ю҃ (167 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), забила е҃ (телѧ) (ib.), са҆м е҃ (море) створи҆л (98); даже: на нь (18б Псалт. XVI в.); но, с другой стороны, замечаем и непонимание старинных форм: стрете *и* (Софью) честно (38 Увар.), помяну слово Божіе *иже* рече (9 Вил.) (но 36 Увар.: поменоуша слово бж҃ие еж рече). Обыкновенно в винительном всех родов те же образования, что и в родительном: є҃є малюють (45 Сб. XV в. Публ. б. № 391), пошлеть *ее* (4 Вил.), *ее* положили (68б Крас.),

ее, на нее (166, 125 Позн. Сб. XVI в., ср. Ев. Тяпин. 1580 г. 2б, 24б), соромотите єє (32 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), видѣли *ѥ* (85 ib.), въ неѣ (91б ib.), яе (Ром. I—II, 19 Сенн.), на *яе* наглядая [Малев. 88 Слуцк., Мат. Б. № 11 Новоалекс. (ягó, яе́)], іе́ (ib. № 14, Шейн Б. П. № 759 Витебск.), ее (Ром. IV, 87 Велиж.); забогатити *е́й* (63 Псалт. XVI в.), собѣ *еи* возму (7 Библ. кн. XVI в. Толст. № 158), поцалова *еи* (23 ib.), приведꙋ *еи* до цара (23б Псалт. XVII в.), в неи впали (41б ib.) есми *еи* ꙗподоба собѣ (134 ib.), *еи* загубили (15 ib.), за́втра *е́й* до пе́чи в'кида́ют' (Ев. 1616 г. а͡і). Еще несколько новообразований, возникших в подражание склонению имен существительных: яю̀ (Гильтебр. CCLXXI Вилейск., Мат. Б. № 32 Орш.), яну́ (Дмитр. П и Ск. Вильн. 148 Новогр., Мат. Б. №№ 13 Свенц., 32 Орш.).

Творительный падеж мужского и среднего родов: jim (Кар. 2 Новогр.), razam z im (Федер. I, 6 Мстибов); женский род: ёю (Бесс. Б. П. 108; Зап. I, 335; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 15 Игум., 17 Речицк., 25 Новогр. и др.), еси *нею* (45б Псалт. XVII в.), е́ю [Шейн Б. П. № 245 Лепп., Мат. Б. № 8 Игум. (и *ёю*)]; рядом с і̯е́і̯u выступает і̯о́і̯u (Клих 274). В последнем образовании можно видеть и русское влияние. Конечное *-у* иногда отпадает: ёй [Мат. Б. №№ 9 Бых., 14 Новоалекс. (и ей), 25 Новогр.], з ёй, ей (ib. № 27 Лепп.).

Местный падеж мужского и среднего родов рядом с отражанием основного русского **ѣмь** в форме *ём* [ср. по нём (Бесс. Б. П. № 147 Слуцк.), на ём (Зап. V, 209), по ём (ib. 99), у ём (Ром. V, 96 Гомельск.; ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 Минск., 8 и 15 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр. [по ю̏бм], 23 Минск., 32 Орш.; Малев. 16 Слуцк.), pad jų̀m (Федер. I, 140 Гнезна), и і̯о̏m (Клих 61 Новогр.)] представляет уже в старинных произведениях образование, сходное с творительным: въ нимъ (тѣлѣ) (33б Катихиз. 1562 г.), о̏ нимъ (141б ib.), па им (Мат. Б. № 6 Диснен.), об им (ib. №№ 11 Новоалекс., 27 Лепп., 31 Вилейск.). В женском роде форма, сходная с дательным падежом: па ёй, аб ёй, на ёй [ср. Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен. (па ей), 7 Минск., 8 и 15 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр. (по ю̏бй), 23 Минск., 32 Орш., 11 Новоалекс. (об ей); Малев. 16 Слуцк.], ų і̯о̏і̯ (Клих 61 Новогр.).

Множественное число

Именительный падеж в настоящее время представляет повсеместно вторичные образования, в основе которых лежит *ѧны́*: яны (Шейн Б. П. № 23 Лепп., Ром VI, 300 Черик., Мат. Б., повсеместно, Малев. 16 Слуцк.), і̯аны́ (Клих 61 Новогр.), ены (Шейн Б. П. № 436 Городок.; Бесс. Б. П. № 86; Зап. V, 121), ê ны́ (ib. 174), ёны́ (ib. 270), jenẏ (hroszy) (Федер. I, 64 Изабеллин); отмеченное у Шейна (Мат. Б. П., 28 № 348) *ени* можно бы посчитать недо-

смотром, если бы не была приведена подобная же форма и у Романова: *яни* (VI, 91 Горецк.); не типично *онъ* [онѣ (новогородци) приѣхаша (98 Лет. Авр. XV в.)], так как оно встретилось в памятнике, смешивающем *ѣ* с *и* и даже с *ы*. Искусственная форма *еижъ* [єи́жь — пош'ли (51 Сб. XV в. Публ. б. № 391)] придумана для передачи подобного образования чешского или польского оригинала.

В остальных падежах множественного числа такие же образования, как и в русской литературной речи, напр.: і̯іх, і̯ім, і̯і́мі (Клих 61), но: ѡ̈ды ныхъ (54б Сб. XV в. Публ. б. № 391), если здесь не описка; ѡ̈мрачі̯ ·*а* гроза (149 Лет. Авр. XV в.) — церковнославянизм, *ѣ̈* (заповѣ̈ди) зовѳ̈ть (2 Катихиз. 1562 г.), ѣ̈ (маѣ̈тъности) поставилъ (5 ib.) — полонизм (je).

Отметим еще два случая формы двойственного числа: има (1 Вил., 2 ib.) (дат. пад.), имя (27 Увар.).

В заключение рассмотрения склонения местоимения *јон* заметим, что как можно было видеть из предыдущего, в живых белорусских говорах перед формами этого местоимения, стоящими после предлогов, обыкновенно не бывает *н*: его заменяет с успехом *j*. Если же иногда и встречаются написания с *н*, то их следует отнести на влияние русского литературного языка.

б) *мой — майа́ — майо́*. Совершенно сходно с ним склоняются *твой* и *свой*; поэтому мы будем приводить формы того или другого местоимения безразлично. В общем склонение их напоминает формы **н — ш — к**, но в некоторых падежах есть и отличия.

Единственное число

Именительный падеж: мой, твой, свой, му̀о́й, тву̀о́й (Малев. 16 Слуцк.), moi̯ (Клих 61); майа́, твайа́, свайа́; майо́, тваіо (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 244 Вилейск.), но и *маѐ* (т. е. *майа́*) (ib. 16 Новогр.).

Родительный падеж в мужском и среднем родах представляет три разновидности: α) моего́ (Ев. 1616 г. 2сое б), твоего́ (68 Псалт. XVI в.), моегó (Шейн Б. П. № 147), своегó (ib.), маиго (Добров. I, 21), maiehó (Клих 274) (как более редкая форма), твайӓгó, — восходящие к основным русским образованиям; β) преобладающие формы с пропуском безударного *-е-*: мойгó (Шейн Б. П. № 103 Бых.; Зап. V, 91), майгó (Дембр. 24. 528 Бых.; Кар. 65 Трок.; Шейн Мат. I, 6 Смол.; Мат. Б., повсеместно), твойгó (Зап. V, 117), твайгó (Ром. III, 63 Рогач.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 26 Себеж., 32 Орш.), свойгó (Шейн Б. П. № 415 Сенн., Дыб. 111 Посл., Мат. Б. № 32 Орш.), свайгó (Ром. IV, 100 Сенн.; Добров. I, 24; Мат. Б., повсеместно; Малев. 20 Слуцк.); γ) довольно распространенные формы со слитием гласных *-оіе-*, встречающиеся изредка и в старинных памятниках: мого (54 Гродн. Акт. кн. XVI в.), могó (Шейн Б. П. № 342 Лепп.; Зап. V, 257; Дмитр.

П. и Ск. Вильн. 14 Белост.), твагó, магó, свагó (Добров. I, 21) da *swaho* pałacu (Федер. I, 126 Шидловцы) (ср. Белорусы, II, 1, 266).

Родительный женского рода представляет следующие формы: моé (Шейн Б. II. № 520 Лепп.; Дмитр. П. и Ск. Вильн. 59 Новогр.; Зап. V, 93), *моé* прозбы (Ром. V, 109 Черик.), маé [Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 8 и 15 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр. (моіэ́), 17 Речицк., 25 Новогр., 32 Орш.], маіé (Клих 61 Новогр.), твaé [Бесс. Б. П. № 117, Мат. Б. №№ 7 и 23 Минск., 8 и 15 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр. (твсіэ́), 17 Речицк., 25 Новогр., 32 Орш.], *твуѐ* жисци (Ром. III, 89 Рогач.); то же в старинных произведениях: воды *твоє* (94б Катихиз. 1562 г.), паствы *твоѐ* (82б Псалт. XVI в.); такие же формы имеются и от *своя*: ѿ *своие* братие (Витебск. гр. ок. 1300 г.) (Срезн., Слав.-русск. палеогр., 230), где *-ие* вместо *-е* под влиянием следующего *братие*, для *свое* головы (249 Сб. XVI в. Позн.); свaé [Дмитр. П. и Ск. Вильн. 138 Новогр.; Мат. Б. №№ 7 и 23 Минск., 8 и 15 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр. (своіэ́) 17, Речицк., 25 Новогр., 32 Орш.], *свае* доли (Малев. 109 Слуцк.); под влиянием аналогии *ее* (из ѥѣ) встречаются и более длинные формы от рассматриваемых местоимений, особенно в старинных произведениях: просьбы *моѐѐ* (3 Сб. XV в. Публ. б. № 391, ср. еще 11б ib.), руки *моее* [гр. 1497 г. (Арх. С. I, 4)], выслуги *своее* [гр. 1499 г. (Арх. С. VI, 2)], *своее* ѡтчизны [Б. А. I. 14.. (копия XVII в.), ср. 80б Крас., 4 Статут 1588 г., 68 Сб. XVI в. Кунц.], отчизны *своее* [Б. А. I 1562], твоее (Скор. XVI в. Д 13, 12б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), казни *моєє* (ib. 93), силы *твоєє* (95 ib.), крыницы *своєє* (95б ib.), *своее* зброи (96 Сб. XVI в. Позн.), славы *своѐѐ* (своеѝ) (27 Ев. Тяпин. 1580 г.), до вин'ницы своѐѐ (27 ib.), дочки *твоѐѐ* (53 ib.), мл̄твы *моêê* (9 Псалт. XVI в.), ѡ'бличности *твоêê* (12 ib.), з гòры сто̄ê *своêѐ* (8 ib.), для твоее (67 Сб. XVII в. Вил. № 107), з *своее* земли (142 Сб. XVII в. Син. № 790); ис *твaеé* пячé (Мат. Б. № 2 Сокольск.). Дальнейшим изменением указанных форм было отпадение конечного гласного: зъ *своей* главы (138 Сб. XVI в. Позн.), сыти *своєи* (32 Библ. кн. XVI в. Бил. № 262), справе^ливости *моêй* (19б Псалт. XVI в.), хвалы *моéй* (111б ib.), воли *свое'* (69 Сб. XVI в. Кунц.); маéй, твaéй, свaéй (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), маёй (ib. № 17 Речицк., Шейн Б. П. № 343 Лепп.), твоёй (ib. № 297). Еще отметим непонятные для меня формы: *свои* хатки (Шейн Мат. I, 128 Рогач.), мой, свой (Мат. Б. № 25 Новогр.). *свои* доли (Ром. Мат. Гр. II, 181 Сокольск.). В *отчизны своея* (12 Вил.) церковнославянская особенность.

Дательный падеж мужского и среднего родов в старинных произведениях представляет обычные общерусские формы: своемѹ́ (Ев. 1616 г. 2 сг б); в живой речи встречаются подобные же образования [ср. майáму (Дыб. 153 Посл.), свайáму (ib. 256 Посл.), маяму́ (Мат. Б. № 17 Рогач.)], но не преобладают; рядом с ними (и едва ли

не чаще) встречаются формы с пропуском *е*: мойму́ (Шейн Б. II. № 406 Лепп.), твойму́ (ib. № 398), свойму (Зап. V, 89), майму́, твайму́, свайму́ (Мат. Б. №№ 8 и 15 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 17 Речицк., 23 Минск., 26 Себеж., 31 Вилейск., 32 Орш., ср. 20 Малев. Слуцк.), ma̯imú (Клих 61 Новогр.). По аналогии родительного падежа ожидали бы встретить в дательном и стянутые формы на *-ому*, но такие случаи мне не известны[1]. Дательный женского рода представляет: маей, тваей, сваей (Мат. Б. № 26 Себеж.) и *маёй* (ib. №№ 8 Игум., 23 Минск.), тваёй, сваёй (ib.), а также с дифтонгами на месте *о(ё)*; моюо́й твоюо́й, своюо́й (ib. № 10 Мозыр.), ma̯io̯i̯ (Клих 61 Новогр.).

Винительный падеж в мужском и среднем родах сходен с именительным или родительным. В женском роде: майу́, твайу́, свайу́.

Творительный падеж в мужском и среднем родах представляет общерусские окончания: свои́м (Торг. дог. ок. 1330 г.), майи́м, твайи́м, свайи́м. Два раза встретилась форма на *-ем*: всемъ сердцемь *своѥмь* (Мстиж. Ев. XVI в.) (Ссбол., Лекции[4], 189) промышленьемъ *своемъ* (116 Катихиз. 1562 г.); если эти формы не рассматривать как описки, то следует видеть в них влияние твердого различия. В женском роде: свсе́ю (53 Псалт. XVI в.), майе́йу, твайе́йу и т. д. рядом с *майо́йу* (ср. Клих 61 ma̯io̯i̯u) и т. д.

Местный падеж в мужском и среднем родах отражение древнерусских форм на *-емь* представляет лишь изредка, притом не без русского влияния: твоём (Бесс. Б. П. № 6), своём (ib.), аб маём (Мат. Б. № 8 Игум.); древность таких форм, впрочем, подтверждается и появлением в южнобелорусских говорах на их месте дифтонгов или сжатых гласных: в моюо́м, твоюо́м, свойюо́м (Мат. Б. № 10 Мозыр.), на *маюм* мі̯е́сьци (Малев. 61 Слуцк.) и ma̯io̯m (Клих 61 Новогр.), обыкновенно же местный падеж заменяется творительным, что наблюдается начиная с древнейших памятников: по *моімъ* животе (гр. до 1399 г. Андр. Ольг.), на *моимъ* поли (61 Гродн. Акт. кн. XVI в.), на *свои́м'* мѣстѣ (52 Катихиз. 1562 г.), в гнѣвѣ *ссои*^{м} (2б предисл. ib.), в'сынѫ *своимъ* (ib. 11); твои́м (Бесс. Б. П. №№ 51, 154 Гильтеб. CCLXXVI Вилейск.) свои́м (Зап. V, 239), а(аб) маи́м, твайм, сваи́м (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 13 Свенц.). В женском роде местный сходен с дательным падежом: о маёй, тваёй, сваёй (Мат. Б. № 23 Минск.), в моюо́й, твоюо́й, своюо́й (ib. № 10 Мозыр.), ma̯io̯i̯ (Клих 61 Новогр.).

Множественное число

Именительный падеж со старинным окончанием на *-и*, распространившимся на все роды, встречается довольно редко: *твои* мѣста (3 Вил.), *свои* силы (241 Сб. XVI в. Позн.), села *мои* (167 ib.), *с'вои* каганцы (35 Ев. Тяпин. 1580 г.), дѣла *твои* (64б Библ. кн.

[1] Отмеченное в Вил. сп. Лит. Лет. по изданию А. Ф. Бычкова *своуму* (13) — недосмотр: в ПСРЛ, XVII, 202 читаем: соколничемѕ *своємоу* Ѳеодорѕ Веснѣ.

XVI в. № 262 Вил.), свѣденїа *твои* (75 ib.), мл҃твы *мои* (60 Псалт. XVI в.), чюда *твои* (89 ib.), *мои* с҃у всѣ звѣрѧта (30б Псалт. XVII в.), май, твай, свай (Мат. Б. № 6 Диснен.), мои (ib. № 16 Бых.); обыкновенно же в этом падеже *-é (ä)* для всех родов, в котором следует видеть старинное окончание винительного мужского и женского родов на *ѣ*, ставшее и на месте именительного: мсе́ (3, 26б Сб. XV в. Публ. б. № 391), твое́ (ib.), *мое* юнацы (163 Сб. XVI в. Позн.), *твое* молитвы (202 ib.), люди *мое*, *твое* (Э 21 Скор. XVI в.), *свое* подданные (Э 20 ib.), люди *своѐ* (29б Псалт. XVI в.), оуста *своѐ* (34б ib.); в живых говорах *-е* господствует: маé (Шейн Б. П. № 93 Лепп., 300 ib., 457 ib.), твае́ (№ 440 ib., Дмитр. П. и Ск. Вильн. 145 Белост.), моé (Ром. I—II, 8 Перер.; ib. III, 93 Бых.), *твое* купы (Шейн Мат. I, 85 Речицк.), *твае́* кóники (Кар. 62 Трок.), маé, твае́, свае́ [Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 и 16 Бых. 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 17 Речицк., 18 Витебск., (маѣ, тваѣ, свaѣ), 21 Слуцк., 23 Минск., 31 Вилейск., 32 Орш.], сынкі́е *мае* (Малев. 53 Слуцк.), *свае* нýбшки (ib. 47), рýчаньки *моé* (Отч. 3 Браслав), *swкjè* ruki (Федер. I, 4 Дворец), maję́ (Клих 61 Новогр.).

Родительный падеж как в русском литературном языке: майх, тваих (Мат. Б. № 9 Бых.).

Дательный падеж как в русском литературном языке: maję́m (Клих 61). В старом языке встретилась форма на *-емъ* [научи мене оу҃правданье^{м} *твое*^{м} (73б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262)], о чем можно бы видеть и описку под влиянием предшествующего подобного же окончания имени существительного.

Винительный падеж сходен с именительным или родительным: рꙋце *твои* (2 Сб. XV в. Публ. б. № 391), оу҃ вꙋста *мои* (41б Псалт. XVI в.); за васъ дѣти *своѣ* (гр. 1. о 1300 г.), *своѣ* печати (гр. 1349 г.), роуки *своѐ* подносила (14 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *свое* сыны (168 Сб. XVI в. Позн.), таемницы *твое* (68б Сб. XVI в. Кунц.), грѣхи *своѣ* (211 Сб. XVII в. Вил. № 107), раны *своѣ* (212 ib.), *majè* karawỳ (Федер. I, 87 Дворец), na *twкjè* bratkì (ib. II, 47).

Творительный падеж представляет старинное окончание: maję́mi (Клих 61 Новогр.); творительный с пропуском *-и-*: з дзяцьмі *сваймі* (Н. Ніва 1910 г., 375); в старинных памятниках изредка встречаем и кое-что особенное. Так в Лет. Авр. XV в. читаем: съ своймъ вои (187б), съ своймъ съборы (308б); если в этих примерах *-ъ* читаем как *-и*, тогда они никаких замечаний не вызывают; но может быть здесь *ѣ* передает какой-либо другой звук, тогда оно требует иного объяснения (ср. А. И. Соболевский. Дательный и творительный падежи множественного числа на *-мя*. — РФВ, VI, стр. 218). В Катихиз. 1562 г. находим: о҃броки *своѐми* (80), в чем следует усматривать подражание твердому различию. Кое-где, в Псалт. XVI в. в подражание именам существительным находим творительный на *-и*: о҃чйма *мои* (100).

Местный падеж как в русской литературной речи: majíx (Клих 61 Новогр.), твайх, свайих.

в) *чый — чыйа́ — чыйо́* в своем склонении совпадает с *мой* и т. д.; гласный после *ч* утрате не подлежит, как в русской литературной речи. Вот для примера встретившиеся нам формы этого местоимения.

Единственное число

Именительный падеж: *чий* написъ (31 Ев. Тяпин. 1580 г.), *чиѧ* наѯка (53 Катихиз. 1562 г.); чий, чия́, чие́ (чит. *чыйа́*) (Шейн Б. П. № 376 Лепп., 610 ib., 763 Витебск.; Зап. V, 192), чий — чый (Мат. Б. №№ 8 Игум., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), ничи́й (ib. № 27 Лепп.), ничы́й (ib. № 11 Новоалекс.), не́йчый (ib. № 15 Игум.), чыйся (ib. №№ 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 17 Речицк.), чийсьць (ib. № 13 Свенц.), целя́ *чие́сь* (Отч. 32 Сокольск.), чый, -я, -ё (Малев. 16 Слуцк.).

Родительный падеж мужского и среднего родов: чіего 154 Статут 1529 г.), чийго́ — чыйго́ (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 11 и 14 Новоалекс., 18 Витебск., 27 Лепп., 28 Себеж.; Малев. 16 Слуцк.), čуi̯hó (Клих 62 Новогр.), чайго̀ (Мат. Б. №№ 13 Свенц., 31 Вилейск.) (и *чийго*); форма *чайго́* должна быть объясняема, как аналогичное образование в подражание *майго́* и т. д.; ее бы можно вывести и из **чейго́*, но местоимение *чей* в белорусском не встречается: отмеченное у Клиха (62) čéi̯ рядом с čу́i̯ плод русского влияния; женский род: а щиее (= из чиѣ) (266 Гродн. Акт. кн. XVI в.) — старинное образование; чыéй — нечыéй (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 9 Бых., 13 Свенц., 26 и 28 Себеж., 31 Вилейск.), чыёй (ib. № 8 Игум., Малев. 16 Слуцк.), čуi̯é (Клих 62 Новсгр.); чыéи, ниѯчыеи (Мат. Б. № 10 Мозыр.) — под влиянием украинского языка.

Дательный падеж мужского и среднего родов: чийму — чыйму́ (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 и 14 Новсалекс., 18 Витебск., 27 Лепп., 31 Вилейск.), ничыйму́ (ib. № 11 Новоалекс.); женский род: чией (Мат. Б. № 31 Вилейск.), чыёй (Малев. 16 Слуцк.), čуi̯о́i̯ (Клих 62 Новсгр.).

Винительный падеж женского рода: чию (137 Статут 1588 г.), чию (Мат. Б. № 31 Вилейск. и т. д.).

Творительный падеж мужского и среднего родов: чыимъ (522 Статут 1588 г.), чыимъ (32 ib.), чиим (Мат. Б. № 31 Вилейск.), чыи́м (Малев. 16 Слуцк.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 18 Витебск.), ничыим (ib. № 11 Новоалекс.), čуi̯ím (Клих 62); женский род: *чиею* моцею (8 Сб. XV в. Публ. б. № 391), чыéю (Малев. 16 Слуцк.), čуi̯éi̯u (Клих 62 Новогр.), чией (Мат. Б. № 31 Вилейск.), чиёй (ib. № 4 Могил. губ.).

Местный падеж мужского и среднего родов: на по҂данномъ *чиемъ* (186 Статут 1588 г.), об чиём (Мат. Б. № 18 Витебск.), чыём (Мат. Б. № 11 Новоалекс., Малев. 16 Слуцк.), čуi̯о́m (Клих 62 Новогр.); сходно с творительным — чии́м (Мат. Б. № 31 Вилейск.), аб чы́им (ib. № 14 Новоалекс.).

Множественное число

Именительный падеж: *чи́й* слова (98 Катихиз. 1562 г.), чи́й (Зап. V, 217; Мат. Б. № 18 Витебск.); чиѣ (Ром. I—II, 272 Сенн.), чы́е (Малев. 16 Слуцк., Мат. Б. № 11 Новоалекс.), ничые (ib.), čуi̯е (Клих 62 Новогр.).

Родительный падеж: чыих (Мат. Б. № 11 Новоалекс.).

Дательный падеж: чиим (ib. № 18 Витебск.).

Творительный падеж: čуi̯і́mi (Клих 62 Новогр.).

Местный падеж: на чи́х (Зап. I, 358).

г) *наш — на́ша — на́ше, ваш — ва́ша — ва́ше.* Так как оба эти местоимения могут принимать и полную форму прилагательных, то одинаково с ними изменяется и местоимение *и́нъшый,* развившееся из *инъ*, к которому только прибавлен суффикс сравнительной степени. Отметим встретившиеся нам формы от указанных местоимений.

Единственное число

Именительный падеж: *нашь* листъ (гр. 1478 г., Л. 233), щастье *нашое* (163 Катихиз. 1562 г.), иншое (17 Ев. Тяпин. 1580 г.), *naš, náša, nášo, vášo* (Клих 61 Новогр.), наш, -ая, -ея (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), на́шый, ва́шый (ib. №№ 7 Минск., 13 Свенц., 17 Речицк., 18 Витебск., 25 Новогр.), «нашый, -ая, -ае, ва́шый, -ая, -ае встречается редко» (ib. № 6 Диснен.).

Родительный падеж мужского и среднего родов: за *нашего* часу (гр. 1432 г., СВ. 4), вашого (7б Ев. Тяпин. 1580 г.) (но также и *вашего*), и҃шого (12 Псалт. XVI в.), náše(h)o (Клих 61 Новогр.), на́шага, ва́шага (Мат. Б. № 31 Вилейск.), на́шыга (ib. № 14 Новоалекс.); женский род: старинное образование, восходящее к др.-русск. -єѣ: да *вашее* ратуши (гр. 1478 г.), отчизны нашее (12 Вил.), нашее (Ю 14 Скор. XVI в.), вашее (Л 45 ib.), z náše i̯e xaty (Клих 14 Новогр.); чаще сочетание *-ше-* по известному закону переходит в *-шо-*: *нашое* вѣры (гр. 1432 г., СВ. 4), *нашое* грамоты (СВ. 2), о҃тчизны *нашоє* (80б Крас.), умовы *нашое* (12 Гродн. Акт. кн. XVI в.), му́ки *иншое* (240 ib), *нашоѣ* славы (17 Катихиз. 1562 г.), з *нашое* причины (4б Катихиз. 1562 г., ср. Ев. Тяпин. 1580 г. 7); ходьзя҆чы да *иншае* (Малев. 70 Слуцк.), на́шея (Зап. V, 211), на́шэя (Ром. I—II, 270 Сенн.) (с переходом безударного *е* в *а*); конечное *-е* из ъ иногда отпадает: до *ваше* (чит. *вашей*) милости (гр. 1465 г. полн. н.), нашои (гр. 1432 г., СВ. 2).

Дательный падеж мужского и среднего родов: на́шуму (гр. 1503 г., ВА. 13), на́шаму, ва́шаму (Мат. Б. № 31 Вилейск.), našému (Клих 61); женский род: Богъ даи *вашъ* — (чит. *вашей*) милости (гр. 1476 г., Л. 234), по вере *вашои* (12 Ев. Тяпин. 1580 г.), иншаи (Шейн Мат. I, 359 Слуцк.), nášu i̯ (Клих 61 Новогр.).

Винительный падеж женского рода: *иншое* животность (59 Статут 1588 г.), на́шу и на́шуі̯у (Клих 61 Новогр.).

Творительный падеж мужского и среднего родов: на́шым (Клих ib.); под влиянием предшествующего существительного употреблена форма на *-емъ*: есть спасителем̂ *нашемъ* (119б Катихиз. 1562 г.); женский род: съ нашою (гр. 1432 г., СВ. 2; 1440 г., ib. 7), на́шеі̯у (Клих 61 Новогр.).

Местный падеж: в дх҃у с҃томъ ѹтешителю *нашимъ* (5б предисл. Катихиз. 1562 г.), и на́шум, на́шуі̯ (Клих 61 Новогр.).

Множественное число

Именительный падеж: *иншіе* ходотає (171б Катихиз. 1562 г.), *ин҃ї и* бра́тъ є҃го (Ев. 1616 г. е҃і), на́ши, ва́ши (Мат. Б. № 31 Вилейск.); возможно и *на́шыйе, ва́шыйе,* нашуі̯е (Клих 275 Новогр.).

Винительный падеж: в роуки *ваше* (1 Сб. XV в. Публ. б. № 391); обыкновенно винительный сходен с именительным или винительным.

Творительный падеж: иншими (8б Катихиз. 1562 г.)

3. Местоимения типа сь, ѵьто, вьсь

Местоимения с основами на *-і̯-* уже в древнейшем языке подверглись сильному влиянию основ на *-і̯о-/-і̯а-*; к эпохе выработки белорусского языка это влияние еще более усилилось, результатом чего было полное исчезновение форм от основ на *-і-* и замена их образованиями типа н — ш — к.

а) Вместо сь — сн — се больше новообразования.

Единственное число

В именительном падеже довольно часто в старом западнорусском языке встречается удвоенная основа (ср. стр. 84): на се҃ листъ (гр. 1383, 17) *сесь* листъ [гр. 1497 г. (Арх. С. I, 4)], *сесь* (37 Сб. XVI в. Позн., 109 Статут 1588 г., 21 Тайна Тайных XVI в., 188 Катихиз. 1562 г., пс. 103. 26 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); иногда встречается и *сій* [гр. 1486 г. (Арх. С. VI, 2)], вперед сотворив Богъ па́льцы, чим *си* нож (Зап. I, 274), *сычас* (Ром. IV, 212 Бых.), *сичас* (ib. 121 Клим.); во всех приведенных примерах *ий* стянулось в *и*; кроме того, по образцу, *той* и чаще в сочетании с ним бывает *с'ой*: ся́нни ў мяне́ сыбра́ўся той — *сёй*, ўсё сва́е, йграли ў ка́рты, гыворы́ли то́я — сёя, напо́тым вячэ́рыли (Мат. Б. № 4 Могил. губ., ср. еще ib. №№ 12 Слуцк., 15 Игум., 17 Речицк., 31 Вилейск.); интересно (Раст. 105): тэй да *сэй* яго́ зна́е; в женском и среднем родах: грамота сѧ (1407) (Ягич, Критич. зам., 125), сѧдѫ моудрость (20б Тайна Тайных XVI в.), сѧ (81 Псалт. XVI в.), сѧдѫ

(142 ib.), сеѣ (43б ib.), сѧѧ часть (119 Катихиз. 1562 г.), *сеé* слово (50 ib.), *сеє* дев'ство (27 ib.), *ся́я* — *сёё* (или *сёя*) (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 12 Слуцк., 17 Речицк., 31 Вилейск.); еще иногда встречается *то* — *сё* (Малев. 16 Слуцк.), се (58 Псалт. XVI в.); Раса мая *сяй* крапущая душа мая *сяй* жывущая (Малев. 138 Слуцк.) (из *сяй*?).

Родительный падеж мужского и среднего родов: сяго (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум.), ни с таго ни с *сяго́* (ib. № 11 Новоалекс.), то́га — *сёга* (ib. № 31 Вилейск.); женский род: *сее* ночи (134 Сб. XVI в. Позн., 31 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262, ср. Скор. XVI в. Ч 14б), *сяѣ* ночи (Ром. III, 125 Клим.), сяе́ (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум.)

Дательный падеж мужского и среднего родов: сяму́ (Мат. Б. №№ 4 Могил., 8 Игум., 31 Вилейск.); женский род: сёй (ib. № 8 Игум.).

Винительный падеж: въ *сесь* статутъ (67 Статут 1588 г.), в *сесь* вскъ (16 Ев. Тяпин. 1580 г.); *сю* грамоту (гр. 1432 г., СВ. 4), *сюю* нашю грамоту [гр. 1398 г., 18; ср. гр. Г. 1284 г. (сую); 1405 г., Л. 119; 1432 г., СВ. 2], оу *сюю* но (5б Сб. XV в. Публ. б. № 391), над *сюю* уставу (14 Статут 1588 г.), сю́ю (Мат. Б. № 8 Игум.), над *сее* замеренье (21 ib.), и *сеѣ* видѣ^{л} єсмь ѧ (87б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), сеє (51 Псалт. XVI в.).

Творительный падеж: тым — *сим* (Мат. Б. № 31 Вилейск.).

Местный падеж: ѳ *симъ* словѣ (75 Катихиз. 1562 г.), ап тым — ап *сим* (ib.).

Множественное число

Именительный падеж: *сиє* пожит'ки (146 Катихиз. 1562 г.), сиє — сие (22 Псалт. XVI в.).

Дательный падеж: тым — *сим* (Мат. Б. № 31 Вилейск.).

Творительный падеж: не за симѝ то́лко прошѳ́ (Ев. 1616 г. р$\bar{е}$).

б) По известному фонетическому закону основное русское **ѣто** перешло в *што* (ср. Белорусы, II, 1, 389—390). Старинное написание сохраняется иногда лишь благодаря орфографической традиции: нечто (38 Увар.), в'сѣ *ч'то* писано (16б Тайна Тайных XVI в.). Иногда *што* осложняется еще разными прибавками: штонь єсть дохода (гр. 1387, 21), нечто (несколько) (38 Увар.), нешточки (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), штось (Мат. Б. №№ 9 и 16 Бых., 13 Свенц., 17 Речицк.), штóськи (ib.).

Родительный падеж: чого (80 Статут 1588 г., 65 Тайна Тайных XVI в.), чого (чесо) (51 Ев. Тяпин. 1580 г.; ср. 6, 27 ib., 15б предисл. Катихиз. 1562 г.), ничого (86б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), нѣчо́го (29 Сб. XVII в. Вил. № 107), без чо́го (94 ib.), с чо́го (98 ib.), čehó (Клих 62 Новогр.), чаго́ (Шейн Б. П. № 389

Лепп., Мат. Б. № 31 Вилейск.), чага́ (ib.), но: ничо́го (Зап. I, 260; Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 28 Себеж.), ничо́го (ib. 11 Новоалекс., Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 13 Свенц., 31 Вилейск.), ничо́гъ [ib. 17 Речицк., 18 Витебск. (и ницо́гъ), 26 Себеж.], нидачо́га (Мат. Б. №№ 4 Могил., 31 Вилейск.), нидачаго́ (ib. 13 Свенц.). В разных говорах нередки и стянутые формы после пропуска *г (h)*: ну *чаж* пришоў (Ром. III, 91 Рогач.), ча, чаж (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 18 Витебск., 32 Орш.); нередки формы родительного с прибавкой разных ласкательных суффиксов для усиления отрицания: ништо — ничо́га, ничагу́сяньки, ничаге́нячка, ничагу́тки (Мат. Б. № 8 Игум.), ничагу́сенько (ib. № 3 Могил.), *ничагу́синьки* ж ён ни зна́иць (ib. № 4 Могил. губ., ср. 31 Вилейск.), ничым — ничагенько (ib. №№ 15 Игум., 16 Бых.), чёге́нька (чего-то) (Сл. Нос. 696), ничи́м ничо́го, ничим ничогу́линьки (ib. № 18 Витебск.).

Дательный падеж: чомꙋ (29б Ев. Тяпин. 1580 г.), чаму́ (Мат. Б. № 31 Вилейск.), ничо́му (ib. №№ 10 Мозыр., 31 Вилейск.), не́чыму (ib. № 14 Новоалекс.).

Винительный падеж: в ни ве што (55б Сб. XV в. Публ. б. № 391), ни в што (4 Вил.), ни оуво што (75 Крас., 167 Статут 1529 г.), и внивошто (43, 72 Статут 1588 г., ср. 163б Катихиз. 1562 г.), ни вчтоже (2б посвящ. ib.), ни в'во што (58б Псалт. XVI в.; ср. ib 59б, 73б), й за ни́што (114б Псалт. XVII в.), ꙋ што проси́те (Ев. 1616 г. оӣ), нѣза́што (ib. s̄), нѣна́што (ib. мд̄), ни за́ што (Мат. Б. №№ 3 Могил., 9 Бых., 11 Новоалекс.), низа́шта ни про̀шта (ib. 31 Вилейск.), я пакажу тябе *нештачка* (Добров. I, 21). Предлог *в* иногда тесно сливается с *што*, так что они рассматриваются как одно слово, которое, в свою очередь, может зависеть от другого предлога: об *вошто* закладзёмся (345 Сл. Нос.), завбшто (Мат. Б. № 3 Могил. губ., ср. ib. 13 Свенц., 23 Минск., 31 Вилейск.).

Творительный падеж: зачимъ (151 Статут 1588 г.), шчимъ (23 ib.), нѣчи^{м} (105б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), малы^{м} *нечи*^{м} (11б Псалт. XVI в.); чим [Шейн Б. П. №№ 6 Лепп., 26 Велиж. (Сураж.); Ром. I—II, 314.694 посл.], чым, ничы́м (Мат. Б., повсеместно), цым (Шейн Б. П., стр. 57 Себеж., ib. № 700). В форме *чем* (Бесс. Б. П. № 112) усмотрим книжное написание.

Местный падеж: ꙋ *чим'* бы могъ поправитиса (107б Катихиз. 1562 г.) (на)чым (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 9 Бых., 14 Новоалекс., 18 Витебск., 23 Минск., 27 Лепп., 31 Вилейск.), но и *об чом* (ib. № 11 Новоалекс.), ни об чу̑о́м (ib. № 10 Мозыр.), и ч̆о̆m (Клих 62 Новогр.), на чом (Малев. 99 Слуцк.).

в) Старинное **вьсь** также развило много новообразований: в нем большей частью вытеснены формы с *ъ*, будучи замененными соответствующими образованиями мягкого различия с *и*; отчасти по̀ фонетическим причинам, отчасти по действию аналогии начальное *в* заме-

няется посредством *ў*, или даже *ўв*. Таким образом от этого местоимения мы имеем формы:

Единственное число

Именительный падеж мужского рода: ўвесь (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 11 Новоалекс., 18 Витебск., 31 Вилейск), ўвесь (или *ўсей*) (ib. №№ 4 Могил. губ., 17 Речицк., 26 Себеж.), увесь (ib. №№ 7 Минск., 27 Лепп., 31 Вилейск.); женский род: ўс'а, ўсá, увся (Мат. Б. № 27 Лепп.); *вспъ семѧ* (24 Псалт. XVI в.), ўс'о.

Родительный падеж: ўсягó (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), у всягó (ib. 27 Лепп.), *всеѥ* льстивости (2 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *ѿ вспъѥ* человѣческоѝ хитрости (12 Катихиз. 1562 г.), *всеѥ* плоти (3 предисл. ib.), *всеѥ̂* земли (19 Псалт. XVI в.), ўсеé (Мат. Б. № 17 Речицк.), ўсяé (ib. №№ 8 Игум., 10 Мозыр.) (ўс ĭ э́), ўсеё (Шейн Б. П. № 200 Лепп., Мат. Б. № 7 Минск.), ўсіё (ib. № 4 Могил.); с отпадением конечного гласного: ўсей (ib. № 18 Витебск.), ўсёй (ib. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 9 Бых., 23 Минск., 26 Себеж.).

Дательный падеж: усямў, усѐй (ib. № 31 Вилейск.).

Винительный падеж: по *вѣ* часъ (150 Псалт. XVII в.); собра^{ѧ} *вспье* жемоѝцкую ра^{т} (481б Евр.), по^{ѣ}ра^{ѧ} *вспье* севѣру (517 ib.), не спали яны *ꙋсеé* ночь (Ром. VI, 300 Черик.), увесь, усягò, усю, усё (Мат. Б. № 31 Вилейск.).

Творительный падеж: с скарбомь своимь со *всимь* (30 Увар.) (= съ *всимъ*) (ск. 4 Вил.), зо всимъ (29 Гродн. Акт. кн. XVI в.), *вси*^{м} ср^{ѧ}цемъ (16б Тайна Тайных XVI в., ср. 31б Ев. Тяпин. 1580 г., 12 Псалт. XVI в., 17б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); вероятно, так же следует читать: зо *всѣ*^{м} згромажене^{м} (18 Псалт. XVII в.); в XIV в. такое написание могло обозначать и старину: *вспьмъ* сердцемь (Мстиж. Евр.); в современной речи: ўсим (Шейн Б. П. № 140 Витебск., Мат. Б., повсеместно), суси́м (= совсем) (ib. № 4 Могил. губ.); однако: ўсĭэ́м (ib. № 10 Мозыр.), как будто указывающее на основное *ѣ*; женский род: всеѝю дўше́ю, всею мы́слĭю (Ев. 1616 г. 2 пт.), ўсей (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 31 Вилейск.).

Местный падеж: ўсим (Мат. Б. №№ 14 Новоалекс., 17 Речицк.), аб усём [ib. №№ 8 Игум., 10 Мозыр. (во ўсю́о́м), 11 Новоалекс.], па ўсей (ib. № 31 Вилейск.).

Множественное число

Именительный падеж: рядом со старинными образованиями, как *оуса* местца (15б Сб. XV в. Публ. б. № 391, 36 ib.), *вся* мѣста (4 Вил.), обыкновенно встречаем для всех родов *вси*: оуси (5, 35б Сб. XV в. Публ. б. № 391), вси (1, 5 ib., 45 Увар., 324 Лет. Авр. XV в.), *вси* силы (241 Сб. XVI в. Позн.), *вси* пола

(214 ib.), *вси* вѣщы (52 Тайна Тайных XVI в.), *вси* народы (3 предисл. Катихиз. 1562 г., ср. ib. 88б, 26 Ев. Тяпин. 1580 г.), *вси* границы (7б Псалт. XVI в.), *вси* слова (53 ib.), *вси* вн$\breve{у}$ра мои (106 Псалт. XVII в.), *вси* слова (34б ib.), но: шаты *всѣ* (ib. 23). В современной речи преобладает тоже *вси* — *ўси*: (Шейн Б. П. № 79 Лепп., 134 ib.; Зап. I, 256), уси (Ром. I—II, 41 Сенн.), ўси (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 9 Бых., 14 Новоалекс., 15 Игум., 18 Витебск., 26 Себеж.); но бывает и *ўсе*: (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 69 Новогр., Мат. Б. №№ 8 Игум., 11 Новоалекс., 12 Слуцк., 23 Минск.), усі́е (Малев. 16, 28 Слуцк.). В остальных падежах, под влиянием именительного, также преобладает *и*.

Родительный падеж: всихъ (гр. 1409 г., 2 Вил., 1 Статут 1588 г., Ев. Тяпин. 1580 г. 30б, 33б), вси^{х} (3 предисл. Катихиз. 1562 г., 8, 9б, 34, 34б, Псалт. XVI в.), но и — ото всехъ (гр. о 1400 г., Л. 104), всѣ^{х} см$\breve{у}$тковъ (34б), *всѣ*^{х} ѧзыко (58 Псалт. XVI в.); в живой речи: ўсих (Ром. IV, 120 Бых., Мат. Б., повсеместно), усих (Ром. IV, 10 Чаусск.), но иногда и *ўсех*: ўсїэ́х (Мат. Б. № 10 Мозыр.).

Дательный падеж: всимъ (гр. 1409 г., 51б Ев. Тяпин. 1580 г.), вси^{м} (2 Сб. XV в. Публ. б. № 391, 5 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), по *вси*^{м} зе^{м}ла^{м} (86б Крас.), ўсим (Мат. Б. №№ 7 Минск., 11 Новоалекс.), всим (Зап. I, 275) рядом со *всем* [всѣмъ речамъ (Ев. 1616 г. ка̄ б)], ўсїэ́м (№ ib. 10 Мозыр.).

Винительный падеж бывает с именительным или родительным: оуво *все* дн̄ы (128б Псалт. XVI в.), напоива̄ *всѧ* звѣрѧта (103б ib.), въ *всѣ* е̂реси (30 Лет. Авр. XV в.), на всѣ^{х} (42б ib.), надо все^{х} (2 Сб. XV в. Публ. б. № 391), на *вси* часы (Бел. Арх. I 1588), усѐ (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 104 Новогр.).

Творительный падеж: *всими* землями [гр. 1492 г. (Арх. С. III, 2)], межи *оусими* (4 Сб. XV в. Публ. б. № 391), всими (ib. 2, 4 Вил., 30 Увар., 68б Крас., 66 Статут 1588 г.), со всими навсими (гр. 1395 г., А. XIII, 3), пере^{д} всѣмѝ (Ев. 1616 г. кв̄, нв̄), во в'сими (4—5 Тайна Тайных XVI в.), перед всїми (39 Ев. Тяпин. 1580 г.); в Псалт. XVI в. встречаем: на^{д}оусеми (131б), на^{д} *оусими* бг̄и (98), надо *всими* неприѧтельми (13б). По аналогии с приведенными примерами, где после предлога *надъ* стоит творительный падеж, мы хотели бы считать творительным падежом и форму на *-и* в следующих примерах: на^{д} о̄*уси* неприѧтели *мой* ста^{ѧ}сѧ е̂сми соусед\\$^{м}$ в посме^{х} вѣ̄ми (31) [nád wssytki nieprzyáćiele moie stałem sie ná posmiech sąsiadom moim (Врубель, 30. 12)], на^{д} *вси* о̄учасникы (46б) [nád wssytki vczestniki twoie (Врубель, 44. 8)]. Но ввиду того, что в польском оригинале в приведенных случаях винительный, мы должны все приведенные формы считать винительными падежами. В Псалт. XVII в. рядом с *зо всѝми* (13б), *на*^{д} *всими* богѝ (98) встречаем и *на*^{д} *вси богѝ* (100б), где, вероятно, творительный падеж, так как в польском

оригинале в соответствующем месте имеем: nad *wszemi* Bogi (Радивил. библ. пс. 97. 9). В живых белорусских говорах: усе́ми (Дмитр. П и Ск. Вильн., 64 Новогр.), ўсїэ́ми (Мат. Б. № 10 Мозыр.), sa ɥśе́mi (Клих 62 Новогр.), ўс'и́м'и.

Местный падеж: во *всихъ* земляхъ (гр. 1475 г.), всихъ (гр. 1432 г., СВ. 2), на тых всих замкох (Бел. Арх. I 1548), в'си^{х} (10 Тайна Тайных XVI в.), во вси^{х} (64б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); va ɥśéx (Клих 62 Новогр.), ўс'и́х.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В основном русском языке имена прилагательные склонялись двояко: или, будучи в краткой именной форме, как имена существительные соответствующих родов с основами на *-o-* / *-jo-* и *-a-* / *ja-*, или — в полной форме — принимали сложные окончания, состоящие большей частью из именных в соединении с местоименными. Качественные прилагательные употреблялись в той и другой форме, а относительные обыкновенно принимали именную форму; особенно это следует сказать относительно притяжательных прилагательных.

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Уже в древнейших памятниках русского языка замечается нередкое вытеснение именных форм прилагательных и замена их формами сложными: именные формы при существительных обыкновенно остаются в роли сказуемых. В старых западнорусских памятниках наблюдается то же самое, а в живой белорусской речи дело пошло еще дальше: сложные формы нередки и в роли сказуемых. Причины такого явления могут быть всесторонне выяснены только в синтаксисе; здесь лишь отметим, с одной стороны, стремление отличить прилагательные от существительных уже самым окончанием, а с другой — сокращение форм прилагательных сложных, дошедшее в белорусском, как увидим ниже, в некоторых случаях до крайности, так что иногда происходит совпадение именных и сложных форм. Кроме сказуемых, именная форма прилагательных в белорусском языке иногда сохраняется в роли определений-эпитетов, но это больше в народной поэзии. От старины именная форма сохраняется еще в закостеневшем виде в наречиях да в сложных словах. Все это виднее будет из ниже приводимых примеров.

Единственное число

Именительный падеж мужского рода: ты с нимъ *гораздъ* живешь (29 Увар.) (= *гораздо* 3 Вил.), вътече *босъ* (73б Крас.), *старъ* былъ (129 Сб. XVI в. Позн.), *радъ* вѣдати (46 Сб. XVI в. Крас.), тон'къ и простъ (34 Тайна Тайных XVI в.), *женескъ* по^{ѳ} (84 ib.), *веселъ*

оў молоⷯсти є́го (71б ib.), ѡхвочь (28 ib.), космы єго кудравы *черны* ꙗко воронъ (84б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), знакомитъ (58б ib.), мидескъ, прьсескъ (120 ib.), сн҃ъ *є̂диноро*ⷯ*цо̂* (29 Псалт. XVI в.), послушо҃ (76 Псалт. XVII в.). Некоторые из приведенных примеров из старинных произведений малоценны, так как эти формы могут отражать соответствующие написания древнерусских и даже старославянских оригиналов. В живой речи: повин (Шейн Б. П. № 155 Лепп.), жо́вит (ib. стр. 293), зялён (ib. № 381), каб наш коровай быв *я́сен*, *кра́сен* (Зап. V 161), румя́н (ib. 191), бога́т (Зап. I, 262; V, 191), чи мой хле́бушка *пушо́н*, чи мой ми́лы *не вясе́л* (Бесс. Б. П. № 150, Зап. V), брат не так *рад* брату, як *рад* его шма́ту (состоянию) (Зап. I, 264), *х'и̯ц'ӓр* як чорт (Дыб. 177 Посл.), мужы́к *бага́т*, jаму́ до́бра; саба́ка *касма́т*, jаму́ ц'бпла (Дыб. 403 Посл.), доб (хорош) (Ром. I—II, 352 Сенн.), дуж (силен) (ib. III, 95 Бых.), ён *добр*, як каба́н (Мат. Б. № 15 Игум.), *дро́бин*: не́льга бу́дзе ў̆весци́ (ib. № 21 Слуцк.), до́бёр (ib. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 11 Новоалекс., 15 Игум., 23 Минск., 28 Себеж., 31 Вилейск.), kар pan *zdarо́ц̯* by̯n (Клих 277 Новогр.); в постоянных эпитетах: *синь* василе́чак, *сиў* голубо́чак (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 94 Новогр.), *ясен* ме́сячек (Зап. V, 227), *солодо́к* медо́к (Шейн Мат. I, 78 Речицк.), *разудал* малу͡о́йчык (Малев. 17 Слуцк.), *шаўко́ў* рука́ў (ib.); в сложных словах: великъ-день (37 Ев. Тяпин. 1580 г.), бі͡е́л-кудравы (Малев. 116 Слуцк.); в прилагательных, означающих принадлежность: тесьлинъ (19 Ев. Тяпин. 1580 г.) [отъ тесьла тектонъ (ib. 50)], це́сцев (Зап. V, 164), це́сцин (ib. 72), *папу́ў* сын начава́ў (Малев. 119 Слуцк.), ludaję́dau̯ (Клих 187 Новогр.), bа́ckau̯, matčyn, žončyn (ib. 277). Женский род представляет подобные же случаи: скотоу є́сть *привовнака* (1б Сб. XV в. Публ. б. № 391), панна марїа была маленко *велика а телиста а смѣда* (71 ib.), звѣз'да *нероухача* была (92б ib.), *до҃чева* к'ропла (81б ib.), *рада* звѣдала (25 Сб. XVI в. Крас.), *г сиа̂* нога (32 ib.), *чл҃ви'а̀* нога (34 ib.), *бж҃ыа̀* (19 Тайна Тайных XVI в.), трость *писарска* (Пс. 44. 2 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), бівлиа *рѳска* (Скор. XVI в.), такъ *высока* ѳсоба (126 Катихиз. 1562 г.), печь ѡ҃гнана (22б Псалт. XVI в.), *наполне́на* е зе҃мла (109 Псалт. XVII в.), ве́лми дорога (128б ib.), наѳка *лѣпша* ми естъ (136б ib.); хороша́ (Шейн Б. П. № 6 Лепп.), убрана́ (ib. 98), солодка́ ib. 386), *добра́ночь* (ib. 313; Зап. V, 169), *добра* ночь даець (Шейн Мат. I, № 202 Горецк.), *добра́-ноч* мні͡е́ дая (Малев. 67 Слуцк.), каб наша — была *весела́*, каб наша ру́точка была́ *зелена́* (Зап. V, 191), абярнуся *мо́лада* (Розенф. 15 Вилейск.), ты *хараша*, як ружовы цві͡е́це (Малев. 80 Слуцк.). В среднем. роде: ѡ҃днаково є'моу *лихо* (25 Сб. XV в. Публ. б. № 391), де́ло *долъго* (ars longa) (52б Тайна Тайных XVI в.), оўголье *жа҃рко* стане҃ (19 Псалт. XVI в.), ср҃це *порожнє̂* (9б ib.), *страшна* и *сто̂* є̂ има (99 ib.); в качестве определений: сема *йа̂ковово* (24 ib.), масо *волово* (50б ib.), ср҃це *л҃ко* (103б ib.), ѡ҃свобож҃еѐ *лю҃ско* (111);

в роли наречий: любе́но (85 Крас.), бо́зо (75б ib.), дале́ко бы̀лъ (Ев. 1616 г. ѳ), сбло́ко (ib. 2рѕе), глыбоко (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), го́рычо (ib. № 4 Могил. губ.; ср. ib. №№ 11, 22, 23, 31), гырячо́ (ib. № 26 Себеж.), мно́га (ib. № 8 Игум., ср. №№ 6, 9), су́мно (*страшно*) (ib. № 7 Минск.) хо́лодно (ib. №№ 11 Новоалекс., 26 Себеж.), худо́ (ib. № 18 Витебск.).

Родительный падеж мужского и среднего родов: тела *їс҃ава* (22б Сб. XV в. Публ. б. № 391), речи з дому вси от мала и до велика... выпровадили (Акты В. А. К. XXXVI, 3), ѡтъ мала и до велика (87 Сб. XVI в. Позн.) рядом с *ѡтъ великого и до малого* (88), не вос'хочеть тѡбѣ жа҃ного̀ *лиха* (10б Тайна Тайных XVI в.), межи *з'ла* и д҃б'ра (79 ib.), ꙗзыка *г'речес'ка* (1 ib.), гласа *насилника* (1 8 Скор. XVI в.), ѡ потока *Египтова* (Ц 237б ib.), затмениа *солнцева* [МПК (оглавление) ib.], *Скорынина* сына [(послесловие) ib.], ѡ мала и до велика ѡ млада и до стара (Э 8б ib.), ѡ гневу *братова* (Пр 15 ib.), *знага* дѣлати (38 Катихиз. 1562 г.), лестива (47б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), домоу ꙗковова (115 Псалт. XVI в.), здáлека (Ев. 1616 г. 2рои б), изновy (=снова) (гр. 1432 г., СВ. 4); *ворона́* коня [Шейн Б. П. № 455 Велиж. (Сураж.), Мат. Б. №№ 9 Бых., 26 Себеж.], откликнися моя доля на том бо́ку *си́ня* моря (Изв. 177; Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 17 Речицк., 26 Себеж.) (все в песнях), поўторá, поўтрац'á, поўчац'в'артá, издал'áка, спрóсту и т. д.; женский род: *королевы* землѣ (гр. 1349 г. 7 строка), свѣщи *огнъные* (53 Лет. Пер. Сузд. XV в.), *свѧцьславли* кнегини (36 Увар.), ма҃ки бц҃и (85 Крас.), *полътрети* недѣли (273 Позн.), до *дѧньславлѧ* оулїчѣ (118б Лет. Авр. XV в.), до ꙗколѧ оулицѣ (229б ib.), ѡ *михитинѧ* оулїци (163б ib.), дла милости *Бововы* (151 Сб. XVI в. Позн.), *полътрети* недѣли (273 ib.), из руки *насилниковы* (19б Скор. XVI в.), гибели *месецевы* [МПК (оглавление) ib.], жоны *оўриевы* (51б Псалт. XVI в.), з моцы *пехетны* (91б), до земли *хамовы* (105б ib.), з моцы *доꙗвоски* (86б), до земли *идѫмейски* (111 ib.), з *вѣки* доброти даноѣ (132 ib.); у мене *молоды* (Ром. I—II, 8 Сенн.), у Василиски *Дыяболски* (ib. III, 212 Бых,), для *зяцяовы* прычыны (Малев. 158 Слуцк.), kasý rusý, gróbny slázý (Клих 277 Новогр.).

Дательный падеж мужского и среднего родов: *подсхарбьему* королеву [гр. 1486 г. (Арх. С. VI, 2)], по пророка *Давыдову* слову (255 Позн.), северьскому *Новугородку* (4 Вил.), по *здорову* прийдоша (55 Лет. Авр. XV в.), по суху (87 Сб. XVI в. Позн.); быц' здарóву, памáлу, папóл'ску, парýску, пац'йху, пилюбу (Шейн Мат. I, № 56 Горецк.), к *сиѭ* мóру (ib. № 443 Лепп.), *купецку* сыну (Добров. 20.128), *дóбру* молóйчыку (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 9 Бых., 17 Речицк., 26 Себеж.); женский род: молоди (Бесс. Б. П. № 130), прислаў насице мне мóладзи (в рифму — *ў гóрадзи*) (Розенф. 91 Минск.), млóдзе (Шейн Б. П. № 243 Лепп.), молодзé (ib. № 405 Витебск.; Зап. V, 186; Шейн Мат. I, № 464 Диснен.), мне маладзé (Кар. 83 Трок.; ср. Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 9 Бых., 17 Речицк.).

Винительный падеж в мужском и среднем родах сходен с именительным или с родительным, напр.: на озеро *велико* (144б Четья 1489 г.), сына его обретѣ у трупехъ много *ранена* только *живъ* (10 Вил.), вчыню его *мертва* (133 Сб. XVI в. Позн.), видечы короля .... *ѹхвачена* (167 ib.), ѡ҃ ѝзбави҃ ѐсть *нища* ѿ си҃ного҆ (72 Псалт. XVI в.); высбк (Шейн Б. П. № 1 Лепп.), *мала* государя (ib. № 50 Бых.), *ворона́* коня заёздзиў (ib. № 400 Городок.), *зялено́* вино (ib. № 357 Лепп.), зирну́ ў *вишнеў* сат (Малев. 32 Слуцк.), закидайця° *шаўко́ў* неват (ib. 64); дьзякуй, сваха, за пирубх *мякёняк и бя°ле́няк* (ib. 159); женский род: *хр҃тиа҃нъск* вѣрѹ дръжати (85 Сб. XVI в. Крас.), ѡ҃дежду҃ *болярьс'ку҃* (180 ib.), *добру҃* ра҃у (7 Псалт. XVI в.), вза҃ — *вѣ҃ку҃* хвалу҃ (11б ib.), *непокалану҃* дорогу҃ (20 ib.), пѣ҃нь *нову҃* (33 ib.), ѡ҃бороч҃у҃ оу҃ глу҃бокость *морьску҃* (66б ib.), крепкъ҃ *лю҃скоу* (92, 101б ib.), гору҃ *гн҃ю* (25 ib.), *козлью* кровь (50 ib.) и т. д.; хорошу́ (Шейн Б. П. № 1 Лепп.), шоўкову́ (ib. № 7), зиляну́ (ib. № 11), молоду́ (ib. № 191), зелену́ (Зап. V, 117), *белу* пасцель слаци (Кар. 60 Трок.), ў *вялі́зну* на́тта дорогу (Малев. 20 Слуцк.), у *гу҃сту* лазу (ib. 24), на галу́бачку да на *сивёньку* (ib. 87), pią *lètarasznìu* chwainu (Федер. I, 423 Шидловцы).

Творительный падеж мужского и среднего родов: и҃менемъ божіѣмъ (19 Катихиз. 1562 г.), выве҃ и҃х соухо҃м (107 Псалт. XVI в.), зяленóм (Шейн Б. П. № 6 Лепп.); Ци винóм *зяленóм*, | Ци солодким мядóм (где, должно быть, только рифма спасла архаизм); женский род: с помощью *бж҃ью* (65б Сб. XV в. Публ. б. № 391) (полонизм?).

Местный падеж: на *высоцъ* мѣсте (22б Четья 1489 г.), на *чисте* мѣсте (95б), по *величи* дн҃и (86 Лет. Авр. XV в.), на *цары҃шовъ* оу҃лицѣ (119б ib.), ѹ пато҃й книзе *Моисеѣ҃ве* (85 Катихиз. 1562 г.), в' законе *гн҃и* (7 Псалт. XVI в.); ў *гара́чы* вад'з'а́ (Дыб. 684 Посл.), если только здесь не слитие из *горячий*.

Множественное число

Именительный падеж: мы хочемъ *ради* то учинити (гр. 1341 г. Кест. и Люб.); вы *чисти* ѐсте але не оуси (5 Сб. XV в. Публ. б. № 391), как мы ѡ҃ц҃ю папе — *послоушни* (76б ib.); тут же несколько случаев именной формы прилагательных на *-е*, в чем следует усматривать полонизм: ѡ҃*пришне* домы (43б), гр'ехи *свѣтъске* (26), *неме* речи (13б), *наи҃милеі҃ше* дочки (4б), вси сыни человече (5), їаскі — не *подземъне* (43 и др.); можно видеть и древнерусское образование там же в *гв'озды бж҃ье* (69б); Лит. Лет.: *ради* ему вся земля (12), были *послѹшни* (86б); Лет. Авр. XV в.: придоша вси *здоровъ* (73), колоколи *златъ* (11б), вси кн҃зи *роускыі҃ данъ* ѐ҃моу (91) — с употреблением *-ъ* на месте *-и* и даже *-ы*; Сб. XVI в. Позн.: тыѥ два *Атылевы* сынове (224); Сб. XVI в. Крас.: *р҃а҃и* бы *вѣдали* (206), *живи* боудоу (100), ѡ҃бѹ҃ви *див'ны҃* (183); Статут 1588 г.: будемъ *винни* (10), *были* бы *вѣдоми* (3), волни (341); Гродн. Акт. кн. XVI в.: несведоми (20); Тайна

Тайных XVI в.: *не полохʼливи* кони (84б), ѡ҃чи *воловъ* (62б), сновѣ *добры* (81б); Библ. Скор. XVI в.: *прекрасны* жены (Ю 17б), *баранi* кожи (И 66б); Ев. Тяпин. 1580 г.: будуть *моложавы* (34б); Псалт. XVI в.: *выкинени* с костела (9), бꙋдꙋчи ѡ҃*кинени* (89), *скажени* сд҃т҃ и҃ *мезеиы* (15б), пы҃ни (49), сн҃ове *члвчи* (8б), скопове ѡ҃*вец҆* (63), сд҃м҃ *добры* вч҃кы (9), быковѣ *тꙋчны* (23б), оу҃меншоны сд҃м҃ (15), *прꙋдкы* ногы (16), *оухо҃дожены* (138б), крайны *пога҃ски* (59), слова *ч҃ты* (15); Псалт. XVI в.: несправе҆ливые будꙋ *покарани* (2б), будꙋ *роспорошени* (3), будꙋ *напоени* (5), будꙋ *выкореньни* (3б, 6б, 7б), которие *бл҃гвени* ѡ҃ г҃да ѡдер҆жать (7б), неприятели ꙗчищени и *вывышiни* (7б), были *выбавени* (20), бж҃ие су҃ щиты *моцни* (25б), *щасливи* су҃ (54), вытра́чéни (110), *проти́вни* были (117), завстыжéни (137, 149б), стрѣлы твои ѡстри проникнꙋ сер҆ца неприател'е (22б), *наклонéни* ꙗши (151), *подобни* будꙋ (127), *выкинены* зостали (28б), сн҃ове *ефремовы збро'ны* и готови — подали ты҃ (64б), кедри *высóки* (73б), гори *высóки* (108б), вси *наполнéны* (109б), дни живота неха' *коротки* будꙋ (121). В большинстве приведенных примеров в именной форме употреблены прилагательные и причастия, исполняющие роль сказуемых, отчасти же определений-эпитетов; причастия на *-лъ*, а иногда и другие сохраняют даже древнейшую форму на *-и*, свойственную первоначально только мужскому роду. В живой речи можно отметить случаи употребления именных форм в такой же роли, хотя, впрочем, здесь предпочтительнее сложные образования: добры́ (Бесс. Б. П. № 5), *буйны* вéтры, *дробны* звéзды (Шейн Б. П. № 91 Диснен.), чирез *си́ня* морá (ib.), *бу́йны* ветры, *дро́бны* звéзды (в песнях, как эпитеты) (Мат. Б. №№ 9 Бых., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск., 26 Себеж.), *жо́ўты* пяскú (ib. № 11), *я́сны* вóчы, *дро́бны* дзéци, *белы* кýдры (ib. № 15 Игум.), *сини* мóри (ib. № 18 Витебск.), бацькé *жо́нчыны* (ib. № 23 Минск.), няхай стаяць *здаровы* (Малев. 27 Слуцк.), два *харошы* малайцы (ib. 133).

Родительный падеж именную форму представляет лишь от тех прилагательных, которые стали исполнять роль существительных: *добръ* належачихъ (124 Статут 1588 г.), *добръ* нашихъ (41 ib., 228).

Винительный падеж сходен с именительным или родительным: то҃ *слепе глоухе хроме горбате* — оуздоровл҆є҃ (16б Сб. XV в. Публ. б. № 391), въ роубе *шо҃кове* ѡ҃блочи҆тс҆а (97 ib.) — в обоих случаях полонизмы; даша дары *мюзи* (275б Лет. Авр. XV в.) (с старинной формой им. пад. на месте вин.); вси рѣчи *трудны* не може҃ говорити (86б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), *добры* дн҃и ѡ҃глада҃ (33б), розмножи҃ є҃сть сн҃и *лю҆сьы* (15, 33 Псалт. XVI в.).

Творительный падеж с окончаниями на *-ам'и* можно бы видеть в следующих случаях: с *чернами* бровами (Ром. I—II, 123 Перер., Мат. Б. № 9 Бых.); прутами *березовами*, палками *лозовиньками* (Шейн Мат. 1 № 97 Рогач., Мат. Б. № 9 Бых.), хотя в подобных примерах

а можно объяснять как замену безударного *ы* (ср. Белорусы, II, 1, 241—242).

Местный падеж: лестива^{x} (37б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), мосты въ *добрахъ* столу нашому належачыхъ (94 Статут 1588 г.) — к слову *добро*.

Все падежи именных прилагательных уцелели только у двух слов, которые теперь чувствуются как существительные: *добро́* и *зло* [без *худа́* не вида́ць *добра́* (Зап. I, 260)].

Приведенными примерами исчерпываются главнейшие категории употребления именных форм в старом западнорусском и в современном белорусском языке. К ним присоединим еще такую группу примеров, как (из них большинство приведены у Миклошича III, 257):

Солодо́к медо́к для его дзето́к (Зап. V, 81);

А мой мужичок не *добе́р*,
Не купи́в мне ни куни́ц, ни бобёр (Зап. V, 236, 242);

А мой муж ни лих, ни *добёр*,
Не купляець мне ни лис, ни бобёр (Ром. I—II, 216 Орш.);

Скажу, пан, тобе без спо́рок,
Мне уже твой хлеб став *го́рек* (Зап. V, 72);

Да еще жь я и не *стар*,
Еще вус мой сив не став (ib. 109);

Приехав сам *дзеся́т*,
Попускав коникав
Да в вишне́вый сад (ib. 182);

А взойдзи́це я́сны зо́рки.
..... ключи *звоны́* (ib. 95);

Шлець яе *молоду́*
На Дунай по воду́ (Изв. 176).

Во всех этих случаях следует, конечно, видеть именную форму прилагательных. Но совершенно ясна причина, вызвавшая ее появление: это требование рифмы. Не будь этого обстоятельства, везде стояли бы сложные формы или, как увидим ниже, упрощенные из них.

В некоторых случаях употребление именной формы, как более краткой, вызывается требованиями ритма:

Ко́ник бу́дзе гарцова́ци,
Я сам *мо́лод* пановáци[1] (Изв. 184);

Откликни́ся моя до́ля
На том бо́ку *синя* мо́ря[2] (Изв. 177).

В заключение склонения именных форм прилагательных в белорусском языке отметим еще, что в нем не оставили никакого следа старинные основы на *-ŭ-*, да и на *-i-*; быть может, память о последних

[1] — ˘ — ˘ — ˘ —
— ˘ — ˘ — ˘ —

[2] ˘ ˘ ´— ˘ ˘ ´—
˘ ˘ ´— ˘ ˘ ´—

сохранилась в таких неизменяемых словах, как *не́плодзь* [кобыла неплодзь (Сл. Нос. 334)], *по́вёсёль* (ib. 426).

Ничего общего с именным склонением прилагательных не имеют такие случаи, как:

Сла́ва да сла́ва пано́чек твоя́.
Да *пья́на,* да й *пья́на* толо́ка твоя́ (Зап. V, 99);
Гро́ши *кру́глы,* от того и *ко́тки* (Зап. I, 288);
Бога́ты ци бу́дзем да и *голо́дны* не будзем (ib. 262);
Ай *до́бры* паны, *до́бры.*
Пригоня́тые ли́хи (Шейн Б. П. № 279 Лепп.);
Щипи́, кума, яго́дки, | кото́рыя *соло́дки:*
А кото́ры *го́рки,* | то для моей жо́нки;
А кото́ры *сла́дки,* | то для моей матки (Шейн Б. П. № 9 Лепп.);
Стои́ць дре́вцо *то́нко, высо́ко,*
То́нко, высо́ко, ли́сццем *широ́ко* (Шейн Б. П. № 153 Витебск.);
До́рого да *ми́ло,* дзе́шево да гни́ло (Зап. I, 296).

Во всех этих случаях прилагательные в краткой форме служат сказуемыми. Но если сравнить эти случаи с приведенными раньше из живых говоров, то заметим, что между ними есть разница в ударении: тогда как там мы видели сходство с краткими формами прилагательных в русском языке, здесь, напротив того, мы находим сходство в ударении с полными русскими формами. Как объяснить подобное явление? Большую помощь при решении этого вопроса нам могут оказать такие случаи, как:

Каюся *молода́* я не пома́лу,
Што *молода́* замуж пошла (Зап. V, 265);
Стала тая суке́нька шамре́ци,
Зеле́на дубро́ва горе́ци (Шейн Б. П. № 256 Витебск.);
У нашего кума *бе́ла* бяреза
Повалилась на дворе́ (Шейн Б. П. № 12 Лепп.);
Понясли́ вяно́чик на *чи́сто* поле,
На *чи́сто* поле, на *си́ня* мо́ря (Шейн Б. П. № 163 Витебск.);
Вложи́ мое дзицятко
У *цисо́ву* колыбель (Шейн Б. П. № 3 Лепп.);
У *но́ву* светли́цу. | У *но́ву* колыбель.
Привядзи мне кумку *молодзе́ньку* (Шейн Б. П. № 4 Лепп.);
Уцирая *чубо́рны* вочы (Малев. 46 Слуцк.).

Во всех приведенных случаях прилагательные в краткой форме служат определениями. Обращаясь для сравнения к русскому языку, вы видим, что там в качестве определений употребляются лишь полные формы прилагательных. Не имея оснований для белорусского предполагать отступления (исключая, конечно, постоянные эпитеты, некоторые формы прилагательных притяжательных, о чем говорилось раньше), мы должны признать, что данные белорусские формы не что иное, как

сложные, но только упрощенные посредством стяжения. При таком взгляде на данные формы нет основания и раньше перечисленные примеры сказуемых с отступающим ударением не признавать сложными же формами прилагательных, но лишь стянутыми. Этот теоретический вывод имеет за себя и фактические данные. Так в обыденной, а не песенной речи даже в роли сказуемых обыкновенно являются полные формы: га́ты стол *в'ал'и́ки*, та́йа жо́нка *до́брайа*, га́та вакно́ *высо́кайа*, на́шы хло́пцы *'си́л'ныйа*, suséd byu̯ vélma baháty, kómin kab byu̯ začýńeny, pastuxé byl'i hałódnyie (Клих 278 Новогр.) и т. п. Такое употребление можно указать и в старинных западнорусских произведениях, напр.: не вол'ные (104 Катихиз. 1562 г.), *блг҃вены҃й* мѫ҃ (7 Псалт. XVI в.), ста҃сѧ и҃мъ *прировнаны'* (29 Псалт. XVII в.), дв҃дъ буд҃чи *҃тисненый'* (36 ib.), ѧ҃ есми бы҃ *глупы'* (55 ib.), бг҃ъ е҃тъ *знаемы'*, а славно и҃мѧ его (60 ib.), бо *҃бог'и* есми и *недостаточн'ы* (81б ib.), бы́лъ есми *попхнены'* (130 ib.), *бл҃гве́ны'* е҃ гд҃ъ (156 ib.), ѡ҃ ѧкъ же е҃ *добри'* бг҃ъ и҃раи҃ски' (52б ib.), гд҃ъ *до́бри'* е҃ (112б ib.), хвалѣте гд҃а бо *до́бри'* е҃тъ (129 ib.). То же можно отметить и в народной стихотворной речи:

Наш поп *молодзе́ньки́й*,
У его вусок *золоце́ньки́й* (Зап. V, 209);
Наш пан (поп) *молоды́й*, его вус золоты́й (Мат. Б. №№ 9 Бых., 13 Свенц., 14 Новоалекс., 26 Себеж.; ср. 15 Игум.);
Наш пан бага́ты, яго́ капта́н махнаты (Мат. Б. № 15 Игум.) (только в песнях);
Щипи, кума, ягодки ...
Которые *гнилы́е*,
То для моей милые (Шейн Б. П. № 9 Лепп.);
Пришли весци от ми́лога,
Што милый *уби́ты* (Шейн Б. П. № 397 Лепп.).

Если вполне доверять записям в сборнике Малевича, то иногда на наших глазах происходит упрощение полных форм прилагательных в краткие. Имею в виду такие написания, как: на *такуў* гору, якую ... (20), даў яму *дубо́бруў* награду (21), ни на *якуў* згубу (22), где сначала выпало *i̯* (ср. у Ром.: *добруу, туу*), а затем конечный гласный стал неслоговым (*u̯*) и слился с предыдущим. Вероятно, подобный же процесс следует предположить и для именительного женского рода; по крайней мере формы без *i̯* засвидетельствованы собирателями народных произведений: *зимнай* раса (Малев. 42 Слуцк.), *харошай* дзіе́ўка (ib. 87), залатаа, добраа, таа Ром. (ср. Собол., Опыт, 83, 84).

Что белорусские краткие формы прилагательных, сходные по ударению с русскими полными, представляют из себя стянутые, а не именные формы, видно и из сопоставления акцентовки таких форм с ударением подобных образований в сербском языке, где стяжение подтверждается еще долготой гласного: белорусск. *до́бра, до́бро, до́бру*,

до́бры = серб. *до̏бра̂, до̏бро̂, до̏бру̂, до̏бри̂* при именных формах с основным насуффиксным ударением: *до̀бра, до̀бро, до̀бру, до̀бри* (ср. Белорусы, II, 1, 266).

Ввиду всего сказанного и многие формы, встречающиеся в старинных произведениях, если на них ударение не обозначено, или если проставлено на тех слогах, на каких его мы находим и в полных формах русских, придется считать за стянутые сложные формы, напр.: держить твоѧ *наѝмилеша* матоухна (14б Сб. XV в. Публ. б. № 391), братїа *жеброуча* (90 ib.), дитѧтко *повите* а *положене* (43 ib.), *чи́ста* была (Ев. 1616 г. 2рча б) и под. Стянутые формы усмотрим и в следующих случаях, взятых из живой речи: ў старо́го дзі͡е́да *сива* барада (Малев. 24 Слуцк.), *мудра* ку́͡бзанька догадалася (ib.), милая мая, *дарага́* мая (ib. 115), *nowa* i staràja (Федер. I, 4 Дворец), staìć panienka *czu̯orna*, chudája, strasznája (ib. 5), *ju̯ełou̯a* łapka, čyrvóny akańícy ро́u̯no kryło (Клих 278 Новогр.), шыро́ко (Мат. Б. № 11 Новоалекс., 13 Свенц.), цёмна (ib. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс.), хало́дно (ib. № 3 Могил. губ.), све́тло (ib. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), далёко (ib.), гаря́ча (ib. №№ 14 Новоалекс., 18 Витебск., 28 Себеж.).

СЛОЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В старом западнорусском языке и особенно в современных живых белорусских говорах это склонение подверглось сильному искажению. Многие формы заимствованы из местоименного склонения; другие же, хотя и ведут свое начало от сложного склонения, но, как отчасти мы уже видели, сильно изменены сокращением и упрощением. Так, кроме обычного всем славянским языкам слития окончания именных форм с начальными звуками местоименных падежей от **н — ш — к**, мы еще видим упрощение получившихся окончаний *-ый* и *-ий* в *-ы* и *-и*, *-айа* в *-а*, *-ойе* и *-ейе* в *-о* и *-е*, *-уйу* в *-у*, *-ыйе* в *-ы*.

Во множественном числе, как и в местоименном склонении и в именном склонении прилагательных, для всех родов одна общая форма.

В сложное склонение в белорусском языке перешли и старинные прилагательные, образованные с суффиксом *-ijъ*, *-ijз*, когда-то принадлежавшие к именному склонению (ср. стр. 41—42), напр.: третѧѧ (4б Катихиз. 1562 г.), третѧа (39б ib.), третѣе (16б ib.), бо́ѧзни бо̄жей (Ев. 1616 г. во̄ б) — с изменением окончания основы; или без этого изменения: божіего (2б Катихиз. 1562 г. посвящ.), *третиего* дня (111 ib.), ѡ *бжо̄ïимъ* словѣ (33б ib.); лисьсяя (Ром. I—II, 433 Сенн.), *рысьсюю* скуру (ib. III, 292 Орш.). Переходу относящихся сюда основ в сложное склонение содействовало то обстоятельство, что *-ь-* в сочетании с *-ьj-* суффикса, чередовавшийся с *-i-*, рано утратился в произношении; удвоенный же согласный, явившийся на месте группы «согласный+*j*», сохраняется

лишь в редких случаях [шапка *собáчча*, шýбка *целячча*, пояс *вужáччий* (Зап. V, 214)], обыкновенно же переходит в простой согласный: *стáрочa* головá (Зап. V, 110), бóжый, бóжа, бóже, рыб'ий, рыб'а, рыб'е и под. Легко переходят в сложное склонение и прилагательные притяжательные на *-овъ* и *-инъ*, напр.: хрїстовую (31б Катихиз. 1562 г.) и т. д. Подобные примеры в нижеследующих образцах уже будем приводить без всяких оговорок.

Рассмотрим окончания отдельных падежей.

Единственное число

Именительный падеж. В фонетике (Белорусы, II, 1, 219 sq., 233 sq.) мы имели случай говорить, что на месте основных славянских *ы* и *и* неполного образования, стоящих перед *j*, в тех случаях, где в старославянских памятниках бывает ѣн и ѣін, ьн и нн, а в древнерусских произведениях преобладают ѣын — нн, хотя бывает и ѣн — ьн, — в старом западнорусском языке, как и в современных белорусских говорах и украинском языке, исключительно употребляется *ы* и *и*. Вследствие этого и в окончании именительного падежа прилагательных мужского рода господствует *-ый — -ий*, будут ли они стоять под ударением или вне его. Напр.: полски' [гр. 14.. (копия XVII в. Б. А. I)], обчíй (44 Суд. Каз. 1468 г.), оубогыи (Ср. 19 Скор. XVI в.), живыи (Д 39 ib.), простыи (Б 2 ib.), злыи (Ц 211 ib.), чужии (И 40 ib.), ѡпричьный (39б Катихиз. 1562 г.), немыи (12 Ев. Тяпин. 1580 г.), дурныї (6 ib.), *шаленыи* мѫжь (64б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), *злы́й* члвкъ (9 Псалт. XVI в.), бужовый (16 ib.), невстро″иный (79 ib.), ѻ чо бы справи *молодыи* хо свои' (118б ib.), ѣдъ ѣѫщѫрчий (135 ib.), бжтвéный (Ев. 1616 г. 2рн б), дрѫгíй (ib. рма), малы́й й велúкíй (ib. кв б), молоды́й (ib. кв б), незлоби́вый (ib. ла), скѫраный (ib. 2 сои); таким же образом следует смотреть на написания там же с ″ или ' после конечного гласного: ѡкрѫтны́ (17б), *новы́* зако (25б), лю *погáски'* ме прúать (110б); крававы' (16 Статут 1588 г.); светы' (120 Сб. XVI в. Кунц.), глубоки' (68 ib.), лѣпши' (29 Сб. XVII в. Вил. № 107), нѣмы' (10 Псалт. XVII в.), силны' (73б ib.), глухи', дрѫги' (19 ib.); из живой речи: святы́й (Бесс. Б. П. № 1), лихúй (Шейн Б. П. № 24 Лепп.), злый (Ром. V, 99), страшны́й (ib. IV, 102 Гомельск.), зылоты́й (ib. III, 245), гэтый шляхциц *низграбный* (Мат. Б. № 27 Лепп.), бо̀сый (ib. № 22 Минск.), глупы́й (ib.), грубы́й (ib.), гарлавы́й (ib. №№ 6 Диснен., 8 Игум., 28 Себеж.), дзéшевый (ib. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск.), друкава́нный (ib. № 14 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), ко̀сый (ib. № 22 Минск.), мя́ккúй (ib. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск., 28 Себеж., 31 Вилейск.), нѐмый (ib. № 22 Минск.), аржаны́й (ib. №№ 6 Диснен., 8 Игум., 10 Мозыр., 13 Свенц., 17 Речицк., 26 Себеж.), прòстый (ib. № 22 Минск.), смéшный (ib. №№ 3 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 23 Минск.), стары́й (ib. №№ 3 Могил. губ., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 22 и 23 Минск., 31 Вилейск.), тоўсты́й (ib. №№ 3

Могил. губ., 11 Новоалекс.; ср. 26 Себеж.), шаўкóвый (ib. № 7 Минск.) и т. д.

Как можно видеть из приведенных примеров, окончания *-ый — -ий* известны повсюду в Белоруссии. Однако было бы слишком рисковано утверждать, что эти окончания в приведенном виде господствуют: лишь *-ы- — -и-* в них принадлежность почти всей белорусской речи, окончание же *-й*, как сейчас увидим, обыкновенно отсутствует почти во всех юго-западных говорах и даже некоторых северо-восточных. Если в записях народных произведений на юго-западе часто встречаем в именительном падеже мужского рода и *-й*, то это обстоятельство легко объясняется влиянием принятой в русском литературном языке орфографии, а также тем, что такие записи часто делаются со слов людей грамотных, либо имевших общение с русскими. Да и сборники народных произведений в этом отношении часто бывают непоследовательны, что нередко сказывается в одной и той же песне, а иногда и в одном и том же стихе, напр.:

Даў жа ты им посáд дóбры,
Дай жа ты им полёт дóўги*й* (Бесс. Б. П. № 2);

Пан хорóшеньки*й*, твой стан пригóженьки (Шейн Б. П. № 492 Витебск.);

Што мí*лы*й убиты (Шейн Б. П. № 397 Лепп.).

Такая непоследовательность иногда наблюдается и в старинных западнорусских произведениях, где рядом с обычными *-ый — -ий* бывает и *-ы — -и*. Сборники народных белорусских произведений, изданные лицами польского происхождения и притом латиницей, обыкновенно имеют в окончании прилагательных *-y(ы) — -i(и)*. Однако такую последовательность в написании прилагательных на *-ы* и *-и* нельзя объяснять хотя бы отчасти влиянием польской орфографии: это явление живое, засвидетельствованное в юго-восточных областях уже давно лучшими наблюдателями народной речи. Так, уже в своем «Отчете II Отделению А. Н. о филологическом путешествии по западным краям» 1855 г. С. Микуцкий заявляет, что «обыкновенно *й* в произношении скрадывается: дóбрый и дóбры, малы́й и малы́»; то же бросалось и мне в глаза в 1884 г. (Обзор, 138); то же находим и в разных заметках в соответствующих местах в ответах на белорусские программы, напр., Мат. Б. № 4 Могил. губ.; «дóбрый, нóвый и проч. здесь *й* вовсе не произносится»; ib. № 8 Игум.: *добры* вол баразны́ ня цсуé, *добра* маци ня бъе дзяцéй... «подобное стяжение окончаний прилагательных встречается часто»; ib. № 13 Свенц.: «случаи стяжения окончаний встречаются, но редко» (записи делали ученики VII класса реального училища, допускавшие немало уклонений в сторону литературной русской речи). Федеровский (II, XXVII) решительно утверждает про исследуемые им говоры, что именительный падеж единственного числа мужского рода прилагательных оканчивается на *-ы*: «Tylko w śpiewie daje się niekiedy słyszeć-*yi*, sułaszcza u ludu, osiad-

tego na kresach północnych i północno-wschodnich». Еще решительнее выражается по этому поводу Клих (276). Но лучше всего все приведенные соображения подтверждаются фактами, в большом количестве находимыми в старинных произведениях и современных собраниях народного творчества. Приведем некоторые из них. Грамоты: *гоⁿ̃ъскъı* берегъ (гр. 1264 г.), владиславъ *польски* литовский и *роуски* (1394 г.), *серебрыны* вѣсь (1405 г., Л. 119), котори (1542 г., ВА. 39), малы (1541 г., ВА. 47); Лет. Пер. Сузд. XV в.: ско̃ *бесловесъı* единою.... (4); Лит. Лет.: князь *велики* Якаило (31 Увар.), єп̃пъ *смоленскы* (Супр. 80), *полскы* король (ib. 103б); кн̃зь данило *московьскы* (69б), дмитрии *московьскїи* (116), браньскы (91), ꙗрославъ *тфпъръскї* (67), ц̃рковъ *ст҃ы* лазарь (157б), *ст҃ы* афанасии (215), *задпны* чл̃къ (383), в *пѧты* тысоущь (272) (tysiąc); формы на *-ыи* здесь преобладают; Гродн. Акт. кн. XVI в.: прошлы (49), *котори* же листъ (204); Тайна Тайных XVI в.: *зовомы* мѯлизма (80); Библ. Скор. XVI в.: *русъки* ꙗзыкъ (А), зовемы, первы, трети (МПК); Катихиз. 1562 г.: не маѣть *поⁿ̃даны* на тоє гледѣти (59б), абы *которы* скочив'ши ѯбилъ — его (59), *новы* зовѣтъ (237), *злы* розумъ (98), животъ дол'гы (102), людъ *из'браны* (151б), *которы* — кольвѣкъ дн̃ь (którykolwiek) (42), *из'бивы* пророкы (т. е. Иерусалим) (84б) розумъ *человъчи* (87б), зракъ *человъчи* (12); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: ꙗзыкъ *мѧжи* (106), *небескы* птахъ (91б), *нб̃скы* ц̃рь (115б) ѡлеи *добры* (89б); Псалт. XVI в. очень редко представляет интересующее нас окончание: претрываѥ *вровены* (72), страшны (63б); Псалт. XVII в.: глыбоки (95б). Прежде чем перейти к примерам из современных белорусских говоров, считаю нужным отметить, что не все приведенные нами случаи из старинных произведений одинаково ценны: несомненно живые факты содержатся в показаниях, напр., Катихиз. 1562 г., напечатанного в Слуцком уезде, но данные из памятников, писанных в Смоленской земле, или из древнейших (XIII в.) грамот можно объяснять и иначе: в пропуске *и* на конце — видеть неуменье писцов обозначить *û(i)*. Примеры из современных живых говоров: святы́ (Бесс. Б. П. № 115), го́лы, бо́сы (Шейн Б. П. № 70 Лепп.), друг'и́, ца́лы (Дыб. 11 Посл.), селядо́рши (Кар. 83 Трок), *яры* воск, *слядки* мед, первы, други́ и т. д. (Шейн Мат. I, 143 Бельск. Смол.), *други́* праздник (ib. 150), подрублены (ib. 2 Горецк.), церем *высоки* (ib. 20 Борис.), явор *тонки ўсоки* (ib. 82 Речицк.), *добры́* дзень (ib. 85), опо́шни (ib. II, 685 № 72), наш поп *молады́*, яго́ вус *залаты́* (Мат. Б. № 5 Слуцк.), *но́вы си́ни* дом (ib. №№ 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 8 Игум., 13 Свенц.), *но́вы* дом, *си́ни* каптан, *була́ны* конь, *доўги* хвост, *сьвяты́* дзень (ib. № 6 Диснен.); *чо́рны* сагап (ib. № 7 Минск.), до́бры, здоро́вы, жо́ўты, чо́рны (ib. № 10 Мозыр.); си́ни, ли́шни, сухи́, убо́ги (ib.); *сини* цвяток (ib. № 11 Новоалекс.), *бе́лы* конь (ib.), *руды́* сабака, *холодны* вецер (ib.); зелёны, залаты́, варань́ (ib. 31 Вилейск.); то́ўсты (ib. № 8 и 15 Игум., 13 Свенц., 23 Минск., *бі̑е́дны* чалавіе́к

(Малев. 20 Слуцк.), ён таки́ *чэсмы* (ib.), *трэци* гу́бт (ib.), мужик *ня°вясёлы* (ib. 21), ні́йки *абадра́ны* мужык (ib. 22), чаму ў цябе, дзя́цятко, хвартух *му́кры* (ib. 28), яки я *мятур́ны* (ib. 58), *цихи* Дунай (83 ib.), straszný (Федер. I, 16), cichì dzień (ib. 158 Свислочь), najstarszèjszy (ib. II, 67 Шидловцы), śviný, tǫ́sty, źelóny, žáb'i, dúży и т. д. (Клих 276 Новогр.). Из приведенных примеров можно видеть, что утрата *й* в окончании именительного падежа прилагательных замечается особенно в юго-западной Белоруссии. В случае перехода *ы* окончания *-ый* в *у* конечное *й* не отпадает: ах ты, сваце, *дамавуй*, да неси́ ты лазьбень *медавуй* (Парич.).

Как явление, развившееся в более позднюю пору языка под влиянием соседних русских говоров[1], отметим возникновение на севере и северо-востоке Белоруссии в именительном падеже мужского рода окончания *-эй* (после задненебных *-ей*), примеры чего нами в значительном количестве приводились в фонетике (Белорусы, II, 1, 155); здесь для образца отметим: аржанэ́й, горло́вэй, товстэ́й (Мат. Б. № 18 Витебск.); глухе́й, наге́й (ib.); святэ́й, молодэ́й, дороге́й (ib. № 26 Себеж.); больше́й огонь (Ром. III, 257 Черик.). В старинных западнорусских произведениях это явление не находит отражения: такие случаи, как *соуздалъскъı* кнзь (127 Лет. Авр. XV в.), *великъı* новгоро^{д} (311 ib.), своим *-ъı*, вероятно, передают *-ий*; иного происхождения редкие формы на *-ей* у слов мягкого различия, как: члвчей, рыбей и под. (ср. Белорусы, II, 1, 221—222); русская особенность или описка в *которои соу^{ци}ти име^{ш}* (95 Псалт. XVI в.) [ktory sądzisz ziemię. (Врубель, 93, 2)].

В женском роде обыкновенное окончание *-айа*, в котором предпоследнее *а*, будучи безударным, в некоторых говорах может переходить в неопределенный звук, близкий к *ы*; в юго-западных говорах *-айа* может сливаться в *а*. Примеры: *тре*^{т}*а́* планета (62 Тайна Тайных XVI в.), меденââ (109б Псалт. XVI в.), высхлаѧ (137 ib.), божаѧ (177 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ле́гкая (Шейн Б. П. № 3 Лепп.), ро́дная (ib. 95), слонёвыя (ib. 138 Витебск.), бо̀сая, грубàя, ко̀сая (Мат. Б. № 22 Минск); маладáя (ib. № 29 Новогр.), Баталиншая (жена Баталина) (Малев. 167 Слуцк.) и т. д.; се́ра, бе́ла

---

[1] Допуская такое предположение, я, конечно, решительно высказываюсь против объяснения форм именительного падежа на *-эй (-ей)*, данного в свое время К. Аппелем («О белорусском наречии». — РФВ, III, 1880, стр. 210—211), который в таких формах видел родительный падеж женского рода, ставший также именительным мужского, потому что эти два падежа совпали в другой форме на *-ый*: *-ый* для родительного развилось в одних говорах из безударного *-ой*, в других из *-ыя* — *ы*е; а окончание *-эй* в родительном он считает заимствованным из польского. Таким образом, Аппель допускает следующий процесс: 1) заимствование родительного на *-эй* из польского, 2) замену этим родительным именительного мужского рода. Но: а) этот именительный встречается в местностях, наименее подверженных польскому влиянию, б) родительный женского рода, как увидим после, в белорусском имеет большей частью окончания *-ыйе*, *-ойе*, *-ыйа*, не совпадающие с именительным падежом мужского рода.

(Бесс. № 124); *но́ва си́на* шапка (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 8 Игум.), наўда́ *вяли́ка* нам (ib. № 21 Слуцк.) и т. д.

Средний род представляет в твердом различии *-ойе* и *-ойо*, в мягком *-ейе* и *-єйо*; конечное *-о* подражает окончанию имен существительных или вообще именному склонению; возможны и слитые формы на *-о* и *-е*; *е*, предшествующее окончанию, а также конечное может подвергаться разным фонетическим изменениям. Примеры: лечноѐ (лекарское) (52б Тайна Тайных XVI в.), вр'емѧ *зим'наѐ* (54 ib.), дер еѐ *дъбровноѐ* (97б Псалт. XVI в.), чѫжее (58 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), мѣсто *бжо́е* (24б Псалт. XVII в.), се^{р}це *лю́^{к}ское* (108б), мало́е (Ев. 1616 г. 2 чд), бгне́ное (ib. 2 спд б), пи́смо *сто́є* (ib. г б), фикгово́е (ib. 2рчв б), чирво́ное (ib. ѯ), мало̀е, (Мат. Б. № 22 Минск.), ко̀сое (ib.), грубо̀е (ib.), бо̀сое (ib.), святбё, маладбё, дарагбё (ib. № 29 Новогр.); прида́ное (ib. №№ 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 22 Минск., 31 Вилейск.), прида́нае (ib. № 8 Игум.), *сабачае* рыло (Малев. 154 Слуцк.), *си́няя* мора (Шейн Б. П. № 51 Бых.), šýstaio, maléńkaio, gáńeio (Клих 276 Новогр.); чиста (Шейн Б. П. № 94 Себеж.), *си́ня* мора (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 9 Бых.), *но́во*, *си́не* акно́ (ib. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 13 Свенц.), *кура́во* ш нейкаё сено (ib. № 21 Слуцк.). В некоторых местах (где, вероятно, известен мужской род на *-эй*) встречается в среднем роде *-эс*: Богда́новскее (Бесс. Б. П. № 38), га́то на маладэ́е (Сержп. 87 Слуцк.); в южных окраинах иногда замечается слитие *-ойе* в *-э*: *чы́стэ* поле (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 13 Свенц.), *цёплэ* плацье, *добрэ* дзиця (ib. № 8 Игум.).

Родительный падеж в мужском и среднем родах имеет окончания *-ого* и *-его*, которые, будучи безударными, могут подвергаться разным изменениям. Оба эти окончания возникли под влиянием местоименного склонения, что́ произошло еще на почве общерусского языка; если в старинных памятниках иногда встречаем и *-аго*, то в нем следует видеть заимствование из старославянского языка; написание *-аго* в современных сборниках народных произведений обязано своим появлением влиянию принятой орфографии и в крайнем случае влиянию аканья. Окончания *-ого-* и *-его-* вполне явственны только под ударением, хотя в некоторых говорах (больше южных) они довольно явственны и в слогах, непосредственно следующих за ударяемыми. Последовательности написаний в старинных памятниках и современных собраниях наблюсти нельзя. Примеры: Грамоты: полочко҃ (И. 1265 г.), вѣсчего (Торг. дог. ок. 1330 г.), велкого (1349 г., 5 строка), счастливого (1432 г., СВ. 4), освѣченого (1440 г., СВ. 7), старого (ib.), тутошнего [1480 г. (Арх. С. VII, 6)], Бряславского [1497 г. (Арх. С. I, 3)], милостивого [1497 г. (ib. 4)], острозкого [1499 г. (ib. VI, 2)], чтучого (ib.); Четья 1489 г.: жадного (19), чистого (47); Сб. XV в. Публ. б. № 391: *милостивого* б҃а (1), баранка *великоденного* (2б), *мъденого* (4), ѐдовитого алюбо смер'тного (35б), чоутїа *но҃ного* (43), *поган'ского* (94), до *нинѣ́шнего* дн҃а (40б), говорачего (13),

верхнего б҃а (4), *третьѣго* д'нѧ (25), *бжьѣго* ѹстанїа (30, ср. 45); в *смачнего запахѹ* (75б), конечно, полонизм; Лет. Пер. Сузд. XV в.: очного (3); Лит. Лет.: *збройного* людѹ (85б Крас.), великого (1 Вил., 64 Крас.), оу волико҃ (73 ib.), *которого* дни (28 Увар.); церковнославянские формы: великаго (4 Вил., 263 Позн.), реченаго (238 ib.), печерскаго (259 ib.); другога (4 Вил.) (аканье); Лет. Авр. XV в.: *римского* града (28), тысѧчкого (81б), *свѣского* короля (100), з доновьского (138б), ваземъского (203), *великого* мосту (244), подвоского (274б); Акты В. А. К. XXXIII, 136: сеножацкого (Мин. XVI в.); Статут 1588 г.: гдр҃ъского (1), великого (ib.), стародавного (94), первого (ib.), з божего (35), третего (10), тутошънего (47); Бел. Арх. II: цр҃кви божее *святого* Соѳея [1501 (XVII в.)] городничого [1533 (XVII в.)]; Бел. Арх. I: *теперешнего* господаря нашого (1548); Тайна Тайных XVI в.: филосоѳьс'кого҃ (1), лихого (4), *доб'рого҃* ꙗзыка (10), зим'ного и мокрого (68), хороб'рого҃ (37), перешл'ого҃ (76б), свежого (40), мд҃рого (1), гѡрячего҃ (27б), хорошего (70), но: любимаго (1), соухаго (67б), оу҃чащагѡсѧ (55); Скор. XVI в.: руского (Ю 26), ѹченого (Э 26), краснаго (Ю 13), неверного (Э 22б), злого (ib. 19б): светого (А 1б), пригожего (Пр 10б), чужего (П 41б), синего (Э 14б), *кутнего* зубу (С 33) и т. д., вышнего (Апост. 49); Катихиз. 1562 г., перъваго *светого* (1 предисл.), троцкого (2) *теперешнего* вѣкѹ (23); Катихиз. 1585 г.: *почес'наго* живота (8б); злати҃скогѡ (1); блйж'него (8); Ев. Тяпин. 1580 г.: чорного (7), бешоного (12), слепого (18), немого (15б), которого (35), мовечого (28б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: вечного (1), страшного (1б), вечерно҃ (123б), погнаного (87б), нищого (61б), ѿ калѹ *грѹз'кого* (46), исраєливого (32), маавъского (31), мерьтвого (33), лѣпше҃ (87б), вышнѣго (118б); Псалт. XVII в.: ѹбогагѡ҃ (13б), праве҃нагѡ҃ и злостивого (14б), чл҃ка *хитраго* (135), *тве҃рдагѡ҃* а *тѧ҃кого҃* ср҃ца (8б) (в первом слове писец сначала хотел написать *-ого*, а затем, быть может заметив в своем источнике *-аго*, написал это последнее, не поправив *о* на *а*); подобного (8б), нез҃ного (16), насмеваюючегѡсѧ (45б), и'скрене҃ (89б), бжиєго (24б), сн҃а *бжеє҃* (30), тела *бжего* (113), што ѣ *лепшѡ҃* (131); Сб. XVI в. Кунц.: третего (10), видѧщего (39), нынешнего (50); Сб. XVII в. Вил. № 107: милого (15б), сѣрчаного (29), належачого (13), ближнего (15б), третего (104); Библ. кн. XVI в. Толст. № 158: брата *авраамового* (18); Псалт. XVII в.: справе҃ливого (2б), дх҃а *правого* (40), поколѣ҃ѧ *єфремового* (70), каранѧ *бжего* (11) *чѹжего* (21б); Ев. 1616 г.: зако҃нного (р҃ ѕ҃ е), мѣдѧного (2 сдг б), на҃гого (г҃д б), непро҃стого (рк҃д), че҃стного (м҃а), шо҃стого (ib.). Из современных сборников: зелёного (Изв. 177), ро҃дного (Шейн Б. П. № 1 Лепп.), старо҃го (ib. № 241), ми҃лога (ib. № 439), пьянога (ib.), воронога, молодога (ib. № 142 Диснен.), зелёнага (ib. № 391 Лепп.), ойцоўскыга (ib. № 138 Витебск.), ро҃дныго (ib. № 375), бога҃того, счастли҃вого (Шейн Мат. I, 182 Борис.), пре҃жниго (ib. 497 Витебск.), *дурного* собаки (Ром. IV, 14 Могил.),

маладога, баравого (Демб. 7. 525 Чаусск.), найлéпшага (Розенф. 7 Вилейск.), чужога, пригóжыга, рыжыга, вялíкыга (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); гожага (ib. № 6 Диснен.), лихóго, скупóго (ib. №№ 7 и 23 Минск.); дóбраго (ib.), сляпóга (ib. №№ 8 Игум., 31 Вилейск.), сíняга, хвóрага (ib. № 8 Игум.); слепóго, рóдного, гóжего (ib. №№ 9 Бых., 10 Мозыр., 17 Речицк.); сíнего, хорóшего (ib. № 11 Новоалекс.); дарагóга (ib. № 14), сíнига, гóжига (ib.); добрыга, вялíкыга (ib.); рóдныго, гóжиго (ib. № 18 Витебск.); дурнóга, варанóга, залатóга (ib. № 31 Вилейск.); нóвыга (ib. № 32 Орш.), бя́з милóго (Малев. 45 Слуцк.), *гардтного* жыцьця (Н. Нівы 1910 г., 63). Звук *h*, стоящий между двумя гласными в этом окончании, иногда исчезает в произношении [baháta[h]o (Клих 16)], вследствие чего даже возможно слитие двух *о*: за *друго* дачку даю (Малев. 133 Слуцк.).

Из местоименного склонения зашло окончание родительного падежа и в женский род: большинство образований на *-ое*, *ее*, *-ае* возводится к основному русскому **-оѣ** (ср. стр. 195), сюда принадлежат примеры: Грамоты: оу *святоѣ* Соѣьѣ (1. о. 1300 г.), ѿ кнагини *андреѥвоѥ* [XIV в. (Соб. 43а)], коруны *полкоѣ* не ѿлучитимиса єѣ [1400 (Соб. 48)], *стое* тройцы [1432 г. (СВ. 4)], *Литовское* земли (ib. 5), *грецькое* вѣры (1440 г., СВ. 7), *святое* Марьи Могдалыни (1478 г., Л. 235), діля *лепъшее* твердости (1478 г.), у *пречистое* Богоматере [1499 г. (Арх. С. VI, 3)] своее *доброе* воли (Сб. Пал. Сн. XV в. № 3); Четья 1489 г.: *правое* роуки (107б), *роуское* земли (236); Сб. XV в. Публ. б. № 391: *таёмноѥ* рады (1), смерти *крижевноѥ'* (3б), ѿпатриности бо҃ьёѐ (96); Лет. Пер. Сузд. XV в.: *чюжье* земли (14); Лит. Лет.: крови *христіанское* (9 Вил.); *пятое* нощи (7 ib.), *Литовское* земли (37 Увар.), положенъ бы҃ оу *сто҃е* соѳии вполоцькѫ (68 Крас.); всее *рѫское* земли (66б Крас.); зъ *блво҃ное* дво҃ци *прт҃ое* (64 ib.), *старшее* сестры (36 Увар.); Сб. XVI в. Крас.: мл ти *божеѐ* (171), ѿ *великоѥ* г'розы (249—250); Статут 1588 г.: *славное* памети (112), ласки *божее* (143), братьи *недельное* (46), речы *посполитое* (2); Гродн. Акт. кн. XVI в.: прийдучое (40) (будущей); Бел. Арх. I: *славное* памети (1548), *музкое* и *женское* плоти (1603); Бел. Арх. II: земли *полоцъкое* (1533), до *Чоръное* Грази [1534 (XVII в.)]; Тайна Тайных XVI в.: беседы *ир҃коѥ*, мр҃ости *свѣ҃скоѥ* (60); Скор. XVI в.: матери *рожоное приведеное* (Л 35), з' *доброе* воли (Л 45), красы *женское* (Ср 17), реки *великое* (Д 29), руки *чѣловѣческое пишѫщее* (Д 18б) и т. д. (Влад. 285—286); Катихиз. 1562 г.: справедлúвости *христианъскоѥ* (1б) *которое* вѣры еси ты (ib.), óбет'ници *которое* (2б предисл.), с *прчстое* дво҃ицы (3б предисл.), *новоѥ* кузни (4 предисл.), царици *Мурнское* (1 посвящ.), *пер'воѥ* части (105); сюда же относится: *зложеноа* вѣры (152б); Ев. Тяпин. 1580 г.: с'плодил' з' *ѫриѭнсѐ* (роди от уриины) (2), мѫки *огненое* (6), *шос'тое* годины до *девятое'* (44б), з шерьсти *вер'блюжоѐ* (4), души *дитячое* (3б), дорогї божѣѐ (31); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: ѿ первое (32б),

жонки *лихоє* (96), ꙗчмен'ноє жатвы (31б), вещи *прꙗходячоє* (64б), чꙋжеє (96), стороннеє (95б); Псалт. XVI в.: пѣ᷄ни *второ*ê (7), *добро*ѐ воли твоêй (10), ѿ дорогы *справе*ᴷ*ливо*ê (8), криви *зра*ᴷ*ливо*ê (9б), ѿ земли *ю*ê*рда*᷄*ско*ê и ê᷄рмоно᷅ᴹ гòры *мало*ê (43б), не дано за ниˣ ѿмены *велико*ѐ (45), ѿ страны твоêй с *право*ê роуки (93), речи *выстоꙋпно*ê законоу (100), ѿ гꙋбы *неправ*ᴷ*иво*ѐ избави дш̄оу мою (125б), *много*ѐ великости (142б); Сб. XVI в. Кунц.: власное (68); Сб. XVI в. Вил. № 107: землѣ *волынское* (33), слуги *покорное* (67б), намовы *отцовское* (64б), образъ *пренасвеншое* (66). В живых говорах это окончание довольно редко: пшаничнае, криничнае (Этн. Сб. 289 Лидск.), новое (Бесс. Б. П. № 114), ад. *лихое* доли (Малев. 61 Слуцк.), жалко *милае* будьзиць (ib. № 46), сярáд *быстрае* раки (ib. 81), da haźiny *źeśátaje* (Клих 154 Новогр.), małádbje śehóńašńeje (ib. 276); сюда же, вероятно, принадлежат и родительные на *-еје-* в твердом различии: молодэя (Ром. I—II, 269. Сенн.) (хотя здесь *э* могло бы быть и на месте *ы* под влиянием именительного падежа мужского рода), мыладóя (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), *bědneje* héteje udawy (Клих 16 Новогр.).

От окончания *-оѣ* естественный переход к *-ой*, в котором следует видеть отпадение конечного гласного, хотя это окончание могло бы получиться и из *-ои*; в *и* пришлось бы видеть заместителя *е* безударного, а затем неударяемое *и* могло бы и сократиться в *й*. Формы на *-ои*, вероятно, под украинским влиянием также встречаются. Примеры *-ой, -ои; -ей, -еи* в мягком различии: с̄той сопїй (70 Сб. XV в. Публ. б. № 391), нестирьпливои (70б ib.), *приближающеи* смер'ти (2 ib.), люде᷅ᴹ *добреи* воли (43 ib.) (полонизм); ѿ всѣє *человѣческои* хитрости (12 Катихиз. 1562 г.); пророцкои (33 Ев. Тяпин. 1580 г.); *ѡлтаревои* корꙋны (73 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); закона ѥ᷄л᷄лїе *стои* (138б Псалт. XVI в.), *песьê и* р᷄ки (24 ib.), спѣшися три мѣ᷄ки *свѣтлои* муки розчини а начини палениц̑ъ (12б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), дайже тобѣ боже з росы *небе*᷅*ноі*, и ѿ сытости *земноі* (21 ib.); наготова᷅ноі чти (93б ib.); земли *ие*᷄*да*᷅*скои* (18 Псалт. XVII в.), из гори *малои* (18б ib.), тр᷄бы *роговои* (101б ib.); бога᷅ᶻни *бжои* (4б ib.), ѝзбавъ мене ѿ пóтвари *члвчои* (142 ib.); смéрти втóроі (Ев. 1616 г. в̄ б), *з'загнилóи* мокроты̑ (ib. о̄д). Из живых говоров: дорогóй (Шейн Б. П. № 11 Лепп.), нóвой, сúней (Мат. Б. №№ 9 Бых., 17 Речицк.); безударное *о* в некоторых говорах может перейти в *ы*, хотя последнее может быть в связи и с формами на *-ыѣ*, о чем речь после: *нóвый* хаты, *богáтый* жонки (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), у *дўрный* бабы нимá ниякий рáды (ib. № 18 Витебск.); в местностях, знающих *-эй* в именительном мужского рода, и в родительном женского рода возможно это окончание: богáтэй (Шейн Б. П. № 343 Лепп.), старэ́й, у *другéй* такей жонки (Мат. Б. № 32 Орш.); родительный на *-ои*, *-аи*: родзёнои им (Шейн Б. П. № 241 Лепп.), матки *богатаи* (Шейн Мат. I, 238 Слоним.; Мат. Б. №№ 8 Игум., 17 Речицк.), маладои (ib. № 8 Игум.), *сúняи* хустки (ib.), нóвои (ib. № 10 Мозыр.),

матачки *роднаи* (№ 23 Минск.) утопленаи (ib.), adzièźy takòi charòszajĭ (Федер. II, 10 Свислочь), napìųsic (wady) słàbajĭ, silnajĭ (ib. 89 Суховоля), Pałanóįi bahátaįi (Клих 277).

И окончание родительного падежа женского рода на -ꙑѣ, принадлежавшее в древнерусском языке сложному склонению, также находит отражение в белорусских говорах. Если в старинных произведениях в таких случаях на конце находим ѧ, то это влияние церковнославянской орфографии; в современных говорах конечное *-а(я)* отнесем на долю аканья. Примеры: *пятыя* нощи (33 Увар.), *сты*ѧ троицѣ (226 Катихиз. 1562 г.), земли *Еги́петъскиѣ* (2 ib.), пророцкие (33 Ев. Тяпин. 1580 г.), земли *далекиѣ* (106б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); ми́лые (Шейн Б. П. № 9 Лепп.), чужи́я (ib., № 335 ib.), вяли́кия (№ 391 ib.), чирво́ные, соло́дкия (№ 603 ib.), чи́стыя (ib. № 753 Ьых.), святы́я (Бесс. Б. П. № 3), прячи́стыя (ib.), купа́льные (ib. № 91), лепшия (Зап. V, 257), быстрыя (Гильтебр. CCXL 1 Гродн.), вяликия (Ром. I—II, 1 Мстислав.), правыя (ib. 2 Белиц.), гэтакия *красивыя* у сьвети нема (ib. VI. 293 Орш.), у мяне *маладыя* (Демб. 24. 541 Черик.), росы *цёплые* (Шейн Мат. I, 151 Лепп.), *но́зые* хаты (Мат. Б. №№ 7 Минск., 17 Речицк., 25 Новогр.), *молоды́я* жо́нки (ib. №№ 7 и 23 Минск., 9 Бых., 17 Речицк., 25 Новогр.), źédavyįe pšanićnyįe (Клих 277 Новогр.) (но редко). Конечный гласный может перейти в *-и*, *-й*: которыи (29 Сб. XVII в. Вил. № 107).

Дательный падеж для всех родов, как и родительный, позаимствовал свои окончания из местоименного склонения: везде *-ому/-ему, -ой/-ей*; память о древнем сложном окончании иногда сказывается в старинных произведениях, на которых особенно сильно церковнославянское влияние. Безударные гласные *о* и *е* в разных говорах могут различно изменяться; да и ударяемое *-ой* в говорах, знающих именительный падеж мужского рода на *-эй*, может изменяться в *-эй*. Примеры мужского и среднего родов: положономꙋ (18б Ев. Тяпин. 1580 г.), ѵмираѣщому (2 Сб. XVII в. Вил. № 107), столѣтному (12б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), до́мови *а́а́роновому* (127 Псалт. XVII в.), к *новоумоу* городкоу (167 Лет. Авр. XV в.), соко᷄нчѣмоу (26б Увар.); до́брому, с'и́н'а́му; женского рода: мнѣ *грѣшнои* (15 Четья 1489 г.), *истиннои* вѣрѣ (31 Лет. Авр. XV в.), по *доброи* воли (44 Статут 1588 в.), ко стране *полуночнои* (Ср. 47 Скор. XVI в.), *пречистои* матери девицы (послесловие) (ib.), *превеликои божиеи* моци (ib. Б 3), содомъскои (содомъстеи) (15 Ев. Тяпин. 1580 г.), го̀рѣ *стои* (7б Псалт. XVI в.), коу ѳале *бжеи* (106б ib.), по *право*᷄ рꙋцѣ твое᷄ (23, 123 Псалт. XVII в.), по пꙋстыни *бе᷄во́дно*᷄ (117 ib.); *живоначальнъи* троици (218 Четья 1489 г.), *зборнъи* цр̄кві (94б Лет. Авр. XV в.) (в двух последних примерах ц.-слав. особенность); из живых городов: но́вой, с'и́н'ей, бо́жий (Шейн Б. П. № 147 Бобр.); друге́й (ib. № 405 Витебск.), глупе́й (ib. № 754), ци́хенькей (Зап. V, 118), чуже́й (ib. 131), чужы́й (Шейн Б. П. № 413 Витебск.) (дальнейшее изменение *-эй*), бы́странкей

(Бесс. Б. П. № 13), дурнэ́й (Зап. I, 299), святэ́й Прачистэй (Ром. I—II, 163 Сенн.). Клих (277) утверждает, что в дательном падеже он также встречал окончание *-oji*: maładóji. Один раз встретилась форма родительного в роли дательного падежа: коу *сил'ноѥ* смутливости (2б Сб. XV в. Публ. б. № 391).

Винительный падеж в мужском и среднем родах сходен с именительным или (у одушевленных) с родительным и в этом отношении никаких замечаний не вызывает, напр.: возма *крывы* город (37 Увар.), оу ѡзеро *вокныѥ* (110 Псалт. XVI в.) (*ы* на месте *о* безударного), ѕ *вѣчное* погабе́е (70 Псалт. XVII в.) и т. д. В женском роде господствует *-уйу*, восходящее к основному славянскому *-ǫjǫ*: понѧ за себѣ *королевѕю* (78 Крас.), пѣснь *гдню* (158б Псалт. XVII в.), мѣрѕ *малѕю* (Ев. 1616 г. н), ночнѕю (ib. 2н б), *пресвѣтлѕю* зарѕ (ib. 2сз б), дзеся́тую (Шейн Б. П. № 4), венча́нную (ib. № 15 Лепп.); окончание *-уйу* может сливаться в одно *-у*: мо́кру, спо́дню, цёплу (Мат. Б. № 8 Игум.) (бывает также и *-ую*, *-юю*). Но рядом с этими окончаниями в живых говорах существуют и другие, представляющие из себя несомненно новообразования, которые могут быть возведены к формам на *-айу*: мо́краю, це́плаю (Шейн Б. П. № 142 Диснен.); ласка́ваю (ib. № 284 Лепп.), хорбшаю (ib. № 479), ле́пшаю, го́ршаю (Изв. 182); бо́жаю (Бесс. Б. П. № 2), сяре́брянаю, святоваю (ib. № 13); тре́тьтяю (Ром. I—II, 48 Перер.), дальняю (ib. 30), прежняю (ib. 152 Белиц.), *роднаю* дочку (ib. III, 304 Бых.), рэчку *широкаю* и *глыбокаю* (Розенф. 41 Минск.), траву *шаўко́ваю*, вадзицу *мядо́ваю* (Отч. 5 Видзск. вол.), мо́краю, си́няю (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 9 Бых., 17 Речицк., 23 Минск.); мо́краю (и *мо́крую*) (ib. № 7 Минск.), цёплаю (ib. №№ 13 Свенц., 17 Речицк.). Как смотреть на это окончание? Трудно допустить фонетический переход *у* в *а* или хотя бы в *о*; вследствие этого приходится видеть здесь явление иного порядка. Не решаюсь предлагать здесь постановку творительного падежа на место винительного [хотя: поставиша *третьею* цр҃квъ (210 Лет. Авр. XV в.)], как это я одно время допускал (К истории звуков..., 293); я думаю, что в форме на *-аю* не могло не сказаться влияние именительного падежа на *-ая* (ср. Белорусы, II, 1, 247). Безударное *-а* (с предыдущей твердостью или мягкостью согласного) может заменяться посредством *-ы-*, *-е-*, *-і-*: убо́рныю, богомо́льныю (Шейн Б. П. № 138 Витебск.), *споднію* скорынку (Ром. V, 83; ср. Мат. Б. №№ 9 и 16 Бых., 17 Речицк., 26 Себеж., 18 Витебск.). Переход этот возможен только без ударения, так что не обойтись и без редукции гласных.

Звательный падеж от имен прилагательных вообще не встречается; в одном случае однако имеем и форму звательного: бѫдѕ пе҃ ймѧ твоѐ *невы҃ше* (чит. *навы҃ше*) (12 Псалт. XVI в.) (będę chwalił imie twoie pánie nawyssy) (Врубель, 9. з).

Творительный падеж представляет такие же окончания, как и в русской литературной речи: пер'шим' (2б предисл. Катихиз. 1562 г.), соло́дким (Шейн Б. П. № 6 Лепп.), *оѳзко́ю* доро́гою (Ев. 1616 г. 2ов),

бы́строю (Зап. V, 187), весе́ннею (Шейн Б. П. № 1 Лепп.). Кроме этих обычных окончаний иногда встречаются и особенные: в песнях как руссизм отметим в мужском роде *ра́зныим* (Шейн Б. П. № 407 Невельск.); в женском роде *о* безударное может изменяться в *ы*: бы́стрыю (Шейн Б. П. № 441 Лепп.), как и в русской литературной речи *-ойу* может переходить в *-ой*, а это последнее в известных говорах в *-ый* и даже в *-эй*: до́брой (Шейн Б. П. № 5 Лепп.), да́вный (ib. № 174 Бых.), восе́нней (ib. № 1 Лепп.), *стары́й* ба́бэй (ib. стр. 532).

Ме с т н ы й п а д е ж мужского и среднего родов в старинных произведениях обыкновенно представляет окончание *-омъ/-емъ* из основного русского **-ѡмь | -ѣмь**, взятое из местоименного склонения: на *страшно*^{м} судѣ (277 Четья 1489 г.), по берегу *морскомъ* (И 29 Скор. XVI в.), по обычаю *царьскомъ* (Э 4 ib.), о роде *еврейском*^{ъ} (Б 3б ib.), *ѵ старомъ славномъ великомъ* месте (послесловие) (ib.), *ѡ стра҃но*^{м} соуде (97б Псалт. XVI в.), в дх҃у *пок҃ромъ* (32 XVII в.), в милосе҃рдию *бж҃емъ* (35 ib.) и т. д.; то же нередко наблюдается и в живой речи, причем *-о-/-е-* в слоге закрытом безударном могут переходить и в *-у*: жо́втом (Зап. V, 182), у чи́стом (ib. V, 24 Ошм., 273 Дмитр. П. и Ск. Вильн. 32 Новогр.), чужо́м (Шейн Б. П. № 648 Лепп.), на *сиво́м* ко́нику (Зап. V, 75; Мат. Б. № 8 Игум.), суседнем (Зап. V. 276), *ў суседнем* по́лю (Мат. Б. №№ 8 Игум., 25 Новогр.), у чи́стум (Бесс. Б. П. № 114) (пинщизна), на *си́вум* ко́нику, при *до́брум* ба́цьку, *ў сусѣ́днюм* поли, *ў си́нюм* андараку́, на *слепу́ом* коню, *ў зелёнум* сі҃не (Мат. Б. № 10 Мозыр.); па *зя҃лёнум* са́ду (Малев. 51 Слуцк.), *ў вишнёвум* саду (ib. 66), на *синюм* моры (ib. 36), ра сіеłôm świeci (Федер. I, 152 Суховоля), ab *świnúm* każ̀uszku (ib. II, 100 Свислочь).

Рядом с указанным окончанием в старых западнорусских памятниках изредка, а в живых говорах очень часто в мужском и среднем родах употребляется форма творительного падежа на месте местного. Такой замене могли содействовать и формы старинного местного мягкого различия на **-нѣмь — -ннмь**, из чего естественно получилось **-нмь**. Примеры: оу *высокимь* городе (37 Увар.), на великомь кни҃нии на *литовскои*^{м} и на р ѡ҃комь (53 ib. л. 67б), где писец начал было писать форму на *-омь*, но спохватился и написал *-имь*; на *чюжи*^{м} конѣ (406б Лет. Авр. XV в.), *с҃тимь* съборѣ (26 ib.); при Павлу *Скоробогатымъ* (1593 г. Недеш.); на городѣ *Несвижскимъ* (послесл. Катихиз. 1562 г.), не ѡ *ложнымъ* ѣаки^{м} бозѣ говорить (11б ib.), ѵ *старимъ* законѣ (8б ib.), *ѡ* соуде *бж҃іи*^{м} (97б Псалт. XVI в.), ѡ҃ вста҃ю *х҃вы*^{м} (65 ib.), в се҃рцѵ *скрꙋшонныимъ* (32 Псалт. XVII в.); ро́ўным (Зап. V, 252), под раки́товым (ib. 258), ши́тым (ib. 261), на сивым (ib. 181, Шейн Б. П. № 88), чи́стым (ib. № 154 Невельск.), ў цёмным (ib. 257 Велиж.) (Сураж), ў зяленёньким (ib. № 165.), ў други́м (ib. № 554), тре́ццим (ib. № 253), си́ним (ib. № 51 Бых.; Зап. V. 181), пе́ршим (Изв. 188), ў вишнёвым (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 89 Новогр.), ў *жо́втым* пасе

(Зап. V, 181), но там же (182): жовтом пасе; ў *щи́рим* бо́ри (ib. 24 Ошм.), в рифму: у чи́стом поли; в *вишнёвым* садзи (Демб. 212. 570 Рогач.), на сивым (Ром. I—II, 370 Перер.), ў первым, другим, трецим (Шейн Мат. I, 136 Борис.); ў *сладким* сне (Кар. 63 Трок.); *на сивы́м* конику [Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 9 и 16 Бых., 11 и 14 Новоалекс. (на си́вым), 18 Витебск., 26 Себеж., 31 Вилейск.], ў *суседним* домику, ў *зеленым* га́нку, у *послéдним* поли (ib. № 11 Новоалекс.), ў *пяредним* ме́йсцу (ib. № 31 Вилейск.).

Отметим еще два случая замены местного у прилагательных дательным (при местном от других слов): по *Божьему* нароженьи (гр. 1399 г.), ѡ всемь *сщ҃ничьскому* чину (366б Лет. Авр. XV в.); в одном месте (Шейн Б. П. № 47 Городок.) встретилась растянутая форма: на цясцёвоим.

В женском роде местный падеж совпадает с дательным: *оу рускои* земли (гр. 1349 г.), въ *перьвоі* церкви (32 Лет. Авр. XV в.), в *зуполнои* Библии (Б 2 Скор. XVI в.), в сси *малои подорожнои* книжце ib., повинни и҆хъ ѯ *великоі ч҃ти* мѣти (67б Катихиз. 1562 г.), въ *третеи* главѣ) 1б Катихиз. 1585 г.), на земли *чужеи* (133 Псалт. XVI в.); форма местоименная, особо образованная: ѡ темници *пекольноеі* (207б Четья 1489 г.).

Множественное число

Именительный падеж в древнерусском языке рано выработал для всех родовую общую форму на *-ыѣ/-иѣ*, представляющую винительный множественного числа, ставший на месте именительного. Впрочем и старинное *-ии* в мужском роде также встречалось. Оба эти окончания так или иначе отражаются и в старинных западнорусских произведениях и в живых современных говорах. Вследствие этого в них находим:

а) *-ыйе/-ийе*: грамоты *докончальные* (гр. 1494 Недеш.), *лихие* помыслы (104б Четья 1489 г.), кони *борздые* (238б ib.), *ст҃ые* мироносице (172 ib.); немилостивыѣ (1 Сб. XV в. Публ. б. № 391), незбедныѣ (2 ib), *прегоркїѣ* слезы (3 ib.); дѯбровы *роскошные* (65 Крас.), ров'нины *великие* (65 ib.); с'тегон'ные (36б Тайна Тайных XVI в.); сыновѣ *богатырьские* (Ю 25 Скор. XVI в.), дивы *великие* (Э 19б ib.), ризы *красные* (Ю 24б ib.), *хорошие* лысты (П 39б ib.), *красные* слова твое (П 35 ib.) и т. д.; *которие* нам' пожит'ки с того (какая польза) (129б Катихиз. 1562 г.), *час'ные* доходы (63б ib.), *сромоцьскиє* пѣсни (84 ib.); *ѡсвѣщоные* кнѧжата (2 предисл. ib.), *стареческиє* басни (3 посвящ. ib.), многыє (159 ib.); *многиѣ лживыѣ* пророки (33б Ев. Тяпин. 1580 г.), чищенъцы, *которие'* (26 ib.), вожи *мовечиѣ* (гл҃ющеи) (32б ib.), *дурьные* девъки (35 ib.), жоны *м'ногие* (44б ib.), в Псалт. XVI в.: вси *сѯдѧчиѣ* (7б), *жидовьскїѣ* люди (ib.), на сн҃ы *люѫскиѣ* (15), люѫскїиѣ (57б) (описка?), чюжїѣ (20б), взывали *праве҃ныйѣ* г҃ь высл҃ха҃ и҆хь (34б) (описка, вм.: праве҃ныѣ и г҃ь ...), ищ҃чиѣ (42б), *старые* деи

(114б), мо^{р}скиѣ (12), рыбы *мо^{р}скїѣ* (12), плакги *которыѣ* (79), *велемо^{ж}ные* рече (128), о̑уста *здрадливыѣ* (15, 31), жерела *воданыѣ* (19), крыла *гѡлоубиныѣ* и *посеребр\ныѣ* (66), *великїе* чюда (79), дерева *польныѣ* (103б), дѣла *бж̑ьѣ* (vczynki boże) (62); Сб. XVI в. Кунц.: *богоглаголивые* отцѣ (278б); Сб. XVII в. Вил. № 107: рѣчи (вещи) *остатнiе* (15); Псалт. XVII в.: ненавидꙗчие (1), *до^{л}гие* ча́сы (8), скоты *пасучиссꙗ* (30б), мѣдꙗные (117б), в *вели́кие* на́роды (119б), почита^{л} еми — вси *грѣшные* (141), гори *бж̑ие* (5), высоко̑ти *мо^{р}ские* (8), бога̑ства *великие* (7), на шале̑ства ѡмы^{л}ныѣ (13б), в *солоные* поля (119). Из живой речи: шоўко́вые (Шейн Б. П. № 8 Лепп.), ко́ваные (ib. № 14), *крупные* птушки (Добров. I, 20. 128), малы̀е (Мат. Б. №№ 22 и 23 Минск., 31 Вилейск.), грубы̀е, ко̀сые (ib. № 22 Минск.); до́брые, си́ние (ib. № 25 Новогр.); *złyje* duchiè (Федер. I, 15 Янов.), *czỳstyje* myszy (ib. 263), *asdwyje* kałkì (ib. 333). В живой речи конечное *-е* в слоге безударном открытом обыкновенно переходит в *-а(-я)*; таким образом получается

б) *-ыйа/-ийа*. Если в старинных памятниках изредка встречается подобное окончание [к'нꙗжата *капланьскаꙗ* (1 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *высокая* книжата (гр. 1432 г., СВ. 4), втисне̑ꙗ *великиꙗ* (64 Крас.), о̑у̑ста *льстивыꙗ* (15 Псалт. XVI в.), ср. еще замечание Недешева (стр. 48), что в XV в. *-ыя* встретилось только один раз (Акт. Зап. России, I, 33)], то его следует отнести на церковнославянское влияние. Примеры: злыя (Шейн Б. П. № 393 Лепп.), си́ния (ib. № 13), бы́стрыя (Шейн Мат. I, Горецк.), *невядо́мыя* людзи (Ром. IV, 14 Могил.), сады *зялёныя* (Розенф. 46 Минск.), до́брыя, си́ния (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 16 Бых.); *худы́я* кони (ib. № 8 Игум.), валы *палавы́я*, дзеўки *молодыя*, цвяты́ *си́ния* (ib. № 11 Новоалекс.); браткіе́ ж мае да *маладыя* (Малев. 52 Слуцк.).

в) Окончание *-ы́йе* в некоторых местностях может изменяться в *-е́йа (-э́я)*: госци *любэя* (Ром. I—II, 387 Сенн.), половэя (ib. 445 Орш.), стара́я, лубянэя (ib., 287 Сенн.), чужея (ib. 216 Орш.), бо̄тька из маткой *стара́я* (ib. VI, 288 Орш.), яго *злэя* духи искушаюць (ib. 466 Клим.). Повидимому, сюда относится и следующее замечание Клиха (277): «w nom. pl. pni palatalnych trzeba zaznaczyć sporadycznie wystę pujące formy na -eje obok zwyczajnych na -ije wzgl. -yje, więc np. tréćeje xaróšaje, katńéje etc.» В старинных памятниках отражения этого окончания обыкновенно не находим. Нельзя, однако, умолчать о следующих написаниях в Лет. Авр. XV в.: сице родословꙗтся *велицы* кн̄зѣ *роустыи* (420), инѣ'и кн̄зѣ *сарайстыи* затворишасꙗ (113б), дѣте *болгрьскыи* (175). Происходящее перед окончанием смягчение заднеязычных как бы дает право ставить подобные формы в связь с старинными образованиями на *-ии* (роусьтнн). Однако, если сопоставить эти образования с подобными же в именительном единственном, где на *-ъи* можно взглянуть и как на *-эй/-ей*, тогда здесь явится возможность сближения *-ъи* с рассматриваемыми живыми *-эи/-еи*, известными сосед-

ним белорусским и отчасти русским говорам (ср. Б. М. Ляпунов. Несколько слов о говорах Лукояновского уезда Нижегородской губ. — «Живая Старина», 1894, № 2, стр. 166—168). Может быть, сюда относятся и некоторые случаи употребления *-ое* и *-ее* в Псалт. XVI в., напр.: леторослъки *ѡлиⷭ ное* ѡкрѣ стоⷭкоу твоеⷭ (128б), *блгвлщеє* гⷭа ѡ̃держать землю (38 и др.); в Псалт. XVII в.: *наго*р*шое* моли̃вы бываю̃ 29б (ср. наше: Зап. русск. пер. псалт., 228).

г) Старинное *-ии* в твердом различии встречается очень редко в древнейших произведениях или же в подражаниях церковнославянским текстам: оусточнии (48 Увар.), акы *сверъпии* звѣріе (9 Вил.), брыдлѝвий (3б Катихиз. 1585 г.); обыкновенно же *-и* присоединяется к именной форме винительного множественного числа на *-ы* и таким образом получается *-ыи* для твердого различия и *-ии* для мягкого: Грамоты: *добрыи и малыи* люди (1405 г., Л. 120), намъ *вѣликый* шькоды стали (1475 г., Л. 231); Четья 1489 г.: стѣны *городовыи* (71), слова прⷭрческиѧ о хⷭе *писаныи* (113); Сб. XV в. Публ. б. № 391: наймилешїи (2), оубогїй (44); Лит. Лет.: люди *ратныи* (4 Вил.), князи и бояре *литовьскыи* (8 ib.); Лет. Авр. XV в.: намѣсницѣ *московьскыи* андрѣевы сбѣжалѣ (70б), дѣти *бояр*ск*ыи молодыи* (115), ·д· церкви *древыныи* (216); Сб. XVI в. Крас.: *житеи̃скыи* вещи (256); Тайна Тайных XVI в.: *кис'лыи* сливы (57), *широкїи* п'леча (22б); Библ. Скор. XVI в.: *смиреныи* вознесошесѧ (Э 19), *тесныи* места (П 35), *красъныи* жены (Ц 173б); Катихиз. 1562 г.: давешнїй (241); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: лѣпшіи (83) (ср. р.); Псалт. XVI в.: болести *смр*тельныи (рядом с пекелныⷭ) (18б), правдивыи (32б), мовечий (42), блᵒвны *которыи* (107), стреⷭ который (93); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: *дрᵒгыи* семъ лѣтъ (23), *краденыи* боги (28); Псалт. XVII в.: пышныи (5б), собралисѧ *силныи* (44), неха' же будᵒ завстыжени и знищени *противныи* дш̃и моеи (49), тыи *непобо̃ный* (54), птахи *крилатыи* (66б), вси границы *зе*м*ныи* (58), бѣды *гро̀бовыи* (127б), справы *г*ᵒ*днїь* (49б, 62б), *незличоныи* нещаᵒѧ (14б), мѣᵒца *темныи* (84б), вси дерева *лᵒ̀ныи* (99б), звѣрѧта *по̀лнїи* (108б); Ев. 1616 г.: *ѥкото́рый* жилѝ (кв), *ла́скавый* слова̀ (2рна), на́родѡве *зе́мный* (кд б). Из живой речи: до́брыи (Шейн Б. П. № 138 Витебск.), но́выи, тисо́выи, клено́выи (ib. № 136 Лепп.); вели́кии (ib. № 3), ме́дныи, ве́рныи (ib. № 270); кра́сныи (ib. № 51 Бых.), ма́лыи, верны́и (Шейн Мат. I, 467 Лепп.); *крутыи* беряги, *жовтыи* пяски (Ром. V, 21 Витебск.); коники *вараныи* (Розенф. 43 Минск.), до́брыи, си́нии (Мат. Б. № 26 Себеж.); твярёзыи (ib. 32 Орш.), «исключительно мн. ч. на *ыи* и *ии*; изъятий не замечается» (ib. № 18 Витебск.).

д) Еще отметим ржевские (русские?) формы на *-аи*: Ни щипли́тся (чит. *щыпл'и́ц'а*) гуси *се́раи* (Этн. сб. 262), добраи (ib.).

е) Наконец следует помнить, что в именительном множественного числа возможны и стянутые формы для всех родов: вясёлы (Шейн Б. П. № 207 Лепп.), чему жъ вы не *вясёлы* (Зап. V, 229).

Родительный падеж ничем не отличается от подобных же образований в старинных памятниках и живой речи вообще восточных славян. Как более или менее замечательные образования в разных отношениях, отметим следующие: до *человечьйхъ* ѡчью (49 Сб. XV в. Публ. б. № 391) селъ ѣкововы^{х} (88б Псалт. XVI в.), ѿ ста^{х} *овѣ͡и*^{х} (81б ib.), проме^{ж} ѣловиць *лю*^{х}*скїи*^{х} (67 ib.) — с архаическою нестянутой формой, как и в следующем случае, взятом из текста Св. Писания: не бѹдешь мѣти боговъ *чѹжїихъ* (2 Катихиз. 1562 г.).

Винительный падеж всех родов по своему окончанию сходен с именительным; у названий предметов одушевленных мужского рода может заменяться и родительным; то же иногда бывает и у названий предметов женского рода. Приведем примеры: на *вечные* часы (гр. 1432 г., СВ. 4), призови *чистые* дв҃це (17б Четья 1489 г.), *многие* чюда чинилъ (23б ib.), *радостныи* пѣсни воспеваючо (41 ib.), *гордыи* слова (57б ib.), наговорилъ мѣстичи *Виленскыи* (5 Вил.), *другыи великыи* храмы поднимаху (9 ib.), *великыи* чти оуздаша имъ (38 Увар.), повелъ его в *добрыи* дни (74 Крас.), на *бѣзбожныѧ* иконоборци (35б Лет. Авр. XV в.) — форма именительного на месте винительного падежа, *и҆гл҆еные* ѹши (26б Ев. Тяпин. 1580 г.), на горы *сиѡ͡ское* (131 Псалт. XVI в.), оу вышнее (чит. *оув ыншее*) лю^{дц} (105 ib.), на вѣки *вѣчныи* (52б Псалт. XVII в.), поби^{л} вси *пе*^{р}*воро*^{к}*ныи* (68б ib.), на часы *пото*^{м}*ныи* (86 ib.); ѹбилъ дву мужеи *моавъскихъ сильныхъ* (Ц 117 Скор. XVI в.), хотя в этом примере родительный может быть объясняем влиянием *два*, как и в нижеследующем случае: стесалъ две дошки *каменныхъ* (И 64 ib.), *старечьскихъ* басенъ (ib. A 146); wały takije *błahiēnkije* maje (Федер. I, 10 Шидловцы).

Творительный падеж представляет обыкновенные окончания *-ым'и/-им'и*, напр.: голѹбѧчими (83 Библ. кн. XVI в. № 262), но иногда встречаются и некоторые отступления: так кое-где попадается *-м'и*: *горючьми* слезами (Шейн Б. П. № 713 Витебск.); *-ам'и*: ма́леньками (ib. № 91 Диснен.), си́нями, вяли́ками, кра́снами (Расторг. 110), подражающее окончанию имен существительных; *-ма*: з *го́лыма* руками (Ляцк. Посл. 18 Борис.), куда оно зашло из двойственного числа.

Остальные падежи никаких замечаний не вызывают.

СКЛ҆ОНЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬ҆НЫХ҆

В основном русском и, несомненно, в основном славянском языках имена числительные, смотря по своему образованию, склонялись различно: одни — как местоимения, другие — как имена существительные, третьи — как имена прилагательные. Со временем вследствие действия аналогии одни формы числительных оказали влияние на другие, результатом чего явилось то, что в старом западнорусском языке склонение

и тех числительных количественных, которые первоначально изменялись как существительные, обнаружило на себе влияние местоименного склонения; с другой стороны, и строго местоименное склонение таких числительных, как *одинъ*, стало образовывать свои формы сходно со склонением прилагательных сложных в том виде, в каком оно оказалось у белорусов. Живые белорусские говоры пошли дальше: они выработали однообразное склонение для всех числительных количественных, начиная с числ. *два* и кончая числ. *девяносто девять*, в основе которого, однако, лежат главным образом формы двойственного и множественного чисел местоименного склонения числительных.

Из количественных числительных *одинъ* и *дъва* в старину изменялись по местоименному склонению: как *тъ* (в ед. и мн. ч.) и *та* (в дв. ч.). Склонение первого слова (ад'з'и́н) и в белорусском языке в общем сходно со склонением *той*, о чем у нас уже была речь (ср. стр. 200—201). Числительное *два — д'з'в'а* выработало свое особое склонение, которое и легло в основу изменения остальных числительных количественных. По старинным памятникам и современным произведениям его изменение является в следующем виде.

Именительный падеж мужского рода: *два* грошы (129 Статут 1588 г.), два (Мат. Б. №№ 17 Речицк., 18 Витебск., 25 Новогр., 31 Вилейск.; Малев. 17 Слуцк. и др.); в женском и среднем родах: *две* особе (73 Статут 1588 г.), дзьве (Мат. Б. №№ 17 Речицк., 18 Витебск., 25 Новогр., 31 Вилейск.), *dźwie* szkodzie, *dźwie* rucē, naziē (Чечот XIV), było *dźwie* chaci (Федер. I, 4 Дворец), źve asḿíńe haróxu (Клих 9), *двѣ* приказа̑ѧ (Ев. 1616 г. 2 рмѳ), *д'з'в'а* с'ал'ä.

Родительный падеж мужского рода. След старинного двойственного усмотрим в *двy* (вм. **дъвою**): розѵ́мъ ты[x] двѵ́ (128 Сб. XVI в. Крас.), до *двy* разъ (391 Статут 1529 г.), *двy* ѣченикoвъ (28б Ев. Тяпин. 1580 г.); но вообще говоря подобное окончание не казалось типичным и поэтому к нему еще прибавляли местоименное *-хъ*: *двоухъ* оучьновъ (2б Сб. XV в. Публ. б. № 391), такихъ *двухъ* друговъ (156 Сб. XVI в. Позн.), двухъ, трехъ (*двою* или *триехъ*) (25 Ев. Тяпин. 1580 г.), *двѣх'* сыновъ (29б ib.), двух (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск., 25 Новогр., 26 и 28 Себеж., 31 Вилейск.), дв͡уох (Малев 17 Слуцк.), dvux (275 Клих); при именительном *два* звук *-у-* перед окончанием родительного *-хъ* казался не вполне уместным и поэтому его часто заменяет *-о-*: двохъ (85 Статут 1588 г.), ѿ дво[x] (88 Сб. XVII в. Вил. № 107), *двóхъ* брáтцвъ (Ев. 1616 г. 2 s б), двох (Зап. I, 396; Ром. IV, 40 Чаусск.; Мат. Б. №№ 5 и 12 Слуцк., 10 Мозыр., 15 Игум., 17 Речицк.). В женском и среднем родах отчасти встречаются те же образования [*двy*[x] речеи къ молитвѣ надобѣ (177 Катихиз. 1562 г.), *двохъ* особъ (146б Сб. XVII в. Син. № 790), *дво*[x] лѣтъ (31б Библ.

кн. XVII в. Толст. № 158), *двоу̂хъ* ре́чїй (Ев. 1616 г. т̄), *дзъвохъ* шкуръ (Зап. I, 436)], отчасти появляются формы, возникшие по аналогии рассмотренных применительно к именительному *дв҃ъ*, имеющему мягкие согласные перед окончаниями; все такие образования позднейшего происхождения и мне известны только из живой речи, напр.: дзьвюх [Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 8 Игум., 9 Бых. (дьвюх), 18 Витебск., 26 и 28 Себеж., 31 Вилейск.]; в других местах, а иногда и в тех же самых (рядом с *д'з'в'ух*) употребляется *двёх* — *дзьвёх*: з *двёх*, жон (Ром. V, 127 Рогач.), удвёх (= две) (ib. IV, 126 Клим.), двёх (Мат. Б. № 3 Могил.), дзьвёх (ib. №№ 5 и 12 Слуцк., 7 и 23 Минск., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 15 Игум., 17 Речицк., 25 и 29 Новогр., 31 Вилейск., Малев. 17 Слуцк.), źvox (Клих 276).

Дательный падеж в основе своей представляет отражение таких же образований, как и родительный, именно: мужской род — двѣма (42б Сб. XV в. Публ. б. № 391), се двема (58б ib.) — оба примера отражение глубокой старины, как и *тымъ дв҃ъма* (41 Гродн. Акт. кн. XVI в.), дьвема́ (Мат. Б. № 29 Новогр.); с *-о-* перед окончанием: *двома* знако^{м} не ѕвѣрѫ (46 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), двома́ (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 15 Игум.), dvomá (Клих 275); окончание *-ма* прибавляется и к основам на *-у-*, куда оно зашло из родительного падежа, и к основам на *-у-* с мягким согласным в женском роде: двума (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 17 Речицк., 25 Новогр., 26 Себеж.), дзьвюма́ [ib. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых. (дьвюма), 18 Витебск., 26 Себеж.], dvumá (Клих 275); под влиянием русских говоров в окончании *м* мягкое: дзьвюмя́ (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 14 Новоалекс.). Обычное окончание дательного падежа *-мъ* может прибавляться в мужском роде к основам на *-у-* и *-о-*, в женском на *-у-* и *-о-* с предыдущей мягкостью согласного: *двумъ* городомъ (168 Сб. XVI в. Позн.), двум (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 17 Речицк., 25 Новогр., 26 Себеж.), двом (Дыб. 184 Посл.), двом (Ром. III, 358; Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 12 Слуцк., 15 Игум., 17 Речицк.); дзьвюм [ib. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых. (дьвюм), 18 Витебск., 26 Себеж.], двём (ib. №№ 3 Могил. губ.), дзьвём (ib. №№ 5 и 12 Слуцк., 6 Диснен., 7 и 23 Минск., 8 и 15 Игум., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 25 и 29 Новогр.; Малев. 17 Слуцк.).

Винительный падеж представляет формы, сходные или с именительным при названиях неодушевленных предметов, или с родительным у одушевленных предметов, напр.: *дву* велѣлъ на колесѣ розбити (7 Вил., 33 Увар.), в'били *дв҃ѫ* брато^{в} (70 Крас.), мелъ *дв҃жхъ* сно̄въ (66 ib.), *дву* злюбилъ (11 Гродн. Акт. кн. XVI в.), розпали *дъву* раз'бойниковъ (д'ва разбойника) (44 Ев. Тяпин. 1580 г.); ласкавое целятко *дзвюх* маток ссець (Зап. I, 337).

Творительный падеж в старину был сходен с дательным. Окончание *-ма* в этом падеже сохранилось и до сих пор, напр.: зъ *двема* дубы [Бел. Арх. II, 1534 (XVII в.)], *двѣ̈ма* дн҃и (63 Тайна Тайных XVI в.), *двома* жонами (22б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ты́ми *двѡмá* си́лами (Ев. 1616 г. а҃ б); *двамá* голоса́ми (Шейн Мат. I, 1, № 588 Гродн.); есть и форма *двумá*; дьзвямá (Малев. 17 Слуцк.) из *двѣма*. У Клиха (стр. 275) отмечена форма dvovámi (каковой я никогда не встречал).

Местный падеж сходен с родительным: въ *двухъ* днехъ (127 Статут 1588 г.); есть конечно и формы *двох*, *д'з'в'ох*, *д'з'в'ух*.

По образцу *два* прежде всего изменяется *оба*, причем основа его часто еще распространяется прибавкой *-ю-/-я-*, зашедших сюда от *обои*. От этого числительного нам встретились следующие формы:

Именительный—винительный падежи: на *обѣ* сторонѣ (гр. 1407 г., Л. 131), по *обе* стороне вельи (гр. 1443 г., СВ. 10).

Родительный—местный падежи: в *обею* ноз'дреи҃ (12 Сб. XV в. Публ. б. № 391), ты҃ *ѡбею* (79 ib.), по *обѣю* сторонамъ (гр. 1443 г.); съ *обою* сторонъ (гр. 1478 г., Л. 234), отъ *обою* сторону (гр. Г. 1264 г.); з *обѫ* сторонъ (22 Гродн. Акт. кн. XVI в.), з *обу* сторон (Бел. Арх. I 1592), *обеюх* сторон (ib. 1603), с *обѣюхъ* частей [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], *ѡбеюхъ* ѡстроговъ (ib.), мечи з *обоу* сторо҃ ѡстры (142 Псалт. XVI в.); по *ѡбеюхъ* рукахъ (112 Сб. XVI в. Позн.), з *обѣюхъ* сторонъ (176 ib.), обеюхъ (33, 243 Статут 1588 г.), съ *ѡбѣю́хъ* ты҃х мѣстъ (43 Катихиз. 1562 г.), *о҆бею́хъ* дощок' (65б ib.), ѡбеюхъ (хлѣбовъ) (197 ib.), по *ѡбо*х сторо҃ скрыни (60 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), на *ѡба*х подвоѥ҃х (50б ib.); з *обу*х сторонъ (26 ib.).

Дательный—творительный падежи: *обѣма* тыми кн҃женьи (67б Крас.); ѡбѣма (134 Сб. XVI в. Позн.), *ѡбема* панѧмъ (103 ib.), подъ *ѡбема* (118 ib.), *обема* сторонамъ (22 Статут 1588 г.), *обѣма* сторонами (2 Гродн. Акт. кн. XVI в.), *о҆бѣма* рѹками (3б посвящ. Катихиз. 1562 г.); обеюмъ (229 Гродн. Акт. кн. XVI в.).

В живой белорусской речи *оба—обѣ* обыкновенно не встречаются в отдельности, а только в соединении с *два*: *абадва*, *аб'е́д'з'в'ä* (ср. стр. 93, где дано объяснение и других образований этих слов: обо́два, обы́два, абу́два, абу́двы). Это последнее образование явилось в западнорусском языке уже давно, насколько можно судить об этом по старинным памятникам. В косвенных падежах этого сложного слова первая часть, приняв окончание *-а-*, *-о-*, *-у-*, *-е-* (из *-ѣ*), обыкновенно не изменяется. Нам встретились следующие формы этого слова (опускаем примеры, приведенные на стр. 93):

Именительный—винительный падежи мужского рода: *о҆ба́два* пришли́ е҆́сте (Ев. 1616 г. 2рлг), *abodwa* rohi (Федер. I, 348 Свислочь); женского рода: на *обедве* стороне (78), *о҆бѣдвѣ* ло҃и (Ев. 1616 г. 2 рд), абедзьве (Мат. Б., повсеместно), обе́дьви (ib. № 18 Витебск., ср. ib. №№ 4 Могил., 27 Лепп.).

Родительный — местный падежи: з *обудвухъ* сторонъ (176 Сб. XVI в. Позн.), зъ о҃будъвухъ (ѿ о҃бою) (29б Ев. Тяпин. 1580 г.), обудвѹхъ (65б Сб. XVII в. Вил. № 107), ѡ҃бадвѹ^{х} сыно҃ (21б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ѡбадву^{х} (219б ib.); оба́двух (Мат. Б. № 13 Свенц.), аба́двых (ib. №№ 14 Новоалекс., 15 Игум., 17 Речицк., 27 Лепп.), ободвых (ib. №№ 9 Бых., 18 Витебск.), обы́двых (и *обы́двух*) (ib. № 32 Орш.), обу́двых (ib. №№ 8 Игум., 29 Новогр.), абу́двух (ib. № 28 Себеж.); в женском роде: у *абе́дзьвих* душах (Ляцк. Посл. 52 Борис.), обедьвих (Мат. Б. №№ 9 Бых., 18 Витебск.), абедзьвих (ib. №№ 8 и 15 Игум., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 27 Лепп.), абі҃е́дзвих (Малев. 17 Слуцк.), обедзвёх (ib. № 29 Новогр.), абюдзьвюх (ib. № 28 Себеж.), обудзьвух (ib. № 13 Свенц.).

Дательный падеж: оба́двым, обу́двы́м (Мат. Б. № 29 Новогр.), абу́двум (ib. № 28 Себеж.), абу́двым (ib. № 8 Игум.), абадвум (ib. № 13 Свенц.), аба́двым (ib. №№ 14 Новоалекс., 17 Речицк.), абадвам (ib. № 27 Лепп.); в женском роде: обедьвим (ib. № 9 Бых.), абедзьвим (ib. №№ 8 Игум., 14 Новоалекс., 17 Речицк.), аб҃е҃дзвём (ib. 29 Новогр.), абедзьвюм (ib. № 28 Себеж.), обудзьвум (ib. № 13 Свенц.); в следующем примере употреблен родительный падеж вместо дательного: *обудву* сторонамъ (12 Гродн. Акт. кн.).

Творительный падеж: абудвыми (Мат. Б. № 8 Игум.), аба́двыми (ib. № 17 Речицк.), обо҃двыми (ib. № 9 Бых.); в женском роде: *абе́дзьвюма* сястрами (Мат. Б. № 7 Минск.), обедьвими (ib. №№ 9 Бых., 18 Витебск.), абедзьвими (ib. №№ 8 Игум., 17 Речицк.), *абе́дзвю҃ми* (и *абедзвыми*) руками (ib. № 4 Могил. губ.). Клих (стр. 276) отмечает мне неизвестную форму ab́éźḿi.

Числительные *три* и *четыре* в основном русском языке изменялись по множественному числу основ на *-ĭ-*; на склонении последнего сказывалось и влияние основ на согласные. Но уже в старинных западнорусских памятниках на склонении их заметно влияние числительного *два*, которое, в свою очередь, также подверглось и влиянию числительного *три*. Совпадение склонений указанных числительных особенно заметно в живой речи. Формы числительных *три* и *четыре* рассмотрим вместе.

В именительном — винительном падежах возобладала форма женского рода *тры*, *чатыры*: тры дачкі҃е҃ (Малев. 53 Слуцк.), чатыры мили (ib. 157), try rabóće (Клих 9 Новогр.), чотыри (106 Статут 1588 г.), чатыры (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 30 Речицк.), чатэры (ib. №№ 16 Бых., 17 Речицк., 23 Минск.), цатыры карове (Отч. 18 Ржев.).

Родительный — местный падежи: *три҆* тиса҇че҃ рѹблевъ (84 Крас.), дщеремъ *треи* сестрениць (36б Лет. Авр. XV в.), бес *трьи* кунъ (400 ib.) — редкие случаи старинного образования, но обыкновенно *-ох*: тро҃ (22б Сб. XV в. Публ. б. № 391), через трех (115 Статут 1588 г.), в *чотырохъ* неделяхъ (77 ib.), трох (Шейн Б. П. № 164

Лепп.), трꙋох, чатырбх (Малев. 17 Слуцк.); отметим редкую форму *трею* [ѿ трею сихъ (9б Лет. Авр. XV в.)], образованную как *двою*.

Дательный падеж: чотыромъ (91 Сб. XVI в. Позн.), тром, чатырбм.

Творительный падеж обыкновенно оканчивается на *-ма* (как *двѣма*); перед этим окончанием у *три* обыкновенно бывает *-и-*, явившееся здесь, как в *криви* (ср. Белорусы, II, 1, 149—152); возможно также *е*, а из последнего *о* на месте основного русского *ъ* после *р*. Примеры: трима (62б Сб. XV в. Публ. б. № 391), *трима* путьми (252б Лет. Авр. XV в.), трымá (Мат. Б., повсеместно, Малев. 17 Слуцк.), трѣма (Сб. XVI в. Позн.) (Archiv, IX, 369), с трема (363 Статут 1588 г.), *трема* возы (8 Гродн. Акт. кн. XVI в., ср. 60б Тайна Тайных XVI в.), з *трема* сынами (2 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); трома (73б Сб. XV в. Публ. б. № 391), зъ и҃шими *трома* цари (8 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), з *трома* сынами (2б ib.), трѡмà (Ев. 1616 г. р҃н҃ б); четы҃р'ма (3б Тайна Тайных XVI в.), ногами *чотырма* (155 Сб. XVI в. Позн.), *чотыр'ма* тисечамъ (22 Ев. Тяпин. 1580 г.), четырма (Мат. Б., повсеместно, Малев. 17 Слуцк.). Изредка попадаются и старинные формы творительного на *-ми*, притом даже в живой белорусской речи: треми (222 Сб. XVI в. Позн.), чотыр'ми (45 Ев. Тяпин. 1580 г.), троми, четыроми (Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 9 Бых.), трымú, чатырмú (ib. 31 Вилейск.). Под влиянием подобных образований, а может быть и просто под русским влиянием явились кое-где и формы на *-м'а*: с трамя (Шейн Б. П. № 104 Лепп.), тремя́ (Зап. V, 165).

Из остальных числительных с *пяти* до *девяноста девяти* те, которые имели основу на *-ĭ-*, в старину изменялись, как *кость*. В старом западнорусском и современном белорусском языке подобные образования также возможны, напр.: оу *двá҃цати* тисѧча҃ копа҃ (83б Крас.), ѿ *двоунатцати* версѣ҃ (48б Лет. Авр. XV в.), *десети* тисече҃ (32 Статут 1588 г.), въ *на҃надесѧти* днѣ҃хъ (234 Сб. XVI в. Крас.), по перво҃м҃ и по *се҃ми десѧти* лете҃ (102 ib.), полтретядцати (9, 55 Гродн. Акт. кн. XVI в.), *пятидесятъ* коней [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], *осьмидесят* тисячей коп грошей личбы литовское, личачи у грош по *десяти* пенязей (Бел. Арх. I 1548 г.), двана҃цати (3 предисл. Катихиз. 1562 г.), къ семи (133 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ме҃ седми (51 Псалт. XVI в.), *двана҃цатью* воловъ (82 Библ. кн. XVII в. Толст, № 158), пѧти царѣ҃ (250б ib.); пяцю́, шасцю́ ... чалавеками (Мат. Б. № 8 Игум.) и т. д., причем в именительном и винительном падежах такие числительные (древние и новообразования) употреблялись даже как слова женского рода, насколько об этом можно судить по именам прилагательным, согласуемым с ними: тыю тридца҃ (1б Сб. XV в. Публ. б. № 391), пошли *другаѧ семъ* (147 Сб. XVI в. Позн.), всю *тую двадцать* тисечъ (141 ib.), *троя двадцать* недель (157 Статут 1529 г.), *другую дванадцать* рублевъ (152 ib.), *другую шесть* рублей (29 Статут 1588 г.), тую пятьдесятъ копъ грошей (90 ib.) и под.

Но уже рано в белорусском языке все числительные, принадлежавшие когда-то к основам на *-ĭ-*, равно как отчасти другие, больше новообразования со сходными окончаниями (*одиннадцать*, *двенадцать*, ... *двадцать*, *тридцать*, *пятьдесят*, ... *девяносто*), обыкновенно в соединении с названиями одушевленных имен существительных стали изменяться, как раньше рассмотренные нами *два*, *три*, *четыре*, по множественному числу, иногда с некоторыми следами двойственного; даже и в именительном — винительном падежах изредка является новообразование — форма множественного числа. Приведем примеры.

Именительный — винительный падежи (в дополнение к перечисленным раньше на стр. 93—95): пѧ̑ а четы̀рьдесѧ̑ (220 Сб. XVI в. Крас.), осмъ (21 Статут 1588 г.) осе^{м} (131 ib.), шесть дни (2б Катихиз. 1562 г.), дъванадцать (дъванадесѧте) (46б Ев. Тяпин. 1580 г.), ѡсмъдеся̑ (92б Псалт. XVII в.); дзе́вяцьдзисят (и *дзевяцьдзися̀т* (Мат. Б. № 31 Вилейск.) и т. д.; форму винительного множественного имеем, например, в следующих случаях: тыхъ *шести* (146 Сб. XVI в. Позн.), побив'ши *пѧти* царе́й (21 Катихиз. 1562 г.), призва́вши *двана́дцати* оу҃ченикѡ̑ (Ев. 1616 г. 2 скѳ), ты^{х} *двана^{м}цати* послѧ̀лъ 'І҃с̑ (ib. б); хотя, быть может, в приведенных примерах числительное на *-и* рассматривается как неизменяемое слово, подобно следующим случаям из живой речи: конь зы *дванатцыци* дьверями (Ром. III, 245 Сенн.), змия з *дванаццыци* гылывами (ib. 5, 67 Сенн.).

Родительный — местный падежи: Сб. XV в. Публ. б. № 391: ве *тренадцете̑* дне̑ (56); Сб. XVI в. Крас.: боу҃де̑ по *четы̀рьнадесѧти^{х}* сте^{х} лете^{х} по х҃ѣ҃ вѣ҃ нарожденїй (91—92); Тайна Тайных XVI в.: ѡне^{х} *двоюнадесѧте^{х}* домо^{х} (63б); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: выбравши *двана^{м}цате^{х}* мѫжевъ (85) (род. пад. на месте вин.); из живой речи: на *пяцёх* упала (Зап. V, 253), *пятёх* жон (Ром. V, 127 Рогач.), дзесяцёх (Шейн Мат. I, 647 Борис.), пяцёх (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., 25 Новогр., 27 Лепп.), пяцих (ib. № 11 Новоалекс.), шасцих (ib.), шасьцёх [ib. №№ 4 Могил. губ., 14 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск., 21 Слуцк, (ко́сиць *шасьцёх* касцбу̀), 23 Минск., 25 Новогр., 27 Лепп.], двадцацих (ib. №№ 11 и 14 Новоалекс.), двыццацёх [ib. № 4 Могил. губ., 17 Речицк. (двацццацёх), 18 Витебск., 23 Минск., 25 Новогр.], у трыццатёх, трыццацёх и т. д. (Малев. 17 Слуцк.).

Дательный падеж: тымъ *шестма* (147 Сб. XVI в. Позн.), *трыдъцатма* городомъ (168 ib.), *четырнадцетемъ* копамъ (241 Гродн. Акт. кн. XVI в.). *двенадцатьма* ѣченикомъ (14 Ев. Тяпин. 1580 г.), *пѧтьма* тисѧчамъ (пѧтимъ тысѧщамъ) (22 ib.), *десѧтьма* девъкамъ (десѧтимъ девамъ) (35 ib.), къ семи и *дватца̑ма* и стома земла^{м} (133 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), пяцём (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., 25 Новогр., 28 Себеж.), шасцём (ib.), пяци́м, шасци́м (ib. №№ 11 и 14 Новоалекс., 27

Лепп., 28 Себеж.), двацца́ци́м (ib.), двацца́цём (ib. 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., 25 Новогр., 28 Себеж.), adzinàccaciam (Федер. II, 65 Рось).

Творительный падеж: с *тридцетми* пѣнази (54б Сб. XV в. Публ. б. № 391), над сте̑ двадца̑ и *пѧ̑ми* зм̑лами (46б ib.), *двадцатьма* ранами (222 Сб. XVI в. Позн.), з *двадцатма* тисечема (139 ib.), з *двадцатьма пѧтьма* тисечей (224 ib.), зъ своими *пѧтнадцатьма* тисечы (166 ib.), *седма* годы (275 ib.). зъ *шестма* десѧтъ братовъ (224 ib.), шными *десетма* тисечми возовъ (188 ib.), *шестьма* неделями (18 Статут 1588 г.), пятидесятма (43 Гродн. Акт. кн. XVI в.). *пятмадесятъ* рубли [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], *пятмадесятма* копами грошей [ib. 1534 (XVII в.)], съ *шестьма* светки [ib. 1533 (XVII в.)], *десетма* рубли грошей [ib. 1530 (XVII в.)], *десѧт'ма* чл̑кы (5б Тайна Тайных XVI в.), над' стомъ и *двадцетми и седми* странами (Э 3 Скор. XVI в.), десетьма (25 Ев. Тяпин. 1580 г.), з дванадцатьми (59б ib.), *петма* сикли (52 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), з *пѧма* царѣами (113 ib.), ч҃рчого *двана̑цатма* ѣрмъ воло̑ (212 ib.), *пѧт'ма* хлѣ́бами (Ев. 1616 г. 2мs); *двянатцацими* головами (Ром. III, 255 Черик.), шасцьми (ib. I—II, 456 Сенн.), шасьми (Мат. Б. №№ 14 Свенц., 27 Лепп.), пяцьми (ib.), пяцьма́ (ib. №№ 23 Минск., 25 Новогр.), шысцьма́ (ib. №№ 4 Могил. губ., 17 Речицк., 23 Минск., 25 Новогр.), пяци́ма, шасци́ма (ib. № 11 Новоалекс.), двадцаци́ма (ib.), двацца́цьма́ (ib. 17 Речицк., 23 Минск., 25 Новогр.), двацца́цьма (ib. № 13 Свенц., 27 Лепп.), двацца́цьмя́ (ib. № 14 Новоалекс.).

Числительные *сорок*, *сто* и *тысяча* обыкновенно склоняются, как имена существительные с соответствующими окончаниями: сорок (Розенф. 34 Вилейск.), оу сороце (90 Сб. XV в. Публ. б. № 391), въ *сороце* грошохъ (2 Гродн. Акт. кн. XVI в.), по *сту* витязей (171 Сб. XVI в. Позн.), на *сту* подводахъ (41 Статут 1588 г.), за сто (Э 3б Скор. XVI в.). *ста* странъ (Э 20 ib.), стом' (Ц 71 ib.), во сту (Э 14 ib.), жилъ иеремѣы в *сту* и пѧдеся̑ лѣтъ по исаию (254б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), двѣстѣ (39б Сб. XV в. Публ. б. № 391), двѣсте (68 ib.), во *двоу*ˣ *стоу* (16 ib., ср. 89 ib.), трима *сты* (81—82 ib.), двѣсте (Сб. Пал. Сн. Вил. № 3 XV в.), въ треи *сотъ* чл̑къ (180 Лет. Авр. XV в.), въ двоусоть (91б ib.), под трема *сты* копами грошей (Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)], двема *сты* копами (Бел. Арх. I 1603), пятма *сты* копами грошей (ib. 1585), со треми *сты* (С 18 Скор. XVI в.), во трехъ *стехъ* (ib. С 16б), з трема *сты* мужовъ (123 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), з чотырма *стами* мужѣ̑ (26 ib.), полчворта́ *ста* (Сл. Нос. 463); у пятёх *сотах* (= в пятистах) (Ром. VI, 241 Сенк.); слово *тысяча* и новообразование на польский или чешский лад *тысячь* представляют следующие формы: *тсѧчию* дирь (11 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *тисѧць* тисячей (15 ib.), тисеций (1 ib.), тисяций (93б ib.), тисеце̑ (39б ib.), тысечей [гр. 1398 г. (А. XI, 4)], тисечю копами грошей (Бел. Арх. I 1615), к҃е *тисечи* (чит. *тисечій*) мужов' (85б Катихиз. 1562 г.), тисечми (2б ib.), тисячьми (65 Псалт. XVI в.)

и т. д. По аналогии склонения большинства числительных по́ множественному и отчасти двойственному числам подобные образования заходят и в склонение числительных *сорок* и *сто*: *сорокъма* копами (91 Статут 1588 г.), у саракóх (Мат. Б. № 27 Лепп.), надъ *стома* витезми (79 Сб. XVI в. Позн.); в старинных произведениях можно отметить и зачатки такого употребления *сто*, какое наблюдается в современной русской литературной речи — в качестве закостеневшей формы для всех падежей: *сту* копами (56 Гродн. Акт. кн. XVI в.), з *чотырмаста* людзй (26б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), в *двѣсте* и въ триꙗцати лѣтахъ бытиꙗ его (1 ib.).

Отметим еще несколько единичных форм, обращающих на себя внимание: зо двоу̑надцети (1б Сб XV в.) — окончание родительного падежа придано и второй части; *двѣнацатьꙗ* дн̑ъ (78б Тайна Тайных XVI в.) — слово с собирательным значением.

Числительные собирательные в старину, да отчасти и теперь, изменяются и в единственном числе: *двою* зброю (110 Сб. XVI в. Позн.), *обоя* сторона (81 Статут 1588 г.), *двоꙗ* пом'ста (9 Катихиз. 1562 г.), ѡпрочъ насъ *двойга* (196 Библ. кн. XVII ст. Толст. № 158), źich *abajhà* (Федер. II, 192 Шидловцы); сюда же относится и наречие, образованное от родительного падежа: u̯ dwajhczkù (ib. II, 118 Дворец). Есть даже несколько случаев, где собирательные числительные являются в формах, повидимому, несклоняемых: тыхъ ѡбоє детей (160 Сб. XVI в. Позн.), кромъ ѡдно *двоє* скота (ib. 135) (ср. Archiv, IX, 369). Конечно, более обычны случаи употребления указанных числительных во множественном числе, как и в русском литературном языке: *двое* дѣтѣ̑ (68 Крас.), межи ѡбоими (141 Сб. XVI в. Позн.), о̆боꙗ̑ (164 Катихиз. 1562 г.), *двои* ѡфѣри (31б Псалт. XVII в.), яны́ *во́быя* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), яны *о́боя* (ib. №№ 5 Слуцк., 26 Себеж.), яны *во́боя* (Ром. III, 36 Клим., Мат. Б. № 15 Игум.), *о́бы* яны (ib. 17 Речицк.; ср. Ром. III, 256 Черик.), *двои* ночовок (Шейн Мат. I, 1, 171 Слуцк.), *трои* варубо̑ты (Малев. 86 Слуцк.). Другие собирательные, особенно на *-ко* [дво́йко, тро́йко, че́цверко, пя́церко, ше́сцерко (Мат. Б. №№ 15 Игум., 17 Речицк., 23 Минск., 26 Себеж., 32 Орш.), дво́ячко, тро́ячко (ib. 17 Речицк.)], относительно своего склонения замечаний не вызывают: они склоняются, как имена существительные [ку осмеру колесомъ (173 Гродн. Акт. кн. XVI в.), се̑мера ре̑ (25 Сб. XV в. Публ. б. № 391), всеꙗморо (82б Псалт. XVI в.)]; впрочем, и они иногда склоняются по образцу числительных *три — четыре*: пяцерьмя́, шасцярьмя́ (Мат. Б. № 14 Новоалекс.), у дваццатеро́х (ib. 27 Лепп.).

Число обозначает еще такое слово, как *капа́* = 60 предметов.

Также слово *поу* в соединении с числительным: поўтара, поўчварта, поўпята и т. д.

Числительные порядковые склоняются, как прилагательные в именной или сложной форме. Примеры: *полоутретьꙗ* мц̑а (189 Лет. Авр. XV в.); это образование входит и в другие сложные числитель-

ные: полътретыатчать годъ (ib. 269б), полътретыатцать (418 ib.); именная форма числительного и в следующих примерах: *полъшесты* верьсты (4 ib.); образования вроде перечисленных встречаются и в других памятниках: *полътреты* лѣта (61б Тайна Тайных XVI в.), полтретядцати (9, 55 Гродн. Акт. кн. XVI в.), *полъчворта́* (Сл. Нос. 463) и т. д. Сложные формы порядковых числительных с *одиннадцати* до *девятнадцати* больше новообразования, они склоняются, как и остальные, сходно с прилагательными. В старинных произведениях можно находить и остатки древних образований и наблюдать постепенное перерождение указанных числительных до их современного состояния. Приведем примеры: первы́й надеса̀ (250 Сб. XVI Крас.), до чет'вер'того надесѧть числа (79 Тайна Тайных XVI в.), *восмонатыцеть* лете (16 Сб. XV в. Публ. б. № 391), *полъдроугынатца̀* не̑ли (208 Лет. Авр. XV в.), первый надцать (352 Статут 1529 г.), пятое надцать (187 Статут 1588 г.), четверътое надцать (ib.), третьѣе надъцать (ib.), четвертыи на̑цать (132б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), м҃цю *дрⷭгомⷭ на̑цать* (129 ib.); вторы́и' на десѧтый дн҃ъ (251 Сб. XVI в. Крас.), третїй на десѧтый (252 ib.), четверты́ на десѧты́й дн҃ь (253—254 ib.), пѧты́й на десѧты́й (258 ib.), ше҃сотного перваго року (3б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) (как по-латыни); одинадцатое (187 Статут 1588 г.), шеснадцатое (ib.), двӧнадесаты̑ (76 Тайна Тайных XVI в.), двана̑цатого дня (6 предисл. Катихиз. 1562 г.), тридесѧтный (33б ib.), ше҃десѧтный (ib.) и т. п. (ср. стр. 93—94).

СПРЯЖЕНИЕ

В современном белорусском языке, да и в старинном западнорусском сохранившиеся личные глагольные образования — все производятся от основы настоящего времени. Применительно к последней, смотря по тому, как присоединяются личные окончания, все глаголы могут быть разделены на два разряда: глаголы с основами на гласные и глаголы с основами на согласные; последних до нашего времени сохранилось незначительное количество, но они для некоторых лиц имеют особые окончания.

Основы настоящего у глаголов на гласные уже в основном славянском языке в конце его жизни оканчивались на гласные *-е-* или *-і-*, причем перед *-е* в многочисленном разряде глаголов мог быть еще *j*, производивший смягчение предшествовавших ему согласных, а также изменение гласного *-о-*, появляющегося в некоторых глагольных образованиях. Вследствие сказанного все глаголы по основе настоящего времени могут быть разделены на следующие классы: I — глаголы с основами настоящего времени на *-е-/-о-*; как разновидность сюда примыкают глаголы с суффиксом *-не-/-но-*; II — глаголы с основами настоящего на *-је-*; III — глаголы с основами настоящего на *-і-*; IV — глаголы с основами настоящего на согласные. В старом западнорусском и современном белорусском языке деление глаголов на указанные классы подверглось некоторому расстройству вследствие того, что основные *е* и *је* по влиянию их на смягчение предшествующих им согласных во многих случаях совпали: *е* не вызывает лишь переходного смягчения известных согласных; да кроме того стоящий перед личным окончанием гласный *е* вследствие известных фонетических причин подвержен в тех или других говорах переходу в *о*, *а*, *і* и даже другие гласные; даже звук *і* иногда смешивается с *е* и его заменами; глаголы с основами на гласные во многих случаях оказали влияние и на глаголы с основами на согласные. Нечего и говорить, что вследствие действия аналогии основа настоящего времени подверглась сильному влиянию основы неопределенного и наоборот (ср. стр. 55—58). Возникло, как мы видели (стр. 58—61), немало и разных новообразований в основах. Все эти обстоятельства придется иметь в виду ниже при рассмотрении глагольных форм.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Личные окончания в этом времени в общем те же, что были и в древнерусском языке и какие до сих пор отражаются в разных народных говорах.

Единственное число

1-е лицо в глаголах с основами на гласные оканчивается на *-у* с предыдущим твердым или мягким согласным, а также *j (i)*, явившееся на месте основного славянского *-ѫ*; глаголы с основами на согласные, хотя и в незначительном количестве, сохранили память об основном славянском *-мь* в окончании *-м*. В старинных западнорусских произведениях, кроме указанных окончаний, встречаем еще и другие, в некоторых случаях легко объясняемые иноземным влиянием, например, польским. Приведем примеры: пл'ату́, брыду́, ц'агну́, кашу́, та̀ маю (27 Ев. Тяпин. 1580 г.), запислагаю ва̂ (83 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ознаймую [гр. 1497 г. (Арх. С. I, 4)], цику́ю (Мат. Б. № 19 Слоним.), гару́, бажъдю (181 Катихиз. 1562 г.), мов'лю (3 посвящ. ib.), *моуштоуа* быти (2б Сб. XV в. Публ. б. № 391), сѧ *бриждѵ* незбожны[м] (59 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) и т. д. от глаголов с основами на гласные; от глаголов с основами на согласные:

а) ѣсмь (1 Катихиз. 1562 г.), есмъ (53 ib.); то же у Скор. XVI в. (Владим., 289), ѣсмь (55б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), та̀ ѣсмь (из ц.-слав.) (124 Псалт. XVI в.); в живой речи *есмь* обыкновенно не употребляется; мне известен пример употребления этого слова лишь из сказок Романова: я не цар, я й ни пан, я й ни сильный могучий быгатыр, а я *есьм* Микита Игривич (VI, 386, 388, 390), в чем следует видеть церковнославянизм, тем более, что в этой сказке есть и другие не народные белорусские элементы [весь *град* (385), здрастьви (393), зьделыи̑т (ib.) и др.]. В старинных произведениях этот глагол чаще встречается с другим окончанием, *-ми*, в каковом виде он известен отчасти северно- и южнорусским памятникам (Собол., Лекции[4], 167): ѥсьми (гр. XIV в. Ив. Никон.), есьми [гр. 1398 г. (А. XI, 3)], ѣсми (124 Псалт. 1492 г.), ѧ ѣсми (6б Сб. XV в. Публ. б. № 391), азь *ѥсми* кн̑зь. а се ѥсть сынь Люриковъ Игоръ (Супр. 5б), есми (4 Вил.), азъ *ѣсми* никола (308 Лет. Авр. XV в.), вы нашимъ бояромъ отвѣтъ дали: не можеть новгородъ того оучинити, како *ѣсми* с литовскы мирьнѣ ... (ib. 211), ѝ шт'о *ѣсьми* (ѝ ч'то ѣсьмъ) [26б Ев. Тяпин. 1580 г., ср. еще 22 Сб. XVI в. Позн., 91 Статут 1588 г., 1 Тайна Тайных XVI в. (ѣсми), Скор. XVI в. (Владим. 289), 87б (ѥсмѝ), 28 Псалт. XVI в. (ѣсми), 119 ib. (ёсми ѧ), 33 Сб. XVII в. Вил. № 107]; для передачи польского jestem употреблено (7б Сб. XV в. Публ. б. № 391): не *ѣсть ѣсми* ѧ оуч̑нкъ; чаще, впрочем, встречаются более близкие к польским образования: та̀ ѣс'томъ (31б., 37б Ев. Тяпин. 1580 г.), естомъ (есмъ) [42 (45) ib.], ѥстэмъ (25, 27 Сб. XVI в. Позн.), *есмъ* та̀ з вами *есть* (254 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158). В двух слу-

чаях [гр. 1445 г. (Арх. С. VII, 2) и гр. 1533 г. (XVII в.). Бел. Арх. II] встретилась форма *есмо* (есмо далъ; пришла есмо) — повидимому, множественное число на месте единственного. К основам на согласные принадлежат еще:

б) емъ (Шейн Б. П. № 451 Городок.; Мат. Б. № 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс.), ѥ͡м (Малев. 18 Слуцк.), ѧ^{м} (50б Псалт. XVI в.);

в) дамъ (7б Псалт. XVI в., Шейн Б. П. № 1 Лепп., Мат. Б. №№ 11 и 14 Новоалекс.);

г) старинные произведения знают еще: вемъ (54 Сб. XVI в. Крас.), вѣ^{м} (101 ib.), вѣмъ (15 Сб. XVII в. Вил. № 107), вытесненное в теперешней речи глаголом *ведаю* (Зап. V, 1), начало чему было положено уже давно: ѧ ведаю (1 Сб. XV в. Публ. б. № 391);

д) может быть, некоторую память о старинном *имамь* представляет *имами*, образованное в подражание *есми*: рече володимиръ стоѧти *и҃мами* здѣ (355б Лет. Авр. XV в.). Под польским влиянием *м* зашло в следующие примеры, встречающиеся лишь в некоторых старинных произведениях: прыймамъ (42, 93 Сб. XVI в. Позн.), знамъ (64, 109 ib.), поздоровлѧмъ (81 ib.), прысегамъ (50 ib.), пытамъ (104 ib.), ѧ жада^{м} (68 Тайна Тайных XVI в.); чешским или сербским влиянием объясняется *види*^{м} (68 Тайна Тайных XVI в.); чешским или сербским влиянием объясняется *види*^{м} (48 Сб. XVI в. Крас.) (vidím, ви҃дѝм). С приведенными сейчас примерами можно сопоставить: слу́хам, виньшу́ям (Малев. 18 Слуцк.); прибрам (Шейн Мат. I, ч. II, 665 № 38 Горецк.), где *м*, конечно, свидетельствует не о юсе, а о полонизме.

2-е лицо как в теперешних говорах, так и в старинных у глаголов с основами на гласные оканчивается на *-ши* (орфографическое *-шь* и *-шъ*), которое возводится к основному славянскому *-šь* из *-si*; *-ши* изредка встречается в некоторых памятниках, списанных с церковнославянских оригиналов; у глаголов с основами на согласные известно еще и *-си* такого же происхождения, как и соответствующее образование старославянского языка. В наречных выражениях встречаются и формы *хоч*, *хащ'и́*. Приведем примеры. Основы на гласные: идѣшь (10 Лет. Пер. Суздл.), idziész (Федер. I, 95 Шидловцы), можеш' (9б, 44 Ев. Тяпин. 1580 г.), жнешъ (36 ib.), бье (8 Сб. XV в. Публ. б. № 391), выстоупа҃шь слоуша҃шь (206б Лет. Авр. XV в.), чи вѣда҃ешь (53б Тайна Тайных XVI в.), ис'мыш'лѧешь (12 ib.), ρωзумѣти *ма́ешь* (10 Катихиз. 1562 г.), кꙋпꙋешь (33 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), чи не вѣдаєшь (83 ib.), триваешъ (106 Псалт. XVII в.), прѡдаешь (Мат. Б. № 22 Минск.), знаяш (ib. № 29 Новогр.). хо́чашь (ib.), пыта҃ш ня҃ мая҃ш (Малев. 61 Слуцк.), хочеш (26б, 44б Ев. Тяпин. 1580 г., 13 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), зна́иш (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 26 Себеж.), гуляишь (ib.), хо́чыш (ib. №№ 6 Диснен., 9 и 16 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 18 Витебск.), пи́шыш (ib. № 11 Новоалекс.), гово́ришь (Мат. Б., повсеместно), гало́сиш (ib. № 11 Новоалекс.), сма́лиш (ib. №№ 10 Мозыр., 31 Вилейск.) и т. д. Как можно видеть

из приведенных примеров, *е* ударяемое перед *ш* в *о* не переходит, безударное может изменяться в *а* и *и*. Перед *с'а* звук *ш*, конечно, произносится как *с* [наарэсься (Малев. 25 Слуцк.)], хотя собиратели народных произведений обыкновенно пишут *ш* (просишься). Отметим еще несколько более редких образований: хочиши (79б Тайна Тайных XVI в.) — церковнославянизм; странно и непонятно для меня *-иши* в следующем месте из сборника Шейна (Мат. I, ч. II, 665 № 337 Горецк.):

У людей дочки растуть и красуютца,
А ты мыя́ дочушичка и ни *напотешиши*, —
Як ты мяне прежды пытиша́ла;

церковнославянским влиянием объясним и *имаше* (29 Лет. Пер. Суздал.) (= имаши), куда *е* зашло вследствие смешения также с неживыми формами имперфекта. Обращают на себя внимание не по личному окончанию, а по стяжению гласных основы: оу̀готова̀шь (Пс. 20. 12, Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), захова̀ (15 Псалт. XVI в.), не ма̀ (нет) (39 ib.), в ни^{х} *немашъ* ѡ̀мѣны (38б Псалт. XVII в.), машь (Шейн Б. П. № 534), як пан *маш* — вм. более обычного: як пан ма́исся (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), ма̀шь, хова̀шь (ib. № 13 Свенц.) — полонизмы. Основы на согласные: еси (47 Гродн. Акт. кн. XVI в., Скор. XVI в. Э 21, Д 12 рядом с есь, есъ); еси ты (1б Катихиз. 1562 г.), што ѐсь ты (1 ib.), є̀си (32, 39 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), е̂си ты (7б Псалт. XVI в.), еси смутна (18 Псалт. XVII в.); форма *есь*, вероятно, передает польское jeś; для jesteś встречаем обороты; ѐсть^{ли} ѐси (7 Сб. XV в. Публ. б. № 391), ты си ли ѐси (8б ib.), є̀стэсь (116 Сб. XVI в. Позн.); даси (гр. рижск. ок. 1300 г., 108 Сб. XVI в. Позн., 1 47б, Скор. XVI в., 52 Псалт. XVI в., 150б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), што^{бы} мнѣ *даси* (11 ib.), дасѝ (Ев. 1616 г. ξ̄θ), даси́ (Бесс. Б. П. № 26; Шейн Мат. I, ч. 1 № 62 Слоним.; Ром. IV, 21 Орш.; V, 39 Могил.; Мат. Б. №№ 4 Могил губ., 5 и 12 Слуцк., 7 и 23 Минск., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 15 Игум., 26 Себеж.), ѣси (Ц 1 Скор. XVI в.), не еси (не ешь) (140б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), еси́ (Зап. V, 124), яси (Шейн Б. П. № 438 Лепп., Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 и 12 Слуцк., 7 и 23 Минск., 9 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 15 Игум., 26 Себеж.), наяси́ (Ляцк. Посл. 13 Борис.); четвертый глагол, *вѣси*, встречается очень редко: веси (П 45 Скор. XVI в.); в живой речи только в пословицах: весно́ю лес одзе́ницца, а восенню ни *вись* дзе подзе́ницца (Зап. I, 269), шило́ верце́лося, да ни *вись* куды́ подзе́лося (ib. 320).

Роль 2-го лица исполняет в нескольких случаях *хоч — хоч'и*: *хочъ* бы ся захвитала зе^{м}ля (24 Псалт. XVII в.), *хочъ* потаемне ѵволока̀е (103б ib) — в обоих примерах в роли союза; не знаю, следует ли отнести сюда *въсхошь* (207 Лет. Авр. XV в.), так как в нем можно видеть и упрощение конечного *ч* (т'ш), но также допустим и пропуск слога *-че-* (въсхочешь). В живой белорусской речи в роли 2-го лица также, по свидетельству Клиха (280), попадается *хоч*: kal'î ńe *xoč* ńeśćí što ty

хоć kuperek atamknúć; па маложах (в молодом лесу) травы кольки *хочы* (Вит. К. С.); кроме того, несколько раз встретилось *хощи*: язык в роцё, мели, што *хощи* (Сл. Нос. 683; ср. Зап. I, 477), дзи́рка в ро́це, ешь кольки *хо́щи* (Зап. I, 293). Формы *хоч — хош* (при ст.-слав. **хоштѫ**) вслед за Ф. Ф. Фортунатовым рассматриваются, как особые образования 2-го лица единственного числа (некоторые параллели к подобным формам указаны, между прочим, в статье: Б. М. Ляпунов. Несколько слов о говорах Лукояновского уезда Нижегородской губернии. СПб., 1894. Оттиск с изменениями из «Живой Старины». стр. 33, вын. 2). Если иметь в виду, что, по Фортунатову, конечное *-и* таких форм, в русском языке утраченное, восходит к основному *-еи́*, то белорусское *хощи* из *хоти* еще с большим правом может быть сопоставлено с каким-нибудь литовским *sukė и может считаться 2-м лицом единственного числа. Однако с неменьшим удобством в нем можно видеть и форму повелительного, ставшую на месте изъявительного (ср., между прочим, РФВ, XVII, 417—418, и LXIV, 163—165); перемена ударения обусловлена рифмой.

3-е лицо, насколько можно судить по показаниям древнейших памятников русского языка, представляло в основном русском *-ть*. В таком виде это окончание перешло и в памятники старого западнорусского языка и в виде *-ц'* оно живет до сих пор в живом белорусском языке. Впрочем говоры юго-западные, кроме указанного окончания, обыкновенно сохраняющегося у глаголов с основой настоящего на *-и*, а также на согласный звук, знают еще и 3-е лицо на *-е* без личного суффикса, которое преобладает у основ на *-е* и иногда проникает даже в основы на *-и*. Кроме этих двух главных окончаний 3-го лица, в некоторых говорах изредка встречается *-т'и — ц'и*, находящее для себя подтверждение и в старинных западнорусских произведениях. Приведем примеры на все указанные окончания. Окончание *-ть — ц'* у основ на *-е-* и *-je-*: Грамоты: не оусхочеть (1349 г. 22 и 24 строки), маеть (1432 г., В. А. 4), будеть [1492 г. (Арх. С. III, 1)]; Четья 1489 г.: хочеть (3); Лит. Лет.: живеть (3 Вил.), во^{3}меть (65б Крас.); Лет. Авр. XV в.: изъгчѣ̂ть (348), попх^{я}еть (389); Статут 1588 г.: маеть (2), ихъ ѡзметь (186), будеть (30); Бел. Арх. I: маеть (1548); Тайна Тайных XVI в.: непозсаг'неть (13), боудѣ̂ть (16б), ѡкрыѣ̂ть (1б), востанетѣ̂ (86б), з'боужаѣ̂ть (43), идеть (72), ѡмлеѣ̂ть (53б); Катихиз. 1562 г.: кажеть (говорит) (26), словеть (106б), принашаѣ̂ть (163б), вѣ̂даѣ̂ть (3б посвящ.); Катихиз. 1585 г.: достигнѣ̂ть (2); Ев. Тяпин. 1580 г.: можеть (26б), сѧдеть (27), йдеть (ib.), пъѣ̂ть (45б), будеть (ib.), речеть (44), *розотнеть єго* наполъ (35); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: сиѧєть (86б), полкнеть (55б), *повънеть* день (начнется день) (83б), загладѹ̆єть, перескакѹ̆єть (83б); стѹ̆лаєть (102), ѡжестаєть (108); Псалт. XVI в.: г^{с}ь спытѹ̆єть (14б), кленеть (133), вызнаваѣ̂ть (92), сотреть (129); Сб. XVI в. Кунц.: подобаеть (1); из живой речи: Шейн Б. П.: бу́дзиць (№ 31 Велиж.) (Сураж.), игра́иць (№ 234 ib.), ка́жиць (№ 46 Могил.), пи́шиць (№ 399 Бых.), гре́иць (№ 142 Диснен.),

се́иць (ib.); Шейн Мат. I. ч. II: льгнець (льнет) (107 № 101); Кар.: кличець (60 Трок); Ром.: отвещаець (III, 254 Черик.; IV, 19 Горецк.): хочець (III, 292 Орш.), приказываець (ib. 120 Клим.); Демб.: идзець (20. 527 Мстисл.); Ляцк.: бярэ́ць (5 Посл. Борис.); (Мат. Б.: даець, станіць (№ 6 Диснен.); несе́ць [ib. №№ 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 16 Бых., 15 Игум., 18 Витебск. (нисець), 27 Лепп., 26 и 28 Себеж., 31 Вилейск. (и *нясе́*), 32 Орш.], бяре́ць [ib. №№ 15 Игум., 31 Вилейск. (и *бяре́*)], гука́иць (№ 11 Новоалекс.), «несе́ть, дае́ть, береть ... слышал в Виленск. губ., Вилейск. у. в м. Молодечне и окрестностях» (№ 29). В подобных же случаях в старинных памятниках часто рядом с вышеприведенными формами, а в живых говорах больше на юго-западе, хотя изредка и в других местностях, окончание *-ть- -ц'* у основ на *-е* и *-је* может и отсутствовать: гр. 1495 г. (Арх. С. I, 4): не мае; Четья 1489 г.: кость погибае (31), не имае (32); Сб. XVI в. Позн.: може (93) иде, хоче, кличе (96); кажэ (212), прагне (185); Сб. XVI в. Крас.: сѧ имъ *стане* (230); Катихиз. 1585 г.: и҃то҃гае (2), не *дае* ѡвощ҃ (6б ib.), Павель свѣтый тако *выми҃чаѧ* (9б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: *возможе* тѧ избавити (120б); Псалт. XVI в.: загыне (7, 13), пр҃ркѫ́є (7, 77), оу҃войде (16б, 42б), г҃ь маѣ́ (14б), маѣ° (129б), не възме (16б), менѫ́ѣ́ (31б), *жаже* дша (43б); Сб. XVI в. Кунц.: хто *хоче* (68); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: бѫ́де (11), може (13, 258), по котори҂ *возме* фараѡ го҃ло твое (36), ѫ́мре (39б), ворочае (15), ѡ*мые* шаты (89); Псалт. XVII в.: покаже (81б), ѫ́*стане* сила мсѧ (48б), не *приста́не* ку мнѣ́ се҃це зло҃ли́вое (103б), *буде* насычона земля (108б); Цецер. 1787 г.: liza (чит. *лижа*); из живой речи: Шейн Б. П.: бу́дзе (№№ 414 Борис., 147 Бобр.), цече́ (ib.), здзе́лае (ib.), кладзе́ (ib.), расце́ (ib. 148), быва́е (№ 414 Борис.), пуща́е (ib.), ля́же (ib. № 430) и т. д.; Шейн Мат. I: идзе, вядзе (№ 87 Речицк.); поле, рве (№ 228 Борис.); Бесс. Б. П.: шле (№ 6), иде (№ 145); Дмитр. П. и Ск. Вильн.: здыйма́е (50 Диснен.); Ром.: оре (III, 387 Гомельск.), пяѣ (ib. 17), выигравая (ib. 262), бъе (IV, 80 Бых.); Ляцк. Посл.: баба *меля* языком (3 Борис.), прэ (14 ib.), миня́я (21 ib.), гуля́я (56 ib.), Розенф.: ня пье (8 Вилейск.); Мат. Б.: бяре́ (№ 13 Свенц.), идзе́ (№ 21 Слуцк.), дае́ (№№ 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 10 Мозыр., 13 Свенц., 17 и 30 Речицк., 25 Новогр.), нясе́ (ib.), адзяе́, жарэ́, грабе́ (№ 8 Игум.); злуе́ (7 Минск.); Малев.: грабе́, ця́гня (18 Слуцк.); бушуя°, воран *грача*, плача (26 ib.); ѫ́лятая° (96 ib.); Федер.: parniè (I, 34 Суховоля); Клих: ẓ́ɛ̣ɪ̣é, čče, ć́áhń́e и т. д. (279 Новогр.).

Хотя формы 3-го лица единственного числа настоящего времени без личного скончания приходится, как диалектную особенность, предположить и для основного славянского языка, так как они известны уже древнейшим памятникам славянских языков (ср. ст.-слав. в Супр. р. **лнкоуѥ**, **ослоушаѥ**, **праздьноуѥ**, **повѣдоуѥ**, **оуоудѣѥ** и т. д., др.-русск. в Остр. Ев. **напнше**, в Минее 1095 г. **обраіцѥ** и др.), однако для известных говоров белорусского языка это отпадение *-ть — -ц'* следует

признать явлением не исконным, а развившимся постепенно и до сих пор не закончившимся. В подтверждение такого заключения можно сослаться на следующие обстоятельства:

1) в глаголах возвратных и страдательных, относящихся к тем же основам, образованных с *с'а* (= сѧ), личное окончание никогда не выпадает: воз'леѐтсѧ (55б Тайна Тайных XVI в.), з'беретсѧ (33б ib.), вер'неца (73 ib.) (со слитием *тс* в *ц*), печетъсѧ (34б Катихиз. 1562 г.), роздѣл'ѧетсѧ (1б Катихиз. 1585 г.), ненадеваетьсе (35 Ев. Тяпин. 1580 г.), роз'милꙋѐтца (8 ib.), зовѣ̑сѧ (1б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), осмотреѥтца (85 ib.), съховаетсѧ (71 ib.), згатꙋется (27б Псалт. XVI в.), не влекнетсѧ (ib.), клопо̑тесѧ (40б — 41 ib.), роспола̑ѥсѧ (50б ib.), кленетсѧ (61б ib.), стаетсѧ (= становится) (206 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), не зобьѣ̑сѧ (2 Псалт. XVII в.), ꙋподобаетсѧ (2 ib.), не навѐрнет'сѧ (Ев. 1616 г. $\overrightarrow{\theta}$ б), ста́рает'сѧ (ib. $\overrightarrow{\text{г}}$ і б), н'ас'е́ца, пыта́ецца, lі́ecsa dóíẓecse, ẓéńecca (Клих 279 Новогр.);

2) глаголы с основами на *-і* и на согласные во всех старинных памятниках и живых белорусских говорах обыкновенно удерживают личное окончание: мыслить (33б Четья 1489 г.), дасть (187 Сб. XVI в. Позн.), залежить (30 Статут 1588 г.), се^{ци}ть (71 Тайна Тайных XVI в.). дръжить (59б, 60 ib.), оуз'варить (46б ib.), ска^{р}бить (41 Псалт. XVI в.), родить (2б Ев. Тяпин. 1580 г.), непротивитца (7 ib.), сꙋдитца (ib.), гꙋчить (102б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), ганить (98б ib.), чини (6б Псалт. XVII в.), задущиць (Ром. V, 25 Клим.), дзяржиць (ib. IV, 20 Орш.), гавóрыць (ib. III, 36 Сенн.), звяниць (Демб. 18, 540 Чаусск.), рóбиць [Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 и 12 Слуцк., 6 Диснен., 7 и 23 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 13 Свенц., 11 и 14 Новоалекс., 16 Бых., 17 и 30 Речицк., 18 Витебск., 25 Новогр., 27 Лепп. (-ть), 28 Себеж., 31 Вилейск., 32 Орш.], галóсиць (ib. № 11 Новоалекс.), хóдзиць, гóниць, сядзúць, глядзúць (ib. № 8 Игум.); спиць, ляжы́ць (ib. №№ 5 Слуцк., 10 Мозыр., 13 Свенц., 16 Бых., 25 Новогр.); гавóрить (ib. 26 Себеж.), сядьзиць (Малев. 34 Слуцк.), лóвиць, бяжы́ць, гавóрыць, маўчы́ць (ib. 18); stajíć hläźí́ć, krуčýė, nósić (Клих 279 Новогр.), ѣ̑сть (68 Сб. XV в. Публ. б. № 391), есть (64 Крас.; 48 Гродн. Акт. кн. XVI в.; 9б, 12 Псалт. XVII в.), ѥ̑ (39б Тайна Тайных XVI в.), нѣ (16 ib.), ѣ̑с'ть (45б Ев. Тяпин. 1580 г.), нихто не *ѣ́сть* который (58 ib.), єсть (7б Псалт. XVI в.), то ѐ (105б ib.), ꙗ^{м} есть котори' есть (45б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), есць (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 24 Новогр.; Шейн Мат. I № 307 Слуцк.; Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 10 Мозыр., 16 Бых., 8 Игум., 23 Минск.), ёсць [Шейн Б. П. № 142 Диснен.; Дыб. 564 Посл.; Ром. III, 125 Клим.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых. (ёсть), 32 Орш.]; дасць (26 Псалт. XVI в. 249 Позн.), дасць (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 169 Новогр.), адда́сць (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 11 Новоалекс., 17 Речицк., 28 Себеж.), оу ѣ̑сть (укусить) (4б Сб. XV в. Публ. б. № 391), есць (Розенф. 8 Вилейск.; Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 Минск.,

11 Новоалекс., 17 Речицк.) и т. д.; впрочем, у основ на согласные часто наблюдается упрощение окончания *с'ц'* в *с'*, о чем речь после.

3) Нельзя сказать, чтобы и у основ на *-е* и *-је* в юго-западных говорах невозможны были образования с личным окончанием: они тоже изредка встречаются, как отчасти можно было видеть из приведенных выше примеров. Уже давно обратил внимание на это обстоятельство Чечот (Piosnki wieśniacze, 1846, XV в.), говоря об употреблении в 3-м лице skaczeć, płaczeć и skacze, płacze и не допуская отпадения *ц'* лишь в тех говорах (наддвинских), которые знают на месте *е* безударного звук *і* (mówiąc *zlitaić* nie mogą już powiedzieć *z'itai*). Изредка отмечает это окончание и Клих (279): búźeć, хочеć, taukeć.

4) Наконец, на исконность *-ть — -ц'* у всех основ указывает присутствие этого окончания в тех случаях, когда для выражения мгновенного однократного действия употребляются отглагольные междометия, как: dzygièć (Федер. I, 24 Свислочь), bachièć (ib. II, 189 Рось), hrymòć (ib.), szpurlèć (ib. II, 226 Шидловцы), chapièć (ib. III, 69) и т. д. (ср. стр. 62—63). Все эти образования распространены именно в тех местностях, в которых у глаголов систематически отбрасывается личное окончание [kaźä (Федер. I, 4 Слоним.), pieczè (ib. 15 Волков.), rubaje, pryjeźdźaje (ib. 116), budzie (ib. 340 Сокольск.) harè jèdzie (ib. II, 243 Слоним.), niäsiè, pytaja (ib. III, 22 Гродн.), idziè (ib. III, 283 Новогр.), maja (ib. III, 86 Лидск.), trèśnia (ib. 87). siarbianiè (ib.)].

Уже в старославянском языке известен был переход *ъ* в *і*, если ему приходилось стоять перед *j*, между прочим и в окончаниях глагольных форм; особенно сказывалась эта черта в памятниках древнерусского языка, появившихся в южных областях, в которых вследствие этого нередкость встретить *-ти* на месте ожидаемого *-ть* (ведети и, ведути и). Черта эта уже лет тридцать тому назад обратила на себя внимание исследователей древнерусского языка (ср. Ягич, Критич. зам., 10, 11, 13, 14, 26); при дальнейшем рассмотрении ее удалось открыть нечто подобное и в живых русских говорах и, между прочим, в некоторых говорах белорусского языка, в которых спорадически попадается в 3-м лице (ед. и мн. ч.) *-ти (-ц'и)*, хотя и не в положении перед *j* (ср. заметку А. И. Соболевского в РФВ, LXIV, 162—163). Нами подобные случаи были отмечены еще в 1893 г. (К истории звуков, 300), хотя и не были объяснены. В старых западнорусских памятниках это окончание встречается очень редко: *възхочети* и казнити (Дог. XIII в., ср. РФВ, XV, 9), хотѧ писмо *говорити* [99б Сб. XVI в. Син. б. № 558 (331)], такъ *говорити* [436б Сб. XV в. Син. б. № 367 (203)]; из живых говоров: бедная сястра у госци *едзеци* (Ром. I—II, 387 Сенн.), да што· ето ўсё за месячко, ночьчи *светити*, а днем не? ... да што ж ето ўсё за милый друг, — летом *ходити*, зимой не? (ib. 103 Гомельск.); у Ахрема голова загорелася была — *горити*, *горити* [в рифму: тушити, тушити (ib. 180 Белица)]; *бягити* вовк (ib. III, 34 Гомельск.), *стоити* чаловек (ib. 428), тая кажа, коли етой скрыночки не *отдасци*, — кончена наша жисць, не попадзём

и домов! (Ром. III, 175 Рогач.). Как можно видеть из приведенных примеров, современное окончание *-ти* не обусловлено присутствием за ним *j*; возможно, что в некоторых из приведенных примеров, по неясным для меня синтаксическим причинам, и не 3-е лицо, а неопределенное.

Под влиянием русской литературной речи в одних случаях, живого северноукраинского произношения в других, вследствие заимствования отдельных слов из польских оригиналов и живой речи в третьих — иногда в старинных западнорусских произведениях встречаем в 3-м лице единственного числа окончание *-тъ*: *маетъ* отповедити (гр. 1432 г., СВ. 5), мовитъ (7 Вил.), будетъ (346 Статут 1588 г.), ѡписуеть (ib.), тривaетъ (103 Псалт. XVII в.), ѡбѐтаéтъ (119 ib.); обычны такие окончания в Ев. 1616 г.: вóзметъ (нѳ̀ б), грóзитъ (г̀), держи́тъ (л̀а б), крáдетъ (2 зг), налéжитъ (2 сое б), ѡвéрнетъ (кг̀), ѡпо́ститъ (ла̀), постáвитъ (к̀), при́пристоитъ (ѐѕ б), распорошо́етъ (ѕ̀ѕ б), терпи́тъ (2сг б) и т. д. Из живых говоров *т* твердое, рядом с отсутствием личного суффикса, известно, например, в говоре м. Шерешова Пружан. у.: робит, ходзит, спит, говóрыт, лежы́т при несé, даé и т. д. (Мат. М. № 9). Трудно сказать, как смотреть на *т*, не имеющее после себя *ъ*, поставленное под титлом и вообще вынесенное под строку в таких примерах, как: п'рочтиѣ̀ (16б Тайна Тайных XVI в.), рас'мотраѣ̀ (13 ib.), ждет' (208 Катихиз. 1562 г.), ведаѣ̀ (7 Псалт. XVI в.), впоминаѣ̀ (8б ib.), наведѝ (25б ib.), вказóѣ̀ (27 ib.), оу̀посѣ̀ (49б ib.), высхнѣ̀ (92 ib.), не вчинѝли (77б ib.), ѵмрѐ (39б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), стихаѐ (5б Псалт. XVII в.), бры́дит' (Ев. 1616 г. л̀ б), нагóродѝ (ib. 2ткв б), оповѣ̀дáет' (ib. кг̀) и т. д. Вероятно, в большинстве подобных случаев следует видеть *т* твердое, как и тогда, когда оно стоит перед *-с'а* (см. стр. 257); впрочем, в старинных произведениях, да и в некоторых современных говорах перед *-с'а* — *-сѧ* находим и *т* мягкое: ненадеваетьсе (35 Ев. Тяпин. 1580 г.), бои́цься (Мат. Б. № 19 Гродн.) siedawicsie (Федер. I, 126 Шидловцы), kładawićsie jцon (ib. 169 Лысков). Как очень распространенный полонизм, отметим *есть* (jest): естъ (9 Статут 1588 г., 1 предисл. Катихиз. 1562 г., 5б Сб. XVI в. Кунц.), ѣ̀тъ (2 Катихиз. 1585 г.) и др., jäcт (Дыб. 301—305 Посл.), заходящий иногда и в другие лица для передачи польского jestem, jesteś, jesteśmy, jesteście: ѣ естъ (19, 152 Сб. XVI в. Позн.) (Archiv, IX, 370), не естъ ѣ (98 ib.), ты єстъ (121 ib.), хто єстъ ты (141 ib.), што єстъ тобѣ̀ тыє паніє (109 ib.), сестры ми естъ (104 ib.), ижъ естъ велми добрыє рыцэры (21 ib.), велми *естъ* раненъ *єсми* (22 ib.), естъ есте (204 ib.).

В заключение относительно разных окончаний 3-го лица сделаем еще несколько отдельных замечаний.

а) Глаголы с основами на согласный после *с* иногда теряют *-т'* — *-ц'*: ёсь (Шейн Б. П. № 140 Витебск.; Ром. III, 36 Сенн., 13 Рогач.; ib. VI, 296 Орш.; Мат. Б. №№ 6 Диснен., 8 Игум., 18 и 33 Витебск.,

32 Орш.); дась (Шейн Б. П. № 562 Лепп.; Ром. I—II, 257 Рогач.), отдась (ib. III, 187 Бых.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 13 Свенц., 27 Лепп., 30 Речицк., 31 Вилейск.), есь (= ѣсь) (Шейн Б. П. № 722 Городок.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 13 Свенц., 27 Лепп., 30 Речицк., 31 Вилейск.); в 3-м лице в сокращенной форме встречаются остатки и от глагола *вѣмь*: вись [Весною лес одзеницца, а восенню ни *вись* дзе подзеницца (Зап. I, 269); ишло, верцелося, да ни *вись* куды подзелося (ib. 320)], звесь (Ром. I—II, 258 Рогач.). Форма *есь* может подвергаться и дальнейшему упрощению в *е*, в каковом виде мы встречаем ее и в старинных произведениях: а то ѥ белъка наша [гр. XIV в. (Сбб. 43а)], є оуставши (174 Четья 1489 г.); сюда относится и *нѣтъ* (из *не+је+тоу*) в следующем месте из Ев. Тяпин. 1580 г.: ничого нетъ (ничесожѣ ѐсть) (52б); в живой речи: е (Ром. III, 91 Рогач., Мат. Б. № 5 Слуцк.), ja *je śmièrć* (Федер. I, 148 Дворец), ё [Шейн Мат. I № 92 Речицк.; Ром. IV, 67 Горецк.; ib. VI, 9 Гомельск. (ё ў яго сямикрылная лошадь), ib. 14 (який быв, такий и ё); Дембб. 161. 564 Сенн.; Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых., 32 Орш. Отч. 25 Гомельск.]; в говорах, знающих закрытое *о*, имеем *ю* (Ром. III, 322 Рогач.). Тот же самый глагол *есмь* имеет и очень распространенную форму 3-го лица единственного числа *јóсц'äкя*, распадающуюся на суффикс *-ка* (стр. 68) и *есте*, известное и из сербского языка (јѐсте), и из севернорусских говоров (Колосов, Обзор, 5), где конечное *е* во всяком случае, вопреки мнению Колосова (Заметки о языке 26), не из ъ; примеры: ёстека (Ром. I—II, 37 Перер.), юсцека [ib. III, 323 Рогач.), ёсцека [Мат. Б. №№ 7 Минск., 8 Игум., 11 Новоалекс. (ёсцика), 18 Витебск., 23 Минск.; Отч. 25 Гомельск.], éсьцяка (Малев. 173 Слуцк.). Любопытно сопоставить с рассмотренным образованием *авóсьцека* (Сл. Нос. 2), где окончания, вероятно, одинакового происхождения.

б) Звук *о* с предыдущей мягкостью согласного (*ё*) в 3-м лице перед личным окончанием в белорусском языке (кроме форм *ё*, *ёсь*, *ёсць*) не известен, поэтому странно встречать *даё*, *берё* подчеркнутыми в ответах (№№ 16 Бых., 25 Новогр.) на белорусские программы.

в) Глаголы с основами на *-і-* в 3-м лице обыкновенно всегда имеют личное окончание; лишь под влиянием польского языка оно иногда отсутствует: пристои (121 Сб. XVI в. Позн.), *мѫси* сѧ зд'разити (127 Сб. XVI в. Крас.), преточи (10 Гродн. Акт. кн. XVI в.), ссу́ши (Зап. V, 163), ходи (Ром. I—II, 247 Перер.), reh6́cy, хоcy (Клих 103 Щорсы Новогр. у.). По аналогии, однако, преобладающего большинства глаголов с 3-м лицом на *-е*, последнее в некоторых (немногих) говорах заходит и в глаголы на *-і-*: кóсе, голóсе, хóдзе (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 196 Игум.); я сам слышал от игуменцев такие фразы, как: самовар к'и́п'е, јон ку́п'е; из других местностей: дóбре (= дарит) в рифму с *дóля* (Зап. V, 212), змóче (ib. 163), гавóбре (Дыб. 202, 203 Посл. Новогр.), клоня, ломя (Ром. I—II, 17 Гомельск.); приходзя (ib. III, 198 Бых.), ўтеша, бача (ib. VI, 82); заплаця (ib.

IV, 120), гавора (ib. VI, 7 Гомельск.; Демб. 34, 543 Горецк.), нося (ib. 303. 579 Могил.), нарóдзя (Ляцк. Посл. 4 Борис.), гавóра (ib. 17), мýся, прбся (ib 56); мýся (Вит. К. С.), брат *ходзя* (Розенф. 10 Вилейск.), ци *любя* ён кого (ib. 75 Минск.), хóдя, вúдя, рóбя (Мат. Б. № 9 Бых., 31 Вилейск.); кýра (ib. № 29) со ссылкой на Молодечно Вилейск. у. Как будто на такое употребление указывает и *свѣтча* (30 Сб. XV в. Публ. б. № 391) (при польск. świedczy).

Множественное число

1-е лицо, как древнейшее окончание, восходящее к основному славянскому, знает *-м* (= *мъ*); но кроме этого окончания, в старинных произведениях и в некоторых современных живых говорах (особенно южных) известно еще *-мо* (заходящее в повелительнсе наклонение), развившееся в белорусском вместе с украинским языком и отчасти другими славянскими языками (югославянскими); в старинных произведениях изредка попадается еще *-ме*, нередкое в новгородских и псковских древних памятниках (Ссбол., Лекции[4], 161); наконец, под влиянием личного местоимения *мы* в старинных произведениях, в позднейших не без влияния польского языка, иногда попадается *-мы*. Подтвердим все сказанное примерами. *Мъ*: хочемъ (Торг. дог. ок. 1330 г.), приказуемъ (гр. 1440 г., СВ. 7), розсказуемъ [гр. 1497 г. (Арх. С, 3)], докончаемь (7 Вил.), маємъ (47 Сб. XVI в. Позн.), дакуємъ (65 ib.), дадимъ (71 ib.), маемъ (2 посвящ. Катихиз. 1562 г.), имаѥмъ (получаем) (50б ib.), молемъ (186 ib.), чинѥмъ (171б ib.), мовѣмъ (158б ib.), зовимъ (114 ib.), могоⁿ (89б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) — вторичное образование, без смягчения согласного и с заменой *-е-* на *-о*, как и в нижеследующих случаях из живых говоров: посякóм (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 196 Игум.), живом (Ром. III, 322 Рогач.), идом (ib. V, 100 Гомельск.), вывядом (ib. VI), мы *могом* уехать, сюды *прынясом* (ib. 19); вéрномся (ib. 252 Могил.); в Мат. Б.: живóм (№№ 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 10 Мозыр., 30 Рогач.), идóм (№№ 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 8 Игум., 17 и 30 Речицк.), пякóм (ib.), вядом (№№ 8 и 15 Игум.), нясóм, панясóм, зграббм, завядóм, пасядам (№ 8 Игум.); могом, éдом (№ 21 Слуцк.); нясóм, плывóм, таўкóм, грызóм, кладóм, рвом (Малев. 18 Слуцк.); идóм, вязóм, ирвóм, жнóм, пякóм, прягóм и т. д. (Раст. 114); знайдам (Сержп. Прымхі 5), живўбм (ib. 31) и т. д.; *-м* в живых белорусских говорах господствует: нанеém (Шейн Б. П. № 562 Лепп.), погуляим, попиваим (ib. № 275), дýмаям (Бесс. Б. П. № 8), купýем (Зап. I, 302), дадзúм (Зап. V, 218), поглéдим (Мат. Б. №№ 22 Минск.), нясéм, хвалúм (ib. №№ 5 Слуцк., 14 Новоалекс., 25 Новогр.). Гласный *е*, предшествующий *м*, как можно было видеть из приведенных примеров, будучи под ударением, не переходит в *о*; однако можно указать немало случаев и со звуком *ó*: пойдзём (Шейн Б. П. № 256 Витебск.), нясём (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), идзём (ib. № 11 Новоалекс.),

найдзём, бярóм (ib. № 31 Вилейск.), дадзём, зъядзём, ядзём (ib.); даже лица, над которыми в Новогрудском уезде производил свои наблюдения Клих, произносили *о*: ізóm, raścóm, umróm, zaprežóm, pańaśóm (279), traśóm (57) ćvićóm, hrab'óm, tróm, mńóm, ržóm (58—59).

Окончание *-мо* обыкновенно встречается у глаголов с основой на *-і-* и на согласный, но бывает (хотя и реже) и у других; чаще всего оно стоит под ударением: есмо (гр. 1409 г.; 1465 г. пол. н.; 1478 г.; 136 Сб. XVI в. Позн.; 65, 71 Статут 1588 г.; 2б посвящ. Катихиз. 1562 г.), доселя *есмо* были нєѡбижены (Сб. XVII в. Син. б. № 790, РФВ, XXIII, 279), *єсмо* (6, 30б Сб. XV в. Публ. б. № 391), єсмо сынове (124б Катихиз. 1562 г.), ѣсмо (77 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), єсмо (111 ib.), быхмо (6 Вил.), предамо ти (Супр. 12, 136 Сб. XVI в. Позн.), хочемо (100 ib.), зовемо (224 ib.), заплатимо (77 Гродн. Акт. кн. XVI в.), деклярyемо (Бел. Арх. I 1599), ознаймyемо и росказyемо (ib.), беремо [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.) Полоцк.], розберымо (ib.), седимо (Ц 198 Скор. XVI в.), молчимо, медлимо, неприведемо (Ц 103б ib.); идемо (Ч 26б ib.), говоримо (1 23б ib.), ходимо (А 80 ib.) и т. д. (Владим. 289), емо (едим) (235б Катихиз. 1562 г.), вѣмо (184 ib.), чуемо (177б ib.), просимо (5б предисл. ib.), бyдемо (2б Катихиз. 1585 г.), можемо (27 Ев. Тяпин. 1580 г.), идимо (38б ib.), поємо и въспоємо (Пс. 20 14 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), выдамо (132 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), зъемо (225 ib.), *мяемо* ли ехā (215 ib.), хочемо (188 ib.), просúмо (43, 252 ib.), боимося (161 ib.), грѣшимо (Ев. 1616 г. ѣі), дрижимó (ib. лз), замóлчимо (ib. и б), бдéржимо (2ркз б), ѿпyстимо, простимò (ib. ла), спѣшимо (ib. 2 нд б), оу'покоримò и оукáжемо (ib. и б), чтимò (ib. ꙁ б), ѿдамò, принесемò (ib. чи б), беремò (ib. 2 рѳа б) в'падемò (ib. ги), зовемò (ib. м) идемò (ib. ои), нáйдемоса (ib. 2 нд б), бживемò (ib. ib.), плывемѡ (ib. 2нд), пóмремо (ib. 2рни), розyмѣемо (ib. лз) и т. д.; из живой речи: *поéдома* до места Ильмова, *докyпимо* дорогóго сукна, надтóчимо твое сyконьки (Бесс. Б. П. № 117); паéдзимо (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 29 Новогр.), мы спяваемо (Шейн Мат. I, № 128 Слоним.), нóсимо, кладзéмо, идземо, вечéраемо (ib. 282); бяжимо (ib. I ч. II, 238 № 7), дамó (Мат. Б. №№ 8 Игум., 23 Минск., 25 Новогр.; Малев. 94 Слуцк.), damo (Федер. I, 12 Свислочь), подамó (Мат. Б. № 21 Слуцк.), емó (едим) (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 17 Речицк., 23 Минск., 25 Новогр.), jemo (Федер. I, 88 Дворец), damó, ịemó (Клих 279 Новогр.), спимó (Мат. Б. №№ 7 Минск., 21 Слуцк.), седзимó [ib. №№ 5 Слуцк., 17 Речицк. (седзúмо), 23 Минск., 25 Новогр.], глядзимó (ib. №№ 8 Игум., 23 Минск.), бежымó (ib. № 7 Минск.), купимó (ib. №№ 7 Минск., 16 Бых.), ся°дзимó, ля°жымó, гля°дзимó (Малев. 18 Слуцк.); pahledzimò (Федер. I, 160 Волков.), paịamó, dryžymó, p'ịemó, búźemo, хочemo, stáńemo, paláźimo и т. д. (Клих 279 Новогр.). Из рассмотрения приведенных примеров можно видеть, что окончание *-мо*, хотя бы и в меньшей мере, нежели в украинском языке, все же является характерной чертой белорусского

языка, преимущественно южных его говоров (ср. возражения Житецкого: Очерк литер. ист. мал. н., 132).

Примеры на *-мы*: есмы (гр. Г. 1264 г.), мы чинимы (гр. 1349 г.), слюбоуємы. и ѡбѣчюємъı (гр. 1388 г. 23), имамъı (гр. 1393 г.), хочемы (6 Сб. XV в. Публ. б. № 391), мы держимы (8б ib.), єсмы, по҃нимы (98б ib.), стоимы (56 Лет. Пер. Суздл. XV в.), пиемы (26 ib.), възвратимиса (чит. в — мыса?) (68б Крас.), не вѣмы (70 Сб. XVI в. Позн.), бысмы (72 ib.), поручамы (Бел. Арх. I 1593), молимыса (Б 87 Скор. XVI в.), читамы (41б Катихиз. 1562 г.), ви҃нисмы (= винни смы) (242б ib.), можѣмы (28 Ев. Тяпин. 1580 г.), ѣстос҃мы (єсмы) (48б ib.) (jesteśmy). Из живой речи подобные случаи нам не известны.

Также и окончание *-ме* изредка встречается, но только в старинных произведениях: есме (гр. И. 1265 г.; 1399 г., Л. 95; дог. 1405 г.), несме (49 Увар.), мы ѣсме (148б Лет. Авр. XV в., 211 ib.).

2-е лицо представляет отражение основного славянского *-тє*: есте (гр. 1409 г., Л. 138), не выдасте (148 Сб. XVI в. Позн.), не *хочете* робити (Бел. Арх. I 1577), *хочете* дати (37б Ев. Тяпин. 1580 г.), маѣте [42 (45) ib.], которие *естѐ* (едите) (хлѣб 149б Псалт. XVII в.), которие *стоитѐ* (154б ib.), ѡкрестите́са (Ев. 1616 г. о҃и) кгды по́стите (ib. к҃и б) и т. д. В современной белорусской речи тоже *-т'е— -ц'е* часто с оттяжкой ударения на личное окончание; причем *-е* или остается без перемены, или переходит в *-о*: в случае безударности конечного гласного *е-* может переходить в *-а*; в некоторых говорах, по аналогии ударяемых случаев, может быть на конце *-о* и без ударения. Примеры: ядзице́ (Дмитр. П. и Ск. Вильн. № 147 Новогр.), идете́, ведете́ (Ром. I—II, 343 № 10 Гомельск.); идзяце́, спице́, боице́ся [Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 10 Мозыр., 17 Речицк., 18 Витебск. (и стыице́), 23 Минск.]; везетѐ (ib. № 22 Минск.), купице́ (ib. № 23 Минск.), ня҆рвяце́, ўъяце́ (Малев. 31 Слуцк.), идзяце́, бя҆раце́, гля҆дзице́, ясьце́, ня҆сяце́ (ib. 18); raśćeć́é, kryčyć́é, staj̣ićé daśćé, ieśćé (Клих 279 Новогр.); спицё (Ром. IV, 134 Могил.); стоицё (Шейн Мат. I. № 213 Лепп.), не боицёся (ib. 617 Игум.), вы спицё (Розенф. 60 Минск.) идзицё, спицё, стаицё, бяцё, язцё, пъицё, жывицё, нисицё и т. д. [Мат. Б., в разных местах, напр. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 8 и 15 Игум., 9 Бых. (-тє), 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 26 и 28 Себеж., 31 Вилейск.]; памрыцё, засьмяицёся, парвицё (ib.); b̥ieć́óso, paj̣aśćó (Клих 279 Новогр.), zaŕób'ić́o p'iłnúj̣eć́o (ib.); интересно *аддасцёце* (Отч. 27 Речицк.) — с удвоением личного суффикса. Примеры безударного окончания: вы́дасця (Шейн Б. П. № 377 Лепп.), нясѝця, жни́ця (Мат. Б. № 6 Диснен.): пиши́тя (ib. № 26 Себеж.), хо́дзице, купице (ib. № 11 Новоалекс.); хо̀дзиця, пла̀чиця (ib. № 31 Вилейск.).

3-е лицо представляет основную русскую форму на *-ть* с предшествующим ему гласным ѣ или а, смотря по основам, откуда в старинных западнорусских произведениях *-уть — -ать*, в современ-

ных белорусских говорах *-уц'* — *-ац'*. Достоверных случаев с отсутствием *-ть* — *-ц'* мне не известно. Кое-где в южных могилевских говорах встречается *-т'и* — *-ц'и*, как и в 3-м лице единственного числа. В старинных памятниках под влиянием тогдашнего русского литературного языка иногда встречается и *т* твердое (*тъ*); под влиянием северноукраинских говоров та же твердость *т* иногда бывает и в южных, переходных к украинским, белорусских говорах. Ввиду того, что конечный гласный основы *е*, будучи безударным, в некоторых говорах может переходить в *і*, является возможность смешения основ на *-е* и на *-і-*, вследствие чего и в 3-м лице множественного числа на месте ожидаемого *-ац'* имеем нередко *-уц'* с предыдущей мягкостью согласного; но вообще в белорусском языке смешение в 3-м лице множественного числа окончаний разных спряжений наблюдается реже, нежели в русском языке. Подтвердим все сказанное примерами: живуть (гр. 1432 г. СВ. 4), ночюють [гр. 1492 г. (Арх. С. III, 2)], беруть (28 Четья 1489 г.), будуть (30 Привил. Каз. 1457 г.), соу (52 Сб. XV в. Публ. б № 391), честоують (96 ib.), грають (66 Крас.), называють (68б ib.), выидуть (395 Лет. Авр. XV в.), починаються (1 Гродн. Акт. кн. XVI в.), мають (Бел. Арх. I 1548); ныю̀ть (28 Тайна Тайных XVI в.), вазоую̀ть (30б ib.), соделова̀ють (64 ib.), знають (2 посвящ. Катихиз. 1562 г.), ѣтекають (34 Ев. Тяпин. 1580 г.), рекуть (ib.), пану̀ють (27 ib.), ѝдуть (31б ib.), могуть (45б ib.), доконають (32 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), крыють (98 ib.), бѣ̀дуть (31 Псалт. XVI в.), ѡзмѣ̀ть (37б ib.), зарадѣю̀т҃ь (52 ib.), вольють (89 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); пеюць (Шейн Б. П. № 211 Лепп.; Зап. V, 76), ждуць (ib. 217), споровающь (Ром. IV, 219 Черик.), даюць (Сл. Нос. 402), нясу́ць [Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 9 Бых. (ть), 14 Новоалекс., 18 Витебск., 23 Минск., 27 Лепп., 31 Вилейск.], бре́шуць, сохнуць, плююць, мелюць и т. д. (ib.); клянуць, шыюць (ib. № 7 Минск.); беруць (ib. № 10 Мозыр.), саўъюць (Малев. 59 Слуцк.), маўчю́ць (Сержп. 120 Слуцк.), кажуць, пяку́ць (ib. 18); v̀adúć, tkuć, h'ibluć, zdumá̀juć (Клих 279 Новогр.); оузрять (гр. 1432 г., СВ. 4), седять [гр. 1492 г. (Арх. С. III, 2)], слышать (110 Четья 1489 г.), увидять (59 Привил. Каз. 1457 г.), оступять (3 Вил.), стоя́ть а̀бо ходѧ̀ (12 Сб. XVI в. Крас.), ѣз'дѧть (9 Тайна Тайных XVI в.), неробѧть (90 Катихиз. 1562 г.), вѣсѧть (31б Ев. Тяпин. 1580 г.), де҆ржать (20 Псалт. XVII в.); гледзя́ць (Шейн Б. П № 233), хоця́ць (ib. № 469 Бобр.), хва́ляць (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 23 Минск.), стаяць, гамо́няць (ib. № 7 Минск.); пищаць, гавбраць, гу́бяць (ib. № 10 Мозыр.); стаяць (Малев. 27 Слуцк.), ло́вяць, пища́ць (ib. 18); kalosa tarachaciàć (Федер. I, 152), śpać, hleźáć, dryžáć (Клих 279 Новогр.) и т. д. Вместо *-ать* — *-ац'* имеем *-уть* — *-уц'*: приходють (1501 г. Недеш.), то́пюць, но́сюць (Шейн Б. П. № 131 Лепп.), говбруць (ib. № 194), про́сюць (ib. № 198, 65 Бых.), подо́юць (ib. № 211 Лепп.), дзе́люць (ib. № 242 Витебск.) ра̀дю̀ть (Бесс. Б. П. № 5), хо́дзюць

(Зап. V, 82), невóлюць (ib. 76), звóдзюць (ib. 83), лю́бюць (ib. 104), застáвюць (ib. 197), стáлюць (Зап. I, 266), кóрмюць (ib. 271), выставюць (Ром. IV, 216 Клим.), ви́дзюць (ib. III, 245 Сенн.), хвáлюць, говóруць [Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых., (-ть), 14 Новоалекс., 18 Витебск., 27 Лепп., 31 Вилейск.], бéлюць, дзéлюць, езьдзюць, вóдзюць и т. д. (ib.). Окончание *-уть* — *-уць* принимает также глагол *хочуть* — *хóчуц'*: похочуть [гр. 1480 г. (Арх. С. VII, 7)], хóчуць (Шейн Б. П. № 443 Лепп.; Зап. V, 172), *-ац'* в нем редко. Утратили старинное окончание и глаголы с ссновой на согласные: ядýць (Шейн Б. П. № 176 Лепп.), едýць (ib. № 686 Борис., ср. Розенф. 8 Вилейск., Малев. 156 Слуцк.), jedùć (Федер. I, 225 Шидловцы; ib. II, 178 Свислочь), dadúć ja̧dúć (Клих 279 Новогр.). Гораздо реже по аналогии глаголов с основами на *-i-* принимают его окончание и глаголы других типов: кажаць, узнаяць, почитаять (Ром. I—II, 127 Гомельск.), гулять (ib. III, 262), яны у компаты *ускакуять* (ib. VI, 205 Гомельск.), потóпчаць, рабóтаяць, торгýяць, читáяць (Мат. Б. № 16 Бых.).

Непонятны нам случаи 3-го лица множественного числа на *-а*, без *-т'* — *-ц'*: сястронки *накладая*, дзявочки ... *прыспевая*, ветры ... *расплятая*, суседзи ... *накладая* (Кар. 61 Трок.). Этот пример подтвержден также в ответе на белорусскую программу № 23 Минск., а в ответе № 13 Свенц. сделано замечание: «3 л. мн. ч. бывает без окончания *-ць*, но редко: дзяўчонки прыспевая». При рассмотрении этих примеров небезинтересно обратить внимание на то обстоятельство, что все приведенные формы оканчиваются на *-ая*, а не *-аю*, чего следовало бы ожидать, если бы это было 3-е лицо множественного числа. Не причастия ли употреблены здесь по каким-либо неясным синтаксическим соображениям?

Как и в 3-м лице единственного числа, и здесь кое-где встречаем *-т'и* — *-ц'и*, объясняемое так же, как и там (все примеры из «Белорусского сборника» Романова, притом больше из речи песенной):

Што по мне то, по мне, широкой дорози, *йдути* и едуть (I—II, 80 Гомельск. у.);

Што пусть ня *'жидаяти* (отец с матерью) ето летечко мене домой.

Ой, пусть *ожидаяти* после беленькой зимы ... (ib. 90);

... сидять девки во кружках,

Миж собой речи *говорати*, любить Ванюшку хотять (ib. 117);

Во так игрушку *садяти*, во так поливаять ... (ib. 184);

Як оцец и маци до школы *пойдуци* (ib. 199);

А подружки *говорати*, мене глупою зовуть (ib. 213);

Й а чужия жонки *йдути*, обедати *несути*,

А моѐ шельмы не чути (ib. 230 Сенн. у.);

... уси хлощы *бегути* (ib. 236);

Примеры из сказок: як *будути* лезть собаки у хату (Ром. III, 61 Гомельск.), яны поўзлажавали жалудьдя есть да й *пяюти* там (ib.

VI, 325 Рогач.), зъехалися уместо ўси и *гуворати* Ворону (ib. 209 Гомельск. у.) Относительно подобных случаев сделано следующее замечание в ответе № 3 Могил. губ. на белорусскую программу: «В 3-м лице мн. ч. *-ть* часто протягивается в *-ти* в конце речи в южных говорах». Как видно из приведенных примеров, конец речи здесь не при чем. Из старинных западнорусских памятников для объяснения рассматриваемого окончания, может быть, имеет некоторое значение следующий пример: безаконїй агарѧне *побѣжити* неготовыми дорогами (134 Лет. Авр. XV в.), хотя здесь как будто неопределенное.

В заключение приведем еще примеры на окончание с *-т* твердым: хочютъ (гр. 1407 г., Л. 130), *могут* быти (гр. 1432 г., СВ. 5), будутъ (2 Статут 1588 г.), хочут (Бел. Арх. I 1593), сутъ (77 ib.), потерáютъ (86 Катихиз. 1562 г.), именýютъ (5 Катихиз. 1585 г.), вы сутъ (60 Псалт. XVII в.), хочутъ (ib. 102), знаютъ (149 ib.), могоўтъ (Ев. 1616 г. 2ч б), пѫкóпюютъ (ib. ки б), терпѧтъ (ib. вi), чи́нятъ (ib. 2 ла) и т. д. Трудно решить, как смотреть на те случаи, где *т* вынесено над строку, или стоит перед *-ся*: 63б Тайна Тайных XVI в.: наричют'ся; Псалт. XVI в.: наврота (10б), грешна (34б), не зачепа ся (38б), повча ся (ib.), в'смѣю ся (53), навѣрнýтс (73), нозры маю (115б); Библ. кн. XVII в., Толст. № 158: *хýчуся* гдý посвяти (81б), *зашума* ѡбѣ ýши (142б); Псалт. XVII в.: хоты (4), ввод'ý (23б), плóды (97), верещa (127); Ев. 1616 г.: грѣша (л б) и т. д. Возможно объяснять фонетическим путем *-ять* в следующих примерах: сами се падаю оў порадý которýю *мыслять* (13 Псалт. XVI в.), злостници *ходя* (15 ib.).

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

От основы настоящего времени образуется и повелительное наклонение, по своему образованию сходное с основным индоевропейским желательным. Основной славянский суффикс этого наклонения был *-ѧ-* из *-oi-*, сохранявшийся у глаголов типа *нести — двигнжти* во множественном и двойственном числах без изменения, а в единственном числе заменившийся посредством *-i-*; у глаголов других типов *-ѧ-* после *j* и смягченных согласных переходил во всех формах в *-i-*; некоторым глаголам с основами на согласные свойственно было повелительное желательное особого образования. Основной русский язык унаследовал повелительное с особенностями основ всех указанных видов, но в них рано произошло расстройство вследствие стремления языка провести огласовку основы единственного числа в двойственном и во множественном числах и вообще подравнять основы повелительного у всех глаголов, сообщив им в окончании гласный *i*. В тех случаях, когда в единственном числе конечный гласный *i* по тем или другим причинам обращался в *ь* или совершенно исчезал, и во множественном числе основа принимала такой же вид, вследствие чего форма 2-го лица множественного числа отличалась от 2-го лица единственного

числа лишь прибавкой личного окончания *-те* (ср. Собол., Лекции[4], 250—255). В старом западнорусском языке и живых белорусских говорах повелительное сохранило много старинных особенностей. Так звук *-е-* из *-ѣ-* до сих пор известен во многих говорах и притом не только на своем старинном месте, но и у глаголов с основой настоящего на *-је-* и даже *-і-*. Кроме форм 2-го лица единственного и множественного чисел еще живет и 1-е лицо множественного числа, вытесненное 1-м лицом настоящего времени вида совершенного лишь в тех случаях, когда суффикс повелительного *-е-* из *-ѣ-* утратился. Что касается личных окончаний, то они имеются только в 1-м и 2-м лицах множественного числа и совершенно совпадают с такими же окончаниями настоящего времени. Рассмотрим формы повелительного подробнее.

Единственное число

2-е лицо представляет:

а) старинное *-и*: *поможи* бѣ̀же (78б Крас.), помози (130, 144 Сб. XVI в. Позн.), верни (132 ib.), ѡзми (124 ib.), поможы (121, 130 ib.; 40 Статут 1588 г.), бии (Ц 173б Скор.), напииса (Б 42 ib.), не сокрии (С 23 ib.), излии (Пл 7 ib.), не дражни, не ѡ̀кини (Ср 9б ib.); бежи (С 47 ib.), запрежи (Ц 171б ib.), речи (р'цы) (4б, 27, 31 Ев. Тяпин. 1580 г.), продаи, даи (57б ib.); змилуисе (58б ib.), радуйсе (44 ib.), хороши́ (украшай) (94б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), несвариса (ib.), пасти (83 ib.), ховаи (92б ib.), мови (14б Псалт. XVI в.), възнесиса (22б ib.), оу̀слыши (124 ib.), припережи (46 ib.), не хоти (61 ib.), научи (133б ib.), злечи (16 Псалт. XVII в.), *за'ди* дорогу (44 ib.), поспеписа (48б ib.), чи́ни (107б ib.), поможи (72 ib.), нясѝ, хвали́ (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 10 Мозыр.); прынясѝ (ib. № 31 Вилейск.), зраби́ (ib.), жары́ (ib. №№ 11 Новоалекс.), встыдзи́ (ib. № 25 Новогр.), adkupì (Федер. I, 48 Суховоля), kładawì (ib. II, 22 Волков.) и т. д. В приведенных формах обращает на себя внимание появление шипящих *ж и ч* (поможи, речи) на месте ожидаемых свистящих *з* и *ц*, зашедших сюда из настоящего времени.

б) Безударный *-и*, стоящий после гласных, рано стал неслоговым: би (21 Сб. XVI в. Позн.), из бий, проли (68 ib.) из *пролий*; боже мя *уби'* (122 Статут 1588 г.), варуйса (11б Тайна Тайных XVI в.), выразумей (9 Псалт. XVI в.), выслухай (21б ib.), не потурай (37 ib.), не препомина' (58б Псалт. XVII в.), не замолча' (77б), змилуйса (Ев. 1616 г. 2 ли); ный, вый, шый, крый, рый, пи, ви, ли (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); би (ib. №№ 8 Игум., 11 Новоалекс.), кидай (ib. № 22 Минск.), hulái̯, čui̯, stoi̯, šyi̯ (Клих 280 Новогр.). Как видно из примеров, *-ий* может сливаться в *-и*.

в) Глаголы с основами на согласные имели повелительное на *-ь*, точнее — в русском языке на *-жь*. Это образование известно старому западнорусскому и современному белорусскому языку: ежъ (144 Сб. XVI в. Позн.), не ежъ (134 ib.), ежъ (Ю 20 Скор. XVI в.), ѣжь (105 Библ.

кн. XVI в. Вил. № 262), росповѣжь (128б Катихиз. 1562 г.), увѣжь (88 Сб. XVII в. Вил. № 107), не є̃ (64б Тайна Тайных XVI в.), ежъ (21 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158, 130 ib.), ни ѣжъ (129б ib.), еж (Шейн Б. П. № 10 Лепп.), зьеж (Ром. III, 18 Сенн.), ежь (Мат. Б. № 9 Бых.), іе́ш (Малев. 18 Слуцк.), јеž (Клих 280 Новогр.). Церковнославянское **дажды** подверглось некоторой переделке вследствие осмысления в следующих случаях, взятых из Лет. Авр. XV в.: *даж*ᵃ*е* ѥ̃моу г̃и нб̃ноѥ̃ цр̃тво (72б), не *предажде* мене (243), подаж*ᵃе* (248)[1]. По аналогии подобных образований, не имевших на конце гласного звука вследствие утраты в произношении -*ъ*, явился целый ряд образований на согласный звук и от других глаголов, причем иногда исчезал даже -*и* ударяемый. Примеры: поедь (1409 г., Л. 139; 7 Вил.), помысль (280б Четья 1489 г.), избавь (91 ib.), *чинь* б̊ръзʼдей (6б Сб. XV в. Публ. б. № 391), поѣдъ (257б Лет. Авр. XV в.), ѫстань (132 Сб. XVI в. Позн.), подьже (200 ib.), сѧдь (124 ib.), будь (58 Статут 1588 г.), крови мало *бжть* (=будь) (24 Тайна Тайных XVI в.), *мысль* ѡ̃ неи (8 ib.), едь (Ц 171б Скор. XVI в.), подь (Ц 203б ib.) (рядом с *еди* Б 92), очисть (Ср 61 ib.), поведь (25 Ев. Тяпин. 1580 г.), въсʼтань (58б ib.), сѧдь (31 ib.), видь (91 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), скынь (92 ib.); в Псалт. XVI в.: оу̃зᵃровъ (10), въздоро (42б), а̀ вка᷈ (укажи) (11), повъстань (ib.), встѫпь (ib.), ѡ̃сѣдъ (13), выᵃснь (15б), ѡсветь (19б), *боу̀дь* же мл̃рдье (33б), предолжь (37), ѡ̃поусть (37б), оу̃чинь (31), чи̊ (34б), чинь (37), видь (46б, 124б), выторгнь (70), ро̊завъ (84), замо чь (85, 111б), сᵃ (113), не *засоро*ᵐ мѧ (119б); в Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: бъᵃдѫжимъ (106б), мовъ (18б ib.); в Псалт. XVII в.: не товари (6б), выѣ̃дь (22б), затриво᷈, ста̊се, ста̊сѧ (116б), ѡ̃даль (132б) и т. д.; гледь (Бесс. Б. П. № 6), ня бось (ib. № 146), зробь (Шейн Б. П. № 40 Витебск.), отсту́п (ib. № 415 Сенн.), ець (=ѣць) (ib. № 585 Лепп.), едзь (ib. № 142 Диснен.), моў (ib. № 91 Диснен.), пави́нь (повей) (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 20 Новогр.), ня становся (Шейн Мат. I № 92 Игум.), сустрень (Демб. 15, 547 Могил.), отдыш (Ром. IV, 212 Клим.), позгонь (ib. V, 153), отступ (ib. I—II, 1 Мстисл.), несь (Мат. Б. № 4 Могил. губ.) (рядом с *несй*); ня бось, ляж, бронь, атступ, зроб, пасоб (ib. № 4 Могил., ср. №№ 13 Свенц., 14 Новоалекс., 18 Витебск.); *отыдь* прочь (ib.), *соскýб* перши шарóстку, а пóтым смоли́ (ib. 18 Витебск.); *ўслýх*, Божичка, мою моли́тывку (ib.); отгóнь, ня трожь (ib. № 32 Орш.); да скубч (Малев. 45 Слуцк.), ляш (ib. 18), вýńеś, цýкаć, вýжеń (Клих 280 Новогр.), ня ўвóдзь, ни ўзыхóдь (Раст. 116).

Формы повелительного иногда обращаются в отглагольные междометия, утрачивая целые слоги: Ярына, ля, ля, ля! (Мат. Б. № 19 Гродн.) (из *глянь*), палѝ (ib. № 21 Слоним.) (возле Ружан).

---

[1] Ничего общего с рассматриваемыми образованиями не имеет приводимое А. Брюкнером (Archiv, IX, 371) «нажъ ти (da hast du)», так как *нажъ* = *на жъ*, *на же*.

В смысле 2-го лица повелительного иногда употребляется 2-е лицо изъявительного наклонения настоящего или будущего времени: ѣси (32 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), не забъѣш' (26б Ев. Тяпин. 1580 г.), не посвед'чишь л'живе (ib.).

3-е лицо повелительного в старинных произведениях иногда выражается формой, сходной со 2-м лицом, напр.: добрыи дн҃ь *боуди* вамъ (85б Сб. XV в. Публ. б. № 391), лечатсѧ в коѓо *ишбжт* (51б Тайна Тайных XVI в.), обыкновенно же оно выражается описательно; в старом западнорусском языке и современных говорах оно выражается 3-м лицом изъявительного с прибавлением *хай*, *н'ахáй*[1]: нехаи̯ будеть (буди) (25 Ев. Тяпин. 1580 г.), нехаи̯ зоидеть (да снидеть) (44 ib.), нехай боуде дво^{р} и^{х} поустъ и в село^{х} и^{х} не бо҃дь то҃ хто бы мешкалъ (68б Псалт. XVI в.), нехай тобѣ бл҃гви҃ (22 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), неха' возме бара҃ка (50б ib.), неха'се зломи҃ (7 ib.); пара́яли, няхай пан пашле́ (Малев. 20 Слуцк.).

Множественное число

1-е лицо, если не обращать внимания на гласный основы, обыкновенно оканчивается на *-м* и *-мо*, которое в известных местностях в повелительном употребляется даже чаще, чем в изъявительном. Иногда на месте безударного *о* в *-мо* бывает *а*: пе́дома (Бесс. Б. П. № 117), *е́дзьма* на кирмаш (Ляцк. Полс. 52 Борис.), *пагавóрыма* с тобой (Розенф. 42 Минск.), уцека́йма (Мат. Б. № 15 Игум.), е́жма (ib. №№ 15 Игум., 16 Бых.); изредка бывает и *-мы*. Звук *а* в *-ма* может явиться и фонетически, но может в некотором отношении отражать и окончание двойственного числа, что наблюдается и в словенском (L. Tesnière. Les formes du duel en slovène. Paris, 1925, стр. 393). То же в кашубском [Friedrich Lorentz. Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache, Berlin und Leipzig, 1925, стр. 167, 169].

Что касается окончания основы, то тут отметим следующие случаи:

а) В основе заметно отражение старинного *-ѣ-*: идѣмо (50б Четья 1489 г., 24 Сб. XVI в. Позн.), выберемо (36 Сб. XV в. Публ. б. № 391), коу прочатїю се *вер'немо* (39 ib.), *по^{х}е́мо (пойдемъ)* до ви^{х}ни [77 (8) Крас.], йдѣмъ (Пс. 121.1 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), боудемо (75б Псалт. XVI в.), пойдѣмо (68 Сб. XVII в. Вил. № 107), при'демы (15 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); идзе́мъ (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 118 Новогр.), сойдзе́мся, обойме́мся (Зап. V, 235); вядзе́м (Мат. Б. № 8 Игум.), несе́м (ib. №№ 9 Бых., 23 Минск., 31 Вилейск.), жне́м, зьвязем, нясем (ib.); несі҃э҃м, жні҃э҃м (ib. № 10 Мо-

[1] Слова эти, известные укр., польск. и чешск., Иос. Зубатый [Sborn'k Filologický. III. Třída Česke Akad. věd a umění, svazek VII (1922), стр. 6] ставит в связь с глаголом nechati (podle vzoru dělati).

зыр.); несéмо (ib. № 17 Речицк.), несемó (ib. № 29 Новогр.), нясiéм, арыiéм (Малев. 18 Слуцк.), b'aré̯m, paźém, vaźmém (Клих 281 Новогр.). Ввиду того, что в некоторых белорусских говорах и в изъявительном наклонении бывает перед *-м* звук *ѥ*, а не *'о*, иногда является затруднительным с полной достоверностью утверждать, что перед нами форма повелительного, а не 1-е лицо изъявительного, употребленное в смысле повелительного. Не может быть никакого сомнения, когда звук *е* из *ѣ* заходит вторично в основы на *-i-* или на согласные, напр.: мы велѣмъ (гр. 1475 г., Л. 231), терпѣмо (71 Сб. XVI в. Позн.), подадѣмъ (68 Статут 1588 г.) приступѣмо (138 Катихиз. 1562 г.), поклонѣмсѧ (228 Сб. XVII в. Вил. № 107), зтꙋпѣмо (5 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), вступѣмо (28 ib.), ѕчинѣмо (5 ib.), ѕпередѣмо (98 Псалт. XVII в.), ро᷑веселѣ᷑мсѧ (130б ib.), наꙋчѣмосѧ (Ев. 1616 г. ӣ); правда, иногда в подобных примерах можно видеть и украинизм и читать *ѣ* как *и*; но и в живой речи в некоторых говорах подобные случаи очень обычны: ходéм (Бесс. Б. П. № 102), ходзéм (Мат. Б. №№ 17 Речицк, 21 Слуцк.), хадзéм (Малев. 56 Слуцк.), хадзéмо (Мат. Б. № 7 Минск.), рабем (ib. № 8 Игум.), касем (ib.), залажéмся (ib. № 21 Слуцк.), хвалiэ̄м, горiэ̄м (ib. № 10 Мозыр.); paḿirémśo, leżém, źelémśo, śṕem (Клих 281 Новогр.). Так же образовывают 1-е лицо повелительного наклонения в известных местностях и глаголы с основами на *-jѥ-*: напишемо (16б Катихиз. 1562 г.), да *саꙋъѥ́м*, дьзяꙋчáтка, вяночак (Малев. 31 Слуцк.).

б) В настоящее время, однако, на вид основы во множественном числе большое влияние оказывает форма повелительного в единственном числе, вследствие чего во множественном перед *-м* часто бывает *и*, а перед *-мо (-мы)* бывает *й* и даже мягкий или твердый согласный (орфогр. *-ь-* и *-ъ-*): по᷑лимо (33 Сб. XV в. Публ. б. № 391), помозимо (168 Сб. XVI в. Позн.), поидимо (171 ib.), кленимосѧ (93 ib.), перейдимо (48 Ев. Тяпин. 1580 г.), не᷑встѫпимы (61 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), мусимо (34б Сб. XVII в. Вил. № 107), пойдимо начинимо (5 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), не затаимо (64 Псалт. XVII в.), добре речимо (127б ib.), бл᷑гвимо (131 ib.), хвáлимо (Мат. Б. № 29 Новогр.); вѣдаймо, поклонаймосѧ (24 Четья 1489 г.), воздаймо (47б ib.), стоймо (50 ib.), даймо (73 ib.), вѣруймо (176 ib.), радоуймысе (33 Сб. XV в. Публ. б. № 391), завспеваймо (96 Псалт. XVI в.), не мейте (60б ib.), по᷑мо *збꙋдꙋймо* (5 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), заби'мо (32б ib.), поидѣте *помъша'мо* (5 ib.), *пада'мо* й плачмо (98 Псалт. XVII в.), спѣва'мо (ib.), ро᷑раду'мосѧ (130б ib.), подзя́куймо (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 192 Белост.), седлаймо, ступаймо (Шейн Мат. I № 85 Речицк.); уцекаймо [Ром. III, 216 Бых.; Мат. Б. №№ 17 Речицк., 23 Минск., 25 и 29 Новогр. (и ўтекáемо)], чытáймо (ib. № 7 Минск.), бягаймо, даганяймо (Малев. 18 Слуцк.); расстраляймо, пачакаймо (ib. 132); pabarukàjmosie (Федер. I, 30 Шидловцы), daịmo, hréịmośe, šyịmo (Клих 281 Новогр.)

и т. д.; видьмо (52б Четья 1489 г.), слышьмо (93 ib.), стрѣтьмо (139 ib.), подъмы (И 11б Скор. XVI в.), поедмыжъ (Б 61б ib.), хвальмы (Ср 70б ib.), перестаньмо (99 Катихиз. 1562 г.), ѡбач'мы (31 ib.) (полонизм), ѡкимо (7б Псалт. XVI в.), выпа҃мо (5 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), вытрамо (77б Псалт. XVII в.), поса҃мо (78б ib.), е́дзьмо [Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 10 Мозыр. (iéдзьмо), 7 Минск., 17 Речицк.], гля́ньмо (ib. 8 Игум.), ліэ̂зьмо, зріэ̂жмо, іэ̂жмо (ib. № 10 Мозыр.), е́жмо (ib. №№ 17 Речицк., 23 Минск., 25 и 29 Новогр.), śáźmo, výb'ermo (Клих 281 Новогр.) и т. д.

в) В южных белорусских говорах, соседних с украинскими, 1-е лицо повелительного иногда выражается изъявительным на *-ом* без смягчения согласного, предшествующего такому окончанию: поедом (Ром. I—II, 12 Белица, 204 Гомельск.), идом (8 ib.), посядом (204 ib.), пойдам (Шейн Мат. I № 79 Речицк.); те же четыре примера отмечены и в Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 17 Речицк.; завя°дом (Малев. 94 Слуцк.). Из других более или менее замечательных случаев выражения повелительного 1-го лица множественного числа отметим: дамо́ [Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 29 Новогр. (и *дадемо́*, *дадимо́*)], емо́ (ib.), е́дямо и *едьмо* (ib.), аддамо́ (Малев. 163 Слуцк.).

2-е лицо, представляя правильное отражение основного славянского окончания *-те*, в отношении окончания основы представляет те же образования, что и 1-е лицо множественного числа. Поэтому:

а) Основа оканчивается на *-е-* из старинного *-ѣ-*: пойдете (2б Сб. XV в. Публ. б. № 391), *возмете* кнѧжата ворота ваша, а вздоймитесе ворота ве҃нана҃ (ib. 26б); прѣдѣте (323б Лет. Авр. XV в.) идѣте (22 Сб. XVI в. Позн.), тецэте (125 ib.), поведете (80 ib.), прїимете (64б Катихиз. 1562 г.), принесѣте (41б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), вернетеса҃ (31 ib.), по҃несетеса҃ (рядом с *по҃несите*) (25б Псалт XVI в.), возмѣте (ib.), ѡ́змете (97 ib.), зберете (50б ib.), прїйдете (85 ib.), принесете (97 ib.), воскликнете (98б ib.), начнете (140б ib.), придѣте (228 Сб. XVII в. Вил. № 107), женѣте (22б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), идѣте (26 ib.), при'дѣте (240 ib.), zберете҃ (30 Псалт. XVII в.), выᵖвѣте (77 ib.), навеᵖнѣтеса҃ (91б); *по'дѣте* чинимо ему че҃ть (98 ib.), *при'дѣте҃* а ѡгледа'те (24б ib.), вво'дѣте (103 ib.), йдете́ (Ев. 1616 г. 2 чи б); жне́це (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 353 Новогр.), идзе́це (ib. 83), пое́дзеце (Зап. V, 230), несе́це, жне́це (Мат. Б. № 23 Минск.); несіэ̂це, жніэ̂це (ib. № 10 Мозыр.); несіе̂тё, жніе̂тё (ib. № 29 Новогр.); бяре́ця, дзяўчатки, бяре́ця (ib. № 21 Слуцк.); нясіе́ця (Малев. 33 Слуцк.), idziecіè (Федер. I, 21 Порозов.), ńe jíź́éce (Клих 109 Новогр.). Звук *е* вторично зашел и в другие основы: поустѣте (3б Четья 1489 г.), покажѣте (61 ib.), пощадѣте (141б ib.), молѣте (232 ib.), скажете (32б Сб. XV в. Публ. б. № 391), не смотрѣте (83 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), тер'пѣте (8 Псалт. XVI в.), входете (97 ib.), поклонете҃ (97, 99, 99б ib.), затроубете (98б ib.), ѡворете (117б ib.), просете҃ (126б ib.); бл҃вете (131 ib.),

по҃носете (ib.), по҃стошете (133б ib.), хвалете (140 ib.), взыщете (105 ib.), купѣте (39б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), верещете (210б ib.), гл҃адѣте — воротѣте (285 ib.), пригл҃адѣтеся (27 Псалт. XVII в.), ѡбст҃пѣте (ib.), *гонѣте* а по҃ма҃те его (48 ib.), молѣтеся и ѡ҃дадѣте (61 ib.), приносѣте (61б ib.), наклонѣте (63б ib.), затр҃бѣте (75 ib.), ҃передѣмо (98 ib.), ро҃веселѣ҃ся (130б ib.), плещѣте (25 ib.); сябе не пазне́це (Дмитр. П. и Ск. Вильн. (353 Новогр.), *засцеле́це* кабе́рец, я ступлю́ (Этн. сб. Лидск.), ходзе́це да гомоне́це, будзе́це (Шейн Мат. I № 151 Слуцк.); сваре́цеся (ib. № 500 Бобр.), глядзе́ця (ib. № 312 Лидск.), косі҃зе́це, ходзі҃зе́це (Мат. Б. № 10 Мозыр.); купле́ця (ib. № 12 Смол. губ.), горі҃етё (ib. № 29 Новогр.), пі҃е́ця (Малев. 41 Слуцк.), накажы҃зе́ця (ib. 44), расступі҃е́ця҃ся (ib. 45), zaduszecie (Федер. I, 88 Дворец), rabiecie (ib. 91 Порозов.), ni siedawièciesie (ib. 113), tuszyecie (ib. 316 Лысков).

б) Основа имеет такой же вид, как и во 2-м лице единственного числа: возмите (26б Сб. XV в. Публ. б. № 391), вздоимитесе (ib. 26), берыте (212 Сб. XVI в. Позн.), не рече, ищете (т. е. вы ищете)..., но рече, *и҃щити* (193 Катихиз. 1562 г.); речите (рцѣте) [42 (45) Ев. Тяпин. 1580 г.], да҃йте (35б ib.), придите, рѣчите (65б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); хвалите (142 Псалт. XVI в.), оу҃скликните (48 ib.), бийте (51 Гродн. Акт. кн. XVI в.), не заде҃р҃жу҃ва҃те (18б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), *спѣва҃те* жъ бг҃у нашему *спѣва҃те* (25б Псалт. XVII в.), ратоу҃йте (Ев. 1616 г. м҃и б), накормицетка напоицетка (Ром. I—II, 426 Сенн.); с прибавкой *-тка*: вазьни́ця, сси́ця, няси́ця, жни́ця (Мат. Б. № 4 Могил. губ., № 31 Вилейск.); купи́ця (ib.), праси́ця (ib.), вядзи́це, каси́це, гарыце (ib. № 8 Игум.); несите́, жните́ (ib. № 9 Бых.); нисицё, жницё (ib. № 18 Витебск.); dáj́ćе, stój́ćе (Клих 281 Новогр.); видьте (26б Четья 1489 г.), обидьте (70б ib.), расмыслъте (140 ib.), *оу҃стан҃те* а *эсте* х҃лѣбъ (38 Сб. XV в. Публ. б. № 391), положте (44 Увар.), видьте (39 Катихиз. 1562 г.), рачъте (5б предисл. ib.), ежте (38 Ев. Тяпин. 1580 г.), ѣжьте (84 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), повѣжьте (ib.), подьте (31 ib.), слыште (94б, 97 ib.), мов҃те (63б Псалт. XVI в.), вскликньте (ib.), паве҃те (109б ib.), зѣсте (50б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), мовте (59б Псалт. XVII в.); е́жце (Зап. V, 160), е́сце (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 208 Новогр.), зьижця (Ром. III, 89 Рогач.), ня бо́сьця (Мат. Б. № 4 Могил. губ.), ле́ньце (= гляньте) (ib. № 20 Август.). Подобным же способом образовано повелительное и от междометия *ня*: нацьця (Мат. Б. № 6 Диснен.). У Клиха (281) отмечено несколько случаев на *-цо*: pryšléćo, ławéćo, dastáńćo и т. д.

3-е лицо выражается только описательно: нехай зымають (1 Сб. XV в. Публ. б. № 391), старыё з молодыми́ нехаи́ выхвалаю҃ (141б Псалт. XVI в.), нехай намъ дова҃ю҃ (255 Библ. кн. XVII в. Толст. 158), неха҃ с҃а не весели҃ непрі҃яте́ли (1 Псалт. XVII в.), неха҃ розвесели҃ и ро҃радую҃ (4 ib.), неха҃ мовѧ҃ (ib.), неха҃ же́бр҃тъ (121 ib.);

бада́й с цябе́ кишки́ выля́уць, вантро́бы вы́вярнутца (Ляцк. Посл. 3 Борис.).

ПРИЧАСТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

Причастие настоящего времени действительного залога также примыкает к основе настоящего времени. В старом западнорусском языке это причастие от древнерусского сохранилось в краткой форме в виде деепричастия неизменяемого, оканчивающегося в более редких случаях на *-а* с предыдущей твердостью или мягкостью согласного (орфогр. *-ѧ* и *-ѧ*), чаще же на *-учи* и *-ачи* с предыдущей твердостью или мягкостью согласного, а также на *-уче*, *-учо*, *-аче*, *-ачо* (в древнейших памятниках в более редких случаях). Из перечисленных окончаний обращает на себя внимание *-а* при ст.-слав. **ъı**, известное также языкам польскому и чешскому и возникшее еще на общеславянской почве, может быть, из той же основной группы звуков, из которой появился и *-ж* | *-ъı* на конце слов, аналогично тому, как в тех же языках появилось *-ѣ* при ст.-слав. *-ѧ*. Формы на *-чи*, *-че* представляют закостеневшие именительные падежи единственного числа женского рода и множественного числа мужского рода = ст.-слав. **-шти**, **-ште**; другие образования — фонетические видоизменения их. Формы на *-а*, особенно с предыдущей мягкостью согласного, и на *-чи* находят отражение и в живой белорусской речи. Будучи в полной форме (на *-чий*), причастия в старину да и теперь обыкновенно изменяются, как имена прилагательные, но в таком случае связь их с глаголами уже не чувствуется. Памятники, на которых сильно церковнославянское влияние, знают и причастия со звуком *щ*, в отдельных случаях заходящие и в живую речь.

Подтвердим все сказанное данными из старинных произведений и народной речи.

а) Формы на *-а* (ст.-слав. *-ъı* и *-ѧ*): Четья 1489 г.: *мока* дождемъ и *горя* зное^{м} (5), жива (40), возма (40б), зова (2), какъ .хто *мога* (175), *ида* к судищю (178б), боуда (255); Сб. XV в. Публ. б № 391: не мога (4б), боуда (19б, 28б, 51б), возма (30б), бача (23), клича (24); Лет. Пер. Сузд. XV в.: розираа (64), ида (ib.), възма (66), буда (73); Лит. Лет.: буда (12 Вил., 9 ib., 1 ib., 45 Увар.), ида (5 Вил., 41 Увар.), озма (11 Вил., 12 ib., 13 ib.), возма (31 Увар., 39 ib., 81 Крас.), дръжа (14 Вил.), выима (взявши) (45 Увар.), поима (39 ib.), стерега (4 Вил.), возма (56 Супр.), в докончани *боуда* (97 Супр.), зговоря (43 Увар.), идя (31 ib.), будя (27 ib.), надѣяся (9 Вил.), помщая (мстя) (7 ib.), не починаа (6 ib.); Лет. Авр. XV в.: стоꙗма (75), рка (97, 263б), ркѧ (116б), подвергѧ (89), йдѧ (83б), възмѧ (126); Сб. XVI в. Познан.: што *мога* ѕгожалъ (52), наступаѧ (96), не ѣдѧ ани пиѧ (134), наскакаѧ (112); Сб. XVI в. Крас.: молча (35); Статут 1529 г.: вольно отийти куды *хотя* (195); Статут. 1588 г.: хотя (132); Гродн. Акт. кн. XVI в.: што хотя (37), куды хотя (169);

Тайна Тайных XVI в.: кол'ко могà (3, 48), не *мога* в'здержати (31), ложасе (43б), да 'аси ч'то хотѧ (56); Скор. XVI в.: можа (Э 11), лежа (Б 69б), несѧ (Э 14б), ведѧ, идѧ (Э 12, С 5), возмѧ (Л 27б), ꙗда и пиѧ (С 40б) и др.; Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: дрыжа (124), бѫда (Пс. 48.21); Псалт. XVI в.: оу̑зрѧ (11б), ѿимоуѧ (47б); Цецер. 1787 г.: hlidzia. В живой современной белорусской речи рассмотренные образования вышли из употребления; изредка лишь встречаются деепричастия на *-а* с предыдущей мягкостью согласного или без нее после шипящих их основных русских причастий на -ѧ, напр.: стоя́ (Шейн Б. П. № 375 Городок.), беря́ (Бесс. Б. П. № 18), ат! яси *посоля́* (Зап. I, 257), на синим возе́ре сядзела лебедка, крылками *опусця́ся* пе́рьиком *осыпя́ся* (Зап. V, 217); седзя (Ром. I—II, 269), ночуя (ib. 397 Сенн.), еж што *хоця* (ib. 444), *захохоча́* пошов (ib. IV, 58 Городецк.), глядзя (Демб. 28. 542 Горецк., Шейн Мат. I № 29 Лепп.), стбя (ib. № 332 Орш., ср. Мат. Б. № 13 Свенц.), захахача́ (ib. № 14 Новоалекс.), хбця (Сл. Нос. 683); форма этого причастия и в известном союзе *хоця́* (ср. стр. 85): *хоча́* и *хоча́й* (Сл. Нос. 683), chaciàmsa (Федер. II, 296 Шидловцы). Из форм на *а* (= ст.-слав. -ъı) сохранилось кое-где только *мога*:

Корися мужу як *мога*,

Живи дбчухна, живи неббга (Зап. V, 241); ён голо̀са як яго *мога́* (Ром. VI, 325 Рогач.), іён понесся як *мога* (Мат. Б. № 29 Новогр.).

б) Формы на *-чи*: Грамоты: чтучи (1432 г., СВ. 4), выкладаючи (ib.), просечи [1499 г. (Арх. С. VI, 2)], бачачы [1480 г. (ib. 5)]; Сб. XV в. Публ. б. № 391: рекучи (2), плачѫ̀чи и́ рекоучи (99), бачоучи (4б), надеваючисе (6), привлекаючи (7); Лит. Лет.: пр̃иеждаючи (44 Увар.), помщываючыса (252 Позн.), ц̾ное жо̑ки плате̑ *всклаа̾чи* [77 (8) Крас.], нехота̾чи (73б ib.), ѣха̑чи (Евр. 458), рекѫ̀чи (74б ib.), проплакиваючи (ib.), слѫ̀жечи (68 Крас.), ходечи (64б ib.); Лет. Авр. XV в.: пособлаючи (256б); Сб. XVI в. Позн.: говоречы (24), буду ся працовати ꙗкъ могучы (35), наступаючы (96), помшываючыса (252); Статут 1529 г.: рекучи (386); Статут 1588 г.: неведаючи (9), догажаючи (76), єздячи (45, 94), бачечы (44), проводечися (76); Гродн. Акт. кн. XVI в.: пришедчи (3); Тайна Тайных XVI в.: кодачи (48), жалоуючи (1), вка̾уючи (52), ѝдоvчи (8б), оу̑ви̾ш'ли и̾ *с'варечис* (54б); Скор. XVI в.: верачи (Ю 21б), кричачи (146б), играючи (ib. 27), даючи (П 3б), видечи (МПК); Катихиз. 1562 г.: переставаю̀чи (80), ѵпѣвнаю̀чи (118б), пишючы (5б), говорачи (57—57б); Ев. Тяпин. 1580 г.: ходечи (5), постечиса (8), видечи (ib.), мовечи (27), судечи (сѫ̀даще) (27), седечи (ib.), стоꙗчи (стоаща) (ib.), ѣдѫ̀чї пъючѝ (34б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: розмѣючи (59), рекѫ̀чи (32); Псалт. XVI в.: дыкѫ̀ючи (8б), оу̑долаючиса (74); Сб. XVI в. Кунц.: мовечы (68); Сб. XVII в. Вил. № 107: пъючи (206б), при'муючи (15), мовꙗчи (93), хотечи (69б), видечы (67б); Сб. XVII в. Син. № 790: ко̾ко хто *х°течии* могучи (РФВ, XXIII, 287); Библ.

кн. XVI в. Толст. № 158: не ѣдаючи ани пиючи (60), сыпаючи (178), молчачи приглядасе еи хотячи (18); Псалт. XVII в.: змышляючи (10), мовечи (16б), стерегучи (64б), просечи (65б), биючи (75), ричачи (109); Ев. 1616 г.: блъвачи (рı̄ б), веселячиса (2д), грѣшачи (л̄а), дрижачи (2рмв), живучи (ѳ), йдучи (ѳ), кончачи (2смѳ б), лежачи (2лг), молачися (2рѳ б), мстачи (2лѕ), сѣдачи (нв), хотачи (2ӣ б); в живой речи деепричастия на *-чи* исключительно господствуют: гледзючи (Зап. V, 181), глядзючи (Шейн Б. П. № 238 Лепп.), прбсючи (ib. № 283), боючися (Зап. I, 268), сидзючи (Зап. V, 73), выхбдзючи (ib.), мерючи (ib. 92), сёдзючы (Шейн Мат. I № 14 Борис.), докучили твое госьцики, што ў субботу *прыезжаючы*, што ў нядзельку *незъезжаючы*... (ib. I, ч. II, № 17), коли ўвидзишь татку *йдучи* (Кар. 64 Трок.), рыдаячи (Ром. I—II, 36 Гомельск.); все перечисленные формы и другие, так же образованные, встречаются и в ответах на белорусские программы [ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 23 Минск., 26 Себеж. (знаюци), 28 ib.; дадзіёло *стоячы* (Малев. 37 Слуцк.), йдучы (ib. 26), jedúczy (Федер. I, 287 Шидловцы)]. Форму неизменяемых деепричастий имеют и образования на *-уче* — *-юче*, *-аче* — *-яче*, *-ече* — *-иче* (оба из *-яче*), встречающиеся в Сб. XV в. Публ. б. № 391: пришли — *принесоуче* (14), плакали *смоутечесе* (15), бўдете *мочюче* (30б), гледаче (33), христиче (35б), *ёдучe* и *пьюче* йс ни (37), стерегоуче (43), розоумѣюче (56б), были жидове *дрыжача* и *скрытаюче* (20). Как в последнем примере, в *-ача* (дрыжача) следует видеть фонетическое изменение *-ачь*, так фонетическое же явление будет и в *-ячо* нижеследующих примеров: не води *хотячо* (28б), держачо (29). То же изредка в других памятниках: иже мы *хотяче* и *жадаюче* штобы оучинити (гр. 1432 г., СВ. 4), чинече [гр. 1497 г. (Арх. С. I, 4)], мы *надеючесь* (гр. 1405 г., Л. 119), *трьпяще* ꙗко с'винїа (11 Тайна Тайных XVI в.); запытаюче (62 Псалт. XVI в.), мови — молаче (100б ib.), ходачи хотячи и плакали *мечюче* сема (128 ib.), были есмо веселаче (128 ib.). Из приведенных форм деепричастий многие вызывают замечания по своему образованию: стоящий перед *-чи* гласный *а* фонетически может переходить в *е* и даже *и*: по аналогии образований от основ на *-е-* и-*jе-* гласный *у* (из ѫ и ѭ) может заходить и в образования от основ на *-і-*, как и в 3-м лице множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения; в трех случаях (вскля'чи, ѣха'чи, пришедчи) *-чи* прибавлено к основе неопределенного, и получилось образование искусственное, не имевшее, вероятно, в живой речи соответствия.

в) Полные формы причастий на *-чий* в разных падежах: дрыжачий (4б Сб. XV в. Публ. б. № 391), далеко боу(доу)чихъ (55б ib.), вѣроующихъ (28 ib.), будучымъ [гр. 1480 г. (Арх. С. VII, 5)], будущого (гр. 1440 г., СВ. 7), недадущу (64 Лет. Пер. Сузд. XV в.), жноущимъ (7 ib.), будучими (10 Статут 1588 г.), едучого (221 ib.), з радами нашыми на тот час будучими (= бывшими) (Бел. Арх. I

1593), со спѧчимъ (Ср 35 XVI в.), огонь горячии (Пр 26 ib.), насычена (И 29б ib.), говорачи[х] (101 Катихиз. 1562 г.), сходечии (4б Ев. Тяпин. 1580 г.), мовѣчого (6 ib.), хотячамѫ, просячому (7 ib.) входячие (9 ib.), кѫречогосе (15б ib.), спѧчимъ [42 (45) ib.], з'вазы; ваючых' (5 ib.), вметаючое (8б ib.), бѫдѫчое (ib.), идучиѣ (28б ib.)-продаючих (ib.), ѫчачомѫ (29 ib.), процѣживаючиѣ (31б ib.); в Псалт., XVI в.: засмѫчаючиѣ (8), б҃лгвени вси *надеючиисѧ* на негѡ̀ (ib.), преискѫючи[х] (12б), несприаючиѣ (15б), *в'зыскаючии* бг҃а (16), ѿ провачи[х]сѧ (чит. *противячи[х]сѧ*) (17б), трываючаа (21), прїидѫчий (24б), згрешаючи[м] (26), хотячиѣ (36), горѫчей (61), горѫча (68), потоптѫючи[х] (56б), растоваючі҃и (57б), пов'стоваючи[х] (58); в Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: жа҃тующего (20); в Псалт. XVII в.: невѣсты *родячои* (26б), посилкующое (52), вѣтръ идѫчи' (67б), ѿгнь палаючи' (108); в Ев. 1616 г.: ви́сачїй (2 сѳı), похо́дачее (в҃ı), блѫдачихъ (м҃е б) и т. д.

г) Формы прилагательных на *-щий*, напоминающие церковнославянские причастия, в живой речи встречаются только в нескольких выражениях: во́чи завиду́щие, ру́ки загребу́щие [Зап. I, 274; ср. Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 9 и 16 Бых., 18 Витебск., 25 Новогр., 28 Себеж. (гуля́щий, рабоця́щий). Ср. еще стр. 46].

ПРИЧАСТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

От основы настоящего времени производится и причастие настоящего времени страдательного залога. По своей форме оно сходно с общерусскими образованиями; но вообще оно употребляется очень редко. Приведем несколько примеров: вѣдомо (1 посвящ. Катихиз. 1562 г.), вѣдоми (3 Статут 1588 г.), почитаємо (6 Катихиз. 1585 г.), оукараеми (213 Сб. XVI в. Крас.); н'а *вадо́мо* хто, н'а зна́йа́мы; любімы(й) (Раст. 120).

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ

В древнерусском языке неопределенное оканчивалось на *-ти*; но кроме того уже в древнейших памятниках в роли неопределенного встречались формы на *-ть*; они же вместе с формой на *-тъ* служили и достигательным (Ср. Собол., Лекции[4], 165—166). В памятниках старого западнорусского говора господствует *-ти*, но и *-ть* изредка встречается; даже кое-где есть следы и достигательного. В живых белорусских говорах известны *-ц'и* и *-ц'*, причем первое употребляется не только под ударением, как в русской литературной речи, но возможно и вне ударения, хотя и далеко не обязательно; в песенной речи оно чаще, чем в разговорной. Особенно любимо *-ц'и* у глаголов с основой неопределенного на согласный; после гласных у глаголов многосложных, например, после *и*, обыкновенно бывает *-ц'*, хотя возможно и *-ц'и*. В глаголах возвратных перед *-с'а* обыкновенно (но не всегда) *и* отсутствует. Глаголы с основами на *-г-*, *-к-* имеют *-чы*,

перед которым иногда восстановляется коренной согласный, вместо *-чы* может быть и *-ц'и*.

Приведем примеры неопределенного из старинных произведений.

а) Окончание *-ти*: Грамоты: держати (1432 г., СВ. 4), володѣти (1432 г., СВ. 5), надевати (1432 г., СВ. 2), чостовати [1486 г. (Арх. С. VI, 1)]; Привил. Каз. 1457: роширати (35); Сб. XV в. Публ. б. № 391: быти (2б), дрыжати (5б), оумерети (42), никаⷪ не видети, ани знати (80б); ѡдьц'витати (90), охноути (94б); Лет. Пер. Сузд. XV в.: казати (46), ездити (9); Лит. Лет.: крестити (8 Вил.), чинити (3 ib.), воду *давати* собѣ *пити* (2 ib.), постелю слати (2 ib.), ехати (ib.), розбити (7 ib.), пановӓ (66 Крас.), запаливати (64 ib.), пити давати (74 ib.); Лет. Авр. XV в.: цинити (77б), а ндѣ *видѣти* бѧше (133), воротити (396б), начаша кони *мерети* в городѣ (261), постеречи (89); Сб. XVI в. Позн.: клести (25); Статут 1580 г.: ити (19), розумети (2), апелевати (180), молчати (494), вы'грати (223), ѡложыти (237), подлечи (12), мочи (33); Тайна Тайных XVI в.: оу̑зати (77б), рос'козати (7), растовлѧти (2), с'хитрос'тити (39б), приходитиса (55), вонути и вонуть (60), с'трычи (85), с'теречиса (57), оу̑бечи (1б); Катихиз. 1562 г.: просити (166), гледѣти (210), оказати (3б предисл.), занехати (3 предисл.), ѡнѧти (26б), любити (4), допомочи (5б предисл.); Ев. Тяпин. 1580 г.: есъти (15), ѣсьти (20), ввоити (24б), п'рийти (26б), нанѧти (27), слухати (36), жжѣчи (сожещи) (18); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: покинѹти (31), ѣсти и пити (32), помалъвѧти (93), течи (38б), нажечи (116б); Псалт. XVI в.: за̑мети (18б), встѹпити (ib.), взяти (ib.), дрыжати (ib.), ѣсти (50б), разневити (79б), бегчи (21); Сб. XVI в. Кунц.: слышети (200); Сб. XVII в. Вил. № 107: умети, вечерѧти (15); Сб. XVII в. Син. № 790: мерти (164б); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: и°ти (чит. *исци*) (85б), пекти (78б); Псалт. XVII в.: товаришити (5б), схнѹти (125б), брати (134б), стеречи (11б); Ев. 1616 г.: пожеретѝ (2си б), прозрѣти (2рни б), оу̑меретѝ (з̄а б), оутерпѣти (з̄а б), 'бдержати (2рпѳ б), пойсковати (м̄е), празнова́ти (р̄г б), ратова́ти (н̄в б), честова́ти (2ми б), мочѝ (о̄ѳ), речѝ (н̄в), оустеречиса (рк̄ б).

б) Окончание *-ть*: Грамоты: поставить [Дог. XIII в. см.-полоцк. (РФВ, XV, 9)], терать [1398 г. (А. XI,4)], занять [1480 г. (Арх. С. VII, 6)]; Лит. Лет.: в рат *дат* правду (33 Увар.); Лет. Авр. XV в.: воєвать (25), въ пьсковѣ почалѣ бѧше *грабить* (74), повелѣ — *привязывать* сѣроу (325б); Статут 1588 г.: быть (1); Тайна Тайных XVI в.: доверить (4), говорить (3б); Катихиз. 1562 г.: рачтежьса *зачать*, *множить* и *рость* (5 предисл.); Катихиз. 1585 г.: просїт', потѣшитъ (8) (опечатка?); Ев. Тяпин. 1580 г.: мовить (17) (рядом с *мовити*), выгнать (24), дать (58б), хочет *искать* (3б), показать, остать (33б); не быть (31), забить (40), пришла *слышеть* (16б); Псалт. XVI в.: дава̑ (7), хвалить (9б), выспевать (22б), оупасть (27б), вывесть (59б);

Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: стрычь (75б); Псалт. XVII в.: *выповѣда* и мовити, будꙋ мови (8б); трива (52б); особенно часты подобные окончания в соединении с *-сѧ*: чи лепꙗши тобѣ *дат'сѧ* в рꙋки черни (90 Крас.), записыватсѧ (74 ib.), пꙋднѣть *жаловꙋцꙗ* (74б ib.), състоупишасѧ *битсѧ* (330б Лет. Авр. XV в.), остерегатьсе (22 Ев. Тяпин. 1580 г.), хорониться (22б ib.), спротивлѧтьсе (ib.), вꙗзноситьсе (32 ib.), паствитца (83б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), пытатсѧ (101 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) и т. д.

Примеры из народной поэзии и живой белорусской речи.

Окончания *-т'и* — *-ц'и* под ударением: йци (Демб. 5. 538 Гомельск.), ицы́ (Ром. IV, 95 Бых., Мат. Б. № 5 Слуцк., Малев. 127 Слуцк.), исьцы́ (ib. 35, 52), ісі (Федер. I, 339 Слоним.), иццы́ [Шейн Б. П. №№ 12 Лепп., 257 Велиж. (Сураж.)], нясцы́ (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 10 Мозыр., 14 Новоалекс.), панясцы́, расцы́ (ib. № 12 Слуцк.), весцы́ (ib. №№ 11 Новоалекс., 13 Свенц.), плысьцы́ (Малев. 52 Слуцк.) и т. д. Сюда же принадлежат неопределенные на *-чы* и новообразования от тех же глаголов на *ц'и*: цячы́ (Вит. К. С., 341), пячы́ (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 13 Свенц., 14 Новоалекс.) и *пяцы́* (ib. №№ 5 и 12 Слуцк., 7 Минск.; ср. 10 Мозыр., 15 Игум., 31 Вилейск.), махчы́ (ib. №№ 14 Новоалекс., 31 Вилейск., ср. 8 Игум.), змогчы́ (ib. № 11 Новоалекс.) и *магцы́* (ib. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен.; ср. 9 Бых., 18 Витебск.), змогцы́ (ib. № 10 Мозыр.), змогты́ (ib. № 3 Могил. губ.), сячы́ (ib. № 8 Игум.), берегцы́, стрыгцы́ (ib. № 15 Игум.); лягцы́ (ib. № 15 Витебск.) и т. д. Но это же окончание бывает в тех же глаголах и тогда, когда они лишены ударения на суффиксе, что́ иногда случается в одном и том же говоре: ле́гчи (Мат. Б. № 18 Витебск.), нале́гчы (ib. № 11 Новоалекс.), нале́гти (ib. №№ 3 Могил. губ., 8 и 15 Игум.), прыле́гци (ib. № 25 Новогр.), пе́кци (ib. № 31 Вилейск.), зме́гци (ib. № 13 Свенц., 31 Вилейск.). Окончание *-ц'и*, как уже было замечено, встречается повсюду и в других случаях: умыва́цися, уцира́цися, венча́цися (Шейн Б. П. № 148 Бобр.); бира́ци, мыва́ци (ib. № 549 Лепп.); хова́ци (ib. № 755 Минск.), уста́ти, осядла́ти (Бесс. Б. П. № 146), мыци, чисаци (Демб. 26. 528 Черик.); жаницися, клапацицися (ib. 135. 561 Мстисл.), ўмерци (Ром. IV, 50 Могил.), есьци (ib. 11 Горецк.), ораци, даци (Шейн Мат. I № 246 Ошм.); быци (ib. № 213 Свенц.), ра́дзилыся ны бяду́ — гаршко́м ваду́ *наси́ци*, сало́мый печку *тапи́ци* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); не́сци (ib. №№ 3 Могил. губ., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), ве́сци (ib.), перци (ib.), пёрци (ib. № 11 Новоалекс.) при *пярци́* (ib. №№ 6 Диснен., 13 Свенц., 15 Игум., 31 Вилейск.), уме́рци (ib. №№ 4 Могил. губ., 11 Новоалекс.; ср. 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум.) при *умярци́* (ib. №№ 6 Диснен., 13 Свенц.), здзе́рци (ib. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск.), miérci (Федер. I, 157 Свислочь), бе́гци (Мат. Б. №№ 7 Минск., 12 Слуцк.), е́сьци, кла́сьци (ib. № 18 Витебск.), хадзи́ци (ib. № 19 Белост.), е́хаци (ib.), хопа́ти (ib. № 9

Бых.), шамры́ǝци, шумі́ǝци, гарры́ǝци (Малев. 29 Слуцк.); жы́ци (ib. 60), jі́ǝсьци (ib. 21), рубаци (ib. 53).

Также и относительно *-ц'* трудно сказать вполне точно, когда оно употребляется. Те же глаголы, даже с основами неопределенного на согласные, которые в одних говорах имеют *-ц'и*, в других говорах (а иногда и в тех же самых) могут иметь и *-ц'*; обыкновенно оно в глаголах с основами на гласные: сустрека́ць (Изв. 188), быць (Дембр. 22. 528 Мстисл.), жаць (ib. 29. 542 Горецк.), мерць (Ром. III, 258 Черик.), ресть (расти) (ib. I—II, 127 Гомельск.), адараваць (Кар. 71 Трок.), пеяць (Шейн Мат. I № 320 Вилейск.), пияць (Ром. III, 16 Сенн.), ровть (ib. I Гомельск.), бечь (ib. 129 Клим.), збечь (256 Черик.), люби́ць (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 10 Мозыр., 12 Слуцк.) и т. д.; несть, везть, хвалить (ib. № 9 Бых.); мочь, лечь (ib. № 18 Витебск.) — и даже с пропуском *ц'*: есь, несь, клась (ib. № 18), есць (и *есь*) (ib. № 32 Орш.), робиць (ib. № 18 Витебск.), жорць (ib.), рюсь (и *рявсий*) (ib.), здзёрць (ib. № 14 Новоалекс.), вы́няць (ib. № 32 Орш.), uniàˊ (Федер. II, 345 Лысков), свистану́ць (Сл. Нос. 575), хапа́ць (Мат. Б. № 13 Свенц.), рабыта́ць (ib. № 4 Могил. губ.), змарня́виць (211 Сл. Нос.), настра́шыць (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 23 Минск., 31 Вилейск.), улагóдзиць (ib. №№ 11 Новоалекс., 25 Новогр.), згуби́ць (Малев. 20 Слуцк.), іці́ць, ідзі́ць, сайці́ць (Раст. 120); в соединении с *-с'а* конечное *-и* обыкновенно исчезает: кóўза́цца (Мат. Б. №№ 11 Новоалекс., 28 Себеж., 31 Вилейск.), бра́тацца (ib. №№ 11 Новоалекс., 17 Речицк., 23 Минск., 25 Новогр., 26 Себеж., 31 Вилейск.), sutóńvacsa (Клих 206 Новогр.); но в случае излишнего стечения согласных и здесь возможно *-и*: ścierahczysie (Федер. I, 352 Свислочь).

В старинных памятниках изредка встречаются случаи достигательного: пустили търговать (гр. п. 1341 г. Кест. и Люб.), поидеть торговать (ib.), посла йскать брата (340б Лет. Авр. XV в.). Есть еще несколько подобных случаев, но их можно рассматривать, как описки.

ПРИЧАСТИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

От основы неопределенного образуется и причастие прошедшего времени действительного залога. В белорусском оно обыкновенно встречается в форме деепричастия и оканчивается на *-ши (-шы)*, которому в известных случаях предшествует *-в- (-ўшы)*, в северо-восточных говорах нередко заменяемое посредством *-м- (-мшы)*; формы на одно *-в (-ў)* встречаются очень редко. Старинные произведения, кроме *-ъ*, *-въ*, *-ши*, *-вши*, знают еще иногда *-ше*. Другие особенности отмечаются при рассмотрении примеров.

а) Формы на *-ъ*, *-въ*: Сб. XV в. Публ. б. № 391: wборотивсе (41), выне[м] (6б); Лет Пер. Сузд. XV в.: ахабивъ (14); Лит. Лет.: *сѣдъ* у Вилни князь пошлеть (4 Вил.), не *оземъ* Вилни (10 ib.); Тайна

Тайных XVI в.: рас'мотревъ (1), ѝзмыв'сѧ (57); отвещав (Ром. IV, 188 Мстисл.), едзець *розлиў* слезки (Шейн Мат. I, ч. II, 181 № 11).

б) Формы на *-ши*, *-вши*, *-ше* и под.: Сб. XV в. Публ. б. № 391: оузѧвши (1б) (при ст.-слав. **-мъшн**), присѧгноувши (ib.), здрапавши (99), шод'шо (31б), ѹслышавша (35б); [гр. 1409 г. (Арх. С. I, VII)]: зачовшы; Лит. Лет.: немше (28 Увар.) = и емше (1 Вил.), слышавше (9 ib.), взе^{м}ши (64б Крас.), нѣвозем'ши (89 Крас.), сѣбравши (69 ib.), вземшы (237, 250 Позн.), навшы (247 ib.), снемшись (32 Увар.), смовивши (1 Вил.); Лет. Авр. XV в.: *видъвше* же папа левь (27б), *събравъше* вои (115б); Сб. XVI в. Позн.: прынемшы (138), вземшы (237), навшы (247), перепужавшыс^{ѧ} (181); Статут 1529 г.: вземши (389); Статут 1588 г.: прочетъши (28), почонъшы (1); Гродн. Акт. кн. XVI в.: выслухавши (39), догонивши (136), перенемши (12); Тайна Тайных XVI в.: счетъшы (19б), нак'рышив'ши (41б), помедлев'ши (87б); Катихиз. 1562 г.: ѹжалившыс^{ѧ} насъ (3б посвящ.), ше^{ѧ}ша — проповѣдите (108б); Ев. Тяпин. 1580 г.: п'рошод'ши (5), пришодшї (11б), шодши (ib.), шодъши (24б), вшедшы (10), розъпостерши (17, 20б), почонъши (25), почонши (27б), *ꙗнав'шї* (ѣмъ) (50), зарѹчоной бо *бывши* матце его марии (2б), іс^{о}у пакъ *родившисе* (3); Псалт. XVI в.: звеза̑ши (17б), седши (119), и̑ заве^{р}гше ма (18); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: *слышавше* то царица и рекла (9б); Псалт. XVII в.: нае^{ѧ}шис^{ѧ} (45), вше^{ѧ}ши (130б); Ев. 1616 г.: вы́тагнѹвши (2рд), ки́давши (о̄ б), по́йзрѣвши (2мг б), по́стивши (л̄г б), приближи́вшис^{ѧ} (зі̄ б), ро^{з}гнѣви̑ши (е̄і̄ б); примеры из живой речи: *засмеяўши* пошоў (Шейн Мат. I № 231 Лепп.), *бывши* одна дзяревня бедная (Ром. IV, 183 Мстисл.), тэй народ *уснувши*, Иван одзин не... (ib. 134 Могил.), бегши (ib. 30 Горецк.), ци ни жаль табе мамычка, еткое дзицятко *ўзрасцившии*, еткое дзицятко *ўзгодовавши*, ў чужия людзи *пусцившии*, ў чужия людзи *атдавши*... (Демб. 140. 562); нёсши (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 10 Мозыр., 14 Новоалекс., 16 Бых., 23 Минск.), нёшши, даўши, цви́ўши (ib. № 18 Витебск.); даўшы (ib. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 23 Минск.), цвиўшы (ib.), цвигшы (ib. 4 Могил. губ.), вы̀стыўши, застыўши (ib. № 31 Вилейск.); ўзя́ўшы (ib. №№ 11 и 14 Новоалекс.], воран грача, сыр *изъзі̑е́ўшы*, дьзі̑е́ўка плача, сына *мі̑е́ ўшы* (Малев. 26 Слуцк.]; ųwajszoųszy (Федер. II, 47 Дворец). Как можно видеть из приведенных примеров, в живой речи это причастие обыкновенно оканчивается на *-вшы* даже там, где в старину к корню на согласный присоединилось *-гши*, так что мы имеем при ст.-слав. **цвѣтъшн** — ц'в'иўшы, **прѣпадъшн** — п'ӓрапа́ўшы, **прнимъшн** — прын'а́ўшы, **възѣмъшн** — ўз'а́ўшы, **зачѣнъшн** — зачаўшы и под.; старина в samašétšy (Клих 227 Новогр.).

в) Изредка в старинных памятниках и в живой речи перед *-ши* на месте ожидаемого *-в* — *-ў* находим *-л*: нашолъшы (194 Сб. XVI в. Позн.), ѡ̑берноу̑ши^{с} (71 Псалт. XVI в.), ѡ̑вори̑ши^{с} (107б ib.) (ср.

Зап.-русск. пер. псалт., 193), зналши, видалши (Мат. Б. № 26 Себеж.). Повидимому, на появление *-л* на месте *-ў* оказали влияние формы причастия прошедшего на *-л*, в которых было фонетическое чередование *-ў* и *-л* (знаў, зна́ла).

г) Формы на *-мшы* встречаются только в современных говорах, притом главным образом на севере и востоке Белоруссии: уехамши (Шейн Б. П. № 174 Витебск.), запалёмши (Ром. IV, 46 Чаусск.), проглыцёмши (ib. III, 129 Клим.), помолёмшись (ib. IV, 200 Черик.), отслужомши год (ib. VI, 298), спородзёмши (Шейн Мат. I № 548 Горецк.), узросцёмши (ib. стр. 450), ўзя́мшы [Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 18 Витебск. (в пограничных местностях со Смол. губ.), 32 Орш.], уехамши (ib. № 18 Витебск.), заплацёмши (Сл. Нос. 179). Такого рода образования довольно распространены и в русских говорах (ср. РФВ, XLVIII, 407 sq., статья Н. Дурново); отсюда естественно напрашивается заключение, что белорусские причастия на *-мшы*, если не заимствованы из русских говоров, то развились при тех же условиях, что и в последних; одной из побудительных причин к появлению таких образований, несомненно, была аналогия часто встречавшихся причастий от глагола ѣмти, как вышеприведенные *немше*, *взе*^{м}*ши*, *принемшы* и т. д.

ПРИЧАСТИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НА *-ЛЪ*

От основы неопределенного образуется и причастие прошедшего времени несклоняемое, оканчивавшееся в старину на *-лъ*, *-ла* и т. д., а теперь по фонетическим причинам на *-ў*, *-ла* и т. д. В своей форме, в сравнении с русским литературным языком, никаких особенностей не представляет: во множественном числе для всех родов также имеет *-ли*; в живой речи это причастие является единственной формой для выражения прошедшего действия и сослагательного наклонения. В старом западнорусском языке оно служило для выражения описательных времен — прошедшего совершенного, давнопрошедшего, будущего совершенного и условного наклонения. Именно;

Прошедшее совершенное (perfectum) в старославянском и древнейших памятниках русского языка выражалось соединением причастия на *-лъ* спрягаемого глагола с соответствующими лицами глагола ѥсмь. В старинных западнорусских произведениях это время имело большое распространение, так как оно заменило собою и старинные формы аориста и имперфекта. В употреблении этого образования можно отметить следующие ступени:

а) Причастие на *-лъ* соединялось с формами глагола *есмь*, причем к глагольным формам могли присоединяться и личные местоимения, напр.: Грамоты: розъежалъ есьми [1398 г. (А. XI, 3)], се азъ... далъ ѥсми (до 1399 г. Андр.), далъ ѥсьми (XIV в. Ив. Никон.), язъ добилъ ся есми [1406 г. (Арх. С. I, 1)], записалъ есьми [1454 г. (Арх. С. II, 3)], на то есмо далъ [1445 г. (ib. VII, 2)], ѣ придала есми

(1487 г.), еси ѿмалъ, еси взалъ, поималъ еси (ок. 1300 г. Витебск.) (Срезн. 230); есме чювали (ib.), есме отступили (И. 1265 г.), есмы дали (1349 г.), дали есме (1399 г., Л. 95), есмо подвѣсили (1432 г., СВ. 6), позычили есмо (1440 г., СВ. 7), што есте прислали (1409 г., Л. 138), то єсва по слову оучнила и доспела есва (1387 (21)]; Привил. Каз. 1457 г.: дали есмо (29); Сб. XV в. Публ. б. № 391: ѡбеца єсми (1), пришо єсми (2б), и єсми пришо (6б), согреши єсми (7б), не вида єсми (20б), христи єсми (26), ѡбвиноу єсми єго (34), бледа сталась єсмь (5), ачь єси не хоте (1б), єсь оушо а проси (14), сталасе єсть (1), єсмо мели єсти (6б), могли єсте зымати (1), оумерши єщо *єсте* не *были* (27), молчала єста ѡба (13), (Иосиф с Марией), иже оубогї и были оусе мѣсто *єста ѡкроужила* (44); Лет. Пер. Сузд. XV в.: пришелъ есми (14), дали есмо (34); Лит. Лет.: и кнзю велико *невчини есми* ничо (75 Крас.), я великому князю ничего не *вдѣлалъ* не *рушилъ* есми (4 Вил.), но: и вдѣлалъ есми, почялъ есми (ib.), я ничего не *вчинилъ*, не *роушилъ есми*, ни скарбоу его (30 Увар.); оучиниль есми (ib.); Лет. Авр. XV в.: єсте малѣся (169б), єсте ѡмалися (170), не доумали єсме (92б), єсме доспѣли (100б), вы слова своєго забывъ не йздержалѣ како *былъ єсте* (211), слы водилѣ соуть (320б); Сб. XVI в. Крас.: азъ єс'ми оусмотрела (73), єсми не вида (19), єс'ми видѣла (197), еси п'рацовала (21), еси в'зяла (45), ми єси повѣдала (76), сталъ са єс'ть дивъ (32), возрадовалса єс'ть (34); Статут 1529 г.: есми менилъ (193); Статут 1588 г.: есте жадали; Гродн. Акт. кн. XVI в.: смотрѣлъ есми (1), я есми ей дозволилъ (2), гдѣ я, хотячися о тымъ деревѣ певне доведати, *послалъ* есми (2), мы зоставили и поле есмо присудили (1), я дерева не бралъ, ...есми не бралъ (2); Тайна Тайных XVI в.: ч'то єс'ми видѣлъ (6), преже рекли єсмо (79); Скор. XVI в.: сором лся есми (I 38б), ела есми (Э 22б), елъ есь (Б 12б), ехали есмо (Ц 201), ели суть (Б 58б), есте помолчали (1 18); Катихиз. 1562 г.: есмъ и ва начилъ (53), крестилъ са єсмъ (1б), яко єсм' поведѣлъ (38б); Ев. Тяпин. 1580 г.: скон'чилъ єси Фалу (совершил єси Фалу) (29), оставилъ есьть (58); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: углеблъ ѣсмь (55б), а соборникъ былъ єсми (86б), видѣл есми а (87б), оугодилъ єсми (Пс. 25. 3), доховала єсми (85б), нне *ц'сполнила єсмп* ѡбецанье мое:... колрами *настлала єсми* постелю мою кожеле лнв єгипетьского (96б); з'бирала єси (32), чемв мене ѡставилъ єси (39б) надѣялисл єсмо (111б), якоже слышали єсмо тако видѣли єсмо (Пс. 47. 9); Псалт. XVI в.: к гв єсми клика (8), нашо єсми (18б), вмы єсми (73б), вспомне єсми (77б), бегъ єсми (119б), спервоу ни са єс *ми оупокорил* и *згреши* (121), *оуборони єсми* нога мои (122), *склони єсми* срце моє кв выпонею (122б), мова єсми (126б), рсшири мл єси (8б), съвръши єси (41б), *страсноу* єси землею (59), навѣди єси (63), ты назначенова єсь (9), да єсь ми (ib.), што тобе стало море и *есь побегло* и тобе іердане и са наверноу вспа (115), и полоба єсть (27),

есмо надѣалиса (33б), пожеᵖли е̂смо е́го (36), слышали е̂смо (44б), а̂ни е̂смо престоуповали (45б), засромотили е̂сте (16), Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: тебе *есмъ* тоᴸко *видъᴸ* справедливыᴹ (2б), ѵчиниᴸ есми (ib.) не *нашлосѧ есть* в дѣвце панеᵒ́ство (103б), *есмо хотѣли* ѵчини̃ (52); Псалт. XVII в.: *былъ есми молоᴸ* (2), не видѣᴸ есми справеᴸливого (ib.), речаᴸ есми (9б), реклъ, есми (11б), zанѣмѣᴸ есми (ib.), не завстегнуᴸ есми (14), *есми* ꙗ поро̑ᵏне *заховаᴸ* (54), есми роᶻмышлѧᴸ (ib.), поᴹстиᴸлъсѧ есми (129б) и т. д., ꙗ̆ не *слышаᴸ* и ꙗко нѣмы' не ѡвораᴸ есми (10), измощни̑ еси (9), мнѣ *еси приготоваᴸ* ѵши (14), ѵнижилъ еси́ на̑ (20б), знеꙗвидеᴸ еси (23), *закинѵᴸ еси* за себе (31), ты *еси* ѡ̆ бѣже *выслѵхаᴸ* мл̃твꙋ мою (47), роᶻмножиᴸ есь (50) ты есь держаᴸ (55), которое *есь* набылъ (56), есмо хотѣли (1б), ѕфалшовали есмо (21), ѵстали есмо (92). Из приведенных случаев можно видеть, что примеров 3-го лица единственного числа и особенно множественного числа с глаголом *есть — суть* встречается очень мало и что личное местоимение часто избавляет от необходимости ставить при причастии на *-лъ* еще вспомогательный глагол.

б) Прошедшее совершенное выражается одним причастием на *-лъ*. Пропуск вспомогательного глагола начался с третьих лиц, как это было и в древнерусских памятниках вообще. Особенно легко опускался вспомогательный глагол, когда при причастии стояло подлежащее, которое само указывало на лицо. Примеры: Грамоты: уздумалъ, ѣхали (1229 г.), оутеклъ, реклъ, былъ, не бывалъ, пришли (ок. 1300 г. Витебск.) (Срезн., 230), поведили [1497 г. (Арх. С. I, 3)], Шахматъ жо Фредрикъ и то намъ *поведала* се жалобою (ок. 1300 г. Витебск.); Сб. XV в. Публ. б. № 391; оубачи̑ (1), чꙋва̑ альбо слыша̑ (2), не имѣлъ (6б), оуспоменоу̑ (24б), ѡтꙗ̑ алʼбо ѡсеклъ (63), е́го бе̑ *коуси̑* (85б), магли (14), рекли (16б), ѣдывали (80), выгонивали (81), Лит. Лет.: Ритовтъ *реклъ* (3 Вил.), князь *реклъ* (6 ib., 32 Увар.), инялъ (2 Вил.), пошолъ (5 ib.), дръжалъ (4 ib.), пріѣждивалъ (2 ib.), наредиль (34 Увар.), вʼчиниᴸ (68 Крас.), подѣлиᴸ (73 ib.), саᴹ ѡ *христилᴸсѧ* (78 ib.), забираласѧ (68 ib.), присягли (2 Вил.), смовили (27 Увар.), дали (28 ib.), втеᴳнѵли (53б Археол.), таꙗ дѣла *сталася* (4 Вил.); Лет. Авр. XV в.: не присылывалъ (20б), сбѣжалѣ (70б), почалѣ (74), *шлъ* новгородцї (119б), людиі̑ в волховѣ *истопло* — много (225), ркли (85), ї̑збиша — *постръмилъ* (116б); Сб. XVI в. Позн.: позабивалъ (147), хоживалъ (154), кладывалъ (235), ѣждчывалъ (ib.), ѡчы *выскакали* (134), двоѣ щенѧтъ *прышли* (ib.), игрывали (228); Сб. XVI в. Крас.: подо̑ковала (20), ѡ̑на ѡповѣдила (40); Статут 1588 г.: примусилъ (29), казалъ, запрелъ (90); Гродн. Акт. кн. XVI в.: *жаловалъ* Демъяна (1), я, Янъ а Ондрей *смотрели* (ib.); Тайна Тайных XVI в.: *бл̃годарилъ* тѧ дхомᴹ радʼныᴹ (1б), мовиᴸ (75), ани *починалъ* жатʼного дѣла (6), *насутиласѧ* кожа на лици (38), гонили (гнаша) (44б), сʼпыталъ (31б), ѵлагодилъ (ѵтолилъ) [42 (45)]; Катихиз. 1562 г.: не ѣлъ (2 посвящ.), ѡпочинул (39), не соромѣлъ

(64), памѧтали (93б), мусели (1б посвящ.), мѣлы быти (41), в'текали (78б); Ев. Тяпин. 1580 г.: мовилъ (4б), отышол (5), взышло (ib.), елъ (15), всадалъ (59), вышолъ (27), засоромїлъ (31б), сеелъ (36), ламалъ (прѣломи) (38), ѹчинили (сотъвориша) (40), ѹругали ѣму (ругахуса) (44), бег'ли (текосте) [42 (45)], ѷналисе (ѿстеса) (ib.); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: гь *змѹилъ* мене (31б), реклъ (31), *загучалъ* весь городъ на нихъ (31б), лаклъса (32б), жадала (47), оу́с'хла (Пс. 128. 6), несъховали (59) *подраⁿ* мардохаи порты свои и ѡбо́локса волосѣнь и попеⁿ (129), море видѣ и *побѣжало* (72), боевали (77б), *поржавело* желѣзо (91б), нывѹхаⁿнецаᵖ *исполниⁿса* (116б); Псалт. XVI в.: мѐ тѐᵖпети (17), мѐ (48), ѡ́шо (7), бу́чсти (8б), повьста (8), не взрель (14), перехвалѐ (15б), *наведи* но́ю (17б), вмножи (19), ѡвратилъ (24), скора (28б), згради (40), гь *принѐ* ма (42б), не възавстыда́са (70), бу́зьѧви (74), допроводи (78), всмири (90), при″одену́са (112), принагаба (погъна) (ib.), розмышла́са (119), ненаве́ю *возненавиде* (135б), выторгъ (23), *ре* до мене (7б), *рекъ* безѹмый (53б), высоˣ (101), знашласа (17б), ѩзо'схла (23б), *сталаса* но (104), престаноула (108), боло (= бодало) (32), *мело* меть (59), побегло (115), кѹ гневѹ *побѹдили* та гᶜи (9б), не взнали (17), повыймали (37б), навчалиса (39б), *зошлиса* восполо (48б), *имели* е́го ѡсоуⁿⁿть (95), плынѹли (80), танѹли (таяли) (97б), вспоᵐнели (107); Сб. XVII в. Син. № 790: прихожувалъ (172), войну з рымляны *мевали* (145); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: станулъ (36б), выныⁿ (46), ѡсхла земла (3б), сталоса (106б), *се* в ней *крьли* (скрывались) (114), ѡфери иᵐ *чиневали* (6); Псалт. XVII в.: ꙗ не вѣдаⁿ (1), истареⁿса (2), *реклъ* несправеⁿливы' (4б), *поднесᶜлъ* на мене (17), нашоⁿ (79), розваза (105б), ѡзн'ами́лъ (106б, 113б), пода́лъ (130б), выслу́халъ (ib.), се ку́силъ (151б), едалъ (17), не е́да́лъ (104), бгъ *стануⁿ* (76б), царица станѹла (23), *росплынѹласа* ласка (22б), взрушиласа (63б), и по́крила (113б), вы́схло (ib.), розде́ли (1б), вымы́лили (77б), присегли (ib.), не змогли (150б); Ев. 1616 г.: ѳде́ржалъ (лѳ), ѳжи́лъ (ѳ), о́чисти́лѣ (2к), про́зрѣлѣ (рм), роздалъ (2рз), оу́литова́лъсѧ (ѳ), збыла́ (лд), ѳде́ржала (рле б), оу́мерла́ (2рме), не было́ (лд), почало́ (ѳ), взали́ (рб), жили́ (ма), не па́сли (ме), не пѧⁿнали́ (2кѳ б), по́мерли (2сое), понали (2сѕı б), почали́ (лд), оу́нали́ (лг), е́ли — пили́ (2аі). Если рассмотреть приведенные примеры, то нельзя не видеть, что решительное большинство их относится к 3-му лицу единственного и множественного чисел. В современной живой речи, конечно, исключительно господствуют подобные формы, а для выражения действия мгновенного однократного употребляются отглагольные междометия. Вот несколько примеров, более или менее замечательных в том или другом отношении: глыкану́ў (Мат. Б. № 31 Вилейск.), гло́кнуў (ib.), дала, дали́ (ib. № 22 Минск.), при́няла (ib.), уро́к, ураклà (ib. № 31 Вилейск.), позю́куў (ib. № 32 Орш.), маў (ib.), начали́ (ib. № 3 Могил. губ., 9 Бых., 11 Новоалекс.), отво́зили, приво́зили (ib. № 22 Минск.);

запеяў (Отч. 4 Новоалекс.), праніў, аддала (Малев. 121, 122 Слуцк.), даганíла (ib. 21), nahaniu̯ (Федер. I, 145 Суховоля), siedawiu̯sie (ib. 114 Порозов.), nim heto *stàlasio*, car *bieh* da domu (ib. 120 Рось); bûl u̯walíu̯sia (ib. III, 230 Дворец), patàu̯ na dno (ib. 164 Скидель); примеры на отглагольные междометия (baba *bryk* da harý nahami, sabàka *hap* za miaso i ucièki, jena *zach*, dròng łop! złamàu̯sie и т. д.) приводились нами в изобилии по другому поводу (стр. 62—63); там же было отмечено, что даже такие междометия иногда принимают окончание *-л'*, подражающее суффиксу *-лъ*: іонъ мне сноп *кидéль* (Добров. Смол.), сморгéль (Сл. Нос. 595).

г) Говоря об образовании прошедшего совершенного в старых западнорусских памятниках, нельзя обойти молчанием одного довольно распространенного полонизма, состоящего в том, что с причастием на *-лъ* сливается вспомогательный глагол в одну форму; иногда он присоединяется к союзу или другому слову: даломъ [гр. 1497 г. (Арх. С. I. 5)], дальсьми [гр. 1395 г. (А. XIII, 3)], штомъ выслужилъ [гр. 1499 г. (Арх. С. VI, 2)], которыємъ вышей поменилъ (185 Сб. XVI в. Позн.), поведаломъ (182 ib.), жем ранилъ (295 Статут 1529 г.), отробиломъ (75 Гродн. Акт. кн. XVI в.), вырозумѣломѣ (28 ib.), послаломъ (8 ib.), пошлисмы (49 ib.), которуюмъ я выменилъ (56 ib.), ямъ пришолъ (14 ib.), ямъ не брала (4 ib.), ямъ зоставилъ есми (43 ib.), противилистеса (1 11 Скор. XVI в.), поставил'сь (11л 8б ib.), пришоломъ (приидохъ) (6 Ев. Тяпин. 1580 г.), ненашоломъ (10 ib.), незналомъ (9б ib.), вызвалом' (вызвахъ) (3б ib.), ѵсхотеломъ (изволихъ) (15б ib.), вышоломъ (16б ib.), рекломъ (рехъ) [22, 34, 42 (45) ib.], приводиломъ (23б ib.), ѵпусьтиломъ (25б ib.), меломъ (26б ib.), стергломъ (ib.), хотеломъ (33 ib.), виделомъ (видехъ) (36 ib.); быломъ (бехъ) (36б ib.), та з'миловалом'се (25б ib.), зыскалом (приобрѣтохъ) (27 ib.), ѵпросилось (= ты упросил) (25б ib.), змовилосьсѣ (27б ib.), вошлось (30б ib.), выганалисмо (9б ib.), пророковалисмо (ib.), чинїлисмо (ib.), пришлисмо (3 ib.) выделисмо (ib.) (видехомъ) (36б ib.), немоглисмо (24 ib), оставилисмо (27 ib.), седелисмо (58 ib.), пошлис'мо (27 ib.), нечиталисьтель (26 ib.), ѵчїнїлисьте (29 ib.); слышало[м] крикъ (45 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) и под. Житецкий (Очерк Литературной истории..., 48) указывает, что подобные образования сильно распространены в западных украинских говорах. Такие формы, хотя и напоминают польские, могли возникнуть самостоятельно: польский язык только мог содействовать их сохранению (49 ib.). В живой белорусской речи нет никакого следа подобных образований; поэтому в старом западнорусском языке в подобных формах можно видеть только полонизмы.

Давнопрошедшее (plusquamperfectum) в старославянском языке выражалось посредством причастия на **-лъ** в соединении с **бѣахъ** или **бѣхъ**. В таком виде это время встречалось и в древнерусских памятниках, пока форма имперфекта была еще живою; но когда ее вытеснило прошедшее сложное, последнее *(былъ есмь, былъ)* стало входить

и в состав рассматриваемого времени. В старых западнорусских памятниках также кое-где можно встретить следы древнейших образований [бѣ самъ създалъ (82 Лет. Пер. Суздал.)], но обыкновенно в состав давнопрошедшего, кроме причастия на *-лъ*, входит прошедшее совершенное глагола *быти* в полном виде *(былъ есми)* или в сокращенном *(былъ)*. Приведем несколько примеров этого времени: Грамоты: старый панъ *далъ былъ* [1445 г. (Арх. С. VII, 2)] как и прежь сего было, быхмо... куплю мѣли (1465 г., Л. 204); Сб. XV в. Публ. б. № 391: ср҃це *было моусилоса* россѣти (7б), рабеи..., которыє *пришли были* из кгалїлеи свѣтчили иже видели (32б), соустретила на҃ ѡплавитость... мѫжо которыє нѣколи *измерли были* (ib.), како живи єсте которые неколи *оумерли были єсте* (ib.); Лит. Лет.: князь Ягайло *далъ былъ* Полтескъ брату, и они его не приняли (3 Вил.), *повелъ былъ* его в добрыхъ (29 Увар.), *далъ былъ* держати (ib., 3 Вил.), *оузялъ быль* (37 Увар.), князя Кестоутию оусадили оу вежю, а Витовта *оставили были* еще оу Вилни (33 Увар.), уже *взялъ былъ* (11 Вил.), сила тогы *собираласа была* [77 (8)б Крас.], витов'та ѡставили были [77(8) ib.]; Статут 1588 г.: быхмо не послали (10), старалихмося (67); Гродн. Акт. кн. XVI в.: якобы не... взялъ былъ (204); Скор. XVI в.: повелелъ былъ (Б 38б), гостемъ есмъ былъ (И 34б), ѳмыслилъ есми былъ (Е 4б), принали были есмо (Э 24б) (1506: prziyali gsme byli), былъ послалъ (Э 25); Катихиз. 1562 г.: бъ былъ чинити велѣл' (239); Ев. Тяпин. 1580 г.: бысмо были (быхомъ) (33), не были быс'мы (не быхомъ) (ib.); Р. О. стр. 184 (1561 г.): прибилъ былъ; Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: тела которое *бы*л *ѳвари*л (12б), *бы*л са҃ иса҃в *прода*п (22), царь дв҃дъ *зстарѣлса бы*л и ймѣлъ много дни' вѣку (190б); Псалт. XVII в.: жесь ихъ *бы*л *ѳмилова*л (20), рознѣва҃са есь бы҃п (45б), *еси* на҃ *бы*л ѡ҃кину҃л (46), *вывыши*л мя *есь бы*л (105), *бы*л *напалъ* стра҃х (112), ѡтр҃нули мя *были* (129б), згѝнула была҆ (165); Ев. 1616 г.: оу҃мѐръ былъ (҃е).

В приведенных формах давнопрошедшего обращают на себя внимание образования, вроде *быхмо* (ср. еще гр. 1465 г., 1465 г. пол. н., 1470 г.), *старалихмося*. Откуда в них *х*, да и каков их состав? Если отбросить личное окончание *-мо*, то останется *бых-*, которое трудно не поставить в связь с аористом **бꙑхъ**. Последний, хотя уже и не жил в языке, но память о нем еще сохранялась, особенно в формах условного, где **бꙑхъ** еще долго держалось. Однако спряжение этой формы уже давно было забыто или смешано с другими образованиями; поэтому естественно, что к ней прибавили личное окончание *-мо*. В подражание *быхмо* образовано и *старалихмося*. Встречающееся иногда *бысмо* (Статут 1588 г. 67), *бысмы* (Сб. XVI в. Позн., 202) нельзя, кажется, иначе объяснять, как *были + есмо*, *были + + есмы*, слитые по аналогии *быхмо*. В живой белорусской речи давнопрошедшее встречается очень редко и как особая форма прошедшего

не чувствуется: я крепко ужасно *быв уснув* (Ром. VI, 51 Горецк.), ja быў зан'амóх, ja *прышóў быў*, ал'е jагó не застáў.

Условное (conditionalis) и сослагательное наклонения в старославянском языке образовывались, между прочим, через прибавление к причастию на **-лъ** соответствующих лиц аориста **бꙑ҂ъ**. Тем же характером отличается это образование и в старых западнорусских памятниках, причем первая часть *быхъ* иногда отделяется от его окончания, так как живучесть этой формы уже была утрачена. После разделения форм *быхъ* на две части, на вторую, например, на *-сте*, стали смотреть, как на настоящее время глагола *есмь*, и когда начали опускать формы *есте*, *сутъ* и т. д., например, в прошедшем совершенном, тогда явилась возможность довольствоваться только частью *бы* для обозначения разных лиц условного, тем более, что уже в старину в ней совпали два лица — 2-е и 3-е единственного числа. Раньше всего начали употреблять *бы* для 3-го лица множественного числа, а затем и для других. В 1-м лице множественного числа вм. *быхомъ* обыкновенно употребляется *быхмо*. Приведем примеры: Грамоты: просилъ мене, што *быхъ* опять *отдалъ* ему [1445 г. (Арх. С. VII. 2)], просили насъ *абыхомъ* васъ *пꙋстили* (п. 1341 г. Кест. и Люб.), *абы сте пꙋстили* жито (1. о 1300 г.), ани *смѣли бы есте* взяти (1440 г., Сб. 7); Сб. XV в. Публ. б. № 391: што *бы* ми *єсте* йхъ не *ѡнимали* (1), протожь коли боудете хотели и'мати їс°а *штобы єсте* не *ꙁымали* ꙗкова (1), оучинь такъ што *быхъ* ѧ перво *оумерла* (3), не *бы*ᵃ *бы*ˣ вида͡ жидо͡ (8б); Лит. Лет.: што *быхмо* с нимъ поговорили (6 Вил.), онъ и я *дали быхмо*, *быхмо держали* (ib.), послалъ *штобы еси уеднялъ* (6 Вил.), где бы° *мели* поселити (64б Крас.); Сб. XVI в. Позн.: абы еси собралъ (130), хотѧ бы мѧ *єси послалъ* (96), жедаєть *абы єси* єму *далъ* (145), ажъ *бы есте ехали* (147); Сб. XVI в. Крас.: *хотеˣ бы*ˣ того̀ радъ вѣдати (46), рада *бы*ˣ то *з'вѣдала* (25), раᵈⁱ бы̀ *вѣдали бы* все было въ иˣ вѣне (206), *п'рес'тали* бы̀ з'лос'ти (118); Статут 1588 г.: здрады не *были бы* вѣдоми (3); Гродн. Акт. кн. XVI в.: била челомъ, же *быхъ* ей *дозволилъ* (2), тое жито мнѣ приповѣдили, а *быхъ* его не *жалъ* (14), *быхъ мѣлъ* складати; Тайна Тайных XVI в.: *ѣлъ бы̀ єси* х'лебъ (56), *дабы̀* не *бы*ᵃ оу҃праᵛ и любаи̯ прю (12), *абы*ˣ х'то тебѣ́ не *видѣ*ᵃ (1); Скор. XVI в.: быхсѧ не стыдилъ; анибыхъ поглѣдел' (Ц 188б—189), и *былъ* ли бы сѧ *съпротивилъ было бы* дивно́ (Ср 26б) (a bylliby zprotiwil byloby diwnie), и что ты веси егоже *быхъ* и мы *невѣдали*, или что разумеешъ чего *бы'хмы неѳмѣли* (1 20б) (czo znáss gesstobychom ńeznali czemu rozumijess gessta bychom nevmieli) и т. д. (Владим. 291); Катихиз. 1562 г.: ѧбыхъ его позналъ (1), абы ѣсь долго жилъ (3), *абы ѣсь* в ѧму не ѳпалъ (2б посвящ.), клалъсѧ — дати 'ѡ што *бы просила* (26), Каи̯'н, который вѣрити не хотѣлъ ѧбы емѳ бг҃ъ ѿпѳстити *мѣлъ*, йже брата своѣго ѳбилъ (8), *колибы ѣсмосѧ* ѿ ѿца и ѿ мат'ки народив'ши не *потребовали* йны людеи̯ помочы — йнобы ѣсмо не дол'жни (51), замыкаѣть, а *бы*ˣ*мо* — не *жаловали* (88); абы ѣсмо были (9б), абы есьмо — знали (4), да не ѳчинили бы есте (10б);

Ев. Тяпин. 1580 г.: нї далъ бы (35), сторожу злодей *чулъ бы* (ib.), взалъ быхъ (ц.-слав.) (36). Часто в значении финальном или вм. повелительного: бысь непоткнул' (да не преткнеши) (4б, 16), иж бысь не ѻбъавїлсѧ (да не ѩвишисѧ) (8), *бы* не сужені *были сте* (8б), вышолъ сеючий *бы сѣалъ* (да сеѣть) (17), бых одедичилъ (да наслѣдствую) (57б), бысь ѯчинилъ (58), быхъ ѯчинилъ (да сотворю) (28), бы меломъ (да имамъ) (26б), речи *бы съдела* (да *садета*) (27), бысь поведалъ намъ (да речеши) (39б), занехай *бы виделис'мо* (ѻстави, да видимъ) (44б), бых' и там' проповедалъ (да йту п'роповемъ) (44б), але бы ведалисьте (но: да увѣсте) (45), бы были с'нимъ (да будуть), бы послалъ (да посылаѣть) (46б), бы йналї (да имуть) (46б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: чемъ *бы*ˣ *была* (83), трудилиб'сѧ (77), ѧбы оуслышаᷯ (Пс. 25. 7), робили бы сѧ (Пс. 126. 1); Псалт. XVI в.: нехай быˣ ѿпаᷯ (10б), навчилиᶜ быˣмо (92б), быˣмо могли (107); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: корабль бѯдоваᷣ в которомᵘ *бы могълъ бы*ᵑ ѯйти посполитои плѧги (2), ѿбыхмо были помеᵖли... а быᶜмо не ѯпали (85б), ѿ*бы*ˣ *мълъ* мечъ, же *бы*ᵘ тебе *забилъ* (92), старе'тесѧ а бысте чинили волю его (291); Псалт. XVII в.: если бы есь судити хотѣᵑ (32б), тогды быˣ згинѯᵑ въ трапе́ню моеᵘ (138б), мнималъ же быˣ быᵑ тобѣ подобныᵘ (31б), быˣмо запаметали (21б). В современной речи признаком сослагательного является только *бы* или даже *б*, прибавляемое к формам на *-лъ* или к союзам. Происхождение этого *бы* совершенно забыто, вследствие чего даже является возможность перехода *бы* в *ба* и его удвоения: zakazytàubyb (Федер. II, 66 Рось), ździòrbyb (ib. 12 Лысков), ўзя́ў ба, даў баб ямý харашéнька, кинуў баб (Раст. 118), я еў быб, штоб дали (Парич.).

Будущее совершенное (futurum exactum) в старославянском языке также образовывалось из причастий на **-лъ**, к которому прибавлялся глагол **бѫдѫ**; то же было и в древнерусском языке. Подобные же образования встречаются и в старинных западнорусских произведениях, напр.: Сб. XV в. Публ. б. № 391: боудете хотели (1), боудоутсѧ кланѧли (17б), боудеᷯ радиᷯ (51); Гродн. Акт. кн. XVI в.: тивунъ може то вѣдати, въ кого што *будетъ купилъ* (2); Бел. Арх. II: будеть помагалъ [1533 (XVII в.)], будеть в нятство *сажалъ* и на паруку *вдавалъ* [1530 (XVII в.)]; Катихиз. 1562 г.: покуль — будеть рачилъ (5б предисл.); Псалт. XVI в.: боудѯ гониᵑ (20), ѿкропѧᷯ бѯдѯ (10), ты *бѯдешь блᶜгвиᷯ* праведᵑника и — защитиᷯ ѥстъ наᶜ (10), бѯде приствповаᷯ (9); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: жадеᵘ тобѣ боронѝ не *бѯде моглъ* того (17), не *бѯде хотѣла* ити (17б), не *бѯдѯ ѣлъ* ажъ ѿмовлю речъ свою (18), ѩ будѯ цаᵖствоваᵑ (190б); Псалт. XVII в.: рѯка моѧ *будеᷣ помогала* (88), что *буде моглъ* (92б), будѯ спѣвалъ (рядом с *будѯ спѣваᷣ*) (103б), буде скригитаᵑ (125б), чини добро, а *будеᷯ мешкаᵑ* навѣки (2). Принимая, однако, во внимание то обстоятельство, что современная живая белорусская речь вообще не знает этого образования, кроме говоров, на которых сильно заметно польское влияние [будзешь праси́ў

(Мат. Б. № 2 Сокольск.), ja ciebie *budu* wiǫz (Федер. I, 145 Суховоля), budziesz walaczyǫsa (ib. 161 Свислочь), chto bùdzia mieǫ (ib. II, 252 Молчадь), bùdziäsz mǫh (ib. 339 Волков.), можно предположить, что те немногочисленные случаи и в старинных памятниках, где встречается будущее совершенное, обязаны своим существованием польскому влиянию, тем более, что будущее совершенное в XVI—XVII вв. из памятников вообще древнерусского языка исчезло совершенно.

ВЫРАЖЕНИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

Будущее 1-е, ставшее в современной речи будущим временем вообще, в старину выражалось следующими способами:

1) Формой глагола настоящего времени, имеющей значение вида совершенного, особенно в соединении с приставкой: сполнѧтьсе (26б Сб. XV в. Публ. б. № 391), еще петоу^{х} не запоѣть (5б ib.). изгадают (порешат) (7 Вил.), придобудуть (приобретут) (28 Увар.), забиѣть (123 Сб. XVI в. Крас.), *ѿпоустѣеть* ѝ скажено боу̑де (139 ib.), в'се и'знаи'дешь, оу̑ведешь (5 Тайна Тайных XVI в.), напишю (12 ib.), ѿб'ретѣшь (19 ib.), выдаси (Д 39б Скор. XVI в.), продаси (Б 47б ib.), знайдешь (37 Катихиз. 1580 г.), ѧ выдамъ (37б Ев. Тяпин. 1580 г.), наидешъ (2), ѻ̑дедичъте (наслед̑ите) (36б), вым̑ (64б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), назришь (77б ib.), сполнишь (88б ib.), не събьешь (94 ib.), не сѧд̑ (27 Псалт. XVI в.), ѿслобож̑ (51 ib.), зарад̑ѥтсѧ (52 ib.), процвекне̑ (94б ib.), ѿдаси (61 ib.), поласи (104 ib.), ѿве^{р}нешь (12 ib.), зламле̑ (7б ib.), перепре̑ (51б ib.), оу̑вэйд̑ (9б ib.), доженъ (20 ib.), в'стан̑ (27б ib.), похоч̑ (50б ib.), не выдаси (107б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), ѡде^{р}жишъ (3 Псалт. XVII в.), змилуешъсѧ (105 ib.), ѡбно̑вишъ (109 ib.) и т. д. Эта форма выражения очень обычна и в живой речи: понесу́, похвалю́ (Мат. Б. № 11 Новоалекс.), застрелю (ib. № 22 Минск.).

2) Чаще, однако, будущее выражается описательно. В старославянском для этого употреблялось неопределенное спрягаемого глагола и настоящее время глаголов имамь, хощ, наоучнж; в древнерусском языке к этим глаголам присоединилось еще *буду* (Собол., Лекции[4], 237—238). В старых западнорусских памятниках встречаются образования с *иму — маю*, *хочу* и *буду*, как можно видеть из нижеследующих примеров: Грамоты: будемъ держа̑ (1388 г., 23), маетъ отповедити (1432 г., СВ. 5), *маеть* онъ дань *давати* [1492 г. (Арх. С. III, 2)] — в обоих случаях с оттенком долженствования; Сб. XV в. Публ. б. № 391: што ми *хочете дати* (1); Сб. XVI в. Крас.: боу̑де̑ оучити (57), *боу̑де̑ хотети* бы̀ти ѐдинъ на дрѹ̑гого (120), сѧ маѣть наро^{дц}ти (41), маѣть оу̑мр̑ти (42), маѣть — помощи (43), ѣ има^{м} верити (86), ч'то хоще̑ прїйти (90); Статут 1529 г.: будуть стояти (158); Статут 1588 г.: мають мети (74), со'микъ *трвлти маеть* (76), мощь *мети будуть* судити (179); Гродн. Акт. кн. XVI в.: маетъ найти (169); Бел. Арх. I: мети мают (1603); Тайна Тайных XVI в.: м'ного̀ *наложиць маю* (42),

и҃меть чюжагѡ именїа *жадати* а с'воегѡ щадетн (61б); Скор. XVI в.: не будетсѧ боѧти (П 47б), маю ѹчинити (И 33б), мають приити (Д 8б), справоватисѧ имають (Б 2б); Ев. Тяпин. 1580 г.: мети маешъ (26б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: домъ е҆го порохо^{м} *маѥ҃ быти* (117); Псалт. XVI в.: бѹдѐ$^{\sim}$ мови$^{\sim}$ (7б), не бѹдѹ ходи$^{\sim}$ (27), кого^{ѫ} сѧ бѡѧти бѹдѹ (27б), спевати бѹдоу (ib.), зараѧуѣтсѧ ѩ҃ко$^{\sim}$ и *бѹдесѧ веселить* (16), е҆сти бѹдѹ$^{\sim}$ (24), выхвалати ѩ҃мѹ (54), трывати ѩ҃мѹ (123), боудемо хвали — ѩ҃ *взыватиѩ҃ме*^{м} (75б), хвалити име^{м} (82б), *выхвалѧтѝ име*^{м}*сѧ* по вси дн҃и (45), хвалѩтѝ имоу$^{\sim}$ (113б), соу^{дн}ти име$^{\sim}$ (sądzisz) (95), докѹ$^{\wedge}$ г^{с}и ма$^{\sim}$ *забыва*$^{\sim}$ (15), маѥ$^{\sim}$ мѣ$^{\sim}$ (100б), маѥ^{м} ме$^{\sim}$ (117); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ести будете (51), если будѹ$^{\sim}$ стеречъ (193б), будете храма$^{\sim}$ (210б); Псалт. XVII в.: выслави$^{\sim}$ будѹ (1), и долго^{ѫ} гд҃и на то *смотрѣти буде*^{ш} (ib.), ѿ$^{\sim}$ насъ *рѧдити буде*$^{\sim}$ (27), не буде^{м}сѧ боѧти (24), будѹ$^{\sim}$ дѣдичити (7), стеречи не будѹ$^{\sim}$ (89), маѥ^{м} мѣти (47) и т. д. В современной речи для образования сложной формы будущего, как и в русском литературном языке, употребляется *буду*: буду нясци́, буду хвали́ць (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум.; ср. 6 Диснен., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 17 Речицк. и др.); будзя^{ў} ици (Малев. 127 Слуцк.). Несколько с иным оттенком еще кое-где употребляется и *маю*, напр.: маю быць мяцен (Шейн Мат. I № 232 Лепп.), як маю докучаць, дак и сам зраблю́ (Мат. Б. № 7 Минск.); як маю ходзи́ць па людзях, дак барджей сам зраблю́ (ib. № 8, ср. №№ 13 Свенц., 14 Новоалекс., 18 Витебск.); чым ма́ю драма́ць, лепей пойду́ спаць (ib. № 11 Новоалекс.); с ким жыци маю (Малев. 60 Слуцк.), hrajmo kalì majem hraćˊ (Федер. I. 63 Изабеллин).

3) Довольно распространено в южных говорах *иму*, которое здесь служит для образования особого типа будущего сложного: *иму* тесно сливается с окончанием неопределенного в одно слово, теряя свое начальное *и*, как это бывает и в украинском языке, напр.: ици́му (Шейн Мат. I № 359 Слуцк.), собира́ць муць (ib. № 580), йциму, йцимеш и т. д. (Мат. Б. № 10 Мозыр.); роби́цьму, роби́цьмеш, роби́цьме, роби́цьмем, робицьмеце́, роби́цьмуць (ib.); отчиня́цьму (ib.), несци́му (ib. № 17 Речицк.), хвали́циму (ib.) (и буду несци, хвалиць), мо́же ма́сло *бра́цьмеце* (ib. № 19 Гродн.) (Мигово); «мы тут сяго́дня й начава́ць бу́дзем», — говорят молодые девушки, а старухи у них спрашивают: «а дзеш вы тут *начава́цьмеце?*» (ib. 21 Слуцк.); уметимиш, стаятимиш (Ром. Мат. Гр. П. 199 Волков.), несци́му, е́сциму, хвали́циму (Отч. 27 Речицк.) (Брагин); брацьму, прасиць му, казаць му, меш, ме, мем, мяце́, муць (Малев. 18 Слуцк.); ni dmùchaćmu (Федер. I, 157 Лысков), mahczy̆mu (ib. III, 104 Шидловцы), niczoho ni miećmiesz (ib. I, 171, 172 Дворец), dùmaćmie (ib. 89), musićmie pryhräwaci (ib. 157 Лысков), ścierähczymie (ib. 275 Шидловцы), ludzi miercimuć (ib. 8), chadzìcĭmuć (ib. 15 Лысков), ni zaczaraćmuć (ib. 88 Дворец), ni szkòdzicĭmuć (ib. 196 Беловежь); в этом же роде читаем запись Войниловича из им. Цехово Слуцк. (Собр. бумаг Бодянского № 148, л. 1б):

Da Anioły iść́imuć́
Da dolu niaść́imuć́.

Когда я впервые отметил подобное образование в белорусском языке («Обзор», 115), Житецкий («Очерк», 133) нашел мое утверждение неправильным, и в формах, вроде *раб'и́ц'иму*, видел украинское заимствование. Писавши свою работу «К истории звуков и форм белорусской речи» в 1892 г., я побывал во многих местностях Новогрудского уезда (Ятра, Валевка, Березовец, Цырин, Щорсы, Полберег) с целью проследить распространение этой формы, и мне везде отвечали, что рядом с *буду раб'и́ц'* говорят и *раб'ицʼиму*. Таким образом районом распространения будущего типа *раб'и́ц'иму* следует считать местность, лежащую к югу от Гродна, Новогрудка по направлению к Речице. Образование это, как можно видеть из записи из Слуцкого уезда (№ 21), вытесняется формами типа *буду рабици*; это стало тем естественнее, что состав этого образования уже, повидимому, затемнился [ср.: чым буду *ходзи́цимо* да *проси́цимо*, тым бардзей сам зраблю (Мат. Б. № 17 Речицк.)].

СУДЬБА АОРИСТА И ИМПЕРФЕКТА

Нами еще не рассмотрены формы аориста и имперфекта, случаи употребления которых иногда можно встречать в старинных западнорусских памятниках. Если бы выписывать названные формы из произведений с преобладающим церковнославянским элементом, то их можно бы набрать много, но в памятниках с преобладающими народными чертами их очень мало. Из рассмотрения форм perfekt'а можно было видеть, что они заменили собой и аорист и имперфект. Тяпинский, например, в своем переводе Евангелия церковнославянские аористы, написанные рядом, систематически передает формами прошедшего совершенного.

Рассмотрим случаи употребления аориста. Он встречается даже в таких памятниках, как летописи. Но в них, как и в других произведениях, формы аориста, с одной стороны, смешиваются с 3-м лицом настоящего времени, когда у него не бывает окончания *-т*, особенно у глаголов вида совершенного, которые совершенной формой настоящего времени нередко выражают прошедшее действие; с другой — самые формы аориста часто имеют неподходящие образование и окончания; вообще можно сказать, что аористы уже не чувствовались живым явлением. Примеры: гр. 1266 г. (Л. 15): порядися; Лит. Лет.: бе (12 Вил.), да (8 ib.), онъ *жда* брата (1 ib., 27 Увар.), *вогна* въ городъ (28 ib.) [= вогналъ (1 Вил.)], *озябе* в ногы (1 Вил.), начя (9 ib.), начятъ (11 ib.), начать (12 ib.), взять его (10 ib.), ста, поча, уступи (9 ib.); сътвори (ib.), не вчини (8 ib.), князь Олкгирдъ борздѣи поспѣшитъ ехати къ брату своемѫ ко князю великому Кестутью. И Кестутій *рече* ... (2 Вил.); слышахомъ, рекоша (9 Вил.); начяша (8 ib.), стрѣти (11 ib.), стретиша (38 Увар.). Примеры неправильных образований: Богъ *поможи*

князю (37 Увар.) [= поможе (11 Вил.)], узри (11 Вил.), князь великый *бежи* вновъгородокъ (12 ib.), изгибе слнце и *скрыи* лоуча своя (43 Увар.). Примеры употребления без всякого разбора разных форм аориста: князь *Свѧцьславъ* советъ *сотвориша* съ кземъ Андреемъ (35 Увар.), князь *Витовть* созваша (46 ib.), князь *Дмитреи Шемяка изымаша* (57 ib.); побиша — поимаше (53 ib.), *мы ему не створишя* (9 Вил.), *мы* ни коего зла *сотворша* ему (36 Увар.), *оучинишя панове* (56 ib.), сотворыши (3-е л. мн. ч.) (35 ib.); Лет. Авр. XV в.: *види* диаволъ (1б), чьсо раⁿ не ѣста (1б), повелї гъ (131), приѣзди (156); Сб. XVI в. Позн.: и *прыйде* Смердодуга поганинъ ѕ ложницу къ жоне своєй и *рече* (114) (ср. «ist für den Schreiber 3 Präs ohne -ть». Brückner, Archiv, IX, 365); Скор. XVI в.: ростѧгоста (Ц 142), срѣтостасѧ (П 44), створисте (1 15), ходиховѣ (Ч 31б) — церковнославянские заимствования, но некоторые образования подражают церковнославянизмам, причем часто смешивают окончания лиц: азъ выложихъ (Д 4б, 14б), неприатели обогатишесѧ (Пл 3б), вразн ѕслышаше (Пл 5), егда наполнишесѧ дние (Д 6б). Очень любопытны следующие случаи из Скорины же: пришлахъ (Ц 125), хотелахъ, позналахъ (Ц 128б); далахъ (Б 29, Ср 39б), слюбилах' и знашлах' (П 14), седалохъ (1 35), лекахъсѧ (1 8) (lekal se), слышалахъ, дондежехъ сама пришла (Ц 149б) (ср. Владим. 290). Если Скорина где-либо встречал в памятниках подобные формы, а не придумал их сам, то они возникли следующим образом: писцы часто смешивали формы аориста и perfecť'a, для чего надписные *х* заменяли надписными же *л*; видя же, что *х* и *л* одинаково могут обозначать прошедшее действие, переписчики, а иногда и авторы находили возможным приписывать *х* там, где для него не было никакого основания. Формы аориста встречаем и в других памятниках: Катихиз. 1562 г.: (в текстах Св. Писания) ѣдасте, ѻдѣвастесѧ, закаласте, пасосте (69б—70); молиє *поѣдота* (63), приравнасѧ (223), небеса *ѻутвер'дишесѧ* (125б), ѻумрѣт'же и богатыи (131б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: положиˣ (46), и нахъ ѣго (83б), не *дбаˣ* родѫ (65б), *измо́лче* гортань мои (55б); Псалт. XVI в.: оѹвойдоˣ (27), надеѧˣсѧ (31, 40), ходиˣ (39б), еваˣ (101), ѿсече (77б) и т. д., ростворѧˣлъ ѣсми (101) (со смешением аориста и прош. соверш.); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ввѣдѣ до дому (23). — Живые белорусские говоры никаких следов аориста не сохранили.

Еще меньше можно встретить остатков имперфекта, также не бывшего в старых западнорусских памятниках живым явлением. Случаи его употребления следует рассматривать или как заимствование из церковнославянских оригиналов (иногда даже в нестянутой форме с -ѣѧ-, -ѧѧ-), или же как подражание им. Вот несколько примеров: Четья 1489 г.: имѣахѫть (60б); Лит. Лет.: *бяше* емоу (47 Увар.), *повоеваше* и пожже (35 ib.), жявяше (48 ib.), не можаше (13 Вил.), избираху, запираху, кладаху, зажигаху, тыкаху (9 ib.); Лет. Авр. XV в.: имаше (12б); Скор. XVI в.: имеаше (Пл 3б), пиаше (Д 18б), вопиаше (Д 10); Псалт. XVI в.: велемовѧхѫ (40). — В живых белорусских говорах никакого следа имперфекта не имеется.

ПРИЧАСТИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

От основы неопределенного образуется причастие прошедшего времени страдательного залога посредством прибавки суффикса *-н* или *-т* (из основн. слав. *-нъ* и *-тъ*); в живой белорусской речи эти причастия больше употребляются в полной форме; примеры: обраными (выбранными) [гр. 1499 г. (Арх. С. VI, 2)], взґоужены (79 Сб. XV в. Публ. б. № 391), посылывано (73 Статут 1588 г.), починана (157 Гродн. Акт. кн. XVI в.), даного (5б предисл. Катихиз. 1562 г.), заблужоное (24б Ев. Тяпин. 1580 г.), прозро᷍ (предусмотрен) (134 Псалт. XVI в.), *ростае᷍ныи* воскъ (23б ib.), *скрꙋшены*ᵐ срᵡцеᵐ (34б ib.), *выбавѐ᷍* г᷍и вчини люᵡ свои᷍ (29 ib.), кова́ныˣ (101б Псалт. XVII в.), повѣда́но (146б ib.), поставле́ны (147 ib.), высыпа́на (Ев. 1616 г. м᷍д), зара́женого (ib. 2рн б), поте́мнены (ib. 2cos б), преслѣ́дованъ (ib. о᷍в), прода́нъ (2 ꙁг), вы́браны (Мат. Б. №№ 8 и 15 Игум.), зме́неный (ib. № 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), ла́таный (ib. №№ 6 Диснен., 17 Речицк., 18 Витебск. и т. д.), накры́шены(й) (ib. №№ 4 Могил. губ., 23 Минск. и т. д.), напбу̀нены (ib. № 8 Игум.); иногда этот суффикс встречается на месте ожидаемого *-т* [*ко́лсно* было̀ бы́дло (Ев. 1616 г. 2ое б)], а иногда вместе с ним [чу́цен, -тна, -тно (слышен) (Сл. Нос. 703)], хотя ввиду отсутствия *е* в женском и среднем родах здесь можно усматривать и суффикс прилагательного *-ьнъ*. По образованию замечательно *писо́ны* (Отч. 4 Видзск. вол.). И в белорусском языке, как и в русском литературном языке, *н* может удваиваться, или — говоря точнее — осложняться прибавкой суффикса имен прилагательных: ро́жденный (Ев. 1616 г. 2рп θ), оу̀пита́нного (ib. ꙁı), наима́нный (Мат. Б. №№ 9 Бых., 31 Вилейск.), нау̀ченный (ib. №№ 13 Свенц., 14 Новоалекс., 17 Речицк. и т. д.). Примеры с суффиксом *-тъ*: оузѧ (27 Сб. XV в. Публ. б. № 391), забито (389 Статут 1529 г.), вытаты[ˣ] (Пс. 126. 4 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), зринꙋ̀тыи᷍ (60б Псалт. XVI в.), прокла́ты (Ев. 1616 г. м᷍в); последний суффикс очень часто бывает на месте *-нъ*: *дата* въ троцехъ [гр. 1455 г. (Арх. С. VII, 3)] (не буквальное ли это воспроизведение латинского?), достаты [209 Сб. XVI в. Позн. (завоеван)], застата (384 Статут 1529 г.), поломатые (152 Сб. XVII в. Син. № 790), pazamy̑kato, pazapiėrato (Федер. III, 47 Рось); более редкое образование: ѡдѣноута (47 Псалт. XVI в.).

ВЫРАЖЕНИЕ ФОРМ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

Для форм страдательного залога славянские языки не имеют особых образований; они выражаются в них двояким способом: либо берется причастие страдательного залога (для несовершенного вида — больше настоящего времени, а для совершенного — больше прошедшего времени) и соединяется с соответствующими формами глагола **ѥсмь — бꙑтн**, либо берутся формы глагола действительного залога и к ним прибавляется возвратное местоимение **ся**; последние образования возможны не от всех глаголов действительного залога. Указанные способы

выражения страдательного залога известны и старому западнорусскому языку; что касается живых белорусских говоров, то в них вследствие утраты многих форм от глагола *есмь* почти неизвестно первое образование — с причастиями, да и случаи второго не часты. Приведем примеры.

Страдательный залог выражается причастием настоящего времени: боудоу оукарѣѣми (213 Сб. XVI в. Крас.), нѣтъ вѣдомо за што (3—4 Гродн. Акт. кн. XVI в.), вѣдомо маѣть быти (1 посвящ. Катихиз. 1562 г.); страдательный залог выражается причастием прошедшего времени: Сб. XV в. Публ. б. № 391: потоуплѣ ѣсть (7б), хръщены ѣсмо (30б), завешины были (22), потоуплены были ѣсте (30), абы ѣсмы не заманы (29), боудѣ зва (66б), была видована звѣзда (92б); Сб. XVI в. Крас.: мѣло с'кажено бы (70), нога ѣс'ть была оуздравена (33); Гродн. Акт. кн. XVI в.: кгды тотъ листъ чтено (30); Тайна Тайных XVI в.: в'се ч'то поминано во к'низе сей (7б), помочь ѣго — не можеть бы̀ти забыть (60); Катихиз. 1562 г.: ѩхъ ѹбито ѡдного дна три тисечи (15), мѣла быть стерта голова (2б предисл.), такового звано ѹглашеннымъ (1б посвящ.), тыѥ слова вложоно... (163), ѩжь бы ѩхъ к' роботе приставлано (91б), на который (образ) были с'творени (2б предисл.); Ев. Тяпин. 1580 г.: бы повешено жор'новъ ѹсельс'кую на шиѩ его (24б) (да ѹбеситьса жерновъ ѹсельс'кии на выѩ ѣго); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: быхмо оу̀тѣшени (77); Псалт. XVI в.: а ѹставлѣ ѣсми ѿ него̀ (7б), выкинѣ ѥсмъ (23б), ѹхвачѣ ѣсть грѣны̀ (13), понесена ѐ великаа лепота твоа (11б), мѣ быть выслѹханъ (8б), мела бы выслѹхана (9), выда ѥсми бы ѩ не втека (89), бѹде ѹзна гъ (13), бѹде ѩска грех — и не найденъ (14), ѡ г҃и хвалена боудѣ дша моа (34), тобѣ боудѣ выдава(на) мл̀тва (62б), бѹдѹ выбавень (18б), бг҃ъ бѹде выслава (90), ховани бѹдоу (38б), не маю̀ быти забивани але роспорошони (58); Псалт. XVI в.: выбавлени сѹ̀ѡгда (116б), ѹнижо́ны сутъ (117), zмо́дованы есми вемми и ѹнижоны' (9), прировна́ны' ѐ быдлѧто (28б), нѣ сѹ̀ ѡтѧжени (53), бы есми битъ (54), коли вытрачени бѹдѹ (3), неха' гдъ будѣ вывышо (4), будѣ споминано имѧ твое, гдъ хвалѣ бы мае (22); Ев. 1616 г.: прина́ты былѩ (ѩ б)' ре́чено было̀ (2счѕ). Из живой речи разве отметим неопределенное: быц' б'йту, быц' паса́джа̀ну.

Страдательный залог выражается формами возвратного с *с'а*: Суд. Каз.: изнайдеть лись (54); Сб. XVI в. Крас.: боудѣ бг҃ъ ч'тоу̀щїй ѩ молѧщїйсѧ всем народомъ (63); Статут 1588 г.: покажет ли се (227); Скор. XVI в.: нежелиса словами пишуть (П 4), и туса навчил' всякое наѹки (Д 1б); Катихиз. 1562 г.: мѣласа вѣчера гдна зачинати (1б предисл.), маѣтлиса правда мовити (88б); Ев. Тяпин. 1580 г.: домъ моѩ домъ молит'вы назоветьса (29); Псалт. XVI в.: са показили (53), сеть ростогнѹла (127б); Псалт. XVII в.: што сѧ менуе царица (22), длѧ чого сѧ то дѣ́ѧло (56б), блгвисѧ (выноска: буде

бл҃гвѣ҃) (124б), ты ѥрꙋсалѝме, котори҆ есь сѧ будꙋешъ (147) (*есь* — лишнее) и т. д. Как можно видеть из приведенных примеров, *с'а* в старинных произведениях большей частью остается без перемены: очевидно оно еще не чувствовалось суффиксом возвратного и страдательного залогов. Хотя оно в некоторых случаях отделяется от глагола другими словами и даже предшествует ему, однако вряд ли можно допустить, чтобы *с'а* еще чувствовалось винительным падежом местоимения; в древнейших произведениях на подобном употреблении можно видеть влияние церковнославянского языка, а в более поздних — польского. В современных говорах *с'а* (*са*) ставится только после глаголов и тесно с ними сливается: сын упаў и *заб'ийўс'а*; знайшóўса (Гродн.).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

В заключение главы о спряжении еще коснемся особенностей отдельных глаголов. Эта статья будет лишь некоторым дополнением к тому, что сказано в отделе об основах (стр. 58—61) и глагольных формах (стр. 252—295). Говорить нам придется главным образом об особенностях современной речи.

Свои наблюдения расположим по классам.

В глаголах с корнем на губной в неопределенном губные или удерживаются без перемены, или отделяются от *-ц'и* вставкой *с*; иногда бывает и выпадение *п*: грапцѝ (Мат, Б. №№ 4 Могил. губ., 7 и 23 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 16 Бых., 17 Речицк., 25 Новогр.), грасцѝ (ib. № 4 Могил. губ.), грапсцѝ (ib. №№ 6 Диснен., 14 Новоалекс., 31 Вилейск.), наст. *грабý — граб'éш*; сопт҃ѝ (Бесс. Б. П. № 125), сапцѝ (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 8 Игум., 11 Новоалекс.), сапсцѝ (ib. №№ 7 Минск., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 23 Минск., 25 Новогр., 31 Вилейск.), наст. *сапý — сап'éш*; храпцѝ [ib. №№ 4 Могил. губ.. 5 Слуцк., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 15 Игум., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., 32 Орш. (-ти)], наст. *храпý—храп'éш*; скрапсьцѝ, скýпсьци (ib. № 31 Вилейск.), наст. *скрабý — скраб'éш*; скубý — скуб'éш, чаўпцѝ, што ты чаўп'éш? (делаешь). По неопределенному сюда относится *зачерпсцѝ* (Мат. Б. № 16 Бых.), и *зачарцѝ'и*, но наст. *зачарпл'ý — зачéрпл'ет* с суффиксом *-је-*, да и неопределенное иногда с суффиксом *-ну-* (*-нж-*): *зачарпнýць* (Мат. Б. № 31 Вилейск.). Относящийся сюда глагол ст.-слав. **плѣвж — плѣти** в белорусском, как и в русском языке, применил настоящее к неопределенному: палóц' — пал'ý — пóл'еш. Сюда же принадлежит: плыц' — плывý (ст.-слав. **плоути — плевж**); интересны pierärpłyųści (Федер. II, 72 Свислочь), вторично образованное к настоящему времени, *плусциць* (в рифму *ходзиць*) (Ром. III, 170 Борис.).

У глаголов с корнем на зубные следующие особенности. *Н'ас'ц'и'и* — причастие на *-лъ* в некоторых говорах имеет вид *н'ос — н'а́сла — н'а́сло*. *Нас'ц'и'и — насý* часто употребляется с удвоенным суффиксом неопределенного [пáсциць (Мат. Б. № 11 и 14 Новоалекс., 15 Игум.,

18 Витебск., 31 Вилейск.)], вследствие чего основой казалось *пас'ц'и-*, откуда *па́с'ц'иў* [па́сцили (Шейн Б. П. № 165 Лепп.), пасциў (Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 и 15 Игум., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 11 и 14 Новоалекс., 17 Речицк., 18 Витебск.)], *па́с'ц'иўшы* [запасциўши (Шейн Б. П. № 141 Витебск.; Мат. Б. №№ 6 Диснен., 11 и 14 Новоалекс., 15 Игум., 17 Речицк., 31 Вилейск.), па́сциўшы (ib. № 4 Мог. г.)]; с другой стороны, в этом же глаголе рано является вставочный звук *в* сначала вместе с *т* [паствити (1511 г. М. А. З), то же в древнерусских памятниках (Срезн. Мат. II, 883)] под влиянием слова *паства*, а затем и без *т*: па́свиць (Мат. Б. №№ 9 и 16 Бых., 18 Витебск, 25 Новогр., 31 Вилейск.), откуда — *па́свиў* (ib. № 4 Могил., 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 17 Речицк., 18 Витебск., 25 Новогр.). От того же корня иногда встречается вторично образованный глагол *спасиць* (Ром. III, 304 Бых.). К *цві́сці́* (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 18 Витебск.) наст. *ц'в'ату́* (= **цвѣтѫ**, но может быть и на месте *цвѣту*, укр. *цвіту́*) и *ц'в'иту́* (под влиянием неопределенного) 3-лицо единственного лица попадается в виде *цвіці́ц* (Шейн Б. П. № 165 Лепп.; Мат. Б. №№ 6 Диснен., 11 и 14 Новоалекс., 16 Бых., 18 Витебск., 31 Вилейск), 3-е лицо множественного числа *цвіцяць* (ib. №№ 11 и 14 Новоалекс.), прош., кроме *ц'в'і́ў* — *ц'в'или́*, *ц'в'і́ці́ли* (Шейн Б. П. № 13 Лепп.), *цвіцéў* — *цвіцéли* [Мат. Б. №№ 6 Диснен., 9 и 16 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 18 Витебск., 27 Лепп. (тьвицели), 31 Вилейск.], прич. прош. *цвіўши* (Шейн Б. П. № 13 Лепп.). Отметим еще более редкие формы: твясці́ (Мат. Б. № 32 Орш.), *цвёў* и *цвиг*, *цві́гли* (ib. № 4 Могил. губ.), пирог зацві́г (покрылся плесенью) (ib.). По настоящему времени принадлежит сюда глагол *jа́ду* — *jе́д'з'еш* и т. д. при неопределенном *jа́хаць*. Нам встретились формы повелительного: ець (Шейн Б. П. № 585 Лепп.), е́ццe (ib. № 599); то же в Мат. Б.: ець (№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 6 Диснен., 18 Витебск., 23 Минск., 31 Вилейск.), е́цьця (ib. № 18 Витебск.), едзь (ib. №№ 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 15 Игум.), па́е́дзимо (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 29 Новогр.); о форме *по́е́дома* см. стр. 269. Глагол *е́сци* — *есць* (Бесс. Б. П. № 53, Шейн Б. П. № 8 Лепп., ib № 5, Дыб. 167 Посл., Мат. Б., повсеместно) имеет неопределенные и с ласкательными суффиксами, как об этом мы говорили раньше (стр. 63—64); после согласного в нем иногда отпадает *ц'*: *есь* рядом с *есць* (Мат. Б. №№ 18 Витебск., 26 Себеж., 32 Орш.); прич. прош. *jа́ўшы*. О формах настоящего и повелительного, как принадлежащих основам на согласные, — в другом месте. К *даць* (Шейн Б. П. № 15 Лепп.) пов. *дай* (Сб. XVI в. Позн.), дайте (67 ib.), прич. прош. вр. страд. залога *да́д'з'аны*, образованное как *кла́д'з'аны*. О настоящем при основах на согласные. Глагол *ити* в белорусском языке редко имеет вид *иц'и* — *йц'и* (ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 10 Мозыр.), обыкновенно из настоящего времени в неопределенное заходит *д*, которое перед следующим *ц'* из *т* переходит в *с'*: ис'ц'и́ [Дыб. 150

Посл.; исцы́ (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 7 Минск., 13 Свенц., 11 и 14 Новоалекс., 18 Витебск., 25 и 29 Новогр., 31 Вилейск.)]; иногда попадаются написания *идци — ицци́* (Шейн Б. II № 12 Лепп. и № 257 Велиж.), несомненно подражающие орфографии русского литературного языка. С другой стороны, форма *ити* казалась недостаточно полной и поэтому уже давно были попытки прибавить к ней еще раз суффикс *-ти* [ср.: итьти (139, 243б Лет. Авр. XV в.)], что сказывается в русском народном *итить*, находящем отражение и в белорусском языке в *ицы́ць* [ср. Ром. IV, 211 Клим.; Мат. Б. №№ 26 Себеж.; пойцы́ць (ib. 13 Свенц. у молодежи), иттить (ib. 32 Орш., Шейн Б. П. № 257 Велиж.), ўзыйцици (Шейн Мат. I № 347 Витебск.)]; у Колосова («Обзор», 240) еще указано *идзи́ць*, развившееся из *иц'и́ц'* в подражание таким образованиям, как *ид'з'а́м* и под.; наст. вр. *йду́*, *йд'з'еш* и т. д.; отсюда *и — й* заходит и в примкнувшее к рассматриваемому глаголу прошедшее, образованное от корня *шьд-*: йшоў (Мат. Б., повсеместно). Гус'ц'и́ в настоящем спрягается следующим образом: гуду, -д'з'е́ш, -д'з'е́, гудзи́м (реже *гуд'з'а́м*), гуд'з'иц'е́ (и *гуд'з'е́ца*), гуду́ц'. *С'е́с'ц'и* наст. *с'аду́*, прич. прош. *с'а́ўшы*. Др.-русск. *сърѣсти* — сърачѫ (= ст.-слав. **сърѣстн — сърашт**ж) в белорусском языке изменилось в *стрéц' — стрáну*: стрець (Мат. Б. №№ 4 Могил., 8 Игум.), ўстрець (ib. №№ 7 и 23 Минск., 10 Мозыр., 18 Витебск., 31 Вилейск., 32 Орш.), прош. *стреў — ўстреў* (ib.). Иногда этот глагол заменяется производным: устрика́ць (ib. 18 Витебск.), устрека́ць (ib. № 31 Вилейск.), сустрыка́ць [ib. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск. (сустрака́ць), 8 Игум.; Изв. 188 (сустрека́ць)].

У глаголов с основой неопределенного на задненебный находим следующие явления. Неопределенные при основе на *-к* представляют а) *-чы*: п'ачы́, б) *-к'ци*, вторично образованное от корня на *-к*: п'акц'и́. Глаголы же, основа которых оканчивается на *-і-*, одного *-чы* не имеют, а представляют *-хчы*, куда *-г-* зашло из других форм; возможно и *-х'ци*, напр.: ле́гчы (Шейн Б. II № 163 Лепп., Дмитр. П. и Ск. Вильн. 46 Новогр.), налягцы́ (Мат. Б. № 31 Вилейск.), налегть (ib. 3 Могил. губ.), бирагчы́ (Зап. V, 307 Могил.), памахчы́ (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 8 Игум., 18 Витебск.) памагцы́ [ib. №№ 7 Минск., 9 и 16 Бых. (-ти), 10 Мозыр., 18 Витебск, 25 Новогр.]. В настоящем времени, вследствие аналогии, с одной стороны — видим несмягченный согласный и перед гласными переднего ряда: пяке́ць (Шейн Б. П. № 67 Витебск.), пяке́ (ib. № 150 Себеж.), вы́сикиць (ib д. № 22 Городок.), моги́шь (ib. № 761 Витебск.), пякёця [Даль (Словарь, 2, LXVIII)]; с другой стороны — находим смягченный согласный и перед гласными заднего ряда: как *п'ачéш*, так и *п'ачу́*, п'ачу́ц', мо́жуц', стрыжу́. Отметим *мо́жа* 3-е л. ед. ч. в смысле «может быть»; повел. *поможы́*, *лежы́* (Зап. I, 263; ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 14 Новоалекс., 31 Вилейск.). Впрочем, обыкновенно, кроме повелительного наклонения, чередование согласных бывает правильное.

Глаголы с основой неопределенного на носовой в образовании форм не отступают от старины: дуць — дму — дмеш (Мат. Б. №№ 14 Новоалекс., 16 Бых.) и *дьзму́* — дзьмеш — дзьмец — дзьмем (и *дзьмём*) — дзьмицё — дзьму́ць [ib №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 25 Новогр., 9 Бых. (дьму, дьмеш), 30 Речицк.]. Первоначально было *дму — д'з'м'еш*, а потом произошло двоякое подравнение: *дмеш* — форме *дму*, а *д'з'му́* — форме *д'з'м'еш*; мягкое *д* иногда заходит даже и в неопределенное: дьзму́ць (Малев. 172 Слуцк.). Отметим: узодме́ць (Шейн Б. П. № 350 Лепп.) и в вус не дмець (Зап. I, 315). Глаголы *'ўз'ац'* и *вы́н'ац'* имеют наст. *ваз'му́*, *вы́му* и *вы́йму* (Ср. Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 и 23 Минск., 8 Игум., 9 и 16 Бых., 10 Мозыр. и т. д.); не йме́ць (Зап. I, 256), йму́ць (ib. 313); пов. *вазьні* (Мат. Б. № 4 Могил. губ.). Прич. прош. вр. *пожа́но* (Зап. V, 97), *вы̀няў* (Мат. Б. № 31 Вилейск.).

Глаголы с основой неопределенного на плавный при ст.-слав. **-рѣ-** и литер. русск. *-ере-* имеют *-ер-*, вторично возникшее сочетание, случайно приблизившееся к основному славянскому: уме́рци (Гильтебр. CCXL Гродн.), ўме́рци [Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 9 и 16 Бых. (-ти), 13 Свенц., 23 Минск., 17 и 30 Речицк.]; сюда же относится и: умерть (ib. № 32 Орш.), ум'арц'и (Дыб. 362 Посл.), ўмярци (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 11 Новоалекс., 18 Витебск.), ц'ёр'ци. Такую же форму приняли и слова *драть*, *жрать*: дзе́рци [Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 7 Минск., 9 и 16 Бых. (-ти), 13 Свенц., 17 и 30 Речицк., 23 Минск.], дзёрци (ib. №№ 6 Диснен., 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), здзёрци (ib. 17 Речицк., 23 Минск.), дзе́рци липу (ib. № 13 Свенц.), но *драць сына* (ib. — очевидно, школьное выражение, заимствованное из русского); прич. прош. страд. залога *разд'з'о́рты* (также *разд'з'а́рты*) более обычное, чем выставленное Миклошичем (III, 282) *раздра́тый*. Наст. вр.; мру, зд'з'ару́, жару́ (и *жру*); прич. на *-лъ*: ўм'бр, -а́рла, зд'з'бр, -а́рла, жжор, -а́рла [поме́рла (Шейн Б. П. № 211 Диснен., Дыб. 123 Посл.) (pamierła), отпе́рла (Зап. V, 122)].

У глаголов с корнем на гласный в настоящем *-и-*, будучи под ударением, остается без перемены: брыйу, пов. пи (Шейн Б. П. № 10 Лепп., 426 ib.), би, заби́ (Зап. I, 260), пий (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 18 Новогр.), напийся (Зап. V, 262). Глаголы *б'иц'*, *п'иц'*, *л'иц* в настоящем имеют обыкновенно *бу*, *пу*, *л'л'у* [льлюся (Зап. V, 241), побъеть (143 Сб. XVI в. Позн.), бъючы (281 ib.). напьють (68 ib.)], но возможно и *б'ийу́*, *п'ийу́*, *л'ийу́*; *в'иц'* спрягается следующим образом: ўйу ўйеш и т. д., но в сложении с предлогами может быть и *ўв'у́*: *саўву́*, хотя и здесь чаще *саўйу́*. При ст.-слав. **рютн — рекж** имеем *раўци́ — раву́* [ср.: ре́вти (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), реўци́ (ib. № 15 Игум.), раўци́ (ib. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 11 Новоалекс., 23 Минск.) и даже *раўсци́* (ib. № 13 Свенц.)]. От глагола *куц'* (ковать) отметим прош. *коў* (Шейн Б. П. № 44 Витебск.) вм. *куў* под влиянием *кова́ў*. Глагол *п'ец'* в настоящем имеет: пею́ (Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 7 Минск., 8 Игум., 9 Бых., 11 Новоалекс.), пяю́

(Шейн Б. П. № 394 Лепп., Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 18 Витебск., 31 Вилейск.), пеéшь (Зап. I, 295), пяéць (Шейн Б. П. № 24 Лепп.), напеéм (ib. № 562), пяю́ць (ib. № 186), пеюць (ib. № 211; Зап. V, 76); повелительное — *пей* (Бесс. Б. П. № 176, Дыб. 412 Посл.). Во всех этих случаях основа настоящего подравнена к основе неопределенного (ср. стр. 56—57).

Из глаголов с корнем на согласный, но имеющих в неопределенном суффикс *-а-*, обращают на себя внимание следующие: звац' — зав́у, зав'еш (и *зву*), з'веш; пов. *зав'и́* и *зви'*; ждац' — жду, ждж́еш, ждже (Зап. I, 11; ib. V, 118), ждуць (Зап. V, 217). Глагол **гъиатн** — **женж** правильно отражается в белорусском языке: женеть (1 Гродн. Акт. кн. XVI в.), женуть (12 ib.), гнаць — жан́у (Мат. Б. № 5 Слуцк.), жане́ш [ib. №№ 5 Слуцк., 8 Игум., 10 Мозыр., 17 Речицк. (жен́у, жене́ш), 23 Минск., 25 Новогр.], жени́ (ib. № 23 Минск.). Прич. наст. действ. залога *жанучы́*, прош. *гнаў*, прич. прош. *гна́ўшы*. Отметим форму *отженя́й* (Зап. V, 160).

Глаголы с суффиксами *-ну-* (**-нж**) — *-не-* замечательны в том отношении, что только те из них, которые принадлежат действительному залогу, имеют постоянным указанный суффикс: ц'агну́ц', ц'агну́, ц'а́гн'еш и т. д., ц'агну́ў, -у́ла и т. д.; ср. еще: ломзану́ць (Сл. Нос. 271), жӑрếну́ць (ib. 153). В глаголах среднего залога обыкновенно *-ну-* в прошедшем на *-лъ* сохраняется только в мужском роде (хотя и здесь чаще без *-ну-*): *прывы́кну́ў* и *прывы́к*, *-кла-*, *-кло*; *высохнуў* и *вы́сох*, *-хла*, *-хло*; усóхла, здóхла (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 77 Новогр.; Зап. V, 254); папасхлó (Мат. Б. № 21 Слуцк.), ущук (перестал) дощ (ib. № 21 Гомельск.), зм'орз, -а́рзла. Отметим: владнути (278 Статут 1588 г.), станули (17 Гродн. Акт. кн. XVI в.), станувши (13 ib.), зажгни́ (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 195 Минск.), налягни́ (Мат. Б. № 13 Свенц.).

Из глаголов, образующих настоящее время с суффиксом *-je-*, обращают на себя внимание следующие:

Калóц' — *кал'у́*. Приводимое Миклошичем (III, 281) «partic. praet pass. *iskołot*», заимствованное из стиха (Зап. V, 87):

Весь избúт и исколóт,
З гóлоду запав живóт,

оказывается ненародным, как и самый этот стих (ср. Зап. V, стр. 86). По-белорусски оно будет: *пакóлаты* или *пакóланы*. Малóц' — м'ал'у́; прич. прош. вр. страд. залога *мóлаты*.

Глаголы *мыц'* — *мы́йу*, *шыц'* — *шы́йу*, *крыц'* — *кры́йу*, *рыц'* — *ры́йу* сохраняют гласный без изменения и в настоящем времени: ши́ю (Зап. V, 256), обши́иць (ib. 182), накры́ю (ib. 251), пошúй (Шейн Б. П. № 395 Лепп.), *ры́иць* к *рыц'* (ib. № 518), помы́иць (ib. № 350). Д'з'ец' (девать) — форма настоящего с значением будущего: *д'з'а́ну*, прош. *д'з'а́ў*, *дадзе́ў*, (надоел) (Мат. Б. № 7 Минск.).

Глаголы, принимающие в неопределенном суффикс *-а*, а в настоящем имеющие основу на согласный, смягчают последний перед *j*, напр.: апсы́пац' — *апсы́пл'у*, но *обсы́пець* (Зап. V, 182), прич. *обсы́пяся* (ib. 217); *лгац'* имеет настоящее *лжу* (= ст.-слав. **лъжж**), ср. *солжу* (1 11б Скор. XVI в.), но *илгешь* (Шейн Б. П. № 759 Витебск.); щыпа́ц' — *щыпл'ў*, но *щипи́* (Шейн Б. П. № 9 Лепп.); клипаць — кля́пиць (Шейн Б. П. № 55 Витебск., Мат. Б. № 4 Могил. губ.), клепать — кле́пя (ib. № 9 Бых.), кляплю́, кле́пишь, кле́пиць (ib. № 31 Вилейск.). Некоторые из принадлежащих к этому разряду глаголов в настоящем времени спрягаются двояко: *стружу́* и *струга́йу*, *дышу́* и *дыха́йу*. Глагол *слац'* (ст.-слав. **съласти**) имеет настоящее *шл'у*, а *слаи'* (**стьлатн**) — *си'ал'у́*. Отметим: скачиць (Шейн Б. П. № 48 Лепп.), кли́чиць (ib. № 25), где в *и* перешел *е* безударный; *пото́пчать* (3-е л. мн. ч.) (Бесс. Б. П. № 145) представляет *-ац'* вм. *-уц'*.

От глагола *с'ейац'* отметим неопределенное *се́иць* (Шейн Б. П. № 476 Лепп.), где в *-и-* следует видеть подражание глаголам с основами на *-и-*, хотя возможно такому *и* безударному явиться и фонетическим путем (ср. Белорусы, II, 1, 111 sq.). Отметим еще *повіэ́яць*, пов. *повіэ́нь*, *повіэ́ньце* (Мат. Б. № 10 Мозыр.), *павы́нь* (*повей*) (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 29 Новогр.).

Глаголы производные с основами на гласные суффикс *-je-* безударный могут изменять в *-и-* и *-а-*: рядом с *думайу́*, *-йеш*, с одной стороны, встречаем: прогоня́ишь (Шейн Б. П. № 12 Лепп.), погуля́им, попива́им (ib. № 275); с другой — ду́маям (Бесс. Б. П. № 8), ду́маяшь (ib.), ду́маятя (ib.). Тут же отметим более замечательный в фонетическом отношении глагол: прыягджа́й (Мат. Б. № 12 Минск.), прыегджа́ць (ib. № 19 Гродн.).

Глаголы с суффиксом *-ова-* в настоящем правильно имеют *-уйе*: частоваць — частуйу (Шейн Б. П. № 6 Лепп.); гатова́ц' — гату́ю (ib. № 559), по́штываць — по́штуйу [ib. № 8 (*ы* из *о* безударного)]; нам еще встретились следующие формы: дзенку́ю (Шейн Б. П. № 10 Лепп.), купу́ем (Зап. I, 302), lenújecsie (ленится); (Федер. I, 223 Свислочь); пов. 1-го л. мн. ч. *подзя́куймо* (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 192 Белост.). И образования на *-ыва-* при *-ава-*, *-ова*, в неопределенном нередко имеют в настоящем *-уйе-*: выгава́рую, обма́ную (Мат. Б. №№ 7 Минск., 32 Орш.), раскла́дую, абраба́тую (ib.); но *выговараваю* (Ром. V, 34 Ветка) (ср. стр. 56).

Из глаголов с суффиксом *-ть-* в неопределенном по своему спряжению замечателен *имъти*. Под влиянием формы *имамь* он развил *а* в настоящем времени, повелительном и даже образованиях от основы неопределенного. Он же рано утратил начальное *-и* (ср. Белорусы, II, 231). Вследствие сказанного явились образования: мець (Зап. I, 265; Мат. Б., повсеместно; ма́ю Зап. V, 102), *маю* и *мею* (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 7 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 18 Витебск., 23 Минск., и др.), *ма́йеш* и *маишь* (Шейн Б. П. № 534 Борис.), ме́ю

(Мат. Б. № 26 Себеж.), пов. *май* и *м'ѣй* (Дыб. 380 Посл.); прич. на *-лъ*: меў (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 175 Новогр.), ме́ла (ib. 109 Диснен.; ср. Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 26 Себеж., 31 Вилейск.), *меў* и *маў* (ib. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых., 30 Речицк.), маў [и мой ба́цька такий *мався* и я в его вдався (Зап. I, 318)] (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 15 Игум., 16 Бых., 17 Речицк., 32 Орш.).

Глаголы с основами настоящего на *-и-*, при основе неопределенного на *-и-* и *-ѣ-*, обращают на себя внимание в следующих отношениях. У глаголов с основой неопределенного на *-и-* в 1-м лице единственного числа происходит смягчение согласных: хаджу, крапл'у́, гважджу́ (Шейн Б. П. № 47 Орш.), раджу́ (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 23 Новогр.). В 3-м лице единственного числа обыкновенно бывает *-иц'*. Об отступлениях уже была речь (стр. 260—261). В 3-м лице множественного числа часто бывает *-уц'* (см. 264). Отметим еще более редкие формы: пони́жиим, поближиим (Шейн Б. П. № 649 Лепп.); мулю́ (мол): не хочу *мулю* я гэтого (Сл. Нос. 294), пов. *моў* (молви) (ib. № 91 Диснен.), зробь (ib. № 40 Витебск.). От глагола *гонити* встретились формы: гони́, гонія́це (Мат. Б. № 10 Мозыр.). Попадаются еще формы: ган'у́, го́н'иш, гон'учи, гон'и́ў. Смешение основ *гони-* и *жене-* сказывается и на производных глаголах: *отгоняй* (Мат. Б. № 10 Мозыр.) и *отженя́й* (Зап. V, 160).

Как и в русских говорах, в глаголе ездить *и* иногда заходит и в 3-е лицо множественного числа *ездзиюць* (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 7 Минск.).

У глаголов с основой неопределенного на *-ѣ-* при основе настоящего на *-и-*, в 1-м лице единственного числа согласные подвергаются смягчению: лечу́ (Шейн Б. П. № 3 Лепп.), сяджу́ (Дмитр. П и Ск. Вильн. 23 Новогр.); но нередки случаи, когда смягчения и не бывает: ляту́ (Шейн Б. П. № 338 Лепп., Мат. Б. №№ 7 Минск., 11 Новоалекс., 13 Свенц., 28 Себеж.), полятý (ib. №№ 11 Новоалекс., 13 Свенц.; Шейн Б. П. № 564); 3-е лицо множественного числа иногда образуется как у основ на *-е-*: лятýць (Шейн Б. П. № 558 Лепп.); иногда и сюда заходит смягчение согласных: *грымл'а́ц'*, *ц'а́рпл'уц'*, хотя под ударением обыкновенно бывают правильные образования: гледзя́ць (Шейн Б. П. № 233). В глаголе *в'и́д'з'ѣц'* *-и-* иногда заходит и в образования от основы неопределенного: ви́дзиў (Шейн Б. П. № 165 Лепп.), ви́дзили (ib. № 547).

Глагол *хац'ѣц'* обыкновенно спрягается в настоящем времени следующим образом: хачу́, хо́чеш, хо́че, хо́чам, хо́чэц'а, хо́чуц' [ср. Шейн Б. П. № 443 Лепп.; Зап. V, 172; мы хочемъ (гр. п. 1341 г. Кест. и Люб.), непохочътли (96 Статут 1588 г.), хочемъ (72, 188 ib.), усхочутъ (230 ib.), хочомъ (12 Гродн. Акт. кн. XVI в.), хочете (Ев. 1616 г ѯв), хо́ће́е (Клих 8 Новогр.)], но встречаются случаи, с одной стороны, с фонетическим переходом безударного *ѥ* в *и*, с дру-

гой — с формами от основ на *-и-* [ср. хоця́ць (Шейн Б. П. № 469 Бобр.) в рифму *кричаць*; хочу́, хо́чишь (и *хоцишь*), хо́чуць (*хыцяць*) (Мат. Б. № 18 Витебск.)].

По настоящему времени к основам на *-и-* относится и глагол **бѣжати**, образующий неопределенное в белорусском по 1-му классу: бе́гчы (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 11 Новоалекс., 15 Игум.), бе́хчы (ib. №№ 6 Диснен., 31 Вилейск.), бегти, бегци (ib. №№ 9 и 16 Бых., 10 Мозыр., 15 Игум., 17 Речицк., 18 Витебск., 23 Минск., 25 Новогр., 32 Орш.), *бегч* или *бягчы* (ib. № 14 Новоалекс.). Он спрягается следующим образом: б'ажу, б'ажы́ш, б'ажы́ць', б'ажы́м (и *-ымо́*), б'ажыц'а́ (и *-ыц'о́*), б'агу́ц' [ср. Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 17 Речицк., 23 Минск., 25 Новогр.; убежу (Д 35б Скор. XVI в.)], но есть и другие образования: бягом (Мат. Б. № 8 Игум.), бегим (ib. № 10 Мозыр.), бягу́, бягиш, бягиць (и *бяжиц*), бягём, бигицё (и *биэжицё*), бягуць (ib. № 18 Витебск.); прош. на *-лъ*: б'ох, прыб'ох, -а́гла, -а́гло (ср. Мат. Б. № 4 Могил. губ., 5 Слуцк., 7 Минск., 17 Речицк., 25 Новогр., 31 Вилейск.), бег [ib. №№ 18 Витебск., 10 Мозыр. (бі͡эг), 11 Новоалекс.].

Отметим еще более или менее редкие формы относящихся сюда глаголов: *спаць'* имеет: спл'у, -и́ш, сп'иц', сп'им (и *сп'имо́*), сп'иц'а́ (и *сп'иц'о́*), сп'ац'; здзе́ржа (сдержит) (Шейн Б. П. № 179 Бых.), стоицё (ib. № 207 Лепп.), не шумь (не шуми) (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 98 Новогр.), ня бось (не бойся) (Бесс. Б. П. № 146), гледь (ib. № 6), сядзи́м (Мат. Б. № 31 Вилейск.) — замечательное по гласному корня из *ѣ*; імчыць (Н. Ніва 1910 г., 453).

Глаголы с основами настоящего времени на согласные подробно рассмотрены при обозрении настоящего времени. Здесь только дадим сводные образцы спряжения в настоящем времени, более употребительных из них, в каком виде они существуют в живой речи.

Ѣмь: ем, яси, есць (и *есь*), ядзим, ясце, ядў́ць (и *ядзяць*) (Мат. Б. №№ 8 Игум., 31 Вилейск.), ядзём, ясцё, ядў́ць (ib. № 28 Себеж.), есь (ib. № 4 Могил. губ.), ясцё — идзицё (ib. № 18 Витебск.). Пов.: еж (и *еш*), е́жча (и *е́сця*) (ib. № 4 Могил. губ.), ежь — ежьча (ib. № 18 Витебск.), еш — е́шьце (ib. № 23 Минск.). Ср. еще Сл. Нос. 723.

Дамь: дам, даси́, дась, дадзим, дасьцё (и *дыдзицё*), да ду́ць (Мат. Б. №№ 4 Могил., 18 Витебск.), дасць (и *дась*), дасце́ (ib. № 8 Игум.), дадзём (ib. № 6 Дисн.), дасте́ (и *дастё*) (ib. №№ 9 Бых., 13 Свенц, 14 Новоалекс., 32 Орш.), дамо́ (ib. №№ 17 Речицк., 23 Минск., 25 Новогр.), дадзи́це (ib. № 11 Новоалекс.) (заимствованное из русского литературного языка?).

Выпуск
ТРЕТИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящим 3-м выпуском II тома заканчивается «Язык белорусского народа». Следующий том, если ему суждено будет когда-либо явиться, по задуманному плану должен обнимать словесность белорусского народа (народную словесность, старую западнорусскую литературу и современные — в XIX и XX ст. — попытки искусственных поэтических произведений на белорусском языке).

И в синтаксисе автор старался по возможности полно представить особенности старого западнорусского языка и современных белорусских говоров, насколько они отражаются в собранных им в прежнее время, а также в последние годы материалах. Говоря об отличительных чертах белорусского языка в области синтаксиса, можно было и не касаться общих вопросов по синтаксису; но в то же время необходимо было установить рамки, куда следовало поместить собранный материал. Автор старался держаться формально-грамматической точки зрения на явления синтаксиса, но кое-где (особенно в сложном предложении) не мог избегнуть и установившихся у нас школьных терминов и даже расположений. Сделано это, между прочим, и с той целью, чтобы облегчить пользование собранными данными для лиц разных лингвистических направлений в области синтаксиса. Имея в виду ту же цель, автор приложил к работе и подробное изложение ее содержания, заменяющее указатель.

По мотивам, приведенным на страницах 275—276[1], оказалось необходимым напечатать в данном выпуске дополнения и поправки к вышедшим томам.

Совету Варшавского университета автор обязан благодарностью за напечатание этого труда.

Заканчивая свой многолетний нелегкий труд, автор не может не вспомнить с глубокой благодарностью тех лиц и обществ, которые всегда с готовностью спешили к нему на помощь, обязательно доставляя разные, подчас очень редкие издания, снимки, брошюры, газет-

[1] См. первое издание. Поскольку дополнения и поправки к тому «Язык белорусского народа» внесены во все выпуски этого тома, раздел «Дополнения и поправки к I т. и II т. (вып. 1, 2, 3)» во втором издании третьего выпуска опущен. — *Ред.*

ные вырезки и другие заметки, давая справки в письмах и в личных беседах. Всем им глубокое спасибо! Автор по мере сил своих старался использовать оказавшиеся у него материалы и свой собственный опыт в интересах истории русского языка и русской этнографии. Как ему удалось выполнить взятый на себя труд, конечно, судить могут только читатели, а не он сам; одно про себя он может сказать, что работал с увлечением и любовью к тому русскому народу, речь которого старался представить: **на҆волеи҆ с тое причины и҆же мѧ мл҃тивыи бг҃ъ с того ꙗзыка на свет҆ пⷭ҃тил҆** — скажем словами Ф. Скорины, знаменитого белорусского деятеля начала XVI в.

Варшава
1912 г., ноябрь.

БЕЛОРУСЫ

Н҃аболѣй с тое прічины и҃же мл҃ мл҃тивый бг҃ъ
с того и҃зыка на свет҃ пѣстил҃

Предисловіе въ фалтирь Доктора
Франциска Скорины 1517 г.

ОЧЕРКИ СИНТАКСИСА БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В предыдущих выпусках мы дали на исторической основе обзор звуков и форм белорусского языка. Но если бы мы на этом остановились, то задача наша по изучению языка белорусского народа была бы далеко не окончена. Язык как средство общения между людьми и передачи наших мыслей не состоит из звуков и форм слов, а из сочетаний слов, составляющих речь; эта же последняя только искусственно, но не естественно может быть расчленяема на отдельные слова, а последние, в свою очередь, на звуки. В этом случае полную аналогию можно подыскать в мире органическом: можно изучать ткани, из которых состоит тело человека, или отдельные его органы; но все это еще не представит изучения человеческого тела. Для последнего требуется указать роль этих тканей и отдельных частей тела в целом организме, их значение. То же и в языке. Знать звуки и их изменение, знать формы слов — еще не значит знать язык. Последний мы постигнем лишь тогда, когда обстоятельно уясним себе значение как отдельных звуков, так и особенно форм слов, их отношение к нашей речи, из которой они для первоначального изучения были выхвачены. Особенно это следует сказать относительно так называемых форм слов, например, склоняемых и спрягаемых. Вне речи они дают нам лишь некоторое смутное представление о том вещественном содержании (если это имя или глагол), заключающемся в корне слова, которое им соответствует. Наши представления о падежах склоняемых слов, о формах глагола возникли только из анализа речи. Вне ее существуют лишь отдельные слова, совершенно самостоятельные (*конь*, *коня*, *конем* и т. д., *несу*, *нес*, *неси* и т. д.), и лишь в речи они становятся в то или другое отношение друг к другу.

Таким образом, для знакомства с языком белорусского народа в фонетике и морфологии мы имеем только материал для построения грамматического здания, отличающийся разным качеством и различной прочностью; знаем, как он прилаживается друг к другу; но не имеем еще представления о том, какое место дать ему в целом здании; мало того, даже не составили себе плана целого строения. Этот последний уже определяется синтаксисом. Значит, синтаксис должен определить

значение разрядов слов и их форм, а также их сочетаний для образования речи, выражающей наши мысли.

Что такое речь?

Если не захотим придать речи очень широкого значения языка, то определим ее как совокупность предложений, выражающих известные мысли. Самое меньшее законченное синтаксическое целое и есть предложение. В пределах его и можно говорить о решении поставленных выше задач. Но что такое предложение — этот вопрос, как ни кажется он прост, еще до сих пор не решен удовлетворительно. Ответить же на него так или иначе необходимо, так как рассуждать, например, о сочетании слов, сочинении их или подчинении возможно только в предложении.

Конечно, после критики А. А. Потебни определения предложения, как «суждения о предмете, выраженного словами» (Записки[2], I, 60—75), уже невозможно смешивать грамматического предложения с логическим суждением. В настоящее время предложение основывают на психологическом суждении, в котором в одном целом объединяются отдельные представления, после того как между ними бывает установлена связь. Но если в последнем акте сосредоточить свое внимание главным образом на содержании представлений, а не на выражении этого соотношения в речи, то и новое понимание предложения легко приблизится к старому суждению и даже совпадет с ним. На основании рассуждений Потебни нельзя не придти к заключению, что единственно правильным с синтаксической точки зрения определением предложения будет такое, которое имеет в виду не содержание предложения, а лишь его форму; другими словами, не придает значения содержанию понятий, обозначаемых словами, образующими предложение, а касается лишь способов соединения слов, их чисто грамматической стороны.

Дело в том, что значительная часть слов в речи рассматривается с двух сторон: 1) со стороны вещественного, реального значения, заключающегося в корне слова, принадлежащего слову всегда, даже вне предложения, и 2) с формальной, грамматической стороны, определяемой теми или другими суффиксами, особенно флексивными. Эти суффиксы и указывают на то положение, какое занимает данное слово в отношении к другим словам в речи вообще, в частности в предложении и всяком другом словосочетании. Подобный же чисто формальный характер имеют и некоторые отдельные слова, лишенные собственного значения и употребляющиеся только для связи одних слов с другими (связка, предлоги, союзы). Наконец, есть слова, имеющие только вещественное значение без всякого формального (некоторые наречия). Соединение слов, имеющих вещественное значение, для выражения мысли о предмете и составит логическое суждение; последнее свойственно всем языкам, какого бы строя они ни были. Но чтобы такое суждение стало грамматическим предложением, требуется еще выражение тем или другим способом формальной связи

между указанными словами, обозначающими известное представление или понятие. Это положение станет еще более ясным, если мы рассмотрим главные части предложения.

Раз предложение выражает мысль о предмете, то в нем должен быть такой предмет, который поясняется и служит исходным пунктом, от которого представляется возникающим известное действие или которому приписывается то или другое качество и состояние. Такой предмет называется подлежащим, а приписываемое ему качество, состояние или возникающее от него действие называется сказуемым. Простейшее предложение и состоит из грамматического соединения подлежащего и сказуемого. Это соединение и выражается формальными частями слов — окончанием именительного падежа и согласуемым с ним глагольным окончанием.

При таком понимании предложения не представляется никаких трудностей при разборе его: подлежащее — именительный падеж поясняемого предмета мысли; сказуемое — признак, возникающий от подлежащего, или качество, приписываемое ему и соединенное с ним при помощи глагольного окончания или связки. Нет именительного падежа и подразумевать его нельзя — предложение будет безличное; нет признака или действия, производимого подлежащим, и подразумевать его нельзя, но все же мысль выражена — будет одночленное предложение, выраженное именем. Нормальный тип предложения — двучленное, причем каждый из этих членов может иметь при себе еще те или другие пояснения. Если эти последние не переходят в целые предложения, то такой комплекс, выражающий более или менее законченную мысль, называется простым предложением; если же отдельные части данного простого предложения определяются, развиваются и вообще поясняются при помощи целых предложений — самостоятельных или подчиненных, — такое предложение будет сложное.

Из литературы предмета:

Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Изд. 5, М., 1881.

А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. I. Введение. II. Составные члены предложения и их замены. Изд. 2. Харьков, 1888. III. Об изменении значения и заменах существительного. Харьков, 1899.

Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1902.

Franz Miklosich. Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen. Изд. 2 Wien, 1883.

Vatroslav Jagić. Beiträge zur slavischen Syntax. Wien, 1899. Denkschr. Bd. XLVI.

Wenzel Vondrák. Vergleichende Slavische Grammatik. Bd. II. Formenlehre und Syntax. Göttingen, 1908.

Н. К. Грунский. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. I, вып. 1—2. СПб., 1911; вып. 3. Юрьев, 1911; т. II. Юрьев, 1911.
Ф. Ф. Фортунатов. О преподавании грамматики русского языка в средней школе. РФВ, III. Пед. отд.
Е. Ф. Будде. Основы синтаксиса русского языка. РФВ, XIУ.
Dr. Antoni Małecki. Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego. T. II. Lwów, 1879.
Dr. Emil Ogonowski. Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache. Lemberg, 1880.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

1. ОДНОЧЛЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

а) ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ОДНОГО ПОДЛЕЖАЩЕГО

Обычный вид простого предложения — такое словосочетание, в котором имеется подлежащее и сказуемое. Но языку известны и другие, более элементарные формы, с успехом выражающие наши мысли и вообще дающие представления о предметах. Так, уже посредством междометий, которые не составляют слов, а содержат в зародыше те элементы, из которых состоят слова, мы можем с успехом выражать наши чувства; когда мы приходим в более спокойное состояние, те же чувства выражаем целыми предложениями. Напр.: *Охохо́х!* колиб-то я мог, да не быв бы плох! (Носов. Посл. 123). Более определенно выражаются наши мысли посредством слов, содержащих указания на предмет или явление, обыкновенно с восклицательным оттенком. Таковы выражения: беда! сбром! до́бро! по́жар! и т. п.; трасца, хвароба табе! (Шейн Мат. II, 515, Борис.); бо́жжа наказа́ння! (Ляцк. Посл. 5); а ли́ханько! а мамýлька, о-ё-ёй! (Никиф. Част.[1] 664); бяло табе, сястрыца! (Вит. К. С.) (приветствие при беленьи полотна).

Все такие выражения обыкновенно стоят в именительном восклицательном (exclamativus). Сюда же следует отнести и разные приветствия, выраженные простым именем или сложным: дзень-до́брый, добры́-дзень, добры-ве́чар (Шейн Мат. II, 503); добра́нычь (ib. 504); *дзень до́бры*, пану! (Сержп. 71 Мозыр.[2]).

Звательные формы играют роль предложений только тогда, когда зовут кого-нибудь к себе; напр.: Юрко! та́тко! жо́нко! лы́ско!

---

[1] Никиф. Част. = Н. Я. Никифоровский. Белорусские песни «Частушки». Вильна, 1911. Цифра обозначает № частушки.

[2] Сержп. = А. К. Сержпутовский. Сказки и рассказы белорусов-полешуков. (Материалы к изучению творчества белорусов и их говора). Издание Отделения русского языка и словесности ИАН. СПб., 1911. В книге принята условная орфография, не сходная ни с научным, ни с обиходным письмом, напр. ґ = ɪ (*h*), ŏ = *у͡о*, є = *ы͡е*, ѣ̈ = *ю͡о* «или даже *і͡уо* (трифтонг)», ѣ = *і͡э*; во избежание недоразумений, на месте этих условных написаний у нас употреблено обычное письмо (*г*, *у͡о*, *ы͡э*, *ю͡о*, *і͡э*).

Для выражения требования могут быть употребляемы в качестве элементарных одночленных предложений и другие падежи: вóтки! вады́! вон! шáпку! и т. д. Конечно, такие предложения, как и раньше отмеченные, можно дополнить какими-нибудь недостающими словами (*дай*, *пашóў* и под.), но тогда утратится выражение непосредственного течения чувства, в речь будет привнесен элемент осмысленности, чтó уже не одно и то же.

Я бы не прочь поместить здесь и многие из неполных предложений разговорной белорусской речи, в которых, как увидим в своем месте, говорящий даже после обдумывания не сообразит, какие необходимо сделать дополнения, напр.: *ничога*, каець, *хай*, *дармó!* (ничего! говорит: пустяк!) (Ром. IV, 12 Гор.). Может быть, сюда следует отнести и выражение некоторых загадок, содержащих только указание на предметы, но не вылившихся в форму законченных предложений, напр. (Шейн Мат. II, 490 Свенц.):

Чатыри чатырочки
И дзве растопырочки,
Семый вяртун. (Колыбель).

Из приведенных примеров можно видеть, что рассмотренный класс одночленных предложений первоначальнее предложений с глаголом. Убедиться в этом легко уже из того, что на наших, так сказать, глазах подобные предложения получают глагольный характер; так, *на!* имеет во множественном числе форму *нáце!*

б) ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ ОДНИМ СКАЗУЕМЫМ

Более обычна в языке другая форма одночленных предложений — безличные предложения, или точнее — бессубъектные. Сюда относятся такие предложения, в которых подлежащего нет налицо и непосредственно подразумевать нельзя. Возможность такого рода предложений основывается на существовании во всех языках так называемых глаголов безличных. При таких глаголах никакого подлежащего нет и нельзя подразумевать. В белорусском языке безличных глаголов мало: свитáе, днéе; ужо *днее* (Наша Нива, 1908, № 23, стр. 1); блúскае, тáе, грымúць, балúць, свярбúць, отó-ж *смáлиць*, каже мужык (= вот жарко!) (Сержп. 75 Слуцк.), *стучéла — грымéла*, али дóжджу ни было (Диснен., сообщ. студ. Л. Белявского); сюда же принадлежит *смеркается*: а на дворе *змиркаитца* (Никиф. Част. 681 Дриссен.), як *змéркне* (Сержп. 96 Мозыр.); но и к этим глаголам народное сознание легко прибавляет подлежащие, когда не желательно сосредоточить все внимание на действии (*свитае дзень*, *блискае маланка*, *тае снег*, *грымиць гром* и под.).

Однако склонность к бессубъектным выражениям в белорусском языке не меньше, чем в русском, и она выражается отчасти теми же способами, что и там, отчасти своими самостоятельными.

Так, сходно с русскими говорами в роли безличных глаголов употребляются многие личные в 3-м лице единственного числа в соединении с *-ся*, а иногда и без него, особенно в прошедших временах: за (чужое) лычко ремушком *плацица* (Нос. Посл. 45); круци, кум, не верци, а *придзетица* умерци (ib. 70); *приходзитца*, бач, абы сам, абы дочь идзи (Ром. III, 198 Бых.); ни ори, паринь, дорогу — там ня *ўродзитца* гороху (Никиф. Част. 1012 Полоцк.); як *возьме* за сэрце, так хоць на сцену лезь, чаму тут преснаго дужа *пáхня* (Шейн Мат. II, 150 Гродн.); чуе *груке* (= стукнуло) ў браму (ib. 159 Игум.); бурáки *папякло́* слóнцам (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); *будзе* тобіэ́ плакаў (= довольно тебе плакать) (ib. № 10 Мозыр.); *ёсь* у гóроди Слисни́ци и пасеть пастух лошадей на смятьнищи (Ром. VI, 371 Мстисл.); ў носи *балиць* (Вит. К. С.), ци табе мову *заняло?* (ib.); такие же обороты встречаются и в старинных памятниках: того лѣ᷍ была боура силна. д̄ цр̄кви изо ѡснованиа *выверѣло* в ростовьскоѝ волости. а со ины᷒ верхи *срывало* (70—70б Лет. Авр. XV в.); и *было* то слышать по все᷍ зе᷎ли (289 Позн.); короля — в животѣ не *стало* (449 Вил.); Казимира в животе не *стало*. сн̄въ в него не *было* только ѡдна дочка. именемь Ядвига (95 Супр.); *народилосѧ* тобѣ сыно᷍ (47 Псалт. XVI в.); *народи́лося* тобѣ сыно᷍ (23б Псалт. XVII в.); *виделося* намъ такъ [Бел. Арх. 1531 (XVII в.)], как и в живой речи: *народзицца* сынóў (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 17 Речицк.); слѣдꙋ твоего *зна̄ не было* (63б Псалт. XVII в); морозом *повередзило* яблокам (Нос. Сл. 48); горóх *поéло* мóшками (Мат. Б. №№ 9 Бых., 17 Речицк.); *завалило*, *замяло* сухими дривами (Никиф. Част. 1870 Диснен.); дóбрэ *жылóсо* ў егó цáрстве (Сержп. 15 Мозыр.) (подобное употребление известно и в украинском языке. Ogonowski, Studien, 174). Во всех приведенных случаях никакого подлежащего нет и нельзя предположить. Однако, как и в украинском языке, в белорусском возможно наблюдать в качестве формального подлежащего в таких предложениях и некоторых других бессубъектных употребление слова *яно* (как в немецком *es*): яно можа и *распагодзицца* (Диснен., сообщ. студ. Белявского); видно́ што яно *раздаждживцца*, можа яно *распагодзицца* и т. д. (Раст. 129); *яно* як *забалиць* ў грудзёх, так хоць гвалтачки крычи; *яно* ўже *сцемнело*, як прыехали домóў и под.

В такой же степени бессубъектны предложения, сказуемые которых выражаются отыменным наречием в соединении с глаголом *есмь — быть*, имеющим слишком ослабленное в данном случае значение (не играет даже роли связки); при таких сказуемых пояснительным словом обыкновенно еще бывает неопределенное — второстепенное сказуемое (которое так называется потому, что может быть разложено на целое предложение). Такие наречные сказуемые видим, напр., в следующих случаях: а простыхъ люде᷍ которы᷒ жывыхъ по᷍мали *нѣльзе* и *выписати* множества дла (Сб. XVI в. Позн. 282); покóж мни! — Ни, дзидочка, *нялыа* (Ром. III, 337 Рогач.); *нéлыа*

было ўтры́маць (20 Малев.); *нi͡э́льга* йци далей (Сержп. 1 Слуцк.); дву[x] речеи къ молитвѣ *надобъ* (177 Катих. 1562 г.); мне *надобе* прибираць корашки (Шейн Мат. II, 31 Горецк.); *надобе* ужо самым зарабляць (ib. 118 Полоцк.); естественно *надобъ* переходит в средний род прилагательного: которым *надобно* есть (СВ. 4. 1432 г.); *го́дзи* тоби̯э́ ходзиў к ему (Мат. Б. № 10 Мозыр.); *дось* (= досыти) им хоцетца яблок тых (Ром. III, 128 Клим.); *дось* им спаць хоцетца (ib.); тут и тром до (из *досыць* или *доволи*) места (Ром. III, 22 Сенн.). Совершенно исчезло наречное выражение в следующем примере: за короля Саса *было* (недостает *доволи*) хлеба и мяса (Мат. Б. № 13 Свенц.). Сюда же отнесем и *вот тобе на* (Нос. Посл. 16).

Приводимые в нижеследующих примерах в качестве наречных выражений существительные в старину чувствовались именами и могли быть даже подлежащими; в настоящее время они совершенно утратили свое знаменательное значение имени и вместе с глаголом *есмь* служат лишь для образования неопределенных по лицу сказуемых, напр.: гадко зъесци и *жаль* кинуци (Нос. Посл. 22); *жаль* Булата, ну свойго чада-дитяти ще жальней (Ром. VI, 14 Гомельск.); будзиць Каци *жаль* (Никиф. Част. 1217). В приведенных случаях *жаль* совершенно равносильно по синтаксическому значению слову *гадко*; во втором примере от совершенно выветрившегося *жаль* даже образована сравнительная степень. Таково же выражение: *было* у их зямли *по́бмаль* (Ром. IV, 127 Клим.). В таком же смысле безличных сказуемых употреблены существительные и в следующих примерах: руси *неволѧ поити* ис татары (гр. 1349 г.); ци сову об пень, ци пень об сову, усё сове *беда* (Нос. Посл. 180); *смех* с панских ботаў: адзин сгареў, други́ сабака зъеў (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); трапицеся который ко мне, не трапицеся а *треба* попрощатца (Ром. III, 93 Бых.); *трээ* было́ Янку перайци́ рыэ́ку бру̯о̄цьки (Сержп. 55 Мозыр.); пани *шкодо* оддаваць (Шейн Мат. II, 125 Новогр.); клапоў чо́ртова *мо̄ц* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.). И в приведенных примерах, как и в разряде типа *свитае*, никаких подлежащих по вопросам «кто?», «что?» предположить невозможно.

Близки к рассмотренным предложениям и те бессубъектные предложения, сказуемые которых выражаются средним родом прилагательного с глаголом *быть* или с почти равным ему *стать* (с очень ослабленным значением); как и в предыдущем, и здесь неопределенное часто прибавляется в качестве пояснения сказуемого. Подобные случаи известны и из старого языка и из современного: нѣтъ *вѣдомо* за што (3—4 Гродн. Акт. кн. XVI в.); нетъ ведома где поделъ [Бел. Арх. II 1532 (XVII в.)]; не *ведомо* чим и як яна служила (Шейн Мат. II, 10 Бобр.); *страшно* было трупу московского гледѣти (139б Сб. XVII в. Син. № 790); у мине, мовляв, свойго *богато* (Шейн Мат. II, 327 Гомельск.); тогды браты, потом того, *жалко* им *стало*, и сами сходзили полядзели (Ром. IV, 37 Сенн.); тоды ён уже, *скушно* ямў *стало* там, — ли жа пройци́тца, ли жа прокаци́тца хочетца (Ром.

VI, 2 Чаусск.); баба дзеду помиргала — *стало* дзеду *полячей* (Никиф. Част. 1303); за сем вёрст *видно* от яго (Ром. III, 248 Сенн.); *до́бро*, ска́жем сабе й так! (ib. 220); в дворе хоць не *уежно*, дак *уле́жно* (Нос. Посл. 19); хо̄ть не *ўежно*, але *ўлежно* (Ром. Мат. Гр. 1, 85 Гродн.[1]); штоб было́ *чутно* (ib. 142 Слоним.); ад'ли́ха *ц'и́ха*, а дабра н'е чува́ц' (Дыб. 10 Посл.); добра́ с таго *ма́ло* (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 9 Бых., 23 Минск.); по лі͡зту вельми ж *трудненько бувае* ўпраўляцца з господаркою (Мат. Б. № 10 Мозыр.); брата *жалко*, а сумка еще жалчей (Шейн Мат. II, 33 Горецк.).

К рассмотренному виду бессубъектных предложений ближе всего подходит оборот с глаголом, поставленным в среднем роде причастия страдательного залога; в русской литературной речи этот оборот встречается не часто, а в белорусском языке, как и в украинском языке (Ogonowski, Studien, 173), сильно распространен, не без влияния, вероятно, польского языка. Эта форма речи известна и старому и новому языку: боѣмъ *збито* боўдѣ̄ (156 Сб. XVI в. Крас.); голову его чере^{в} мѣсто Горо^{л}но на дре^{в}цу нести каза^{л} пото^{м} ѳ ѡзеро в ко^{л}ку мила^{х} *ѳкинено* (279 Сб. XVI в. Позн.); ѡ̄ девка^{х} и^{х} тоугы не *вчинено* (81б Псалт. XVI в.); так ему от лихих людзей *зро́бляно* (Мат. Б. № 10 Мозыр.). Очень часто при таких безличных оборотах в винительном падеже стоит подлежащее личного оборота страдательного залога, напр.: скиноули роуками штобы *дано* и͡ таблицю. а к'граф'коу (33б Сб. XV в. Публ. б. № 391); приказа^{л} — абы — на то^{м} мѣст'ци — вси^{х} князей и бо^{р} *со̄жено* (71 Крас.); пано^{в} ты^{х} имали которые з Гли^{н}ски^{мъ} ме^{ш}кали гора^{в}дъ, а нѣкоторы^{х} шла^{х}ту и *мучоно* (279 Сб. XVI в. Позн.); кгды тотъ листъ *чтено* (30 Гродн. Акт. кн. XVI в.); как имены *звано* ихъ (ib. 260); кгды *перестано* его палить (Акты В. А. К., т. 36, 5 Мин. XVI в.); у Могърешевича *взято* коня почтового (ib. 22); на тот же дей час *взято* коней (ib. 65); руки обедве вси *побито* синево, а хрыбет также збит (ib. 390); ѝжь бы ѝхъ к' роботе *приставлано* (91б Катих. 1562 г.); на^{х}ку пакъ и^{х} таковую ѻглашенїемъ (*звано*) (1б посвящ. ib.); бы *повешено* жор'новъ ѳсельс'кую на шиѝ ѐго (да ѳбеситьсѧ жерновъ ѳсѣльс'кии на вый ѐго) (24б Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); ноги ѐго *хочено* переби^{т} (23 Псалт. XVI в.) [в польском: nogi iego miano przebyć. (Врубель, надп. 21 пс.); в Псалт. 1609 г.: мѣли]; на̄ тисѧчьми а̀нг̄лвъ *мело проважено* бы^{т} і̂с̄а х̄а в нб̄о (65 ib.) [в польском несколько иначе: miáło prowádzic páná (Врубель, надп. 67 пс.)]; *пъто* п̂т̄ѣ (44 ib.); *почитано* мене з тыми (84б Псалт. XVII в.) [в польском: iestém policżon (Радив. библ., 88.$_5$)]; *не стереже́но* законѳ твоего (142б ib.) [nie strzeżono zakonu twego (Радив. библ., 119.$_{136}$); посла^{л} саѳлъ абы *стережено* въ дому а *забито* его (43б ib.) [posłał Saul áby strzeżono w domu iego a zábito gi (Радив.

[1] Ром. Мат. Гр. = Материалы по этнографии Гродненской губернии. По поручению Виленского Учебного Округа. Редактировал Е. Р. Романов. Издание Управления Виленского Учебного Округа. Вып. 1, Вильна, 1911; вып. II, Вильна, 1912. У меня использован лишь белорусский матернал.

библ., надп. 59 пс.)]; абы ѐ (насѣня) *ѡфѣровано* (75 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); и *знато* трѹпа его з дерева (112б ib.); очевисте сознане и тот лист ее ест *записано* (Бел. Арх. I 1603); верно, мойго ходзяина *забито* (Ром. III, 315 Сенн.); кажится, што яго *ўкрадяно* (Ром. IV, 5 Гомельск.); тябе *страчено* было (Ром. VI, 370 Орш.); падаютъ две дудучки перяд им, незвестно ким *зброшено* их (ib. 486 Мстисл.); тут их *носе́ляно* за панщыны (Мат. Б. 10 Мозыр.); ведьзма́р ўсе гадаў, як гэ́то *заклято́* бычка (Сержп. 134 Слуцк.).

Особый вид бессубъектных предложений составляют такие, которые в качестве сказуемого имеют неопределенное, напр.: рѣдкого *знайти*, который бы плакалъ (63б Катих. 1562 г.); и не *ведати* где ся Годунъ поделъ (169б Сб. XVII в. Син. № 790); на што козами сена *травиць* (Нос. Посл. 91); дабра не чува́ць (Дыб. 10 Посл.); яго *нячуць* (Ром. III, 315 Сенн.), *знаци*, му͡ой миля̊ньки мяне пазабыў (72 Малев.); zwanè czuć (Федер. I, 213); alè nisztò rabìć, wyłàzić z kalaski (ib. II, 216); blisko *widać*, da daloko *dybać* (Чечот 1846, стр. 106); *знаць*, ты ў поля ни ходзила (Никиф. Част. 2162 Новогр.); *хварыэ́ць* ва́шуй ма́церы! (Сержп. 57 Мозыр.). Для усиления действия при неопределенном еще может быть дополнение, выраженное словом того же корня: чуть ня *чувать*, слыхом ня *слыхать*, — довялося нам у вочы побачытца (Ром. VI, 206 Гомельск.); и чувом *чува́ць* и видо́м *вида́ць* — ци сам бел молодзец наежжая (ib. 50 Черик.). При неопределенном особенно часто бывает дательный дополнения: аже поидеть оугорьскыи король на литву, польскому королеви *помагати*, аже поидеть на русь што литвы слушаеть, королеви не помогати (гр. 1349 г.); а коли миръ станеть, юрью кнѧзю города *лишитисѧ* (ib.); докончають межи себе кн̄зь Кестоутеи велики, и велики кн̄зь ѡлгирдъ. што братии всеу *послоушноу быти* кн̄зѧ великого ѡлгирда (86б—87 Супр.); *быць* бычку на лычку, а целочце на веревочце (Нос. Посл. 11); ак *стояци* сену тому, так до восеньска уремъя (Ром. III, 228 Рогач.); сонца за лес, крикса на лес, а дзицяцю *спаць* (Ром. IV, 32 Витебск.); як табе, дубя, ветьцем не *махаць* (Ром. V, 189); ночуйце на здороўе. Вам жешь своей хаты на одну ночь не *будоваць* (Шейн Мат. II, 361 Борис.); заре зарюшке *краснець*, рабе Сохье *здоровець* (ib. 538 Бельск. Смол. губ.). Когда ниже будем говорить о выражении повторяющегося прошедшего действия в предложениях времени, мы встретимся с употреблением неопределенного вместо глагольного сказуемого, как в нижеследующих случаях: *ици* яму, *ици*, — выходзя на поляну (Ром. III, 271 Бых.); *ехать* дак *ехать* тогды обнимая их ночь (Ром. VI, 10 Гомельск.). Естественно и такие предложения причислять к бессубъектным. Во всех предложениях рассмотренного разряда неопределенное первоначально не было сказуемым, а таковым являлись формы глагола *есмь* — *быть*, опущенные в настоящее время.

Уже давно на славянской почве развился особый род бессубъектных предложений при сказуемых *нѣсть*, *нѣтъ*, в которых подлежа-

щее ставится в родительном падеже; в белорусском языке [как в польском языке (Małecki G. H. II, 375—376) и украинском], сюда присоединились *нема*, *немаш*, *немашка*. Примеры: рече бѣзоуменъ въ ср҃дци своємь *нѣ*^{с} *б҃а* (22 Псалт. 1296 г.); *ѿбиди* мнѣ с вами *нѣтоу* никоеи (98 Лет. Авр. XV в.); *нетъ* бг҃а (53б Псалт. XVI в.); *нѣтъ* ѿпочи҃ку (9 Псалт. XVII в.); его *нѣту* (6б ib.); хужи *нѣт* на свѣци жиць, як далёкаго любиць (Никиф. Част. 264); любопытно *ня нет* в смысле «есть достаточно»: у царя, конешня, усяких слуг *ня нет* (Ром. III, 110 Сенн.); то же и при разложении *нѣсть* на *не есть*: *не ѣсть* речи ѣани слова (21 Псалт. XVI в.); тогды в Подолскои земли *не быль* ни ѡдинъ горо^{х}. ни деревомь роубленого. ани каменемъ боудованого (103 Супр.) (здесь в начале предложения не совсем русский оборот). По аналогии рассмотренных оборотов родительный падеж подлежащего бывает даже при *есть* без отрицания: в не^{м} (море) га́ду *есть* которому ли́чбы немашъ (109 Псалт. XVII в.); ў мо́ры га́ду *ёсьць*, кото́рыму и ли́ку нима́ш (Мат. Б. № 4 Могил. губ.; ср. №№ 8 Игум., 13 Свенц.); *естьи*^{х} больше волосо^{т} (14б Псалт. XVII в.); ў мяне́ грошей *ёсць* (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 10 Мозыр., 13 Свенц., 18 Витебск.); у яго гро́шай *ёсць* (ib. № 11 Новоалекс.); несомненно, позднейшая прибавка *шмат* в *у мяне́ грошей есь шмат* (Мат. Б. № 8 Игум.), так как смысл и без того был ясен; иногда и никакого родительного не бывает при *есть*: кали́ *ёсьць* у мяшку́, бу́дзя и ў гаршку́ (Ляцк. Посл. 16 Борис.); *нѣма*, *нѣмашъ*: *нѣмашъ бо*^{а}*ни* (4б Псалт. XVII в.) [niemász boiázni (Радив. библ., 36.2)]; *неш҃а* згола здоро^{т}а (9б ib.); *немашъ* жа^{л}ного (35б ib); *немашъ* злосника (6б ib.); ѩ́сности ѡчъю мои^{х} и тои *немашъ* при мнѣ (10 ib.); чи *нимашъ* жены (130б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); *немаж* часу (Мат. Б. № 10 Мозыр.); *нимаш* стра́ху (ib. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен.); *нима́шака* страху (ib. № 8 Игум.); пылядзяць, ажны никого *нема* (Ром. III, 17 Сенн.); хлеб ёсь, соли *нема*; хлеб ёсь, соль ёсь, капусты *нема* (ib. 359); той бягом на по́ля — *нима* кобылы (Шейн Мат. II, 210 Борис.); *нема́* каму́ даць им і҆э͡сци (Сержп. 25 Мозыр.); *нема́* чаго́ рабі́ць (ib. 88 Слуцк.); *нима* гайца, *нима* матки (Ром. Мат. Гр. II, 170 Гродн.).

Во всех приведенных видах безличных предложений нет подлежащих и их восстановить нельзя без изменения формы речи. Но кроме них есть еще целый ряд безличных предложений, которые можно считать лишь относительно бессубъектными. В них на вопросы подлежащего «кто?», «что?» можно дать ответ, но он не нужен; иногда даже и подлежащее есть налицо, но оно не поставлено в формальную связь со сказуемым; здесь можно видеть разные степени бессубъектности, начиная от ее зарождения. Такие предложения, вслед за Овсянико-Куликовским[1], назовем относительно бессубъектными.

[1] Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений («Известия», V).

К вопросу об одночленных предложениях еще, между прочим, относятся работы: Попов. Синтаксические исследования, 31—42; Miklosich. Subjectlose Sätze.

Сюда, значит, следует отнести такие предложения, в которых указать грамматическое подлежащее можно бы, но нет надобности: без него лучше выступает сказуемое. Последнее здесь обыкновенно выражается 3-м лицом множественного числа, 2-м единственного и изредка 3-м единственного числа. Подлежащее опускается вследствие ненадобности обозначения деятеля или потому, что деятель неизвестен, или потому, что он каждому известен и по другим подобным причинам. Приведем примеры: а) 3-е лицо множественного числа: оддай мяне матуличка, гдзе ни *сва́рутца* (Никиф. Част. 1540 Вилейск.); вот яго ету ночь *возьмути* (Ром. IV, 83 Гомельск.); синажаць *здратавали* канями (Мат. Б. № 31 Вилейск.); и *дзеруць* и *бьюць* и плакаць не *даюць* (Нос. Посл. 64); б) 2-е лицо единственного числа: з нечивили и в огонь *кинешся* (ib. 53); pawoli jedzesz, daloko staniesz (Чечот 1846, стр. 113); в) 3-е лицо единственного числа: в быблѣи *пи҃ше* (71б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); у календары́ *пише*, што бу́дзе дощ. Сюда следует отнести и вводные предложения: ты, *моа*, травицы жалеяш тэя (= может быть) (Ром. IV, 19 Рогач.); давай, *каа*, грошы мое́ (ib. 20) (здесь только зарождение бессубъектности); у мине, *мовляв*, свойго богато (= ведь) (Шейн Мат. II, 327 Гомельск.). Иногда в безличном смысле употребляется даже повелительное: ах! *зорви* з яго животы (= пропал бы он) (Шейн Мат. II, 212 Витебск.).

Лишь зарождение безличных предложений следует видеть в таких случаях, когда с имеющимся налицо подлежащим сказуемое, изменяемое по родам, не согласуется, а ставится в среднем роде единственного числа, напр.: нѹ҃трь моѧ *преме҃нилосѧ* (74 Псалт. XVI в.); бг҃ъ ме҃ быть взнано (ib. 76); ѿстано҃ боудеть *сѧ҃тковало* (ib. 77). Особенно легко нарушается согласование и, следовательно, усиливается безличность, когда сказуемое предшествует подлежащему: *вышло* лѣті (Л. 95. 1399 г.); *недостато҃но* и вбо҃ ″есми́ ѣ (87б Псалт. XVI в.); было є҃ надѣѧ моѧ (ib. 60); тогды *было* зиме ни зима ни лѣто (154б Сб. XVII в. Син. б. № 790); ў его *ўкра́дзено* гро́шы (Мат. Б. № 10 Мозыр.); *шло пошло* корогод дзевок.

Иногда при сказуемом как будто имеется и формальное подлежащее, но значение его столь неопределенно, что можно рассматривать его и как пояснение сказуемого, напр.: тогды *назбиралося* их *богато* (Шейн Мат. II, 13 Минск.); или: бача ён, — по *кольлю* голов, дак *страсть*, чаловечацких *стырчыть* (Ром. VI, 211 Гомельск.) (на знаки препинания внимания не обращаю). Иногда и такое неопределенное подлежащее отсутствует: гдзе са́ла кипи́ць, там *людзе́й кишы́ць* (Ляцк. Посл. 7 Борис.); *трошку* сочавички *няўлезло* у мех (Ром. III, 14 Гомельск.)

Особенно легко переходят в безличные те предложения, в которых подлежащим должно быть имя числительное: *трыццаць* каза́коў *засну́ла* (Розенф. 25 Вилейск.); но чаще числительное стоит в других падежах: а) вместо именительного стоит родительный падеж, как и в польском языке (Małecki, G. H. II, 357—358); *двух* братов *рыбо-*

ловы (5 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); нас *было трох* (Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 8 Игум., 17 Речицк.); нас *двинадцацёх* (ib. № 7 Минск.) (*ёсць* в настоящем времени опущено); у каго́ гэ́та у вас *ко́сиць шасьцёх* касцо́ў (ib. № 21 Слуцк.); *идуць* там *трох* разбуо́йникаў (132 Малев.); *bylò dvox* braćèj (Верига Pod. 52 Лидск.); *dvu̯och* haspadarò u̯ harè (Федер. I, 10 Шидловцы); б) числительное может стоять с предлогом: всеѣ силы *бѣше съ двѣстѣ* тысѣщь (239 Лет. Авр. XV в.); не́што *са пяць* вазо́ў *е́дуць* (Мат. Б. № 21 Слуцк.); *прышли у дзесяци* (ib. № 9 Бых., ср. №№ 6 Диснен., 17 Речицк.); *собрался ў дванаццацёх* (Шейн Мат. II, 227 Новогр.); *идуть у двоим* (Ром. VI, 125 Мстисл.) и т. д.

Как и в русском языке, относительно бессубъектными являются и такие предложения, в которых при некоторых союзах (*каб* = *если бы*, *когда*, *чтобы*) роль сказуемого исполняет неопределенное: *каб* гэ́то *зраби́ць* тре́ба мешо́к со́ли зае́сци; етые браты соско́чили с повозки, товхонули вороты, дык яны (т. е. вороты) и не подумали, штоб *отчиниць* их (Ром. III, 161 Рогач.).

2. ДВУЧЛЕННЫЕ И МНОГОЧЛЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Одночленная форма предложения довольно редка, обычнее двучленная и многочленная.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Каждое двучленное предложение состоит из подлежащего и сказуемого. Подлежащее, по Потебне (Из записок I—II², 93), есть вещественное указание на непосредственного производителя признака, означаемого сказуемым, или носителя свойства, приписываемого последнему. Таким образом, оно является грамматическим указателем на деятеля (настоящего или мнимого), а сказуемое — на деятельность подлежащего. Для нас безразлично, будет ли подлежащее настоящим деятелем — при действительном залоге (*злодзе́и* заби́ли ба́цька), или мнимым — при страдательном (*ба́цько* заби́т злодзе́ями). Деятелем может быть только предмет, следовательно, и подлежащим может быть только имя существительное. Но если по ходу речи бывает нужда только сделать указание на предмет, а не назвать его, или и совершенно не бывает возможности или нужды употреблять его, тогда прибегают к замене существительного другими частями речи, например, местоимениями.

Прежде чем перейти к вопросу о выражении подлежащего, сказуемого и других частей предложения, необходимо еще коснуться некоторых общих вопросов, с которыми нам постоянно придется сталкиваться; имею в виду вопросы о роде и числе.

РОД ИМЕН

В белорусский язык из общерусского языка перешли три рода: мужской, женский и средний. По этим родам разделяются имена существительные, прилагательные, местоимения (кроме личных, возвратных

и *хто*, *што*), а также причастия. Слова каждого рода в большинстве случаев имеют свои окончания, по крайней мере в единственном числе, часто различные по основам слов. Однако праславянское и общерусское распределение по родам не осталось во всех отношениях неизменным. С одной стороны, влияние одних основ на другие, с другой — у одушевленных предметов — представление пола были причиной перемены рода у некоторых слов, что замечается уже в древнерусском языке. Действие тех же причин продолжается и в современном белорусском языке, где на перемену рода некоторыми словами влияют еще, как и в известных южнорусских говорах, фонетические изменения конечных гласных и некоторые другие еще недостаточно выясненные обстоятельства.

Так, 1) вследствие влияния одних основ на другие и смешения их перешли а) в мужской род, например, следующие слова: вёрст, плат (вм. *плата*); ѡ тотъ платъ, который [Бел. Арх. II 1553 (XVII в.)]; того плату бобровничого [ib. 1533 (XVII в.)]; наград (Белорусы 2, 15—16) — два последние редко встречаются; купель (*купелем* тв. п.), цель (целем), тень (по тѣне), печь (п. ѡгневый), мочь (м. свои), помочь (п. велик), двер (д. отворо), постель (п. нашь), нутрь (нутрь мои) — все больше из старинных произведений, в которые они в некоторых случаях зашли под влиянием польского языка (Белорусы 2, 15); *цень*, впрочем, известно и в живом употреблении (ib.), а также: яще *цень вялики*, а ён есьци просиць (Ляцк. Посл. 63); туольки его *ціэнь астаўса* (Сержп. 24 Мозыр.); боль (вялики б.); самліэў пан ат *болю* (Сержп. 105 Слуцк.); жаль (у жалю), пагибель (pryszuǫ̀ pahìbiäl), далонь (z cіełym dałoniam), мазоль, плеш, болезь (ўсякий б.), цеп (як с цепу сорвався), пыл (= пыль), пелын (пелыно) (Белорусы 2, 17—18); як подошоў *поўноч* (Шейн Мат. II, 225 Свенц.); твар (лицо, twarz): *твар* бы раля ўвесь зморщыўса (Сержп. 87 Слуцк.). В словах *берлог* и *сажень* мужского рода в белорусском языке удержана старина (Белорусы 2, 17), как и в «измолче *гортань* мой» (55б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262, пс. 68, 4б). По той же причине в женский род перешли: пара (= пар; общебелорусское), проступка, Содома (с тоє Содомы), мьска (при *м'скъ*), устава (уставы своєѧ), труда (приняць труду) — слова реже встречающиеся (Белорусы 2, 18); сюда же принадлежит: послѣ того бы *матежа* велика оу Смоленьскоу (167б Акад.); мечь (востру м.) (Белорусы 2, 21), гойструю меч (при *мячом засяку*) (Ром. V, 110 Гомельск.), огненною мечью (ib. 119), лучь (л. полуденная), череў (čéreu raspаróušy) (Белорусы 2, 21); иногда даже: *дзень* [ни *пятрова-дзень*; па два разы ня буду гаварыць (Ляцк. Посл. 27)].

2) На перемену основ с *-о-* на *-а-* и на переход слов среднего рода в женский оказали влияние и причины фонетические (ср. Белорусы 2, 19—20), вследствие чего стали словами женского рода, например, следующие: евангелия (на светую евангелию) (Бел. Арх. I 1548); войска (силною войскою, как в сербском), бедра (бедрѣ твоєи), копия (поⁿнеси копию котороѧ), чада, стада (Белорусы 2, 18); мыя

стыда́, моей стады, мою стаду́, моей стадый, мыя́ пыля́, моей поли́, маéй полéй (Мат. Б. № 18 Витебск.); ву́ха скалéченая (ib. № 31 Вилейск.); пива пьяная; святая Благовещення (Белорусы 2, 20) при «тогды *былъ Блг҃вещени* в понедѣлекъ на стра҃нои недели» (64б Супр.); царства (чарстви нябеснэй) (Белорусы 2, 20); на *белую* блюду (Никиф. Част. 44).

3) Когда вследствие фонетических причин слова среднего рода на *-о/-е* могли принимать окончание *-а* и переходить в женский род, явилась возможность смешения с ними и исконных слов женского рода на *-а*, которые в непонятных для меня случаях стали принимать окончание *-о* и, повидимому, стали словами среднего рода, таковы: палó, гривó (Белорусы 2, 19), ср. еще: на *гриво* схилиўса (Ром. Мат. Гр. II, 206 Волков.); им подражает *брывó* (ib. 19). В средний род перешло и несколько слов мужского рода: *глазó*, *ýдо*, *Вели́каднё*, *рышко* (Белорусы 2, 15), где *о* не без влияния таких образований, как *Пятрó*, *женишкó* (Ром. Мат. Гр. I, 197 Слоним.).

4) Немало изменений в роде произошло у названий предметов одушевленных под влиянием представления о естественном поле таких предметов, особенно, если имелось по два слова для их названия: одно стало обозначать самцов, а другое самок. Вследствие этого в мужском роде оказались: а) *собáка* — общебелорусское при *сýка* (Белорусы 2, 15—17), напр.: *спужався* собака и *побег* (Ром. III, 7 Сенн.); собака *отрокся* ходяина и *пошов* упрочки (ib. 15); собака тэй *сорвався* с цэпу (ib. 387); *бег* собака чараз мост — чатыры ноги, пятый хвост (Ром. V, 40 Могил.); смех с панских ботаў: адзин сгареў, други́ сабака *зъеў* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); б) *лошадь* (обыкновенно *конь*) при *кобыла* (Белорусы 2, 17); в) изредка *мыш*: *занявся* мыш з веробъём (Ром. III, 172 Рогач.); но в той же сказке (стр. 173): *мыш узяла*, а в других местностях встречается даже *мы́ша* (ж. р.) (Белорусы 2, 21). В женский род а) повсеместно, как в украинском языке и других славянских языках, перешло *гусь* при мужском роде *гусак* (Белорусы 2, 21); б) в старинных памятниках встречается *червь* (ч. нашла) (Белорусы 2, 21), рядом с *черва* в живых говорах (ib. 20); в) в старых памятниках еще отметим *муровья* (ib. 20); г) в современном языке встречается *дýрань* в женском роде в применении к слову *дочка*: я ня буду *такаа* дурань (Ром. III, 362 Бых.); д) по фонетическим причинам название одушевленного предмета среднего рода *дзицятко* иногда переходит в женский род: нема́ дóчухны, ми́лой дзицятки (Зап. V, 173), впрочем тоже для обозначения предмета женского пола. Тут же упомянем о слове *дзяўча* (*-яци*), которое по смыслу иногда употребляется и как слово женского рода (Белорусы 2, 22); такое же употребление имеет и *дзиця́*: до *моей* дзицяци (Никиф. Част. 1201 Полоцк.).

Иногда, впрочем, сверх ожидания, естественный пол не оказывает влияния даже в очевидных случаях употребления неподходящего рода; это особенно касается слов, оканчивающихся на *-а*: иногда грамматическое формальное согласование одерживает верх над обозначаемым

полом. Таково, например, *слугá*, употреблявшееся изредка в женском роде и в старославянских памятниках (Супр. р., Остр. ев.): послав ён туды *свою слугу*; *пришла слуга* и говориць (Ром. III, 71 Сенн.); поехала *тая слуга* и убачыў там хлопчыка (Шейн Мат. II, 51 Игум.). Как видно из последнего примера, род этого слова довольно неустойчив (ср. еще Белорусы 2, 16). Сюда же принадлежит *судзьдзя́*, как и старославянское **сѫдии**: мирова́я судзьдзя́ (Мат. Б. №№ 13 Свенц., 18 Витебск.), хотя чаще оно мужского рода с допущением склонения, как и в других подобных словах в белорусском, по образцу основ на *-ŏ-* (Белорусы 2, 16). Таковы же: ста́роста [обчиськая ста́рыста (Мат. Б. № 18 Витебск.)], с преобладанием, однако, мужского рода [зделай яго старостом (Ром. III, 396 Рогач.)]; пъяница (*за губ͡о́ркую пъянiцу* при *му͡ой пъяницa*); нядбайлица («вяликая нядбайлица») (ср. Белорусы 2, 16). Такая перемена грамматического рода наблюдается даже при собственных именах: свято́й Ильлёй, святу́ю Мико́лу (Белорусы 2, 16), сам з двора ўсхав, *Каща бессмертная* (Ром. VI, 3 Чаусск.) рядом с «приказав Каща бессмертный».

С другой стороны, ясное представление половых отличий было причиной того, что народ в подобных словах менял основу и даже окончание именительного падежа, как об этом мы говорили в морфологии (Белорусы 2, 15—17).

К именам существительным в древнейшую пору языка по своим окончаниям примыкали и некоторые числительные (с 5 до 10), бывшие словами женского рода. В старинных памятниках западнорусского языка можно встретить подобное же употребление, причем количество числительных женского рода на мягкий согласный увеличилось еще новообразованиями на *-дцать*, напр.: другую шесть рублей (29 Статут 1588 г.); тую пятьдесятъ копъ грошей (ib. 90); троя дванадцать недѣль (157 Статут 1529 г.); другую дванадцать рублевъ (ib. 152); тая дванадцат (Бел. Арх. I 1606); за тую петнадцать поставовъ [Бел. Арх. 1533 (XVII в.)]; тую ѡсмдесятъ копъ грошей (ib.). Такое употребление указанных числительных, как слов женского рода, однако, рано начало нарушаться, так как, не имея определенного материального содержания, кроме обозначения количества известных признаков или предметов, числительные приближались к словам служебным, от которых другие не зависят. Вследствие этого, между прочим, хотя в старинных произведениях и в современном языке после указанных числительных возможно употребление родительного падежа, как и при именах существительных [в сѣдми *добродетѣлей* тѣхъ (26 Катих. 1585 г.); змей о шасци *головей* (Ром. III, 48 Сенн.); 31 *рублей* (Отч. 25 Гомельск.); 5, 6 *год* (Мат. Б. № 7 Минск., 5, 6... *годо́ў* (ib. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых., 18 Витебск. и т. д.)], но во многих местах в равной степени допустимо употребление и именительного, а также других падежей в зависимости от предлогов, как если бы перед такими именами стояло не имя числительное на согласный (*-ть*), а прилагательное [*къ семи* и дватца᷄ма и стома *земл*ѧ᷅ (133 Библ. кн. XVI в. Вил.

№ 262); у той камори стоиць *тридзевяць столы* дубовых (Ром. V, 93); заслано *тридзевяць скацерсци шавковыя* (ib.)]; в предыдущем примере лишь *дубовых* напоминает о старине. Особенно в Мозырском у. (Мат. Б. № 10) распространено такое употребление: 5 годы́, 6 годы, 7 годы, 5 копі̯э́йки, 6 рубли́, 7 чалові̯э́ки, 8 ха́ты, 9 волы́, 10 мешки́, 11 возы́, 12 корбвы, 13 кони и т. д.; на версе трапили 10 *грывеньки* грошай (Мат. Б. № 10 Мозыр.); niesie *piać kołoczki* (Федер. I, 91 Волков.); raścіè *sześć dubè* (ib. II, 83 Суховоля).

Имена прилагательные, а также изменяемые по родам местоимения и причастия в своем роде согласуются с именами существительными, к которым относятся. Для нас интересны случаи употребления того или другого рода, когда прилагательные стоят без имен существительных и последних подразумевать нельзя. Тут прежде всего отметим употребление среднего рода единственного числа в самом различном смысле, так как средний род не рисует нашему воображению никакого определенного предмета. Примеры: без *худа́* не видаць *добра́* (Зап. I, 260); *до́рого* да ми́ло, *дзе́шево* да гни́ло (ib. 296); прида́ное (Мат. Б. № 3) и т. д.; гэто ўсё маё, паду́шное, падаро́жное, мало, много, сколько, што, двое, трое и т. д. Лишь под церковнославянским влиянием в старинных произведениях в таком смысле встречается средний род множественного числа, куда он в свою очередь проник из греческого языка: оная вся отчизная спадывають (83—84 Статут 1588 г.). Реже в таких случаях употребляется женский род, напр.: каб цябе *сыра́я* зьела; як скрозь *до́нную* правалиўся (пропал бесследно); но в обоих случаях легко подразумевать *земля*.

Имена прилагательные с суффиксом *-ьскъ* служат, между прочим, и для образования названий городов (*Брянск*, *Смоленск* и т. п.). В старинных западнорусских памятниках в таких случаях нередко видим окончание среднего рода на *-о*: оу Полотеско (гр. ок. 1300 г.), витеб҃ско (75 Крас., 80б ib.), д҃а емѹ лоу҃ко [77 (8) ib.], мст҃ско (88 ib.), на смоле҃ско (90 ib.) и др. При всех таких названиях городов следует подразумевать слово *место*, что в Литовско-Русском государстве под влиянием польского языка обозначало *город*.

Сравнительная степень очень часто употребляется в белорусском языке в полной склоняемой форме, хотя и наречные образования возможны (Белорусы 2, 47). Будучи в полной форме, сравнительная степень согласуется с именем существительным. Причастие на *-лъ* во множественном числе для всех родов имеет общую форму на *-и* (хло́пцы каси́ли, дзяўке́ жа́ли, парасята е́ли).

ЧИСЛО

Указание числа, как и рода, составляет формальную особенность каждой именной части речи; впрочем, иногда на употребление того или другого числа оказывает влияние и материальная сторона слова.

Из морфологии мы уже видели, что белорусский язык в настоящее время знает два числа: единственное и множественное; от двойствен-

ного числа сохранились лишь незначительные остатки, которых в старину, впрочем, было гораздо больше, чем теперь.

В древнейшую эпоху языка между числами было строгое различие; одно не могло употребляться вместо другого. Но со временем представилась возможность, больше на почве отдельных языков, употребления одних чисел вместо других. Белорусский язык в употреблении числа вообще отражает особенности русского языка, развившиеся в отдельных случаях очень давно. Кое-что развилось и на белорусской почве.

Особенности в употреблении единственного числа

Тут прежде всего коснемся случаев употребления единственного числа для выражения множественного. Индоевропейский праязык в древнейшую пору знал только единственный случай для выражения множественного числа посредством единственного, это — употребление слов сплошных, обозначающих массу мелкого вещества, как *мука*, *трава*, *солома*, *соль* и под. Употребление имен собирательных для обозначения множественности развились уже на почве отдельных языков индоевропейской семьи, притом в одних больше, в других меньше. Славянские языки выступили на историческое поприще с богатым запасом собирательных слов, а затем и каждый самостоятельно развил их немало. Древнерусский язык знал таких образований также много (ср. А. И. Соболевский, Лекции[4], 218—222), причем в нем множественность обозначаемых ими предметов живо чувствовалась, как об этом можно судить на основании того, что глагол-сказуемое, а иногда и прилагательное-определение при таких словах ставилось во множественном числе. Со временем в русской литературной речи многие из собирательных слов, несколько изменив свое окончание, а иногда и без этого условия стали на место именительно-винительного множественного числа, причем к ним иногда несколько приспособлялись по звуковой форме и остальные падежи множественного числа. В белорусском языке (как и в украинском, Ogonowski, Studien, 155) старинное употребление собирательных слов еще до сих пор в полном ходу, и вытеснение их множественным числом или преобразование в формы множественного числа только началось.

Собирательные чаще всего имеют форму слов среднего рода на *-е* (с предыдущим *j* или удвоенным согласным) и *-о* (ср. Белорусы 2, 112—114). Они обозначают или собрание вещественных предметов или имеют отвлеченное значение. Примером первых могут служить: бабьё, баярьё, бервеньня; *бервенья* и жердя порубали (Акты В. А. К., т. 36, 24 Мин. XVI в.); бру́сся, вороньнё; нехай над тым *вороннё* кра́кает, хто ўкрав (Нос. Посл. 106)], ветьé (Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); як табе, дубя, *ветьцем* не махаць (Ром. V, 189); у моём садзи — *вишанння*, у зялёном — *грушанння* (Никиф. Част. 1213 Полоцк.); вя́ззя, гадзьдзё; став по стянах *гвоздзё* забивать (Ром. III, 426 Гомельск.); попырскаць у глазьзё (Ром. V, 8 Чауск.); *гольé* (вейки) будуть моложавы (34б Ев.

Тяпин. ок. 1580 г.); современное *галлё*, *деревье* в старинных памятниках (Белорусы 2, 111); *дзеравъё* тое зацвело; обапол моста *здеравъём* высаджано (Ром. III, 217 Бых.); молилисѧ. иные *дубью*. а иные крыница, иныи рекамъ (118б Четья 1489 г.); дураччо́, жыдзьдзё; *же́рдзя* и *жардзё* [*жеръдя* высечы ялового копъ трыдъцать (Акты В. А. К., т. 36, 24 Мин. XVI в.)]; ты ужо *жильля* повы́цягав з мяне (Ром. IV, 81 Бых.); зелье (Псалт. XVII в.), зе́льля, звяррё, зладзьдзё, зьмяйё; яго по колени усыпав *и́скрием* (Ром. III, 161 Рогач.); камене (Псалт. XVII в.); kaḿeńo, kaḿéṇio; колье (9 Вилейск.); товстое *кольля* (Мат. Б. № 3 Могил. губ.); коре́е (83 Псалт. XVI в.); kaŕeńo, kačańio; свае *ши́лля-капы́лля*, я пойду привяду вороння — *крючча́* (Ром. III, 268 Сенн.); пришла ведьзма *з вороньнём*, *с крюччом* (ib.); я наслав ба *кручча́*, вороньня (Ром. VI, 239 Сенн.); як узяло *вороньнё* собиратца (ib.); нихто к ямў *у кумовъё* не хоча йти (Ром. III, 148 Рогач.); *лисьця* и *лисьцё*; жовтое *ли́стя* (Мат. Б. № 3 Могил. губ.); лозье (Псалт. XVI в.); все могылье (106 Лет. Авр. XV в.); мужыччо́, aharо́ẓo, орехоўя, пе́рря, *палазьзё* и *поло́зьзя*, пыляччо́; яны *снопъя* носили (Ром. IV, 125 Сенн.); *сви́не* ла́зяць у вагаруод (Сержп. 37 Слуцк.); скульлё (Вит. К. С. 285); *струччо́* и *стру́ччa*; *susiėdzio żali* (Федер. II, 196 Волков.); нигдѣ стоупити *трупїємь* (67 Лет. Авр. XV в.) (ср. еще Белорусы 2, 112). Примером употребления отвлеченных слов собирательных вместо множественного числа могут служить: выбави *ѳбо́тво* (51 Псалт. XVII в.); насычѳ *ѳбо́тво* (ib. 153б); породзе́ння. — Переход во множественное число собирательных с согласованием с ними сказуемого и определения во множественном числе, а также с образованием к ним косвенных падежей по множественному числу нами рассмотрен в морфологии (ср. Белорусы 2, 113).

Значительно реже в роли собирательных являются слова женского рода на *-а* (ср. Белорусы 2, 114—115): братья; Кнзь Василеи посла противоу ємоу со честию *братию* свою кнза Володимера. Андрѣєвича и кнза Андрѣа Дмитреєвича (100 Супр.); подданые... на име Андреецъ, Матеецъ и Мартинецъ Шымуковичи — *братья рожоная* ... розбили (Акты В. А. К., т. 36, 44 Мин. XVI в.); господа, дѣтьва, жидова, сторожа, холопьа, шурья — в старом языке и изредка в современном; в живом белорусском языке отметим: блазно́та, благо́та, мальгва, митульга, малеча, черва (Белорусы 2, 115); *камаро́ча* апанавала (Сержп. 37 Слуцк.); а тая *брацьця* остается яго (два брата) (Ром. III, 158 Рогач.).

Еще реже в роли собирательных выступают слова женского рода на мягкий согласный, после которого был *-ъ* = *-ĕ*: плоць (плотва), ризь (старье) (Белорусы 2, 114).

Может выражать множественное число, играя роль собирательных, и средний род прилагательных, а также местоимений, как об этом мы уже упоминали в статье о роде имен. Приведем несколько примеров: Псалт. XVII в.: мнѣ зыча *злое* (15); на мое *злое* (33); есми наслѣдова *до́брого* (11); шукаю мнѣ *злое* (49); впрочем в смысле благаа обык-

новенно *добра*: ѡтледа́ешъ добра ерѫсали[м]ские (150 пс. XVII в.) [но и в польском dobrá (Радив. библ., 128. 5)]; обое рябое (Нос. Посл. 117); ше́сцерко, че́цверко (Белорусы 2, 55); селько (112б Катих. 1562 г.); пя́церо, се́меро и т. д.

Заменяют множественное число единственным и некоторые другие слова, не имеющие значения собирательных, а означающие один предмет, однако или часто повторяющийся, или составляющий принадлежность целого ряда предметов, имеющихся в данном случае в виду. Напр.: тоу *костью* падоша (178 Лет. Авр. XV в.); страшно было *трупу* московского гледѣти (139б Сб. XVII в. Син. № 790); отвящаа *у трупи* у том хтось-то (среди тех трупов) (Ром. VI, 207 Гомельск.); *гре́ху ямý* отпущу (ib. IV, 155 Сенн.); ў мо́ры *га́ду* ёсыць, като́рыму и лику нима́ш (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); ўрадзи́ў *боб*, *мак*, *гаро́х*; погнила́ *бу́льба*; пъюць ли́павы *цвет*; е́ли бяро́завую *кару́*, налави́ў *ры́бы*; и *малады́* и *стары́* прэ за *я́гадай* и грибама, бо што ў ле́тку *но́жкай* коп, то зимой *ру́чкай* хоп (Ляцк. Посл. 14 Борис.); кали дзе́ўки иду́ць у *суни́цу* (ib.); я ничо́го ни роби́ла, только *бо́бу* ела (Никиф. Част. 1600 Вилейск.); лави́ли *звіэра́*, ў ры͡э́ках *рыбу* (Сержп. 73 Слуцк.); камара́ча, авады́ й уселя́ки *гнюс* во́чы им павыеда́ли (ib. 59 Мозыр.). Впрочем, в белорусском языке подобное употребление менее распространено, чем в русском.

Случаи употребления множественного числа[1]

Так как в древнейшую эпоху жизни общего индоевропейского языка собирательных слов не было или было очень мало, то всякая совокупность предметов обозначалась посредством множественного и двойственного чисел. От старины подобного рода употребление перешло и к славянским языкам, в том числе и к общерусскому, хотя в них оно подверглось некоторому ограничению вследствие развития употребления слов собирательных.

Говоря об употреблении множественного числа, прежде всего отметим те слова, которые употребляются только во множественном числе (pluralia tantum). Сюда относятся слова для обозначения делимых предметов, состоящих из однородных частей, напоминающих сплошные предметы; только во множественном числе употребляются и названия предметов более или менее сложных, а также состоящих из двух или нескольких однородных частей. Таковы: а) во́трины (обитые колосья) (Мат. Б. № 34 Рогач.), заке́лци (затирка, кушанье) (ib., № 31 Вилейск.), паза́тки (при *пазадзъдзя* = последняя плохая мука), вы́гребки, вы́чески, во́труби, памы́и, падо́нки, дро͡ожджы, дро́ва, кру́пы; сюда отнесем несколько и таких слов, которые могут иметь и единственное число, но или употребляют его редко, или в другом смысле; таковы названия растений и ягод: василькй, званкй, лапухй (Мат. Б. № 31 Вилейск.),

[1] Главным пособием служит работа А. А. Потебни «Значение множественного числа в русском языке». Воронеж, 188.

канóпли (ib.) [*конопельки* церла (Никиф. Част. 403 Дриссен.)], брусни́цы (ib.), паре́чки (смородина) (ib.); пошли дзеўки ў *журавины* (Никиф. Част. 671 Дриссен.); пойде́м, девóчки, у *квяточки́* (Ром. Мат. Гр. I, 141 Слоним.); дзяды (особое колючее растение) (Мат. Б. № 31 Вилейск.), вы́сыдки (обыкн. *вы́садки*) (Никиф. Очерки 423), малины, суницы, чарницы, ажыны, пралéски (подснежники) (Бобр.); таковы некоторые названия кушаний: бурáки́ (борщ) (Мат. Б. № 31 Вилейск.), камы́ (мятый картофель с маком) (ib.); б) предметы сложные: ви́лки (ухват) (Мат. Б. № 31 Вилейск.), кле́щи (скобы в хомуте) (ib.), ле́йцы (возжи) (ib.), па̀щенки (челюсть) (ib.), пóртки, штаны́, *нагави́цы* и *ганави́цы* (подштанники) (ib.), пры́швы (головки в сапогах) (ib.), нáры (ib. № 34 Рогач.), *се́ни* и *се́ницы* (ib.), *но́чвы* и *ночóўки* (ср. Мат. Б. № 34 Рогач.), я́тки (мясные ряды) (194 Малев.), жму́рки, набэ́дрыки, гра́бли, гу́сли, *но́жны* и *но́жницы*, *са́ни* и *са́нки*, пыножи́ (педали) (Никиф. Очерки XXXI), прыгорпчы (Вит. К. С. 252); сюда же примыкают слова, имеющие и единственное число, но в другом смысле: ве́сьники (малые ворота) (168 Малев.), гру́дзи (грудь), калёсы (телега) (Мат. Б. №№ 31 Вилейск., 34 Рогач.), кра́ски (цветы) (ib.), развóзы (растяжная телега) (ib. 31 Вилейск.), жита́ (засеянныя поля, особенно рожью). сена́ (луга, поросшие травой).

Древнему языку было свойственно употребление множественного числа имен собственных народов для обозначения занимаемых ими стран; единственное число обозначало обитателей. Подобное употребление известно было и древнерусскому языку. В белорусском языке имеются лишь незначительные следы такого употребления. Для примера из старых памятников отметим: оутечеть оу *Немци* и *Прѫсы*. соушѫ^{ж} ємоу оу *Немца*^{х} оу Мр̀ьине городѣ [12 Увар. (XVII т. ПСРЛ 89)]; ѡтоле поидѣ Швитригаило во *Оугры* [41б Увар. (ib. 99)]; Вито^{в}тъ то^{г}ды не взалъ Ви^{т}ни, и поиде^{т} до *Неме*^{ц} [68б Арх. (ib. 273)]; прилагательные и местоимения, заменяющие такие слова, ставятся во множественном числе: да^{т} былъ Полтескъ бра^{т}у своємоу Скиргаилоу и ѡни (т. е. Полтеск, жители Полоцка) єго не приняли (439б Вилейск.); праз^{н}никъ *въѡ̀колни*^{х} ѡ̀ли^{ж} до корѫ́ны ѡ̀лтаревои (Библ. кн. XVI в. Вилейск. № 262, пс. 117. $_{27}$). В современной речи подобное употребление сказывается в названиях городов, сел, частей городов и сел и вообще населенных мест, получивших свое название от жителей: Бацéвичи, Волосóвичи, Ерéмичи, Кóнцевичи, Любáничи, Манкóвичи, Мирятичи, Окóновичи, Данéйки, Кобы́льники, Мáрчики, Пу́тники, Чáшники, Жиды́ (часть м. Илии, заселенная евреями) (Мат. Б. № 31 Вилейск.). Сюда же следует отнести и вообще множественное число в названиях мест, напр.: сутки (проход в заборе); пашлá не ў *су́тачки* (Сержп. 7 Мозыр.); гóни (известная мера поля) (Мат. Б. № 31 Вилейск.), Пески (название деревни); наречные выражения со множественным числом имени существительного, придающим известному выражению некоторую неопределенность: стань ты ў *кресьлях*, на своих *мєсьцях* (Ром. V, 62 Чаусск.); *умисьтях* жить (ib. VI, 311 Городок.); поехали *умесьцям* (ib. IV,

198 Клим.); сели *ўмесьцям* (ib. 199); вознявся сам на *воздýхах* (ib. 423 Чаусск.); подняўся на *воздухáх* (Мат. Б. № 14 Новоалекс.); литаць на *ваздухáх* (ib. № 31 Вилейск.); пастáў ў *галавáх*, ў *нагáх*.

Бог, житель неба, также часто употребляется во множественном числе не без влияния представления о многобожии (имея в виду иконы): а *багú* егó знáюць, каго мы бýольш лю́бим (Сержп. 17 Мозыр.); нехáй цебé *багú* лю́бяць (ib. 129); *багú* яго вiе́даюць (Сержп. Прымхі 168 Слуцк.); а *боги* их ведаюць (Пщелко, Очерки 21[1]). Дух, живущий в человеке, тоже употребляется во множественном числе: я дам табiэ́ такого ды́хту, што з цебе й *духú* вы́прэ (Сержп. 10 Слуцк.); чуць *духú* з егó не выперло (ib. 60 Мозыр.) [но и: *дух* выперло (ib. 13 Слуцк.)].

Очень близко подходит к множественному числу места и множественное число времени. В настоящее время такое употребление значительно ослабело, будучи заменено единственным числом. Как и в старинном языке, и теперь говорят: прыéхаў да *кур*, да петухóў, седзiéў — да трейцих *пiэ́ўняў* (Сержп. 63 Мозыр.); другии *петухи* пияли (Пщелко, Очерки 20); уво *сняхъ* сянни сосниўся (Никиф. Част. 1147 Полоцк.); настали *Покровы* (ib. 2080 Мин.); примеры из старинных произведений: а миръ ѿ покрова бц҃ѣ до ивана дне до *купалъ* (Гр. 1349 г.); нарекли при своихъ *животехъ* (28 Увар.); повелъ его в *добрыи дн҃и* (74 Крас.); тои же ѡсени. на филиповы *запоуски* приде воиско литовское (82б Супр.); и̑ розъмѣю въ *придъчихъ* ихъ (Библ. кн. XVI в. Вил. № 262, Пс. 72. 17). В современном языке — названия известных семейных событий, празднеств: радзи́ны, крысьцины, увóдзины, зарýчины, запóбины (Мат. Б. № 31 Вилейск.); хрéзьбины (ib. № 34 Рогач.); у *храсци́ны* — досужа (Никиф. Част. 1499); на Матрунины *мяни́ны* (ib. 671 Дриссен.); прóводы (похороны) (ib.); хаўтýры (ib.); памúнки, калúнки (время объявления о девстве невесты) (Шейн Б. П. 336, 352); прóвидки (посещение роженицы) (Никиф. Очерки III); мурóвинки (смывание мира) (Никиф. Этн. Обозр. XXXVII, 35); название событий, важных в крестьянской жизни: дзядú (четыре дня поминовения усопших) (Мат. Б. № 31 Вилейск.); грамни́цы (2 февр.) (ib.); *кóляды* и *каля́ды* (ib.); зáпусты (заговенье) (ib.); завóраўки (начало паханья) (ib.); госци́ны (гощение) (Никиф. Очерки XXIX); зажы́нки, дажы́нки. К обозначению времени имеют отношение также: злы́дни (Мат. Б. № 34 Рогач.); званы (даць на званы, чтобы позвонили), сýтки (день и ночь), hadý й radý (Чечот 1846, стр. 118) (очень редко); ўстала ў сьвиные галасы (поздно) (Парич.).

Особый род употребления множественного числа вместо единственного для обозначения состояния лица или вообще предмета. Сюда принадлежит несколько случаев: принадлежность к известной должности,

[1] Пщелко, Очерки = А. Р. Пщелко. Очерки и рассказы из жизни белорусской деревни. Изд. 2. Вильна, 1906. Очерки и рассказы из жизни Белоруссии. Сборник 2-й. Витебск, 1910.

состоянию, званию: повелъ єго *ѳвеликых* (возвеличил) (439 Вилейск.); яму Бог показав быть царом ... и став на *царах* (Ром. III, 333 Гомельск.); выйци *ў лю́дзи*; пайци *ў прымакі́*; записаўся *ў дурни*; сидзець *ў дзе́ўках*, е́хаць *ў сва́ты*; ици *ў го́сци*, быць *на за́роботках*; пошоў Янка к суседзям *ў пазыки* (Шейн Мат. II, 377 Борис.); сдадуць милаго *ў солдаты* (Никиф. Част. 180) и т. п.; множественное при названиях болезней, объясняемое множественностью признаков: зало́зы (Мат. Б. № 31 Вилейск.), сухо́ты (ib.), па́рхи, пра́нцы (ib.), суро́цы (сглаз) (ib. № 34 Рогач.), ночни́цы (Никиф. Прим. 38), кри́ксы, су́щи (ib.); думали, што тут ему́ *капцы́* (Сержп. 54 Мозыр.) (наступил конец, время делать насыпь-конец — при похоронах).

От глубокой старины ведет свое происхождение множественное число для обозначения психического состояния: оу великы^{x} дру^{ж}ба^{x} были при ѡце^{x} свои^{x} (438б Вилейск.); злосте' (72 Псалт. XVII в.); *гвалточки* мое, живот порве́цца от смеху (111 Нос. Сл.); ждали, ждали, ды й *жданки* поели (Никиф. Очерки LXV); низада́лы (неудачи) (Никиф. Этн. Обозр. XXXVII, 35); ухода́лы (уход) (ib.); во́нки (ib.); уми́зги (любовные свидания) (ib. 36); na katá *paciahúszki*, a na dziciá *rastúszki* (Чечот 1846 г., 119); *жарты* состроить такую чугунку (Пщелко, Очерки 66); ба́чыць пан, што тут не *пере́лиўки* (Сержп. 106 Слуцк.). В старом языке особенно было любимо множественное число в подобных случаях от слов, образованных с суффиксом *-ощи*. В белорусском языке такие образования вышли из употребления. В таком случае, как: што є̑ братъ каинъ *оу завидоща*^{x} оубилъ (131б Четья 1489 г.), следует видеть украинизм. Но: яна́ ат *любо́шчаў* так змени́ласа (Сержп. 1926 118 Слуцк.), *хитрашчы*, *хитрыки* (Бобр.). К этому же отделу принадлежат выражения: просим *на помощи* (Шейн Мат. II, 549 Бобр.); ну, братцы, пойдзем *на утёки* (Ром. III, 255) (обыкновенно: на ўцёки); пошли *ўпро́чки* (ib. 266 Сенн.); жыць *ў про́чках*. Таковы же в детском языке выражения: *поцягу́шаньки*, *поцягу́начки*, *ла́дки* — *ла́дочки*; отсюда, конечно, объясняется *-ки* и в неопределенных, как: *е́сцинки*, *пи́тонки* и т. д. (ср. Белорусы 2, 64). Может быть, и наречное окончание *-ки* (из *-кы*) также найдет для себя объяснение в формах множественного числа: *нена́цки*, *коли́сички*, *удо́ўжки*, *устаячки* и т. д. (Белорусы 2, 69).

В ином роде и другого происхождения так называемое множественное число гиперболическое (maiestatis, reverentiae). Тут прежде всего отметим *мы* владетельных особ, зашедшее в Западную Русь с Запада, напр.: *мы хочемъ* ради то учинити (гр. ок. 1341 г.); Владислав ... *чинимъ* славно ... б^{г}ъ далъ *намъ* (гр. 1387 г. Владисл.); *мы* великии кн̑зь ... *даемъ* вѣдомо всякому, кто сеи листъ увидитъ или чтучи услышитъ (СВ. 2. гр. 1432 г.); мы князь Иванъ Юръевичъ просилъ есми [Бел. Арх. II 1486 (XVII в.)] и под.; в подражание владетельным особам иногда так же выражаются и другие лица, напр.: *мы* (возный повету Минского) се того обовляючы ... уветкнулъ есми лист заручный (Акты В. А. К., т. 36, 9 Мин. XVI в.).

С Запада перешел к нам и обычай употреблять при разговоре с людьми почтенными 2-е лицо множественного числа (*вы* и глагол во 2-м лице) вместо 2-го лица единственного числа (*ты* и глагол во 2-м лице). В народной речи белорусской подобное употребление существует, однако, не повсеместно и не обязательно. Как и в украинском языке, дети обыкновенно обращаются к родителям на *вы*, но не всегда; то же относится и к обращению к почтенным лицам. Иногда и об отсутствующих почтенных лицах говорят во множественном числе. Вот несколько попавшихся нам более редких примеров из живой речи: о господзи, вялúка *ваша* сила! (Ром. IV, 200 Клим.); Спасицель святый, *вярнiцеся*, *замкнiця* кров ... маць прачистая, *вярнiцеся* (Ром. V, 161); няўжó ето *вы* мой сын Пётра? (Ром. VI, 25 Гомельск.); ну, верно *наша* дочь да то *ваша* будеть (ib. 285 Чаусск.); a mo̯j dzià-dziuszku! a mo̯j míleńki! ja was (= волка) od śmièrci wy̆ratawa̯... (Федер. II, 24 Шидлов.); *стóйце*, пáне дзя́цьку, не *паяжджайце* (Мат. Б. № 21 Слуцк.); тут, между прочим, с тою же целью прибавлено *пане*; даже об отсутствующем: мой тáто *паéхали*, мая мáма *паéхали* (Мат. Б. № 19 Белост.); мама *сказали*, нашы батинька *паехали* (Раст. 123).

Остатки двойственного числа

Случаи употребления двойственного числа нами в достаточной степени рассмотрены в морфологии (Белорусы 2, 106—108), куда за подробностями и отсылаем читателя[1].

В славянских языках в древнейший период двойственное число было известно во всех изменяемых частях речи; оно употреблялось: а) когда шла речь о предметах парных, б) при числительных *два* и *оба*, которые часто оказывались лишними, так как и без них двойственное число указывало бы на два предмета; они допускались в подражание греческим оригиналам, где при δύο существительное могло стоять и во множественном числе; в) когда поименовывалось вообще два лица или предмета. Однако рано, вследствие того, что два предмета или вообще парные предметы приписывались не только одному лицу или предмету, но и многим, явилась возможность употребления и множественного числа вместо двойственного или рядом с двойственным. Особенно это следует сказать относительно парных предметов: употребляясь с подлежащим множественного числа, они тем самым указывали на свою множественность и содействовали падению двойственного в разных славянских языках; к тому же вело и расширение кругозора славянина: он видел преобладание множества в сравнении с парными предметами.

Двойственное было свойственно и древнерусскому языку. Как это отметил акад. А. И. Соболевский (Лекции[4], 205), в нем оно принимало даже своеобразные оттенки, состоявшие в том, что в двойствен-

[1] Ср. еще Белич. К двойственному числу в старославянском языке. «Известия», 4.

ном ставилось не только сказуемое и определение, но и те предметы, к которым последние относятся. Однако в древнерусском языке рано началось и расстройство в употреблении двойственного, хотя заметно сказалось лишь с XIII в., т. е. как раз с того времени, к какому мы можем отнести первые памятники старого западнорусского языка. Естественно вследствие этого, что мы, повсюду встречая в них форму двойственного, также находим и отступления от старины. Прежде чем сделать выводы, приведем некоторые примеры из старинных произведений.

Двойственное при числительных *два — двѣ*, *оба — обѣ* — формы именительно-винительного падежей: Грамоты: 1487 г.: двѣ ведрѣ медꙋ (1487 г.), двѣ копѣ грошей (1499 г.), но: два кони (1479 г.), два поѣсы (149 ib.); Судебник Каз. 1468 г.: на обѣ сторонѣ (44); Сб. (XV в. Публ. б. № 391): два старая моужа, молчала еста оба, двѣ стене (52), за две лете (56), ѡбе плече (71) (вм. *плечи* — образование вторичное), но: два лотри (32); Лит. Лет. XV—XVI вв.: пошлеть в҃ чл҃вка (3б Увар.) [но: два чл҃кы (441 Вилейск.)], жо҆ѫцѣ двѣ хо҆ѫ҇ли покладыва҃ кн҃зѧ (444 Вилейск.) = (жонце) двѣ ходили (11 Увар.); по двѣ копѣ грошеи (Акад. 166), двѣ мили 442 Вилейск.), двѣ лѣтѣ (439 ib. 88 Супр.); Лет. Авр. XV в.: по ѡ҃бѣ сторонѣ (302); Сб. XVI в. Позн.: ꙋ ѡбе руцэ (117); на ѡбе колени (ib.), два скока (120), но там же: два чоловеки (167), ѡбѣ девки (109); Статут 1588 г.: по две особе (73), на обедве стороне (78) рядом с: *два грошы* (129); Гродн. Акт. кн. XVI в.: двѣ копе (23), двѣ лѣте (75), две седле (243), но: два годы (42); Акты В. А. К., т. 36, Мин. XVI в.: за *две копе* грошей (22), тые *две именье* (55), но: *кони два* шерстью гнедые, *клячы* робочие *две* (65), Тайна Тайных XVI в.: двѣ є҆стве (56), двѣ лице (59) (вм. *лицы*), но: два золо҃ники (40б), два҃ тыи к'роуги (7б); Библ. Скор. XVI в.: две жене (Ц 5), два волы (Ч 19), два кона (Ц 199), но: два сосуды (Ц 96), две трубы (Ч 25); Катих. 1562 г.: двѣ ѡ҃цѣ имащу въвер'жену быти (из текстов св. Писания) (164б), но: два пожитки вѣликіе (163б); Ев. Тяпин. ок. 1580 г.: две очи (24б), два сыны мои (28), но: две руки, две ноги (24б), ѡ҃бедьве рибы (хотя в ц.-слав. тексте, приведенном параллельно: ѡ҃бе рыбе) (51б); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: два сыны (31), но: два млады҂ ланата (84); Псалт. XVI в.: спои҃ две стене (117), но: *тыѐ* двѣ҃ речи (61); из Сб. XVII в. Вил. № 107 можем отметить только множественное: два браты (66б), два локтѣ (26б); то же можем указать и в Сб. XVII в. Син. № 790: сами есмо собе *два браты* (РФВ XXIII, 279, 282); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: ѡбѣдвѣ рꙋцѣ (74), двѣ ны҆рцѣ (63б), двѣ коровѣ (144б), двѣ дочцѣ котори҂ маешъ (14), мѣлъ двѣ дочцѣ (23), имѣлъ двѣ женѣ (140б), двѣ лѣте (40), л҃в҃ лѣте (227б), но: межи обѣ во'ска (154); Ев. 1616 г.: ѡ҃бѣдвѣ ло҂и (2 рд), мѣлъ два сыны (д҃).

Без числительных *два — двѣ*, *оба — обѣ* формы именительно-винительного двойственного очень редки: в рꙋце твои (2 Сб. XV в. Публ. б. № 391); клакла на колене (15 ib.) рядом с: приклекаючи на колѣна (7);

8 ночы (89 Статут 1588 г.); рѫце и нози его (33б Тайна Тайных XVI в.) (*и* под влиянием мн. ч.); руце (Скор. XVI в. Пл. 3б); нозе (ib. И 58б); в'руце божіе йдеть (170 Катих. 1562 г. (прилагательное во мн. ч.); бологие очи (17б Ев. Тяпин. ок. 1580 г.) (прилагательное во мн. ч.); тут же интересно *руки* (28) при стоящем рядом ц.-слав. *руцѣ*; по крылѣ єго (32 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); стыгнѣ мѣдне (их было только два) (115б ib.); мышцѣ сребрѣнѣ (тоже) (ib.); ѡчи (14б Псалт. XVI в.); наполы (наполовину) (55 ib.); рѫцѣ его проти ко всѣмъ (12 Библ. кн. XVI в. Толст. № 158); ѡчи (147б Псалт. XVII в.); колѣни мои (122б ib.) (вм. *колѣнѣ*).

Из рассмотренных примеров можно видеть, что именительно-винительный двойственного числа в мужском роде, за исключением двух-трех примеров, которые с успехом могут быть отнесены на влияние древнейших памятников русского или церковнославянского языков, встречается только от слов *сынъ*, *полъ*, принадлежащих к основам на *-й-*, представляющих формы *сыны*, *полы*, каковые совершенно не типичны, так как подобное же окончание принимают для именительного-винительного падежей множественного числа все слова мужского рода с основами на *-о-*; не характерен также и случай *очи*, напоминающий формы именительного-винительного падежей множественного числа основ на *-ĭо-* и *-ĭ-*. Несомненно, формы двойственного представляют числительные *два — двѣ*, *оба — обѣ*, *обадва — обѣдвѣ*, *двѣстѣ* (примеры приведены в морфологии, при склонении числительных), а также имена существительные женского рода с основами на *-а-/-ĭа-* и среднего рода с основами на *-о-/-ĭо-*, хотя и здесь иногда замечаются случаи употребления множественного числа. Замечательно, что при числительных *три — четыре*, при которых в русской литературной речи обыкновенно тоже возможны формы двойственного, в старых западнорусских памятниках встречаем только множественное число: г̄ браты (42б Увар.); ты три браты (82б Крас.); оу него были д̄ сн̄ы (42б Увар.) (сыны как рабы); три браты (42б Лет. Авр. XV в.); на три годѣ (302б ib.) (вторичное образование им. мн. ч.); по три єйцы (166 Сб. XVI в. Позн.); три разы (146 Статут 1588 г.); три рубли (109 ib.); тры годы (35 ib.); чотыри коръцы (106 Гродн. Акт. кн. XVI в.); за двадцать и чотыры мехи соли [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)]; три патер'ницы (79 Тайна Тайных XVI в.); д̄ часы (62 ib.); три цр̄и (124 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); три лица (64б Псалт. XVI в.); три мужеве (12б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); два талáнты (Ев. 1616 г. 2 чв. б).

Если от показаний старинных западнорусских памятников перейдем к современной белорусской речи, то тут найдем дальнейшее развитие тех особенностей, которые ясно обозначились в старину. Формы именительно-винительного падежа двойственного у слов мужского рода окончательно утратились, будучи вытеснены формами множественного числа, как это наблюдается и в украинском языке (Ogonowski, Studien 156). Если иногда в сборниках белорусских народных произведений встречаем написания вроде: три цéрема (Шейн Б. П. стр. 55

Себеж.), два персцёнк*а* (Зап. V, 74), три сын*á* (Ром. III, 93 Бых.), то мы имеем дело или с ошибками записывателей, или же в северных и восточных областях — с русским влиянием. Вообще же от слов мужского рода и отчасти среднего при числительном *два*, не говоря уже о числительных *три* и *четыре*, обыкновенно бывает именительно-винительный множественного числа (сюда же отнесем и формы на *-ы* от основ на *-й-*, хотя они и равны старинному двойственному): два Литви́ны (Зап. V, 70); два бра́цики (ib. 267); два волы́ (Шейн Б. П. № 22 Лепп.); ja и ты два браты́ (Дыб. 250 Посл.); два Ју́рји да аба́два ду́рни (ib. 183 Посл.); 2 суба́ки (Ром. III, 27 Рогач.); 2 мужики́ (Шейн Мат. I, 494 Витебск.); пили два галубы́ воду (Розенф. 26 Вилейск.); abodwa rohi (Федер. I, 348 Свислочь); dva bratě (Клих 18 Новогр.); два сталы́ (Мат. Б., повсеместно; *два стола́* только № 26 Себеж.), на севере Белоруссии; от слов среднего рода подобные образования реже: два сялы́ (Мат. Б. №№ 8 Игум., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 16 Бых., 28 Себеж.); два акны́ (ib. № 31 Вилейск.); три гро́ши (Дмитр. П. и Ск. Вил. 94 Новогр.; Шейн Б. П. № 72 Лепп.; Зап. V, 89, 104), три рубли́ (Шейн Б. П. № 40 Витебск.); три рады́ (ib. № 141); три ле́ты (ib. № 324 Лепп.); три сады́ (ib. 196); три годы́ (Ром. I—II, 51 Перер.), три го́роды; три царствы (ib., 369 Гомельск.), три сялы (Демб. 51. 552 Клим.), чатыры сталы́ (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 18 Витебск., 30 Речицк.); чатыры палены (ib. № 31 Вилейск.); тры хамуты́ (ib.); и здесь старинные формы на *-а* можно встречать лишь на севере Белоруссии [четыре стола́ (ib. № 26 Себеж.)]. Некоторую память о двойственном числе сохранили, может быть, такие случаи, как: два роги́ (Шейн Б. П. № 754 Витебск.), два кони́ (Бесс. Б. П. 146), в которых окончание хотя и сходно с окончанием именительного множественного числа, но акцентовка иная: мн. ч. *ро́ги*, *ко́ни*. Значит, в белорусском языке действие аналогии, сравнительно с русским, было направлено как раз в противоположную сторону, между тем как в русском у слов мужского рода по образцу таких выражений, как *два стола́*, стали говорить *три—четыре стола*, в белорусском — наоборот, по образцу более многочисленных случаев сочетания *три*, *четыре* со множественным числом стали соединять со множественным и *два*.

Иное дело слова женского рода и отчасти среднего: тут случаи двойственного довольно распространены, как об этом можно судить на основании показаний записей народных произведений и живой речи; правда, и формы именительно-винительного падежа двойственного числа женского и отчасти среднего рода больше держатся на юге и юго-западе Белоруссии, уступая место на северо-востоке и востоке образованиям в русском духе: формам множественного с ударением родительного единственного или, может быть, старинного двойственного. Примеры форм двойственного после слова *два*, а в подражание ему и после *три*, *четыре*: dźwie szkodzie, rucē, naziē, cztyry pryhodzie (Чечот XIV); три копе́ (Дмитр. П. и Ск. Вил. 104 Новогр.); тры бедзе́ (Гильтебр.

CCXXXV Гродн.); абедзве (Ром. I—II, 378 Сенн.); на две *палавíне* (Ром. Мат. Гр. II, 63 Слоним.); ź́ve aśḿiń́e (Клих 9 Новогр.), (и асьмини); ź́aŭčýńe, kabýle, báb'e, kúṕe, kaṕé, ńeź́éĺ'ï и т. д. (ib. 272—273); ź́ve léće, waróće (ib. 270); čatýry staźe (ib. 273); bułò dźwie *chaci* (Федер. I, 4 Дворец); ab'edv́e voču (Верига Pod. 24 Лидск.); дьзвіе́ сасіе́, руццыэ́, килбасіе́, паласіе́ (Малев. 13 Слуцк.); дзьве бядзе (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 30 Речицк.); дзьве хаце (Мат. Б. №№ 8 Игум., 10 Мозыр., 12 Слуцк., 17 и 30 Речицк.); дзьве рутце [Мат. Б. №№ 8 Игум. (но и: руки́), 10 Мозыр., 12 Слуцк., 17 и 30 Речицк.]; дзьве назе́ [Мат. Б. №№ 8 Игум. (но и: *наги́*), 10 Мозыр., 17 и 30 Речицк.]; дзьве сяле́ (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 12 Слуцк., 17 и 30 Речицк., 23 Минск., 25 Новогр.); тры-чатыры сяле́ (Мат. Б. №№ 12 Слуцк., 17 Речицк., 23 Минск.). В перечисленных местах юга Белоруссии изредка, а чем севернее, тем чаще и от слов женского и среднего родов при числительных *два*, *три*, *четыре* встречаем и другие образования: чатыри ноги́ (Шейн Б. II. № 754 Витебск.); обедзви ру́ки (Шейн Мат. I, 571 Гродн.); чатыры мили (Малев. 157 Слуцк.); dźwie biedy̆ hu̯orszych je (Федер. I, 39 Шидловцы); dźwie baby załaży̆łosie (ib. 60 Яловка); дзьве ха́ты (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 13 Свенц., 15 Игум., 23 Минск., 26 и 28 Себеж.); дзьве руки́ (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых., 11 и 14 Новоалекс., 23 Минск., 26 и 28 Себеж.); дзьве наги́ (ib.); дзьве бяды́ (Мат. Б. № 11 Новоалекс.). Даже такие странные образования попадаются, как: dźwie dòczäk (Федер. II, 102 Рось); dźwie nu̯oh (ib. 339 Гнезна). Значит, и формы именительного-винительного падежей двойственного числа женского и отчасти среднего рода в современных белорусских говорах находятся по пути к вымиранию, но в некоторых местностях они еще все же чувствуются, как живое явление.

Такие несомненные формы двойственного, как *во́чы*, *ву́шы*, *пл'е́чы*, *кал'е́ни* из *колѣнѣ* [ср. vóču, vúšy, pleču, kal'éni (Клих, 270 Новогр.)], как и в литературной русской речи, в народном сознании уже не чувствуются формами двойственного [впрочем: ty vydraw mńe *ab'edv́e voču* (Верига Pod. 24 Лидск.)], а представляются множественным числом, хотя косвенные падежи к ним, как увидим ниже, не всегда образуются по множественному числу.

Что касается форм родительно-местного двойственного числа, то их сохранилось еще меньше. В старинных произведениях встречаем, например, следующие: по прест҃ы҃ ѡ҃ч҃ью (7 Сб. XV в. Публ. б. № 391); во ѡ҃чью наши^{x} (32б ib., ср. 49 ib.); свѣчо ѡчью мои (99 ib.); и҆зъ ѡбъю ѡ҃чью (86б Лет. Авр. XV в.); въ цр҃кви ст҃го ѡ҃бою *братоу*. бориса и҆ глѣба (301 ib.); во ѡчїю҆ т҆вои^{x} (5 Тайна Тайных XVI в.); навертатсѧ ѣмъ ѡ҃чию҆ слезы (21 ib.); очью, очию (Скор. XVI в. 1 22б, П 35); ѵ҃шью вашихъ (ib. И 60б); ѡ҃ *руку* твоихъ (ib. Д 11); *ногу* своих^{ъ} (ib. Пл 5б); на обудву (ib. Д 37б); тыхъ двусту (ib. Ч 12); ѡ҃ серц^{ъ} и҆ ѻ҃чью н҃ыхъ (3б предисл. Катих. 1562 г.); доткнулсѧ ѻ҃чью

ѝхъ (12 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.), дот'кънулъсе *о҃чью* и́мъ (п'рикос'нусѧ о҃чию ѝма) (28б ib.); въ *очью* вашихъ (во о҃чию вашею) (30 ib.); ѡ҃чью (88б, 31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); в Псалт. XVI в.: ѡ҃ бли҃ѧ ѡ҃чью твои[х] (31б), на *крылоу* ветрьни[х] (103), въ *р҃коу* твбю жеребїи мои҃ (31); в Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: зъ ҃шъю (= из ушей) (65), была лиꙗ текучи[х] ѡчъю (23), в *р҃ку* твои[х] (11б); в Псалт. XVII в.: ѧ҃сности *ѡчью* мои[х] (10), при'ми до *҃шию* про҃бы мои (12б), вы[р]вете его з *р҃к* у непобожны[х] (77). Таким образом, здесь мы имеем преимущественно формы от слов *очи* и *уши*, изредка и от *два*, *обадва*, *двѣсти*, *рука*, *нога*. В современной речи все эти слова обыкновенно употребляются в родительно-местном множественного числа, но есть образования, основывающиеся и на двойственном числе: z aczù (из очей) (Федер. I, 7 Шидловцы, 21 Порозов.); lichich aczù (ib. 294 Свислочь); в *ушу* пищыць (Мат. Б. № 23 Минск.); miż wuszù (Федер. II, 157 Шидловцы); в сложном слове *двоюродный* имеем родительно-местный от ***два.***

Форма дательно-творительного двойственного в отдельных словах довольно распространена в современной речи; старинные произведения не особенно изобилуют этими формами. Нам встретились: Сб. XV в. Публ. б. № 391: се *двема* ал'бо *сыногорличома* (58б), двѣма конома (62), пре[х] *трома оучнема* свои́ми (73б), трима слоугама (62), с п'ресмоутныма ѡ҃чима (13), за ѡ҃чима (24б); Лет. Авр. XV в.: слѣпа бѣ ѡчима (5), братома своима (3); Сб. XVI в. Позн.: моима ѡчыма (37), *плечыма* и щытами (100), ѡбема панамъ (103); Сб. XVI в. Крас.: *с'вои́ма ѡ҃чима* видѣти (14); Гродн. Акт. кн. XVI в.: плечима (3), грошма пятидесятма (43); Библ. Скор. XVI в.: рукама своима (Пр 6), обема очима (Б 12), ҃шима (I 34), босыма ногама (Ц 95б), коленома (Ц 171б), со двѣма ослы (Ц 95) (Библия 1506 г.: so dwiema wosly), четырема (Ср 30б), трима рады (Ц 136); Псалт. XVI в.: плечима свои́ми (93), пре[х] ѡ҃чима твои́ма (9б), пре[х] *ѡ҃чима* мои́ми (27); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: межи *двома* хер҃вими (82), зъ ѡбѣма невѣсткома (137б); Псалт. XVII в.: ѡчима (4б, 31б, 52), *҃шима* ни҃ши́ми слышали есмо (20). В числе приведенных форм некоторые являются новообразованиями, возникшими по аналогии старинных форм (*двома*, *трима, четырема*), иногда им присвоено окончание не тех основ, к которым они относятся (*невѣсткома*). В большинстве случаев в двойственном дательно-творительного, как и раньше родительно-местного, ставятся названия предметов, обозначающих естественную пару, но иногда в двойственном ставятся названия предметов непарных; особенно это следует сказать относительно творительного падежа в живой речи. Так мы имеем здесь, с одной стороны: дьвяры́ма (Бесс. Б. П. 176) (так как дело идет о створчатой двери); очи́ма, плячи́ма (ib. 140, Дыб. 405 Посл.); плечима, очима (Шейн Мат. I 449 Минск.); вочы́ма (ib. II, 248); ачу́та, ушу́та, plaćúta (Клих 270 Новогр.); лупая *ачыма* (Малев. 174 Слуцк.); з го́лыма руками (Ляцк. Посл. 18 Борис.) (где лишь прилагательное в дв. ч.); (в)ачы́ма (Мат. Б., повсеместно); плячыма

(ib. повсеместно); нага́ма (ib. №№ 4 Могил. губ., 13 Свенц., 25 Новогр.); рука́ма (ib. № 4 Могил. губ.); с другой: слязы́ма (Бесс. Б. П. 176); драви́ма (дровами) (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 185 Новогр.); грошыма (Шейн Мат. II, 246); hraszyma (Федер. I, 46 Лысков); з грашы́ма (Ляцк. Посл. 55 Борис.); прэ за ягадай и *грыбама* (ib. 14); дзьвяры́ма (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 5 и 12 Слуцк., 7 и 23 Минск., 8 Игум., 10 Мозыр., 17 Речицк., 25 Новогр.); слуга́ма (ib. № 13 Свенц.); слязы́ма (ib. № 23 Минск., 25 Новогр.). Конечно, все указанные формы могут быть заменяемы и обычными творительными множественного числа.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОДЛЕЖАЩЕГО

После этого отступления, имеющего отношение ко всему дальнейшему изложению, приступим к рассмотрению способов выражения подлежащего.

1. Обыкновенно подлежащее выражается именем существительным

Так как действующий предмет в предложении ни от чего не зависит, а, напротив, сам производит деятельность, обозначаемую сказуемым, то он всегда стоит в именительном падеже. Подлежащее может быть всех родов и чисел (единственного, множественного и даже двойственного). Как мы видели выше, множественное число с успехом заменяется словами собирательными, а двойственное в настоящее время в белорусском языке находится в сильном расстройстве.

Как более редкий случай, известный и другим восточнославянским языкам, отметим возможность присоединения второго подлежащего при посредстве предлога *с*: и выступить на бои *кн҃зь* великии Кестоутии — и(с) *сн҃омь* своимь — противоу Ѥикаила (7 Увар.); кн҃зь *Витовтъ со wцемъ* своимь Кестоутиемъ обадва поѣде в рать (93б Супр.); *дзед з бабый* кинулися за тым хлебом (Шейн Мат. II, 7 Витебск.); едзець *Гром из Молоньнёй* (Ром. III, 227 Сенн.); *ба҃тька из маткой* стары́я (Ром. VI, 288 Орш.) и т. д.

Кроме именительного падежа, в старом западнорусском языке изредка, да и то под сомнением (ср. Белорусы 2, 121—122), а в песенной народной белорусской речи довольно часто в роли подлежащего является и звательная форма. В этом случае белорусский язык совпадает с украинским и с сербским языками. Живая разговорная речь звательных в роли именительного не знает; лишь кое-где в сказках встречаем подобное употребление: будзець *Господзи* сыгряшения з нами умесьци прощаць (Ром. V, 180); стали яны купатца, а *Юрью* тихонько подпоўз и сцягнуў одной плацья (Шейн Мат. II, 287 Борис.). Примеры из песенной речи: сидзи́ць *Бо́же* (Шейн Б. П. № 147 Бобр.); ходзиў *Ра́ю* (ib. № 362 Лепп.); *ула́не* запла́каў (Дмитр. П. и Ск. Вильн. 32 Новогр.); ишо́ў *пани́чу* (Бесс. Б. П. 11); *корабе́нчику* на ст҃яне́ прико́ваны (ib. 154); е́дзе *Ясю,* е́дзе (Гильтебр. CCXLVI Гродн.); *Ваньку*

попóў | По вадзúцу пашóў (Шейн Б. П. № 102 Лепп.); А мой *мужу блазне* | Хочець мяне бици ... (Ром. I—II, 269); Ци ёсь *ходзяю* (ib. 454 Сенн.); Ци ёсь дома пан *господару* (ib. 453); Нехай *косю* мой нагартýетца (ib. 397); *швакру* стоить (ib. 23 Рогач.); Што *Господзи* сошле (ib. 181 Гомельск.); ... купи, мужу, бялила-румяна..., продав *мужу* кобылку, купив *мужу* ... (ib. 388 Сенн.); На камяни ляжиць *вужу* (ib. V, 122 Гомельск.); Ходзиў *Раю* по вулицы (Шейн Мат. I 302 Борис.); поехаў *сынку* (ib. 548 Горецк.); Скуль ўзяўся сивы *симизене* (ib. I, ч. II, 291, № 6); учинúў *сынку* (Кар. 68 Трок.); идьзé *казáча*, паiéхаў мýбй *сы́нку* (Малев. 14 Слуцк.); отлетае мой *сокóля* (Ром. I—II, 115); *кóця* пошов (ib. 170 Сенн.); ты хароша, як ружовы *цьвiéце* (Малев. 80 Слуцк.); мой *браце-Кондраце* чаравички не налаце (Никиф. Част. 1408 Вилейск.) и т. п.

Как смотреть на подобное употребление звательной формы? Несомненно, что здесь лишь по форме звательные падежи, а по значению именительные, так как обращения здесь ни к кому нет. Иногда на наших, так сказать, глазах выветривается значение обращения, как в примере: *божа* збаў, чаго ён ня робиў (Шейн Мат. II, 146 Игум.).

Но какая причина вызвала подобное употребление звательного вместо именительного? Вопрос этот давно уже занимал Ягича, Миклошича и Потебню (Из записок², I—II, 95—97), которые так или иначе старались его разрешить. Ягич, например, исходя из сербского языка, полагал, что появление формы звательного вместо именительного вызвано причинами метрическими: форма звательного на гласный ставилась тогда, когда десятисложному стиху недоставало одного слога; у слов на *-а* звательный в подобном употреблении неизвестен. Миклошич указывал, что в сербском лишний слог можно раздобыть и иным путем, а Потебня находил, что в украинских думах можно обойтись и без лишнего слога. Что касается белорусской песенной речи, то мне кажется, что здесь употребление звательной формы вместо именительного падежа подлежащего зависело от совокупности разных причин: а) звательная форма при случае давала и лишний слог в народных песнях; б) от названий лиц она встречалась чаще, чем именительный падеж, и поэтому естественно могла заменять его [припомним: *Софрωнiє* пишеть (14 Катих. 1562 г.), святый *Николае* на всякій часъ помогаетъ (19б Богогл. нач. XIX в. Вил. П. Б. № 235]; в) звательный уже очень рано в древнерусском языке стал смешиваться с именительным, вследствие чего взаимная их мена очень естественна; в белорусском языке, где многие существительные мужского рода с основой на *-ŏ-* приняли именительный на *-о-* (Белорусы 2, 120—121), совпадавший с звательным названий лиц с основой на *-а*, это совпадение звательного и именительного в других случаях было тем более естественно; г) очень может быть, как замечает Овсянико-Куликовский (Синтаксис, 179), было первоначально желание или невольное стремление соединить с подлежащим выражение известного чувства, которое говорящий питает к данному лицу.

Как бы то ни было, подобные обороты будем считать вторичными и никак не согласимся с Потебней (I—II², 94—95), что звательный падеж у нас способен выражать подлежащее. Он только звательная форма, сходная в этом отношении с междометиями. Местоимения, которые заменяют все формы имен, звательного падежа не имеют, значит, он не падеж. Лишь если судить о падежах не по положению их в речи, а по различию в окончании, можно говорить и о звательном падеже.

Вообще же форма звательная в белорусском языке употребляется для обозначения того предмета, к которому обращаются с речью, причем действующее подлежащее даже того же лица (обыкновенно 2-го) обозначается местоимением (*ты*, *вы*), находящимся налицо [а бра... а што-ж ты гэто зробиў, трасца твоей матары... (Шейн Мат. II, 153 Игум.); куды, ты, пирожок, бяжишь? (Ром. III, 33 Черик.)] или же легко подразумеваемым при глаголе. Если звательная форма стоит в начале предложения, а за нею глагол-сказуемое, то некоторая ее близость к подлежащему, несомненно, существует, напр.: *камяни*, идитя топоров тупить (Ром. III, 13 Рогач.); jaszczaru panoczku addaj mo̧j wianoczku (Федер. I, 107); по вошто, *вовче* идзешь (Нос. Посл. 128); czahó *czorcie* u bałocie siedzisz? (Чечот 1846 г., стр. 107); однако если обращение выражено несколькими словами в единственном числе при сказуемом во множественном [шарко, белко, — на́це хвост (Ром. III, 26 Сенн.)] или если это обращение стоит за сказуемым [ну, пойдземця сабе, брахненьки (Ром. IV, 209 Клим.); ци бачыў, куме, слонце (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); садзися на мяне, дурак, а то тут останесься (Шейн Мат. II, 387 Борис.)], тогда звательная форма подлежащим не чувствуется; нечего и говорить о звательном в роли подлежащего, когда последнее налицо, как в примере: Ай, брат, во ён вовк (Ром. III, 37 Клим.). Обращение нередко выражается и именительным: Ведай, брат малады, што ў грудзях у людзей сэрца цвёрдае, быццам з каменя (М. Богд.); Вясна маладая, як мне цябе шкода (Я. Колас).

2. Подлежащее выражается местоимением

Как и в русской литературной речи, в белорусском языке подлежащее чаще всего выражается личными местоимениеми *я* — *мы*, *ты* — *вы*, *ён*. При этом местоимения первых двух лиц так приближаются к имени существительному, что часто в представлении говорящего не является даже надобности припоминать истинные признаки предмета, на который указывают эти местоимения, напр.: я прибег цябе перасцерагчы́; бы едзець Гром из Молоньнёй, дык я чув, што яны ра́дзилиси цябе и спалиць и ссмалиць (Ром. III, 227 Сенн.); ето ты, такий-простакий, увогнав чарцей мне ў двор (ib. IV, 121 Бых.). Но иногда эти местоимения содержат в себе чисто формальное представление лица, как в выражении: я, кажець, Несцерка, дзеток шесцерко, робиць лянюся, красци боюся, попросиць не смею (Ром. III, 400 Сенн.), где вся сила в глаголе, выражающем признаки названного притом лица. Такое же значение имеет и ставшее личным местоимением 3-го лица

ён — яны: принося ён (Илья) обедать, а тая уже яго матка и кажа (Ром. IV, 17 Гомельск.); ён ето собираетца итить (Ром. VI, 219 Рогач.); тяпер ён — дай жа ён помёр у старосьти (ib. 233 Сенн.). Иногда *ён* имеет в народном сознании слишком ослабленное значение, вследствие чего при нем бывает еще имя существительное, на которое это местоимение указывает: «Куды ты, пирожок, бяжишь?» *ён* пытаетца — *вовк* у пирожка (Ром. III, 33 Черик.); *цар* ня иня́ўши яму веры, посылае *ён* вернейшаго свойго слугу (Шейн Мат. II, 16 Игум.). Как изменяемое по родам, *ён* обыкновенно согласуется в роде с тем словом, на которое указывает; иногда согласование допускается и по смыслу: mụ̀j synoczäk! *jenò* (т. е. дзиця́) zachodziłosie, *jenò* zakuchoczä (Федер. I, 113 Порозов.), mụ̀j synoczäk, jenò zakurẹ́ło iduczy̓ (ib. 114).

Иногда говорящий не желает распространять значение сказуемого на все понятие, выраженное в подлежащем, или же пытается более точно обозначить его. Для этого вместо личных местоимений он допускает описания, состоящие из существительного и местоимения, больше притяжательного, напр.: сваволиш *ваша*, худо *ваша* кажеш (Нос. Сл. 45); мусиць же *ваша* ёсьць Бог (Шейн Мат. II, 398 Вилен.); здесь подразумевается *милосць*, бывающее и налицо, особенно в старинных произведениях: коли дей *твоя милость* рейстру мне не даси (Акты В. А. К., т. 36, 6 Мин. XVI в.); *ваша милость* сам прыехал (ib. 19). Сюда же принадлежат зашедшие из польского языка *ягóмосць*, *имосць*, *пан*, *паня — пани*, *васпáн* [а што *вáспан* скáжа (Ляцк. Посл. 13 Борис.)], *васпáня*, *васпáнка*, *вáшець*; все они употребляются и при 2-м лице: што *пан* рóбишь, *паня* сама знаеш, што гэто не правда, *васпан* не то кажеш (Нос. Сл. 44); чаго *ягóмосць* шукáеш?

Местоимение *он* в старинных произведениях, будучи поставлено в среднем роде, иногда сохраняет и свой указательный характер: видь *оно* многые людие з' горъ идуть (Скор. 23 С); коли ѡ́но сътвори́ сны (91б Псалт. XVI в.); рекла: што ѡно за чл҃вкъ (18б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158).

Но особенно отличаются указательным характером местоимения *той* и *гэ́тый*, совершенно аналогичные по своему употреблению русским литературным *тот* и *этот*, из коих первое указывает на отдаленный предмет, а второе на ближайший; примеры на *той*: *тыя* спрашуют҃ь у яго, тыя вороны́ (Ром. VI, 282 Чаусск.); *той* што спиць... (Мат. Б. № 6 Диснен.); тады *той* уже яму каже (ib. № 24 Новогр.). Иногда *той* на месте *ён*: поглядзеў музы́ка на чортову табакерку, а *тая* аш зяхциць (Шейн Мат. II, 101 Минск.); при повторении *той — той* может означать *один — другой*: taja dzień i taja dzień (Федер. II, 48 Изабеллин); tàja tòje, tàja toje rabiła (одна делала одно, другая другое), tàja kàżä na tùju... (одна говорит на другую) (ib. 166 Лысков). Иногда *той* совершенно утрачивает свой указательный характер и является чисто формальным носителем подлежащего, как немецкое man: як *той* казаў = как говорят (Шейн Мат. III, 258 Борис.); як *той* каже (Мат. Б. № 31 Вилейск.). Примеры на *гэ́тый*:

гэ́та бу́дзиць ўсим ве́дыма (Мат. Б. № 14 Новоалекс.); *гэто*, дзя́дзюхно, муцы́нам тра́бо (ib. 21 Слуцк.); *гэй* той бага́ты чалавіэ́к, мно͡ого маў дабра́ (Сержп. 167 Мозыр.); трапляетца й *гэ* (ib. 103 Слуцк.) (в последних примерах *гэ* = это); *гэ́тые* уже прышли́, а тых яще не вида́ць; урадзи́ўся *гэ́таки*, *гэ́таки* и памрэ́ (Ляцк. Посл. 50 Борис.). Кроме *той* и *гэтый*, в роли указательного местоимения еще встречается *с'ой* и обыкновенно в соединении с *той*, напр.: а вот сабе́ сабрались да нас *той — сёй* (Мат. Б. № 31 Вилейск.).

Еще следует сказать несколько слов относительно употребления местоимения *той* в особом смысле, в роде членa, как это было в некоторых памятниках древнерусского языка, а теперь известно в севернорусских говорах. Как член *той* ставится обыкновенно после имени (реже перед именем) и при том условии, если — как и в греческом языке — это имя раньше было названо, так что предмет является уже известным. Приведем примеры: хозяйка *тая* ўзрадовалась, побегла глядзець, ажну ни рыбы *тэй*, ни лисицы нигде нет ў коробе (Шейн Мат. II, 8 Витебск.); ёна же их чаўствоваць будзе алатками *тыми* (Мат. Б. № 24 Новогр.); ўзяў дурень бабу *тую* за ногу (ib.); ўзяў тады дурень *тую* бабу и поставиў яе ў хляве́, патом замкнули яны *той* хлеўчык (ib.); тамока продае чалавек мёд; дурень ўзяў сваю бабу з во́за и поставиў яе коло *таго* мёду; прыходзиць *той* чалавек, да як дасць *той* бабе по́ уху, так *тая* баба и повалилася (ib.); патом пашли яны да дому к дзетке *таму* (ib.); тогды *тэй* кобылин сын узлез на *тей* дом и достав *тую* свой припас (Ром. VI, 249 Могил.); приходя *тэй* ужэ брат з варты *тэй* (ib. 251); быў *тау* неўкатарам *та* чарстьви, у неўкатаром *та* гасударстви царь Гвидон (ib. 150 Городок. Витебск. губ.) (под севернорусским влиянием, насколько можно судить по *чарстьви*); *тэй* человек выяхав у поля, отпрог вола *того* (Ром. IV, 58 Рогач.); ўспахав полоску *туу* на сабе (ib.); яны хоцели гэтыя гроши ўзяць, дык крук не даець. Яны яе́ ўзяли и зыкопали из грошами *с тыми* (ib. 126 Сенн.); во тоды погасла у яго свечка *у того*, нищаго ў того (ib. 46 Чаусск.); давай, каа, грошы моё *тэя* (ib. 20 Рогач.); яны говоруци мужуку *тому*: ты, моа, травицы жалеяш *тэя* (ib. 19); як стояци сену *тому*, так до восеньска уремъя (Ром. III, 228 Рогач.); дось им хоцетца яблок *тых* (ib. 128 Клим.).

Подлежащее выражается и местоимениями вопросительными *хто*, *што*, *кото́рый*. Как и в русском литературном языке, первые два относятся к 3-му лицу, а последнее ко всем лицам. Примеры: А *хто* там ідзе, а *хто* там ідзе у вагромністай такой грамадзе? (Янка Купала); *Хто* гэты тынок пираско́чиць? *хто* гэты дунай пираплывець? (Зап. V, 448 Лепп.); *што* бежиць без повода? (Ром. I—II, 335); *што* ростеть без кораня, *што* чорно не чернючи? (ib. 336); *што* горить без по́лымя? (Ром. Мат. Гр. I, 219 Гродн.); *като́рый* з вас разумнейшый? — Все эти местоимения могут быть подлежащими и в предложениях придаточных, не заключающих в себе вопроса, о чем

речь в другом месте.—Местоимение вопросительное *што* иногда подвергается некоторым осложнениям посредством прибавок *оно*, *это*, *за*: рекла: *што ѡно за* чл҃къ (18б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); *што гэ́то за* лю́дзи (Мат. Б. № 8 Игум.); *што за* месиц, *што* за ясный, *што за* милый, за нисчасный (Никиф. Част. 90 4 Дриссен.); *што ж я* ў мати *за* дит҃я было́ б (Ром. Мат. Гр. I, 219 Гродн.); što ty *za ad'in*? (Верига Pod. 20 Лидск.); *sto za* ad'in (ib. 21). Объяснение этого оборота дано будет после.

Очень близки к рассмотренным случаи выражения подлежащего местоимениями неопределенными и определительными: *нехто*, *нешто*, *нихто*, *ништо*, *хтось*, *штось*, *ўвесь* (обыкновенно во мн. ч.), *ўсякий*, *ка́ждый*, *ка́жный*, *ко́жный* и т. д. Неопределенные местоимения составляются из вопросительных с прибавлением приставок *не*, *ни* или среднего рода старого местоимения *сь*, как и в украинском и польском языках; под влиянием известной глагольной частицы *с'а* из местоимения *сѧ* возможно и здесь *с'а* [*которыйся*, *якийся* (Белорусы 2, 90)]; *с'* может осложняться прибавкой разных суффиксов и других наречных образований [*хтоськи*, *штоськи* (Белорусы 2, 97)]; встречаются образования и с *то*, *не́будзь*: с первым только два местоимения — *хто* и *што*, причем иногда еще допускается распространение окончания разными прибавками, напр.: *не́хточки*, *не́шточки*. В старом языке в роли подлежащего встречаются еще *какійньколи*, *ктоньколи*, *которыйньколи любо* (Белорусы 2, 97). Примеры: а пса҃ сію *книгу ньхто* є҃ берез҃ка... поповичь (286 Четья 1489 г.); *не́хто* приехав (Нос. Сл. 343); *не́што* пищыць, *нихто́* и *ништо* тобе не поможець (Нос. Сл. 341); *никто* є҃моу ни с которы[x] сторѡн не помогали (105 Супр.); *хтось* казаў мне, *штось* зраби́лося з маёю Зо́сяю, *абы хто* (= кто-нибудь) зро́бить гэто, *ўсё* на́ша, то́льки мы ни сваé (Ляцк. Посл. 51 Борис.); *уси ла́сы* на чужие припа́сы (Нос. Посл. 169); не *ўсяк* ве́дае, як хто абе́дае, *ка́ждый* в свой нос дмець (Нос. Посл. 59); *кажен* переста́ць тады́ му́сиць, коли́ своя вошь укусиць (ib.); *ко́ждый* перед Богом (ib. 62) (о старом языке ср. Белорусы 2, 52); ѡ҃дн҃ тагне оукроу проти҃. *ины* оуза҃ (7 Сб. XV в. Публ. б. № 391). *Ниодин*, *всякий* могут выражаться посредством *жа́дный*, *жа́дзен* (ср. Белорусы 2, 54), напр.: жа́дзен з нас туды не пойдзе.

Местоимение *сам* усиливает значение лица, а затем уже может переходить и к определению предметов неодушевленных, принимаемых за одушевленные (Буслаев, II[5], 176). В народной белорусской речи, как и в русской, *сам* иногда заменяет личное местоимение. Приведем примеры: *самъ* и с моуж'ми законными прии́мивали покормъ (97 Сб. XV в. Публ. б. № 391); и *сам* з двора ўехав (Ром. VI, 3 Чаусск.); я *сам* зраблю, *сама́* есць дома, *сама* гола, а сорочка за пазухою (Нос. Загадки 202); *сам* тонок, як поясок (ib.); nie wielki pan, piereleziesz *sam* (Чечот 1846, стр. 112). Для определения предметов, а также и лиц одушевленных без обозначения их самостоятельной

деятельности, как и в литературной речи (Буслаев, II[5], 177), употребляется *самый*, произведенное от *сам*, которое, указывая лишь на качество признака, а не предмета, подлежащим быть не может.

Местоимения притяжательные обыкновенно не бывает подлежащим; можно указать лишь редкие случаи, когда и они бывают в этой роли: *свой* свойго познав, да и на пбчестку позвав (Нос. Посл. 147); *свой* свойму по неволе брат (ib.); *своé* бьюцца, а чужый не мешайся (ib.); *сво͡йой* сечыса, рубáйса, а чужы не мешайса (Сержп. 68 Мозыр.). Более обычно употребление их в роли подлежащего, когда они бывают в среднем роде и тем неопределенно указывают на совокупность известных предметов: *маё* для минé, а *твaё* для цибé, а для ўсех *сваё*.— Относительно различения *свой* и *мой* интересна следующая фраза: ложе *своё* — и постель *мою* (10 Псалт. XVI в.), указывающая на неустановленность в различении этих слов; то же и в живой речи.

3. Подлежащее выражается числительным

О выражении подлежащего числительным у нас уже была речь в разных местах (о предметах собирательных, о безличных предложениях). В роли подлежащего могут быть числительные количественные, собирательные (*двое*, *трое*, *семеро* и т. д.), дробные (*поўтора*, *поўтараста*, *поўсема* и т. д.), неопределенные (*много*, *мало*, *сколько* и т. д.). О согласовании их со сказуемым — речь при сказуемом. Здесь остановимся на некоторых более редких случаях и приведем примеры.

Из количественных *адзúн*, *два*, *тры*, *чатыры* сами по себе без определяемых ими имен подлежащим не бывают; в редких случаях, когда они выступают в роли подлежащего, имя существительное легко подразумевается: *одзин* в пир, другий в вир (Нос. Посл. 118); *одзин* с сошкою, а семеро с ложкою (ib.); век поживали, *один* одного не догоняли (Шейн Мат. II, 492 Вилейск.); *одна* одну спихнула (Нос. сл. 63); в последних двух примерах, как и вообще в белорусском, *один одного* и т. д. употребляется, как и в украинском (Ogonowski, Studien, 157) в смысле «один другого» и т. д. При *два* — *дзве* существительное всегда налицо: *два вепры* меж собою бьюцца, секуцца (Нос. Загадки 199); *два Юрьи*, *абóя* (абыдва) *дýрни*: адзúн галóдны, а другúй халóдны (Ляцк. Посл. 9 Борис.); на молойца ўвалилася... у кого — нима, ў мяне — *два*, хороши *обóдва* (Никиф. Част. 1709 Вилейск.). То же и в старинных произведениях: *два ретезки* златыхъ... (Скор. И 64); впрочем, в последнем примере уже заметно объединение числительного и имени в одно целое, вследствие чего следующее прилагательное в зависимости от этого комплекса стоит в родительном падеже; еще более самостоятельную роль играет *оба*, напр.: были ѡ҃бѣшены ѡ҃*ба* *и*[x] (128б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); ѡ*ба* ты[x] цр҃еи (ib. 125б) (если только в подобных случаях не полонизмы. Małecki G. H. II, 368). В женском и среднем родах при *дзве*, если не

бывает двойственного числа, существительное обыкновенно ставится в родительном падеже, вследствие чего с чисто грамматической точки зрения в настоящее время подлежащим бывает числительное: *dźwie* biedy̆ hu̯orszych je (Федер. I, 39 Шидловцы); dźwie baby założy̆łosie (ib. 60 Яловка). Примерно в таком же положении дело и при числительных *три*, *четыре*: *три* дочак выбор (Шейн Мат. II, 2 Волков.); *четы́ры* сястрэ́ зги́нуло.

При числительных *два*, *три*, *четыре*, как и в русской литературной речи, может быть и родительный падеж имени в единственном числе при родительном падеже множественного числа имени прилагательного, хотя бы числительное употреблялось и не в роли подлежащего, напр.: стесаль две дощки каменных (И 64 Скор. XVI в.) (в Библии 1506 г.: dwe dcztie kamenné); далъ ѥсми... три места (гр. XIV в. И. Н.).

Числительные, начиная с *5* и до *10* и т. д. до *дзе́вяцьдзесять* (*90*), нередко выступают в роли подлежащего, причем при них существительное обыкновенно бывает в родительном падеже, как это было и в древнерусском языке в зависимости от числительных с основами на *-i-* и на согласные, в отношении управления слов в предложении имевших то же значение, что и имена существительные; им подражают и такие образования, как *11*, *12*, *13*, *14* и отчасти другие. Без имени существительного и указанные числительные в роли подлежащего встречаются редко: паненка тоненька: *пя̄ть* принимаю̄ть, *пя̄ть* попихаю̄ть (Ром. Мат. Гр. I, 91 Слоним.). Как можно видеть из сказуемого, изменяемого по родам, именной характер указанных числительных, бывших словами женского рода, постепенно утрачивается, напр.: 5, 6 год (минуло) (Мат. Б. № 7 Минск.); пяць, шесць годо̆ў (прашло) (ib. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых., 18 Витебск.); даже: 31 рублей (выдано) (Отч. 25 Гомельск.); бы᷍ всѣ᷍ лѣ᷍ ноєвы᷍. А᷍. (3 Лет. Авр. XV в.). Такое же управление и при употреблении числительных не в роли подлежащего: в сѣдми добродетѣлей тѣхъ (2б Катих. 1585 г.); змей о шасци головей (Ром. III, 48 Сенн.). Рядом с указанным употреблением, хотя и реже, встречаются случаи постановки при числительных пять, шесть и т. д. именительного падежа; очевидно, числительные здесь уже рассматриваются как прилагательные или местоимения: 5, 6, 7 годы (Мат. Б. № 10 Мозыр.); 5 копі͡э́йки, 8 ха́ты, 9 волы́, 10 мешки́, 11 возы́, 13 ко́ни и т. д. (ib.); на версе трапили 10 грывеньки грошай (ib.); дзе́сѣць гады́, п'яць браты́, шэсь ме́сѣцы (Парич.). И при таком употреблении глагол может ставиться не во множественном числе: raścіè sześć dubè (Федер. II, 83 Суховоля); родительный падеж при указанных числительных может заменяться формой, сходной с именительным, и при других падежах: niesie piać kałoczki (Федер. I, 91 Волков.). Подобная утрата числительным его управляющего значения наблюдается иногда и в старинных памятниках: къ семи и дватца᷍ма и стома *земл*а᷍ (133 Библ. кн. XVI в. № 262); на сту *подводахъ* (41 Статут 1588 г.);

сорокъма *копами* (91 ib.); въ сороце *грошохъ* (2 Гродн. Акт. кн. XVI в.).

Здесь следует припомнить и некоторые новейшие безличные обороты, в состав которых входят имена числительные, употреблявшиеся когда-то в роли подлежащего и имевшие форму именительного, а теперь по особенностям белорусской речи стоящие а) либо в родительном падеже: у каго́ гэ́то у вас ко́сиць *шасьцёх* касцо́ў (Мат. Б. № 21 Слуцк.); идуць там *трох* разбу́йникаў (132 Малев. Слуцк.); дву^{x} речеи къ молитвѣ надобѣ (177 Катих. 1562 г.); б) либо в местном с предлогом *в*, причем вместе с числительным образуется как бы наречное выражение, которое прибавляется к личному местоимению; присутствие последнего, впрочем, необязательно; гэто *мы ў двух* нашли (Шейн Мат. II, 200 Борис.); *мы у двух* гэто зробим (Мат. Б. № 8 Игум., ср. ib. №№ 18 Витебск., 7 Минск., 6 Диснен.); собрались *ў двананцацёх* (Шейн Мат. II, 227 Новогр.); *ў двоих* ето зро́ббим *ў трох*, *ў дзесятэры́х* прышли (Мат. Б. № 9 Бых.); в редких случаях при том же предлоге бывает дательный падеж: идуць *удвоим* (Ром. VI, 125 Мстисл.) — очевидно, под влиянием русского литературного *вдвоём*.

В народной поэтической речи наблюдается иногда, как и в русской народной речи, счет девятками: у той камори стоиць *тридзевяць* столы дубовых (Ром. V, 93); заслано *тридзевяць* скацерсци шавковыя (ib.). Отголосок того же счета имеем и в следующем неясном месте: на *продзевятом* царецьви, на продзесятой земли (Ром. III, 123 Клим.).

Числительные собирательные, будучи подлежащим, обыкновенно ставятся в единственном числе, напр.: *aboje raboje* (Чечот 1846, 106); *обое* голюсеньки (Нос. Посл. 9) (сказуемое здесь однако согласовано по смыслу); ўсе (кони) покраў, одно осталося *шасьцеро* (Шейн Мат. II, 133 Волков.). Иногда собирательные по управлению совпадают с количественными числительными: dwoi warocioų (Федер. I, 15 Дворец); ку осмеру колесомъ (173 Гродн. Акт. кн. XVI в.). В соединении с *-ко* (*двойко* и т. д. Белорусы 2, 55) те же числительные по родам не изменяются, являясь существительными: у той хатцы ... — *пятерко* овец (Ром. III, 18 Гомельск.); у той хатцы ... *четверко* овец (ib.), у той хатцы ... — *тройко* овец (ib.); у той хатцы — *двойко* овец (ib.).

Дробные числительные, в состав которых входит *пол*,- *поў*-, известны в старом западнорусском языке и современном белорусском языке в значительном количестве (ср. Белорусы 2, 95). В зависимости от *пол*- существительное ставится в родительном падеже и с ним согласуется порядковое числительное, входящее в состав дробных числительных, напр.: ў мине́ асталбся то́льки *поўпята́* рубля́; отту́ль да нас бу́дзе *поўтраци́* вярсты́ и т. д. Как видно из приведенных примеров, *поу*- уже не чувствуется самостоятельным словом, и с ним изменяемая по родам глагольная форма не согласуется в роде.

Для означения неопределенного числа употребляются некоторые местоимения и прилагательные, как *много* [иныхъ кнзеи *много* изымань (21б Увар.)]. *мало*, *сколько*, а также разные описательные формы: *гибель*, *процьма*, *шмат* и под., напр.: *гибель* было в церкви людзей (Нос. Сл. 112); ў яго гро́шей *про́цьма*; *шмат* рыбы ў не́вадзе.

4. Но особенно часто для выражения подлежащего служит прилагательное и причастие. Такое преимущественное употребление прилагательного в роли подлежащего обусловливается особенной близостью его к имени. Не говоря уже о чисто формальных его особенностях (изменение по родам, числам и падежам), прилагательное и по материальным своим особенностям очень близко к существительному: оба они обозначают признаки, приписываемые предмету, только в имени этих признаков больше и, следовательно, существительное обозначает более узкое понятие, а прилагательное более общее (ср. *ду́рень* и *дурны́*: первое предполагает только человека, а второе может относиться и к животным и к отвлеченным понятиям). В тех языках, которые обладают средством суживать понятие, обозначаемое прилагательным, посредством приурочения его к определенному деятелю [например, в греческом и немецком языках, прибавляя к нему член σοφός и ὁ σοφος, weise и der Weise)], в таких языках прилагательное легко заменяет существительное. В славянских языках, как указал Миклошич (IV², 6), подобного средства нет: у них прилагательные полные, образованные с членом, играют другую роль. Когда в славянских языках приходится субстантивировать прилагательное, тогда оно принимает разные именные суффиксы [*багаты́р* дзиви́тца, чым *худа́к* жыви́тца (Ляцк. Посл. з Борис.); мой *милёнок* помираиць (Никиф. Част. 31); но: одзин *милый* — Миколай (ib. 34, ср. ib. 88); такэй, сякэй *шолудзень* хочиць мине ўзяци (ib. 772 Полоцк.)]; но наряду с такими существительными нередки и имена прилагательные в роли подлежащего. То же замечаем и в белорусском языке, и притом не сейчас, а уже давно.

Некоторые из старейших прилагательных, которые до настоящего времени употребляются в краткой именной форме, заменявших имя существительное во всех случаях и, конечно, в роли подлежащего, в настоящее время уже чувствуются существительными и даже сохраняют свое старое склонение, сходное с именным. Сюда относятся, например, названия городов, имеющие форму прилагательных, как *Борисов*, *Мстиславль*, *Пинск*, *Смоленск*, *Слуцк*, *Друцк*, *Полоцк*, *Витебск* и под. Большинство этих названий образовалось еще в ту эпоху, когда о белорусском языке и говорить нельзя было; употреблявшееся при них или подразумевавшееся слово *городъ* было забыто, и они стали именами существительными, сохраняясь с таким значением до сих пор. Несомненно, на западнорусской почве возникли *Полотеско*, *Витебско*, *Луцко*, *Менско* (Белорусы 1, 164), так как при них первоначально подразумевалось слово *мѣсто*, означавшее в литовской Руси *городъ*. Еще более позднего происхождения названия таких населенных

мест, которые имеют форму полных прилагательных, как *Кра́сное*, *Полонна́я*, *Бе́лый*.

Старинного происхождения и западнорусские, а также современные белорусские фамилии на *-ий*, *-ый (-ой)*, имеющие форму прилагательных и развившиеся большей частью из прозвищ; иногда они обозначают происхождение из известного места, напр.: Бѣльский (ПСРЛ т. XVII, 619), Волоский (ib. 621), Глинский (ib. 622), Грановский (ib.), Дорогобужский (ib. 623), Лукомский (ib. 628), Мстиславский (ib. 629), Островский (ib. 630), Подберезский (ib. 631), Селеховский (ib. 632), Безкрупый (1595 г.) (Тупиков, Словарь древнерусских личных собственных имен, 44), Богатой Стецко (1680 г.) (ib. 50), Болотный (1640 г.) (ib. 58), Гаркавый (1671 г.) (ib. 103), Дужий (1597 г.) (ib. 138), Короткий (1618 г.) (ib. 199), Косый Яцко (1618 г.) (ib. 201), Похиблый (1651 г.) (ib. 320), Рудой Павлюк (1618 г.) (ib. 311), Рябой (1530 г.) (ib. 346), Убогой (XVI и XVII вв.) (ib. 404). Первоначально эти фамилии-прозвища были лишь определением личного имени, но со временем они сами стали чувствоваться именами существительными, хотя и склонялись, как прилагательные. К ним подходят названия сельских должностей *дзеся́цкий*, *со́цкий*, *ты́сяцкий*, при которых и существительное какое-либо подразумевать трудно; такое же слово *стойко́вый* (очередной извозчик при волостном правлении); сюда же принадлежат прилагательные, обыкновенно употребляющиеся без существительных: ора́тый [гдзе *ораты* плачець, там жнея скачець) Шейн Мат. II, 474)], хво́рый (больной человек), молоды́й (жених), молода́я (невеста), стары́й (муж, хозяин), ру́сский (великорус); взятое из польского *зло́ты — залаты́* (15 коп.); *свято* праздник [ни вяли́кая *сьвя́та* (Ляцк. Посл. 25)], Праче́истая (название Богородицы и праздников 15 авг. и 8 сент.), как в укр. языке (Ogonowski, Studien, 154): хороша Свята *Пречистая* (Зап. V, 291 Лепп.). Какими-либо мифическими представлениями обусловливается употребление слова *лихо* в смысле существительного: *лихо* ему надало подсцеречь нас (Нос. Сл. 269); *ли́хо* цябе́ бяры; слова *зло* и *добро* в подобном употреблении бывают реже. Сюда же относится полесское (слуцкое) *лихи́* в смысле «дьявол» (Сержп. Прымхі 7).

Вообще же прилагательное может заменять существительное и являться в роли подлежащего, когда при нем легко подразумевать существительное, напр.: у тым чавночку *бел молод* сядзиць (муж) (Зап. V, 534), той *дурны* сытче за ўсих стаў (Мат. Б. № 24 Новогр.) (но там же: дурень вазьме да и спусциць ўниз галаву); пришоў *рыжий* (Никиф. Част. 9); ни магу я там работаць, идзе мой *миленький* орець (ib. 30); *сухорукий* яйки ўкраў, а *бязногий* удогон погнаў, а *бязрукий* дзяжу мясиў (ib. 646); сюда же принадлежат и такие примеры из старинных произведений, как: *бл҃вѧщее* *гѧ* *ѿдержать* землю, а *кленѯчие* его погинѯт (38 Псалт. XVI в.); взывали *праве҃*-

ныи́є гъ выслы́ха ихъ (ib. 34б); из современного языка: *глухи́я* ня ўсе чу́юць, *сляпы́я* ня ўсе ба́чуць (Ляцк. Посл. 7 Борис.). В пословицах употребление в роли подлежащего прилагательного без имени придает общий характер речи: все внимание наше сосредоточено на противоположении качеств, напр.: *bahaty* dziwicca, jak *chudy* żywicca (Чечот 1846, 106); nie płacić *bahaty*, płacić *winawaty* (ib. 112); *богаты* гроши збирая, а чорт мошну готуя (Шейн Мат. II, 473 Игум.); *скупы* два разы траціць (ib. 481); своей бяды́ никому ни кажи́: бо *добры* злякне́тца, а *злы* посмеетца (ib. 481 Борис.); *стар* любиць сквар, а *молод* любиць холод (Нос. Посл. 156); *жывы́* аб жывбя й ду́маиць (Ляцк. Полс. 12 Борис.). Наконец, следует указать такие случаи, когда существительное раньше названо и нет надобности повторять его при прилагательном, напр.: у дзеда и бабы было тры сыны́: *ста́ршы* и *селедо́ршы* были разу́мные, а *моло́дшы* быў ду́рень.

Наконец, в роли подлежащего бывает средний род прилагательного. Правда, в белорусском языке отвлеченные понятия мало развиты и такое употребление прилагательных и причастий вообще довольно редко. Приведем примеры: *малое* да бо́льшему завада (Нос. Посл. 76); *нешто великое* в лесе здохло (ib. 116); *чужое* не греець (ib. 185).

5. Подлежащим может быть каждая неизменяемая часть речи, употребленная в роли существительного. Тут прежде всего неопределенное, напр.: *ажани́тца* — ни ўпа́сьци; ни ўста́ниш, ни атрасе́сся (Ляцк. посл. 2 Борис.); важа́кай *быць* — тро́ба з мядзьве́дзям зна́тца (ib. 5); век *звикава́ць* — усяго павида́ць (ib. 6); го́ра *гарава́ць* — ня век ка́рата́ць (ib. 8) и т. д. Но приведенные примеры можно и так разбирать, что кажущееся подлежащее-неопределенное явится безличным предложением, соединенным с другим безличным, служащим сказуемым к тому, что дано в первом; напр.: гора гараваць — это есть — ня век ка́ратаць и т. п.

Когда другие неизменяемые части речи служат подлежащим, то они, так сказать, подделываются под имя существительное: при них всегда можно подразумевать *слово*, *выражение*, *восклицание* и т. п., напр.: *мо́жа* — на двоя варбжа ... (Ляцк. Посл. 21 Борис.); ни памбжа и святы́ Бо́жа (ib. 27).

СКАЗУЕМОЕ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ

Так как сказуемое выражает признак, возникающий от подлежащего, то в славянских языках, как и других родственных, носителем предикативности является глагол как единственная часть речи, которая может выразить возникновение признака. Рассмотренные нами раньше эмбриональные формы предложения, состоящие из одного имени, этому не противоречат. Пока какое-либо *пожар!* выражает, так сказать, наше первое впечатление, чувство при виде пожара, оно обходится без глагола; но когда это чувство осмыслится, вполне войдет в область сознания, оно уже принимает форму обычного предложения

с глаголом (*ха́та гарі́ць*, *быў пожар* и под.). Таким образом, хотя в ином предложении и нет налицо глагола, но последний или подразумевается, или по крайней мере чувствуется присутствие глагольности; иногда эта глагольность не успела лишь наполниться определенным лексическим содержанием, как в нижеследующих примерах: а каб цябе́, а бада́й цябе́ (Ляцк. Посл. 2 Борис.); сонца за лес, крикса на лес, а дзицяцю спаць (Ром. IV, 32 Витебск.); одзин с сошкою, а семеро з ложкою (Нос. Посл. 118); заяц як удариўся — дый до горы ногами (Шейн Мат. II, 9 Витебск.); a sam ucieki (= убежал) (Федер. I, 29 Шидловцы); мядзьведзь ... з дуба долов, ды якраз на вовка (Ром. III. 17 Сенн.); гары́ць сабі́э паўці́не, а сало́ма *хаць бы што* — от як у вадзі́э (Сержп. 21 Слуцк.) и т. п.

Связь глагольного сказуемого с подлежащим выражается при посредстве личных окончаний, которые обыкновенно согласуются с ним.

В дальнейшем изложении будет различаться сказуемое простое от сказуемого составного. Первое выражается одною глагольною формою, а второе, кроме глагола (иногда опускаемого), содержит в себе еще имя, которое и выражает признак, приписываемый подлежащему. Возникновение признака от деятельности подлежащего или его длительность и обозначает глагол, который входит в состав такого сказуемого. Так как признак, приписываемый подлежащему, бывает дан в имени, то на долю глагола в составном сказуемом остается только чисто формальная роль — обозначать отношение такого признака к подлежащему. Вследствие этого глаголы, входящие в состав сложного сказуемого, или не имеют никакого материального содержания, или имеют очень незначительное. Они поэтому и называются предикативной «связкою». Таким образом, связка присоединяет к подлежащему признак, обозначая отношение последнего к главному деятелю в предложении.

Хотя простое и составное сказуемые по своему содержанию и по формальным отношениям довольно сходно обозначают признак, возникающий от подлежащего, однако достаточно небольшого наблюдения, чтобы убедиться, что эти два рода сказуемых все же вполне не совпадают. Происходит это оттого, что основные элементы составного сказуемого не сливаются в неразложимое целое. Убедиться в этом легко из примеров «Я тагды́ пас каро́ў ў сяле» и «Я тагды быў ў сяле каро́вим пастухо́м». В первом предложении *тагды, каро́ў* и *ў сяле* относится к *пас*, тогда как во втором *тагды* и *ў сяле* относится только к *быў* и лишь *коровий* — к слову *пастух*; значит, обе части составного сказуемого чувствуются отдельно. Мало того, и самый признак в том и другом предложении не совсем одинаково изображает предмет. В первом случае возникновение признака представляется наглядно, как будто действие происходило перед нашими глазами; во втором же случае, при составном сказуемом, хотя и изображается признак деятельности подлежащего, но он дается уже готовым, и самой деятельности не видно. Значит, признак здесь уже представляется возникшим

от подлежащего в прошедшее время, притом как действительный факт. Вообще говоря, в рассмотренном отношении простое сказуемое и составное в белорусском языке ничем не отличаются от таких же членов предложения в русском литературном языке и в народных русских говорах.

ВЫРАЖЕНИЕ СОСТАВНОГО СКАЗУЕМОГО

Прежде всего остановимся на связке составного сказуемого. Связкой бывают формы глагола *есмь — быти*, который, кроме реального значения «существовать», может употребляться и совершенно формально со слишком ослабленным материальным значением.

В белорусском языке в смысле «существовать», «иметься» глагол *есмь* встречается довольно часто и обыкновенно в 3-м лице единственного числа: хлеб *ёсь*, соли нема; хлеб *ёсь*, соль *ёсь*, капусты нема (Ром. III, 359 Сенн.); *ёсь* верно на мне казак Михайла (Ром. VI, 45 Черик.); dzieuki jest u chaci (Федер. I, 381 Лысков). В прошедшем времени *было*: поити *было* (случилось пойти) (441б Вил.); в будущем времени: *будзя* слава, *будзя* чесь, што ў милого платок есць (Никиф. Част. 1385 Вилейск.). В старинных произведениях подобное употребление разнообразнее: таёжь *соу* та многїѣ комары и їаскїне подземъне (43 Сб. XV в. Публ. б. № 391); *бѧше* бо тогда знамение сице смр҃тноѥ. хракнеть чл҃къ кровью три дн҃и *бывъ* да оумреть (105 Лет. Авр. XV в.); *есть* их болше' ни҃ли волосо на головѣ мое҃ (14б Псалт. XVII в.); в рѹку его *суть* вси границы (98 ib.). В приведенных примерах *есть* имеет и материальное значение, вследствие чего является простым сказуемым.

Роль связки с чисто формальным значением он имеет, например, в следующих составных сказуемых.

I. Из старинных произведений, где такое употребление было обычное не без влияния, быть может, церковнославянского и польского языков: азь *єсми* кн҃зь (5б Супр.); не ѥсть *ѥсми* ѧ оуч҃никъ (7б Сб. XV в. Публ. б. № 391); ꙗ *єсми* г҃ь (61 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); ꙗ чѹжаꙗ ѥ҃сми (32 ib.); ꙗ *єсмь* твоѥ выбавлеѥ (35 Псалт. XVI в.); бг҃ъ твой *єсмь* ꙗм (50 ib.); пришле *ѥ҃сми* ѧ (119 ib.); младенец ꙗ *ѥсмь* (124 ib.); сн҃ъ мой *ѥси* ты (7б ib.); справедливо твоꙗ е ꙗко гори бж҃ие (5 Псалт. XVII в.); жаде не е (13б ib.); ѡ *есть* ѡборо҃ца мо҃ (47б ib.); по́лна *есть* землѧ (136 ib.); гдѣ е бг҃ъ их (72 ib.); *ѥсте* неспокои́ны (135 Псалт. XVI в.); богове *есте* (77 Псалт. XVII в.); которие сѹ҃ правого сѣ҃ца (7 ib.); ты *есте* надѣею моею (46б ib.); *еси* ѡборонце (48 ib.); ты *еси* ѡц҃ъ, бг҃ъ и ѡборо҃цею (88б ib.); высвобожѣ҃ѥмъ ха своего ѥ҃сть (29 Псалт. XVI в.); помо҃ником ѡборо҃цею им *есть* (115б ib.); справе҃ливо твоѧ ѥ справе҃ливою (124 ib.); ѡборо҃цею их *есть* (3б Псалт. XVII в.); *есть* бг҃ом моимъ

(19 ib.); ѡнъ *есть* пано^{м} твои^{м} (23б ib.); *есть* бг̃ъ моцъю и ча̂ моꙗ бже а^{ѧ} навѣки (55б ib.); *есте*^{о} ѡбороною (45 ib.); гд̃ъ *есть* заслоною (146б ib.). Польское происхождение некоторых из приведенных выше конструкций явствует, между прочим, уже из того, что вспомогательный глагол имеет польскую форму jesteś, jest.

Довольно обычно подобное употребление и в описательных временах с причастием на *-лъ* (ср. Белорусы 2, 281—289); се азъ...далъ ѥсми (до 1399 г.); язъ добилъся есми (1406 г.); ꙗ придала есми (1487 г.); дали есмо (Прив. Каз. 1457 г.); не вида^{а} е́сми (20б Сб. XV в. Публ. б. № 391); сталъ сѧ̂ ѣс'ть дивъ ѿ бг̃а (32 Сб. XVI в. Крас.); есте жадали (Статут 1588 г.); поле есмо присудили (1 Гродн. Акт. кн. XVI в.); елъ есь (Б 12б Скор. XVI в.); есмъ ꙗ ва̂ наꙋчилъ (53 Катих. 1562 г.); оставилъ есьть (58 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); н̄не и́сполнила е́смь ѡбецанье мое:...кол^{а}рами настлала е́сми постелю мою (96б Библ. кн. XVII в. Вил. № 262); къ г̃ꙋ е́сми клика^{а} (8 Псалт. XVI в.); ꙋнижилъ еси́ на̂ (20б Псалт. XVII в.); есмо хотѣли ꙋчи̃ни (52 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); како живи єсте, которыѥ неколи оумерли были єсте (32б Сб. XV в. Публ. б. № 391); еси на̂ бы^{л} ѡ̃кину^{л} (46 Псалт. XVII в.); ани смѣли бы есте взяти (1440 г.); што̀ бы ми е́сте и́хъ не ѡ̃нимали (1 Сб. XV в. Публ. б. № 391); хота бы ма єси послалъ (96 Сб. XVI в. Позн.) и т. д. Однако если рассмотреть приведенные здесь и особенно в морфологии примеры употребления *есмь* при описательных временах, то можно заметить, что случаев 3-го лица единственного и особенно множественного числа с глаголами *есть — суть* очень мало; часто личное местоимение избавляет от необходимости при причастии на *-лъ* ставить еще вспомогательный глагол. Вследствие этого обстоятельства вспомогательный глагол начинает опускаться в perfectum и plusquamperfectum глаголов сначала в третьих лицах, а потом и в остальных, вследствие чего глагол-сказуемое и перестает быть составным, а становится простым сказуемым (ср. Белорусы 2, 283—285). В подражание формам прошедшего начали опускать вспомогательный глагол и в других составных сказуемых: в рꙋкоу твою́ жеребїи мои́ (31 Псалт. XVI в.).

II. В живой белорусской речи сохранение вспомогательного глагола с слишком ослабленным материальным значением попадается кое-где лишь в поэтической народной речи, напр.: я...*есьм* Мики́та Игривич (Ром. VI, 386 Сенн.); ня *ёсь* ты силён (ib. 315 Городок.); эх вы, вучаники вы *ёсь* и вучицесь вы (ib. 40 Горецк.); я *ёсь* одзин у доми (ib. 42 Черик.); мусиць жа ваша *ёсьць* Бог (Шейн Мат. II, 398 Виленск.). Кстати заметим, что даже в тех редких случаях, где вспомогательный глагол бывает налицо, он встречается обыкновенно в форме *есть*, присоединяемой ко всем лицам. Обыкновенно в живой белорусской речи наблюдается особенная склонность к пропуску *есмь*, *еси* и т. д., вследствие чего связки в настоящем времени не бывает,

напр.: бусеньки, бусеньки, оббе голюсеньки (Нос. Посл. 9); як сила (есть) проижжайтя скрозь яе (Ром. VI, 260 Мстил.); што гэто за людзи (Мат. Б. № 17 Речицк.); ён худы́ с твару (ib.); у панов дужа много рбзуму (ib. № 18 Витебск.); до Бога высоко, ды цыра́ далёко (ib.); хто ў бору́, хто ў лясу́ — ходи́ ко мне нучува́ць (ib.); наўда́ вяли́ка нам (ib. 21 Слуцк.); дзе той хлапе́ц? (ib.); ты — дзяк, я — дзячиха, табе — мех, мне — грачиха (Никиф. Част. 8) и т. д. Реже пропускаются другие формы глагола *есмь — быти*, напр. *быў*: хто б дзятла знав, коли б не его довгий нос (Нос. Посл. 175); *была бы*: не глядзи бела́, абы б рабоча была́ (ib. 95); *будуць*: вузьму саби кумли, а таби, дзид, вяршки (Ром. III, 26 Рогач.); *нехай бу́дзе*: трасца, хвароба табе (Шейн Мат. II, 515 Борис.). В сказуемых с отрицанием глагол *есмь* в настоящем времени или отсутствует [не божжа воля, а своя свавбля (Нос. Посл. 92); не великая беда, што без рыбы середа (ib. 93); не все то золото, што блищиць (ib. 94)], или же сохраняется, так сказать, сокрыто в формах *не*, *нету*, *нет*, *нетуци* (ср. Белорусы 2, 77), напр.: ты есте сы мой иса, чили нѣ (21 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); ане! бронь, боже, не чепай (Нос. Сл. 6, ср. Мат. Б. №№ 4, 5, 9, 10 и т. д.); мужа моего *нет* дома (П 14 Скор. XVI в.). Последние обороты, впрочем, выходят из употребления, заменяясь посредством *нема*, *немаш*, *немашка* и под. (Белоруссы 2, 77—78), напр.: соли *нема*, капусты нема (Ром. III, 359 Сенн.).

Роль связки исполняют и некоторые другие глаголы, сходные по значению со вспомогательным глаголом. Но у них к чисто формальному значению присоединяется и некоторая материальная окраска; таковы, например, случаи из старого и нового языка: *поча* троухленъ быти дрыжачий (46 Сб. XV в. Публ. б. № 391); *поча* дрыжати и троухле быти (5 ib.); ѡ самъ *ста*сѧ мнѣ збавеемъ (117б Псалт. XVI в.); абы сѧ не *стали* народом злым (64б Псалт. XVII в.); *ста*сѧ есть посмѣвишком (90 ib.); ўсю жисць так *остались* палцы знашно (Ром. IV, 171 Сенн.); свиння им *прихо́дзитца* цётка (ib. 159); *пошоў* Янка к суседзям ў пазыки (Шейн Мат. II, 377 Борис.); и мой бацька такий *мався*, и я в его вдався (Нос. Сл. 297).

Еще больше материального значения привносят в составное сказуемое некоторые глаголы, означающие движение и спокойное пребывание на месте, напр.: рада *выпрансула* дша моа кѳ збавлю (121б Псалт. XVI в.); *прышла* ни гола, ни адзета; мужык *вярнуўся* пъян; жо́нка *ляжыць* хворая; *стаи́ць* хмуры; ён *вышаў* одга́туль вясёлы; коники — дзень привязыны *стоя́ць* (Никиф. Част. 73); нехай здороў *ночуе* (ib. 1986 Бобр.); *йдзи* босый (ib. 1672 Вилейск.); я ни пьяная *ишла* (ib. 321); я *находзиўся* голы, босы (ib. 2266 Новогр.); я такэй *родзиўся* (ib. 40); а я, молодзец, одзин усю ночку *прыходзиў* (ib. 1628 Вилейск.) и т. д. Во всех приведенных примерах, однако, глагол не имеет достаточной полноты признаков, чтобы без прилагательного самостоятельно обозначить сказуемое, как, например, в следую-

щих случаях: *сталъсѧ* ѣс'ть дивъ ѿ бг҃а (32 Сб. XVI в. Крас.); *стоищь* криница, светлая водзица (Ром. IV, 150 Сенн.); на стале *ляжыць* лошка и т. п.

Теперь рассмотрим, какими частями речи, кроме связки, выражается составное сказуемое.

В составное сказуемое могут входить только имена: существительные, прилагательные, местоимения, числительные и причастные формы; таким образом, части речи, склоняемые или склонявшиеся прежде, а теперь утратившие свою изменяемость. Все эти части речи, входя в составное сказуемое, согласуются с подлежащим в падеже, т. е. стоят в именительном падеже. Это древнейшее употребление. Со временем в разных славянских языках, в том числе и в восточнославянских, в составном сказуемом усилилась глагольность сказуемого, вследствие чего связка начала приобретать постепенно реальное значение, а имя вследствие этого понемногу утрачивало свой предикативный характер и обращалось в дополнение или обстоятельственное слово; в последней роли оно уже было не в именительном, а в творительном падеже, а иногда и в других падежах даже с предлогами.

Откладывая пока речь о творительном и других падежах в роли сказуемого, здесь остановимся подробнее на именной части составного сказуемого, стоящего в именительном падеже.

1. Если в составное сказуемое входит имя существительное, то оно, кроме того, что стоит в именительном падеже, еще согласуется с подлежащим в роде, конечно, если имя существительное имеет разные формы для мужского и женского родов, напр.: гэ́то мой *князь* малады́й; яна мая маладая *княгіня*; Илля быў *праро́к* божий; Сивилла была *пророчица* звездарка; ты *пан*, да не мой (Нос. Сл. 392); я в своей хаце сама собе *паня* (ib.); гэто яго *паня́* (дитя пана), татка — *писар* хороший, мамка — *писароўна* (Никиф. Част. 1706 Вилейск.) и т. д. Но вообще подобные изменения существительных по родам редкость. Приведем еще несколько примеров: бы҃ *сн҃ъ* ѥ҆вфимиѧно҃ (97 Сб. XV в. Публ. б. № 391); ѥ҆ҫмъ твоѥ҃ *выбавѣ́ѥ* (35 Псалт. XVI в.); ѡ҃ есть ѡборо҃ца мо' (47б Псалт. XVII в.); (вы) *богове* есте (77 ib.); *вучаники* вы ёсь (Ром. VI, 40 Горецк.); што то мы ёсь: ни ў царях *цари* (ib. 383 Сенн.); (Господзь) здзелав яму жану, — Ева *названьня* (Ром. IV, 2 Гомельск.); *дурань* ты, дурань усюдых (Шейн Мат. II, 239 Борис.); мой татка ни *дурень* (Никиф. Част. 772 Полоцк.); *дурынь* была — ни брала (ib. 1617); мой татка — *марудень* (сущ. от *марудный* = медленный) (ib. 102); *работник* ты, як бачу, з нягорших (ib. 289); што я *вокунь* який нибудзь, ци што (ib. 391); свиння им приходзитця *цётка* (Ром. IV, 159 Сенн.) и т. п.

Сюда же собственно должен относиться целый ряд примеров, где в роли сказуемого выступает *треба* (opus est) — имя существительное, утратившее, однако, в настоящее время свое и материальное, да отчасти и формальное значение, что видно из того, что на месте его может быть и *требо*, принявшее как бы форму среднего рода прилагатель-

ного или наречия, вполне совпадающее с литературным русским *нужно*, и даже «*тре*», как наречие, напр.: ня *треба* мне самая первая кобылица (Ром. III, 197 Бых.); як я *треба* табе буду (Ром. VI, 29 Черик.); мне *трэба* и нявеста пляшивая (Шейн Мат. II, 61 Борис.); яна́ табе́ ня *тре́ба* бу́дзиць (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 8 Игум., 11 Новоалекс.); гэто, дзя́дзюхно, мущы́нам *трэ́бо* (ib. № 21 Слуцк.); мне *трэ* грошай (Гродн.).

В роли подлежащего в некоторых случаях выступает форма звательная. Иногда она встречается и в роли сказуемого, и опять-таки — в народной поэзии, напр.:

Ой ты корова́ю, корова́ю!
Який же ты *воропа́ю* (слепец)! (Зап. V, 161).

Здесь звательный, быть может, не без влияния рифмы; но в нижеследующих примерах нет и этой причины:

А коли ты молодый *гусару* (т. е. еси),
Вывядзь мене з зеленого гаю. (Ром. I—II, 163 Сенн.);

коли́ я ў це *негодзя́ю* (если я у тебя негодяй) (Шейн Б. П. № 534 Борис.).

Об употреблении других падежей имени существительного в роли составного сказуемого речь в другом месте.

2. Когда в составное сказуемое входит имя прилагательное или сходное с ним по форме причастие страдательного залога, а также причастие на *-лъ*, ставшее простой формой прошедшего времени, то бывает согласование с подлежащим в падеже, роде и числе. По преемству от старины прилагательное и особенно причастие в русском языке в роли сказуемого вообще принимают именную форму. В старом западнорусском языке было то же самое, но в живом белорусском языке дело обстоит несколько иначе: именные формы в роли сложного сказуемого возможны, но преобладают сложные: причастия страдательного залога обыкновенно употребляются в именной форме, а причастия на *-лъ* исключительно возможны в краткой форме. Поясним все сказанное примерами (ср. еще Белорусы 2, 218—226):

а) панна марїа была маленко *велика*, а *телиста* а *смѣда* (71 Сб. XV в. Публ. б. № 391); вы *чисти* ѐсте али не оуси (5 ib.); чл̄къ *моценъ* боуда (Житие Алекс. Влади́м. 262); како бы мог'ли *живи* быти на небесе[x] (57—58 Сб. XVI в. Крас.); та бѣ̂аше вел'ми *моу́дра̂* (171 ib.); *живи* боу̂доу[т] (100 ib.); ѝ бâше *крас'на* а̀ *богата* (ib.); *сла́д'ко* бѫ̀ди ѐмѹ̀ молвенїе моѐ (Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 пс. 103. 34); дабы̀ не бы̀ *оу̑пра*[м] и любâй прю (12 Тайна Тайных XVI в.); нехай боуде дво[р] и[х] *поустъ* (63б Псалт. XVI в.); ѐсте *неспокои́ны* (135 ib.); бж̄ие су̀ щиты *моцни* (25б Псалт. XVII в.) и т. д.; из живой теперешней речи: еще вус мой *сив* не став (Зап. V, 109); каб наш корова́й быв *ясен* ... *красен* (ib. 162); *дробен* мак, а Кощея яцо дробней порвало

(Ром. III, 73 Сенн.); ня ёсь ты *силён* (Ром. VI, 315 Городок.); панин сын *хорош*, кухáрыхин *лучш* яго (Шейн Мат. II, 102 Борис.); свадзьба *слаўнá* пéсьнями, хаўтуры — вы́ям (Ляцк. Посл. 39 Борис.); *солодóк* медок длл его дзетóк (Зап. V, 81); а мой мужичок не *добёр* (ib. 236); скажу, пан, тобе без спóрок, мне уже твой хлеб став *гóрек* (ib. 72); ты — *вялик*, я — *маленька*, ты — дурак, я — *умненька* (Никиф. Част. 176); а мой милый *бел*, *хорош* (ib. 112); я и *хвор* — ни могу (ib. 1256); наша поля *кымянисто* (ib. 92); ён *бага-ат!* ... и вельми *багат*!; али-ш вот жа спрыцен, кадýк яго вазьмú!; *мал* ён ишчэ для етай работы; вазок ужэ *гатоў* (Бобр.) и т. д. — больше по требованию рифмы.

б) Примеры с страдательными причастиями: и҃нѣ́й бо мечемь *пре-спѣкаемы* бывахоу. и҃нѣ́й же на копїа҃ *възнизаемы* (133б Лет. Авр. XV в.); возо҃ ѵ҃гневы҃ є҆сть *оузя҃* (27 Сб. XV в. Публ. б. № 391); се҃мера ре҃моуси҃ быти *бачена* (ib. 25); моу҆рос'ть е҃ ѿ бг҃а *дана* (7 Сб. XVI в. Крас.); бѯдѫ҇т *н҆ѧбани* бы҃ти (82 ib.); боудоу҃т *бл҃жени* (86 ib.); а҃ — *оў'ставле҃* є҆смь ѿ негѡ҆ (7б Псалт. XVI в.); ме҃ бы́ть *выслѯханъ* (8б ib.); мела бы҃т *выслѯхана* (9 ib.); *п҆онесена* є҃ великаа҃ лепота твоа҃ (11б ib.); *оў'хвачѡ҃* є҆сть гре҃ны҃ (13 ib.); *выкине҃* єсмъ (23б ib.); соудина *збита* (31 ib.); не маю҃т быти *забивани* а҃ле *распорошони* (58 ib.); *видена* была шествїа҃ твоѧ҃ бж҃е (66б ib.); *выдѧ҃* є҆смь бы҃ и҃ не втека҃ (89 ib.); несправе҆ливые будѯ҃ *покарани* (2б Псалт. XVII в.); будѯ҃ *роспорошени* (3 ib.); будѯ҃ *напоени* (5 ib.); будѯ выкоренени (6б ib.); буде҃ *споминано* имꙗ твое (24 ib.); то҃ ѳало҃м ѿ давыда бы҆т *зложе҃* (37 ib.); нѣ҆ су҃ ѿ҃тажени (53 ib.); бы҆т есми *битъ* (54 ib.); ў тэй будци *заперт* мядведь (Шейн Мат. II, 116 Горецк.); сяло ўсё *спáлено*, я́ма *вы́рыта*.

в) Примеры на прошедшее время с *-лъ*: *апса҃* сїю кн҃игоу... березка... поповичь (286 Четья 1489 г.); волхово *шьло* возводь (286б Лет. Авр. XV в.); гораздъ є҆сми *перена҃* (3 Сб. XV в. Публ. б. № 391); на нога҃х стоѧти не *могълъ* (7 ib.); некта пакь *бы҆т* оу великого кн҃за Ѳлгирда... и потомь пакь *полюбилсѧ* быль ємоу *даль быль* ємоу Лидоу держати (87б—88 Супр.); ты мнѣ не *вѣриль*. а се тыє грамоты. *записалиса҃ были* на на҃. но бъ҃ нась *ѡстерегль* (90 Супр.); Ѳкгоило *прист8пи҆т* къ Троко҃м і Трочане не *дали҃* емѯ (Археол. 62); сиѣ҃ *чини҃* єси а҃ ѧ҃ *мол'чалъ* (51 Псалт. XVI в.); ѿ҃ *а҃збави҃* є҆сть ница ѿ си҃ного́ (72 ib.); *почита҆т* есми за престу҃цы вси грѣшные (141 Псалт. XVII в.) и т. д.; етый вовк от их на ўходало *ударив*, *пошов* от их уцекаць (Ром. III, 37 Клим.); *соснився* мне сон дивный — и ни ся ен мне *соснився*, ни ся у казцы *сказався* (ib. 358 Рогач.); малец *полез* на хату... дзякъ *звалився*, ды *выскочив* с короба (Ром. IV, 96 Сенн.); молиць Бога, каб *создав* хатку цёплую..., то ўсю ночь ба басьни *баив* ба (ib. 149); раз, у нядзелю, *была* яна *пасьцила* свиньни на пóли (ib. 171); няхай бы яны *погосьцили* б дзень-два (Шейн Мат. II, 223 Волков.).

Рядом со случаями, подобными приведенным, в старом западнорусском языке изредка, а в современной белорусской речи обыкновенно в роли составного сказуемого выступают полные формы прилагатель-

ных или стянутые из полных (Белорусы 2, 224—225); напр.: боуда *злос'тный* члвкъ (19б Сб. XV в. Публ. б. № 391); ꙗ *чѫжаѧ* ѥсми (32 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); *блг҃веный* мѫ (7 Псалт. XVI в.); z *мр҃дованы'* есми вѣ҃ми и *ѵнижоны'* (9б Псалт. XVII в.); ꙗ есми бы҃ *глупы'* (55 ib.); бг҃ъ є҃тъ *знаемы'* (60 ib.); гд҃ъ *добры'* є҃ (112б ib.) и т. д.; наш поп *молодзе́нький*, у его вусок *золоце́нький* (Зап. V, 209); наш пан *молоды́й*, его вус *золотый* (Мат. Б. №№ 9 Бых., 13 Свенц., 14 Новоалекс., 26 Себеж., 15 Игум.); наш пан *бага́ты*, яго каптан *махна́ты* (ib. № 15 Игум.); што ён *нехращоный* на сьвет҃и есьть (Ром. VI, 298 Черик.); што мой милый *уби́ты* (Шейн Б. П. № 397 Лепп.); мой бацька *добры* быў (Никиф. Част. 25); хто мине поцалуиць, той *хорошиньки* (ib. 48); мой татулька хорош, мачиха *лихая* — ни пускаиць на вулицу, што я *молодая* (ib. 7); быў ве́льми *стара́нны* (Сержп. 21 Слуцк.); жу͡онка ве́льми *языка́тая* (ib. 127); дубы *таўщэ́разные* як пі͡э́ч (ib. 13 Слуцк.); дзверы *зали͡э́зныя таўщэ́разные* (164 ib.); suśéd byu̯ vélma *baháty,* kómin byu̯ začýńeny, pastuxè byl'i hałódnyje (Клих 278 Новогр.); ён — *багаты*, чорт яго ни возьмя!; али-ш вбт *спрытны*, падла; я помню, кали *малы* быў, дак у нас тады йшче цапами малацили; а ён и *ра́ды*, вот дурань (Бобр.).

Что касается причин возобладания в белорусском языке в роли сказуемого полных форм прилагательного, то, кроме общих с русским языком, объясняющих в некоторых случаях проникновение в последний в роли сказуемого полных форм (Потебня, I—II², 175; Jadić, Beiträge, 46—47), можно указать еще действие аналогии большинства сложных или слитных форм на именительные падежи; затем народная речь больше дорожила самим признаком, заключенным в прилагательном, чем глагольностью сказуемого, лишенного вдобавок в настоящем времени и связки. Другое дело сказуемые, в состав которых входили разные причастия: глагольность этих форм еще живо чувствуется, поэтому как сказуемые они и не употребляются в полных формах, а только в именных.

Из приведенных примеров можно было видеть, что сказуемое прилагательное и причастие обыкновенно согласуется с подлежащим в падеже, числе и роде. Здесь рассмотрим более редкие случаи, не совпадающие с выставленным положением, представляющие нарушение согласования.

а) Уже в древнерусском языке не согласовывались с подлежащим прилагательные с основами на *-й* и *-ѣ*, так как эти прилагательные еще в праславянском утратили склонение. В белорусском языке, естественно, такие прилагательные также отсутствуют; быть может, в связи с ними находится *неплодзь* (Белорусы 2, 41). Но вообще все такие прилагательные распространялись новыми суффиксами и стали правильно согласовываться с подлежащим.

б) Когда содержание составного сказуемого рассматривается в отношении к подлежащему не в тесном смысле, а в общем, тогда прилагательное обыкновенно ставится в среднем роде единственного числа.

Такой способ выражения является уже первой ступенью к появлению бессубъектных предложений. Примеры: конець вла͡ є̑го *чер'мено* (62б Тайна Тайных XVI в.); ѡ̑ *с'тѫдено и̑ соухо* (63 ib.); женес'къ по͡ *скжно* бѫдеть (89 ib.); *пѣто* пѣ͡ (44 Псалт. XVI в.) [где, как видно из польского оригинала: chwałę dawano (Врубель 41, 9), *песнь* уже вин. пад. дополнения]; *было* є͡ надѣа моа (60 ib.); ср'це и̑ нѫтрь моа *пременилоса* (74 ib.); бг̑ъ ме͡ быть *взнано* (76 ib.); ѡ'стано͡ боудеть *сватковало* (77 ib.); *ро͡метано* законъ тво' (141б Псалт. XVII в.) [rosproszono zakon twoy (Радив. б. 119. 126), где *закон* вин. пад.?]; *дано́* ѡ̃починокъ (48 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); тогды *было* зиме ни зима ни лѣто (154б Сб. XVII в. Син. б. № 790) и т. д.; по́том *укоранилось* дым и смо́род у том доми, што Адам устроив (Ром. IV, 3 Гомельск.); як расьтёр сапогом, *поднялось* огонь большой (Ром. VI, 233 Черик.); тожа так само не запилновали — и стох *украдено* (ib. 287 Орш.); и *было́* етым усем строгыя служба (ib. 462 Клим.); *збі̑гласо* паў села́ (Сержп. 62 Мозыр.), где сказуемое согласовано с *паў села́*, а не с *паў* = пол; подобное согласование известно и в украинском языке (ср. Ogonowski, Studien, 153). Иного рода согласование — с подразумеваемым существительным *дзиця* — в примере: adzìn chłopczyk źbiraụ jàhady i niejak *zarąụzłò* u lës (Федер. III, 57 Шидловцы). В выражении «*кликало* Петро Ильлю» (Ром. Мат. Гр. I, 147 Слоним.) глагол в среднем роде, так как *Петро* рассматривается не как собственное имя святого, а как название праздника и, вероятно, как слово среднего рода.

Во всех приведенных примерах подлежащее-существительное стоит в единственном числе. Но нередко сказуемое в среднем роде и при подлежащем во множественном числе или при нескольких подлежащих, напр.: ємоу бы сѧ *достало* — твои мѣста (88б Супр. 439б Вил.); и̑хъ *ѫбито* ѡ̃дного днѧ три тисечи (15 Катих. 1562 г.); тыє слова *вложено* (163 ib.); оповедане и вызнанье... и листъ его милости ... до книг кгродских Менских *записано* есть (Акты В. А. К., т. 36, 17 Мин. XVI в.); ў его *ўкра́дзено* гро́шы (Мат. Б. № 10 Мозыр.); пара коней зноў *пропало* (Шейн Мат. II, 134 Волков.); от *прайшло* гадуо͡ў мо пъяць, або шы̑эсь (Сержп. 120 Слуцк.); *bułо* heto tam dwụoch mużczy̯n i adnà kabieta (Федер. I, 4 Дворец); dźwie baby *założyłosie* (ib. 60 Яловка). В некоторых из приведенных примеров при страдательном залоге можно усматривать и винительный падеж вместо именительного. Иногда средний род чувствуется уже как наречие: ўсю жисць так остались палцы *знашно* (Ром. IV, 171 Сенн.).

в) В старину согласование подлежащего со сказуемым в роде простиралось и на сравнительную степень, но в старом западнорусском языке это согласование уже в упадке, а в современном белорусском языке сравнительная степень большею частью стоит в форме среднего рода и не склоняется; лишь в редких случаях полная форма изменяется по родам, и тогда она нередко употребляется в смысле превосходной

степени. Средний род полной формы, как и в предыдущем отделе, имеем в следующем примере: еще *наго*^{р}*шое* ему моли̃вы быва̃ю (29б Псалт. XVII в.); но в нижеследующих примерах уже полное расстройство согласования: глава *мен*^{ь}*ши и* лицо *тонѣ̃ши* (38 Тайна Тайных); слова — *соло*^{х}*ше* на^{х} медъ (139б Псалт. XVII в.); пани *крашей* нашое пание (72 Сб. XVI в. Позн.); *сла*^{х}*че* ѡлѣю глаголець єє (95 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); подрꙋзѣ еѣ што *лѣпше* еѣ (127б ib.) и т. д. (ср. Белорусы 2, 47—49); па́нин сын *хорош*, куха́рыхин *лучш* яго, а сучкин яще *лучши* (Шейн. Мат. II, 102 Борис.); у яго́ багата *боли* (Мат. Б. № 15 Игум.). В современной речи, впрочем, более обычна форма на -ей из -*ьи*, окончания мужского рода: мая хустка *чырвано́й*, яго вус *сивей*, на́ша дзица́ *разумне́й*, я́е коса ўсих *доўжей* (Никиф. Част. 1212 Полоцк.).

г) Нередко наблюдается, как и в старославянском и других славянских языках, согласование сказуемого (составного и простого) с подлежащим, часто именем собирательным, по смыслу: *вспеваите* г҃ви вса земла (97 Псалт. XVI в.) [spiewáycie pánu wssytká źiemiá (Врубель 95. 1); такое же согласование и в церковнославянском: **въспо҃нте гн҃ вьса земла**, как и в греческом ᾄσατε τῷ κυρίῳ πᾶσα ἡ γῆ и в лат. cantate domino omnis terra]; спѣва^{й}те гд҃у вса земла (88б Псалт. XVII в.); заспѣва^{й}те^{ж} — вша̃кая зе^{м}ле (101б ib.); бы^{ли} емꙋ *рады* вса зем^{ь}ла лито҆ска̃ и рꙋ҆ка̃ (80б Крас.); *ради* ємꙋ вса земла (448 Вил.); были *ради* оуса зе^{м}ла лито^{в}ска̃ і рꙋ^{с}ка̃ (Археол. 70б); *побъжени* быша Литва и побѣгла (447 Вил.); литва ѡса^{дили} жикгимо҆́та (87 Крас.); тое во^{и}ско... Ли^{т}ва *побили* (279 Позн.); жомойть ѡтъ Немцовъ *ѡступили* и *прыступили* (241 ib.); войско Кестутєво *перевезлиса̃* (251 ib.); *пришли* сара҆́ча (106 Псалт. XVI в.); соймъ злостивы^{х} *ѡгорнꙋли* ма (23б ib.); susiedzio źali (Федер. II, 196 Шидловцы); никто ємоу ни с которы^{х} сторѡн не *помогали* (105 Супр.). Во всех приведенных примерах такое же согласование формы прошедшего, как и в нижеследующих формы повелительного: сема йа҆́ково во — *выслa*^{х}*те* (24 ib.); доме йꙋ҆́лвъ *блг҆́вте* (132 ib.); на́родъ израи^{л}ски^{й} *блг҆́вѣте* гд҃а (155б Псалт. XVII в.). Согласование во множественном числе по смыслу следует видеть и в таких примерах, в которых к подлежащему в единственном числе присоединяется другое существительное или несколько их с помощью предлога *с*; первоначально эти последние существительные тоже стояли в именительном падеже и присоединялись к первому подлежащему союзом *и*; напр.: самъ и с моуж^{ь}ми законными *прим̀ивали* покромъ (97б Сб. XV в. Публ. б. № 391); ѡн же кн҃зь Ѳгаило *змовилиса̃* изъ своєю материю (95б Супр.); дзед с бабый *кинулися* за тым хлебом (Шейн Мат. II, 7 Витебск.); Иванька *посватылиси* з дзевкый-Пылынянкый (Ром. III, 238 Сенн.); *ишли́* лысы з пляшы́вым (Ляцк. Посл. 14 Борис.); кума з кумой *посварилися* (Никиф. Част. 2264 Новогр.) и т. д. То же бывает при числительных: *собралися* ў двананцацёх (Шейн Мат. II, 227 Новогр.); и *одели́ся* обоя и *узяли* под ру́ки (Ром. VI, 25 Гомельск.) и т. д.

д) Как на синтаксическое явление следует взглянуть и на утрату во множественном числе в современном белорусском языке, как и в русском языке, различения по родам у прилагательных кратких, когда они встречаются, и у причастий на *-лъ*; у первых возобладала форма винительного мужского и женского родов на *-ы/-и*, а у вторых старая форма именительного мужского рода, напр.: гэтыя грошы *бацькавы*; скрыни *матчыны*; дзéци *цётчыны*; очы яе *сини*; мужыки пришлú; жанкé *жали*; дзеўчата *падавáли*; сёла *гарéли* и т. д.

3. В составное сказуемое входит имя числительное. Мы уже неоднократно говорили, что в формальном отношении одна часть числительных совпадает с существительными, другая — с прилагательными; вследствие этого и роль числительного как составного сказуемого могла бы совпадать с ролью имен существительных и прилагательных. Однако числительное в материальном отношении лишь отчасти идет в сравнение с отмеченными классами имен, так как числительные, кроме обозначения последовательности или количества, не содержат в себе других признаков; поэтому в роли сказуемого числительные встречаются редко, напр.: я ёсь *одзин* у доми (Ром. VI, 42 Черик.); в безличном предложении: «разýмных дзевóк было *пяць*, а дурны́х тоеж *пяць*», хотя подобные предложения можно разбирать и иначе; примеры на порядковые: приехав (сýженинький) сам *дзесят* (Зап. V, 182); ён быў *другúй*.

4. В роли составного сказуемого возможны и местоимения, но они довольно редко встречаются в этом положении. Напр.: Хто там? — Гэто я; ай брат, во *ён* вовк (Ром. III, 37 Клим.); я не *твая* буду (Ром. Мат. Гр. II, 61 Слоним.); ты — *моя*, а ни чужая (Никиф. Част. 1287); а, дзевоньки, а яж *ваш* (ib. 675 Дриссен.); дзяўчиночка, *чия* ты? (ib. 1631 Вилейск.); яна *сама* (одна) осталась (Ром. IV, 108 Гомельск.); *якéй* ёсь ды ёсь, ды отец мой (Ром. VI, 382 Клим.); *який* вы ёсь (ib. 385 Сенн.); *який* бацька, *такий* сын: промотали дом совсим (Никиф. Част. 238); мóо й усíю́ *гэ*? (= такие) (Сержп. 132).

5. Особенно интересны случаи выражения составного сказуемого причастиями. О тех из них, которые по окончанию сходны с прилагательными (страдательный залог, а также на *-лъ*), уже была речь. И те и другие лишь по особенностям славянской речи, не знающей неописательных форм для страдательного залога и для perfect'a, выступали в роли составного сказуемого вместо простого. В современной речи, с утратой в настоящем *есмь*, они являются уже простыми сказуемыми. Здесь мы будем говорить не об этих случаях, а коснемся выражения составного сказуемого теми или другими остатками причастия действительного залога настоящего и отчасти прошедшего времени.

Отчасти в подражание греческим оригиналам, отчасти самостоятельно на славянской почве уже давно, при самом начале письменности, развилось употребление указанных причастий, соединенных с формами глагола *есмь* вместо личной глагольной формы. Массу примеров подоб-

ного употребления можно читать в русских летописях (ср. у Ягича, Beiträge, 59—60, и у Потебни, I—II², 128 sq.); кое-где подобные обороты можно встретить и в старинных произведениях других славян. Со временем такое употребление ослабело и почти совсем утратилось вследствие того, что славянские языки в большинстве случаев обратили относящиеся сюда причастия, согласовавшиеся с подлежащим, в деепричастия, не так легко примыкающие к имени. Став деепричастиями и вследствие этого несколько изменив строй соответствующих предложений, эти обороты в языке живут до сих пор, особенно когда такие неизменяемые причастия входят в придаточное предложение, что́ наблюдалось уже в старославянских произведениях. Встречаются они в старом западнорусском языке, кое-где живут они и в современных белорусских говорах. Приведем примеры: *сузрѣвши есмо* слоужбоу... и дорадившися съ наши князи,... даемъ и дали есмо емоу село (Арх. С. VII, 3, 1450 г.); адамъ *бꙑ* внѣ сы̀ раѧ (1 Лет. Авр. XV в.); *были* жидо*вє* *дрыжачаи скры*т*таюче* (20 Сб. XV в. Публ. б. № 391); были есмо *веселячѐ* (128 Псалт. XVI в.); нѣ́смь *говорячии* (Пс. 76.$_5$ Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); какъ хто *мога* (175 Четья 1489 г.); што *мога* ѯгожалъ (52 Сб. XVI в. Позн.); буду сѧ працовати ꙗкъ *могучы* (ib. 35); маеть — платити, какъ *могучи* (48 Гродн. Акт. кн. XVI в.): ты *пришодши* в землю гр̀а нашого? [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.) Полоцк.]; корися мужу як *мога* (Зап. V, 241); ен голо̀ся як яго *мога* (Ром. VI, 325 Рогач.); дали яму платы, скольки яго *змога̀* (Ром. III, 320 Сенн.); я гэто кинуўся, як *мога*, до дому (Шейн Мат. II, 245 Борис.); Юръя с паненкой бягуць, як *змога* (ib. 293); кожны адзін другому, колькі *мага*, гатоў памагчы (Наша Ніва 1910, 270); иён понесся як *мога* (Мат. Б. № 29 Новогр.); да а́си ч'то *хотѧ* (56 Тайна Тайных XVI в.); вольно отийти куды *хотѧ* (195 Статут 1529 г.); еж што *хоця* (Ром. I—II, 444); ко́ко хто *х°течи* и *могучи* (Сб. XVII в. Син. № 790, РФВ XXIII, 287); ты быв *умёрши* (Ром. III, 72 Сенн.); яны были *недзялёмшись* (Ром. IV, 200 Черик.); ў Петра была *нанявшы* хватера (Ром. VI, 16 Гомельск.). Во всех приведенных примерах при причастии или есть налицо вспомогательный глагол, или в настоящем времени легко подразумевается.

Таким образом, здесь, как и в старославянских и древнерусских произведениях, вместо одного verbum finitum является participium + связка. Не на почве белорусского языка рассуждать о причинах, вызвавших подобное употребление; нельзя, однако, не отметить, что такою причиною, как и вообще в тех случаях, когда в русском языке имеются подобные примеры, повидимому, было стремление выдвинуть самый признак, обозначаемый глаголом, в ущерб его развитию благодаря деятельности подлежащего. В некоторых белорусских говорах, больше Могилевской и Витебской губерний, деепричастия прямо заменяют глагольную изменяемую форму, так что даже не приходится подразумевать и связки, напр.: а солдат смотрѝць усё гэто; тольки ўжо в яго дух *замёрши* (= замер) (Ром. IV, 71 Гор.); тэй народ

уснувши (= уснул), Иван одзин не (ib. 134 Могил.); *бывши* (= была, одна дзяревня, примерно, бедная, — небольшая дзяревня (ib. 183 Мстисл.); и *бывши* (= был) мизь етой дзяревни сильный богач одзин (ib.); первый сын родився, нязвестно де девся, а четьвяро жывшых *оставшыся* (= остались) (Ром. VI, 213 Рогач.); штоб *бывшы* (= был) я за хозяин, штоба ни посмотреть, што тута ёсь (ib. 226 Черик.); год *вышовши* (= прошел), опять проситца у вотцов (ib. 298); мать *помёрши* (= умерла), тольки три дни *низасыпев* (ib. 318 Городок.); *бывши* (= был) утопив, а то и живый став (ib. 440 Сенн.); назаўтриго, ён скот не *гнавши* (= гнал), забрались мальчики воровать етый агрист (ib. 487 Мстисл.); моя ж Машка туды замуж *зайшоўши* (= вышла) (Шейн Мат. II, 462 Борис.); каб я *увідзеўшы*, быў бы *спрасиўшы*, чаго ён приходзіў (если бы я видел, то спросил бы...); (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); тольки яна показалась (з воды), а пан, аткуль *бывши*, да выцяг яе (Ром. III, 266). Повидимому причастия, а не 3-е лицо без *-ть* и в следующем примере: сястронки *накладая*, дзявочки... *прыспевая*, ветры... *расплятая*, суседзи... *накладая* (Кар. 61 Трок.).

Когда в составное сказуемое входит не отвлеченная связка *есмь* — *быти*, почти совершенно лишенная материального содержания, а связка с некоторым реальным содержанием, иногда обозначающая вполне конкретное действие или состояние, тогда причастие сохраняется и в современной речи, но оно уже не изменяется по родам и не склоняется, т. е. обратилось в деепричастие (ср. Овсянико-Куликовский, Синтаксис, 62 sq.). Пока причастие склонялось и согласовывалось с именем, оно несомненно относилось к последнему, служа его определением; когда же оно утратило способность изменяться, став деепричастием, то, следуя другим случаям пояснения глагола неизменяемыми частями речи, стало относиться к глаголу, служа приложением к последнему. Память о прежнем согласовании с подлежащим сказывается в том, что такие деепричастия могут быть при глаголах лишь в том случае, если их можно обратить в verbum finitum того же лица, что и подлежащее.

Приведем примеры из старинных западнорусских произведений и современного белорусского языка. Случаи согласования с именем: ѡ̃справе҃ливе҃а гн҃а проста ѡ̃бъвеселаючиѣ̃ ср҃це (21 Псалт. XVI в.); чл҃къ жа҃ны помочи *немаючи҃* (89 ib.); *надъючи҃* на г҃а не порꙋшис҃а навеки (127б ib. и под.). Причастия при сказуемом: бѣше бо тогда знамение сице см҃ртноѣ̃. хракнеть чл҃къ кровь три дн҃и *бывъ* до оумреть (105 Лет. Авр. XV в.); пришли — *принесоуче* (14 Сб. XV в. Публ. б. № 391); плакали *смоутечесе* (15 ib.); *боуда* злос'тный чл҃вкъ (19б ib.); *пошо҃ши* єофимьѧноу҃ ѣ̃го оумерши нашо҃ (98б ib.); собра҃ш҃ вси три с по҃ки своими (70б Крас.); *приш҃е҃* кн҃зь Михаило станеть на Рши (75б Супр.); Євноутеи *выскотивъ* оубежить во гоуры (86 ib.); Хс҃ — празники празновал — *исцелаю҃чи* (47 Катих. 1562 г.); мови҃т — *молѧче* (100б Псалт. XVI в.); *ходѧчи* хо҃ли и плакали҃ *мечюче* сема

(128 ib.); *молчачи* приглада[ъ]се ей *хотячи* (18 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) и т. д.; nie kaj sie rano *ůstaůszy*, ni mołodo *ażeniůszy* sie (112 Чечот 1846 г.); ат! яси *посоля́* (Зап. I, 257); на синим возере сядзела лебедка, крылками *опусця́ся*, пе́рьиком *осыпя́ся* (Зап. V, 217); *захохоча́* пошов (Ром. IV, 58 Гор.); докучили твое госьцики, што ў субботу *прыезжаючы*, шло ў нядзельку *незъезжаючы* (Шейн Мат. I т. II ч. № 17); цар, *ня иня́ўши* яму веры, посылае ён вернейшого свойго слугу (Шейн Мат. II, 16 Игум.); вуоўк *ня е́ўшы*, як мужы́к *нагарэ́ўшы*: што ўви́дзя, тоя трэба (Ляцк. Посл. 6 Борис.); надае́сьць: ле́там варо́ты *запира́ючы*, а зимо́й нос *ущира́ючы* (ib. 22); mụ̀j synoczäk! jenò zakuri̯eło iduczy̆ (Федер. I, 114 Порозов.).

Многие из рассмотренных глаголов, при которых стоят неизменяемые причастия в качестве пояснений, уже не могут быть рассматриваемы как связки, даже с сильно развитым материальным значением — они вполне самостоятельные сказуемые. Если при таких глаголах вместо деепричастий поставить verbum finitum, то оно не будет в подчинении к главному глаголу, напр. прише[ъ] кнзь Михаило станет = пришел князь Михайло и стал. Со временем однако всякая связь неизменяемых причастий с подлежащим и даже с глаголом-сказуемым утратилась, вследствие чего деепричастия могли употребляться и при разных подлежащих. В примере «то *оу́слы́шавъ* цр̃ь *видѣласѧ* е́му та ре̂ ро́гава и̂ нейс'тин'на» (68 Сб. XVI в. Крас.) имеем смешанный оборот; довольно естественными кажутся такие обороты в безличных выражениях, напр.: *боючися* вовка и в лес *не ходзи́ць* (Нос. Посл. 8); но совершенно странными они кажутся в таких оборотах: *прослужыўшы* двацаць пяць лет, яго *выбили* (Шейн Мат. II, 409 Горецк.); под стол *вылиўши*, муж *будзиць браниць* (Розенф. 6 Вилейск.) и т. п. Подробнее о деепричастиях, как пояснении сказуемого наравне с наречиями и именами с предлогами, будем говорить в другом месте.

Нам следует еще вернуться к выражению составного сказуемого при посредстве существительного и прилагательного. Будучи частью составного сказуемого, эти части речи обыкновенно ставятся в именительном падеже. Однакоже многие живые славянские языки, в том числе русский и белорусский, допускают в этом случае не только второй именительный, но и творительный сказуемого[1]. В русском и белорусском языках творительный вместо именительного бывает в настоящем времени после связки не с отвлеченным значением, а имеющей некоторое материальное содержание, в будущем же и в прошедшем времени и после *єсмь* — *быти*; в старых памятниках, под польским влиянием, нередко творительный и при связке *есмь* в настоящем времени, причем она обыкновенно опускается. Приведем несколько примеров: сталъ бы в них *королемь* (136 Увар.); кнзь Витовть *гдр̃мь* сталь на Литовьской земли (45б ib.); *чемъ* бы[ъ] была (83 Библ. кн.

[1] Очень подробное и обстоятельное изложение этого отдела у Ягича (49—56), Овсянико-Куликовского (Синтаксис, 154—175) и у Потебни (I—II[2], 493—535).

XVI в. Вил. № 262); ста҃сѧ г҃ь оу҃те҃кѹ (полонизм ucieczką вм. оу-ою) оу҃богѡмѹ (12б Псалт. XVI в.); ѡ҃ самъ ста҃сѧ мнѣ *збав҃ее́мъ* (117б ib.); абы сѧ не стали *народо*м *злы*м (64б Псалт. XVII в.); ста҃сѧ есть *посмѣвишко*м (90 ib.); повѣдалася бы *сестрою* авраму (7 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); мой сын зрабиўся вельми *разу́мным*; хлопец стаў *здаро́вым*; хто ня выходзиць на Купалу — нихай ляжиць *колодою*; яго дзетки *цильпучка́ми; кориньками* яловыми (Зап. V, 426 Лепп.); коли я была *дзеўкою* (Никиф. Част. 1636 Вилейск.); *нисчасливой* уродзилась — *нисчастливой* и помру (ib. 962 Полоцк.); мне ни *старостом* садзицца (ib. 841); бі҃ѳ҃дны *бі҃ѳ҃дным* так и астаўса (Сержп. 22 Слуцк.). В живой белорусской речи в подобном употреблении возможен и именительный падеж: ну, чим жа цябе зваць? — А мяне зваць *Савочка* (Ром. IV, 209 Клим.); пойдем, братя, в чисто поле, обернемся мы травою: ты, братынька, *синий цвет*, я, сястрица, *желтый цвет* [Зап. V, 430 Сураж. (Велиж.)]; ю҃он наси́лу *жывы́* вы́рваўса (Сержп. 185 Мозыр.); яго дражнящь *даўбешка*, *дурань* я быў (Бобр.); ён быў *малы́й* и *дурны́й*, суседа́ стаў *бага́тый* и т. д. Когда при настоящем времени *есмь* встречается творительный, тогда мы несомненно имеем дело с полонизмом, напр.: хто҃ на*м* *пано*м є҃ (15 Псалт. XVI в.), *высвобож҃ее҃мъ* х҃а своєго є҃сть (29 ib.); *помо҃нико*м и *ѡборо҃цею* и*м* есть (115б ib.); справе*д*ливо твоа҃ є҃ *справе*д*ливо҃ю* (124 ib.); ѡборо҃цею и*х* есть (3б Псалт. XVII в.); есть б҃го*м* моимъ (19 ib.); ѡ҃нъ есть пано*м* твои*м* (23б ib.); есте҃ *надѣею* моею (46б ib.); ты еси ѡцъ, б҃тъ и *ѡборо҃цею* (88 ib.); которие сѧ справу́ю҃ су҃ *розѹ*м*ными* (124б ib.); г҃дъ есть *заслоною* твоею стоячи по право҃ рѹцѣ твое҃ (146б ib.); чаму гэто панбчик: пан — па́ным, а мужик — *ха́мым* (Шейн Мат. II, 163 Борис.); кавальчу́к *кавальчука́м* ... мужы́к *мужыка́м* (Сержп. 120 Слуцк.); *малайца́м* маладзи́ца, ду́мае каваль (ib. 111 Мозыр.).

Из приведенных примеров можно видеть также, что коль скоро глагол получает вполне конкретное содержание, то творительный падеж при нем уже служит обстоятельственным словом, являющимся простым пояснением глагола-сказуемого [«ляжиць *колодою*» так же сказано, как и в следующем месте: «кого нету на вулицы — положь его *колодою*, дзеток его *цильпучками*, лянок его *травицею*» (Зап. V, 426—427)]. Словом, по мере того, как увеличивается конкретность настоящей или мнимой связки в составном сказуемом, чаще и чаще появляются формы творительного вместо ожидаемого именительного. Отсюда само собой вытекает и то, как следует смотреть на творительный в составном сказуемом. Раз установлен принцип, что с формальной точки зрения подлежащим и сказуемым могут быть только именительные падежи, то и здесь на творительный следут смотреть не как на часть сказуемого, а как на пояснение глагольного сказуемого в роли ли обстоятельственного слова или дополнения. Такое понимание оправдывается уже и тем, что связка при этом творительном бывает не с чисто отвлеченным содержанием. Значит, бывшая связка

должна быть рассматриваема при творительном предикативном как настоящее сказуемое.

6. В заключение рассмотрения отдела о составном сказуемом мы должны отметить те случаи, когда в роли сказуемого с находящейся налицо или подразумеваемой связкой выступают разные наречные выражения, развившиеся большей частью из имени с предлогом. Таковы, например, случаи: болѣ *не надобъ* Якыму Тѣшята ни Тѣшятѣ Якымъ (Л. 15 гр. 1266 г.), где *надобъ*, сократившись, дало со временем *надо*, похожее на средний род прилагательного: мне не *надо* ты (черт) (Ром. IV, 53 Гор.); мне твоя плата не *нада* и служба не нада (Ром. III, 130 Клим.); которие сѹ *правого сѣ҃ца* (7 Псалт. XVII в.), где genet. qualitatis стоит на месте прилагательного *правые*; и хорош, и пригож — *високаго росту* (Никиф. Част. 862 Полоцк.); ён и гидок, ен и брыдок и *низкаго росту* (ib. 1196); гэто *праўды* было? ти гэтож *праўды*, каб щупак до хвоины прылип? (Шейн Мат. II, 186, 187 Новогр.) (где родительный падеж вместо именительного *праўда*, как бы в зависимости от глагола *было* в смысле «касалось»); кр҃тноѣ цѣлованьѣ с мене *доловъ* (211 Лет. Авр. XV в.); роса с травушки *долоў* — я к милашички *домоў* (Никиф. Част. 416 Дриссен.); мядзьведзь ... з дуба *долов*, ды якраз на вовка (Ром. III, 17 Сенн.); етый вовк от их на *ўходало* ударив, пошов от их уцекаць (ib. 37 Клим.) (где можно было обойтись и без *ударив*); (коваль) отрэзаў руку, да скорэй *на уходалá* (Шейн Мат. II, 154 Игум.); вошерь *на уходала* — с мосту на груд (ib. 258 Витебск.); схвациўся и *науцеки* (ib. 22 Бобр.); тые жиды *наўцекачи* (ib. 131 Новогр.); a sam ucieki (Федер. I, 21 Шидловцы); adrụoksie... i *ucieki* (ib. 49 Суховоля); ён на кобанца *вéрхи* (Шейн Мат. II, 3 Гомельск.); заяц як удариўся — дый *до горы ногами*, ямý там и капут (ib. 9 Витебск.); одзин *с сошкою*, а семеро *з ложкою* (Нос. Посл. 118); сонца *за лес*, крикса *на лес*, а дзицяцю спаць (Ром. IV, 32 Витебск.); *на чорта* тэя грибы! (Ром. III, 83); мне богатый ни *ў нораў* (Никиф. Част. 270); мне, молодому, да дзеўча *на ўме*, (ib. 2148 Новогр.); paznàụszy, szto píwo *ni pieraliụki* (что ничего не поделаешь) (Федер. II, 179 Свислочь) и т. п.

Во всех приведенных примерах и им подобных связка имеет слишком формальное значение, вследствие чего присутствие ее, даже скрытое, совершенно не чувствуется; с другой стороны, признак, заключенный в именах или наречных выражениях, присоединяемых к подлежащему, выступает очень рельефно. Вследствие ослабления предикативности в подобных предложениях затруднительно рассматривать отмеченные нами части составных сказуемых как пояснение подразумеваемого глагольного сказуемого в качестве обстоятельственных слов, дополнений и т. п. Тут не может быть речи об эволюции предложения в направлении убыли именных частей сказуемого, как выражается Овсянико-Куликовский (Синтаксис, 168), прибыли его глагольности и умножения несогласуемых частей на счет согласуемых, результатом чего явилась возможность замены прилагательного в сказуемом наре-

XVI в. Вил. № 262); ста҃сѧ г҃ь оу҃тє҃кѹ (полонизм ucieczką вм. оу-ою) оу҃богомѹ (12б Псалт. XVI в.); ѡ҃ самъ ста҃сѧ мнѣ *збавѣ́емъ* (117б ib.); абы сѧ не стали *народо*ᵐ *злы*ᵐ (64б Псалт. XVII в.); ста҃ѕѧ есть *посмѣвишко*ᵐ (90 ib.); повѣдалаѕѧ бы҃ *сестрою* авраааму (7 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); мой сын зрабиўся вельми *разу́мным*; хлопец стаў *здаро́вым*; хто ня выходзиць на Купалу — нихай ляжиць *колодою*; яго дзетки *цильпучка́ми; кориньками* яловыми (Зап. V, 426 Лепп.); коли я была *дзеўкою* (Никиф. Част. 1636 Вилейск.); *нисчасливой* уродзилась — *нисчастливой* и помру (ib. 962 Полоцк.); мне ни *старостом* садзицца (ib. 841); бі҃ѕ҃дны *бі҃ѕ҃дным* так и астаўса (Сержп. 22 Слуцк.). В живой белорусской речи в подобном употреблении возможен и именительный падеж: ну, чим жа цябе зваць? — А мяне зваць *Савочка* (Ром. IV, 209 Клим.); пойдем, братя, в чисто поле, обернемся мы травою: ты, братынька, *синий цвет*, я, сястрица, *желтый цвет* [Зап. V, 430 Сураж. (Велиж.)]; ю҃он наси́лу *жывы́* вы́рваўса (Сержп. 185 Мозыр.); яго дражняць *даўбешка*, *дурань* я быў (Бобр.); ён быў *малы́й* и *дурны́й*, сусе́д стаў *бага́тый* и т. д. Когда при настоящем времени *есмь* встречается творительный, тогда мы несомненно имеем дело с полонизмом, напр.: хто҅ ж҅ наᵐ *пано*ᵐ є҃ (15 Псалт. XVI в.), *высвобож҅ѣ́мъ* х҃а своєго є҃сть (29 ib.); *помо҃нико*ᵐ и *ѡборо҃́цею* иᵐ есть (115б ib.); справе҃ливо твоа҃ є҃ *справе҃ливо҃́ю* (124 ib.); ѡборо҃́цею иˣ есть (3б Псалт. XVII в.); есть б҃гоᵐ моимъ (19 ib.); ѡ҃нъ есть паноᵐ твоиᵐ (23б ib.); есте҃ *надѣею* моею (46б ib.); ты еси ѡцъ, б҃ъ и *ѡборо҃́цею* (88 ib.); которие сѧ справу́ю҃ сѹ҃ *розѹ*ᵐ*ными* (124б ib.); г҃дъ есть *заслоною* твоею стоячи по право҆ рѹ҃цѣ твое҆ (146б ib.); чаму гэто пано́чик: пан — па́ным, а мужик — *ха́мым* (Шейн Мат. II, 163 Борис.); кавальчу́к *кавальчуко́м* ... мужы́к *мужыко́м* (Сержп. 120 Слуцк.); *малайцо́м* маладзи́ца, ду́мае каваль (ib. 111 Мозыр.).

Из приведенных примеров можно видеть также, что коль скоро глагол получает вполне конкретное содержание, то творительный падеж при нем уже служит обстоятельственным словом, являющимся простым пояснением глагола-сказуемого [«ляжиць *колодою*» так же сказано, как и в следующем месте: «кого нету на вулицы — положь его *колодою*, дзеток его *цильпучками*, лянок его *травицею*» (Зап. V, 426—427)]. Словом, по мере того, как увеличивается конкретность настоящей или мнимой связки в составном сказуемом, чаще и чаще появляются формы творительного вместо ожидаемого именительного. Отсюда само собой вытекает и то, как следует смотреть на творительный в составном сказуемом. Раз установлен принцип, что с формальной точки зрения подлежащим и сказуемым могут быть только именительные падежи, то и здесь на творительный следут смотреть не как на часть сказуемого, а как на пояснение глагольного сказуемого в роли ли обстоятельственного слова или дополнения. Такое понимание оправдывается уже и тем, что связка при этом творительном бывает не с чисто отвлеченным содержанием. Значит, бывшая связка

должна быть рассматриваема при творительном предикативном как настоящее сказуемое.

6. В заключение рассмотрения отдела о составном сказуемом мы должны отметить те случаи, когда в роли сказуемого с находящейся налицо или подразумеваемой связкой выступают разные наречные выражения, развившиеся большей частью из имени с предлогом. Таковы, например, случаи: болѣ *не надобъ* Якыму Тѣшята ни Тѣшятѣ Якымъ (Л. 15 гр. 1266 г.), где *надобъ*, сократившись, дало со временем *нядо*, похожее на средний род прилагательного: мне не *надо* ты (черт) (Ром. IV, 53 Гор.); мне твоя плата не *нада* и служба не нада (Ром. III, 130 Клим.); которие сѹ̆ *правого сеⷬца* (7 Псалт. XVII в.), где genet. qualitatis стоит на месте прилагательного *правые*; и хорош, и пригож — *високаго росту* (Никиф. Част. 862 Полоцк.); ён и гидок, ен и брыдок и *низкаго росту* (ib. 1196); гэто *праўды* было? ти гэтож *праўды*, каб щупак до хвоины прылип? (Шейн Мат. II, 186, 187 Новогр.) (где родительный падеж вместо именительного *праўда*, как бы в зависимости от глагола *было* в смысле «касалось»); крⷭ̂тноⷮ цѣлованьѣ̂ с мене *доловъ* (211 Лет. Авр. XV в.); роса с травушки *долоў* — я к милашички *домоў* (Никиф. Част. 416 Дриссен.); мядзьведзь ... з дуба *долов*, ды якраз на вовка (Ром. III, 17 Сенн.); етый вовк от их на *ўходало* ударив, пошов от их уцекаць (ib. 37 Клим.) (где можно было обойтись и без *ударив*); (коваль) отрэзаў руку, да скорэй *на уходалá* (Шейн Мат. II, 154 Игум.); воперь *на уходала* — с мосту на груд (ib. 258 Витебск.); схвациўся и *науцеки* (ib. 22 Бобр.); тые жиды *наўцекачи* (ib. 131 Новогр.); a sam ucieki (Федер. I, 21 Шидловцы); adrụoksie... i *ucieki* (ib. 49 Суховоля); ён на кобанца *вéрхи* (Шейн Мат. II, 3 Гомельск.); заяц як удариўся — дый *до горы ногами*, ямý там и капут (ib. 9 Витебск.); одзин *с сошкою*, а семеро *з ложкою* (Нос. Посл. 118); сонца *за лес*, крикса *на лес*, а дзицяцю спаць (Ром. IV, 32 Витебск.); *на чорта* тэя грибы! (Ром. III, 83); мне богатый ни *ў нораў* (Никиф. Част. 270); мне, молодому, да дзеўча *на ўме*, (ib. 2148 Новогр.); paznàụszy, szto píwo *ni pieraliụki* (что ничего не поделаешь) (Федер. II, 179 Свислочь) и т. п.

Во всех приведенных примерах и им подобных связка имеет слишком формальное значение, вследствие чего присутствие ее, даже скрытое, совершенно не чувствуется; с другой стороны, признак, заключенный в именах или наречных выражениях, присоединяемых к подлежащему, выступает очень рельефно. Вследствие ослабления предикативности в подобных предложениях затруднительно рассматривать отмеченные нами части составных сказуемых как пояснение подразумеваемого глагольного сказуемого в качестве обстоятельственных слов, дополнений и т. п. Тут не может быть речи об эволюции предложения в направлении убыли именных частей сказуемого, как выражается Овсянико-Куликовский (Синтаксис, 168), прибыли его глагольности и умножения несогласуемых частей на счет согласуемых, результатом чего явилась возможность замены прилагательного в сказуемом наре-

чием, потому что здесь и глагола совсем нет, да и нелегко подразумевать что-нибудь вполне определенное. Другое дело такие обороты, как: *затрудне* êсми стá (10 Псалт. XVI в.) (утомлен); *добрe* меецца ён (Нов. Сл. 297); одна вишнинка *високо*, а другая — *низко*: одна милая — *далеко*, а другая — *близко* (Никиф. Част. 280). Усиление предикативности усмотрим и в оборотах с *треба* — *требо* (ср. стр. 354—355), вроде: як я *треба* табе буду (Ром. VI, 29 Черик.); гэто, дзя́дюхно, мущынам *трэбо* (Мат. Б. № 21 Слуцк.); мне твае грошы́ ни на́да, ни *трэба*; мне то *трэба б* были грошы, але кали нима, дак ужэ так и быць: пачака́ю (Бобр.); обстоятельственным словом является наречное выражение, например, в следующем случае: пошоў Янка к суседзям *ў пазыки* (Шейн Мат. II, 377 Борис.).

Возможность составного сказуемого основывается на том принципе, что некоторые глаголы сами по себе не в состоянии выразить тот признак, который необходимо приписать предмету, как возникающий от него. Этот признак, как мы видели, выражается именем (существительным, прилагательным, причастием) и местоимением, иногда даже неизменяемой частью речи. Но иногда и таких способов выражения сказуемого оказывается недостаточным: приходится к личной глагольной форме еще прибавить неопределенное; получается, таким образом, как бы сложное сказуемое, напр.: я хочу́ е́сци; ма́ци лягла́ спа́ци и т. д.[1] Хотя неопределенное по своему происхождению и есть отглагольное имя, однако постоянная связь его с личными формами со временем так тесно приурочила его к глаголу, что оно стало чувствоваться только в отношении его к лицу, т. е. вполне оглаголилось, стало глагольной формой, вошедшей в тесную связь с другими образованиями. Само по себе оно не обозначает ни одного лица, но, находясь при личной форме, может относиться ко всем лицам, даже к неопределенным. Вследствие того, что неопределенное тесно примкнуло к глаголу, оно вполне естественно может входить в состав сказуемого, а иногда даже и выражать сказуемое. Тут можем провести полную параллель с составным сказуемым.

Так, 1) неопределенное стоит при сказуемых с слишком ослабленным значением, при которых в старину стояли, между прочим, и причастия, напр.: переста́ў *крыча́ць*; пача́ў *рабі́ць*, сеў *вучы́ца* и т. д.; ме́вся *прие́хаць*, ме́лиси *быць* ў госцёх (Мат. Б. № 18 Витебск.); ма́ю *робиць*; ма́иць *иці́ць* к суседу; мав *купі́ць* (ib.); мевся *прици* скоро (Нос. Сл. 297); стали *любиць* лепей ек старшу (Шейн Мат. II, 61 Слоним.); стаў той бобок *росьци* (ib. 283 Слуцк.); стала ложки *домываць* — пошла мила *цаловаць* (Никиф. Част. 333); а ничиго нам на дзевок *дзиваваць*, коли пошли стары бабы *гизоваць* (ib. 2019 Бобр.);

---

[1] Подробно этот вопрос рассмотрен у Овсянико-Куликовского (Синтаксис, 85—95) и у Потебни (I—II², 351—382).

я кочана *поливаць* (подраз. *стала*) — кочан мине *цаловаць* (ib. 397 Дриссен.); почаⷭ *дрыжати* и троухлеⷭ быти (5 Сб. XV в. Публ. б. № 391); етый вовк ... пошов от их *уцекаць* (Ром. III, 37 Клим.) и т. д. Некоторые из таких глаголов имеют вполне знаменательное значение, но здесь при неопределенном они употребляются довольно формально.

2) Неопределенное стоит при сказуемых с значением вполне знаменательным, но эти сказуемые сами по себе не в состоянии вполне выразить того, что требуется. Неопределенное тут относится, как и в предыдущем случае, к лицу подлежащего, но может быть отнесено и к лицу дополнения, если последнее имеется, напр.: и даⷭ ѣсь ему роⷭкоренити (73б Псалт. XVII в.); тыѣ розыи̑дѫ̀ сѧ *єсти* (58б Псалт. XVI в.); баю́ся ў ле́си *заблудзицца*; паслаў жо́нку *купи́ць* хле́ба; пашли *глядзе́ць* дзи́ва; в последних двух случаях неопределенное на месте старинного достигательного. Сюда же относятся и такие безличные обороты, как: дось им *хотетца* яблок (Ром. III, 128 Клим.); дось им *спаць* хотетца (ib.); *блѫ̀дити* оу'чиниⷭ ихъ в мѫ̀рованьи (Пс. 106.40 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262).

В обоих рассмотренных пунктах неопределенное вместе с личной формой составляет как бы составное сказуемое, так как вместе они точнее обозначают признак, приписываемый подлежащему.

Но есть еще 3) случаи, когда неопределенное находится в более отдаленном отношении к личному глаголу; в этом последнем случае неопределенное уже не часть составного сказуемого, а род добавочного сказуемого. В элементарных грамматиках оно обыкновенно называется дополнением и отчасти может быть заменяемо существительным. Однако оно не совпадает с дополнением и существительным, так как отношение последнего к глаголу выражается падежными окончаниями, а их-то и не имеет неопределенное, напр.: занимався ён *ткаць* ряшоты (Ром. IV, 198 Клим.); учыла яго матка *хрисци́ицися*; не привучай дзецёнка *вгаць* (Нос. Сл. 498); матка привучила сына *балова́цьца* (ib.).

Иногда второстепенное сказуемое употребляется и совершенно независимо от главного глагола, но и в этом случае оно усиливает главное сказуемое; в такой роли оно всегда предшествует главному глаголу, напр: *глядзе́ць* глядзе́ў а хварóбу видзиу (Ляцк. Посл. 7 Борис.); *дава́ць* давали, ды с кишани ни выма́ли (ib. 9); *купи́ць* бы купиў, але таго́ купи́дла нима́ (ib. 18); *знаць* не знаю, *ве́даць* не ве́даю; *моло́ць* то ён мало́ў, да муки нима́.

Неопределенное, входящее в сложное сказуемое, а также являющееся второстепенным сказуемым, может присоединяться и не к глаголу, а к прилагательному и даже имени, входящим в составное сказуемое, напр.: щедротли ѡ҃чⷭ*тити* грехи иˣ (80б Псалт. VI в.); рада *ўста́ци* к свайму дзицяци (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); яки́й ты гара́здый *ехаць*; ён гато́ў *жани́ица*; я, чумак, *пить* горелку казак (Ром.); ён *гуляці* маладзец (Белар. Календар. 1912 г., 9); невóля тут *иці*;

невóля тобе говорúць з им (Нос. Сл. 329); наша поля кымянисто — *ни прсехыць, ни пройдиць* (Никиф. Част. 92) и т. д.

ПРОСТОЕ СКАЗУЕМОЕ

Из всего раньше сказанного можно видеть, что в белорусском языке, как и в других восточнославянских языках, типичным сказуемым является глагольное: оно нагляднее всего выражает признак, возникающий от предмета или являющийся результатом его деятельности. В белорусском, как и в украинском языке (ср. Ogonowski, Studien, 172), да и в народной русской речи, эта деятельность имени часто выражается глаголом одного с ним корня, напр.: да ўжо вечер *вечерéе* (Зап. V, 472); гром *грымúць*; звань *звóняць* и под. Для бóльшей выразительности сказуемого, оно иногда выражается двумя синонимичными словами: *пацяклí — паплылí* за гадамі гады (Я. Купала); *падхапілí — ўзялí* гусляра-старыка, *плявлí — паняслí* на загубу (Я. Купала).

Славянский глагол-сказуемое имеет а) лица, б) числа, в) времена, г) наклонения, д) залоги и е) виды.

Особенности в употреблении лиц

Изменение по лицам — существенная особенность глагола. Лицо определяется подлежащим, выраженным особым словом или подразумеваемым: буду цябе сечь-рубаць (Ром. V, 145 Мстисл.); так люди ꙗко и звѣрꙗта заховываеⷨ гди (5 Псалт. XVII в.); ўбогая ... расказуя еты словы (Ром. III, 156 Рогач.); ен, бваець, вырветца ў цябе (ib. 31 Сенн.); один гвóздя по голови (Ром. IV, 17 Гомельск.); слáд'ко бⷭди éмⷭ молвенїе моѐ (пс. 103.$_{34}$ Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) (3-е лицо повел.); ня то мы могóм (Ром. III, 229 Рогач.); (вы) которие естé хлѣб (149б Псалт. XVII в.); kalosa tarachciàć (Федер. I, 152); каць ты лю (кажуць тыя людзи) (Мат. Б. № 11 Новоалекс.). Таких лиц оказывается три в единственном числе и во множественном числе. Но если принять в расчет еще безличные выражения, как «айдзѣ пьюць, тамъ и ллюць» (Нос. Посл. 2); «приведⷭ з нею до тебе панеⷦки товаришки еи» (23б Псалт. XVII в.) и под. (ср. безличные предложения), то могло бы оказаться еще 4-е лицо неопределенное и даже мнимое (*светае*). Впрочем, допущение таких лиц возможно только по смыслу, но не с формальной точки зрения, а эта последняя нами только и допускается. Таким образом, все же остается только по три лица в единственном и множественном числах.

Личные окончания соответствуют подлежащему (лицу говорящему, к которому обращена речь и о котором говорят). Когда в древнерусском формы имперфекта и аориста перестали быть живым явлением, то нередко допускались отступления в согласовании; то же наблюдается и в старинных западнорусских произведениях, знающих эти формы (ср. Белорусы 2, 291—292): кнзь Свꙗцьславль Смоленьскии советь

сотвориша со кн҃земь Анⱑреємъ (15 Увар.); неприятели *обогатишесѧ* (Пл. 3б Скор. XVI в.) и т. п. Иногда даже и в описательных временах как будто замечается непоследовательность в согласовании: ты *бѫдешь* бл҃гви҃ праведⱑника и — защити҃ *е҃сть* на҃ (10 Псалт. XVI в.). То же наблюдается в живом белорусском языке при *нема*, *немаш*, представляющих формы 3-го и 2-го лица (ср. Белорусы 2, 77), которые употребляются безразлично в бессубъектных предложениях [а иногда и в личных (?)]: нема семяно́ (Ром. IV, 180 Гомельск.) в смысле «нет». Если подлежащее обнимает различные лица, то сказуемое ставится, как и в литературной русской речи, во множественном числе, а лицо бывает преимущественное: а ни я, а ни ты ня *ўмеямо* работы (Никиф. Част. 2152 Новогр.); твой ба́цько и я гэ́то *ве́даем* даўно́; маци ваша и вы *застане́цеся* сиротами и т. п.

Отступление относительно согласования в лице представляет лишь форма *ёсь*, *ёсць*, которая, как мы видели (стр. 352) в современной речи может употребляться при разных лицах: я *ёсь* адзин у доми (Ром. VI, 42 Черик.); ня *ёсь ты* силён (ib. 315 Город.); виджу, што *вы есць* сильно магущи багатыри и защитники города (Дмитр. П. и Ск. Гродн. 167 Новогр.). Иногда в разговорной речи, когда местоимение личное *ты* заменяется словом *пан*, может быть употреблено 3-е лицо вместо 2-го: што пан ка́же (как и в украинском) (ср. Miklosich, Synt.[2], 764).

Если лицо говорящее, передавая чужую мысль, желает подчеркнуть, что она не его, а другого лица, то употребляются особые глагольные частицы, развившиеся из 3-го лица: в старинных памятниках *дей*, а в современной живой речи *дзе*, *каже*, напр.: коли *дей* имете е҃ г҃ части будете *дей* ка҃ бози (23 Четья 1489 г.); не тво́е *дей* господарю де́ло (64б Катих. 1562 г.); я *дзе* напе́ред гэто знав (Нос. Сл. 132); я *ка́же* даўвно гэ́то ве́даў. — Частицы эти могут быть присоединены ко всем лицам.

Особенности в употреблении числа

Что касается числа, в котором ставится личная глагольная форма, то оно определяется тоже подлежащим: Свтосла҃в Киⷮе҃ск҃и а Леⷮ Володи҃мⷬрскїи а Дмиⷮреⷮ҃и Дрюцкы҃и ... пошли проти҃в велико҃г кн҃зѧ (70—70б Крас.); кнѧ҃з великый Кѷковоити ... вчинилъ болвана (ib. 69б); ти иость у тябе табака? ни батька мой ни куриў, ни дед ни куриў — уси мае сродычи ни курили (Добров. Смол. этн. сб. I, 26).

При подлежащем в двойственном числе в современном белорусском языке, да и в старом западнорусском, сказуемое обыкновенно ставится в единственном числе или во множественном: жо҃ⷰцѣ двѣ *хо҃ⷬми* покладыва҃ⷮ кн҃зѧ (444 Вил. 94 Супр.); *było* dźwie chaci (Федер. I, 4, Дворец); дзве маги́лы *ляжы́ць*, два дубы́ *стаи́ць* (Раст. 123); форма двойственного числа глагола изредка попадается лишь в старейших произведениях: *молчала еста* оба (Житие Алекс. Влад. 262).

При подлежащем, выраженном именем собирательным, сказуемое в старинных памятниках, как мы об этом уже имели случай говорить

(стр. 359), обыкновенно ставилось во множественном числе, особенно, когда имелись в виду одушевленные предметы, но и при неодушевленных, напр.: тобе годиⁿсѧ быти, брате кнзе^{м} велики^{м} на Виⁿни. а ты^{и} ме^{жи} нами *стаⁿшаа браⁿа* с тобою за ѡⁿно *живѹ*^{т} [60 Археол. (ПСРЛ т. XVII, 264)]; *вспеваите* гви всѧ земла (97 Псалт. XVI в.); всѧ земла *завспеваи*^{и}*те* (98б ib.); сема и҃ ѩковово *высла*^{ѣ}*те* (24 ib.); *боудѹ*^{т} сѧ радовати все дере^{ѣ}е дѹбровноѥ (97 ib.); доме и҃мъ *блвте* (132 ib.); нехаи́ *блвать* всако тело и҃ма сто́е є҃ (139 ib.); дере^{ѣ}е которо́е *чините* пло^{х} (141б ib.); *спѣва*^{и}*те* гду вся земла (88б Псалт. XVII в.); *заспѣва*^{и}*те*^{и} — всѧкаѧ зе^{м}ле (101б ib.); на́родъ израи^{л}ски^{и} *блвѣте* гда (155б ib.). В современной речи подобные обороты довольно редки: хай нас волость *разбярути* (Ром. IV, 107 Гомельск.).

Отчасти под влиянием церковнославянских оригиналов, отражающих на себе в известных случаях особенности греческого синтаксиса, отчасти по недосмотру писцов изредка встречаются случаи употребления сказуемого в единственном числе при подлежащем во множественном, напр.: всѧ съзжѣ́ѧ тѹчна бѹдь (21б Псалт. XVI в.) [**вьсесъжагаѥма твоѣ тоуѵъна бѫдѫ** (Син. пс. 19. 4)]; *боудет*^{ъ}сѧ блгви^{т} ѡ҃ немь всѧко колѣна земнаа҃ (72б ib.); *вкинѹли* мѧ є҃ в ровъ (84б Псалт. XVII в.).

Относительно *ёсь*, *ёсць* в современном языке мы уже говорили, что оно ставится и при множественном числе: ёсць зубы, да хлеба нема до губы (Нос. Посл. 40); *ёсць* тут Бог, бацька, матка, суседзи близкие и дальние, мужи статэчные, бабки запечные, дзетки заплечные: благословице красной невесце коровай учиниць (ib. 41); дак я ку, што ведзьмары́ *е* ў куождум селі҃ (Сержп. 48 Слуцк.).

Некоторые отступления от выставленных положений в современном белорусском языке и отчасти в старом западнорусском представляют следующие явления: а) Употребление сказуемого в единственном числе при многих подлежащих в том случае, если сказуемое предшествует подлежащим; согласование здесь может быть с ближайшим подлежащим: *о҃зоба҃* вепръ ѡ҃ лѹга и҃ и҃нокъ дикий (83б Псалт. XVI в.); *ви́дзиць* Бог и лю́дзи, *жив* сабе дедка да бабка (Ром. III, 23 Гомельск.); *висиць* шапка с пояском, рукавицы со кольцом и бутыличка с винцом (Никиф. Част. 892 Полоцк.); *пришла* ведзьма з вороньнём, с крюччом (Ром. III, 268 Сенн.). Сюда относится и единственное число при числительных, если глагол предшествует ему: *raścié* sześć dubè (Федер. II, 83 Суховоля); *idzrié* dwanàccać razbǫ̀jnikoǫ i pytàjuć (ib. 55 Шидловцы); но здесь возможно и множественное число: *стоянь* две красавицы (Никиф. Част. 217); *выбега́ющь* зза кустуоў двананцаць разбоўйникаў (Сержп. 13 Слуцк.). Сказуемое стоит в единственном числе вследствие смешения по фонетическим причинам единственного и множественного чисел имени существительного: ето ж во, де дявоцкия гулища е́ (Ром. IV, 9). б) При одном подлежащем сказуемое ставится во множественном числе, если к подлежащему присоединяется другое слово в творительном падеже с предлогом *съ* (которое легко заменяется име-

нительным с *и*), напр.: и *выстоупать* на бои кнзь великии — и(с) снмь своимь — противу Ѳкаила (7 Увар.); sam ꙗarajexaw da ꙗeršaj žonki i tam pa d'iśejšy deń s svaimi synami ž y v ù ć (Верига Pod. 45 Лидск.). Впрочем, множественное число здесь не обязательно: *жив быв* цар с царицей (Ром. III, 40 Сенн., 67); *жив* сабе дзед из бабой (ib. 92 Бых.); *жиў* дзед ис бабой (Никиф. Част. 1793 Диснен.); *ишоў* дзяк из дзячихой — знашли мех из грачихой (ib. 8) (ср. стр. 338). в) О множественном числе reverentiae (*стóйце*, пане дзяцьку, мая мама *паéхали*) мы уже говорили в другом месте (стр. 332). г) При подлежащем во множественном числе сказуемое, выраженное повелительным наклонением, может стоять и в единственном числе: *давай* уси уцекаць! (Ром. III, 17 Сенн.); *zdrastvuj* koni (Верига Pod. 30 Лидск.).

Особенности в употреблении времен

Глагольное сказуемое обозначает еще времена, т. е. отношение действия к моменту речи; иногда это отношение бывает мнимое. Таких времен в живом белорусском языке три, но в старинных памятниках отчасти вследствие влияния церковнославянского языка наблюдается отражение значительно большего числа времен. Некоторые утраченные времена восполняются теперь при содействии видов глагола.

Настоящее время обыкновенно обозначает действие или состояние, происходящее в момент речи. Но форма настоящего от глаголов вида совершенного уже в старину употреблялась для означения будущего действия; отсюда естественно было смешение настоящего и будущего. Далее, некоторые действия и состояния, происходящие в данный момент речи, происходили так и прежде и будут происходить, т. е. обозначают явления постоянные. Бывают случаи, что и прошедшее действие мы так живо передаем, как если бы оно совершалось перед нашими глазами. Вследствие сказанного в употреблении настоящего времени можно отметить следующие особенности:

а) Настоящее употребляется для означения действия продолжающегося, начавшегося не в момент речи и еще не окончившегося; особенно это следует сказать относительно глаголов вида многократного: ꙗ крови нигды *непꙋщаю* бо вто^{м} здоровїѧ *поꙁ'бавлꙗю* (68б Тайна Тайных XVI в.); хто да бóга *удаéтца*, таму й бу͡ог даець (Ляцк. Посл. 55 Борис.); хто *миня́я*, таго хамут *гуля́я* (ib.) и т. д. Для усиления глагольного действия, как и в украинском языке (Ogonowski, Studien, 197), иногда допускается повторение глагольной формы, обыкновенно 3-го лица, причем перед второю бывает еще приставка: *кляне́ — праклина́е*, *хва́лиць — выхваля́е*.

б) Настоящее употребляется вместо будущего; таких случаев в белорусском языке, однако, очень мало и происхождения они общерусского: *дам*, *куплю́*, *ся́ду*, *ки́ну*, *жаню́* (употребляется и в смысле настоящего и будущего времени), *ро͡джу́* (тоже), напр.: *дам* хлеба, скокни до неба (Нос. Посл. 32); купиць *куплю́*, але табе́ не дам; наўпе́рад *ко́нчим*

работу; ў мясаéд *жаню́* свайгó сы́на; у горбдзи ячмень *родзиць* (Никиф. Част. 683 Лепп.) и т. д. Вообще же в современном языке, начало чему было положено и в древнем, глаголы вида совершенного, как бы они ни были образованы, формой настоящего обозначают будущее время.

в) Настоящее время употребляется вместо прошедшего для придания рассказу живости (praesens historicum, мнимое настоящее): *идуць* яны, *идуць*, ажно им на дорозе дзярявушка попалася (Зап. V, 710 Витебск.); як итци — дык итци... аж *бачу* (шел я, шел, вижу) (Шейн Мат. II, 244—245 Борис.); вот яны як ицицъ, дак ицицъ, як ицицъ, дак ицицъ дорогою — *находзюць* купецкого сына палку (Ром. III, 122 Клим.); ен яе́ (кобылу) як ве́сци, дак ве́сци, як ве́сци, дак ве́сци — *обнимая* яго цёмная ночь (ib. 134—135 Бых.); ици яму, ици, — *выходзя* на поляну (ib. 271); ехать дак ехать, тогды *обнимая* их ночь (Ром. VI, 10 Гомельск.); ити дак ити, ити дак ити — *обнимаетъ* яго тёмная ночь (ib. 191 Черик.); як бехчи, дык бехчи, як бехчи, дык бехчи — *прибегаетъ* ён к мору (ib. 238 Сенн.); пошли ў свет. Идзи, идзи — *стоиць* хатка на куриных ножках (Ром. III, 45 Сенн.); села баба на яйцы и *сядзиць* (ib. 239); идзи, идзи — и *приходзиць* к огнянэй раце (ib. 339 Сенн.); як бяжи яны, бяжи, *прибегаюць* яны к рыбаку (ib. 349); едзь яны, едзь — *стоиць* криница (Ром. IV, 150 Сенн.); бяжи яны, бяжи, *бягутъ* и *валютца*, сонца *жа́ритъ*, сон *клонитъ* (Ром. VI, 269 Городок.). Во всех подобных случаях настоящее употребляется для живости речи; вместо него возможно и прошедшее: идзи, идзи — *пришли* к огняному мору (Ром. III, 46 Сенн.); сядзи, сядзи баба, *исседзилася* на ложку (ib. 239). Большинство приведенных примеров замечательно еще и потому, что в них повторяемость прошедшего действия, предшествующего данному, изображенному для живости настоящим, выражается повторением неопределенного или повелительного, о чем речь после, в отделе о наклонениях. Употребление настоящего вместо прошедшего для выражения живости действия составляет особенность живых славянских языков: древнецерковнославянскому она не была известна. В белорусском языке эта черта очень распространена и известна была старому западнорусскому языку, в котором, как увидим ниже, с тою же целью особенно часто употреблялась форма настоящего вида совершенного, т. е. будущее время.

К настоящему отделу примыкает и такое употребление (вообще восточнославянское); как «мы бывало гуляем, пяём»..., где при настоящем еще форма прошедшего *бывало* для обозначения как бы продолжающегося действия.

Будущего времени мы уже отчасти касались. Выражается оно, кроме формы настоящего времени глаголов вида совершенного [ѡто девка *по͡не͡* и *породи͡* сн̄а (41 Сб. XV в. Публ. б. № 391]; еще описательно, о чем была речь в морфологии (ср. Белорусы 2, 289—291), при посредстве *иму — маю*, *хочу* и *буду*. Из приведенных глаголов вполне формальным характером в современной речи отличаются

только *буду* и *иму*, остальные же два (*маю* и *хочу*, а также взятое из польского *мушу*) придают образованному при посредстве их будущему особый оттенок: обязательности и желания. Примеры: боу̑деⁱ оучити (57 Сб. XVI в. Крас.); таки хлопец маниць ня будзя, ище мал (Шейн Мат. II, 253 Минск.); и́меть чюжагò именїа жадати (616 Тайна Тайных XVI в.); хвали́циму (Мат. Б. № 17 Речицк.); ludzi miercimuć (Федер. I, 8); маеть он дань давати (гр. 1492 г.); як маю докучаць, дак и сам зраблю (Мат. Б. № 7 Минск.); за што яе маю биць (Никиф. Част. 1935 Ошм.); за штош яе мушу биць (ib. 2141 Минск.); што ми хочете дати (1 Сб. XVI в. Публ. б. № 391); што хо́чеш рабѝць?

Будущее время глаголов вида совершенного в старинных западнорусских летописях очень часто употребляется для выражения прошедшего действия, когда требуется живо и наглядно представить его совершение. В этом случае, значит, находим то же употребление форм настоящего, о чем мы говорили раньше, только вида совершенного. Когда не требуется подчеркнуть указанный оттенок, употребляется в тех же памятниках или старинный аорист, или же perfectum; впрочем, и в первом случае аорист также очень распространен и нередко чередуется с настоящим вида совершенного; мало того, нередко в тех случаях, где в одних списках аорист, в других те же формы, только с окончанием настоящего времени (*поиде — поидеть* и т. п.) и наоборот. Нам кажется, что часто старинные формы аориста пишущему представлялись настоящими временами вида совершенного, только не имеющими личных окончаний, что в разных старинных памятниках, как и в современных говорах, дело обычное. Приведем примеры: поидоша кнази роускы и на половци. и *поможеть* и̑мъ бъ (56 Лет. Авр. XV в.); баше бо тогда знамение сице см҃ртноє. *хражеть* чл҃къ кровью три дн҃и бывъ да *умреть* (105 ib.); и кнаⁿ великыи Кестоутїи. сн҃а своєго и женꙋ свою въ Городнѣ *наеде*ⁱ. и *пошлеть* єє к Берестью. надѣаса на кн҃за Ꙗнꙋша. Мазовецкого. зата своєго. а самъ поиде оу Жомоⁱти а сн҃а своєго великого кназа Витоⁿта. ѡстаꙗлъ ꙋ Городнѣ (442 Вил.); И кнаⁿ..., събраⁿ раⁱ поиде... напротивоу оц҃а... и *съимꙋть*ᶜ на Вельи, вышеи Ковна двѣ мили. и тоу *переⁿезѧть*ᶜ раⁱ и *поидоу*ⁱ к Троком. и пришеꙗши ѡстꙋпаⁱ Трокы. и *почнеть* великыи кнаⁿ Кестꙋтеи... (ib.); *почнеⁱ* дръжати (439б ib.); ѡᴴ жꙗа брата своєго, *посадиⁱ* єго за сторожею. а противꙋ брата своєго... *пошлеⁱ* гонца..., а брата своєго инаꙗ (ib. 438); и *стретиⁱ* єго гонець оу Кревѣ. и кнаⁿ великыи Ꙋлькгирдъ борздѣи *поспешиⁱ* єхати (ib.); поєдеть (ib. 441), пошлеть (440б, 441 ib.), наидеть (ib. 440б), приженеть (ib.); стретиль гонець во Кревѣ и кн҃зь велики Ꙋлъгирдъ борздо *пошпешить*. ко братоу ... и князь рече братоу... (86б Супр.); прышодъшы зо Пъскова *возметь* городъ Полътэскъ и *почнеть* ... (239 Позн.); *возмеⁱ* городꙗ полътескъ (67б Крас.); втечеⁱ (68б ib.); (ср. в Лавр. сп. лет.: Днѣпръ вътечеть въ Понетьское море); саᴹ оумре а по собе на полоцкꙋ *зостависⁱ* сн҃а своего (68 ib.); кн҃зь *пошлеⁱ* воинꙋ — зꙋ братоᴹ (74б Крас.); витовтъ

с троковъ *выдежи*т з матерю своею поедѣ к горѫнѹ (75б ib.); Кестутеи — вогна в городъ. И кнзь великии Євноутеи выскотивъ *оубежить* во гоуры, тамо *ѡзѧбеть* въ ноги... (86 Супр.) [= выскочи*л* и оубѣжа*л* — ѡзѧбе (438 Вил.)]; Кестути ѡпять *начне*т жаловатиса (89 ib.) [= почалъ (440 Вил.)]; *ѡвеѵєть* (1 Увар.) [= реклъ (440 Вил.)]; *извоюєть* (65 ib., 442 Вил.); *ѡстави*т (6 Увар.) [= ѡста*в*и*л*ъ (442 Вил.)]; исцелиль и *приведеть* (19 Увар.); *стретить* єго Скиргаило (21 ib.) [= стрѣти (447 Вил.)]; Ѧгаило *поведе*т єго ве*л*ми оу высоки*х* (439 Вил.); и кна*з* Ѧгаило *поедеть* до Крева, а кна*з* Вито*в*тъ *проводить* єго до Крева (441 Вил.); а какъ *пристѹпи*т къ Троко*м* кна*з* великыи Ѧгаило. и Трокы *дадѹт*о ему (442 ib.); кна*з* Ѧгаило *почне*т просити Вито*в*та. штобы еси промежи на*с* оуєдна*л* (443 Вил.); *сведе* єго с Києва. и *дасть* ему Копы*л*. и на Києве *посади*т кнза Скиргаила (450б Вил.); сътвори бра*т* чтнъ. и *вѣнчае*т велико*г* кнза (448 ib.); а *докончаютъ* межи себе кнзь Кестоутеи... (86б Супр.); а *докѹнчаютъ*... *въпѣвна*т (438 Вил.); на Киевѣ *посадиль* (29 Увар.) [= посади*т* (450б Вил.)]; *почноуть* пытати Витовта, што быхомь поговорили с нимь (7—7б Увар.); приде ко Швитригаилоу на помо*ѵ* мещеръ... и *поидуть* ѿ Браславла (74б Супр.); посла.... кнза Михаила на Роусь. и прише*л* кнзь Михаило *станеть* на Рши (75б ib.); и *почнеть* пакь приезьдити ко старым доумамь. какь ко братоу приѣзьчиваль. ко стареишемоу (87б ib.); и *выстоупить* на бои кнзь великы Кестоутеи... и какь не шоше*л*шимьса полькомь. за три или за четыры стре*ѳн*лиа *приженоуть* кнзи (92 ib.); в то*т* ча*с* цр̃ь Зово*л*гъскїи Коудра*с* по*в*ста*л* зъ многы*мн* ра*т*ми Тата*р*скими на Рѹскїи земли. и кна*з* Ски*р*гаило *збере*т*с*а з бра*т*ею своею (69б Крас.); пере*л*ты*м* жигали тѣла мр̃твы*х* на то*м* мѣстци. где хто *оумре*т (71 ib.); Ски*р*мо*н*тъ *пошле*т посло*в* (Археол. 43); Ѧкгоило приствпи*л* къ Троко*м* і Трочане не дали*с* ем ѹ и кна*в* велики*и* Кестѹте*и* бо*р*здо к городѹ *приде*т къ сн̃ѹ своемѹ і тѹ*т* *наиде*т женѹ свою, і *пошле*т ее к Берестю... а са*м*... *поиде*т в Жомои*т*... (62 ib.); збѹдова*в*ши городы *перенесе*т столе*ц* сво*и* с Тро*в*(ко) на Ви*л*ню (58 ib.).

Если обратимся за справками к живой белорусской речи, то найдем, что и там употребление будущего (настоящее глаголов вида совершенного) вместо прошедшего также возможно, но исключительно для обозначения быстроты и наглядности действия, тогда как в старинных летописях появление его возможно было и без этого условия, особенно когда писец употреблял форму будущего по недоразумению вместо аориста. Примеры из живой речи: як *трéснецца* лбом ў ушак (= косяк), аж искры пасыпалися; малец полез на хату, ды як *кинець* тэй короб з дзяком! (Ром. IV, 96 Сенн.); тады ина (баба) легла; як *засьнеть*, ён тихинько — цморьг их! Дык яны *зазьвинять* (Ром. VI, 285 Чаусск.); *зирнé* кавáль Багатыр, ажнó у цемнаці̯э вóчы змі̯э̄ зя гараць, як вугóлье (Сержп. 14 Слуцк.); jäk ni *stanie* jejè bić (Федер. II, 53 Свислочь); то же видим и в украинских говорах (ср. Миклошич, Vergleichende Syntax[2], 778, а также А. Семенович. Об особенностях угрорусского говора. Сборник статей по славяноведению, сост. и изд. учениками

В. И. Ламанского. СПб., 1883, стр. 220); то же наблюдается и в русской речи, особенно в былинной (ср. Буслаев, Историческая грамматика, ч. II[5], 131—132).

Старинным западнорусским произведениям известно еще будущее второе (*будеть купилъ*), рассмотренное нами в морфологии (Белорусы 2, 288—289). Принимая, однако, во внимание, что это образование неизвестно современной белорусской речи, кроме говоров, на которых сильно заметно польское влияние, можно предположить, что те немногочисленные случаи и в старинных произведениях, где встречаются эти формы, обязаны своим происхождением польскому влиянию и здесь рассмотрению не подлежат.

Что касается прошедших времен, то в современном белорусском языке имеется их только одно — старинное perfectum, причем продолжительность действия или его законченность обозначаются видами глагола. Старинные западнорусские памятники знают почти все формы прошедшего, известные и памятникам древнецерковнославянского языка. Но имперфект и аорист не могут быть признаны в них живым явлением: эти формы употреблялись по преданию от старины (ср. Белорусы 2, 291—292), как и вообще в памятниках русского языка, начиная с XIV в., где perfectum очень рано стало на место других прошедших времен. О специальных особенностях русского вообще и старого западнорусского perfect'a, состоящих в пропуске вспомогательного глагола сначала в 3-м лице, а потом и в остальных, мы уже говорили (стр. 352—353).

В теперешнем белорусском языке, как и вообще в восточнославянских языках, форма на *-лъ* выражает все прошедшие времена, причем прежний имперфект выражается прошедшим временем вида несовершенного (*я нёс*, *наси́ў*), аорист и перфект — видом совершенным (*прынёс*, *дуну́ў*). Таким образом, прошедшее время на *-лъ* выражает и несовершенное действие и совершенное, напр.: жили яны, жили, дожилися — нечего есьци (Шейн Мат. II, 6 Витебск.); ишли, ишли, ишли, — потходю̄ть (Ром. VI, 349 Черик.). Прошедшее от *ўзяць* в соединении с союзами *и*, *да* иногда прибавляется к другому прошедшему, как и в украинском языке (Ogonowski, Studien, 200), для обозначения начала действия (imperfectum de conatu): вот *узяли* и стали кабанца есци (Ром. III, 23 Гомельск.).

Если нужно обозначить действие, совершившееся мгновенно однократно, употребляются особые глагольные формы, которые можно назвать отглагольными междометиями (ср. Белорусы 2, 62—63, 285), напр.: чорт зноў *ныр* ў колодзезь, *глядзь* цягниць красную сподницу (Зап. V, 702 Бых.); со страху — *бух!* на землю и забиўся на смерць (Шейн Мат. II, 6 Волков.); ён тоды *щуп* за голову́, ажны ў яго ро́ги на голове (Ром. IV, 159 Сенн.); т̄яперь уси разом с човна *бовт̄ь*, *бовт̄ь*, *бовт̄ь* у воду́ и пошли (Ром. VI, 381 Клим.); зрана ашнуўся я, *лянь* (= глянь), *аж* его ужо у хаци нима (Мат. Б. № 13); прышоў ў лес, *лянь* — збирае баба апенки (ib. № 24); у вокошко — *глядзь-поглядзь*

(Никиф. Част. 635 Дриссен.), krûų *кар*, *кар* jemù na twar (Федер. III, 49 Рось); jenỳ... babûch ų wòdi (ib. 106).

Иногда формы прошедшего времени в живой белорусской речи употребляются в целях модальности — для обозначения наклонений; имею в виду такие случаи, как: *пашóў* вон (= ступай)!, *чула — чула!* покажи, што продаешь (Нос. Сл. 702) (= слушай), где прошедшее вместо повелительного; или: будзе тобі͡э́ *плакаў* (= довольно плакать) (Мат. Б. № 10 Мозыр.); гóдзи тобі͡э́ *ходзиў* к ему (ib.), где прошедшее вместо неопределенного; но о наклонениях у нас речь ниже.

Давнопрошедшее время, имевшее разные формы выражения в старом западнорусском языке (ср. Белорусы 2, 285—287), в современном белорусском языке совершенно утрачено; лишь в редких случаях находим его отражения, напр.: *жила была* сабе раз одна мачиха (Зап. V, 702 Бых.); раз, у нядзелю, *была* яна *пасьцила* свиньни на пóли (Ром. IV, 171 Сенн.). Сюда же относятся образования с *бывало*: бывáло мы хадзи́ли ў лес на грыбы́; *пазирáе бáло* на сóнейко (Сержп. 99); *бало смеётца* да пі͡э́сни пае (ib. 101); в последних двух примерах употреблена форма настоящего вместо причастия на *-лъ*.

Отметим еще одну особенность в употреблении прошедшего времени (ср. Буслаев, II[5], 137—139). Так как в perfect'е в старину собственно глагольная часть (*есмь*) стояла в настоящем времени, то естественно, что с прошедшим сочетались другие глаголы в настоящем времени и сходном с ним будущем, напр.: под вокном бела бяреза *тонинька — звихнулася* (Никиф. Част. 326) (= тонинька есць, звихнулася есць); мой муж *ня дуж*, *поехаў* на речку (ib. 953 Полоцк.); я *ўпилася* молода — лéдва *иду* (ib. 2246 Новогр.).

Особенности в употреблении наклонений

Лица, числа и времена в глаголе более точно устанавливают связь глагольного признака с субъектом. Но в глаголе есть такие формы, которые выражают и качество этой связи или отношения. Последнее называется наклонением. Глагол, будучи соединен со словами склоняемыми, обозначает то или другое сочетание признака с субъектом. А это сочетание может быть или действительное, основывающееся на результатах теперешнего или прежнего опыта, или только предполагаемое, не опирающееся на данные опыта, а лишь на ассоциацию идей. В первом случае у нас получается представление о предметах и явлениях вполне объективное, а во втором субъективное; первое соответствует отношению реальных явлений, а второе обозначает лишь отношение предметов нашей мысли. В языке указанные отношения находят отражения в наклонениях изъявительном и других. Так как наши субъективные представления бывают различны по степени (или выражают такие наши мысли, какие могут оказаться со временем соответствующими действительности, или же обозначают наши желания, просьбу, приказание и т. д., подчас даже неисполнимые), то и наклонения,

выражающие их, бывают различны. В основном славянском и прусском языках особые образования были только для повелительного наклонения, заменившего старое желательное, и для условного, взявшего на себя исполнение функций и сослагательного. Изъявительное характеризуется отсутствием каких бы то ни было прибавок к временным основам для выражения наклонения. Так называемое «неопределенное» под определение наклонений не подходит: эта форма не только не обозначает качества отношения признака к субъекту, но и вообще не указывает на отношение признака к субъекту. Это отглагольное имя, не находившееся первоначально ни в каком соотношении с другими формами глагола. Все наклонения — формы глагола флексивные. Со временем неопределенное ближе стало к личным формам глагола и начало входить в образование некоторых времен; однако до сих пор без наличной или подразумеваемой глагольной формы оно само по себе не может выражать ни лица, ни времени, ни наклонения. В современных живых говорах восточнославянских языков, в том числе и белорусских, неопределенное все больше и больше примыкает к глагольным образованиям и вследствие сильного ослабления представления о присутствии подразумеваемых форм глагола *есмь — быти* довольно часто, как увидим после, исполняет функции и глагольных образований. Таким образом, в белорусском языке, как и в восточнославянских языках вообще, имеются следующие наклонения: изъявительное, повелительное и условное (сослагательное).

Изъявительное наклонение констатирует лишь факт принадлежности признака субъекту в настоящем времени, прошедшем или будущем или отрицание этой принадлежности [*идуць* яны, *идуць*, ажно им на дорозе дзирявушка *попалася* (Зап. V, 710 Витебск.); *будзець* пора, *выросцець* трава (Нос. Посл. 9); *не видзиць* сова, якова сама (ib. 94); не вымець и князь, што вложиць грязь (ib. 95); *не дав* бог свиннё рог (ib. 96)]. То и другое основывается на данных опыта и наблюдения своего или чужого. Тут не обозначается никакой зависимости действия от воли лица говорящего или от влияния внешних условий. Впрочем, формами изъявительного наклонения в современном языке, особенно в соединении с теми или другими союзами, а также наречиями можно отчасти выразить и другие наклонения, о чем речь ниже при рассмотрении последних.

В повелительном наклонении выражается требование, приказание, просьба, желание лица говорящего. Для выражения этих оттенков оно пользуется как формой повелительного, так отчасти и другими (изъявительным и неопределенным). В старом языке особых форм повелительного было больше, нежели теперь (ср. Белорусы 2, 266—273); в настоящее время их имеется, собственно, две: 2-е лицо единственного и множественного чисел; в некоторых белорусских говорах и 1-е лицо множественного числа отличается от соответствующей формы изъявительного наклонения настоящего времени. 3-е лицо единственного числа только в старинных западнорусских памятниках

изредка представляет отражение древних образований и при особых условиях в современной речи [добрый дн҃ь *боуди* вамъ (85б Сб. XV в. Публ. б. № 391); на, ежь! *лопни* твой требух (Шейн Мат. II, 34 Горецк.)], обыкновенно же оно выражается описательно изъявительным с *хай*, *нехáй* [нехай будет (25 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.) при *буди* в церковнославянском тексте; нехай пан пашле (Малев. 20 Слуцк.); мóжна ўзя҃ти *будь*-кагó (Ром. Мат. Гр. II, 87 Слоним.)]; то же следует сказать и относительно 3-го лица множественного числа, которое в старинных произведениях, кроме *нехай* [старыѣ з молодымú нехаú выхвалаю҃т (141б Псалт. XVI в.); нехаú проса҃т а выгнаны боудȣ҃т (111б ib.)], еще пользуется словом *ать* [ать возму҃т свечи горѧщии (17б Четья 1489 г.)], а в живом языке рядом с *хай*, *нехай* [нехай яе вызволяюць яе дáры (Шейн Мат. II, 364 Борис.)] допускает *бадай* [бадáй с цябé кишкú вы́лязуць, вантрóбы вывярнутца (Ляцк. Посл. 3 Борис.); бадай вас черти задавють (Пщелко, Очерки II, 4)]. Таким образом, третьи лица единственного и множественного чисел повелительного обыкновенно выражаются изъявительным наклонением. И 1-е лицо множественного числа, как и в русском языке, тоже может быть выражаемо формой того же лица изъявительного наклонения настоящего и будущего времени в тех случаях, когда не бывает приметы повелительного *е* = *ѣ* (из *оі*), напр.: ну, *пóйдзем* да хáты; да *стáнямо* ты ратко́м пат тынко́м, да *вы́бьямо* крамяну́ю сьтéнку из замком... (Ром. Мат. Гр. I, 205 Слоним.)

Роль повелительного наклонения исполняет и междометие *на*, имеющее множественное число *нáце*.

Кроме отмеченных случаев, где к изъявительному наклонению для выражения повелительного приходится обращаться, так сказать, по нужде, есть положения, когда прибегают к изъявительному с особой целью. Именно, когда говорящий желает обозначить действие, которое непременно должно совершиться, употребляется будущее время (чаще форма настоящего вида совершенного); прїидете а *боуде*м҃*с҃а радовати* (96 Псалт. XVI в.); *пры́дзе*н҃ каза́ и да майго́ваза́ (Ляцк. Посл. 35 Борис.); за́ўтра ты сам мине́ *напро́сиш*; ў пя́тницу вы *при́дзеце* да мине́! и т. д., причем во всех таких случаях сама интонация голоса указывает на уверенность в непременном совершении действия. При смягченном приказании или даже просьбе к 1-му лицу множественного будущего времени может прибавляться обыкновенный показатель множественности при повелительном наклонении *-те* (о чем ниже); ну, *пóйдземця* сабе, брахеньки (Ром. IV, 209 Клим.).

Для обозначения желания, которое непременно должно исполниться, реже употребляется форма прошедшего времени (ср. стр. 376): Но! пашóў! (понукивание лошадей); пашли́ вон! чу́ла-чу́ла! (= послушай); се́ла, ку́рочка, се́ла! (как в украинском); сюда, вероятно, принадлежит *дальбóх* (ей-богу. Ср. Белорусы 2, 90).

Для обозначения нерешительного желания возможно употребление при изъявительном наклонении еще *дай*: *дай* паначу́ю, ду́мае ма-

ска́ль (Сержп. I Слуцк.), как и в украинском (Ogonowski, Studien, 198).

Для обозначения приказания или запрещения роль повелительного исполняет неопределенное, напр.: там вам почиваньне уроцам: по косьцям *ни ходзиць*, косьцей *ни ломаць*, рэтивоя сердце, легкие, печени *не сушиць* ... (Шейн Мат. II, 356 Лепп.); заре зарюшке *краснець*, рабе Сохье *здоровець* (ib. 538 Бельск. Смол. губ.); ото ж, *хварыэ̑ць* его́ ма́тары (Сержп. 6 Мозыр.); *отсіэ̑кци* ему́ го́лаў! (ib. 137 Слуцк.); вам тут, галки, *не сидѣти*, мне золота *не трусе́ти!* (Ром. Мат. Гр. I, 105 Волков.). Во всх подобных оборотах при неопределенном можно подразумевать *есць* или *будзе*, и тогда они подойдут под случаи употребления изъявительного наклонения вместо повелительного. Близко подходит сюда и употребление неопределенного для выражения пожелания: сыт, *хвалиць* тобе божѐ! (= слава!). (Нос. Сл. 676). Старому языку подобное употребление неизвестно. Впрочем, в юридических актах накопление в некоторых случаях неопределенных, хотя и зависящих от личного глагола, уже является переходом к подобному употреблению, так как управляющий глагол в таких случаях играет чисто формальную роль, напр.: слюбѹемъ ... *не заимати* намъ королевы земл́Ѣ ... королеви *держати* лвовьскую землю, а намъ *держати* володимѣрьскую ... (гр. 1349 г.).

Мы рассмотрели случаи выражения повелительного (и отчасти желательного) формами изъявительного и отчасти неопределенного. Но обыкновенно во 2-х лицах, а также в 1-м множественного повелительное выражается своими собственными формами, будут ли они старинные или новообразования: кабылу тую *зареж*, да й сам *подъеж* (Ром. IV, 161 Черик.); *уцекаймо* за у часу за мора (Шейн Мат. II, 263 Новогр.); *пріидете* а боудеⷨ сѧ радовати (96 Псалт. XVI в.). Ввиду того, что в современном языке чаще всего приходилось встречаться 2-му лицу единственного числа, естественно, в народном сознании оно могло представляться преимущественной формой для обозначения просьбы, приказания и т. д., обращенной и к другим лицам. Этому содействовало еще совпадение на славянской почве 2-го и 3-го лица единственного числа на *-и* (из *-oi̯s* и *-oit*). Это совпадение, естественно, ставило на второй план личное значение, а выдвигало модальность. Следствием всего сказанного было то, что в русском языке и отчасти в белорусском явилась возможность употребления формы единственного повелительного при всех лицах, напр.: ах! *зорви* з яго животы (Шейн Мат. II, 212 Витебск.); *давай* уси уцекаць (Ром. III, 17 Сенн.) и под.; иногда даже при пропуске *будзь* прилагательное, входившее в составное сказуемое, оставалось в единственном числе: *здоро́ў* ў хату, каже ён, што у вас нового? (Шейн Мат. II, 286 Борис.). Кроме того, как можно было видеть из морфологии, очень часто 2-е лицо единственного числа входит как часть и в образование множественного числа: следовало лишь к нему прибавить *-мо* и *-те* [поидимо (171 Позн. XVI в.), вѣдаймо (24 Четья 1489 г.),

уцека́ймо (Ром. III, 216 Бых.), придите (65б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262), жниця (Мат. Б. № 4 Могил.) и т. д.]. И окончание *-те* скоро стало чувствоваться только признаком множественного числа повелительного без всякого отношения к лицу [ну *по́йдземця* сабе брахненьки (Ром. IV, 209 Клим.)] и даже к глагольной основе [шарко, белко, — *на́це* хвост (Ром. III, 26 Сенн.)]. Словом, личные наставки повелительного пришли в упадок, особенно, так сказать, выветрился суффикс повелительного. Естественно, что при выражении приказания, просьбы и т. п. большую роль начал играть контекст речи, интонация голоса и даже лексическое значение слова. Отсюда понятно, отчего в роли повелительного в русском языке стали являться и другие формы. То же, как мы видели, произошло и в белорусском языке, хотя и не в таком размере, как в русских народных говорах, что́ и естественно, так как в белорусском языке формы повелительного находятся в меньшем упадке, чем в русском.

Ослабление формальных особенностей повелительного, с одной стороны, замена его формами изъявительного и неопределенного — с другой, и вследствие этого сближение указанных наклонений было причиной того, что и повелительное стало являться на месте других наклонений. Такое употребление было тем естественнее, что само повелительное в некотором употреблении, например в пословицах, очень слабо обозначало качество отношения между действием и субъектом и тем приближалось к изъявительному наклонению, употребленному безлично: дзирка в роце, *ешь* кольки хоци (Зап. I, 293); три дни *ни пи*, *ни ежь*, а с хаты *не лезь* (Нос. Посл. 164); *пздзивись* козе под хвост, бобу дасць (ib. 129) и т. д. Безусловно на месте изъявительного для придания речи большей живости повелительное в следующих случаях: тогды набиралася их богато, и во́уки *давай* пытацца у кота (Шейн Мат. II, 13 Минск.); вы́шаў ю͡он и *давай* кра́сциса на прыгуме́чэ (Сержп. 7 Мозыр.); сама *дава́й* пі͡эсциць хлапчука́ (ib. 97); *дава́й* ены его́ будзи́ць (ib. 1 Слуцк.); паки́даюць мужыки́ й ба́бы ко́сы, грабли ... и *дава́й* скакаць (ib. 3); пугачаня́та й *давай* клева́ць тбе дзиця (ib. 13) (где *давай* без всякого нарушения смысла можно заменить словами *стал*, *стали*); или: ўбогая ... словы еты почула, да *дайсь-ка*, да подальш, подальш — расказуя еты словы (Ром. III, 156 Рогач.).

Естественный переход от подобных оборотов был к таким, где повелительное стоит на месте изъявительного прошедшего времени, опять-таки для обозначения живости действия; сначала при таких повелительных употреблялся даже союз времени и личное местоимение: тогды яны *як пудзь*, дык *пудзь*, и прибегли к синему морю (= как пошли) (Ром. III, 349 Сенн.); як *бяжи* яны, *бяжи*, прибегаюць яны к рыбаку (ib.). Местоимение могло и опускаться: як *бися*, дык *бися* — отсек Иван царевич и последние головы (ib. 83); як *спи* дык *спи* — до самого вечера̀ (Ром. VI, 332 Орш.); як *ве́сти*, дык *ве́сти* — обнимаеть яго тёмная ночь (ib. 333 Орш.). Затем такое же употребление

было и без союза: тады яны *бися — дярися*, *бися — дярися*, и збив Таратурок Юды уси двинатцать голов (Ром. VI, 266 Городок.); ну тяперь яны *сяди — сяди*, *сяди — сяди*, — и вывяли дванадцать сынов (ib. 360 Орш.); пошли ў свет. *Идзи*, *идзи* — стоиць хатка на куриных ножках (Ром III, 45 Сенн.); *сядаи*, *сядзи* баба, — исседзилася на ложку (ib. 239); *идзи*, *идзи* — и приходзиць к огнянэй раце (ib. 339); *плыви*, *плыви*, и переплыли яны на тэй бок (ib. 349); *судзи — судзи*, присудзили яны пану смерць (Ром. IV, 152 Сенн.); *кылыши* дзет, *кылыши* — пыкызалася ручка (Ром. III, 268 Сенн.); *едзь* яны, *едзь* — стоиць криница (Ром. IV, 150 Сенн.); *бяжи* яны, *бяжи*, бягуць и валютца (Ром. VI, 269 Городок.) и т. п.

Рассматриваемая черта, как можно видеть из приведенных примеров, не общебелорусская: она наблюдается в записях главным образом из Сенненского уезда, отчасти Городокского и Оршанского; известна ли она и в других местах Белоруссии, для суждения об этом я не имею данных. Кое-где она встречается и на Украине (Ogonowski, Studien, 198). В таком же смысле (le valeur narrativ de l'impératif) повелительное употребляется в некоторых македонских говорах (A. Mazon, Contes slaves de la Macédoine sud-occidental. Paris, 1923, стр. 49, 62 и др.).

Напоминает отмеченное употребление повелительного для обозначения прошедшего действия в случаях, имеющих, для себя аналогию и в русской литературной речи: идзе́ раз Музы́ка це́рас лі͡э́с, а ч'э́рци й *нашлі́* на его́ дванáнцаць ваўку͡оў (Сержп. 3 Слуцк.); дак ні͡э́ж, — *захварыі͡э́й* Янко (ib. 8); аткуль *не вазмі́са* цы͡э́лая чарадá ваўку͡оў, от так и сáдзяць на его́ (ib. 48).

Гораздо распространеннее другая черта — употребление на месте прошедшего и настоящего времени неопределенного. Эта черта, несомненно, в тесной связи с сейчас рассмотренной. Мы видели, что повелительное могло быть заменяемо в нѣкоторых случаях неопределенным; естественно, что последнее могло заменять повелительное и в тех случаях, когда оно само ставилось на месте изъявительного для обозначения живости действия. Повторяемость неопределенного в приводимых ниже примерах подчеркивает длительность действия. Район распространения рассматриваемой черты будет виден из цитат. И здесь при неопределенном возможны союзы времени и подлежащие: вот яны як *ищиць*, дак *ищиць*, як *ищиць*, дак *ищиць* дорогою, — находзюць купецкаго сына палку (= шли они, шли) (Ром. III, 122 Клим.); ён яе́ (кобылу) як *ве́сци*, дак *ве́сци*, як *ве́сци*, дак *ве́сци*, — обнимая яго цёмная ночь (ib. 134—135 Бых.); с теми же союзами, но без подлежащего: ек *бежчи*, дык *бежчи*, як *бежчи*, дык *бежчи* — прибегаеть ён к мору (Ром. VI, 238 Сенн.); ён, як *кивать*, дык *кивать*, вынив бороду из щелки (ib. 357 Мстисл.); як *итци* . . . — дык *итци* . . . аж бачу (Шейн Мат. II, 244—245 Борис.); без союзов времени; ён *жиць*, дак *жиць*, *жиць* дак *жиць* — и соскучав (Ром. III, 166 Бых.);

рости дубок, *рости* — 'к рос дубок, 'к рос — дак пуд самую столь (ib. 380 Рогач.) (здесь к *рости* прибавлена и глосса *як рос*); вороны як поляцели за водой — *ляцець*, дак *ляцець*, *ляцець*, дак *ляцець* — переляцели тераз огнянную раку́ (ib. 139 Бых.); *ехать*, дак *ехать*, тогды обнимая их ночь (Ром. VI, 10 Гомельск.); от *ицицъ* дальше (ib. 51 Горецк.); *и҃ти* дак *и҃ти*, *и҃ти* дак *и҃ти* — обнимаеть яго тёмная ночь (ib. 191 Черик.); бобинка тоды *росьци*, *росьци* — доросла до крыши (Шейн Мат. II, 7 Витебск.); хлеб тот *росьци*, *росьци*, з дзежки вон лезиць (ib.); я *итци* далей (ib. 245 Борис.); али *ждаць* я, *ждаць*, Пятрака нима да нима (Мат. Б. № 13 Свенц.). Иногда при неопределенном в подражание страдательному залогу лицо ставится в дательном: ици *яму*, ици, — выходзя на поляну (Ром. III, 271 Бых.). В подражание употреблению неопределенного вместо прошедшего для обозначения продолжительности действия иногда находим неопределенное и вместо настоящего с выражением, однако, некоторой модальности: привёз к царю, показав потрет той дзевцы. Дзевка ня *йцицъ* замуж (= не желаст идти) (Ром. IV, 51 Гор.).

В «Материалах Белорусских» (№ 10 Мозыр.) отмечено два странных случая употребления изъявительного наклонения (прошедшее на *-лъ*) вместо формы неопределенного: будзе тобі҆э *плакаў* (= довольно тебе плакать); го́дзи тобі҆э *ходзиў* к ему.

Условное наклонение, которое заменило старинное желательное и сослагательное, известно было старому западнорусскому языку и с некоторыми видоизменениями живет до сих пор (ср. Белорусы 2, 287 — 288); только в современном языке (начало чему уже было положено и в старом западнорусском) развившаяся из аориста *быхъ* частица *бы* часто примыкает к союзу, подчиняющему придаточное предложение, и так как его происхождение уже давно забыто, то нередко попадаются случаи его удвоения [zakazytàǫbyb (Федер. II, 66 Рось), ździȍrbyb (ib. 12)]. Некоторые оттенки бывшего сослагательного и желательного выражаются и изъявительным и даже повелительным наклонениями.

Вот главнейшие случаи употребления условного (сослагательного) в белорусском языке:

1) Как и в русском литературном языке, условно-сослагательное наклонение употребляется для выражения нерешительности в желании или вообще для обозначения желания: я прасиў бы вас... хварела п твая шия (Мат. Б. № 31 Вилейск.); не бра́ло бы цябе ли́хо и т. п.

2) Очень близко сюда подходит обозначение желания, исполнение которого невозможно или менее всего вероятно. Глагольная форма здесь сопровождается обыкновенно какою-либо частицею, показывающей чувство: ѡ҃ быхмо были помр҃ели..., а бы҆мо не ѵ҃пали (85б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); ѡ҃ бы҆х мѣлъ мечъ, же бы҆м тебе забилъ (92 ib.); каб ён так с ду́хам быў (Ляцк. Посл. 15); каб хто ў не́би пабыва́ў, да у бо́га запыта́ў (ib.); каб цибе рак убрыкну́ў

(Нос. Посл. 58); да коли́ б тябе, моё де́тятко да деўки́ полюби́ли б (= о если бы...) (Ром. Мат. Гр. I, 209 Слоним.) и т. п. Сюда же относятся и белорусские божба, клятва и проклятия, состоящие большей частью из пожеланий, исполнение которых вследствие своей чудовищности невозможно и невероятно, напр. (Шейн Мат. II, 510—517): кап я до дому ни дошоў! кап я оглядаў так свою живинку! кап мне язык стаў колом! каб я с места не ўстаў! каб я сонца ня бачиў!, кап его жонка и дзеци высохли в горохову лопатку! смердзиць ципер мой пацвинок — каб ты сам просмердзеў за жицьце, каб до цибе нихто не доткнуўся! каб цябе маць земля не носила! кап це трасца затрасла! каб з духом быв, коли гэто правда (Нос. Посл. 58). Иногда здесь допускается и старое желательное в форме повелительного: ах! *зорви* з яго животы (= пропал бы он) (Шейн Мат. II, 212 Витебск.).

3) Особенно обычно употребление условно-сослагательного в условных предложениях, когда при несоответствии действительности протазиса невозможно допущение и аподозиса: dobro szto ty im niě skazàu̯...; kab ty im skazàu̯ jenỳ minièb razarwalib (Федер. I, 5 Дворец); каб ба быўба чаванок — пираплыўба на дзянёк (Никиф. Част. 1859 Диснен.); е́сли бы люди мои послоухали мене ѹ ѹіїль е́сли бы в дороги мои ходи^{и} та̄кы ничи^{м} бы^{х} примири^{л} непр і а̀телеи е̑ (84 Псалт. XVI в.). Вообще в условных предложениях, обозначающих возможность: сичас ён ни быв ба там (сейчас он очутился там, как если бы и был там) (Ром. III, 182 Рогач.).

В русской литературной речи сослагательное этого рода очень часто выражается формой повелительного; в белорусском языке повелительное тоже возможно, но встречается редко: *паслухайся* ён мине и не еш гэтаго, быў бы здарóў; здае́тца, *пасадзи́* на поле дзиця́, та й тóе вырасце (Сержп. 17 Мозыр.; ср. ib. 100); *лучись* мне увидзець его, я ему скажу (Нос. Сл. 273).

Когда обозначается простое условие, при котором допустимо известное явление, то вместо условного может употребляться и будущее: е́сли возмоу крыла мой рано и мешкал^{л} бы^{х} на краи мора. и та^{м} рѹка твоа (134б Псалт. XVI в.) — оборот смешанный, как и в следующей фразе: абыб беда, а шия будзе́ць (Нос. Посл. 1); если с̑пове его ѡпуста̑ зако̑ мо' — то̑ды просту̑ки и^{х} навежѹ розкою (89 Псалт. XVII в.); кали́ бу͡ог што на^{ы} мяркуя, чылаве́ку пашанцуя (Ляцк. Посл. 16); кали у каля́дницу саба́ки бу́дуць завыва́ць, дык к вясне́ лю́дзи бу́дуць умира́ць (ib. 17); як бу͡ог адсту́питца, го й до́брыя людзи ни памо́гуць (ib. 62).

4) В некоторых видах уступительных предложений: не буде^{м} сѧ богати, хочъ бы сѧ захвиѧла зе^{м}лѧ (24 Псалт. XVI в.); няхай бы яны погосьцили б дзень — два, а то другая нядзеля йдзе (Шейн Мат. II, 223 Волков.); нихáй бы ящэ́ га^{ы} мани́ли, каб ве́дали, гдзе зван и́ли (Ляцк. Посл. 28).

И здесь возможна замена условно-сослагательного повелительным и даже неопределенным: (Марья Кирбитовна) говоря: идѣ ни ходи, идѣ ни смотри — тольки туда ня йди, идѣ было лычком завязано (Ром. VI, 226 Черик.); змовились... : дзе ни ходзиць, дзе ни ходзиць, а к вечару собиратца на гэту проталинку (Ром. III, 111 Сенн.).

5) В разных видах придаточных предложений, особенно обозначающих цель и вообще поясняющих глагол (о чем подробнее в сложном предложении), *бы* большею частью присоединяется к союзу, которым начинается придаточное предложение: справъ — дорогѹ — бы^{х} не заблѹди^{л} (9б Псалт. XVI в.) (bych nie zábłądził); ѡ″чи склонѝ — абы посажати (100 ib.); молиса абы моглъ мѣти поко' (11б Псалт. XVII в.); ищѐ его ꙗкъ бы его зажити (2б ib.); англом свои^{м} роскаже^{т} о̑ тобе бы та стерегли (93б ib.); възвѣстите ми, йж'бы ѝ а шедши поклонил'са ѣмѹ (31 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.) и т. п. В современной речи в предложениях цели обыкновенно: *каб*: я праси́ў у бога, каб ты здороў быў; молиць бога, каб создав хатку цёплую..., то ўсю ночь ба басьни баив ба (Ром. IV, 149 Сенн.). В русском литературном языке в предложениях цели после союза *чтобы*, при одинаковых подлежащих в главном и придаточном, в последнем глагол ставится в неопределенном; то же возможно и в белорусском языке: каб скаре́й вы́страиць до́м, мужи́к прызва́ў на по́мач сваи́х брато́ў.

Выражение залогов

Признак, обозначаемый глагольною основою, может быть в разном отношении к своему субъекту. Эти различия в отношении признака глагольного к его субъекту выражаются формами залога. Держась чисто формальной точки зрения и не обращая внимания на материальное, словарное значение глаголов, мы должны отметить в русском языке далеко не те залоги, которые обыкновенно указываются грамматиками в этом отделе. Как в греческом и латинском языках для обозначения залогов глагола пользовались особыми суффиксами, так и при распределении глагольных форм в восточнославянских языках вообще и в белорусском языке в частности воспользуемся теми особыми прибавками к глагольным формам, выродившимися из самостоятельных местоименных форм, которые способны менять значение глагольного признака в отношении последнего к субъекту.

Тут мы прежде всего столкнемся с таким фактом, что славянские глаголы не имеют особых суффиксов для страдательного залога. Они уже в древнейших памятниках страдательным оборотам предпочитают действительные. От форм страдательного залога имеются только причастия, да и из них причастия настоящего времени малоупотребительны, а прошедшего имеются не от всех глаголов. Когда в старину приходилось передавать, например, греческий оригинал со страдательным залогом, то, кроме других способов, нередко обращались и к причастиям страдательного залога и соединяли

их с соответствующими личными формами глагола *есмь*. По преданью от старины все это мы видим и в старом западнорусском языке (ср. Белорусы 2, 293—295), напр.: боудоу^{т} оукара̂ѣми (213 Сб. XVI в. Крас.); вѣдомо маѣть быти (1 посвящ. Катих. 1562 г.); хръщены ѣсмо (30б Сб. XV в. Публ. б. № 391); нога ѣс'ть была оўздравена (33 Крас.); бо̆де йска̂ гре^{х} и не найден (14 Псалт. XVI в.); оўхвачо̂ ѣсть гре̂ны (ib. 13); выкине̂ есмъ (ib. 23б); не маю̃ быти забивани а̂ле роспорошони (ib. 58); выда̂ ѣсми бы^{л} и не втека^{л} (89 ib.); несправе^{л}ливые буд̃ покарани (2б Псалт. XVII в.); буде̃ споминано има твое (24 ib.); бы^{л} есми битъ (54 ib.) и т. п.

Что касается живой белорусской речи, то в ней остатки причастий страдательного залога имеются: настоящего времени очень мало (Белорусы 2, 276), прошедшего времени гораздо больше, хотя и не всегда в старинном виде (ib., 293); глагольные же формы страдательного залога вследствие утраты многих образований от глагола *есмь* почти неизвестны; можем отметить неопределенное «быць би́ту», «быць пасаджену»; отдельные формы: «хто поруши́ць — *бу́дзиць бит* (Никиф. Част. 745 Полоцк.); в безличных выражениях, в состав которых входит причастие в среднем роде: «так ему от лихих людзе́й зро́бляно», «мойго ходзяина забито», «тут их поселяно» и т. д. (ср. стр. 317—318). Взамен их обыкновенно употребляется равносильный по смыслу действительный оборот, в котором логическое подлежащее становится и грамматическим, а прежнее дополнение грамматическим подлежащим («так лихие людзи зробили яму» и под.); любопытно описание страдательного залога в следующем месте (Ром. III, 161 Рогач.): етые браты соско́чили с повозки, товхонули вороты, дык яны (т. е. ворота) и *не подумали*, *штоб отчиниць их* (= так они и не открылись).

Иногда значение страдательного залога имеют формы действительных глаголов (средних): густо, густо листом дорожка *запала* (= была покрыта) (Никиф. Част. 847); безличные формы страдательного залога (*не видано*, *не слыхано* и под.) с успехом выражаются неопределенным глагола: нимала *не чоути* (92 Сб. XV в. Публ. б. № 391); не вида́ць, не слыха́ць, от лиха цихо, да й добраго не чува́ць (Нос. Посл. 122).

Страдательный залог в живой речи может быть выражаем формами возвратного залога с *-ся*: изнаидеть ли сь (54 Судебник Каз. 1492 г.); полтескъ градъ *далсѧ* ємоу (20б Увар.); прагноу алюбо *хочетъ* ми *се* пити (13 Сб. XV в. Публ. б. № 391), Воидило ... *полюбилсѧ* ємоу (439 Вил.); боўде^{т} бг̃ъ ... *молѧщїйсѧ* все^{м} наро^{хо}мъ (63 Крас.); сѧ̂ *повоз^{х}вигноу̃* рати (ib. 121); мѣласѧ вѣчера гдна зачинати (1б предисл. Катих. 1562 г.); маѣтлисѧ правда мовити (88б ib.); мелисѧ (= были, считались) (7 Псалт. XVI в.); сеть *рост^{р}ин8ла̂* (127б ib.); в ниве^{у} сѧ з дымо^{м} ѡберн8̃ (7б Псалт. XVII в.); еще сѧ не *внѧли* ѡ̃ хоти своеи (66б ib.); да̂сѧ есь ему ро̂коренити (73б); што сѧ *менуе̃* царица (22 ib.); нежели сѧ словами *пишуть* (II 4 Скор. XVI в.); се звело (83 Статут 1588 г.); покажет ли се

(227 ib.) и т. д.; ягó мука *пытлюитца* (Никиф. Част. 1993 Бобр.); сын упаў и *забиўся*, знайшóўса (Гродн.); дось им *хощетца* яблок (Ром. III, 128 Клим.) и т. д.

Из рассмотрения всего сказанного о передаче страдательного залога можно придти к заключению, что по отношению к живому белорусскому языку, как и вообще к восточнославянским языкам, нельзя говорить об особых формах страдательного залога; есть те или другие способы передачи страдательного залога родственных языков, но особых форм страдательного залога нет. А раз нет страдательного залога, то ему не может противополагаться и действительный, как не страдательный.

В современных славянских языках и особенно в русском в роли показателя залога является в настоящее время, да уже и в старину, винительный падеж возвратного местоимения *сѧ*. Главная его роль в соединении с глаголами переходными показывать, что действие возвращается на самого действователя, на подлежащее. В прежнее время относящиеся сюда глаголы и чувствовались как переходные, а *сѧ* было к ним прямым дополнением, а затем местоимение все более и более теряло свое реальное и даже чисто формальное значение, обращаясь постепенно в глагольной суффикс, который в известных случаях может получать даже более краткий вид (*-сь*). В старинных западнорусских произведениях *ся* большею частью остается без перемены, как будто оно еще не чувствовалось суффиксом возвратного и страдательного залогов; оно часто предшествует глаголу, которому принадлежит, или отделяется от него другими словами; впрочем такую постановку *ся* в древнейших памятниках следует приписать влиянию церковнославянского языка, а в более поздних — польского; иногда (но очень редко) подобное положение *ся* можно находить и в современной речи: богу ся молитя (Бесс. Б. П. № 33); соснився мне сон дивный, — и ни ся ен мне соснився, ни ся у казцы сказався (Ром. III, 358 Рогач.).

Таким образом, из соединения глаголов с *ся* получились глаголы возвратные. Им могут быть протипоставлены все остальные глаголы, как невозвратные. Этими двумя группами и исчерпываются все залоги восточнославянских языков в их современном состоянии. В древнерусском и особенно в древнем церковнославянском были употребительны еще образования и страдательного залога, хотя и не в особенно широких размерах; им, конечно, противополагались и образования действительного залога, но теперь о последних двух залогах не может быть и речи. Не стану рассматривать этого вопроса в подробностях, а только коснусь разновидностей возвратного залога применительно к статье Ф. Ф. Фортунатова «О залогах русского глагола» (Сб. Отд. русск. яз. и слов. ИАН, LXVII), так как все эти черты известны и белорусскому языку. Итак, 1) прямое возвратное действие направляется на внешнюю сторону действующего лица (тело, части лица), напр.: мы́цца (идзи́ помы́йся в ла́зни), купа́цца [купава́лася (Отч. 3 Новоалекс.)], адзева́цца; 2) возвратное действие обозначает

изменения, происходящие в состоянии самого субъекта, такие же, какие обозначаются глаголом в невозвратной форме, происходящими в объекте, напр.: тамо сѧ крⷰтилъ (449 Вил.); не хотеⷯсѧ на то ѡбⷬратити (69 Сб. Крас. XVI в.); сѧ боронити (104—105 ib.); хто сѧ ей *помолить* с вѣрою (52б Четья 1489 г.); возвратишаⷰ во своѧси (15б Увар.); ємоу сѧ бы достало (439б Вил.); клалъсѧ — дати (26 Катих. 1562 г.); могъ сѧ за Авимелехо *молити* (170 ib.); бꙋдеⷯ сѧ *вⷱчилъ* (7 Псалт. XVI в.); *выхвалати* *а҃мн҃* сѧ по вси дн҃и (45 ib.); сѧ показали (53 ib.); *боудꙋт сѧ молить* през него завжды (72б ib.); *бꙋдоу҃* *раⷯвати* ѩ ô словаⷯ твоиⷯ (125 ib.); которие сѧ *весел҃ѧ* (4 Псалт. XVII в.); вниве҃ сѧ з дымомⷬ ѡберн҃ꙋ (7б ib.); поⷯвышъ же сѧ (8 ib.); *донꙋсти҃сѧ* есми зло҃ти переⷯ тобою (32б ib.); ани́ се вéрн҃ꙋ (108 ib.); тогда *назбиралася* их богато, и воўки давай *пытацца* у кота (Шейн Мат. II, 13 Минск.); я *дамся* ў знаки (ib. 28 Борис.); ни *забывся* на яго (Мат. Б. № 16 Бых.); *забылася* приказаць (Никиф. Част. 113); читаць и пець *забываюцца* (ib. 1187 Полоцк.); *zabўǫśo* ab b́ednum (Клих. 12 Новогр.); na štoža ty tak *razvdlilaśa* šta taja baba v́ed'ma ćabë wtapila (Верига Pod. 61 Лидск.) и т. д.; 3) глаголы с *ся* имеют значение взаимное, показывающее, что действие со стороны двух или нескольких субъектов направляется на них самих, напр.: воєвалисѧ (204б Лет. Авр. XV в.); *биюⷯсѧ* женки межъ себе (43 Лет. Пер. С. 438); *мовилисѧ* межи собою браⷯа (437б Вил.) [= смовили (86 Супр.)]; с кимьⷰ мы *воюемъ* (440 ib.); полочане почали за сѧ вечомⷬ *справсватисѧ* (68б Крас.); Ягаило почалсѧ раⷣⷬти (449 Вил.); стретили҃ поцеловалисѧ (87 Псалт. XVI в.); поцеловалисѧ з собою (81 Псалт. XVI в.); *воєватисѧ* ўумѣли (79б Катих. 1562 г.); боўдет' ли *воєватисѧ* с' тыми (18 Тайна Тайных XVI в.) и т. д., мы *любимся* с табой (Никиф. Част. 740 Полоцк.); хо́чу *повоюватиⷭ* (Ром. III, 145 Гомельск.); би́лися миж со́бку. — Взаимное действие могут обозначать и глаголы невозвратные: смовиⷡ ци межꙋ собоѧ (437 Вил.); правдоу межи собе на томь дали (87 Супр.); они промежку себѣ бьютъ (240 Гродн. Акт. кн. XVI в.). Некоторые из перечисленных глаголов в настоящее время с *ся* редко употребляются, как *воеватися*. Косвенное дополнение при взаимных глаголах присоединяется при посредстве разных предлогов и наречных выражений (*с*, *меж*). 4) Как мы уже видели, возвратная форма с удобством выражает и страдательный залог: и здесь *ся* обозначает действие, принадлежащее мнимому деятелю-субъекту, переходящее на него, но только со стороны других лиц, как истинных деятелей.

Прибавление *ся* во всех рассмотренных разновидностях возвратного залога изменяет значение признака глагольного из переходного в непереходное и тем теснее связывает его с субъектом; а изменение в отношении признака к субъекту и есть дело залогов глагола.

Под влиянием рассмотренных образований, несомненно, явился целый класс глаголов с *ся*, в которых уже нет залогового оттенка:

в одних из них *ся* только усиливает значение и без того непереходного глагола; таких глаголов имеется несколько в старом западнорусском языке, отчасти под польским влиянием: таковы конець *сталсѧ* ємоу (10б Увар.); сталъсѧ (126б Катих. 1562 г.); ѿ самъ *стаⁿсѧ* мнѣ збавѣ̑ ѥмъ (117б пс. XVI в.) [on sam stał mi sie ná zbáwienie. (Врубель, 117.14)]; стаⁿсе (28б Псалт. XVII в.); стаⁿсѧ есть (90 ib.); сталосе (60 ib.); утечетьсе (= убежит) (226 Статут 1588 г.); ѵтекаесе [vćiekam się. Радив. библ. 57.2)] (41 Псалт. XVII в.); повелѣ — *перебродїтїсѧ* (94 Лет. Авр. XV в.); *дойдзися* до самагѡ цара (= дошло) (Ром. III, 156 Рогач.); му сѧ *трафилъ* (34б Сб. XVII в. Вил. № 107); оуслѣ̑тсѧ ѥмѵ̀ (Пс. 1.3. Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); всѧ ѥлико створи *поспѣшитьсѧ* ємоу (3 Псалт. 1296 г.); приспорѧ̑тсѧ (60б Псалт. XVI в.); ходячи хоᵛᶣ ли и *плакалѣ̑* (128 ib.); працовалисѧ (10 Псалт. XVII в.); хоромы паньския з да́лика *чирвонеющца* (Нос. Сл. 699) и под.; в большинстве подобных глаголов, обыкновенно без *ся* не встречающихся, последнее даже и не усиливает действия; по своему значению они вообще ничем не отличаются от глаголов непереходных, напр.: на кого сѧ намъ *надѣти* (109б Четья 1489 г.); *надѣясѧ* на тыи правды (443б Вил., 445б ib.); не въстѵ̀паюсѧ (440б ib.); дла того̀ сѧ не оўбо̀юсѧ (8б Псалт.); сѧ з него смѣѭти (35 Псалт. XVII в.); сѧ розгорѣло (55 ib.); емѵ̀ сѧ *клянели* (5б Катих. 1562 г.); сѧ *старати* ѳ̀ дети (61 Катих. 1562 г.); ѳ̀ том сѧ *старѣють* (= стараются) (184 ib.); не *стареючись* ничо́го не будѣць (Нос. Сл. 613); поклонишми сѧ (5 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); тошнить ми сѧ (Б 51 Скор. XVI в.); сѧ запло́дило (Ев. 1616 г., 2 cz 3 б); а што с тобой *лучилося* (Никиф. Част. 690 Лепп.); ён отвещаецца (= отвечает) (Ром. III, 149 Рогач.). Некоторые из относящихся сюда глаголов употребляются в белорусском языке и без *ся*: заблудила (Ром. VI, 340 Бых.); пашла у лес и *заблудила* (Мат. Б. № 16 Бых.); мне бедный *сподобаў* (= понравился) (Никиф. Част. 270).

Влиянием глаголов возвратных следует объяснить и то, что *ся* входит иногда в образование глаголов безличных. Здесь *ся* усиливает непереходность глагола и отвлекает действие не только от объекта, но и от субъекта.

Все глаголы невозвратного залога, не имеющие *ся*, могут быть разделены по своему значению на два разряда: переходящие и непереходящие (*сушы́ць* и *со́жнуць*, *бели́ць* и *беле́ць*, *садзі́ць* и *седзець* и т. д.). Но это уже не будут залоговые особенности. Непереходящими являются и все глаголы возвратного залога.

Выражение видов

Из всего сказанного о глаголе-сказуемом можно было видеть, что различные его формы — лица, числа, времена, наклонения и залоги — имели значение лишь по отношению к субъекту. Все эти формы самостоятельно, без отношения к другому слову, притом взятому в именительном падеже, немыслимы. Признак, обозначаемый глаголом, сам по себе не имеет реального существования, а только приписывается

известному субъекту. Совершенно иного рода формы вида глагола. Формы, например, лица находятся между собой в соотношении: одно предполагает другое, и не предполагают такой формы глагола (в лицах), которая с ними не была бы несоотносительной; формы видов глагола несоотносительны: если мы возьмем, например, действие продолжающееся, то у нас не явится представления ни о начале, ни о конце действия. Это синтаксическое или, лучше, семасиологическое основание находит для себя подтверждение и в морфологии: формы вида уже в древнейших языках индоевропейской группы были словообразовательными, а не флексивными.

Виды глагола особенно важное значение имеют в русском языке, так как вследствие утраты нескольких форм для выражения времен русский язык стал прибегать к видам глагола. Вследствие этого средства для обозначения вида глагола в нем особенно развиты. В белорусском языке способы выражения видов в общем те же, что и в русском языке, но для некоторых обозначений кратности действия, развившихся в более позднее время, имеются и свои особенности.

Суффиксы, служащие для образования видов, мы уже рассмотрели в морфологии (Белорусы 2, 58—63), здесь коснемся значения видов и выражения их теми или другими способами.

Все глаголы по роду действия, ими выражаемого, распадаются на два главных класса: I — глаголы вида несовершенного и II — глаголы вида совершенного. Глаголы первого рода обозначают действие неоконченное, длящееся, протекающее (verba imperfectiva): *весці́*, *вадзі́ць*, *па́даць* и т. д.; глаголы второго рода показывают действие законченное, протекшее (verba perfectiva): *сесць*, *даць*, *ўзяць* и т. д.

Глаголы вида несовершенного показывают действие, которое может быть разного качества: а) длительное, беспрерывно продолжающееся (verba durativa) *нести́*, *біць*, *ці́ці*, *цвісці́* и т. д. или б) кратное, продолжающееся с перерывами (verba iterativa): *хадзі́ць*, *насі́ць*, *быва́ць* и т. д. В белорусском языке сюда относятся и такие глаголы, которых основа распространена прибавкой *-ави-: кладавіца*, *седавіца*, *садавіца* (ср. Белорусы 2, 58), или *-ка-*: *здохо́вкаца* (ib. 60). В русском языке, в котором рано утрачен имперфект, развились еще глаголы в) вида несовершенного многократного, обозначающие частую повторяемость действия.

В белорусском языке образования для вида несовершенного многократного находятся еще в зачаточном состоянии. В старинных памятниках есть немало случаев употребления образований с суффиксом *-а-* как бы для обозначения действия часто повторяющегося, напр.: пере^{к} ты^{м} *жиглли* тѣла мр҃твы^{х} на то^{м} мѣстци. где хто оумре^{т} (71 Крас.); пирала (= стирала) (59 Сб. XV в. Публ. б. № 391); нацаша *ѫставливатисѧ* (131 Лет. Авр. XV в.); король... та^{м} в нее *бывалъ* часто (289 Позн.); едаетъ (= ест) (269 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); не *е́даючи* ани пиючи (60 ib.); *сыплѧла* з царе^{м} (190б ib.); слыша^{х} или — ꙗко *сыплѧли* (= спали) з женами (141б ib.); ѡпе-

чалꙑ ла (= печалила) (140б ib.); пасалъ есмъ (= несколько раз пас) (155 ib.); *едалъ* хлѣбъ (17 Псалт. XVII в.); войну з рымляны *мевали* (145 Сб. XVII в. Син. № 790) и т. д.; я й *севаў* — высеваў, высевая, я казаў (Никиф. Част. 1841 Диснен.).

Как можно видеть из приведенных примеров, не всегда здесь обозначается многократное действие; ценный в этом отношении следующий случай: в Псалт. XVI в. (пс. 105.43) ц.-слав. **ИЗБАВИ** (польск. wybáwił) передано посредством *высвобожа*^{ше}; в живой речи подобные выражения малоупотребительны. В отношении употребления подобных образований западнорусские памятники совпадают с юго-западнорусскими: ѣдатꙇ, ѣдаѣ, єдалꙇ есмо — и пꙇвали (Ев. Негалевского 1581 г.) (Назаревский. Язык Ев. 1581 г. Киев, 1911, 104). Обычнее для выражения многократности действия образования с суффиксами *-сва- / -уйе-*, *-ева- / -уйе*: ѡбрезовают'се (88б Сб. XV в. Публ. б. № 391), видована (ib. 92б), оуздержаваеть (ib. 92), ѡсвѣчавала (48б), повѣшавали (ib. 72б), оуказаватисе (ib. 30б), приказава^{ше} (ib. 31, 65), неслыхаваны (ib. 33б), ѡплакевала (ib. 15б), выслоухова^{л} (Псалт. XVI в. 99), присмотровати (ib. 118б), преме^{ш}кова^{єт} (ib. 60), вы́слоуховалъ (102б Псалт. XVII в.), пописова людъ (84 ib.), вырꙋбавали (56б ib.), ѡ'фери и^{м} чиневали (6 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158), по́йсковати (Ев. 1616 ме); или из современной речи, обыкновенно с аканьем, как это отчасти можно было наблюдать и в примерах из старинных произведений: вы́играваць (Мат. Б. №№ 5 Слуцк., 9 Бых.), выгова́раваць (ib. 9 Бых., 15 Игум.), обду́маваць, обма́новаць (ib. 11 Новоалекс.), приду́маваць (ib. 28 Себеж.), пирапра́шаваць (ib. 11 Новоалекс.), пасту́каваць (ib. 31 Вилейск.), раскидаваць (ib. 11 Новоалекс., 31 Вилейск.), распи́саваць, расцярбля́ваць, расхваля́ваць и т. д. (ib. 31 Вилейск.), спо́роваць (ib. 9 Бых., 15 Игум., 28 Себеж. и др.). И суффиксы *-ыва- / -ива-* также известны белорусскому языку, хотя и не в такой степени, как русским говорам. В старинных памятниках изредка, а в современном языке и довольно часто, не без влияния русской литературной речи, можно встречаться с ними, напр.: Сб. XV в. Публ. б. № 391: єдывали (80), выгонивали (81); Лет. Авр. XV в.: не присылывалъ (206); Лит. Лет.: почне^{т} также прие^{дт}и. къ стары^{м} доумамъ. как и къ брату *прїєжживалъ* (438б—439 Вил.); Сб. XVI в. Крас.: нем^{о} *впадывае*^{т} (64б), оупадываеть (71), *игрывали* на тр^{х}ба^{х} (66), хоживало (69), почали *р^{о}множиватисѧ* (65); Сб. XVI в. Позн. (ср. Arch. f. sl. Phil. IX, 371): хоживалъ (154), игрывали (228), кладывалъ (235), ездчывалъ (ib.); Тайна Тайных XVI в.: хаживала (31б); Статут 1588 г.: посылывано (73); Псалт. XVI в.: приро^{ш}нива^{ѣ}ть (52б), говорива^{ше} (99); Библ. кн. XVII в. Толст. № 158: стоюва^{х} (154б); Псалт. XVII в.: выслухива^{ѣ} (82), выслухива^{х} (116); из живой речи: выпе́иваць, вылы́зываць (Мат. Б. № 6 Диснен.), нака́шываць, накла́дываць (ib.), апщы́пываць (ib. 8 Игум.), паха́джываць (ib. 7 Минск.), паки́дываць (ib. 8 Игум.), пагля́дываць (ib.), расхва́ливаць (ib. 5 Слуцк., 9 Бых., 18 Витебск.); каб цибе,

моя нивехна, ды й *разырвывало* (Никиф. Част. 75); нам ня *гуливаць* с табой (ib. 542); ци по вулицы ни *хаживала* (ib. 1199 Полоцк.); одзин голуб да *помалчиваиць*, други голуб да *разсказываиць*, як дзеўку паринь *сбманиваиць* (ib. 1213) и т. д. Иногда *-ыва-* еще имеет перед собою *-ов-*: взмиловывацьца (Нос. Сл. 54), выбрукóвываць (ib. 79), размеркóвываць (ib. 550); *-овыва-* может упрощаться в *-оўва-*: на выбоинах *падтрымóўвае* євóўй вўоз (Сержп. 20 Слуцк.). Однако и не все формы с *-ыва-* / *-ива-*, особенно в старом языке, имеют значение многократности. В современном языке нередко *ы* из таких форм исчезает или заменяется неопределенным звуком: *раскáзваць*, *пказъвай* и т. п. И в подобных образованиях оттенок многократности чувствуется слабо.

Для означения многократности действия в белорусском языке, как и в украинском (см. Словарь Гринченко, *попо-*), развился и самостоятельный способ посредством прибавки к несовершенному виду глагола удвоенной приставки *по*: ён у мойго бацьки *пыпскрав* коний (Ром. III, 80); ужэ ўси народы с цэркви *попошли*, а моих дочарэй нету (Ром. VI, 318 Рогач.); ў церкви той, кажуць, бискупы *попсховапы* (Шейн Мат. II, 466 Полоцк.); папасхло (= достаточно насохлось) (Мат. Б. № 21 Слуцк.); papawièszać (Федер. III, 159 Шидловцы). Правда, это *попо-* не всегда совпадает по значению с русским *-ыва-* / *-ива-*: иногда оно обозначает и законченное в прошедшем времени действие (уже ўси народы попошли и т. д.).

Повторяемость действия, как и в русской литературной речи, может выражаться также посредством прибавления *ну* к неопределенному: прывезáў гада к дзéраву й *ну* его дубáсиць лýцьями (Сержп. 37 Слуцк.).

Глаголы вида совершенного могут указывать на

а) совершившееся действие некратное: *лáгу*, *ўпаду*, *раджý* и т. д.; тут может обозначаться α) начало действия: *запеяць*, *закрычáць*, *зараўсцú* или β) его окончание: *понарáють* (= посоветуют) (85б Сб. XV в. Публ. б. № 391), *попырскаць* у глазьё (Ром. V, 8 Чаусск.), *убрáць*, *знайцú* и т. д.; в старинных памятниках и формы, подобные приведенным, не всегда обозначают совершенный вид: *не найдоу* (19 Сб. XV в. Публ. б. № 391) обозначает *не нахожу*;

б) совершившееся кратное действие; причем α) действие может быть распространено на несколько объектов и исходить от нескольких субъектов и совершиться не мгновенно: *забúць*, *спалúць*, *купúць* и т. д.; β) действие может быть совершено в одно мгновение. Для обозначения такого действия в белорусском языке существует два способа: прежде всего образования с *-ну-* / *-не-*. На почве белорусского языка развился целый ряд случаев, когда этот суффикс присоединяется к основам глаголов, больше уже распространенным суффиксом *-а-*, означавшим длительность действия, причем *-ну-* / *-не-* в таком случае показывает мгновенно совершившееся действие, притом однократное, напр.: жáрéнýць (так жарену, что и своих не познаешь)

(Сл. Нос. 153), ломзану́ць (= ударить) (ib. 271), свистану́ць (ib. 575), дергану́ть, сербануть (Мат. Б. № 3 Могил. губ.), кылану́ць, мыкану́ць, хыпану́ць (ib. 4), варсану́ць (ib. 7 Минск.), дзярпану́ць, клыпану́ць, шмаргану́ць, тузяну́ць (ib. 8 Игум.), колону́ць, хопану́ць (ib. 10 Мозыр.), сцябану́ць, махану́ць, (ib. 11 и 14 Новоалекс.), мызгону́ць (ib. 18 Витебск.), сапану́ць, хлибану́ць, разану́ць (ib. 31 Вилейск.). Второй способ выражения совершившегося кратного действия — это употребление отглагольных междометий, представляющих более обнаженный корень, для выражения мгновенно совершившегося действия (ср. Белорусы 2, 62—62), напр.: ён тоды *щу́п* за голову (Ром. IV, 159 Сенн.); зрана ашнуўся я, *лянь,* аж его ужо у хаци нима (Мат. Б. № 13 Свенц.); jenỳ... *babùch* u wòlu (Федер. III, 106 Рось); учóбра, вязучы на стáнцаю, кражá, *трах!* — перарваўся зáвярцень — ну й рабí ты тут, што хóчаш (Бобр.).

Виды славянских глаголов, как и всякие другие явления в живом языке, не остаются неподвижными. Часто, например, бывает, что в глаголе вида несовершенного утрачивается его длительная форма, тогда ее место заступает кратная форма, которая в этом случае утрачивает свою кратность. В белорусском языке, не говоря уже об общевосточнославянском *читаць*, имеется несколько подобных образований, как *устрекáць* в одних местностях при *устрéць* в других, *пея́ць* при *пець*, *ленцаваца* при *ленiцца* и под. В старинных произведениях имеются случаи и обратных явлений: глаголы в форме совершенного вида имеют значение несовершенного вида: владнути (= владеть) (278 Статут 1588 г.), танȣли (= таяли) (97б Псалт. XVI в.), Два случая несоответствующего употребления вида (*высвȉбожа*ˆ и *найдоу*) нами отмечены уже выше.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Рассмотрев подлежащее и сказуемое, разные способы их выражения, следовало бы перейти к словам пояснительным: отдельно рассмотреть слова, поясняющие подлежащее, и слова, поясняющие сказуемое, а также слова, поясняющие пояснительные слова; иными словами, пришлось бы коснуться определений, дополнений, обстоятельственных слов. Но при такой системе изложения у нас неизбежно явились бы повторения, так как, например, одни и те же падежные формы являются и определениями, и дополнениями, и даже обстоятельственными словами, особенно в соединении с предлогами. В качестве определения подлежащего чаще всего является имя прилагательное и местоимение, а в старом языке и причастие, обыкновенно согласующиеся с подлежащим; но о согласовании мы уже говорили в разных местах. Таким образом, для упрощения дела мы обратимся прямо к рассмотрению употребления тех или других падежей, главным образом косвенных, и притом без предлогов.

ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ В КАЧЕСТВЕ ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ СЛОВ БЕЗ ПРЕДЛОГОВ

Падежом принято считать особую грамматическую форму. Однако в дальнейшей жизни каждого языка, в том числе и русского, нередко разные падежные формы совпадают, начало чему положено уже в глубокой древности; причем у одних основ этих совпадений больше, у других меньше. Вследствие этого при определении того или другого падежа приходится принимать во внимание и общее значение падежа. Однако в этом отношении разные языки не совпадают. Например, в славянских произошло совпадение по форме родительного и ablativ'ного, тогда как в латинском языке совпали ablativus и instrumentalis. Таким образом, в славянских языках в значение родительного внесено то, что в других принадлежит творительному. То же следует сказать и относительно некоторых других падежей. Следовательно, говоря о падежах в славянских языках, придется в основу положить различие в формах (притом не у одних каких-либо основ, а у всех) при различии общего значения. Те или другие оттенки в значении, зависящие больше от совпадения падежей в сходной форме, лягут в основу дальнейших рассуждений касательно употребления разных падежей.

Именительный падеж

Что касается именительного падежа, то его мы уже достаточно касались, рассматривая подлежащее и составное сказуемое. Здесь отметим, что в именительном падеже ставятся пояснительные слова — прилагательные, местоимения, изменяемые по родам, в старом языке причастия, порядковые числительные, — определяющие подлежащее или сказуемое, выраженное именем или заменяющим последнее местоимением; такие определения обыкновенно согласуются в падеже, числе и роде с словом определяемым, напр.: преставїсѧ кнѷгни *великаа ѡлгирꙗ҃ва* (448б Вил.) (последнее слово по особенностям древнерусского языка имеет тоже форму прилагательного вместо родительного падежа имени существительного собственного); мясо *волѡво* (50б Псалт. XVI в.); бг҃ъ *Ꙗ҃кѡво*᷈ (8б Псалт. XVII в.); стрѣлы твои *ѡстри* проникнѹ᷈ сер҃ца непрїятеле᷇ (22б ib.); сн҃ы *їа᷈ковы* (63 ib.); сн҃ове *ефремѡвы збро᷇ны* и *гетѡви* — подали ты҃ (64б ib.); мешка᷈та *їа᷈ковѡвы* (83 ib.) (вследствие морфологических особенностей старого западнорусского языка согласования в роде не всегда выдерживаются); стоиць древцо, *тонко*, *высѡко*, лїсцем *широко* (Шейн Б. П. № 153 Витебск.); *нейки* дужаж *вялїки* чаловек (Шейн Мат. II, 152 Игум.); были *мядовые* крыницы, з их цякли *солодкие* реки (ib. 355 Борис.); стоиць чо́вин, воды *по́вин* — каб ён ни разлиўся (Никиф. Част. 1360 Вилейск.); придоша болгаре — *оучаще* та ктоже вѣрѣ своеи᷈ (351 Лет. Авр. XV в.); авраамъ᷈ *сы* . д҃і. лѣ᷈ *сы* бо разоумѣнию сподоби᷈ (5 ib.); рязанци соуровий чл҃вци. и свѣрѣпїи᷇ и̇ высокоб҃умьльвї и люди *сѡуще* възгордѣшаса (120б ib.); *сѣмера* рѣ᷈ моуси᷈ быти бачена (25 Сб.

XV в. Публ. б. № 391); принося ён (Илья) обедать, а *тая* уже яго матаа и кажа (Ром. IV, 17 Гомельск.); ето ты, *такий — простакий*, увогнав чарцей мне ў двор (ib. 121 Бых.); вот раз один корабель, *самый красивейший*, затоная (Ром. III, 63 Рогач.); сядить девка, *пригожая-пригожая* (Ром. IV, 47 Гомельск.); повторение прилагательного обозначает здесь превосходную степень, как и в следующем примере: бога́ты, бога́ты (Мат. Б. № 6 Диснен.).

Интересны определения, выраженные прилагательным того же корня, что и имя существительное: *ста́ры стари́к*; этот способ определений известен и украинскому языку (ср. Ogonowski, Studien, 150).

Согласование определяющих с определяемыми бывает, конечно, и в других падежах: рос под *самый* пол (Шейн Мат. II, 283 Слуцк.); вырос под *саму* столь (ib.) и т. п., что можно будет видеть из рассмотрения примеров на другие падежи. Иногда находим подчинение: взял... овец *трыдцатеро*, свиней *двадцатеро*, коней робочых *четверо* (Акты В. А. К., т. 36, 28 Мин. XVI в.).

Отступление в согласовании представляют формы с *два*, *дзьвъ*, при которых когда-то стояло двойственное число; при существительных, бывающих здесь в именительном множественного числа или родительном единственного числа, прилагательное определение бывает в родительном множественного числа, напр.: два ретезки *златыхъ* (И 64 Скор. XVI в.), dźwie biedy *hyorszych* je (Федер. I, 39 Шидловцы) и под.

Когда пояснение имени, служащего подлежащим или сказуемым, выражается существительным одним или с каким-нибудь определением, то такое пояснение называется п р и л о ж е н и е м. Сюда можно отнести и пояснение, выраженное несколькими именами прилагательными или прилагательным и местоимением, поставленными после пояснительного слова. Примеры: ѡлкгирдъ *королевъ* ѡц҃ь (437б Вил.); и таковь конець сталсѧ ємоу *кл҃зю великомоу Кестоутию* (10б Увар.); и кн҃зь велики *Кестоути* (86 Супр.); сестроу ро҃ную *кн҃жьню Марию* (88 ib.) (кн҃гню — 439 Вил.); третюю девку, *товарышку* нашу, *швачку*, именем *Полонею*, до себе до Молодечна взял (Акты В. А. К., т. 36, 20 Мин. XVI в.); на *сшѵ̃* гѡрѣ (7б Псалт. XVI в.); бж҃е *збавителю* нш҃ь (82б ib.); приведѵ̃ — пане҃ки *товарищки* еи (23б Псалт. XVII в.); ты чл҃вече *вожѵ̃* мо҃ (38 ib.); ро҃весели дш҃ѵ̃ мою *раба* твоего (82 ib.); сн҃ове ефремовы *збро҃ны* и *готови* — подали ты҃ (64б ib.) и т. д.; я, кажець, Несцерка, *дзеток шесцерко*, робиць лянюся, красци боюся, попросиць не смею (Ром. III, 400 Сенн.); прикасався к ёй *нячистая сила* — змей трохголовый (ib. 155 Рогач.); няўжо́ ето вы *мой сын Пётра?* (Ром. VI, 25 Гомельск.); тыя спрашують у яго, *тыя вороны* (ib. 282 Чаусск.), и сам з двора ўехав, *Каща бессмертная* (ib. 3); як же ён будзиць сечь, *етки малы?* (Шейн Мат. II, 38 Горецк.); того ча҃у... бѣаше пр҃рчица *з҃вѣздарка имене҃ сивил҃ла* (Сб. XVI в. Крас. 171б); (Господзь) здзелав яму жану, — *Ева названьня* (Ром. IV, Гомельск.).

www.ruslang.ru

Приложение, стоящее в именительном падеже, да и в других, правильно согласуется с тем словом, к которому относится. В Уваровском списке Литовских летописей очень часто замечается отсутствие согласования приложения с собственным именем или даже отчества с именем лица: добывати *гра*ѫ *Витебьска* (28 Увар.); *кн҃зѣ Глѣ*б *Стославии*ѱ *Смоленьскаго* (21б ib.); *Семиѡна Евдоугьеви*ѱ (ib.); кн҃зь *Анѫрея Дмитроєвичь* (23б ib.); вса *бра*ѫ*тиа Сто*с҃*вичь* и вси кн҃зи Смоленьскии (34 ib.); кн҃зѣ Юрьа *Влад*и*мировиѱ* ѣша (98б ib.); водѣще с собою Волод*и*мира *Юрьевиѱ* (99), что в одних случаях можно объяснять тем, что приложение рассматривается, как часть сложного слова (гра^{ѫ} Витебьска), в других можно видеть лишь недописанное окончание (Юрьа Влад*и*мировиѱ), хотя иногда и вполне дописанное окончание также бывает не согласовано (Ан^{ѫ}реа Димитроєвичь). Иногда и простые определения, выраженные именем прилагательным, сливаются в одно сложное слово с существительным и бывают лишены согласования, что́ изредка наблюдается и в украинском языке, напр.: на дзе́вич-ве́черу (ср. Ogonowski, Studien, 151).

Особый вид приложений составляет именительный падеж при неопределенном, известный, впрочем, больше древнейшим памятникам, напр.: ту ему *правда* да҃ или *вина* его (Г. 1264 г.); *монѣста свобо*с*дна* Тѣшятѣ взяти (Л. 15, 1266 г.); не мощно комоу испытати *высота* небо^{с}на и *глубина* морьска (51б Увар.). Подобные приложения чаще всего встречаются от слов женского рода на *-а* (ср. Белорусы 2, 163).

Особенно интересны приложения к таким словам, которые являются более общим понятием; приложения оказываются частью этого понятия; иногда оно прибавляется для пояснения глагола в роли обстоятельственного слова, напр.: тые же первомененные писма *кажное с нихъ* токмо единѫ речь в собѣ замыкаѥть [предисл. в Псалт. Скор. (Влад. 325)]; кн҃зь Витовтъ со ѡце^{м} своимь Кестоутие^{м} *сбадва* поѣде в рать ко Глглоу (93б Супр.); два реестра списанья почыненья шкодъ *сбадва* под печатью моею (Акты В. А. К., т. 36, 8 Мин. XVI в.); полягуць коровы *сдна* коло аднэй близенко (Шейн Мат. II, 458 Полоцк.); от так ганя́юць ены́ гусь *одно́* к другому́ (Сержп. 97 Мозыр.); janý byli *volas* w holas i holas w holas (Верига Pod. 50 Лидск.); урадзила такая харошая пшани́ца, *ко́лас* ў колас; *смола* смолою привязався (Нос. Посл. 151). В современной речи при таких именительных, являющихся в роли приложений, бывает еще косвенный падеж тех же слов, присоединенный чаще всего при посредстве предлога. Со временем подобные обороты стали как бы наречными и поэтому могли сочетаться не только с именительным падежом подлежащего, но и с другими, напр.: бежала *домъ* ѡд домоу (1б Сб. XV в. Публ. б. № 391); седзи́ць пападзя́ з дачко́ю, маўча́ць: со́рам им *адна́* другуо́й у во́чы зирну́ць (Сержп. 77); подабра́ў малайцо́ў *во́лгс* ў волас, *го́лас* ў го́лас и под.

Любопытен еще один разряд приложений, из которых в народной речи со временем выделились постоянные эпитеты, напр.: цр҃квъ — ст҃хъ

трї ѡтрокы (181 Лет. Авр. XV в.); я Иван — *зылотэя пуговицы* (Ром. III, 113 Сенн.); стоиць криница, *светлая водзица*, такая, што прямо як крыштал (Ром. IV, 150 Сенн.); стоиць яблонка при дорози — *золотое яблочко* и *сяребраное* (ib. 151); бег собака чараз мост — *чатыры ноги*, *пятый хвост* (Ром. V, 40 Могил.); вун моé сестре дом — *дзверы медзяныя* (Шейн Мат. II, 33 Горецк.); прыглядáецца до молодой, але яна была — *очи завешаные* (ib. 264 Новогр.); грачишечка, *чёрно семя*, стала красоваца (Никиф. Част. 1304).

Чтобы покончить с вопросом об употреблении именительного падежа в качестве определения к подлежащему или приложения к нему, следует еще вспомнить ряд оборотов, в состав которых входит *што за*, как: што вы люди за дзиўные (Зап. V, 432 Лепп.; ср. Ром. I—II, 278 Сенн.); а што в нас сягоння за вечар быў (Шейн Мат. I, 236 Лепп.); што за першая работа (ib. 519 Минск.); што ето за людзи (Мат. Б. № 18 Витебск.) и т. д. Этот оборот известен и старым западнорусским памятникам уже с XVI в.: что суть за людие (Скор.); што то за рыцеръ (Сб. XVI в. Позн.). Оборот этот известен русскому литературному языку и некоторым другим славянским языкам, но он — не исконное явление, а развился, вероятно, под немецким влиянием.

Винительный падеж

Винительный падеж чаще всего употребляется для обозначения предмета, являющегося в предложении дополнением, на который распространяется действие сказуемого. Тогда как именительный падеж обозначает лицо или предмет, производящий действие (хотя бы они были даже мнимыми деятелями, как при страдательном залоге), винительный падеж первоначально заключает указание на пассивное состояние лица или предмета, причем оттенки этой роли были разнообразны; отсюда и разновидности в употреблении этого падежа. Широкое употребление винительного первоначально обусловливалось и тем, что число переходных глаголов было больше; со временем многие из таких глаголов стали употребляться только с предлогами, а другие перестали быть переходными, и бывшие при них дополнения стали чувствоваться уже в местном значении. Все эти особенности винительного свойственны вообще восточнославянским языкам, в том числе и белорусскому языку.

Таким образом, в винительном падеже ставится прежде всего п р я м о е д о п о л н е н и е. Примеров здесь можно бы привести бесконечное количество; мы ограничимся лишь более замечательными в каком-либо отношении случаями: да^{л} *вьчо* мѣти (68 Крас.); хто *что* оуспѣлъ взати (88 Лет. Авр.); хотѧ хто *что* вынесле на поле (ib. 88б); бо̀ ве^{м} ты г҃и ѥ̂дино̀ на надею в҃житли҃ мѧ ѥ̂си (9 Псалт. XVI в.); приправи҃ *начи҃е* смр҃телное (ib. 11); оу҃дила^{м} оу҃зды *челюсти* и^{х} повстагне҃ (32б ib.); шлець яе *молоду* на Дунай по воду (Изв. 176); приносиць ей шубу, силенно *добрыю* (Ром. IV, 87 Велиж.); свою хвабрую конь *ногу* упусьцив (Ром. V, 77 Чаусск.); годзи бацько носиў *скрынку* а личыў *грошы* (Мат. Б. № 10 Мозыр.); гбать *полозы* (ib. № 18 Витебск.). Даже на-

звания одушевленных предметов в роли дополнений попадаются в формах винительного: *которы́е* г҃ь вспомогае^{т} (85б Псалт. XVI в.); забила ѣ (телѧ), взѧвши тежъ муки замесила ю (167 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); привела яна *два сыны* (Шейн Мат. II, 56 Свенц.); *wały* takyё błahiёnkije maje (Федер. I, 10 Шидловцы); в примерах, подобных нижеследующим, в современной речи при глаголах бывает еще предлог или же другой падеж: скажи мнѣ г҃ди *докѹ҃чене* мое (11б Псалт. XVII в.); шука҃ю мнѣ *зл҃се* (49 ib.); посѧде^{ш} дѣдичне *вси нарѻ҃ды* (77 ib.); взываю *тебе* (85 ib.); будѹ *тебе* взывати (33 ib.); *дай* нихто не любиць, а *на* усякий чуёць (Нос. Посл. 32); прибегая вовк — нападая етыя *ячки* у яго в хохле (Ром. III, 417 Бых.); *што* вы тут жджыцё? (ib. 420 Сенн.); а солдат смотри́ць *усё гето* (Ром. IV, 71 Гор.) и т. д.

Дополнение у названий одушевленных предметов, преимущественно лиц, да иногда и неодушевленных, по особенностям белорусской речи часто выражается формами родительного падежа (о чем после).

Отметим еще два редких случая: а) в одном вследствие непоследовательности в управлении формы винительного незаметно перешли в именительный: далъ ѥсми... три места... да *поженьки* да *луг* на полоте. да огородъ (гр. XIV в. И. Н.); б) в другом, может быть, под влиянием рифмы, в роли прямого дополнения выступает форма звательного: jászczaru panoczku | addàj mu̯oj *wianoczki* (Федер. I, 107 Баличи).

Глаголы непереходные, когда они соединяются с приставками-предлогами, могут принимать дополнения в винительном падеже: всю *землю* По^{ко}льскую ѡсели (44 Увар.); ѡ^{я} шедь Подольскую *землю* засель (ib. 45); позасе^{дѧ}лъ *вси гор҃ды* (46 ib.); *землю* посе^{л} (66б Крас.) (полонизм); Вито^{в}тъ прие҃де оу Вилню хотѧ ю засѣсти (445б Вил.); обышбу́ *хату* кругом; заплява́ў *ли́сину*; заступи́ў яму *дарбгу*; нае́хаў *дзиво-дзи́вное*; за́яць перабёг *дарбгу*; праспа́ць *ща́сце* и т. д. Любопытно прямое дополнение при глаголах непереходных: и тою ча҃ю его боуде^{т} и *гро^{л} юрборкъ панєвати* (65—66 Крас.); *немца, турка* ваяваць (Раст. 128); людзей не смяшы, *бога* не *грашы́* (Мат. Б. № 13 Свенц.).

Если при прямом дополнении имеется еще определение, выраженное причастием, или прилагательным, или даже именем в роли приложения, то получается двойной винительный: *выбавѣ* г҃и вчини лю^{л} свой (29 Псалт. XVI в.); чинили *славны имена* свои (49б ib.); имели *є҃го* ѡ҃су^{дѧ}ть *невинного* на см҃рть (95 ib.); *прест҃пни҃ки* розѹме^{л} ѥсми *всѣ^{х} грешнико^{м}* земски^{х} (123 ib.); ѕ҃зри҃ и҆ *мѕ҃дри^{х} ѕ҃мираючи^{х}* (28 Псалт. XVII в.); взя^{л} *жонѹ* собѣ *сестрѹ* свою (1 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); того *Шипа винѣнного* знашла [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)]. В фразе «царѧ мѣста гайского поймали *живо*» (112 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) *живо* может быть и не описка вместо *живо^{го}*, а употребление наречия вместо винительного падежа прилагательного. Впрочем, употребление двойного винительного известно только старинным памятникам: современный язык вместо второго винительного обыкновенно употребляет творительный падеж (о чем после). В живой речи

двойной винительный известен в редких случаях: ту́олько пусци́ *жывого* (= меня живым) (Сержп. 49 Слуцк.); *яго* ишчэ *малога* сюды привезьли; чуць *жывога яго* пусьцили; *хлеб* чуць тольки *цёплы* сь печы павымали (Бобр.); зьеў *яго жывого*; вы́гнаў *дочку́* на морóз *босую*; паки́нуў *мине́ аднаго́* и под. Иногда второй винительный может быть выражен именем с предлогом: ўзяў сабѣ сястру́ за *жану́*.

Вторым винительным может быть причастие настоящего или прошедшего времени действительного залога. Когда оно утратило способность к изменению, обратившись в деепричастие, то в роли второго винительного стало являться это последнее, что особенно часто бывает после глаголов *слышать*, *видеть* и под.; иногда первый винительный даже опускается. Примеры можно указать из старого западнорусского языка и из современной речи: хто коли видить грамоту. а любо слышить *чтучи* [гр. 1387 (22)]; кто въ онь возрить или услышить *чтучи* (Арх. С. VII, I, 1433 г.); с'лыша ѡ неи *повѣдаѽщи* м'ного (16—17 Сб. Крас. XVI в.); чула я малада *салаўя́ пия* (Отч. 6 Слободка); хто почуить *кующи зязюлю* (Ром. Мат. Гр. I, 79 Волков.); штоб было чутно *звенючи́* (ib. 142 Слоним.); виде[х] е҃си ѿца твоего й *мене беднуѽ плачуче* [Житие Алекс. XV в. (Влад. 260)]; ѻни ѵвидевъши *е҃го ходачого* по морю (52 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); конь виделъ *пана падшы* (155 Сб. XVI в. Позн.); Съ тое Грыцовъщины не ведалъ есми на службу *ходечи* (= чтобы ходили) [Бел. Арх. II 1495 (XVII в.)]; видали тое лядо *пашучи* (= что пахали) [ib. 1532 (XVII в.)]; ены увидзили *Романа* на высокой горе *óручи* (Шейн Мат. II, 301 Слуцк.); не видим хóдя *их* (Ром. VI, 91 Горецк.); ни видив никогò — ни *человека прохо҃дяща*, ни *пт҃ицы пролитащи* (ib. 225 Черик.) (славянизмы индивидуального характера, как особенность рассказчика); коли ўвидзишь *татку йду́чи* (Кар. 64 Трок.); ена убачила *ехавши люцей* (Шейн Мат. II, 61 Слоним.); ци не бачиў ты, мужичок, тут *мужика едучи и везучи* свинню з поросятами (ib. 181 Горецк.); т҃и ни бáчыў ты *войска идучы́?* (Ром. Мат. Гр. II, 86 Слоним.); zàjczyku, ni bàczyu ty *liski biehuczy* (Федер. II, 7 Рось); ci ni bàczyli *dwoje ludziey iduczy* (ib. 156 Дятловичи); ći ńe báčyu tut *zéuk'i b'ehučy*, ḿex hróšei *nesučý* (Клих 158 Новогр.) (в последних примерах после глагола с отрицанием употреблен родительный вместо винительного); jak uhledziać małady ch jèduczy abò iduczy da wiencà (Федер. I, 90 Свислочь); нашла и *мужа* Уллянки, *оручи* полянки, недалеко от своей хатки (Шейн Мат. II, 139 Игум.); našòw *durńa wbìwšaha* d'ika, wbiw durńa (Верига Pod. 18 Лидск.); znašòw *jaho l'ežučy* pad' kustòm (ib. 41), durań pašòw w dvor i znašòw w sadù *stajačy kl'etku*, w toi kl'etca śad'ić Žar-Ptica (ib. 39); попав *мужичка* худачка, на поли *оручи́* (Ром. VI, 426 Сенн.); я ўловив, сено *ядучы* (ib. 288 Орш.); spatykaje nàszoho *czałavièka* kuonno jèduczy (Федер. I, 201 Лысков).

Сюда принадлежат и те случаи, «когда (выражаясь словами Потебни, «Из записок по русской грамматике» I—II[2], 384) объект глав-

ного сказуемого указывает на подлежащее неопределенного», или — другими словами — следы оборота винительного с неопределенным. Accusat. c. infinitivo в таком виде, в каком он существовал в греческом и латинском языках, даже старому западнорусскому языку не был известен, не говоря уже о теперешней белорусской речи; однако случаи употребления винительного, как дополнения к глаголу, и неопределенного, как второстепенного сказуемого (стр. 366—368), языку были известны; кроме того, авторы и переписчики западнорусских произведений встречали случаи отражения греческих и латинских accusativ'ов cum infinitivo в древнерусской и старославянской письменности, вследствие чего невольно привыкали к ним и затем находили возможным допускать такие обороты и в западнорусских произведениях. Естественно, поэтому, что изредка мы встречаем их в разных памятниках, напр.: в Сб. XV в. Публ. б. № 391: надеваючисе єщо *ѓна* тамо *быти* (6); клича *себе беднєго быти* (24б); знали єсмо *того чорнокнѓника быти сѓа* єзопа тесле из марїи нароженого (16б); розумеючы *то* зъ єго прычыны *быти* (278 Позн.); Ев. Тяпин. ок. 1580 г.: ѻни ѻвидевъши єго ходачого по морю, домънимали *ѻб'луду быти*, и зак'ричали (52); Библ. кн. XVI в. Вил. № 262: чинихъ собѣ *рѻчаи* вохна *поити* ими лѣсъ ростащь (87); Псалт. XVI в.: невѓнеса внимаєте *бы ігры* млечности *прирєвнаны* (66); възглане ты на землю и вчинѓ єи *трасти* (104б) [ср. в Син. пс. **пр'ꙁ'рѣꙗ на ꙁємлѭ твор'ꙗ ѭ трꙗсті сѧ** (103. 32)]; Псалт. XVII в.: *свѣдѓтва* ѡказа́лиса *быти* вѣри го́дные (8) (замечательно, что в польских оригиналах во всех трех случаях другие обороты); который *се* менил *быть* врадником отъ пана воеводы (Акты В. А. К., т. 36, 19 Мин. XVI в.); поведаючи *себе быти царя* Дмитра (169б Сб. XVII в. Син. б. № 790); бачачи в том *прозбу нашу быть слушную* (Бел. Арх. I 1548); видечи быть мещан Могилевских *доводы показаные слушнейшие* писмом (Бел. Арх. I 1603). Замечательно, что иногда подобные обороты можно встретить и в живой речи: зачуў-пачуў сиву зя *зюльку кавали* (Малев. 113 Слуцк.). Иногда даже попадаются случаи именительного с неопределенным: ты врешь, *быць я мальчик* нихорош (Никиф. Част. 660 Дриссен.). Один случай отмечен выше. Вполне, конечно, допустим в белорусском языке, как и вообще в восточнославянских языках, дательный с неопределенным (Потебня, «Из записок» I—II², 398), напр.: здалосе то вам по правдѣ з вами *мнѣ ѓсти* и *пити* (291 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158).

Очень близко примыкает к винительному прямого дополнения и тот винительный, который обыкновенно называется винительным внутреннего объекта[1] и состоит из имени существительного (иногда с определением) того же корня, что и глагол сказуемое, напр.: ѡпо-

[1] Критика этого названия — у Потебни (Записки, т. III, 422—426); о подобном употреблении в украинском ср. Ogonowski, Studien, 175.

лони *полѡ* (66б Псалт. XVI в.); ду́маць *ду́му* цяжкую; *горе* гараваць; *мост* масци́ць; *гаць* гаци́ць; *век* векаваци; *суды* судзиць и под.

Кроме объекта, на который распространяется действие, винительный в некоторых случаях имеет местное значение, показывая, как и в украинском языке (Ogonowski, Studien, 176), направление действия по вопросам: «куда?», «где?». На вопрос «куда?» винительный обозначает цель действия. Если не описка, то такой случай имеем в следующем примере: ѹ̆вѣдѫ̆т *гр҃ѫ* (=в г.) (44б Псалт. XVI в.). Сюда же принадлежит несколько наречий, по своему происхождению равных винительному падежу: пашо́ў *вон*; идзи *прочь* (=*прочь* из *проче*); идзець ён *поле*, *идець* другоя (Шейн Мат. II, 386 Борис.); идзе Иван домоў, ажно *сустречу* яму якийся то пан (ib. 44 Игум.) (если это не равно: *аж на сустречу*...). Здесь следует упомянуть об одном случае именительного на месте ожидаемого винительного: нали͡э́зло ге́таи͡э́ по́шкудзи *по́ўна хата* (Сержп. 9 Слуцк.), в чем, однако, можно видеть и слитие двух предложений: *налезло столько*, *что стала п. х.* Отметим еще случай: Я *нага́* за нагбю стаўлю на кладкі (Сержп. Прымхі. Слуцк.).

Винительный падеж места при предлогах см. ниже: *без*, *в*, *воз*, *за*, *межи*, *межь*, *на*, *над*, *по*, *подле*, *под*, *през*, *перез*, *про*, *скрозь*, *с*, *через*.

К этому же винительному примыкает и старинный винительный цели, выражавшийся особой глагольной формой — достигательного. Что последнее — винительный имени, видно из того, что в зависимости от него ставился родительный падеж. В старинных западнорусских произведениях кое-где встречаются формы достигательного, которые, однако, можно рассматривать и как описки: пустили *търгова́тъ* (гр. п. 1341 Кест. и Люб.); поидеть *търгова́тъ* (ib.); посла *и҆скатъ* брата (340б. Лет. Авр. XV в.). В современной живой речи, может быть, некоторая память о достигательном сказывается в употреблении родительного падежа после многих неопределенных: пашли глядзе́ць *маста́* и под.

Что касается примеров на вопрос «где?», то в настоящее время они сохранились только в виде наречий, хотя первоначально в них мог чувствоваться и винительный существительного. Таковы: *аба́пол* (из *сба полы*) (ср. Белорусы 2, 74): возьми его *сбапол* (Нос. Сл. 344); *коло* (Белорусы 2, 80): погрейся *коло* печи (Нос. Сл. 241); *конец* (Белорусы 2, 80): стоую софѣю заложи дубову. *конець* пискупли оулици (48б Лет. Авр. XV в.); поставиша цр҃кв҃ь древа҃ноу. сѣго сп҃са *конець* коузмодѣмьа҃нѣ о҆у҆лицѣ (166б ib.); поставиша сѣго и҆лью *конець* пруской оулицѣ (217б ib.); сядзи́ць *кане́ц* стала́. В таком же смысле употребляется множественное число: жыве́ць *канцы́* сила́ (Мат. Б. № 14 Новоалекс.); *край*: живе *край* села (Мат. Б. № 17 Речицк.).

Очень близок к винительному места и винительный времени, отвечающий на вопросы «когда?», «с каких пор?», «до каких пор?». Примеры встречаются и в старом языке и в новом: *не малыи ча҆* по морю ходечи (64б Крас.); кн҃жи҃ Шви҃ригаило толко *два гоы* бѣз дв҃ѫ

мѣсяцеи (87 ib.); и́шли *цалую ночь* (170б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); подожджи тут *трошку* (Ром. III, 26 Сенн.); вот яго *ету ночь* возьмути (Ром. IV, 83 Гомельск.); молиць бога, каб создав хатку цёплую..., то *ўсю ночь* ба басни баив ба (ib. 149 Сенн.); ина жила с естым дзецёнком так *годы два* (Шейн Мат. II, 37 Горецк.); няхай бы яны погосьцили б *дзень-два* (ib. 223 Волков.), сіэ̂м годы так жыў бацко (Мат. Б. № 10 Мозыр.); была́ мая кашу́лька што *недзе́лю* бяленька (ib. № 24 Новогр.); pabyw try dńe (Верига Pod. 24 Лидск.). Сюда же относится и несколько наречий времени, представляющих из себя форму винительного падежа: *летось* посаджо́на, *сёлето* ўзращо́на на буйных ветра́х, на дробных дожджа́х (Шейн Мат. II, 510 Лепп.); ўстаў *ра́но* с пасце́ли.

Винительный времени с предлогами см. ниже: *в*, *за*, *на*, *по*, *през*, *перед*, *через*.

Винительный количества, отвечающий на вопрос «сколько?», в некоторых отношениях примыкает к винительному времени и даже места, напр.: жыве́ з на́ми *целый год*; прайшо́ў *дзе́сяць вёрст*; я *мно́го* напла́каўся; се́но ва́жыло *два́цаць* пудо́ў и т. д.

Винительный образа действия отвечает на вопрос «как?»: живём *ни то ни сё* (Нос. Сл. 341); памчаўся *бо́рздо*; *горко* запла́каў и т. д.

Винительный образа действия с предлогами см. ниже: *в*, *за*, *на*.

О других случаях употребления винительного при предлогах *в*, *за*, *кроме*, *на*, *над*, *об*, *о*, *по*, *под*, *през*, *перед*, *про*, *с*, *через* см. ниже.

Родительный падеж

Отчасти по своему происхождению и особенно по значению славянский родительный соединяет в себе функции двух падежей: собственно родительного и аблятивного (отложительного). Естественно, что ввиду разного происхождения формы родительного в ней соединялось и разное значение. Мы рассмотрим а) значение и употребление настоящих форм родительного и б) форм, имеющих значение аблятива. Первый отдел рассмотрим в двух отношениях: α) при глаголе и β) при именах.

Собственно родительный при глаголах

Тут родительный падеж употребляется прежде всего для обозначения части предмета (genetivus partitivus). Он обозначает, что действие глагола направляется не на весь предмет, а на его часть, или же, что предмет подвергается известному действию не на все время, а только известный его момент. Этот падеж употребляется после глаголов *е́сти*, *пи́ти*, *дать*, *купить* и под., напр.: забы҆ѣ҆сми съе҆сти *хлеба* (100б Псалт. XVI в.); *тѣла* — пожива҃т (23 ib.); пои́ши на҆ *сле҆* в мер҃ (83 ib.); по҆пивши *вина́* (70 Псалт. XVII в.); ён *квасу* налив, *хлеба* накроив (Ром. IV, 150 Сенн.); я ничо́го ни роби́ла, только *бобу* ела (Никиф. Част. 1600 Вилейск.); мае *ро́зуму* больш за их ўсих (Шейн Мат. II,

206 Новогр.); а што даси мне *рады* (ib. 415 Игум.); даць *па́ру, ды́хту* (Мат. Б. № 6 Диснен.); просачи^{х} *хлеба* (38—38б Псалт. XVI в.). Особенно обычен подобный родительный после глаголов, соединенных с приставками: посѣти *винограда* своєго (169 Псалт. 1296 г.); *приближающеі смер'ти* провѣдати (2 Сб. XV в. Публ. б. № 391); чи нагребе^{т} чл҃къ ѡгню паз8х8 (96 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); добоу^{л} *меча* (35 Псалт. XVI в.); по^{л}жди *сл8ги* твое҃ (123 ib.); подала яму ѥестра жалезнаго *бобу* (Шейн Мат. II, 90 Игум.); посеяв на лядзе *овса* (Ром. III, 7 Сенн.); я пойду привяду *вороння — крючча́* (ib. 268); я наслав ба *крючча́, вороння* (Ром. VI, 239 Сенн.); дайшоў *праўды*.

К этому родительному части, или разделительному, возводится и тот родительный, который бывает при глаголах *слу́хаць, ба́чыць, ві́дзець, слы́шаць, помяну́ць, ўзяцца, хаце́ць* и т. п. При всех таких глаголах дополнение тоже обозначает или часть предмета, или временное пользование. Вот несколько примеров из старого и современного языка: не смѣ^{л} нико^{ли} ѡсл8хати҃ *силно҃ гд҃ра* (86б Крас.); сл8ха^{ли} *его* (= повиновались) (86 ib.); *єго* непослоушен (27 Увар., ср. 448б Вил.); што бра^{т}и своєи посл8шны^{м} быти великого *кнаѕа* Ѡлкгирда (438 Вил.); братии всеи послоушноу быти *кн҃ѕа великого* (87 Супр.); послоуше^{л} *і҃а і҃с҃а* (83б Псалт. XVI в.) (posłussen páná Iesusá) (Врубель, надп. 80 пс.); послоу҃ни *голосоу* гн҃а (108 ib.); ѡ бы бы^{л} людъ мо^{и} *мене* послушны^{х} (76 Псалт. XVII в.); есми пи́ленъ *росказа҃ша твоего* (138б ib.); pilen roskazánia twoiego (Радив. библ. 119. 94); буд8 пиленъ *приказа҃ша* твоего (143 ib.). Имена прилагательные во всех перечисленных случаях в соединении с *быти — есмь* имеют то же значение, что и глаголы; ни на поганы^{х} рате^{х} слышахо^{м} *такы*^{х} *м8къ* (449б Вил.); 8же взалъ былъ *Лито(в)ское земли* по рѣ^{квх} Велью (446б ib.); кна^{ѕ} Ѳаноу^{ш} забы^{л} *добра* (442 ib.); за^{т} єго забывъ *добра* и *приказни* цта своєго ... поиде (175 Акад.); *города* добывати (67 Археол.); города добыва^{л} (ib.); во-п'рошаю та *того* с'прав'не (87 Сб. XVI в. Крас.); пойскали бы цр҃ю *молодиць дѣвскъ* добровидны^{х} (127 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); доконавши *того плачоу* (2б Сб. XV в. Публ. б. № 391); выслухай последнее҃ *просбы* мое҃е҃ (3 ib.), стерегоуче *чоутїя но҃ного* (43 ib.); и ту са навчил' *всакое на8ки* (Д 16 Скор. XVI в.); ѣ҃зыко҃ на земли на8учи҃ (64б Псалт. XVI в.); на8учи҃ людъ *дорогы добрые҃* (70 ib.); *прозбъ* — выраз8мей (41 ib.); *ви҃ницы* борони^{х} (83 ib.); прагне^{т} г҃а і҃са х҃а (43б ib.); посл8^{гго}вали *мене* (= служили мне) (20б ib.); пожа^{л}и *сл8ги* твое҃ (123 ib.); сподева҃са ѥсми *дсвсбжѣ҃а* твое҃ (125 ib.); пилну' *суд8 моего* (1б Псалт. XVII в.); есми наслѣдова^{л} доброго (11 ib.); буд8 стеречи *дорогъ моихъ* (11б ib.); выслуха' *мл҃твы моеи* (12б ib.); выслуха^{л} *мл҃твы моеи* (13 ib.); шаты всѣ пахну҃ *мира* (23 ib.); напоминае҃ *кождого розмышлѣна* дивны^{х} справъ бж҃и^{х} (24 ib.); напоминаетъ дв҃дъ *всѣ^{х} люде'* (25 ib.); люде' *дорогъ* 8чилъ (32 ib.); слухати *голосу* (43 ib.); слуха' — *закону* моего (63б ib.); стерегу҃ *наблокъ* (71 ib.); с суд8 (113 ib.); на8чишъ его *закону твоего* (97 ib.); поправова́ти ѡбы́чаевъ *свои^{х}* (132 ib.);

борони *права моего* (134б ib.); забываешъ *ѳтиску* и *трудности нашюѣ* (21б ib.); забы́ли *ѳчи҃ковъ его* (113б); запаметали *имени* (21b ib.); нѣ с'мотришъ на о҃собы люцъс'кіе́, а́ле п'рав'диве *дороги божъе́е* ѳчїш' (60б Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); чаму тут *прэснаго* дужа па́хня (Шейн Мат. II, 150 Гродн.); хоцяць яны *яблок етых* без ко́нца (Ром. III, 128 Клим.); не так ён будзець *страху* бачиць (Ром. VI, 36 Черик.); чорт тэй, *ночи́* дождавши, узяв соху (Ром. IV, 59 Рогач.); сцирагу́ць *я́блык* (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 3 Игум.); пыта́ўся *мяне́* (ib. № 6 Диснен.); глядзе́ць *дзи́ва*, *мо́сту*, *хле́ба* (ib. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 17 Речицк.); што ты лепше *сястры* глядзиш як мяне (Шейн Мат. II, 65 Новогр.); напамина́ў *хвалы бо́скай* (ib. № 8 Игум.); слухай *бога* (ib. № 9 Бых.); запа́метаць *имени* (Мат. Б. № 17 Речицк.); запамитава́ць *именьня* (ib. № 31 Вилейск.); prȍsicsa *taję̀ sieniję̀* nà-nacz (Федер. II, 79 Свислочь); Микицина дочка сто́иць медзи *питачка* (Никиф. Част. 445 Дриссен.); тая (жонка) *гвалту* рове́ (= страшно ревет) (Шейн Мат. II, 300 Борис.); кричиць дзед *ратунку* (Никиф. Част. 1244); *яко́е беды́* (не давелосо) перабы́ць (Сержп. 1 Слуцк.); пашоў шука́ць *тако́ iэ̀ бабы* (ib. 68 Мозыр.); лю́дзям *ачу* (дв. ч.) паказа́ць (ib. 179 Слуцк.); ён свайму́ па́ну *вадэ́* дастае (Ром. Мат. Гр. II, 186 Сокол.).

К родительному части примыкает и тот родительный, который ставился при глаголах *есмь* и страдательных, означающих «сделаться чьею-либо собственностью» (g. possessivus): а *воли* есми *божии* (И. 1265 г.); *которое вѣры* еси ты (1б Катих. 1562 г.). В белорусском языке, как и в русском, в этом случае появляется еще особый родительный части вместо ожидаемого именительного подлежащего, причем предложение из личного становится безличным: народилоса тобѣ *сыно҃* (47 Псалт. XVI в.); в не[м] (морѣ) *га́ду* есть которому ли́чбы немашъ (109 Псалт. XVII в.); у яго *грошай* ёсць (Мат. Б.) и т. д. (ср. стр. 318—319); *силы* прыба́вилося ўтро́я; ў во́ду нападало *сме́ця* и *листу*; з гары́ *пяску́* наляце́ло.

К родительному части примыкал и родительный при достигательном, встречавшийся в древнерусском языке. В современном белорусском языке, да и в старом западнорусском, достигательное уже утрачено, однако родительный после неопределенных, ставших на место достигательного, по старой памяти кое-где встречается, напр.: камяни, идитя *тепсров* тупить (Ром. III, 13 Рогач.); пошла баба на лядо *своіго овса* глядзець (ib. 7 Сенн.); пойду глядзець *дзи́ва* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); прышоў милый *травы* касиць; паехаў мой мужык *гарсду* пахаць; идзиця вы у поля зилянога *жыта* глядзець; пашли *рыбачки* лавиць (Раст. 123). Родительный для означения цели движения возможен и при отсутствии неопределенного при глаголе движения: ўзяла ведры, *воды* пошла (Ром. II, 432 Сенн.); пошов я *воды*, а за плотом ляжиць целка (ib. III, 393 Бых.).

При глаголах ставится и родительный времени, но связь его с глаголом очень незначительна, так что его можно считать роди-

тельным независимым. Он находится в некотором отношении и к родительному части, так как он обыкновенно обозначает один момент, в который происходит действие. Примеры: того часу (= тогда) (Св. 5, 1432 г.); *лѣтъ* тысѧча. и триста. ѡсмь десѧтъ. *шестаго* (гр. 1386 г.); въ лето по Божьемъ нарожении тисеча лѣтъ и четыриста и семъдесятъ *осмого году* (Л. 235, 1478 г.) (в обоих последних примерах конструкция смешанная, однако родительный времени дает себя знать); терпѣла єсми *тое ночи* (18 Сб. XV в. Публ. б. № 391); *часоу* нароженьє бжьѥго (45 ib.); *тои* же ѡсени на Филиповы запоуски приде воиско литовское (82б Супр.); *того* жь *лѣта* королю Поꙗскомоу... было побоище. со Тоурскимь цр҃емь (83 ib.); *которого* бы *дн҃ак* Виꙗни пригнати (437б Вил., 86 Супр.); оу Креве *пѧтыѧ нощи* кн҃ѕа оудавили (10 Увар.); пѧтое ночи [77 (8) Крас.]; *ча҃у* цесарьства авгѵстова снъ бж҃їи народилсѧ (64 ib.); оумол'че *того ча҃у* (75 ib., Сб. XVI в.); *того ча҃у* за моудраго ц҃рѧ саломона бѣѧше пр҃рчица (2—3 ib.); оу Крева кн҃ѕа великого Кестѵтьѧ оудавили *пѧтое ночи* кн҃ѕа Ѳ҃гоиловы комо҃ники (64—64б Археол.); *того жъ року* веснѣ и летѣ на люди были хоробы великие (166 Сб. XVII в.); дасть ѡво҃ ча҃у *своѥго* (7 Псалт. XVI в.) [da owoć czásu swego (Врубель, 1. з)]; *ка҃дого* ча҃у (33б ib.); *часу* ѵтиснен҃ѧ (3б Псалт. XVII в.); не постыд҃ѧсѧ *часу* неща҃ѧ, и *часу* голодѵ будѵ насычоны (7б ib.); не ѡкида'же мене *часу* старо҃и (48б ib.); де҃ *которого* йхъ вывелъ з ѵтиснѣ҃н (68 ib.) [в польском: dźień w kthory ù wywiodł. (Радив. библ. 78, 42)]; пошли ѡноижъ *ночи* (167 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); *тоеижъ ночи* заб҃и есть ваꙗтасаръ (263б ib.); *одного разу* пошла яна шукаць сабе мужа (Шейн Мат. II, 5 Волков.); будзець у нас *сяёночи* беспокойство (Ром. III, 125 Клим.); хто ету молитву будя *ражьня* и *вечера* говорить (Ром. V, 100 Гомельск.); *галóднага лéта* лю́дзи ўмирáли (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 8 Игум., 23 Минск.); тых дзён (= в то время) (ib. № 4 Могил. губ.); лéташняго гóду лю́дзи умирáли (ib. № 11 Новоалекс.); чáсу гóлада (ib. № 14 Новоалекс.); была мая пасцелька што *ночы* мякенька (ib. № 24 Новогр.) но там же: *што няделю*); adnajè niedzieli (Федер. I, 44 Шидловцы). К этому же родительному относится и нескольно наречий, показывающих время и стоящих в родительном: *сёлета*, *сегедни*, *сягóдни*, *сегéночи*, *ўчора*, *ўчóрых* и старинные: *ѡднова*, *ѡдинова*, *другова* и под. (ср. Белорусы 2, 74).

Сюда же принадлежит и родительный падеж в зависимости от глаголов, соединенных с приставкой *до-*; напр. *даждаціца*, *дачакаціца*: даждаўся лихóга канца; дачакáлися свя́та.

Об употреблении родительного с предлогами для означения времени см. ниже: *до*, *за*, *от*, *проціе*, *проци*, *с*.

Отличительную особенность современного русского языка составляет употребление у названий лиц и предметов одушевленных мужского рода (с основами на *-ŏ-* и *-й-*) в единственном числе и во множественном, а у слов других родов только во множественном числе форм родительного

тельного вместо винительного. В белорусском и украинском языках (как и в польском, Małecki. G. H. II 384 sq.) сказанное относится только к лицам; предметы же вообще одушевленные мужского рода основ на *-ŏ-* и *-ĭ-* только в единственном числе заменяют винительный родительным, во множественном же числе сохраняют старый винительный; последний иногда сохраняется даже и у лиц, напр.: а) в единственном числе: помщаѧ *Воидила* (444 Вил., 11 Увар.); *Евѳтыа* ѡсадилъ на Вильню (73 Крас.); почнеть держати... *сн҃а* є҃го (87б Супр.); хвали҃т вѣ҃ми *г҃а* сто (96б Псалт. XVI в.); *дх҃а правого* ѡбнови во внѳтрности҃х мои҃х (40 Псалт. XVII в.); ѳчинили *тѣлца* (114 ib.); я завѹ́ *бра́та*; прывязáў *кня́* и т. д.; б) во множественном числе: *α*) лица: вбили двѣ *брато҃в* кн҃зя ски҃р҃гаиловы҃х (68 Крас.); выгна҃ *погано҃* (81 Псалт. XVI в.); наѳчае҃ *люде'* (27б Псалт. XVII в.); збѳри҃м *непрїателе'* (20 ib.); *люде'* ѳчилъ (32 ib.); в коротко҃м часѣ понижи҃л бы҃х бы҃л *непрїателе'* йхъ (76 ib.); ѳбилъ дву *мужеи Моавъскихъ сильныхъ* (Ц 113 Скор. XVI в.); люблю *сынбў* и *дачбкъ*, ма́ю двух *непрыя́целёў* и т. д. при: *баскаки* его хова҃л (69 Крас.); *хр҃тианы* мѳчиша (449б Вил.); сестра сустрела три *двсрани́ны* (Ром. Мат. Гр. I, 101 Слоним.) и под. (ср. Белорусы 2, 148); *β*) названия животных: по҃несоу тобѣ *волы козлы* (64 Псалт. XVI в.); поддалъ *п'таxи* (12 ib.); миня́я *быки́* на *индыки́* (Ляцк. Посл. 21 Борис.); na *waųhì* brächàć (Федер. II, 12 Рось) и т. д. (ср. Белорусы 2, 148—149); подалъ *рыбы* (12 Псалт. XVI в.); посла҃ песьи́ *моухи* (80б ib.); staų kráśći aѵéćki (Клих 12 Новогр.) и т. д. (Белорусы 2, 169—170). В современном белорусском языке, как отчасти и в старом западнорусском, нередко употребляется родительный падеж вместо винительного и от названий предметов неодушевленных единственного и отчасти множественного числа: поро҃х *котро҃* по҃носи҃т ветръ (7 Псалт. XVI в.); виноградѳ, *котро҃* наса҃ла҃ правица твоа҃ (83б ib.); к приказа҃нѣ҃м — *котры҃х* е́сми люби҃л (120 ib.); ѡбралъ собѣ г҃дъ сиѡ́на (153 bi.); призывати *имени* твоего (59 Псалт. XVII в.); виногра҃л, *котрого* насадила правица (74 ib.); докаже҃м *мѳжества* (120б ib.); знато *трѳна* его з дерева (112б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) (безлично); взела двесте *хлеба* (163б ib.); *рожна́* зъеси (Нос. Посл. 145); яны ж мыслью́ть я́е *приказа* (Ром. VI, 212 Гомельск.); зробиў драбины, паставиў *гэных* близко бобу и полес до неба (Шейн Мат. II, 85 Новогр.) (под влиянием ожидаемого *их*?); поддай мне, человече, *майго мешочка* на плечи (ib. 284 Слуцк.); дзед ўзяў *гэтого мешка* (ib.); вазьми́ *замка́* (Мат. Б. № 2 Сокольск.); jena heto jenuì uwatknuła *rublà* (Федер. I, 5 Дворец); вéтяр *дýба* шата́я, *таго́ дýба* сякýть, укараци́ць *свайго́ вéку*, даў *рубля́* (Раст. 124); не муожна гайстры́ць *нажа* сякіе́ру (Сержп. Прымхі, 83 Слуцк.) и т. д. (ср. Белорусы 2, 126). Особенно употребительна в старом и современном языке постановка в родительном местоимений *кого*, *его*, *мене*, *тебе*, *себе*, *ея* вместо винительного, напр.: є҃оуфимьаноу҃ є҃го оумерши нашо҃ (98б Сб. XV в. Публ. б. № 391); приве҃ли *его* до бра҃ти (73б Крас.); оутопили *его*

в днеⷮръ (90 ib.), ѡсадиⷮ *его* на великомⷨ кнⷬе̑и (73б ib.); *того* вѣдати (46 Сб. Крас. XVI в.); вгонаи̑ *е̑го* (34б Псалт. XVI в.); оу̑пои̑лъ *е̑и* (63 ib.); приѽдела *е̑и* (103 ib.); приведꙋ *еи* до царꙗ (23б Псалт. XVII в.); будꙋ *тебе* взывати (33б ib.); не *цибе́* аплява́ли, а *сибе́* и т. д.

Спрашивается, какая причина вызвала замену винительного родительным? Несомненно, тут была не одна причина, а целая совокупность их. Прежде всего аналогия местоимений личных, возвратного и вопросительного, рано ставших употреблять форму родительного вместо винительного; далее, распространенность родительного partitiv'ного: он особенно применим к тем случаям, где родительный вместо винительного у слов неодушевленных; затем стремление языка различать сходные формы именительного и винительного у слов мужского рода: ведь у основ на *-ŏ-* родительный не вытеснил винительного, отличающегося от него по форме; совпадения же родительного и винительного у основ на *-ŏ-* язык не боялся, так как родительный partitiv'ный уже и без того заменял винительный. Замена родительным падежом винительного во множественном числе — явление более позднее, и развилось оно, несомненно, под влиянием единственного числа.

Собственно родительный при именах

Этот родительный зависит от существительных, означающих названия предметов вещественных и отвлеченных, а также от местоимений и числительных, а иногда и имен прилагательных. Здесь различаются следующие случаи.

Родительный части (g. partitivus). Он зависит от существительного: кꙋ̑желеⷨ лнꙋ̑ *е̑гипетьского* (96б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); махало *пер пловихъ* (Акты В. А. К. XXXIII, 165 Вил. 1604 г.); привезли́ бо́чку *сма́лы́*; стаяли ку́чы *мужчын* и *жано́к*; знайшо́ў кацёл *гро́шай*; пражы́ў ён *ве́ку* сто гадо́ў и т. д.

Этот родительный возможен также при превосходной степени, где в русском литературном языке употребляется предлог *из*, но примеров, засвидетельствованных памятниками, мало: дужы̑э̑йшы *ўсих багатыро́ў* (Сержп. 89 Слуцк.).

Об этом родительном при предлогах *из*, *змежи* см. ниже.

Родительный части встречается и при местоимениях, но, вероятно, лишь под польским влиянием: што *доброго* стало[c] (443 Вил.); что *сладшего* надъ мед' или что *сильнейшего* надъ льва (С 32б Скор. XVI в.); з которими бы еси што *злого* чини̑ мѣлъ (6б Псалт. XVI в.) [в данном случае этот оборот даже не взят из польского, где читаем: z kthoremi byś co źle czynić miał (Радив. библ., 37. 8)], wyłazić niesztoś *baradàtaho* (Федер. I, 59 Шидловцы); при других числительных родительный части обыкновенно выражается с предлогом, о чем речь в другом месте.

Родительный части бывает при числительных; причем те из них, которые имеют форму местоимений, обыкновенно имеют родительный с предлогом (о чем после); при числительных *пять* и дальше родительный бывает только при именительном и винительном: пяць братбў, дзéсяць кóней, семъ сот, всю тую двадцать *тисечъ* (141 Сб. XVI в. Позн.); другую дванадцать *рублевъ* (152 Статут 1529 г.); тую пятьдесятъ *копъ* грошей (90 Статут 1588 г.) и т. д.; в старинных произведениях родительный изредка и при других падежах: двана^{ц}цатью *волов*ъ (82 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); пѧти *царе*^{м} (250б ib.); обыкновенно же имя ставится в том же падеже, как и числительное, что и понятно, так как у числительных отвлеченное понятие числа взяло верх над этимологическою формой, напр.: оу два^{ц}цати *тисяча*^{х} копа^{х} (83б Крас.); въ па^{ц}надесâти *днех*ъ (234 Сб. Крас. XVI в.); в закупе въ чотырехъ сот *копах* и въ шестидесятъ *копахъ* грошей (Акты В. А. К., т. 36, 31 Мин. XVI в.); с тридцетми *пѣнязи* (54б Сб. XV в. Публ. б. № 391) и т. д. (Белорусы 2, 247—249). Родительный падеж возможен и после прилагательных среднего рода *много*, *мало*, заменяющих собою имена числительные: многа *пролитïа* крови хр^{с}тіа^{н}ское бысть (444 Вил.); *ины*^{х} *бо*ѧ*ръ* много постиналь (11 Увар.); по мнозе *времени* гонзне за животь (56б ib.); мало *сн*ѫ мало *дремоты* мало ѡб^{н}немъ *р*ѫ*к*ѫ лежати (95б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); сёлята вясно́й *дажджу́* было́ мало (Мат. Б. № 11 Новоалекс.).

В зависимости от имен употребляется родительный принадлежности (genet. possessivus), указывающий на предмет или лицо, которое является владельцем чего-нибудь, напр.: *великого кн҃зѧ Кедимина Литовскъ*^{г} было сн҃овъ з҃. стареши Мо^{н}ви^{х} потомъ Наримонтъ (85—85б Супр.); боле ꙗко *невѣсты родячи* (26б Псалт. XVII в.); ха́та *ба́цька*, ху́ста *ма́тки* и под., даже: nòhi *was* zabaliėli iduczy (Федер. II, 254 Лысков). Этот родительный во всех родственных языках чередуется с именем прилагательным притяжательным; то же наблюдается в русском и белорусском языках. В древнерусском языке было полное смешение этого родительного с именем прилагательным; отражение этого находим и в памятниках старого западнорусского языка, напр.: кнг^{и}ни *михаилова*ꙗ *александровича* ан^{и}на (гр. 1397 г.); берез҃ка... *попа* литовоцко҃ сн҃ъ. *семионовъ*. долъб҃нича (286 Четья 1489 г.); кн҃жниѣ *съменово московъского* (91 Лет. Авр. XV в.); иванъ *василь*ѣ*въ* сн҃ь *тысѧчкого* (126 ib.); приженѫ^{т}... до *кнѧзѧ* великого рати *Кестоу*^{т}*евъ* (442б Вил.) = до кн҃зѧ велико҃ кестъ^{т}евы рати (76б Крас.); коморникы *кн҃зѧ* великого Ѳгаилювы (444 Вил.); дядю маткына (11 Увар.) [= маткы (Супр. и Вил.)]; дочка старшеи *сестры Скиргайловы* (446 Вил., 19 Увар.); бра^{т} великаго *кн҃зѧ* Ѳльгирдовъ (42б ib.); со *кн҃зѧ* великого Ѳльгирдовымъ произволениемь (ib.); до великаго *кн҃зѧ Витовтовы* смр҃ти (49 ib.); в^{и}били дв҃ брато^{в} *кн҃зѧ скиргаиловы*^{х} (68 Крас.); *кн҃зѧ семенова* сн҃а дрѫцкого Михаила (70 ib.); но *пророка дв҃дв*ѫ словоу (79 ib.); трость *писарска скорописющаго* (Пс. 44. 2 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); пѣ҃нь. и. а. ѿ и҃менiѡ г҃не^{м} іс҃а х҃а (11б Псалт. XVI в.); *мо^{и}сеѡвою* р*ѫ*кою

и *аарона* (63б Псалт. XVII в.); ѹ потоку киѯова (78 ib.); роᵌвесели дшѹ *мою раба* твоего (82 ib.); лист судовый *пана Богданєвъ* [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)]; вси именья *пана Корѣсаєвы* (ib.); запела *матчиным* голосом иванковыя *матки* (Ром. III, 269 Рогач.). Довольно часто в подобных случаях и одно прилагательное притяжательное: домоу ѥ҃ковова (115 Псалт. XVI в.); бг҃ъ і҃аковѯ (8б Псалт. XVII в.); добро и ѥаковову (25б ib.); з богоᴹ авраамовыᴹ (25б ib.); з рѹки адовы (29 ib.); сн҃ы і҃акововы (63 ib.); вывы ѥако ѡдноро҇цову моцъ мою (96 ib.); ѡ твари бг҃а і҃аковового (126б ib.); дому и҃зра҃илевому (127 ib.); цари҃цыноваго сына (Ром. III, 111 Сенн.).

К родительному принадлежности очень близок родительный, показывающий свойство предмета временное или постоянное (называемое эпитетом), выражаемое обыкновенно именем в соединении с прилагательным или числительным (genet. qualitatis), напр.: слава на вышниˣ бо҇у и на зм҃ли миръ людеᴹ *добреи воли* (43 Сб. XV в. Публ. б. № 391); сн҃ве члв҃чи доконᵗ бѹдете таѯ *твеᵖдаго* а҃ такѡ҇го *срⷯца* (8б Псалт. XVI в.) [synowye d'okądźe będziećye ták twárdego á ćięszkiego serca (Врубель, 4. з)]; приступи҇ чл҃къ *срⷯца глѹбокѯ* (62 ib.); ты которие с҃у *правого сеᵖца* (5—5б Псалт. XVII в.); прѡстого сеᵖца (97 ib.); которие с҃у *правго сеᵖца* (7 ib.); и хорош, и пригож — *високаго росту* (Никиф. Част. 862 Полоцк.); ён и гидок, ён и брыдок и *низкаго росту* (ib. 1196); я *росту* нивяличка (ib. 1351); чалавек *лет* можа *сарака* и т. п.

В зависимости от имен существительных отглагольных бывает еще родительный объективный и субъективный. Первый при глаголе обыкновенно служит объектом, а второй субъектом. В теперешней речи подобные падежи вообще встречаются редко, да и в старом языке они были немногочисленны, напр.: напоминае҃ кождого розмышлѧнѧ *дивныˣ справъ бж҃иˣ* (24 Псалт. XVII в.); ихъ же то *рукъ* сила (1 35 Скор. XVI в.); жаль *Булата* (Ром. VI, 14 Гомельск.); *Каци* жаль (Никиф. Част. 1217); страх *смéрци*; кождый дзень забойство *бáцьки* и т. д.

О родительном объективном с предлогом см. ниже: *до*.

Случаи употребления родительного в смысле аблятивного, удалительного.

В этом случае в родительном ставятся слова, показывающие исходный пункт действия, удаление, отделение от него (B. Delbrück, Vergl. Syntax 1, 200—217). Первоначально такие случаи имели значение пространственное, а затем стали употребляться и в переносном смысле. Этот падеж возможен как после глаголов, так и после прилагательных, имеющих указанное значение, или развившееся из него, и после других подобных слов. Примеры: ѿбѣлиса *ратныˣ* гражанѣ (128б Лет. Авр. XV в.); ѿчаѧлъ собѣ *живота* (446 Вил.); оуже записалса с нами каᴱ тебѣ избавити *своиˣ* мѣстъ (= как избавиться от тебя) (439б ib.); *третее неˣли* спѹстячи (89 Крас.); не маѣ

сѧ ѫхилѧти ка҃ды *справе҃ливои дороги* (5б Псалт. XVII в.); ѣкъ зелье *красы своеи* ѡ҃падѫ (6 ib.); ковчегъ то е҃ корабль бѫдова в которо҃м бы моглъ бы҃ ѫйти *посполитои плаѓи* (2 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); сабака отрокся *ходячина* и пошов упрочки (Ром. III, 15 Сенн.); вырека́ецца *слов своих* (Нос. Сл. 93). Подобное употребление, довольно обычное в старом языке, в современной речи предпочитает соединение с предлогами: не ухиля́йся от рабо́ты (Нос. Сл. 669); адбилися ад ваўко́ў; схава́ўся ат яго́ и т. п.

Чаще бывает такой родительный после глаголов страха, боязни: боючися *вовка*, и в лес не ходзиць (Нос. Сл. 32); не дужо-то я *цебе* спужався (ib. 538); *чего* вы всполохались (ib. 642) и т. д. Повидимому, сюда относится и родительный при *достоин*, как в латинском языке ablativus при dignus: во се҃ле҃х золоты҃х снасте҃х *чю҃ѫ* достоины҃х и ѡ҃пусти ко гра҃у Москве (102б Супр.).

Удалительное значение имеет родительный при предлогах *без*, *из*, *кроме*, *скроме*, *кром*, *от*, о чем после.

Удалительное значение имеет родительный при сравнительной степени. И тут обозначается тот пункт, от которого идет сравнение: чорные чорней *ѫгольа* (164 Сб. XVI в. Позн.); пущей *всих* (47 ib.); сла҃че *ѡлтю* (95 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); што лѣпше *есть* (127б ib.); совитей *васъ* (36 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.), разумнейший *мяне* (Мат. Б. № 13 Свенц.); нет никого сильней на свете *мяне* (ib. № 16 Бых.). В белорусском языке, впрочем, после сравнительной степени чаще предлоги *от*, *за*, *над*, *проціў*, о чем после.

Родительный аблятивный следует видеть и в случаях постановки родительного при глаголах переходящих с отрицанием. Прежде обыкновенно смотрели на этот родительный, как на partitiv'ный, но, как доказал Потебня (Из записок[2], II, 324 sq.), он, несомненно, аблятивный. В нем означается «мысленное движение от предмета, лишение его, разобщение с ним». Он ставится, как уже сказано, а) вместо винительного при глаголах переходных в тесном смысле и б) вместо именительного с превращением личного оборота в безличный. Примеры: кня҃ *сынова* не дръжалъ (437б Вил.); ни *хоромъ* рубить (Арх. С. VI, 1, 1486 г.); не видѣ҃х *праве҃ника* ѡ҃ставлена (38 Псалт. XVI в.); не видѣ҃х — *племеню* просачи҃х хлеба (38—38б ib.); не ѡ҃вора҃а *оу҃стъ свои҃х* (40 ib.); ненавида҃т покою (125б ib.); не видѣ҃л есми *справе҃ливого ѡтѫщоного* (2 Псалт. XVII в.); не замо҃чева҆ *слезъ мои҃х* (12б ib.); не хова҆ *еи* (57б ib); не запоминали *справъ* (64б ib.); *по́твари* не кладѫ (141 ib.); *се҆рца сокрѫшоного* бже҃ не горди҃ (34 ib.); без худа́ не вида́ць *добра* (Зап. I, 260); не купив мне ни *куни́ц*, ни бобёр (Зап. V, 236); нема у я́е а *ничого* (Ром. III, 3 Сенн.); ненавидзела *дзедавыя дочки*, *своё падчарицы* (ib. 362 Бых.); в безличных предложениях: не е҆сть *рѣчи* а҆ни *слова* (21 Псалт. XVI в.); чи нимашъ *жены* (130б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); хлеб ёсь, *соли* нема (Ром. III, 359 Сенн.); жа́днага чалаве́ка не было́ там; тольки пташынага малака тут не хвата́ла и т. д. Винительный падеж, хотя и реже, при отрицании

также возможен: я ня сдзелаю *бяду* (Никиф. Част. 946 Полоцк.). Иногда тот и другой падеж допускается одновременно: усё 'дно ня вéрнеш ты своих ни сынов, ни дочок, ни *жонку* (Ром. III, 118 Сенн.).

В заключение рассмотрим еще несколько редких случаев употребления родительного, это:

а) Родительный причины с оттенком цели, когда он бывает после глаголов движения: тошнёшинько *того* (= от того) (Никиф. Част. 116); раз старуха пашла *вады* и видить (Мат. Б. № 16 Бых.); *чаго* ты прышоў, воуче? (Дм. П. и Ск. Гродн. 173 Новогр.); *чаго* я, тато, бег домоў? (Шейн Мат. II, 238 Борис.); *чаго* ты прышоў (Мат. Б. № 6 Диснен.); *чаго*, молойцы, сидитё (Ром. Мат. Гр. I, 137 Слоним.); я прыйшоў *таго*, каб у вас грóшей пазы́чыць. Обыкновенно, впрочем, здесь ставится родительный с предлогами *для*, *дзеля*, *из*, *коло*, *от*, *подле*, *подлуг*, *с*, о чем после.

б) Родительный места: пошов Пилип *дома* (Ром. IV, 29 Горецк.); пришов *дома* (ib. 31); идуць *дома* (ib. 32); приходзиць ён *дома*, пищаць у яго доми (ib. 207 Черик.); отправляетца *дома* (ib. 208); пришли яны *дома* (Ром. VI, 361 Орш.); приехали яны *дома* (ib. 366); обыйшли яны город *кружкá* (= кругом) (321 Рогач.); *кружкá* высокия валы (ib.); как можно видеть из примеров, этот родительный представлен только наречиями, может быть и находящимися в связи с ablativ'ом; о родительном места с предлогами см.: *водле*, *до*, *коло*, *коле*, *конец*, *концы*, *край*, *межу*, *межи*, *межь*, *мимо*, *обапол*, *от*, *промежь*, *промежи*, *промежу*, *процив*, *проци*, *скрозь*, *с*, *у*.

в) Родительный восклицания вместо ожидаемого именительного или винительного: гэто *праўды* было? (= на самом деле) (Шейн Мат. II, 186 Новогр.); ти гэтож *праўды*, каб щупак до хвоины прылип? (ib. 187); матка кажа: «трасцы!» (Никиф. Част. 1977 Свенц.); ję́ć mileńkï *takóje b'adý* (= что за беда), pryłaskáju̯ chłopca s čužoj staraný (Клих 75 Новогр.). Во всех подобных примерах мы как бы имеем дело с родительным части, как и в нижеследующих случаях: *práu̯dy* tak í lúdzi havórać (Клих 28 Новогр.); пан тады *хóду* (= бросился бежать) (Ром. III, 276 Бых.).

К родительному восклицания принадлежат и такие случаи, как choć czorta (= вряд ли) ju̯on durny by̯u̯ (Федер. II, 42 Волков.).

Дательный падеж

Дательный падеж употребляется для означения лица или предмета, к которому направляется действие, выраженное глаголом, или же к которому относится все содержание предложения. Связь субъекта с глаголом здесь не такая, как при винительном или даже родительном падеже. Первоначально дательный употреблялся для означения пространственных отношений на вопрос «куда?», а затем это пространственное отношение ослабилось и отчасти заменилось другими. В русском языке дательный падеж употребляется уже в широком значении и может стоять в зависимости от глаголов, имен и даже независимо.

Чаще всего дательный лица или вещи употребляется для означения пользы, выгоды, удовольствия и т. д. или противоположных свойств: невыгоды, неудовольствия, вреда и т. п. (dat. commodi и incommodi). Область этого дательного обширна, но имеет очень незначительное отношение к пространственному значению дательного падежа. Примеры: далъ ѥсми... *оц҃ю своѥмоу* на память, и *собѣ.* и *дитѧти* (гр. XIV в. И. Н.); свѣдомо князь *Ивану* (Арх. С. VI, 2, 1486 г.); не хочю его имѣти *собѣ*, але дамъ ѥго въ даръ *бг҃у* (15б Четья 1489 г.); *всемоу свѣтꙋ* панова^{л} (64 Крас.); поиде на помочь ра^{т}ю *кн҃зю* Ѳгаилꙋ въскоре (441б Вил.); стали противꙋ *великому кн҃зю* (442б ib.); поня^{л} бы ... ѲЛдвигоу *собе* женою (13—13б Увар.); завадь н^{м} (18 Псалт. XVI в.); дыкꙋючи ѥ́мꙋ (8б ib.); сꙋди^{ж} — мнѣ (11 ib.) (рядом с «с. на мѧ»); прилнꙋла є$^{\frown}$ *земли* нꙋтрь нш҃а (56 ib.); дал^{д} *ржи* ѹвощи и^{х} (81 ib.); оуборони^{л} ѥсми *нога*^{м} мои^{м} (122 ib.); вспеватїе *именю гн҃ю* бо добро (131б ib.); ѡ$^{\frown}$ *тобѣ* справи (6 Псалт. XVII в.); *имъ* нагородилъ то (39 ib.); *ему* мꙋдро$^{\frown}$ти не ѡималъ (32 ib.); ѡ$^{\frown}$ *ми* наклони^{л} ꙋхо (13 ib.); ѡзна'милъ *ми* еси (40 ib.); ꙋволокаешь чти *сн҃ови* мѧки твоеи (31 ib.); пꙋга прислушить *коню* (П 39б Скор. XVI в.); я *сабѣ* роги собъю (Ром. III, 2 Сенн.); мать *прачистой* поклонюся (Ром. V, 24 Рогач.); и было *етым усем* строгыя служба (Ром. VI, 462 Клим.); *adnatù czãławièku* zhinuli wały (Федер. I, 169 Лысков).

О дательном пользы при предлоге *для* см. ниже.

К дательному commodi и incommodi примыкает и дательный падеж, означающий лицо или предмет, к которым направлено известное душевное движение, выраженное или предполагаемое лексическим значением глагола. Пространственное отношение здесь более заметно, нежели в предыдущем случае. При таких глаголах первоначально видели направление душевного аффекта в какую-либо сторону. Примеры: *намъ* лають (211 Лет. Авр. XV в.); *грешны*^{м} се смиловати хоте^{л} (42 Сб. XV в.); ѲЛгаило велми оурадовалсѧ великаго кн҃зѧ Витовтовоу *приѥздоу* (2б Увар.); вѣл'ми$^{\frown}$ оу^{ра}дова^{л} *приез'дꙋ* (75 Крас., ср. 249 Позн.); *им'* богъ бл҃гословилъ (73 Катих. 1562 г.) (как в польском błogosławić komu); лаѧ́ли *дш҃и моеи* (35 Псалт. XVI в.) [но и по-польски: łáiáli dussy moiey (Врубель, 34. 7)]; *томꙋ* разꙋмейте (7б ib.); вырозуме^{л} *ми* (77 ib.); *добродеистꙋ* и̑ цвичѣ$^{\frown}$ѧ и *розꙋмови* навчи мѧ (120 ib.) (рядом с родительным); вспевайте *и́меню* гн҃ю бо добро (131б ib.); мило *ми* стало (116 ib.); неприате^{л} тобѣ поноси^{т} *і*$^{\frown}$*ви* (75 ib.); наꙋча́е люде' *по*$^{\frown}$*судꙋ* (27б Псалт. XVII в.); *ему* бл$^{\frown}$гвити (52 ib.); бл$^{\frown}$гвимо ва^{м} (131 ib.); бл҃гословѣте *име́ни* (99 ib.); бл҃гвилъ *на*^{м} (127 ib.) (во всех случаях как в польском оригинале, где błogosławić komu); будь мл$^{\frown}$тивъ *грѣхо*^{м} наши^{м} (62 ib.) [bądź miłościw grzechom naszym. (Радив. библ. 79. 9)]; не бы^{л} *ми* поволе$^{\frown}$ (76 ib.) [nie chćiał mi być powolnum (Радив. библ. 81. 12)]; хотѧ' ѡни *ми* будꙋ злоречи$^{\frown}$ (122б ib.); ѡсоба подобна *сынови божему* (259 Библ. кн. XVII в. № 158); бла-

годарю *вам* (Ром. III, 342 Бых.); падзя́куваць *свето́му* (Сержп. 38 Мозыр.); *я свойму слову*, гувора — свято моё слово, ня нарушымо (подразумевается: верен) (Ром. VI, 212 Гомельск.); ти ж ба́тько вуча *худому* (Мат. Б. № 3 Могил. губ.); научиць *ро́зуму* (ib. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск., 9 Бых.); научить *лихому* (ib.), marụ̀z *czäławiè̀ku* naharadzìụ (Федер. I, 161 Свислочь).

Сюда же принадлежит и дательный при глаголе *есмь — быти* с отрицанием или без него, напр.: ни *богу* свечка, ни *чорту* дуда (Нос. Посл. 110); быць *бычку* на лычку, а *целочце* на веревочце (ib. 11); быць *дожджу* (ib.) и т. д.

Сюда примыкает дательный при восклицаниях: здароў *тябе́*, дявчы́ночка; здра́стуйтя *вам* (Раст. 126); бяда́ мне! жаль *яму́* жо́нки! и т. п.

К дательному же commodi примыкает и dat. ethicus, состоящий из дательного некоторых местоимений; он мало поясняет глагол и почти не зависит от него; он обозначает лицо, для которого важно выполнение его требования или желания или которое интересует известное состояние, напр.: повелѣ *собѣ* бо҃любива҃ кнагы҃ марина. списати книгі сиѧ псалтырю (337 Псалт. 1296 г.), где *собѣ* «для ближайшего определения действия относительно лица действующего» (Буслаев, Палеогр. и филол. мат..., 28); жила была *сабе* раз одна мачиха (Зап. V, 702 Бых.); быў *сабе* коток (Шейн Мат. II, 1 Волков.); быв *сабе* дедка, была *сабе* бабка (Ром. III, 1 Гомельск.); будзем абедыць! — Будзем *сабе* (ib. 20 Сенн.); ot ja *sab'e* хоć za ṕèčkaju pal'ažù. — Nu, ta *sab'è* načùj (Верига Pod. 53 Лидск.); pajèchali s i e dàlej (Федер. II, 188 Рось).

Близок к рассматриваемым и дательный лица — участника или производителя при страдательном залоге (dat. auctoris); особенно распространен он в безличных предложениях: гето *тобе* здае́цца, здало́ся (Нос. Сл. 204); ици *яму* ици — выходзя на поляну (Ром. III, 271 Бых.); не *твоим зубам* гето кусаць (Нос. Посл. 104) и т. п.

Из представления движения к предмету вытекает и дательный цели (dat. finalis). В старом западнорусском языке встречаем уже незначительные следы этого падежа: поатъ же дщерь его марью *женѣ* себѣ (38 Лет. Авр. XV в.); *вздрыжа҃ю* была земла (18б Псалт. XVI в.); *чемѵ* ѡпѵсти҃ е́сѝ мене (Пс. 42. 2 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); *чому* (= почему) [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)] и под.; в живой речи такого употребления еще меньше следов: здесь дательный цели смешивается с дательным причины: *чаму* ты ня прышо́ў (Мат. Б. № 8 Игум.); *чаму* цябе́ ле́пей матка цялёнком ни нарадзила (ib. № 11 Новоалекс.); от *чаму́* грыэх чапа́ць ла́ставак, бо гэ́то бо҃жая пту́шка (Сержп. 74 Слуцк.); *чаму* тушити҃ не *идити҃ё* (Ром. Мат. Гр. I, 137 Слоним.). — Сюда же, кроме наречного выражения *чаму*, относится еще, может быть, *годзе*, *го́дзя*, *го́дзи* (а не к местному. Белорусы 2, 76).

О дательном цели с предлогом см. ниже: *к*.

Вполне пространственное значение имеет дательный, когда он обозначает предмет, к которому происходит движение в пространстве на вопрос «куда?». В древнерусском языке подобное употребление встречалось довольно часто; нередко можно встречать употребление, подобное нижеследующему, и в старом западнорусском языке: поѣхаль *Краковоу* (13б Увар.) [= похалъ къ Кра^{ко}вѫ (449 Вил.)]; поѣхавъ *Краѣовоу* в Ла^{х}скоу землю (95б Супр.). В современном белорусском языке такое употребление отражается во многих говорах, вероятно, в одном слове *двору*, сочетающемся уже нередко и с предлогом, напр.: хлопчик побег *двору* (Ром. III, 120 Клим.); вязи ето *двору*, што на возу (Ром. IV, 200 Клим.); ён вярнувся *дво́ру* (ib.); *дво́ру* яму, значитца, далёко ицицъ (ib. 215); прибег *двору* (Ром.VI, 36 Черик.); ён яé *двору* привёз (Ром. IV, 216 Клим.); пошоў двору (Отч. 22, Акуличи Брянск. V.); надо скорей идить *двору*, штобы затимна быть дома (Смол. Добров.); то же с предлогом: хадзи, хадзи скорей у *двору* (Цытович. Маяк, т. IX, кн. XVII, гл. V, Смесь 35); поедзем дочушка *у двору* (Ром. III, 364 Сенн.); нехай идзéць *у двору* (Ром. IV, 133 Черик.); идзи ж сабе *ў двору* (ib. 203); потурив *у двору* (Ром. VI, 114 Черик.); прыпоўши *ў двору* (Шейн Мат. II, 191, 192 Горецк.). Повидимому, сюда относится: pryšóų čort *čłóveku* (Клих 85 Новогр.). В примере «ты^{м} — не бѫдѫ ходи҃» (27 Псалт. XVI в.), конечно, пропущен предлог.

Об употреблении при дательном места предлогов см. ниже: *к* и *по*.

Иногда дательный падеж как бы имеет оттенок времени: ты йграў ды Илля́, пыйгра́иш *Спасу*? (Мат. Б. № 4 Могил. губ.).

О предлоге *по* при дательном времени см. ниже; там же и о других оттенках дательного при *по*.

Очень характерную особенность старославянского и некоторых живых славянских языков составляет дательный принадлежности (dat. possessivus). Он развился из местного значения дательного падежа на вопрос «где?». Какая цель достигалась употреблением дательного вместо родительного, трудно сказать, но вряд ли этим оборотом придавалось больше живости речи, как полагает Буслаев (II^{5}, 258). Старому западнорусскому и современному белорусскому языку эти обороты также известны, хотя и не особенно распространены. Примеры: и҃ навши правицю *адамови* (27 Сб. XV в. Публ. б. № 391); ноги ѩко ѡленеви (20 Псалт. XVI в.); роуки свои оу҃мы҃ѣть оу҃ крови *грѣшникови* (57б ib.); ѡборо҃ца *животѫ моемѫ* (27б ib.); г҃а *сила*^{м} (48б ib.); неприате҃ *тобѣ* (75 ib.); ѫволокаешъ чти *сн҃ови* ма҃ки твоеи (31 Псалт. XVII в.); притупи^{л} еси ѡстрие́ *мечови* (90б ib.) [przytępiłeś ostrze mieczowi iego (Радив. библ. 89. 44)]; поживленїа *серено*^{м} (Пс. 77. 47 Библ. кн. XVI в. № 262); повѣдалася бы сестрою *аврааму* (7 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); ѡсоба *четвр҃тому* подобна сынови божему (259 ib.); яго *сыну* жонка померла (Мат. Б. № (13 Свенц.); sierco *jǫcj* zalekacieło (Федер. I, 62 Свислочь); mieczam *kòkciawi* halawù adciàų (ib. II, 89 Суховоля). Довольно часто рассматриваемый дательный ставится на вопрос «у кого?», напр.: родилъса *ему* сы҃ Кгидиминъ (240 Позн.);

8же были 8стали *сарꙗ* бѣлоголо^ски речи (мин8ли м^чници) (13 Библ. кн. XVI в. Толст. № 158); *яму* живот, гылыва́ боли́ць (Мат. Б. № 18 Витебск.); *ямý* балиць галава (Парич.); zły jamu za bu̯oradu ulapi̯usia (Федер. II, 154 Дятлов.); *adnatì tuźyki* umierła zùnka (ib. III, 82 Свислочь).

Еще следует остановиться на употреблении дательного падежа при неопределенном (dat. cum infinitivo) больше для означения необходимости, возможности, повелений, напр.: не заимати *намъ* королевы землѣ ... *королеви* держати львовьскую землю (гр. 1349 г.); *заре зарюшке* краснець, *рабе Сохье* здоровець (Шейн Мат. II, 538 Бельск.); у царя *етому* дзеятца не довго (Ром. III, 121 Клим.); быць *биту*, быць *пасаджену* и т. п.

Говоря о дательном падеже, нельзя пройти молчанием и так называемого дательного самостоятельного. Развившись из дательного падежа дополнения, с которым согласовалось причастие в падеже, он и существовал в старославянском и древнерусском языках до тех пор, пока причастия настоящего времени и прошедшего действительного залога склонялись; когда же они утратили свое склонение и обратились в деепричастие, в древнерусском и в старом западнорусском языках началось разложение дательного самостоятельного: для обозначения больше времени и причины ставился оборот, состоящий только из дательного имени, который уже мог стоять и не после глаголов, требующих после себя дательного, и неизменяемой формы причастия, оканчивающейся в старом западнорусском больше на *-учи*, *-вши*, хотя попадаются и образования на *-уче*, *-ьше*; иногда можно встретить по преданию и правильно построенный дательный самостоятельный. Примеры: *ми́лостивомоу го^у* ис своє́ю ... маткою ... та^м *боудоущи^м*. да маріа поздравила є́го (1б Сб. XV в. Публ. б. № 391); того таке *мнѣ боуда* старостаю — бо^ ихъ прислалъ бы^ (31 ib.); оуч'нове є́го оу ночи *намъ заснув'ши* оукрали (35 ib.); їѡсепъ позно 8же *смеркаючисе* прише^ (44 ib.); и выстоу́пить на бои кн҃зь великы Кестоутеи ... и какъ не *шоше^шимьса полькомь*. за три или за четыры стрел^ни приженоуть кн҃зи... (92 Супр.); тои же зимы *боудоущи королю* во Кракове... кн҃зь Андрѣи Полоцькыи приде (96 ib.); придоша ко гра^у Мстиславлю. а *кн҃зю Стославоу стоявши* оу города и бивши порокы гра^... (97б ib.); тоу же *кн҃жащи є́моу* в Києвѣ. бы^ же нехто Фома. чернець Изоуфовъ. держа намѣснитство (100б ib.); *кн҃зю Гльбоу седащи* во Смоленсте. и нача не в послоушани быти (101б ib.); *бо8дучи великом8 кн҃зю Кги^димин8* ... на велико^м кн҃жьстве Лито^ско^м і Жомои^ско^м Р8ско^м і *седячи* на сто^цы ѿца своє^ оу Ке^нове, і *пан8ючи ем8* ... повстали проти^в его Не^мцы Пр8сы і Лифла^ты ... (53б Археол.); *Шва^новe кн҃жачи* на Новегоро^це кн҃зь Мьстисла^в Лоуцки^... почне^т воин8 с кн҃зе^м Шва^но^м хотячи его выгна^ти^ съ ѿчизны своеє з Берестьа (68б Крас.); *па^оучи кн҃зю ски^гаил8* немало лѣ^т и оумре (70 ib.); *томоу^ж давла^х бе^дею* немно^ цр҃ъствовав'ши на цр҃^твѣ и оумре^т (87 ib.); *сощ8^ж є́моу* оу Немца^х и приеха^в на к нем8 мнози

кн҃зи и ѡнъ начне воєвати (12 Увар.); кн҃зю Скиргаилоу *соущоу* *ємоу* на пироу (30 ib.); бѣше *ему* *дръжаще* великоє кнѣжение (51б Увар.); *тому* с нимь оу великои любви *живоущоу* (ib. 53); Лѧскои *заставъ* *бывъшѹ* оу высоко городе (447 Вил.) (нарушено согласование в роде); *бывшоу* же ємѹ в Нѣмце — приєхаша кн҃зи (444б ib.); *королю* *бывшоу* ѹ Краковѣ съ всими кнѧзми, Андрѣи Полоцкыи приидѣ (449б ib.); *състѹпившемьсѧ* *полко* и Бъ҃ поможе Витоу (447 ib.); и єще не *съшедшимсѧ* *полко* за три или за четыри стрелѧ. и приженѫт кн҃зи (442б ib.); приидоша къ Мстиславлю. а *кнѧзю* *Сватославу* *стоѧвшоу* ѹ града *и* *вынемши* порокы грѧ Мстиславль на страстнои недѣли (445б ib.); *кн҃зю* же *бѹда* ѹ мистра — и присла к нѣмѹ коро посла (448 ib.); Іс҃у пакъ *родившисе* въ виѳлиѣме юдѣском. во дн҃и ирода корола. ѿто мѹдрецы зо в҃сходѹ пришли до єрѹсолима (31 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); не *могучому* пакъ ємѹ ѡдати. велелъ єго панъ єго п҃родати (неймущу же ємѹ воздати. повеле и господь єго п҃родати) (ib. 25); *идучимъ* пакъ имъ купити пришолъ жѣнихъ (идущимъ же имъ) (35б ib.); *Исусѹ* пакъ *бѹдѹчїй* в виѳанїи (Исѹсѹ же быв҃шѹ) (ib. 37); ѣдучимъ имъ (ѧдущѣмъ же имъ) (ib.); а ранью будучи (оутру же бывшу) (40 ib.); а *вечеру* *будучи*, была лодьѧ посередъ морѧ (51 ib.); в лѣто третее *ц҃рт҃вѹючи* *ємѹ* вчини пиръ (127 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); *едучы* *мне* через тое село и *маючы* некоторую потребу до Мурашки, ступилъ был есми до него в двор (Акты В. А. К., т. 36, 1, XVI в. Минск.); *будучи* *мне* у молодыхъ летехъ, а маючи отецъ его мене у в опеце своей, которые листы отца моего побралъ, тых теперъ Домаскинъ мне выдати не хочеть [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)]; *Будучи* *мне* вжо у вечоръ въ злыхъ хоромехъ, где есми свое схованье мела, пришодши ку мне слуги ее Матѳейко а Степанъко, гдежъ (gdyź) Матѳейко безъвинъне мя праслицою збилъ, а Степанъко у дверей стоючи защепъки держалъ [Бел. Арх. II, 1534 (XVII в.); ѥще *покр҃моу* *бѹдѹчи* оув ѹсто и а гневъ бж҃ии взышо на ни (80 Псалт. XVI в.); и еще *будѹчи* *покар҃мо* в҃ ѹсте йхъ, а ѡто гнѣ бж҃и҃ ступи на ни (66б Псалт. XVII в.); того жъ року 1606 Дмитръ Ивановичъ, *будучи* *ему* *коронованому* царемъ на Москве, не порадившися... послався (170 Сб. XVII в. Син. б. № 790); в такъ добро стане *будѹчому* *ѡ҃вѣви*, зави҃ны всего добра — сточи҃ з ни войнѹ хотѣ (29—29б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); *часу* теды *немалому* *минѹвши*, *будѹчи* ѡ҃вѹ на прѣмѣстю ѹ гнои *сѣдѧчому*, пришла до него жена его (30б ib.) и т. д. Как можно видеть из некоторых примеров, в старинных памятниках наблюдается даже такая древняя черта, как соединение дательного самостоятельного с verbum finitum посредством союзов *и*, *а*. Следы подобных оборотов из дательного с неизменяемой формой причастия изредка встречаются и в живой речи: *женучи* *намъ* вепроў, то панъ споткаў нас; *едучи* *им* по дорози, захотелося спаць Ялени и Ивану царевичу (Ром. VI, 5 Чаусск.); *самой* *выпиўши*, палоўка балиць (Розенф. 6 Вилейск.); kali *tancujùczy* *dzieçucy* razwiàżäćsia andaràk (Федер. I, 204 Дворец); *идучы* *нам* па ягады,

сустрéў лясник (Мат. Б. № 6 Диснен.); *самому зрабиўшы*, дак грошы ў кармане будуць; *самóму паехаўшы*, дак я знаю, што жней бы прывёў (Бобр.).

Творительный падеж

Творительный падеж славянских языков соответствует лишь тому падежу, который в родственных языках называется instrumentalis, так как функции ablativ'a взял на себя падеж родительный, о чем уже была речь. Все значения творительного выводятся из пространственных отношений: он первоначально означал движение по чем, при чем, возле чего. Отсюда естественно развиваются значения — с кем, с чем (сопровождающий предмет) и чем (орудие действия). Дальше всего отстоит от первоначального значения творительного его предикативное употребление, показывающее, во что превращается что-нибудь. Но и здесь то, чем завершается какая-нибудь деятельность, также является результатом пути, по которому пришла известная деятельность.

Придерживаясь Потебни, у которого творительный изложен лучше всего, на первом месте поставим творительный социативный, или комитативный. Дельбрюк (Vergl. Syntax., 1, 231) это значение считает даже основным и из него выводит все остальные. Употребляется он в славянских языках довольно редко, чаще при нем бывает предлог. То же в русском и белорусском языках. Он обозначает предмет самостоятельный по отношению к главному, сопровождающий его, сосуществующий с ним. Напр.: поиде на помочь *рат҃ю великою* кн҃зю Агаилѳ҃ вьскоре (л. 441б Вил.); нача думати *Смоленскими боꙗры* на хрестияны [35 Увар. по изданию А. Н. Попова; но в XVII т. ПСРЛ, стр. 90: с Смоленьскими боꙗры (л. 16)]; обыкновенно в подобных случаях форма творительного с предлогом *с* [оустремиса на бе҃ и со своими кн҃зми и боꙗры Смоленьскими (18б Увар.)]. В современном языке в подобных случаях обыкновенно бывает предлог *с*, о чем см. ниже; ср. еще *под*.

Несомненно в связи с рассматриваемым падежом творительный качества (abl. qualitatis), показывающий несамостоятельный предмет относительно главного, сосуществующий с ним, больше составляющий часть главного: або ли ѣ есмъ *псею головою* нынѣ (170б Библ. кн. XVII в. Толст. № 150); havorà'ć razúmnyja: ńa *tvaìm ròzumam* ńa wbili (= не с твоим умом) (Верига Pod. 18 Лидск.). В современной речи и здесь обыкновенно *с*.

Очень близок к рассмотренным случаям творительный места (abl. loci), сохраняющий древнее значение движения по чем. Связь с местом здесь особенно заметна, напр.: ходзи *лесом*, *сторожой* (Никиф. Част. 508); ишла баба *дубняком* (ib. 709 Лепп.); пайду я *дóлам*, *дóлам*, *далинóю* (Ром. Мат. Гр. II, 176 Гродн.). Сюда же принадлежат и типичные белорусские наречия *кудóю*, *тудóю*, *сюдóю* (ср. Белорусы 2, 66), известные и украинскому языку (Ogonowski, Studien, 191), а также *кудú*, *тудú*, *сюдú*, представляющие закостеневшую форму творитель-

ного множественного (ib. 83—84), *довжóм* (= вдоль) (Мат. Б. № 18 Витебск.), *пéшшу* (ib.); варóчайся дéўка да дóму *пешками* (Ром. Мат. Гр. II, 179 Сокол.).

Относительно обозначения места с предлогами см. ниже: *за*, *межи*, *межь*, *межу*, *над*, *пред*, *перед*, *под*.

Аналогичен с рассмотренным падежом и творительный времени (abl. temporis). Здесь время представляется путем, а действие во времени — движением в пространстве. Сюда принадлежат: часо^{м} — часо^{м} (= иногда — иногда) (11 Тайна Тайных XVI в.); маскаль *тым чáсам* трохи прыкурхнуў (Сержп. 1 Слуцк.); пóйдзем у лыки *ночьчи* (Ром. III, 386 Сенн.); *нóччи* приснився ксяндзу ангел (Ром. IV, 162 Сенн.) (ср. Белоруссы 2, 76); аж так *золоком* (= на рассвете) чуиць нешто жарко стало (Шейн Мат. II, 390 Борис.); сядзеў я нешто *вичаром* у хаце (Мат. Б. № 13 Свенц.); ни *днём* ни *ноччу* не мае пакóю. Форму творительного имеют и некоторые наречия времени — старые и новые: всегды, завсегды, тогды, иногды, оттогды, усёды (Белорусы 2, 66).

О творительном времени с предлогами см. ниже: *за*, *под*.

Наибольшее распространение имеет творительный орудия (abl. instrumenti); он обыкновенно обозначает тот предмет, которым что-либо делают. При глаголах движения он несколько близок к социативному, но при других он произошел из представления пути, которым шло известное действие. Он встречается исключительно при глаголах. Так, мы имеем обозначение вещественного предмета, которым что-либо делается: и҃нѣ́й бо *мечемь* пресѣкаѣ́ми бываxоу (133б Лет. Авр. XV в.); *оу҃дила*^{м} оу҃зды челюсти и^{х} повстагне҃^{т} (32б Псалт. XVI в.); добродейство вчини҃^{т} є҆си *слоугою* твои^{м} (120б ib.); *ѵ҃шима нп҃ми* слышали есмо (20 Псалт. XVII в.); шаты всѣ́ пахнѵ́ алое҃^{т} и *касиею* (23 ib.); чужая сторона *ту́гою* ора́на, *слезми́* засевана; своя сторона *со́шкою* ора́на, *пшо́нкою* засева́на (Зап. V, 266); яго по колени усыпав *и́скрием* (Ром. III, 161 Рогач.); як залились яны буйным, горючим *слезам* (Ром. VI, 164 Городок. у. Витебск. губ.); яблыки самоцветныи, драгоценныи, ни то, што *рукам* их ирва҃ть, можно́ *вустам* узя҃ть (ib. 270) (в обоих примерах, под влиянием северновеликорусских говоров, дательный вместо творительного). Иногда средство бывает не явное, а больше воображаемое отвлеченное: взга^{р}ди^{м} *тыми* (45 Псалт. XVI в.) [как в польском: wzgárdźimi tymi (Врубель 43. 6)]; насычо҃^{т} *ласкоу бо҆ю҆* (61 ib.) (полонизм); *мною* кленали (101 ib.); бѵ́де^{т} соу^{дм}ть ѩ҃зы҃ками (113 ib.); не бридиса҃ зло҃^{т}ю (4б Псалт. XVII в.); потвараю *неправдою* (37б ib.); допусти ихъ тулатиса҃ *силою твоею* (44б ib.); ѡ҃^{т} *вшетечностью* сеей бридячи (35 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); зайчик мале́ньки, *чим* ты живе́ньки (Никиф. Част. 1529 Вилейск.).

К творительному орудия примыкает и творительный при глаголах страдательных, будет ли он выражен лицом или вещью: *возо҃*^{м} ѡгневы҃^{м} є҆сть оуза҃^{т} (27 Сб. XV в. Публ. б. № 391); не прия҃тно буди писаниѣ̂ є҆го *вами* (220 Лет. Авр. XV в.). В последнем примере

страдательное значение имеет даже прилагательное, напоминающее причастие страдательное на *-ен*. Сюда же принадлежит: ѿ сала и *тлу-сто*ѧ*ю* наполниласа дш҃е моа (61 Псалт. XVI в.).

При сравнительной степени прилагательных ставится творительный меры (abl. mensurae) для означения того, чем один предмет превосходит другой: *ты*ᵐ гор'шїй (165 Сб. XVI в. Крас.); *tym* tamu charuszcz (Федер. I, 222 Зельва); *чым* скарэ́й, *тым* лэ́пей; ён *галавою* бо́льшы за мене́.

Близок к творительному орудия и творительный отношения (abl. limitationis). Он употребляется при именах прилагательных и изредка при существительных для означения отношения, в каком известное качество приписывается предмету: пр҃рчица *имене*ᵐ сивил'ла (3 Сб. XVI в. Крас.); с'корь *с'ловесы* (89б Тайна Тайных XVI в.); коня почтового *шерстью* вороного (Акты В. А. К., т. 36, 22 Мин. XVI в.); поме҃ши҃ ѣсь ѣго *малы*ᵐ *нечи*ᵐ ѡ а҃гглы҃ (11б Псалт. XVI в.); сва́дзьба слаўна́ *пе́сьнями*, хаўтуры — *выям* (Ляцк. Посл. 39 Борис.).

Исключительно при глаголе бывает творительный причины (abl. causae). Без предлога встречается он чаще в старом языке: нѣгдѣ стоупити *трупїе҃мь* (67 Лет. Авр. XV в.); *неѣдѣ҃мъ* и́ *безводье*ᵐ дш҃а знемогла (109 Псалт. XVI в.); му́чыцца *жывото́м*.

О предлогах при нем см. ниже: *за*, *пред*.

Особую группу составляет творительный образа действия (abl. modi), стоящий при глаголе и отвечающий на вопрос «как?» Творительный, служащий ответом на поставленный вопрос, в большей или меньшей степени теряет реальность объекта и приближается к наречному обороту. Под творительный образа действия в обширном смысле могут подойти и некоторые другие виды инструментального падежа, рассмотренные нами выше. Их мы касаться не станем. Примеров много и в старом языке и в новом: тоу *костью* падоша (178 Лет. Авр. XV в.); носа҃т платье҃ на то҃ оузрасъ. и ты҃ ѡ҃бычае҃мъ (80 Сб. XV в. Публ. б. № 391); не мыслити *михомь* никомоу же (87 Супр.) [= не помыслити зла (438б Вил.]; сели *лехами* (51б Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); домъ ѥго *порохо*ᵐ маѥ҃т быти (117 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); *во́вком* завыёшь (Нос. Посл. 14); обярнемся *травою* (Зап. V, 429 Лепп.); кого пету на вулицы, положь его *колодою*, колодою дубовою, дзеток яго *цильпучками*, лянок яго *травицею* (ib. 426—427); *случа́ем* поцеряю, тоды шкода будзя (Ром. III, 341 Бых.); милинький... ни *законом* дзелаишь (Никиф. Част. 266); *сле́пням* у во́чы лі҃о́зе (Сержп. 75 Слуцк.) и т. д. Из творительного образа действия возник целый ряд наречий в форме творительного единственного или множественного числа, напр.: той *бягом* на по́ля — нима кабылы (Шейн Мат. II, 210 Борис.); ў хлеви мущинки *по́катом* вижжаць (Зап. V, 415 Лепп.); с печки *кумеллю* злицела (Никиф. Част. 388); набго́м, сило́м, жыўцо́м, станьго́м, знаро́ком, стояко́м, торчко́м, порожняко́м, охо́ццю, ну́ддзю, пе́шшу, ба́лмыччу и т. д. (ср. Белорусы 2, 74); может быть, сюда при-

надлежат: *таки* изъ **такъı*, *трохи* (хотя в последнем можно видеть и винительный падеж, ввиду ед. ч. *трохy*), *вéльми*.

Иногда этот творительный употребляется лишь для обозначения усиления другого понятия или признака, выраженного управляющим словом, как при винительном внутреннего объекта: *заклинание*^{м} заклинаѣтсѧ (57б Псалт. XVI в.); ни *видом* не видадь, ни *слыхом* не слыхаць (Нос. Посл. 110); и *чувóм* чуваць и *видóм* вицаць — ци сам бел молодзец наежжая (Ром. VI, 50 Черик.); *слыхом* ня слыхаць (ib. 206 Гомельск.); *жадóм* жадáла, *пы́том* пытáла (Ром. Мат. Гр. I, 217 Гродн.); Жыве бӯольшы брат *пан — панам* (Сержп. Прымхі 5).

Очень распространен в старом западнорусском и в современном белорусском языке, как и в русском языке вообще, творительный сказуемого, как об этом у нас уже была речь при составном сказуемом (стр. 365—367). В случае построения речи таким образом, что подлежащее переставало быть именительным падежом, а становилось дополнением, творительный предикативный и здесь оставался без изменения, как можно видеть из следующих примеров: поняⷯ бы в ни^{х} королевноу Ѡдвигоу собе *женсю* (13—13б Увар.); кн̄зѧ Юрьѧ Волохове возма к собе єго *воєводсю* (45 ib.); тобѣ подобаєть *кн̄земь* великимь быти во Вилнѣ (86б Супр.); почнеть держати кн̄земь *велики*^{м} во Вилни сн̄а єго кн̄зѧ великого Ѡгаила (ib. 87б); мене вамь в себе держати *воєводсю* (ib. 81); тобе годи^{т} сѧ быти, брате, *кн̄зе*^{м} велики^{м} на Ви^{л}ни (60 Археол.); ме^{л} — ѽво^{м} *велики*^{м} чинить (7 Псалт. XVI в.); чини^{т} младе^{м}цо^{м} *мѫдры*^{м} (21 ib.); на^{д} непрїа̂телей мои^{х} *мсу^{д}ры*^{м} вчини^{м} мѧ ѣси (122 ib.); иже сѧ чинилъ *мудрым'* (1 20 Скор. XVI в.); з насъ — чинить *достóиными* (18 Катих. 1562 г.) (czynić z kogo czym); што̀ме мовишъ *добримъ* (что мѧ глаголеши бл̄га) (26б Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); повѣдалаѧ бы̄ *сестрою* аврааму (7 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158).

Сюда примыкает и творительный падеж восклицания, встречающийся в живой белорусской речи, при котором несомненно подразумевается что-нибудь вроде *ты сделался*, *стал*: молодцóм! (Мат. Б. № 29 Новогр.); государь сказав: *молотцом*, казак Михайла (Ром. VI, 42 Черик.).

О предлогах *над* и *под* с творительным падежом см. ниже.

Местный падеж

В древнейшую пору славянских языков был известен местный падеж, который мог употребляться без предлога для означения места и времени; со временем он стал употребляться исключительно с предлогами. Если при рассмотрении разных падежей мы часто исходили из местного значения, то это особенно применимо к рассматриваемому падежу, который и является истинным представителем этого значения. Он показывает место, в котором находится известный предмет или происходит то или другое действие; показывает он также время совершения

действия. Наконец, он употребляется в зависимости от некоторых глаголов. Есть, наконец, несколько случаев наречных образований в форме местного.

Местный падеж в значительной степени был распространен и в древнерусском языке, впрочем, в памятниках древнейших. С XV в. он почти окончательно исчезает. Естественно, что в старинных западнорусских памятниках он встречается только с предлогами *в*, *нъ*, *об*, *о*, *по*, *при* (о чем речь в другом месте); без предлогов имеются лишь единичные случаи, в которых кое-где можно усматривать и описки.

Формы местного мы встречаем а) для обозначения места: а што *тои грамотъ* писано (гр. 1349 г.); посади его на великомь кн҃жени *Вилни* (86б Супр.) [= оу Вилни (438 Вил.)]; г҃ъ *нбсе*ˣ зготова҃ пр҃тлъ (102б Псалт. XVI в.); отстоупить *Берестьи* (31 Супр. по изд. Лет. вел. кн. литовских А. Попова, что в т. XVII ПСРЛ, стр. 87, л. 6б Супр., прочитано «Бересть и»); б) при глаголах, сложных с предлогами, для означения места: попоу же ни *власъ* ѿгнь не пр҃ікосноуса (89б Лет. Авр. XV в.); повѣдано и̑ такъ *и̑* ѿны*ˣ вещеˣ* много (25 Сб. XVI в. Крас.) (если здесь местный не поставлен вместо родительного); с҆тержи себѣ... ѡне*ˣ двоюнадесѧтеˣ домоˣ* (63б Тайна Тайных XVI в.); в) для обозначения времени: пришо*ˣ вечере* (1б Сб. XV в. Публ. б. № 391); той зѣмѣ (252б Лет. Авр. XV в.); Дашко приѣхалъ к нїмь *ночи* (221 ib.); Костентинъ Ив. Ѯстро҃ск҃и... тата*ᵖ* поби*ᵈ* на Ѯльшаницы *зиме* (285 Позн.); тогды было *зиме* ни зима ни лѣто (154б Сб. XVII в. Син. б. № 790); того жъ року *веснъ* и *летъ* на люди были хоробы великие (166 ib.); *зиме* з морозовъ... множество людей... померло. А *лете* великии жаръ былъ (141 ib.).

В современной речи следов употребления местного падежа без предлога нет, кроме разве некоторых наречий, как *болозе́*, *го́дзе*, *до́бре*, *вонках* и т. п. (ср. Белорусы 2, 76—77). Отметим одно место, где при поверхностном взгляде можно усматривать местный без предлога: але́ *по́ўначы* на бе́рвах не муожна прайці́ (Сержп. 91 Слуцк.); на самом деле перед *по́ўначы* здесь следует видеть пропуск *ў* (*u̯*).

Также лишь по недосмотру можно принять за местные падежи без предлога — *чом*, *том* в примерах: *чом* ты, коню, вадэ́ ни пъе́ш (Ром. Мат. Гр. II, 183 Сокол.); *том* я его полюбила, што ён не пьяни́ца (ib. I, 143), так как здесь, как и в украинском *чом*, сокращение вм. *чому*, *тому* — дательный причины и цели.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В ПРЕДЛОЖЕНИИ, ВЫРАЖЕННЫЕ ПАДЕЖНЫМИ ФОРМАМИ В СОЕДИНЕНИИ С ПРЕДЛОГАМИ

Рассматривая пояснительные слова в предложении, выраженные теми или другими падежами без предлогов, мы видели, а) что нередко первоначальные значения падежей ослабевали, так сказать, выветривались, вследствие чего падеж оказывался не в состоянии выражать то отношение, которому он прежде служил; особенно это можно видеть

на форме́ местного падежа, который теперь совершенно не употребляется без предлога; б) что падеж без предлога в теперешнем своем положении и не может точно выражать всех возможных оттенков основного своего значения, для чего и понадобилось приставлять к тем или другим падежным формам разные предлоги или непосредственно, или же по крайней мере ставить такие слова в зависимости от глаголов предложных, в состав которых входят большей частью те же предлоги.

Кроме того, некоторые из предлогов, развившиеся из наречий, а в более позднюю пору и из именных форм, выражают не только те или другие отношения между словами — поясняющими или поясняемыми, но и сами по себе обозначают нечто материальное. Вследствие этого предлоги могут быть разделены на собственно предлоги (*в*, *у*, *с*, *до*, *на* и под.), имеющие чисто формальное значение указания грамматических отношений между известными частями предложения, и на предлоги-наречия (*межу*, *замест*, *коло*, *прощив* и под.), более ярко и наглядно определяющие отношение между членами предложения; некоторые из них могут и самостоятельно служить пояснениями глагола без зависящего от них слова. Правда, и некоторые предлоги-наречия уже значительно выветрились и подверглись даже формальному сокращению (*миж*, *мъ — длъ* из *подлъ* и под.). Собственно предлоги обыкновенно древнего происхождения и известны в большинстве случаев всем славянским языкам; также некоторые из древнейших образований наречий-предлогов старого происхождения и довольно распространены; но есть и такие наречия-предлоги, которые становятся предлогами, так сказать, на наших глазах. Эти последние составляют принадлежность отдельных славянских языков.

Что касается белорусского языка, то, как мы видели из морфологии (Белорусы 2, 78—81), ему известны все виды указанных предлогов, причем даже некоторые из древнейших предлогов изменили свое значение, а из наречий предлоги продолжают образовываться на наших глазах больше параллельно тому, что́ видим в русском и украинском языках; несколько образований, особенно в старых памятниках, зашло и из польского языка.

Все это в дальнейшем изложении необходимо иметь в виду.

Сделаем еще несколько общих замечаний относительно предлогов в белорусском языке.

Краткие предлоги иногда, отчасти по фонетическим причинам, могут удваиваться: *въ въ* (Белорусы 1, 334—335): ни в'во што (58б Псалт. XVI в.); и вв органе[x] (142б); уво'бхваци (Ром. IV, 158 Мстисл.); *заза* (Белорусы 2, 87): kinuų zaza mnòju (Федер. III, 96 Порозов.); pasiėųszy zaza stoł (ib. 114 Рось); iszła zaza mnoju (ib. 280 Гнезна); *съсъ* (Белорусы 2, 79): със крыницями (гр. 1433 г.); а със Москвичи (гр. 1405 г.); может удваиваться *с* и из *из*: а сс Еикша народилсѧ Довоинъ (67б Крас.).

Как и в русском литературном языке, иногда наблюдается соединение двух разных предлогов, причем падежом обыкновенно управляет

первый: *по-во*: *по вошто*, вовче, идзешь? (Нос. Посл. 128); *с-през*: *спраз* тую бабу (Ром. IV, 170 Сенн.); *из-за*: выбегáюць *зза* кустуоў (Сержп. 13 Слуцк.); *из-под*: цекла ты (вода) *с-под* ясного месица, *с-под* с алатыря каменя (Ром. V, 168 Клим.); *с-па зяленого* дуба (Розенф. 42 Минск.); *по-вз*: і͡ѳздзили шляκам *паўз* карчбмку (Сержп. 130); *по-уз* хаты, *поуз траве*; *по-за*: *паза* гýмнами и т. д. (Белорусы 2, 77).

В старинных западнорусских произведениях и отчасти в современной речи, как нередко и вообще в памятниках восточнославянских языков, наблюдается повторение предлога перед существительным и определением или приложением к нему. Примеры на это явление из памятников разных столетий, принадлежащих разным местностям Руси, в достаточном количестве приведены в статье Игн. Козловского («Zwei syntaktische Eigenthümlichkeiten der russischen Sprache»), помещенной в Архиве Ягича, т. XII, стр. 103—109. Мы приведем здесь данные из старых западнорусских произведений и живой белорусской речи, таковы: ѿ кназа. ѿ кестута. и ѿ кназа ѿ либорта (гр. н. 1341 г. Кест. и Люб.); оу великого. короля. оу володислава (гр. 1393 г.); з гоны з бобровыми (гр. до 1399 г. Андр.); из Лет. Авр. XV в.: съ кн̃земь съ афанасьем̃ь (75); ѿ федора ѿ кошкѣ (206б); ѿша — оуво ѿндрѣяна оу захарьйна (111); бу̑ кн̃за оу дмитриа (121б); в городи в торжькоу (122б); на рѣкѣ на пивжи (91б); на ѡкѣ на рѣкѣ (145 ib.); до рѣцѣ до мецѣ (135); аже погоубать слѣдъ на гостинници на велице (396); в Лит. Лет.: и почнеть пакъ приезьдити ко старымь доумамь. какь ко братоу приѣзьчиваль, ко стареишему (87б Супр.); з братѡ^{м} съ кн̃земъ (440 Вил.); съ ѡц̃мь своимъ с великы^{м} кназе^{м} (443б ib.); къ бра^{т}у... къ старшемѵ (439 ib.); предь градомь. пре^{д} Москвою (24 Увар.); втопити оу реце ѵ Двине (62б ib.); поидѣ кн̃зь к горо^{д}у к Вилни (22 ib.); поидѣть к реце к Вилни (6б ib.); и к сыноу своєму гонца пошлеть к великомоу кн̃зю Витовтоу (1б ib.); привезли ко братоу єго ко кн̃зю Кестоутю (186 Супр.); быти на и^{х} мѣсте^{х} на велики^{х} кн̃жени (87 ib.); на помочь прихѡ^{дил}а кн̃зю Скиргайлоу къ Полоцкомѵ (442б Вил.) (перед словом *князю*, вероятно, пропущено *къ*); со матерью и з бр̾атиєю и с скарбомь своимь со всимь (3 Увар.); дош'ли до реки до шѵма и тою рекою шоумою в море ѡкиянъ (64б Крас.); Евнѵтеи съ стра^{х}оу выбежи^{т} з города зъ вилни (73б Крас.); по͡лы и^{з} города з москвы (80 ib.); пріиде^{т} к городѵ к с'моле͡нскѵ (82 ib.); поеха^{л} до лѵцка до вѣликого (87 ib.); к си^{м} къ старши^{м} (176 Сб. XVI в. Крас.); у самую у восень (162б Сб. XVII в. Син. б. № 790). Из современной речи: няўдосуг сядзець на том на суччу (Ром. III, 37 Клим.); отправця по им по живом на тэй свет (= отслужите богослужение по нем живом) (ib. 141 Бых.); за свойго за добраго коня (т. е. он ухватился), и на хвацеру (т. е. поехал) (ib. 162 Рогач.); тогды под яблонываю под булаву поповз (ib. 312 Бых.); привязали своих коняй к траве к яго (Ром. IV, 19 Рогач.); во тоды погасла у яго свечка у того, нищаго ў того (ib. 46 Чаусск.); отвяцаа у трупи у том хтось-то (Ром. VI, 207 Гомельск.).

Если несколько слов должно зависеть от одного предлога, то такой предлог бывает часто перед каждым словом: а за великого кнаѕа ѡлькѣрта, и за корыѕта и за патрикиѕа, и за ихъ сынъı, мъı и слюбѹємъ, тотъ миръ держати вѣлми твердо (гр. 1349 г.).

В старом западнорусском и современном белорусском языке употребляются в роли предлогов следующие слова:

С родительным падежом: *без*, *вмѣсто*, *водлѣ*, *для*, *дзѣля*, *до*, *за*, *из*, *змежи*, *коло*, *колѣ*, *конецъ*, *концы*, *край*, *кромѣ*, *окромѣ*, *кромъ*, *межу*, *межи (мижи)*, *мижъ*, *мимо*, *обаполъ*, *отъ*, *подлѣ*, *подлугъ*, *промежъ*, *промежи*, *промежку*, *процивъ*, *проци*, *скрозь*, *съ*, *у*.

С дательным падежом: *для*, *къ*, *по*.

С винительным падежом: *без*, *въ*, *воз*, *за*, *кромѣ*, *межъ*, *межи*, *на*, *надъ*, *объ*, *о*, *по*, *подлѣ*, *подъ*, *през (перез)*, *про*, *скрозь*, *съ*, *черезъ*.

С творительным падежом: *за*, *межи*, *межъ*, *межу*, *надъ*, *передъ (предъ)*, *подъ*, *съ*.

С местным падежом: *въ*, *на*, *объ*, *о*, *по*, *при*.

Переходя к рассмотрению тех или других отношений, обозначаемых предлогами, заметим, что эти отношения зависят больше от тех глаголов, которые устанавливают направление, обозначаемое предлогами, особенно теми из них, которых собственное значение затемнено. Для удобства расположим предлоги в алфавитном порядке.

1) *без*. Он обыкновенно обозначает удаление от чего-нибудь, отсутствие чего-нибудь и сочиняется с формой родительного падежа аблятивного: бе^{з} кож'дое причины (64 Крас.); без худá не видаць добра (Нос. Посл. 5).

В юго-западных говорах, под украинским влиянием (Белорусы 2, 76), *без* иногда употребляется в смысле «через» с винительным падежом: nie mụożno wychodzié *bez* tuju dziurku (Федер. I, 77 Суховоля); hlènụ *bez* aknò (ib. III, 147); pierächòdzili *bez* moro (ib. I, 109 Корицин) (ср. Ogonowski, Studien, 184).

2) *въ*. По фонетическим причинам этот предлог может иметь вид *ў*, *у*, *ув*, иногда он удваивается: *въвъ*. Главное его значение местное на вопросы «куда?» и «где?», затем временное значение на вопрос «когда?», образа действия на вопрос «как?»; из этих значений, или лучше — из первых двух проистекают и отвлеченные, переносные значения. Сочиняется *в* с падежами винительным и местным.

а) В значении места, для указания действия, направляющегося внутрь чего, обыкновенно винительный падеж: гостити *в ригу* (гр. Герд. 1264 г.), кликноули *в ра*^{т} (36 Увар.) [на рать (441 Вил.)]; вкинѹ^{л} фараѡна из' во'скомъ *в море* чи^{р}воное (157 Псалт. XVI в.); не ѹпалъ ѹ *пленицу* бесов'скую (35 Катих. 1562 г.); ўцякла *у но́ра* (Ром. III, 27 Рогач.); *у нора* уцекци (ib. 28); скинув шубу, попав *у голова́* (Ром. IV, 89 Рогач.); пошли па́ратца *у лазьню* у гэту (Ром. VI, 119 Сенн.); пошов *у грибы*, *у я́годы*, *у дро́вы*, *у ща́вель* (Мат. Б. № 3 Могил. губ.; ср. ib. № 6 Дисн., № 7 Минск.); пошоў дзедка *у грыбы* (Никиф. Част. 2065 Игум.). Для означения дейст-

вия или состояния, пребывающего на известном месте, обыкновенно бывает местный падеж: в городи в торжькоу (122б Лет. Авр.), євнѹ҃тꙗ ѡсадилъ *въ Вилни* (437б Вил.); ѵ҃ патоѝ *книзе* Моисеѣве (85 Катих. 1562 г.); стали жиць ў лисицы *ў хаци* (Шейн Мат. II, 3 Волков.); видзиць — ка́ливо гороху *увы дне* ляжиць (ib. 68 Борис.); я сам *ў людзех* ночую (ib. 233 Витебск.); неўкотором *царстьви*, неўкотором *государстьви* (Ром. VI, 199 Мстисл.); отвящаа *у трупи* у том (ib. 207 Гомельск.).

б) В значении времени винительный падеж употребляется для указания срока, в продолжение которого происходит что-нибудь: не соблажнайтесе *оу сію но* (5б Сб. XV в. Публ. б. № 391); даѣ̾ш пока҃мъ *оу слышвыи́* ча҆ (139 Псалт. XVI в.); у самую *у восинь* (162б Сб. XVII в. Син. б. № 790); *в голод* намруцца, *а в войну* навгуцца (Нос. Посл. 19); одзин *дзень* сем перемен (ib. 20); в *день* и в ночи (замечательное соединение с одним и тем же предлогом разных падежей; в польском иначе: we dnie y w nocy) (17б, 18б, 38, 84 Псалт. XVII в.); но и в живом белорусском языке то же: слу́гам змі́я ни *ў дзень*, ни *ў но́чи* ани збла спако́ю (Сержп. 137 Слуцк.); *у дзень* и *ў ночи* ўсе пла́че (Мат. Б. №№ 7 Минск., 8 Игум., 11 Новоалекс.). Как можно видеть из последних примеров, местный падеж для означения времени по своему значению иногда совпадает с винительным; вообще же он обозначает время, в которое что-нибудь совершается: во двоу҆ *стоу* ѝ и ве двоу *летоу* (16 Сб. XV в. Публ. б. № 391); ве двоу҃ *стоу* оу шести деса҆ и восми лѣтъ (89 ib.); *оу лете҃* соро҃ ѝ двѣма (42б ib.); *оу летѣ҆* бж҃его нароженіа̀ тиса҆чо трима сты соро҆ и в одномъ *лете* (81б—82 ib.); королева҆ оу летехъ *оу тиса҆чи* ве т҆риста ѝ *оу сороце* лѣтъ (90 ib.); бы оу тро҆ *летѣ҆* (22б ib.); *в҆ року* тиса҆ч҆номъ пат҃сотномъ ше҆десатомъ ѝ второмъ (Катих. 1562 г.) (тут интересно употребление порядковых числительных, как и вообще бывает в старых западнорусских памятниках в подражание латинскому языку), в коротко҃м *часть* понижи҃х бы҃х бы҃х непрїателе҆ ѝхъ (76 Псалт. XVII в.) [w krotkiem czáse (Радив. библ. 81.15)]; жилъ иеремѣꙗ *в сту* и пѧ҃деся҃ лѣтъ по исаию (254б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); якъ у дьвина́нцытымъ *годи*, у ту́ю са́мую руи́ну (Мат. Б. № 18 Витебск.) (опять безразличное употребление местного и винительного падежей).

в) Из предыдущих значений вытекает и определение качества, на вопрос «как?»; тут обыкновенно бывает винительный падеж: не хочю его имѣти собѣ, але дамъ его *в даръ* бо҃у (15б Четья 1489 г.); оу *боты* ѡбоуютъ єго (62 Сб. XV в. Публ. б. № 391); ѡкристи҃са в роуск҃ *вѣръ* (68 Крас.); лукъ в҆ *тр҃скы* зломи҃т (47б Псалт. XVI в.); *в заємъ* дае҃т (38б ib.); ѡдер҃жа҃ *в дѣдиц҃тво* зе҃млю (6б Псалт. XVII в.) [otrzymáią w dźiedźictwo źiemię (Радив. библ. 37. 9)]; нихто *у кумовъе* не хоча йти (Ром. III, 148 Рогач.); ицѝ *у го́сци*, мало́ць *у жо́рна* (Сержп. 123). Сюда же относятся и такие случаи употребления винительного падежа с ў (= *в*), когда обозначается сходство кого

или чего-нибудь: ср. раньше приведенное (стр. 395) *волос ў волос*, *голос ў голос*, *колос ў колос* (то же и в украинском языке: Ogonowski, Studien, 177). — Для обозначения качества возможен и местный падеж: именно, при числительных с предлогом, когда они стоят по особенностям белорусской речи (стр. 348) вместо винительного или именительного (а иногда и других) падежей; так как форма местного совпадает с родительным, то иногда можно встретить здесь и родительный с особым окончанием; примеры: пашли *ў дзесяцёх*, стали жиць *у двух* у хаци (Шейн Мат. II, 3 Волков.); бох нас и послав *удвох* (Ром. IV, 15 Орш.); *у трий* напали на мене (Нос. Сл. 669); передо мною возным тот Лукаш перьвей дубцы *у трох* был филю бит (Акты В. А. К., т. 36, 5 Мин. XVI в.).

г) В отвлеченном значении *въ* требует винительного падежа при глаголах движения на вопросы: «во что?», «внутрь чего?»; местный ставится для означения пребывания, вместимости, напр.: в ни ве *што* (55б Сб. XV в. Публ. б. № 391); ни *во што* ихъ не оустоупаюся (не касаюсь ничего) (30 Увар.); прилепиласа *в ню* (31 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); а *в не*^{т} са склони^{т} (преклонится) (13б Псалт. XVI в.); терпащій в та (25б ib.); наверн҃ти оў *вер҃х*^{ъ}*в҃* (47 ib.), ѡ^{т} в *ниве* ѡбе^{р}не̄ неприяатели нш̄и (46б Псалт. XVII в.); ён уписа́ўся ў сабачую *скўру* (Мат. Б. № 11 Новоалекс.). С местным падежом *в* входит в состав многих конструкций, развившихся больше под влиянием польского языка: повста^{т} — *в ос҃жденю* (11 Псалт. XVI в.); мо^{т}ны *оу сто*^{т}*аю* (126б ib.); коха'ся *в і̄д҃* (6 Псалт. XVII в.) [kochay się w pánu (Радив. библ. 37.4)]; ро^{в}рад҃ю̃ *в тобѣ* (15 ib.) [rozráduią w tobie (Радив. библ. 49.7)]; рад҃'тесѧ *в'бі̄у* (75 ib.); покладе надѣю в' *гд҃* (13б ib.); мѣ' надѣю *в' бі̄у* (19 ib.); буд҃ мѣти надѣю *во имени* твое^{м} (35 ib.); мѣти надѣю в' кн̄жа́та^{х} (129б ib.); ҃фаючи *в' бі̄у* (33б ib.); не ҃повали *в выбаве*^{т}*ю* его (66 ib.); *в тобѣ* ҃поваѣ (80 ib.). Во всех этих случаях *в*, как и в польском: ufáć w kom. Другие примеры: а̃бы^{х}мо^{т} хвалили *оу славе* твоеи (118б Псалт. XVI в.); *в тобѣ* ся бг̄ ҃ хлюбй буде^{м} (20б Псалт. XVII в.); хвалѧ̃са в велики^{х} *богаства*^{х} свои^{х} (28 ib.) [в польском похожее: się chlubią w wielkich *dostátkách* swoich (Радив. библ. 49.7)]; не маѣ жадного ѡпор҃ *в ҃сте*^{х} своихъ (10б ib.); што то мы ёсь: ни *ў царях* цари (Ром. VI, 383 Сенн.).

Предлог *въ* входит в состав некоторых сложных предлогов-наречий, например, *вмѣсто*. В старом западнорусском языке оно еще не слилось в одно слово [о ў хлѣба *мѣсто* (53б Псалт. XVI в.); *оу лю*^{б}*ви место* (111б ib.)], а в живом белорусском языке, как отчасти было и в старом, в роли предлога употребляется одно существительное *место* и, конечно, с родительным падежом [слезы были мнѣ *мѣсто* хлѣба (17б Псалт. XVII в.); *место* мине ён прыдзе]. Сюда же принадлежит *ўмясцёх*, чувствующееся еще наречием [умясцёх поедзим (Мат. Б. № 13 Свенц.)].

Отметим еще полонизмы, довольно обычные в старинных памятниках: *вод'ле* делъ (Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); дн̄ь *водле* дна (= день

за днем) (60 Псалт. XVI в.); *водлугъ* сего же права (101 Статут 1588 г.).

3) *воз* из *въз*, которое по фонетическим причинам может обращаться в *уз*, *ўз*. Неизвестный в отдельном употреблении в русских говорах, этот предлог в белорусском, как и в украинском языке (Ogonowski, Studien, 178), до сих пор употребляется в качестве предлога, управляющего падежом винительным для означения движения вверх чего, как это отчасти известно и в некоторых других славянских языках (Vondrák, V. S. G. II, 391); в белорусском языке он очень часто распространяется прибавкой *по* (Белорусы 2, 77): роуки своѐ *оуз гороу* подношала (14 Сб. XV в. Публ. б. № 391); ня торкай *уз-бож*, а сячи прамо у пузо (Ром. III, 27 Рогач.); як белому камяню *воз мора* ня восплываць (Ром. V, 14 Сенн.); то же в наречных выражениях: возводь (286б Лет. Авр. XV в.), уздóвжь (Нос. Сл. 653), усцяж (ib. 668); в соединении с *по* он требует родительного падежа для означения действия, происходящего рядом с чем-нибудь: по-уз хаты, уси проходжують *повз яе* (Ром. III, 355 Рогач.); иногда и здесь возможен винительный: идзе *пувз каршму* (Ром. III, 402 Рогач.).

Как полонизм, отметим: во'сполокъ з'раньѐм' (купно ѯтро) (27 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.).

4) *для*, *дзѣля*. Эти два разных по происхождению [ср. Berneker, Sl. E. W. *dьl'a* (252) и *dĕl'a* (195)], но совершенно совпавших в белорусском языке по значению предлога иногда еще встречаются в виде *ля*, *ль*, *ли* с отпавшим в начале согласным, и *злъ* с измененным по фонетическим причинам согласным; конечный гласный (*е* — *и*) мог явиться и из *а* безударного и по аналогии *по-длъ* (ср. Белорусы 1, 351; 2, 79). Оба эти предлога употребляются с родительным падежом, чаще всего для означения причины, а затем цели действия в чью-либо пользу или во вред: моукѯ прина^{x} *дла збавѐ*та и ѿкѯ пѐта рожаю чл҃вчего (64 Крас.); тебе *дѣлА* (51 Сб. XVI в. Позн.); чого *делА* (88 ib.); того *делА* (59б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); неприатѐ *делА* мои^{x} (9б Псалт. XVI в.); ймени *делА* (26 ib.); сего *дѣлА* (3 Катих. 1562 г.); королевъства *дѣле* нѣбѣснаго (26 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); *dziele* taho (Чечот 75); *дзелѐ* дружбы цыган повесився (Нос. Сл. 129); *для* цепла́ *дзеля для* со́рома *дзеля* (Зап. V, 188) (оба предлога соединены вместе). *Для* в старинных памятниках встречается больше там, где оно и в польских оригиналах; в современной речи *для* употребляется реже, чем *дзеля*; в виде *ле*, *зле* оно имеет местный характер, как литературное *подле*: тре^{x} *длА* (из-за трех) (109 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); соудо^{т} дла твои^{x} (49 Псалт. XVI в.); *длА* которы^{x} на на^{ѧ} препоущае^{т} погано^{ѧ} (82 ib.) [dla ktorych ná nas przepusscza pogány (Врубель надп. 78 пс.)]; тело моѐ змениló^{ѧ} *длА* ѡлею (112б ib.) [ćiało moie zmieniło sie dla oleiu (Врубель 108.24); *дла* ѡблично^{ѧ}ти гнѣву твоего (9 Псалт. XVII в.); раны завонѣли *дла* глу^{ѧ}ства моего (9б ib.) (dla głupsthwá); хвалили гда — *дла* ѡсобливы^{x} даро^{ѧ} его (25 ib.); *для* друга немá круга (Нос. Посл. 35); с того сердца зелье здзелала ни

ли друга, ни *ли* милаго, а *ли* брата *ли* родимаго (Зап. V, 518 Витебск.); кони *дли* рекú ходзюць (подле р.); (Нос. Сл. 134) bùdzie *źlc* cibie (Федер. II, 101 Свислочь); повидимому, без надобности употребление *для* и притом с дательным падежом в следующем примере: *дла бѣдному* дана есть свѣтло (31б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158).

5) *до*. Под польским влиянием, а отчасти и самостоятельно *до* нередко употребляется вместо *к* и *в*. Он обозначает предел, до которого доходит действие в пространстве или во времени; когда под польским влиянием *до* употребляется вместо *в*, он обозначает действие, направляющееся внутрь чего-либо; употребляется также и в отвлеченном смысле с теми же значениями. После *до* обыкновенно ставится родительный падеж.

а) В пространственном отношении: стоѧ́хоу — *до шїи* (359б. Лет. Авр. XV в.); король почаⷭ до нее ходити... с полацу ажъ *до дому* ее (289 Позн.); входечї *до ерⷭ́сслїма* (27 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); вшолъ *до дому* (Д 21б Скор. XVI в.); о всажении Данилове *до ѧмы* ко львомъ (Д 3, 20б ib.) (Библия 1506 г.: do yamy); оу̑войти *до нб҃а* (44 Псалт. XVI в.); *до земли* хамовы (105б ib.); приведⷭ ее *до цараѧ* (23б Псалт. XVII в.); ступѧ̑ *до а̏дⷭ* (38б ib.); зстⷭ́пую̑ *до пекла* (127б ib.); увойци *до неба* (Мат. Б. №№ 10 Мозыр., 13 Свенц.); ступиу̑ *до пекла* (ib. № 10 Мозыр.); идзи, дуринь, *до дому* (Никиф. Част. 26); пошов *до пскев* (Нос. Сл. 134); кликав *да се* на параду (Ром. Мат. Гр. II, 101 Белост.); *да т҃е* выдя старая жанá (ib. 186 Сокол.).

б) Для обозначения времени: аⷯ *до ночи* ламѧ (описка: в М. П. К. Скорины — показни мѧ) наоу̑ ка моѧ (17) [áźe do nocy (Врубель, изд. 1539 г., пс. 15,7)]; чекáй *до весны́* (Нос. Сл. 134); дазвидання (Мат. Б. № 28 Себеж.).

в) Для указания на отношение к кому или чему-нибудь: любовъ иˣ *до себе* (15б Тайна Тайных XVI в.); рᷣ *до мене* (7б Псалт. XVI в.); злᷣ *до себе* (4б Псалт. XVII в.); приступали *до мене* (5б ib.); прѝми *до ѧшъю* проⷭ́бы мои (12б ib.) жадливᷣ — маᷣ *до хвалы бж҃ои* (17 ib.); реку *до бга* (18б ib.); так *до их* говориць (Шейн Мат. II, 5 Волков.); скажу *до бога* (Мат. Б. № 10 Мозыр.); пиць *да каго* гарéлку (ib. №№ 6 Диснен., 7 Минск., 9 Бых.); злость *до меня* маеть (ib. № 3 Могил. губ., ср. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 8 Игум., 9 Бых.); ну, Матруна, пи *да Лявона* (Бобр.); ён *да коникоу̑* канюх (Белар. Календ. 1912 г., 9).

г) Усиление действия: вы̀скубли бараду́ да *во́ласа;* ко́ни здрасава́ли гро́чку, *да зва́ньня*, *да шчэ́нту* (Парич.).

6) *за*. Основное значение этого предлога — движение назад чего-либо или пребывание позади чего-нибудь. В первом случае бывает винительный, а во втором — творительный падеж, будет ли в данном случае употребление собственно пространственное в месте или во времени, или переносное. В редких случаях в старых западнорусских памятниках для означения времени после *за* употребляется и родитель-

ный падеж. Таким образом, в употреблении этого предлога отметим следующие оттенки;

а) Обозначение места в собственном смысле, α) куда направляется известное действие: *за шию* били є̑го (99 Сб. XV в. Публ. б. № 391); *за шию* бьють (7 ib.); *за пояс* заткнуць (Нос. Посл. 46); *за* свойго за добраго *коня* (т. е. он ухватился), и на хвацеру (т. е. поехал) (Ром. III, 162 Рогач.); pasiẽguszy *zagá stol* (Федер. III, 114 Рось); β) где совершается действие: *за морем* цѣлушка по́лушка (Нос. Посл. 46), kìnuą *zaza mnòju* (Федер. III, 96 Порозов.); iszłà *zaza* mnòju (ib. 280 Гнезна); за сѧ (= опять, всяпть): идꙋщоу же є̑мꙋ за сѧ (Радз. л. 4 об. и др.).

В переносном смысле пространственное значение имеют следующие случаи: α) выходить замуж за кого-нибудь или быть замужем за кем-нибудь: сестрꙋ свою *за хлопа* да^{т} (439 Вил.); дзеўка, дзеўчина, ци хочешь *за мяне* замуж ицци (Зап. V, 702 Бых.); яна́ была за́мужам *за* маи́м *бра́там*; β) при сравнительной степени вместо родительного удаления, как и в украинском языке (Ogonowski, Studien, 179): ѡдинъ *за другого* лепшейшый (42 Катих. 1562 г.); яна старей *за яго* (Зап. V, 820); мае ро́зуму больш *за их ўсих* (Шейн Мат. II, 206 Новогр.); яна нэйстарэ́йшая *за ўсих* в ге́тум сяле́ (ib. 326 Волков.); сильнейшы *за мяне* (Мат. Б. № 6 Диснен.); я *за цибе* старший (ib. 11 Новоалекс.); ня лепш *за цябе* (ib. № 21 Слуцк.); дужейшы *за мяне* (ib. № 31 Вилейск.); иногда *за* без нужды приставляется даже перед формой родительного: жыто выросло луччы *за той пшаницы* (Шейн Мат. II, 367 Витебск.); γ) для означения перемены состояния, взгляда на что-нибудь: *за бога* мети (65б Крас.); боудь ми *за бг̑а* (70 Псалт. XVI в.); *за добры*^{х} поличай людей (138б ib.); почита^{т} есми *за прест҃ы́цы* вси грѣшные земли (141 Псалт. XVII в.); речи которие *за ничито* не стог̑а (92 ib.); мѣти ни *за што* (ни во что ставить) (127б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); *за знамѧ* даваю (1 Сб. XV в. Публ. б. № 391); *за* божже *подши́це* не маешь (Нос. Посл. 44); вывучыўся *за сталяра*, *за сапожника*, *за шаўца* (Бобр.); δ) для означения обстоятельства образа действия на вопрос «как?»: хоще^{т} *за прав'ду* прїйти (90 Сб. XVI в. Крас.); рада бы^{х} то *за п'рав'дꙋ* звѣдала (25 ib.); посади^{т} *за сторожею* (под с.) (438 Вил.); хѡдать *за* малою *сторожою* (440б ib.); запрода^{т} естъ іѡсифъ *за неволникъ* (111 Псалт. XVIII в.) [zaprzedan zá niewolniká (Радив. библ. 105.17)]; *за во́чи* говори, што хоци (Нос. Посл. 44); *за гроши* хиба пциччаго молока не достанешь (ib. 45); ε) для означения лица или предмета в пользу или во вред которого что-либо делается: а *за* велкого *кнѧза* ѡлькърта, и *за кор*ъ*тата* и *за патрикиа*, и *за* ихъ *сыны*, мы и слюбꙋємъ тотъ миръ держати вѣлми твердо (гр. 1349 г.); могъ сѧ *за Авимелехо*^{м} молити (170 Катих. 1562 г.); *за жида́ми* про́сячого (2чи б Ев. 1616 г.); не моли́сѧ *за лю*^{х}*ми́* ты́ми (ib.); будꙋ мы҆лити жало҆ю *за грѣхи* мои (10б Псалт. XVII в.); се *за ни́ми* моли^{т} (121 ib.) [iam się nimi modlił (Радив. библ. 109.4)]; не *за симѝ* то́лко прошꙋ (Ев. 1616 г. р҆ē);

ѡдавали мнѣ злы́мъ *за до́брое* (121 ib). Из приведенных в данном пункте примеров особенно интересны те, в которых употреблен творительный падеж (молити, просити за кѣмъ) вместо ожидаемого винительного.

б) Обозначение времени обыкновенно выражается α) падежом винительным: началъ мыслити ꙗкобы *за* единъ *день* (quasi hora una) [Скор. XVI в. (Владим. 292)]; ходила на молитву *за* три *дни* (Ю 19б ib.) (per triduum. Библия 1506 г. za trzy dni); вхо́дя умёршы *за два́ ꙗды* муж (2 года тому назад) (Раст. 127); *за погоду* треба упратаць сено, *за ꙗодзиночку* приду (Нос. Сл. 158); трэба скаси́ць *за пагоду* (Раст. 127); это было еще *за пригон* (в крепостное время) (Мат. Б. № 32 Орш.); *за* try liet (Федер. I, 91 Шидловцы); того часу *за* моу́драго *цр҃а саломона* бѣ̂аше пр҃рчица (2—3 Сб. XVI в. Крас.); *за Саса* было досиць хлеба и мяса (Нос. Посл. 47); *за Миколая Па́вловича* 25 год служили (Мат. Б. № 3 Могил. губ.); в последних трех примерах можно бы усматривать и родительный падеж; β) несомненно родительный в следующих случаях: *за днѣвъ* судьи (Р 2 Скор. XVI в.); еси чини[л] *за часо*҃ ихъ (20 Псалт. XVII в.) [czynił zá czásow ich (Радив. библ. 44.2)]; за живота (при жизни) (29 Псалт. XVI в.); *за жы́ця* еще зрабі́ў яго гаспадаро́м; γ) кое-где для означения времени употребляется и творительный падеж: *за Микалаям* па 25 год служили (Мат. Б. №№ 8 Игум., 29 Новогр., 31 Вилейск.).

в) Обозначение причины чаще выражается творительным падежом: за росказаньемъ (вследствие распоряжения) (Арх. С. I, 4, 1497 г.); *за тым* слепый плачець, што сцежки не бачиць (Нос. Посл. 47); но возможен здесь и винительный падеж: от яны и заняли́ спор *за жарабя* (Ром. IV, 23 Бых.); *за* мое *жито* да й мне набито (Нос. Посл. 45).

Предлог *за* входит в состав наречий *за́мес*, *за́мест*, *замёста* и *заўме́ста*, в свою очередь исполняющих роль предлогов (ср. Белорусы 2, 81), *заўтра* и *ўзаўтра*.

7) *из*. Отчасти по фонетическим причинам, как предполагаемый *jьз-*, отчасти вследствие влияния предлога *с* может иметь вид *з*, *с*. Этот предлог обозначает исходный пункт известного действия или движения изнутри чего-нибудь как в собственном, так и в переносном смысле; эта внутренняя среда иногда является причиной известного действия. Предлог *из* может соединяться с другими предлогами, составляя сложный предлог, но родительным падежом управляет первый. Итак *из* обозначает:

а) Движение из чего-нибудь: Θеѡ[до]рь Коръятовичь выбегъ *с* Подольскои *земли* (45б Увар.); изъ града Полоцька, с' полоцка (послесловие) (Скор. XVI в.); из' стебла (Б 75 ib.); с' стебла Б (73 ib.) (z stébla), изъ земли (Е 7, Р 3б ib.) (рядом: з' земли); данъ з' *города* Несвижьского (Катих. 1562 г.); *з реки* роскоши напоишъ ихъ (5 Псалт. XVII в.); *з рѹки* адовы (29 ib.); *з ни*[х] не пили (68 ib.); ѡболоки голо҃ *з себе* выш҃ѹщали (63 ib.); *з* розны[х] *краинъ* (116б); высудзила *зъ нора* (28 Ром. III Рогач.); ты ужо жильля повы́цягав

з мяне (Ром. IV, 81 Бых.); в переносном смысле: ни ѿдй *з ни*^{х} (107 Псалт. XVI в.); работник ты, як бачу́, *з ня горших* (Шейн. Мат. II, 289 Борис.); а *сс Еикша* народилсѧ Довоинъ (67б Крас.); с'пл'одил *з' ѳрии́ное* (роди отъ уриины) (2 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); после сложных предлогов движение откуда-нибудь в собственном смысле: цекла ты (вода) *с-под* яснаго *месица*, *с-пєд-с* алтыря *каменя* (Ром. V, 168 Клим.); *с-па* зяленаго *дуба* (Розенф. 42 Минск.).

б) Причину действия: з высокоу́мыѧ (73 Псалт. XVI в.); зо знаю (50б ib.); а с тое причины (65 Крас.); добра *с того* мало (Мат. Б. № 23 Минск.). Может быть, сюда относятся выражения *радсваться*, *смеяться с кого*, но трудно решительно утверждать это в виду совпадения по форме *из* и *с*, управляющих притом в данном случае одним и тем же падежом.

Отметим еще наречие *змежы́* [змежи́ на́с одзин нехай идзець (Нос. Сл. 211)], играющее роль предлога с родительным, в состав которого входит *из*.

8) *къ*. В старинных произведениях, под польским влиянием, иногда имеет вид *ку* (Белорусы 2, 79). Предлог этого всегда употребляется с дательным падежом и означает либо такой предмет и состояние, к которому направляется действие, либо цель движения. Иногда предлог оказывается как бы лишним, так как движение к чему-либо может быть обозначено и посредством дательного пользы или вреда.

а) Обозначение движения к чему-либо имеется в следующих примерах: на кглейтовны^{х} листехъ *к королю* єздиль (44б Увар.); вѣле^{л} *к собѣ* бы^{ти} (86б Крас.); и почнеть пакь приезьдити *ко* старымь *доумамь*, какь *ко братоу* приѣзьчиваль *ко старѣишемоу* (87б Супр.); о всажении Данилове *ко львомъ* (Д 3, 20б Скор. XVI в.); мови^{т} *кѳни*^{м} (7б Псалт. XVI в.); в последнем случае можно бы обойтись без предлога, как и в нижеследующих: платити кы йстыцю (391б Лет. Авр. XV в.); подобный єстъ любый мой *къ сер'не* и *къ* младому *Еленев и* [ПП II гл. Скор. XVI в. (Владим. 339)]. Примеры современные: нихто к *яму́* у кумовъё не хоча ити (Ром. III, 148 Рогач.); мы будзем *ик вам* (ib. 226 Сенн.) (о приставном *и* см. Белорусы I, 263); привязали своих коняй *к траве* к яго (Ром. III, 19 Рогач.); я сам *к сабе́* людзей пускаю (Шейн Мат. II, 233 Витебск.); куды ты *к лиху* пошила сорочку (Нос. Сл. 273).

б) Указание на цель движения имеем, например, в следующих случаях: по^{л}неси рѳки *кѳ спѳстоше́ю* (56 Псалт. XVII в.); ма́ну *ку еде́ю* (66 ib.); што естъ *ку покоеви* (147 ib.); рада выпраноула дша моѧ *ку збаве́ю* (121б Псалт. XVI в.).

9) *коло*, *колъ*, *каля*. О происхождении его уже речь была (Белорусы 2, 80). Как после имени существительного, после него обыкновенно бывает родительный падеж. Употребляется этот предлог обыкновенно в местном значении: *коло воды* ходзючи, умочишся (Нос. Сл. 241); *коло ее* положиу́ (Шейн Мат. II, 2 Волков.); *куля нога* (27 Ром. III Рогач.); *кылы́ ями* ўсё з киями (Мат. Б. № 18 Витебск.).

Но есть несколько довольно неясных для меня случаев употребления этого предлога и в переносном смысле: съмяесься *коло мяне* (Ром. IV, 218 Клим.); смяютца *коло яе́* (Ром. VI, 32 Черик.); оди́н *коло 'дного* посьмяёмся (ib. 141 Сенн.); стали съмиитца *коло яго* (ib. 288 Орш.); *коло мяне* съмиитёсь (ib. 412 Чаусск.); съмяютца люди *коло тябе* (ib. 485); *кала мяне́* съмяю́цца, яны *кала нас* съмяя́лись (Раст. 124). Подобное употребление из юго-западной Белоруссии мне неизвестно.

Еще отметим *около*: ѡ и҃ерѹсали́ме, ѣкие҆ сѹ҆ гори ѡ҆коло него (148б Псалт. XVII в.).

10) *конецъ*, *концы* (ср. Белорусы 2, 80). Это имя в качестве предлога, как и в украинском языке, требует после себя родительного падежа: софѣю заложи *конець* пискупли оулици (48б Лет. Авр. XV в.); сядзиць *канец стала* (Мат. Б. № 6 Диснен.); жыве́ць *канцы сима́* (ib. № 14 Новоалекс.).

11) *край* (Белорусы 2, 80). Употребление совершенно тожественно с *конец*: живе *край села* (Мат. Б. № 17 Речицк.). Это *край* может быть осложнено еще каким-нибудь другим предлогом (*скрай*, *вкрай*): живу я *ў край* мора (Никиф. Част. 2137 Минск.).

12) *кромѣ*, *окромѣ*, *кромъ* (ср. Белорусы 2, 80). Употребляется с родительным падежом: о҆кроме того (53б Катих. 1562 г.); кромъ ѡдного (95 Сб. XVI в. Позн.); ѡкромъ воли божъе (188 ib.); *кром цебе* нихто не брав (Нос. Сл. 254); иногда после *кром* попадается и винительный падеж: кромъ ѡдинъ Трыщанъ (115 Сб. XVI в. Позн.).

13) *межу*, *межи*, *мижи*, *мижь* (ср. Белорусы 2, 80—81). Этот предлог, представлявший первоначально наречие в форме родительно-местного двойственного числа, со временем очень удалился от первоначального своего вида; впрочем, первоначальное реальное его значение, показывающее место действия на границе между какими-либо предметами (сначала двумя, а затем и многими), чувствуется еще до сих пор. Как предлогу, происшедшему из имени, естественнее всего сочиняться с родительным падежом; такое употребление в белорусском языке и в старом западнорусском языке довольно обычное; но бывает после него и форма творительного, и изредка даже винительного на вопрос «куда?». Итак, α) родительный имеем, например, в следующих случаях: межи местеря и князя (Л. 119, 1405 г.); докончають *межи себе* (86б Супр.); правдоу *межи себе* на томь дали (87 ib.) [= прі҆а҆гли промежи собою (438б Вил.)]; пришли *межи* зе҆ского *мора* (64б Крас.); межи хр҃тиа́нъ (96б Сб. XVI в. Крас.); межы мужыковъ и невѣстъ (43 Сб. XVI в. Позн.); с҆а҆ оу҆покоите *межоу пределовъ* (66 Псалт. XVI в.); межи себе (20б Псалт. XVII в.); *межи́ их* нема ладу, стань *межи нас* (Нос. Сл. 283); *меж лисиц* кабан висиць (Нос. Загадки 200); *миж* бе́линьких *бярозак* Та҆ лала́й бря́ша (Ляцк. Посл. 21 Борис.); β) творительный падеж: межи зверѧми (Пр 18б Скор. XVI в.); межи которими (44б Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); межи всѣмѝ (Ев. 1616 г. чз); *меж* курными *хатами* хадзи́ли сви́нни; γ) винительный: о҆́то и҆а҆ ва҆ посыла́ю ѣмъ ѡвеѵки *межи вол'кѝ* (Ев. 1616 г. 2аб) —

несомненно винительный после глагола движения на вопрос «куда?»; на вопрос «где?» там же читаем творительный: ѳвéчка *межи вѡ́кáми* бѫдѫ́чи; папаў *меж мóлот* и наковáльню.

Тот же предлог-наречие бывает осложнен прибавками других предлогов-приставок: *замíж*, *змéжи*, *памíж*, *примéж*, *промéж*, *промéжку* (Белорусы 2, 80).

14) *мимо*. Это наречие [Мина! пошов мимо (Нос. Посл. 77)] встречается и в роли предлога для означения движения рядом с чем и затем вдаль от чего-нибудь (ехаў *мíмо хáты*); может употребляться и в переносном смысле [мимо потребѫ (212 Сб. XVI в. Крас.)]; сочиняется с родительным и реже с винительным падежом.

15) *на*. Этот предлог означает движение на поверхность чего-либо или нахождение на чем-либо в пространственном или временном отношениях как в собственном, так и в переносном смысле. Эти отношения, кроме того, могут переходить в обозначение образа действия и цели в зависимости главным образом от лексического значения тех слов, к которым присоединяется этот предлог. После *на* бывает винительный падеж на вопрос «куда?» и местный на вопрос «где?». В белорусском языке, особенно в старом западнорусском, некоторые конструкции объясняются иноземным, преимущественно польским влиянием.

а) Для обозначения м е с т а *на* с винительным падежом: *на кола* бити (бить со всех сторон) (СВ. 5, 1432 г.); делити *на полы* (87 Супр., 438 Вил,); наеха^{ли} *на вимню* (73 Крас.) (сделать нападение); введѫ *на сто́ую гор*ѫ твою (19б Псалт. XVII в); źliez *na* sám *wierch* (Федер. II, 216 Гнезна); палéз на *хáту*, *на* стáрая *сьмéцьця* вярнýўся (Ляцк. Посл. 23 Борис.); в переносном смысле: плач'те сами *на себе* (Сб. XV в. Публ. б. № 391); не бачи^{т} *на мѧ* (Псалт. XVI в.); прибачи^{т} *на мл҃твѫ* (101 ib.); *на пок҃ны*^{х} призирае^{т} (114б ib.); скрегетали *на мене* (1 Псалт. XVII в.); скрежече^{т} *на него* зѫбами своими (7 ib.); не молчи *на то* (1б ib.); маѥ бачно^{ть} *на нищого* (16 ib.); мѣти надѣю *на гда*^{а} (129б ib.); сѧ *на ни*^{х} надѣваю^{т} (155б ib.).

Несомненно, полонизмы в выражениях — *вспоминати на* что: помани *на менę* (22 Сб. XV в. Публ. б. № 391); воспоманулъ *на сонъ* (Э 19 Скор. XVI в. (Библ. 1506 rozpomenul na sen); памѧтали *на слово* (93б Катих. 1562 г.) (pamiętali na słowo); оўпомане *на жрътвѫ* (21б Псалт. XVI в.); вспомани *на посме*^{х} (75б ib.); вспомятѫи г^{ть}и *на сн҃ы* едо^{м}скиѣ (133 ib.); *на тебе* вспоминаю (18 Псалт. XVII в.); спо^{м}ни *на собра*^{т}*е* — и́ на прѫтъ — *ѝ на* тую *гор*ѫ сиѡнь (56 ib.); ѫспомина^{л} есми *на справы* (62б ib.); помина^{т} *на то* (58 ib.); вспомни^{л} *на розлиѧ*^{т}*ѥ* крови (wspomionął ná...) (12б Псалт. XVI в.); боудѫ помета^{л} на *раавъ* (będę pamiętał ná Raab) (88б ib.); помата^{т} *на на*^{т} (pámiętal ná nás) (132б ib.); памѧта^{т} *на дѣла* (62б Псалт. XVII в.); памѧтаючи *на то* ижъ ѥ^{ть} тѣло^{м} (67б ib.); вспо^{м}ни *на то* што вжды ѧ естъ (90б ib.); *на мене* то належи^{т} (33б ib.) [ná mię to należy (Радив. библ. 56.13)] было трѫ^{дн}но *на мене* (54б ib.) [było bárzo trudno

na mię (Радив. библ. 73.16)]; *на бога* и забывся (Ром. IV, 11 Гомельск.); *на басьни* забывся (ib. 149 Сенн.); ни забывся *на яго* (Мат. Б. № 16 Бых.); па́мятуй *на бога* (ib. № 4 Могил. губ.); па́мятаў *на бога* (ib. №№ 6 Диснен., 8 Игум.); уздумав *на Нестирку* (ib. № 16. Бых.); повидимому, полонизмы и в следующих выражениях: бо̀ ве^{м} ты г$\hat{}$и ѣдино$\hat{}$ *на надею* вжитли$\hat{}$ мѧ ѣси (9 Псалт. XVI в.); сѹди^{ж} — *на мѧ* (11 ib.); досыт'ли *на тым'* (109 Катих. 1562 г.) (dosyć na tem).

Вероятно, белорусского происхождения *на* в примерах (в переносном смысле): схожий *на тэй* (Ром. III, 281 Сенн.); отвецив *на Ялену* приукрасную (Ром. VI, 3 Чаусск.); раз маци говóрыць *на сы́на* (Мат. Б. № 7 Игум.); ždúć *na n'aho* (Верига Pod. 23 Лидск.); вообще же в живой белорусской речи такое же употребление этого предлога, как и в русской литературной: *на* прами́луй *бусг* (Ляцк. Посл. 23 Борис.); *на кагó* буог, *на трагóй* лю́дзи (ib.) и под.

Для обозначения места *на* с местным часто даже в таких случаях, где ожидали бы встретить *в*, как и в древнерусском языке вообще: на рѣкѣ на пивжи (91б Лет. Авр. XV в.); на ѡкѣ на рѣкѣ (145 ib.); на шолонѣ на оусть пшагѣ рѣкѣ (97 ib.); на вислѣ рѣкѣ (40б ib.); аже погоубѧть слѣдъ *на гостинницы* на велице (396 ib.); кн҃жилъ *на вилни* (73 Крас.); ѥвнѹ҃та ѡсадилъ *на* велико^{м} *кнаженьи* (437б Вил.); кн҃зь Витовть гдр҃мь сталь *на* Литовъскои *земли* (45б Увар.); Констентинъ Ив. Ѡстро^{а}ски^{и} ... Тата^{р} поби^{л} *на* Ѡльшаницы (285 Позн.); быти кн҃зе^{м} *на Ви^{л}ни* (60 Археол.); доконана е$\hat{}$ сїа книга ... *на городъ* Несвиж'скимъ (Катих. 1562 г.); позабивати *на пѹтыни* (114б Псалт. XVII в.); быв *на кню́* (Зап. I, 266); няўдосуг сядзець на том *на суччу* (Ром. III, 37 Клим.); што *на сэ́рданьку* майму́ (Ром. Мат. Гр. II, 66 Слоним.); на вочах пасець (внимательно следит за ним) (Ром. VI, 237 Сенн.); *na* dwanaccaci *łancuhdu* (Федер. II, 85 Шидловцы); *на вадзе́* пи́сана (Ляцк. Посл. 22 Борис.); на съвéци, як на дварэ́ (ib.) В переносном смысле употребление местного (ср. Буслаев II^{5}, 283) в белорусском языке мне не известно.

б) Для означения времени *на* употребляется с винительным и с местным падежами: на ты^{х} местъ (в то время) (1,20б Сб. XV в. Публ. б. № 391); кн҃зь велики^{и} Ѡлкге^{и}ло вельми сѧ ѹрадова^{л} прые^{я}ду велико^{г} кн҃зѧ Витовъта, и *на ты^{х} мѣстъ* дасть кн҃зь ... прысягу (249 Позн.); того^{ж} року права даны все^{и} земли ... *на светыи Михаилъ* (285 ib.); затрѹбите *на н҃мц҃ь* (83б Псалт. XVI в.); *ажь на вѣкы* заховани бѹдоу^{т} (38б ib.); ратоуе̃ его бг҃ъ еще зпора$\hat{}$ку *на свитаню* (24б Псалт. XVII в.); *назаўтраю* того вечара (Ром. III, 295 Гомельск.); я за цибе *на дзесяць* гадоў старшый (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); *на вясну́* посéиш — у вóсинь сабярэ́ш (Ляцк. Посл. 22 Борис.); *на* дóўгим *вяку́* трафитца на сьпине́ и на баку́ (ib. 23); *на Илью́* пирапéчку налию́ (ib.); *на каля́ды* килбаса́, *на вели́кадня* сыр (ib.). Указать различие в употреблении винительного времени и местного трудно; винительный с *на* может быть заменен творительным без предлога.

в) Для обозначения образа действия *на* сочиняется обыкновенно с винительным падежом: лицо албо виденїѣ *на зрастъ* песїй (65б Сб. XV в. Публ. б. № 391); *на дѵвнадцеть* сажновъ широкъ (86 ib.); *на гласѵ* поразили (70 Крас.); дасть кнанжѵ *на има* со°ю (80 ib.); *на котры* и̑ (образ) были с'творени (2б предисл. Катих. 1562 г.); на адно́ *во́ка* сляпы́, *на друго́я* ни ба́чыць (Ляцк. Посл. 22 Борис.); *на зло́сыць* жо́нцы — хоць и пабъю́ць (ib. 23); про́сяць лю́дзи *на прами́лы бу͡ог* (Сержп. 17 Мозыр.); *на прами́лы бог* (Парич.); вучыць каго *на шаўца́*, каго́ *па краўца*; вучы́цца *на дохтара* и т. д. (ib. 49 Слуцк.); збиў Ры́мша па́на *на* гуоркае *яблыко* (ib. 107); хварэў *на воспу* (Бобр.); hра́е *на ду́дку*, *на скры́пку* (Парич.).

г) И для обозначения цели *на* обыкновенно соединяется с винительным падежом: поиде *на помочь* кнзю Агаилѵ въскоре (441б Вил.); далъ есми... оц͡ю своєму *на памать*. и собѣ. и дитати... (гр. XIV в. И. Н.); оустремиса *на* бе͡г (18б Увар.); ходила *на молитву* (Ю 19б Скор. XVI в.); натягнѵли лукъ сво' *на* ѵпадо͡м (7 Псалт. XVII в.); да͡х еси *на пока͡рмъ* (57б ib.); *на што* козами сена травиць (Нос. Посл. 91); стань *на́ помочь* (Ром. V, 25 Могил.).

д) Мера, количество: *на* капейку патравы, а *на* рубель прыправы.

е) *на* = *по*: *на* йме (на имя, по имени) [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)].

16) *надъ*. Этот предлог употребляется с винительным падежом для означения движения куда-нибудь, над кем-нибудь; в переносном смысле для указания превосходства над кем-нибудь, господства; с творительным падежом означает пребывание над кем или чем-нибудь.

а) Винительный падеж в живой речи редко встречается, больше он свойствен старому западнорусскому языку, где сохранялся от старины, а, может быть, в некоторых случаях и развился заново не без влияния польского языка: взыде *на͡х херѵвимъ* (19 Псалт. XVI в.) [wstąpił nád cherubim (Врубель 17.11)]; надъехав *над село* (Нос. Сл. 306); особенно обычно употребление этого предлога с винительным, как в польском, украинском и некоторых других славянских языках (ср. Vondrák. V. Sl. Gr., II, 379), при сравнительной степени, при сравнении вообще и для означения всякого превосходства: *наде все͡х* лишей (10 Сб. XV в. Публ. б. № 391); что жъ болеи *надъ иные* имуть їоудеи (Ап. 9—9б Скор. XVI в.); что сладшего *надъ мед'* или что сильнейшего *надъ льва* (С 32б ib.) (Библ. 1506: nežli med — nežli lew); страшо͡и *на͡х вси* (63 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); оу͡чсти͡ г͡ь *на͡х да͡р* (8б Псалт. XVI в.); *на͡х несо* оумножа͡тса (134б — 135 ib.); прибавлю *на͡х* всакоу *похвалѵ* твоѭ (70б ib.) [będę przydawał więcey nád chwała twoię (Врубель 70.14)]; вышы͡ же сю *на͡х небеса* (41б Псалт. XVII в.); *на͡хто* ꙗзыкъ росправова͡ буде͡ (50 ib.); кого͡ г͡а маю *на͡х тебе* на небѣ (55 ib.); *на͡х мѣрѵ* (= сверх меры) (73б ib); ро͡вмножа͡ *на͡х песокъ* (161 ib.); ма͡ки *на͡х ѡлеи* (55б Псалт. XVI в.); страшны — *на͡х сн͡ы* лю͡ские (63б ib.); *на͡х сне͡* бѣлыми сн͡аноу (66 ib.);

*на*ѧ *неприѧтелей* мои^{x} моу^{ѧ}ры^{м} вчини$^{\frown}$ мѧ е́си (122 ib.); соло^{ѧ}ки — *на*^{ѧ}*ме*^{ѧ} (122б ib.); в дивны^{х} *на*^{ѧ} *мене* (129б ib.). гла^{ѧ}шие *на*^{ѧ} ѡ*ливу* слова (39 Псалт. XVII в.); слова — соло^{ѧ}ше *на*^{ѧ} *медъ* (139б ib.); велми еси ѡздобны$^{\prime}$ *на*^{ѧ} *сыны* лю^{ѧ}ские (22б ib.); буд$\breve{ы}$ *на*^{ѧ} *снѣгъ* выбеле$^{\frown}$ (40 ib.); *над усих* ле́пшы (Мат. Б. № 6 Диснен.); сильнѣйшы *над мене́* (ib. №№ 15 Игум., 18 Витебск.); сильнейшаго над его нима (ib. № 17 Речицк.). Сюда близко подходят случаи вообще употребления винительного с *надъ* в переносном смысле: надто надо все (= кроме всего того) (Арх. С. VII, 3, 1450 г.); будешъ милованъ *надъ хвалу* людскую (Ср. 8б Скор. XVI в.) (Библ. 1506 г.: budess milowán nad chwalu); над сее замеренье (21 Статут 1588 г.); над сюю уставу (14 ib., 95 ib.); оукрѣпихсѧ надь ѡ$^{\frown}$ (Пс. 12.3 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); приложи$^{\frown}$ цр҃ю дны *на*^{ѧ} *дны* (60 Псалт. XVI в.) [przydasz dni nád dni (Врубель 60.7)]; *над бга* нима ника́га (Ляцк. Посл. 22 Борис.); взяв *над силу* (Нос. Сл. 306); над меру (ib.).

б) Творительный падеж с *надъ* употребляется в прямом смысле для обозначения места: *над сте*^{м} двадца$^{\frown}$ и пѧ$^{\frown}$ми зм҃лами (46б Сб. XV в. Публ. б. № 391); *над* пешим *орлом* и сорока с колом (Нос. Посл. 84); *над душо́й* стаи́ць (Ляцк. Посл. 22 Борис.). В переносном смысле: иногда при сравнительной степени вместо ожидаемого винительного: мѫдрѣ$^{\prime}$ши^{м} *на*^{ѧ} *непри*ѧ*тели* моими (139 Псалт. XVII в.); в других случаях: бѫде^{ш} *на*^{ѧ} *ними* справова$^{\frown}$ (7б Псалт. XVI в.); кроле^{м} *на*^{ѧ} *кро*$^{\frown}$*ми* (22 ib); перемогѫ *на*^{ѧ} *ними* (49б Псалт. XVI в.); милосе^{р}дными *на*^{ѧ} *дѫ*^{ѧ}*ными* (15б Псалт. XVII в.); се веселити *надо* ^{м}*ною* (17 ib.); *над душо́й* стаи́ць (Ляцк. Посл. 22 Борис.); славен наш пан *над* усими *панами* (Нос. Сл. 306).

17) *сбъ, о.* В старинных произведениях встречаются оба предлога, в современной речи почти исключительно *сбъ*. Сочиняется он с местным падежом в смысле «кругом чего, около чего»; причем в пространственном значении теперь не употребляется; для обозначения времени и теперь возможно употребление этого предлога с местным. В переносном смысле местный ставится для указания на предмет рассуждения, речи. С винительным *сбъ* употребляется для указания на смежность, на предел действия; в переносном смысле содержит указания на причину действия, цель. В белорусском языке современном и в старых западнорусских памятниках, в большинстве случаев под влиянием польского языка, винительный находим там, где ожидали бы встретить местный.

а) Местный после *сбъ* употребляется α) для обозначения предмета речи, разговора: сказание ѡ *вѣрны*^{х} *кн҃зеи* (1 Супр.) (существительное по ошибке поставлено в родительном); похвала ѡ вѣлико^{м} *кн҃зи* витовтѣ (85б Крас.); не ѡ ложнымъ ѩки^{м} *бозѣ* говорить (11б Катих. 1562 г.); ѡ$\breve{ы}$ правители и$\breve{ы}$ ѡ$\breve{ы}$ писари ... и$\breve{ы}$ ѡ$\breve{ы}$ гра^{ѧ}дъже$^{\prime}$цы ... и$\breve{ы}$ ѡ$\breve{ы}$ зака$^{\frown}$це^{х} и$\breve{ы}$ ѡ$\breve{ы}$ печа^{ѧ}нико^{х} (7б Тайна Тайных XVI в); пѣ$^{\frown}$нь. и. ѩ. ѡ$\breve{ы}$ *и*$\breve{м}$*ени* ѡ$\breve{ы}$ гне^{м} і҃са х҃а (11б Псалт. XVI в); ѡ$\breve{ы}$ стра$^{\frown}$но^{м} *соуде* бж҃ии^{м} (97б ib.); пытали о$\breve{ы}$ *слова*^{х} (133 ib.); *презреню* бж҃е^{м} (27 Псалт. XVII в.); сюда же

принадлежат выражения: *радоваться*, *почалиться* о ком, *знать* о чем: бꙋдоу̑ раⷯвати ѡ̑ *о̑ слова*ˣ твоиˣ (125 Псалт. XVI в.); ѡ̑ *девка*ˣ иˣ тоугы не вчинено (81б ib.); ni wiedaje ab swajè śmiercі (Федер. I, 202 Шидловцы); β) для означения времени: проснулася мачиха *об ноу́ночи* (Зап. V, 702 Бых.); γ) количества или меры: змей о шасци *головей* (Ром. III, 48 Сенн.) — употребление далеко не общебелорусское; δ) образа действия: ходилъ о *посссе* (И 39б Скор. XVI в.); довольно редкий и не общебелорусский случай: *об тым* я пила и ела! (этим я была жива) (Ром. III, 9 Сенн.).

в) Винительный после *объ* употребляется α) вместо ожидаемого местного: *о* всякая *дѣла* (СВ. 5, 1432 г); слова *о̑ чужоложъство* (словесе прелюбодѣ́йна) (26 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); ѡ весь *тр*ꙋ (87б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); дело ѡ ѡстровъ [Бел. Арх. II, 1530 (XVII в.)]; об мяне́ *молоду́* (Шейн. Б. П. № 134 Лепп.); не сходятца *аб цану́* (Сержп. 106 Слуцк.); *сб* чужоя *щáсця* (ib. № 322); ѡ̑ споможе є́ (82 Псалт. XVI в.); β) после глаголов: *молиться*, *просить* и под.: моли̑сѧ *о̑ месиѧша* (137 Псалт. XVI в.) [modli sie o Mesiássa (Врубель 142 надп.)] малиўся *а Месіаша* (Мат. Б. № 31 Вилейск.); просила его *о дом* свои и *о села* своѧ (Ц 200 Скор. XVI в.) (Библ. 1506 г.: ho prosyla wo duom swuoj a wo rolij); *о̑ што* попросите (є́лика а̑ще вос̑просите) веречи (29 Ев. Тяпин. ок. 1580); проси ѡ̑ *пришествіе* (77 Псалт. XVI в.) [(prosi o przyscie (Врубель 76 надп.)]; ѡ *то* мовити (30б Псалт. XVII в.); прсси̑ ѡ *выбавене* людꙋ (35б ib.) [prosi o wybáwienie ludu Bożego (Радив. библ., надп. 53 пс.)]; проси̑ бг̑а ѡ *выбавнене* (39б ib.); хто сѧ застáви̑ ѡ *мене* противко злоб̑нико̑ (97 ib.) [kto się zástáwi o mię przećiwko (Радив. библ. 94.16)]; хто бы сѧ стараˣ ѡ̑ *дш̑ꙋ* мою (165 ib.) [nie był ktory by się stárał o duszę moię (Радив. библ. 142.5)]; ꙋчини ѡ *што* прошено (27б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); прасиць *а хлеп* (Мат. Б. № 31 Вилейск.); ѡ *то* мовити (30б Псалт. XVII в.); калѣка потом ужь *о бг̑а* зоветь (180б Катих. 1562 г.); мене заприсагали ѡ̑ *сїю̑ вѣщь* (1 Тайна Тайных XVI в.); шло ѡ̑ славу божїю̑ (20б Катих. 1562 г.); шло о якую *речъ* (12 Статут 1588 г.); хто бы сѧ стараˣ ѡ̑ *дш̑ꙋ* мою (165 Псалт. XVII в.); о вся *дѣла* росправлятися [В. А. 4 (1432 г.)]; приказаˣ ѡ̑ *него* (128б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); γ) для означения повода, причины, цели: ѡ̑ *измаила* выслухаˣ есмъ тебе (12б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); воевати — ѡ̑ риⷨс̑кое̑ *ц̑рство* (127 Сб. XVI в. Крас.); ѡ̑ є̑го вѣрꙋ забꙋ̑ (65 Псалт. XVI в.) [mieli sie dáć o iego wiárę zábyáć (Врубель, надп. 67 пс.)]; ѡ *того* жъ *моего коня* были посварылися [Бел. Арх. II 1530 XVII в.)]; *об што* ты пришов (Мат. Б. №№ 3 Могил. губ., 18 Витебск.); *об одну* сэрца болиць (Никиф. Част. 327).

б) для означения границы, предела, до которого доходит действие: бъецца, як рыба *аб лёд*.

18) *обаполъ*. Это наречие, развившееся из винительного падежа *оба полы* (ср. Белоруссы 2, 74), может употребляться и в роли пред-

лога с родительным падежом: *обапол моста* дзеравъём высаджано (Ром. III, 217 Бых.).

19) *отъ сдъ* (ср. Белорусы II, 1, 278). Предлог *отъ*, требующий после себя всегда родительного падежа, в соединении с именем означает исходный пункт, от которого направляется какое-либо действие или состояние; сюда, конечно, принадлежат конструкции после выражений удаления, освобождения, ухода. Таким исходным пунктом может быть и время, лицо при страдательном залоге; исходный пункт может быть вместе с тем и причиной известного действия.

а) Исходный пункт: ѿ кназа. ѿ кестута. и ѿ кназа ѿ либорта. у торунь и мѣстычемъ (гр. п. 1341 г. Кест. и Люб.); ѿ Федора ѿ кошкѣ (206б Лет. Авр. XV в.); ѿ *града* оу полоумили (68 Крас.); *от земли* оторвався и до неба не добрався (Нос. Посл. 122); razkàzйwać *ad kancà* da kancà (Федер. II, 56 Волков.). После глаголов и выражений, означающих удаление, и освобождение и под.: не лишени боудѹть ѿ всякогѡ *добра* (34 Псалт. XVI в.); помѣ̑ши̑ ѣсь ѣго малы̑ нечи̑ ѿ *агг̑лw̑* (11б ib.) [хотя так же и в старых ц.-сл. переводах: оу҃мьнілъ і єсі маломъ үімъ отъ анѣлъ (Син. пс. 8.6)]; ѡ̑дале ѿ *мене* стали (39б ib.); переста̑ же ѿ *злости* (2 Псалт. XVII в.); переста̑ ѿ *гнѣву* (6б ib.) [przestha̍ od gniewu (Радив. библ. 37.8)]; еще сѧ не внѣали ѿ *хоти* своеи (66б ib.); блуди́ти ѿ *росказа̑ѧ* твоего (132 ib.) [błędzić od roskázania twego (Радив. библ. 119.10)] стереже ѿ всего *зло́го* (146б ib.) [strzeźe ćiebie od wszego złego (Радив. библ. 121.7)]. Повидимому, большинство уклонений от принятого употребления здесь оказывается полонизмами.

б) В связи с выражениями удаления находится и сравнительная степень, при которой предмет, с которым сравнивали, ставился в аблятивной форме: старого *ст нашихъ* (СВ. 7. 1440 г.); як яго рученьки жарчей *ст сня* (Зап. V, 820); сильней за мяне и *од мяне* (Мат. Б. № 13 Свенц.); ле́пшы *од цябе́* (ib. №№ 6 Диснен., 7 Минск., 15 Игум., 31 Вилейск.); мацне́йшы *ат* ведзьмара́ (Сержп. 49 Слов.); bahatszy ad ųsich (Федер. I, 31 Мстибов).

в) В старинных произведениях *отъ* употребляется и для означения происхождения: гь ѿ *сиѡна* которы́ѧ ѣ̑ во ер̑ме (132 Псалт. XVI в.) (вместо чего теперь *из*); то же и в старинном употреблении при числительных: и̑ ѡ̑дна ѿ *ни̑х* не съкрѹшитсѧ (34б Псалт. XVI в.) [ни єдниа отъ нихъ (Син. пс. 33.21)].

г) Исходным пунктом может быть время: миръ ѿ *покрова* бц̑ѣ до ѥванѧ дн̑е до купалъ (гр. 1349 г.); подъ лѣты ѿ *воплощенїа* спасова ... (Катих. 1562 г.); *от коляд* три разы пяць — пастушки в поле лицяць (Нос. Посл. 122).

д) Лицо при страдательном залоге в старом языке обыкновенно, а в современном изредка ставится с *отъ*: побиты ѿ бе҃вѣрное *лит'вы* (69 Крас); моу̑рос'ть ѣ̑ ѿ *бг̑а* дана (7 Сб. XVI в. Крас.); ѧ —

оу̑ставлѣ̑ ѣсми ѡ̑ *него* (7б Псалт. XVI в.) [ia vstáwionem od niego (Врубель 2.6), но так же в ц.-сл.: **поставленъ есмь отъ него** (Син. пс.)]; которие блг̑вени ѡ̑ *гда* ѡдержать (7б Псалт. XVII в.); проклатые ѡ̑ *него* выкоренени будꙋ̑ (7б, ib.) [przeklęći od niego będą wykorzenieni (Радив. библ. 37.22)]; то̑ ѱало ѡ̑ *давыда* бы зложе̑ (37 ib.) [psalm ten od Dawidá złożony iest (Радив. библ., надп. 55 пс.)]; выбавлени сꙋ̑ ѡ̑ *гда* (116б ib.); так ему *ст* лихих *людзей* зробляно (Мат. Б. № 10 Мозыр.); где тут ѣсть наш зять, *од бога* суджоный, *од людей* намоўлёный (Ром. Мат. Гр. I, 199 Слоним.).

е) Для обозначения причины: слави̑ ѡ̑ чю ѣгипетски (131 Псалт. XVI в.); *от беды* не кинуцьца в воду (Нос. Посл. 121); *от напасци* не пропасци (ib. 122); *ст пива* будзешь спаць криво (ib.).

20) *перед*, *пред*. Случаи с винительным падежом мне неизвестны ни из старого западнорусского, ни из современного белорусского языка. С творительным — очень обычное употребление для означения места и причины. Например, место: *предь которым* бы ста — кто — кланелъ (14б Катих. 1562 г.); молюсѧ *передъ тобою* (135б Псалт. XVII в.); *передъ паном* Хвёдором расходзився ходором (Нос. Посл. 126); причина: ꙋже правесѧ не чꙋ̑е *передъ великою* не право̑те своихъ (9 Псалт. XVII в.) [iuż práwie się nie czuie przed wielkoscią nieprawośći swych (Радив. библ. надп. 38 пс.)]; дв̑дъ *передъ авесаломо* ꙋтекаючи (11 ib.) [D. przed Absalomem vciekáiąc (Радив. библ., надп. 39 пс.)]; задрижали гори *передъ силою* его (24 ib.) (źadrżáły gory przed...); ꙋтекалъ *передъ саꙋлом* (33б ib.); *передъ грозою* твоею ꙋтеку̑ (108 ib.). В современном языке подобное употребление мне неизвестно; повидимому, мы имеем здесь дело с полонизмами.

21) *по*. Этот предлог сочиняется с винительным, дательным и местным падежами. Так как формы дательного и местного в белорусском языке во многих основах совпадают — вследствие ли старинного сходства (у основ на *ā*, *ĭ*), или вследствие новообразований (у основ на *ŏ*, принимающих в местном окончание на *-у* во избежание, например, смягчения задненебных), — то в нем местный сильно распространяется за счет дательного; поэтому иногда бывает трудно решить, имеем ли мы дело с дательным или местным. При всяком соединении с этим предлогом обозначаются обыкновенно местные отношения в пространстве или во времени, только способ распространения этих отношений при разных конструкциях бывает не одинаков. Во всех случаях возможно употребление и в переносном смысле.

а) С винительным падежом *по* обозначает предел, до которого достигает известное действие или состояние в пространстве и во времени: α) *по вуши* влез (Нос. Посл. 128); вады было *па шыю*; β) выхвалати имесѧ *по* вси *дн̑и* (45 Псалт. XVI в.); γ) в переносном смысле для означения цели движения до известного предела: дорогу *по дрова*, *по лыка*, *по вязье* (А XI, 3, 1398 г.); *по всито*, вовче,

идзешь? (Нос. Посл. 128); пашоў *па грыбы́* (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 9 Бых.) (рядом с *ў грыбы, ў ягоды*); хадзи́ць *па грыбы́ и ў* грыбы́ (ib. № 8 Игум.); паехаў *па авёс* (ib. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 9 Бых., 18 Витебск.); паéхаў *па жи́то*, пашóў *па грыбы́* (ib. № 11 Новоалекс.); пайшоу *па ваду́*, хадзиў *па грошы*, схадзи *па дзяцей* (Бобр.); *по* часто вместо русского литературного *за*: я *по цебѣ* пришов; Стрела моя, стрела! *По што* ты пришла? Ци *по мёд*, ци *по горелочку*, ци *по* красную *дзевочку* (Нос. Сл. 421).

б) С дательным падежом *по* означает распространение по поверхности чего-нибудь: употребляется он α) для указания пространственных отношений: *по улица*ᵐ по рынкоˣ (95б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) (значит, рядом с местным); *по рукам*, да й в лазаню (Нос. Посл. 134); *по коллю* вочи ходзюць (ib. 131); *па барадзе́* цячэ́ (Ляцк. Посл. 32 Борис.); товкачом *по́ голови* (Ром. IV, 145 Гомельск.); ни по ём, ни *по яму* (Никиф. Част. 80) (опять рядом тот и другой падеж); *по пече* скача (Ром. Мат. Гр. II, 189 Сокол.); Разьняси́це це́ла бе́ла да *па* цёмнаму *лугу* (Парич.); β) для обозначения времени: *по ночи* е́здѧ (46б Сб. XV в. Публ. б. № 391); *по сл҃нцю заходѣ* (85 ib.); *по лѣ́ту* вельмиж трудненько бувае ўпрауляцца з господаркою (Мат. Б. № 10 Мозыр.); по́ночы (ночью); γ) для обозначения причины и образа действия: по многыᵐ щеⱡротаᵐ (51б Псалт. XVI в.); судзиш *по* людзким *гвоздкам*, а не *по правдзе* (Нос. Сл. 421); выбрав *по* своему *нрову* (ib.): ε) для обозначения распределения по предметам (Буслаев II⁵, 287): *по Савку* шапка (Нос. Посл. 134); привела яна два сыны: на ло́бе *по месяцу*, ў потылицы *по звёздацца* (Шейн Мат. II, 56 Свенц.).

в) С местным падежом *по* употребляется в смысле «после»; но в белорусском языке в этом случае местный заступил и дательный, поэтому он употребляется и для означения пространства, по которому распространяется какое-либо действие. Он ставится, когда обозначается α) место: по улицаˣ (113 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); дивно и҃маѧ — *по* всеᵐ *свѣте* (11б, 12, 48 Псалт. XVI в.); по гораˣ (30б Псалт. XVII в.); ѡсвѣчали *по всеᵐ свѣтѣ* (63б ib.); *по сухиˣ мѣстцаˣ* (112б ib.); по межа́х (Бесс. Б. П. № 3); *по* твоим *лицу* (ib. № 154); став *по стѧнах* гвоздё забивать (Ром. III, 426 Гомельск.); служив *по людзёх* (Ром. IV, 66 Гор.); вы ездзиця *по* разных *сторонах* (ib. 70); рассылай... по темных *лясах*, *по* диких *болота́х* и *по* чистых *полях* (Ром. V, 45 Гомельск.); ездзив *по лясох*, *по полёх* и *по* чистых *борох* и *по* лугох (ib. 47 Могил.); идзем *по городах*, *по дзяревнях* (ib. 101 Чаусск.); пулював *по лесах*, *по пущих* (Ром. VI, 178 Мстисл.); я *по улицах* ни хожу (Никиф. Част. 2225 Новогр.); β) время в собственном смысле и в переносном (напр. после смерти): по зешстью (по удалении) (121 Статут 1588 г.); жилъ иеремѣа *по исаию* (254б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); по добром *кусеяй* воды напьюся Нос. Посл. 129); стали яны росьти не *по годах*, *а по часах* (Ром. VI, 286 Орш.); отправця *по им по живом* на тэй свет (отслужите пани-

хиду по нем живому) (Ром. III, 141 Бых.); плавав *по дзецях* (Ром. IV, 79 Бых.); pàćaгy *pa ajcàw swaix* zhavarýć (Верига Pod. 72 Лидск.) (смешение местного и родительного падежей); па маёй галаве астанецца ўсё табе; γ) повод, причина, основание: видно *по вочках*, хто ходзиць по ночках (Нос. Посл. 13); *по чом* познаць (ib. 135); свайго милаго узнаю *по калошах*, *по часах* (Никиф. Част. 1091 Полоцк.); δ) цель с местным вместо ожидаемого винительного и рядом с ним: я *по грибо́х* ходила (Ром. VI, 393 Сенн.); ходзи́ць *по грыбо́х* (Мат. Б. № 7 Минск.); ε) местный вместо дательного распределения (ср. с δ): сыночкам (купиў) *по конику по вороненьким* (Зап. V, 328 Лепп.).

Явный полонизм, не привившийся живому белорусскому языку, в следующем выражении: чого богъ *по на*̂ ѵ том' словѣ хочеть (102б Катих. 1562 г.) (chcieć po kim).

22) В связи с предлогом *по* находятся два наречия-предлога: *подлъ и подлугъ*, последний — явный полонизм. О происхождении их см. Vondrák V. Sl. Gr. II, 374. Оба эти предлога встречаются редко, напр.: подлѣ рѣку (111 Лет. П. С. XV в.); *подле* твоей *мовы* ён прав (Нос. Сл. 443); подлу́ᶠ (12 Тайна Тайных XVI в.); *подлуг* твойго *слова* (Нос. Сл. 443).

23) *подъ*. Предлог этот сочиняется с винительным после глаголов движения на вопрос «к чему?» и с творительным — для означения пребывания «под чем-либо». Кроме этого пространственного значения, возможно употребление и в переносном смысле: для означения времени, подчинения и т. п.

а) С винительным *подъ* показывает: α) место: *под гору* цяжко ици (Нос. Сл. 450); *под* лежачий *камень* вода не цечець (Нос. Посл. 130); подходзюць яны *под* поганый *цмок* (Ром. III, 122 Клим.); поднялись *под заболоки* (ib. 174 Рогач.); тогды под яблонываю *под булаву* поповз (ib. 312 Бых.); β) цель: ты мене *под забиток* ведзеш (Нос. Сл. 450); γ) время: свинню пакормим *пад за́говины*; гэта было *пад вечар* и под.

б) С творительным *подъ* употребляется α) для означения места в прямом и переносном смысле: надѣю маю *по*ˣ *засло́ню*ᵐ крилъ твои*ˣ* (5 Псалт. XVII в.) [в польском несколько похожий оборот: vfáią pod ćieniem skrzydeł twoich (Радив. библ. 36.8)]; *под* чорным *лесом* споткався чорт с бесом (Никиф. Посл. 130); вода у нас *под боком* (Нос. Сл. 450); β) для означения времени: *подъ лѣты* божъяго нароженья (гр. 1386 г.) (Срезн. Мат. II, 1049), *подъ лѣты* бы̑ими, а̑т.і̑ з̑-е (гр. 1387 г. Владисл.); а псан (оу троцех) *подъ лѣты* рожества Іс Хва (СВ. 2, 1432 г.); доконана е сїа книга... *подъ лѣты* ѿ воплощенїа спасова (Катих. 1562 г.); γ) для означения сопровождающего обстоятельства: дали есмы сю грамоту *подъ* нашею *печатью* завеситою (гр. 1387 г. Владисл.) (Срезн. Мат. II, 1050); δ) удаления из-под чьей власти: всего ли того *подбратомъ* ни̑имъ не по*ˣ*исковати (гр. 1387 г. Владисл.); засести городъ *подъ братомъ* (отнять у брата). (28 Увар., ср. 437б Вил.).

24) *прѣзъ*, *перезъ*, *прозъ*. Предлог этот, заменяющий *чрез*, свойствен старому западнорусскому языку и современной белорусской речи, где он поддерживается и польским przez. Иногда он имеет вид *прѣз*, *праз*. (О происхождении его из per+zъ см. у Vondrák'a V. Sl. Gr. II, 373, 385). Как и общерусский *черезъ*, он сочиняется с винительным падежом и имеет те же значения.

а) Имеет α) пространственное значение — через что-нибудь: *перез лес* дорога (Нос. Сл. 402); ни пираскóчыўшы *праз* (и пéраз) *камду*, ни кажы́ «*гоц!*» (Ляцк. Посл. 27 Борис.); präz połu (Федер. I, 351 Свислочь); β) обозначает время, в течение которого что-либо происходит: пре^{з} дн҃и (25 Псалт. XVI в.); до^{зъ}чъ котори' *пре*^{з} м҃ *дн҃и'* и м҃ *ночи'* ишовъ (3 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); *праз* ўсю *ноч* лиў дощ; γ) указывает на причину, основание, орудие: боудȣ́тсѧ молить *през него* завжды (72 Псалт. XVI в.); пре^{з} него (65 Псалт. XVII в.); спраз тую бабу (Ром. IV, 170 Сенн.) (с-през); ка́жуць бы́дто яны поби́лися *праз яе́* (Мат. Б. № 7 Минск.); δ) в переносном смысле — «вопреки»: *перез* мою *волю* ты гэто здзелав (Нос. Сл. 402); — «о»: т҃и пытався ён *праз яе́* (о ней) (Ром. VI, 293 Орш.).

25) *при*. Этот предлог употребляется только с местным падежом; он означает нахождение при чем-либо в пространстве и во времени: тривати *при бѣ҃у* (55б Псалт. XVII в.); *при* готовой *комдзе* латвей раскладать огонь (Нос. Посл. 137); *при лѣте* божьего нароженїа (68 Сб. XV в. Публ. б. № 391); *при тебе* не густо, да й без цебе не пусто (Нос. Посл. 138).

26) *про*. Этот предлог встречается довольно редко в смысле «для», «о»; после него всегда винительный падеж: аже латинескии оусхочеть ѣхати и-Смольнеска... *про то* ѥго кнѧзя не дѣ́ржати (гр. 1229 г.); *про сеи миръ* троудилиса дъбрии людиѥ (ib.) — оба примера из памятника не чисто западнорусского; *про вовка* помовка, а *вовк* с подналуску (Нос. Посл. 139); *пра зе́млю* й забыўса (Сержп. 17 Мозыр.); в некоторых случаях этот предлог стоит как бы на месте *прѣз* из *през* (через, сквозь): не *про*^{д}*вери* до ѻ҃вецъ входать (89 Катих. 1562 г.); смотрить *про окно* (ПП 4б; ср. 24б Скор. XVI в.).

Этот же предлог входит в сложный *промеж*, *промежи́*, *проме́жку*: проме^{жъ} бг҃вь (87б Псалт. XVI в.); *промежи дзверей* пальца не щеми (Нос. Сл. 525); *проме́жку их* миру николи не будзе҃ць (ib.). При всех этих наречиях-предлогах ставится родительный падеж.

27) *процивъ*, *проци*. Из различных вариантов этого наречия-предлога, известных в разных славянских языках Vondrák, V. Sl. Gr. II, 386—387), белорусскому языку свойственны только два приведенные. Иногда они осложняются прибавками *на* и *в* (наўпро́ци); не без польского влияния явилось *напрацийку* — *напротивкȣ* (Белорусы 2, 81). Этот предлог-наречие обыкновенно сочиняется с родительным падежом и обозначает: α) место: проци церквы (Нос. Сл. 583); *процив воды* не сплывешся (ib.); β) время в смысле «накануне»: *проци пя́тницы* не мо́жно шлюб браць; γ) в переносном значении — вопреки: противъ

ѡ̃ц̃оу̃ (119 Сб. XVI в. Крас.); *противъ го*$^{\wedge}$*у* їс̃ (7 Псалт. XVI в.); змышлꙗе зл̃ы' *противъ справе*^{ж}*ливому* (7 Псалт. XVII в.) [zmysla złostik przećiwko spráwiedliwemu (Радив. библ. 37. 12)]; заседае$^{\wedge}$ *проти*$^{\wedge}$ *брата* своего (31 ib.); *проци мене* говориш (Нос. Сл. 533); што ты *наўпроци мяне* пастаўляесься (Бобр.); как видно из примеров, в приведенном смысле, не без польского влияния, возможен и дательный падеж; δ) сравнительно: што ты значиш *проци мене* (Нос. Сл. 533); хужи *проци мене* ўзяў (Никиф. Част. 879 Полоцк.).

28) *скрозь*. Предлога *сквозь* в белорусском языке нет: его всегда заменяет *скрозь*, служащее и в роли наречия, поясняющего глагол (везде, насквозь). По происхождению своему он близок к *чрез* (Vondrák V. Sl. Gr. II, 374, 388) и имеет то же значение — движения через что-нибудь; сочиняется с падежами винительным и родительным: скрозь (26б Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); каб ты *скрозь землю* пройшов (Нос. Сл. 587); як сила проижжайтꙗ *скрозь яе* (Ром. VI, 260 Мстисл.); правалиўся *скрозь зямли* (Шейн Мат. II, 99 Борис.).

29) *съ*. По фонетическим причинам и отчасти вследствие смешения с предлогом *из* в белорусском языке этот предлог может иметь вид *з* и даже *ис*—*из*; иногда он подвергается удвоению. После него могут быть родительный, винительный и творительный падежи. Во всех конструкциях в основе лежат пространственные отношения, но возможны употребления и в переносном смысле.

а) С родительным падежом *съ* показывает α) движение с поверхности чего-нибудь; тут *съ* очень приближается к *из* и отчасти смешивается с ним: выгна^{ти} *съ* ѡчизны своее зберестыа (68б Крас.); *з* розны^{х} *краинъ* (116б Псалт. XVII в.); *с-край свéту* пришов (Нос. Сл. 629); *з бóку* припёка (Ляцк. Посл. 13 Борис.); зышóў *з гары́*; β) время: *с маленства* надо приучаць к рабоце (Нос. Сл. 629); мы *с почíтку* говорили тобе гэто (ib.); *с роды-родов* не быв бит (ib.); служи́ў ён *з малку* дзён (с малолетства) (Шейн Мат. II, 388 Борис.); γ) в переносном смысле *с* родительным обозначает причину, основание, повод чего-либо, а также образ действия: *зо поты* нарожо$^{\wedge}$ (18б Сб. XV в. Публ. б. № 391); *с то*$^{\wedge}$ пожито$^{\wedge}$ (польза от этого) (137 Псалт. XVI в.); мови^{т} к̃ ни^{м} *з' гнѣв*̃ (7б ib.); хвали$^{\wedge}$ ве$^{\wedge}$ми г$^{\wedge}$а *сто*̃ (96б ib.); хрыбет збит, с которых *ран*, не ведаю, если будет жыв (Акты В.А.К., т. 36, Мин. XVI в.); *с поклону* голова не болиць никому (Нос. Посл. 158); *з гроша* жывем (на заработанные деньги) (ib. 52) ён гето *с проста* сказав (Нос. Сл. 629); *с невцерпу* закричав (ib.); *с-горы* гроши (деньги полностью вперед) (Ром. III, 401 Сенн.); ён худы́ с твару́ (с лица) (Мат. Б. №№ 7 Диснен., 8 Игум.); сюда примыкают δ) случаи употребления родительного с *с* после выражений, означающих: удивляться, смеяться, радоваться, издеваться и т. п., где в русской литературной речи обыкновенно другие конструкции (дат. п. или предлог *над*); и здесь имя с предлогом указывает на причину, вызвавшую известное душевное состояние: *з мойго* дивисься (Ром. IV, 2 Гомельск.); а потехѣ *с того* мевалъ (64б Крас.); пацéху меў

с тагó (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); уцéху меў *с тагó* (ib. № 8 Игум.); с пиáного ѿца насмеѧлъ (71 Катих. 1562 г.); насмеѥ᷍ѧ *с ни*ˣ (7б Псалт. XVI в.); *с него* насмева᷍ (23 ib.); посмеѥ᷍шьѧ *с ни*ˣ (58 ib.); ѧ смѣꙗти *з него* (7 Псалт. XVII в.); *г чого* ѧ египчики насмѣвали (17б ib.); ѧ *з него* смѣꙗти (35 ib.); насмѣшъѧ *з ни*ˣ (44 ib.); яны ўсё смяялися *с пьяных* (Шейн Мат. II, 101 Минск.); ты учарá *из людей* смиявся (Ром. VI, 18 Гомельск.); дось табе сьмиятца *з нас* (ib. 481 Сенн.); смияцца *з мяне́* (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Диснен., 7 Минск.); *с кого* кпила, смеялася, тому сама попалася (Нос. Посл. 157); шидили *з мене* (1 Псалт. XVII в.); ѧ невеселѧ᷍ *з мене* (ib.); ѧ не веселили *з мене* (1б); веселѧ᷍ *з нещ҃а* (4 ib.); ѧ тѣшили *з мене* (10б ib.); *з ѳца*ˣ*ку*, его *не* ѳтѣшили (15 ib.); нехай ѧ *з мене* не ра*ꙋ*ˣ*ю*ть [niechay sie ze mnie nie ráduią (Врубель 37. 17)] (Псалт. XVI в.); радова᷍ѧ еги́᷍пе *з вышнихъ* (112 Псалт. XVII в.); радуваўся з гэ́тыга (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 7 Минск.).

б) С винительным падежом *съ* α) в местном значении в современном языке не употребляется, да и в старом нам попался лишь сомнительный случай: съ ѡдíну стороноу — съ другую стороноу удари на нихъ (234 Лет. Авр. XV в.); β) чаще винительный с *с* для означения приблизительной меры и количества, как и вообще в восточнославянских языках: всеѧ силы баше *съ двѣсть* тысѧщь (239 Лет. Авр. XV в.); седѣли та᷍ *съ десѧть* лѣтъ (31 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); держалъ тивунъство *съ шестьдесятъ* летъ (Бел. Арх. II 1495 (XVII в.)]; *з вярсту* йшоў, было́ *с сáжень* дроў, ядро *з ведро*, снопок *с пирожок*, а зе́рнышко *с орешóк* (Зап. V, 384 Бобр.).

С творительным падежом *съ* обозначает пребывание или действие вместе с кем-нибудь в прямом смысле и в переносном: *з гоны* з бобровыми (гр. до 1399 г. Андр.); *съ кн҃земь* съ афанасьѣ́мь (75 Лет. Авр. XV в.); разо᷍ *с грешникы* (28б Псалт. XVI в.); есь ѡбходи᷍ *изъ слугою* твои᷍ (136 Псалт. XVII в.); ѳчасни᷍тво естъ *ѿ собою* сполечно (147 ib.) [ktoreś iest *z soba* społecznie złączone (Радив. библ. 122. з)]; *збоги᷍* авраамовы᷍ (25б ib.); *з гра́ззю* змиша́ў (Ляцк. Посл. 13 Борис.); *з бо́гам* ке́пския жарты (ib. 12); *са ўся́ким* паўся́каму и гавары́ (ib. 39); особенно при глаголах: *свататься*, *жениться*, вопреки употреблению в русской литературной речи: Иванька посватылиси *з дзевкый — пылынянкый* (Ром. III, 338, Сенн.); *з* гэтою *паненкою* ожениўса (Шейн Мат. II, 59 Гродн.); ожаниўся кароль *з* другой *женкой* (Мат. Б. № 13 Свенц.); aźäniųsie *z druhoj* (Федер. I. 75 Яловка); Лявóн пабра́ўся *з Аўдóцьцею* (Парич.); а мы силушкой возьмем, *с ѫжвалы* дзевку подведзем (Зап. V, 341 Себеж.); едзь-жа у чистоя поле заарываць *з соллю*, *с хлебом*, *з* белым *яицом*, *с* боским *слоўцом* (ib. 372 Диснен.).

30) *у*. Старинный предлог *у*, хотя бы он по фонетическим причинам и смешивался с *ў — в*, тем отличается от *в*, что после него всегда стоит родительный падеж для обозначения пребывания при

ком или чем-либо, а также спрашивания у кого-либо: оу великого корола. оу володислава (гр. 1393 г.); ѡ потоку кѝсова (78 Псалт. XVII в.); во тоды погасла *у яго* свечка у того, *нищаго* ў того (Ром. IV, 46 Чаусск.); пытáй *у мяне* (Мат. Б. № 7 Минск.); в безличных предложениях при страдательном залоге для обозначения действующего лица: *у мине* было так зроблено.

31) *черезъ*. Этот предлог требует после себя винительного падежа и означает движение в пространстве или во времени через что-либо, по чему-либо, сквозь что-либо; в переносном смысле означает причину, способ действия и т. п.; α) место: голову его *чере*з *мѣсто* Горо̑дно нл дре̑цу нести каза̑т (279 Позн.); *через речку* кладка (Нос. Сл. 697); *чыраз край* ня ўливáй (Ляцк. Посл. 59 Борис.); β) время: чере̑з де̑ (в течение дня) (65 Псалт. XVII в.); *чераз тыдзянь* мы прыедзем сюды; γ) причину, образ действия и т. п.: *через* свою *самовлю* попався в беду (Нос. Сл. 697); присâга̑ *чере*з *тѣло* (144—145 Сб. XVI в. Крас.); *через волю* мою ты попов (Нос. Сл. 697); *через силу* и конь не ступиць (Нос. Посл. 182). *Через* в белорусском языке может упрощаться в *терез*, что дает *цераз*, принятое в белорусский литературный язык.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В ПРЕДЛОЖЕНИИ, ВЫРАЖЕННЫЕ НАРЕЧИЯМИ И НЕИЗМЕНЯЕМЫМИ ФОРМАМИ ПРИЧАСТИЙ (ДЕЕПРИЧАСТИЯМИ)

С точки зрения формальной наречия и неизменяемые причастия (деепричастия) очень близки к уже рассмотренным двум разрядам пояснительных слов (падежным формам без предлогов или с предлогами), а иногда и вполне совпадает с ними. Есть, впрочем, среди наречий и такие слова, связь которых с окончаниями падежей до сих пор еще не установлена вполне убедительным образом. Всех этих вопросов мы уже касались в морфологии (ср. Белорусы 2, 64—78). Переходя на чисто синтаксическую точку зрения, мы находим, а) что связь наречий с именами и местоимениями, от которых они произведены, значительно ослабела, так что они уже не вызывают представления о других формах тех же слов, бывших когда-то с ними соотносительными, или же устанавливают эту связь в очень слабой степени; б) что и самый способ пояснения ими главных членов предложения далеко не такой, как пояснение при посредстве тех или других падежей. Так, в настоящее время наречия никогда непосредственно не присоединяются к подлежащему и не поясняют его; да и от сказуемого наречие уже не зависит, не управляется им как дополнение в известном падеже, а лишь стоит при сказуемом, усиливая его значение; так же оно усиливает и значение прилагательного. в) Вследствие сказанного даже наречие, происходящее от имени, уже не чувствуется как имя (самостоятельный носитель известных признаков), а лишь как признак признака, заключающегося в глаголе или прилагательном (Потебня, Из записок I—II², 120—123).

С наречием по своей синтаксической роли совпадает и неизменяемая форма причастия (деепричастие). По значению от наречий она отличается лишь тем, что признак деепричастий представляется все же производимым деятельностью предмета; в этом и некоторая связь их с подлежащим или вообще с именем, хотя они и поясняют признак сказуемого или глагола.

Таким образом, наречия и неизменяемые формы причастий (деепричастия) поясняют признак, выраженный прилагательным или производимый деятельностью предмета, насколько она выражается в глаголе, причем наречием большею частью выражается способ обнаружения такого признака, хотя возможно обозначение и других отношений.

Пояснительные слова в предложении, выраженные наречиями и деепричастиями, как более независимые, чем другие пояснения, обыкновенно называются обстоятельственными словами. Смотря по обозначаемым ими отношениям к поясняемому признаку, они могут быть:

а) Обстоятельствами образа действия (на вопросы: «как?», «каким образом, способом?»). Сюда относятся, например, следующие примеры: *гольма* — голую ўзяв (Нос. Сл. 117); *бе́гма* бягі́ць, *гу́льма* гуляіць (Мат. Б. № 18 Витебск.); *сі́дма* сядзі́ць (ib.); ни *ско́личкы* не похож (Нос. Сл. 340); *наўцёки* побе́г (ib. 323); *по́прич* живу́ць (ib. 472); *на низачь* сталъ е́смь (пс. 72. 22 Сб. XVI в. Вил. № 262); како были въ пѫстошьзне в *нима* скончáлиса (ib. пс. 72. 19); *неґу́читиве* чинаᵀ до *некогдà* (ib. пс. 118. 51); изноў *так само* зъели ўсех звероў (Шейн Мат. II, 5 Борис.); ниᴶ *про́ста* з мо́сту, а *тарчмя́* гаᴶлаво́й (Ляцк. Посл. 26); яго богатця *нималь* ня ўсё (= почти все) и перейшло к злому брату (ib. 402 Борис.); задумали яны *як-не́-як* ды згубіць брата (Ром. III, 57 Сенн.); батька *ня вот-то* и рад (= как будто и рад) (ib. 154 Рогач.); сев. *ве́рхи* (ib. 145 Гомельск.); вазьме́мся у *ду́шки* (Мат. Б. № 31 Вилейск.); *знечі́вили* кинувся в огонь (опрометью) (Нос. Сл. 216); поехали *умесьцям* (Ром. IV, 194 Клим.); сели *ўмесьцям* (ib. 199); пашоў *мо́ўчки* (Сержп. 6 Мозыр.); пашлі́ дамо͡ў *пі̯э́чики* (ib.); сунýў *наўцекача* (= убежал) (ib. 49 Слуцк.); ухапі́ў пуо͡п *аб'і͡ручки* гарщок (ib. 41 Мозыр.); *спрэс* быў щасли́вы (= вполне б. счастлив) (ib. 167); пить из чашки *набком* (Мат. Б. № 34 Орш.); *сило́мъ* се ѡбеси͡ (7б Сб. XV в. Публ. б. № 391); прывясци яго *сило́м*, конь *станько́м* становицца (Нос. Сл. 613); *охо́цицю* пошов (ib. 386); *нехо́цицю* вышла замуж (ib. 334); не с ахоты, а *нуддзю* поехав (ib. 342); *виляжце́* (= будучи беременной) не треба ничого подымать цяжкаго (ib. 77); ieny̆ *u trajhù* sieli u cz̀àjku (Федер. II, 281 Молчадь); *всемёх* пришли (Нос. Сл. 71); хощоу с вами виᴷтиса. *арка* тако (97 Лет. Авр. XV в.); *шо'шо* говорите (31б Сб. XV в. Публ. б. № 391); похвалиᴷса на оᴿдѫ Витоᵀтъ поидемъ *пѫстошечи* землю ТатаᴿскѪю, и Ѫбиеᴹ цр҃а ТимиᴿтиклюЯ и посадимъ царя Тактамыша... (76б Археол.); проводиша ихъ *чта* (23 Увар.) [= съ чᶜтью (447б Вил.)]; Євноутеи *выскстивъ*. оубежить въ гоуры (86 Супр.); *па͡ууючи* оумре (66б Крас.); ѧле оўвиᴷᴶшли иᴷ *с'варечиса* (54б Тайна

Тайных XVI в.); которые вси десеть светъков, *будучи* порозну *пытани*, сознали (Акты В. А. К., т. 36, 3 Минск.); по҃ноше҃а *ѡсчезающе* ищезнѹли (38 Псалт. XVI в.); пощезали *запытаюче* (ib. 62); претрыває҃ *врѣвены* с солн҃цемъ (72 ib.); пр҃ркь мови҃т *молѧче* (100б ib.); *ходѧчи* ход҃ли и плакали҃ *мечюче* семѧ (128 ib.); *непереставаючи* т҃о-гали (1 Псалт. XVII в.); те҃рпѣлъ смутны' *ходѧчи* (9б ib.); ненавид҃ѧ несправе҃ливе ѡ҃дающи мнѣ (11 ib.); верн҃ѹсѧ во҃чачи (44 ib.); згрѣшили *взрѹшающи* (65б ib.); *будѹчи вывышо́ны'*, есте҃м понижоны' (85б ib.); *карачи* каралъ (130 ib.); гд҃ъ естъ заслоною твоею *стоѧчи* по право' рѹцѣ твое' (146б ib.); поро҃не то҃ не спи҃ *стерегучи* его (149б ib.); ѹказа҃лсѧ левъ *ричучи* (130б Библ. кн. XVII в. № 158 Толст.); на синим возере сядзела лебедка, крылками *опусцяся*, перьиком *ссыпяся* (Зап. V, 217); тоды ўзяв и пошов *захохочá* (Ром. IV, 58 Гор.); танчуть, каа, кружка за руки *побравши* (ib. 140 Рогач.); поклонитца ў три боки по дзевяць поклонов, не *хрясцёмши* (Ром. V, 155 Клим.); кот гэты пошоў *подскакиваючи*, *пяючи*, ў ладки *плéщучи* (Шейн Мат. II, 14 Минск.); так и остались *неведавши* (ib. 312 Слуцк.); *лижамши* заговор скажи (ib. 538 Бельск. Смол. губ.); хвуо҃ст *за҃дрáўшы* хóдзиць, як тая пáва (Ляцк. Посл. 53 Борис.); маскáль лежы́ць на гóлуй земли́ *падлажы́ўшы* кáмень пад гóлаў (Сержп. 1 Слуцк.); стаяли *разя́виўшы* гóрла (ib. 3); ореховы кусточки, ни *ломаўши*, хрáстаюць (Никиф. Част. 995 Полоцк.). Деепричастие обыкновенно стоит при глаголе лишь тогда, когда оно заменило причастие, согласовавшееся с именем (подлежащим или дополнением); в последнем примере эта зависимость уже нарушена; совсем забыто происхождение наречия из деепричастия в следующем случае: вырыли яму *стоя* человека (Нос. Сл. 616).

б) Пояснительные слова из наречий и причастий могут быть обстоятельствами места (на вопросы: «где?», «куда?» «откуда?»), напр.: пѣши придоша *домсвъ* (75б Лет. Авр. XV в.); хотѧщи *домсвъ* (327б ib.); сними *долов* со стола усе (Нос. Сл. 139); кацилася шапка с столу *долоў*, ецця, сваты, к чорту *домоў* (Зап. V, 617 Лепп.); упáў *далу́бў* (Сержп. 2 Слуцк.); *где же то* ѹставлѣнъ (I 36 Скор. XVI в.); коє станъ Трыщановъ (103 Сб. XVI в. Позн.); *ниг'дѣ ин'де* ѡд'но та҃м (71 Крас.); левъ естъ *вонкахъ* (П 34 Скор.); которыи *вонкахъ* седитъ (98 Сб. XV в. Публ. б. № 391); тольки торчиць *вонках* страшная ляпа з зубами и лапы з копцюрами (Шейн Мат. II, 268 Борис.); нагрáгала варóна *ўгарý* лятучы́, а *ўниз* — тым бардзéй (Ляцк. Посл. 25 Борис.); *сумеж* с тым польцом лежачое (Акты В. А. К., т. 36, 37 Мин. XVI в.).

в) Пояснительные слова из наречий и причастий могут быть обстоятельствами времени (на вопросы: «когда?», «как давно?»), напр.: bуło u *liètki* (Федер. I, 39 Шидловцы); *сегéночи* злóдзей подходзив к нам (Нос. Сл. 577); жыў *даўнíэй* адзин цар (Сержп. 15 Мозыр.); *тычас* загомониў (Пщолко, Очерки 22); з҃ сно҃вь было старши҃ Монтиви҃т. *пото҃м* Нарамонтъ. *пото҃м* Ѡлкгир҃т. (437 Вил.);

скоро з живота на свѣтъ вышли тогды̑ блудѫ (42б Псалт. XVII в.); *скоро* нарожены своего повѣдаю ложъ (42б); нашовъ *потпосле́* (наконец) (Ром. VI, 353 Черик.); *ча́сам* учо́ны бу́дзя ле́пяй, як злацо́ны (Ляцк. Посл. 58 Борис.); *ꙁзно́ў* да ба́цьки прышо́ў (ib. 48); *спокволя́* часо́к приду (обождавши) (Нос. Сл. 606).

Обстоятельства времени выражаются разными деепричастиями, которые в свою очередь могут иметь при себе пояснительные слова; вот несколько примеров из старого и современного языка: се азъ рабъ бжии. иванъ. никоновичь. деменьтеѥвъ сн̃ъ. ѡ҃хда сего свѣта. далъ єсми... (гр. XIV в. И. Н.); любко кн̃зь — самъ дроугъ ѡ҃тъхавши ѡ҃ блгерда и҃ въѣхаша в сторожевы̑ полкь (94 Лет. Авр. XV в.); согреши҃ єсми *выдаваючи* (7б Сб. XV в. Публ. б. № 391); жидова — *мешкаючи* говора҃ (45 ib.); єижь *выслсухав'ше* корола пошли (51 ib.); не *възма* города поиде во свою землю (73б — 74 Супр.); кн̃зь Михаило стоѧль с̃ неѫль и не *взѧ* города прочь поиде (73б ib.); кн̃зь глѣ҃ полоцки҂ в' молоды҂х лѣте҂х свои҂х. *кнжив'ши* нем'ного лѣ҃т в полоц'кѹ и оумре (68б Крас.); Коуковоити се҂ на велико҃м кн̃жаньи лито҃ско҃м *бѹдсу҃чи* вто҃т ча҃ царе҃м заво҂гъски҃м цр̃ь боулаклай. прис'лалъ пословъ свойхъ (69 ib.); а *бсудѹчи* ѡнъ в старости своеи̑ — и прина҂... (ib. 66б); третее не҂ли *спѹстачи* кн̃зь великы҂ собра҂ силѹ (89 ib.); ѡномоу҃ ж̃ цр̃ю и҃ ж̃ бе на ѡрде *слышавь* ꙗко славныи тои гд̃рь ѿпоустиль своєго слоугоу на ц҃рство. никако҃ ж̃ не сме спротивитиса славномоу г҂рю (56б Увар.); кн̃зь ж̃ великии Витовть, *взѧ* Крывы горо҂. и землю извоєваль пакы возвратиса в Немьци (22б ib.); кна҃ великыи Вито҃вѣ҃ть. *събра҃* всю свою ра҃т. поиде и Горо҂на напротивоу ѡц̃а своєго (442 Вил.); *збѹдсва҃ши* городы перенесе҃т столе҃ц сво҂и съ Тро҃в(ко) на Ви҂ню (58 Археол.); на ложе *и҃дѹчи* вмилосердитеса (8б Псалт. XVI в.); печаловалиса *и҃щсуче* дш̃ѹ мою (39б ib.); пощезали *запытаюче* (62 ib.); а҆ *ѹ҆бачи҃ши* вси люди сла҃у єго, нехаи̑ зовстыдаю҃тса вси (98 ib.); *наслы҂хсу҃ши* изавесели҃са сиѡ҃ (98 ib.); розде҂ли мовечи (1б Псалт. XVII в.); Дв̃дъ пере҂ авесаломо҃м *ѹтекаючи* и *те҂пячи*, не мысли҂ ѡ по҃мстѣ҃ (11 ib.); тые *ѹзрѣвше* задивилиса (26б ib.); то *ѡбачивши* справе҂ливы будѹ҃ са богати (34б ib.); поро҃ж̃не то̑ не спи̑ *стерегучи* его (149б ib.); ѹ҃ место Виле҂ское *едѹчи* взяли ты҂х Москвичо҃в по҂маны҂х ѹ возе҂ста҂ма и҂х *поставив'ши* (64 Сб. XVII в. Син. б. № 790); *слышавше* то царица и рекла (9б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); *заваривши* каши, не жалей масла (Нос. Посл. 44); *помолёмшись* богу и пошли (Ром. III, 122 Клим.); чорт тэ̑й, ночи *дождавши*, узяв соху (ib. IV, 59 Рогач.); по́том, дзеньги етыя *получо́мши*, ён узрадовався (ib. 205 Черик.); у мяне ни *спрсёмшысь*, ня 'жэнисься (Ром. VI, 370 Мстисл.); *прихо҃дящи* домов, набранив старуху (ib. 420 Чаусск.); *ухо҃дящи* у палатку, старик сказав (ib. 421); ён *выхо҃дяща* на двор, збросив (ib.); йна, *ле́жучи* там у коробе, ўсю рыбу тую кидала (Шейн Мат. II, 8 Витебск.); покацися, повалися, Алёнчинаго мяса *наеўшися*, крови *напиўшися* (ib. 48 Новогр.); по дорози *е́дучы*, ён знайшоў пярó

(ib. 51 Игум.); кони стануть, тело *вязучи*, челядуньки плачуть, при боку *йдучи*, хортики скоглять, за им *бягучи*, соколики свищуть, над им *леятчи* (Ром. Мат. Гр. I, 102 Слоним.); niĕ douho *ždúczy* prychodzić (Федер. I, 65 Шидловцы); nòhi was zabaljèli *iduczy* (ib. II, 254 Лысков); отступило от старины употребление деепричастия вместо согласуемого с подлежащим причастия в следующих примерах: дура была — заломила веточку ня *вызреўши* (Никиф. Част. 922 Полоцк.); дзень добры, Семко, баруон *пазычаўшы?* (Сержп. 77); я... стаў их чакаць. *Счакáўшы* так гадзин са тры, приходзяць мае плытники тую карчму (Мат. Б. № 23 Минск.).

г) Пояснительные слова из наречий и причастий могут быть обстоятельствами причины (на вопросы: «почему?», «отчего?»), напр.: *чамý* ты гэто робишь; *папáцёмку* (= впотьмах) я не мог знайци хлеба. Обстоятельства причины могут быть выражены также деепричастиями, развившимися из согласуемых с подлежащим причастий, а также, в подражание подобным случаям, и помимо указанного условия. Примеров масса в старом языке и современном: кнзь велики Євноутеи во болшенсьтве *бꙋдѧ*. не полюбилсѧ има (86 Супр.); кнзь паⷮ Іѧнꙋшь зѧᵀ єго *забывъ* добра и приязни цтѧ своєго и тещи своєи и шюрьи поиде ратью к Дорогичинꙋ (173 Акад.); пошли — *хотечи* знайти (64б Крас.); не *хотечи* пáства своего ѿ дочки своее ѿдалити и принаᴬ до нее затеᴹ собе (66б ib.); по малоᴹ чáу кнзи ѡрдыцские. *нъсмеючи* роᶻгнѣвати славноˆ гдрѧ витовта. и не полюбиᵡсѧ иᴹ тоᵀ цⷬь (87 ib.); ѡнь же тогда не *взма* Вилни и поиде ко мистроу (20б Увар.); ѡба поєдуть в раᵀ ко Іѧкаилу. *надеѧ*ᶜ на тыи правды (9б ib.); кнаᶻ великыи Євнꙋтїи. въ боᵡшиньствѣ *бꙋда*. не полюбилсѧ има (437б Вил.); кназю великомоу Витоᵛтоу часто *вꙗючи* Литоᵛскꙋю землю... не възмо̑жно имъ стати противоу ємꙋ (ib. 449); и *видечи* таковые пожитки вᵗ такъ малои книзе, ѣ фр. ск. с. повѣлелъ єсми псалтырю тиснути (Предисл. въ Псалт. Скор.); *ꙋслышавши* ирод̀ъ корол. стривожилсѧ (31 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); мовиᵀ пр̑ркъ — *жедаючe* (44 Псалт. XVI в.); тыѣ ѿ рꙋки твоеи ѡкинени *бꙋдꙋчи*, а клали мѧ оу ѩме наглꙋбшей (89 ib.); двдъ *бачи* злоˆто ѡповѣдаѣ (4б Псалт. XVII в.); бгъ *слышачи* то роᶻгнѣваᶻсѧ (66 ib.); море *видѩчи* то ꙋтекло (126 ib.); дармо и скулка не сядзиць, а *почесавши* (Нос. Посл. 32); што ты знаешь, ноччю *родзившися* (ib. 190); ци ни жаль табе мамычка, еткое дзицятко *ўзрасцившы*, еткое дзицятко *ўзгадꙋавшы*, ў чужия людзи *пусцившы*, у чужия людзи *аддавши* (Демб. 140, 562 Могил.); докучили твое госьцики, што ў субботу *прыезжаючы*, што ў нядзельку *незъезжаючы* (Шейн Мат. II, 135 № 17); ляжить кит рыба, и по ей дайжа колявіны выбиты, *едучи* на колёсах (Ром. VI, 303 Черик.); ўзяўшы удóваньку — ни будя рабúти (Ром. Мат. Гр. II, 87 Слоним.); *чамý* казак глáдак: *падъéўшы* ды нá-бак (Ляцк. Посл. 57 Борис.); *выпиўшы* барышá — бýдзя мúна харашá (ib. 6); ни кáйся рáна *ўстáўшы*, а зáмаꙑ лаꙑда *ажанúўшыся* (ib. 26).

д) Пояснительные слова из наречий и причастий могут быть обстоятельствами меры, количества (на вопросы: «сколько?», «как много?»), напр.: я тобе *тольки* дав, *скольки* ты хоцев (Нос. Сл. 748); *скубольки* ў рыэшаци вады іесьць, *стубольки* у малайца праўды іесьць (Малев. 29 Слуцк.); посла[х] пока[р]мъ *доволи* (66 Псалт. XVI в.); *трэйко* я здыму́ з цебе́ шкуру (Сержп. 105 Слуцк.); слу́гам змиэя *ани збла* спако́ю (ib. 152).

е) Пояснительные слова из наречий и причастий могут быть обстоятельствами определительными и усилительными; это больше частицы, усиливающие значение глагола или прилагательного, а также содержащие указания на предметы, напр.: ты мнѣ не вѣри[х] ѡсе тыи листы што записа[х]сѧ (74б Крас.); ꙗ́ко ѡ́*то* събралисѧ цр҃и земьстїи (48б Псалт. XVI в.); *ото* сын твои идеть (Б 88б Скор. XVI в.); ён *ето* собираетца итить (Ром. VI, 219 Рогач.); ты[м] бо[х]шую надѣю (17б Псалт. XVII в.); *мовся* ён и прав (будто бы) (Нос. Сл. 286); *вельми* харо́шый ён быў, *тольки* нога ў землю увязла, а булава и ни кранулася (Шейн Мат. II, 103 Борис.). Иногда вместо ожидаемого усиливающего местоименного наречия находим местоимение: jená użè *takaja* rāda! (Федер. I, 139 Слоним.).

Есть и другие обстоятельственные слова, о которых см. Овсянико-Куликовский, Синт. русск. яз. 254 sq.

3. ВИДЫ ДВУЧЛЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Рассматривая двучленное предложение (отчасти также и одночленное безличное), следует обращать внимание на то, какое отношение существует между подлежащим и сказуемым: приписывается ли сказуемое подлежащему или же отрицается от него; о связи признака подлежащего и сказуемого сообщается совершенно спокойно, как о факте, или же говорящее лицо в форме вопроса делает предположение о деятельности подлежащего или его признаке, а иногда и выражает свое волнение по какому-либо поводу или вообще сильное чувство. Это дает возможность разделить предложения а) на утвердительные или отрицательные, б) на повествовательные, вопросительные и восклицательные.

Рассматривая предложения не в отдельности, а в связной речи, например, когда один спрашивает, а другой отвечает, мы находим, что не всегда бывает необходимость прибегать к обычному способу выражения, состоящему из подлежащего, сказуемого и т. д.; иногда некоторые члены предложения могут легко подразумеваться. На этом основано существование в) неполных предложений. Наконец, стремясь к сжатому и в то же время стройному выражению своих мыслей, мы избегаем повторения названия одного и того же предмета, которому приписывается несколько признаков, или же повторения названия одного

и того же признака, который приписывается нескольким предметам; это служит основанием для существования г) предложений слитных.

Язык обладает особыми синтаксическими формами и особыми частями речи для выражения отрицания, вопроса, восклицания и т. д. К рассмотрению этих форм речи и переходим.

а) УТВЕРДИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В утвердительных предложениях связь подлежащего со сказуемым выражается обыкновенными способами их согласования; то же бывает и в предложениях отрицательных, но в последних перед сказуемым непременно должно быть отрицание *не*, гласный которого в белорусском языке по фонетическим причинам, как безударный, может переходить в известных говорах в *а* (*ня*), а также в *и* (*ни*); появление *ни* вм. *не* не без влияния общерусского *ни*, напр.: *ни гатуй* людзям пятли: сам павесишся (Ляцк. Посл. 25 Борис.); *ни грала* варона ўгару лятучы (ib.); ни завязаўшы аббры *ни бяжы* ды Тадоры (ib.); добрые наши морозы *не замрозили* нам рожи (Зап. V, 636). Отрицание выражается и посредством *ни* при повторении его при двух сказуемых: *ни* вцяць, *ни* взяць (Нос. Посл. 111); *ни* выплюнуць, *ни* проглынуць (ib.); *ни* мычиць, *ни* целицца (ib. 112) и т. д. Конечно, отрицательными не будут такие предложения, в которых хотя и есть отрицательные слова, но последние не относятся к сказуемому, как: ничым быў, ничым и астаўся (Ляцк. Посл. 29 Борис.); ни оттуль ни отсюль госци на двор (Нос. Сл. 340); ни бацька спраўляў, ни сын нося (Ляцк. Посл. 24).

Если кроме отрицания *не* при сказуемом входит в состав предложения еще какое-либо отрицательное слово (местоимение, наречие), то получается двойное отрицание, которое в белорусском языке также допускается, как и в других славянских языках, напр.: *ниводнаго* з их там *не было* (Нос. Сл. 339); *нихто ня ведая*, як хто абедая (Ляцк. Посл. 29); нихто ничога ня видзиў (ib.) (здесь даже три отрицательных слова); *нияк не можно* ўцерпиць (Нос. Сл. 341); никуды не годзицца (ib. 340) [но: *никуды* — без отрицания: никуды шло, выпьем еще (ib.)]; *не быв* там *николи* и *николи не буду* (ib.). В приведенных примерах при *не* глагола имеется еще *ни* при местоимении, наречии в слитном с последними виде. Такое *ни* может стоять и при других словах, входящих в состав предложений, не сливаясь с ними: ни глядзи *ни* мейсца, *ни* кругу: ня будзиш прасиць хлеба у друга (Ляцк. Посл. 25 Борис.); хлопец *ни* вошто не годзицца (Нос. Сл. 339); *ни* навошто, *ни* нашто негодна твоя работа (ib. 340); иногда *ни* просто служит для усиления отрицания: *ни-а-ни* не попущу (совершенно ничего) (ib. 339); старший брат не дав меньшаму *ани* ничого (Ром. IV, 91 Сенн.). Нагромождение отрицаний иногда оказывается даже излишним: мы *ня* будом во ўсём белом свети *никого не* боятца (Ром. VI, 62 Гомельск.).

Случаи так называемого изобразительного отрицания (Буслаев II[5], 328), служащего для усиления последнего, отметим в фразах: *ни росинки* не похож (Нос. Сл. 340); *ни ка́пельки* ня сты́дна яму́; *ни кро́шачки* ты ня лю́биш мяне (Раст. 128).

Отрицательное выражение *нет* в белорусском языке известно только в областях, пограничных с русскими, или же в тех говорах, на которых заметно сильное влияние русских говоров, например, в северной Белоруссии: дык *нет*-жа-ж (Мат. Б. № 18 Витебск.); хвамилии у нас *нетуци* (ib. 28 Себеж.); мужа моего *нетъ* дома (II 14 Скор. XVI в.); nietuci (Цецерский 1787 г.); обыкновенно же *нет* передается посредством *нема́*, *немат*, примеры чего имеем уже и в старых западнорусских памятниках (Белорусы 2, 83): *нима́* го́ра, *нима́* клопату (Ляцк. Посл. 26 Борис.); *нима́ша́ка* ша́пки пирапраси́ць (ib. 9); *немашь* тэй крамы, штоб продавались родныя мамы (Нос. Посл. 100). В двучленных вопросах с отрицанием (о чем после), а также при отрицательных ответах на месте литературного русского *нет* бывает *не* из *нъ* (Белорусы 2, 83): ты есте сы мой иса чили *нъ* (21 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); ѡповѣдала а на: *нъ*, мови... (141 ib.); *ане!* бронь боже, не чепай (Нос. Сл. 6).

В соответствии с русским литературным *некого*, *нечего*, *некуда* (из *нъ кого*, *нъ чего*, *нъ куда*) и т. п. в белорусском языке всегда *нима кого*, *нима чего* и т. д., напр.: *нима́ чаго* гне́вацца (Ляцк. Посл. 26 Борис.); ни памы́ўшыся *нима́чаа* прыбира́тца (ib. 27); *нима́ чаму́* дзиви́тца (ib. 26); нима чаго́ чу́бо́рт цябе нюос (не за чем) (ib.); *нима́ каго́* паслаць; *нима́ куды́* исци́; *нима чым* хвали́цца: мы магиле́ўськие.

б) ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ, ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ И ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ

Повествовательные предложения представляют обычный род речи в рассказах, описаниях и рассуждениях. В них либо приписываются какие-либо признаки предметам, либо отрицаются у них; при помощи этих предложений спокойно выражаются и наши душевные состояния.

В вопросительных предложениях мы спрашиваем кого-либо с целью получить ответ, а иногда и без этого, о каком-либо предмете, действии или состоянии. Для этого пользуемся особою интонацией, повышая голос больше к концу предложения или на том слове, которое указывает на предмет вопроса; это слово может быть поставлено в начале предложения. Кроме этих способов для выражения вопроса язык пользуется и особыми вопросительными словами: частицами, наречиями и местоимениями. Все указанные способы выражения вопроса известны и белорусскому языку; причем в старом западнорусском языке встречаются и некоторые польские формы вопросов.

α) Вопросы, выраженные особой интонацией голоса, в разговорной речи воспринимаются слухом, а в письменной явствуют из контекста. Они могут быть положительные и отрицательные. В них часто на

первом или последнем месте стоит то слово, на котором особая сила, напр.: Войскѝ моé побив? — Побив, бабка! — Мяне забиць хоцев? — Хоцев... (Ром. III, 103 Сенн.); пан кажиць: ага, яго моé гуси не защипали? (ib. 4); яго й кони не забили? (ib.5); mužýk káže: vot páńe ńe durnája heto? (Клих 15 Новогр.); kal'i b'édny čałavék, to u iahó ńe duša? (ib. 28).

β) Чаще всего вопросы выражаются при посредстве особых частиц, именно: 1) *ли*; эта частица встречается лишь в старых западнорусских произведениях, в современной речи она вышла из употребления, напр.: ѣ не маеᵀ слыша — не смотриᵀ *ли* — не боуде *ли* соудиˣ (95б Псалт. XVI в.); не буде *ли* бачи (8б Псалт. XVII в.); або *ли* ѣ есмъ псею головою нынѣ (170б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); эта же частица 2) как и в старопольском соединялась с *за* в *зали*, обыкновенно с предшествующим *и*, напр., из Псалт. XVII в.: и *зали* то — не буде моглъ повстати (16б); и *зали* бы сѣ бгъ ѡтоᵐ не довѣдаˣ (21б) [izaliby się thego Bog nie dowiedział (Радив. библ. 44. 22)]; и *зали* не ѡгледае гробу (28); и *зали* будꙋ ѣсти мѣсо быковое (30б); и *зали* ихъ за тую марно збави (33); и *зали* на гдъ ꙋже ѡкине (62); и *зали* бгъ ꙋже запомнеˣ (62б); и *зáли* може бгъ зготовати наᵐ столъ на пꙋщи (65б); и *зали* може теᵐ хлѣ⁶ дати (65б); и *зали* — будешъ гнѣвати (80б); и *зали* мови не будꙋ (84); и *зали* познани будꙋ (85); и *зали* хто бꙋде ѡповеда (85); и *зáли* преᶻ ꙋмеᵖлыˣ чуда чинити буде (ib.). Все приведенные примеры с *и зали*, несомненно, образованы под польским влиянием, хотя и не во всех приведенных случаях в польском оригинале находим этот союз. 3) Но самым распространенным и типичным способом выражения вопроса служит частица *ти*, по белорусской фонетике имеющая вид *ци*. Старые западнорусские памятники этой частицы, однако, не знают. Нам встретилось в Лет. Авр. XV в. 56: «мы ѣсма *ци* не кнази», но нельзя поручиться, что это *ци* белорусское (из *ти*, на что указывает мягкость *и́*), так как подобная частица была довольно распространена и в древнерусских памятниках вообще (ср. Материалы И. И. Срезневского III, 1439—1441), где она, вероятно из *koi̯. Примеры из живой речи: *ци* ня чорт цябе нёс на дыравый мост (Зап. V, 559 Лепп.); дзеўка, дзеўчина *ци* хочешь за мене замуж ицци (ib. 702 Бых.); *ци* ня дýдка моя весялýшка была («Обзор» 91); *ти* будашь мине, коток, за ходяина? — А чом ни быть? (Шейн Мат. II, 3 Гомельск.); *ци* боляць им зубы? (ib. 541 Витебск.); Иван Царевич, што-*ци* ў цябе родуплемя нема? (Ром. III, 59 Сенн.); *ци* бáцька вýчыць кéпскаму (Мат. Б. № 8 Игум.); *ти* ж бáтька вуча худóму (ib. 9 Бых. ср. 11 Новоалекс.); *ци* (чи) ты гэтого не бачыў (ib. 10 Мозыр.); Кацяринка рано ўстала, у соседа распытала: *ци* ня видзиў, *ци* ни бачиў, хто мой хвартух поскулачиў (Никиф. Част. 19). 4) Довольно распространена в современном языке, а в старом западнорусском почти исключительно господствует в вопросительных предложениях частица *чи*, напр.:

чи ты ѡ оучꙗновъ е́го е́си (7 Сб. XV в. Публ. б. № 391); *чи-ли* ꙗ е́сꙋтомъ пане (еда азъ е́смъ госꙋподї) (37б Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); и́ *чи* мр҃твыми҃ вчини҃ чюда.... и́ *чи* выславить кто... *чи* познана бꙋдоу҃ в темности чюда твои́ (89 Псалт. XVI в.) [в польском оригинале другое: a wssákoź izaż nad vmárłymi będziesz cuda czynił... izaż kro będzie wisłamiał... yzaź będą vznáne... (Врубель 87. 11–13)]; и *чи* не познаю҃ (35б Псалт. XVII в.); и *чи* не ты бж҃е (46 ib.); и́ *чи* за҃кнꙋ҃ мл҃рдие свое (а раньше *изали*) (62б ib.); и *чи* маешъ ты што за това́ри҃ во з столицею злосливы҃ (97 ib.); *чи* много҃ е҃ (137б ib.); *чи* нимашъ жены (130б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); *чы* ад кабы́лы цялё радзилася? (Ляцк. Посл. 58 Борис.); *чы* стры́жана, жонка? (ib.); *чы* ня ви́дзяў ты мидзвидзя? (Мат. Б. №6 Диснен.).

Обе эти вопросительные частицы (*ци* и *чи*) и в вопросах двучленных, где в русской литературной речи обыкновенно *или*: ты есте҃ сы҃ мой ис҃а, *чили* нѣ (21 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); сама земля добра *чи* зла (85 ib.); лучше б я *ци* утопиўся, *ци* удавиўся, чым я з тобой ожени́ўся [Зап. V, 711 Сураж. (Велиж.)]; *ци* ты ж пришов битца, ци миритца? (Ром. III, 82); што я вокунь який нибудзь, *ци* што (Шейн Мат. II, 391 Борис.).

Частицы эти бывают и в риторическом вопросе, на который не ожидается ответа: *ци* мала ёсьць на свеци ашуканцау?

γ) Очень часто вопросительные предложения начинаются с разных наречий местоименного происхождения, напр.: *гдѣ҃* е҃ бг҃ъ и҃х (72 Псалт. XVII в.); *дзе* ты, мой дзетка, быв? (Ром. III, 99 Сенн.); *де̄* мы тяпе́р пае́дима (= куда) (Ром. Мат. Гр. II, 214 Волков.); *гдє* ж ты быў (Мат. Б. № 9 Бых., ср. 11 Новоалекс.); *идзе* табе, дураку, пилнуваць? (Ром. III, 78); а юн ко́жа юй: *ни́што* (разве) матка муя суды зали́ вя (ib. 88 Рогач.); *atkúĺ* janý nabrál'iśe, bułk'i i ałatk'i (Клих 14 Новогр.). Сюда же примыкают и вопросительные предложения, начинающиеся с разных форм местоимения *што*, получивших наречный характер: ён кажиць, *чаго* ты человек пришоў? (Зап. V, 715 Лепп.); *ча* ты пришёв (Мат. Б. № 16 Бых.); *чому* еси такъ смутна дш҃о моꙗ (18 Псалт. XVII в.); *чаму́ш* ни дам (= отчего же не дать) (Мат. Б. № 16 Диснен.); *чему* ты не прыйшоу (ib. № 9 Бых.); *об чём* ты прийшоў (ib. 32 Орш.); *на што* ты, суко, Грица чернила? (Ром. Мат. Гр. II, 107 Белост.); *учо́м* ты ни цвила́? *у чо́м* за́муж ни йшла? *чом* ты, кава́ль,... ни куе́ш; *учом* салда́та ни люби́ть (Раст. 129); *чым* я не дзяўчина?

δ) Наконец, вопросительные предложения могут начинаться вопросительными местоимениями: *кто҃* на҃ пано҃ е҃ (15 Псалт. XVI в.); *хто* цябе тут замкнув? (Ром. III, 96 Бых.); *што* вы там доброго на зямли видзели, *што* чуяли? [Зап. V, 710—711 Сураж. (Велиж.)]; а бра... а *што-ж* ты гэто зробиў, трасца твоей матары (Шейн Мат. II, 153 Игум.); *чия* хата на горе? (Зап. V, 558 Лепп.); в № 26 Мат. Б. Себеж. сделано замечание, что *хто* в вопросах совершенно вытеснило местоимение *што*: каво ты яси́? каво ты ки́ныл? каво надел?

Вопросы косвенные выражаются так же, как и прямые.

Восклицательные предложения по форме своей ничем не отличаются от повествовательных предложений; они характеризуются лишь тем, что произносятся с особым чувством. Часто, впрочем, для обозначения внешним образом сильного чувства в состав их входят вопросительные местоимения, наречия и даже междометия. Примеры: ну, дзяку ж табе, Иванька царевич за гэто! (Ром. III, 81); о Господзи, вялúка ваша сила! (Ром. IV, 200 Клим.); спасицель святый, вярницеся, замкниця кров... (Ром. V, 161); Ах матко, як хтосьце хороше грая (Шейн Мат. II, 2 Волк.). Особенно обычны восклицательные предложения при выражении клятвы, пожелания: кап я гэдак нóчаньку святую пераночаваў и дзень святый дождаў, коль гэто нипраўда! (Шейн Мат. II, 510 Гродн.); кап ему язык выперло, як гэто праўда (ib. 513); каб цибе нечысцик понюхаў, да не рухаў (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); мой милёнок-Василек — ци няверная душа! (Никиф. Част. 273). — Очень подходят к восклицательным предложениям и повелительные, о способе выражения которых у нас уже была речь (стр. 377—379).

в) НЕПОЛНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Пропуски тех или других ясно подразумеваемых членов предложения без нарушения смысла последних — дело довольно обычное в русском языке. При глаголе нередко опускается личное местоимение; глагол *есмь* во всех восточнославянских языках опускается в настоящем времени и при формах глагола на *-лъ* в прошедшем времени. В белорусском языке — старом и современном — можно часто наблюдать случаи пропуска сказуемого вообще, ясно подразумеваемого по ходу речи или же такого, какое рисуется в воображении говорящего, но еще не успело вылиться в форму вполне определенную. Очень часто можно слышать из уст белорусского простолюдина речь примерно в следующем виде: колиж бы я што коли, кому якое; а то я николи никому ничого. Дак за штож мне тое? (Нос. Посл. 63); кыли-ж ба я што, кыли-ж ба я кому, кыли-ж бы я колú-нибудь; а то-ж я никóли ничóго никóму. На што мне тоя што! (Мат. Б. № 18 Витебск.). Тут подразумеваются глаголы *зрабúў*, *сказаў*. Подобные пропуски сказуемого и в старом языке: советъ с кнaземь сътвори. ѡ в Литвѹ. а кнa ко Рши (449б Вил.); кнзь великыи Кестоутии к Городноу ко снѹ своєму (5б Увар.) (подразумевается *поидеть*); Євноутиꙗ ѡсадиль во Вильни на великомь кнжени. а Кестоутию Троки. Коръıтоу Новъгородокъ (85б Супр.) (подразумевается *дасть*); не глядзи белá, абы б рабоча былá (Нос. Посл. 95) (пропущено: *была бы*); а каб цябé, а бадáй цябе (Ляцк. Посл. 2 Борис.) (подразумевается, если сказано в шутливом тоне, *бог любиў*, *рак убрыкнúў* или что-либо в этом роде; если с гневом, то *чéрци ўзя́ли* или под.); за свайго за добраго коня (т. е. *ён ухвацiўся*), и на хвацеру (т. е. *паéхаў*) (Ром. III, 162 Рогач.); ничого, каець, хай, дармó! (ничего, говорит, пустяк) (Ром. IV, 12 Гор.).

С нашей точки зрения можно усматривать пропуск сказуемого при слове *нѣ*, стоящем в отрицательных ответах, но нельзя его усматривать с точки зрения истории языка, так как *нѣ* следует разлагать на *не* + *е(сть)*, напр.: ѡповѣдала а҃на: *нѣ*, мови, гдне мой (141 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); ты есте сы҃ мой иса҃, чили *нѣ* (21 ib.); *не* боже, гето моя баба наробила (Шейн Мат. II, 82 Слоним.); ци боляць им зубы? — *не* (ib. 541 Витебск.); мора, дай воды — пятушок удавився! — *не*, не дам табе воды...; парсюк, дай мору клыка! ... — *Не*, не дам клыка... (Ром. III, 6); покóж мни! — *Ни*, дзидочка, нялька! (ib. 337 Рогач.); *не*, ня гэтак гавбрыш (Мат. Б. № 7 Минск.).

Возможны пропуски и других легко подразумеваемых частей предложения: страх не люблю жидов (= страх есть, как не люблю ж.) (Нос. Сл. 617); ик ба нам побачить твого ходяина? — А чом нильга? (Шейн Мат. II, 3 Гомельск.); чего, чорце, седзишь в болоце? — А привык (Нос. Посл. 181); padchodzić da jeje niejakajaś asóba u̯ bieli i zajszła ź jeju u̯ hùtarku: *skul, szto, jak?* (Федер. I, 139 Слоним.).

г) СЛИТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

«Слитные предложения» не представляют какого-либо особого по строению вида предложений: в них бывает лишь при одном сказуемом несколько подлежащих или при одном подлежащем — несколько сказуемых, равным образом возможно появление нескольких однородных пояснительных слов. Существование таких предложений основано на том, что несколько предметов могут иметь один и тот же признак или один предмет в одно и то же время может производить несколько действий; наконец, может быть и несколько однородных пояснений предметов или их признаков. Относительно строения таких предложений следует разве припомнить, что при нескольких подлежащих одно сказуемое, стоящее после них, обыкновенно бывает во множественном числе и согласуется с ними.

Однородные члены слитного предложения бывают в разном отношении друг к другу, что внешним образом обозначается теми или другими союзами, о чем у нас речь после; чаще эти члены находятся в отношении соединительном. Приведем примеры:

а) Несколько подлежащих при одном сказуемом: молилиса. *иные* дубью. а *иные* крыница҃, *иныи* рекамъ (118б Четья 1489 г.); таёжь соу҃ та҃ м'ногїе *комары* и *їаскїме* подземъне (43 Сб. XV в. Публ. б. № 391); *вы* чисти ѐсте але *не оуси* (5 ib.); приходзитца, бач, абы *сам*, абы *дочь* идзи (Ром. III, 198 Бых.); ходзили-гуляли *уроки-пророки* (Ром. V, 24 Люцин.); *чи той, чи той* — а повинны отдаць (Шейн Мат. II, 409 Борис.).

Два подлежащих могут быть соединены предлогом *с*: бáцько з сы́нам зрáнку малоцяць; такое же соединение возможно и в дополнении: я бачыў мáтку з дачкой як яны жали.

б) Несколько сказуемых при одном подлежащем или вообще несколько сказуемых в безличном предложении; сказуемые могут стоять рядом без всяких союзов, а могут соединяться и союзами, притом каждое или только последнее. Из союзов, кроме употребляющихся и в русской литературной речи, обращают на себя внимание: *а = и* (больше употребляющееся, впрочем, в старом языке, но известное и современной речи), *або = или*, *ани = и не*; назовем еще *да* и *дай = да и*. Примеры: α) с союзами: тое же зимы кнѧзь Сватославъ Смоленьскыи. совѣтъ съ кнѧземь Андрѣемь. Полоцкы^{м} *сътвори*. ѡ^{н} в Литвѫ. а кнѧ^{з} Сватославъ ко Рши. и мироу много зла *учини*, хр^{с}тианы не чл҃чьскы *мѫчиша*. ниже. ни на погань^{х} рате^{х} слышахо^{м} такы^{х} мѫкъ. *избираxоу* бо и^{х} и *запираxоу*. ѫ свои^{х} избахъ. и *зажигаxоу*, а дрѫгыи великыи храмы ѡчапы *по*^{л}*нимахоу*. и хр^{с}тїане по^{л} стѣнѫ главами *кладахоу* и *зажигаxоу*, а иныи жоны и дѣти на колье *тыкахоу*. и ины^{х} моукъ на^{л} хр^{с}тїаны. ихже срама ради не нисахоу. ꙗкоже ни Антїѡ^{х} Сирскыи. ни ѫлианъ Престоупни^{к} такы^{х}. моукъ не *сътвори*^{л} на^{л} хр^{с}тїаны. градѫ же Рши. ничого не *оуспѣша*. и пакы *възвратишасѧ* въ своѧси (Вил. 449б—445); а колижь дей *не возмогу* погубити. а вжьдыжь дей *порѫгаю* и *пострашю* (54 Четья 1489 г.); *ѡбачижъ а памѣтоуй* (25б Катих. 1562 г.); *ѡ*^{л}*жль* цыншъ цесарю датї, а҆бо *не* (60б Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); *дамы лї*, або *не дамы* (ib.); *возми* зброю ѝ та^{р}чь а҆ *повстань* на помо мнѣ (35 Псалт. XVI в.); *ѿбсѣдете* сиѫ̀ ѝ *ѿбсѣмѣте* єго *а проповедите* (49 ib.); прїидете а҆ ѿбате (63б); прїидете а боуде^{м}ѧ радовати (96 ib.); нехаи^{т} проѧ^{т} а выгнаны боудѫ^{т} (111б ib.); не ѡпѫщаѐ а на вѣки *бѫдѐ стеречи* (2 Псалт. XVII в.); перестаѭ а чини (2 ib.); *чини* добро, а *бѫдѐ*^{ш} мешка^{л} на вѣки (ib.); *мешка*^{л} на зе^{м}ли, а҆ *будешъ* насыщонъ богаствы еи (6 ib.) [miesz kay ná ziemi a będźiesz żywion... (Радив. библ. 37.з)]; *не ревнѫ*^{т} злы^{м} ани *завидѫ* (6 ib.); ѫ *покрисѧ* пере^{л} гл҃е^{м} а *молисѧ* ему (6б ib.); не кара^{т} ани сро^{ж}ѧ (9 ib.); присмотрѣтесѧ а ѡбачте (212б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); ѝ взела ѝ ѣ́ла (274 ib.); три дни *ни пи*, *ни ежь*, а с хаты *не лезь* (Нос. Посл. 164); малец *нелез* на хату, ды як *кинець* тэй короб з дзяком! Дзяк *звалився*, ды *выскочив* с короба, ды домов (Ром. IV, 96 Сенн.); яны яе́ *ўзяли* и *зыкопали* из грошами с тыми (ib. 126); хлопяц *сядзиць* дай плача (Шейн Мат. II, 254 Минск.); *почула* живую кроў, и як *зарогочиць*, як *зарогочиць* (ib. 405 Борис.); яе *схватили* паничи и *запѐрли* дома (Мат. Б. № 16 Бых.); (рыбка) узяла́ и дала́ и сказа́ла (ib. 7 Игум.); β) без союзов: да к томоу кн҃зь Витебскыи сн҃овъ не *держаль приняль* єго к дотьце (85б Супр.); Свноутеи выскотивъ. *оубежить* во гоуры. тамо ѡзѧбеть въ ноги (86 ib.); *сядьмо*, матко, *повячера́ймо* зо мною (Ром. Мат. Гр. II, 4 Слоним.); *жылй́* ены́ ў згóдзе: *любй́лиса-кахалиса* ўсе жы́це (Сержп. 87 Слуцк.); *круци*, кум, *не верци*, а придзецца умерци (Нос. Посл. 70); два вепры меж собою *бьюцца*, *секуцца* (Нос. Загадки 199); *трапицеся* который ко мне, *не трапицеся*, а треба попрощатца (Ром. III, 93 Бых.); хозяйка тая *ўздрадва-*

лась, *побегла* глядзець, ажну ни рыбы тэй, ни лисицы нигде нет ў коробе (Шейн Мат. II, 8 Витебск.); *оглянуўся* ён кругом сябе — *бачиць* — за им идзе яго сьцень (ib. 229 Борис.); *идзець* ён поле, *идзець* другоя, на трецьця *ўсходзя,* — на гэтым поли стоиць дворэц, а ў гэтом дворце живець (ib. 386); мине матка *годовала,* за пьяницу *оддавала,* а пьяница дуже *пьець*, *придзиць* домоў — мине *бьець* (Никиф. Част. 392); majà matka *v'ed'ma,* ćab'è *byłaby zjela* (Верига Pod. 58 Лидск.). Бессоюзие в приведенных примерах придает больше живости речи.

в) Несколько однородных пояснительных слов: спо҃ни *на собра҃е* — ѝ *на* тую *гр҃ѣ* сиѡнь (56 Псалт. XVII в.); я не знаю, як вам отвясьциць: или *назваць* вас святэя, ци *сказаць* на вас — господзи (Ром. IV, 212 Клим.); да скорэй *по одной* посьт҃ели, али *по другой*, али *по трет҃яй* — усих их поперасякав (Ром. VI, 253 Могил.); на йгрыщи, чи то на ношлези (Шейн Мат. II, 390 Борис.); ўнýки прынесýць емý туды́ *суни́ц*, або други́х *я́гад* (Сержп. 18 Слуцк.).

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Простое предложение — самая обычная форма речи для выражения наших мыслей, но в то же время и самая первобытная, простая. Когда мы хотим выразить свою мысль более обстоятельно и полно, тогда недостаточно бывает простого предложения, хотя бы даже и такого распространенного, каким оно является, будучи слитным с разными пояснительными словами; приходится прибегать к соединению нескольких предложений, находящихся во взаимной связи или зависимости. Такое предложение называется с л о ж н ы м. Причем, если отдельные предложения, входящие в состав его, находятся в таком соотношении между собою, как однородные члены слитного предложения, то получится сочинение предложений равноправных (parataxis); если же целые предложения, входящие в состав сложного, заменяют лишь отдельные части простого предложения, особенно разные пояснительные слова, то получаются предложения неравноправные (hypotaxis): подчиняющие и подчиненные, главные и придаточные. Все указанные роды сложного предложения известны и белорусскому языку.

1. СОЧИНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Самая первобытная речь, несомненно, такая, которая состоит из одних главных предложений; причем на первой ступени эти предложения внешним образом даже не поставлены в связь между собою. Такую речь мы находим в сказках, особенно детских, напр.: Быв сабе дедка, была сабе бабка. Была у их курка-рабушка; нанясла яец повян коробец. Дед бив, бив — не разбив; баба била, била — не разбила. Мышка бегла, хвостиком махнула, и разбила... Дед плача, баба плача, курочка кудакча, вороты скрипять, трески летять, собаки брешать, гуси кричать, люди гомонять... (Ром. III, 1 Гомельск.). В приведенном отрывке везде главные предложения, между которыми даже нет никаких союзов; иногда их было бы и трудно поставить, так как не всегда между подобными предложениями можно установить и какую-нибудь логическую связь.

Бессоюзная речь довольно распространена среди белорусов; находит она отражение и в памятниках старого западнорусского языка. Примеры: плачоучи говорила ахъ ти мнѣ ахъ те мне верните ми прошꙋ ва̑ тело... (13б Сб. XV в. Публ. б. № 391); реклъ ѩ ведаю гораздъ вы чините а которыѣ соуть рады ваше (1 ib.); реклъ не с тыми ть ѩ ѣсми жиды пришо̑ (6б ib.); кажи ми ты си ли ѣси х̑ъ (8б ib.); рекоу᷒ᷣ бꙋрате мꙋлыи да᷑ тобѣ бг̑ъ тꙋю честь добы᷑ еси земли по᷑ольское (83б Крас.); корола Казимира в животе не стало. сн̑въ в него не было только ѡдна дочка. именемь Ядвига (95 Супр.); дзед з бабый кинулися за тым хлебом — косюць косцы — пытающцо (т. е. дед и баба) (Шейн Мат. II, 7 Витебск.); ены бі̑ягци, — куды там, — ко́ни й схава́лиса за ўзгуорак (Сержп. 6 Мозыр.); до́ўго хадзи́ў маска́ль глядзі̑ў: ве́льми ўсю́ды го́же (ib. 1 Слуцк.). Иногда, хотя и нет союзов, но можно установить связь между самостоятельными предложениями: ѿтолѣ поиде ко Рши Ршане затворишасѧ оу градѣ (27б Увар.) (противительное отношение); ѡто ꙋдари᷑ в скалу выплынули воды (65б Псалт. XVII в.) (следствие); alè niszto rabić, wyłàzić z kalaski (Федер. II, 216 Гнезна) (то же); чуть ня чувать, слыхом ня слыхать, — довялося нам у вочы побачытца (Ром. VI, 206 Гомельск.) (уступит.); ня то мы могом, — дурак доставя (Ром. III, 229 Рогач.) (то же: не только мы м., но даже д.); dzicia nie płaczo, macі nie dahadajecca (Чечот 1846 г.) (условное); хочу — скажу, хочу — не (Никиф. Част. 554) (то же).

Бессоюзие иногда допускается и в таких случаях, где предложения неравноправны: одни в том или другом отношении должны быть подчинены другим. Указанным способом мы видим α) выражение времени: погомонели сколько там ены, ўстав бог, устав и мужик (когда п.) (Шейн Мат. II, 400 Мстисл.); не так ён будзець страху бачиць — пятлю́ на шию нацепляць (когда пятлю...) (Ром. VI, 36 Черик.); вот тады Микита Игривич, опя̑ть солнца захо́дить ён устае́т̑ь и спрашии̑ть у цулувальщика (когда опять с. з.) (ib. 389 Сенн.); пры́ду̑ть де̑вки гарэх рвати, буду̑ть мянѐ спамина́ти (когда п.) (Ром. Мат. Гр. II, 213 Волков.); β) обозначение причины: то оучиниль єсми, стерегль єсми своєє головы, почюлъ... (2б Увар.) [= стерега головы своєй (440б Вил.)]; таки́ хлопец маниць ня будзя, ище мал (т. к. еще м.) (Шейн Мат. II, 253 Минск.); ба̑тька из маткой стари́я — хто их приховае̑т̑ь безо нас (Ром. VII, 288 Орш.); упилася на мяду — домо́воньки ни зайду! (т. к. упилась) (Никиф. Част. 1142 Полоцк.); γ) указание цели: молюсѧ пере᷑ тобо́ю зо всего се᷒ца моего змилу̑ же сѧ надо ᷒ною ведлу̑ слова твоего (чтобы смиловался) (135б Псалт. XVII в.); δ) пояснение сказуемого (дополнит. предложения): мовечи: ѡтоᷓ маешъ чл̑вка (85 Псалт. XVII в.); мови̑: нѣтъ бг̑а (35б ib.); мовили: по᷑мо (77б ib.); бача ён, — по кольлю голов, дак страсть, чаловечацких стырчыть (Ром. VI, 211 Гомельск.); знаци, му̑ой миля̊ньки мяне пазабыў (72 Малев. Слуцк.); хоцев из хаты ити, — чуя нехто плаче (Шейн Мат. II, 158 Рогач.); ту̑ольки чу́ли, штось тарахцело (Сержп. 6 Мозыр.); чу́е — штось ў еі̑э шалпо́чэ

(ib. 87 Слуцк.); вія́дамо, маска́ль ничо́го не ба́йтца (ib. 1); вія́дамо, не мажы́э чалавія́к ці́хенько седзія́ць (ib.); во всех приведенных примерах перед вторым предложением можно прибавить *что*; иногда приходится прибавлять для полноты даже целое предложение: дава́й перш побо́рэмса, хто з нас дужы́я́йшы (Сержп. 88 Слуцк.) (можно добавить: *чтобы знать*); ε) даже пояснение имени определительным предложением допускается посредством формально самостоятельного предложения: калита с поесом куплена за дванадцать грошей, а у калите было тры копы грошей (= в которой...) (Акты В. А. К., т. 36, 44 Мин. XVI в.); идзець ён поле, идзець другоя, на трецьця ўсходзя, — на гэтым поли стоиць дворэц, а ў гэтом дворце поп живець (*на гэтом = на котором*) (Шейн Мат. II, 386 Борис.); видзев дзевку, воду́ с одного колодзежа ў другий пераливая, ды стариков — тын подпираюць (видзев дзевку, которая..., стариков, которые...) (Ром. IV, 33 Рогач.); падаюць две дудучки перяд им, незвестно ким зброшено их (которые н. к. сброшены) (Ром. VI, 486 Мстисл.); пры гэ́тых слова́х ена́ пакла́ни́ласа якуойсьци бо́чцэ, а з таіэ (= из которой) только тырчыць абліэ́злая галава́ с си́ним но́сам (Сержп. 10 Слуцк.); ба́чыць, што там хрэст, а на юом (= на котором) Хрыстос (ib. 25 Мозыр.).

Но вообще соединяться между собою в одно синтаксически целое сложное предложение могут лишь такие предложения, которые близки между собою и находятся одно с другим в какой-либо внутренней связи. Эта связь между синтаксическими равноправными предложениями может быть различна, что внешним образом обыкновенно обозначается теми или другими союзами. Таким образом, получаем виды сочиненных предложений: соединительные, противительные, причинные и заключительные предложения.

а) СОЕДИНИТЕЛЬНОЕ СОЧЕТАНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Сюда относятся такие предложения, которые имеют равное логическое достоинство, некоторое сходство содержания и непременное отношение к одной общей мысли, выраженной сложным предложением. С внешней стороны эти предложения соединяются между собою соединительными союзами *и*, *а*, *да* и др. Точнее отношение принадлежащих сюда предложений и выясняется при рассмотрении соединительных союзов. Отношение между предложениями, входящими в состав сложного, они устанавливают большей частью так же, как и между членами слитного предложения, о чем мы отчасти уже говорили раньше.

В белорусском языке больше те же соединительные союзы, что и в русском языке; некоторые отступления объясняются или удержанием старины, или заимствованием из польского языка, особенно в старинных памятниках.

Самым обычным соединительным союзом является *и*. В слитном предложении он обыкновенно присоединяет последний член, если их несколько, но может стоять и перед каждым членом, напр.: посла

з высоты и прина ма. и выа з во многих. избавилъ (19 Псалт. XVI в.); и богу молися и чорта не гневи (Нос. Посл. 53); и деруць, и бьюць, и плакаць не даюць (ib. 54); то же бывает и при соединении нескольких предложений, относящихся к одному и тому же предмету: вышо теды авра... и пошол з ним лотъ (7 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); и вовк сыт и козы целы (Нос. Посл. 53); и мой бацька такий мався, и я в его вдався (ib. 56); и чувóм чуваць и видóм видаць (Ром. VI, 50 Черик.); ёсь у гóроди Слисни́щи и пасеть пастух лошадей на смятнищи (ib. 371 Мстисл.). Часто такое *и* ставится лишь для обозначения последовательности во времени исторических событий, напр.: и кнзь великии Витовтъ. поєхаль к Ягаилоу. и ко єго рати. и полковѣ (губы Вил.) стоѣть межи себе не починаѣ ничего. и кнзь великии Ягаило оучнеть просити (8б Увар.); оу тот часъ кнз Витовтъ ѵ Троце бы. и кнз великыи Ягаило. с Витéска — прижене к Вильни. и кнз — Витовтъ пошле — къ шѵ своємѵ с тою вѣстью (441б Вил.). Иногда *и* служит лишь для усиления понятия: ѣсности шчъю мои и тои не машъ при мнѣ (10 Псалт. XVII в.).

Союз *а* в старинных произведениях, а иногда и в живом белорусском языке встречается в роли соединительного союза, что наблюдалось в древнерусском языке и особенно распространено в настоящее время в польском языке. Соединяет *а* и отдельные члены предложения, напр.: Прокша — а Бѣликъ — а Кучукъ а Лисица Жибенътаи (444 Вил.); Корачов а Слони (73 Крас.); види звѣздѫ на нбе а кр тъ а шкрѵ (48 Сб. XVI в. Крас.); ш хе а христиане (76—77 ib.); потопы а воды (151 ib.); рыбы а морьскїй потворы (240 ib.); ѣ а ты (Ц 204 Скор. XVI в.); толико царѧ а мене (Э 11 ib.); рыцерами и братьею а сынми (5б предисл. Катих. 1562 г.); дивны а велики (16б Псалт. XVI в.); Цимох а Хомка пойдуць на работу (Нос. Сл. 1); нема у яé а ничого (Ром. III, 3 Сенн.) (усиление); шнъ же почал воєвати Литовскую землю. а с помоѵю Немецкою (444б Вил.) (то же); певенъ ани бепече именеи скарбовъ (64б Крас.); нехай дей тамъ на той кгрунтъ панъ Гурын болшъ не высылаеть, ани самъ не выежчаеть (Акты В. А. К., т. 36, 252 Мин. XVI в.); соединяет *а* и целые предложения, напр.: пани спытковаа вдовою зостала а дѣти малы (83б Крас.); тобе годитсѧ быти брате кнзе велики на Вильни. а ты межи нами старшаа брата с тобою за шлно живѵт (60 Археол.); ш̃бачи виде̂ єсми невчтиваго а шѵ сѧ полноси (38б Псалт. XVI в.); поглядзеў музыка на чортову табакерку, а тая аш зяхциць (Шейн Мат. II, 101 Минск.).

Союз *да* в смысле *и* чаще встречается в слитном предложении [знаець про то купец *да* мама (Нос. Сл. 126); написаў прашенья *ды* да мирового (Мат. Б. № 31 Вилейск.)], но может также присоединять и целые предложения: жонце двѣ ходили покладывати кнгню в камнатоу положи *да* вонъ поидуть. а сторожи школо (94—94б Супр.); ён (кароль) прыехаў, аж яна и сватаиць другую каралеву, и *да* й ожаниўся кароль з другой жонкой (Мат. Б. № 13 Свенц.).

Из предложений, имеющих равное логическое достоинство, лицо говорящее останавливается лишь на одном, причем иногда колеблется в выборе. При каждом из таких предложений обыкновенно ставится один и тот же из соединительных союзов, которые в этом случае обыкновенно называются разделительными союзами. Некоторые из них в непарных соединениях имеют другой смысл, например, обозначают вопрос. И здесь между предложениями такое же отношение, как и между членами слитного предложения.

К разделительным предложениям относятся соединенные союзами:

1) *ни — ни*. Эти союзы бывают и между членами слитного предложения и в сложном между предложениями, напр.: тогды в Подолскои земли. не быль ни ѡдинъ городъ. *ни* деревомь роубленого. а *ни* каменемъ боудованого (103 Супр., 43 Увар.); *ни* вола́ *ни* кола́ (Нос. Посл. 111); *ни* вцяць *ни* взяць (ib.); *ни* в родню *ни* в ойца (ib.); *ни* грозьбою *ни* прозьбою (ib.); *ни* видом не видаць, *ни* слыхом не слыхаць (ib. 110); *ни* богу свечка, *ни* чорту головешка (ib.); *ни* ба́цька спраўля́ў, *ни* сын нося (Ляцк. Посл. 24 Борис.). — Те же союзы могут быть осложнены прибавкой *а*: *ани — ани*, напр.: *ани* царь, *ани* мучитель (Пр 18 Скор. XVI в.) (в Библии 1506 г. ani); лежить вояк на купине... *ани* труны, *ани* ямы, *ани* отца, *ани* мамы (Нос. Сл. 6); *ани* ён зная што-не́будзь *ани* яго маци може памагчы́.

2) *ци — ци* (из *ти — ти*). (Ср. Срезн. Мат. III, 956—957). В отдельном употреблении *ци* ставится в вопросительных предложениях (ср. стр. 452); в парном соединении он имеет значение «ли» — «или». Напр.: ци сову об пень, ци пень об сову, усё сове беда (Нос. Посл. 180); ци сена клок, ци вилы в бок (Нос. Сл. 688); ци ю͡он а͡шале́ў, ци злы дух на яго́ усе́ў (Ляцк. Посл. 56 Борис.); ци придзивный, ци приговорный, ци присмешный, ци придуманый, ци водзяный, ци ветраный, покорись мойму приказу (Ром. V, 96 Чаусск.).

3) *чы — чы*. Этот союз — двойник сейчас рассмотренного *ци — ци* и имеет то же значение: чы ки́ям, чы па́лкай — ўсё ро́ўна (Ляцк. Посл. 58 Борис.); чы Мики́тай па па́лцы, чы па́лкай па Микици — усё ж Микици пло́ха (ib. 59); чы жо́нка памро́, чы ла́зьня згары́ць — мужы́к аб адны́м гаруя (58).

4) *ли — ли*. Тоже вопросительная частица, а в парном соединении придает речи разделительный характер: тоды ён уже, скушно яму́ стало там, — ли жа пройци́тца, ли жа прокаци́тца хочетца (Ром. VI, 2 Чаусск.). В соединении с *бо* получается *либо — либо*: либо сена клок, либо вилы в бок (Нос. Посл. 73). Оба отмеченные соединения (*ли — ли*, *либо — либо*) мало распространены в белорусском языке.

5) *альбо — альбо*. Эти сложные союзы развились из старинных *алюбо* (ср. Белорусы 2, 80): хто коли видить грамоту͡. а любо слышить чтучи [гр. 1387 (22)]; е͡довитого алюбо смер'тного (35б Сб. XV в. Публ. б. № 391); по͡х да͡х албо оу подворье͡ албо оу до͡м (44 ib.); й а͡лбо͡т пер'сть хвалити та бо͡де͡ (30 Псалт. XVI в.); альбо хорошо играй, альбо скрипку побью (Нос. Посл. 2).

Разделительный характер мысли сохраняется, если бывает употреблен и один только из союзов в перечисленных парах, напр.: α) я гэтаго не маю, ни ён не може дастаць; ба́цько не ба́чыў, ани сын ведае; β) я пое́ду сам, ци сын збе́гае туды; γ) зро́биць гэто гаспада́р, чы яго́ па́робак; ня ведаю, якая там бяда́: дом абвали́ўся, чы гумно́ згаре́ло; на йгрыщи, чи то (= или) на ношлези (Шейн Мат. II, 390 Борис.); δ) ты идзи каси́ць, или нехай твой сын сабира́етца на сеножа́ць (впрочем *или*, как и *ли*, вообще мало употребителен в белорусском языке); ε) скоро бяжы, альбо я ноги перабъю.

б) ПРОТИВИТЕЛЬНОЕ СОЧЕТАНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Сюда относятся такие сложные предложения, члены которых — главные предложения — находятся в противоположном отношении одно к другому. Степень противоположения может быть неодинакова: иногда противополагается один какой-либо член одного предложения такому же члену другого, а иногда и все члены одного предложения противополагаются всем членам другого; да и здесь качество самого противоположения не всегда бывает одинаково. И здесь отношение противительных предложений одного к другому выражается разными союзами противительными, как *же*, *а*, *но*, *да* и др. Те же отношения, конечно, могут быть выражены и без союзов.

Самая слабая степень противоположения выражается союзом *жс*. Этот союз иногда даже и никакого противоположения не показывает, а прибавляется лишь для обозначения последовательности в речи: тои *же* зимы Швитригаило собра силоу многоу...; на лѣто^{ж} собра силоу... (72б Супр.); на тоу *же* ѡсень Жигомо^{нт} собра силоу многоу (ib. 73б); тако *жь* и Ческое королевъство великому честь держащи — еще *же* и Донскыи король — в та же лѣта (77 ib.); чаго ты плачаш! — Як *жа* мне ня плакаць (Ром. III, 15 Сенн.); иногда *же* прибавляется для выдвижки (усиления) какого-либо слова: кънѧзь Ягаило из Вилни ко Тро^{ко}мь *же* идеть (91б Супр.); бяжиць вовк: «Кумка-голубка, дай *жа-ш* мне цеста» (Ром. III, 3 Сенн.); ну коли ж будуць готовы боты (ib. 16). В смысле обозначения противоположения *же* довольно распространено в старинных произведениях (ср. еще Владим., Докт. Ф. Скорина 293) и довольно редко встречается в живом белорусском языке. Примеры: кн̄жи велики Швитригаило в̄ годы без двоу м^{с}цеи — и не въправлаше земли. и Литва *же* посадиша — Жигимо^{п}та — на Вилни (71б Супр.); здоумаша Смолнѧне — согнати силою пана Андрѣѧ — па^{ц} *же* Андрѣи почалсѧ радити (81б ib.); нача (Глеб) в непослоушании быти — кнзь^{к} Витовтъ послы своѧ слаше к немоу — ѡнь^{ж} не восхоте исправитисѧ (31—31б Увар.); сели яны кружком коло е́лки коло етой. Барану ж тому няўдосуг сядзець на том на суччу (Ром. III, 37 Клим.).

Рассмотренный нами раньше (стр. 461) как соединительный союз *а* чаще употребляется в роли противительного союза. В сравнении с *же* он выражает большую степень противоположения, но иногда и при *а*

противоположение кажется очень слабым, напр.: зайшлы яны на ночь к одному пану. *А* у того пана быв маленький собака (Ром. III, 41 Сенн.). Примеры обычного противоположения: ты мнѣ не вѣриль. а сѣ тыѥ грамоты (90 Супр.); сиѣ чини^ ѣси а҃ ѡ҃ молѣчалъ (51 Псалт. XVI в.); выкопали ѡ҃му а сами в неи впали (41б Псалт. XVII в.); кликалъ есми его а не знашлосѡ и҃ мѣ^це его (3 ib.); баꙗан лег на полу, а пятух узляцев на курчину (Ром. III Сенн.); брата жалко, а сумка еще жалчей (Шейн Мат. II, 33 Горецк.); стали яны купатца. а Юръю тихонько подпоўз и сцягнуў одной плацье (ib. 287 Борис.); jajà matka bуłàb ḿańè pažorla, a janà ḿańè sxavala (Верига Pod. 59 Лидск.); ad'in car ḿew try syný: ad'in durný, a dvox razumnyx (ib. 75). В некоторых случаях при *а*, кроме противоположности, замечается еще некоторый другой оттенок (условие, уступление и т. п.); напр.: тогды бацюшка говориць: а я царковныя книги посяку! Узяв посек (Ром. III, 3 Сенн.); што будзець, ня будзець — а пойду за жоронцами (ib. 4); идзи за мяне замуж, а то я цябе утоплю тут (ib. 45).

Этот же союз *а* может входить в состав нескольких сложных.

Так, сюда принадлежит *аж*, иногда имеющий и противительное значение, напр.: я сам сперта думаў, што значить кого гонють, *аж* не-е (Пщолко, Очерки 122).

Далее здесь следует отметить сложный *але*, имеющий то же противительное значение, что и *а*: было на двое, *але* я далъ за одино (гр. Казим. 1340 г.) (Срезн. Мат. I, 15); хороше до него ѯсты своими, *але* ѩзыко^м своим^ лга́ли ему (67 Псалт. XVII в.); ты зраби́ў, *але* я не казаў табе гэтаго (ср. Нос. Сл. 4); адзе́ўся як па́ва, *але* дурна́я сла́ва (Ляцк. Посл. 1 Борис.); купи́ць бы купи́ў, *але* таго́ купи́дла нима (ib. 18); до́ўго ю͡он леці́ў, *але* ось зачапиўся на аси́не за сук (Сержп. 2 Слуцк.); парыва́ўся прада́ць е͡і́ ануч нику, *але* ж͡уонка не хаці́ла (ib. 5 Мозыр.).

Такое же значение имеет в некоторых случаях и *али* (ср. Белорусы 2, 82), которое может и фонетически явиться на месте *але*, но может быть и самостоятельного происхождения (ср. Vondrák, V. Sl. Gr. II, 434): али я тобе не казав гетаго (Нос. Сл. 5); нявéстки нимá, *али* андара́к висиць: як ни як нявéсткай смярдзи́ць (Ляцк. Посл. 54 Борис.); довго яны так вождались, *алитки* собака вовка перамог (Ром. III, 16 Сенн.); ўздыхнуў Марка, *али* каб помогчи им — ничим не поможеш (Шейн Мат. II, 380 Борис.).

Сюда же принадлежит и союз *ано* (= *а* + *но*): мину^л есми его, *ано* ѡнъ ѯже згинѯ^л (3 Псалт. XVII в.) (в польск. ale); чому ты — берешъ в ѯста твои ѯставы мои. *ано* ты маѣ^ в ненави^ти ка^рности мои (31 ib.); ты не так зраби́ў, *ано* нехай так сабе будзе (ср. Нос. Сл. 6); ву́льня (на подворок зъехать), Ясю, *ано* не гневайсе (Ром. Мат. Гр. I, 103 Слоним.); всёго было́ много, *ано́* прину́ки не было (ib. 187); я думала молоденька, што пили, жартовали, *ано* жарты пришли до правды (ib. II, 5 Слоним.). Союз *ано* вообще малоупотребителен в белорусском языке.

Самое сильное противоположение выражается союзом *но*, напр.: се тыє грамоты. записалиса были на на̂. *но* б̄ъ насъ ѡстереглъ. *но* и кн̄зю великомоу Ѭгаилоу ничего не вчинилъ (90 Супр.); тои҃ Ѳома нача звати єго на пиръ. кн̄зю҃ Скиргаилоу сущоу ємоу на пироу. азь҃ того не свемь зане҃ бехь тогды мла҂. *но* неции мовѧть. и҃бы тоҭ Ѳома даль кн̄зю зелиє ѡтравное (30 Увар.). В живой белорусской речи *но* не употребляется, а заменяется, как и в украинском языке, посредством *але*.

Роль противительного союза в некоторых случаях играет *да*; оно также обозначает сильное противоположение, напр.: хоцев узяць любую сабе штуку... *да* незмога́: не понясе́ (Ром. III, 173 Рогач.); вяли́к пано́к, *ды* малы́ дварбк (Ляцк. Посл. 6 Борис.); гаварыў бы, *да* ў горли кула́к станя (ib. 7); вели́ки ураджа́й, *да* не бу́дзе каму́ спажыва́ць (Сержп. 39 Мозыр.).

В таком же смысле употребляется *дак*, *дык* из *так* под влиянием *да*: яны хоцели гэтыя гроши ўзяць, *дык* крук не даець (Ром. IV, 126 Сенн.); *одно*, *однож*: пани моя у светлицы есть, *одножъ* хора (Акты В. А. К., т. 36, 24 Мин. XVI в.); ничого и҃шого не є҆ ѡдно все никче҃но҆ (12 Псалт. XVII в.); усим хорош, *одно* тольки горелку любиць (Нос. Сл. 360); засла́ў ю͡он сватую͡ў нибыто знару͡ок, *адно́ж* той и угадзи́ўса атдаць дочку (Сержп. 167 Мозыр.); ў лузи ника-ге́нька, *адно* адин салавейка (Ром. Мат. Гр. II, 72 Слоним.); *тольки*: от і҆э͡дам мы да і҆э͡дам, *туольки* пани ўсе чу́хаетца (Сержп. 143 Мозыр.).

в) ПРИЧИННОЕ СОЧЕТАНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Сюда относятся такие соединения предложений равноправных, в которых последующее приводит причину действия или состояния, выраженного в предыдущем предложении. В логическом отношении предложение, выражающее причину, является как бы подчиненным поясняемому предложению; но с точки зрения синтаксической, основывающейся на чисто формальном отношении предложений, некоторые виды причинных предложений являются равносильными поясняемым, лишь сочиненными с ними, а не подчиненными; такие предложения не служат пояснением каких-либо членов другого предложения, особенно сказуемого. Сказанное особенно относится к белорусскому языку, где недостаточно развита система сложных предложений, состоящих из главных и придаточных. Предложения, находящиеся в причинном отношении одно к другому, внешним образом обыкновенно соединяются союзом *бо*; но есть и другие способы их сочетаний.

Союз *бо* имеем в следующих примерах старого западнорусского и современного белорусского языка, где он дело обычное: оубї кн̄зя противоу на стрѣцѣ, дойде *бо* рѣкѣ тростнѣ. и҃ то (= тоу) оустрѣте є҆го (119 Лет. Авр. XV в.); на ѡбѣ стороне непрїятели бы҂ли. и кн̄зю велико҃мꙋ Кестоуҭю и кн̄зю велико҃мꙋ Ѭкгаилꙋ *бо* пре҂ ты҃м Л. раҭ хо҂ли

на помо^{щ} Ски^{р}гаилꙋ (76 Крас.); великомꙋ кн҃зю Мгаилоу и Скиргаилꙋ. невъзмо^{ж}но имъ стати. противоу є́мꙋ. занеже *бо* в него събрала^{с} великаѧ сила (449 Вил.); хр^{с}тианы не чл҃чьсквы мꙋчиша — избирахоу *бо* и^{х} и запирахоу. ꙋ свои^{х} избахъ. и зажигахоу (ib. 449б); нехай самъ не выежчаеть, *бо* ему тамъ дамъ киемъ в брух (Акты В. А. К., т. 36, 262 Мин. XVI в.); пану стало стыдно, *бы* (= бо) госци глядзяць яму ў вочи (Ром. III, 4 Сенн.); ня цёшся с чужо́й бяды́, *бо* сваѝ наёдзя (Ляцк. Посл. 31 Борис.); скарей, скарей вы завиха́йцеся, *бо* абёдаць пара́ (Мед. Б. № 21 Слуцк.); гэто хучей вуон таки́ майстэр, *бо* не да́рмо лю́дзи гово́рат (Мат. Б. и Мал. № 9 Пружан.); маскаль ничого не баи́тца, *бо* яки́х стра́хаў ему́ не довело́со ба́чыць (Сержп. I, Слуцк.); аджэ́ гэ́то пёкне, *бо* ўсе е (ib. 2); уга́дваю, *бо* так буог дае (ib. 178).

Причинное отношение с некоторым противительным оттенком выражается посредством *ато*: глядзи, *ато* достанецца тобе (Нос. Сл. 9); садзися на мяне, дурак, *ато* тут останесься (Шейн Мат. II, 387 Борис.); прывежы́, Грышко, сваю кабы́лу, *ато* ещэ́ ўцечэ (Сержп. 5 Мозыр.).

В старинных произведениях причинное отношение между предложениями, повидимому, обозначает и *ачь — аче*, чаще употребляющееся в другом смысле, напр.: не вероуи томоу. *ачь* того нет заньже со мною гораздо живеть. *аче* бы мне ѡвилъ (89 Супр.). В подобной роли в старинных произведениях употребляются и другие союзы, развившиеся из местоимений с предлогами (ср. Белорусы 2, 84), напр.: Витовтъ рекъ ѡцꙋ своємоу не вѣрꙋи томоу. *заньже* съ мною гораз^{д}о живеть (439б Вил.).

Причинное отношение между предложениями иногда обозначает и противительный союз *же*: ночуйце на здороўе. Вам *жешь* своей хаты на одну ночь не будоваць (Шейн Мат. II, 361 Борис.). В таком же смысле в старинных произведениях употребляется *вѣдь — же*: и̑ по^{ѣ}дешь за ними *ведьже* вказалъ ѣсми молоденьцомъ. абыс^{ѧ} не дотыкати тебе (31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262).

г) ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СОЧЕТАНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Сказанное по поводу причинного сочетания предложений относится и сюда: и здесь только с точки зрения чисто формальной можно говорить о заключительном сочетании главных предложений; от подобных предложений придаточных (изъяснительных) они отличаются тем, что указывают на следствие, проистекающее не из положения одного какого-нибудь члена предложения, содержащего основание, а из всего предложения: оно является естественным выводом из другого предложения, но не поясняющим какой-либо член его.

Для обозначения вывода, следствия из предыдущего в старом западнорусском, да и в современном белорусском языке еще не выработались определенные формы. Поэтому между такими предложениями

отношение внешним образом выражается различно. С этой целью α) прежде всего нередко употребляются известные соединительные союзы *и* и *а*, напр.: кнаꙁ в. Кестꙋтеи пригнаⲗ къ городѫ к Вилни. и въгнаⲗ в городⲗ. и кнаꙁ в. Ѳвноутїи выскочиⲗ. и оубѣжаⲗ в горы и в доⲗ и тамо ѡзабе в ногы (438 Вил.); короⲗа Казимира в животе не стало. сн҃въ в него не было только ѡдна дочка. именемь Ядвига. и начаша Лахове слати с Кракова (93 Супр.); Витовть гдр҃мь сталь на Литовъскои земли. и Подольскаѧ земⲗа не хотела была послоушна быти. кн҃зⲗ великаго Витовта. — и кн҃зь пошель со всими силами к Поⷣ҇лю (45б Увар.); ѡ҃мыє҃ ли ма и҃ бо̀леи҃ снегꙋ оꙋбелю (52 Псалт. XVI в.); тогды браты, потом того, жалко им стало и сами сходзили поглядзели (Ром. IV, 37 Сенн.); тожа так само не запилновали — и стох украдено (Ром. VI, 287 Орш.); бачыць, што светы́е ни ку́раць лю́ляк, ни пью́ць гарыза́лки, ни пі҃эсень не паюць, *и* мо́ташно ему́ ста́ло (Сержп. 1 Слуцк.); сту́кнуў Янко кулако́м у сц҃ы́ну *и* атчыни́лиса дзве́ры (ib. 9). Иногда предложение, присоединенное при посредстве *и*, имеет даже оттенок цели: седзиць на дзереве и нихай яго нихто не забачиў (Шейн Мат. II, 22 Бобр.). Можно указать и подобные же случаи употребления *а*: а далъ сию п҃лтрь — а въ мл҃твхъ поманите (336б Псалт. 1296 г.); чи нагребеⷮ чꙗ҆къ а҆гню пазꙋхꙋ, а порты е́го не згорѣли бъ (96 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); проси ѡ҃ мене а҆ дамъ (7б Псалт. XVI в.); чини добро, а будє҃ мешкаⲗ на вѣки (2 Псалт. XVII в.); кликалъ есми его ане знашлосѧ и м҃ѣце его (3 ib.); мешка҆ на зеⷨли, а будешъ насыщонъ богаⷭствы еи (6 ib.). β) Следствие выражается и такими союзами, в состав которых входит *а*, именно *ано* (не только в старом языке): еще мало в коротко[м] часѣ, *ано* немашъ злосника (6б Псалт. XVII в.); погледиⷲ на м҃ѣце его, *ано* его нѣту (6б ib.). γ) Предложения следствия иногда подчиняются союзом *ино*: твои люди безвѣстно придоша, шкоды великіи въ панствѣ нашомъ подѣлали...: *ино* самъ того посмотри, гораздоль ся то дѣеть (Срезн. Мат. I, 1101); браⷮ его Боркгъ — вмеᵖ не маючи детеи. *ино* браⷮ его Коунаᶜ воᵛметь и тꙋю чаᶜᵀ брата своего Борка (65б Крас.), ε) В живой белорусской речи в рассматриваемой роли обычно *дак* — *так*: ёсть на третьтем то царстьви-государстьви баня: *дак* старый помы́етца — молод станеть (Ром. VI, 195 Черик.); мой муж, Ворон, каа, и силный богатыр, *дак* я боюся, каа, если б ён тябе не страбив (ib. 205 Гомельск.); кому наконова́но у який час померци, *дык* нигдзе от смерци не сховаешься (Шейн Мат. II, 362 Борис.); гараваў, не ленаваўса, *дак* и маў кусок хлі҃ба (Сержп. 8 Слуцк.); было́ цёмно, *дак* я ишо́ў до до́му во́бмацком (Мат. Б. № 7 Минск.); чаму цябе́ ле́пей матка цялёнком ни парадзила: *дык* воўк бы зъеў, чи жыд зарезаў (ib. № 11 Новоалекс.); ён ко́ней краў, *так* яго мужыки́ забили. ε) Такое же значение имеет *затым*: полане не пропоустиша короуны и *затымъ* не положи (Витовтъ) на себе кароуны (71 Супр.); ты мяне не зваў, *затым* я и не пришо́ў (ср. Нос. Сл. 189).

ζ) Характер изъяснения с указанием следствия, проистекающего из предыдущего, имеют предложения и присоединенные словом *от* (*о + т = вот*): ба́чаць ены́, што им ат Музы́ки нигдзі͡э супако́ю нема, *от* ены́ давай думаць, як бы его́ згубиць (Сержп. 4 Слуцк.); ему кажуць, што зато́м плачуць, што радзи́ласо дзиця́, *от* ены́ аплакваюць его долю, бо, не ві͡э́дающь, што его стрыэне (ib. 53). — В последних сложных предложениях, как отчасти это можно было наблюдать и раньше, при сочиненных главных предложениях еще имеются пояснительные придаточные; но везде отмеченные нами союзы «сочиняют», а не «подчиняют» предложения. η) Наконец, следствие из предыдущего иногда можно усматривать и в предложениях, соединенных союзом *то*: хадзі͡э́м за́ўтрэ ў лі͡эс, *та* я цебе́ наўчу́ (Сержп. 24 Мозыр.).

2. ПОДЧИНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Дальнейшей ступенью в развитии соединения между собою предложений для выражения известной мысли бывают установление внешним формальным способом такого соотношения между ними, в котором одни предложения являются главными, управляющими, независимыми, а другие — придаточными, управляемыми, подчиненными. С логической точки зрения придаточные предложения являются распространением, с целью более наглядного пояснения, каких-либо членов простого предложения, являющегося в данном случае главным предложением; с формально синтаксической точки зрения придаточные предложения соединяются с главным либо при посредстве согласуемых слов (местоимений), либо несогласуемых (союзов, наречий и наречных выражений). Если внешним образом формальные соотношения между рассматриваемыми видами предложений не обозначены, то с точки зрения синтаксиса мы не можем говорить о главных и придаточных предложениях: перед нами будут везде главные предложения, хотя бы в логическом отношении они и не были равноправными.

Придаточные предложения служат для пояснения и развития каких-либо членов простого предложения, являющегося в данном случае главным. При этом разные способы выражения придаточных предложений находятся в зависимости от того, поясняют ли они имя (больше существительное, отчасти местоимение), будет ли последнее подлежащим, дополнением глагола, или будет входить, как часть, в составное сказуемое, — или глагол; в последнем случае придаточное предложение может заменять простое дополнение, которое можно выразить именем существительным, а может служить и заменой наречий или наречных выражений, показывающих время, место, цель, причину, образ действия, степень качества и т. п. Стараясь стоять больше на точке зрения формально-синтаксической, мы в дальнейшем изложении, однако, не будем игнорировать и установившейся в грам

матике терминологии и принятых синтаксических делений, чтобы тем упростить пользование собранным материалом для лиц разных лингвистических направлений.

а) ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПОЯСНЯЮЩИЕ ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ И ЗАМЕНЯЮЩИЕ ЕГО

Относящиеся сюда предложения поясняют имя существительное, будет ли оно подлежащим, дополнением или будет входить в составное сказуемое; такие предложения заменяют больше имя прилагательное, но в некоторых случаях и имя существительное. Сюда же принадлежат и такие предложения, которые заменяют подлежащее и таким образом являются на месте имени существительного.

Рассматриваемые предложения для означения своего отношения к имени пользуются обыкновенно относительными местоимениями, а также заменяющими их вопросительными; роль местоимений с предлогами могут исполнять и некоторые наречия, большей частью тоже местоименного происхождения. Местоимения обыкновенно согласуются в роде и числе с именем, к которому относятся; падеж их определяется глаголом придаточного предложения. Об особенностях местоимений *кто*, *что*, *чей* речь в своем месте ниже.

α. Древнейшим видом таких предложений являются такие, которые соединяются с поясняемым словом посредством *иже*. В памятниках старого западнорусского языка, как и вообще в восточнославянских языках того времени (ср. W. Vondrák, V. Sl. Gr. II, 445), это слово уже не было живым, вследствие чего на месте его явилось *иж*. Так как косвенные падежи его (*его-же*, *ему-же* и т. д.) в местоименной своей части соединялись в народном сознании с *он*, то естественно, что в именительном падеже вместо *иже*, *иж* рано явилось *онъ же*, а под иноземным (чешским и польским) влиянием и *енжъ* (из *jь-пъ-же*). Живому белорусскому языку перечисленные местоимения неизвестны, поэтому примеры будут только из старого языка: водца *иж*' боудѣ ради люмой (51 Сб. XV в. Публ. б. № 391); бысть емꙋ нжно *иже* чого не было пере ты (446б Вил.) (*иже* не чувствовалось живым явлением, поэтому прибавлено еще *чого*); ѝдаше с ни къ дворꙋ, *ѝже* с ни ѣсти ѝмѣла (28 Сб. XVI в. Крас.); сталъсѧ дивъ — *иже* — гꙋсиѧ нога ѣсть была оуздравена (32—33 ib.); воды. *иже* то боудоу великїи шкоды чинити (151—152 ib.); покажи мне ты *его-же* милуе душа моѧ Где пасеши ѝ где ѿпочиваеши ѡ полудни (ПП I гл. Скор. XVI в.). (Владим. 338); пола боазового *иже* ѿ родꙋ елимелехового (31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); з дѣвками *иж* ... (32б ib.); рыбы имѝимаютсѧ сѣткою (91 ib.); то *иже* (= что) собрала (32 ib.); помочь его *ѝже* не можеть быти забыть (60 Тайна Тайных XVI в.); не бы б ке которы *иже* ѿриноу бы на (111 Псалт. XVI в. (соединены вместе живое *которы* и сторое *иже*) и т. д.; блвленъ *енжь* пришо (17 Сб. XV в. Публ. б. № 391); ѥижь выслоухав'ше корола пош'ли (ib. 51); сиѧ мудрость того *онже* первыи

отворѣнꙋ естъ (Пр. X, 1 Скор. XVI в.) [в чешск. Б. 1506: ta mudrost toho kteryž.... (Владим. 138)]; ѣдинъ ѿ рады нашее *ѻ́нѣже* мудростию премогаше... повѣдилъ нам Есвирь (XII гл. ib.); богъ караѣть тыхъ *ѻ́нѣже* бы тую заповѣдь проступили (15 Катих. 1562 г.); а рѫки ѿ*же* законъ перестоупаѥ и который ѿбидить (70 Псалт. XVI в.) и т. д.

β. Также древнего происхождения и те определительные предложения, которые соединяются с поясняемым словом посредством *который*. Такие предложения известны уже не только старому языку, но и живой белорусской речи. Приведем примеры: а по моімъ животе *которыи* кнзь иметь ѿнимати судить ему ста трца (гр. до 1399 г. Андр.); многїѥ *которыѥ* єсми скриви (26б Сб. XV в. Публ. б. № 391); члвкъ то їсъ. *которыи* боасе смрти моци твоёи противитсе (ib.); не чи не то *которы* и воскреси лазора (ib. 26); села *которыхъ* бо превороти єсть (86 ib.); рокъ ꙋчинили, *которого*. бы дна к Витни пригнати (437б Вил.); (место) ѡколо реки ѡшꙋмены, *которое* нинечи зоветса ошмена (67 Крас.); панов тыхъ имали *которыѥ* з Глиски мѣкали горадъ, а нѣкоторыхъ шлахту и мучоно (279 Позн.); Глинскому жону и прыатели з Литвы до Моквы пути, *которыхъ* прыателѣ кнза Махала... ѡ двѣсте назад до корола з Моквы потекало (ib.); Кайнꙋ, *которыи* вѣрити не хотѣлъ (8 Катих. 1562 г.); рѣдъкого знайти, *которыи* бы плакалъ (63б ib.); звезда *которꙋю* видели на в'сходе шла перед ними (31 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); молодица маавитанка ѡна *котораажь* вернꙋласа (31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); поро *которо* поноситъ ветръ (7 Псалт. XVI в.); тось гсь на *которого* залежи весь свѣтъ сꙋдити (11 ib.); высꙋхай на в днь оу *которыи* єсли призове та (22 ib.); голо гнь *который* ломить кедры (29 ib.); блвени *которы*... (32 ib.); бы ѡако члкъ то *который* не слыши (40 ib.) [самостоятельно составленный оборот; в польском несколько иное: a stałem sie iáko człowiek nie słyszący (Врубель 37.15)]; ты *который* є моцѣ (52б) [ty ktoryś iest mocny (Врубель 51.3)]; члкъ *который* не поклада бга помоника собѣ (53 ib.); розжени ꙗзыко *которыѥ* прагноут валка (67 ib.); ѡбернешь со то(8) *который* вставаѥ (73б ib.); ты єси бгъ *который* чини чоуда (78 ib.); виноградꙋ — *которо* наса лза правица твоа (83б ib.); веселили смо, в тыѣ дни в *которыхъ* принижи єси на, и ле тыхъ в *которыѥ* видели єсмо мно зло (92 ib.); боудь повышо *которои* соуѫти име земли (95 ib.); землю *котороѥ* хотели (108 ib.); города в *которо* бы мешкати не нашли (109 ib.); к приказа ем — *которыхъ* єсми люби (120 ib.); нехай бꙋдет ꙗко соломоново бꙋдова е, *которая* ... (129 ib.); гъ ѡсиона *которыа* є во ерме (описка вм. *который*) (132 ib.); блгть люд *которы* же гь бгъ... (138б ib.); не товари с тыми з *которыми* бы еси што чини мѣлъ (6б Псалт. XVII в.); збира зло, *которꙋю* вышеѣши вонъ ѡповѣда (16б ib.); працовалиса *которые* чигали на дшу мою (10 ib.); припережи мечъ — ѿ намоцне'ши' *которы'* еси ѡздобою

(22б ib.); даро͡ *котори*ˣ далъ имъ (25 ib.); є дорога *которая* ему ѡкаже̃ збавене бо͡жое (31б ib.): ты *которыи*ꙋ есь сильны в неправо͡ти неспрвє̑ливо͡ мыслѧчи (34б ib); терпѣ͡ есми та͡ жд8чи бг̃а, *котори*ꙋ бы выбави͡ (38 ib.); вси ви *которые* есте ѡ̃коло него (61б ib.); ты є͡те͡ бг̃ъ *котори* чини͡ чу́да (63 ib.); тыи сн̃ове *котори* сѧ мѣли народи̃ (64б ib.); де͡ *которого* и̏хъ вывелъ з 8тисне͡ѧ (68 ib.); виногра̑, *которого* насадила правица (74 ib.); речи *которие* за ништо не стоѧ (92 ib.); в не͡ (в море) га́д8 есть *которому* ли́чбы не ма́шъ (109 ib.); ка́мень *котори*ꙋ*е* ѡ̃киноули будовни́чие̃ (130б ib.); вспоминае двои ѡфѣри, ѡдна з *которихъ* жр̏ецы собѣ ча͡ брали, а другие ѡфѣри *которие* бер8чи ѡ̃ люде ꙋ цѣло палили (31б ib); *которые* сѧ справу́ю су̃ роз8мными (124б ib.) [ktorzy się spráwniąsą rozumnymi (Радив. библ. 111.$_{10}$)]; ковчегъ то є͡ корабль будова̃ в *которо*͡ бы моглъ бы̑ 8йти посполитои плѧги (2 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); щипи́, кума, ягодки, *кото́рыя* солодки: а *которы* го́рки, то для моей жо́нки (Шейн. Б. П. № 9 Лепп.); замкнули ... такимы замками, *которых* и нет и ня будзець сильней (Ром. VI, 42 Черик.); ў мо́ры га́ду ёсьць, *като́рыму* и ли́ку нима́ш (Мат. Б. № 4 Могил. губ.); цар вели̯э̯ў отдаць кова́ль таго́ самаго каня, на *като́рум* і̯э̯здзила царэ́ўна (Сержп. 161 Слуцк.).

При *который* иногда повторяется и имя, к которому оно относится, напр.: которая тая третея часть (Акты В. А. К., т. 36, 31 Мин. XVI в.); в котором рубежи (ib. 37); взяли пенезей готовых коп. пяддесят, которые пенези тот тивун мел пры собе (ib. 43).

γ. Сюда примыкают предложения в старом языке, начинающиеся с *кой*: тїи̑ *кои̯* бы̑ мели земли боронити. боу̯̃доу̯ᵀ — ховати (113 Сб. XVI в. Крас.).

δ. В живом белорусском языке очень распространены придаточные предложения, присоединяемые к главным посредством *який*; в главном ему соответствует *такий*: *якая* еда, такая й ходà (Нос. Посл. 193); *який* бацька, такий и сын (ib. 194); *яки* дзень вы́падзя на Благове́щання, таки бу́дзя й на Вяли́кдзинь (Ляцк. Посл. 62 Борис.); *яко́я* дзе́рава, таки́ кли́н (ib.). Все такие предложения, несомненно, заменяют имя прилагательное-определение, а иногда и сказуемое.

ε. Придаточные предложения, присоединяющиеся к главным при посредстве *кто*, обыкновенно заменяют имя существительное, часто даже подлежащее. *Кто*, как неизменяемое по родам и не имеющее множественного числа, с поясняемым именем не согласуется в роде и числе; в некоторых случаях, особенно в старых памятниках, оно может стоять и на месте *который*. В главном предложении местоимению *кто* (*хто*) обыкновенно соответствует *тот* (*той*). Примеры: темь *кто* напосле приидуть (гр. 1264 г.); не оусхочеть ли король самъ заплатити, дасть тому то (дѣ) дичьство *кто* его потажеть (гр. 1349 г.); вѣдаи то каждыи чл̃къ *кто* (= который) на тыи листъ

посмотрить (ib.); а *хто* иметь ѿнимати... или вельможа. или попъ. иметь продавати. да будеть проклатъ (гр. XIV в. И. Н.); мы великии кнѧзь... даемъ вѣдомо всякому, *хто*, сеи листъ увидитъ или чтучи услышитъ (СВ. 2. гр. 1432 г.); тым *хто* потом будет (СВ. 4, 1432 г.); *хто* мече᷍ воюе́ть ѿ меча погибаю᷍ (6б Сб. XV в. Публ. б. № 391); также людей грабять и гроши беруть, *на комъ* што хотячи [А. З. Р. 1, 90 (1479)]; воленъ записати, *кому* хотя (ib. II, 181, 192); вольно имъ всякое збожье и звѣрь мохнатый, *кому* хотя продати (ib. II, 368 1540) (Потебня, Из записок², 211) — с причастиями вместо глагольной формы; ѵпадетъ всѧкъ' *хто* сѧ слепомѵ водити допѵщаѣть (2б посвящ. Катих. 1562 г.); не ма *хто* бы чинилъ добре (16 Псалт. XVI в.); то᷑ *хто* ходи᷑ (16б); нехаи боуде дво᷒ и᷒ поустъ и᷑ в село᷒ и᷒ не бѵдь то᷍ *хто* бы мешкалъ (68б ib); не буде᷎ *хто* бы ва᷍ выде᷒лъ (31б Псалт. XVII в.) [nie będźie ktoby was wydárł (Радив. библ. 50.$_{22}$)]; а не е᷍ *хто* бы добре чини᷍ (35б ib.), не машъ *хто* бы его ѿню᷍ (48б ib.); не бы᷍ *хто* бы и᷒ поъреблъ (71 ib.); не бы᷍ *хто* ратѵючи' (117б ib.) [nie był kto by ie ratował (Радив. библ. 107.$_{12}$)] живу як горох при дорозе; *хто* йдзець, то скубець (Нос. Посл. 42); нехай над тым воннё кра́каець, *хто* ўкрав (ib. 106); *хто* маёць, тэй не дбаёць (ib. 176); *хто* поп, тэй и бацька (ib. 177); *хто* ў бога верыць, той тройчи кием по мяху измерыць (Шейн Мат. II, 195 Лепп.); *хто* людзе́й не слу́хае, той и бога не бои́тца (Сержп. 6 Мозыр.); хорошо того молойчика любиць, *у кого* ў кишенику бражжиць (Никиф. Част. 336).

ζ. В ближайшем родстве с придаточными предложениями, поясняющими имя и начинающимися с *хто*, находятся предложения, начинающиеся с *что (што)*. И это местоимение не изменяется по родам и не имеет множественного числа. В главном предложении ему соответствует *то*, которое может и подразумеваться: *что* — гла᷍ше. ничемѵ — не вѣроваше (71 Сб. XVI в. Крас.); клалъсѧ — дати ѡ *што* бы просила (26 Катих. 1562 г.); *чому* вѣсти нѣтъ (самостоятельная передача **безвѣстьнаа**) (51б Псалт. XVI в.); да᷍ тобѣ того *чого* пожада᷎е се᷒це твое (6 Псалт. XVII в.); наᷓто *што* болше' е᷍ (92б); *што* будзе, то будзе (Нос. Посл. 187); *што* захбчэ, то ю͡он зрббиць (Сержп. 3 Слуцк.) и т. п. Во всех подобных примерах придаточные предложения заменяют имя. Но кроме такого употребления, очень обычно в старом языке и в современном употребление *что (што)* вместо *который* всех родов и чисел; *что (што)* может заменять и косвенные падежи от *который* даже с предлогами. Этот оборот с неизменяемым *что* известен и другим восточнославянским языкам, будучи очень любим народной речью[1]. Приведем примеры: тие люди, *што* ныне живи суть (гр. 1264 г.); про ту пакость, *што* ся створило (ib.); не заимати.... его людии *што* его слухають (гр. 1349 г.); право

[1] Ср. работу Ф. К о р ш а. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. Москва, 1877.

што словетъ (СВ. 4, 1432 г.); межи рече' *што* ся имуть дѣяти (ib.); тым *што* живуть (ib.); *што* в нем суть (ib.); *што* мене слоухали ѡто тыѐ вѣдають (8 Сб. XV в. Публ. б. № 391); грамоты наидеть. *што* с Нѣмъци записалисѧ (440 Вил.); а ѡчинѹ и всѣ мѣста. *што* ѡцѣ его дружа^{ѧ}. а тоє все ємоу даю (ib. 440б); помщаѧ Воидила. *што* бы^{ѧ} за него сестру свою да^{ѧ} (444 ib.) (здесь «што... за него» = за которого); плеба^{п} *што* шлюбъ давалъ (289 Позн.); реклъ боа́зъ детине *што* стои́ть на^{ѧ} женьци (31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); ѡказа^{ѡ} детина то^{т} *што* стоѧлъ на^{ѧ}женци (ib. 31б); сторожове што хода^{т} (84б ib.); мр҃твы^{х} *што* в'же поме́рли (88 ib.); го́ра *што* добдеволить бі҃ъ мешкати в неи́ (66 Псалт. XVI в.); ѹказѹ́е — нѣкоторого *што* бы^{ѧ} ѡсобливы^{м} прїателе^{м} (15б Псалт. XVII в.); и зали то' *што* спи҃ не буде моглъ повстати (16б ib.); поснули тыи *што* вседали на кони (60б ib.); ты^{х} *што* су҃ сказаны на сме^{р}ть (72б ib.); не было никого *штобы* видѣлъ (165 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); таи, *што* хвостом мотаѐ (Нос. Посл. 161); по́том укоранилось дым и смо́род у том доми, *што* Адам устроив (Ром. IV, 3 Гомельск.); моя душа, говори҃ть, у гольнѝ (= в венике), *што* которым хату мяту҃ть (Ром. VI, 144 Сенн.) (*котрым* прибавлено плеонастически); тогды Удовинаго сына признали труды яго, *што* ён трудився (ib. 340 Рогач.); там *што* было у их уже грошай много, наживши, яны узяли гэтой де҃вицы (ib. 437 Сенн.); той, што спиць (Мат. Б. №№ 4 Могил. губ., 6 Днснен., 8 Игум.); не мажэ́ найци́ ю҃он тако́го чалавіэка, *штоб* сказа́ў ему́ (Сержп. 15 Мозыр.); як пройшли тыи нидзели, *што* мальцы на нас глидзели (Никиф. Част. 391; ср. 1118 Полоцк.); гдзе дзиваўся той цвяточик, *што* долину украша́ў (ib. 1214).

η. Сходство с *что* по согласованию и употреблению неопределенное числительное *сколько*; ему может соответствовать *столько*: ли *сколько* слышали ѐсмо то и́ розѹ́мели (79 Псалт. XVII в.); вси ѩзыци *сколко* и^{х} еси сотвори^{л} пріидоу^{т} и́ поклона^{т}сѧ (87б ib.); *скольки* зим, стольки лет (Нос. Посл. 150).

ϑ. Определительные предложения могут соединяться еще с главным при посредстве местоимения *чей (чый)*, которое согласуется в роде и числе с существительным придаточного предложения: балазе́ тому жиць, *чия* бабка умеёць ворожиць (Нос. Посл. 4); *чий* род, того и́ рот (ib. 183).

Во всех рассмотренных случаях относительные местоимения и заменяющие их некоторые вопросительные, служа согласуемою связкою между придаточным предложением и главным, обыкновенно относятся к имени существительному, являющемуся подлежащим, дополнением или частью составного сказуемого. Они тесно ставят в связь с поясняемым словом определяющее придаточное предложение. Но кроме определения предмета, рассматриваемые предложения иногда преследуют и некоторые другие цели: имеют в виду, например, ввести финальный оттенок, определить в то же время место, время и т. п. В этом последнем

случае вместо *который бы*, *в котором* и под. уже употребляются соответствующие союзы и наречия и вообще неизменяемые части речи. В таких придаточных предложениях более подчеркивается их собственное сказуемое и его пояснение, нежели отношение таких предложений к тем или другим членам главного, пояснением которых они все же остаются. Способы подчинения предложений при помощи отмеченных выражений известны русской литературной и народной речи, известны они и украинскому и белорусскому языкам. Относящиеся сюда предложения могут быть соединены в следующие группы:

αα) Предложения определительные, имеющие оттенок цели, начинающиеся со слов *бы*, *абы* (как и в польском языке: Małecki G. H., 483), *каб*: напо҃нилисѧ соу҃ дн҃и *абы* породила (42б Сб. XV в. Публ. б. № 391); чи еще въ мене сынове *абы* были вамъ мѫжи (31 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); а не҂ то҃ *а҆бы* па҃ пло҂ коуды бы пр҃ойти (138б Псалт. XVI в.); не было́ тако́і҆э хаты, *каб* двбе-трбе не померло (Сержп. 34 Слуцк.); не нашло́со такого до́хтура, *каб* вылечы́ў цара (ib. 35). В некоторых старинных произведениях, да и живой речи возможны в рассматриваемом случае обороты с одним *бы*, которое можно рассматривать и как упрощение *абы*, *кабы*, и как остаток от *который бы*: не застави҂ чл҃ка *бы* имъ мѣлъ шкод҃и (111 Псалт. XVII в.); ня застаў чалаве́ка, бы им меў шкодзиць (Мат. Б. №№ 6 Диснен., 17 Речицк.).

ββ) Предложения определительные, имеющие оттенок места: пере҂ ты҃ жигали тѣла мр҃твы҂ на то҃ мѣстци. *где* хто оумре҂ (71 Крас.); звезда... пришедши стала над҆ месцомъ *г҆де* было дита (31 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); падхо́дзиць ю͡он к таму́ мі҆ӭ́сцу, *гдзі҆э* канча́етца земля́ (Сержп. 1 Слуцк.); король поча҂ до нее ходити ночъю *куды* собе хожэньє бы҂ ѵчинилъ (289 Позн.).

γγ) Предложения определительные, имеющие оттенок времени: в ча҃ старости *коли* малее҃ сила моа (70б Псалт. XVI в.); наста́ла поўнач, *кали* ничо́го ня вида́ць.

δδ) Предложения определительные, имеющие оттенок сравнения: але та҃ з҆вез҆да не така҃ н҃ко оу наши҂ страна҂ оу церкъвахъ є҆е малюють (45б Сб. XV в. Публ. б. № 391); нема́ уже болей такой панщины, *яж* у нас была́. — Эти предложения очень приближаются к обстоятельственным; с формальной точки зрения от последних они отличаются тем, что союз у них может быть заменен местоимением.

В научной работе по синтаксису конечно не приходится говорить о сокращенных определительных предложениях, выраженных причастиями, какие случаи не редкость в разных старинных произведениях, например, в Псалтырях XVI и XVII в.: ѡсправе҂ливе҃а г҃на проста ѡ҆бъвеселающиє҆ ср҂це (21); чл҃къ жа҂ны помочи не *маючи* (89); завесели҃сѧ є҆сми ѻ҆ реча҂ *мовены҂* мнѣ и҃в до҃ гн҃ъ оувои́де҃ (126б); пр҃ва верѫ х҃ вѫ добрыми ѵчи҃ки *о҆крашенѫю* (128 Псалт. XVI в.); хвалѣте г҃да вси а҃нгли его, *мо́жные* в си́ле *чинячи* слово є҆го (107б); видѣ҂

есми конецъ всѣкои речи *хо́дѧчи* (1386 Псалт. XVII в.) [с неизменяемым причастием, хотя в польском оригинале другое: widziałem komiec każdey rzeczy schodzącey (Радив. библ. 119. 96)]. Во всех подобных случаях будем видеть простые определительные слова, иногда, в свою очередь, имеющие при себе разные пояснения. Живой речи подобные обороты чужды.

б) ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПОЯСНЯЮЩИЕ ГЛАГОЛ

В простом предложении глагол (подводя сюда также причастия, деепричастия и неопределенное) поясняет обыкновенно дополнения; в сложном предложении место последних занимают придаточные дополнительные предложения. Они тесно примыкают к глаголу, заменяя в этом случае имя существительное. Если сказуемое главного предложения выражено безлично, то относящиеся к нему предложения могут заменять и подлежащее. С синтаксическо-формальной точки зрения рассматриваемые предложения бывают двух родов: или подчиняются глаголу посредством союзов, наречий и наречных выражений, развившихся, как увидим ниже, в большинстве случаев из относительных местоимений; или же, представляя из себя зависящий вопрос, подчиняются глаголу посредством вопросительных местоимений и наречий местоименного происхождения. В каждом из указанных двух типов дополнительных предложений вследствие дальнейшего развития их на почве восточнославянских языков вообще и белорусского языка в частности явились некоторые новообразования, построенные, однако, больше по старинным образцам. В старом западнорусском языке кое-где проглядывает влияние польского (а иногда и чешского) синтаксиса.

Предложения, поясняющие глагол и не выраженные в форме зависящего вопроса, подчиняются главному предложению следующими способами:

α. Посредством союза *иже* — *ижь*, который, несомненно, в связи с таким же местоимением. Союз этот очень распространен в старых западнорусских памятниках, куда он мог перейти вообще из древнерусских произведений (ср. И. И. Срезневский. Материалы, I, 1029); в переводах с чешского и польского он стоит также там, где в последних *ěже*; живому белорусскому языку *ижь* совершенно не известно; нельзя поручиться за то, что оно было известно и разговорному языку старому; быть может, оно представляло только особенность книжной речи, развившуюся не без влияния польского языка (Małecki, G. H. II, 478; примеры из старопольских произведений у W. Vondráká, V. Sl. Gr. II, 460), заходившую и в живую речь. Примеры: оузъявляемъ... которымь ся пригодить, *иже* приступаючи (СВ. 7, 1440 г.); присагноувши. *и҃же* то҆ што ѡбецалъ пополнити ме҆ (1б Сб. XV в. Публ. б. № 391); нецеи гл҃ють *иже* бы то҆т Фома далъ кн҃зю... зелиє травное пити (101 Супр., ср. 30 Увар.); гонца пошлеть... к Дорогичинѹ. и҃ж такыа дела сталася (1б Увар.); а ка҆ то оуслышаль Витовть. и҃ж...

(ib. 5); дали бы^{х}мо пра^{в}доу ѡц҃оу своємоу. *иже* бы є^{м}ѵ҃ ч҃то пріехати (443б Вил.); вслышавъ *ижь* моужики мешкають бе^{з} гр҃ра (66б Крас.); мели вѣрѵ҃ тѵ҃ю и^{ж}бы дн҃ь соу^{х}ны^{и} ме^{л} бы^{ти} (71 ib.); вѣдаи҃ цр҃ю. *и҃же* с҃а маєть дита҃ и҃с тебе на то^{т}то свѣ^{т} наро^{х}т҃и (40—41 Сб. XVI в. Крас.); повѣдаю тобѣ *иже* види^{м} (47—48 ib.); вѣрь *иже* а҃зъ є҃с'ми оу́смотре(ла҃) (73 ib.); ознаймую, *иж* року тепер идучого... трафило ми се заехат. (Акты В. А. К., т. 36, 1 Мин. XVI в.); правда, *ижъ* купилъ (1 Гродн. Акт. кн. XVI в.) (придаточным предложением поясняется не слово *правда*, а *правда есть*, равносильное глаголу); и веси добре *иже* не слушить то въ царстве твоем (E III, 8 Скор. XVI в.) (Библия 1506: a wijess przedobrze że...); не глед'те на то *и҃же* Смеда є҃смъ (III гл. I Скор. XVI в.); потомъ ѡ҃влаєть *иже* вси они потрѣбуютъ (Ап. 9—9б Скор. XVI в.); повѣдати, *ижъ* человѣка твоего забито при злодѣйствѣ (389 Статут 1529 г.); вѣдаєть ижь... (3б посвящ. к Катих. 1562 г.); знаю тоє *ижьбы*... (ib.); ведаємъ *и҃жъ* п'рав'дивы҃ є҃си (60б Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); знаю то и^{ж} (9 Псалт. XVI в.); оу҃казѵ҃ючи и^{ж} мела (ib.) [vkázuiąc iż miáłá (Врубель надп. 5 пс.)]; ѡ҃ба҃те и^{ж} добръ г҃ъ (34 ib.); взна҃ є҃смі — и^{ж} бг҃ъ мои҃ ты є҃си (56 ib.); завесели҃с҃а є҃смі ѻ҃ реча^{х} мовены^{х} мнѣ и^{ж} в до^{м} г҃нь оувои҃де^{м} (126б ib.); види҃ и^{ж} приходить день его (7 Псалт. XVII в.) [widźi że przychodźi (Радив. библ. 37. 13)]; ро^{з}мышл҃а^{х} *ижъ* ч҃лкъ е҃ (11 ib.); хвали҃ гда҃ *ижъ* с҃а неприя҃тели его з ѵ҃па^{л}ку его не ѵ҃тѣшили (15б ib.); познаю и^{ж} ты мене милуешь (17 ib.); ѵ҃споко'тес҃а^{ж} а ѡба҃те *иже*^{м} ѣ҃ естъ бг҃ъ (25 ib.) [widzcie źećiem ia iest Bog (Радив. библ. 46. 11)]; памятаючи на то *ижъ* е҃ тѣло^{м} (67б ib.); а вида҃чи г҃дь богъ, *ижъ* ѵ҃же не то^{л}ко каиновы, але и сынове божии дорогъ божи^{х} ѡ҃ступили... (2 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); ознаймуем... *иж* были есмо прошени (Бел. Арх. I 1624).

β. Посредством союза *оже*, также местоименного происхождения, известного однако только древнейшим памятникам и употребляющегося в том же смысле, как и вообще в древнерусских произведениях (ср. Срезн. Мат. II, 628—629), напр.: вѣдаи.... ѡже ѣ҃ кнаѕь єоунутии и кистютии... чинимы миръ... (гр. 1349 г.); съдоумаша — о^{ж} поити ѩмъ (56 Лет. Авр. XV в.); слышаті бахоу вл^{л}ку принали (84 ib.).

γ. Посредством союза *же*, явившегося результатом упрощения относительного местоимения *иже*, а может быть и *еже* (ср. W. Vondrák, V. Sl. Gr. II, 462—463); предложения, начинающиеся с *же*, известны только старому западнорусскому языку, где они явились под влиянием польского и чешского языков; современной живой белорусской речи эти обороты не известны: употребить их могут только сильно ополяченные лица. Примеры: рачилъ *же* (3б предисл. к Катих. 1562 г.); просилъ *жебы* (4 Гродн. Акт. кн. XVI в.); вразѵ҃мею^{т} — *же* смрте҃ни сѵ҃т (13 Псалт. XVI в.) [в польском однако: dowiedzą — iź są smiertelni (Врубель. 9. 21)]; залецае — *же* лѣпше убоги' (6 Псалт. XVII в.); ѵ҃чини^{л} еси *же* высхла (12б ib.); мнималъ *же* бы^{х} бы҃ тобѣ

подобны^{м} (31б ib.) [mnimał źebym ia... Радив. библ. 50. 21)]; ѵчини^{м} *же* ѵстану ста^{т} бжіи (57 ib.); жаль ему было *же* ѵчини^{л} члка на земли (2 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158) и под.

δ. *же* в соединении с некоторыми наречиями-союзами также может подчинять дополнительные предложения; тут отметим довольно редкое *олижь*, встречающееся в разнообразном употреблении в древнерусских произведениях (ср. Срезн. Мат. II, 659—660), совершенно не известное живому белорусскому языку: надѣетеса ѡлижь взрόстѵть (31 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262).

ε. То же *же* входит в состав союза *аж*, *ажно*, служащего, между прочим, и для подчинения глаголу предложений: рассматриваемое употребление известно старому и современному языку: Витовть ouслышавъ а^{ж} кнзь Скиргаило престави^{с} (30б Увар.); бачыць юон, *аж* там пануоў хаць гаць гаци (Сержп. 4 Слуцк.); приказуем *аж* бы еси вчинил (Бел. Арх. I 1562); глядзяць, *аж* коней нема (ib. 6 Мозыр.); чуе, *ажно* там Матруна смiэтца (ib. 7); зирне кавaль Багатыр, *ажно* у цемнацiэ вочы змея гараць (ib. 14 Слуцк.); падышоў ближыэй, зирне, *аж* дупле суздром низко (ib. 73). Союзы *аж*, *ажно*, собственно означают «а, но вот», и предложения, начинающиеся с них в белорусском языке еще находятся на пути из сочинения в подчинение; ср. еще Нос. Сл. 3: погляжу, *аж* ён тут; думав взяць, *ажно* скулу бери.

ξ. Самым обычным и распространенным типом в старинных произведениях и живой белорусской речи придаточных предложений, поясняющих глагол, является тот, когда эти предложения начинаются с союза *что (што)*, возникшего из известного местоимения, так широко употребляющегося и в относительных (определительных) предложениях. Примеры: мы хотяче и жадаюче *штобы* оучинити (СВ. 4, 1432 г.); узводили на Минмонта *штобы* (= будто) онъ держалъ (Арх. С. III, 1, 1442 г.); чюли єсте *што* писа^{х} вамъ выше (51 Четья 1489 г.); не вѣдающе *что* нитоу во изборьскѣ воды (94 Лет. Авр. XV в.); не потребуєть *штобы* головоу мылъ (5 Сб. XV в. Публ. б. № 391); хочемы *штобы* єсмо выслоуханы были (6 ib.); докончають межи себе кнзь Кестоутеи велики. и велики кнзь Ѳлгирдъ. *што* братии всеи послоушноу быти кнза великого Ѳлгирда (86б—87 Супр.); а то вчинилъ єсми стерега своєи головы почювъ *што* на мене лихо мыслить (90 ib.); противоу брата своєго Ѳлигорода послалъ гонца. *что* иже [*вже* (Вил.)] во Вилни сель (86б ib.); почюлъ *што* на мене лихо мыслить (2б Увар.); правѵ (дасть). *што* николи противоу єго не стоить. а за все оу єго воли бы^{т} (ib. 3); мы правдѵ даємь *што* бы тобе чисто ѿехати в рать (ib. 8); и нарекли при своихъ животе^{х} *што* имъ быты на свои^{х} мѣстѣ^{х} (438б Вил.); Кестоутеи вѣдалъ *што* кна^{я} горазда живеть (439б ib.); кна^{з} Агаило. почне^{т} просити. *што* бы еси промежи на^{с} оуєдна^{л} (443 ib.); пошле^{т} до великого кнза... што (68б Крас.); поѵнѵ^{т} пыта^{ти} кнза *што* быхо^{м} поговори^{ли} (76б ib.); ѿ то^{м} поведати *что* хоще^{т} за правдѵ прiйти (90 Сб. XVI в. Крас.); жало-

вала, *што* жъ дей идучи ми мимо, — ино дей — мене собаками стравила (150 Гродн. Акт. кн. XVI в.); кто оуказа^ на^м *што* сѳ^т добры вчи^нкы (влагаѣ) (9 Псалт. XVI в.); оуслышѳ *што* вымови^т г^ъ (87 ib.); не будѳсе бокити *што* мнѣ ѳчини тѣло (30 Псалт. XVII в.); цешився старец, *што* пережив марец (Нос. Посл. 181); дзед бачиць, *што* нима рады, давай на баби обрываць волосы (Шейн Мат. II, 83 Волков.); нихто ж другий не отважыцца гнаць як спочуўши, *што* пранцузы приходзили (ib. 457 Полоцк.); кажитя, *што* яно украдяно (Ром. IV, 5 Гомельск.); дам табе веры цяперь, *што* ты мою смерць приберегала б (Ром. VI, 3 Чаусск.); осталúсь яны сиротáми, и усякие удивлялись, *што* як яны будуть кормитца (ib. 91 Горецк.); дали клятьбу об сабе... *што* мы согласны жить из вами (ib. 127 Мстисл.); догадався, *што* упéряде не сказався (ib. 282 Чаусск.); деду уво сне соснилось, *што* иди ты у лес, назбирай яец птушаччых и вывядитя дятей сабе (ib. 186 Орш.); чýюць у нéбе, *што* хтось стукае ў сціэну (Сержп. 1 Слуцк.); забы́лиса, *што* рýки й нóги млéюць ат цяжкаіэ работы, *што* ў жываціэ бурчы́ць ат гóладу (ib. 2); бáчыць пан, *што* тут не перэлиўки (ib. 106); тут ещэ ўбúласо багатыру ў гóлаў, *што* бýдзе з егó багáцьем (ib. 181). В случае, если подлежащие были одинаковы в главном и придаточных предложениях, сказуемое в последнем могло стоять в неопределенном, как это можно видеть из приведенных выше примеров.

η. Старым памятникам известно подчинение дополнительных предложений посредством *яхо (яхъ)*, *яхобы*, наречий, развившихся из подобных же местоимений, употреблявшихся в относительных предложениях; примеры: бачачи — ѣ*жо* тежъ бываетъ и инымъ вѣрны^м (46 Псалт. XVII в.); есми ро^вмышлѣ^л мнимаючи ѣ*жобы* не мѣлъ (54 ib.); замысли^л ѣ*жъ бы* сѣ того вывѣда (54 ib.); слыша^л или^ — ѣ*жо* сыплѣали (= спали) з женами (141б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158).

ϑ. Исключительно живой речи известно подчинение дополнительных предложений посредством *каб* (= чтобы), где *б* уже и не чувствуется принадлежностью глагола: бог — сказаў, *каб* ены не зачепали яблык (Шейн Мат. II, 83 Волков.); молиць бога, *каб* создав хатку цёплую (Ром. IV, 149 Сенн.); хаціэу Сéмко прасúць сына, *каб* юон вы́веў его з гэстаго калóдзеся (Сержп. 9 Слуцк.); я тольки аднаго хачу, каб ты здарóў быў.

ι. Очень часто в старинных произведениях и изредка в живой речи придаточные дополнительные предложения начинаются с союза *абы* (= чтобы), где *бы* от глагола перешло к союзу *а*, иногда, впрочем, его принадлежность глаголу очевидна: просѧчи его, *абы* помо^ч далъ (68б Крас.); приказа^л — *абы* — на то^м мѣст'ци — вси^х кнзей и бо^гр со^мжено и штобы... (71 ib.) (здесь *абы* употреблено в том же смысле, как ниже *штобы*); Каи́н' вѣрити не хотѣлъ *а́бы* ему бгъ ѿпѳстити мѣлъ и́же брата своего́ ѳбилъ (8 Катих. 1562 г.); вказалъ ёсми

молоденьцомъ. *а́бы* сѧ не дотыкати тебе (31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); мнималъ *а́бы* позналъ є́смь (ib. Пс. 72. 16); пыталъ Омельянъ, *абы* поведил (Акты В. А. К., т. 36, 5 Мин. XVI в.); просил мене, *сбых* тымъ шляхомъ ехал (ib. 24); дай *а́бы* ѿпали (9б Псалт. XVI в.) [dáy aby adpádli (Врубель 4. 11)]; жада *абы* наѫ ни҃ бг҃ъ по҃сти҃ (85 ib.); пр҃ркь оучи҃т на҃. *абы*х*мо* в само҃ г҃ѹ бг҃ѹ надею мели (127б ib.); проса҃ *а́бы* и҃х не҃ство преминоуло оу веселье (128 ib.); в Псалт. XVII в. то же: не видѣѫ есми ани пото҃ства его *абы* проси҃х хлѣба (2); реклъ — *абы* грѣши҃ (4б); не хотѣ҃ розѹмѣти *абы* добре чини҃х (ib.); стережи *абы* не приступали (5б); проси҃ *абы* шале҃ци з него се не тѣшили (11); бѹдѹ стеречи *абы*х не грѣши҃ (11б); хочѹ *абы*х чини҃ волю твою (14); напоминаетъ дв҃дъ — *абы* хвалили г҃да (25); проси҃ *абы* (32); на мене то належи҃ *абы*х ѡбѣтници свои ѿдалъ (33б); жеда҃е *абы* (42); не будѹсѧ бога́ти, *абы* ми што чл҃вкъ ѹчини́ти мѣлъ (129); старе́тесѧ *абысте* чинили волю его (291 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); хозяину хочецца, *абы* и часинки не страциць (Нос. Сл. 1). Из последнего примера видно, что в живой речи *абы* чувствуется как неделимый союз, так как *бы* к неопределенному никоим образом не может быть присоединяемо.

ж. Как союз *же*, который входил в состав сложных союзов *иже*, *оже*, стал способным и самостоятельно подчинять дополнительные предложения, так и *бы*, сливавшееся с *яко*, *а*, начинавшими дополнительные предложения также могло соединять поясняющие дополнительные предложения, с поясняемыми глаголами. Встретившиеся нам примеры относятся, однако, только к старому языку: англо҃ свои҃ роскаже҃т ѻ҃ тобе *бы* та стерегли (93б Псалт. XVI в); верити. *бы* жидовъство мѣло с'кажено бы҃ (70 Сб. XVI в. Крас.); ра҃ бы вѣдали *бы* все бы҃ло въ и҃х вѣне (206 ib.).

λ. В живой речи для обозначения самостоятельного факта возможно подчинение дополнительных предложений посредством отглагольных наречий *бы́дто*, *батиэ*: ка́жуць *бы́дто* яны пабы́лися праз я́е (Мат. Б. № 7 Минск.); ка́жуць, *батиэ* той пан — атдаў увесь маюнтак (Сержп. 80 Мозыр.).

μ. В старом языке под влиянием церковнославянского возможно встретить подчинение дополнительных предложений посредством *да*: идя къ Новоугородку велить *да* обесить Воидила (31 Увар.).

К предложениям, поясняющим глагол, относятся и так называемые косвенные вопросы, всегда зависящие от глагола. Но от глаголов могут зависеть и прямые вопросы, напр.: реклъ боа́зъ рѹте чи не слышишь до́чко не хо́дї збирати въ поле иное (31 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); рекла є҃мѹ чомѹ же напла єсми (31б ib.); рекѹчи ѿто҃ ѥ҃сми ѥ҃го перемо҃ (15б Псалт. XVI в.); мовечи ѡто҃ маешъ чл҃вка (35 Псалт. XVII в.); мови҃: нѣтъ бга҃ (34б ib.); мовили: по҃мо҃ (77 ib.); о том достаточное выведане вчинил, и будут ли тые тры пляцы ее

на прибавене рынку в том месте в нее взяты (Бел. Арх. I 1562); ѡпытали чи естъ подъ вами земля служебная на ймя Грыцевщина [Бел. Арх. II 1495 (XVII в.)]; пытали (= спрашивали) есмо его, естлибъ тот Семен того человека билъ [Бел. Арх. II 1530 (XVII в.)]; нетъ ведома где поделъ [Бел. Арх. II 1532 (XVII в.)]; тогды потхо́дзиць сяредьний зяць и говориць: «силно могущий воин, чим мне цябе угосьциць? нет табе даць, говориць, зямли́ отписаць, нет дзеньгами?» (Ром. VI, 33 Черик.); ня ведаю, ти уловлю, ти не (ib. 249 Могил.); а йна (жонка) яму (мужу) кажиць: «авой, што ето у вас нешто памиць такая дурная, што вы забываицися» (Шейн Мат. II, 211 Витебск.); мирговаў, ци ехать мне на кирмаш заўтра, ци не (Мат. Б. № 13 Свенц.). Однако с формально синтаксической точки зрения в таких предложениях подчинения глаголу не будет: оно наступит лишь тогда, когда перед таким предложением появится, например, *что* [поп яго пытаить: «*што* ти привез гроши?» (Шейн Мат. II, 279 Горецк.); ён... раздумувся: *што* за што я ету бабушку разобидив (Ром. VI, 370 Мстисл.)] или же когда вопросительное предложение изменит даже свое построение: глагол из 2-го лица перейдет в 3-е, местоимения *ты* и *вы* будут утрачены или заменятся 3-ми лицами.

Рассматриваемые предложения внешним образом подчиняются глаголу или вопросительными частицами, больше местоименного происхождения или вопросительными местоимениями. Перечислим относящиеся сюда случаи:

αα. Подчинение посредством *ци*: и чувóм чуваць и видóм видаць — *ци* сам бел молóдзец наежжая (Ром. VI, 50 Черик.); обсмотри́тя, *ци* живы яны ёсь (Ром. VI, 312 Городок.); пыта́ютца *ци* не ба́чыли еныі коней (Сержп. 6 Мозыр.); пазна́ць, *ци* пра́ўда там шкло (ib. 60).

ββ. Современная белорусская речь не знает союза *если*, употребляя вместо него *коли*; в старом языке *если* было, но часто чувствовалось еще, как *єсть ли* и особенно употреблялось в так называемых косвенных вопросах, напр.: запыта҃ чл҃къ *єсли* те҃ ѣ́сть прибыто҃ (57б Псалт. XVI в.) [в польском оригинале связь с косвенным вопросом яснее: spyta... iestli też iáki pożytek być (Врубель 57. $_{12}$)]; гъ — прини҃ — хотачи виде҃ *єсли бы* который бы҃ разѵмеючи҃ (15б ib.); пытли есмо Козы, *естли* бы на то доводъ мелъ (20 Гродн. Акт. кн. XVI в.); я пытал того Еска Юревича, *если бы* он кому служил, а хто бы его пан был (Акты В. А. К., т. 36, 2 Мин. XVI в.); пытал, абы повелил, *если бы* тыи кони его крал (ib. 5); не ведаю, *если* будет жыть (ib. 390); боюся, каа, *если б* ён тябе не страбив (Ром. VI, 205 Гомельск.) [= кали б ён тябе не страбив (206)]; розъсмотри молютиса боголюб'че, *ест'лиса* сіа речь — незбыла (3 посвящ. Катих. 1562 г.); ѡгледа҃ *если* ѐ хто знаючи҃ бга҃ (35б Псалт. XVII в.), ср. польск. Pytał okrutnik Pitjasa, jeśli by to chciał uczynić Rej (W. Vondrák, V. Sl. Gr. II, 497). Как можно видеть из приведенных примеров, в некоторых случаях характер вопроса слишком ослабел, и придаточные предложения могут быть рассматриваемы как простые дополнительные.

γγ. Редкий случай подчинения посредством *альбо*: ён пошоў на кермаш, думаючи, *альбо* може найдзе того, що украли (Шейн Мат. II, 328 Слоним.).

δδ. Что касается местоименных наречий, подчиняющих зависящие вопросы, то тут прежде всего отметим *как — як*: смовили... *какъ* бы его ѿтоле высадити а некоторомоу бы межи и^{х} сести (86 Супр., ср. 437б Вил.); ты того не вѣдаєшь *какъ* кнѧ^{з} посылаєт^{ь} (439б Вил.); змови^{ли} межи собою бра^{т}а. такъ *какъ* бы з ви^{л}ни его съса^{дли}ти. а нѣко(то)ромꙋ бы мѣжи и^{х} на вилни сести (73 Крас.); ищ̃е его ꙗкъ бы его забити (2б Псалт. XVII в.); змысли^{л} есми ꙗкъ бы сѧ того вывѣда̃ (54б ib.); нихто ня ве́дая, *як* хто абедая (Ляцк. Посл. 29 Борис.); слу́хаць, *як* гра́е Музы́ка (Сержп. 2 Слуцк.).

εε. Подчинение посредством *где*: и не ведати *где* ся Годунъ поделъ (169б Сб. XVII в. Син. б. № 790); рыба шукаець *гдзе* глыби, а человек, *гдзе* лепи (Нос. Посл. 145); не знаем, де̄ Бело-по́ля ёсь (Ром. VI, 328 Орш.); скажы̄тя, где моих дочак, их можно доста̄ть (ib. 335 Рогач.); Матру́на пыта́е, *гдзі̯э* ю͡он бы̆ў (Сержп. 7 Мозыр.); посредством *адъ* = *а гдзъ*: баба чӯть чула, што ў̆бив, да не знаеть, *а̄де* (Ром. VI, 143 Сенн.).

ζζ. Подчинение посредством вопросительного местоимения *кто*: голосо^{м} клича и повабливаѧ. *хто* бы к нему вышо͡ (57 Четья 1489 г.); тульки я не ви́даю, *хту* вы такия юсцека (Ром. III, 323 Рогач.); ты̄ знаеш ты мяне, король, *хто* я ёсь (Ром. VI, 440 Сенн.); спроси ў яе́, от *кого* ён такого коня маеть (ib. 331 Орш.).

ηη. Подчинение посредством вопросительного местоимения *что*: провидѣла — что сѧ стати маѣть (5—7 Сб. XVI в. Крас.); ѕслышу *што* буде̃ мови̃ (80б Псалт. XVII в.); вспо^{м}ни на то, *што* вжды ѧ естъ (90б ib.); за вочи говори, *што* хоци (Нос. Посл. 44); гдядзець, *што* ены ро́бляць (Сержп. 15 Мозыр.); Матру́на пыта́е, *чаму́* кабы́ла сама прибі̯э́гла (ib. 7); хо́чэтца пазна́ць, *чаму* гэ́то чалаві̯э́к николи не даву͡олан тым, што мае, и *чаму* ю͡он усе́ хо́чэ бу͡о́льш (ib. 15); не ведомо *чим* и як яна служила, али ма мыць, яму кур на обе́д доставляла (Шейн. Мат. II, 10 Бобр.); кажеть а͡пт҃лъ *в чемъ* іоудеи были лепъше надъ поганы (Ап. 9—9б Скор. XVI в.); велела васъ пытать, *о чемъ* вы приехали, а *што* до нее за дело маете (Акты В. А. К., т. 36, 24 Мин. XVI в.); ѿ че^{м} оўстне мови͡ не лиши͡ єсь єго (22 Псалт. XVI в.): далъ и҃мъ то ѿ *што* проси́ли (114 Псалт. XVI в.).

ϑϑ. Подчинение посредством местоимений относительных *который, який, чий*, употребленных в роли вопросительных: дава и҃ те͡ зна^{ть}, *которы*ѣ выкинени с костела (9 Псалт. XVI в.); смолвилши межи собою рокь оучинили. *которого* бы дни̃ к Вилни пригнати (86 Супр.); не вѣдаемъ въ *которую* причину (16 Гродн. Акт. кн. XVI в.); пытаючы... *для которое* прычыны панна Богдана... порубали (Акты В. А. К., т. 36, 24 Мин. XVI в.); а видꙗчи Ное з ꙗкого небеспече͡ства его г҃дъ богъ выбави^{л} и захова^{л} (3б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); реклъ боа́зъ *чи*ѧ молодица се (31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262).

в) ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ

Обстоятельственные придаточные предложения также поясняют глагол; они служат, однако, не только для развития признаков, обозначаемых глаголом, но в то же время развивают последние в известных отношениях, показывая место, время, причину, цель, способ действия. Поэтому среди обстоятельственных предложений различают:

1. Придаточные предложения обстоятельства места

Предложения обстоятельства места в белорусском языке внешним образом соединяются с главным предложением посредством местоименных наречий-союзов: *гдзе*, *куды*, *аткуль*; в главном предложении им соответствуют: *там*, *туды*, *аттуль*; эти указательные слова могут и опускаться, но они всегда подразумеваются; где этих слов нельзя подразумевать, там мы имеем дело с простыми дополнительными предложениями, или косвенными вопросами, или даже — при именах существительных — с определительными предложениями. Примеры: жьгли^{ш}ще было вчинено *гдъ* бы его смр҃тна^{г} со^{ж}г҃ли (70б Крас.) (подразумевается *там*, а если не подразумевать, тогда будем иметь дело с определительным предложением), *где* намъ надобе, тамъ идемъ [Бел. Арх. II 1533 (XVII в.)], гдзе поўно было, там стало пусто, а *гдзе* цвятóчки росли там полын заняўся (Шейн Мат. II, 467 Полоцк.); ищы сабе лошадь, *где-бо* ты хочаш (Ром. VI, 319 Рогач.); *гдзі͡э* два паны́, там никóли ладý немá (Сержп. 16 Мозыр.); вольно отийти *куды* хотя (169 Гродн. Акт. кн. XVI в.) (здесь ввиду *хотя* предложение обстоятельства места представляется как простое обстоятельственное выражение *куда угодно*); ехал *куды* тое дерево везено (Акты В. А. К., т. 36, 24 Мин. XVI в.); пошоў *куды* вочи глядзяць (Шейн Мат. II, 23 Борис.); *кудú* Музы́ка пры́дзе, там мéньш лю́дзи грыі͡эшаць (Сержп. 3 Слуцк.); *кудú* пры́дзе — пагра́е (ib.); и пожадаéшь и пойдешь къ сѫдѡмъ и бѫдешь пити ѿтѫль, *и҆же* пьютъ молодци (31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) (здесь *иже* на месте ожидаемого *откуль*, так как *иже* начало употребляться в разных придаточных предложениях); *откýль* туча, оттуль и дождж (Нос. Сл. 375); ён ўзяў мёду аттýль, *аткýль* и ты прынóсиў; возможны и смешанные обороты: бáцько пашóў тудú *аткýль* нихтó не варóчаецца; дзéци принясли грибоў стуль, *гдзе* их найбóлей расцé.

2. Придаточные предложения обстоятельства времени

Придаточные предложения, показывающие время, внешним образом могут соединяться с главным при посредстве союзов и наречий времени больше местоименного происхождения. Но кроме таких специальных способов подчинения подобных предложений придаточные предложения времени могут начинаться некоторыми союзами и наречиями, употребляющимися и в других видах предложений, а также наречиями.

которые лишь по своему лексическому значению заменяют союзы времени. Таким образом, можем отметить следующие случаи в выражении предложений времени:

α. Предложения времени начинаются с союза *егда*, известного только старинным произведениям, куда он мог зайти и из древнецерковнославянских памятников: *е҆гда*^{ж} — ѡс'мотрела, и҆ не хотѣла е҆с'ть и҆ти (30 Сб. XVI в. Крас.); *егда* възврати^{т} гѣ — быхмо утѣшени (77 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262).

β. Самым распространенным способом подчинения предложений времени как в старом языке, так и в современном является употребление союза *коли*: а *коли* миръ станеть, юрью кнaзю города лишитиса (гр. 1349 г.); а *коли* будеть по миру, кто не оусхочеть далѣи миру держати, тотъ ѡповѣсть (ib.); купцы и ремесники всякіе мають доброволно огонь у своих домѣхъ завжды держати, *коли* хотячи [А. З. Р. II, 2. 1506 г. (Потебня, Из записок^{2}, 213)]; *коли* буду от короля грошы мети, тогды заплачу (Акты В. А. К., т. 36, 2 Мин. XVI в.); хожоу, *коли* докоучае^{т} (44 Псалт. XVI в.); *коли* вбива^{ѧ} и^{х} в то^{т} ча^{ѧ} и҆скали е^{ѧ} (80б ib.); к гѫ *коли* е҆смь оу смоукѫ взыва^{л} (125б ib.); плакали *коли* вспомнели траѳило^{ѧ} горѫ сиѫ^{ѧ} (133 ib.); *коли* бы^{л} ѫтисне^{ѧ} теды жалуе҃са (3б Псалт. XVII в.); дша смути҃са *коли* на тебе вспоминаю (18 ib.); *коли* грибно, дак и хлебно (Нос. Посл. 63); *коли* на Иллю нема̀ дожджу, то пожары будуць (ib. 64); *коли* тревога, тогды мы до бога (ib. 65); тяперака мяне пусти, а *коли* треба буду, выйди только да свисни (Ром. III, 145 Гомельск.); ни да парасят свини, *кали* яе смаляць (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); а мне ни ўцямку (= не помню), *кали* ты мне гэта казаў (ib.).

γ. В старинных произведениях предложения обстоятельства времени нередко начинаются с союза *как*: а *какъ* сѣ^{л} кна^{з} великыи оу Вилни пошле^{т}. два чл҃кы к Полоцкѫ... и Полочане оурадовалиса (441 Вил.); *ка*^{к} ѡни правдѫ дали. и кна^{з} поєха^{л} (443 ib.); а *ка*^{к} к Вилни прїєха^{в}. кн҃зь Кестѫта ѡковавши. и посла^{л} къ Кревоу (444 ib.); *ка*^{к} жонкы приидѫть поклада^{т}. ино емѫ ѡдноє жонъкы порты. ѫскла^{л}ши да выти вонъ (444б ib.); а *какъ* ѫслыша^{в} кнaзь Сватосла^{в}. што идеть на н(е)го Скиргаило. и ѡ^{н} исполъчи^{в} воа своа. и поиде противѫ (445б—446 ib.); а *какь* пристоупили к Трокомъ. кн҃зю великоумоу Ѧгоилоу Трокы дадѫтса емоу (5б Увар.); и *какь* не снемши^{с}. полкомь за г҃ или за д҃ стреления. приженоуть кн҃зи (7 ib.); и *какъ*^{ж} прие҆дѣ ко Смоленьскоу тако Глебъ далса и^{з} градомь (31б ib.); и *ка*^{ѧ} до вил'ни приехав'ши, та^{ѧ} кн҃зь — дадю — посла^{л} (77 Крас.) и т. д. В приведенных примерах обращают на себя внимание и те союзы, а также наречия в главном предложении (*и*, *ино*, *тако*, *так*), которые соответствуют *как* придаточного.

δ. Рассмотренному в предыдущем пункте союзу в живой белорусской речи соответствует *як*; последний известен и старым памятникам, даже древнейшим, напр.: ꙗк упїшаса (324 Лет. Авр. XV в.); ꙗ҆ко҆же

пригодилоса некоторы[м] звѣздочетнико[м], йдоучи чрезъ некоторый гра[д] й сталн невкоторого ткача (8б Тайна Тайных XVI в.); ꙗкъ ѡдно бы скоро послизнѹли ноги мои, ѡбѹрили бы сѧ на мене (10б Псалт. XVII в.); *як* ем, и глух и нем (Нос. Посл. 196); *як* пьян, што мне пан? а *як* просплюся, и свинни боюся (ib. 196); не слухай лисицы. *як* ена прйдзя, бо я пойду далéко (Шейн Мат. II, 1 Волков.); ноччи, *як* уси полягли спаць, яны украли гэтаго собачку (Гом. III, 41 Сенн.); *як* дась Ирви-дубу у грудзи — тэй и ноги задрав (ib. 71); ён як усхóпитца, я к дёрня, — так стяну́ у ёвни и вывярнув (Ром. IV, 9); *як* расьтёр сапогом, поднялóсь огонь большый (Ром. VI, 233 Черик.); тоды ина легла; *як* засьнеть, ён тихинько — цморьг их (ib. 285 Чаусск.); завтря *як* ты пóйдеш, увидиш нас двенадцать у батюшки, сидевши за столом (ib. 502 Черик.); *ск* гляня, то все роўно, ек дасць саракоўку (Мат. Б. № 23 Минск.); лю́льку й цюцю́н згуби́ў, я к ишоў у нéбо (Сержп. 1 Слуцк.); *як* загра́е, дак валы́ паки́нуць пасциса (ib. 2); Грышкава кабыла *як* учу́ла óгира, так заюрыла й пабегла (ib. 6 Мозыр.); хаціэли ены́ йци спаць, *як* ось бачаць (ib. 11 Слуцк.); чуць ена́ гэто паду́мала, *як* та́я зуорка й пакаци́ласа (ib.); *як* махну́ў круго́м себе́, дак з уси́х разбубйникаў и дух выперло (ib. 13); *як* зме́ркне, та ни за што́ адзи́н не пуойдзе ў ліэс (ib. 96 Мозыр.); nas ńajaki čužastrańac *jak* dahnáw, jak ni zabìw (= едва не убил) (Верига Pod. 76 Лидск.).

ε. Очень распространен в живой белорусской речи союз-наречие *поки — покуль* (пока), иногда встречающийся и в старинных произведениях, напр.: а то г҃и вчи *покы*[м] на свете (= пока я на свете) (10 Псалт. XVI в.); ты коси моя коса, *поки* на траве роса (Никиф. Част. 323); нехай звонюць, *покуль* охоту згонюць (Нос. Посл. 106); носили, носили, *покуль* ўсю разносили (Зап. V, 713 Витебск.); быў ён сабе быў, *покуля* маци не послала яго ловиць рыбу (Шейн Мат. II, 47 Новогр.); сам потуль ни жанися, *покуль* сясьтёр замуж оддаси (Ром. VI, 225 Черик.); *покуль* да розуму дайдзиць, много вады́ ў мóре уцячéць (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); здохниш ты, *поку́ль* я цибе буду прасиць (ib.); ўсю́сеньку дарóгу ду́маў Гры́шко, *паку́ль* прывалуокса да гаспóды (Сержп. 7 Мозыр.); *паку́ль* буог дава́ў здарóве, им так жылосо... (ib. 96); *покуль* до бога, то черт душу вымя (Ром. Мат. Гр. I, 84 Гродн.). Как можно видеть из приведенных примеров, в главном предложении *потуль* является лишь изредка.

ζ. Кроме перечисленных (в пп. α — ε) наречий-союзов, подчинение придаточных предложений времени главным возможно и посредством некоторых наречий, по своему лексическому значению имеющих отношение к обозначению времени, таковы: *только — тольки*, *сколько — скольки*, *скоро*, *покамесь*. Примеры: *тольки* быв задремав, чуець — нехто свищець (Ром. IV, 91 Сенн.); тогды ён, *тольки* б троху выле́цець ба с огня, и упав ён (Ром. VI, 29 Черик.); *тольки* проглыци́ць — Казак Михайла хвацив яе́ за грыву (ib. 49); *только* што дзвери от-

хутаў: анжы яму плёск ў вочи водой з ночовык (Шейн Мат. II, 365 Витебск.); тольки ён заснуў, аш чуя — ніе́дьзя крычыць ніе́хто (20 Малев. Слуцк.); *туольк҃о* ю҃он вы́ехаў з мястэчка, аж и наганя́юць сусі҃э́дзи (Сержп. 5 Мозыр.); *туольк҃о* чапнуў залязняко́м земли́, аж як загрымаци́ць штось (ib. 48 Слуцк.); *туольки* ю҃он прыатчыни́ў а аттуль як вы́сыплюць шаршне́ да пачну́ць цыгана́ пекци́ (ib. 75); от, ён, *сколькѝ* ў҃ремя прожили, нявеста забере́менела (Ром. VI, 189 Черик.); *сколько* раз яны прихо́дзили сюды́, ничо́го не знахадзи́ли; *скоро* ѵ҃чинимо покло́, воротимостѧ до ва҃ (16б Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); Ное... *скоро* стану҆л на земли ѡно, зб҃дова҆л напе҆рве҆ ѡлтаръ г҃дꙋ богу (3б ib.); а *скоро* в до҆м ца҆рски вошла, ни҆ѥи до ложницы ца҆рскои ѵ҃провадили, зара҃ г҃дъ богъ фараѡна... кара́ поча҆л (ib. 7б); *скоро* з живота на свѣ҃тъ вышли тогды҃ блудѧ (42б Псалт. XVII в.); *скоро* ѡ҃ нароженѧ своего поведаю҃ ложъ (ib.); и дотуля́ бив, *покамесь* яны дали клятьбу́ об сабе́, — по кому́ зямли зьели (Ром. VI, 127 Мстисл.).

η. Обращает на себя внимание способ начинать придаточные предложения с *ним* (= чем) [польск. nim (Małecki G. H. II, 481)] рядом с *нежели*, которому может предшествовать *сперву*, *первей*; подобные конструкции изредка встречаются в старинных произведениях, известны, повидимому, и живой речи; примеры: спе҆рвоу *ни҃мсѧ* е҃сми оупокори҃ѧ згреши҃ (121 Псалт. XVI в.) [pierwey niżlim sie vkorzył zgrzessyłem (Врубель 118, 87)]; пе҆рве҆ *ни҃ми* станули го́бри (91б Псалт. XVII в.); *nim* heto stàłasio, car bieh da domu (Федер. I, 120 Рось); bilisa, bilisa, aż *nim* duräń ųsie szieść hòławy adsiųok (ib. 131) (здесь *ним* осложнено еще посредством *аж*, которое, как увидим, и само может употребляться в подобных предложениях).

ϑ. В смысле «пока» для означения крайнего предела времени в старом языке и современном в рассматриваемых придаточных предложениях употребляется *ажь*: седите тоу҆т *ажь* ѧ поидоу а молитесе боудоу (5б Сб. XV в. Публ. б. № 391); ничто҃ не реклъ, *а́жь* бы́ло и по ѡ҆бѣ́де҆ (36 Сб. XVI в. Крас.); звезда... ш҆ла перед҆ ними, *а́ж҆* пришедши стала над҆ месцомъ (31 Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); не буде порꙋшоны҆ а҃ѡгледае по҃сту (125 Псалт. XVII в.) (áź ogląda pomstę); не пускав с поля, *аж* сонце зашло (Нос. Сл. 3).

ι. В смысле «только бы» может употребляться *абы*: *абы́* вы́шаў у лі҃э́с, дак от на цебе́ ўсе бежы́ць (Сержп. 23 Мозыр.).

ϰ. Наконец, отметим употребление в предложениях времени союза *што*: *што* поведзе раз по стру́нах, то и ё рубель (Шейн Мат. II, 15 Игум.); *што* потисниць, баба писниць (Никиф. Част. 15); *што* пятница — сваты едуць, *што* субота — іешню ядуць (ib. 310).

3. Придаточные предложения обстоятельства причины

Придаточные предложения обстоятельства причины внешнеформальным способом сочетаются с своим главным предложением союзами,

происходящими больше от относительного местоимения *иже* с предлогами или даже без них, а также от местоимения *что*: иногда в причинных предложениях употребляются те же союзы, что и в предложениях времени. Тут можем отметить следующие способы сочетания главных предложений

α. Посредством союза *понеже*, известного только старинным произведениям и взятого, вероятно, из церковнославянских оригиналов, напр.: смеда єсмъ, *понеже* бѫкꙋгло мѧ солнъце [ПП гл. 1 Скор. XVI в. (Владим. 338)]; *Понъже* над многими народы Цартвую ѵИ вси Земли подꙋбилъ єсми подъ власть свою. ѵА протожꙋ николи не хотехъ бѫбращати ко злому моци своєѣ превеликоє. Но добротливостию и̑ справедливостию мыслихъ... [Есѳирь гл. XII ib. (Владим. 344)].

β. Посредством союза *занеже*, *зане* — тоже только в старинных произведениях, и вероятно заимствованного из церковнославянских памятников, напр.: невъзмо^{жно} имъ стати. противоу ємѫ. *занеже* бо в него събрала^{с} великаѧ сила (449 Вил.); ил^{г}а^{в}у ємѫ постриже. *занеже* мно$^{(г)}$ ране^{н} (446 ib.); Ви^{л}невци же тог^{л}а не вдашасѧ ємѫ, *зане* бы тог^{л}а пра^{в}доу да^{л} королю Скиргаилѫ (446б ib.).

γ. Посредством *иже*, обратившегося в данном случае в союз, что изредка наблюдается и вообще в древнерусских произведениях (Срезн. Мат. II, 1029), известного только в старинных памятниках: жона — текла плачѫчи и̑ рекоучи. беда мне *и̑же* нинека ѡ̑поустѣла ѣсми. и стала ѣсми оудовою (99б Сб. XV в. Публ. б. № 391); наиболеи̑ с тоє причины и̑же мѧ млтивыи̑ бг̅ъ с того ꙗ̑зыка на свет^{ꙋ} пѫстил^{ꙋ} [предисл. в Псалт. Скор. XVI в. (Владим. 327)]; потому сѧзаховал^{ꙋ}, и̑жъ хотѧжь самъ ѿ него ѿходилъ, пре^{л}сѧ е̑го див^{ꙋ}ным^{ꙋ} ѡ̑бычаѣмъ ѿ блуда и̑ ѿ грѣховъ — вывривалъ (2 и 2б предис. Катих. 1562 г.); ни дла чого только дла того, *иже*... (8б ib.); вернитесѧ до^{ꙋ}чки мои собѣ *иже* (= потому что) състареласѧ єсми (31 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); ч^{ꙋ}то ѣси то оумѣнила, *и̑же* не шла (38 Сб. XVI в. Крас.); прото *иже* жа^{л}на^{ꙋ} а̑ прав^{ꙋ}да скоро не с^{ꙋ}танетъ (194 ib.); заховаѥ их^{ъ} дла того *ижъ* ѫповали (3б Псалт. XVII в.) [záchowywa przetho iż w nim vfáli (Радив. библ. 37. 40)]; грѣши^{л}, *ижъ* немашъ бо^{з}ни (4б ib); хвали г̅да *ижъ* сѧ непрїятели его з ѫпа^{л}ку его не ѫтѣшили (15б ib.); его хвалити будѫ *ижъ* ѡ̑ ѡказа^{л} выбавене (19 ib.); чини̑ дѧки и^{ж}есть выслуха^{н} (36 ib.); не занехова^{ꙋ} ѡ̑ бж̅е *ижъ* ѡто бѫр^{ѧ} непрїятели (77б ib.).

δ. И развившееся вследствие сокращения из *иже* одно *же* также может подчинять причинные придаточные предложения, но опять-таки только в старом языке, напр.: престань плакати, поки̑ ѳ̑тою претажкою жалость *же* ть ꙗ и̑доу (12б Сб. XV в. Публ. б. № 391); дла тогѡ́ зрѫшилисѧ *же* сѧ прогнева^{ѳ} на ни^{х} (18б Псалт. XVI в.) [в польск. *iż*: dla tego iż (Врубель 17. 8)]; блг̑вънъ г̑ь *же* — ѡ̑каза^{л} (31б ib.); што^{ж} тобѣ ста́ло море *же* ѫтека́ешъ (12б Псалт. XVII в.).

ε. В живой речи и отчасти в старинных памятниках встречаются случаи подчинения придаточных предложений причины посредством *что*

(што), которому иногда предшествует *затым*, как в русской литературной речи *потому*, напр.: а што ве^{ж} Лифлянскаѧра^{т} третїє с ни^{м} же прихѡ^{дш}ла. то вже знакомиты^{и} вышли. *што* с ними за ѡ^{х}но стали противꙋ великомоу кнзю Кестоу^{т}ю (442б Вил.); каюся молода я не помалу, *што* молода замуж пошла (Зап. V, 265); як яны будуть кормитца — *што* ўсё седьни як один (Ром. VI, 91 Горецк.); ена, бачыце, вельми любила тую кабылу, *што* на ю͡ой и дзиця паі͡здзе (Сержп. 5 Мозыр.); вельми гаравали ены, *што* не даў бу͡ог им уці͡хи (ib. 11 Слуцк.); муо͡о затым ю͡он и пиў, *што* ні͡льга было ўзбитца на сваé хаджайство (ib. 55 Мозыр.); мачиха лихая ни пускаиць на вулицу, *што* я молодая (Никиф. Част. 7); kab ty wdaviwśa, *šta* ty bol'š mńe ńa dajèš (Верига Pod. 14 Лидск.).

ζ. Обозначают причину иногда и предложения времени, начинающиеся с союзов *яж*, *коли*, напр.: заяц *яж* удариўся — дый до горы ногами, яму там и капут (Шейн Мат. II, 9 Витебск.); ну, говорить: ни ли кого б я такой службы ни сослужыв, ну *яж* ты ли мяне служыв, то и я ли тябе сослужу (Ром. VI, 377 Мстисл.); *коли* — г^{ѳ}дрь — на которꙋю землю быва^{л} гневе^{н} — ѡни пришли к нѣмꙋ (86б Крас.); як жа мне за цябе замуж ицци, *коли* ў мяне тонкой кошули нет (Зап. V, 702 Бых.).

4. Придаточные предложения обстоятельства цели

Придаточные предложения цели подчиняются главному обыкновенно при посредстве союзов, развившихся большею частью также из местоимений; но есть союзы и не местоименного происхождения.

Нам встретились следующие случаи предложений цели:

α. Начинающиеся с союза *да*, как вообще было в старославянском и древнерусском языках: съ собою ѥмлите ѥдины оужища, *да* ѥсть вы цѣмь вазати (121 Лет. Авр. XV в.). Подобный оборот типичным белорусским не является и живой речи не известен.

β. В старину для означения предложений цели употреблялся и *ажь*: пре сеи миръ троудилиса.. *аж* бы миро былъ и дъ вѣка (Смол. гр. 1229 г.).

γ. Предложения, начинающиеся с союза *штобы*, известны только старому языку: скиноули роуками, *штобы* дано и^{ѳ} таблицю. а к'граи'коу (33б Сб. XV в. Публ. б. № 391); кнзь Ягаило послаль на^{с} к тобѣ *штобы* ѥси оуѥдна^{л} нас^{с} со ѡцемь свои^{м} што быхомъ держали своє (92б Супр.); мы правдоу даємь *штобы* тобѣ чисто ѡѣхати в рать свою (ib.); брате пошли Скригаила *штобы* ѡнь а и ꙗ а вънчинили быхомь правдоу (93 ib.); пошли Ски^{р}гаила *штобы* ѡ^{я} зда^{л} присагꙋ (76б Крас.); кна^{з} Вито^{в}тъ. реклъ и^{м} такъ. правдоу ꙋ васъ бѣроу. *штобы* тако^{ж} кна^{з} Скиргаило. ꙋ моє воиско прїєха^{л} (443 Вил.); поклона пять грошей далъ кнзю, *штобы* кони ѡтыскалъ [Бел. Арх. 1539 (XVII в.)].

δ. Особенно часто в старом языке в предложениях цели встречается союз *абы*, причем *бы* иногда еще чувствуется как глагол. вследствие чего может отделяться от *а* и принимать окончания других лиц; в подобном употреблении этот союз не известен живой речи, да и в старом языке поддерживался чуть ли не влиянием польского языка (ср. W. Vondrák, V. Sl. Gr. II, 505); напр.: розсказуемъ *абы* есте выметали (Арх. С. 1, 1, 1497 г.); и почали Лахове слати къ Агаилоу. абы принялъ крещенїе и понялъ бы в нихъ королевноу Ядвигѣ (449 Вин.); а то для того *абы* знакомито было иже в'си иные светые писма згожаютьсѧ съ псалтырею [предисл. в Псалт. Скор. (Владим. 328)]; не для того *а'бы* (1 Катих. 1562 г.); ωсѣдаєте *абы* не поити (31 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); хощѫ повѣдати абы їз'волилъ вѣдати (22—23 Сб. XVI в. Крас.); рече то п'рото *абы* искоуси (216 ib.); ѡчи склѣны — *абы* посажати (100 Псалт. XVI в.); оупомѣна *абы ли* набожны (99 ib.); *абыхмо* хвалили оу славе твоеи (108б ib.); бѫдѫ стеречи — *абыхъ* не грѣши (11б Псалт. XVII в.); молиса *абы* моглъ мѣти поко' (ib.); вфолгѫ мнѣ *абыхъ* ѡпочину (12б ib.); шукаю дши *абы* еи загубили (15 ib.); то' псало коли посла саѫлъ *абы* стережено в дому а забито его (43б ib.); дова еси знакъ — *абы* ѫтекали перелуко (45б ib.); будѫ носити на рукахъ *абы* еси коли не зби ноги (94б ib.); припо *абы* суди землю (100 ib.).

ε. Глагольная частица *бы* может и самостоятельно, без *а*, начинать предложения цели, напр.: и пос'лали к' немѫ некоторих з'фарисеевъ, и иродиановъ, *бы* его ѡбольсьтили в' слове (60б Ев. Тяпин. ок. 1580 г.); справъ дорогѫ *бы*хъ не заблѫди (9б Псалт. XVI в.) (bych nie zábłądził); будь мѧтивъ — *бы* не рѣли погане (72 Псалт. XVII в.). Во всех подобных предложениях, неизвестных живой речи, *бы* чувствуется союзом.

ζ. В живой речи преобладающим союзом в предложениях цели является *каб*, причем, если это слово в предложении повторяется несколько раз, то его может заменять и одно *б*; примеры: ўздыхнуў Марка, али *каб* помогчи им — ничим не поможеш (Шейн Мат. II, 380 Борис.); *каб* ты высыдзив побапол моста виноградым: к вянцу едзя, *каб* цвицев, а от вянца — ужо ели б плоды (Ром. III, 347 Сенн.): мужик искав сабе работника, *каб* служив яму дармо (Ром. IV, 96 Сенн.) (тут чувствуется и некоторый относительный оттенок); дастаў юон з мешэчка скрыпку й смык, *каб* ещэ раз пайграць (Сержп. 3 Слуцк.).

η. Союз *иже*, который нам уже неоднократно встречался в разных придаточных предложениях, может подчинять и предложения цели, особенно в соединении с *бы*. Однако такой способ выражения известен только старому языку, напр.: писа грамотѫ. брату своемѫ. *иже* бы е' жалости месть сътвори (448б Вил.); а ни для чого тко для то и *бы* сѧ томоу дивова (64—64б Крас.); тако в'пишет'ся много замысловъ *иже бы* моглъ мѫдрый то вѣдат (185 Сб. XVI в. Крас.); натягнѫли лукъ сво' — *иже бы* помодовали тыхъ (7 Псалт. XVII в.)

[náćiągnęli łuk swoyizby mordowali (Радив. библ. 37. 14)]; приглядѣтеса палаца его *и҃бы* есте то ѡповѣдали потоⷨству (27 ib.).

ϑ. Под влиянием польского языка, как и в дополнительных предложениях, может подчинять предложения цели развившийся из *иже* путем утраты *и* союз *же*, к которому обыкновенно присоединяется глагольный показатель условного наклонения *бы*; напр.: *жебы* могло быть... пущы нашое занять могли, допустили есмо имъ осягнувши мѣть (Арх. С. VII, 6, 1480 г.); таковыѣ бо ловы на дн҃ю правѧничоу *жебы* кро҂ѡ҆со҂ѵ҆ли (96 Псалт. XVI в.) [самостоятельный полонизм: у Врубеля (93. 31) иначе: będą radę vsáwicznie bráć náprzećiwko dussy spráwìedliwego, a krėw niewiuną osądzą]; ѡ҆ бы҂х мѣлъ мечъ, *же* бы҂ⷨ тебе забилъ (92 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158).

ι. В одном месте встретился редкий случай подчинения предложения цели посредством *олижбы*: не хотѣли Вито҂та пѹстити ѡли҂жбы королю зда҂ѧ правѧоу (79б Крас.).

ϰ. Кое-где *чтобы* передается посредством *ат*: *атъ* смртью не оумремъ (251 Четья 1489 г.); *а҆тъ* боудѹ҂т вспа҃ѵ҆ ѡ҆бернены (35 Псалт. XVI в.) (в польском иначе); наполнь лица и҂х сромоты *атъ* бѹдоу҂т и҆скати и҆мени твоего г҆и҃ (85б ib.).

λ. Иногда наблюдаются попытки описательно выразить цель, напр.: г҂ь — прини҂ — *хотѧчи* виде҂т єсли бы который бы҂ разѹмеючи҃ (15б Псалт. XVI в.) (при польск. áby oglądał), и кнѧжечи ры҂кгол҆тѹ немало... и вчинѧ҆ змовѹ межи себе кнѧзи рѹскі҆и. почати ва҂кѹ проти҂ кнѧза рыкго҂та. *хотѧчи* его согнати со ѡ҆чизны свои҂х городо҃в҃... (70 Крас.); впрочем с чисто формальной точки зрения в подобных случаях уже нельзя видеть придаточных предложений цели.

μ. В одном случае цель как бы выражена косвенным вопросом, которому, однако, предпослано указание на цель: поидѹ нн҃ѣ на поле и҆ съберѹ колосьѥ *затымъ* оу кого жь найдѹ ми҆лость во ѡ҆чью е҆го҆ (31 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262).

ν. Некоторое указание на цель имеется и в следующем случае: я — вы҆шаў з карчо҆мки, *нибыто* хачу҆ йци (Сержп. 91 Слуцк.), где придаточное предложение обстоятельства цели начинается с *нибыто*.

5. Придаточные предложения обстоятельства образа действия

Относящиеся сюда обстоятельственные предложения, поясняя глагол главного предложения, в то же время показывают образ или способ действия. Последний лучше всего выясняется посредством сравнения одного действия с другим или одного качества с другим. В подобных предложениях также может быть выражен и результат известного действия, следствия, проистекающие из него. Это дает основание для деления придаточных предложений обстоятельства образа действия на два разряда: предложения сравнительные и изъяснительные. Такое деление их по значению находит отражение и во внешнеформальном выражении их.

Предложения сравнительные обыкновенно соединяются с главным при посредстве союзов:

α. *як*, *яко*, известного старому языку и современному, напр.: борздъ ѣ́ако е́лень (11 Тайна Тайных XVI в.); разбоѝникъ ѣ́ако ногъ (ib.); смѹ́тенъ ѣако зезюла (ib.); оўпра^{м} ѣако синица. трьпаще ѣако с'винїа (ib.); ще^{л}ръ ѣ́ако коуръ (ib.); вси тыѝ речи ѣ́якобы ѹ́ великомъ сокровищи в' сеѝ малоѝ псалтыри найдешь [Предисл. в Псалт. Скор. XVI в. (Владим. 327)]; ѣякоже слышали е́смѡ тако видѣ́ли е́смо (пс. 47. 9 Библ. кн. XVI в. Вил. № 262); космы є́го кудрявы чернь ѣако воронъ (ib. 84б); ѣако молоко оу сы^{р} тве^{р}дыѝ стало ср^{л}це и^{х} (121 пс. XVI в.); выведе́ — право твоє ѣако полудне (6б псалт. XVII в. (iáko południe); ча^{о} живота моего пере^{л} тобою ѣако ничого (12 ib.); ѣако е́имѣ такаѣ^{ж} слыне́ и хвала (26б ib.); ѡго^{р}нулъ ихъ стра^{х} и боле́ ѣако невѣ́сты родѣчои (26б ib.); такъ богатые ѣако и ѹ́богие (27б ib); пожираю людъ мо' ѣякобы хлѣ́бъ е́ли (35б—36 ib.) [lud moy pożeráią iákoby chleb iedli (Радив. библ. 53. 5)]; вывы́ ѣако ѡдноро^{ж}цову моцъ мою (96 ib.); есть есми ѣако лелѣкъ (104б ib.); вышо́ теды авра^{м}, ѣако ему г^{с}дъ приказалъ (7 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158); хлеба с маслом зъесць, так ему совгаць (Нос. Посл. 172) (союз *як* опущен, но на него указывает *так*); так короля, отца его кролевское милости, *яко* и продков его (Бел. Арх. I, 1548); так духовным *яко* и свецким (ib. 1615); литвинъ *якъ* линъ (Зап. I, 338); чорт *як* стояў, так и чубурдыхнуўся ў воду (Зап. V, 703 Бых.); *як* жиў, скорей уцекае (Шейн Мат. II, 11 Бобр., ib. 22); *ак* стояци сену тому, так до восеньска уремъя (Ром. III, 228 Рогач.) (предложение с некоторым сокращением частей); *як* тыя тераз кладки вода льлѐтца, так рóбы божии Маруты по Агнату серца бъѐтца (Ром. V, 41 Рогач.); яму не так гэ́та граница, *як* абы бегчи (Ром. VI, 427 Сенн.) (с пропусками некоторых членов); нанима́иш, *як* свиня́ смак ў перцы (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); спиць, *як* пшаницу прадаўшы (ib.); вóчы гара́ць, *як* угóле (Сержп. 3 Слуцк.); ваўки *як* стаяли разя́виўшы гóрла, так и акамені́ли (ib.); у цемнаці́ вóчы змі́я гара́ць, *як* вугóлье (ib. 14); побелі́ў *як* палатнó (ib. 24 Мозыр.); весело шуми́ць лі́эс, от *як* пі́эсни спева́е (ib. 25); нихтó, *як* бу́ог (ib. 87 Слуцк.). Как можно видеть из приведенных примеров, союзу *як* в придаточном предложении в главном может соответствовать *так*.

β. *как*, встречающееся, как и в других случаях, только в старинных произведениях, напр.: имъ мыта не давати, *какъ* издавна не давали а отпустили есмо имъ вся мыта (СВ. 2, 1432 г.); да цностъ, *какъ* бы ѡдно нерозоумное́ скотоу є'сть прировнана (1б Сб. XV в. Публ. б. № 391); оуста́ кр^{с}тѹ́съ и́з мертвы^{х} *ка́* поведа́. радоуи́мысе (33 ib.); того д'ля званы звездозор'ци маи *какбы* болше розоумѣюче (56б ib.); и почнеть пакь приезьдити ко старымь доумамь. *какь* ко братоу приѣ́зьчиваль (87б Супр.); таке^{ж} пра^{в}доу да^{л}. великомоу кнзю

Вито᷑тоу. *ка᷑* ѡни правдꙋ дали (443 Вил.); справоватисѧ *ка* оу вѣлико᷒ новегороде и пъсковѣ (68б Крас.); и̑ прии̑деть *какъ* ходець хоудоба твоѧ (95б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262). И здесь в главном предложении может быть *так*: *какъ* мога, тако имъ бобра ловити [1453 г. (А. З. Р. 1, 70)].

γ. *бы* которое, несомненно, в позднейшее время, как и в других случаях, явилось из *яко бы*, а может быть и *как бы*; подобное употребление известно старому языку и современному: лета нши̑ *бы* паоучина вытонила᷈ (92б Псалт. XVI в.) (в польск. iáko); взошли грешници *бы* трава (94 ib.); задрыжали *бы* пъяные (109б ib.), не мажы᷍э̑ чалавi᷍э̑к ци́хенько седзi᷍э̑ць, *бы* намалю᷍о́ваны светы́ (Сержп. 1—2 Слуцк.); лежыць, *бы* пласт (ib. 2); ваўки́, *бы* со́нные, пасу́нули ў лi᷍э̑с (ib. 3); лупи́ паплиска́ю *бы* цыэ̑пам (ib. 5 Мозыр.); ницы́пар усi᷍э̑уса, *бы* пан на крыэ̑сле (ib. 9 Слуцк.); падышла́ хуо᷍ндзя — зялюо᷍ная, худа́я, от *бы* тая жыдо᷍уоўка (ib. 10); дрыжы́ць *бы* аси́на (ib. 24 Мозыр.); дудка заця́гне то́нко, от *бы* павуци́на (ib. 152 Слуцк.).

δ. *што* в смысле «как», которое хотелось бы сравнить с подобным же употреблением в русском (ср. Буслаев, Синт.[5], 360): абы были *што* рыхлѣи (44 Псалт. XVI в.); ѡмы᷈же мꙗ *што* наболше᷈ ѡ᷈ зло᷈ти (32б Псалт. XVII в.); *што* край та абыча́й, *што* село́ та нораў, а *што* глава та ро́зум (Сержп. 18 Слуцк.); линуў дож да таки́, *што* бы з ведра́ (ib. 114).

ε. В сравнениях при сравнительной степени в качестве союза употребляется *чым* — творительный падеж местоимения *что*; иногда к нему прибавляется еще *си*, частица, развившаяся из известного указательного местоимения: з грецкой муки лемешка лепей, *чим-си* с аржаной (Нос. Сл. 267); ближей сорочка к целу, *чим-си* ко́ба́т (Нос. Посл. 6); божинька мой божинька, лучше б я ци утопиўся, ци удавиўся, *чым* я з тобой ожениўся (Зап. V, 711 Витебск.); *чимся* так жиць, пойду лепий к воўку (Шейн Мат. II, 258 Борис.); *чым* ма́иш швы́ндацца каля́ вугло́ў, лепей идзи на работу (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); ено́ ро̀биць бу᷍о́льш, *чым* усi᷍э̑ хварóбы разам (Сержп. 10 Слуцк.); лю́дзи *чым* да́лей, тым гары᷍э̑́й грашы́ли (ib. 74). Еще несколько замечаний об отдельных случаях: луччай бы я дав кусок сала. *чом* моя трава ўстала (Шейн Мат. II, 332 Гомельск.) (в *чом*, вероятно, опечатка вместо *чым*); лепи севба раняя *нячим* тая позняя (Зап. V, 820) (повидимому имеем слитие из *неж-чим* — «нежели чем»); кричиць, *на чим* свет стоиць (Нос. Посл. 69) — сокращенный оборот примерно из следующего: крычыць так моцно, як то, на чым свет стоиць.

ζ. В старинных произведениях при сравнительной степени известно и *нежели*; в живой речи оно употребляется довольно редко: ва᷈ще *ни᷒ли* за седмь летъ (126 Сб. XVI в. Крас.); лѣпше ꙋбоги᷈, *ни᷒ли* можны (6 Псалт. XVII в.); есть и᷒ болше᷈ *ни᷒ли* волосо᷈ на головѣ

моеⷭ (14б ib.); болшеⷭ в злоⷰти *ниⷤ* в доброⷨ (34б ib.); лепей цепер. *нижли* после (Нос. Сл. 339).

η. Есть случаи соединения сравнительных предложений в живой речи при посредстве союзов-наречий глагольного происхождения, возводимых к *быць*, *бачыць*: дожь *быть* дым закуриўся (Пщелко, Очерки 20); ен курчавый, *быць* баран (Никиф. Част. 37); иншия дзейкаюць, *бытцам* яны с присы́пушыв (Ром. IV, 217 Клим.); той и не чу́е, *ба́тцэ* гэто му́ха ўкуси́ла (Сержп. 47 Слуцк.); на людзей браха́ў, *батцэ-б* сваé дабро аберега́ў (ib. 138).

ϑ. В одном случае в сравнительном предложении встретилось *аж*, повидимому, в смысле «как»: так у нас все стало, *аж* николи того не бывало (Нос. Сл. 3).

Предложения изъяснительные, которые очень близки к рассмотренным раньше (стр. 466—468) предложениям следствия, обыкновенно соединяются с главным при посредстве следующих союзов:

αα. *иже*, *ижь*, происшедшего из соответствующего относительного местоимения (ср. Срезн. Мат. II, 1029): таково есть карание бо́жие *иже* человека по деломъ его судить (Ср 26б, Д 13 Скор. XVI в.); *и҃же* (= ὥστε) не оу҃бечи жадⷭномꙋ цр҃ю (1б Тайна Тайных XVI в.); такъ оучини ми г҃ь и такъ надъ даи *иже* см҃рть розлꙋчить (31б Библ. кн. XVI в. Вил. № 262) бѣ̂ше велⷭми моудр̂а. *и҃же* — пⷭровидѣла (4—5 Сб. XVI в. Крас.); боудеⷮ потⷭлачено. *и҃же* — никогⷭда ва̂ще не боудѫⷮ мѣти (67 ib.); што е̂ члв҃къ иⷤна него та̂ памата҃е̂ (11б Псалт. XVI в.); што̂ тобе стало море иⷤ есь побегло и тобе іе̂рдане иⷤ са наве҃ноу̂ вспа̂ (115 ib.); ꙋпали вси которие чинили зло̂ти, *ижъ* зопхнени не могу вста҃ⷩ (5б Псалт. XVII в.); погонꙗли мене злоти мои, такъ *ижъ* есми иˣ переглꙗнути не моглъ (14б ib.) (ták iżem ich przeyrzeć nie mogł); ближко того было же сꙗ мѣ захвитати ходъ моⷭ, иⷤесли бы҃л дꙋшо̂ (53 ib.). Живой белорусской речи подобные обороты не известны; в старом западнорусском языке они держались не без влияния польского языка (Małecki G. H., II, 479).

ββ. Предложения изъяснительные очень часто подчиняются и в старой и в современной речи союзом *аж*, который может быть распространен и прибавкой союза *но*: *ажно*, *ажну*, *ажны*. Этот союз употребляется и между членами слитного предложения [зрадливе чини҃л — *ажъ* до ѡмеᵖзенꙗ (4б Псалт. XVI в.); ѡ̃ всходꙋ сл҃нца *ажъ* до заходꙋ (29б ib.); седели есьмо у везеню до того часу, *ажъ* до свята Великодня (Акты В. А. К., т. 36, 20 Мин. XVI в.); видзиць — сусим яны сырыя, *ажны* позаплеснели (Ром. III, 21 Сенн.)], и в простом предложении для усиления значения какого-либо члена [пришолъ *аже* къ пръстолу (129 Скор. XVI в.); смириласа *а*ⷤ пе́рсть дш҃а наша (46 Псалт. XVI в.); ча̂ моꙗ бж҃е аⷤ на вѣки (55б Псалт. XVII в.)], но особенно он обычен между самостоятельными предложениями, из коих последнее показывает следствие, вытекающее из предыдущего; в некоторых случаях мы уже как бы имеем дело с подчиненным предложением; кое-где предложение, стоящее после указанного союза, как бы

констатирует только факт. Присутствие *ажъ* среди членов простого и слитного предложений, а также довольно самостоятельный характер предложений, начинающихся с него, могло бы дать право говорить о подобных предложениях в сочинении их, а не подчинении. Однако, принимая во внимание, 1) что многие случаи уже явно переходят в придаточные предложения, будучи непонятными без предшествующих главных, и 2) что *ажъ* и в других случаях (предложения дополнительные, обстоятельства времени) служит уже для обозначения внешним образом зависимости предложений,— мы и предложения следствия с этим союзом все отнесем к придаточным изъяснительным. Примеры: ѯдари Голиаѳа в чело, *аже* ѯвазъ камень в челе (Ц 38 Скор. XVI в.) (Библия 1506: аž); голова наскрозь ножомъ пробита, *ажъ* мозкгъ выплыл (Акты В. А. К., т. 36, 44 Мин. XVI в.); байбак бежиць, *аж* балахон его дрижиць (Нос. Загадки 198); чорт як стаяў, так и чубурдыхнуўся ў воду, *ажно* вода закипела, так и провалиўся (Зап. V, 703 Бых.); ён тоды щуп за голову́, *ажно* ў яго ро́ги на голове (Ром. IV, 159 Сенн.); хозяйка тая ўзрадовалась, побегла глядзець, *ажну* ни рыбы тэй, ни лисицы нигде нет ў коробе (Шейн Мат. II, 8 Витебск.); сяку, сяку дровы, *ажно* трески лятуць (Никиф. Част. 1568 Вилейск.); но́чы цюо̄плые, *аж* па́рыць (Сержп. 2 Слуцк.); леця́ць ены́, *аж* ві̄ʒцер калѐ ўшу́ свище (ib. 9); як загрымиць, *ажна* ў вачо́х пацямнела (Диснен., Сообщ. студ. Белявского). Констатируется только факт в следующих примерах: пылядзяць, *ажны* никого нема (Ром. III, 17 Сенн.); идзець свиньяня домой, *ажны* ляжиць вовк пыд мяжой (ib. 20).

γγ. Как и в других придаточных предложениях, возможен и здесь явный полонизм же, известный изредка только старым памятникам, напр.: вел҃ми ѡ҃б҃нищаѐть... такъ^{ж} редъкїй оус҃поминати ѐго бо̄удеть (140 Сб. XVI в. Крас.); ѯчини^{м} *же* ѯстанӯ ста̄ бжіи (57 Псалт. XVII в.).

δδ. Как и в восточнославянских языках вообще, в живом белорусском языке очень распространен в качестве изъяснительного союза *што*, напр.: так удало́сь, *што* баба забила лося (Нос. Сл. 717); што ты за чаловек такей, *што* мне коня мойго брата ня даеш (Шейн Мат. II, 158 Рогач.); дошли яны до такой поры, *што* хлеба не было́ куска (ib. 386 Борис.); верно, мойго ходзяина забито, *што* яго нячуць (Ром. III, 315 Сенн.); такого коня маеть, *што* ня можно от яго, ня можно ўтечь (Ром. VI, 331 Орш.); чым ты лепш, *што* будзишь смеятца з мяне (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); а ры́ба так узгуля́ласа, *што* рака кипи́ць (Сержп. 4 Слуцк.): я дам табе́ тако́го ды́хту, *што* з цебе й духи́ выпрэ (ib. 10); а си́ла ў яго́ така́я, *што* як дась мо́латам, дак аж кава́дло ў зе́млю хава́етца (ib. 12); вайшо̄оў ў таку́ю гущэчу, што й сві̄ʒту бо́жаго не бачно (ib.); быў адзи́н таки́ пан, *што* штоб ему́ хто ни сказа́ў, то ю̄он уже́ кажэ, што пра́ўда, так (ib. 43); цепе́р так нарбду намнуожыласо, *што* чуць земля́ их паднимае (ib. 73);

быў такі́ пага́ны, *што* як его́ й земля́ насила (ib. 76); его апанава́ў такі́ сміэх, *што* не мажэ́ аж вы́трымаць (ib. 178); na štoža ty tak pozvòlilaśa, *šta* taja baba v́eď'ma ćab'è wtopila (Верига Pod. 61 Лидск.).

εε. Предложение следствия начинается союзом *якож*: (тивуна) ледво жывого и вельми змордованого от них отнял, *якожъ* дей тотъ тивун с того битья не ведаю если будеть жыв (Акты В. А. К., т. 36, 53 Мин. XVI в.).

ξξ. Можно усматривать предложение изъяснительное и в следующем примере, где употреблен союз *каб*: цепер не той свіэ̑т настаў, *каб* байки слу́хаць (Сержп. 100).

ПРЕДЛОЖЕНИЯ УСЛОВНЫЕ И УСТУПИТЕЛЬНЫЕ

Предложения условные и уступительные составляют особую группу сложных предложений: они, собственно, сочиненные предложения, однако отдельные предложения, входящие в их состав, самостоятельно не мыслятся, каждое из них — одно без другого — не будут логически понятны, да и внешним образом каждое из входящих в состав таких предложений имеют особые обозначения, указывающие на их парность (если — то, хотя — однако); впрочем, эти обозначения легко могут быть и опускаемы (если, например, употребить повелительное в условном), и тогда связь рассматриваемых предложений с сочинением станет особенно очевидной; впрочем, союзы, употребляющиеся в белорусском языке, например, в условных предложениях, больше те же, что и в придаточных причинных или временных; отсюда близость рассматриваемых предложений к придаточным. Рассмотрим в отдельности каждый из отмеченных видов предложений.

а) УСЛОВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Условные предложения принадлежат к категории причинных; в одной части их обыкновенно содержится условие, при допущении или недопущении которого возможно или невозможно то действие или следствие, о котором говорится во второй части условного периода. Употребление изъявительного или сослагательного наклонений зависит от того, представляется ли условие действительным фактом или только возможным, а иногда и невозможным, недопустимым. Только в первом случае обыкновенно ставится изъявительное наклонение; во всех остальных сослагательное, а иногда повелительное без союза. Признак сослагательного *бы* примыкает к союзам, но в белорусском иногда он бывает также и при глаголе, вследствие чего получается как бы удвоение *бы*. Внешним образом предложения, входящие в состав условных, соединяются следующими союзами:

α. аже обыкновенно в предложении, которое содержит условие. Это тип условных предложений, известный древнейшим памятникам западнорусским и вообще древнерусским (ср. Срезн. Мат. I, 7—9).

Примеры: *аже* поидеть оугорьскыи король на литву, польскому королеви помагати, *аже* поидеть на русь што литвы слушаеть, королеви не помагати (гр. 1349 г.); *аже* побѣгнеть русинъ алюбо руска... или холопъ чии или роба, выдати его (ib.); *ажо* ми сѧ оучинить. не быть оу полот(ьсц)ѣ. даю сельце... (гр. XIV в. А. Д.); *ажо* оустоупитьсѧ. которыи. кназь. *да* судить ѥму. ст҃аѧ т҃рца (ib.). Живой белорусской речи подобные обороты не известны; союз *аже*, *ажь* обыкновенно употребляется в других видах придаточных предложений.

β. *если — ино*, *и* или что-нибудь подобное, но чаще отсутствие в обусловливаемом всякого союза; к *если* может присоединяться *бы*, которое может принимать к себе еще личные окончания хотя бы и вторичного происхождения. Рассматриваемые образования также больше свойственны старому языку, хотя и не древнейшего типа; в народной речи они встречаются редко и едва ли не под влиянием русской литературной речи. Примеры: *если* жъ бы не учинилъ, ино... (197 Статут 1588 г.); в Псалтырях XVI и XVII вв.: *єсли*ᵐ и в'чини҃ш'то; *єсли* и҃ є неправда ѩкаѧ в рѹкахъ моихъ; *ѣсли*ᵐ и҃ ѡда҃ злочиначиᵐ мнѣ зло нехаи҃ быхъ ѡна҃ ѡ҃ неприате҃ моихъ без пожитка҃ (10б) [iestlim ia to vczynił — niechći vpádnę od nieprzyiaćioł mych bez pożytku. (Врубель 7.4—5)]; да не посоромлю҃сѧ ѣ҃сли надева҃ сѧ на тебе (26б); *єсли* быхмо забыли и҃мѧ бг҃а нш҃о҃. и҃ ѣ҃сли быхмо по҃несли рѹки наши к бг҃ѹ чюжемоу. не бг҃ъ ли възыще сихъ (45б); *ѣсли* бы люди мои послоухали мене и҃ и҃ілъ *ѣсли* бы в дороги мои ходи҃ такы ничиᵐ быхъ примири҃ непріа҃телеи ѥ҃ (84); *ѣсли* мови҃ есми пороушила҃ нога моѧ (96); *ѣсли* не гь ѹстереже҃ города, неви҃ не не спѧт сторожи (128б); бо *ѣсли бы* не г҃ь бы҃ в на҃ а҃ потрафило бы повстаᵗⁱᵐ людеᵐ проти҃ на҃ снахбы живо были на҃ пожерли (127); *ѣсли* возмоу крыла мои҃ рано и҃ мешка҃ быхъ на краи морѧ. и таᵐ рѹка твоѧ... (134б); ѣсли взыидѹ на нб҃о ты ѣси тоу҃ (ib.); нехаи҃ прилнеи҃ ꙗзы҃ мои к деснаᵐ — *если* не вспоманоу тебе (133 Псалт. XVI в.); а *если* быхъ хотѣлъ ѡповѣдѣ҃ суды твои тогды их бо'ше' личбы есть (13б); але *если* снове его ѡпуста҃ зако҃ мо' — то҃ды просту҃ки их навежѹ розкою (89); а *если* кого змей куснець, тую рану водой омый (Шейн Мат. II, 548 Пореч.).

γ. *Если* развилось из вопросительного выражения *есть ли*; при общем стремлении языка к сокращению формы длинных союзов (что́ мы наблюдали неоднократно раньше), естественно, что и здесь представлялась возможность удовольствоваться только вопросительной частицей *ли*, приставляемой к сказуемому, напр.: тагатиса ѝс королемь, будеть *ли* ꙗлъ его король по кривдѣ, любартъ будеть правъ (гр. 1349 г.); будеть *ли* король правъ, намъ своего брата любарта дати оугорьскому королеви оу ꙗтъство (ib.); ѡмые҃ *ли* ма и҃ бо҃леи҃ снегѹ оу҃белю҃ (52 Псалт. XVI в.). Живая речь вопросительной частицы *ли* не знает, поэтому и рассматриваемого типа условных предложений в ней нет.

www.ruslang.ru

δ. В живой речи имеются подобные предложения (как в п. γ) с вопросительной частицей *ци*: цяпер жа *ци* хто едзя, *ци* хто йдзе, дак што-нибудзь да киня (Мат. Б. № 23 Минск.).

ε. Иногда для выражения условного предложения бывает достаточно одного условного наклонения глагола (с *бы*) без всякого союза, как это в старину встречалось и в польском языке (Małecki, G. H. II, 484), напр.: в котори колвѣ день *взыва*л *бы*м до тебе што наскорѣ вы́слуха менѐ (104б); реклъ же ихъ мѣлъ вытрати, *бы бы*л мойсе выбра́ны его не застав[л]ся (114б) [y powiedźiał że ie chéiał wytráćić, by był Moiżesz wybráńy iego nie stánął przed nim... (Радив. библ. 106.23)]; *бы былъ* на (чит. *ни*) законъ тво наѳкою моею, тогды бы[х] згину[л] в ѳтрапе́ню мое[м] (138б Псалт. XVII в.). Такие обороты иногда встречаются и в живой речи: не *было б* пастуха тут, ваўки́ зъели бы карóў. Сюда подойдет и пример: *абыб* гроши, все будзиць (Нос. Сл. 1).

ζ. О редких случаях выражения условного предложения повелительным наклонением речь была раньше (ср. стр. 385).

η. Иногда условие выражается и изъявительным наклонением сказуемого при местоимениях *кто*, *который*, *что* в роли подлежащего или вообще вопросительного слова, напр.: *кто* кому криво оучинить, надобѣ сѧ оупоминати старѣишему (гр. 1349 г.); оучинить *которыи* добрыи чл҃вкъ кривду, любо воєвода. а любо панъ оучинити исправу ис нимь (ib.); в десатыи дн҃ь *к'то* колве бѳдеть г'де сѧ съкры[л]. во вы́йде[т] (248—249 Сб. XVI в. Крас.); а *што* дей берженя и жерде у его лесе посекли, нехай дей панъ Грыгорей у моей пущы такъ же много собе лесу высечеть (Акты В. А. К., т. 36, 24 Мин. XVI в.); ѡ *што* ѡдно с҃творі ѳста свои выполню тобѣ (76 Псалт. XVII в.).

ϑ. Самый распространенный способ выражения условных предложений представляют союзы *коли* — *и*, *ино*, *то*, *так* и т. п.; во второй части может и не быть союза; отмеченный способ соединения частей условных предложений известен старым произведениям и особенно распространен в живой белорусской речи. Примеры: *коли* пойдуть... и вы бы ихъ пропускали (Св. 10, 1443 г.); штобы когонь *коли* оуе́сть... на мене возри[т] (4б Сб. XV в. Публ. б. № 391); *коли*... Витовтъ. на которѳю землю быва[л] гневе[н] и которѳю землю хотѣлъ сказнити. а любо си[л]ны[х] свои[х] воєводъ гдѣ хотѣлъ посла[ти] и комѳ *коли* с҃ ты[х] земль вѣле[л] к собѣ бы[ти]. и ѡни бе[з] всако[г] ѡслоушн[и]ества своєи земли пришли к нѣмѳ. и ве[з]дѣ ємѳ на помо́ были (86б Крас.); *коли* бы є҆смоса с҃ ц҃а и с҃ мат'ки народив'ши не потребовали ины[х] людей помочы — ѝнобы є҆смо не дол'жни (51 Катих. 1562 г.); *коли* дей рейстру мне не даси, я дей не повиненъ року складати и справедъливости чынити (Акты В. А. К., т. 36, 6 Мин. XVI в.); хто б дзятла знав, *коли б* не его довгий нос (Нос. Посл. 175); *кылиб* ты позваў морскаго сокола, тэй поеў бы ўсех звероў (Шейн Мат. II, 31 Горецк.); *коли* ня поймая, так голову долоў (ib. 52 Речицк.); *коли* ня обыграеш, так голова табе долоў з плячей (ib. 147 Игум.); *коли*

хоч, я тебе яго очищу (ib. 334 Пружан.); *коли* отгадаиш (загадки), то ўсих хлопцоў своих отдам табе за тбя, а *коли* нé, то повинен... (ib. 485 Борис.); тая, кажа, *коли* етой скрыночки не отдасци,— кончана наша жисць, не попадзём и домов (Ром. III, 175 Рогач.); *коли* бы ты яго увидив, дык бы и сам подивився бы, што то за дом такей (Ром. VI, 200 Мстисл.); *калй* буог не дась, та людзи не памóгуць (Сержп. 8 Слуцк.).

ι. В живой речи также распространен способ соединения частей условного предложения посредством *каб*—*тсб*, *дак* и под.; союз во второй части может и отсутствовать, напр.: *каб* я цибé боя́ўся, з мяне́ б дурынь смяя́ся (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); яна ж была́ б даўвнó здóхшы, *каб* я ни лячы́ўшы (ib.); *каб* не ўмерли, таб небо падперли (Сержп. 73 Слуцк.); *каб*—ба быў чоўночок—пираплыў на той бочок (Никиф. Част. 72); *каб* ты ўцякаў ба б, дык я догоняў ба б (ib. 1649 Вилейск.); *kab* i kràu pry u̯sièch, to ni bàczylib jehò (Федер. I, 100 Лысков.).

ϰ. Наконец, встретился случай в одной записи из Белостокского уезда, где части условного предложения соединены посредством *се*—*то*, как иногда бывает, по заявлению Огоновского (Studien, 213), в северноукраинских говорах: ой, *се* моя́ сестра́, то прашу́ я да хаты, а *се* сивая зазулька, то ляти́ ў луги кавати (Ром. Мат. Гр. III, 109) (=если—то).

λ. Отметим пример, где в протазисе деепричастие: ўзяўши я старую—старая не годзитца... Узяўши я старую—посцель ня посцелиць... (Ром. II, 209 Сенн.).

б) ПРЕДЛОЖЕНИЯ УСТУПИТЕЛЬНЫЕ

Предложения уступительные еще больше, нежели условные, напоминают сочетания предложений, именно—противительное. В них, однако, одна мысль не противополагается другой, а только несколько ограничивает ее, часто указывая на неожиданные результаты в сравнении с причинами. И здесь обе части периода соединяются парными союзами или целыми уступительными выражениями, но возможно и опущение союзов в той или другой части. Когда пропускается союз в первой части, то получается сложное предложение, ничем не отличающееся от двух предложений, сочиненных в противительном отношении, напр.: мы никоєго зла сотворша ємоу, а ѡнъ с нами оу докончании боуда. и престоупилъ крⷮтноє целованиє (17б Увар.).

В уступительных предложениях могут быть следующие союзы:

α. *ажь*, встретившееся только в старинном языке: ꙗ повѣдаю, *ажь* и̑ не вѣришь мнѣ (80—81 Сб. XVI в. Крас.).

β. *хотя*, *хоть*, *хочь*—*але* и под., но во второй части может и отсутствовать противительный союз, напр.: бѣ всякому хрестьянину,

хотя бы свои домъ поверга, а церкви постеречи (89 Лет. Авр. XV в.); *хотꙗ* бы гори ѡбалены были (24 Псалт. XVII в.); не буде^{м}ся бо҃ати, *хочъ* бы ся захвиꙗла зел^{м}ꙗ (24 ib.); ѯста мои будꙋ ѡповѣдати справедливо᷄ твою —, *хотꙗ* и^{х} личбы не вѣдаю (49 ib.); *хочъ* — страту приняти маемъ, слубуемъ (234 Гродн. Акт. кн. XVI в.); *хоць* за вола, была б в дворе не была (Нос. Посл. 173); *хоць* бы мы морем плыли, абыб скорей во дворе были (Нос. Сл. 1); етый (конь) жа пераляциць чéраз, *хоць* якая вода (Ром. III, 158 Рогач.); суседзи, *хоць* вéдома, и рады, што помёр чароўник, алиж ўсёшь, як той казаў, трэба помянуць (Шейн Мат. III, 258 Борис.); жыд *хоць* и махлю́я, але гарэ́лкай частуя (Ляцк. Посл. 12 Борис.); *хоць* ты за мине́ больший, але ду́рынь го́ршый (Мат. Б. № 11 Новоалекс.); *хоць* ты мяне́ стра́шыў, але яно́ сабе́ я цибе́ ни бою́ся (ib.); ена́ *хоць* была́ ещэ́ й маладая́, але не даў бу͡ог ю͡ой бу͡ольш дзейе́й (Сержп. 8 Слуцк.). Рассмотренный способ самый обычный для выражения уступительных предложений, но есть и другие, о чем ниже.

γ. *нехай* с изъявительным или сослагательным наклонением, с успехом заменяющее *хоця*, напр.: *няхай* бы яны погосьцили б дзень-два, а то другая нядзеля йдзе (Шейн Мат. II, 223 Волков.).

δ. *ни*, которому предшествует вопросительное или относительное местоимение или местоименное наречие, причем глагол может ставиться и в сослагательном наклонении, напр.: *сколькы* богу *ни* молиўся, я ў святыи ни попаў (Никиф. Част. 781 Полоцк.); божа збаў, *чаго* ен *ня* робиў (Шейн Мат. II, 146 Игум.) (смешение *ни* и *не*); *што ни* рабі́ли Се́мко з жу͡онкаю, *яких* ту͡олько варажбиту͡оў *не* звали, *яки́х* зелью͡оў *не* дава́ли, — ничо́го не памагло́ (Сержп. 8 Слуцк.); *куды́ ни* пры́дзе — бачыць (ib. 15 Мозыр.); *ў каго бы* ты *ни* папраси́ў, ўся́кий дасць. Иногда *ни* может и отсутствовать: *што* махне́, дак дзе́сяць дубу͡оў и паляци́ць, бы чараци́ны (Сержп. 13 Слуцк.); конь мой милый, *адеб* ты быв, ко мне прибыв (Ром. VI, 305 Черик.).

ε. Только на основании значения, но не с формальной точки зрения можно усматривать уступительный характер в следующем выражении: а *буд҃чи вызышо́ны* есте^{м} понижоны (85б Псалт. XVII в.).

* * *

Ограничивая содержание синтаксиса рассмотрением простого и сложного предложений, я не касаюсь ни словорасположения, ни логического ударения в предложении, ни энклитических слов, ни эллипсисов и т. п. (ср. W. Vondrák, V. Sl. Gr. II, 522—541), так как не обратил в свое время внимания на эти стороны языка и в настоящее время не имею соответствующего материала, хотя в белорусском

языке и в этом отношении есть немало любопытного, напр.: эллипсис целых предложений: тб̀ б твой быв сын — ёсьт̄ь на третьт̄ем то царстьви-государстьви баня: дак старый помы́етця — молод станет̄ь (Ром. VI, 195 Черик.); неполнота в построении сложного предложения: adna dcieu̯ka *zamiz na wszu* paszłá ź miėlszaju sieṣtróju u̯ lies pa sunicy (Федер. I, 139 Слоним.); непоследовательность в выражении: брата жалко, а сумка еще жалчей (Шейн Мат. II, 33 Горецк.); особое расположение слов: не ѵпалъ ѵ пленицу бесов'скую (35 Катих. 1562 г.); с̃волоки лѣтъ сто (2 Библ. кн. XVII в. Толст. № 158).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

(Римская цифра обозначает выпуск, арабская — страницу)

Аппель К. I, 212; II, 57, 230

Белич А. И. III, 332
Бернекер Э. (Berneker E.) II, 12, 17; III, 426
Бессонов П. А. I, 46, 287, 310, 344
Богородицкий В. А. I, 141
Бодуэн-де-Куртенэ И. А. I, 212, 276
Бодянский О. М. I, 275; II, 290
Бойе П. (Boyer P.) I, 394
Брандт Р. Ф. I, 41, 42, 149, 156, 162, 226, 234, 266, 300, 340, 393, 412, 417, 422
Бругман К. (Brugmann K.) II, 12
Брюкнер А. (Brückner A.) I, 90, 253; II, 76, 246, 249, 259, 268, 292
Будде Е. Ф. I, 149
Булич С. К. I, 318, 355; II, 71
Буслаев Ф. И. I, 86; II, 63; III, 311, 343, 375, 376, 412, 413, 433, 451
Бычков А. Ф. II, 209
Бычков И. А. I, 10

Васильев Л. Л. I, 163, 203, 263
Вахевич Б. А. I, 27
Верига I, 86
Верхратский А. (Verchratskij A.) I, 393
Владимиров П. В. I, 71, 90, 137, 165, 181, 259, 305, 324, 345, 376, 379, 407; II, 47, 51, 128, 146, 179, 191, 192, 252, 287; III, 429, 430, 469, 486, 490.
Войнилович II, 290
Вондрак В. (Vondrák W.) I, 394; II, 12, 28, 82, 104; III, 311, 426, 434, 440—442, 464, 469, 475, 476, 480, 488

Ганка В. I, 53
Ганкевич К. (Hankiewicz Cl.) I, 393
Гануш (Hanusz J.) I, 393
Гебауер Я. (Gebauer J.) I, 157, 304, 306, 315; II, 70, 104, 118, 121, 156
Гейтлер (Geitler L.) I, 359
Гошек (Hošek J.) II, 126
Гринченко Г. Д. II, 12, 67, III, 391
Грот Я. К. I, 176, 227, 237, 393, 442
Грунский Н. К. III, 312
Гуйер (Hujer O.) II, 71

Даль В. И. I, 410—411, 412, 414, 416
Даничић Б. II, 156
Дельбрюк (Delbrück B.) III, 408, 416
Дмитриев М. II, 172
Добровольский В. Н. I, 147, 148, 153, 314
Добрянский Ф. Н. I, 10, 200
Довнар-Запольский М. В. I, 124, 207, 238, 230, 240, 387
Дурново Н. Н. I, 340; II, 281

Ельсин А. И. I, 394

Желеховский Е. I, 413, 414
Житецкий П. I, 133; II, 263, 285, 291

Запольский см. Довнар-Запольский
Зизаний Л. I, 277

Ильинский Г. А. I, 376; II, 44

Калайдович К. I, 43
Калина (Kalina A.) II, 104, 121, 156, 174, 177
Каманин И. I, 77
Карлович (Karłowicz J.) I, 86
Карпинский М. I, 90
Карский Е. Ф. I, 35, 49, 53, 86, 87, 90, 97, 99, 110, 139, 157, 165, 178, 182, 191, 206, 216, 255, 281, 368, 437; II, 12, 17, 18, 70, 163, 236, 291 и др.
Катков М. Н. I, 43
Клих (Klich E.) I, 117, 121, 126, 145, 154, 158, 184, 185, 208, 240, 267, 286, 296, 297, 329, 353, 361, 373; II, 236, 245, 258 и др.
Козловский Игн. III, 422
Колосов М. А. I, 164, 252; II, 204, 260, 297
Колотовкин Ф. I, 312
Коробка Н. I, 383
Корш Ф. Е. III, 472
Крижанич Ю. I, 345, 365, 370
Крымский А. II, 104, 116

Лагун А. I, 268
Ламанский В. И. III, 375
Лескин (Leskien A.) II, 104
Лось И. Л. II, 87, 89
Ляпунов Б. М. II, 240, 255.
Ляцкий Е. А. I, 86, 124

Малевич С. I, 109, 125, 144, 202, 213, 288
Малэцкий (Małecki A.) II, 116; III, 312, 319, 320, 344, 405, 474, 475, 496

Миклошич Ф. (Miklosich F.) I, 112, 137, 251, 255, 256, 302, 340, 352, 359, 373, 377, 390; II, 12, 29, 70, 92, 104, 223, 298, 299; III, 311, 319, 339, 347, 369, 374
Микуцкий С. I, 116, 385; II, 228
Михайлов А. В. I, 290

Назаревский А. А. III, 390
Напьерский К. I, 50, 53
Недешев И. I, 90, 135, 154, 180, 217, 230, 346
Никифоровский Н. Я. I, 148, 202, 268, 270, 305, 326, 329, 344, 348, 359, 362; III, 313
Нич К. (Nitsch K.) I, 183, 192
Носович И. И. I, 344, 408

Овсянико-Куликовский Д. Н. III, 311, 319, 362, 363, 366, 449
Огоновский Е. (Ogonovski E.) I, 133, 393, 415, 418, 422, 433, 437, 440, 441, 443; II, 40, 48, 51, 60, 63, 76, 104; III, 312, 315, 317, 326, 334, 344, 348, 358, 368, 371, 375, 379, 381, 394, 395, 399, 400, 416, 423, 425, 426, 428, 497

Педерсен Г. II, 94
Перо (Pérot G.) I, 394
Погодин А. Л. I, 304; II, 48, 49
Покровский В. I, 312
Попов А. В. III, 319
Попов А. Н. I, 138; III, 416, 420
Поржезинский В. I, 35
Потебня А. А. I, 45, 111, 133, 141, 166, 197, 235, 242, 261, 369; III, 310, 311, 321, 328, 339, 340, 357, 361, 363, 366, 399, 409, 444
Пташицкий С. Л. I, 28, 53, 71
Пщелко А. Р. III, 330

Рамзевич Н. I, 268
Ровинский В. П. I, 410
Рожнецкий Ст. II, 94
Розвадовский (Rozwadowski J.) I, 35, 86, 118—120, 125, 127, 129, 130, 194, 195, 197, 207, 208, 210, 240, 333
Романов Е. Р. I, 46, 86, 115, 246, 265, 310, 313, 319, 344, 348, 409; III, 317
Рыбников I, 334
Рыпинский I, 86, 332

Савва еп. I, 50
Сапунов А. I, 50
Сахаров И. I, 50, 53, 71
Святицький Ів. I, 13
Семенович А. III, 374
Сержпутовский А. К. III, 313
Sievers E. I, 35
Соболевский А. И. I, 10, 28, 49, 52, 71, 86—90, 95, 110, 119—121, 124, 133, 147, 148, 150, 163, 165, 171, 177, 181, 205, 219, 223, 227, 232, 233, 235, 238, 240, 289, 304, 312, 314, 332, 336, 337, 350, 351, 360, 361, 363, 378, 382, 384, 385, 394; II, 106, 112, 121, 127, 135, 140, 156, 163, 171, 190, 192, 209, 210, 225, 252, 258, 261, 267, 276, 289; III, 326, 332
Соколов Н. Н. I, 35
Срезневский И. И. I, 50, 52, 56, 96, 179, 240, 304, 323, 341; II, 18, 197, 208; III, 440, 464, 475, 476, 486, 492, 494
Стасов В. I, 71
Storm I, 36

Толстой Ф. I, 71
Томсон А. И. I, 35
Тупиков Н. М. I, 87, 101
Тышкевич Е. I, 86

Фасмер М. Р. II, 26
Федеровский М. (Federowski M.) I, 86, 104, 124, 125, 132, 144, 361, 405; II, 228
Фортунатов Ф. Ф. I, 340; II, 255; III, 312, 386
Фурсевич А. I, 208

Цецерский кс. II, 67

Чечот Я. I, 86, 299, 332; II, 258
Чудовский Н. И. I, 124, 208

Шахматов А. А. I, 42, 90, 100, 113, 119, 124, 126, 133, 140, 149, 152—154, 156, 159, 172, 178, 181, 186, 188, 194, 205, 214, 235, 247, 253, 254, 258, 259, 265, 300, 301, 393
Шейн П. В. I, 86, 123, 215; II, 172
Шляков Н. В. II, 104

Ягич И. В. (Jagić V.) I, 95, 96, 214, 289; II, 46, 87, 156, 194, 258; III, 311, 339, 357, 361, 363
Янчук Н. I, 123, 124, 132, 193, 237, 239

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Стр.

От редактора 3

Выпуск второй

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Предисловие автора к первому изданию 7

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Общие замечания о частях слова. Наша ближайшая задача (11—12). Образование новых слов по аналогии существующих (12). Рассмотрение образований не соотносительных с другими (12—13). Словообразование занимается главным образом суффиксами (13).

А. Образование слов при посредстве суффиксов . . . . . 13—86

Древние суффиксы и новообразования в белорусском языке (13). Изменения в старинных суффиксах (ib.). Какие суффиксы составят предмет нашего исследования (ib.).

I. Суффиксы, употребляющиеся для образования основ частей речи, изменяемых по склонениям и спряжениям . . . . . 13—64

Деление их на суффиксы именных основ и глагольных (13).

1. Именные и местоименные основы . . . . . 13—55

Основы на гласные и согласные (13—14). Современное их состояние в белорусском языке (14). Система дальнейшего изложения (ib.).

а) Суффиксы имен существительных . . . . . 14—41

Суффикс *-о-* у слов мужского рода и его смешение с *-ŭ-* (14—15). Вид этого суффикса в именительном падеже и современное состояние этой формы (ib.). Именительные мужского рода на *-о-* (15). Смешение основ на *-о-* с основами на *-а-* (15—17), *-i-* (17—18) и согласные (18). Следы основ на *-ŭ-* (ib.). Суффикс *-о-* у слов среднего рода (ib.). Переход сюда некоторых слов, принадлежащих основам на согласные среднего рода (ib.), и даже основ на *-а-* (ib.), а также *-ū-* (19).

Суффикс *-а-* у слов женского рода (ib.). Переход сюда слов среднего рода с основами на *-о-* (19—20). Исчезновение *а* в окончании (20). Переход сюда слов мужского рода с основами на *-о-* и *-ĭ-* (ib.), женского рода (21), женского рода с основами на *-ū-* (ib.).

Суффикс *-ĭ-* у слов женского рода (ib.). Переход сюда основ на *-о-* (ib.), *-а-* (ib.), *-ū-* (21—22). Судьба слов мужского рода с основами на *-i-* (22).

Суффикс *-ū-*. Судьба этих слов и память о них (ib.).

Суффиксы на согласные: *-тел-*, *-ер-*, *-ент-*, *-ес-* (ib.).

Суффиксы с *j*: следы этого звука в словообразовании (23). Суффиксы *-ъје-* (ib.), *-ъја-* (ib.), *-ъјь-* (ib.); *-ейа* (ib.) *-ай* (23—24), *-уй* (24), *-ай* или *-ей* (ib.).

Суффиксы с *в*: *-ва-*, *-во-*, *-иво-* (24). Происхождение *-ов-*, *-ев-*, больше входящих в состав сложных суффиксов (ib.). Суффикс *-оуйо-* (ib.).

Суффиксы с *л*: *-ъл-ло-* (24—25), *-ла-* (25); *-ал'-*, *-ал-* (ib.); *-ул'а*, *-'ул'а*, *-ул'ка*, *-ул'ен'ка* (ib.). Другие случаи (ib.). Заимствованное из польского *-dl-* (ib.).

Суффиксы с *р*: *-ар-*; *-ыр-* (ib.); *-ур-*, *-'ур-*, *-урка* (25—26); *-еро-* (26), *-ер-*, *-ор-* (ib.), *-тра* (ib.).

Суффиксы с *н*: *-но*, *-на* (ib.); *-н'а* (ib.); *-ан* (ib.); *-анка*, *-'анка* (26—27); *-ен'* (27); *-ена* (ib.), *-ен'ка*, *-он'ка*, *-онка* (ib.); *-но* (ib.); *-ник*, *-н'ица* (27—28); *-ина* (28), *-ин* (ib.); *-ин'а* (ib.); *-изна* (28—29); *-он* (29); *-ун* (ib.); *-ун'а*; *-тн'а* (ib.).

Суффиксы с *м*: *-ма*; *-ман*; *-мен'*; *-им* (ib.).

Суффиксы с *б*: *-у-ба* (ib.).

Суффиксы с *д*: *-да*; *-у-да*; *-ында́*; *-енд'з'ей*, *-ирд'з'ай* (30).

Суффиксы с *т*: *-ат* (ib.); *-ет*/*-'ота* (ib.); *-от*/*-'ота* (ib.); *-от'* (ib.); *-ут*/*-'ута* (ib.); *-ут'* (ib.); *-ит* (ib.); *-тух* (30—31), *-т'ай* (31); *-ство*, *-ст*; *-енц'ийа* (ib.).

Суффиксы с *з*: *-зно*, *-'аз-* и др. (ib.).

Суффиксы с *с*: *-ас*/*-аса* (ib.); *-ос* (ib.); *-ес* (ib.); *-иско* (ib.); *-с'*/*-с'а* (31—32); *-ск*/*-ска* (32).

Суффиксы с *ц*: *-ц* (ib.); *-ца* (ib.); *-ица* (32—33).

Суффиксы с *г*: *-га* (33); *-ог*/*-ога* (ib.); *-уга* (ib.), *-уг* (ib.), *-уган* (ib.); *-ыга* (34); *-ага* (ib.); *-ог'ел'* (ib.).

Суффиксы с *к*: *-ко*/*-ка* (ib.), *-ул'ка*, *-ул'ен'ка*, *-очка*/*-ечка*, *-ынка*, *-инка* (34—35); *-ака* (35); *-ека* (ib.); *-ыка* (ib.); *-аж* (ib.); *-ик*, *-н'ик* (35—36); *-ек* (36); *-ок* (ib.), *-унок* (ib.), *-ынок*, *-енок* (ib.); *-к* (ib.), *-ачок* (ib.); *-ук*, *-ука* (ib.).

Суффиксы с *х*: *-ах* (ib.); *-ха* (ib.); *-иха* (36—37); *-ох*, *-оха* (ib.); *-ух*, *-уха* (ib.); *-ухна* (37—38); *-х'ен'* (38).

Суффиксы с шипящими. Общее замечание (ib.).

Суффиксы с *ж*: *-ажка*, *-ужка* (ib.).

Суффиксы с *ш*: *-ша* (ib.); *-ыш*/*-иш* (ib.); *-уша*, *-ушка*, *-ушечка*, *-ышка* (ib.).

Суффиксы с *ч*: *-ач* (ib.); *-ача* (ib.); *-ич*, *-ов'ич*, *-ев'ич* (38—39); *-ыч* (39); *-чык* (ib.); *-ичак*, *-ичко* (ib.); *-ечак*, *-очак*, *-ечка*, *-очка*, *-иночка*, *-он'очак* (ib.); *-чуга*, *-чуган* (ib.); *-чына* (ib.); *-чен'ко* (ib.).

Суффиксы с *щ*: *-щыч*, *щык* (ib.); *-щанка* (ib.); *-оущына* (ib.); *-ище* (ib.), *-ощы* (40).

Суффиксы основ на *ъ*: мягкий согласный (ib.); *-'ад'з'* (ib.), *-ц'*, *-сц'*, *-ец'*, *-оц'* (ib.), *-оу* (ib.), *-ен'* (ib.), *-ин'* (ib.).

Суффиксы основ на согласные: *-атка*/*-атко* (41), *-атун'ка* (ib.).

б) Суффиксы имен прилагательных . . . . . 41—51

Общее замечание об этих суффиксах (41). Исчезновение основ на *-й-* и *-ъ-* (ib.). Судьба основ с *-о-*/*-а-* (ib.).

Суффиксы с *j*: *-ијь*, *-ија*, *-ије* (41—42).

Суффиксы с *в*: *-ов-*/*-ев* (42); *-ав-* (ib.); *-ив-* (ib.).

Суффиксы с *л*: *-л-*, *-ил-*, *-ял-* *ол-* (ib.).

Суффиксы с *р*: *-арашн'ий* (ib.); *-арный* (43), *-оршй* (ib.).

Суффиксы с *н*: *-ян-* (ib.); *-ц'ян-* (ib.), *-д'з'ян-* (ib.); *-ан-* (ib.); *-ин-* (ib.); *-нн-* (ib.).

Суффикс с *м*: *-м'ан* (ib.).

Суффикс с *п*: *-упас'ен'к-* (ib.).

Суффикс с *д*: *-д-* (44).

Суффиксы с *т*: *-ат-*, *-оват-*, *-атн-*, *-атчат-* (ib.); *-ит-* (ib.); *-ут-*, *-утк*, *-утен'к* (ib.); *-аст-*, *-асц'ен'к-* (ib.); *-ист-* (ib.); *-отн-* (ib.).

Суффикс с *з:* *-изн* (45).
Суффиксы с *с:* *-ас-* (ib.); *-асн-* (ib.); *-осн-* (ib.); *-ос'ен'к-* (ib.); *-ус'ен'к-* (ib.).
Суффиксы с *ц:* *-уц'ин'к-*, *-цк-* (ib.).
Суффиксы с *к:* *-к-* (45—46); *-ск-* (46); *-ен'к-* (ib.).
Суффиксы с *х:* *-х-*, *-ахн-*, *-ухн-* (ib.).
Суффиксы с *ш:* *-ш-* (ib.); *-айш-* (ib.).
Суффиксы с *ч:* *-ач-* (ib.), *ен'ачк-* (ib.); *-учк-* (ib.).
Суффиксы с *щ:* *-ащ-*, *-уш-* (ib.).
Образование сравнительной степени с суффиксами: *-ей*, *-ейе* (47); *-ейшый*, *-шый* (ib.); *-щый* (48); *-оше*, *-ошый* (ib.); с приставкой *по-* (ib.); сравнительная степень от других основ к прилагательным: 1) *добры(й)* (48—49), 2) *злы(й)* (49), 3) *велики(й)* (ib.), 4) *многи(й)* (ib.), 5) *малы(й)* (ib.), 6) [*блази(й)*] (ib.), 7) [*хутки(й)*] (ib.), 8) *лац ней* (ib.).
Образование превосходной степени (50) 1) с приставками: *най-* (ib.), *на-* (ib.), *пре-* (*пра-*, *при-*) (50—51), *за* (51); 2) с прибавкой наречий (ib.); 3) посредством повторений прилагательных (ib.); 4) посредством суффиксов, показывающих обилие качества (ib.).
в) Суффиксы местоимений . . . . . 51—54
Общее замечание о местоименных основах (51). Основы *тоб'ä*, *соб'ä* (52).
Новые суффиксы в местоимениях: *вьсь* (ib.), *этотъ* (ib.), *инъ* (ib.), *кажьдо* (ib.), *овъ* (53), *съ* (ib.), *сиць* (ib.), *тъ* (ib.), *ыкъ* (ib), *онъже* (ib.).
Ласкательные суффиксы у местоимений: *-ен'к-*, *-утен'к-*, *-ус'ен'к-*, *-к'и*, *-ка*, *-ичко*, *-тко*, *-чк'и* (52—54).
Местоименные новообразования: *ихни(й)*, *ихны(й)*, *наськи(й)*, *ягоны(й)*, *явоны(й)*, *такоўски(й)*, *нигодны(й)*, *жадзен* (54).
г) Суффиксы числительных . . . . . 54—55
Общее замечание о них (54). Суффиксы уменьшительные и ласкательные у числительных (55). Числительные *двой*, *обой* (ib.). Собирательные числительные с суффиксами *-оро-/-еро-/-ерко-* (ib.).
2. Глагольные основы . . . . . 55—64
Общий характер этих основ (55). Отличие их от именных (ib.). Основы неопределенного и настоящего времени (ib.). Влияние их друг на друга (ib.).
Подравнение основы настоящего времени основе неопределенного: в формах отдельных глаголов, в отдельных суффиксах, представляющих первоначально отличие в основе неопределенного и настоящего (55—57).
Подравнение основы неопределенного основе настоящего времени: в целых слогах, гласных звуках суффиксов и согласных корня или суффиксов (57—58).
Особенности отдельных основ. Глаголы, произведенные от других частей речи, их суффиксы (58).
Основы: *кладави-* (ib.), *седави-* (ib.), *садави-* (ib.), *выня-* (ib.), *цвит-* (ib.), *чу-* (ib.), *плы-*, *плуйе-* (59), *рю-* (ib.).
Особенности глаголов с основами на *-ну-/-не-*; основы на *-ану-/-ане-* (ib.).
Особенности глаголов с основами на *-ь-* (ib.).
Основа *гони-* (ib.).
Особенности глаголов с основами на *-а-/-айе-* (59—60); образования на *-ка-* (60), *-а-/-уйе-* (ib.).
Особенности глаголов с основами на *-ова-/-уйе-* и *-ыва-/-ива-* (60—61); появление в основе настоящего *-ыйе-/-уйе-* вм. ожидаемых *-ывайе-/-ивайе-* (61); случаи пропуска в неопределенном *ы — и* (ib.).
Способы выражения видов в белорусском языке: многократного (61—62), особенно однократного: отглагольные междометия (62—63). Замечание о выражении залогов (ib.).

Употребление уменьшительных и ласкательных суффиксов в неопределенном глагола, больше в детской речи: *-к'и; -ен'к'и (-ин'-к'и/-ан'к'и); -он'к'и (-ын'к'и/-ен'к'и); -е(и)чк'и (ачк'и); очк'и (ычк'и); ухны* (63—64).

II. Суффиксы, употребляющиеся для образования неизменяемых частей речи . . . . . 64—86

Первообразные и производные неизменяемые части речи (64). Связь последних с именными формами (ib.); суффиксы неизменяемых частей речи (65). Порядок изложения (ib.).

а) Наречие. Непроизводные наречия (65—66). Наречия, образованные с суффиксами: *-ва* (66), *-да- -ды* (ib.), *-ойу/-ой/-ейу* (66—67), *-дых* (*-ых/-ах*) (67), *-ма* (67—68), *-м'и* (68), *-л'/-л'и/-л'е/-л'а* (ib.), *-ка* (68—69), *-к'и* (69), *-ку* (69—70), *-оу* (70—71), *-че/-ч/-чы* (71), *-с'/-с'а* (ib.), *-ъ* (ib.), *-жны, ус'ин'к'и* (ib.); суффиксы, стоящие в связи со сравнительной степенью (71—72); наречия, произведенные от числительных (72). Наречные выражения, представляющие форму падежей: именительно-винительного (72—74), родительного (74—75), дательного (75), творительного (75—76), местного (76—77). Наречия, произведенные от глаголов (77—78).

б) Предлог. Более замечательные из первообразных предлогов (78—79) и производных (79—80). Существительные в роли предлогов (80—81).

в) Союз. Союз *а* и сложные с ним (81—82). Другие союзы, отступающие от литературной речи (82—83). Союз *т'и — ц'и, чы* (83). Более редкие союзы, встречающиеся только в старинных произведениях, а также в современной речи (ib.). Союзы, произведенные от склоняемых и спрягаемых частей речи (83—85).

г) Междометие. Виды междометий в белорусском языке (85—86).

Б. Образование слов при посредстве удвоения корня . . . . . 86—87

Случаи удвоения корней и слов в белорусском языке (86). Разные изменения внутри слова при удвоении корня (ib.). Случаи удвоения корня в белорусском: в междометиях, местоимениях, частицах, именах существительных и в глаголах (86—87).

В. Образование слов при посредстве сложения с другими словами . . . . . 87—101

Общее замечание о сложных словах (87). Соотношение частей сложения (ib.). Части речи, входящие в состав сложных слов (ib.). Значение второй части сложного слова при классификации их (87—88). Разные способы сложения слов (слитые и собственно сложные слова) (88). Отсутствие строгого различия в сложных словах, произведенных от сложных, особенно в числительных (ib.). Синтаксическое соотношение частей сложных слов (ib.). Стройность образования сложных слов в народном языке (ib.).

Виды сложных слов в белорусском языке

I. Слитие слов (88—98):

1. Вторая часть — склоняемое слово (88—96):
   а) соединение имени с именем (88—90),
   б) соединение глагола с именем (90),
   в) соединение наречия, предлога, приставки, частицы с именем (90—93),
   г) сложные имена числительные (93—96).
2. Вторая часть — спрягаемое слово (96):
   а) глагол + глагол (ib.),
   б) имя + глагол (ib.),
   в) наречие, предлог, приставка, союз, частица + глагол (ib.).
3. Вторая часть — неизменяемое слово (97—98):
   а) имя + неизменяемое слово (97),
   б) глагол + неизменяемое слово (ib.),
   в) неизменяемое + неизменяемое слово (97—98).

II. Собственно сложные слова (99—101).
Окончание основы в первой части таких слов (99).
Соотношение частей собственно сложных слов:
а) определительное (99—100),
б) дополнительное (100),
в) обладательное, или атрибутивное (101).
Г. Сокращенные слова . . . . . 101—102
Причины сокращения слов и примеры (ib.).
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ 103—302
Содержание этой части исследования (103). Причины, вызвавшие отличие белорусского языка в словоизменении от древнерусского и современного литературного русского языка (ib.). Общий характер типичных западнорусских особенностей в отделе флексий (ib.). Система изложения (103—104).
СКЛОНЕНИЯ . . . . . 105—250
Общее замечание о порядке изложения (105). Влияние категории рода на распределение слов по склонениям (ib.). Принятая нами группировка склонений (105—106).
Особенности белорусского языка в области числа (106): двойственное число, именительно-винительный падежи при *два — две, оба — обе* (106—107) и помимо указанных слов в старинном языке (107—108), в современной речи (108—110); родительно-местный падеж двойственного числа (110—111); дательно-творительный падеж (111—112); выражение множественного числа при помощи имен собирательных среднего (112—114) и женского рода (114—115).
Число падежей в белорусском языке (115) и замена одних падежных форм другими: винительного падежа родительным (115—118); совпадение в некоторых случаях местного с дательным (118).
Распространенность во множественном числе всех основ окончания *-ам, -ам'и, -ах* (118—119).
Склонение имен существительных . . . . . 119—189
1. Основы на *-о-/jo-* . . . . . 119—157
Какие слова принадлежат к этим основам (119) и что вызвало расстройство в старинных формах (ib.).
Особенности отдельных падежей единственного числа: именительный падеж мужского рода на согласный и *-й* (119—120), на *-о* (120—121), на *-е* (121). Звательный в роли именительного (121—122). Именительный у слов среднего рода (122). — Родительный падеж на *-а* (ib.), на *-у* (123—124), на *-его* (124). — Дательный падеж на *-у* (ib.), *-ов'и/-ев'и* (124—125), *-ей* (126), на *-и* (ib.). — Винительный падеж: выражение его Формой родительного (126—127), Формой звательного (127); винительный у слов мужского рода на *-о* (ib.). — Звательный падеж на *-е* (127—128), на *-у* (128—130), на *-о* (130), на *-се* вм. *-ше* (ib.). Замена звательного падежа именительным (ib.). — Творительный падеж на *-ом/-ем* (130—131); на *-ем* и *-jу* (131). Пропуск окончания творительного (ib). — Местный падеж на *-е* = ѣ и *и* (131—133), на *-у* (133—134), на *-ов'и* (134).
Особенности отдельных падежей множественного числа. Именительный падеж мужского рода на *-и* (134—136), на *-ы* (136—137), на *-е* (= старому *ъ* и новообразования) (137—138), на *-е* (из согласных основ) (138), на *-ов'е/-ев'е* (138—140), на *-а* (140). Окончания именительного падежа в среднем роде на *-а* (141), на *-ы/-и* (141—142), на *-е* и *-и* (142). — Родительный падеж мужского рода на согласный (= старинному ъ и ь) (142—143), на *-ов/-ев* (143—144), на *-ей* (144—145). Родительный падеж среднего рода — старинный на согласный (145), на *-ов/-ев* (ib.), на *-ей* (146), на *-ией*

(ib.), на *-ихъ* и на *-а* (ib.). — Дательный падеж на *-омъ/-емъ*, на *-амъ* (146—147), *глазъ'о́мъ* (147—148). — Винительный падеж на *-ы/-и* после задненебных (148—149), на *-и* (на месте *-ѣ*) (149), на *-е* из *-ѣ* (ib.), на *-е* из *-е* основного (ib.), на *-ове* (ib.), на *-а* из *-ѧ* (149—150). Замена винительного родительным (150). Винительный падеж среднего рода на *-ы* (ib.). — Творительный падеж на *-ы/-и* (150—151), на *-м'и* (151—152), на *-ам'и* (152—153), на *-мы* (153), на *-ма* (ib.). Замена творительного падежа дательным (ib.). — Местный падеж на *-ехъ* (из *-ѣхъ* и даже на месте *-ихъ*) (153—155), на *-ох* (155—156), на *-ах* (156—157).

2. Основы на *-й-* . . . . . 157—159

Какие слова сюда принадлежали (157). Остатки основ на *-й-* в старом западнорусском и современном белорусском языке, а также новообразования в единственном числе: именительный падеж (ib.), родительный падеж (ib.), дательный падеж (ib.), винительный падеж (ib), звательный падеж (ib.), творительный падеж (ib.), местный падеж (158); во множественном числе: именительный падеж (ib.), родительный падеж (ib.), дательный падеж (ib), винительный падеж (ib.), творительный падеж (159), местный падеж (ib.).

3. Основы на *-а-/-ја-* . . . . . 159—171

Общее замечание об относящихся сюда словах и об устойчивости основ на *-а* (159). Особенности отдельных падежей — в единственном числе. Именительный падеж на *-а* и на *-и* (159—160). — Родительный падеж на *-ы* (160), на *-е* из *-ѣ* (160—161), на *-и* (161). — Дательный падеж на *-е* = *ѣ* и *-и* (161—161); редкие и единичные формы дательного на *-ов'и*, *-у*, *-ей* (162). — Винительный падеж на *-у* (162—163), сходный с именительным (163), винительный падеж *пану́ю*, *ваштиѧ*, *голаў*, *грывó* (ib.). — Звательный падеж на *-о* и *-е* (163—164), замена его именительным (164—165), звательный с утраченным конечным гласным (165). — Творительный падеж на *-ойу* и *-ейу*, *-ой* и *-ей* (ib.), на *-эй* и *-ый* (ib.), на *-ом* (166). — Местный на *-е* = *ѣ* и *-и* (ib.); форма родительного на месте местного (ib.).

Множественное число. Именительный падеж на *-ы* (*-и* после задненебных) (166—167), на *-е* из *-ѣ* (ib.), на *-и* (ib.), на *-ие-* *-ее*, *-еве* (168). — Родительный падеж со старинными окончаниями (ib.), на *-оў* (168—169), на *-ей* (169), на *-н*, *-н'* (ib.). — Дательный падеж на *-ам* (ib.). — Винительный падеж на *ы/-и* (ib.), на *-е* и *-а* (из *-ѣ*) рядом с *-и* (169—170). — Творительный падеж на *-ам'и* (170), на *-амы* (ib.), на *-м'и* (ib.), на *-ы* (ib.), на *-ам* (ib.). — Местный падеж на *-ах* (171), *-их* (ib.), *-ох* (ib.).

Двойственное число у основ на *-а-* (ib.).

4. Основы на *-ĭ-* . . . . . 171—179

Судьба слов мужского рода (171). Остатки старины и новообразования в единственном числе: именительный падеж (171—172); звательный падеж в роли именительного (172), родительный падеж (ib.), дательный падеж (ib.), винительный падеж (ib.), звательный падеж (ib.), творительный падеж (ib.), местный падеж (ib.); во множественном числе: именительный падеж на *-ие*, *-е*, *-и*, *-ы*, *-евѣ* (173), родительный падеж на *-эй*, *-ов/-ев*, *-н* (ib.), дательный падеж на *-ем*, *-ом*, *-ам* (173—174), винительный падеж (ib.), творительный падеж на *-м'и* и *-ам'и* (ib.), местный падеж на *-ех*, *-ох* и *ах* (174—175).

Склонение слов женского рода. Единственное число. Именительный падеж на мягкий согласный (175), слова, перешедшие в другие основы (ib.), родительный падеж на *и* и *е* (ib.), дательный падеж (ib.), винительный падеж на согласный и на *-у* (175—176), звательный падеж на *-о* (176), творительный падеж на *-ийу*, мягкий согласный + *у*, *-ейу* (ib.), местный падеж на *-и* и *-е* (176—177). Множественное число. Именительный падеж на *-и*, *-е* и *-а* (177), родительный падеж на *-ей*, *-ий*, *-оў* и согласный (ib.), дательный падеж на *-ом* и *-ам* (177—178), винительный падеж (ib.), тво-

рительный падеж на *м'и*, *-ам'и* (ib.), на *-амы* (ib.), местный падеж на *-ех* и *-ох*, *-ах*, *-их* (178—179).

Остатки двойственного числа: *очы* и *ушы* (179).

5. Основы на *-ū-* . . . . . 179—181

Судьба принадлежавших сюда слов (179). Старинные формы и новообразования в единственном числе: именительный падеж на *-ы*, *-и*, *-ов*, *-ва* (179—180), родительный падеж на *-ы*, *-и* и *-е* (180), дательный падеж на *-и* и *-е* (*-ѣ*) (ib.), винительный падеж на *-ов* и *-у* (ib.), творительный падеж на *-оуйу*, *-ойу*, *-ой*, *-ей* (ib.), местный падеж на *-и* и *-е* (*-ѣ*) (ib.). Множественное число. Именительный падеж на *-и* и *-ы* (ib.), родительный падеж на *-оў* и *-ей* (ib.), дательный падеж (ib.), винительный падеж (ib.), творительный падеж (181), местный падеж на *-ах* и *-ох* (ib.). Замечания относительно *жорны* и *кроў* (ib.).

6. Основы на согласные . . . . . 181—189

α) Слова с основами на *-men-*: мужского рода (181—182), среднего рода (182—184).

β) Слова с основами на *-ent-* (184—186).

γ) Слова с основами на *-es-* (187—188).

δ) Слова с основами на *-er-* (188—189).

Склонение местоимений . . . . . 189—218

Общий характер окончаний местоимений (189).

А. Склонение личных местоимений и возвратного . . . . . 182—193

Формы местоимений *азъ—язъ*, *я*, *ты*, *себе* в единственном и множественном числах (190—193).

Б. Собственно местоименное склонение . . . . . 193—218

Связь его со склонением прилагательных (193).

1. Местоимения типа тъ — та—то: *тот*, *той* и др. (194—199), *гэтый* (199—200), *гёный* (200), *ад'з'ин* (200—201), *жад'з'ин* (201), *сам — самый* (ib.), *он — онже — оный* (ib.), *хто — н'ихто — н'ăхто* (202), *кажный — каждый*, *кожный — кождый* (ib.), *який*, *такий*, *всякий* (202—203), *ихний — ихный*, *иный*, *который* и т. д. (203).

2. Местоимения типа н — ю — ю: *јон — јана — јано* (204—207), *мой — майа — майо* (207—211), *чый — чыйа — чыйо* (211—212), *наш — наша — наше*, *иншый* (212—213).

3. Склонение типа сь, ҁѣто, каса: *сесь* (213—214), *што — ничшо* (214—215), *увесь* (215—218).

Склонение имен прилагательных . . . . . 218—241

Виды склонений прилагательных (218).

Именное склонение прилагательных . . . . . 218—226

Когда употребляются именные формы (218). Остатки именных форм в старом языке и современном (218—223). Именные формы, сохраненные благодаря рифме (223). Следы форм с основами на *-ĭ-* (223—224).

Стянутые формы прилагательных (224—226).

Сложное склонение прилагательных . . . . . 226—241

Общий характер этого склонения (226). Переход сюда прилагательных с суффиксом *-ijъ* (226—227).

Окончание отдельных падежей. Единственное число. Именительный падеж мужского рода на *-ый* — *-ий* (227), на *-ы* — *-и* (228—230), на *-эй* (230), женский род: *-айа* — *-а* (230—231), средний род: *-ойе* и *-ойо*, *-ейе* и *-ейо*, *-о* и *-е*, *айе-* (231); родительный падеж мужского и среднего рода на *-ого*, *-его*, *-аго*, *-ао*, *-оо* (231—233), родительный падеж женского рода на *-ойе*, *-айе*, *-ейе* из *-оъ* (233—234), *-ейе* в твердом различии = *-эя* (234); *-ой* — *-ои*, *-ей* — *-еи*, *-аи* (234—235); *-ыйа*, *-ыйе* (235); дательный падеж мужского и среднего рода на *-ому*/*-ему*, женского рода на *-ой*/*-ей*, *-эй*, *-ойи* (235—236); винительный падеж женского рода на

-уйу, *-айу*, *-ейу*, *-ийу* (236); звательный падеж (236—237); творительный падеж мужского и среднего рода на *-ым* и *-им*, женского рода на *-ойу* и *-ой*, *-ый* и *-эй* (237); местный падеж мужского и среднего рода на *-ом* и *-ем*, *-ум* (ib.), на *-ым* и *-им* как в творительном (237—238), совпадение с дательным (238), растянутая форма (ib.); местный падеж женского рода на *-ой* и *-ей* и даже *-ойей* (ib.).

Множественное число. Именительный падеж на *ыйе*/*-ийе* (238—239), *-ыйа*/*-ийа* (239), *-ейа* = *-э́я* (239—240), *-иы* и *-ыы* (240—241), *-аи* (242), *-ы* (ib.); родительный падеж (ib.); винительный падеж = именительному или родительному (ib.); творительный падеж на *-ыми*, *-ми*, *-ма* (ib.).

Склонение числительных . . . . . 241—250

Причины, вызвавшие изменения в склонении числительных в белорусском языке (241—242). Склонение количественных числительных: *ад'з'ин* (242), *два* (242—244), *оба* (244), *абадва* (244—245), *тры* и *чатыры* (245—246), с *пяти* до *девяноста девяти* (246—248), *сорок*, *сто*, *тысяча* (248—249). Склонение числительных собирательных (249) и порядковых (249—250).

СПРЯЖЕНИЕ . . . . . 251—302

Деление глаголов на классы применительно к основе настоящего времени (251). Причины, вызвавшие в белорусском языке расстройство в старинном делении на классы (ib.).

Настоящее время . . . . . 252—266

Единственное число. 1-е лицо на *-у* и на *-м* (252), на *-ми* (ib.); передача польского jestem (ib.) *ем*, *дам*, *вем* (ib.) *имами* (ib.), форма на *-м* от глаголов с основами на гласные (ib.); 2-е лицо на *-ш* (ib.), *-шы* (ib.), *-с'и*, *-с'* (253—254), *хоч* — *хоц'и* (254—255); 3-е лицо на *-ть* — *-ц'* (255—256), на *-е* (256); распределение указанных окончаний по белорусским областям (256—258); окончание *-т'и* (258—259), *-т* (259); утрата *т'* или *ц'* после согласного (259—260); *-е*, *-ё*, *ёсцека* (260); случаи отсутствия личного окончания у глаголов с основами на *-і-* (260 — 261).

Множественное число. 1-е лицо на *-м* (261—262), *-мо* (262—263), *-мы* (263); *-ме* (ib.); 2-е лицо (ib.); 3-е лицо на *-уть* — *-уц'* *-ать* — *-ац'* (263—265), без *-ть* — *-ц'* (ib.), на *-т'и* (265—266), на *-т* (266).

Повелительное наклонение . . . . . 266—273

Общее замечание об образовании этого наклонения (266—267). Единственное число 2-е лицо на *-и* (267), *-й* (ib.). на согласный (267—268), пропуск целого слога (268), выражение повелительного наклонения формой изъявительного (269). 3-е лицо (ib.). Множественное число 1-е лицо: личное окончание *-м*, *-мо*, *-ма* (ib.); окончание основы на *-е* — *-ь* (269—270), *-и-*, *-й-*, согласный (270—271); выражение 1-го лица повелительного изъявительным на *-ом* и под. (271); 2-е лицо (271—272), 3-е лицо (272).

Причастие настоящего времени действительного залога. 273—276

Формы этого причастия в старом западнорусском и современном белорусском языке (273): на *-а* (273—274), *-чи* — *-чы* (274—275), *-уче*, *-юче*, *-аче*, *-яче*, *-ече*, *-иче* и под. (275); причастия на *-чий*, *-чый* (275—276), *-щий*, *-щый* (276).

Причастие настоящего времени страдательного залога . . 276

Редкие случаи употребления этого причастия (ib.).

Неопределенное . . . . . 276—279

Его история (276—277). Окончание неопределенного в старинных произведениях: *-ти* — *-чи* (277), *-ть* (277—278), в живой белорусской речи *-т'и*, *-ц'и*, *-чы* (278—279), *-ц'* (279).

Случаи достигательного на *-ть* в старинных произведениях (ib.). 279

Причастие прошедшего времени действительного залога. 279—281
Общее замечание о формах этого причастия (279); причастие на *-ъ*, *-въ* (279—280), *-шги* и *-вшги*, *-ше* (280), *-лшги* (280—281), *-мшы* (281).
Причастие прошедшего времени на *-лъ* . . . . . 281—289
Сходство в его образовании, за исключением некоторых фонетических особенностей, с русской литературной речью (281).
Описательные времена, в состав которых входят причастия на *-лъ*:
1) прошедшее совершенное (perfectum), выражающееся в соединении с *есмъ* (281—283) и без него (283—285); образование этого времени на польский лад (285);
2) давнопрошедшее (plusquamperfectum) в соединении с *бъяхъ* или *бъхъ* (285—286), в соединении с *былъ есми* или *былъ* (286); формы *быхмо*, *старалихмося* и под. (286—287);
3) условное (conditionalis) и сослагательное (287—288);
4) будущее совершенное (futurum exactum) в старом языке и редкие его случаи в современнном (288—289).
Выражение будущего времени . . . . . 289—291
Выражение будущего формой настоящего времени, имеющей значение вида совершенного (289), описательно при помощи неопределенного в соединении с глаголами: *буду*, *имy* — *маю*, *хочу* (289 — 290), неопределенным с формами *-му*, *-меш* и т. д. (290—291).
Судьба аориста и имперфекта . . . . . 291—292
Судьба аориста в старинных произведениях (291—292), судьба имперфекта (292).
Причастие прошедшего времени страдательного залога 293
Образование причастий с суффиксами *-нъ* и *-тъ* (293).
Выражение форм страдательного залога . . . . . 293—295
Формы страдательного залога, в состав которых входят причастия (293—294), и *с'а* (294—295).
Некоторые особенности отдельных глаголов . . . . . 295—302
Особенности указываются по классам применительно к системе Лескина: с корнем на губные (295), зубные (295—297), задненебные (297), носовые (298), плавные (ib.), на гласный (298—299). Особенности глаголов с корнем на согласный при суффиксе *-а-* в неопределенном (299); глаголы с суффиксами *-ну-*, *-не-* (ib.). Глаголы, имеющие в настоящем суффикс *-je-*; *калóц'* и т. д. (ib.), *мыц'* и т. д. (ib.), *сыпац'* и т. д. (300), *с'éйац'* и т. д. (ib.), *дýмац'* и т. д. (ib.), *частавáц'* и т. д. (ib.), *иметн* (300—301). Глаголы с основой настоящего на *-и-*: *хаʔ'з'ú-ц'* и т. д. (301), *л'ац'éц'* и т. д. (ib.), *хац'éц'* (301—302), *бежати* (302), *спац'* и т. д. (ib.). Глаголы с основами настоящего на согласные: *емъ*, *дамъ* (ib.).

Выпуск третий

ОЧЕРКИ СИНТАКСИСА БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Предисловие автора к первому изданию 305
ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ . . . . . 309—312
Наша задача (309); предмет синтаксиса (309—310); что такое речь? (310); понятие о предложении (310—311); подлежащее и сказуемое, как необходимые члены предложения (ib.); виды предложений (311); из литературы предмета (311—312).
ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ . . . . . 313—457
1. Одночленные предложения . . . . . 313—321
а) Предложения, состоящие из одного подлежащего . . . . . 313—314
б) Предложения, выраженные одним сказуемым . . . . . 314—321

Понятие о безличных или бессубъектных предложениях (314); виды таких предложений: безличный глагол (ib.), 3-е лицо в соединении с *-ся*, а иногда и без него (315), сказуемое — отыменное наречие (315—316), сказуемое — средний род прилагательного (316—317), сказуемое — средний род причастия страдательного залога (317—318), сказуемое — неопределенное (318), сказуемое — *нысть*, *нѣтъ*, *нема*, *немашъ* и под. (318—319); предложения относительно-бессубъектные, в которых сказуемые выражены 3-м лицом мн. числа, 2-м ед. числа и 3-м ед. числа (319—320), сказуемое не согласуется с подлежащим (320), или подлежащее очень ослаблено (ib.), или выражено числительным в косвенных падежах (320—321), или сказуемое при некоторых союзах стоит в неопределенном (321).

2. Двучленные и многочленные предложения . . . . . 321—449

Подлежащее и его выражение . . . . . 321—349

Определение подлежащего (321).

Род имен . . . . . 321—325

Причины, вызывающие изменения в роде (321); слова, изменившие род 1) вследствие влияния одних основ на другие и смешения их, перешедшие а) в мужской род (322), б) в женский род (ib.); 2) слова, изменившие род средний на женский вследствие фонетических причин (322—323); 3) слова женского рода, перешедшие в средний род (323); 4) перемена рода под влиянием представления о естественном поле (ib.); случаи преобладания грамматического рода (323—324); род числительных; употребление среднего и женского рода прилагательных в смысле существительных (324—325); род названий городов (325), сравнительной степени (ib.) и причастий на *-лъ* во мн. числе (ib.).

Число . . . . . 325—338

Общие замечания (325—326). Особенности в употреблении единственного числа (326—328): слова собирательные для выражения множественности (326—327): слова на *-е* и *-о* (ib.), на *-а* (327), на согласный = орфогр. *-ъ* (ib.); средний род прилагательных вм. мн. числа (ib.); употребление ед. числа вм. мн. числа слов не собирательных (ib.). Случаи употребления мн. числа (328—332): pluralia tantum (328—329), названия народов вм. стран (329) и вообще мн. число места (329—330), мн. число времени (330), для обозначения состояния лица (330—331), особенно психического (331), plur. maiestatis, reverentiae (331—332), употребление 2-го лица мн. числа (332). Остатки двойственного числа (332—338): общие замечания (332—333); употребление именительно-винительного падежа в старом языке (333—334) и в современном: при числительных у слов мужского рода (334—335), женского и среднего (335—336); отдельные остатки дв. числа (ib.); родительно-местный падеж дв. числа (336—337); дательно-творительный падеж дв. числа (337—338).

Способы выражения подлежащего . . . . . 338—349

1) Существительным (338—340), поставленным в именительном падеже (338), присоединение второго подлежащего предлогом *съ* (ib.); звательная форма в роли подлежащего (338—340); выражение обращения (340).

2) Выражение подлежащего местоимением (340—344): личным (340—341), описания вм. местоимений (341), *оно* (ib.), *той* и *этый* (341—342); местоимение в роли члена (342), *кто*, *што*, *который* (342—343), *некто*, *нешто*, *никто* и т. д. (343), *сам* (343—344), *свой*, *мой* (344).

3) Выражение подлежащего числительным (344): количественным *2*, *3*, *4* (344—345), с *5* до *90* (345—346), безличные обороты при числительных (346), *тридзевять* (ib.), собирательное числительное (ib.), дробное (346), *много*, *мало*, *сколько* и т. п. (347).

4) Выражение подлежащего прилагательным и причастием (347—349): замена существительного прилагательным и образование существительных от прилагательных (347), названия некоторых городов (347—348), фамилии (348), названия должностей и вообще прилагательные без существительных (348—349), средний род (349).

5) Неизменяемые части речи в роли подлежащего (349): неопределенное и др. (ib.).

Сказуемое и его выражение . . . . . 349—392

Определение сказуемого (349—350); виды сказуемого (350), различие между простым и составным сказуемым (350—351).

Выражение составного сказуемого . . . . . 351—368

Связка (351), сохранение *есмь* в старом языке (351—352) и современном (352—353); другие глаголы в роли связки (353—354).

Части речи, входящие в составное сказуемое (354—368): 1) имя существительное (354—355), *треба* (ib.); звательная форма в роли сказуемого (355); 2) имя прилагательное и причастие на *-лъ*, а также страдательного залога (355—357) в краткой форме (355—356), в полной (356—357); случаи нарушения согласования прилагательного с подлежащим в составном сказуемом: а) прилагательных с основами на *-й* и *-ї* (357), б) когда сказуемое рассматривается в общем смысле (357—358), в) при сравнительной степени (358—359), г) при подлежащем, выраженном словом собирательным (359), д) при причастии на *-лъ* в мн. числе (360); 3) имя числительное в составном сказуемом (ib.); 4) местоимение в составном сказуемом (ib.); 5) выражение составного сказуемого причастиями (360—365): страдательного залога на *-лъ* (360), причастиями действительного залога настоящего и прошедшего времени (360—361), обратившимися в деепричастия (361—363), причина выражения сказуемого деепричастиями + связка (361); деепричастия в качестве приложения к глаголу (361—363); творительный падеж сказуемого (363—365); 6) наречные выражения в роли сказуемого (365—366).

Неопределенное при личной глагольной форме сказуемого (366—367) с слишком ослабленным значением (ib.); неопределенное стоит при сказуемом с значением вполне знаменательным (367); неопределенное — добавочное сказуемое (ib.); неопределенное независимое (ib.); соединение неопределенного с другими частями речи (367—368).

Простое сказуемое . . . . . 368—392

Случаи выражения его глаголом одного корня с подлежащим (368).

Особенности в употреблении лиц . . . . . 368—369

Согласование с подлежащим (368); отсутствие согласования в старом языке при имперфекте и аористе (368—369), отступления при *ѣсь*, *ѣсмь*, *пан* (369), *дѣй*, *дзе*, *каже* (369).

Особенности в употреблении числа . . . . . 369—371

Зависимость его от подлежащего (369), сказуемое при подлежащем дв. числа (ib.), при подлежащем — слове собирательном (369—370), ед. число при подлежащем множественного (370), *ѣсмь* при мн. числе (ib.), сказуемое в ед. числе при многих подлежащих (ib.), сказуемое во мн. числе при одном подлежащем (370—371), мн. число reverentiae (371), сказуемое в повелительном ед. числа при подлежащем во мн. числе (ib.).

Особенности в употреблении времен . . . . . 371—376

Времена в старом языке и в современном (371).

Употребление настоящего времени (371—372): а) для означения продолжающегося действия (371) иногда с повторением глагольной формы (ib.), б) вм. будущего (371—372), в) вм. прошедшего — praesens historicum (372), выражение продолжающегося в прошедшем действия (ib.).

Употребление будущего (372—375): способы его выражения (372—373),

будущее для обозначения прошедшего действия (373—374); употребление будущего второго (374).

Употребление прошедших времен (375—376): выражение их в современном языке и старом (375), выражение старых имперфектов, аористов и imperfectum de conatu (ib.), обозначения мгновенности действия отглагольными междометиями (375—376), прошедшее для обозначения повелительного (376), остатки давнопрошедшего (ib.), случаи сочетания с прошедшим временем глаголов в настоящем (ib.).

Особенности в употреблении наклонений . . . . . 376—384

Определение понятия «наклонение» (376), неопределенное (ib.); изъявительное наклонение (377).

Повелительное наклонение (377—381), выражение его некоторыми формами изъявительного (377—379), особенно настоящим и будущим временами (378), а также прошедшим (ib.), выражение повелительного изъявительным с *дай* (378—379), неопределенным (379), 2-е лицо повелительного вм. других лиц (ib.), а также в новообразованиях (379—380), прибавление *-те* к 1-му лицу мн. числа (ib.). Употребление повелительного вм. других наклонений (380—381): изъявительного (ib.), особенно прошедшего времени (ib.).

Употребление неопределенного вм. прошедшего и настоящего времени (381—382). Употребление изъявительного вм. неопределенного (382).

Условное наклонение (382—384): его современный вид (382); случаи его употребления: 1) для обозначения нерешительности в желании (ib.), 2) для обозначения желания, исполнение которого невозможно (382—383), 3) в условных предложениях (383), замена условного повелительным (ib.), будущим временем изъявительного (ib.), 4) в уступительных предложениях (ib.), употребление здесь повелительного или неопределенного (384), 5) в предложениях цели и вообще поясняющих глагол (ib.).

Выражение залогов . . . . . 384—388

Определение понятия «залог» и его выражение в языке (384). Страдательный залог и его выражение — описательно (384—386), формами действительных глаголов (385), возвратного с *-ся* (385—386). Глаголы возвратного залога (386—388); виды последнего (386—387); глаголы с *-ся* без залогового оттенка (387—388); глаголы переходящие и непереходящие (388).

Выражение видов . . . . . 388—392

Определение видов (389). Существующие в белорусском языке виды глагола (389—392). Вид несовершенный (389—391), несовершенный многократный (ib.), выражение посредством удвоения приставки *па-* (391), обозначение повторяемости действия с *ну* (ib.). Вид совершенный: а) действие некратное (391), кратное (391—392), особые выражения в белорусском языке (392). Утрата некоторыми глаголами видовых оттенков (ib.).

Пояснительные слова в предложении . . . . . 392—449

Падежные формы в качестве пояснительных слов без предлогов . . . . . 392—420

Общее замечание о совпадении некоторых падежных образований (393).

Именительный падеж . . . . . 393—396

Определения и их согласование с именем (393—394), определения-прилагательные того же корня, что и существительные (394); согласование определений с определяемыми и отступления (393—394); приложения (394—396), особенности в согласовании их в некоторых памятниках (395), именительный при неопределенном (ib.), приложение — часть общего понятия (ib.), приложения — постоянные эпитеты (395—396); обороты с *што за* (396).

Винительный падеж . . . . . 396—401

Общее замечание об употреблении этого падежа (396). Прямое дополнение (396—397), выражение его у названий одушевленных предметов

родительным падежом (397), редкие случаи замены винительного именительным падежом и звательным (ib.); винительный после глаголов непереходных с приставками (ib.); двойной винительный (397—398); второй винительный, причастие или деепричастие (398); винительный с неопределенным (398—399); винительный внутреннего объекта (399—400); винительный цели (400), именительный падеж вм. винительного (ib.); достигательное (ib.); винительный падеж места на вопрос «где?» (ib.); винительный падеж времени (400—401); винительный количества (401); винительный образа действия (ib.).

Родительный падеж . . . . . 401—410

Выражение им функций собственно родительного и аблятивного (401). Собственно родительный при глаголах: для обозначения части — partitivus (401—402), особенно при глаголах *слухаць*, *хацець* и т. п. (402—403), при *есмь* (403), при достигательном (ib.); родительный времени (403—404); родительный после глаголов вм. винительного (404—406). Собственно родительный падеж при именах: части — partitivus (406—407), при превосходной степени (406), при местоимении *што* (ib.), при числительных (407), прилагательных (ib.); родительный принадлежности — possessivus (407—408), родительный падеж для обозначения свойства предмета — qualitatis (408), родительный падеж объективный и субъективный (ib.). Родительный аблятивный: обозначение исходного пункта, удаления и т. п. (408—409), после глаголов страха, боязни (409), при сравнительной степени (ib.), при глаголах с отрицанием (409—410). Более редкие случаи родительного: родительный причины (410), места (ib.), восклицания (ib.).

Дательный падеж . . . . . 410—416

Общее замечание о его употреблении (410); дательный пользы (411) для обозначения лица или предмета, к которому направлено известное душевное движение (411—412), при глаголе *есмь* с отрицанием (412), при восклицаниях (ib.), dativ. ethicus (ib.), auctoris (ib.), цели — finalis (ib.), дательный падеж места на вопрос «куда?» (413), времени (ib.), дательный принадлежности (413—414), dat. c. infinitivo (414); дательный самостоятельный (414—416).

Творительный падеж . . . . . 416—419

Общее замечание о его значении (416); творительный социативный или комитативный (ib.); творительный качества — qualitatis (ib.), места (416—417), времени (ib.), творительный орудия — instrumenti (ib.), творительный падеж при глаголах страдательных (417—418), творительный меры (418), отношения — limitationis (ib.), причины (ib.), творительный образа действия (418—419), творительный для усиления другого понятия (419), творительный сказуемого (ib.), творительный восклицания (ib.).

Местный падеж . . . . . 419—420

Общее замечание о нем (419—420). Употребление местного падежа для обозначения места (420) и времени (ib.); остатки местного в форме наречий (ib.).

Пояснительные слова в предложении, выраженные падежными формами в соединении с предлогами . . . . . 420—444

Общее замечание о значении пояснительных слов, выраженных падежами с предлогами (420—421); собственно предлоги и предлоги-наречия (421); случаи удвоения предлогов (ib.); сложные предлоги из двух и более (421—422); повторение предлогов: постановка их перед именем и его определением (422—423).

Перечисление предлогов, употребляющихся в белорусском языке с родительным падежом (423), дательным (ib.), винительным (ib.), творительным (ib.), местным (ib.).

Разные отношения, обозначаемые предлогами:
1. *без* (423);
2. *въ — ўу, у, ув* (ib.) а) при определении места (423—424), б) времени (424), в) качества (424—425), г) в отвлеченном значении (425), *у-место, ўмясцёх* (ib.), *водле* (425—426);
3. *воз — ўз, уз* (426), *восполок* (ib.);
4. *для, дзьля* (426), *ля, ль, ли, злъ* (426—427);
5. *до* (427) — в пространственном значении (ib.), для обозначения времени (ib.), для указания на отношение (ib.);
6. *за* (427—429) — а) для обозначения места в прямом (428) и переносном смысле: *выходить замуж* (ib.), при сравнительной степени (ib.), для обозначения перемены состояния (ib.), образа действия (ib.), лица или предмета, в пользу или во вред которого что-либо делается (428—429), б) обозначение времени (429), в) причины (ib.), *замес, замест, заместа, заўместа* (ib.);
7. *из — з, с* (429—430) для обозначения а) движения из чего-нибудь (ib.), б) причины действия (430), *змежы* (ib.);
8. *къ — ку* (430) для обозначения а) движения к чему-либо (ib.), б) цели движения (ib.);
9. *коло, коль, каля, около* (430—431);
10. *конецъ, концы* (431);
11. *край* (431);
12. *кромь, окромь, кромъ* (431);
13. *межу, межи, мижи, миж* (431—432), *замиж, змежи, памиж, примеж, промеж, промежку* (432);
14. *мимо* (432);
15. *на* с винительным и местным падежом (432—434) а) для обозначения места (433), смешение его с *въ* (ib.), б) для обозначения времени (ib.), в) образа действия (434), г) цели (ib.); д) меры, количества (ib.);
16. *надъ* (434—435) с винительным падежом (ib.) и творительным (435);
17. *объ, о* (435—436) а) с местным падежом (ib.) и винительным (436);
18. *обаполъ* (436—437);
19. *отъ, одъ* (437—438) а) для указания на исходный пункт (437), б) при сравнительной степени (ib.), в) для обозначения происхождения (ib.), времени (ib.), лица при страдательном залоге (437—438), причины (438);
20. *передъ, предъ* (438);
21. *по* (438—440), употребление его а) с винительным падежом (438—439), б) с дательным (439), в) с местным (439—440);
22. *подль* и *подлугъ* (440);
23. *подъ* (440) а) с винительным (ib.) и б) с творительным (ib.);
24. *през, перез, проз* (441) — а) в пространственном и временном значении (ib.), а также для обозначения причины (ib.), б) в переносном смысле (ib.);
25. *при* (441);
26. *про* (441), *промеж, промежи, промежку* (ib.);
27. *процивъ, проци* (441—442);
28. *скрозь* (442);
29. *съ* (442—443) а) с родительным падежом (ib.), б) с винительным (443), в) с творительным (ib.);
30. *у* (443—444);
31. *черезъ* (444).

Пояснительные слова в предложении, выраженные наречиями и неизменяемыми формами причастий (деепричастиями) . . . . . 444—449

Связь неизменяемых частей речи с именами, местоимениями и глаголами (444); отличие деепричастий от наречий (445); пояснительные слова,

служащие для выражения а) образа действия (445—446), б) места (446), в) времени (446—448), особенно при посредстве деепричастий (447—448), г) причины (448), д) меры, количества (449), е) обстоятельства определительные и усилительные (ib.).

3. Виды двучленных предложений . . . . . 449—457

Различие двучленных предложений по отношению, существующему между подлежащим и сказуемым (449—450).

а) Утвердительные и отрицательные предложения . . . . . 450—451

Выражение отрицания (450), двойное отрицание (ib.), изобразительное отрицание (451), *нѣт*, *нема*, *немаш* (ib.), соответствие литературным *некого*, *некуда* и под. (ib.).

б) Предложения повествовательные, вопросительные и восклицательные . . . 451—454

Повествовательная речь (451); предложения вопросительные (451—452). Выражение вопроса при посредстве частиц: 1) *ли* (452), 2) *изали* (ib.), 3) *тиди* (452—453), 4) *чи* (ib.), двучленные вопросы (453); вопросительные предложения, начинающиеся вопросительными наречиями (ib.) и местоимениями (453). Восклицательные предложения (453—454).

в) Неполные предложения . . . . . 454—455

Пропуск разных членов предложения (454), *нь* (455).

г) Слитное предложение . . . . . 455—458

Понятие о слитных предложениях (455). а) Несколько подлежащих при одном сказуемом (ib.), б) несколько сказуемых при одном подлежащем (455—457), в) несколько однородных пояснительных слов (457).

Сложное предложение . . . . . 458—498

Понятие о сложном предложении и его виды (458).

1. Сочинение предложений . . . . . 458—468

Первобытная речь (458), бессоюзная речь (458—460), бессоюзная речь даже при неравноправных предложениях (459—460), показывающих время (459), причину (ib.), цель (ib.), поясняющих глагол (459—460), имя (460). Виды сочиненных предложений (ib.).

а) Соединительное сочетание предложений . . . . . 460—463

Относящиеся сюда предложения (460) и соединение их союзами *и* (460—461), *а* (461), *да* (ib.); предложения разделительные, соединенные союзами: *ни — ни* (462), *ци — ци* (*ти — ти*) (ib.), *чы — чы* (ib.), *ли — ли* (ib.), *альбо — альбо* (ib.), разделительные предложения с одним союзом (463).

б) Противительное сочетание предложений . . . . . 463—465

Относящиеся сюда предложения (463) и соединение их союзами: *же* (ib.), *а* (463—464), *аж* (464), *але* (ib.), *ано* (ib.), *но* (465), *да* (ib.), *дак*, *одно*, *тольки* и под. (ib.).

в) Причинное сочетание предложений . . . . . 465—466

Относящиеся сюда предложения (465) и соединение их союзами: *бо* (466), *ато* (ib.), *ачь — аче* (ib.), *же* (ib.).

г) Заключительное сочетание предложений . . . . . 466—468

Относящиеся сюда предложения (466—467) и соединение их союзами: *и*, *а* (467), *ано* (ib.), *ино* (ib.), *дак — так* (ib.), *затым* (ib.), *от* (468), *то* (ib.).

2. Подчинение предложений . . . . . 468—498

Предложения главные и придаточные (468); виды придаточных предложений (468—469).

а) Придаточные предложения, поясняющие имя существительное и заменяющие его . . . . . 469—475

Относящиеся сюда предложения (469) и способы соединения их с главным 1) при посредстве местоимений: α) *иже* (469—470), β) *который* (470—471), повторение имени при *который* (471), γ) *кой* (ib.), δ) *який* (ib.), ε) *кто* (471—472), ζ) *что* (*што*) (472—473), η) *сколько* (473), ϑ) *чей* (ib.);

2) посредством союзов: αα) *бы, абы* (474), ββ) *гдѣ* (ib.), γγ) *коли* (ib.), δδ) *яко* (ib.); появление причастий вм. ожидаемых предложений (474—475).

б) Придаточные предложения, поясняющие глагол . . . . . 475—481

Относящиеся сюда предложения (475); способы соединения с главным придаточных предложений, не выраженных косвенным вопросом, при посредстве союзов, наречий и наречных выражений; α) *иже — ижъ* (475—476), β) *оже* (476—477), γ) *же* (477), δ) *олижъ* (ib.), ε) *ажъ, ажно* (ib.), ζ) *что* (што) (477—478), η) *яко, якобы* (478), ϑ) *каб* (ib.), ι) *абы* (478—479), κ) *бы* (479), λ) *быдто, батцэ* (ib.), μ) *да* (ib.).

Прямые вопросы, зависящие от глаголов (479—480): косвенные вопросы и их подчинение внешним образом главному предложению при посредстве: αα) *ци* (480), ββ) *если* (ib.), γγ) *альбо* (481), δδ) *как — як* (ib.), εε) *гдѣ* (ib.), ζζ) *кто* (ib.), ηη) *что* (ib.), ϑϑ) *который, який, чий* (ib.).

в) Придаточные предложения обстоятельственные . . . . . 482—494

Виды их (482).

1. Придаточные предложения обстоятельства *места* (482).

2. Придаточные предложения обстоятельства *времени* (482—485). Соединение их с главными при посредстве союзов: α) *егда* (483), β) *коли* (ib.), γ) *как* (ib.), δ) *як* (483—485), ε) *пока — покуль* (484), наречий: ζ) *только, сколько, скоро* и под. (484—485), η) *нимъ, нежели* (485), ϑ) *ажъ* (ib.); ι) *абы* (ib.), κ) *што* (ib.).

3. Придаточные предложения обстоятельства *причины* (485—487). Соединение их с главными при посредстве союзов: α) *понеже* (486), β) *занеже, зане* (ib.), γ) *иже* (ib.), δ) *же* (ib.), ε) *что* (486—487), ζ) *як, коли* (487).

4. Придаточные предложения обстоятельства *цели* (487—489). Подчинение их главным при посредстве союзов: α) *да* (487), β) *ажъ* (ib.), γ) *штобы* (ib.), δ) *абы* (488), ε) *бы* (ib.), ζ) *каб* (ib.), η) *иже* (488—489), ϑ) *же* (489), ι) *олижбы* (ib.), κ) *атъ* (ib.), λ) описательное выражение цели (ib.), μ) косвенным вопросом (ib.), ν) *нибыто* (ib.).

5. Придаточные предложения обстоятельства *образа действия* (489—494). Два их вида (489). Предложения сравнительные, соединяющиеся с главными союзами: α) *як, яко* (490), β) *как* (490—491), γ) *бы* (491), δ) *што* (ib.), ε) *чым* (ib.), ζ) *нежели* (491—492), η) *быць, бытцам, батцэ* (492), ϑ) *аж* (ib.). Предложения изъяснительные, соединяющиеся с главными союзами: αα) *иже, ижъ* (492), ββ) *аж, ажно* (493), γγ) *же* (ib.), δδ) *што* (493—494), εε) *якож* (ib.), ζζ) *каб* (ib.).

Предложения условные и уступительные . . . . . 494—498

Особый характер этих предложений по сравнению с другими сложными (494).

а) Условные предложения . . . . . 494—497

Соотношение в них частей и соединение их союзами: α) *аже* (494—495), β) *если — ино, и* (495), γ) *ли* (ib.), δ) *ци* (496), ε) *бы* (ib.), ζ) повелительное наклонение (ib.), η) местоимения в условном — *кто, который, что* (ib.), ϑ) *коли — и, ино, то* (496—497), ι) *каб — тоб, дак* (497), κ) *се — то* (ib.).

б) Предложения уступительные . . . . . 497—498

Определение их и соединение частей союзами: α) *аж* (497), β) *хотя, хоть, хочь — але* (497—498), γ) *нехай* (498), δ) *ни* (ib.), ε) причастие в уступительном предложении (ib.).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 500

Е. Ф. Карский

Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2—3.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

Редактор издательства *Д. Э. Розенталь*
Технические редакторы *Т. В. Алексеева* и *Е. В. Зеленкова*
Корректор *Р. Ф. Астафьева*
Оформление художника *М. Ф. Ольшевского*

РИСО АН СССР № 4—120В. Сдано в набор 30/XI 1955 г.
Подп. в печать 29/VIII 1956 г. Формат бум. 70×108$^{1}/_{16}$.
Печ. л. 32,5=34,5. Уч.-изд. лист. 37. Тираж 4500.
Изд. № 922. Т-05385. Тип. зак. 382.

Цена 24 р. 20 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21.

1-я тип. АН СССР. Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА „АКАДЕМКНИГА“

Имеются в продаже книги:

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. Вып. III. Историческая грамматика русского языка. Диалектология. Язык фольклора. Арго, условные языки. Старославянский и церковнославянский язык. Учебники и хрестоматии по старославянскому и церковнославянскому языку. (Институт языкознания). 1955. 251 стр. Ц. 10 р. 20 к. в переплете.

Вопросы грамматического строя. (Институт языкознания). 1955. 482 стр. Ц. 21 р. 85 к. в переплете.

Разделы книги: I. Общие вопросы теории грамматики. II. Вопросы морфологии. III. Вопросы синтаксиса.

Институт языкознания. Доклады и сообщения. VI. 1954. 150 стр. Ц. 6 р. 50 к.

Институт языкознания. Доклады и сообщения. VII. 1955. 163 стр. Ц. 7 р. 25 к.

Институт языкознания. Доклады и сообщения. VIII. 1955. 167 стр. Ц. 7 р. 55 к.

Исследования по грамматике русского литературного языка. (Институт языкознания). 1955. 355 стр. Ц. 19 р. 85 к. в переплете.

Обнорский С. П., акад. **Очерки по морфологии русского глагола.** 1953. 249 стр. Ц. 15 р. 70 к. в переплете.

Труды института языкознания. Том V. 1954. 276 стр. Ц. 13 р.

Черных П. Я. Язык уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. (Институт языкознания). 1953. 272 стр. Ц. 14 р. в переплете.

Книги продаются в магазинах „Академкнига“:

Москва, ул. Горького, 6; Ленинград, Литейный проспект, 53-а; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Горяиновский, пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29.

Иногородним заказчикам книги высылаются по почте наложенным платежом.

Заказы направлять в контору *„Академкнига“, Москва, ул. Куйбышева, 8,* а также в ближайший из указанных магазинов.